Digitized by the Internet Archive
in 2012 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://archive.org/details/voennoistoriches3750moll

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

№ 37

МАЙ 1971 год

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления 2

От Редакции 2

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной Артиллерии (1898-1914) (продолжение). — **В. Кн. Андрей Владимирович** 3

Записки **графа Д. Ф. Гейдена.** 1914-1917 гг. 9

Федор Никифорович, Вахмистр Нижегородского полка. — **Ген. П. А. Половцов** 16

Кавказские драгуны в первые дни войны 1914-1917 гг. 22

С генералом А. В. Шварцем в Одессе (окончание). — **Я' И. Кефели** . . 25

Документы:

1. Памятник пребывания русских войск во Франции в 1814 г. . . 28
2. Указ об отставке ген.-майора и кавалера Нарышкина 2 . . . 29
3. Совет при 1-й гв. пехотной дивизии 1906 г. 30
4. Необыкновенное наказание (1799 г.) 31
5. Французские боевые награды русским полкам 31

К статье В. Г. фон-Рихтера. — **А. Ф. Долгополов** 32

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **С. П. Андоленко.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

XXV

1946-1971

В этом году исполняется двадцать пять лет со дня основания Общества Р.Р.В.С. На фотографии — группа нескольких основоположников Общества (в то время «Кружка»). Сидят — П. В. Пашков, ген. Д. И. Ознобишин и А. А. Стахович; стоят — А. К. Савицкий, Ю. А. Топорков и Н. Н. Туроверов.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue, Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гришев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6 sq. Emmanuel Chabrier, 75 - Paris (17).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Сергея Павловича Андоленко: Général S. Andolenko, 3, rue Villebois Mareuil, 94 - Vincennes.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя): A. Stchitkoff, 156, Bd Voltaire, 92 - Asnières.

«В.-И. ВЕСТНИК»

На складе Об-ва имеются еще номера «Вестника» начиная с № 8. Цена номера — 4 фр. или 0,85 долл. или 4,50 фр., а начиная с № 30 — 5 фр. или 1 долл. или 5 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на медали Об-ва. Подробности и цены см. в № 35/36 «Вестника».

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция вновь напоминает, что, давая полную свободу авторам помещенных в «Вестнике» статей, она конечно не берет на себя ответственности за высказанные мнения, взгляды или тенденции авторов.

Статьи, присылаемые для помещения в «В.-И. Вестнике», должны быть написаны по новой орфографии и, по возможности, отпечатанными (на одной стороне листа) на пишущей машинке.

Опечатки и ошибки в № 35/36.

Помимо двух глупых опечаток в «Содержании» 1-ой стр., последнюю строчку надо было заменить на — «Статьи настоящего номера были отредактированы Ю. А. Топорковым».

На стр. 11-ой, 12-ая строка сверху левого столбца — вместо «блестящий офицер» следовало — «блестящий оратор».

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

Высочайшим приказом по военному ведомству от 9 июля 1911 года я был назначен командиром 6-й Лейб-Гвардии Донской казачьей Его Величества батареи. Как я писал выше, до этого с 29 августа 1910 года я командовал 5-й батареей.

С великой грустью сдал я командование 5-й батареей, в которой прослужил более двенадцати лет и с которой так близко сроднился. В день получения приказа о моем новом назначении я еще утром произвел последнее конное учение и, вернувшись в расположение батареи, пока она еще была в конном строю, я простился с офицерами и людьми. Как теперь помню, я еле мог закончить те несколько слов, что хотел им сказать и поблагодарить за службу, — так меня охватило волнение. Через несколько дней я вызвал к себе на дачу вахмистра и всех фейерверкеров, чтобы передать им на память часы и особенно поблагодарить, как своих ближайших помощников, за службу и тот образцовый порядок, который они держали в батарее. Те, кто долго служили в батареях, поймут меня, как тяжело покидать родную часть.

Вступил я в командование 6-й батареей 14 июля, т. е. через шесть дней после выхода приказа. Это было во время лагеря в Красном Селе. Я принял 6-ю батарею от барона Владимира Ивановича Велио в лагерном расположении.

Офицерский состав к этому дню был следующий: Николай Николаевич Упорников, Николай Васильевич Суворов (оба выпуска 1907 года) и Иван Григорьевич Коньков (выпуска 1909 года).

Как видно, все молодежь; двое служили неполных четыре года, а последний неполных два.

С этими молодыми, но доблестными офицерами мне пришлось начать трудное командование батареею.

С первого же дня я наткнулся на случаи, убедившие меня, что в батарее были непорядки и у казаков существовали весьма своеобразные понятия о дисциплине. Обходя ранним утром расположение батареи я увидел стоящего под вьюком казака (в батарее не было помещения для арестованных, почему арест заменялся постановкой под вьюк), о чем мне не было доложено, как это полагалось по уставу. Н. Н. Упорников, к которому я обратился с вопросом, как старшему офицеру, кем и за что казак поставлен под вьюк, ответил мне, что это он его поставил за то, что казак не исполнил приказания вахмистра. В присутствии казаков я ничего не сказал, но, вернувшись в собрание, я спросил Упорникова, почему он, вопреки уставу не доложил мне о наложенном взыскании. Он мне ответил, что моим предшественником это было так заведено в батарее. Мне пришлось напомнить офицерам определенное требование устава, что о всяких наложенных ими взысканиях они обязаны немедленно докладывать командиру батареи, а проступок казака не исполнившего приказания вахмистра, своего прямого начальника, наказуется не в дисциплинарном порядке, а по суду, так как это одно из тягчайших преступлений против воинской дисциплины.

Офицеры смотрели на меня крайне удивленно, как будто я им говорил совершенно новые для них истины. Было видно, что они с трудом понимают, почему я придаю такое важное значение совершенно обычному, по их понятию, случаю. Я начал проверять их познания в дисциплинарном уставе и убедился, что они имеют о нем самое туманное представление и совершенно не знают основных его положений. Из разговора я убедился, что мой предшественник воспитывал их в своеобразном понятии о дисциплине, все сводилось к тому, чтобы непорядки скрывать от высшего начальства и чтобы ему казалось, что в батарее все благополучно. Потребовав журнал взысканий, я нашел его совершенно чистым, ни одно взыскание не было в него внесено, на основании того же принципа, — скрывать проступки казаков от начальства.

После этого было довольно понятно, что вахмистр, бравый красавец Поляков, вспоследствии сделавшийся камер-казаком Императрицы Марии Федоровны, не имел никакого понятия о дисциплинарном уставе и данный проступок казака рассматривал как незначительный, самый обыкновенный, случай. Со слов самого вахмистра, оказалось, что приказал казаку идти в наряд. Казак в это время лежал на койке и вместо того, чтобы исполнить приказание, обругал вахмистра бранными словами, остался лежать, приказания не исполнил и в наряд не пошел. Пришлось вахмистру разъяснить, чтобы его приказания безусловно исполнялись, на то он и начальник над казаками. Потом я собрал взводных урядников и разъяснил им основы воинской дисциплины, их обязанности, как

прямых начальников, и сказал им, что они не должны пропускать безнаказанно проступки, нарушающие дисциплину. После этих разъяснений я надеялся, что все пойдет хорошо, но я ошибся.

Через некоторое время один из урядников, но не из взводных, будучи в отпуску, напился и крупно наскандалил, так что был составлен протокол. Я сейчас же его отдал под суд и вновь предупредил всех взводных, что если они будут вести себя неподобающим образом, как этот урядник, то не только представлю их к разжалованию, но и отдам виновного под суд.

Повидимому, ни урядники, ни казаки особой веры моим словам не придали и моим угрозам не поверили, считая, вероятно, что все это были слова и что я никогда не приведу в исполнение своих угроз, как это было при моем предшественнике. Они продолжали вести себя крайне скверно.

Пришлось сразу же принять очень крутые меры. Многих я отдал под суд и представил к разжалованию. Это было очень тяжело, но иначе поступить было невозможно. Если память мне не изменяет, то за три первых месяца пришлось наказать разжалованием и отданием под суд около тридцати пяти казаков

Офицеры меня моментально поняли, поняли, что на них, как и на мне, лежит ответственность за батарею и принялись энергично и самоотверженно за работу. Прошло уж много лет с тех пор, но я всегда вспоминаю с благодарностью моих юных помощников, доблестных и честных офицеров, которые в этой трудной обстановке оказались выше всяких похвал. С их помощью я смог привести батарею в блестящий порядок, перевоспитав совершенно весь личный состав ее. К концу лета порядок был восстановлен, но все же отдельные случаи бывали и потом, к великому моему огорчению.

Зимою произошел следующий характерный случай. В Павловске на плацу вдали от казарм находилось караульное помещение. Все батареи поочередно несли там караул, который содержал, обыкновенно, два поста — у денежного ящика и у порохового погреба; у арестованных, когда бывали таковые, ставился третий пост. Караульное помещение представляло из себя деревянное одноэтажное здание с одной лишь входной дверью, которая вела прямо в помещение, где находились чины караула и денежный ящик с приставленным к нему часовым. Из этого помещения внутренняя дверь вела в корридор, по бокам которого были расположены камеры для арестованных, где ставился добавочный часовой, когда были арестованные Офицеры батарей, от которых содержался караул, проверяли его по несколько раз днем и ночью.

Однажды утром, один из моих офицеров, будучи дежурным, доложил мне, что проверяя ночью караул, который был от 6-й батареи, он нашел внутреннего часового, который должен был находиться в корридоре у арестованных, сидящим вне караульного помещения на наружных ступеньках крыльца, причем шашка его была воткнута рядом с ним в землю.

Я лично допросил казака, почему он это сделал и разве он не знает, что часовой не имеет права самовольно покидать поста. На это он мне довольно своеобразно ответил, что требования устава он понимает, но относительно того, что он сошел с поста, то он находил, что с поста он не шел, ибо на том месте, где его нашел дежурный офицер, он одинаково хорошо охранял арестованных, если и не лучше нежели стоя в корридоре. Арестованные могли бежать только через ту дверь, перед которой он сидел, а для этого им нужно было бы пройти через помещение, где находился весь караул и часовой у денежного ящика, которые их не выпустили бы, а если бы они и добрались до наружной двери, то тут он бы их и задержал. По его понятию арестованные бежать не могли, а потому он считал, что свой долг он исполнил, охраняя арестованных самым верным способом. А вот в том, что он сидел и шашку воткнул в землю, в этом он искренне каялся.

В первую же осень моего командования произошел случай, сильно меня огорчивший. Я никак не мог ожидать, что после всех принятых мер и примерных наказаний один из лучших взводных мог так поступить.

Каждую осень после лагерного сбора одна треть казаков увольнялась на Дон на льготу, и к этому времени прибывала с Дона сменная команда. Это было время большого оживления в батарее. Уходящие на льготу казаки радостно собирались домой и укладывали свои вещи в огромные специально заказанные за их счет в батарейной плотницкой ящики. Было что уложить. Они получали полное обмундирование, которое должны были хранить дома на случай мобилизации и много мелких предметов, приобретенных за время службы в строю.

Молодые казаки привозили с Дона от родных и станичников приветы, сало, домашние лепешки и цымлянское вино. Шло взаимное угощение и обмен новостями.

Но самый критический момент наступал в день отъезда старых казаков. Остающиеся угощали отъезжающих, а эти — остающихся, все пили вино и, как мне говорили офицеры, обыкновенно вся батарея перепивалась; в результате уходящие казаки уезжали на станцию для посадки в вагоны в сильно нетрезвом состоянии. Но таков, уверяли они, был обычай, установившийся с давних пор и на это никто не обращал внимания.

Доставка казаков на станцию была делом не простым. Каждый казак вез с собой огромный ящик, наполненный его обмундировкой. Уезжавших казаков было всегда около шестидесяти и столько же ящиков приходилось отвозить на станцию, что требовало несколько подвод. Кроме того на станцию надо было доставить фураж для собственных лошадей казаков. Все это вместе составляло значительный обоз. Почти все артиллерийские лошади были в наряде под обоз. И казаки,

и обоз следовали на станцию под начальством одного из остающихся взводных урядников.

Погрузка происходила на станции Александровка Варшавской железной дороги. Дорога туда шла через Царское Село, а затем по шоссе. Начиная, примерно, от Красных ворот, шоссе тянулось вдоль решетки, окружавшей парк Его Величества, охраняемый цепью часовых от л.-гв. Сводного пехотного полка и разъездами от Конвоя. Посты были связаны между собою телефонной линией, центральный пост которой находился в дежурной комнате офицера Сводного полка. В одном месте решетка шла по самой обочине шоссе и я очень опасался как бы повозки обоза не задели эту решетку, что бывало вообще часто, что было заметно по согнутым в некоторых местах прутьям решетки. Это вызвало бы моментальную тревогу по всей линии охраны. Начались бы телефонные звонки и запросы, какой части обоз, кто начальник и прочее; одним словом, неприятностей не оберешься.

Назначенному для отвода казаков уряднику я дал в помощь конную команду для наблюдения за порядком, приказав ему особенно зорко следить, когда обоз будет идти вдоль белой решетки царского парка. В то время Государь проживал в Царском Селе и решетка усиленно охранялась. Взводного урядника я особенно предупредил, что он будет мною представлен к разжалованию, если он допустит какой-либо беспорядок. В день ухода предупредил я всех офицеров и вахмистра, что я не потерплю никакого пьянства в батарее и они все будут отвечать за последствия. При этих условиях я был уверен, что все сойдет гладко и благополучно.

Каков же был мой ужас, когда на следующий день утром мне было доложено, что не только все льготные казаки перепились, но и взводный урядник, их начальник, которому я поручил за ними следить, сам напился. Вся эта пьяная компания всю дорогу пела, горланила и скандалила, а в довершение бед, проходя мимо дворцовой решетки, она умудрилась задеть осью одной из повозок самую решетку. Моментально по всей линии начал звонить телефон, узнали какой части был обоз и из управления дворцового коменданта сообщили в батарею о безобразном поведении льготных казаков и о том, что они задели решетку.

Я так был возмущен поведением казаков, что приказал немедленно собрать и выстроить батарею и обратился к ней, примерно со следующими словами. Вчера казаки своим безобразным поведением у решетки дворца, которую они в нетрезвом виде задели повозкой, покрыли батарею срамом, наскандалив около дворца своего державного шефа и теперь на Дону будут говорить, что казаки не умеют себя вести. Но главный виновник, это взводный урядник, который не только не сумел выполнить данное ему поручение, но сам напился и с шумом и гамом вел пьяных мимо дворца. За этот проступок я представляю его к разжалованию в рядовые за неумение вести себя, за то, что он опозорил то высокое звание, какое он носит и за то, что не смог заставить казаков вести себя подобающе, как это следовало бы. Кроме того, я предупредил их, что больше не потерплю при увольнении на льготу всех этих безобразий и пьянства. Если же они в следующем году напьются перед уходом, то я верну их со станции обратно в батарею и пусть на Дону будут знать, что они задержаны и об их позоре.

Отпустив батарею, я уже отдельно разнес вахмистра за то, что он не доглядел и отпустил казаков в нетрезвом состоянии. Досталось изрядно и старшему офицеру батареи, Анатолию Васильевичу Упорникову, недавно перед тем переведенному в батарею из 3-й, куда он первоначально вышел.

После этого А. В. Упорников часто просил меня, чтобы я представил разжалованного урядника к производству. Он уверял меня, что виновный исправился, что прошел уже год после его разжалования, что он совершенно угнетен, а главное, уверял Упорников, ему житья не будет на Дону, если он вернется разжалованным. Но я был тверд в моем решении и заявил перед всей батареей, что при мне на службе ему не быть урядником и от сказанного не отступлю. Лишь перед самым увольнением его на льготу я его представил в урядники, но объявил ему лишь перед самым уходом и нашивки он мог нашить лишь в пути, но не в батарее. В последующие годы отъезд льготных казаков проходил гладко, но зато их провожал на вокзал уже не урядник, а офицер.

Этот первый год командования 6-й батареей был очень тяжел для меня, пока казаки не убедились, что шутить я с ними не буду. Вся батарея, начиная с офицеров и кончая казаками, так привыкли к полному безвластью, что не верили, что их будут наказывать за всякие нарушения уставов и, вероятно, считали в первое время мои угрозы таким же пустым звуком, как это было при прежних командирах. С их стороны все эти проступки не были намеренными, они просто не понимали тех основ, на которых воспитывается армия. Но когда, наконец, они поняли что я от них требую, что такое военная служба, что такое честь батареи, то тогда они преобразовались и я им всем должен отдать полную справедливость в их сознательном отношении к службе. Впоследствии, на войне они поддержали блестящую славу своих доблестных предков.

Постепенно изучая казаков, я смог изучить и их особый бытовой уклад жизни на Дону и те причины, которые привели к той невероятной распущенности, которую я застал при вступлении в командование батареею. Найденные мною в батарее непорядки отчасти происходили от того, что урядники не знали уставов, а то что они приносили из учебной команды в батарее от них не требовали. Часто они мне отвечали: «Нас этому не учили» или «от нас этого не требовали». И это была правда, так как сами офицеры многое поза-

были и сознавались, что от них не требовали знания уставов, которые были заброшены и ни одного экземпляра их в батарее не имелось. Благодаря этому и весь уклад жизни в батарее соответствовал не столько уставам, сколько быту самих казаков. При казачьих командирах все шло гладко и мирно, но батарейная жизнь скорее походила на станичную, нежели на военную. Отсюда происходили все упущения и погрешности с точки зрения воинской дисциплины, но с точки зрения казаков все порядки казались вполне нормальными.

Главная причина распущенности лежала в материальной зависимости существовавшей между казаками. Зачастую рядовой казак оказывался богаче своего взводного и вахмистра, арендовал их земли на Дону и платил им арендную плату. При таких условиях взводные и вахмистр покровительствовали на службе таким казакам, от которых они материально зависели, избегая налагать на них взыскания и прощая погрешности. Они боялись, что вернувшись домой такой казак мог бы им отомстить материально. При таких условиях вахмистр и взводные не могли быть настоящими начальниками, да и казаки смотрели на них не как на начальников. Первые стеснялись пользоваться своею властью, а последние не допускали мысли, что их могли бы наказать. В эти своеобразные отношения между казаками командиры батареи в большинстве случаев не вмешивались.

Кроме материальной зависимости была и другая причина этих непонятных для меня взаимоотношений. У себя на Дону казаки так привыкли считать себя равными между собою, что продолжали считать себя равными и в батарее, совершенно не отдавая себе отчета в том, что вахмистр и взводные являются их начальниками и это накладывает на них известные обязательства.

Раньше, до меня, в батарее все было как будто благополучно и жизнь текла гладко. Казаки скрывали от начальства внутренние происшествия, офицеры скрывали их от командира батареи, а этот последний от высшего начальства. Эту вкоренившуюся привычку все скрывать, привычку, видно, дальнюю, мне оставалось только искоренить перевоспитанием и лично следить за всем. Я достиг цели, но дорогою ценою, так как при большом напряжении своих сил я подорвал свое здоровье, что вынудило меня преждевременно покинуть батарею.

Чтобы перевоспитать батарею мне пришлось разъяснить офицерам, вахмистру и взводным, что они должны совершенно забыть те товарищеские и материальные отношения, какие могли у них существовать с казаками на родине, что теперь на службе они являются начальниками и обязаны поддерживать воинскую дисциплину среди своих подчиненных. За всякие проступки они обязаны налагать взыскания во имя этой самой воинской дисциплины. Тот из них, кто этого не понимает и выполнять этого не желает, не достоин быть вахмистром или урядником и будет разжалован. Постепенно взводные и вахмистр усвоили все эти основы воинской дисциплины и прекрасно справлялись со своими обязанностями. Много трудов стоило вывести панибратство между урядниками и казаками, они никак не могли отвыкнуть от обихода станичной жизни, а в строевой службе это было невозможно.

Когда старые урядники ушли осенью в первый год моего командования я заменил их более подходящими и этот новый состав урядников меня прекрасно понял. Они стали действительными начальниками, вполне сознавая всю лежащую на них ответственность, забыв свои домашние, панибратские взаимоотношения, они стали гордиться своим званием, а не тяготиться им, как это было раньше.

Двух вещей казаки больше всего боялись, — попасть под суд и в разряд штрафованных. В обоих случаях об этом делалась пометка в их документах и, если они не были прощены до увольнения на льготу, то уходили с этими позорными отметками и ни одна казачка за такого штрафованного замуж не выходила. Это отчасти и объясняется, почему мои предшественники почти никогда к этим мерам не прибегали и штрафной журнал в батарее был чист. Казаки готовы были терпеть всякие наказания домашнего характера лишь бы это не отмечалось в их документах. Действуя на это их самолюбие, я восстановил порядок и дисциплину в батарее.

***

Не могу не вспомнить один случай в моей 6-й батарее, кончившийся по счастью благополучно. Произошло это в Луге в то лето, когда батарея состояла при Артиллерийской школе.

В батарею были присланы пузыри-поплавки для испытания переправки орудия через реку вплавь. К ним была приложена инструкция, объяснявшая, как надувать пузыри, как их привязывать и сколько, чтобы орудие держалось на воде.

Однажды утром, прибыв в батарею, я узнал, что Анатолий Упорников, не предупредив меня, повел одно орудие и почти всех людей на реку Лугу испытывать поплавки. Я немедленно поехал туда и застал причудливую картину. Все казаки, совершенно голые, сидели на поляне и надували изо всех сил пузыри, часть которых привязывали уже к орудию. Как только все пузыри были привязаны, Упорников, тоже совершенно голый, торжественно сел верхом на орудие, отдавая последния приказания казакам. По его команде казаки схватились за колеса и стали спускать орудие в воду. Одно мгновение, действительно, орудие держалось на воде, но это длилось недолго. От того ли, что Упорников сел на орудие, увеличив этим вес его или были неправильно привязаны поплавки, но вдруг передняя часть орудия стала медленно погружаться в воду, а хобот оставался еще на поверхности. Упорников еле успел соско-

чить с орудия, как поплавки стали один за другим отрываться, орудие перевернулось и быстро пошло ко дну, зарывшись щитом в ил.

По недосмотру Упорникова к орудию не был прикреплен канат, за который можно было бы вытащить орудие обратно на берег. Тогда казаки начали нырять в воду, пытаясь зацепить канат за орудие. Несколько раз это удавалось им сделать, но при каждой попытке сдвинуть орудие с места зацепленный канат не выдерживал и лопался. При осмотре оказалось, что щит глубоко зарылся в ил да кроме того орудие повернутое хоботом к берегу зарывалось все глубже и глубже, когда его пытались сдвинуть с места.

Решили тогда конец каната перебросить на другой берег, куда кружным путем были посланы лошади. Орудие, действительно, сдвинулось с места, но, дойдя до середины реки, остановилось, канат лопнул и орудие застряло на глубине полусажен. Наступил поистине драматический момент. Достали лодку и шестами стали нащупывать орудие. Время шло, было уже около полудня, казаки продрогли и измучились. Я приказал прекратить работы, вызвал из лагеря походную кухню, чтобы накормить людей и дать им отдохнуть.

Тем временем я послал в город офицера разузнать, нет ли случайно водолаза, так как там строился мост. Но водолаза не нашли и я стал готовить офицера, чтобы доставить из Петербурга водолаза на тот случай, если к вечеру нам не удалось бы вытащить орудие. Кроме того я приказал вызвать из лагеря еще две шестерки лошадей, канаты, а из города доставить водку, чтобы согреть продрогших людей. Когда все отдохнули, то вызвались смельчаки, из рыбаков, привычных нырять, чтобы попытаться снова зацепить канат за орудие. Несколько раз им удавалось зацепить канат, но недостаточно прочно и каждый раз канат срывался. Лошади дергали слишком резко и мы решили перейти на людскую тягу. Ныряльщики предложили зацепить канат так, чтобы сначала поставить орудие на колеса, так как щит, зарывшийся в ил, сильно тормозил движение. Это удалось. Орудие стало на колеса дулом к берегу.

Началась последняя попытка. Закрепили прочный канат и впрегли две шестерки, переправленные снова к этому берегу. Начали осторожно тянуть. Дело шло под вечер, когда мы увидали, что орудие, как будто, сдвигается с места. А когда определилось, что оно действительно двинулось по дну, раздался громкий крик ура и все казаки бросились в воду, чтобы на руках вытащить орудие, как только оно подойдет к берегу. Еще громче крикнули ура, когда из воды появились колеса и казаки на руках вытащили орудие на берег. Я облегченно вздохнул, катастрофа миновала, ни один казак не пострадал.

При общей радости все быстро оделись и веселые с песнями двинулись в лагерь, везя потонувшее орудие. Всей батарее я отпустил на ужин двойную порцию мяса и водки сколько всем угодно, приказав усиленно напоить тех из них, которые с 8 часов утра и почти до 5 часов вечера не выходили из воды, продрогнув и посинев от холода.

На следующий день все занятия были отменены, но я поехал в батарею поблагодарить казаков за их блестящее и самоотверженное поведение, спасшее батарею от позора. Особенно я благодарил казаков-ныряльщиков (их было, если не ошибаюсь, трое), по счастию, никто из них не простудился, водка сделала свое; выпили они много, но ни одного пьяного не было.

Если казаки привели меня в восторг своим поведением и отношением к делу, то не могу того же сказать про Анатолия Упорникова. Как только орудие ушло обратно в лагерь, я собрал всех офицеров и в их присутствии наговорил Упорникову целую кучу неприятностей в довольно резкой форме. Я сказал ему, что было совершенно недопустимо с его стороны распоряжаться делать опыты с поплавками, не предупредив меня и без моего разрешения. Раз он взялся производить этот опыт, то ему следовало бы принять все меры предосторожности. Никаких мер он не принял, к орудию не был прикреплен заблаговременно прочный канат, чтобы вытащить орудие на берег в случае, если поплавки не выдержали бы веса орудия и он не проверил, прочно ли поплавки прикреплены к орудию. Все эти непростительные промахи могли привести к катастрофе. Если бы нам не удалось вытащить орудие собственными средствами в этот день, то пришлось бы прибегнуть к посторонней помощи; об этом все бы узнали, было бы много неприятностей и вся ответственность пала бы на меня, как командира батареи.

***

В первую зиму моего командования 6-й батареею, командир л.-гв. Гусарского полка. Владимир Николаевич Воейков, предложил мне принять участие с батареею в зимних полковых маневрах, чтобы придать им больше интереса и приучить кавалерию пользоваться артиллерией. Я согласился давать по одному взводу, чтобы не нарушать батарейные занятия, и раза четыре мы ходили на эти маневры, которые были очень поучительны и для нас, и для гусар.

Однажды взвод, идя на сборный пункт, проходил по улицам Царского Села. День был морозный, а на улицах гололедица. На повороте одной из улиц орудие раскатилось по льду и ударилось об чугунный электрический фонарный столб. Удар был настолько силен, что столб сломался и с грохотом повалился, увлекая с собою провода тока высокого напряжения. Посыпались искры, но к счастью никто не пострадал.

Через несколько дней в батарее была получена бумага из царскосельского дворцового управления с требованием возместить причиненные дворцовому управлению убытки за поломанный фо-

нарный столб, в размере трехсот с чем-то рублей. Я передал об этом Воейкову, прося его как-нибудь уладить это дело, так как произошел несчастный случай, а не неосторожность или умысел. Воейков обещал все это уладить, что он, действительно, и сделал. Он воспользовался тем, что как командир полка, он по воскресеньям завтракал во дворце и ловко, во время разговора, рассказал Государю об этом случае, повернув так вопрос, что Государь сказал ему, что батарея конечно за это не отвечает. Присутствовавший при этом разговоре начальник дворцового управления слышал ответ Государя и дело на этом благополучно кончилось.

***

Камнем преткновения во всех воинских частях была письменная часть, в особенности, в батареях, где было полковое хозяйство, но аппарат для ведения его был маленький, все держалось на командире батареи и заведывающим хозяйством. В полках были особые делопроизводители-чиновники, которые годами работали над этим делом, приобретая огромный опыт. У нас таких чиновников не было, их заменял старший писарь. Батарея буквально тонула в море бумажной переписки. В канцелярии, вместо двух положенных писарей, сидело четыре, еле справлявшихся с работой, а журнал исходящих бумаг из года в год показывал все больше и больше бумаг. Видимо, вся армия жаловалась на эту чрезмерную и часто излишнюю переписку, и в 1910 году было издано новое положение о письмоводстве, прекрасно составленное и ясно изложенное. К положению была приложена точная таблица всех срочных и нормальных донесений, когда и в каких случаях их следует посылать. По этому положению было категорически запрещено начальству всех степеней требовать от частей донесения сверх указанных в положении. Наша переписка сильно сократилась и канцелярия вздохнула свободнее.

В 6-й батарее, кроме обычной переписки, велась еще очень сложная переписка с Донским войсковым управлением по всем, чисто казачьим, делам. Эта переписка касалась личного состава, собственных казачьих лошадей, обмундировки и прочем. Например, молодые казаки, по положению, должны были приходить в своей собственной обмундировке, которую им шили на Дону за их счет. На самом деле им шили не форменную обмундировку, какая полагалась, а произвольную, почему в строю они ее носить не могли. Это являлось непроизводительной затратой. По этому поводу я подал рапорт наказному атаману, прося в будущем шить на казаков обмундировку форменного образца, которую они могли бы носить в батарее. Это потом было сделано.

Другой вопрос, который вызвал сложную переписку, касался мобилизации. По мобилизационному плану батарея комплектовалась недостающими до комплекта казаками с Дона. По моим расчетам казаки могли прибыть с Дона лишь на восьмой день мобилизации, а батарея должна была быть готовой к выступлению на третий день. Выходило, что батарея выступила бы в поход в составе мирного времени. Штаб войска ответил, что дополнительные казаки будут высланы в пункт сосредоточения гвардейской кавалерийской дивизии. Но где сосредоточивалась дивизия, мы не знали, в мобилизационном плане это не было указано. Тогда я предложил довести батарею еще в мирное время до комплекта, так как не хватало 14 человек, и таким образом разрешить этот вопрос. Но он так и остался неразрешенным до самой мобилизации в 1914 году. Батарея была задержана случайно на месте в Павловске и пополнение поспело ко дню выступления в поход.

Во многих отношениях командование казачьей батареей было легче нежели регулярной и обучать казаков было проще нежели русских крестьян. Начать с того, что в казачьих частях состав был однородный, тогда как в регулярных самый смешанный. В 5-й батарее мы получали новобранцев из западных губерний; к нам попадали поляки, литовцы, латыши, эстонцы. У каждого был свой уклад жизни, свои привычки, своя психика. Попадались малограмотные, тогда как казаки все были грамотные. Казаки все с детства ездят верхом и учить их этому искусству почти не приходилось. В регулярных батареях, напротив, новобранцы почти лошадей не видали и обучать их верховой езде и обращению с лошадью приходилось долго и серьезно.

В смысле общего развития тоже казаки были выше крестьян. Они поступали на службу почти уже готовыми солдатами, оставалось только обучить их воинской дисциплине и артиллерийскому делу. При обучении они были сметливы и быстро схватывали и усваивали то, чему их обучали. Это особенно было заметно при занятиях с командою разведчиков. Каждый быстро и лично разрешал целый ряд задач какие предлагались при обучении: найти позицию, пути подступа, степень укрытия, отыскать место для зарядных ящиков, провести быстро телефонную линию, исправить повреждение и т. д. Все это требовало сметки и инициативы, и казаки в этом отношении были незаменимы. В Луге устраивались состязания в составлении полевой съемки на разных аллюрах. Казаки умудрялись, почти на полевом галопе, делать кроки местности и дороги с поразительной точностью и аккуратностью.

У казаков было очень развито чувство традиций и гордости своего звания. Они очень гордились в батарее тем, что их отцы служили в Царевой батарее и каждый молодой казак стремился в нее попасть. Если первый год моего командования 6-й батареею представлял много трудностей, то это произошло исключительно из-за того, что казаки столько лет были распущены предшествовавшими командирами и привыкли к этой распущенности, но как только старый состав урядников ушел на

льготу и был заменен новым, то сразу все пошло к лучшему.

Казак по сравнению с регулярными солдатами был материально гораздо богаче. Они приходили на службу в своей собственной обмундировке, а конные сверх того со своей лошадью и своей амуницией. Из дому он снабжался целым малым хозяйством, бельем, сапогами, теплыми вещами. Почти ежемесячно каждый казак получал от родных довольно крупные суммы денег. По книжкам сберегательной кассы собственных казачьих денег хранилось более десяти тысяч рублей, но кроме того у каждого на руках было много денег. Это делало их зажиточными в сравнении с другими солдатами и батарейная лавка работала бойко.

В смысле роста гвардейские казаки были гораздо выше и крупнее солдат. Это я заметил при пригонке сапог, шинелей и мундиров. В 5-ой батарее была известная средняя норма роста с незначительными уклонениями. В 6-й же, казачьей, батарее самый малорослый казак был по росту и обмеру выше максимального номера в 5-й батарее. Кроме того, казаки были физически развиты и обладали почти все огромной физической силой.

(Окончание в следующем номере)

Записки Графа Д. Ф. Гейдена

(1914 — 1917 г.г.)

Семья графа Д. Ф. Гейдена любезно разрешила поместить в «В.-И. В.» выдержки из его воспоминаний. Свои записки граф Д. Ф начинает маленькой справкой о своей семье.

«Родился я 6 июля 1862 г. в д. Лигово, под Петербургом. Отец мой генерал-адъютант граф Федор Логгинович был тогда начальником Главного Штаба, т. е. ближайшим помощником военного министра Милютина.

Дед мой, граф Логгин Петрович был знаменитый адмирал русского флота, уничтоживший вместе с французами и англичанами турецкую эскадру под Наварином в 1827 г. Сам он был выходец из Голландии, где будучи молодым морским офицером, когда вспыхнула там в конце XVIII-го века революция, спас всю королевскую семью, перевезя ее на рыбачей лодке в Англию, вернулся назад в Голландию, был посажен в тюрьму и был приговорен к смертной казни. Из тюрьмы бежал в Россию в 1790 г. и поступил на службу к Императрице Екатерине II. Мать его была англичанка графиня Атлон, а женат он был на Анне Ивановне Акелей, дочери шведского адмирала.

Отец мой, родившийся в 1821 г. вышел в офицеры из Пажеского корпуса в 1840 г. в л.-гв. Преображенский полк, а с 1843 по 1846 гг. воевал на Кавказе. Там он дважды был ранен под Салты и Дарго, исполняя обязанности офицера Генерального Штаба и командуя ротой Дагестанского пехотного полка. В 1849 г. принимал участие в Венгерской войне.' За боевые заслуги при взятии Германштадта был назначен флигель-адъютантом к Императору Николаю Павловичу, которого он боготворил всю жизнь за его благородство и рыцарские чувства его души».

Очень интересны и содержательны главы посвященные детству, гимназии, университету, службе в гвардейской конной артиллерии (1884-88 гг.), пребывании в Академии Генерального Штаба (1888-1891). Прослужив несколько лет в штабах и откомандовав эскадроном в Ахтырском гусарском полку, автор записок вышел в отставку, но как только разразилась война, он сразу же вернулся в строй.

Эту часть записок графа Гейдена, посвященную войне 1914-17 гг. мы и предлагаем вниманию читателей.

***

1. **Мобилизация.** 16/29 июля 1914 г. среди мирной деревенской тишины вдруг грянул гром. В этот день поздно вечером меня вызвали по телефону из Винницы и сообщили, что объявлена мобилизация и на другой день, 17 июля, она начинается.

Сделав в тот же вечер свои последние распоряжения по своим семейным и имущественным делам и наскоро уложившись в далекий путь, я рано утром на другой день отбыл в уездный город начинать мобилизацию и в душе сразу решил, как кончу мобилизацию, самолично вновь поступить на военную службу и выполнить те обязанности офицера генерального штаба во время войны, к которым столько времени готовился и которые временно бросил, пока в воздухе не пахло порохом и не угрожала опасность отечеству. Помню, что уезжая я взял с собой все карты Галиции, которые у меня были в большом количестве, и все мои давние соображения о сосредоточении австрийских войск на русской границе, составленные мной когда-то из моих резведок в Галиции, и должен сказать, что, несмотря на 17 лет, разделявших это время, все эти австрийские планы мало изменились, и мы постоянно потом натыкались на те войска, которые должны были быть сосредоточены в известных местах еще 20 лет тому назад.

Когда я уезжал из деревни, у меня было чув-

ство, как будто я бросался в глубокую реку, которую нужно было во что бы то ни стало переплыть или погибнуть, а потому, оставляя дом, я почти не имел надежды, что когда-нибудь вернусь домой. И действительно я попал туда только один раз, когда уже семья моя там не жила, а перебралась в Киев, осенью 1917 г., когда я возвращался с фронта после революции домой.

Утром 17 июля я явился начальнику гарнизона Винницы командиру XII корпуса генералу от кавалерии Брусилову, который мне сообщил, что он назначен командующим VIII армией и что штаб его формируется в Киеве при штабе округа. С Брусиловым я познакомился несколько месяцев перед тем, когда он прибыл в Винницу. К началу войны ему было за шестьдесят лет, человек он был очень бодрый, сухопарый и отлично ездил верхом. Не будучи в академии генерального штаба, он сам сделал себе карьеру, имея массу здравого смысла, ловкости, знания жизни и будучи сам по себе очень образованным, как с военной точки зрения, так и с обще-человеческой. Я помню, что на военных играх в Киеве он, по словам многих офицеров, выделялся своим знанием военного дела и правильностью своих решений военных задач.

Мне нужно было столковаться с Брусиловым относительно многих вопросов по размещению и прокормлению запасных, призываемых на пополнение войск Винницкого гарнизона (73 пех. Крымского полка, 19-й артиллерийской бригады, 5 саперного баталиона и корпусных учреждений). Между прочим, в виду эпидемии тифа, бывшей в 5 селах уезда (из 150), я предложил ему устроить карантин для прибывших запасных, дабы не пустить эпидемию в войска и задержать их на неделю на отдельном сборном пункте с тем, чтобы их потом назначить во второочередные полки, которые формировались вслед за первоочередными (257 п. Евпаторийский 65-ой пехотной дивизии). Брусилов вполне согласился с моими предложениями, и, слава Богу, войска Винницкого гарнизона выступили в поход без единого случая заболевания.

Винницким воинским начальником был в то время генерал Старковский, человек очень хороший, разумный, энергичный и знающий. Мне было всегда с ним очень легко работать.

Первые четыре дня мобилизации была самая усиленная работа — прием запасных. К концу 4-го дня все было закончено, и 22-го июля воинские части после парада были отправлены в пункт сосредоточения. После них следующие 4 дня принимались люди во второочередные полки и запасные батальоны.

После торжественного молебствия в соборе 22 июля (два дня перед тем была получена телеграмма об объявлении нам войны Германией) я просил Брусилова по окончании мобилизации принять меня вновь на военную службу в одну из вверенных ему частей. Он тотчас же согласился и предложил мне место штаб офицера генерального штаба для поручений при командующем VIII армией. Это была как раз та должность с которой я вышел в отставку, когда я служил при командующем Киевского военного округа генерале Драгомирове.

На 8-ой день мобилизации 25-го июля все дела мои по воинскому присутствию были кончены: люди, лошади и повозки были сданы в части.

Должность председателя местного комитета Общества Красного Креста, который имел теперь широкие задачи по устройству в Виннице госпиталей и подготовку сестер милосердия, я сдал избранной вместо меня жене генерала Брусилова Надежде Владимировне, которая оставалась в Виннице и занялась этим делом. Великолепного помощника и энергичного и талантливого врача она приобретала в лице нашего знаменитого земского хирурга Людвига Ивановича Малиновского, который, слава Богу, не дожил до революции и сгорел на своей работе, имея более 1000 человек раненых, в начале 1917 г., успев перед смертью принять в своем госпитале Государя и всю Царскую семью в одну из Его последних поездок по фронту.

Наконец настал день отъезда 25 июля. Накануне приезжали со мной проститься жена и дети. Уезжали мы без всяких проводов, т. к. все делалось секретно. Из Киева утром прибыл штабной поезд и захватил генерала Брусилова и его небольшую свиту с собой.

2. **Сосредоточение войск.** Мне было отведено место в вагоне командующего армией в отдельном двухместном купе, где ехал со мной личный адъютант Брусилова капитан Байдак.

В соседнем вагоне с нами помещался начальник штаба и его ближайшие помощники. Начальником штаба был назначен генерал-майор Петр Николаевич Ломновский, человек в высшей степени благородный, очень скромный и отличный работник, умевший требовать таковую же работу и от своих подчиненных, но властный, угрюмый и на вид сухой, чего на самом деле не было, немного упрямый и в критические потом минуты поддававшийся иногда миражу окружения неприятелем и потому предпочитавший тогда отступательную стратегию. Он мог работать 24 часа в сутки и способен был изводить себя непосильной работой, которую можно было бы возложить и на подчиненных, но все он хотел делать сам, хотя и не стеснял своих помощников.

Генерал-квартирмейстером армии, ведению которого подлежали военные операции, был генерал-майор Антон Иванович Деникин, способнейший и энергичный офицер генерального штаба, всегда веселый и радостный, сразу возбуждавший к себе симпатию, и серьезный работник, умевший внушать доверие своим подчиненным, которые его любили и уважали.

После взятия Львова он получил назначение начальником 4-й стрелковой дивизии (так называемой железной, прославившейся в войну 1877 г. на Шипке) и всю почти кампанию до осени 1916 г. пробыл в составе 8-й армии сперва на этой дол-

жности, а потом в роли командира 8-го корпуса, совершившего Луцкий прорыв 25 мая 1916 года. 4-я стрелковая дивизия под начальством генерала Деникина в боях под Городком, затем на подступах к Перемышлю, в Карпатах и за Карпатами и наконец при отступлении в 1915 г. была одной из лучших и надежнейших в 8-й армии, украсивших победный венок генерала Брусилова.

Дежурным генералом, ведавшим комплектованием армии, назначениями и наградами, был генерал-майор Калачев, бывший начальник штаба XII корпуса, человек очень почтенный, но болезненный, который в начале октября не выдержал тяготы походной жизни и по болезни оставил должность, на каковую и предложил генералу Брусилову назначить меня, каковые обязанности я потом и исправлял в течении 3 лет до распада армии.

Третьим помощником начальника штаба был начальник этапнохозяйственного отдела, ведавший транспортами, снабжением армии и санитарной частью, генерал-майор Владимир Павлович Тальгрем, человек очень милый и порядочный, но без достаточной инициативы, которая особенно нужна в военное время. Это был самый трудный и каторжный отдел, так как в него входило интендантство, на которое всегда все жаловались тем более, что мы продвигались в Галиции так скоро, что запасы не поспевали за нами, и части во многом нуждались. На бедного Тальгрема каждый день с начала похода стали сыпаться упреки и замечания как со стороны начальника штаба, так в особенности со стороны командующего армией, который, когда начинал сердиться, выходил из себя, стучал по столу кулаком и так иногда кричал, что у него выпадали изо рта искуственные зубы. Все тогда начинало трепетать и не скоро успокаивалось.

Комендантом штаба армии, ближайшим помошником дежурного генерала, был полковник Виталий Викентиевич Полонский, плотный и жизнерадостный мужчина, всегда старавшийся всем угодить и устроить как можно лучше место пребывания штаба. Он любил хорошо покушать и всегда был полон паническех страхов, когда наше положение бывало иногда критическим, но в общем был очень милый человек. Со вверенной ему командой обращался строго, но заботился о людях, хорошо их кормил и пользовался их уважением.

Из офицеров генерального штаба с выступлением штаба в поход были назначены: старшим адъютантом оперативного отделения полк. Ткаченко, который зимой 1914-1915 г.г. получил пехотный полк, а помощниками его капитан Павел Алексеевич Кусонский, который пробыл у нас в штабе до июля 1917 г., всегда был отличным и исправным офицером и с которым я потом очень сошелся; капитан Сергей Владимирович Романовский, убитый в бою в 1914 г., и прикомандированный подъесаул Оренбургского войска Федор Евдокимович Махин, симпатичный и добродушный казак с большим здравым смыслом и юмором, с которым я тоже подружился во время нашей совместной службы; старшим адъютантом разведывательного отделения капитан Кирьянов, способный офицер, но с большим самомнением, прослуживший у нас в штабе года два и отлично исполнявший свои обязанности, и помощник его испр. должн. офицера генерального штаба ротмистр Андрей Александрович Бенкендорф, на обязанности которого было допрашивать всех пленных офицеров и снимать с них показания — это был способный и образованный офицер, но с большим апломбом и сноб, прослуживший в армии 3 года вплоть до революции.

Из других офицеров штаба, с коими потом мне пришлось прослужить полных три года в отделе дежурного генерала, были старшие адъютанты по строевой части подполковник Владимир Петрович Базилевич, а по строевой части подполковник Владимир Игнатьевич Громыко. Первый из них был замечательно симпатичный человек, у которого каждый обращавшийся к нему с делом находил всегда полную готовность помочь, а второй ревностно оберегавший казенный ящик, но сумрачный и не очень общительный, вследствие чего у него часто бывали недоразумения с чинами штаба.

Из остальных чинов штаба очень приятное впечатление производил заведующий артиллерийской частью, т. е. артиллерийским снабжением, полковник Павел Акимович Дынников, с которым мы года два работали в полном контакте и были в дружеских отношениях.

***

К вечеру 25 июля мы прибыли на станцию Богдановцы, где и простояли в поезде командующего армией до 5 августа, когда кончилось сосредоточение армии, и мы могли двинуться вперед. Все время нашей стоянки проходили мимо нас на запад поезда с войсками и обозами, причем движение шло с немецкой аккуратностью, какой мы сами даже не ожидали, а люди имели отличный вид и были прекрасно одеты. Настроение было приподнятое, воодушевление было всеобщее. Первоочередные двизии уже стояли на месте. Шли мимо нас второочередные пехотные и казачьи.

VIII армия входила в состав Юго-Западного фронта при главнокомандующем генерал-адъютанте Ник. Иуд. Иванове и начальнике штаба Мих. Вас. Алексееве.

В состав этого фронта входили четыре армии:

Правофланговая IV армия (сперва ген. Зальца, а после неудачи под Красником генерал Эверт) стояла между Вислой и з. Бугом к югу от Люблина, фронтом на юг.

Следующая V армия (генерала Плеве при начальнике штаба Миллере) стояла к востоку от з. Буга, между Холмом и Владимиром Волынским, фронтом тоже на юг.

Дальше шла III армия (генерала Н. В. Рузского при начальнике штаба М. М. Драгомирове) фронтом уже на запад на линии Луцк - Дубно - Теофиполь.

Наконец левофланговая VIII армия собиралась западнее Проскурова на линии Николаев - Черный Остров - Ярмолинцы - Дунаевцы, также фронтом на запад.

В VIII армию были назначены следующие части:

XII корпус в составе 12-ой, 19-ой и 65 пехотных дивизий, 3 стрелковой бригады, 12-ой кавалерийской и 2-ой сводно-казачьей дивизии (стоявший в мирное время в Подольской губ.).

VII корпус в составе 13-ой и 34-ой пехотных дивизий (из Крыма).

VIII корпус в составе 14-ой и 15-ой пехотных дивизий и 4-ой стрелковой бригады (из Одессы).

I-ая Терская, I-ая Кубанская и 2-ая Кубанская казачьи дивизии (с Кавказа),

и XXIV корпус в составе 48-й и 49-й пехотных дивизий (из Казанского Военного округа).

Итого в VIII армии в начале кампании было 10 пехотных дивизий по 16 т. чел., 5 кавалерийских по 4 т. чел. и соответствующая артиллерия, т. е. около 200.000 штыков и сабель при 600 орудиях.

XII корпус собирался между Проскуровым и Черным Островом и прикрывал мобилизацию и сосредоточение армии. Вследствие назначения генерала Брусилова командующим, корпус этот получил по его вызову прославившийся в японскую войну храбрый и энергичный генерал Леш.

VII корпус сосредоточился к северу от Проскурова и был под начальством почтенного и всеми уважаемого генерала Экка.

VIII корпус собирался южнее Проскурова и получил нового командира корпуса знаменитого болгарского генерала Радко-Дмитриева, который, будучи в это время болгарским посланником в Петербурге, с объявлением войны бросил болгарскую службу и перешел на русскую, будучи всем обязан России и предчувствуя, как потом и оказалось, что король Фердинанд не пойдет с нами, и примкнет к стану наших противников.

XXIV корпус собирался в районе Жмеринки и был под командой генерала Цурикова, известного своими сельскохозяйственными опытами в войсках, а в кампании показавшего свою малую пригодность к военному делу.

Две старые кавалерийские дивизии прикрывали общее сосредоточение армии на самой границе, 12-ая, к северу от Волочиска, под начальством одного из лучших кавалерийских начальников в эту войну, спокойного, разумного, энергичного и храброго генерала Алексея Максимовича Каледина и 2-ая сводно-казачья между Волочиском и Днестром под начальством лихого лейб-гусара генерала А. А. Павлова.

В течении 10 дней, что штаб стоял в Богдановцах, шла усиленная подготовка нашего наступления в Галиции. 5-го августа должна была начать двигаться VIII армия, на другой день III армия, а 10 августа IV и V армии. Наша кавалерия с начала войны производила разведку в пределах Галиции.

Каждый день почти, генерал Брусилов, сопровождаемый начальником штаба, мной и адъютантом, объезжал и осматривал приходящие полки. Особенно эффектно представилась ему около Фельштина 4-ая стрелковая бригада. Как только Брусилов появился верхом на фланге бригады, с крестом в руке выскочил, как пуля, вперед фронта на маленьком маштачке полковой священник и благословил командующего. Люди выглядели великолепно. Из ума не выходила мысль: сколько вас здесь народу, цвета и красы родины, и половина из вас, вероятно, не вернется домой. Обходя ряды войск Брусилов распрашивал солдат, почему мы воюем, кто наш неприятель, кто наши союзники и пр. Почти всегда ответы были разумные и полны веры в успех.

Кроме частей войск, прибывших на места сосредоточения, каждый день являлись представляться новые начальники частей, коими Брусилов заменял генералов, неспособных переносить тягости военной службы в боевое время.

Я лично, не имел в начале определенных занятий, и ездил несколько раз в Проскуров подвинуть дело передвижения некоторых наших частей в сторону Каменца по только что оконченной, Каменец-Подольской железной дороге. 4 августа две венгерские кавалерийские бригады перешли нашу границу и вторглись в наши пределы. Одна заняла губернский город Каменец, потребовала от жителей контрибуцию чуть не в один миллион но за неимением таковых денег венгры ограбили церковь и частных жителей и с этими вещами ушли назад, т. к. в недалеке появился наш пехотный отряд. Другая венгерская бригада, прорвавшаяся на Городок между Ермолинцами и Дунаевцами, была завлечена нашей кавалерией в засаду, которую устроил один из полков 4-ой стрелковой бригады, причем наша пехота с трех сторон, подпустив неприятеля на прямой выстрел, пулеметами и ружейными залпами положила почти всю бригаду на месте. Брусилов посетил это поле битвы, которая была без потерь для нас, несколько часов спустя боя. Мы видели груды убитых лошадей и между раненых отлично одетых гусар, которые шли в атаку, как на парад. Почти никто из них не вернулся домой.

5-го августа началось продвижение вперед. Штаб в этот день перешел в Проскуров, бросил поезд и ночевал в казармах 46-го п. Днепровского полка.

На другой день, 6 августа, мы переехали в Фельштин, и т. к. не пришли еще своевременно автомобили этот переход пришлось сделать целой вереницей Проскуровских извозчиков. Ночевали в разоренном помещичьем доме. На следующий день 7-го, приехал к нам в штаб из Киева по Высочай-

шему повелению Великий Князь Николай Михайлович осмотреть пограничные лазареты и раздать кресты раненым от имени Государя. Генерал Брусилов командировал меня сопровождать Великого Князя. В тот же день я уехал с ним на автомобиле в Проскуров в сопровождении его адъютанта кн. Трубецкого и его деньщика. По дороге в Проскуров Николай Михайлович меня поражал своим знанием, впрочем как и все Великие Князья, не только кавалерийских, но и всех пехотных полков. В Проскурове военный госпиталь был переполнен венгерскими гусарами, ранеными под Городком. Наши люди (больше кавалеристы, пострадавшие на разведках) лежали в перемежку с венграми и мирно беседовали, располагаясь на кроватях недавних врагов и угощая их папиросами. Это очень тронуло Великого Князя. Николай Михайлович с царственной осанкой своего деда Императора Николая I милостиво обходил и разговаривал с ранеными и так обворожил венгерских офицеров, говоря с ними на отличном немецком языке, что потом один из них мне сказал с завистью: «О! если бы, у нас были такие эрцгерцоги, как ваши великие князья, хорошо было бы!».

Переночевав в вагоне Великого Князя, мы на другое утро 8 авг. наблюдали на станции солнечное затмение, а через несколько часов очутились в моей родной Виннице, после чего Великий Князь уехал в Киев, и с тех пор я уже его больше никогда не видал.

3. **Наступление к Львову.** Приехав 9 августа в Волочиск, узнал у коменданта, что штаб 8-ой армии перешел границу и расположился в городе Гржималове. Взяв подводу, переехал через границу в Подволочиск и оттуда через город Скалат, добрался до места назначения. В Волочиске и Подволочиске, где происходили первые стычки была масса артиллерийских повреждений и много сгоревших зданий. Население в деревнях встречало приветливо и дружелюбно. Одеты, как наши хохлы, и говорят на том же наречии. Город Скалат и Гржималов мало повреждены. Приезжаю на место, являюсь Брусилову, все в порядке, австрийцы продолжают отступать почти без сопротивления. В штабе застал трех новых лиц. Второй адъютант Брусилова, брат его жены, старый полковник Тверского драгунского полка Яхонтов, очень милый и порядочный человек, но очень рассеянный и мало энергичный. Другой — назначенный ординарцем Брусилова мой старый приятель еще по гвардейской конной артиллерии, где он отбывал воинскую повинность, а потом произведенный в лейб-гусары, корнет запаса граф Владимир Алексеевич Бобринский, член 2-ой, 3-ей и 4-ой Государственной Думы, человек горячий, энергичный и в высшей степени увлекающийся, большой патриот и славянофил, друг Карпаторуссов и Галичан, часто там бывавший в мирное время и муссировавший руссофильское движение. Много этот человек сделал в Галиции пользы, но больше все же вреда, будучи человеком неуравновешенным и слишком быстрым на решения. Третий, вновь прибывший был вновь назначенный уполномоченный Красного Креста при 8-ой армии, тоже член Государственной Думы, говорун и путаник, но в сущности хороший, порядочный и храбрый человек, камергер Герман Германович Лерхе.

Мы устроились в одной хате с Бобринским и так уже до взятия Львова включительно располагались всегда на ночлег вместе, а Яхонтов и Байдак обыкновенно рядом с нами.

На другой день приезда я получил командировку от Брусилова съездить к командиру VIII корпуса генералу Радко-Дмитриеву, который стоял в Струсове, в одном переходе впереди нас, для выяснения недоразумений, происшедших с частями его корпуса в городе Трембовля, по жалобе местных жителей.

Замок Струсов принадлежал графу Голуховскому, брату бывшего австрийского премьера. Когда Радко-Дмитриев въехал туда и объявил ему, что в Вену ему ехать уже нельзя, куда он собирался, а приходится ехать в Россию, если он не хочет оставаться на месте, граф Голуховский был совершенно смущен, объявил, что он родственник Габсбургов, а потому никто его не имеет права трогать и занимать его дом. Великолепный дворец его все же заняли, а он сам всетаки уехал в Россию.

С Радко-Дмитриевым мы вполне столковались, недоразумение им было лично уже разобрано, и виновные понесли наказание. Вообще должен сказать, что на грабеж и насилие генерал Брусилов обращал самое строгое внимание и беспощадно наказывал виновных вплоть до расстрела.

Проезжая через Трембовлю (древний русский город первых киевских князей Теребовль) видел, как хорошо были укреплены австрийские позиции и как много они побросали оружейных припасов, так было для них неожиданно появление русских войск и с какой поспешностью они уходили назад. На Теребовльской позиции я видел горы патронных ящиков и всякого другого имущества.

10 авг. нашими войсками был занят г. Тарнополь, а 11-го войска дошли до р. Стрыпы.

12-го мы прошли в с. Бурханов на р. Стрыпе в 2-х переходах вперед Гржималова и расположились в помещичьей усадьбе. Сюда привели к нам в штаб впервые пленных галичан в количестве нескольких сот человек, которых Бобринский тотчас взял в оборот и убедил Брусилова, что они желают принять русскую присягу. Брусилов позволил, и они торжественно в его присутствии приняли присягу от нашего священника на верность России и Государю, после чего часть была отправлена в тыл, а часть распущена по домам, кто жил между границей и фронтом. Конечно больше всего их соблазняло это последнее — кончить войну и очутиться дома.

13-го августа произошли бои на р. Коропце у Лодгайце и Монастержиска. Бобринский, посланный с приказанием к Радко-Дмитриеву вернулся

от него в восторге, рассказывал как он вел себя во время боя, появляясь лично в самые критические минуты на угрожаемых неприятелем пунктах и подбадривая войска.

14 августа войска перешли Золотую Липу и начали продвигаться к р. Гнилой Липе, где австрийцы окончательно задержались и готовы были нас встретить.

15 августа штаб армии перешел в г. Бережаны. В этот день перед вечером состоялся военный совет в Поморжанах (в 30 в. к северу от Бережан) между командующими 3-ой и 8-ой армией, генералами Рузским и Брусиловым и их начальниками штабов генералами Драгомировым и Ломновским относительно дальнейшего продвижения, вперед через р. Гнилую Липу ко Львову. Мы прибыли в назначенный час на северную окраину деревни в ожидании генерала Рузского. Когда он подъехал, из крайней хаты вынесли на ближайшую лужайку, под тенью дерева, стол и две скамейки, и около часа продолжалось совещание, решившее дальнейшую судьбу нашего продвижения вперед.

Здесь я видел в последний раз в своей жизни генерала Рузского, который после ряда побед 3-ей армии выдвинулся на должность главнокомандующего северным фронтом, потом имел несчастье быть живым и непосредственным свидетелем отречения Государя в Пскове и наконец принял мученическую кончину от большевиков в Пятигорске в 1918 году. Светлую память о нем я все же сохраню, несмотря на всю грязь, которую на него теперь выливают, т. к. это был благородный человек, любивший свою родину, с большим здравым смыслом, независимый и самостоятельный в своих мнениях, т. к. выше всего ценил правду и, если действительно виновен, что был последней каплей, воздействовавшей на Государя при принятии последним решения, погубившего в конце концов Россию, то сделал это только, думая, что все уже кончено, раз весь Петербург с великими князьями включительно присягнули Временному правительству, и желая дать возможность Государю сделать это яко бы по своему почину, а не быть скинутым против своего желания, мятежниками страны, захватившими власть.

Три дня 16, 17 и 18 августа продолжались жестокие бои на Гнилой Липе. Наконец 19-ая пехотная дивизия 12-го корпуса прорвала первая у Фирлеева австрийские линии, и началось отступление неприятеля по всему фронту ко Львову. Позиция австрийцами была выбрана великолепная: на крутых высотах правого берега р. Гнилой Липы расположилась неприятельская артиллерия и пулеметы, а перед ними на левом берегу была болотистая долина около версты шириной почти по всей длине фронта, которую нашей пехоте пришлось проходить под убийственным огнем, завязая в болоте. Наша артиллерия много содействовала уничтожению неприятельской артиллерии и помогла пехоте в ее наступлении. Во время самого боя мне там быть не пришлось, т. к. выполнял в Бережанах другие обязанности, но на другой день я видел поле сражения, перед окопами, в окопах и за окопами которого лежали массами убитые русские и австрийцы в самых удивительных позах.

В Бережанах в первый раз в большом количестве появились наши раненые. Я и Бобринский были разосланы во все госпиталя и частные дома проверить, как идет эвакуация и как содержатся раненые.

Эта картина представила полный ужас неподготовленности наших тыловых военных учреждений. Равнодушие старших врачей тыла, несмотря на самоотверженную работу на фронте полковых врачей, было часто преступное. Старшие тыловые врачи в больших генеральских чинах были величественны со своими подчиненными, думали больше о своем благополучии и совершенно не обращали внимания на раненых. Офицеры в частных домах валялись прямо на полу без соломы, человек по десять в маленькой комнате. Кормились раненые плохо, сестер еще не было, перевязочного материала не хватало. Бедный Лерхе, уполномоченный Красного Креста, был, кажется, один без одного служащего и без всяких средств помощи и поэтому ничего не мог пока сделать. Старшего врача, заведывавшего санитарной частью армии Брусилов тут же в Бережанах уволил и возбудил ходатайство о передаче всей санитарной части из рук заведующего этапно-хозяйственным отделом, который не справлялся с снабжением войск, одновременно с санитарией, в руки особо заведующего санитарным отделом армии военного генерала, чтобы навести порядки по этой части. Брусилов выписал на этот предмет верного ему человека, своего сослуживца по Кавказской кавалерийской дивизии, генерала Евгения Алексеевича Панчулидзева, который, хотя и был стар годами, но был живой человек, любивший порядок и сердечно относившийся к порученному ему делу. Во время кровопролитнейших потом боев после взятия Львова и далее в Карпатах и Западной Галиции и наконец при отступлении назад в 1915 г. дело врачебной помощи значительно изменилось к лучшему, а с назначением на эту должность в 1915 г. полковника Серг. Влад. Шереметева, исполнявшего два года вплоть до революции обязанности начальника санитарного отдела армии и поставившего это дело, благодаря своей энергии и умению ладить с людьми, на должную высоту, эвакуация после боев всегда проходила блестяще, а помощь раненым была поставлена образцово.

После отхода австрийцев с Гнилой Липы, штаб армии 19 авг. перешел в м. Янчин (на Гнилой Липе), где мы расположились в доме священника. Целый день 19-го и 20-го мы хоронили сотнями неубранных убитых с поля сражения, как своих, так и австрийцев, причем зарывали в общие братские могилы, отдельно русских и отдельно австрийцев, конечно без всяких гробов, прямо наваливая один на другого, причем с австрийцев даже не снимали чудных голубых шинелей из великолеп-

ного сукна и так их и хоронили. С мертвых австрийцев снимали лишь индивидуальные карточки, в коих были обозначены имя и фамилия солдата, место его родины, возраст и воинская часть, где он служил. Карточки эти отсылали в главный штаб для сообщения на родину погибших.

Помню, что в Янчине, в комнате, где я спал с Бобринским, висел над моей кроватью портрет униатского митрополита знаменитого графа Шептицкого, кардинала Папы и имевшего громадное влияние на все украинское население Галиции. Через три дня после того мне пришлось с ним познакомиться лично в с. Бобрике, куда он приехал после взятия Львова явиться своему новому начальству, Командующему армией.

Наши войска после отхода австрийцев с Гнилой Липы продолжали по пятам итти за ними. 21-го августа утром генерал Брусилов должен был поехать с начальником штаба в штаб 3-ей армии в с. Словиту (в 35 в. к востоку от Львова), чтобы сговориться относительно дальнейших совместных действий, а штаб наш должен был в этот день перейти из Янчина в Бобрку (25 в. к юго-востоку от Львова). Когда Брусилов уехал к Рузскому, я с адъютантом Брусилова полковником Яхонтовым отправился на автомобиле на новое наше место ночлега. От Янчина верст 20 к северу ехали мы все время по долине Гнилой Липы, усеянной трупами лошадей, перевернутыми повозками и зарядными ящиками и разбитыми орудиями. Доехав до перекрестка дорог из Львова в Броды и из Львова в Бережаны, наткнулись на толпу русских мужиков человек 30-40, которые шли из Львова. Остановив свой автомобиль, я стал их распрашивать, кто они такие и куда и откуда идут. Они ответили, что они русские рабочие, что война застала их за-границей, и австрийцы заставили их рыть окопы около Львова, а что сегодня рано утром австрийцы оставили город, а потому они сами освободились и идут в Россию. Я сейчас же решил ехать вместо Бобрки во Львов убедитсья в правильности их слов, чтобы доложить об этом командующему армией, который утром ничего об этом не знал. Быстро пролетев 30 верст нас отделявших от Львова, мы к 11 ч. утра подъехали к восточной Львовской заставе. Здесь я застал начальника 42-ой пехотной дивизии Роде с своим штабом и с одним из полков этой дивизии. Из города были вызваны местные власти, которые подтвердили слова русских рабочих, что до рассвета австрийские войска покинули город вследствие телеграммы Императора Франца Иосифа сдать город без боя, чтобы не разорять его и жалея жителей. Т. о. оставалось только войти в город и обезопасить себя от могущей быть стрельбы по войскам из окон домов, т. к. наши генералы боялись недоброжелательства со стороны поляков и евреев, составлявших большинство населения. Во избежание могущих быть сюрпризов, местным властям было объявлено, что они остаются у нас заложниками, о чем один из них должен был оповестить жителей города. Как только пришли к этому соглашению авангард полка тронулся в город. Я ехал за первой ротой в автомобиле и видел всю картину нашего торжественного входа во Львов. Впереди шел оркестр музыки. Каково было наше удивление, когда мы спустившись в город, увидали, что Львов, несмотря на военные действия живет своей полной жизнью, двигаются трамваи, открыты все магазины, праздничная толпа наполняет улицы, на балконах и в открытых окнах разодетые дамы, бросающие сверху цветы, приветственные крики на всех перекрестках, на двигающийся шагом мой автомобиль вскакивают на подножки русские дамы и дети, сердечно приветствуя нас, пожимают руки, подносят цветы и говорят на вполне понятном нам почти родном языке. Редко, когда я испытывал подобное чувство патриотизма и народной гордости, я — славянофил, всю жизнь мечтавший, что когда-нибудь русский народ закордонной России соединится с нами и «Збруч пересохнет», по словам моего друга Владимира Бобринского, говорившего это несколько лет перед тем русским галичанам на каком-то славянском съезде. Видеть воочию исполнение своих мечтаний, которые я столько лет носил в своем сердце во время поездок своих, как офицер генерального штаба, в пределах Галиции и Буковины и вступать с первым эшелоном русских войск во Львов, разве это не радость и не награда за все труды, положенные в это дело еще 20 лет тому назад. Мало кому это посчастливилось в жизни. Подъехав на главную площадь на бульваре, где находится самый большой ресторан Жоржа, и увидев там уже один русский автомобиль, мы с Яхонтовым остановились и вошли в общий зал. Сразу на меня накинулся мой старый приятель начальник 5-ой пехотной дивизии генерал Парчевский, вступившій одновременно во Львов через северо-восточную заставу. Прибывали один за другим все новые и новые офицеры, из которых половина была старые знакомые по Киевскому округу, выпили на радостях шампанского, которое свободно тогда там продавалось в первый день нашего прибытия, и подзакусили во славу русского оружия. Подошли ко мне и несколько польских помещиков из Подольской губернии, которые лечились на австрийских курортах и с объявлением войны застряли во Львове. Вообще должен сказать, что даже австрийские поляки отнеслись, после манифеста В. К. Николая Николаевича, весьма сочувственно к русским и пока мы были в Галиции поддерживали с нами хорошее отношение. Мои же Подольские поляки прямо обрадовались мне, когда меня увидели, получив возможность вернуться к своим семьям. Лакеи прислуживавшие в ресторане, сообщили нам, что в эту ночь до 12 ч. ночи сидели еще на наших местах австрийские офицеры, а в 12 ч. дня уже завтракали тут русские. Те и другие не подозревали накануне, что это будет.

Распростившись со всеми своими знакомыми, мы собрались в обратный путь доложить коман-

дующему о всем, что видели. Выйдя из ресторана, я увидел громадную толпу местных жителей, окруживших наш автомобиль и приветствовавших нас, когда мы садились в автомобиль. Тогда я позволил себе, видя сочувствие публики к русским, громко закричать «Да здравствует ваш новый император Николай II». И вся толпа сопровождала мою здравицу и наше отбытие громкими криками ура. Объясняю себе сочувствие местных горожан не только тем, что местные русские действительно радовались нашему приходу, но еще тем, что они все так благополучно выскочили из грязной истории, угрожавшей им: боя на улицах и разрушения города. Все это, благодаря благоразумию австрийского императора, миновало их, и город снова зажил спокойной мирной жизнью.

Когда отъезжая я спросил, как ехать на юго-восточную заставу по дороге на Бобрку, сейчас же два молодых человека, очевидно из руссинов — руссофилов уцепились за нашу подножку и проехали с нами до заставы, в которую входил с третьей стороны отряд 9-ой пехотной дивизии под командой бригадного командира генерала Шипова (бывшего Преображенца и талантливого баталиста). Как потом по разспросам оказалось, первым во Львов вошел разъезд моего родного полка Ахтырского гусарского, что также мне доставило большое удовольствие.

Приехав в Бобрку, застали Брусилова и весь наш штаб уже за обедом. «Где вы были», спрашивает Брусилов. «Во Львове», отвечаю я. «Да не может быть», говорит он. «Вот вам доказательство», говорю я и подношу ему коробку конфект из кондитерской Жоржа. Он весь засиял и заставил рассказывать, что мы видели. Оказывается, когда он был утром у Рузского, при нем пришло донесение об оставлении австрийцами Львова, между командующими было решено, что Рузский пойдет дальше севернее Львова, а Брусилов займет своим штабом Львов и двинется южнее Львова. Тогда же очутившемуся в штабе 3-ей армии полковнику С. В. Шереметеву Брусилов предложил, как бывшему вице-губернатору на Волыни, ехать сейчас во Львов и вступить в управление городом на правах губернатора впредь до назначения из ставки Галицийского генерал-губернатора. Но ни Рузский, ни Брусилов не знали еще о том, что войска наши уже заняли Львов, а потому наше сообщение очень его порадовало, и через два дня решено было переехать во Львов.

В Бобрке мы стояли в помещичьем доме. Тут состоялось у нас новое назначение. На место заболевшего начальника 4-ой стрелковой бригады генерала Бауфала был назначен генерал Деникин, который и отбыл в тот же день к своему новому месту служения. Вместо него был назначен бригадный командир 19-ой пехотной дивизии, сделавший прорыв на Гнилой Липе под Фирлиовым, генерал Никитин.

На другий день нашего переезда в Бобрку прибыл рано утром униатский митрополит граф Шептицкий. Т. к. Брусилов был занят утренним докладом начальника штаба, мне пришлось в ожидании командующего целый час занимать этого известного галицийского деятеля. Большой крупный старик с большой седой бородой с очень выразительными глазами, в высшей степени образованный, начитанный, умный и тактичный он произвел на меня очень хорошее впечатление, несмотря на все, что я прежде про него слышал от Бобринского и раньше о его ненависти к России, о желании его окатоличить все русское население Галиции и пр. На Брусилова он также произвел очень сильное впечатление, он его оставил на свободе и велел даже нашему штабному священнику проводить его до Львова. Пока город Львов был в распоряжении Брусилова, и Шереметев управлял городом, Шептицкого не трогали и только с приездом через месяц нового генерал-губернатора Гр. Георгия Александр. Бобринского, которому в няньки дали его кузена Гр. Влад. Алексеевича Бобринского, отношение к Шептицкому переменилось, и он был выслан в Россию яко бы за агитацию, и заключен в один из монастырей.

(Продолжение следует)

Федор Никифорович

ВАХМИСТР НИЖЕГОРОДСКОГО ПОЛКА

ген. П. А. Половцов

Унылый, серо-желтый ландшафт на окраине Тифлиса, столицы Кавказа. Облака пыли, завывающий ветер. Внизу, в глубине долины, река Кура несет свои мутные воды к Каспийскому морю. От города проходит железная дорога идущая в Баку и шоссе, по которому можно пробраться в роскошные сады и виноградники Кахетии, но здесь лишь одна пыль, ветер и запустение.

Большие каменные серые здания, без единого оживляющего штриха, — казармы Нижегородских драгун, знаменитых Нижегородцев, на протяжении веков, покрывших славой свое имя во многих битвах, на полях Полтавы во времена Петра Великого и в горах Эрзерума в 1877 году, полковой штандарт которого украшен широкими Георгиевскими лентами, собственные Его Величества драгуны.

Вот где я очутился в холодное ноябрьское утро в 1896 году, приехавшим студентом С. Петербургского Горного Института, отбывать воинскую повинность, вдали от столичных соблазнов. Если бы я в то время знал содержание письма, написанного обо мне моим отцом командиру полка, я бы, пожалуй ощутил некоторое беспокойство, когда меня позвали в кабинет полковника Петрова. Но мне об этом не было известно.

Мне сказали, что я определен в 3-й эскадрон, к ротмистру Алтухову, очаровательному человеку, который принял меня очень сердечно и отослал в казармы. Тут я вступил в царство вахмистра Федора Никифоровича Тягливого. В этом царстве он был могущественным монархом. Он управлял железной рукой без бархатной перчатки и с большим пониманием человеческой натуры и тонким чувством справедливости.

В те времена срок службы был четырехлетний в пехоте и пяти летний в кавалерии. Для юношей с некоторым образованием срок сокращался до одного или двух лет, но обыкновенный безграмотный паренек из мужиков, попадающий в царство Федора Никифоровича знал, что на пять долгих лет приходится с этим считаться. Жалобой можно было только ухудшить положение, так как с первого дня службы, ему объясняли, что командиры эскадрона меняются часто, в то время когда Федор Никифорович был вахмистром 3-го эскадрона уже в течение 18 лет, так что самая элементарная мудрость явно указывала на терпение и подчинение как единственный выход.

Первое знакомство новобранца с тяжелым кулаком Федора Никифоровича обычно происходило, когда парень возвращался из полковой лавки с одним или двумя караваями белого хлеба. Если Федор Никифорович встречал его где-нибудь по дороге, то столкновение становилось неизбежным. «Белый хлеб из лавки?— было первым вопросом, а затем уже начинал отчитывать: «так вот как ты начинаешь тратить те три рубля, которые родители прислали тебе из деревни. Царь тебе дает фунт мяса со щами дважды в день и больше черного хлеба, чем ты можешь съесть. Ты лучше накормлен чем когда-либо дома, ты прибавил в весе с тех пор как ты в строю (это неизменно бывало правдой). Ты получаешь в месяц 75 коп. жалования, чего вполне достаточно на табак. Твои родители работают и трудятся дома, отказывая себе в необходимом, чтобы послать тебе деньги, а ты их проматываешь в лавке. Купи лучше пару лишних сапог, это было бы полезнее. Полковой черный хлеб не достаточно хорош для тебя? Сколько у тебя караваев. Два. Ну... так вот тебе за один, а вот за другой. Следовали две здоровенных оплеухи, от которых виновный терял равновесие, но вполне достаточных для водворения чувства бережливости на последующие пять лет службы.

Но больше всего бывало вспухших челюстей и истекающих кровью носов за уборки лошадей. Если конская шерсть недостаточно лоснилась, если копыта не были вычищены или глаза не промыты, гнев Федора Никифоровича бывал ужасен, ибо, как это требуется, в кавалерии более важно благосостояние лошадей чем людей и у Федора Никифоровича были на этот счет очень определенные взгляды.

Мне помнится один вечер, к концу моей службы в строю, когда закончившие в тот год свой срок службы, уехали, в том числе все четверо взводных. Мы их провожали на станцию со многими напутственными теплыми словами, а еще большим количеством водки. Я получил назначение взводным 3-го взвода. После того как вечерняя молитва была пропета перед эскадронной иконой, мы услышали голос дежурного, орущего «Взводные к вахмистру». Я поспешил с моими тремя коллегами в комнату Федора Никифоровича.

Мы выстроились в ряд перед нашим властителем, сидевшим за вечерним чаем, который милостиво предложил нам сесть. Так как единственный стул был занят Федором Никифоровичем, мы уселись в ряд на его кровати и молчаливо уставились на нашего господина и повелителя.

«Теперь слушайте», сказал он, «помните, что вы четверо назначены взводными, что является самой трудной должностью во всей кавалерийской службе. Даже ответственность Его Императорского Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича, генерал-инспектора кавалерии, ничто в сравнении с вашей ответственностью, так как вы должны думать денно и нощно о каждой подкове на каждой из тридцати пяти лошадей вашего взвода.

В кавалерии, всадник без коня — ничто, и конь без подковы — тоже ничто. Помните, что люди хуже животных, и сам Господь доказал это, создав животных до создания человека. Поэтому смотрите за лошадьми, любите их, а что касается тех стервецов, бейте им морды, чем крепче, чем лучше и все будет хорошо. Вы, все четверо, хорошие солдаты, вы знаете службу и это все, что я хотел вам сказать сегодня вечером». Мы вскочили, щелкнули шпорами и вышли из комнаты.

Через несколько минут, опять раздался голос дежурного: «Взводный 3-го взвода, к вахмистру». Я бросился и приглашен был пить чай с Федором Никифоровичем. Откуда то появилась табуретка и я подсел к моему хозяину перед самоваром и вот, что я услышал:

«Я назначу тебя старшим из четверых, так что в мое отсутствие или когда я занят, ты будешь заменять меня и представлять мою власть. Через несколько месяцев, ты поедешь в С. Петербург, чтобы держать экзамены при кавалерийском училище, вернешься ты офицером. Я очень рад, что ты согласился быть назначенным взводным, так как тебе будет очень полезно знать в совершенстве жизнь в казармах, которой не знают офицеры прибывающие прямо из юнкерских училищ. Что же касается меня, это даст мне время, чтобы установить кто из твоих трех товарищей, самый надежный».

Я должен признать, что мудрость Федора Никифоровича была велика, и что на протяжении долгих лет моей службы я был ему благодарен за трудное время, проведенное в тесном сотрудничестве с ним.

Перед его внешней грубостью и жестокостью, всегда чувствовалась доброта. Он знал, что если вместо удара в челюсть, посадить человека под арест на сутки или две, другому нужно будет чистить его лошадь и сам провинившийся предпочитал зуботычину дисциплинарному взысканию отмечавшемуся в послужном списке, что могло бы иметь неприятные последствия в будущем.

В тот вечер, Федору Никифоровичу хотелось отпраздновать мое производство. Он извлек из шкафа бутылку водки и кусок ветчины. Мы выпили за здоровие друг-друга, за 3-й эскадрон и т. д. Тогда я спросил Федора Никифоровича действительно ли невозможно поддерживать порядок в части не пуская в ход кулаки. Он повел только плечами и лаконически ответил: «Попробуй». Должен сознаться, что я попробовал и неудачно.

Вскоре случилось, что какой-то болван забыл скребу в соломе в конюшне, его лошадь наступила на нее и поранила себе ногу. Я не мог сдержаться и дал волю кулаку. Повернувшись я увидел Федора Никифоровича стоящего в дальнем конце конюшни, смотрящего на меня с улыбкой и иронически качающего головой.

Федор Никифорович был не единственный в своем роде. Каждый из шести эскадронов имел своего вахмистра. Так, например, была полковая древность Ключников, вахмистр 4-го эскадрона, прослуживший неисчислимое количество лет и обладавший столькими крестами и медалями, что не хватало для них места на его груди. Он признавал особенную важность своему специальному режиму, заключавшемся в огромном стакане водки, перед утренним чаем. Этот стакан подносился на подносе его денщиком, и старик Ключников, стоя перед иконой в углу своей комнаты и кончив молиться, говорил: «За здоровье Его Величества» и опрокидывал огненную влагу, в то время как его денщик, стоя за ним на вытяжку, во все горло, трижды кричал: Ура!

Ключников **Березняк** **Федор Никифорович Тягливой**

Был старик Березняк, полковой трубач, вахмистр трубаческой команды, имевший крест за спасение командира полка в турецкую кампанию 1877 г.

Не менее замечательным был полковой писарь Константинов, в чине вахмистра, правивший над всем многочисленным сонмом писарей и счетоводов полкового штаба и заведывавший разными важными делами, казавшимися весьма таинственными для служащих в строю, это он каждый день составлял приказ по полку, подписывавшийся командиром полка часто не глядя, всецело полагаясь на глубокую мудрость полкового писаря. Так что с его авторитетом нельзя было не считаться.

Восемь полковых столпов собирались приблизительно один раз в месяц в комнате старика Ключникова под его председательством. В первую очередь выпивалось для прояснения мозгов необходимое количество водки, закусывая ветчиной и холодной индейкой. Затем приступали к обсуждению полковых дел, вопросы касающиеся продовольствия, фуража, обмундирования, сапог, содержания и т. д.

Как часто командиры эскадронов и даже сам командир полка давали распоряжения и решали вопросы, не отдавая себе отчета в том, что они просто приводят в исполнение постановления тайного совещания вахмистров. Дипломатичность и хитрость этих стариков в умении добиваться намеченно цели, были удивительны.

Раз или два, по рекомендации Федора Никифоровича я был приглашен на их собрания. Это было большой честью и являлось признаком доверия. Я скромно сидел на дальнем конце стола, выпивал подносимый мне стакан водки и в случае обращения ко мне, высказывал свой взгляд, который иногда цриходился кстати, в особенности в вопросе слабых сторон и разных психологий офицеров.

Боюсь, что у читателя может сложиться впечатление, что мы пили много водки. Это не совсем так. Русский мужик не пьет регулярно, он днями довольствуется чаем, водой и квасом, но раз в неделю или в десять дней, когда представляется случай, он выпивает свою меру водки, а мера старого вахмистра, понятие исключительное.

Никогда не забуду одной необычайной оргии. Четыре полка нашей дивизии (три драгунских и Хоперский полк кубанских казаков) каждое лето собирались и располагались лагерем где-то внизу, на холмах Кахетии. Одно лето мы стояли в долине Джелал-Оглы, у подножья гор, в очень живописной местности. Так как казаки квартировали где-то по соседству и прибыли до остальных, то они почитали себя хозяинами и устроили грандиозную встречу, каждому прибывающему в лагерь драгунскому полку, но для славных Нижегородцев это было нечто особенное.

Офицеров чествовали в каждом офицерском собрании. Каждая казачья сотня приглашала соответствующий эскадрон драгун. Каждый вахмистр давал ужин своему товарищу драгуну. Кахетинское вино и водка лились рекой до утра. И нужно сказать, что казаки были замечательными певцами и крепкими на выпивку.

Придя в лагерь, мы расставили палатки, поставили лошадей на коновязь, смыли грязь и пыль пятидневного перехода и, надев парадную форму, отправились с визитом к казакам.

Федор Никифорович сказал мне: «Мы приглашены к вахмистру 3-й сотни, он очень славный парень и мой старый приятель. Сегодня вечером он просил меня привести с собой нашего общего друга полкового писаря, а также тебя. Он роскошно приветствует, но остерегайся его водки. Таков мой совет».

Казак приветствовал нас у себя в палатке очень радушно. Он был высокий, красивый парень с огромной бородой. Разложенный на столе ужин смутил бы самого Лукулла. Там был крошечный барашек, поджаренный на костре мастерскими руками, копченая рыба из Каспийского моря, казачья колбаса, маринованные грибы и всякого рода вкусные вещи и, конечно, несколько бутылок водки.

Ужин начался официальными тостами: «За 3-й эскадрон Нижегородских драгун», «За 3-ю сотню Хоперского полка». Затем следовали личные тосты, за семью и т. д. Все шло гладко. Компания была очень дружная и я ничего неладного в водке не замечал. Как вдруг казак вытащил из угла бутылку со светло-желтым напитком. На этикетке я прочитал «Яблочная водка». Я слышал, что в некоторых кубанских станицах пьют особый напиток сделанный из яблоков, но никогда его не пробовал.

В те времена я много мог выпить и предупреждения Федора Никифоровича меня особенно не смущали. Казак налил стакан этой настойки и поднес Федору Никифоровичу, но тот, улыбнувшись, сказал: «Этот раз начнем с младшего». Будучи младшим, я храбро взялся за стакан, поднял его за славу и процветание Кубанского Казачества и залпом выпил.

Результат был неожиданный. Никогда, ни до, ни после этого, ни один напиток и ни одно снадобье, не произвело на меня того ощущения, которое я испытал тогда. Во первых, глаза мои совершенно закатились и сейчас же после этого мне показалось, что тяжелый грузовик свалился мне на голову с небес... а затем я просто перестал существовать.

Мое возвращение к жизни на следующее утро было мучительное. Я увидел себя на своей походной кровати в палатке. Я с трудом открыл глаза, но когда я попытался поднять голову, то понял, что это вообще невозможно. Жалобно уставился я на Федора Никифоровича, сидящего на своей кровати с огромной чашей очень кислого кваса в руках.

«Теперь ты знаешь, что такое казачья водка, — сказал он. — Я тебя предостерегал, что это вещь опасная. Выпей квасу, это тебя облегчит».

Слава Богу, с тех пор я никогда не видал перед собой этого снадобья, но если когда-нибудь это случится, то я просто уйду. Оно не для обычных смертных.

Оргии такого рода случались очень редко и, в общем вполне понятно, что живя много лет суровой жизнью кавалерийской службы, иногда необходима бывает сильная встряска.

Особенно зимой бывало тяжко. Вставать до света, в 5 часов утра, водить лошадей на водопой к реке и затем, в течение всего дня верховая езда,

пешее учение, три уборки лошадей, учение винтовкой, учение шашкой и т. д.

Взводным приходилось смотреть за седлами, уздечками, винтовками, обмундированием и разными другими вещами. Сверх всего этого, вечером, надо было объяснять людям своего взвода все, что должно быть известно каждому драгуну, т. с. обязанности часового, значение штандарта, имена начальствующих лиц от командира эскадрона до Государя Императора и т. д.

Для этих уроков, старые вахмистры придумали замечательную систему для сбережения сил взводных. Ты сидел смирно на своей кровати, окруженный своими людьми и задавал одному из них вопрос. Если он не мог ответить, то молча вставал. Тогда спрашиваешь другого и когда, наконец, получается требуемый ответ, тогда давший его получал право «набить» носы всем не смогшим ответить. В это время спокойно куришь папиросу и не вмешиваешься в это автоматическое действие военного правосудия. Эта система вызывала очень острое чувство соревнования, но как и всякие системы она иногда отказывалась действовать.

У меня во взводе был довольно глупый парень, по фамилии Краснокутский, который' ничего не мог запомнить, так что когда ему задавали какой нибудь вопрос, он даже не пробовал отвечать, а спокойно подставлял нос. Мне это было очень досадно и я старался что-нибудь придумать, чтобы его расскачать. Наконец представился случай.

По какому-то делу я был в канцелярии полка и там мой приятель, полковой писарь, объявил мнс о том, что генерал Ванновский больше не состоит Военным Министром и что генерал Куропаткин назначен стать его преемником. Это известие появится в приказе по полку на следующий день.

По дороге обратно в казармы, я встретил Краснокутского и меня осенила блестящая мысль. Я подозвал его и спросил, кто состоит военным министром. Дурак, который никогда правильно не умел ответить на вопросы, в первый раз в жизни выпалил правильный ответ: «Генерал Ванновский, генерал-адъютант Его Величества, Петр Семенович». Я поглядел на него в изумлении, а затем сказал: «Пожалуйста забудь совсем о существовании генерала Ванновского, выкинь его имя совсем из своей головы, и когда, сегодня вечером, я спрошу тебя кто военный министр, ответь: «Генерал Куропаткин, Алексей Николаевич. Повтори теперь это имя десять раз».

Во время вечерних занятий, я вызвал одного из лучших солдат и спросил его кто военный министр. Он встал и с небрежностью ответил: «Генерал Ванновский», немного обиженный за то, что я ему задал такой простой вопрос. Я вызвал следующего и через минуту, весь взвод смотрел на меня в недоумении, думая что я сошел с ума. Никто не мог дать другого ответа. Тогда я обратился к Краснокутскому. Он гордо ответил: «Генерал Куропаткин, Алексей Николаевич». — Правильно, сказал я. Теперь можешь отщелкать всех их сколько тебе угодно.

Это продолжалось довольно долго. Он воспользовался этой возможностью до крайности и под конец, выбился из сил, но блаженно улыбался. На следующий день весь взвод ходил не в духе, но вскоре они оценили шутку и забавлялись над ней.

Что же до Краснокутского, он совершенно изменился, стал веселым, бравым драгуном, старался правильно отвечать на вопросы и это ему иногда удавалось. Он даже перестал делать свою обычную ошибку по утрам, которая заключалась в том, что он сперва надевал правый сапог, а затем левый. Это было строжайше запрещено Федором Никифоровичем. Он считал, что если человек так поступает, то это приносит невезение всему эскадрону.

Иногда вечером, кто-нибудь из офицеров приходил читать главу из истории полка, дивного издания в десять томов, написанных очень талантливым военным писателем, по особенному распоряжению Государя Императора для Собственных Его драгун.

Иногда, особенно Великим Постом, полковой священник приходил поговорить на религиозные темы, а по Воскресениям вечером, мы просто сидели и беседовали.

Если офицерские денщики оставались после ужина, они рассказывали нам про своих господ. У нас были свои любимцы среди офицеров и если денщик одного из них говорил нам, что офицер сильно проигрался в карты накануне, мы все очень сочувствовали и легко ему прощали его дурное настроение на следующее утро.

Однако самая интересная тема была любовные похождения офицеров. Было особое соревнование между денщиками, так как каждый из них хвастал победами своего барина, в которых он принимал какое-нибудь участие, относя любовные письма, отвечая на звонки, готовя чай и иногда тонкий ужин. Очаровательные дамы Тифлиского общества наверное никогда не подозревали, что их делишки обсуживались в казармах и были бы очень удивлены, если бы услышали вызказываемые о них суждения.

Для самих солдат вопрос женского общества почти не существовал. У очень небольшого числа из них, чувства ловеласничанья были настолько развиты, чтобы побудить их, после тяжелого трудового дня, отправиться за две версты в город для удовольствия встретиться с какой-нибудь знакомой горничной или кухаркой.

Очень немногие из людей были женаты. Обычно брак откладывался до отбытия воинской повинности. У одного Федора Никифоровича жена жила не подалеку от казарм и забавно было видеть, как он боялся этой маленькой, сморщенной женщины. Он, могущественный, наводящий страх вахмистр, героические подвиги которого занесены в историю полка, который во время одной экспе-

диции против разбойников, один вошел в хату, где прятался один из самых страшных кавказских бандитов и после страшной борьбы, вышел оттуда, неся его зашиворот, как щенка, в отношении жены он совершенно робел.

Когда случайно она заходила в его комнату в казармах, и обнаруживала исчезновение из шкафа какой-нибудь бутылки водки, он с пристыженным лицом, бормотал слабые, неудачные извинения и обычно старался свалить всю вину на меня. Это было печальное зрелище.

Наконец, моему пребыванию в царстве Федора Никифоровича пришел конец. В один из вечеров, мы прочли в полковом приказе, о том, что я командируюсь в С. Петербург, в Кавалерийское Училище, для держания экзамена на офицерский чин.

На следующий день я сдал моему преемнику все многочисленные и сложные принадлежности кавалерийского взвода и пришел в комнату Федора Никифоровича, чтобы в последний раз с ним поужинать. Мы оба знали, что это означало для меня конец одного периода жизни и начало другого, что когда я вернусь офицером, Федору Никифоровичу придется стоять передо мной смирно и держать руку под козырек, что мне придется его называть на «Ты», а он в обращении должен будет меня называть «Ваше Благородие», что я даже не буду здороваться с ним за руку и что я никогда больше не сяду с ним за один стол, чтобы распить бутылку водки.

Мне было грустно на душе, а Федор Никифорович тоже был расстроен. Это заметно было в мелочах. Когда денщик принес нам ужин в обычном котле, куда повар сложил в горячие щи, все любимые куски для Федора Никифоровича, как то почки, печенки и т. д., мы вытащили наши деревянные ложки из-за голенищ и принялись за трапезу.

Обычно, если какой-нибудь особенно лакомый кусок всплывал на поверхность щей, я осторожно отталкивал его ложкой в сторону Федора Никифоровича, который немедленно его выуживал и съедал. Но в этот вечерь, когда появился его любимый кусок почечного сала и я ему подвинул, он отодвинул его в мою сторону. Что-то неладное творилось со стариком.

После ужина, он отдал мне неожиданное приказание: немедленно выстроить эскадрон в казарме и послать в лавку за ведром водки. Что-то необычайное должно было произойти. Было обычным явлением, чтобы камандир эскадрона или кто-нибудь из офицеров жаловал эскадрону ведро водки, но чтобы вахмистр жаловал водку, и к тому же вечером, было совершенно необычно.

Я выставил эскадрон, поставил ведро на скамейку в середине комнаты и рядом медный ковш, вмещающий как раз одну сотую часть ведра, традиционную меру русского солдата с незапамятных времен. Тогда я послал за Федором Никифоровичем.

Вскоре мы услышали его тяжелые шаги и в туманном свете от висящих с потолка киросиновых ламп, появилась его грузная фигура. Медленно он подошел к строю. Я скомандовал «Смирно». Он взял медный ковш, опустил его в ведро, наполнил до края и держа его в руке обратился к людям: «Ребята, двести лет существует славный Нижегородский полк, восемнадцать лет я вахмистром в его рядах, но никогда я не встречал и никогда не слышал от прежних стариков, что когда-либо был в полку взводный как Половцов. Если этот человек добровольно принял на себя трудную должность взводного и выполнил, как он это делал, то это пример для вас, стервецов».

Федор Никифорович не мог произнести речь без поучения, а язык его поучений был цветистый. На этот раз он вспомнил о бродячем цирке с прирученными дикими зверьями, который мы, незадолго до этого, посетили. «Если немые животные могут быть выдрессированы человеком, которого они даже не понимают, насколько же легче для вас, которые понимаете каждое слово, которое я говорю, исполнять ваши обязанности, а вместо этого...» За этим следовала некоторая доля брани, а затем Федор Никифорович вернулся к главному вопросу, т. е. ко мне. Он выпил ковш за мое здоровье, пожелав полного успеха и благополучия на военной службе.

После этого я подошел, взял ковш, сказав несколько слов и выпил за его здоровье. Тогда все солдаты, по одному, молча подходили, пили за мое здоровье и отходили. Последний мой день в 3-м эскадроне закончился.

Когда я вернулся офицером, я был назначен в 1-й эскадрон, а вскоре после этого, меня перевели в Гвардию, в Гродненский гусарский полк, в Варшаву.

Федор Никифорович, прослужив еще несколько лет, покинул строй и попросился на государственную службу, имея на это право. К несчастию, Правительство предоставило ему должность весьма нездоровую для такого человека, как он. Он был назначен надзирателем казенного винного склада. Поставить Федора Никифоровича в такое ближайшее соприкосновение с бесчисленным количеством водки, оказалось роковым и он очень скоро после этого умер.

Бедный старый Федор Никифорович. Спасибо за многие хорошие уроки, преподанные мне, которые я никогда не забуду. Если когда-нибудь встретимся на небе или в другом месте, можешь испытать мою память, которой ты всегда восхищался и даже если спросишь меня помню ли я номер своей винтовки, отвечу без запинки: «50.424, господин Вахмистр».

Нынче старого полка уже не существует. В Париже нас осталось около 20 человек. Каждый год, в день полкового праздника мы собираемся на традиционный наш обед. Половина наших шоферы, другие служат ночными сторожами или приказчиками в магазинах. С каждым годом нас все меньше. Кого то не хватает. Мы пьем красное вино,

поем наши полковые песни и говорим о прошлых днях.

На одном из этих обедов, кто то сказал мне: «Ты должен был бы написать воспоминания о Федоре Никифоровиче».

Я только-что приехал с Юга Франции и там как-то смотрел на древнюю башню, построенную императором Августом, как раз над Монте-Карло, в память покорения Галлов. Я глядел на дорогу, по которой прошла армия Цезаря. Я думал об его знаменитом X-м Легионе и о старых воинах, которые были вахмистрами Легиона или занимали в нем соответствующую должность. Какими молодцами они должны были быть.

Какое огромное количество местного красного вина они наверное выпили, в те дни, когда они шли обратно в Италию, после походов в диких странах, куда они занесли великую римскую цивилизацию. Кому известны их имена и кому это нужно.

В Женеве заседают мудрые мужи, стремящиеся к уничтожению войны. Для них профессиональные солдаты нечто отвратительное. Ну так вот, думая о них, я хочу написать о старых вахмистрах Нижегородских драгун и может быть мне удастся пробудить чувство симпатии, к тем, которые в исполнении своей тяжелой обязанности, сделали, пожалуй больше для человечества, чем политические деятели.

Когда Европейская культура распадается, когда придется все опять начинать сначала, как это всегда бывало на протяжении длинной истории человечества, тогда железный кулак старого вахмистра снова потребуется, чтобы восстановить порядок в мировом хаосе.

Ген. П. А. Половцов

Кавказские драгуны в первые дни войны 1914 - 1917 г.г.

Предлагаемые вниманию читателей записки неизвестного нам автора, офицера 18-го драгунского Северского полка, принадлежали покойному князю Н. С. Трубецкому. Записки эти очень живо передают первые боевые столкновения русской конницы с германской. Они свидетельствуют о безусловном превосходстве первой над второй, результат рациональной подготовки к войне русской кавалерии.

«Объявление предмобилизацинного периода застало Кавказскую Кавалерийскую Дивизию в лагерях под г. Тифлис, где кавалерийские сборы подходили к концу и должны были вскоре начаться корпусные маневры, когда получено было распоряжение частям отправляться к местам своих стоянок.

18-й др. Северский полк был переведен в свою штаб-квартиру, г. Александрополь, по ж. д., где по прибытии 18 июля приступил к мобилизации, а 23-го, начал посадку в вагоны. Остальные полки дивизии в то же время грузились, 1-я бригада (16-й др. Тверской и 17-й др. Нижегородский полки) на ст. Навтлуг, предместие г. Тифлиса, а 1-й Хоперский полк Кубанского казачьего войска, на ст. Кутаис. Что же касается до Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона, то он, будучи недавно сформирован, задерживался в своей мобилизации, заканчивая таковую лишь 3 августа.

Перевозка дивизии из Закавказия до конечного пункта, Варшавы, заняла от 12 до 14 суток, т. к. эшелоны дивизии, в целях разгрузки ближайшего тыла Ю. З. фронта, отправлялись от Ростова на Киев - Харьков, Брест-Литовск - Варшаву, что, конечно, задерживало переброску.

Только по прибытии в Харьков, в эшелонах узнали конечный пункт следования, г. Варшава.

С объявлением войны, наши пограничные части и 14 кавалерийская дивизия, взорвав ж. д. сооружения, отошли к флангам разворачивавшихся армий и германские войска, без боя заняли линию Калиш - Ченстохов, вторгнувшись небольшими конными частями поддержанными ландштурмовой пехотой, вглубь русской Польши, причем своими разведывательными отрядами, к моменту выгрузки головных эшелонов дивизии в Варшаве, достигали уже линии Лович-Скерневицы.

Вследствии этого, головные эшелоны, которые составлял 17-й др. Нижегородский полк, встретили по своем прибытии в Варшаву несколько повышенную нервозность, т. к. фактически, впереди Варшавы, на левом берегу Вислы никаких русских частей не было и Варшава, со своими упраздненными фортами, с более чем полумиллионным населением, столица царства Польского, была беззащитна.

Вот почему, высадившийся утром 3 августа Нижегородский полк, уже в 16 ч. того же дня, выступает на Скерневицы, куда и прибывает 4-го, через Мщонов, переночевав в Надержине. Разведка выдвигается к линии Стриков - Брезины - Рава.

5 и 6 августа полк оставался в Скерневицах, ведя разведку, а 7-го, перешел в м. Гловно, около

которого происходит первая встреча с немцами разъезда, высланного от 2-го эскадрона Нижегородцев под командой корнета Глонти.

8 августа, 5-й эскадрон полка атаковывает разведовательный отряд немцев под командой полковника графа Штольберга у дд. Маково - Плытя. Верные своему завету, лихие Нижегородцы, под командой ротмистра князя Чавчавадзе (Давида) рубят спешившихся немецких гусар пытавшихся огнем из-за ж. д. насыпи, остановить атаку драгун, но ни насыпь, ни выемка перед ней не могли задержать порыва. Полковник граф Штольберг, три офицера и большинство гусар заплатили своей жизнью за это спешивание и только одному офицеру с несколькими всадниками, из числа коноводов, успевших сесть, удалось уйти, побросав заводных лошадей.

4, 5 и 6 августа остальные эшелоны дивизии, последовательно прибывая, высаживаются в Варшаве и утром 7-го, дивизия, с приданной к ней временно батареей гвардейской пешей артиллерии, выступает на Лович, горячо приветствуемая населением, забрасывающим цветами проходящие по улицам эскадроны. Первый ночлег в боевой обстановке был в местечке Блоне, откуда дивизия тремя полками 8-го, переходит в Лович, куда 9-го подходит Нижегородский полк со своими первыми боевыми трофеями (пленными, отбитыми конями, амуницией и оружием).

На многих из пленных можно было видеть следы мощных ударов Нижегородских шашек. Таким образом части дивизии могли воочию убедиться, что мирное обучение владению оружием дает свои плоды. Даже меховые шапки и ментики гусар не смогли их предохранить от неотразимых ударов с плеча. Точно также это дело подтвердило, что стремительно, правильно веденному конному удару, не страшен огонь, ибо 5-й эскадрон Нижегородцев понес от огня весьма незначительные потери, тогда как положившийся на этот огонь противник был почти что поголовно уничтожен.

11 августа, 2-я бригада дивизии (18-й др. Северский и 1-й Хоперский полк Кубанского Войска) двинулась через Стрыков на Лодзь, очищая перед собой местность от разведывательных немецких частей. 1-я же бригада была выделена в район Петрокова, где вошла в состав отряда генерала Гилленшмидта.

Не доходя г. Стрыкова, от 2-й бригады были высланы дальние офицерские разъезды. Насколько в дивизии была уверенность в своих частях и чувствовалось превосходство в конной подготовке над противником, можно судить по тем заданиям кои давались разъездам.

Так офицерскому разъезду от 2-го эскадрона 18-го др. Северского полка (поручик Пермяков с разъездом в 20 коней) было задано разведать район в направлении Стрыков - Лодзь, с тем чтобы 15 августа присоединиться к полку у г. Лодзь. Разъезд проделывает 150-верстный пробег, выясняет отсутствие крупных сил противника и точно, как на маневрах, 15-го присоединяется к дивизии занявшей Лодзь. Ни у офицера, ни у начальства не было мысли, что задача может быть не выполнена.

Задачи офицерским разъездам, высланным от других частей были по своей продолжительности и пробегу тождественны: разведовательные части противника, при встрече, поспешно отходили за линию реки Варты.

17-го, дивизия, сперва 2-й бригадой, переходит к д. Менки, окрестности г. Серадзе, захваченным уже сотней 1-го Хоперского полка. Сюда же подходит прибывший по окончании своей мобилизации Кавказский конно-горный артиллерийский дивизион. Задача возложенная на дивизию: образовать завесу, прикрывая район Варшавы, с разведкой на фронте Слупцы - Калиш - Велюне - Ченстохов.

Конечно расстояния как на фронте так и в глубину значительно превышали нормы таковых указанные в уставе, но они вытекали из доверенного дивизии 200 верстного фронта.

За пол месяца со дня прибытия в Царство Польское, Кавказская кавалерийская дивизия совершенно очищает порученный ей район от неприятельских разведывательных частей, которые потерпев ряд поражений, отходят поспешно к своей границе, за укрепившуюся там пехоту. Неприятельская войсковая развсдка не смогла ни разу проникнуть за завесу. Не только ее конная разведка, но и поддержанная в некоторых местах велосипедистами, неизменно ликвидировались разведывательными органами дивизии. Даже его воздушная разведка понесла потери: дирижабль у д. Менки был подбит огнем взвода батареи, приспособленного для зенитной стрельбы и два аэроплана подбиты разъездами.

В последних числах августа, унтер-офицерский разъезд от 6 эскадрона 18-го др. Северского полка, силой до 12 коней, неожиданно для себя, за рекой Вартой, нарывается на германский эскадрон. Начальник разъезда, учитывая силы противника, решает, используя быстроту и свежесть своих коней и большую подвижность меньшей части над большей, проскочить быстро под носом у противника, переправу-гать, выиграть время и углубиться затем в близ лежащий лес.

План удается, голова разъезда подходит к гати, тогда как тяжелые немецкие кони явно не поспевают, но командир германского эскадрона, потеряв надежду нагнать разъезд, спешивает пол эскадрона, который и открывает огонь по драгунам. Второй же полуэскадрон продолжает преследование, стремясь отрезать путь к лесу.

Пораженная одной из пуль под драгуном Скрипкой падает лошадь. Несмотря на полученный им шок от падения, Скрипка сбрасывает винтовку и открывает огонь по преследующему полуэскадрону немцев. Он убивает одного офицера, ранит другого, сбивает еще несколько всадников

и отвлекает на себя противника. После того, по показанию жителей той деревни, у околицы которой разыгрался этот неравный бой, они, пытаясь его спасти, предлагали его скрыть, но Скрипка отказался и сопротивлялся пока обессиленный от полученных ранений не был прикончен обозленным врагом. На его теле было до 17 ран.

Так твердо понимал свой долг и исполнил свою присягу рядовой драгун, предпочитая смерть позору плена. Это сознание долга, развитое в частях дивизии вместе с любовью к своим полкам, гордостью их всковой славой, воспитанных на героически красивых примерах прошлой боевой истории полков, было залогом того, что одиночно превосходно подготовленные бойцы, уверенные в своем превосходстве во владении оружием и конем, предствляли из себя великолепно сколоченные конные части.

5 сентября, взвод 18-го др. Северского полка, под командой корнета Аликова, находившийся в районе Велины, обнаружил подходящий в направлении этого местечка полуэскадрон германской конницы, который переправившись через речку, в колонне рядами и имея лишь головных и тыльных дозорных, шел, не подозревая присутствия нашего разъезда. Корнет Аликов решил воспользоваться тем, что немцы подставляли свой фланг и даже тыл, посадил свой взвод и прикрываясь домами, поджидал пока немцы несколько продвинутся, чтобы атаковать их с тыла.

К сожалению его план был нарушен выстрелом одного из дозорных. Как один, полуэскадрон повернул налево и направо назад и точно вспуганная стая пошел к переправе. Аликов выскочил со своим взводом и началась погоня. Сидя на кровной лошади, корнет значительно отделился с 3-4 драгунами, и врубился в хвост колонны. Растерявшиеся немцы, частью сбились на переправе болотистой речки, частью же барахтались в ней и переползали на противоположный берег.

Корнет Аликов не попал на брод, но энергия кровной лошади вынесла его на противоположный берег и он, с несколькими драгунами продолжал рубить. Тщетно пытался германский офицер остановить своих и заставить их повернуть, но окончательно вышедшие из его рук люди полуэскадрона, потерявшего 14 человек убитыми, утратили боеспособность. Стремительный удар русских драгун, порыв офицера и кучки солдат с лихим унтер-офицером, не отставших от своего офицера сделали то, что противник, понеся потери, только стремился уйти. Взвод наш потерял лишь одну лошадь убитую упавшим немцем и успевшим использовать свой карабин.

Интересно отметить, что драгун под которым была убита лошадь, первым делом снял с нее седло, еще не зная результатов боя, он все же очевидно считал, что казенное имущество не должно быть покинуто и он на себе донес до места сбора разъезда, туда собирали и попавших в руки разъезда до десятка коней противника.

В двадцатых числах августа, разъезд 16 др. Тверского полка поручика Берг, высланный из м. Пасечно, проходя одну из польских деревушек, сделал в ней привал, по окончании которого двинулся дальше. Поручик Берг задержался с расплатой за фураж и когда, покончив, рысью пошел по улице догонять разъезд, неожиданно наткнулся на двух неприятельских всадников, выходящих из боковой улицы. Не дав им опомниться, поручик Берг кинулся на них, зарубил одного и стал преследовать другого. Берг рубит и этого, после чего присоединяется к разъезду, который обеспокоенный отсутствием офицера шел к нему на встречу, тем более, что дозоры дали сведения о появившимся противнике.

В тот же промежуток времени происходят два столкновения с германскими самокатчиками в районе Новорадомки. В первом, разъезд Хоперского казачьего полка подкараулил отряд самокатчиков, проходивших мимо опушки, где их поджидали казаки. Подхорунжий, боясь, что немцы повернут обратно, решил их несколько пропустить, а затем атаковать. Расчет оказался неверный, самокатчики наддали на педали, выиграли растояние, после чего заняли придорожную канаву и открыли огонь по казакам. Атака не удалась, казаки понесли потери и после перестрелки, самокатчикам удалось уйти.

Во втором случае, пол эскадрона Тверского др. полка, под командой поручика Заур-бека Туганова, атаковал в лесу, на поляне, сильный отряд германских самокатчиков. Атака была внезапна и решительна, отряд самокатчиков, после беспорядочной стрельбы был частью порублен, частью взят в плен, частью рассеялся в лесу, оставив драгунам 78 велосипедов.

Кроме перечисленных эпизодов, я не могу не упомянуть, хотя память не позволяет точно определить место столкновения разъезда от 18-го др. Северского полка под командой корнета Цыклаурова. Разъезд атакует встреченного и превосходящего в силах противника, причем начальник разъезда лично берет германского офицера в плен. В этом деле немцы потеряли несколько человек пленными и убитыми.

7 сентября у местечка Блашки происходит столкновение 1-го эскадрона 17-го др. Нижегородского полка с эскадроном конно-егерей 1-го, Императора Вильгельма, полка. В руках у командира эскадрона было не полных два взвода, когда им было получено донесение о появлении неприятельской кавалерии, силой не менее эскадрона. Понимая, что отход от м. Блашки, может поставить в опасное положение возвращавшихся из разъезда чинов эскадрона, ротмистр Люкс, ведет всех имеющихся у него под рукой людей на встречу подходящему эскадрону противника. По дороге к нему присоединяются отходящие драгуны разъезда, доводя его силы до трех взводов. Встреча противников происходит неожиданно, при повороте. Канавы обрамляющие с обеих сторон дорогу препятствуют

развернуться и столкновение происходит в походной колонне. Германские конно-егеря были опрокинуты драгунами, частью изрублены, частью, с одним офицером, попали в плен, остальные обратились в бегство.

Потери Нижегородских драгун: убит командир эскадрона ротмистр Люкс, пораженный пулей германского офицера, и два, три драгуна, получившие легкие царапины от палашей, коими сопротивлялись немцы, неумело владевшие своим неудобным оружием.

В тот же день эскадрон Тверских драгун рубит взвод Саксонских кирасир, а полтора эскадрона того же полка, под командой ротмистра Мхеидзе, в районе м. Пасечно, атаковывают пол эскадрона германской конницы переправлявшегося через реку и рубят его, поголовно уничтожая.

Приблизительно тогда же, небольшой офицерский разъезд от Хоперского казачьего полка под командой сотника Цвешко получает задачу взорвать ж. д .мост у Ченстохова. Следуя по тылам противника, разъезд подошел вплотную к мосту охраняемому взводом пехоты.

Захватив подрывные патроны, сотник, с двумя казаками, подкрадывается к мосту, выбирается на него, подкладывает патроны, поджигает фитиль и отходит, но взрыва не следует. Чувство долга и досады пересиливают инстинкт самосохранения и он, пробравшись, обнаруживает причину неудачи — потухший фитиль, вновь поджегши который, он отходит, видит взрыв и благополучно выводит разъезд на присоединение к своему полку.

В первых числах сентября, резъезд от 18 др. Северского полка, под командой корнета князя Дадиани, нарывается на крупные силы германской конницы (до 4-х эскадронов). В течение целого дня, корнет гонит перед собой небольшие разъезды противника, не посмевшие ни разу с ним столкнуться, хотя силы каждого из них не уступали количеством его разъезду. Под вечер, он случайно очутился вблизи эскадрона немцев, по его собственному признанию его подмывало атаковать этот эскадрон и он с трудом удержался лишь по двум причинам: присутствие по близости еще трех неприятельских эскадронов, а во вторых его противником были все-же «Гусары Смерти», таково моральное обаяние даже чужой славы.

Я привел этот эпизод для характеристики тех настроений кои владели офицерской молодежью полков дивизии, той веры кою они питали к подготовленным ими драгунам, убедившимся на деле, в почти ежедневных столкновениях, что германская конница, в конном одиночном бою, им не противник. Вооруженная пиками и палашами, воспитанная более на уколе, она холодным оружием не владела и в него не верила. Карабины, притороченные к седлам, после понесенных неудач переносятся за спины, но не возвращают этой коннице веры в конный удар.

Носящая громкие названия, «гусар смерти», «улан», «кирасир» — она, в сущности, по своим действиям, только ездящая пехота.

За все пребывание Кавказской кавалерийской дивизии в 1914 г. впереди Варшавы, ни один чин из ее состава не был мало мальски даже серьезно ранен холодным оружием. Если же потери были, то исключительно от огня спешенных частей, пехоты или артиллерии.

Встреченный на полях Польши противник, далеко уступал в своей конной подготовке нашим Кавказским полкам. Это ярко проявилось в первом же столкновении, подтвердилось в последующем и германская кавалерии, как таковая, сошла со сцены театра военных действий. Ее разведывательные органы избегали встречи с нашими, а если им не удавалось ее избечь, то результаты были для них неизменно роковые.

Этим только и можно объяснить, что командованию дивизии удалось в этот период блестяще выполнить возложенную на дивизию задачу, прикрыть на фронте 200 верст, левый берег Вислы, от государственной границы до Варшавы, от проникновения в него разведывательных частей противника».

С генералом А. В. Шварцем в Одессе

Я. И. Кефели

(Окончание)

Ранней весной 1919 г. неожиданно в Одессу приехал из Константинополя будущий маршал Франции, генерал Франшэ д'Эсперэ, Главнокомандующий союзными войсками на Ближнем Востоке.

В это время Одессу занимали французские войска генерала д'Ансельма и на рейде стоял англо-французский флот. Одновременно городом и его округом управляли русские добровольческие части от имени генерала Деникина.

Большевики приближались к Одессе, их иррегулярные части постепенно захватывали ближайшие города. Французских войск было мало. Они почти не вступали в борьбу с большевиками. У добровольцев в распоряжении была только офицерская бригада генерала Тимановского, в составе около трех тысяч человек. Она находилась вне Одессы, по линии железной дороги и сдерживала

большевицкие отряды, напиравшие на Одессу. Между тем на довольствии, в Штабе Одесского Военного Округа, числилось около десяти тысяч человек.

Генерал Франшэ д'Эсперэ был недоволен действиями русских военных властей, назначенных генералом Деникиным. После разговоров с различными русскими политическими деятелями, скопившимися в большом числе в Одессе, он пожелал переговорить и с генсралом Шварцем, жившим на Пушкинской улице, вместе со своей женой после того, как он переехал из квартиры моего отца.

В это время Шварц был болен и лежал в постели с температурой 39 градусов. Вдруг к нему на квартиру приезжает сам Франшэ д'Эсперэ. Войдя в комнату больного и увидев у постели генерала его жену, Франшэ д'Эсперэ коротко бросил ей: «Мадам, вуле ву сортир», любезность не французская. После получасового разговора с глазу на глаз, он уехал.

Через четверть часа, я пришел на квартиру к Шварцам. Вот, что мне тотчас же рассказал Алексей Владимирович об этом свидании, прося моего совета. Франшэ д'Эсперэ предложил генералу Шварцу стать во главе краевой власти, которую он наметил создать для Юго-Запада России, наряду с существующими подобными правительствами Крымским, Сибирским, инородческими на Кавказе и генерала Деникина в Юго-Восточной России. Но так как сразу не предполагалось раскрывать карты, то он предложил генералу Шварцу пока, должность Генерал-Губернатора и Командующего войсками на Юго-Западе России. В помощь ему было предложено назначить несколько политических деятслей, как бы будущих министров, для заведывания различными отраслями государственного управления.

Франшэ д'Эсперэ обещал ему следующую помощь, в случае согласия:

1 — Передвинуть в сторону Бирзулы французский корпус генерала Бертело, находившийся в Румынии.
2 — Подкрепить целым греческим корпусом союзные войска находившиеся на юге России.
3 — Прислать в Одессу девять батальонов чернокожей пехоты.

Цель этих значительных воинских сил была расширить плацдарм на Юго-Западе России, чтобы генерал Шварц мог спокойно создать новую русскую армию из местного населения. Генералы предполагали, что будет сделана обыкновенная, всеобщая мобилизация, а не добровольческая.

Шварц не давал своего согласия, не желая быть в конфликте с генералом Деникиным. Тогда Франшэ д'Эсперэ сказал, что берет на себя уладить дело и пошлет к Деникину своего штаб-офицера на миноносце, специально для этого.

В виду того, что Шварц все же не дал своего согласия, к нему больному, началось паломничество политических деятелей. Не было, кажется, заметного человека, который бы не побывал на скромной квартире генерала. Три раза приезжал, в белом клобуке, торжественно Митрополит Северо-Американский Платон, который в это время тоже был в Одессе.

Наконец Шварца уломали и он согласился.

Основным мотивом было то, что деятельность в Одессе начинается немедленно, а по плану Гучкова началась бы только через несколько месяцев. События шли с головокружительной быстротой, а широкое содействие союзников сулило успех.

Невозможность бросить на произвол судьбы громадный город со всеми скопившимися там остатками русской политической интеллигенции решила вопрос в пользу Одессы.

Когда узнал об этом Гучков... вознегодовал: он был решительно против этого и настаивал чтобы генерал Шварц ехал в Париж для выполнения его плана. Он говорил, что вся его надежда была на генерала Шварца, тем более, что по его плану, главнокомандующим в задуманных им действиях против большевиков, должен был быть генерал Гурко; в случае же его отказа, он хотел поставить главнокомандующим самого Шварца.

У генерала Шварца состоялось с Гучковым крупное объяснение, закончившееся почти ссорой между старыми друзьями. Гучков уехал без Шварца, со своим помощником, генералом Филатьевым, направляясь в Париж.

Тотчас появился приказ, не помню какой власти, и генерал Шварц стал Генерал-Губернатором города Одессы и союзной зоны и Командующим в ней войсками. Было сформировано указанное мною нечто вроде правительства и начали готовиться к созданию армии.

Как бы верховной властью в крае стал генерал Шварц. Как бы главой будущих министров был назначен один из русских политических деятелей с французской фамилией, Андро, человек близкий оккупационным кругам. Если не ошибаюсь, он должен был ведать внутренними делами.

Государственным контролером был поставлен чиновник Контроля д. с. с. Ильяшенко. Для заведывания финансами в новое правительство вошел профессор М. В. Бернацкий, который в это время уже был министром в правительстве Деникина. Находясь в это время в Одессе, он, после каких-то переговоров с правительством Шварца, согласился быть одновременно министром финансов и здесь.

Позабыл фамилии остальных членов этого правительства, но хорошо помню, что во главе какого-то ведомстма был поставлен инженер Рутенберг, убийца Гапона.

В Государственном банке находилось 400 миллионов карбованцев, тогда еще державшихся на довольно хорошем курсе. Даже через два месяца, уже в день эвакуации, за карбованец давали на черной бирже три французских франка. Кроме того, в Казначействе находилась некоторая сумма

золотом. Помнится, около восьми миллионов рублей.

После эвакуации в Турцию, всю золотую наличность, сохранившуюся в целости, так как ее не расходовали, генерал Шварц решил передать генералу Деникину, вместе с оставшимися крупными бумажными деньгами. С этими суммами профессор Бернацкий и уехал к генералу Деникину.

Несмотря на предупредительные шаги Шварца к миссии генерала Деникина, в Константинополь очень скоро пришли вести, что Деникин недоволен всем тем, что произошло в Одессе и считает генерала Шварца в числе врагов начатого им дела. Тогда ген. Шварц решил послать своих посланцев к адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю России, для личного доклада и отдачи отчета в своих действиях. Отъезд этих представителей, однако, не состоялся.

Как только образовалась новая власть, к генералу Шварцу началось хождение самых разнообразных лиц: одни давали советы, другие клеветали друг на друга, третьи указывали на различные возможности для новой власти, и, между прочим, использовать разбросанные в разных местах военные материалы.

Для новой Русской Армии Юго-Запада России, задуманной на совещании маршала Франшэ д'Эсперэ с генералом Шварцем, конечно, также были намечены все технические новшества в организации и вооружении, которые были разработаны для дессантной армии Гучкова.

Несмотря на то, что набор солдат должен был быть всеобщим по призывным возрастам, как это было в старой России, все же решено было сначала призвать только немцев-колонистов из многочисленных немецких колоний под Одессой. Думали, что немцы будут политически более надежны в борьбе с большевиками.

Начальником Штаба для этой армии остался тот-же генерал Прохорович. Насколько помню, генерал Шварц и управления всех специальных служб новой армии оставил в руках тех же лиц, кои были приглашены им для дессантной армии Гучкова. Я также получил его предложение занять должность Начальника Санитарной части.

Мое управление сорганизовалось с невероятной быстротой, как будто все наши чиновники только и ждали звонка, чтобы усестся за столы. Однако, весь этот треск громких должностей и крупных ассигнований в этом хаосе, в котором находилась Одесса был почти безрезультатен. Механизм управления края был так разрушен, что никто наших приказаний, кроме ближайших чиновников, не исполнял.

Текущий быт поддерживался в силу инерции. Исправно выходили газеты. Играли театры. Синема были переполнены. Жизнь как будто кипела, но как то особенно. Подобно тому, как на пожаре толпа смотрит в живо обсуждает мелочи происходящего, беспомощная спасти от пожирающего пламени свои жилища и свой скарб, так и мы современники, соучастники и погорельцы мировой революции наблюдали за языками ее пламени, беспомощные его погасить. Так горела тогда вся Российская Империя от спичек «государственных шалунов», среди коих первое место Гучкову и Керенскому.

Единственно кто мог правильно оценить военно-политическую обстановку в Одессе были только русские генералы. Однако, у них не было никакой воинской силы для действия и принуждения. В Одессе было троевластье. Официально правили французы, неофициально интриговали англичане, флот которых тоже стоял на рейде. Четвертой же властью, и, может быть, наиболее сильной и опирающейся на широкие рабочие массы, были большевицкие тайные агенты.

Все управление нового правительства генерала Шварца продолжалось около полутора месяца. Как не трудно было действовать в этой атмосфере полного разложения, все же, благодаря организаторским талантам Шварца кое-что уже начали делать.

При крайнем разложении административного аппарата у власти не было опоры. В распоряжении командующего войсками все еще не было ни одной воинской части. Бригада генерала Тимановского находилась за городом по линии железной дороги и сдерживала наступление большевицких отрядов. Единственной воинской силой в пределах города были только французские войска, очень немногочисленные, около 5.000 человек.

Поэтому, когда прибыл обещанный маршалом Франшэ д'Эсперэ греческий корпус, численностью будто бы до 30.000 человек, все думали, что порядок скоро наладится.

По городу быстро катили автомобили с греческими офицерами. Все греки были прекрасно одеты в защитные новые шинели с узкими золотыми и серебрянными погонами, как у наших чиновников. Офицеры были деловиты и скромны. Солдаты спокойны и хорошо шли в строю. Многочисленное в Одессе греческое население гордилось своими соплеменниками пришедшими выручать из беды единоверную великую православную Россию.

Греческий корпус был направлен на расширение плацдарма для будущей русской армии, формируемой ген. Шварцем. Греков направили в сторону Николаева. Они скоро вошли в контакт с неприятелем. Как говорили, греки вели себя храбро, но совершенно не знали военного дела в условиях междуусобицы. Русских руководителей с ними не было. Французы же и сами плохо разбирались в этом. О французских войская говорили, что большевицкая пропаганда проникла в их среду.

15 марта я поехал по делу к генералу Шварцу. Там, к пятичасовому чаю собралось большое общество самой разнообразной публики, военной, горожан и наехавших политиков. Строились планы на будущее, в связи с прибытием обещанных Франшэ д'Эсперэ союзных войск. Казалось, как будто дело сдвинулось с мертвой точки.

Комиссии для призыва солдат выехали в не-

мецкие колонии, чтобы положить начало будущей армии. Это было за два-три дня до объявления эвакуации.

Вечером пришел я домой. Дома был уже и мой брат, адъютант Шварца, и рассказывал моему отцу о возможных больших переменах. На утро, отец, вернувшись с базара, сказал, что все, что я и брат накануне ему сообщили о планах и действиях новой власти, не сбудется, так как на базаре говорят, что скоро всех нас выгонят и через несколько дней придут большевики и что он лично больше верит пантофельной прессе, чем заявлением власти. Так оно и вышло.

Через день после этого, я вышел рано из своей квартиры. К удивлению моему вижу, что навстречу едет в экипаже, один, генерал Шварц. Это почему-то встревожило меня. Потом оказалось, что генерал, получив ночью известие от д'Ансельма об эвакуации, скал к нему для объяснений и протеста. Все было напрасно. События решались в Париже.

С утра, мы сидели в моем управлении, как вдруг меня потребовали к телефону из штаба генерала и кто-то мне сообщил, что неожиданно объявлена эвакуация и что в течении двух суток все желающие должны приготовиться к отъезду заграницу. Все были поражены, не могли ничего понять. Я отправился узнать о причине происшедшего. Мне сказали, что правительство Клемансо подало в отставку, и что новые власти, не надеясь на свои войска, не желающие воевать, срочно вызывают их на родину.

Резоны эти были сомнительны. Если Одесский гарнизон был ненадежен, то целый греческий корпус был вполне надежен. Кроме того должны были прибыть в Одессу девять батальонов чернокожих, на которых можно было положиться. Затем, в Румынии был французский корпус генерала Бертело, который тоже был надежен. Чем же объяснить столь внезапную и катастрофически спешную эвакуацию?

Сбор всех отъезжающих и выдача заграничных документов происходили в большой гостинице, перед бульваром. Толпы народа осаждали эту гостиницу кое-где лежали раненые. Когда же мы ехали на пристань, стрельба еще более усилилась, особенно в порту.

В одной из излучин гавани чернела огромная толпа народа. Таскали какие-то вещи, большие чемоданы и все это сносилось в большие, переполненные углем, баржи. Распоряжались морские офицеры, но был такой хаос, что трудно было понять, кто именно распоряжается.

Прибывших пасажиров усаживали в те-же баржи, куда был нагружен их багаж.

Уезжающих было очень много, баржа была полна. На берегу же оставалась еще громадная толпа в несколько тысяч человек. Были ли это ожидавшие очереди посадки будущие эмигранты, провожавшие их или иной какой народ, понять было нельзя. Медленно наша баржа отделилась от портовой стенки и буксир потащил нас к выходу на внешний рейд, к стоявшему там французскому параходу «Коказ», отведенному французами для генерала Шварца и его штаба.

Грустно и тяжело было у нас на душе. Беспокойство о судьбе оставшихся на произвол бушующей стихии революции с ее жестокостями, голодом, болезнями и мрачные, туманные перспективы будущей жизни за рубежом, переполняли наши сердца.

ДОКУМЕНТЫ:

1. ПАМЯТНИК ПРЕБЫВАНИЯ РУССКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦИИ В 1814 Г.

Перед нами оригинальный редкий документ от 13 апреля 1814 г. (*). Бумагу венчает герб французской империи, который видно не успели еще заменить. Под ним большими буквами напечатано: «Мэрия Сен-Дени» т. е. городское управление одного из известных пригородов Парижа, а еще ниже, следует текст написанный от руки, который стоит перевести:

«Мэр, его помошники и главные жители Сен-Дени, проникнутые самой пылкой благодарностью за полное великодушия поведение господина полковника Нарышкина, командира бригады 15-й дивизии 9-го корпуса русской армии, кавалера св. Владимира 4-го класса, св. Анны 2-го класса, шпаги за храбрость, креста за Прейсиш-Эйлау и прусского ордена За Военные Заслуги, за все время когда он исполнял в нашем городе должность начальника гарнизона, считают своим долгом засвидетельствовать ему, что в его лице они всегда имели защитника их лиц и имущества. К глубокому их сожалению покидает он должность, в которой он сумел привлечь к себе привязанность и уважение жителей. Умоляет его принять заверение, что воспоминание о его командовании не исчезнет из нашей памяти и что на веки его имя будет произноситься жителями с самой пылкой благодарностью.

Дан во дворце городского управления Сен-Дэни, 13 апреля 1814».

Следует 16 подписей и официальная печать мэрии, все еще с Наполеоновским Императорским орлом.

Нам известны многочисленные письма и свидетельства подобные тому, которые получил Кирилл Михайлович Нарышкин. Рожэ Андрэ, в своей

книге «Оккупация Франции союзниками в 1815 г.» приводит целую серию подобных документов.

Когда русские войска покидали Францию в 1818 г., в честь некоторых генералов французы отчеканили золотые медали, которые были им торжественно вручены (см. статью А. В. Щиткова № 22 «В.-И. Вестника»).

2. «УКАЗ ОБ ОТСТАВКЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА И КАВАЛЕРА НАРЫШКИНА 2-го

По указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего, Генерал-Майор Кирила Михайлов сын Нарышкин, 42 лет, из Дворян Московской Губернии. За отцом его состоят крестьяне в неразделе. В службу вступил юнкером 1803 года Мая 21 в бывший 12 артиллерийский баталион, в коем портупей юнкером, Сентября 8. Переведен в бывший 8 Артиллерийской полк того же года и месяца 10 числа, и в оном Подпоручиком 1805 Апреля 13, Поручиком 1807 Января 21. Переведен в Лейб-Гвардии бывший Артиллерийский баталион 1808 февраля 15. Назначен Адъютантом к Военному Министру 1810 Ноября 11. Преведен Лейб-Гвардии в Преображенский полк с оставлением при прежней должности 1811 Ноября 3, в котором Штабс-Капитаном того-же года Декабря 9. Капитаном за отличие по службе 1813 Мая 4. Полковником того ж года Декабря 7 с назначением командующим Колыванским пехотным полком, назначен командиром Псковского (что ныне фельдмаршала Князя Кутузова Смоленского) пехотного полка 1815 июня 1. Генерал-Майором 1821 Декабря 12 с назначением командиром 3 Бригады 3 пехотной Дивизии.

Находился в походах и делах: 1806 года Ноября с 23 в Прусии и там в сражении против французских войск: 1807 Января 22 при д. Командорфе, 26 и 27 г. Прейш-Эйлау, за каковое дело имеет золотой крест, Мая 24 при сбитии сделанных неприятелем по реке Пассарге полевых укреплений и при прогнании оттуда неприятельского корпуса, 29 при г. Гельсберге, и за оказанное при оном отличие награжден золотою шпагою с надписью «За храбрость». Июня 2 при Фридланде, за отличие при оном имеет Королевско-Прусский орден «За заслуги». 1812 в Российских пределах против тех же войск в сражениях: при г. Витебске, Августа 5 и 6 Смоленске, потом в арьергардных сражениях при Вязьме и Гжатске, 24 и 26 при с. Бородине, за оказанное при оном отличие награжден орденом С. Владимира 4 степени с бантом, потом в арьергардном сражении под Можайском, при ретираде до Тарутина и при оном. Октября 12 под г. Малым-Ярославцем, за отличие при оном награжден орденом Св. Анны 2 класса, потом при м. Медине. Ноября 4, 5 и 6 под г. Красным. За участие в кампании 1812 года имеет серебряную медаль на голубой ленте.

1813 за границею, Марта с 28 по 4 Апреля при осаде и взятии кр. Торна, Мая 7 при атаке и разбитии неприятеля под Кенигсвартом, 8 и 9 г. Бауценом, за оказанное при оном отличие получил Высочайшее благоволение, Августа 13, 14 и 15 при осаде г. Дрездена, 17 и 18 в сражении при разбитии неприятельского корпуса при д. Кульме, и за отличие при оной награжден орденом Св. Анны 2 класса алмазами украшенным и имеет Королевско-Пруский железный крест, Октября 4, 6 и 7 в сражении при разбитии неприятеля под г. Лейпцигом, с 10 по 25 в преследовании неприятеля до реки Рейна.

1814 во Франции. Января 17 и 20 при м. Бриен-Ле-Шато и Ларотьере, в коем сражении получил сильную контузию в левую ногу, и за оказанное при том отличие награжден орденом св. Владимира 3 степени. Потом, командуя корпусным авангардом в сражении: при г. Шампобере, февраля 19 и 21 при Нельи и г. Суассоне, марта 17 и 18 при г. Сендизье и занятии оного, за оказанное в оном сражении отличие, имеет Королевско-Прусский орден красного орла 3 степени. Оттуда обратно в Россию.

Имеет серебряную медаль, установленную в память вступления Армии 19 марта 1814 года в Париж. 1815 в походе вторично во Францию и обратно.

В отпуску был: в 1809 году на 28 дней, 1814 Сентября с 19 по 1 февраля 1815 года, 1816 на два месяца, 1818, 1822 и 1824, каждый раз на 28 дней, также с Августа месяца 1825 года.

В штрафах и под судом не бывал. Женат на Анне Николаевой Сутловой. Имеет двух сыновей Алексея и Петра. К повышению атестован достойным. 1826 года февраля в 8 день, по Высочайшему Его Императорского Величества приказу, уволен от службы за раною с мундиром. Во свидетельство чего по Высочайше представленному мне уполномочию дан сей указ ему Генерал-Маиору Нарышкину 2 за моим подписанием и с приложением герба моего печати в Главной квартире в г. Могилеве на Днепре. 16 Декабря 1827 года.

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего, Генерал-Фельдмаршал, Главнокомандующий 1 Армией, Государственного Совета член, Шеф пехотного моего имени полка и орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия большого креста 2 степени и Св. Анны первого класса, Императорско-Австрийского Марии Терезии Командор и Королевско-Пруских черного и красного орла кавалер

граф Сакен»

(*) Оригинал находится в частном собрании.

3. СОВЕТ ПРИ 1-Й ГВ. ПЕХ. ДИВИЗИИ 1906 Г.

Предлагаемый документ, извлеченный из архива л.-гв. Егерского полка, относится к революции 1905 г.

На попытку революционеров проникнуть в войска, командный состав ответил конкретными мерами. Так при 1-й гвардейской пехотной дивизии, был основан «Совет», которому было поручено дело ограждения солдат от враждебных государственному строю России, влияний.

«Утверждено командующим дивизией 21 января 1906 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О СОВЕТЕ, учреждаемом при 1-й Гвардейской пехотной дивизии по вопросам умственного и нравственного развития нижних чинов дивизии.

ЗАДАЧИ СОВЕТА

1. Содействие умственному и нравственному развитию н. чинов дивизии, в духе преданности и любви к Царю, любви к родине, чувства долга и дисциплины.
2. Борьба против зловредных стремлений революционно анархистских пропаганд.
3. Распространение среди н. чинов дивизии правильных взглядов на их права и обязанности, как граждан и благонамеренных членов общества.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТА

1. Состав Совета. Председатель — полковник. Товарищ председателя — полковник или один из старших капитанов дивизии; члены — 8 обер-офицеров, по 2 от каждого полка, один непременно из ротных командиров, другой вообще из обер-офицеров полка, не ниже поручика; делопроизводитель.
   Кроме того от каждого полка назначается один кандидат, для замещения членов Совета при временной их убыли.
2. Председатель Совета и Товарищ Председателя избираются Начальником Дивизии, а члены Совета — командирами полков.
3. Делопроизводитель Совета — обер-офицер, по назначению Начальника дивизии, или по выбору Председателя, если последнему будет это представлено Начальником дивизии.
4. Гг. штаб- и обер-офицеры могут быть назначены в Совет лишь при их личном желании поработать на этом поприще. Срок пребывания в составе Совета вообще не ограничивается, но желательно, для пользы дела, чтобы каждый поработал в нем не меньше года.
5. Совет по всем делам его ведения подчиняется непосредственно Начальнику дивизии. Председатель имеет личный доклад у Начальника дивизии.
6. Товарищ Председателя заменяет последнего во всех случаях его отсутствия, равно как и в докладах Начальнику дивизии.
7. Делопроизводитель ведет всю переписку по делам Совета и подчиняется непосредственно Председателю.
8. Все перемены в личном составе Совета делаются с ведома Начальника дивизии. Временно убывающих членов (болезнь, отпуск и проч.) можно и не замещать другими, если Совет будет в состоянии продолжать успешно свое дело.
9. Все вопросы в Совете решаются простым большинством голосов. При равенстве голосов решающее значение имеет голос Председателя.
10. Все постановления Совета утверждаются Начальником дивизии и после этого обязательны для исполнения в полках дивизии.
11. Члены Совета докладывают своим командирам полков о ходе работ, если гг. полковые командиры не будут в заседании Совета, что вообще, время от времени, весьма желательно.
12. Кроме постоянных членов, к работам в Совете могут привлекаться все желающие чины дивизии (и духовенство), как члены сотрудники, без права голоса в решениях.
13. Посторонние лица на заседания Совета безусловно не допускаются. Но члены Совета и члены-сотрудники могут пользоваться их советами, помощью и даже работами на пользу дела.
14. Денежные средства Совета образуются 1) из единовременных пожертвований чинов дивизии, 2) постоянных взносов гг. офицеров, путем ежемесячных вычетов из содержания, не более 50 коп. в месяц с каждого, 3) из казенных отпусков, если таковые удастся исхлопотать, 4) частных пожертвований, без всякого, конечно, организованного сбора этих пожертвований.
15. Собранные и отпущенные казной деньги Совет расходует на надобности дела, ведя строгую отчетность. Деньги должны храниться в денежном ящике одного из полков.
16. Место собраний Совета указывается Начальником дивизии.
17. Совет собирается по мере надобности, но не менее одного раза в неделю.
18. Штаб и полки дивизии приходят на помощь Совету имеющимися у них средствами, для печатания, литографирования и доставки изданий Совета.

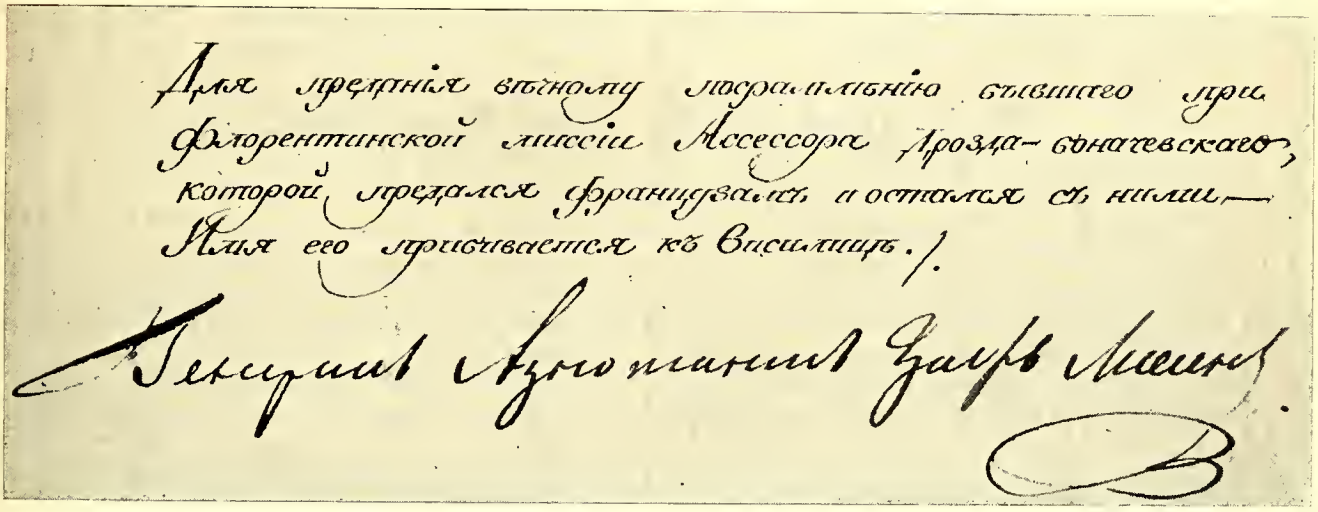
Оригинал находится в частном собрании в Париже.

ПРОГРАММА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА

1. Принимает меры, для пояснения нижним чинам назначения Государственной Думы и объема дарованных населению новых гражданских прав.
2. Рассматривает направление издающихся дешевых газет и рекомендует наиболее полезные из них, для выписки в роты, команды, в солдатские артели и вообще для чтения нижних чинов.
3. В виде особого приема борьбы с пропагандой, указывает для ознакомления нижних чинов, безобразные статьи, брошюры и всякие издания крайних партий и дает разбор, показывая всю их лживость, наглость и бессмысленность.
4. Рекомендует брошюры и листки, для чтения нижних чинов.
5. Составляет и издает брошюры и листки, для обращения среди нижних чинов. Они должны быть написаны понятным для простолюдина языком, горячо и убедительно.
6. Составляет и помещает в газете, рекомендованной Начальником дивизии, для выписки в роты и безусловно только с его разрешения, различные статьи.
7. Составляет программы, для бесед ротных командиров с нижними чинами по разным вопросам текущей жизни, до военной службы даже и не касающимся.
8. Составляет программы для бесед батальонных командиров с унтер-офицерами.
9. Составляет программы для чтений нижним чинам, с туманными картинами или без них.
10. Заботится о всех технических приспособлениях для таких чтений (фонарь, карты и проч.).
11. Привлекает лекторов, для чтений, дает им темы и рекомендует их во все полки.
12. Составляет каталоги книг для пополнения ротных библиотек.

Начальник Штаба 1-й Гв. пех. дивизии
Полковник . . . . . (подпись неразборчива)»

4. НЕОБЫКНОВЕННОЕ НАКАЗАНИЕ (1799 г.)



Из архива корпуса принца Конде. Замок Шантильи.

5. ФРАНЦУЗСКИЕ БОЕВЫЕ НАГРАДЫ РУССКИМ ПОЛКАМ

Приводимые нами документы извлечены из французских архивов. Это оригинальные тексты коллективных боевых наград, присужденных французским командованием частям русского экспедиционного корпуса в 1916-17 гг. за операции во Франции и в Македонии. По французским законам эти приказы по армии влекли за собой награждение полковых знамен 1-го, 2-го, 3-го, 5-го и 6-го Особых пехотных полков и батальонного значка III-го батальона 2-го полка — орденом Военного Креста высшей степени (пальма на ленте креста). Посколько нам известно это единственный случай в русской военной истории награждения полковых знамен Императорской Армии иностранным орденом.

Приказ № 166, от 25 апреля 1917 г. по 5-й Армии:

«1-ая особая русская пехотная бригада, в составе 1-го и 2-го полков.

Отборная бригада. 16 апреля 1917 г., под энергичным командованием своего командира, генерала Лохвицкого, блестяще овладела всеми объектами атаки. Доведя до конца свое усилие, не смотря на тяжелые потери, особенно в офицерском составе, отразила все попытки врага отобрать обратно потерянный им участок».

подпись: Мазелль

Приказ № 174, от 1 мая 1917 г. по 5-й Армии:

«3-я особая русская пехотная бригада, в составе 5-го и 6-го полков.

Тщательно подготовленная своим командиром, генералом Марушевским, выказала блестяшую выдержку в бою. Получив приказание овладеть сильно укрепленным участком, вышла в атаку с большой доблестью, преодолев смертоносный огонь противника».

подпись: Мазелль

Приказ № 10, от 19 октября 1916 г. по Восточной Армии:

«3-й полк 2-й особой русской пехотной бригады.

Между 9 и 26 сентября 1916 г., действуя на высотах достигавших 2.000 м. выполнил блестящую операцию против болгарских войск. Последовательно выбив их с Синжакского, Сешрецкого и Нерецко-Планинского хребтов, сокрушительным ударом, не смотря на чувствительные потери, овладел сильно укрепленной горной позицией к северу от Арменско, решительно содействуя взятию г. Флорина».

подпись: Саррай

Приказ № 646, от 29 сентября 1916 г. по 4-й Армии:

«III-й батальон 2-го особого русского пехотного полка.

18 сентября 1916 г., под командованием своего командира подполковника Верстаксвского, будучи яростно атакован 6-ю ротами германцев, которые наступали под прикрытием сильной артиллерии, встал, как один из окопов, бросился в штыки и своим неудержимым порывом, отбросил неприятеля до его линий, нанеся при том ему сильные потери».

подпись: Гуро

К статье В. Г. фон-Рихтера

(№№ 35-36 «В.-И. Вестника»)

А. Ф. Долгополов делает следующие добавления к статье о нумизматических памятниках Семилетней войны.

«В №№ 35-36 «Военно-Исторического Вестника» была помещена чрезвычайно интересная статья покойного В. Г. Рихтера. Сравнивая описанные им медали с имеющимися у меня, я обнаружил некоторые варианты указанных им медалях и одну, английскую, которую автор не упоминает.

№ 1 «Графу Шувалову», работы Дассье. Белый металл. Д — 55 мм.

№ 2 «Победителю над Пруссаками». Бронза, без ушка. Д — 42 мм.

№ 3 «Графу Бестужеву-Рюмину». Портрет работы D.V.B.V. Бронза. Д — 52 мм.

№ 4 «На смерть Императрицы Елисаветы Петровны». Серебро. Работы B. SCOTT. F. Д — 41 мм. Бел. металл С.Ю.F. Д — 60 мм.

№ 7 «Победа при Кюстрине». Бронза. Д. — 39 мм. Цыфра: 33.000.

№ 8 «В память освобождения Кюстрина». Бронза. Д — 48 мм., без «Н».

№13 Бронза. Д — 42 мм. На щите находится изображение лилии, что вероятно означает Францию, а не Австрию.

№13 Английская. Бронза. Д — 24 мм. Конное изображение Фридриха Пго, обращенное влево. По окружности надпись: BY THE VALIANT KING OF PRUSSIA. Внизу: AUG. 25. 1758.
На обороте, разрыв ядра, поражающий конных солдат.
По окружности, надпись: RUSSIAN DEFEATED. CUSTRIN.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

№ 38

НОЯБРЬ 1971 год

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления 2

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной Артиллерии (1898-1914) (окончание) — **В. Кн. Андрей Владимирович** 3

Записки **графа Д. Ф. Гейдена** 1914-1917 гг. (продолжение) . . . 7

Высочайший выход 1 января 1911 г. — **В. А. Каменский** 15

Похороны доломана Павлоградских гусар 18

Расселение армии по Балканским странам. — **Ген. П. Н. Шатилов** . . 20

Документы:

1. Последний приказ генерала Эверта 26
2. «Демократизация армии» 26
3. Приказ отдельному Кавказскому кавалерийскому корпусу 28

Картины прошлого 35

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

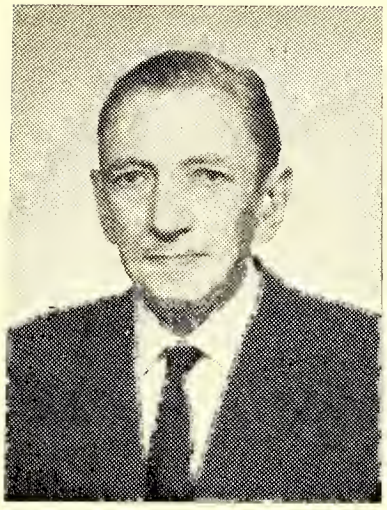
Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **С. П. Андоленко.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

ЭТОТ НОМЕР ПОСВЯЩЕН ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЩИТКОВА



А. В. Щитков

1 сентября нас покинул А. В. Щитков.

Большой патриот, полностью исполнивший в страдные годы отечественной истории свой воинский долг перед Родиной, Александр Васильевич был страстным почитателем нашей ратной славы.

Состоя в нашем обществе почти со дней его основания, он отдал ему все свое сердце. Со временем он стал его душой.

Глубоко образованный и культурный, обладавший обширными познаниями, с особенной любовью он посвятил себя русской нумизматике. Ему мы обязаны ценными статьями, и выпуском ряда юбилейных медалей, которые на веки останутся памятником той гордости, что одушевляла русское военное зарубежье, история Родины.

Но этим не огрганичивалась его деятельность. Все наши собрания, доклады, бюллетени, сообщения, а также неблагодарная административная работа и обширная переписка, ложились на его плечи.

В последний год его жизни, прикованный к постели смертным недугом, он до последней минуты горел нашим делом. Верным помощником его была его супруга Вера Аркадьевна.

Заменить его не возможно. Можно только пытаться продолжать его дело, наше общее дело, которое требует поддержки всех тех, кому дорога русская военная история.

Жизнь и смерть Александра Васильевича — пример для всех нас. Да будет благословенна его память.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гриев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6 sq. Emmanuel Chabrier, 75 - Paris (17).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Сергея Павловича Андоленко: Général S. Andolenko, 3, rue Villebois Mareuil, 94 - Vincennes.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Веры Аркадьевны Щитковой: Madame V. Stchitkoff, 156, Bd. Voltaire. 92 - Asnières.

«В.-И. ВЕСТНИК»

На складе Об-ва имеются еще номера «Вестника» начиная с № 8. Цена номера — 5 фр. или 1 долл.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на оставшиеся в ограниченном количестве медали Об-ва. Подробности и цены см. в № 35/36 «Вестника».

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Окончание)

Общее изменение формы одежды в гвардии коснулось и 6-й батареи. Мундир остался старого образца, но батарее вернули взамен папахи старую шапку времени Императора Николая I, с красным шлыком, с султаном и кутасами. Офицеры получили вицмундиры и чакчиры к парадной форме, вне строя.

Кутасы с кистями были прикреплены, по положению, к шапке, но в конном строю один конец кутаса с кистями отстегивался от шапки и пристегивался особой петлей к пуговице правого эполета. В регулярных батареях была обратная система; этишкетный снур с кистями носился вокруг шеи и конец его был прикреплен к пуговице мундира. В конном строю этот конец снура отстегивался и прикреплялся костыльком к петельке на кивере сзади. Таким образом, в регулярных батареях этишкетный снур всегда носился, даже летом на рубашке, чем солдаты очень гордились.

В 6-й батарее казаки этого постоянного украшения были лишены, чем они были крайне огорчены. Как только я вступил в командование батареей, казаки сразу обратили мое внимание на это обстоятельство и просили, нельзя ли им носить кутасный снур на шее. Технически это было невозможно, так как кутасный снур был наглухо прикреплен к шапке и снять его было нельзя, кроме того он был слишком короток, даже если его спороть с шапки. Я нашел желание казаков основательным — почему они должны быть хуже других — и заказал специальные кутасные снуры удлиненного образца, как у улан, но по форме как на шапке.

Снуры были готовы как раз к объезду Государем лагеря и я с тревогою думал о том, что начальство заметит, что снуры сделаны не по установленной форме. Но никто не обратил на это внимания, может быть, потому, что все остальные батареи имели подобные снуры.

Вскоре после введения новой формы одежды был издан приказ, на основании которого офицерам кавалерии и конной артиллерии разрешалось носить, вне строя, сабли, а офицерам бывших кирасирских полков палаши установленного образца. Приказ этот не касался казачьих частей и тех полков, коим была присвоена шашка азиатского образца.

Некоторое время спустя был издан новый приказ, которым разрешалось офицерам казачьих частей, вне строя, носить «дедовское оружие». В приказе не было определено, что следует понимать под «дедовским оружием», т. е., должно ли было это оружие действительно принадлежать деду в узком смысле слова или к деду в широком смысле, т. е. и к более дальнему в мужском поколении лицу? Не было также ничего сказано про то, следуст ли доказать историческую принадлежность «дедовского оружия» или это предоставляется бесконтрольно решать каждому по совести.

Так как никаких ограничений не было поставлено, то офицерство над деталями и не задумалось. У каждого офицера моментально нашелся «дед», у которого было оружие, конечно «историческое», с которым его предок совершил то или иное геройство, и вдруг все офицеры появились с самыми разнообразными по эпохе, форме и образцу «дедовскими оружиями», весьма сомнительного исторического происхождения. Откуда все это оружие появилось, никто не знал, да и не интересовался.

Мой брат Борис предложил мне выбрать для себя из коллекции оружия отца какое-нибудь оружие помудренсе, хотя и историческое, но я от этого отказался. Но эта страсть среди офицерства носить что-нибудь оригинальное была столь сильна, что каждый желал перещеголять другого и не стеснялся в выборе «дедовского оружия». Картина получилась весьма странная, в особенности во дворце при выходе.

Конечно, и среди командуемой мною 6-й батареи, вопрос этот горячо обсуждался, У некоторых никакого дедовского оружия не оказалось и они извлекли, откуда не знаю, сабли совершенно невероятного типа. У других, действительно, оказалось дедовское оружие, самое настоящее, историческое, но «золотое оружие» с последней турецкой войны или же сабли кавалерийского образца. Тут возник другой вопрос, не менее сложный, — можно ли под дедовским оружием понимать оружие не казачьего образца: драгунские шашки, кирасирские палаши и шпаги, действительно принадлежавшие деду.

Чтобы положить конец всем этим бесплодным спорам, я предложил своим офицерам воздержаться носить фантастическое оружие и даже действительно дедовское, пока мы не выработаем для батареи сабли исторического типа, одинакового для всех офицеров батареи, и я сказал им, что буду

хлопотать, чтобы тип этой сабли был утвержден установленным образом. Все с этим охотно согласились.

Для этой цели я воспользовался имевшейся у меня саблей казачьего и легкокавалерийского образца времен Императрицы Екатерины Великой. Сабля эта была заказана в 1891 году для моего брата Бориса для одного костюмированного бала, в котором он должен был носить костюм Германа из оперы Чайковского «Пиковая дама», недавно поставленной в Мариинском театре. Наш воспитатель Александр Александрович Далер, относившийся ко всему с педантичной аккуратностью, следил за тем, чтобы костюм был исторически верен, а сабля была бы точной копией образца того времени. Я привез в батарею эту саблю и все офицеры одобрили выбранный мною образец, как исторически верный, красивый и подходящий для нашей настоящей формы. По этому образцу я заказал всем офицерам по сабле; их мы и стали носить под видом «дедовского оружия».

Но мне все же не хотелось, чтобы эта сабля имела вид простой фантазии, с другой же стороны я опасался, как бы другие части не воспользовались моим образцом, почему, не теряя времени, я вошел с представлением об утверждении для 6-й батареи этого типа сабли.

В Техническом комитете главного Интендантского управления, при весьма любезном участии генерала Пославского, было составлено подробное описание сабли, которое было приложено мною к моему представлению.

13 августа 1913 года Государь утвердил образец нашей сабли, о чем было объявлено в приказе по военному ведомству 26 августа того же года, за № 452. Этим мы избегли фантастического «дедовского оружия» и ввели в батарее Высочайшее утвержденный образец сабли, исторически верный, чем утвердили в батарее новую традицию. Моему примеру последовали Лейб-Казаки и Атаманцы; каждый полк выбрал свой тип сабли и тоже отказался от фантастического «дедовского оружия».

Почти с первых дней моего командования 6-й батареи офицеры начали обращаться ко мне, чтобы я выхлопотал для батареи возвращение офицерского серебряного револьверного снура с кистями, времен царствования Императора Николая I и начала царствования Императора Александра II. На старинных гравюрах в красках, которые висели у нас в собрании, этот старинный снур был хорошо виден.

Два года они приставали ко мне, но я все не соглашался подымать этот вопрос, считая его совершенно безнадежным. Я был совершенно уверен, что Государь никогда не согласится вернуть офицерам батареи старинного образца снур и создать этим для батареи исключение в то время когда вся армия носила одного образца снур.

Когда же наступила эпоха всеобщей перемены форм в армии и на эти вопросы стали смотреть более снисходительно и удовлетворять просьбы разных частей, я решил попытать счастья, но не знал, как это осуществить и в каком порядке. На всякий случай я заказал один экземпляр револьверного снура образца времен Императора Николая I, по точному оригиналу Интендантского музея, получил оттуда точное описание и историческую справку, когда он был введен в батарею. На основании всего этого я составил памятную записку и хранил все, выжидая случая, чтобы возбудить этот вопрос. Наконец, подходящий случай представился и вот, как было дело.

Ежегодно, в день рождения Наследника, 30 июля, для поднесения ему поздравлений, наряжались депутации от тех частей, в коих он состоял шефом или в которых числился. В этот день части обыкновенно подносили Наследнику или мундир части, или шашку, саблю, или же полное снаряжение нижнего чина в уменьшенном размере.

В 1913 году, в предвидении этого дня, я заказал для Государя и Наследника нового образца батарейные сабли, об утверждении которых я уже возбудил ходатайство по начальству, предполагая их поднести. На клинках, золотой насечкой, были сделаны соответствующие надписи и уложены в деревянные футляры. По установленному порядку, я вошел с ходатайством о разрешении поднести эти сабли, каковое я и получил.

Все депутации от частей собрались 30 июля в Петергофе в нижнем дворце, на берегу моря в саду. Захватив с собою сабли и револьверный снур, я тоже прибыл во дворец к назначенному времени. От батареи я нарядил Анатолия Васильевича Упорникова и Ивана Григорьевича Конькова, которым поручил нести футляры с саблями, а коробку со снуром держал при себе, все еще не зная, что я с ним буду делать.

Депутации впускались во дворец по очереди и старшинству частей. Нас предупредили, что Государь принимает поздравления с Наследником в столовой и чтобы депутации не задерживались излишне. Когда очередь дошла до батареи, мы все вошли в столовую. От имени батареи я принес Государю и Наследнику поздравления и просил принять на память сабли. Государь и Наследник очень милостиво благодарили за поздравления и подарки, полюбовались саблями и надписями, после чего Государь приказал положить футляры на стол. Только что мы собирались уходить, как Государь, заметив в моих руках коробку, которую я ему не поднес и некоторую мою нерешительность, спросил, что это такое. Тогда я доложил Государю, что это образец старого револьверного снура, который офицеры носили в старину и мы были бы счастливы его снова получить. Государь улыбнулся, но ничего не ответил, а приказал коробку тоже оставить на столе. После этого мы все вышли.

Через три дня, 3 августа, Государь был в Красном Селе в театре. Во время антракта я встретил военного министра, Владимира Александровича Сухомлинова, который радостно сообщил мне, что

Государю благоугодно было сегодня утром утвердить для 6-й батареи револьверный снур старого образца и что на днях выйдет об этом приказ. Я с трудом верил словам Сухомлинова, до того не ожидал, что Государь благосклонно отнесется к моей просьбе, которую считал совершенно безнадежной. Тут же Сухомлинов рассказал мне, как все это произошло. Когда он уже закончил свой очередной доклад и собирался уходить, Государь передал ему коробку со снуром, которую я оставил тогда на столе и сказал ему о моем ходатайстве. Военный министр мог бы тут же доложить Государю, что подобное ходатайство не может подлежать удовлетворению, что это составит особое исключение во всей армии и может вызвать справедливую зависть у других частей. Но Сухомлинов ничего подобного не сказал, а напротив горячо поддержал мое ходатайство, находя, как он мне сказал, что подобные царские милости лишь еще больше укрепляют в войсках традиции. Выслушав военного министра, Государь тут же утвердил образец снура, о чем было объявлено в приказе по военному ведомству 26 августа 1913 года за № 443.

Вот, каким образом 6-я батарея получила вновь старый револьверный снур, совершенно исключительного по тому времени образца. Только в Собственном Его Величества Конвое был такой же револьверный снур. Мы, офицеры, конечно были в восторге от этой царской милости.

Этот снур, строго говоря, полагалось носить при парадной форме в строю, когда полагалось быть при револьвере, но мы стали его носить и вне строя, без револьвера, что было не вполне точно, сразу вошло в традицию.

***

Обрывая хронологический порядок моих записей, я должен вернуться на год назад к описанию одного эпизода, который глубоко врезался в мою память и который я считаю необходимым привести здесь, как освещающий исключительную доброту сердца Великого Князя Николая Николаевича, тогда нашего главнокомандующего.

Это было весною 1912 года. Я сидел в Павловске на своей даче и был поглощен составлением мобилизационного плана для 6-й батареи. Час был поздний и я уже собирался окончить работу, как вдруг раздался телефонный звонок. Я был очень удивлен, кто мог мне звонить в столь поздний час. Взял трубку и услышал голос: «Это ты, Андрей?» — «Да, это я! сказал я.

— Это я, дядя Николаша, услышал я. Так в семье мы называли Великого Князя Николая Николаевича.

Он спросил меня, когда он завтра может застать меня дома в Павловске, чтобы срочно поговорить со мною, но тут же прибавил, что разговор этот службы не касается, а имеет частный характер. Я ответил, что я в полном его распоряжении, но сопросил, почему он непременно хочет приехать сюда в Павловск, когда гораздо проще мне приехать к нему в город. Но Великий Князь продолжал настаивать на том, что непременно хочет сам ко мне приехать, не желая меня беспокоить. В конце концов, после довольно длительных переговоров на эту тему было решено, что я к нему приеду завтра утром в условленный час.

Повесив трубку, я остался в полном недоумении и начал ломать себе голову, в чем тут дело и почему ему нужно меня видеть и срочно говорить со мною. Но сколько я не думал, ничего не мог придумать и был лишь рад, что ничего общего со службой будущий разговор не имеет.

На следующий день утром, в назначенный час, я приехал к Великому Князю в его дворец, который он сравнительно недавно себе выстроил на правом берегу Невы, недалеко от домика Петра Великого.

На подъезде меня встретил дежурный адъютант и сейчас же пошел доложить о моем прибытии. Вернувшись очень скоро, он провел меня в кабинет Великого Князя. Когда я вошел, Великий Князь встал из-за своего огромного письменного стола, пошел ко мне навстречу и чрезвычайно любезно, даже ласково, принял меня и усадил в мягкое кресло, предложил курить и уселся против меня. Кабинет очень обширный прекрасно и уютно обставленный, без всякой роскоши. Окна выходили на набережную и открывали великолепный вид на Неву.

Когда мы уселись, Великий Князь просил меня выслушать его внимательно до конца и не перебивать. «Когда я кончу, то тогда я выслушаю тебя, а пока слушай!» — сказал он.

После этих вступительных слов Великий Князь сказал мне, примерно, следующее.

Как главнокомандующий войсками округа, он обязан заботиться не только о вверенных ему войсках, но и о благополучии и здравии своих подчиненных, а потому, если он видит или узнает, что подчиненный болен и требует лечения, то он обязан (Великий Князь интонацией голоса подчеркнул это слово) принять все зависящие от него меры, чтобы поправить его здоровье, для пользы службы. Последние слова были опять особенно подчеркнуты. «Да, для пользы службы», повторил Великий Князь.

«Я нахожу», — продолжал Великий Князь, — «что ты плохо выглядишь, чрезмерно исхудал и у тебя появился плохой кашель». Я хотел возразить, но он меня перебил: «Подожди и слушай до конца».

«Все это убеждает меня, что ты себя плохо чувствуешь и не бережешь себя. Я знаю как ты примерно служишь, а потому такими подчиненными я очень дорожу и не могу допустить, чтобы они не обращали внимания на свое здоровье. Поэтому я требую, чтобы ты лечился серьезно и основательно. Я пришлю к тебе моего доктора Ва-

равку, он прекрасный врач, внимательный и опытный, которому я очень верю. Пусть он тебя осмотрит и доложит мне свое мнение. Если казенного, двухмесячного отпуска будет недостаточно, то я испрошу у Его Величества для тебя неограниченного отпуска, который будет считаться командировкой по Высочайшему повелению. Лечись сколько нужно времени, но возвращайся здоровым. Если воздух Крыма тебе может быть полезным, то мое имение «Чаир» в полном твоем распоряжении на эту осень. «Как только окончатся лагерные сборы, поезжай с Богом, но прошу, возвращайся здоровым. Не стесняйся временем и оставайся в отпуску столько, сколько нужно для полного выздоровления».

Я начал возражать, что не чувствую себя настолько больным, чтобы считать себя вправе воспользоваться его великодушным и трогательным вниманием ко мне, в особенности предложением неограниченного отпуска и воспользоваться его прекрасным имением в Крыму. Кашель, на который он обратил внимание, был вызван повторными бронхитами из-за сырости манежа зимой, но летом, когда станет теплее, все это пройдет. Потом я хотел узнать, кто ему сказал, что я болен, ведь он видит меня редко и не мог лично это заметить. «Это мое дело, как я узнал, что ты болен и не спорь со мною», ответил мне Великий Князь. «Я вполне понимаю твои возражения. Это долг службы тебе так диктует, но поверь твоему старому дяде, который хочет тебе добра и не надрывай твоего здоровья до конца. Если я ошибаюсь, посмотрим, что скажет доктор Варавка. Делай что хочешь:, но если я окажусь прав, то выполни мое требование и не волнуйся за службу. Я обо всем лично доложу Государю и тебе нечего больше беспокоиться».

Последние слова Великого Князя до того меня тронули, что я не мог не поблагодарить его от всей души за внимание к моей судьбе и обещал беспрекословно подчиниться мнению и решению доктора Варавки во всем и, если он найдет нужным, то я воспользуюсь его любезным предложением относительно отпуска и буду рад провести осень в его крымском имении «Чаир».

Мы очень трогательно простились и я ушел глубоко взволнованным столь сердечным вниманием, в особенности со стороны человека, про которого говорили, что у него сердца нет.

Теперь, когда его уже нет в живых и он ушел в лучший мир, многими осужданный, мне хочется воздать ему справедливость, отметив, что в данном случае он проявил много сердца и трогательного внимания и кроме чувства благодарности к нему я ничего другого не сохранил и эта сцена часто воскресает в моей памяти; каждый раз мне хочется сказать ему спасибо за все то добро, какое он мне сделал. Несомненно, он спас мне тогда жизнь, настояв на своем, а это не забывается.

Несколько дней спустя у меня был доктор С. М. Варавка и определил, что у меня залета верхушка одного легкого, которая требует серьезного лечения. После этого был созван консилиум врачей, который подтвердил диагноз доктора Варавки. Врачи решили, что лето я могу провести в лагере, но с осени, когда начнутся холода и наступит сырость, я должен буду выехать в место с теплым климатом.

Лагерный сбор я дотянул до конца, но с трудом: появились головокружения и стала подыматься температура.

Государь согласился считать мой отпуск командировкой и разрешил не присутствовать на Бородинских торжествах.

4 сентября я уехал в Крым в имение Великого Князя Николая Николаевича «Чаир», где прожил два месяца под постоянным наблюдением доктора Варавки. С наступлением холодов Варавка советовал поехать в горы и перезимовать в Сан-Морице.

Вернулся я назад весной следующего года. Доктор Варавка нашел значительное улучшение, но настаивал, чтобы следующую зиму я снова провел в горах в Швейцарии. По окончании лагерного сбора мне снова был дан бессрочный отпуск, и 27 сентября я выехал в Швейцарию, где провел четыре месяца.

Столь продолжительные отпуски лишили меня возможности действительно командовать батарею и я считал несправедливым далее занимать эту должность, почти что фиктивно последнее время. После долгих колебаний я все же решил просить уволить меня от занимаемой должности. Острый период для батареи прошел, порядок был восстановлен, офицерский состав пополнен; из 3-й батареи был переведен Анатолий Николаевич Упорников, а из академии вернулся Шляхтин, оба старые офицеры, из училища поступил И. В. Фолимонов. Упорников, как старший офицер, уже выслужился и мог занять мое место.

В это время произошел довольно курьезный случай с аттестацией на А. Н. Упорникова. Каждую неделю составлялись аттестационные списки и я выслал такую на Упорникова заказным письмом. В назначенный срок письмо не дошло до управления бригады и я получил запрос, выслана ли аттестация. Я послал вторичную аттестацию, так как первая не дошла. Спустя год, уже во время войны, неожиданно я получил через почтовое ведомство 25 рублей за пропавшее письмо. Оказалось, что оно пропало во Франции во время железнодорожной катастрофы, когда сгорели почтовые вагоны.

8 февраля 1914 года я написал Государю и Великому Князю Николаю Николаевичу письма, прося уволить меня от командования батареей, так как состояние моего здоровья не позволяет мне служить как следует. Одновременно я представил старшего офицера батареи Упорникова на должность командира батареи, о чем написал ему письмо.

25 февраля того же года состоялся Высочай-

ший приказ об отчислении меня от должности командира 6-й л.-гв. Донской казачьей Его Величества батареи с оставлением флигель-адъютантом и с зачислением в списки названной батареи. Одновременно я был отчислен в свиту.

Анатолий Васильевич Упорников был назначен командующим батареей, а на Пасху произведен в полковники с утверждением в должности.

Трудно описать то, что я пережил, когда до меня дошел Высочайший приказ. Что-то оборвалось внутри и было бесконечно тяжело и грустно покидать батарею после почти шестнадцатилетней строевой службы.

Приехал я проститься с батареей лишь летом, в июне, в Красном Селе. В этот день я подарил новому командиру саблю, на клинке которой были выгравированы фамилии всех командиров батареи и годы их командования со дня формирования. Эта сабля должна была передаваться уходящим командиром новому, причем фамилия старого командира и годы его командования должны были добавляться на клинке. Эта сабля была названа мною «командирскою».

Прощание было очень трогательное и сердечное и я рад был видеть, что батарея была уже не той, какой я принял ее три года тому назад.

Записки Графа Д. Ф. Гейдена

(1914 — 1917 г.г.)

(Продолжение)

4. Горлокские бои под Львовом (26-30 авг.)

Одновременно с занятием Львова частями III-ей и VIII-ой армий в тот же день 21 августа частями XXIV корпуса нашей армии была занята древняя столица Галиции Галич, а Заднестровским отрядом нашей же армии г. Черновцы, столица Буковины.

23 августа штаб армии перешел во Львов и поместился в доме наместника Галиции. Брусилов поместился в апартаментах Императора Франца Иосифа, а меня с Бобринским поместили в комнате наследника эрцгерцога Карла (будущего Императора Карла V) и жены его принцессы Зиты, портрет которой висел у меня на стене. Я не воспользовался, как потом Керенский в Петербурге, императорской кроватью, а скромно себе устроился в углу на своей походной. В большом бальном зале в два света с хорами поместилась наша штабная столовая, причем мы воспользовались любезностью мажордома наместника и обедали здесь, как в мирное время, с чистыми белыми скатертями, казенной посудой и серебром, и в первый день чтобы отпраздновать победу наших войск, Брусилов даже позволил подать казенного шампанского из погребов наместника, хотя вино до тех пор не входило в обиход нашего стола и уже появилось потом в самом ограниченном количестве. Помню, в первый день нашего прихода в наместничество, произошел комичный инцидент с дежурным генералом Калачевым. Он вообще боялся переезжать в наместничество, боясь, как до него доходило по непроверенным слухам, что здание минировано, и даже не советовал Брусилову туда въезжать. Но мы все-таки въехали и, как на зло, судьба сыграла шутку с напуганным генералом. Вечером он велел приготовить себе ванну и когда влез туда, раздался шум взрыва в соседней комнате. Дежурный генерал выскочил голый из ванны, но оказалось, что по небрежности наших денщиков лопнул котел для горячей воды.

На другой день по прибытии, пока войска занимали новые позиции впереди Львова до Днестра, имея уступом назад части XXIV корпуса в Миколаеве, а за Днестром три казачьих дивизии и бригаду 12-й пехотной дивизии, Брусилов осматривал город, посетил старинный собор, где был торжественно встречен униатским духовенством, причем местное духовенство, чтобы выйти из затруднения не поминать старого императора Франца-Иосифа, а также и нового Николая II, молилось за правителей земли сей (понимай, как знаешь), и объезжал все госпиталя. Все местные власти и польская знать в лице оставшихся здесь женщин, поступивших в сестры милосердия, относились к нашему командующему армией очень почтительно и коректно. А С. В. Шереметев, нужно отдать ему справедливость, вел себя очень тактично с гражданским населением и стал среди них весьма популярен. Гр. В. А. Бобринский занялся с разрешения Брусилова розыском всех галичан руссофилов, томившихся в тюрьмах при австрийском владычестве, освобождал их всех из мест заключения и вел переговоры о дальнейшей судьбе восточной Галиции, попавшей под высокую руку московского царя. Постоянно его навещали в нашем общем помещении разные священники, народные учителя, литераторы и другие общественные деятели по поводу будущих реформ во вновь присоединяемом крае. К сожалению чувство мести многих из этих людей, действительно исстрадавшихся ради русской идеи, брало верх над благоразумием, и борьба с полонизмом и украинофильство потом, когда Брусилов устранился

от гражданского дела и пошел с армией вперед, сдав все гражданское управление тыловой полосы новому генерал-губернатору графу Г. А. Бобринскому, приняла нежелательный крайне нетерпимый характер, испортивший наши отношения к остальной части населения Галиции, не принадлежавшей к руссофильской партии. Их не следовало раздражать, простить старое и вести лишь твердую справедливую политику для сближения без насилий русских и галичан. К сожалению этого не было сделано, несмотря на все личное благородство нового генерал-губернатора, и судьба этого острого вопроса была вверена не в меру усердным помощникам его по управлению Галицией, не думавших о том, что мы еще не встали твердой ногой в новом этом краю и что, может быть, как и случилось впоследствии, придется его покинуть раньше времени.

Только, придя во Львов и прочтя немецкие газеты, мы узнали полностью о катастрофе, случившейся на северо-западном фронте 17 августа, когда 2-ая армия генерала Самсонова была окружена в Восточной Пруссии под Сольдау Гинденбургом и потеряла пленными около 70 т. ч. и столько же убитыми и ранеными, причем в плен попало 3 корпусных командира, а командующий армией пропал без вести (потом оказалось, что он застрелился). Вообще все это время военная обстановка была для нас тяжелая, т. к. немцы уже продвигались к Парижу и жесточайшие бои происходили на Марне.

Наши две правофланговые армии IV и V Юго-Западного фронта потерпев неудачу в начале нашего наступления в Галиции между Люблином и Холмом, будучи в 1 1/2 раза слабее (16 дивизий против 25) по численному составу сравнительно с австро-венгерцами (1-ая армия Данкля, IV армия Ауфенберга и отряд эрцгерцога Иосифа Фердинанда) были усилены новыми частями резерва Верховного Главнокомандующего под Варшавой, составившими новую IX армию генерала Лечицкого, и стали напирать с севера на австрийцев, собиравшихся вокруг Львова.

Против 3-ей и 8-ай армий, стоявших фронтом на запад против Равы Русской и на р. Верещице вместо прежней III австрийской армии Брудермана, замененного после сдачи Львова Бороевичем, и собравшихся частей II венгерской армии Бем-Эрмоли, которые обе вместе взятые были в 1 1/2 раза слабее наших двух левофланговых армий Ю.-З. фронта (14 дивизий против 22), к 25 августа сосредоточены были уже 3 армии противника IV, III и II, которые были уже в 1 1/2 раза сильнее наших (28 против 19), между тем как, ослабивши свой северный фронт против Царства Польского (Холм и Люблин), они очутились там вдвое слабее против наших IV, IX и V армий (16 дивизий против 30). Такая была обстановка, когда начались у нас в VIII армии оборонительные бои под Верещицей, а у соседней III армии под Равой Русской.

Австрийская армия перешла в общее наступление 26 авг. под Верещицей. Генерал Брусилов выехал с утра с оперативным отделением штаба в Зимнуводу в 10 в. к западу от Львова, чтобы ближе быть к войскам, передовые части которых находились в 20 верстах дальше. Подготовительная артиллерийская стрельба со стороны австрийцев шла все время отчаянная. Получив известие от левофлангового нашего XXIV корпуса, что его теснят у Комарно превосходные силы противника, ген. Брусилов меня послал к генералу Цурикову выяснить положение. Проехав от Львова по Миколаевскому шоссе верст 30 к югу и повернув потом на запад, через немецкую колонию Дорнфельд к м. Щержецу на реке того же названия, которая текла паралельно Верещице, но восточнее ее, я нашел переправу на реке в этом месте уже уничтоженной неприятельской артиллерией, и все местечко уже пылало. Бросив здесь свой автомобиль, я переправился в брод через реку верхом на подвернувшейся мне казачьей лошади из разезда и пошел пешком уже по направлению к р. Верещице позади наших артиллерийских позиций. Пройдя верст 5 к юго-западу от Щержеца я добрался под проливным дождем артиллерийских снарядов в д. Гуменец, где находился в то время штаб XXIV корпуса. Венгерцы напирали здесь во всю, простым глазом с наблюдательного пункта видны были их голубые мундиры. Генерала Цурикова я застал во дворе помещичьего дома, мрачного, бледного, лежавшего на скамейке под навесом дома, который все время обстреливался. Начальник штаба генерал Трегубов, мой сотоварищ по академии, сидел на заваленке дома и писал приказания на листках полевой книжки. Дом, где приютился штаб, был совершенно разоренный, в комнатах валялась сломанная мебель, разбросанные книги и разорванные бумаги. У наблюдательного пункта встретил я людей из разъезда 12 драгунского Стародубовского полка из своих земляков — крестьян Винницкого уезда, которые, увидев меня, обрадовались и разговорились. Люди были совершенно спокойны и полны воодушевления и блестящих надежд на будущее. Переговорив с командиром корпуса и начальником штаба, узнав обстановку, уже под вечер отправился в обратный путь на более южную еще не тронутую переправу около д. Попелян. Из разговоров с командиром корпуса и его начальником штаба увидал, что у них отношения натянутые, отчего страдало дело. Выходя из парка г. Гуменец на краю деревни наткнулся на полевой околоток, куда приносили раненых. Доктор бросился ко мне, умоляя убрать этот перевязочный пункт подальше, т. к. он все время находится под разрывами австрийских шрапнелей. Я сму указал, где штаб, и велел обратиться туда. По дороге на переправу у Попелян, куда начали уже направляться полковые обозы с правого берега р .Щержеца на левый, все время шло обстреливание шрапнелями, дававшими красные разрывы. Уже темнело, когда я добрался до своего автомобиля и доехал к вечеру

домой. На подмогу XXIV корпусу были двинуты резервы.

В эту же ночь мне пришлось съездить в Жолкву, где помещался штаб 3-ей армии, в 30 верстах к северу от Львова, чтобы выпросить у генерала Рузского обратно бригаду 12-ой дивизии XII корпуса нашей армии, которая была временно переведена туда, т. к. перед тем австрийцы сильно наседали около Равы Русской, где мы понесли большие потери. Когда я приехал в г. Жолкву, я нашел штаб генерала Рузского в старом замке, в котором во время Прутского похода 1711 года остановился Петр Великий. Генерал Рузский уже спал, также, как и весь его штаб, кроме дежурного офицера. Меня провели в их помещение, где генерал-квартирмейстер армии ген. М. Д. Бонч-Бруевич велел препроводить меня к начальнику штаба В. М. Драгомирову. Его разбудили. Я ему передал просьбу Брусилова, на которую он без колебаний согласился и при мне сделал нужные распоряжения о возвращении бригады в VIII армию. Рузского так я и не видел, и сейчас же отправился обратно. Конечно в дальнейшем уже редко сравнительно приходилось делать такие срочные распоряжения помощью личных переговоров, ибо скоро наладилась наша телефонная связь, и штабы соседних армий и своих корпусов могли уже свободно переговариваться друг с другом. А в начале кампании этого не было, во первых потому, что у нас телефонная связь еще не была оборудована, а во вторых мы так скоро продвигались вперед, что связь наша не поспевала за нами.

Весь день 27 августа наступление венгров от Комарно продолжалось, но доблестные войска 4-ой стрелковой бригады генерала Деникина и 48-ой пехотной дивизии генерала Корнилова сдерживали движение и отступали шаг за шагом. К концу дня австрийская армия заняла Мшану (в 20 в. к сев.-зап. от Львова), Бартатов (в 15 в. к зап. от Львова), Глинку (в 20 в. к ю.-з. от Львова) и Дорнфельд (в 30 в. к югу от Львова), причем при прорыве в этом месте было потеряно нами 10 орудий 49 дивизии).

До рассвета на 28 августа я был послан опять Брусиловым для связи с XXIV корпусом. Нашел штаб в 20 верстах к югу от Львова еще спящим в какой-то хате в повалку на земле. Тут лежал генерал Цуриков и генерал Трегубов, подполковник Валь и другие. У нас в штабе еще не знали о последней катастрофе с потерей орудий, и Валь тут же начал мне рассказывать о всей безурядице, происходившей накануне, причем не стеснялся громко ругать спавшего тут же корпусного командира. Цуриков проснулся, цукнул Валя за слишком большую откровенность, встал и отправился верхом на передовые позиции с одним казаком и ординарцем, не обращая никакого внимания на штаб. Трегубов и Валь жаловались мне, что он никакого внимания не обращает на штаб, уезжает всегда совершенно самостоятельно в разные части отдает свои приказания, о которых штаб даже не знает, и так идет дело целый день. Проведя весь день 28 августа, я убедился, что это действительно было так, и общего руководства не было. Дело спасали его подчиненные частные начальники: спокойный, невозмутимый, рассудительный и уравновешенный Антон Иванович Деникин и храбрый из храбрых огонь-генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Не добившись ничего путного от генерала Цурикова, я поехал в эти дивизии, на которых теперь зиждилось все дело. Венгерцы уже были в 5 верстах от шоссе между Львовом и Миколаевым и могли каждую минуту его перерезать. Приехав в с. Добржаны, я застал генерала Корнилова, только что выскочившего из грязной истории, когда один из его полков дрогнул и побежал назад, он взял два баталиона из резерва соседнего полка и лично атаковал австрийцев во главе этой части. Неприятель сдал и все побежало назад. Я в первый раз тут увидел генерала Корнилова и никогда этого не забуду: маленький, сухо-парый молодой генерал с одухотворенным лицом и зоркими проницательными монгольскими глазами, весь — энергия, весь — порыв, весь — воля. Пробыв у него с час и отправив с казаком донесение о том, что произошло, я отправился в соседнюю деревню Дорнфельд, где стояли 3 полка генерала Деникина. Я нашел его, как всегда, несмотря на происшедшие накануне события, совершенно спокойным, как будто ничего и не случилось неприятного, и точно и ясно отдававшим свои приказания. Из хаты, где он помещался, принесли на опушку деревни несколько стульев, он пригласил меня на этот импровизированный наблюдательный пункт и посвятил меня в обстановку. Немного спустя в ту же деревню прибыл корпусный командир, который в этот день уже не вмешивался в действия своих подчиненных начальников дивизий, предоставив им самостоятельность. Сюда прибыл для связи с 12-ой кавалерийской дивизией от генерала Каледина, который находился на левом фланге XXIV корпуса между Дорнфельдом и Миколаевым, молодой корнет Ахтырского гусарского полка Аглаимов, которого тогда я увидел в первый раз, и который произвел на меня самое симпатичное впечатление настоящего кавалерийского офицера, легко разбирающегося в обстановке, идеального разведчика и притом скромного и исполнительного. Позже не раз мне пришлось с ним встречаться во время германской и гражданской войны, и ему потом, когда он командовал эскадроном, я вверил своих двух сыновей, который сделал из них настоящих людей.

Переговорив с генералом Цуриковым, я направился на только что налаженную телефонную станцию на другом конце той же деревни, где сидел его начальник штаба, и, вызвав генерала Брусилова, доложил ему о виденной мной обстановке и получил от него приказание немедленно отправиться в г. Миколаев и передать начальнику 2-ой сводно-казачьей дивизии генералу Павлову, стоявшей

шсму там в резерве за 14-м стрелковым полком, идти на помощь генералу Корнилову для восстановления положения после прорыва у Щержеца. Приехав в г. Миколаев и въехав в обстреливаемый форт, который прикрывал Львовское шоссе и мост через Днестр, встретился здесь с полк. ген. штаба Кулжинским, начальником штаба 12-ой кавалерийской дивизии, который посвятил меня в обстановку боя под Миколаевом. Несколько дней как 2-батальионный 14-ый стрелковый полк, под командой доблестного полковника Станкевича, отбивает все атаки австрийцев, как на правом, так и на левом берегу Днестра, а в данную минуту генерал Павлов, дивизия которого стояла в блестящем порядке, как на смотрах мирного времени, за тем фортом, где я находился, выехал лично на рекогносцировку вперед раньше чем помочь нашим стрелкам, т. к. на правом берегу появился новый венгерский корпус. Написав письменное приказание генерала Брусилова генералу Павлову и попросив полковника Кулжинского по возвращении Павлова передать ему еще устно о положении XXIV корпуса, я к ночи вернулся во Львов, по дороге заехав еще в штаб корпуса. По дороге встречал Ахтырские разъезды, которые производили разведку по всей этой округе, и на другой день совместно с 2-ой сводно-казачьей дивизией и 12-ая кавалерийская дивизия Каледина приняла участие в ликвидации прорыва на нашем левом фланге.

На следующий день 29 августа еще продолжалась тяжелая борьба на всем нашем фронте. Как мы, так и наш противник твердо держались на своих позициях. Резервов уже не было. Последняя кавалерия была спешена и затыкала дырки прорыва. Брусилов уже терял терпение и велел написать приказ об отступлении, боясь после катастрофы под Сольдау, что наша армия будет отрезана от Днестра и неприятель выйдет на наши коммуникационные пути и обойдет VIII армию. Офицеры генерального штаба умолили его задержать приказ и подождать до утра 30 августа выждав результатов воздушной разведки. Каждое утро наш аэроплан с рассветом вылетал на фронт и производил рекогносцировку того, что делалось у неприятеля и к 8 ч. утра возвращался обратно. В эту ночь особенно усиленно шла бомбардировка неприятелем всего фронта. Вечером я отправился на командующую над городом высоту — и с нее наблюдал сплошную линию огня шрапнелей и светящихся ракет верстах в 12 от города на протяжении свыше 60 верст. Гул стоял невообразимый, и жутко было думать, что, может быть, завтра нам уже не придется быть в милом гостеприимном Львове.

Какова же была наша общая радость, когда возвратившийся с разведки летчик Гартман объявил нам, что все австрийские обозы тянутся с утра на запад. Значит мы победили и австрийцами отдан приказ об отступлении. Скоро выяснилось, что правое крыло Ю.-З. фронта (IV, IX и V армии) разбило противника и вышло на левый фланг австрийских армий, боровшихся против III и VIII армий. Т. е. как со взятием Львова наше левое крыло Ю.-З. фронта спасло от разгрома IV и V армии, так теперь они содействовали тому, что неприятель бросил надежду овладеть снова Львовом и отступил за р. Сан.

30 августа все наличные офицеры генерального штаба были разосланы во все корпуса проверить интенсивность атак неприятеля и убедиться в скором окончании этого предприятия. Мне пришлось поехать в VIII корпус к генералу Радко-Дмитриеву в Сухо-Волю. Когда я ехал по шоссе на Городок, я был обстрелян шрапнельными снарядами и, добравшись до VIII корпуса, убедился, что напряженность боев прекратилась, и неприятель сдает по всей линии. Радко-Дмитриев имел вид победителя. Слава Богу, что усилия наших войск не пропали даром и бои увенчались успехом. Теперь являлась возможность продолжить наше наступление. За бои на Гнилой Липе и под Городком Георгиевские кресты получили Брусилов, Ломновский, Радко-Дмитриев, Леш, Экк, Каледин, Корнилов, Деникин и все особенно отличившиеся офицеры. Вся армия получила соответствующие награды. Я был удостоен получением мечей к Владимиру 3 степени.

5. **Под Перемышлем (осень 1914).** Австрийцы, боясь быть окруженными около Львова и понеся большие потери в боях на Верещице и к северу от Львова, решили отойти за р. Сан. Наши войска шли следом за ними и 3-го сентября окружили Перемышль, который считался неприступной крепостью. Австрийская армия отступила далее за р. Вислоку.

В это же время 27 августа оборвалось удачное наступление немцев на Марне и они потекли назад за Реймс на р. Эн. И в сущности уже с этого момента кампания немцев была проиграна, ибо весь стратегический их план состоял в том, чтобы сразу раздавить всеми силами французов, а потом уже броситься на Россию. Наступление наше в Восточную Пруссию заставило немцев перебросить несколько корпусов на восточную границу, благодаря чему в критический момент у них не оказалось достаточно сил, чтобы сломить наступление французов, бросившихся со стороны Парижа во фланг немецкой армии, перешедшей уже р. Марну.

Наступление же наше в Галиции заставило австрийцев бросить свои операции в Сербии, которые они возобновили только год спустя, когда нам пришлось оставить Галицию и возвратиться в русские пределы.

Как только наши войска продвинулись к р. Сану, штаб VIII армии в первых числах сентября перешел в д. Любень-Вельки. Здесь мы расположились в великолепном дворце какого-то еврейского барона, где по надписям, изображенным на мраморных досках, было видно, что во время каких-то маневров здесь провел несколько дней император Франц-Иосиф. Оперативное отделение наше заняло великолепную залу с золотой мебелью

и шелковой обивкой, где ночью спали на этих диванах наши писаря. Но обстановка была нетронутая и не видать было еще следов грабежа, который стал проявляться позже и жестоко преследовался.

Здесь заболел дежурный генерал Калачев, и я вступил в исправление его должности, которую и нес до конца войны, а потому в боях уже дальнейшего участия не принимал. В подчинении у меня были два старших адъютанта, один по инспекторской части, другой по хозяйственной, у каждого по одному помощнику, затем комендант штаба армии, пешая дружина и сборный эскадрон из кавалерийских и казачьих полков дивизий армии для охраны штаба, жандармский взвод для передачи приказаний и уборки офицерских лошадей, и находившиеся в ближайшем тылу запасные батальоны, куда высылались люди из России и далее препровождались мною в корпуса, где была убыль. По своей должности я должен был вести ежедневный учет офицеров, солдат, лошадей и винтовок, о чем получал ежедневно телеграммы из корпусов и, когда не было уже достаточно людей для пополнения в своих запасных батальонах, телеграфировал заранее об этом в штаб фронта о дальнейших назначениях. В начале пополнения шли исправно, но потом с увеличением наших потерь на фронте и с истощением обученных людей в России, пополнения подавались все хуже и хуже. Этим страдала зима 1914-1915 г.г. Весной 1915 г. пошли люди, но недоставало винтовок. Это как раз совпало с началом нашего отступления из Галиции. В отступательных боях терялась масса винтовок, а люди приходили голые, т. е. безоружные, вооруженные одними палками, как странники из оперы «Тангейзер». В зиму 1915-1916 все опять подтянулось. Было уже достаточно людей и винтовок. Ко времени же Брусиловского наступления летом стало не хватать офицеров. Стали присылать уже офицеров второго разряда из школ прапорщиков.

Дело дежурной части с войной все росло и к концу войны у меня было уже не два отделения, а целых шесть: инспекторское (по назначениям), по комплектованию людьми (т. к. уже каждый корпус имел свой запасный батальон), по комплектованию лошадьми артиллерии и обозов (кавалерия получала непосредственно из своих кадров), наградное, хозяйственное и военно-судное. И нельзя было сделать никаких сокращений, т. к., чтобы не было задержки в делах, приходилось увеличивать число служащих офицеров штаба. Иначе были бы жалобы в частях о несвоевременных распоряжениях штаба.

Когда пополнения шли исправно, я обыкновенно каждое утро ездил на ближайший этап, куда приходили запасные роты пополнения, осматривал их и отправлял в соотбетствующий корпус. Через мои руки прошло за всю войну от полумиллиона до миллиона пополнений. Многие части переменили свой состав 4-5 раз, т. е. через полк прошло, вместо штатного состава в 4000 человек, от 16 до 20.000, такая крупная убыль была ранеными, убитыми и пропавшими без вести. Генерал Брусилов редко когда осматривал лично прибывавшие роты пополнения, что же касается офицеров, прибывавших из училищ, то почти всегда принимал их лично и говорил с ними перед отправлением в части. Я обыкновенно распределял их по корпусам, а он утверждал. Каледин же и Корнилов напротив почти всегда осматривали роты пополнения и говорили с ними, а офицеров, прибывавших отдельно почти никогда не пропускали через свои руки и представляли их в полное мое распоряжение. Часто случалось что ночью по телефону (я спал обыкновенно в той же комнате, где и занимался) передавали с этапа, что пришла запасная рота и не знает куда идти. У меня всегда под рукой был список, куда нужно было посылать людей в первую очередь, и я тут же по телефону делал распоряжения. Часто приходилось работать 14 часов в сутки, но во всяком случае не менее 12. Отношения у меня со всеми были очень хорошие, не могу пожаловаться, как со своими офицерами, так и с офицерами других отделов штаба и со всеми являвшимися по службе генералами и офицерами. Жалоб за всю кампанию на мое управление не было. Раз только получил жалобу на меня начальник штаба Стогов в 1916 г. от генерала Краснова, начальника 2-ой сводно-казачьей дивизии, за яко бы постоянные отказы по награждению его офицеров. Пришлось мне ему написать письмо, что я никогда своей властью, что по закону, не отказываю, а значит его представления не соответствовали существующим законоположениям. Он потом написал мне извинительное письмо, тем дело и кончилось.

Сам Брусилов часто меня преследовал за то, что я слишком придерживаюсь истины и показываю высшему начальству, т. е. штабу фронта то, что в действительности есть, а не преувеличиваю цифр потерь и нужных пополнений, вследствие чего нам присылалось меньше того, что нам нужно. Я ему на это отвечал, что не привык обманывать начальство и что он сам не похвалит своих подчиненных, которые будут искажать истину и доносить ему заведомую неправду. Тогда он успокаивался. В общем он ценил мою работу и расстались мы с ним, когда он уходил, хорошо.

\- - - - -

В сентябре австрийские войска отошли на линию Дукла - Герлица - Тарнов, пехота наша осаждала Перемышль, а кавалерия перешла через Сан и преследовала австрийцев, казачьи же дивизии прошли Карпаты, охраняя армию с левого фланга: 2-ая сводно-казачья дивизия заняла Ужокский перевал, а две кубанские и терская действовали в Венгрии.

Штаб армии, чтобы быть ближе к Перемышлю, ближайшему объекту наших действий перешел в д. Максимовичи. Там пришлось нам остановиться в маленьком помещичьем доме в 6 комнат, при чем,

т. к. наш штабной обоз застрял, открылось одно оперативное отделение, ехавшее всегда в первую очередь, а нам всем офицерам, не исключая и генералов, пришлось на ночь разместиться в повалку на голом полу.

Как раз на другое утро приехали к нам два дипломата из канцелярии штаба фронта (Базили и кн. Урусов) для решения каких-то политических вопросов, и были страшно удивлены такой походной обстановкой штаба армии.

Оттуда переехали мы в с. Надыбу, где выждали окончания жестоких боев в 10 верстах оттуда. Взятие этих позиций заставило австрийцев бросить осаду Перемышля и отойти за Сан. Из Надыбы перешли мы в с. Садовую Вишню на большом шоссе между Львовом и Перемышлем. Здесь мы стояли в замке одного польского графа, где для штаба было довольно тесновато, и часть его стояла в деревне.

С началом осады Перемышля, когда еще думали взять его штурмом, т. к. в то время там насчитывалось всего 40-50 т. гарнизона, штаб армии перешел верст 20 к западу недалеко от Мосциски в замок князя Мнишка Крысовице. Это был один из самых старинных и хорошо сохранившихся польских дворцов, где Дмитрий Самозванец гостил у своего будущего тестя, где сохранились великолепные портреты во весь рост знаменитой Марины Мнишек и ее высоконареченного жениха, а также остатки фонтана, воспетого Пушкиным в Борисе Годунове. Тут была великолепная библиотека, занимавшая целый отдельный аппартамент со всеми старинными книгами и семейными архивами.

Во второй половине сентября два южных форта Перемышля были взяты штурмом 73 пехотным Крымским полком, стоявшим в мирное время в Виннице. Как раз в это время приехал к нам шеф этого полка Вел. Князь Александр Михайлович, как всегда элегантный и обворожительный мужчина, который, будучи назначен заведующим всей авиационной частью русской армии, проверял на фронте нужды по этой части, которая по сравнению с неприятелем у нас была еще в зачаточном состоянии. Убедившись, что взятие Перемышля штурмом — дело рискованное и может вызвать большие потери, высшее командование решило создать особую осадную армию для взятия Перемышля измором, для чего был образован штаб новой армии во главе с генералом Селивановым, а VIII-ю армию решено было двинуть вперед против Кракова. Начальник штаба вновь формирующейся армии со своими ближайшими помощниками приехал к нам как раз во время взятия штурмом 2 фортов Перемышльской крепости. Большое разочарование пришлось мне случайно испытать:, когда я ночью, поместив у себя в комнате двух офицеров означенного штаба, услышал их разговор в то время, что они думали, что я уже сплю. Вместо того, чтобы порадоваться нашей победе, они с ужасом говорили о том, что пока их корпуса, 28-й и 29-й, подойдут из России войска Брусилова могут взять крепость, и они останутся не причем. Всегдашнее личное желание отличиться проявилось, к сожалению, и на войне, не считаясь с кровью доблестных войск, погибавших за родину.

На счастье этих моментов-эгоистов Гинденбург начал свое движение к Варшаве. Оно было поддержано всей австрийской армией, бросившей Сербию и всеми своими силами двинувшейся вновь к р. Сану, чтобы отогнать русскую армию и спасти Перемышль. В самых последних числах сентября они подошли к Перемышлю, освободили крепость, и начались бои вдоль всего нижнего течения Сана. Наша армия очень пострадала в боях около Самбора, а штаб должен был перейти опять в Садовую Вишню.

Из Садовой Вишни мне неоднократно приходилось ездить во Львов по большому шоссе (60 в.) для поверки приходивших туда запасных баталионов, причем старые боевые места вдоль шоссе были везде теперь покрыты рядом безвестных могил храбрых русских воинов. Львов за месяц, что я его не видел, совершенно за это время преобразился. Везде русские городовые, русские вывески и русские магазины, масса знакомого люда мужчин и женщин из Петербурга, все понаехало сюда, как на какую-то добычу. Видался я здесь и с новым генерал-губернатором гр. Г. А. Бобринским и с его помощником А. П. Половцевым и с зятем своим А. Р. Кнорингом, с Влад. Бобринским, Д. Н. Чихачевым и многими нашими чиновниками из Каменца, перешедшими на службу из Подолии в Галицию. Город сделался совершенно русским, и казалось тогда, на веки.

Из посетителей приезжавших к нам в Садовую Вишню за это время, помню принца А. П. Ольденбургского, назначенного главноначальствующим всей санитарной частью русской армии, и своих старых приятелей и сослуживцев по генеральному штабу начальника 9-ой кавалерийской дивизии князя Бегильдеева и командира бригады 10-ой кавалерийской дивизии В. М. Хитрово, служившего под начальством графа Келлера и получившего новое назначение начальником дивизии на северо-западный фронт. Вспоминали доброе старое время, когда служили в Киевском военном округе. Оба они были один до меня, другой после меня, на должности, которую я занимал в до военное время, штаб офицер для поручений при командующем войсками Киевского военного округа М. И. Драгомирове, что нас всегда очень связывало.

6. **В Западной Галиции (зима 1914-1915).** После жестоких боев на линии Самбор - Медыка, а главным образом вследствие неудачи Гинденбурга в наступлении на Варшаву, с 15/28 октября австрийская армия бросает Перемышль, усилив его гарнизон до 140 т. ч. и отходит за р. Дунаец, а германская армия за р. Варту. Перемышль вновь окружен русскими войсками, а австро-германская армия занимает фронт Краков - Ченстохов - Серадзь - Ко-

нин. VIII армия получает задачу идти южнее осадной армии генерала Селиванова на Хыров, Санок, Красно, бросив опять кавалерию за Карпаты через проходы Дуклу, Ужок, Лавочне и Керешмезо. Штаб нашей армии переехал на автомобилях в Хыров. По дороге осматривали места боев у Старого Самбора и Старосоли. Вся дорога изрыта глубокими воронками тяжелых орудий. Во время этого переезда в нас первый раз бросали бомбами с неприятельских аэропланов, и одну из них во двор католического монастыря, где мы остановились на ночлег. Тут мы пробыли несколько дней. В этом монастыре в мирное время помещалась иезуитская школа для богатой польской молодежи. На выставленных в коридорах фотографических группах, я нашел несколько знакомых помещиков Подольской губернии, окончивших здесь свое образование. Коллегия эта обставлена была очень хорошо всякими физическими и зоологическими кабинетами. Особенно роскошная была коллекция бабочек, известная на всю Галицию.

В виду того, что наша армия опять шла вперед, полковнику С. В. Шереметеву было предложено развить свою деятельность по гражданскому управлению краем, занятым войсками VIII армии. В его распоряжение было назначено несколько офицеров и чиновников для водворения порядка в городах в районе армии. Все что оставалось за нами в тылу переходило в ведение генерал-губернатора, а все что было впереди до неприятеля входило в ведение Шереметева по соглашению с корпусными командирами. Между прочим его помощниками наиболее деятельными были казачий полковник Иван Александрович Родионов, автор знаменитого произведения, очень нашумевшего в свое время «Наше Преступление», пресимпатичный и здравомыслящий человек, и чиновник военного времени Александр Владимирович Палибин, очень образованный и разговорчивый юрист, к которому очень благоволил генерал Брусилов и который в 1919 г. был расстрелян большевиками в г. Киеве. Должен сказать, что С. В. Шереметев был отличным организатором, и дело гражданского управления в полосе военных действий шло хорошо, главным образом разбирались жалобы жителей на войска и водворялся порядок.

В Хыров из посторонних лиц приезжали к нам дл.-ад. гр. А. Н. Граббе, привозивший подарки от Императрицы Александры Федоровны и уполномоченные Красного Креста Подольской губернии товарищ мой по предводительству П. Н. Балашев и Н. Н. Можайский. Они нам сообщили сенсационное известие, о котором мы еще не знали, что с Англией и Францией подписан договор о том, что после войны Константинополь уступается России. Конечно это известие подняло наш патриотический дух в связи с успехами на нашем фронте.

Из Хырова перебрались мы в ноябре в Санок. Мосты были взорваны неприятелем и еще не исправлены, а по реке шел уже лед с верховьев Карпат. Начиналась зима. В Саноке мы стояли в центре города в каком то казенном учреждении. Здесь между прочими гостями нас навестил знаменитый артист Н. Н. Фигнер, привезший войскам подарки от артистов Императорских театров. В Саноке прошел между прочим раз большой транспорт подводчиков из моего Винницкого уезда и, когда я шел по улице, меня радостно приветствовали наши крестьяне, следовавшие с войсками. Мои товарищи всегда удивлялись, сколько у меня знакомых, в какой бы город я не попадал и в какую бы часть войск не приезжал. Все тылы VIII армии, формировавшейся в Виннице, были из ополченцев нашего уезда, а запасный баталион, находившийся в Виннице, туда же направлял и наши пополнения и прапорщиков запаса, которые тоже все были мои знакомые: чуть не все сельские учителя уезда, бывшие питомцы Винницкой учительской семинарии, сыновья наших Подольских помещиков и обывателей города Винницы. Все население уезда переехало вместе с VIII армией на войну, и мы все были, как дома. 200 верст было от Винницы до границы, 200 верст от границы до Львова и 200 верст от Львова до Кросно, нашей самой западной стоянки штаба в Галиции.

В конце ноября, с продвижением армии вперед, штаб перешел в Кросно, где мы провели весь декабрь, Рождество и Новый Год. Австрийцы, после своего поражения, собирались с силами и у нас на фронте было тише. Два раза за это время собиралась Георгиевская Дума при штабе 8 армии под председательством генералов Леша и Экка. 8-ой корпус после назначения Радко-Дмитриева командующим III-ей армией вместо генерала Рузского. назначенного главнокомандующим северным фронтом, временно получил неудачный генерал Ляояна проф. академии Орлов, выступивший на войну начальником 12-ой пехотной дивизии, но т. к. корп. ком. здесь скоро настолько скверно себя зарекомендовал, что должен был уйти и передать свою должность В. М. Драгомирову, который, как начальник штаба 3-ей армии, не поладил с Радко-Дмитриевым и должен был с ним расстаться. Оба они были с большим характером, ни один не уступал другому и, значит, вместе им служить было невозможно.

За время стояния в Кросно нас изредка навещали начальники дивизий: Корнилов, Деникин, Гр. Келлер (10-ой кав.), Каледин и др. Приезжал раз и Великий Князь Михаил Александрович, начальник Кавказской туземной дивизии, так называемой «дикой», которая также входила в состав 8-ой армии. Будучи дружен с детства с С. В. Шереметевым, он заходил в наше общежитие и произвел на всех очень симпатичное впечатление, в высшей степени скромный и без всякой рисовки человек. Начальником штаба у него был Я. Д. Юзефович, а корпусным командиром 2-го кавалерийского был у него бывший командир Конной Гвардии Хан Нахичеванский.

В Кросно ушел от нас старший адъютант оперативного отделения полковник Ткаченко, и на его

место был назначен подполковник Петр Семенович Махров, очень милый человек, воспитанный, образованный, разумный, энергичный, без всякой фанаберии и самомнения офицеров генерального штаба. Мы с ним потом очень сошлись и служили вместе 2 года, пока он не получил полк.

С переходом в Западную Галицию меня поразила богомольность католического населения. Каждый днь костелы были переполнены молящимися. Жители относились к нам очень хорошо. Воззвание В. К. Николая Николаевича к польскому населению произвело большое впечатление в Галиции и в массе народ сочувственно относился к России, несмотря на различие вер.

Духовенство также относилось к нам очень корректно. Помню в один воскресный день в самом старом костеле, построенном еще в 14-м веке, где был великолепный орган и прекрасный женский хор, они как-то устроили духовный концерт и пригласили генерала Брусилова со всем его штабом. Половина репертуара была из русских авторов, Чайковского и других. Внимание было полное. Потом показывали богатейшую ризницу. За все время нашей бытности в Западной Галиции не помню ни одной серьезной жалобы местного населения на наших солдат, а мне, как дежурному генералу штаба армии, это было бы известно.

Рождество и Новый Год мы встретили в Кросно. Наша походная церковь была устроена в одном соседнем доме, чуть не в здании «Сокола», который везде в Галиции имел свои собственные отличные здания. В нашем районе стояла 14-ая пехотная дивизия. Начальником дивизии был мой етарый приятель по службе в штабе Киевского округа ген.-л. Ник. Серг. Глинский, который скоро потом сдал ее моему товарищу по академии ген. Соколову. Новый Год встречали мы молебном в нашей походной церкви, а потом ужинали на общей трапезе в помещении штаба.

В половине января 1915 г. австрийцы, собравшись с силами и со вкрапленными в них германскими войсками повели наступление от р. Дунайца на Вислоку и одновременно из Венгрии через Карпаты на север, чтобы отрезать войска 8 армии от ее базы, псререзав одновременно нашу коммуникационную линию Кросно - Санок - Хыров - Самбор - Львов, идущую паралельно Карпатам. После прорыва у Дуклы в районе XII корпуса, Брусилов, не желая подвергаться участи генерала Самсонова, снялся из Кросно и двинулся со штабом на север по направлению на Фриштад. Если бы мы выступили из Кросно днем позже нас на другой день захватила бы австрийская кавалерия около этого Фриштада. Нас спасла 11 кавалерийская дивизия генерала Вельяшева, задержавшая здесь неприятеля. Ночевали мы в этот день в городе Стрижаве. Вечером ввиду полученных сведений о продвижении неприятеля вперед и имея к западу от себя 140 т. гарнизон Перемышля, осажденный сводной армией Селиванова, имевшей 60 т. ополченских войск 28 и 29 корпусов, Брусилов с Ломновским решили тотчас же отступать на Ряшев и далее на север. Ряшев был уже в тыловом районе 3-ей армии генерала Радко-Дмитриева, который под давлением австрийцев перешел из Тарнова в Дембицу. В ожидании нашего обоза, который только подходил к Стрижову (сами ехали мы на автомобилях), офицеры генерального штаба собрались в оперативном отделении и обсуждали текущее положение. Сидел тут с нами и генерал Панчулидзев, начальник санитарной части армии. Все мы были очень возбуждены и возмущены нашим таким скорым отходом, так как потеряли всякую связь с войсками и шли по тылам чужой армии, направляясь к северу. В это время из кабинета командующего армией приходит к нам начальник штаба, и Панчулидзев, нашпигованный нами, недовольной молодежью генерального штаба действиями начальства, обращаетея к Ломновскому от имени всех нас и говорит ему в очень резких словах, что он научился в Манджурии у генерала Куропаткина отступательной стратегии и губит все дело. Тот также ему очень резко отвечает и уходит к себе в кабинет, не поддаваясь ни на какие уступки. Тогда мы убеждаем генерала Панчулидзева, как личного друга Брусилова, итти к нему и уговорить его ради дела не поступать так панически опрометчиво, а выждать дальнейших событий. Брусилов в присутствии Ломновского также вскипел гневом на своего приятеля, накричал на него, чтобы он не вмешивался не в свое дело, и довел несчастного старика Панчулидзева до настоящего обморока, когда он вернулся к нам. В это время пришел жандарм звать меня к начальнику штаба, который находился у Брусилова. Последний сидит после инцидента с Панчулидзевым мрачный и молчит. Ломновский приказывает мне отдать распоряжение коменданту штаба о дальнейшем продвижении нашего обоза через Ряшев на север по направлению к Завихвосту, где сливается Висла с Саном. Я со своей стороны доказываю, что нечего идти пока дальше Ряшева, лучше на сутки там задержаться и выждать дальнейших обстоятельств. Очевидно, Панчулидзевское вмешательство, хотя и было им обоим неприятно, но и на них оно отразилось упадком энергии, и мне удалось уже довольно спокойно убедить Ломновского задержаться пока в Ряшеве. В ту же ночь я уехал туда отдавать распоряжения по штабу о нашем переходе туда и устройстве там штаб-квартиры, а все остальные чины штаба двинулись туда на другое утро. Долго потом Брусилов вспоминал этот вечер, с Панчулидзевым разговаривал лишь по делам официальным и как-то выразился потом: «на этот раз я уступил, но в другой раз не допущу больше повториться такой капитанской революции и разгоню всех офицеров генерального штаба». Из капитанов, сколько мне помнится, присутствовали тогда Кусонский, Кирьяков, Игнатьев, Складовский, Румянцов и Махин, а может быть еще Немирок.

Из Ряшева приходилось мне ездить в Ланцут

и Ярослав, куда стали направляться наши роты комплектования. В Ланцуте, имении гр. Романа Потоцкого, замок сохранился в целости, т. к. по приказанию Государя был назначен караул для охраны этого дворца.

В боях около Ряшева был ранен начальник 10-й кавалерийской дивизии ген.-л. гр. Келлер, один из лучших наших кавалерийских генералов, лично водивший в атаку свои полки. Он был возмущен действиями генерала Брусилова в этот период и, приехав, раненый на автомобиле к зданию окружного суда, где мы стояли, вызвал меня и просил передать генералу Брусилову, что он не может подняться к нему и просит его спуститься вниз. Брусилов вышел, и Келлер, не стесняясь присутствием моим и шофера, наговорил ему массу откровенных слов, от которых Брусилову не поздоровилось и после чего он ходил целый день мрачный.

Недели через три после нашего ухода из Кросно, положение наше восстановилось, войска наши снова перешли за Карпаты, а штаб перешел опять на свою старую стоянку. Австрийцы занимали Кросно два-три дня.

Отсюда мне пришлось ездить по запасным батальонам в Санок, Рыменов и Загорск. В этом последнем месте стоял и штаб 8-го корпуса, которым тогда командовал В. М. Драгомиров, скоро потом назначенный начальником штаба Юго-Западного фронта к генералу Иванову вместо Алексеева, получившего Северо-Западный фронт за болезнью Рузского. Войска 8-го корпуса доблестно держались все время в Карпатских проходах, против напиравшего с юга неприятеля, безуспешно пытавшегося вторично освободить Перемышль и снять нашу осаду.

В одну из своих поездок я как-то заночевал в одной деревушке, где все мужское население было на войне и оставались одне женщины. В хате, где я остановился, несколько собравшихся полек, чтобы меня развлечь, стали петь русские песни, ни слова не зная по русски, но записав со слов стоявших здесь перед тем русских офицеров польскими буквами русские слова и очень хорошо произнося наш язык. Особенным их фавором пользовалась песня про Стеньку Разина и княжну из репертуара Плевицкой, которую они считали за наш гимн. Очень отрадно было мне слышать в глуши Галиции слова: «Волга, Волга, мать родная, Волга русская река...». Вот оно настоящее обрусение без всякого принуждения просто потому, что понравилась им эта русская песня, и пели оне ее от души. Редко я испытывал подобное удовольствие, видя, с какой любовью эти польки старались произносить наши русские слова.

В конце февраля пришлось нам бросить Кросно и переехать в Самбор, т. к. 12-ый и 24-ый корпуса, занимавшие Дуклинский перевал и проход к западу от него, отошли в состав 3-ей армии, войска которой занимали линию р. Вислоки, а районом 8-ой армии остались Карпаты от Мезо-Лаборч через Ужок, Сколе до Долины. Далее к востоку шел район 9-ой армии генерала Лечицкого, которая в половине февраля потеряла Коломыю и Черновиц, и составляла левый фланг Ю.-З. фронта. Переехали мы в Самбор по железной дороге, причем ехали со штабом только что сформированного 2-го кавалерийского корпуса генерала Хана Нахичеванского.

(Продолжение следует)

Высочайший выход 1-го января 1911 г.

Мы, пажи старшего специального класса, пережили в ноябре 1910 года очень радостный день, а именно 8-го ноября нас первых 14 учеников из общего числа 39-ти оканчивавших корпус в 1911 году, Высочайшим приказом произвели в камер-пажи.

Не говоря уже о том, что это событие сопровождалось с блестящей отпускной формой (мундир, расшитый сзади золотыми галунами, шпага пехотного образца с офицерским темляком и бальные шпоры) — мы все радовались принять участие в придворных церемониях, о которых слышали от наших старших товарищей. После производства в камер-пажи, мы были также поставлены в известность, к какой Великой Княгине мы были назначены: фальдфебель был камер-пажом у Государя Императора и следующие 4 старших камер-пажа у 2-х Императриц, остальные по старшинству, установленному Министерством Двора, у Великих Княгинь. В этом отношении мне лично очень повезло: я был назначен к Великой Княгине Ольге Александровне, Августейшей Сестре Государя Императора. Великая Княгиня участвовала на всех выходах и была известна своею простотою в обращении с окружающими Ее лицами, среди которых Она пользовалась большою любовью. Мой одноклассник Л., будучи старше меня по баллам, попал камер-пажом к Великой Княгине Александре Иосифовне, которая уже к тому времени была тяжело больна и скончалась за 2 месяца до нашего производства в офицеры, и таким образом бедный Л. не принимал участия в придворной службе, но у него был шанс, будучи запасным, камер-пажом, попасть к какой-нибудь иностранной Царственной Особе, которая приезжала в С.-Петербург и это было связано с надеждой получить какой-нибудь иностранный орден.

В этот счастливый день, 8-го ноября, после окончания лекций, наш командир строевой роты, полк. Карпинский построил нас и прочел перед

строем Высочайший приказ о нашем производстве в Камер-пажи. Поздравив нас с Монаршею Милостью, он отпустил вновь произведенных камер-пажей в отпуск до 12 час. ночи (но многие вернулись и позже, но все прошло гладко и на следующий день занятия шли обычным порядком). Затем он скомандовал «разойтись!» и мы все вновь произведенные были подхвачены нашими товарищами, которые нас качали. Быстро переодевшись в отпускную форму, мы спешили домой, чтобы поделиться нашей радостью с нашими родными.

Первая наша придворная служба была в день Нового года на так называемом «Высочайшем Выходе». К этой службе мы готовились уже заранее и помимо текущих, строевых занятий, наше начальство подготовляло нас к придворной службе. Мы должны были знать всю Царскую Фамилию и степень родства между отдельными членами Ее. Нас учили также как носить и расправлять на ходу и особенно на поворотах, тяжелый трен, как надевать накидку, подавать манто и проч. Для этих репетиций, один из нас одевал на себя тяжелое одеяло и на него длинное полотенце и эти обучения придворному ритуалу вызывали у нас ряд шаловливых шуток, но все-же заветы наших начальников мы помнили хорошо. Надо еще добавить, что при несении нами придворной службы, мы выходили из подчинения нашего корпусного начальства, подчинялись Министру Императорскорго Двора и считались на службе не на строевой, а на придворной. Так, например, всем Великим Князьям и Великим Княгиням и всему начальству, мы отвешивали придворные поклоны и лишь на приветствие Государя, отвечали: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству».

Как уже было указано выше, первую придворную службу мы несли в день Нового Года 1-го января 1911 года. Мы прибыли в корпус к 8-ми часам утра, где наши служители уже приготовили для нас полную парадную, придворную форму, т. е. длинный, черный мундир, сплошь зашитый спереди золотым галуном и по 4 галуна сзади на каждой фалде, белые лосины, одеваемые на голое тело, ботфорты со шпорами, шпага с офицерским темляком на золотом поясе, каска с белым султаном, которую во время несения придворной службы, надлежало носить на застегнутой чешуе, султаном вниз, на эфесе шпаги. Это положение каски всегда вызывало известную тревогу: чешуя могла растегнуться да и сама каска при нагибании рисковала упасть, что, конечно нарушило бы строгий этикет придворной службы. Белые, замшевые перчатки полагалось иметь собственными и в двух экземплярах.

В 10 часов утра, нас, уже совершенно одетых и тщательно осмотренных нашим корпусным начальством, посадили в придворные кареты, по 3 чел. в карету и повезли в Зимний Дворец, где всех нас собрали в одной из малых гостинных.

Около 11-ти час. утра, 2 арапа (аббисинцы) в красочных одеждах и чалмах, открыли двери в соседнюю, малахитовую, гостинную и предложили нам, камер-пажам войти в нее. В этой гостинной была собрана вся Царская Фамилия и нам самим надлежало найти своих Великих Княгинь, к которым мы были назначены и представиться им.

Назвав свою фамилию, я почтительно поцеловал протянутую руку Великой Княгини. Она была в чудном, бархатном платье малинового цвета, расшитого золотом и с огромным шлейфом. Для начала знакомства Великая Княгиня спросила меня есть-ли у меня нашатырный спирт, по маленькому флакончику выдаваемому нам перед каждой придворной службой и, получив утвердительный ответ, показала, что и она запаслась таковым же.

К этому времени к Зимнему Дворцу к подъездам, точно указанные в пригласительной карточке, съезжались тысячи лиц, которые поднимались в назначенные им залы, в которых церемониймейстеры каждого зала устанавливали их шпалерами, оставляя большой, широкий проход по середине ее. Само шествие начиналось составляться в Концертном зале где были собраны, с одной стороны дамы и фрейлины, а с другой стороны Государева Свита и придворные чины.

В соседнем, громадном, Николаевском зале, против большого портрета Императора Николая I-го, вытянулся в нитку караул от Кавалергардов в белых колетах с красными на них супервестами, с прикрепленными на груди и на спине серебряными, андреевскими звездами. На головах каски с орлами, на ногах тяжелые ботфорты со шпорами и в руках длинные палаши.

Далее, в Фельдмаршалском зале, украшенным 2-мя батальными картинами и 6-ю портретами фельдмаршалов старых времен, собрались более скромные мундиры и много фраков. Это были представители городской Думы, русское и иностранное купечество, а тылом к окнам и фронтом к проходу — стоял почетный караул от Конногвардейцев, также в ботфортах и с палашами, но на их колеты были надеты супервесты с золотыми орлами.

Следующий, небольшой Петровский зал с Царским троном, в глубине его, был свободен от присутствующих, лишь у дверей стояли придворные лакеи. В этом зале, Государь, обычно принимал иностранных послов, когда они приезжали в Россию.

В Гербовом зале, с одной стороны протянулась блестящая шпалера высших гражданских чинов, сияя звездами и разнообразием русских и иностранных орденов, а напротив их эффектная линия лиц, имеющих приезд ко Дверу. Это собрание русских кокошников и русских костюмов, переливы брильянтов и драгоценных камней, составляли незабываемую картину, особенно, когда эта длинная линия дам, делала низский реверанс своему Императору. И теперь, спустя больше 60-ти лет, мне кажется, что всего этого не было, — все это волшебный сон из какой-то чудной сказки. И как

жаль, что в то время не было современных, усовершенствованных аппаратов, которые смогли бы увековечить навсегда эту чудную, сказочную картину и в красках передать то, что порою невозможно описать.

В этом Гербовом зале, почетный караул занимали Гвардейские Полевые Жандармы в своих однобортных, светло-голубых мундирах, с желтыми аксельбантами, в серебрянных касках и с такими же орлами на шишаке. Этот эскадрон пополнялся исключительно унтер-офицерами и во время Царского объезда в Красном Селе, их командир ехал верхом впереди Государя. Своею лазуревой полоской он выделялся среди пестрых шпалер важных чиновников и дам.

В следующей, Пикетной зале, стоял караул Л.-Гв. от Преображенского полка и далее, в зале перед входом в собор, в больших, медвежьих шапках, стоял караул от стариков Роты Дворцовых Гренадер. Они носили старинную форму начала 19-го века, вооруженные берданками и полусаблями, увешанные медалями и крестами. На правом фланге их стоял старик барабанщик с огромным барабаном, украшенным золотыми орлами и рядом с ним два маленьких мальчика — флейтисты, внуки гренадер.

У входа в Собор, а также у всех дверей всех зал, стояли парные часовые, специально подобранные лицом к лицу.

В начале 12-го часа, церемониймейстеры во всех залах слегка постучали об пол своими тростями со слоновыми набалдашниками, перевязанными голубыми, андреевскими лентами и во всех залах срезу замолкли все разговоры и воцарилась тишина.

Из малахитовой гостинной, где к тому времени собралась вся Царская Семья, начался Высочайший Выход, который очень медленно проходил через все вышеуказанные залы в Собор Зимнего Дворца.

В начале шествия шли в красных мундирных фраках и в белых чулках гоф и камер курьеры. Они шли совершенно безшумно, попарно, с полным сознанием своего собственного достоинства. За ними шли 2 Церемониймейстер и Обер Церемониймейстер, граф Гендриков, а за ним, по 2 в ряд, камер-юнкеры, камергеры и вторые чины Высочайшего Двора. Затем шел Гофмаршал генерал-адъютант граф Бенкендорф и за ним, в мундирах, сплошь зашитых золотыми галунами, шли первые чины Двора: Обер-Гофмейстеры Танеев, Алексеев, Кн. Репнин и ф. Кауфман, Обер Егермейстеры: Гр. Шереметев, Балашов, Голенищев-Кутузов, Толстой и, наконец Обер-Гофмаршал Кн. Долгорукий, предшествовал Их Величествам. Государь Император, в мундире Кавалергардского Е.И.В.Г.И.М.Ф. полка, в красной, Александровской ленте и с цепью ордена Св. Андрея Первозванного, шел с Государыней Императрицей Марией Федоровной, которая была в великолепном русском уборе, в платье с большим, белым атласным шлейфом, огромным соболем и с жемчужным ожерельем на шее, в красной, Екатериненской ленте, также с цепью ордена Св. Андрея Первозванного. За Государем шел министр Императорского Двора, ген-адъютант бар. Фредерикс, фельдфебель Пажеского Корпуса, бар. Деллингсгаузен, дежурный генерал-адъютант Арсеньев, Свиты ген.-майор бар. Будберг, и флигель-адъютант граф Тотлебен. За Государыней Императрицей шли: состоящий при Ее Величестве Гофмейстер, князь Шервашидзе и 2 камер-пажа. Далее шли попарно и в следующем порядке Их Императорские Высочества, Великие Князья: Кирилл Владимирович с Великой Княгиней Марией Павловной (старшею), Борис Владимирович с Великой Княгиней Викторией Федоровной, Андрей Владимирович с Великой Княгиней Елизаветой Маврикиевной, Константин Константинович с Великой Княгиней Анастасией Николаевной, Дмитрий Константинович с Великой Княгиней Марией Георгиевной, Николай Николаевич с Великой Княгиней Ксенией Александровной, Петр Николаевич с Великой Княгиней Ольгой Александровной, Николай Михайлович, с Княжною Татьяной Константиновной, Георгий Михайлович, с Княжною Мариной Петровной, Александр Михайлович, с Княжной Еленой Георгиевной Романовской и в общей группе шли: Великий Князь Сергей Михайлович, Князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, Князья: Иоанн, Гавриил и Константин Константиновичи и Принц Петр Александрович Ольденбургский.

За Великими Княгинями и Княжнами шли Камер-пажи, которые несли их шлейфы, затем шли статс-дамы с гофмейстериною Нарышкиной во главе, в форменных, темно-зеленых, бархатных, вышитых золотом шлейфах и блестящая вереница фрейлин Их Величеств в красных, бархатных повязках на голове и в красных, длинных, шитых золотом шлейфах на русских сарафанах, за ними шли фрейлины Великих Княгинь в цветных повязках и цветных шлейфах, по цвету дворов, к которым они принадлежали. За придворными дамами шли высшие сановники и Государева Свита.

По мере прохождения Их Величеств, войсковые части брали «на караул» дамы делали низкий реверанс и штатские мужчины отвешивали низкий поклон, военные стояли на вытяжку.

Торжественное шествие медленно и чинно подходило к Собору Зимнего Дворца, где к тому времени собрались члены Государственного Совета, все министры, главноуправляющие, сенаторы, Статс-секретари и почетные опекуны.

Из алтаря Собора навстречу Их Величествам вышло придворное духовенство во главе с новым придворным протопресветиром О. Благовещенским и духовником Их Величеств о. Жедринским. На обоих клиросах собора стояли придворные певчие в парадных, малиновых кафтанах.

После встречи Их Величеств, духовенство вошло в алтарь и началась божественная литургия Св. Василия Великого.

Мы, камер-пажи, стояли на вытяжку, за своими Великими Княгинями, расправив, после их входа в Собор, их тяжелые шлейфы.

По окончании литургии, прибывшие заранее в алтарь, члены Святейшего Синода во главе с первоприсутствующим, Высокопреосвященным митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием вышли из него и первые принесли свои поздравления Их Величествам с Новым Годом.

Стоявшие в соборе высшие представители католического духовенства во главе с католическим митрополитом и представители лютеранского духовенства, вслед за православными, приносили свои поздравления.

Между тем, в Георгиевский зал, где высится Императорский трон, были введены Церемониймейстерами, представители иностранных держав — послы, посланники и члены посольств и миссий.

Из Собора Высочайшее шествие направилось обратно во внутренние покои, тем-же церемониальным порядком и остановилось в Гербовом зале, а Их Величества и Члены Императорского Дома проследовали в Георгиевский зал, где принимали поздравления от дипломатического Корпуса. Надо добавить, что эта процедура была для всех, а особенно для Государя Императора, очень длинная и утомительная.

Во время этой церемонии к Великой Княгине Ольге Александровне, подошел Великий Князь Константин Константинович и спросил меня мою фамилию. Я был тронут тем, что не успел я ответить на вопрос Великого Князя, как Великая Княгиня сразу-же назвала мою фамилию. Затем великий Князь спросил меня в какой полк я выхожу и, т. к. я еще в то время не был принят в полк то ответил, что представился Л.-Гв. в Егерский полк. Великая Княгиня участливо меня спросила, не устал-ли я стоять, чувствуя сама что немного переутомилась.

Затем шествие дошло до внутренних покоев Их Величеств и церемониал на этом закончился. Присутствующие начали разъезжаться, камер-пажи проводили своих Великих Княгинь до подъезда и помогли им, с их громадными шлейфами сесть в подъезжающие кареты. После этого камер-пажей пригласили в одну из комнат Запасной половины Зимнего Дворца, где нам предложили прекрасный завтрак с вином и с шампанским. Все мы делились впечатлениями нашей первой придворной службы, вспоминая мельчайшие детали Высочайшего Выхода.

В Николаевском зале, в это время, собрались придворные и городские дамы, которые приносили поздравления Государыне Императрице Марии Федоровне в Концертном зале, причем присутствовали: министр Двора, обер-церемониймейстер, гофмейстерина, камер-фрейлина графиня Голенищева Кутузова, свитская фрейлина графиня Шереметева и 2 камер-пажа.

После приема, Ее Величество, в парадной карете, в четверку лошадей цугом, отбыла в Аничков Дворец.

После завтрака, нас камер-пажей, в придворных каретах, отвезли обратно в корпус, но многие из нас заехали к фотографу и кто группой в 3-4 человека, кто в одиночку снялись и увековечили этот счастливый день, который, увы, никогда не повторится.

И теперь, спустя более 60-ти лет, после этого сказочного дня, вспоминая с грустью прошлое время, невольно встает вопрос: нужно-ли было все это, эта роскошь, изобилие золота, разнообразия красок, этой поистине сказки из волшебного мира, нужно-ли было все это для блага России?

Ответ и ответ разумный на этот вопрос дает мой младший однокашник по Пажескому Корпусу, А. С. Гершельман (вып. 1913 г.). По его мнению и думается, что его мнение разделяется и всеми национально мыслящими русскими людьми, для которых престиж России был выше всего, что все это было безусловно нужно, для благоденствия России.

«Мы воспринимали идею русской монархии, как какое-то земное воплощение духовной, почти-что божественной красоты и весь этот блеск представляется лишь внешним проявлением этой единственной в мире, неповторимой в своей внутренней красоте — идеи русской монархии».

В. А. Каменский

Похороны доломана Павлоградских гусар

В 1882 году, армейские гусарские полки были переименованы в драгунские и от них была отнята блестящая гусарская форма. Мера эта была принята офицерами гусарских полков с неудовольствием. Говорили, что в некоторых полках были демонстративно устроены похороны доломана, в результате которых последовали санкции.

В № 10, в октябре 1915 г., весьма левого исторического журнала «Голос Минувшего», некто П. Юдин, рассказал об истории имевшей будто бы место в Павлоградском полку:

«Бывший Московский губернский предводитель Дворянства, генерал-майор В. И. Ершов, был человек пылкий, самолюбивый и отличался своими проделками. В свое время о нем ходили целые легенды. Больше всего было разговоров об устроенных им похоронах мундира Павлоградских гусар, в бытность его их командиром. Ершов собрал

офицеров и сказал им приблизительно следующее: Господа, умерли теперь заветы наших славных предков. Нет «гусаров коренных, председателей бесед, собутыльников лихих,. Проводим же с честью, в место вечного покоя и мундир наш боевой. Похороним его».

И действительно похоронили честь-честью. Сделали гроб и положили внутрь его, венгерку с чакчарами, ментик, шапку, гусарские сапоги и саблю. В назначенный день был выстроен весь полк в конном строю, со всеми жалованными регалиями. Гроб поставили на катафалк и под звуки похоронного марша полкового хора, проводили его до кладбища, где, с установленным из ружей салютом, опустили в недры сырой земли. Весть о том достигла столицы. Император Александр III был сильно разгневан таким кощунственным поступком Ершова и уволил его в запас армии».

На это, однако, в декабре 1915 г. последовал ответ А. К. Боянуса:

«Обстоятельства, давшие повод к возникновению этой легенды, заключались в следующем. После кончины Императора Александра II, все Его мундиры рассылались в соответственные части и Его Павлоградский мундир был прислан в полк. Мундир был получен и после отслуженной панихиды отнесен с подобающими почестями для хранения в полковую церковь.

Павлоградский полк стоял в пограничном с Восточной Пруссией городе Сувалки и описанное событие имело место как раз в то время, когда все армейские гусарские и уланские полки были переименованы в драгунские и совершалась перемена обмундирования. Может быть по незнанию, а может быть и намеренно, наши соседи, а теперь и враги, связали оба события, и в одной из Кенигсбергских газет появилась заметка, что русская кавалерия недовольна переменой формы и что в Павлоградском полку это недовольствие вылилось в демонстративные похороны гусарского ментика. Для многих, последовавшее вскоре после этого оставление В. И. Ершовым должности командира Павлоградского полка, могло послужить подтверждением этой легенды. На самом деле оставил полк В. И. Ершов, не потому, что был уволен в запас, а потому, что перенес очень тяжелую болезнь в Сувалках и вообще не предполагал продолжать военную службу в строю».

Редактор журнала поддержал своего сотрудника и прибавил, что Н. В. Давыдов, хорошо знавший Ершовых, лично подтвердил несомненность факта «похорон» Павлоградского мундира. Он слышал рассказ об этом факте, от ближайших родственников В. И. Ершова.

На все это очень энергично реагировала вдова генерала Ершова. Вот что она писала в феврале 1916 г. в редакцию «Голоса Минувшего»:

«Напечатанная в вашем журнале заметка П. Л. Юдина о бывшем Московском Предводителе Дворянства В. И. Ершове настолько не соответствует истине и настолько оскорбительна для его памяти, что я привлекаю автора к судебной ответственности. Один из служивших в то время в Павлоградском полку офицеров, ныне генерал С. Д. Посников, прислал мне письмо следующего содержания:

«Как старый Павлоградец, бывший в полку с 1880 г., я категорически заявляю, что все написанное в этой статье об устроенных похоронах мундира Павлоградских гусар, неверно от первого до последнего слова. Ни В. И. Ершов, ни кто другой на свете, не мог бы устроить балаган в старом славном полку, все чины которого всегда с гордостью носили свой мундир, не потому что он гусарский, а потому, что он Павлоградский, и балаганить с ним никому бы не позволили.

Не надо забывать, что Павлоградцы считали себя осчастливленными тем, что их мундир носил Император Александр II с 17 апреля 1838 и Император Александр III с 26 февраля 1874 г. и что Император Александр III драгунский мундир надел одновременно с ними.

Непонятной и несвоевременной кажется мне попытка П. Юдина вновь пустить в обращение давно забытую басню, выдуманную корреспондентом немецкой газеты, видевшим в Сувалках церемонию перенесения в полковую церковь Высочайше пожалованного полку мундира Императора Александра II-го».

Впервые, и то вскользь, между другими сообщениями совершенно частного характера, мой муж, в своем письме ко мне от 22 ноября 1882 г. из С.-Петербурга, в следующих выражениях касается появившихся в обществе пустых толков: «Здесь праздные языки, Бог знает что болтают про меня, что у меня отняли полк за то, что я устроил в Сувалках «похоронную процессию ментику», с трубачами, певчими и священником и сам ехал верхом впереди этого шествия?!»

Чем кончилось дело, нам не известно, но видно, что с весьма распространенной легендой, приходится расстаться...

* *

Расселение армии по Балканским странам

ген. П. Н. Шатилов

По вопросу о той трудной задаче, разрешить которую взял на себя в 1921 году генерал Врангель, чтобы сохранить эвакуированную из Крыма армию от распыления и дать ей возможность на дальнейшее существование, переселив ее в балканские страны, уже имеется достаточно обширная литература. Назовем наиболее известные издания: К вопросу о русской армии. Париж, 1921; В. Даватц и Н. Львов. Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Русские в Галлиполи. Берлин, 1923; Русская армия в изгнании (на правах рукописи, без указ, места и года издания); Казаки в Чаталджe и на Лемносе в 1920-21 гг. Белград, 1924; В. Даватц. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. К этому неполному списку «Военно-Исторический Вестник» ныне присоединяет новое свидетельство — «Расселение армии по балканским странам» — написанное по личным воспоминаниям генералом П. Н. Шатиловым, которому генерал Врангель после эвакуации Крыма поручил вести переговоры с правительствами царства Болгарии и королевства С.Х.С. о расселении русских контингентов в этих странах. Несмотря на полную непримиримость взглядов союзных представительств в Константинополе и русского главного командования, генерал Шатилов, как известно, добился разрешения перевезти воинские части из Галлиполи, Лемноса и Чаталджи в балканские страны. Редакция приносит глубокую благодарность Софии Федоровне Шатиловой за предоставление этого ценного исторического документа для опубликования его в «Военно-Историческом Вестнике». Ю. Т.

***

Глава первая.

Обстоятельства, сопровождавшие командировку. — Составление обращения к монархам, правительствам и парламентам. — Короткая встреча на софийском вокзале с посланником Петряевым. — Приезд в Белград и первые шаги. — Посещение председателя Скупщины. — Посещение Пашича. — Посещение военного министра. — Представление Королевичу-Регенту. — Письмо Бахметьеву. — Переговоры в Софии. — Представление Царю Борису. — Результаты переговоров в Софии.

Стремление союзного оккупационного командования в Константинополе распылить, находившуюся в лагерях, армию заставило генерала Врангеля наметить выполнение ряда реальных шагов с целью в быстрейший срок осуществить расселение армии по балканским и другим дружественным нам странам. В числе таких мероприятий было решение о моей поездке в Софию и Белград. Целью моей поездки было — личное обращение к представителям правительственной власти, к президиуму парламентов и монархам королевства С.Х.С. и царства Болгарии, с просьбой о принятии наших контингентов.

К этому времени, то есть к концу марта 1921 года, закончились переговоры об образовании в Константинополе Русского Совета; этим достигалась возможность обратиться к парламентам балканских государств от имени объединенной русской общественности в Константинополе. Перед моим отъездом Главнокомандующий собрал у себя не только лиц, намечавшихся к участию в Русском Совете, но и наиболее видных представителей тех общественных группировок, которые относились к выработанному «положению о Русском Совете» отрицательно. К этим последним принадлежали казаки — из Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека — и председатели Земского и Городского Союзов.

Однако, при обмене мнений выяснилось полное единодушие присутствующих — и в вопросе существующего напора союзников в целях распыления армии, и в одобрении той позиции, на какую стало русское главное командование, и в необходимости скорейшего перемещения армии в балканские страны. Тут же было решено написать от имени Главнокомандующего, казаков и общественных организаций обращение к председателям Скупщины королевства С.Х.С. и Народного Собрания Болгарии, с просьбой оказать содействие к принятию контингентов армии. Составление обращения было поручено В. В. Шульгину и оно должно было быть написано по-русски. Одновременно было решено, что генерал Врангель непосредственно обратится с письмами к королевичу Александру и царю Борису.

Вместе с тем, для подкрепления моих обращений и для создания наиболее благоприятной обстановки на местах, было решено командировать со мной двух представителей общественных организаций. Выбор пал на Н. Н. Львова и А. С. Хрипунова. Один являлся представителем правого крыла общественности, другой » левого. На следующий день эти письменные обращения должны были быть готовы и присутствовавшие на совещании должны были придти и под ними подписаться.

Тексты обращений были составлены под свежим впечатлением острых недоразумений, происшедших на Лемносе между представителями нашей армии и представителями французского командо-

вания и носили несколько тенденциозный характер. Действия французов были обрисованы в преувеличенном виде. Вернее — были сильно сгущены краски. Так, например, при упоминании мотивов приводимых к просьбе «дать приют Русской Армии на славянской земле» — говорилось, что «в ту минуту, когда Армия может оказаться всего нужнее, безжалостно разрушают ее. Разрушают, несмотря на то, что в тяжелом изгнании, на чужой земле, она дала высшее доказательство патриотизма, твердости духа и безусловного повиновения своим начальникам». Далее говорилось, что «на острове Лемносе, под прикрытием пулеметов и судовой артиллерии, офицеры были насильственно отделены от солдат. Лишенной свой руководителей солдатской массе, под угрозой немедленного лишения пищи и голодной смерти, приказано было сесть на пароходы, чтебы ехать в Советскую Россию...»

Подписание этого обращения не прошло без инцидента. Представители казаков, председатели Донского правительства генерал Апостолов и Кубанского Д. Е. Скобцов, не пожелали поначалу его подписать вовсе, так как оно было редактировано от имени Главнокомандующего и представителей разных политических направлений и казачества, объединившихся в Русском Совете. Казаки мотивировали свой отказ тем, что они от участия в Совете отказались. Когда же им было сказано, что если они не хотят, то это их дело и никто их на подписание не вызывал, то они сами обратились с предложением изменить редакцию, формулировав ее таким образом, что обращение делается от имени Главнокомандующего, представителей казачества и представителей различных политических течений, объединенных в Русском Совете. По существу они никакого изменения не вносили, почему им отказано не было. Это лишь отняло время и затруднило подписание обращения, так как под обращением в первой редакции уже стояло много подписей, а созывать подписавшихся вновь было очень затрднительно.

Пришлось прибегнуть к резинке и перочинному ножу. В тот же день, только что образованной «Политической частью», были составлены на французском языке письма Главнокомандующего — королевичу Александру и царю Борису. В этих письмах обстановка, складывавшаяся для армии, была обрисована в более мягких тонах. В конце письма генерал Врангель просил монархов принять в их страны «русских патриотов, взоры и сердца которых направились на братские народы и на их Державных Вождей». В заключении же говорилось, что письма эти доставляются мною, начальником штаба Главнокомандующего, и в случае, если бы монархам угодно бы было выслушать дополнительные сведения, то «генерал Шатилов немедленно же для этого представится по первому требованию» монархов.

Перед отъездом я получил от генерала Врангеля указание, по которому при разрешении вопросов о расселении армии, назлежало придерживаться следующих положений.

1) Чтобы части армии принимались при обязательном условии сохранения их военной организации.

2) Чтобы при предоставлении государственных, общественных или частных работ расселенным частям принимались бы меры к постановке их целыми воинскими организациями.

3) Если подходящих работ на весь состав армии не окажется возможным найти, то просить до приискания работ расселить части армии по пустующим казармам организованными частями.

***

4 апреля 1921 г. я выехал в Белград. Проезжая через Софию, где на вокзал ко мне выехали навстречу наш посланник А. М. Петряев и военный представитель Главнокомандующего генерал Вязмитинов, я им сообщил о целях моей поездки, о врученных мне письмах и обращениях и просил их к моему приезду в Софию, куда я расчитывал попасть дней через десять, подготовить почву, как в общественных, так и в правительственных кругах. Обещав все это выполнить, А. М. Петряев вместе с тем заметил, что успех моих переговоров в Софии будет зависеть исключительно от результатов переговоров в Белграде. По его словам, болгарское правительство чрезвычайно чутко следит за позицией Белграда и, желая установить с Сербией возможно близкие отношения в русском вопросе, будет придерживаться точки зрения победившего ее соседа. Это же мне подтвердил и генерал Вязмитинов, недавно говоривший о возможности переселения частей армии в Болгарию с начальником штаба болгарской армии полковником Топалджиковым. Таким образом выходило, что центром тяжести моих переговоров является Белград.

После получасовой стоянки в Софии наш поезд отправился в Белград, куда мы прибыли днем 6 апреля. В тот же день я побывал у нашего посланника В. Н. Штрандтмана и нашего военного агента Д. Н. Потоцкого. Из разговоров с ними я выяснил, что и Штрандтман, и Потоцкий уже предприняли шаги к тому, чтобы склонить правительство королевства принять наши контингенты для постановки на работу массового порядка. Однако, эти шаги до того времени существенных результатов не дали. Потоцкий мне доложил, что в военном министерстве имеется предположение использовать чинов армии на службу в пограничной страже, к организации которой будет приступлено в ближайшее время.

Со Штрандтманом мы наметили порядок моей работы, который должен был явиться в таком виде. Прежде всего надо было добиться свидания с председателем правительства Н. Пашичем, затем представиться королевичу Александру и параллельно сделать визиты всем министрам и наиболее влия-

тельным политическим деятелям. Штрандтман предложил сопутствовать мне при нанесении визитов и при беседе с Пашичем. Передачу же обращений председателю Скупщины он просил сделать без него, так как по установленным международным правилам официальные переговоры дипломатических представителей с президиумом парламентов иметь место не должны. Письмо Королевичу-Регенту решено было отправить через Пашича, с особым от меня письмом, в котором просить о передаче письма Его Высочеству и о назначении мне Пашичем приема в возможно непродолжительном времени.

Установивши этот порядок официальной работы, мы приступили с Штрандтманом к визитам министрам и другим лицам. Заставали мы очень немногих. Из разговоров же с теми, которых заставали, мне стало ясно, что все дело зависит исключительно от решения Пашича. Некоторые министры это определенно и заявляли. Между тем, приехавшие со мной Н. Н. Львов и А. С. Хрипунов посетили русских общественных деятелей Белграда и наметили с ними устроить целый ряд докладов о положении русской армии в лагерях. На эти сообщения решено было привлечь возможно больше влиятельных сербов, дабы путем общественного давления повлиять на решение правительства на делаемое мною представление. На тех же лекциях присутствовал и я и делал доклады о положении армии, об усилиях союзников распылить ее и о необходимости для ее спасения принять все меры к расселению армии в славянских странах.

Кроме того, я принял меры и к воздействию на сербскую печать, в чем мне самую существенную помощь оказал бывший сотрудник петербургского «Нового Времени» — Ксюнин. Он познакомил меня с заведывающим бюро печати в министерстве иностранных дел, который и оказал нам свое содействие помещением в некоторых наиболее ходких газетах благоприятных нам информаций. Одновременно с этим появились статьи о тяжелом положении армии и о долге сербского народа помочь, как некогда русский народ помог Сербии в ее бедствии.

Почти одновременно со мной, в Белград прибыли и атаманы — генералы Богаевский и Науменко. Они побывали у Штрандтмана и участвовали, вместе со мною, на докладах, организованных Львовым и Хрипуновым. На одном из докладов, генерал Богаевский подчеркнул особенную тягость положения казаков на Лемносе и высказал надежду, что главное командование выведет их в первую очередь. Я на это ответил, что Главнокомандующий не раз подтверждал, что все части армии ему одинаково дороги и близки и что, конечно, в первую очередь будут перевезены те части, которым тягостнее всего; если обстановка ко времени переезда не изменится, в первую очередь будут перевезены части, находящиеся на Лемносе. После этого моего заявления генерал Богаевский сказал, что теперь за участь казаков он совершенно спокоен.

К сожалению, нарушение наших добрых отношений с атаманами, вернее, с их правительствами, сказалось и здесь, в Сербии. Один из здешних их представителей, Мельников, стал проявлять определенную «самостийность» и желание отмежеваться и от нашего правительственного уполномоченного по делам беженцев С. Н. Палеолога, и даже от русского посланника. Правда, что старания его добиться от сербов официального признания представительства казаков встречало полное противодействие, но зато некоторые русские члены Державной комиссии (ведающей ассигнованиями сербских денег на беженцев) старались поддержать домогания Мельникова и Сушкова, представителя кубанского атамана. Эти лица не останавливались не перед чем, чтобы проводить свои сепаратистские и левые убеждения.

Что касается В. Н. Штрандтмана, то он старался быть возможно более внимательным к атаманам, но всегда подчеркивал свое отрицательное отношение ко всяким проявлениям самостийного направления. На это его толкала, главным образом, позиция правительства королевства, которое не признавало никаких государственных образований, возникших на территории бывшей России.

***

Наконец, 10 апреля состоялось посещение нами председателя Скупщины. Он принял нас в своем служебном кабинете, во временном здании Скупщины. На этот прием, кроме меня, Н. Н. Львова и А. С. Хрипунова, прибыли и два атамана. Говорили мы по-русски, председатель отвечал по-сербски. Я ему вручил обращение к Скупщине, переданное мне в Константинополе, которое за несколько дней перед приемом пожелали подписать и атаманы. В кратких чертах я ему изложил неблагоприятно сложившуюся для армии, в районе проливов, обстановку и просил оказать содействие в принятии ее контингентов на территорию королевства.

В ответ мы получили заверение в полном нам сочувствии, но, вместе с тем, и напоминание, что распорядительные функции власти в королевстве принадлежат правительству, почему участие его, как председателя Скупщины, почти вовсе исключается. Мы все же просили его поговорить с Николой Пашичем и оказать на него давление. Получив довольно уклончивый ответ, мы с ним расстались.

Для меня становилось все яснее и яснее, что только от Пашича зависит решение нашей участи. В тот же день я был у В. Н. Штрандтмана и высказал ему это мое убеждение, на что получил ответ, что это не совсем так. Штрандтман говорил, что если бы вопрос зависел только от Пашича, то дело было бы решено в положительном смысле и в полном объеме, но Пашич не достаточно самостоятелен и ему в решении русского вопроса мешают

министры-демократы, обработать которых он и должен до внесения нашего дела на обсуждение в Совете министров. Этим Штрандтман и объяснял задержку Пашичем моего приема.

Когда прошло около пяти дней после подачи мною Пашичу письма, с просьбой назначения приема и с приложением обращения генерала Врангеля к королевичу, а из секретариата председателя правительства ни Штрандтман, ни я не получали ни одного слова, я обратился к посланнику с просьбой лично обратиться в секретариат и просить срочно меня принять. После некоторого упорства Штрандтман, наконец, согласился и написал Пашичу об этом письмо, которое и отвез личному его секретарю. Я пошел вместе с Штандтманом, дабы своим присутствием подтолкнуть необычайно осторожного Василия Николаевича в своих действиях. Секретарь обещал в тот же день лично доложить письмо Пашичу и дать ответ по телефону.

Прошел день, прошел другой, а ответа все нет. Пошел я опять к посланнику и выразил ему свое безпокойство. Я предложил Штрандтману избрать другой путь — непосредственно обратиться к Королевичу-Регенту, которому я должен был представиться уже после приема у Пашича. Штрандтман запротестовал и просил меня этого не делать. Я тогда предложил ему написать, уже от себя, письмо Пашичу, в котором упомянуть, что больше я ждать не могу, что обязанности моей службы призывают меня в Константинополь и что возвращение мое без определенно ответа повлияет на войска угнетающим образом. Сначала посланник протестовал, но затем согласился на эту меру, взял с меня обещание, что письмо Пашичу будет написано не в очень горячем тоне. Я ему на это ответил, что, как и раньше, так и впредь, всякое мое обращение к правительственным лицам королевства я обязательно буду давать ему на просмотр еще в черновом виде. Кроме того, я по-прежнему буду просить его брать на себя их передачу. Штрандтман успокоился и письмо на следующий день было отправлено.

Уже к вечеру этого дня я получил извещение через посланника, что 14 апреля я буду принят Пашичем. Мы решили с Штрандтманом идти вместе. К этому времени я заготовил справку, в которой изложил обстановку в военных лагерях, дал цифровые данные и просил согласия на принятие около 15 тысяч на работы и около 10 тысяч на службу в пограничную стражу. Захватив эту справку с собой, я отправился со Штрандтманом в министерство иностранных дел, где помещался служебный кабинет «Председника Влады» (председателя правительства), в котором Пашич нас и принял.

Пашича я увидел в первый раз. Это был глубокий старик, небольшого роста, довольно плотный, с серой бородой и с добрыми, потухшими глазами. По первому впечатлению, мне стало страшно за успех моих действий. Мне казалось, что такой старик как Пашич не сможет уже понять нашу идеологию, наше стремление сохранить армию, не сумеет оценить ее значение и не разберется в том влиянии на ее моральное состояние, какое имеют действия союзных оккупационных властей. Мне также показалось более чем странным, что управление новым, созидавшимся государством поручено в самый сложный для него период такому старику как Пашич. Однако, мои опасения и первое впечатление оказались совершенно неверными. Уже после первых же слов я почувствовал, что Пашич не таков, каким он мне показался с первого взгляда.

Беседа наша с Пашичем продолжалась около часу. Мы разговаривали на русском языке, который Пашич понимал совсем хорошо и на котором понятно объяснялся. Подав справку, я просил Пашича дать мне определенный ответ. Пашич это сделать не хотел и лишь обещал сделать все возможное, чтобы оказать нам помощь в тяжелое для нас время. Однако, я к нему так пристал, что он должен был дать мне обещание в ближайшее же заседание Совета министров провести вопрос о принятии на работы первой партии наших контингентов, в числе 5 тысяч человек. Кроме того, он выразил согласис на принятие еще нескольких тысяч человек на службу в пограничную стражу, причем, с деталями о точном числе принимаемых в эту службу, предложил мне обратиться к Военному министру. Что же касается дальнейшего приема наших частей, то Пашич считал необходимым в будущем приискать для них соответствующие работы, каковые в настоящее время, распоряжением правительства, еще не производятся. На это я просил Пашича дать мне определенный ответ — даст ли правительство приют армии и ее командованию на территории королевства, если мы изыщим средства для ее содержания?

Ответ был положитсльный. Этим разговор наш закончился. Конечно, результатом его не было полное решенио судьбы армии, но все же начало было положено и можно было ожидать в дальнейшем постепенного выполнения плана вывода армии из лагерей.

На следующий день, вместе с генералом Потоцким, мы посетили Военного министра, генерала Иовановича, чтобы выяснить возможности принять в пограничную стражу часть наших контингентов. Я передал министру сущность моего разговора с Пашичем и просил его высказать свои соображения. Он отнесся сочувственно к вопросу о принятии наших контингентов, особенно после того, как я его заверил, что для заполнения предоставленных нам вакансий ь пограничной страже, мы выберем наиболее дисциплинированные и наиболее приспособленные для этого части.

Целый ряд вопросов, осложняющих прием наших контингентов, например, о положении офицеров, о предоставлении нам командных должностей и т. п. я умышленно не поднимал, чтобы сразу не провалить дело. Эти вопросы я решил поднять уже после того, как принятие наших частей на границу

выльется в реальные формы. Наиболее существенным являлся тогда вопрос о числе принимаемых. Этот вопрос я старался выяснить, но вполне определенного ответа не получил, так как и сам Военный министр на него положительно ответить не мог. Примерное число определялось от 5 до 7 тысяч человек. Кроме того меня, конечно, интересовал и вопрос о сроке приема, который также точно определен не был, но он намечался на май или июнь месяцы.

***

Ко времени моего пребывания в Белграде, король Петр уже совершенно устранился по болезни от дел и его замещал королевич-регент Александр. Личность королевича давала мне большие надежды на оказание нам помощи. Прежде всего, королевич Александр, как получивший воспитание в России, с особой симпатией относился к судьбе нашей армии, которая подняла свой меч на защиту Сербии в 191 4году. Кроме того, являясь народным героем во время войны и осовободителем своего отечества, он, несмотря на конституционные условия правления, казалось, должен был бы иметь значительное влияние в решении государственных вопросов. Личная близость к нему Пашича должна была этому содействовать. По этим соображениям, я придавал моему представлению королевичу не только значение выполнения акта обязательства, но и расчитывал попытаться достигнуть и его вмешательства в решение вопроса о переселении нашей армии.

15 апреля я получил от Штрандтмана уведомление о том, что в следующий день, в 5 часов вечера, я буду принят королевичем Александром.

Я тотчас стал подготовлять подробную справку, которую я решил подать при моем представлении в виде доклада по поручению Главнокомандующего. Я заготовил донесение в двух экземплярах, из которых одно, еще до представления королевичу, послал при особом письме Пашичу для сведения. Донесение это я дал предварительно для просмотра нашему посланнику, который попросил внести несколько редакционных исправлений, что мною и было исполнено.

В назначенный час я прибыл во временный дворец королевича. Я был принят им в его гостиной. Начал разговор королевич на русском языке, иногда переходя на французский. Я предложил королевичу говорить по-французски, чем он немедленно же и воспользовался, так как русский язык он стал по-видимому забывать. По его предложению я ему прочел (по-русски) поданный ему мною доклад, который он очень внимательно выслушал. Затем он мне сказал, что он имел уже по этому вопросу беседу с председателем правительства, который ему передал о нашем с ним разговоре. Я очень просил королевича посодействовать Главнокомандующему в вопросе размещения армии в королевстве и дать толчок к скорейшему разрешению этого вопроса, а также и к увеличению числа принимаемых в первую очередь. Королевич дал свое обещание и, перед тем как меня отпустить, просил меня передать ему, как именно понял я ответ Пашича на заданные мною ему вопросы. На это попросил я разрешения ответить ему по-русски, так как я хотел бы, ввиду важности вопроса, подчеркнуть все детали. Получив на это согласие, я доложил следующее.

1) Преседник Влады дал принципиальное согласие на принятие русской армии на территорию королевства С.Х.С., с тем, чтобы содержание контингентов, не принятых на работы или в пограничную стражу, нисколько не легли бы на средства страны.

2) К переезду в королевство вместе с армией и ее командования — препятствий не встречается.

3) На работы в ближайшее время будет принято около 5 тысяч человек.

4) Дальнейший прием на работы будет возможен по мере приискания подходящих массовых работ.

5) На службу в пограничную стражу будет принято несколько тысяч человек, точное количество и срок принятия которых будут определены военным министром.

Королевич мне на это сказал, что это именно то, о чем говорил ему Пашич. На мой вопрос, смогу ли я передать этот ответ Главнокомандующему от имени Его Высочества, королевич ответил мне положительно.

Представление мое королевичу Александру произвело на меня самое благоприятное впечатление, как той деловитостью, которая была проявлена королевичем, так и его сердечностью и внимательностью к нашему тяжелому положению. Что же касается впечатления произведенного лично им, то оно до некоторой степени напоминало то обаяние, которое производил наш покойный Государь. Та же простота обращения, то же доброжелательство в разговоре; не хватало только того ясного и бесконечно доброго взгляда, выражение которого сразу подкупало к себе всех, видевших Государя впервые.

После представления королевичу Александру, возложивши на генерала Потоцкого ведение дальнейших переговоров о принятии первой партии на работы и на службу в пограничную стражу и получивши от Штрандтмана обещание постепенно подталкивать решение нашего дела, я, 17 апреля, выехал в Софию.

***

Перед отъездом из Белграда, посоветовавшись со Штрандтманом, я написал письмо нашему послу в Вашингтоне Бахметьеву. В нем я указал на тяжесть сложившейся для нас в Константинополе обстановки и на согласие правительства С.Х.С. принять наши контингенты, если будут на их содержание изысканы средства. Поэтому, я просил

Бахметьева выполнить его патриотический долг и обеспечить, имеющимися в его распоряжении средствами, существование, хотя бы на первое время, части армии перевезенные в Сербию. Письмо это я прочел В. Н. Штрандтману, который вполне его одобрил и обещал, с первой же оказией, послать его через Париж, с аналогичным своим письмом своему американскому коллеге. Ответа на мое письмо я не получил, но спустя некоторое время Штрандтман мне передал, что он получил ответ Бахматьева, который просил передать и мне, что им будет сделано все возможное для ассигнования достаточных средств на переселение армии.

***

Приехавши в Софию, я узнал от генерала Вязмитинова, то недавно, довольно серьезно, заболел председатель болгарского правительства А. Стамболийский, почему ни ему, ни Петряеву не удалось ничего сделать, чтобы подготовить для моих будущих разговоров благоприятную обстановку. Из разговоров с Петряевым я выяснил, что, несмотря на достигнутые результаты в Сербии, рассчитывать на то, что болгарское правительство пойдет так же широко нам навстречу, нельзя. Он, кроме того, тоже говорил, что время для переговоров неблагоприятное ввиду болезни Стамболийского.

Таким образом, чтобы «схватить быка за рога» мне не представлялось той возможности, какая оказалась в Сербии и пришлось наметить лишь непосредственные переговоры со второстепенными правительственными деятелями и постараться привлечь на свою сторону наиболее влиятельные болгарские круги. Кроме того, я попросил аудиенции и царя Бориса, но на него рассчитывать, по его положению в царстве, совершенно не было надежды. Он был лишь слепым орудием в руках своего премьера Стамболийского, грубого и решительного мужика. Влияние последнего на решение всяких важных государственных вопросов было еще более могущественным, чем влияние Пашича в Сербии, так как в Болгарии существовал не коалиционный кабинет, а партийное правительство земледельческой партии, во главе которой стоял тот же Стамболийский. Не имея же возможности побывать у него, я ясно сознавал, что при такой обстановке очень трудно было рассчитывать на успешность переговоров.

Однако в Софии я неожиданно нашел себе сторонника в лице французского посланника г-на Жоржа Пико. Занимая в Софии среди дипломатов исключительное влияние, он пользовался таковым и у болгарского правительства. Примирительная тогда позиция Франции в отношении Болгарии ему в этом много содействовала. Большую помощь обещал и болгарский епископ Стефан, русский воспитанник, горячий в то время сторонник России. Кроме того, нам широко пошли навстречу, искавшие всегда сближения с Россий, болгарские буржуазные круги. Впрочем, влияние их на правительство было минимальное, так как они в составе его не имели ни одного представителя.

Наконец, наиболее реальным двигателем нашей просьбы о принятии армии являлся начальник штаба болгарской армии полковник Топалджиков. Он, по существу, был управляющим военным министерством, во главе которого стояли попеременно политические деятели, ничего не смыслящие в военном деле.

Посещая то с генералом Вязмитиновым, то с Петряевым, а иногда и один, не только упомянутых выше, но и других лиц, я пришел к убеждению, что необходимо пока результат переговоров основывать на содействии Топалджикова. Он произвел на меня впечатление человека чрезвычайно благожелательного в отношении вопроса о переводе наших контингентов в Болгарию. Другим двигателем моего ходатайства должен был явиться посланник Пико, который был заинтересован в содействии константинопольским французским властям к сокращению военных лагерей. Вместе с тем, Пико являлся истинным руссофилом и чрезвычайно охотно готов был оказывать всякое содействие свое только для того, чтобы помочь нам сохранить организацию и ту реальную силу, которая еще может оказаться нужной для борьбы с захватчиками власти в России. Третьим реальным мне сотрудником был наш посланник Петряев.

***

Царю Борису я представился через несколько дней после моего приезда в Софию. Был у него вместе с генералом Вязмитиновым. Мы прибыли во дворец за четверть часа до назначенного нам времении были встречены секретарем царя — Груевым. Нас провели сначала к дежурному адъютанту, с которым мы беседовали минут десять. Нам он показал знамена, расформированных решением Неллийского договора, болгарских полков, портреты наших Государей и картины из эпохи Освободительной войны. Здесь все отдавало русским духом, всюду было видно русское влияние, несмотря на все старания царя Фердинанда выколотить из болгар симпатии к России.

У царя Бориса мы пробыли около получаса. Он очень интересовался положением армии, недоумевал о решении французских властей в Константинополе ее распылить и обещал оказать нам посильную помощь. При этом он оговорился, что личное его участие в этом деле возможно только в пределах его конституционных прав. Ясно, что он мог обещать только то, на что согласится Стамболийский.

Говорили мы с царем частью по-русски, частью по-французски. Он извинился, что плохо говорит по-русски и ссылался на недостаток практики. Впечатление на нас он произвел необычайно симпатичное. Особенно привлекали к нему его ясные, красивые глаза. Ему было в это время 27 лет, хотя благодаря своему небольшому росту, казался он

несколько моложе. Выходя от него, я ясно почувствовал, что нами исполнен акт вежливости, который ни на шаг не подвинет наше дело.

Как я сказал выше, из-за невозможности видеть Стамболийского, результат моих переговоров не мог быть особенно существенным, но все же — из переговоров с Топалджиковым и министром общественных работ была установлена возможность теперь же принять несколько тысяч человек и поставить их на работы по исправлению шоссейных дорог. Обеспечив себе полное содействие Петряева и возложив на генерала Вязмитинова выяснение деталей приема, я, по настойчивым вызовам генерала Врангеля, выехал в Константинополь, куда прибыл 25 апреля.

Перед отъездом, я подал Стамболийскому письмо, с просьбой о приеме наших контингентов, которая по его выздоровлении и была внесена на обсуждение Совета министров.

(Продолжение следует)

ДОКУМЕНТЫ:

1. Последний приказ генерала от инфантерии Эверта, главнокомандующего армиями Западного фронта. 18 марта 1917 г. № 1445.

«До моего сведения дошли слухи, что моя иностранная фамилия, шведского происхождения, подрывает ко мне доверие в войсках.

Хотя предки мои и давно находятся в России, и все мы православные, и я всей душой ненавижу немцев и все немецкое, тем не менее, придавая огромное значение полному доверию войск к своему вождю, я сообщил о дошедших до меня слухах Военному Министру, прося уволить меня от службы, тем более, что, за 2 1/2 года беспрерывной нервной работы, здоровие мое настолько подорвано, что мне трудно уже проявить всю ту энергию, которая необходима вождю в предстоящей борьбе.

Ныне просьба моя уважена и я оставляю Западный фронт.

С величайшей грустью расстаюсь я с войсками Западного фронта, с которыми связан 2 1/2 летней совместной боевой службой. В течении этих лет беспримерной войны много тяжелых и радостных чувств пришлось пережить мне вместе с войсками.

Вспоминаются яркие дни славных побед под Люблином, Ивангородом, Опатовым, Вильколазом, одержанных войсками 4-й армии, часть которых и ныне входит в состав Западного фронта. Вспоминаются тяжелые дни отхода, закончившиеся славной победой у Молодечно, положившей предел дальнейшему наступлению противника в глубь нашей Родины, к ее сердцу — Москве. Вся эта боевая страда с ее временными неуспехами и светлыми днями побед, а также и вся дальнейшая позиционная война укрепили еще больше мое всегдашнее чувство восторга перед самоотверженной доблестью русского офицера и солдата.

Расставаясь с ними ныне, накануне решительных боев, с глубоким убеждением говорю, что русский офицер и солдат способны на беспримерные подвиги, высшее мужества, величайшее терпение и выносливость.

Поэтому я всей душой верю, что войска Западного фронта в предстоящей им решительной борьбе, сделают все, что в силах человеческих, для одержания над врагом полной и окончательной победы.

За прошлое же время нашей совместной боевой службы, считаю долгом совести, от имени службы принести мою искреннюю признательность командующим армиями, всем начальникам, офицерам и солдатам. Вашу самоотверженную службу Родине не забудешь.

От всей души благодарю моих ближайших помощников: Начальника штаба фронта, Главного начальника снабжений, Генерал-Квартирмейстера, начальников отделов и всех чинов Штаба и Управлений, неустанно работавших на пользу дорогих армий Западного фронта.

Да благословит Вас всех Господь и да подаст Вам полного успеха в Вашем ратном деле на счастье и благоденствие дорогой нам всем Родины.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Подписал: Главнокомандующий армиями, Генерал-от-Инфантерии ЭВЕРТ».

2. «Демократизация Армии». Приказ, который мы приводим ниже, имеет большое историческое значение, т. к. он положил конец существованию Русской Армии.

Положения его были столь неприемлимыми, что некоторые части, признали для себя невозможным продолжать существовать в новых условиях. Таковым был л.-гв. Преображенский полк, расформированный 2-го декабря 1917 г. приказом своего последнего командира, полковника А. П. Кутепова.

«Приказ 32 Армейскому Корпусу № 277 1 декабря 1917 года.

Объявляю проэкт реформы демократизации армии:

Положение о демократизации армии: Предписывается впредь до разработки и утверждения положения об армии центральной властью, руководствоваться следующими обязательными началами.

1. Вся полнота власти в пределах каждой войсковой части, их соединений и учреждений

принадлежит соответствующему солдатскому комитету.

Примечание 1) отрасли жизни и деятельности, состоящие в ведении комитетов, ныне подлежат исключительному их руководству, как-то: политическая жизнь, культурно-просветительная деятельность, содействие гражданским властям, ведение хозяйства и проч.

Примечание 2) те же отрасли деятельности войск, которые впредь до новой реорганизации армии не могут принять на себя комитеты, как то: оперативно-боевая часть, дело снабжения, санитарная часть и проч. остаются в ведении прежних органов, но под контролем комитетов и комиссаров, с согласия которых отдаются распоряжения и приказы этих органов.

2. Высшим органам солдатского управления является солдатская секция Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.
3. Армия служит воле трудового народа и подчиняется власти народных комиссаров, опирающихся на волю советов и их доверие.
4. Строгая дисциплина в рядах войск поддерживается силой товарищеского влияния, авторитетом комитетов и действием товарищеского суда.
5. Солдатским самоуправлениям предоставляется право избрания, утверждения и смещения с должности соответствующих командиров на нисшие должности до рядового включительно.
6. Комитеты ведут кандидатские списки на должности, получая атестации от комитетов и отзывы о специальной подготовке от окмандиров.
7. Офицерские и классные чины, звания и ордена — упразняются, и впредь выдача орденов не разрешается. Ношение орденов отменяется, кроме Георгиевских крестов и медалей, кои носить разрешается.
8. Форма одежды для всех родов оружия устанавливается однообразная, применительно к форме одежды пехотного солдатского образца, без всяких существовавших до ныне внешних отличий для всех родов оружия и должностей. Ношение погон отменяется.
9. Лица командного состава, при исполнении ими служебных обязанностей носят повязку на рукаве с соответствующей надписью, например: командир такого то полка и т. п. Примечание: донашивание старой одежды и запасов допускается.
10. Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, до полкового включительно, избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков.
11. Командиры выше полкового, до Верховного Главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах. Примечание: под совещанием разумеется собрание соответствующего комитета совместно с делегатами от комитетов, стоящих на одну ступень ниже.
12. Избранных командиров выше полкового утверждает ближайший высший комитет.

Примечание: в случае мотивированного отказа высшим комитетом в утверждении выборного начальника, вторично избранный соответствующим нисшим комитетом начальник подлежит обязательному утверждению.

13. На должности технического характера, требующие специального образования, специальных знаний или долгой практической подготовки, как-то: врачей, инженеров, техников, телеграфистов, радио-телеграфистов, воздухоплавателей, автомобилистов и т. д. назначаются соответствующими комитетами специальных частей, только те лица кои имеют соответствующие специальные знания.
14. Начальники штабов и управлений, учреждений и заведений, начиная с дивизионного штаба и до Ставки Верховного Главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах.
15. Начальники означенные в п. 14 сего положения и состоящие при них комитеты, имеют право выдвигать кандидатов на штабные должности своих правлений, учреждений и заведений, право же утверждения подлежит высшему комитету.
16. Начальствующим лицам выше призывного возраста солдат, состоящих на службе, кои не избраны на те или другие должности и тем самым ставшим на положение рядового, представляется право уходить в отставку, те же из них, кои назначены комитетами на должности, хотя и ниже занимаемых ими ранее, должны оставаться на таковых.
17. Увольняемые и уволенные в отставку военнослужащие не получают пенсии за службу, за исключением потерявших трудоспособность, кои поступают в ведение органов государственного призрения.
18. Жалование командному и чиновничьему составу устанавливается по должностям, новые штаты и оклады по должностям будут объявлены в ближайшем будущем, до их объявления ныне существующие оклады сохраняются.
19. Отстраненные лица командного или чиновничьего состава, либо оставшиеся не выбранными, приравниваются по своему правовому положению к остальным солдатам революционной армии. Выдача содержания производится со дня исполнения должности и прекращается при смещении на другую или отстранения, с первого числа следующего месяца.
20. Резерв чинов упраздняется.

21. Семьи смещенных или неизбранных лиц бывшего командного состава, начиная со дня их смещения или неизбрания, получают паек, назначенный местным советом рабочих солдатских депутатов или комитетами.

Военно-Революционный комитет при Ставке. Председатель БОЯРСКИЙ. Секретарь ПОЛУКАРПОВ. Ставка 30 ноября 1917 года.

Из объявленного положения приказываю принять к немедленному исполнению п.п. 7 и 8. Остальные пункты проведению в жизнь временно не подлежат впредь до получения точных указаний и разъяснений, затребованных корпусным военно-революционным комитетом от военно-революционного комитета XI армии. По получении разъяснений, таковые будут немедленно объявлены в приказе корпусу.

Подписал: Командир Корпуса Генерал-Лейтенант САРАФОВ.

Верно: За Начальника Штаба Генерального Штаба, капитан ОБРАЗЦОВ.

За Председателя Военно-Революционного Комитета 32 армейского корпуса НОВИКОВ».

3. ПРИКАЗ ОТДЕЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ

№ 85.

ПЕРСИДСКИЙ ФРОНТ. 10 июня 1918 г.

§ 1.

Самый тяжкий долг в человеческой жизни — это закрывать глаза любимому, родному человеку... Вот такое именно чувство наполняет мою душу, когда я должен исполнить этот долг в отношении к моему родному и любимому доблестному Корпусу...

Два с половиной года тому назад пришел я, во главе Кавказского Экспедиционного Корпуса, в Персию. А между тем, так живо встают предо мною картина за картиной из этого трудного и ответственного, но за то и славного дорогого прошлого, начиная с первого дня прибытия моего со своим штабом и головными частями в Энзели — 30 октября 1915 года.

К этому самому времени нашим врагам-немцам, при посредстве обильно, целыми горами рассыпанного золота по всей Персии и, благодаря их настойчивой, систематической и планомерной работе, удалось создать для нашей Родины и Армии новый, уже третий, после Кавказского турецкого фронта — фронт ПЕРСИДСКИЙ.

§ 2.

Ко времени моего прибытия со штабом и головными частями войск в Энзели. германо-турки уже стали истинными господами положения в Персии. Они уже приготовили все к увозу из Тегерана Шаха с его семьей, Двора, Правительства и депутатов Меджелиса в священный город Кум, к югу от Тегерана. Они хотели поднять против России и Англии не только Персию, но и Афганистан и Индию, повлиять таким образом на ход военных операций и на наших первостепенных, главных фронах... И счастье желанное казалось нашим врагам таким уже близким и возможным, как вдруг в Персию явилась, по усиленному ходатайству нашей Российской Миссии и воле нашего бывшего Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича, маленькая горсть Кавказской армии и все мечты наших врагов были разбиты в прах...

Я никогда не забуду с каким замиранием сердца и радостной надеждой распропагандированная нашими врагами часть персидских властей и населения следила за нашим сначала вступлением в Персию, за нашей подготовкой затем к боевым операциям, окрыленная успешным к тому времени изгнанием наших и английских консулов, банков и колоний из таких пунктов, как Исфаган. Кум, Султанабад, Керманшах и особенно изгнанием их силою оружия, — перешедшей на сторону немцев Шведско-Персидской жандермерией, — из Кенговера и Хамадана.

Казвин — куда я прибыл со штабом своего Экспедиционного Корпуса 1-го ноября 1915 г. и где затем я встречал приходившие одну за другой из России наши войсковые части, — был полон многочисленными беженцами, русскими и англичанами, со всех обширных концов взбаламученного немцами — дотоле всегда миролюбивого и застывшего, казалось, в своем восточном спокойствии — древнего Ирана.

К 20-му ноября наши войска окончили свое сосредоточение, заняли исходные пункты и сформированный мною Хамаданский конный отряд, под начальством Полковника Фисенко. двинулся к Султан-Булагскому перевалу, занятому вооруженными силами наших врагов, а Конный отряд Полковника Колесникова направился вскоре затем по Кумскому направлению.

По персидским слухам, как всегда преувеличенным, наши враги заняли на вышеупомянутом перевале «сильно укрепленную позицию» и сосредоточили «громадные силы, до 10.000 человек» и потому русские войска ожидала неминуемая неудача, а за нею отход к Казвину и далее к Энзели... на радость немцев и их приспешников из местных элементов, попавшихся на их удочку из немецкого же золота.

У с. Аве произошла первая стычка наших и неприятельских передовых конных частей, а затем в два дня — 25 и и 26 ноября 1915 г. участь грозного Султан-Булагского перевала и укрепленных на

ем позиций была решена лихим стремительным даром нашего Конного отряда. Последний дейст-овал тремя колоннами с фронта — обходные ко-онны — Полковника Яковлева и Войско-ого старшины Лещенко. Обходным колон-ам пришлось совершить свой обход по чрезвычай-о скалистым трудно проходимым вьючным тро-ам.

За Султан-Булагом последовали бои, столь же спешные для нас и неудачные для врагов: у Ха-адана — конного отряда Полковника Фисенко с дной стороны, у Лалекена, Оаве, Кума и Исфа-ани конного отряда Полковника Колесникова, с ругой, и с третьей — у Султанабада и Буруджирда, онного отряда Полковника Отопчанско-о. А затем на главном операционном направле-ии — серьезные и удачные бои у Кянговера (Под-ол. Бар. МЕДЕМ), Бидесурского перевала, Сахне, исутина и Шерманшаха (конный отряд Генерала оарлова).

Вся Персия пришла в изумление. И было отчего. самом деле: незначительная горсть Кавказской рмии, в течение самого короткого времени, всего 2 месяца, своими лихими и стремительными наступательными действиями, одновременно по трем перационным направлениям: Казвин - Хамадан - ерманшах, Казвин - Саве - Исфаган, Казвин - Кум - уруджирд, после целого ряда коротких, но реши-ельных ударов, очистила Персию от Германо-Ту-ецких вооруженных сил и заняла огромную терри-орию шириною 800 верст по фронту и 800 верст глубину, т. е. своим дерзанием, силою своего авказского духа, с малыми силами и кровью, до-тигла великих сравнительно результатов, не толь-о материальных, но и моральных и политических. се племена и их вожди стали усиленно искать усского покровительства и выражали дружествен-ое расположение и даже готовились помогать нам.

Все вышеупомянутые беженцы из русских и ан-лийских Консульств и Банков, собравшиеся в Каз-ине, снова под защитою наших войск, были воз-ращены на свои прежние места.

Всюду были подняты, спущенные под напором ермано-турок, наши и английские консульские лаги.

Мирная жизнь персидского населения, нарушен-ая боевыми действиями, вошла в свою колею.

Великодержавное им[illegible] союзни-ы Англии были силою нашего оружия и успехов нова восстановлены и подняты на подобающую ысоту.

Движение же наших войск до Керманшаха, с ыдвижением передовых частей до самого Керинда, е могло не отозваться благоприятным образом на оложении дел у наших союзников под Кут-эль-мара.

После закрепления за нами обладания Керман-ахского района, у нашего бывшего Главнокоман-ующего, Великого Князя Николая Николаевича, вилась мысль и о дельнейшем наступлении наших ойск по Багдадскому направлению с целью ока-зать помощь и выручку нашим союзникам, которые под начальством доблестного Генерала Таунсенд, были окружены превосходными силами турок под Кутом.

Я получил приказание приступить к этой новой стратегической операции наступления по Багдадскому направлению для занятия Ханекина и отвлечения на себя возможно больших турецких сил от Кут-эл-Амара. Эта серьезная операция требовала для вполне успешного достижения цели много времени и, главное, соответствующих сил и средств, в особенности транспортных, так как Ханекин отстоял от нашей базы в Энзели почти на 1000 верст. На мое донесение о необходимом для производства всех необходимых операций времени, живых сил и средств я получил указание, что никаких новых сил и средств мне дать не могут, так как их не имеется в распоряжении Главнокомандующего, а время не терпит, так как положение союзников под Кутом становится критическим и потому предоставляется мне исполнить задачу с имевшимися в моем распоряжении силами и средствами.

Ответив на это, что раз вопрос ставится о выручке и об оказании помощи союзникам в критическом положении во чтобы то ни стало, то тут приходится идти, заранее примирившись с неизбежными лишениями и трудностями для войск.

И вот, тогда, в половине апреля 1916 г., наш Керманшахский отряд (Ген. л. Кн. Белосельского) выступил с вышеуказанной целью из Керманшаха и после целого ряда боев занял Керинд, Сермиль-Кериид, Миантаг, Таки-Гирей, Серпуль, Карси-Ширин и докатился до самого Ханекина, всего в 5-ти переходах от Багдада.

Это было 25 апреля 1916 года.

Между тем, в это время обстановка на нашем Месопотамско-Персидском фронте резко изменилась и при том в очень неблагоприятную сторону — сначала для наших союзников-англичан, которые, вследствие несчастно сложившихся для них военных обстоятельств и климатических условий, наводнения и др., главное, численного превосходства турок, потеряли под Кутом высокодоблестного и мужественного генерала Таунсенда, вынужденного сдаться со своим отрядом. Это обстоятельство, в связи с невозможностью ведения англичанами дальнейших боевых действий в Месопотамии, вследствие наступившего знойного летнего времени, дало нашим врагам возможность, оставив против англичан лишь незначительный заслон, сосредоточить почти целый корпус против наших сравнительно слабых сил Керманшахского отряда под Ханекином.

Наш же Керманшахский отряд, после своего стремительного, с успешными боями, наступления, понес значительные потери, как в боях, так и особенно стал таять в рядах от всевозможных болезней, вследствие неимоверно тяжелых и совершенно непривычных для русского солдата и казака условий страшной жары с солнечными и тепло-

выми ударами, малярийными и холероподобными заболеваниями. В батальонах пограничников, выступивших из Керманшаха в составе 1000 штыков, к этому времени число штыков уменьшилось до 500-600 в каждом. Очень таяли также ряды и чашей конницы, как в Кавалерийской дивизии, так и в подкреплявших ее двух полках 1-й Кавказской Казачьей Дивизии.

При такой обстановке мне нужно было позаботиться о сбережении нашей живой силы путем отвода ее назад, к востоку, ближе к возвышенному, горному и потому более здоровому Керинд-скому району.

§ 4.

Чтобы отход наших войск не имел характера боязни перед турками, что неминуемо могло отразиться весьма неблагоприятно для нас в политическом смысле, на отношениях к нам многочисленных персидских племен, на флангах и в тылу нашей этапной линии, я решил начать этот отход после решительного, но короткого удара по группе турецких войск, сосредоточившихся у Ханекина. Удар этот и был произведен 21 мая, причем весь успех Ханекинской операции был построен мною на своевременном, скрытном и внезапном выходе левой колонны Генерала И с а р л о в а, в обход правого фланга и тыла турок, в то время, как средняя колонна, Генерала Ю д е н и ч а, должна была своими действиями с конно-горной артиллерией сковать внимание и силы противника с фронта, а правая колонна, Полковника А м а-ш у к е л и, с их левого фланга.

Левой колонне удалось после успешно и скрытно исполненного двухдневного марша-маневра отрезать турок от Багдада, причем доблестные Северские драгуны и Хоперские казаки, частью сил заняв Багдадскую дорогу, перерезали телеграфную линию и захватили громадный верблюжий транспорт, а остальными эскадронами и сотнями произвели лихую конную атаку на неразстроенную турецкую пехоту в окопах, изрубив целый батальон. Лихие командиры: Полковники Г р е в с и У с п е н с к и й и Подполковники К р а м а р е н к о и Д з е в у л ь с к и й показали себя героями. Только счастливая случайность (отказ в действии одной из наших конно-горных батарей) спасла турок, начавших уже отход из Ханекина, через Диалу, от полного разгрома...

Этот совершенно неожиданный и ошеломивший турок удар, почти накануне задуманного ими перехода в наступление против нас, привел к задержке последнего на целых две с половиной недели, которыми я и воспользовался для спокойного, беспрепятственного отвода войск в горный Коринд-ский район и отдыха там с главными силами, оставив только часть конницы перед Ханекином для поддержания соприкосновения с противником.

С сильным нетерпением продолжали мы в расстоянии почти 800 верст от Энзели,ожидать прибытия просимых мною, столь необходимых, пополнений наших боевых рядов с Кавказа, но они все не приходили...

§ 5.

Между тем в начале июня, турки, оправившись от нашего удара под Ханекином, с превосходными во много крат силами в своей пехоте и артиллерии над малочисленным нашим отрядом, перешли в энергичное наступление.

Отход нашей горсти Кавказских войск при таком превосходстве противника в силах, в гористой местности столь благоприятной для обходов, которыми турки стремились все время окружать нас или по крайней мере отрезать от Керманшах-Хамаданской дороги пути нашего отхода, в особенно знойные июнь и июль месяцы, являлся делом чрезвычайно трудным.

Для характеристики тех неимоверно тяжелых условий боевой обстановки, в которой приходилось действовать при этом отходе частям нашего корпуса, достаточно привести пример боев 26-28 июля, которые пришлось вести кавалерийскому корпусу на небывалом фронте, около 200 верст протяжением, в чрезвычайно гористой и пересеченной местности. Фронт этот начинался от Кергабада, что против Сенне (правый фланг — Курдистанский отряд ген. гр. Н и р о д а), продолжался далее на Ассад-абадских высотах (центр — Главные силы Ген.-Л. кн. Белосельского) и оканчивался у Периспэ, Нохаменда и Буруджирда (левый фланг — Конные отряды ген. Р а д д а ц а и полк. С т о п ч а н с к о г о и партизаны Б и ч е р а х о в а). Это пример небывалый в военной истории.

§ 6.

Для выхода с частью и успехом из создавшегося таким образом крайне тягостного положения, для наших войск нужны были неимоверные труды, усилия и героический дух.

Считаю своим высоко отрадным долгом это вспомнить и засвидетельствовать, что все мои родные сотрудники, когда я в этой обстановке потребовал от них героической работы, они мне дали ее. Великая им честь и слава за то, что своими сверхдоблестными действиями, трудами, подвигами и кровью, вдали от Родины, не получая пополнений, предоставленные только самим себе, они разбили все козни вражьи, цеплялись при своем отходе за каждый местный рубеж. Упорно обороняясь, шаг за шагом, наносили противнику своим ружейным, пулеметным и в особенности артиллерийским огнем наших доблестных батарей громадные потери, на протяжении от Ханекина до Хамадана и заставили противника пройти этот путь в течение почти двух месяцев.

За все четыре месяца — с конца апреля, когда мы подошли к Ханекину, за 1000 верст от нашей

базы в Энзели, и до самого конца августа, когда мы твердо уже стояли за Хамаданом на всех путях противника к Казвину и Тегерану, **мы не получили ни одного человека пополнения.**

§ 7.

Этот поход по Багдадскому направлению до Ханекина, а в особенности геройский отход, при вышеуказанных тяжких условиях, составляют **несомненный подвиг,** который будет по справедливости внесен золотыми буквами, вместе с именами всех участников и именами родных их частей, в летопись нашей Кавказской армии и в истории всех наших частей. Не даром же наш бывший **Главнокомандующий В. К. Николай Николаевич,** неоднократно благодаря меня и все войска за совершенные подвиги, неизменно называл вас **«сверхдоблестными».**

§ 8.

Все величие этого подвига, этих трудов и лишений наших русских солдат и казаков вообще, и Кавказских в частности, совершенных не только в интересах нашего Кавказского фронта, но и во имя взаимной поддержки и выручки наших союзников-английских войск Мессопотамской армии, особенно стало мне ясно теперь, когда при возвращении из Багдада, пришлось увидеть в каких удобных условиях производятся в английской армии походные движения войсковыми частями и снабжение их всем необходимым на походе и в бою жизненными и боевыми припасами. У наших союзников, прекрасно в техническом смысле оборудованных, и пехота движется и все везется на автомобилях, а у нас все походные движения в пехоте совершались древним способом, т. е. «на своих на двоих», а снабжение на всех видах ветхозаветных перевозочных средств — на верблюдах, катерах и осликах... При чем одна пара сапог у солдат снашивалась до Казгица, другая пара хватала до Хамадана, а далее до Керманшаха нужна была третья, и до Ханекина четвертая пара.

§ 9.

Все это было в 1916 году, а в половине февраля 1917 года, пополнивши свои ряды и отдохнувши в течение нескольких месяцев, как только турки, при неблагоприятно сложившейся для них обстановке, после победы наших доблестных союзников-англичан под командой Генерала Мода под Кутом, начали свой отход, все части нашего корпуса с жадностью устремились для преследования турок по трем направлениям: Хамаданскому, Курдистанскому (Биджар-Сенне) и Довлетабадскому, т. е. как с фронта, так и с обоих флангов.

Мои дорогие, доблестные **Кубанцы** и **Терцы,** конники и пушкари родной мне славной 1-ой Кавказской казачьей дивизии, совместно с присоединившимися к ним доблестными боевыми нашими новыми кунаками, молодыми конными **грузинами** и закаленными **сибирцами,** своими энергией, трудами и кровью, при преследовании противника, отступавшего по историческому Багдадскому направлению, показали себя вполне достойными потомками своих славных дедов и отцов.

Вот почему преследование, веденное сначала, до Керманшаха, под начальством Полковника Перепеловского, далее Генерала Раддаца, в общем на 400 верст, при неимоверно трудных условиях местности и времени года, когда боковые горные пути, заваленные снегом, стали совершенно непроходимыми, и при полном опустошении противником всего обширного района преследования, создали чрезвычайно трудные условия для довольствия людей и полную бескормицу для лошадей, составить **новую** и **блестящую страницу** в **летописи нашей конницы.** Честь и слава всем вам, от генералов начиная, командирам и офицерам, всем казакам и молодым удалым грузинам.

Я до конца моих дней буду гордиться выпавшей мне честью командовать такими сверхдоблестными кавказскими орлами, так честно и свято поддерживавшими седую, боевую славу нашей Кавказской армии и славу знаменитых наших предков...

§. 10.

При тяжкой разлуке с родным корпусом и широким персидским фронтом 24-го марта пр. года по случаю моего назначение Главным Начальником Снабжений Кавказского фронта и Главным Начальником Кавказского Военного Округа, единственным моих утешением, за которое горячо благодарю Всевышнего, явилось то, что я уходил из Персии, после того, как Господь помог мне: 1) воедино со всеми своими войсками победить всех трех врагов на нашем фронте: **живую силу** противника, персидский **климат** с многочисленными болезнями, и **громадные расстояния,** отделяющие как один отряд от другого, так и наш фронт от базы (тогда был почти до 1000 верст); 2) исполнить от сердца и на совесть, поставленную нам здесь задачу полное изгнание наших врагов германо-турок из Персии и поднятие в ней великодержавного имени нашей великой Родины на подобающую высоту и 3) **соединить** наши войска и **наш фронт с нашими** славными **союзниками-**англичанами в Мессопотамии.

Расставаясь с войсками корпуса, я земно кланялся всем дорогим моим сотрудникам, от самых старших до самых младших, и от всей любящей души горячо благодарил за их великую, честную и единодушную работу, колоссальную по своему значению для будущего нашей Великой Родины, совершенную ими вдали от нее на самом крайнем фронте нашей армии.

Особенно же благодарил я всех за правильное

понимание того, что, ведя войну «в гостях», в Персии, войска в течение полутора лет относились с подобающим доброжелательством к хозяевам страны, причем то уважение, с которым относились к персидским святыням, духовным и административным властям и доброжелательные отношения к миролюбивому персидскому населению, к которым я всегда призывал всех и лично и в своих приказах, навсегда останутся в благодарной памяти персидского народа, его духовенства и правительственных властей.

Те задушевные, трогательные встречи и проводы, которые были всегда оказываемы мне персидским населением, а в особенности в таких крупных центрах, как Хамадан и Керманшах, после того как население и власть испытали на себе всю разницу в отношениях к ним с нашей стороны и турок, их единоверцев, я отношу не к своим личным заслугам и трудам, а всецело к достойным и доблестным генералам, командирам, офицерам, солдатам и казакам моего родного корпуса.

§ 11.

Через три месяца после своего отъезда из Персии я, по воле Временного Правительства, был возвращен в Персию и вступил снова в командование Отдельным Кавказским Кавалерийским Корпусом, на правах Командующего армией. Перед своим возвращением в Персию я командовал Кавказской армией, но тем не менее я искренно был рад вернуться к родному моему корпусу и в страну, которую я полюбил за постоянное солнце, которое греет как своих коренных жителей, так и гостей, званых и даже незваных. Это было то самое время, когда шло внутреннее переустройство нашей армии на новых революционных началах, и когда успешное исполнение своего боевого назначения каждой частью находилось в прямой зависимости от степени взаимного единения, уважения, доверия и нравственной спайки между начальником части и всеми ее чинами. Со всеми же начальниками, офицерами, казаками и солдатами корпуса я, за время полуторагодичной боевой страды, вполне сроднился и потому переживать все тяжкие испытания, выпадшие на долю нашей Родины и армии, мне было несравненно легче с теми людьми и войсками, с которыми у меня уже была боевая связь, запечатленная изгнанием германо-турок и общей боевой страдой. Но, кроме того случились еще и другие обстоятельства.

Особый Закавказский комитет, опираясь на единодушное желание моего возвращения в Персию со стороны российской и союзных миссий, персидских властей и населения и всех делегатов корпуса на 1-ом съезде Кавказской армии, возбудил ходатайство перед Временным правительством о необходимости, в интересах государственной пользы, возвращения меня к вам, доблестные войска родного мне корпуса.

«Ни на минуту не будем забывать горячего призыва нашего военного министра: «Отечество в опасности. Свободе и революции грозит гибель. Во имя светлого будущего Родины и во имя прочного и честного мира вперед. Да благословит вас Господь на новые труды и подвиги».

§ 12.

Объехав вместе с военным комиссаром Временного правительства при корпусе А. Г. Емельяновым все войска корпуса, я вынес весьма отрадное впечатление, что настроение в частях всюду сознательное и государственное.

К великому сожалению, события, последовавшие на Западном нашем фронте, приведшие к заключению сначала перемирия, а затем и Брест-литовского мира, привели к оставлению нашими армиями всего русского фронта на Западе.

Однако всеобщая эпидемия массового, психического заболевания перебросилась и на Кавказско-турецкий фронт. И наша доблестная Кавказская армия, удивившая мир своими подвигами под Сарыкамышем в 1914 году, в долине Евфрата в 1915 году, под Эрзерумом, Эрзинджаном и Трапезундом в 1916 году, заколебалась, пошатнулась и... тоже разложилась.

К счастью для нашего фронта, вследствие ли значительной удаленности его от Родины, вследствие ли невольной большей сознательности всей казачьей массы, а за ней и солдатской, но наш фронт крепился дольше всех и не был покинуть до получения мной приказания Главнокомандующего об отводе корпуса в Россию. Партизанский же отряд доблестного войскового старшины Бичерахова ни за что не хотел верить в самую возможность заключения перемирия и мира, и не хотел уходить из Мессопотамии после полученного от меня первого приказания, почему я вынужден был сделать повторное и уже категорическое приказание — Бичераховскому отряду отойти к Керманшаху.

Этому отряду, как я уже объявил в приказе № 77, принадлежит честь последнего русского наступления, атаки и боевого успеха вместе с английскими войсками в Моссопотамии, со взятием у неприятеля пушек, пулеметов, пленных и других трофеев. Особенно велика была заслуга этого отряда потому, что он сражался за свободу и счастье своей Родины тогда, когда уже на всех остальных фронтах наши армии ушли домой...

§ 13.

После полученного свыше приказания об отводе корпуса в Россию, штабом корпуса, с участием комиссаров от корпусного Комитета, был разработан маршрут следования всех частей войск по эшелонам, по справедливости — какая часть раньше пришла и больше поработала на фронте та раньше и уходила. Выход корпуса производился в течение целых четырех месяцев, и вывоз, имущества корпуса до последнего пуда, до последнего

патрона и снаряда не закончен начальником аръергарда Корпуса, В. С. Бичераховым до сих пор и кончится только не раньше конца июня месяца.

При выполнении этой аръергардной задачи, отряд выходил последовательно из таких значительных пунктов, как Керманшах, Хамадан и Казвин, но не ранее того, чем вывозился оттуда последний боевой патрон или снаряд или последний пуд имущества.

Благодаря этому вверенный мне корпус исполнил и свою последнюю задачу — выход из Персии с честью и полным успехом, не оставив ни врагам, ни на произвол судьбы ни одного патрона, ни одного снаряда и ни одного пуда из богатого народного достояния, в его распоряжении.

Велика заслуга нашего корпуса и перед нашей верной союзницей Англией — мы остались верными обязательствам русского народа и армии перед Англией: 1) Вернул на свои места и защитил, начиная с зимы 1915 года и дальше все английские банки и консульства в Исфагане, Куме, Султанбаде, Казвине, Хамадане и Керманшахе. 2) Преградил все доступы германо-туркам к Афганистану и Индии через Персию. 3) Весною 1916 года, большая часть корпуса, во имя принципа взаимной выручки и поддержки, произвела наступление, с целым рядом боев от Хамадана до Ханекина и отвлекла на себя от англичан значительно превосходные силы противника. 4) Весной 1917 года, для поддержания успеха английского наступления на Багдад и обеспечение его с правого фланга и тыла, со стороны турок из Моссула через Персию перешел также в энергичное наступление и преследовал турок до р. Диалы на протяжении более 400 верст и 5) Осенью 1917 года Партизанский отряд Бичерахова участвует в боевой операции английской армии против Кара-Тенэ, причем командующий этой армией генерал Маршал отозвался с высокой похвалой о действиях наших партизан и, наконец, 6) В настоящем году, когда вслед за уходом нашего корпуса, английские войска двинулись для занятия Персии на смену нам и на встречу нашим врагам германо-туркам, мной был организован отход Бичераховского арьергарда таким образом, что он в тоже время служил авангардом для английских войск. Благодаря этому занятие Персии, не стоило нашей верной союзнице Англии ни одной капли крови английского народа.

Так честно и до конца исполнил наш корпус свой долг не только перед своей Родиной, но и перед нашей союзницей-Англией.

§ 14.

Глубоко скорблю я о том, что в последние шесть месяцев пребывания корпуса в Персии взаимные отношения наших войск с персидским населением, которые я всегда стремился поддерживать наиболее дружественными, испортились. Причина тому оказалась вне моей воли и совершенно неустранимой, ибо, не получая из России после октябрьского переворота, ни одного рубля на содержание корпуса в Персии и продовольственных продуктов, необходимых для довольствия людей и лошадей, а получаемой от англичан ежемесячной субсидии хватало только на четвертую часть всех расходов по содержанию корпуса, я вынужден был разрешить производство реквизиций у населения продовольственных продуктов, с выдачей реквизиционных квитанций. А реквизиция, являющаяся и при нормальных условиях насилием по существу своему, при пошатнувшейся дисциплине, естественно сопровождалась неизбежными обидами населению. Однако все эти обиды, к нашему благополучию, были забыты населением под влиянием совершенного ухода наших войск из Персии.

Наш долг населению с осени прошлого года за произведенные у него реквизиции, за транспорт и за квартирные помещения, занимавшиеся войсками, достиг 8 1/2 миллионов кран. Долг этот остался непогашенным, вследствие внезапного прекращения, по распоряжению из Лондона, выдачи следуемой нам по соглашению субсидии за последние март и апрель месяцы, Хамаданской англо-русской финансовой комиссией.

Чиста моя совесть перед Богом, перед Родиной и перед нашей союзницей Англией и перед Персией — я с своей стороны сделал все, что мог и должен был сделать по моему разумению и по тому критическому положению, в котором я оказался вдали от Родины и вследствие небывалых исключительных политических условий момента отсутствия Центральной Государственной власти, доверием всего народа облеченной и признанной, как всем народом, так и нашими союзными государствами.

§ 15.

Итак корпус, мне вверенный, честно исполнил свой долг перед Родиной и перед союзниками до самого конца и, умирая, оставил еще наследника — славный партизанский отряд Бичерахова, который пошел на Родину в бушующий океан партийных страстей, братоубийственной, гражданской войны и на встречу нашествию германо-турок, в наш родной Кавказский край и помог войти в Баку вместе с ним и английским войскам.

Дай Бог ему послужить здоровым зерном для создания новой армии, требуемой условиями переживаемого момента — спасения Родины и свободы во что бы то ни стало.

§ 16.

Не могу не вспомнить также весьма отрадных фактов, которые имели место 6 июля в окрестностях Керманшаха и 10 августа в окрестностях Сенне, в Курдистане, когда и где состоялись небывалые съезды представителей многочисленных пле-

мен Курдистана во главе с их вождями. При самой торжественной и оригинальной обстановке были заключены так называемые русско-курдские соглашения, с целью установления самых дружественных взаимных отношений между нашими войсками с одной стороны и курдским населением с другой. Воинственные, гордые и свободолюбивые курдские вожди выразили искреннее желание в будущем жить в мире с сынами Великой Свободной России. Причем каждый курд мог свободно жить и передвигаться повсюду в районе расположения войск корпуса, а русские казаки и солдаты могли в свою очередь безопасно идти всюду, куда бы их не привели военные обстоятельства, уверенные в том, что будут встречаться курдами как друзья.

Эти соглашения имели самые благодетельные последствия, так как сберегли много жизней наших солдат и казаков. В Керманшахском районе не было ни одного нарушения этого соглашения, а в Курдистанском районе эти случаи были очень немногочисленными.

А главная польза заключалась в том, что командир корпуса получал возможность направлять почти все силы и внимание для борьбы с германо-турками на фронте, имея, таким дипломатическим путем, обеспеченные фланги и тыл.

§ 17.

Мне остается отметить также целый ряд вспомогательных боевых действий на фронтах и в тылу турецких войск, как на Курдистанском направлении Биджар-Сенне, так и особенно на Сулатанабадско-Малаирском. Начальниками Курдистанского отряда были: генералы — Золотарев, граф Нирод, Гартман и Фисенко, части — 3 кубанская казачья дивизия, пограничники и туркестанские стрелки. Также усиленные разведки в центре на Хамаданском направлении в период расположения наших главных сил на Маньянских позициях. Действия частей Кавказской кавалерийской дивизии (ген. кн. Белосельский-Белозерский), 1-ая Кавказская казачья дивизия (ген. Раддац). Особенной доблестью, инициативой, решительностью и успехом отличались действия партизанского отряда В. С. Бичерахова. Исключительно благодаря последнему удалось не допустить турок до осуществления их плана набега на Тегеран через Султанабад. С выдающимся успехом и пользой работал на крайнем правом фланге полк барона Медема с своими пограничники и в особенности лихой Кубанский партизанский конный отряд войскового старшины Шкуро, который как и В. С. Бичерахов восполнял недостаточную численность своего отряда своей доблестью и отвагой. Отряд в 2 сотни заменял целый 6-ти сотенный полк.

18.

Время от времени происходили боевые действия и в тылу нашего фронта — в Исфаганском районе. Здесь нашему небольшому конному отряду, оторванному на громадные расстояния от фронта, силою своего духа, быстротой и решительностью действий приходилось обеспечивать тыл и левый фланг корпуса с этой стороны, разыскивая и разбивая разбойничьи шайки из местных племен, как только они серьезно нарушали покой и безопасность жителей и пытались прерывать сообщения между Кумом-Кашаном и Исфаганом.

В этом отношении больше всех поработали в районе после Запорожцев, которым принадлежит часть занятия с боем Исфагана (6 марта 1916 г.) Ставропольский казачий полк со взводом Туркестанской полубатареи, под командой В. Ст. Беломестнова. Последнему также принадлежит честь спасения Тегерана от набега и разгрома его многочисленной шайкой известного во всей Персии разбойничьего предводителя Наиб Гуссейна, которого Беломестнов со своим полком разбил на голову под Рабат-Керимом 10 декабря 1915 года.

Этому же лихому командиру, есаулу Венкову и казакам удалось захватить в плен под Кереджом бывшего турецкого посла в Тегеране Ассим Бея и австрийского полковника военного агента.

§ 19.

С великой радостью и гордостью я считаю долгом отметить в заключительном приказе героический подвиг нашего славного уманца сотника Гамалия с его доблестной сотней, ставшей затем георгиевской сотней 1-го Уманского полка после поголовного ее награждения бывшим Главнокомандующими В. К. Николаем Николаевичем георгиевскими крестами. Гамалию с его доблестными офицерами и казаками принадлежит честь установления живой связи между нашим корпусом и войсками соседней Великобританской Мессопотамской армии. Эта сотня пошла на опасное предприятие, в котором она могла погибнуть вся до последнего человека, как я об этом ее лично предупредил в сел. Майдешт — с удивительной по единодушию и отваге решимостью. Объяснение этому кроме личной доблести всех офицеров и казаков, их беззаветная вера в своего сверхдоблестного командира сотника Гамалия.

Честь и слава этим героям во главе с Гамалием, прославившим своим лихим кавалерийским рейдом и себя и наш корпус и стяжавшим себе всемирную славу.

§ 20.

По чувству справедливости считаю долгом отметить также доблестное участие в боевых действиях корпуса офицеров и казаков персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии во главе с войсковым старшиной Мамоновым, как в Курдистане, так и при операции против Моссула. Эти персидские казаки под начальством своих офицеров и руководством наших русских инструкторов

показали, что они могут и доблестно сражаться и героически безропотно переносить все тяжести и лишения походной жизни, как, например, пришлось им при действиях зимою в горах в глубоких снегах при отсутствии надлежащей теплой обуви и одежды.

Такое доблестное поведение персидских казаков делает честь как им самим и их славным офицерам, так и их учителям и воспитателям в военном деле — русским офицерам инструкторам названной дивизии.

***

Горячо убежден, что совместно пережитая боевая страда на Персидском фронте, вдали от Родины, останется на всю жизнь для каждого из нас источником самых дорогих и светлых, и приятных воспоминаний. И чем дальше будет идти время, тем воспоминания эти будут становиться дороже и милее.

До конца моей жизни, в глубине моей души и сердца, будут жить дорогие и светлые образы всех вас, как людей, с которыми волею Божественного Промысла было предопределено мне пройти с честью, успехом и славой и пронести великодержавное имя нашей Великой России по историческому пути Александра Македонского.

Генерал-от-кавалерии БАРАТОВ

(Оригиналы этих документов, находятся в портфеле редакции «В.-И. В.»

КАРТИНЫ ПРОШЛОГО:

1915 г. Атака русской пехоты. Фотография снята в бою. На первом плане лежит убитый офицер, рука его еще сжимает обнаженную шашку. За ним падает другой офицер, инстинктивно схватившийся за голову. На проволоке тела павших солдат. На втором плане разрыв снаряда поразивший группу солдат, на груди одного из них отчетливо виден Георгиевский крест.

оригинал передан **Н. Л. Пашенным.**

Сентябрь 1914 г. Отец Соколов, полковой священник 29-го пехотного Черниговского полка, передает Великому Князю Николаю Николаевичу, спасенное им в плену, в Восточной Пруссии, полковое знамя Черниговского полка.

Фотография **профессора Маламы**

1915 г. НА ПРОВОЛОКЕ.

Следует обратить внимание на то, как строго по форм
одет этот русский солдат, убитый, стоя во весь рос
лицом к врагу. Рука его не выпустила винтовк

1916 г. Как в старину. Турецкие знамена взятые на штурме Эрзерума, склоняются перед В. Кн. Николаем Николаевичем.

Клише любезно представлены «Revue Historique de l'Armée

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 39

МАЙ **1972** ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления. От Редакции 2
Переписка Суворова и принца Конде 3
Дневник корнета Икскюля 11
М. М. Нарышкин (декабрист). — **Е. С. Молло** 15
Записки графа Д. Ф. Гейдена 1914-1917 гг. (продолжение) 16
Два мира. — **Д. Ю. Перре** 22
Расселение Армии по Балканским странам (продолжение). — **Ген. П. Н. Шатилов** 24
Русский отдел в Музее Инвалидов в Париже. — **С. Андоленко** . . . 27
Документы: 33

1. Сообщение Суворова о последних боях в Швейцарии 1799 г.
2. Предписание Суворова Линкену 1799 г.
3. Письмо Суворова Корсакову 1799 г.
4. Льготы дарованные в 1814 г.
   Еще об «необыкновенном наказании».

Картины прошлого: 34

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **С. П. Андоленко.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление благодарит членов Общества Ревнителей Русской Военной Старины, выполнивших свои денежные обязательства и обращается к остальным с просьбой сделать это в возможно короткий срок. Регулярный выход «Военно-Исторического Вестника» зависит от всех нас. Он является основным проявлением деятельности нашего Общества и каждый из нас должен так или иначе участвовать в этой, столь важной для будущего, работе. Привлекайте новых членов и подписчиков.

Членские взносы (минимум 5 фр. фр.), плату за подписку (10 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд, направлять Вере Аркадьевне Щитковой:

— банковским чеком на имя Madame Stchitkoff ;

— почтовым переводом : Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire, 92 - Asnières. France. В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитывает от получателя ;

— переводом на: Compte Chèques Postaux, nº 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8. Цена номера 5 фр. франков.

Примечание: ввиду снижения курса американского доллара, цены указаны во французских франках для всех стран. Цена настоящего номера 5 фр. фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на оставшиеся в ограниченном количестве медали Общества, а именно: 1) С.П.Б. (1703-1953) — только серебрянные, 2) Обороны Севастополя (1855-1955), бронз. и серебр. 3) Полтавы (1709-1959) бронзовые. 4) Отечественной Войны (1812-1962) бронзовые. 5) Орд. св. Георгия (1769-1969) серебрянные. Цены на бронзовые медали: 30 фр. фр., на серебрянные: 110 фр. фр.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6 sq. Emmanuel Chabrier. Paris 17e.

По делам редакции Сергею Павловичу Андоленко: M. Andolenko, 3, rue Villebois-Mareuil. 94 - Vincennes. France.

Заказы на медали и старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

От Редакции

Общество Ревнителей Русской Военной Старины располагает своим печатным органом, который регулярно выходит два раза в году. Журнал наш идет во все страны мира. Цель его сохранить для будущего исторические документы, дневники и воспоминания освещающие эпизоды военной истории России. За редкими исключениями печатаются в нем только материалы, никогда еще в печати не появлявшиеся. Отводится в нем также место оригинальным исследованиям по военной истории России, а также деятельности собирателей памятников русской военной старины за рубежом.

Журнал наш поступает во многие библиотеки, что гарантирует сохранение для будущего собранного материала.

В русских семьях хранится не мало еще ценных материалов достойных опубликования. Разбросанные по всему свету наши соотечественники часто имеют доступ к иностранным архивам, в которых лежат под спудом никому еще не известные «клады». Наконец, не мало русских людей собрали ценные собрания нашей военной старины.

Вот почему редакция «Военно-Исторического Вестника» обращается ко всем почитателям русской воинской старины, с горячим призывом предоставлять ей сохранившиеся у них документы, разыскивать для нее в иностранных архивах все то, что может представлять интерес и сообщать описание известных им музеев и собраний.

Переписка Суворова и Принца Конде

Обнаруженная нами в архивах замка Шантильи переписка эта содержит 14 писем Суворова и 7 Конде.

Письма Суворова написаны под диктовку генералиссимуса вероятно одним из его адъютантов или офицеров его штаба, 13 из них носят его собственноручную подпись, на первом «Александр Суворов-Рымникский», а на последующих «Князь Италийский, граф Александр Суворов-Рымникский».

Мы нигде не нашли указаний о сохранившихся черновиках или копиях этих писем. Фукс и Милютин о них не упоминают. В изданном в Москве в 1953 г. сборнике Суворовских документов, о них ни одного слова. С большей долей вероятности можно предположить, что письма эти еще нигде опубликованы не были и остаются по сей день неизвестными.

Что касается писем принца Конде, то Милютин указывает, что в Архиве Инспекторского Департмента (Московский Военный Архив) хранилось 17 писем Конде. Сохранились ли они по сей день, нам не известно. Сдно из них, а именно первое, было опубликовано Фуксом, в его переводе (том III, стр. 246). Милютин упоминает о донесении Конде Суворову от 2 октября 1799 г. о сражении при Констансе, но текста его не приводит.

Между письмами Суворова и Конде существует чувствительная разница. Тогда, когда первые написаны начисто, вторые представляют из себя черновики, набросанные на скорую руку, без обращения к адресату и заключительной формулы вежливости. Они пестрят сокращениями, поправками и помарками. Видно таковые черновики передавались адъютантам принца, придававшим им литературную законченную форму.

Расшифровать эти черновики чрезвычайно трудно и в нашем переводе, к нашему глубокому сожалению, остались кое-где пробелы.

Переписка хранится в архивах Шантильи, в серии « Z » том XIII.

ПРИНЦ КОНДЕ И ЕГО АРМИЯ. Принц Людовик-Иосиф Конде Бурбонский (1736-1818) сражался в Семилетнюю войну и особенно отличился в сражении у Иоганисберга. Когда разразилась французская революция и жестокий террор стал косить и правых и виноватых, французы, десятками тысяч стали покидать свое отечество. В этом бегстве не всегда было только одно желание спасти свою жизнь. В те далекие времена, для многих, религия и король были понятиями неразрывно связанными с идеей родины. Люди, повергшие в правах алтари, убившие, после долгих издевательств, короля и его семью, казались извергами ничего общего с традиционной Францией не имевшими. Лучшие из эмигрантов, т. е. те, которые во имя своего идеала и верности данной на всегда присяге королю, готовы были жертвовать жизнью, взялись за оружие.

Принц Конде одним из первых покинул Францию, с сыном и внуком, герцогом Энгьенским, впоследствии расстрелянным Бонапартом во рву Венсенского замка. На берегу Рейна, в Кобленце, была создана из добровольцев эмигрантов, офицеров и солдат, особая армия под начальством принца Конде. Конде был старым, храбрым и не лишенным военных талантов, генералом. Нет сомнения, что в нормальных условиях, он бы занял место среди выдающихся французских генералов. «Он дорожил кровью своих солдат, пишет его историк, много сражался, иногда терпел неудачи, но никогда не был разбит».

В своем большинстве армия Конде была дворянской, но ей соответствовало на родине поголовное восстание крестьянских масс Вандеи, поднявших оружие за те же идеалы, за которые сражались дворяне Конде. Корпус Конде принял с отличием участие в войне против Республики, в рядах австрийской армии. После заключения в 1797 г. мира, принц просил императора Павла принять его корпус на русскую службу. Желание его было удовлетворено и корпус, облаченный в русские мундиры и подверженный суровой Павловской дисциплине, расположился на Волыни, во Владимире-Волынском, Луцке и Ковеле.

Корпус состоял из трех полков пехоты, двух кавалерии, роты артиллерии и двух отдельных рот ветеранов, французской и швейцарской. Интересно рассмотреть состав этих частей.

«Дворянский пехотный принца Конде полк» состоял исключительно из дворян и имел в строю 963 человека, из коих 103 офицера. В этом полку ротами командовали старые заслуженные генералы, а взводами полковники. Молодые офицеры несли обязанности сержантов или просто стояли в строю под мушкетом. Знаменной возвод состоял исключительно из кавалеров славнейшего французского военного ордена святого Людовика. Полк этот был известен исключительной храбростью, но дисциплина его была особого рода. «Что вы хотите, говорил о нем старый принц, это не солдаты, а офицеры без солдат. Они были храбрыми офицерами и имей я с ними 30.000 солдат, мы бы делали чудеса. Знаю, что при всех обстоятельствах я всегда могу на них расчитывать, они сберегли свою честь».

«Гренадерский герцога Бурбонского полк» был также смешанного состава. В нем на 695 человек, среди которых не мало унтер-офицеров и солдат старой армии, приходилось 265 офицеров.

Им командовал 70-ти летний генерал граф де Сальг, который будет убит во главе полка в Констанском сражении. Граф Сальг поддерживал стро-

гую дисциплину и полк считался вполне боеспособным.

Не лишено интереса отметить, что этот французский полк получил одним из первых в Русской Армии, установленные в 1800 г. императором Павлом, знамена за боевое отличие.

«Немецкий пехотный принца Гогенлое» считался превосходным, состоял он исключительно из эльзасцев и уроженцев берегов Рейна. Он имел в строю 501 человек, из коих 138 офицеров.

Два драгунских полка, «Дворянский принца Берри» и «Герцога Энгьенского», имели на лицо, первый 832 человека, из коих 166 офицеров, а второй 603, из коих 172 офицера.

В артиллерии было 24 офицера и 284 солдата, французская рота состояла из 50 офицеров, а швейцарская из 5 офицеров и 77 солдат. Всего в корпусе, из списочного состава в 5.836 человек состояло в строю 4.080. В виду его слабого состава к нему был причислен Павлоградский гусарский полк (1.400 чел.), а впоследствии и егерский Титова.

6 июля 1799 г. корпус выступил в поход в Швейцарию, вслед за русскими войсками генерала Римского-Корсакова. 24 августа он был в Праге, а 30 сентября в Стокаче.

После блестящей Итальянской кампании Суворова эмигранты возлагали большие надежды на российского генералиссимуса. «Что осталось от плана операций, пишет виконт Грувель. Русские армии Суворова и Корсакова вторгающиеся во Франш-Контэ и идущие на Париж. Австрийцы эрцгерцога Карла наступающие на Майнц и Седан, армии Меласа — на Лион, англо-русская армия Германа — на Лиль. Все ли потеряно. Нет, так как остается еще Суворов, непобедимый Суворов, единственная надежда».

Оставленный австрийцами в Констансе, корпус Конде был внезапно атакован превосходными силами французов и окружен. С помощью Павлоградских гусар, которых Конде называет «бесподобными», корпус пробился, понеся при этом большие потери, но и выказав большую храбрость.

Этим сражением фактически оканчивается участие корпуса Конде в операциях русской армии. Разочарованная в Австрии, Россия выходит из коалиции. Император Павел не отвергает протяную ему Бонапартом руку. Чтобы продолжать борьбу, Конде переходит на английскую службу.

Переписка его с Суворовым, к которому он питал не только большое уважение, но которого он почитал величайшим полководцем своего времени, позволяет открыть не мало неизвестных еще эпизодов их кратковременного сотрудничества.

Что обращает на себя внимание в этой переписке это ее известная банальность. Правда Суворов полон почтения к представителю французской династии и письма его в высшей степени учтивы, но расстояние которое отделяет его, генералиссимуса войск российских, от принца Конде, в команде которого находилась по существу не армия и не корпус, а просто маленькая бригада, слишком большое. Прямых постоянных служебных отношений между ними существовать не могло.

Конде рвется к Суворову, последней надежде эмигрантов, письма его подробны и иногда многозначительны. Ему хочется сблизиться с русским полководцем и тем поднять дело которому он служит, а Суворову нет времени серьезно заниматься корпусом Конде. На плечах его лежит огромная ответственность, не только военная, но и политическая. Если Павел вывел Россию из коалиции, то сделал он это под влиянием упорных усилий Суворова открыть ему глаза на двойственную, подчас предательскую игру Вены.

И все таки, эта переписка и приведенные в конце ее документы, представляют большой исторический интерес.

Мы видим австрийцев ставящих Суворову палки в колеса. Несокрушимо противостоит им твердость старика, стоящего уже одной ногой в могиле. Мы видим гуманность русского полководца и в вопросе пленных и в ненужных потерях в бою под Констанс.

Его письмо Линкену, ([1]) требующее подготовки квартир в Хуре, тогда когда он еще не выбрался из Швейцарской мышеловки, указывает на способность его предвидеть, без которой нет начальника и, наконец, на непоколебимую его уверенность в русском солдате.

Интересно и письмо его к Корсакову. Конечно, отношения его с эрцгерцогом Карлом ухудшились до того, что Суворов почти обвиняет его в предательстве, но он знает цену военным талантам и требует от Корсакова следовать советам Карла, т. к. он знает, что Карл на голову выше незадачливого Корсакова.

В кратких записках Суворова, как всегда, бросается в глаза его несокрушимая энергия и способность четко и кратко излагать свои мысли.

Письмо 1. Конде-Суворову 103 57 ([2])
По переводу Фукса:

«Ваше Сиятельство. Я получил повеление Его Императорского Величества из основания коего состою ныне под начальством Вашего Сиятельства, что было предметом нетерпеливых желаний моих и всегдашней надежды. Как лестно находиться под начальством освободителя Италии и вскоре самой Франции.

Сколь обязана Европа Вашим доблестям и мудрости, и великой, твердой душе Павла I-го. Прилагаю у сего маршрут, данный мне по настоящее время, а также не премину сообщить Вашему Сиятельству и того, какой получу для дальнейшего похода моего от Баварских и Швабских комиссаров.

Впрочем, Ваше Сиятельство можете наверное полагать, что я пойду по той же дороге, по коей следовал генерал Корсаков, ибо имею предписание

([1]) — См. документы.

([2]) — Номера соответствуют тем, что стоят на оригиналах, первый карандашом, а второй чернилами.

следовать, за ним непосредственно, и также, как он, на Швейцарию.

Для исправления некоторых надобностей я принужден был после перехода 200 милей, остановиться на четыре дня в Праге, что при нетерпении моем прибыть к месту назначения составляет очень много.

При сем, долгом поставляю препроводить к Вашему Сиятельству ведомость о числе войск состоящих в моем корпусе (1).

Ваше Сиятельство изволите найти во мне точнейшего исполнителя всех приказаний ваших, в чем да удостоверят Ваше Сиятельство чувства обязанности моей, доверия и отличнейшего почитания к Вам с коими и пр. Вашего Сиятельства усерднейший слуга.

Людовик Иосиф Бурбон

В Крудиме, что в Богемии, Августа 8/19 дня 1799 г.

Письмо 2. Конде-Суворову. 58 104

Черновик этот без обозначения числа, но судя по номеру, это письмо следует непосредственно после первого. Написано оно очень неразборчиво. Перевод сделан приблизительно.

«Принц Конде получил уже столь много доказательств благорасположения к нему Его Светлости князя Италийского, фельдмаршала Суворова, что он с полным доверием обращается к нему по делу близкому его сердцу, по старой дружбе, которая привязывает его к персоне которая прибегает к нему. Принц Флорестан Монакский, внук вдовствующей принцессы Монакской, почтенной Его Императорским Величеством своим расположением и милостями, был изъят бунтовщиками в Париже из тюрьмы, в которой он со своим отцом был заключен и насильно послан рекрутом в Итальянскую армию, в которой он, вопреки его желанию должен служить солдатом. Справедливо обеспокоенная ужасной участью молодого принца, его бабушка выразила желание, чтобы Его Светлость, князь Италийский согласился написать генералу Меласу, прося его навести справки не находится ли принц в числе пленных, а в случае размена, чтобы этот генерал согласился бы отправить его в корпус Конде. Его бабушка возместит все расходы тем лицам, которые согласятся одолжить ее внуку необходимую для поездки сумму. Я присоединяюсь к вдовствующей принцессе Монакской, чтобы просить князя, человеколюбие коего так же известно как и блистательные его таланты, снизойти на эту просьбу, за исполнение которой я также буду живейше ему признателен».

Письмо 3. Суворов-Конде. 57 32

Ваше Высочество

Только что получил лестное письмо, которое Ваше Королевское Высочество послали мне из Кудима 8/19 августа, со вложениями. Заранее убежден, что столь почтенный корпус, как тот, которым командует Ваше Королевское Высочество, окажет ценнейшие услуги, в особенности под столь известным и почтенным командованием. Буду иметь полнейшее удовольствие видеть Армию усиленную столь храбрыми воинами.

Прошу Ваше Королевское Высочество быть уверенным в моих самых совершенных уважении и почтении, с которыми имею честь быть

Милостивейший Государь
Вашего Королевского Высочества
нижайшим и покорнейшим слугой
Александр Суворов-Рымникский

Ривальта де Скривия
10 сентября 1799 г.

Письмо 4. Конде-Суворову. 68 38

Этот черновик, набросанный Конде после боя в Констансе, изобилует помарками. Много слов не сказалось возможным разобрать.

«Суворову Ставинген 13 сентября 1799 г.

Надеюсь, что В.С. не посетуете на меня за эту, свойственную военным обычаям реляцию и еще более . . . . . она лишена комплиментов. Получил любезное послание В.С. из Хура, от 4-го. Вечером я узнал, что В.С. должны быть в Фельдкирхе . . . . . Только Вы один можете еще все одушевить и поправить. Мне не могли сказать, а может быть не хотели, пойдете ли Вы по правому или левому берегу Рейна.

В.С. найдете в приложении краткую реляцию, исключительно для Вашего личного сведения, о том, что приключилось со мной 1-го, в Констансе. Вы увидите, что произошло то, что я предвидел. Надеюсь, что Вы согласитесь, что мы сделали все то, что можно было сделать в той невозможной позиции в которую меня поставили и от которой я отступил только после потери убитыми, ранеными и взятыми в плен (последних очень мало) около 250 человек, из коих 25 офицеров.

Неприятель покинул Констанс 11-го утром и я подобрал на поле моих раненых, освободил несколько пленных и взял других. В тот же день австрийцы сменили мои посты в Петергаузене. Вечером французы возвратились в Констанс и потребовали от австрийского начальника гарнизона немедленно покинуть город, что он и сделал.

---

(1) — Фукс приводит приложения к этому письму, маршрут и состав войск, которые отсутствуют в архивах Шантильи.

В первых своих письмах Суворов называет Конде Королевским Высочеством, но потом «Светлейшим Высочеством», или «Вашей Светлостью». Эти титулы употребляются им вперемежку с титулом «Монсеньер», что можно перевести и как «Ваше Высочество» и как «Милостивейший Государь».

Итак Констанс вновь занят ими, но если В.С. пройдете через Сент-Галль, то они не долго там пробудут. Вы не должны считать занятие города, с малыми, по сколько я слышал, силами, большим препятствием. Правда овладеть возвышенностями, покрытыми лесами и виноградниками, если они будут их защищать, будет не легко . . . . . если же В.С. пойдете через Унтерлакен, то там тоже есть сильная неприятельская позиция, но я думаю, что ее будет легко обойти. В этом случае они наверное отойдут на Баденскую позицию, где г. Корсаков потерпел поражение 25-го и которая так долго задержала самого Эрцгерцога.

Таланты В.С. безусловно заставят пасть эту позицию, также как пали и другие, теми же средствами, но мне кажется, что Вашей Светлости может помочь движение Австрийцев к Вальдсхуту (впрочем В. С. лучше это знаете чем я). Если бы можно было на это рассчитывать, то совокупное движение, которое угрожало бы тылам неприятеля могло бы освободить Швейцарию, где неприятель удерживается с большим трудом.

Если В. С. пойдете через Сент-Галль, то я думаю, что Вам могло быть полезным быть осведомленным о том, что я ему изложил. Если он пойдет по этой дороге, то я убедительно прошу его передать мне через моего адъютанта приказание немедленно соединиться с г. Корсаковым, так как у меня остается не более 1.000 человек пехоты и один я ничего не могу предпринять. 2.000 моей конницы, при крайней бедности рессурсами страны и по качествам природы, почти бесполезны.

В данный момент я смешан с Австрийцами, тогда когда мое настоящее место с Русскими. Если В. С. пройдете правым берегом Лара, то я умоляю его приказать мне присоединиться к его колонне, там где это покажется ему наиболее целесообразным. Все что я желаю, это соединиться с ним, чтобы более не разлучаться. Еще, покорнейше прошу его сообщить день его прохода через Убилинген. Если он не имеет ничего против этого, то я приеду туда и доложу ему много вещей, которые он должен знать и которых я не могу доверить бумаге.

Жду тот счастливый момент, который соединит меня с В. С. Осмеливаюсь льстить себе надеждой, что он верит моему глубокому благоговению перед его талантами и моему глубокому уважению к его персоне».

Реляция о которой упоминает в этом письме принц Конде не приложена к черновику. Вот что Суворов доносил Императору Павлу:

«Принц Конде извещает меня, что 27 сентября атакован он был французами в Констансе, где против превосходного вдвое неприятеля держался 7 часов и напоследок принужден был уступить, потеряв убитыми до 200 человек, да без вести пропавшими за 50 и 4 ч. офицеров; ранено у него до 500 человек; сам у неприятеля убил более 300 и пленил при 2-х офицерах 30 рядовых и отбил одно знамя». (1).

Письмо 5. Суворов-Конде. 66 37

Ваше Высочество.

Узнал я с удовольствием о прибытии Его Королевского Высочества и корпуса, которым он командует, а также о занятой им позиции, которая вполне соответствует моим видам. Надеюсь, что случай употребить в дело рвение Его Королевского Высочества не замедлит скоро представиться, дабы восторжествовало правое дело и новые лавры прибавились к его славе.

У меня не было еще случая послужить Вам французскими дезертирами, но те которые представятся мне будут препровождены к Вам как я о том распорядился.

У меня нет еще в моем распоряжении лошадей. В этом отношении я приму надлежащие меры тогда когда мы соединимся.

Весьма польщен чувствами, которые выражает мне Ваше Королевское Высочество и которые я очень ценю. Уповаю доказать ему и мои и в ожидании этого остаюсь с почтением

Ваше Высочество
Ваш нижайший и покорнейший слуга
Князь Италийский,
граф Александр Суворов-Рымникский

Хур 8 октября 1799 г.

Письмо 6. Суворов-Конде. 69 - 39

Ваше Высочество.

Спешу поблагодарить Ваше Высочество за милостивое письмо, которым Он меня почтил от 2/13 и объявить ему, что этой ночью я выступаю в поход для соединения с корпусом г. генерала-лейтенанта Корсакова.

Надеюсь иметь удовольствие видеть Ваше Высочество или на походе или в самой Армии, дабы обсудить с ним разные вопросы.
Имею честь быть

Ваше Высочество
Нижайшим и покорнейшим слугой

Кн. Италийский гр. А. Суворов-Рымникский

Фельдкирх, сего 14 октября 1799 г.

Письмо 7. Суворов-Конде. 71 40

Ваше Высочество.

Читал с удовольствием в копии письма, которое Ваше Высочество написали Генералу-Лейтенанту Корсакову о поведении войск под Вашим командо-

(1) — Фукс, ч. III, стр. 445-446.

ванием. Позволяю себе только сказать Вашему Высочеству, что я слишком ценю храбрых воинов под командованием Вашим, чтобы рисковать ими нецелесообразно. Всегда лучше покинуть атакованный превосходными силами пост, чем терять войска, которые не так легко заменить (1).

Имею честь быть, с самыми отличными чувствами

Ваше Высочество
нижайшим и покорнейшим слугой
Кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Фельдкирх, сего 14 октября 1799 г.

Письмо 8. Конде-Суворову. 73 41

«Суворову. Валорис, 18 октября 1799 г.

С большим удовлетворением отдаю отчет Вашей Светлости, что вследствии моего прошения и по приказу . . . . . Эрцгерцог разрешил мне соединиться с русской армией, вследствие чего Его Высочество сменил всех моих людей от Целля до Петергаузена. Вчера я перешел сюда, чтобы пристроившись к корпусу г. Корсакова идти вслед за ним на соединение с армией Вашей Светлости. Судя по тому, что мне было сказано я предполагал, что она сама перейдет сюда, но узнаю, что г. Корсаков, находившийся в Сагмамвейлере, продолжал сегодня движение на Бухгорн. 19-го я буду в Сагмамвейлере, 20-го в Бухгорие и 21-го в Линдау, откуда я пошлю к Вашей Светлости за приказаниями.

Если до тех пор ничего не произойдет, для меня будет величайшим счастием стать в ближайшее подчинение Вашей Светлости».

Письмо 9. Суворов-Конде. 75 42

Ваше Высочество.

Имею честь уведомить Вашу Светлость, что Вам надлежит поставить Ваш штаб в Лангерангене, у озера, и расположить свою армию между упомянутым местом и шоссейной дорогой, что ведет сюда из Бухгорна. Последняя должна оставаться совершенно свободной для перевоза продовольствия и фуража.

Постараюсь, чтобы в недалеком будущем войска могли бы расположиться на более тесных квартирах, пока же несколько дней придется оставаться на бивуаках.

Имею честь с почтительнейшими чуствами, быть

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайшим и покорнейшим слугой

Князь Италийский, граф. А. Суворов-Рымникский

Линдау, сего 19 октября 1799 г.

(1) — Отголосок известного Суворовского афоризма: «Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима, нередко один человек дороже самого поста».

Письмо 10. Суворов-Конде. 77 43

Ваше Высочество.

Получив приказание Его Величества Императора Всероссийского от 21 октября откомандировать генерал-маиора Титова с его егерским полком в команду Вашей Светлости, имею честь уведомить Вас о том и известить, что я отдал необходимые о том распоряжения и что он не замедлит прибыть.

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайший и покорнейший слуга

кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Письмо 11. Суворов-Конде. 79 44

Ваше Высочество.

Его Величество Император Всероссийский, всемилостивейший Государь мой, дав мне приказание возвратиться со всеми Его войсками в Россию и выступить не мешкая в поход, имею честь уведомить о том Вашу Светлость и просить принять надлежащие меры дабы быть готовым в пятнадцать, а еще лучше, в десять дней.

Имею честь с величайшим почтением быть

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайшим и покорнейшим слугой

кн. Италийский гр. А. Суворов-Рымникский

Аугсбург
сего 29 октября/9 ноября 1799 г.

Письмо 12. Суворов-Конде. 81 45

Ваше Высочество.

Преисполненный признательности за внимание, которое Ваша Светлость изволили мне оказать поздравляя меня по случаю моего производства (1) спешу принести Вам самую искреннюю мою благодарность и уверить Вас в чувствах глубочайшего почтения с которыми я имею честь быть

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайший и покорнейший слуга

кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Шробенгаузен
сего 26 ноября/7 декабря 1799 г.

(1) — Рескриптом от 29 октября/9 ноября 1799 г. Император Павел возвел Суворова в звание Генералиссимуса. Это письмо отвечает вероятно на поздравления принца Конде.

Письмо 13. Суворов-Конде. 83 46

Ваше Высочество.

Отдав приказание войскам под моим начальством находящимся остановиться на пятнадцать дней при вступлении их в Богемию и Австрию, как для отдыха, так и для того, чтобы дать им время пополнить необходимое снаряжение, имею честь уведомить, что Ваша Светлость имеете остановится от 19/30 декабря по 3/14 января, заняв квартиры вдоль от Айфтерсгейна до города Энса, левым флангом упираясь в Дунай, а правым растянувшись до Лейбеха, расположив Ваш штаб в Линце.

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайший и покорнейший слуга

кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Нитенау
сего 1/12 декабря 1799 г.

Письмо 14. Суворов-Конде. 85 47

Ваше Высочество.

Исполняю долг уведомляя Вашу Светлость, что Его Императорское Величество, мой Августейший Государь, который удовольствием почитает награждать каждый подвиг, изволил произвести унтерофицера Вольфера, отправленного Вашим Высочеством к Его Особе, в чин подпоручика, за взятие неприятельского знамени.

Имею честь быть с величайшим почтением

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайшим и покорнейшим слугой

Кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Прага
сего 10/21 декабря 1799 г.
Его Высочеству Принцу Конде

Письмо 15. Конде-Суворову. 89 49

«Суворову. Мардинг, 25 декабря 1799 г.

Должен известить В. С., что я только что получил от австрийского подполковника, приставленного к моей колонне, предложение, которое показалось мне необычайным.

Он передал мне, что к нему прибыл курьер от Венского Военного Совета, который поручил ему просить меня не останавливаться в Линце, принимая во внимание, сказал он, затруднения в продовольствии, и продолжать движение. С другой стороны, штатский австрийский комиссар, получивший поручение подготовить со мной дислокацию в Линце и с которым я проработал вчера и которого видел сегодня утром, не получил никакого приказания относящегося к этому предложению и продолжает свое дело следуя первоначальным договорам.

Я ответил подполковнику, что имею приказание В. С. остановиться 15 дней в Линце, что от меня не зависит изменить его и что я точно буду ему следовать до получения от Вас другого приказания.

Надеюсь, что В. С. оправдает мой ответ. Подполковник добавил, что г. Розенберг должен был получить то же предложение. Я ответил, что не сомневаюсь в том, что оный ответил тоже что и я.

О затруднениях в продовольствии мне никогда не говорили и я считаю их скорее предлогом, чем истиной. В. С. можете быть уверены, что я ничего не предприму без его приказаний, которые я получу в Линце, где я буду 18/20. Льщу себя надеждой, что В. С. отдаст должное чувствам большого уважения и исключительного почтения, которые действительно привязывают меня к нему и с которыми остаюсь . . . . . .».

Письмо 16. Суворов-Конде. 87 48

Ваше Высочество.

Во всем, что касается похода и дневок, Ваша Светлость изволите следовать предписаниям моего предыдущего письма и всему тому, что мой дежурный генерал, князь Горчаков имел честь сообщить Вам по моему приказанию, т. е. расположиться на квартирах в Линце и его окрестностях, распространяясь по соглашению с австрийскими комиссарами, одного не трогая Баварии, которая должна быть по возможности пощажена.

Имею честь быть с величайшим почтением
Вашей Светлости
Нижайший и покорнейший слуга
кн. Италийский, гр. А. Суворов-Рымникский

Прага
сего 19/30 декабря 1799 г.

Письмо 17.
Записка переданная Конде от имени Суворова.
90 50 (1)

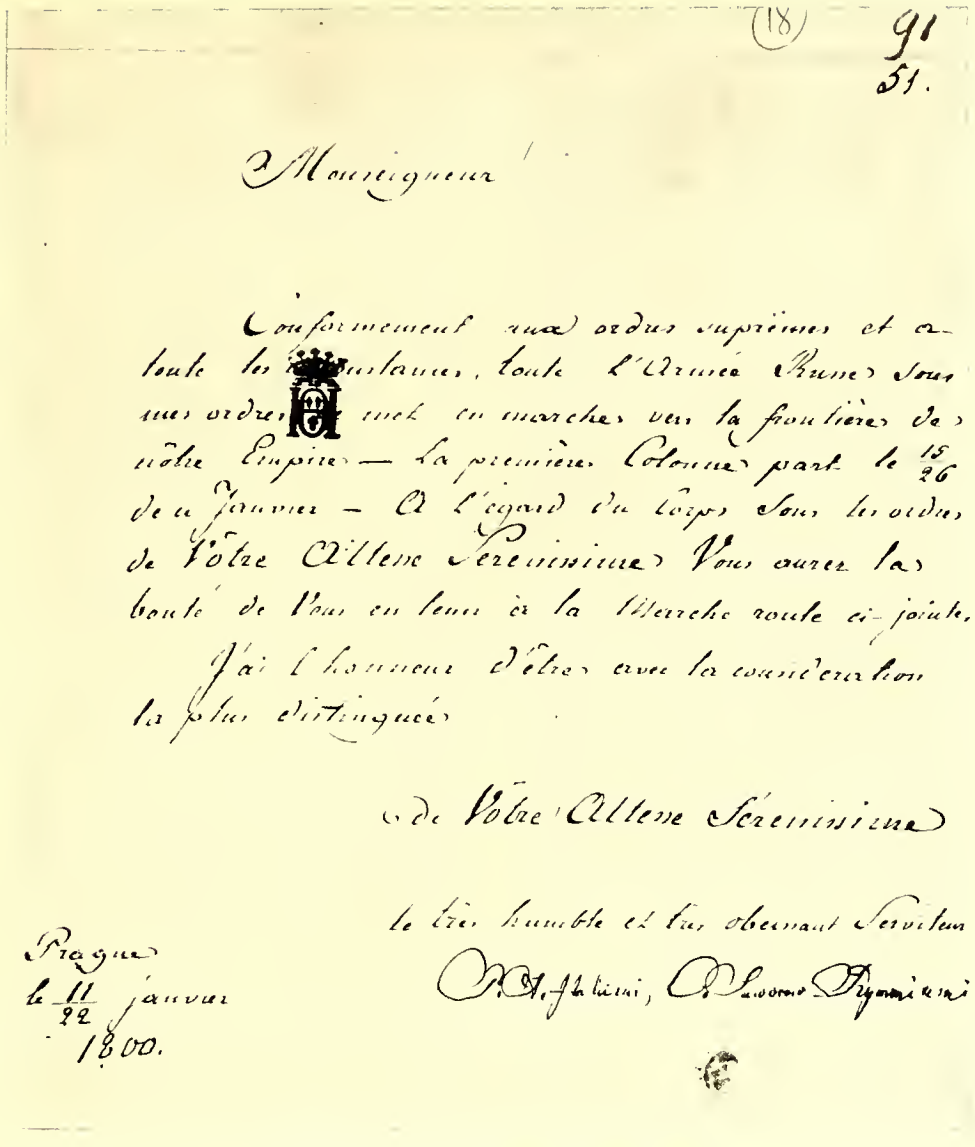
«г. Суворов получил в Ратисбоне, приказание Его Императорского Величества, в случае если он почтет необходимым дать отдых войскам, распололожить на зиму свою армию в Баварии и в Австрии. Генерал доводит это до предварительного сведения В. В. предлагая ему продолжать его движение так как оно было предписано, но предупреждая его, что вероятно он не пойдет дальше Линца и что Его Высочество получит от него в скорейшем будущем самые точные его приказания о квартирах, которые будут назначены корпусу которым он командует».

Письмо 18. Суворов-Конде. 91 51

Ваше Высочество.

В соответствии с высшими приказами и обстоятельствами, вся российская армия, под моим ко-

(1) — Эта записка, не смотря на свою нумеротацию, как будто не на своем месте.



Письмо 18. От Суворова принцу Конде.

мандованием, выступает в поход к границе нашей империи. Первая колонна выступает 15/26 сего января. Что касается корпуса, под командованием Вашей Светлости, будьте добры следовать по прилагаемому к сему маршруту (1).

Имею честь быть с отличнейшим почтением

Вашей Светлости

нижайшим и покорнейшим слугой

кн. А. Италийский гр. Суворов-Рымникский

Прага

11/22 января 1800 г.

Письмо 19. Конде-Суворову. 93 52

«Князю Суворову Линц 11/22 января 1800 г.

Ваша Светлость найдете приложенную к сему записку, которую генерал Сакен (1) переслал в письме одного из наших офицеров, взятого при Констансе, которое мы получили.

Не принадлежит мне В. С. просить об русских офицерах, Вы ими без сомнения занимаетесь, но В. С. позволит мне просить Его о французских офицерах и солдатах принадлежащих к корпусу. Через три дня после боя, я просил князя Горчакова написать генералу, который стоял против нас, об этих последних. Первый ответ был любезен, но без конкретных данных, он отсылал нас к Массене.

Генералу было написано еще раз и его второй ответ нам подал еще больше надежды. В нем говорилось, что пленные были отправлены в Франш-Конте, но что он немедленно отдал приказание их возвратить. С тех пор мы не имеем никаких известий о размене. Мы знаем, что наши пленные на-

(1) — Маршрут в архиве не обнаружен.

(1) — Русский генерал Сакен был взят под Цюрихом в плен.

ходятся во Франции, что обращение с офицерами совсем не такое плохое, но переменчивость этого, так называемого, правительства не дает никаких гарантий и мы постоянно опасаемся за них. Они также жаждут вернуться к нам, как мы их прибытия.

Что касается наших несчастных солдат, то они не только заключены в тюрьмах, но даже в карцеры. Рекомендую всех этих несчастных гуманности В. С. и надеюсь, что Вы соблаговолите написать французскому генералу, дабы они были разменяны как можно скорее.

Многочисленные победы В. С. дают ему возможность добиться этого освобождения, так как Вы располагаете в десять раз больше пленными чем те, которых могли взять у русских (1). Я буду Вам чрезвычайно признателен заняться этим очень лля нас важным делом, для которого считаю себя обязанным прислать приложенный к сему список (2).

Если верить публичным слухам, я скоро получу приказание В. С. поддаться вперед. В. С. доставите мне удовольствие если сможете прислать мне их на день раньше. Корпус так сильно разбросан, что потребуется одним днем больше обыкновенного времени чтобы сделать все приготовления.

Должен заметить, В. С., что князь Василий Горчаков говорит, что у него нет сумм для содержания полка Титова. Приказ Его Императорского Величества причисляющий его к моему корпусу, мне бесконечно приятен, но этот полк не получая больше ничего от армии В. С. нуждается во всем. Ему должны 5 месяцев жалования. Прошу В. С. приказать комиссару доставить все, что причитается этому полку, т. к. он действительно в нужде и содержание его не стоит больше Его Императорскому Величеству, при мне чем, если бы он был с Вашей Светлостью.

Узнав, что князья Горчаковы были вызваны Его Императорским Величеством в Петербург и опасаясь обременять В. С. обращаясь прямо к нему, по делам, которые я могу к нему иметь, прошу Вас указать мне лицо облаченное Его доверием и к которому я мог бы обращаться».

Письмо 20. Суворов-Конде. 95 53

Ваше Высочество.

Спешу поблагодарить Вашу Светлость за Его любезное письмо от 11/22 января, а также сообщить Ему сведения которые он желает получить по поводу размена наших пленных содержащихся во Франции. Их судьба очень близка моему сердцу и заставила меня сделать уже не мало попыток. Хотя и оставшиеся по сей день неуспешными, они будут безотлагательно повторены мной.

Что касается уплаты всего должного полку Титова, я поручил это дело дежурному генералу Милорадовичу, который заменил при мне, после его отъезда, генерал-лейтенанта князя Горчакова, с тем чтобы полк сей был удовлотворен как можно скорей.

В данное время В. В. вероятно уже известны Высочайшие приказы Его Императорского Величества относящихся к возвращении Его армии в Россию, которая вот уж несколько дней находится в походе.

Имейте милость, Принц, принять чувства великого почтения, с которым я имею честь быть

Ваше Высочество
Вашей Светлости
нижайшим и покорнейшим слугой
Князь Александр Италийский,
граф Суворов-Рымникский.

Чеслав

сего 19/30 января 1800 г.
Е.К.В. Принцу Конде, в Линце (1)

Письмо 21. Конде-Суворову. 101 56

«Суворову. Линц 3 февраля 1800 г.

Имею честь донести В. С., что по сущности приказаний, я расчитывал выступить завтра, с 4-й колонной, но этой ночью я получил из Вены от г. де-Викгама, письмо, которое заставляет меня отложить мой отъезд до тех пор когда я получу новые приказания В. С., которого я прошу переслать Его Императорскому Величеству приложенный к сему пакет (2).

Г. Викгам пишет мне в двух письмах, одно от 28 января, а другое от 1 февраля, оба полученные в одном конверте, и просит меня сохранить в самой строгой тайне, исключая от Вас, **что Его Великобританское Величество вошел с формальным представлением к Петербургскому Двору, прося, чтобы корпус Конде не возвращался более в Россию, по меньшей мере на время будущей кампании. Он послал из Мюнхена курьера с депешами и инструкциями шевалье Витворту. Потребуется по** меньшей мере три недели, чтобы получить ответ, Этот министр добавляет, **что лорд Минто, как и он сам, полагает что я могу без ущерба объявить В. С. через доверенного офицера о секретном сообщении которое они мне делают, обращаясь к Вам с прось-**

(1) — Совершенно верно, но Конде, как видно, не знал, что Суворов передавал своих пленных австрийцам, а последние отказывались их обменивать даже на русских пленных корпуса Корсакова.

(2) — Список к письму не приложен.

(1) Суворов действительно «пекся» о своих пленных, не делая различия между русскими и французами. Вот что он писал Колычеву, 20 января 1800 г.: «О размене Цюриховских и пр. российских на 80.000 к И.К.А. Величеству и к вам я много раз пишу. Принц Конде ныне настоит о своих офицерах и иных в Констансе малочисленных верноподданных их государю. Я их не изображал особо, как сущих в российском войске. Бога ради, пекитесь о них, я бы лишний поклон сделал за то барону Тугуту». (IV том Документов Суворова. 1953 г., стр. 445-446).

(2) — Это видно письмо Конде Павлу I, которое приводит Милютин (т. III, стр. 644) содержание его в общем соответствует этому.

бой отложить выступление корпуса по меньшей мере на три недели.

Еще он мне пишет, что г. Тугут, засвидетельствовал двум английским министрам, что император Германский не учинит никаких препятствий против продолжения пребывания корпуса в наследственных владениях. Г. Викгам добавляет, что он не должен от меня скрывать, что в Средиземном море уже приняты меры для скорой погрузки корпуса и для его перевозки к Вандее, со всей возможной скоростью.

Он также сообщает, что последний курьер из Лондона, прибывший в Вену, проделал путь через Средиземное море меньше чем в месяц.

Так как Его Императорское Величество сделал мне честь сообщить мне некоторое время тому назад, что оставляя Австрию, Он тем не менее остается другом и верным союзником короля Англии, осмеливаюсь надеяться, что В. С. не осудите меня за то, что я пошел навстречу предложений министров этого Двора, которые действуют повидимому в полном согласии с г. Колышевым, и отложил мое выступление. Эта мера мне показалась тем более лишенной неудобств, что если Его Императорское Величество все таки настаивает на нашем возвращении на Волынь, что поскольку я понял, англичане не предвидят, я думаю, что Ему будет совершенно все равно, если мы туда придем на месяц позже.

Жду приказания В. С. Прошу Его сообщить мне его намерения как можно скорее, не имея в моем сердце другого желания как последовать во всем тому, что Его Императорское Величество мне прикажет или передаст через В. С.

Наконец, прошу Вас сообщить мне Ваши намерения касающиеся двух русских полков, которые со мной и которыми я бесконечно доволен. Если они должны оставаться при мне, я убедительно прошу чтобы все их потребности были удовлетворены. Нужды полка Титова исключительны (как я уже имел честь уведомить В. С.) и крайне спешны, так как он еще ничего не получил из того что ему полагается, как деньгами так и снаряжением. Даже если эти полки получат приказание вернуться в Россию, они будут иметь самую большую надобность в средствах.

Какой бы впредь не была моя участь, я прошу В. С. быть глубоко уверенным, что все доказательства дружбы, которые я получил от него останутся запечатленными в моем сердце до конца моей жизни и что я никогда не перестану быть проникнутым чувствами благоговения и глубочайшего уважения, с которыми остаюсь . . . . . .».

Об этом письме Суворов донес Императору Павлу следующее: «Принц Конде отнесся ко мне, что Его Великобританское Величество изъявляет желание свое, чтобы корпус его остался в Австрии, на который конец отправил Король к Вашему Императорскому Величеству своего курьера. Уважив причины принца Конде, в своем письме изображенные, не мог я на сие не согласиться. Письмо его ко мне и ответ мой на оное, поднесет В.И.В. действ. ст. советник граф Ростопчин...» (Милютин, т. III, стр. 645).

Это последнее письмо Суворова к Конде в архиве не найдено.

Дневник Корнета Икскюля

1812 — 1814 г.г.

Дневник этот хранился в Эстонии, в замке Фикель и чуть не погиб во время революции 1905 г., когда замок был уничтожен. После первой мировой войны, один из баронов Икскюль вывез его в Берлин, где он чудом уцелел в 1945 г. В конце концов, он очутился в Гамбурге, где и был опубликован. Со временем он был также напечатан и во Франции, в издательстве Файар (1).

Молодой корнет л.-гв. Конного полка, Борис Икскюль проделал кампании 1812-1814 г.г. во время которых он акуратно вел свой дневник. Большое место в записях Икскюля отводится любовным похождениям автора, которых бесчисленное множество во всех странах, которые посетил корнет. Но интерес их, конечно, не в этих похождениях, а в участии молодого Конногвардейца в славных кампаниях 1812, 1813 и 1814 г.г.

Барон Беренд-Иоганн (или Борис Борисович) Икскюль родился в 1793 г. Он был сыном сенатора, Действительного тайного советника при дворе императрицы Екатерины, и графини Елисаветы Сиверс, дочери одного из близких сотрудников Великой Императрицы, графа Якова Сиверса.

В 1809 г., когда ему исполнилось 16 лет, он поступил на службу в Конную Гвардию и в 1811 г. был произведен в полку в чин корнета.

Дневник начинается 17 марта 1812 г., т. е. в день выступления полка в поход к западным границам.

«Наш полк, которому Государь произвел смотр, выступил из Петербурга в полдень и к 9-ти часам вечера мы пришли сюда (Стрельна). Много народа присутствовало на нашем выступлении. Большое количество жителей столицы, пешком и в каретах, сопровождали наши войска.

Прощание военных, которые расставались со своими семьями, было одновременно и веселым и грустным. Я был рад покинуть Петербург. Мое во-

(1) Boris Uxkull. Amours parisiennes et campagnes en Russie. Paris, chez Fayard.

ображение рисовало мне яркими красками будущую жизнь в лагерях и на полях чести, в далеких странах, которые я жаждал посетить.

Прибыв в Стрельну, мы побежали с несколькими офицерами в трактир, чтобы подкрепить наши силы обедом. Вечер прошел в беседе и проэктах на будущее. Впервые мы спали на соломе и на чердаках».

Не смотря на любовь Икскюля к Родине и обожание им Государя, он не прочь пофилософствовать и в тоне весьма вольнодумном. 6 апреля он пишет:

«Дневка. Отвратительная погода. Сегодня утром я думал о том в чем заключается военная служба и тщетно пытался разрешить вопрос для чего она вообще существует. Конечно, человечество не может жить без войн ибо оно делится на много наций, каждая из коих соблюдает свои интересы. Хорошо ли во время войны убивать своих близких? Все наши усилия во время войны направлены ко злу, а в мирное время мы ничего не делаем и только прозябаем.

И потом, служим ли мы правому делу? Бедные ничтожества, мы только слепое орудие в руках сильных мира сего. Личные амбиции прикрываются священными символами Веры и чести Родины.

Правда существуют справедливые войны, цель которых благородна. Надеюсь, что та, что нам предстоит будет такой».

10 апреля. — «Плохая погода. Нет ничего ужаснее здешних дорог. Наши кони идут по колено в грязи. Как я жалею бедную пехоту и моего брата Якова, который идет унтер-офицером в рядах л.-гв. Литовского полка».

13 мая, — другие мысли бродят в голове 18-летнего юноши: «Говорят, что французы подходят к нашим границам. Почему мы не идем им на встречу? Потому что есть в России люди умнее меня, но у которых меньше самолюбия и которые не любят Родину так как я и ее интересы приносят в жертву для соблюдения своих собственных».

27 мая. — «Большая церемония по случаю дня Ангела Его Высочества (Цесаревич Константин Павлович). Офицерское общество, принеся поздравления Его Высочеству, предложило нам блестящий обед. Специально построенный павильон изображал из себя копию китайского домика. Превосходный обед на 100 кувертов. Солдат угощали на площади. За стол сели в три часа. Шампанское лилось рекой. Великий Князь был в хорошем настроении. Гремели три оркестра. Тосты покрывались криками всего полка. Ура гремело до небес».

Но вот, наконец, французы перешли границу и война началась.

22 июня — Икскюль записывает: «Армия, которая насчитывает около 100.000 человек идет вдоль Двины. Для меня это новое и внушительное зрелище видеть столько воинов, повинуясь воле одного, идущих в полном порядке, как будто бы все имеют одну волю и одну душу. Вид наших войск превосходный, пехота в особенности блестяща.

Да пошлет нам Всевышний победу, так как наше дело правое. Да проявятся храбрость и патриотизм русских во всей их силе. Да не придется нам никогда краснеть за наши поступки. Если мне будет положено пасть в одной из русских равнин, я хотел бы что бы мой дневник был передан моим родителям».

23 июня. — «Ничего не понимаю. Почему мы все время отступаем без боя? Так печально видеть крестьян и их семьи покидать места где они родились. Разорение крестьян и дворян меня угнетает».

29 июня. — «Согласие, которое царит среди офицеров и бодрый дух солдат, у которых почти нет хлеба — восхитительны».

14 июля — (сражение под Витебском). «На сердце тяжело. Нас мучают стоны раненых, которых топтала кавалерия. Многие из них пытались тащиться за нами, чтобы не попасть в руки неприятеля.

Вот она, солдатская слава, столь воспетая, вскричал я при виде егеря с оторванными ядром обеими ногами. Проклятые тираны земли, что скажет вам ваша совесть, если вы пролили кровь ваших подданных без достойной причины! Но, слава Богу, эта война справедлива. Каждая русская душа покидающая свою земную оболочку, получит возмездие и будет молиться о своем Монархе, который служит интересам Родины, а не своим личным...».

28 июля. — «Вчера, в 11 с половиной, прибыл адъютант Барклая. В полночь трубачи трубили поход. Холодный дождь все усиливался. Мрак был полный. Я еле различал коня кирасира, который ехал передо мной.

Промокшие до костей, дрожащие от холода, мы, наконец, достигли бивака. Мой слуга нашел огромный ствол дуба с углублением и я в него лег, промокший до рубашки, усталый и голодный. Если бы бездельники и лентяи нашей столицы попали бы в наше положение, они бы получили более верное представление о военной службе и о ее тягостях и стали бы больше ее уважать и меньше уважать самих себя».

5 августа (Смоленск). — «Французы пять раз бросались на штурм, но были энергично отбиты. Барклай лично командовал. Неверовский отличился. Бой еще продолжается. Пока тысячи людей жертвуют своей жизнью за Родину, мы остаемся на месте и жарим кур!».

7 августа. — «Я стоял на горе. Избиение происходило у моих ног. Мрак подчеркивал блеск по-

жара и выстрелы. Ядра, оставлявшие блестящий след, разбивали все на своем пути. Крики раненых, ура бойцов, грохот падающих камней... Я никогда не забуду этой ночи».

9 августа. — «Мое сердце ноет. Мы оставляем все эти богатые края врагу. Но да наступит осень, и мы...».

12 августа. — «Великий Князь Константин отослан Барклаем в Петербург. Какое счастье, так как он не будет больше нас мучить своими равнениями и дирекциями. Но Барклаем все недовольны еще больше, его называют предателем. Все думают, что он отступает нарочно...».

22 августа. — «Переход в 33 версты. Мы расположились у села Бородина. Говорят, что на днях здесь дадут генеральное сражение. Давно пора помериться силами с завоевателями».

23 августа. — «Я разделяю горе, которое послано всей России. Сложив руки, я горячо молюсь. Да пошлет Всевышний победу русскому оружию, да пошлет Он мне храбрость выдержать удары судьбы».

26 августа. — «В 8 часов, меня из штаба Барклая вернули в полк. Я был сменен другим офицером. Я нашел полк в бездействии. Правда ядра нас поражали. В половине 9-го, нас поставили на холме, где мы были менее укрыты, но откуда было все видно. Зрелище было грандиозным. Канонада все усиливались. Дым покрывал равнину. Три часа мы оставались на месте, горя нетерпением. Ядра убивали много лошадей, но людей меньше.

В 11 часов избиение сделалось общим. Земля дрожала. Вдруг наступила тишина. 25.000 неприятельской конницы понеслись на наши карре и батареи. Резерв приходит в движение. Наша кавалерия выступает и, во главе нашей бригады, Шевич ведет нас к победе. Ура! Мы атакуем! Земля трясется и стонет под нашими кирасирами. Шок происходит, но пыль застилает врага. Это были карабинеры и уланы. Избиение длится пять минут. Неприятель опрокинут, но только что мы восстановили порядок, как нас обдает картечь скрытой батареи. Труба вновь нас зовет, мы вновь атакуем. В это время неприятель потеснил наше левое крыло. Нас направляют туда через поле сражения. Вид мертвых и раненых ужасен. Всякое описание излишне. Я жив еще и бросаюсь на колени чтобы благодарить Господа. Нам не хватает 12 офицеров».

1 сентября. — «Вот мы, наконец, под стенами Москвы. Вот она, блестящая столица, мать России, бывшая разиденция Царей и символ величия Родины. Какое чувство горя, бешенства, знать:, что Москва во власти Наполеона. Горькие слезы льются из моих глаз. Мое волнение слишком сильно. Французы торжествуют. Какие радостные огни на их биваках. Какие клики радости в их лагерях. Но терпение. Мы увидим кто еще заплатит за разбитые горшки».

3 сентября. — «Господи, мы прошли Москву и ее оставили. Мы шли весь день и остановились в 40 верстах от Москвы. Видно зарево пожара. Армия духовно надломлена. Открыто говорят об измене и о предательстве. Дух упал и солдаты начинают роптать».

4 сентября. — «Мы поворачиваем и меняем направление. Кутузов всегда весел и уверен в себе. Чем все это кончится? Мы ведем жизнь животных. Пища отвратительная, постелью нам служит земля. Наша радость — сон».

6 сентября. — «Проезжая одну деревню я видел, как за 20 рублей продали жителям пленного француза, которые крестили его ведром кипятка, а потом, живым, посадили на кол. Какой ужас! Русские женщины убивают топорами пленных и мародеров. Приняты меры, чтобы прекратить эти зверства».

14 сентября. — «Имел несчастие потерять мою прекрасную кобылу. Я плакал как ребенок. Это было исключительное животное. Она меня хорошо знала и все ела из моих рук, сахар, бутерброды и даже яичницу. Она любила пунш и при Бородине опрокинула французского полковника. Не было в полку коня, который легче бы брал любое препятствие, чем моя Машка».

16 сентября. — «Мы идем по Калужской дороге. Если врагу удастся пробиться и выйти в Малороссию, мы погибли, потому, что там всего вдоволь и климат мягче. Но если он будет принужден возвращаться по Смоленской дороге, то холод и голод его окончательно погубят».

17 сентября. — «Поговаривают о перемирии. Это было бы ужасно. Наше решение должно быть или их уничтожить или погибнуть».

18 сентября. — «Видел мужика, который с факелом в руках, жег свою избу, чтобы она не досталась французам».

3 октября. — «Только что мне прислали орден св. Анны 3-го класса. Вот я и кавалер».

9 октября (Малоярославец). — «Я был послан к Остерману, который задержал меня до 9-ти часов. Он два раза посылал меня в центр города. Зрелище неописуемое. Ядра разбивали стены домов, которые горели и рушились. Улицы были полны трупов и раненых. Грохот был ужасный. Восемь раз французы брали город и восемь раз наши храбрые гренадеры и егеря их оттуда выбивали. Я изнемогал от голода и усталости. Мой сюртук прострелян пулями в двух местах. Неприятель принужден отступать по старой дороге. Какая слава! Какое счастье! Да здравствует Россия! Слава русскому оружию!»

19 октября. — «Ужасы, которые нас окружают заставят содрогнуться самого холодного и жестокого человека. Надо себе представить целую армию в полном разгроме, в самом ужасном беспорядке, питающуюся лошадьми своей кавалерии».

24 октября. — «Это отступление похоже на охоту на зайцев. Гнев Провидения объявился и рука

Его карает разбойников. О Кутузов! О Барклай! Как вас бранили. Горе, что сожжена Москва, но да сгорят Москва, Петербург и все города, лишь бы спасена была Россия. Края, по которым мы идем, похожи на пустыню. Люди мрут, лошади дохнут от голода и изнурения. Только Казаки, вечно лихие и веселые, остаются неизменными. Мы, с трудом поспеваем за неприятелем».

27 октября. — «Какие холодные ночи. Мы не можем спать и сидим вкруг костров. Когда согревается грудь, замерзает спина и все таки, все радостны, повсюду песни, шутки, веселые крики... от всего сердца».

21 ноября. — «Мы идем по столбовой дороге. Ужасное зрелище. Повозки, перевернутые пушки, зарядные фуры, телеги, кареты и т. д. разбросаны вдоль дороги. По сторонам ее, несчастные солдаты, или уже мертвые, или борющиеся за жизнь в самых невероятных позах, но мы уже привыкли к ужасам этой войны. Проезжая мимо корчмы, я видел внутри ее груду голых тел, лежащих одни на других, а еще живые, сидя на своих товарищах, грызли их тела и выли от боли, как животные. Между Ошмянами и Вильной, насчитали 6.000 трупов».

1 декабря (Вильна). — «Вот мы наконец и пришли. Какое счастье. Хорошие квартиры и месяц отдыха. Наше вступление в город, которое должно было быть триумфиальным, походило на маскарад. Обмундирование полков было в невероятном состоянии и Государь, приехавший накануне, перед которым мы проходили, не мог удержаться от смеха».

18 декабря. — «Нам объявили, что кампания продолжается и что мы вступим в Германи».

Сразу после окончания кампании 1812 г. Икскюль опасно заболел. Догнал свой полк он только 28 марта 1813 г. в Калише. 29-го Конная Гвардия вступила в Германию, которая приводит нашего корнета в восхищение, чистотой, порядком, радушием жителей и обаятельностью немок.

2 апреля (Вензен). — «При входе в город, нас встретила триумфальная арка. На ней было написано крупными буквами: «Добро пожаловать защитникам угнетенных, да будет счастливо их оружие». Полк продефилировал. Наша блестящая форма, красота наших войск, вызвали энтузиазм. Мой гнедой танцевал в честь красавиц, смотревших на нас из окон».

30 апреля. — «Печальная новость разнеслась в нашем лагере. Кутузов, наш спаситель — умер. Он один стоил корпуса».

Поход по Германии продолжается. После перемирия Икскюль участвует в Кульмском сражении обессмертившем Гвардию.

17 августа. — «В 4 часа, мы выступили из Альтенбурга. Погода была грозовая. Дорога в ушелии Крапена была в плохом состоянии. Сразу после его прохода мы услышали пушечные выстрелы и треск ружейной перестрелки. Адъютант Остермана прискакал на взмыленном коне. Мы получили приказание немедленно идти на поле сражения. Гвардейская пехота была в бою. Огромные потери. Ночь разъединила бойцов. 8.000 Гвардейцев дрались с 40.000 неприятелей и спасли три корпуса и три Монарха. Слава Русскому Оружию!»

18 августа. — «Мы атаковали несколько раз. Гусары и кирасиры особенно отличились. Неприятель был охвачен с трех сторон и разгромлен. Вандам был взят в плен. Когда какой-то адъютант потребовал его бумаги, он ответил: «Бумага у меня только клозетная. Передайте Его Величеству». Это сражение стоило жизни многим моим друзьям. Бог битв даст им хорошее место».

5 и 7 октября. — «Сражение под Лейпцигом, на всегда памятное в скрижалях войны. Ограничиваюсь двумя словами. Судьба Германии, а возможно и Европы, решена. Неприятель разбит, его поражение полное. Он потерял около 36.000 убитыми и ранеными. Я провел всю ночь, лежа на трупе, того не зная».

Затем преследование, переход через Рейн и вступление во Францию.

28 января 1814 г. (Бар). — «Вот мы и на берегах Сены, которая течет перед моими окнами. Как все меняется. Два года тому назад — была Нева, прошлый год — Висла, а сегодня та река, которая течет в Париже, куда мы скоро надеемся вступить победителями. Дай Бог!»

Бою под Фершампенуазом, где особенно отличилась гвардейская кавалерия, Икскюль посвящает несколько строчек: «Корпус Макдональда был атакован и рассеян, после короткого, но горячего боя. Наш полк взял шесть пушек в блестящей конной атаке, где мы понесли не мало потерь».

Но вот, наконец, и Париж. «Наше вчерашнее вступление было блестящим. Народ нас встретил повсюду приветственными кликами. Наш полк станет у Гренель. Я смотрел на этот современный Вавилон с неизъяснимым чувством радости и гордости. Эти дни останутся на веки в моей памяти».

Следует затем подробное описание пребывания в Париже, наполненное легкими победами Конногвардейца над представительницами слабого пола.

Но вот и обратный поход в Россию.

27 августа 1814 г. Икскюль записывает: «Сегодня мы перешли русскую границу. Криками радости приветствовали мы пограничный столб с двуглавым орлом. Сегодня я ставлю точку над моим дневником, который во все время кампании был моим верным другом».

Декабрист Михаил Михайлович Нарышкин

М. М. Нарышкин.

Полковник л.-гв. Измайловского полка.
Редчайшая миниатюра из собрания Е. С. Молло.

Декабрист Михаил Нарышкин 2-й родился в 1795 году. Отцом его был подполковник Михаил Петрович Нарышкин, а матерью Варвара Алексеевна, урожденная княжна Волконская. Получив домашнее воспитание, Нарышкин вступил на военную службу. Служил он в л.-гв. Московском полку, а по производстве в полковники переведен в л.-гв. Измайловский полк. Назначенный командиром Тарутинского пехотного полка, в 1825 г. он был арестован по делу Декабристов.

Нарышкин принадлежал к Северному Обществу и признан был виновным «в знании об умысле на царевоубийство, но без согласия и с противоречием, токмо без донесения». Приговорен он был на 15 лет каторжных работ и затем к ссылке на поселение.

Начал отбывать свое наказание Михаил Михайлович на Петровском Заводе.

По ходатайству родственников, Нарышкин был переведен в Курган, куда прибыла его молодая жена (он женился в 1823 г.), Елисавета Петровна, урожденная графиня Кононвницына, в сопровождении дворовой девушки Карповой.

Поселившись в Кургане, Нарышкины приобрели себе удобный и поместительный дом и вскоре получили из России целый транспорт, в котором были дворовые люди, лошади, ковры, картины и пр.

Вместо 2.000 рублей, Нарышкины на другой же год стали гласно получать от родственников по 3.000 рублей, так что могли устроиться в Кургане очень хорошо, помогая своим недостаточным товарищам и местному бедному населению. Кроме того Нарышкин занимался лечением окрестных крестьян и с этой целью разъезжал по деревням, снабжая нуждающихся лекарствами.

В 1837 г. Нарышкин был переведен на Кавказ. Жена последовала за ним и делила с ним все неудобства и лишения.

Возвращенный, наконец, в Россию, Нарышкин скончался в 1863 г. и похоронен в Донском монастыре, в Москве.

Друг его, князь Оболенский, оставил ему следующую характеристику:

«Не во внешнем блеске отражалась его внутренняя жизнь, не в блестящей славе его личности, но в любви все примиряющей, все терпящей, не воздающей злом за зло. С юных лет он принадлежал к числу тех людей, стремления которых были направлены к общему благу, но это стремление, к несчастию, могло быть удовлетворено только путем самоотвержения. Чуждый корыстных целей, Нарышкин, в долгие годы лишений остался верен первоначальному своему призванию».

Е. С. Молло

(По биографии М. М. Нарышкина, помещенной в № 3 «Измайловской Старины» любезно сообщенной редакции «В.-И В.» — И. В. Траскиным).

Записки Графа Д. Ф. Гейдена

(1914 — 1917 г.г.)

(Продолжение)

7. Самбор (весна 1915)

В Самборе штаб армии расположился в здании гимназии. Здесь нас посещало очень много народу из России. Были разновременно три председателя государственной думы: Хомяков, Гучков и Родзянко. Первый — тип русского хорошого, но не делового барина, внушающий к себе сразу большую симпатию своим благодушием и тонким остроумием, второй — делец американского типа с большим здравым смыслом, хватающий сразу быка за рога, а потому сделавший много для подготовки хозяйства русской армии для войны, но возомнивший себя потом настоящим военным министром во время революции и разрушивший моральные устои той же армии, и наконец третий — напыщенный индейский петух, по глупости и честолюбию возглавивший потом революцию и погубивший Россию. Приезжал также милейший князь Ник. Борис. Щербатов, тогда главноуправляющий государственным коннозаводством, скоро потом получивший назначение министра внутренних дел. Приезжала бойкая княгиня Анна Ник. Волконская с отрядом Красного Креста, содержимым на средства всех братьев князей Волконских. Приезжал инспектировавший Красный Крест сенатор Бор. Евг. Иваницкий, очень дельный, серьезный и толковый человек, и много еще других лиц, так или иначе имевших отношение к помощи населения армии.

Брусилов был со всеми очень любезен и внимателен и очаровывал всех приезжих своим доброжелательным отношением к совместной работе со всеми общественными и гражданскими учреждениями. Такое его широкое внимание к приезжавшим в армию общественным деятелям и корреспондентам с его умением держать себя и показать товар лицом при его здравом смысле и образованности, создало ему при его военных успехах большую рекламу и по уходе ген. Иванова это много способствовало выдвижению его на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом, каковое доверие он и оправдал в последствие своим наступлением в 1916 г., спасшим Италию.

Во время стоянки нашей в Самборе шли жестокие бои наших войск (VIII, XVII, VII, XXII, и III кавк. к.) в Карпатах, куда ген. Брусилов выезжал раза 2-3 самолично на наблюдательные пункты в корпуса.

Последствием этих боев наших войск, недопустивших неприятеля к северу от Карпат, при истощении жизненных припасов в переполненной большим гарнизоном крепости Перемышль, была сдача 9/22 марта этого оплота всей восточной Галиции. Комендант Кусманек сделал слабую попытку выйти с частью гарнизона из крепости, но, как только наши оказали ему сопротивление, предпочел сдаться. Будь другой комендант более решительный и смелый, думаю, что выход гарнизона на запад имел бы успех, во всяком случае они могли произвести панику в тылу 3-ей армии и хотя бы с большими потерями прорваться через наш фронт, находившийся между Краковым и Перемышлем. Но Кусманек знал свои войска: большая часть из них были непривыкшие к бою ландверные и гондведные части, вовсе не стремившиеся драться и с радостью шедшие в плен после 7 1/2 месяцев тяжелых лишений во время войны. В этом я убедился лично, на второй или третий день после сдачи Перемышля отправившись туда выяснить вопрос об австрийских винтовках и патронах к ним, в виду того, что наши новые пополнения приходили безоружными и в полках была масса людей без винтовок.

Когда пришла телеграмма о сдаче Перемышля, в начале мы не поверили цифре гарнизона (140 тыс. чел.), т. к., не зная, что австрийцы больше чем вдвое усилили гарнизон, уходя оттуда в октябре, думали, что это ошибка телеграфа и полагали, что гарнизон располагает силою лишь в 40 тыс. чел. До ответной телеграммы от генерала Артамонова, назначенного комендантом Перемышля, что эта цифра засвидетельствована подписью ген. Кусманека мы даже не сообщили об этом в войска, чтобы не огорчать потом, если это окажется неправдой. Радость этой вести была, разумеется полная. Кроме морального успеха, освобождались 28-й и 29-й корпуса для действия с юга против наседавшего неприятеля. Жители города Самбора не поверили сперва нам, когда им сообщили о сдаче Перемышля. По их мнению, Перемышль был неприступен и взять его было нельзя никакими средствами.

Приехав в Перемышль на автомобиле, я явился к генералу Артамонову, который меня принял в кабинете генерала Кусманека, который охраняли молодцы Уральцы 1-го полка 9-й кавалерийской дивизии, который первым вошел в Перемышль и первую ночь один держал все караулы в городе. Артамонов, крестясь на образ, говорил мне, что он как на вулкане, пока не отправит всех офицеров — 4.000 чел. Австрийцы, очевидно, не предполагали, что мы сравнительно ничтожными силами в 60 тыс. осаждали крепость с гарнизоном, вдвое сильнейшим, и притом имея в своих двух корпусах людей, почти исключительно, призванных из ополчения, большею частью бородачей. Артамонов боялся, что австрий-

цы спохватятся и, узнав настоящую обстановку, нападут на наши караулы и нас перережут. Но этого всего не случилось, т. к. офицерство австрийское совершенно не так было настроено. Улицы заполненные офицерами элегантно одетыми с нарядными дамами, имели вид маленькой Вены в праздничный день. Наши скромные пехотные офицеры терялись в этой толпе, которая имела вид победителей, а в сущности радовалась благополучному для них, с эгоистической точки зрения, окончанию войны. Все эти офицеры очень исправно отдавали честь нашим, но вид имели не только не сконфуженный, но напротив веселый и радостный. Правда, они кормились последнее время очень плохо, мяса уже не было, ели только конину. Первый раз в жизни пришлось мне на обеде у Артамонова вкусить этого полусладкого мяса, т. к. наши своего еще не подвезли. Не нашел, чтобы это было особенно вкусно. Наш Красный Крест на другой же день сдачи устроил большой питательный пункт в городе для бедных жителей, изголодавшихся без припасов. Все там было переполнено. Очень энергично заправляла этим пунктом моя старая петербургская знакомая графиня Елис. Влад. Шувалова, рожденная Барятинская (так называемая Бетси, дававшая шикарные балы в Петербурге в своем особняке на Фонтанке). Там же я видел в последний раз милейшую баронессу Анну Федоровну Мейендорф, погибшую в следующем году на санитарном судне «Португалия» около берегов Малой Азии у Трапезонда, потопленном немецкой подводной лодкой. Генерал Артамонов мне рассказывал, как он, желая приобрести наибольшую популярность среди неприятеля и стараясь им угодить, чтобы они держали себя смирно, пока не будут отправлены в Россию, попроизводил, как начальник гарнизона, несколько человек из аспирантов (вольноопределяющихся, выдержавших офицерский экзамен) в офицеры, чтобы они могли идти в плен на офицерском пайке, а не на солдатском. Сделано это было им по просьбе Кусманека, не успевшего произвести этих аспирантов в свое время. Относительно оружия попытка моя получить винтовки оказалась неудачной, т. к. большинство их было приведено в негодность неприятелем при сдаче крепости, а все остальное было взято на учет артиллерийской частью главнокомандующего. Мы получили потом часть этих винтовок на исправление их в наших мастерских.

Я воспользовался своим пребыванием в крепости, чтобы осмотреть некоторые форты, которые не все были взорваны. Взять эти форты открытой силой было действительно трудно, и преклоняешься только перед нашими храбрыми частями 19-ой пехотной дивизии, взявшими в сентябре месяце 1914 г. несколько фортов штурмом. Много попортить фортов австрийцам не удалось т. к. не было достаточно времени. Все это было сделано очень поспешно. Между двумя фортами в одном месте была целая гектакомба убитых австрийцами лошадей, чтобы они не достались нам, целое поле лошадиных трупов.

Заезжал я и в кафедральный униатский собор, где шла торжественная служба и где хранится знаменитая корона первого короля русского Даниила Романовича Галицкого. Слава Богу, что наши власти не увезли этой короны в Москву при отступлении, а то бы лишний трофей достался только большевикам при грабеже царских регалий. Народ в храме при проходе русских офицеров почтительно расступался и, как видно, с большим благодушием давал дорогу. Население, очевидно, принимало нас по хорошему и, вероятно, думало, что мы останемся здесь надолго. Вспоминал я, как я лет двадцать перед войной впервые осматривал этот храм и думал, придется-ли здесь когда-нибудь молиться под скипетром русского царя. Сон переходил теперь в действительность. Я рад, что Государю удалось таки испытать подобные чувства («отторгнутыя возвратихъ»), когда он месяц спустя навестил Перемышль и испытал одну из последних отрад в жизни перед концом своего царствования и до нашего несчастного отступления из Галиции.

Через месяц после взятия Перемышля Государь в первый и единственный раз посетил Галицию, осматривал Львов, с балкона наместничества говорил речь народу, собравшемуся на площади перед дворцом и горячо его приветствовавшего. Отсюда Он прибыл на следующее утро в Самбор. Мы узнали об этом только накануне вечером. Вызвана была для почетного караула неподалеку стоявшая в то время в резерве 1-ая рота 16-го стрелкового Его Величества полка (в мирное время стоявшая в Лифляндии), представившаяся в блестящем порядке во главе с командиром полка лихим полковником Бирюковым, во время революции потом расстрелянного большевиками, и с начальником 4-ей стрелковой бригады генералом Деникиным. На правом фланге караула находился генерал Брусилов и Ломновский, а на левом фланге были выстроены чины нашего штаба, новый генерал-квартирмейстер генерал Стогов, начальник Шереметев и я, как дежурный генерал. Кроме того были члены заседавшей в то время при штабе армии Георгиевской Думы. Государь обошел фронт, милостиво поздоровался со всеми нами, сказал несколько любезных слов и проследовал при громких кликах народа и цепи охранявших штаб частей в наше помещение, где мы устроили Ему обед на 40 человек (прибывшей с ним свиты и высших чинов штаба). Наш комендант полковник Поленский с помощью солдат и писарей разукрасил помещение и на славу приготовил обед, не ударив лицом в грязь. Все было, хотя и просто, но хорошо.

С Государем в Самбор прибыли: верховный главнокомандующий В. К. Николай Николаевич, его брат В. К. Петр Николаевич, его начальник штаба генерал Янушкевич, генерал-квартирмейстер Данилов, начальник военных сообщений генерал Ронжин, дежурный генерал Кондзеровский, министр двора гр. Фредерикс, комендант Главной Квартиры Воейков, шеф жандармов генерал Джунковский, на-

чальник военно-походной канцелярии кн. Орлов и еще несколько человек.

Государь был очень в духе, был очень любезен с генералом Брусиловым и в конце обеда поздравил его генерал-адъютантом. Последний был на верху блаженства и поцеловал Ему руку в избытке счастья. Когда вспоминаешь потом, что этот же человек через 2 года спустя срывал с себя эти же аксельбанты, навешивал на себя красные банты, проклинал царизм и уверял всех, что он всегда был революционером, думаешь, как ничтожен иногда человек, и делается его жалко. Немного было нужно, чтобы сразу развенчать Брусилова и из легендарного героя обратить его в ничтожество.

Я лично был обласкан как В. К. Николаем Николаевичем, так и В. К. Петром Николаевичем и вспоминали доброе старое время, когда мы с ними учились. Думал-ли я когда-нибудь, что мне придется их принимать в Самборе, в центре Восточной Галиции между Львовым и Перемышлем.

Приезд Царский оставил на всех нас самое отрадное впечатление. Брусилов поехал Его провожать до Перемышля.

Весной 1915 г. была последняя радостная Пасха для нас русских. В следующем году мы уже отступали в пределы России и под этим впечатлением были в сомнении, чем кончится для нас всемирная война. А через два года наступила революция, и ничего отрадного впереди уже не было.

Вспоминаю о Самборской встрече Государя, как об одном из самых радостных событий в моей жизни. Мы все чувствовали, что кровью русских воинов в 1914 и 1915 г. Государь стяжал себе по праву старую корону русского короля Даниила Галицкого и думали, что никто ее уже от него не отъимет, и закордонные русские люди, преследуемые поляками и немцами, свободно вздохнут под властью Белого Царя.

Но не так судил Бог. Видно, слишком много прегрешений накопилось на нас и на предках наших, что нам блеснул только мимолетний сон исполнения заветной мечты старых славянофилов и блеснув исчез и увлек еще в глубокую пропасть, откуда не скоро нам выбраться. Дай Бог детям нашим увидеть возрождение России на всем пространстве, где живут русские люди от Карпат до Великого океана.

8. ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ГАЛИЦИИ. 1915 г.

К 15/28 марта 4 русские армии Юго-Западного фронта (ген. Иванова) были расположены на 650 верстн. расстоянии от р. Пилицы до Днестра следующим образом:

IV армия Эверта от Пилицы до Вислы.

III армия Радко-Дмитриева: IX и X к. фронтом на запад по Дунайцу от р. Вислы до предгорьев Карпат, и далее фронтом на юг вдоль Карпат до Мезо-Лаборча XXIV, XII и XXI корпуса.

VIII армия Брусилова (VIII, XVII, VII и III Кавк.) от Мезо Лаборча до Долины,

и IX армия Лечицкого от Долины до Днестра.

Против наших войск стояли:

против IV армии — группа Войрша и I-ая А.-В. армия,

против III армии — от Вислы до Заключина IV А.-В. армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда, от Заключина до перевала Дуклы III А.-В. армия Бороевича, от Дуклы до Лупкова II А.-В. армия Бем-Эрмоли,

против VIII армии — от Лупкова до Вишкова южно-германская армия Линзингена,

и против IX армии — от Вишкова до Черновиц — восточная А.-В. армия Пфланцера.

Видя, что пять австровенгерских армий с одной южной германской не могут справиться с четырьмя русскими армиями юго-западного фронта, немцы решили помочь своим союзникам, назначив для прорыва между IX и X корпусами III русской армии новую XI германскую армию Макензена, состоявшую из X корпуса Эммиха, гвардейского корпуса Платтенберга, XXXXI корпуса Франсуа, баварско-вюртембергского корпуса Кнейфеля, VI австрийского корпуса Арца и II австрийской кав. дивизией, перевезенную по железным дорогам вокруг Кракова через Венгрию и вдвинутую между III и IV австро-венгерскими армиями между Грибовым и Заключиным, которая к 1 мая/19 апреля и заняла исходное для наступления положение. Общее начальство над тремя армиями Макензена, Бороевича и эрц. Иосифа было возложено на эрцгерцога Фридриха, который находился при германской армии, командующий которой генерал Макензен и был фактическим руководителем всей операции.

Наступление Макензена было полной для нас неожиданностью. Назначенный в половине марта 1915 г. начальником штаба к генералу Иванову В. М. Драгомиров (вместо генерала Алексеева, назначенным главнокомандующим Северо-Западным фронтом вместо заболевшего генерала Рузского), ознакомившись с положением фронта, который представлял собою тонкую ленту, каковую при некотором усилии можно было прорвать, на военном совете в присутствии Великого Князя Николая Николаевича высказал мысль, что осторожнее будет бросить растянутый фронт III армии на р. Дунайце и отойти на линию Сана, где и подготовиться к новой операции. При установившемся мнении наших генералов, что с австрийцами считаться нечего и что «шапками закидаем» (и действительно у нас уже не было ни снарядов — в день 5 на орудие, ни патронов — в день 3 на ружье, ни ружей — в VIII армии было 60 т. безоружных в строю и почти никакой тяжелой артиллерии), Драгомирова сочли за сумасшедшего, и только несчастное окончание Галицийской операции показало, что он единственный из всех на этом совете к несчастью был прав, и что, если бы его своевременно послушались, не при-

шлось бы потом так тяжело расплачиваться за эту неудачу кровью и пленом массы наших воинов.

2 мая/20 апреля началось наступление Макензена около Горлице, а 23 апреля отступавший с запада и с юга и, потеряв половину своей доблестной 48 дивизии и сам будучи тяжело ранен, ген. Корнилов остался на поле сражения и был взят в плен. Это послужило началом общего отступления III армии. На другой день прибыл к нам в Самбор раненый в этом ариергардном бою бригадный командир 48-й дивизии генерал Попович-Липовац, который и открыл нам глаза на все так внезапно происшедшее на фронте. 24-го апреля было взято Ясло и Дукла, а 25 апреля и Кросно. За неделю к 27 августа, по словам немцев, было взято в плен 150 т. солдат и 400 офицеров III армии, 160 орудий и 400 пулеметов. Разгром армии Радко-Дмитриева был полный. 2 мая немцы уже подошли к Сану и заняли Ярослав, а 10 мая Радымно, где III армия потеряла еще 10 т. пленных. 3-я а.-в. армия Бороевича и 2 а.-в. армия Бем-Эрмоли двигались на Самбор, а правее на Турку и Сколе выходила южная германская армия Линзенгена. Наша 8-ая армия отступала от Карпат к Стрыю и Самбору. Штабу армии пришлось перейти 40 в. к с.-в. в Городок в 30 в. к западу от Львова, где у нас в августе прошлого года были жестокие бои, чтобы удержаться во Львове.

Перед уходом из Самбора Брусилов приказал поджечь все нефтяные вышки между Самбором и Стрыем около Дрогобыча. Мы выехали из Самбора ночью на автомобилях. В это время весь Дрогобыч пылал, а все небо чернело от копоти, поднимавшейся от горящих вышек. На два года прекратилась добыча нефти из этого богатого нефтеносного хранилища.

Недели 2-3 задержались мы в Городке. Симпатичный маленький городок вдоль озер на западном берегу Верещицы. Очень старинные униатские церкви, где я с удовольствием бывал по праздникам у обедни. Отличное пение, великолепные проповеди, церкви полны народа, в высшей степени богомольного, преобладающий цвет белый: белые рубахи и белые шаровары с красным поясом у мужчин, в белых расшитых рубашках и женщины. Здесь в Городке мы часто подвергались бомбометанию со стороны немецких аэропланов. Тут каждый день проходили в большом количестве через местный этапный пункт запасные роты пополнения с посохами вместо ружей, как странники из Тангейзера. Целые дни шло движение этих пополнений (большею частью безусой молодежи) навстречу отступающим войскам. Прибывали также походным порядком из Львова и новые корпуса с Кавказа со своими арбами и буйволами. Азия шла на защиту Европы бороться с немецким засильем. Опять вошел в состав нашей армии и наш родной XII корпус, которому была поручена защита Перемышля. Опять пошли пополнения из нашей родной Подолии с офицерами из наших сельских учителей, бывших моих воспитанников Винницкой учительской семинарии. В те времена дух войск еще был отличный и чувствовалось еще патриотическое настроение.

18/31 мая армия Пфланцера одержала победу у Стрыя над нашими войсками 9-ой армии, которая отошла за Днестр. В то же время начался штурм Перемышльских укреплений. Кроме недостатка снарядов и патронов, наше несчастье было в том, что наши орудия не хватали до цели, где стояли тяжелые немецкие орудия, которые, стоя на виду, били, как хотели, будучи сами в виду дальности расстояния, неуязвимыми для наших. Три дня длился штурм. Наконец 21 мая/3 июня Брусилов дал приказ очистить Перемышль и отходить дальше на Львов.

Как раз накануне вечером приехала из Перемышля графиня Елис. Влад. Шувалова, имевшая там свой отряд Красного Креста, и громко ругала всех генералов, что их нужно повесить за то, что бросают Перемышль. Я ей предложил зайти к Брусилову рассказать свои впечатления. Она не пожелала даже его видеть и, переночевав в своем автомобиле, на другой день уехала во Львов. Приятно было видеть чувство такого глубокого патриотизма в этой светской женщине, избалованной роскошью своих приемов в своем дворце в Петербурге, шлепающей в высоких сапогах по грязи в этом маленьком городке, под проливным дождем проводящей ночь на улице и отказавшейся от благоустроенной квартиры, не желая быть в лучших условиях, чем наши войска. Честь и слава нашим русским женщинам, умеющих свыкаться со всеми условиями жизни от дворца до тюрьмы включительно.

Прибыл также из Перемышля в день оставления его знаменитый корреспондент времен Скобелева и войны 1877 г. старик В. И. Немирович-Данченко и тоже с ужасом говорил о том, что нельзя сдавать Перемышль. Настолько рассказывал он это убедительно и страстно, что я его провел к Брусилову, который после получасового с ним объяснения послал тот-час же на автомобиле генерала Де-Витта отменить свой приказ об отходе из Перемышля, но приказание это опоздало, и укрепления были уже брошены. Думаю, как ни грустно было оставлять Перемышль, ничего бы из этого не вышло. Сила солому ломит. Настолько технические средства немцев были выше наших, что оставлять наш гарнизон там было равнозначуще полному его уничтожению: когда в тебя стреляют, а ты стрелять не можешь, дело непоправимо, и только были бы лишние жертвы.

29 мая/11 июня началось дельнейшее движение германо-австрийских армий от Перемышля на Львов (3-я австро-венгерская, 11-ая германская Макензена и 2-ая австро-венгерская) — 6 армейских корпусов фронтом в 40 верст.

Штаб наш перешел во Львов и поместился в роскошном дворце бывшего премьера графа Голуховского, т. к. наместничество было занято еще гр. Бобринским, складывавшим свои монатки и переезжавшим в Броды на границу Волыни. В это вре-

мя здесь уже была паника. Срывались уже русские вывески, и видно было, что недолго продолжится наше царствование.

4/17 июня был уже взят немцами Городок. Штаб 8 армии ночью перешел в Буск, имение бывшего наместника Галиции графа Бадени на правом берегу р. Западного Буга. Великолепный дворец, вполне сохранившийся со всей его обстановкой, и чудный старинный парк с многочисленными прудами. Здесь не пришлось нам долго остаться, т. к. 9/22 июня был уже занят Львов войсками Бем-Эрмоли, а мы перешли в Броды, где остановились в здании какого-то банка. Между 8-ой и 9-ой армией ко времени отступления из Галиции была вклинута новая 7-ая армия, генерала Щербачева (составленная из бывших корпусов осадной армии Селиванова (XXVIII и XXIX) с придачей XXII корпуса (4 финляндские бригады). В это же время стрелковые бригады были преобразованы в дивизии.

По переезде в Броды, Брусилов узнал, что канцелярия генерал-губернатора гр. Бобринского, уходя из Львова, конечно без ведома своего начальства, вывезла с собой массу ценной мебели из казенного дома наместничества. Как раз этот поезд с награбленным имуществом очутился в Бродах. Брусилов велел нарядить строжайшее расследование, а имущество приказал выгрузить из вагонов и сжечь, т. к. невозможно уже было отдать его назад старым владельцам. В этих случаях Брусилов всегда бывал бесподобен и карал со всей строгостью законов. Помню еще два таких случая грабительства. Один юркий врач, кажется армянин, во время нашей стоянки в Ряшеве вывез две подводы краденого имущества из простой безхозяйственной квартиры с богатой обстановкой, но как раз напал на нашего коменданта Полонского и должен был все возвратить обратно, лишился тепленького местечка в тылу и отправлен на фронт, не избежав конечно и суда. Другой случай был с одним фельдшером, из письма которого к жене выяснилось, что он посылает ей в Россию целый вагон домашней обстановки и двуспальную постель, на которой он, как он писал, будут весело проводить время, когда он приедет в отпуск. Нашим милым комендантом и эти вещи были арестованы и возвращены владельцу, а фельдшер понес заслуженное наказание.

Переход наш в Броды совпал с уходом нашего начальника штаба генерала Ломновского, после года совместной службы с генералом Брусиловым не бывшего более в состоянии уживаться с ним, т. к. у командующего армией был характер очень властный, и он неохотно подчинялся чужому влиянию, а Ломновский хотел внести всегда свое. Брусилов же, хотя и ценил работоспособность Ломновского и преданность его делу настолько, что он отдавал ему всего себя целиком без остатка, но в то же время рад был от него освободиться, т. к. не любил, чтобы его чему-нибудь учили, считая, что он сам все в состоянии обнять и непогрешимо все решить. Поэтому-то он и избрал себе нового начальника штаба генерала Семена Андреевича Сухомлина, которого он знал командиром полка по Варшавскому военному округу, как безусловно ему преданного без всяких противоречий и слепого лишь исполнителя своих приказаний без всяких советов с его стороны. Генерал Ломновский был назначен на свободную вакансию начальника 15 пехотной дивизии, находившейся в составе VIII корпуса нашей армии.

Наши офицеры генерального штаба были в сущности довольны уходом Ломновского, т. к. он слишком висел над их душой и держал их в ежовых рукавицах. Режим теперь совершенно переменился. Новый начальник штаба был только почетным шефом, никому не мешавшим, с очень обходительными манерами и довольный самим собой. Главную роль стал играть генерал-квартирмейстер, честный и глубоко преданный делу, но резкий, грубоватый в манерах. Он сразу приобрел доверие Брусилова и, когда тот увидал, что Сухомлин собственно для дела мало полезен, но ничему не мешает и ни во что не вмешивается, и стал принимать доклады генерал-квартирмейстера даже без присутствия начальника штаба. Единственно, чем интересовался Сухомлин, это было подчиненное мне наградное отделение, которым я менее всего интересовался и пропускал все представления, раз свое начальство их к тому удостаивало. При Сухомлине пошли в этом отношении строгости и я, чтобы ему доставить удовольствие и не терять времени на смакование делаемых представлений, часто направлял ему непосредственно для доклада своего старшого адъютанта по этой части капитана Оболенского, с которым они уже вместе и смаковали эти дела. Также интересовался он и хозяйственными делами. Но в вопросах комплектования армии и в делах судебных предоставлял мне полную самостоятельность, и доклады генералу Брусилову я делал часто без присутствия начальника штаба, что впрочем бывало часто и при Ломновском.

Оценивая деятельность генерала Ломновского, как начальника штаба, должен сказать что он был на высоте своего положения. Ему мы были обязаны, что у нас в штабе не было и тени легкомыслия в работе, дело было поставлено за год войны на рельсы настолько серьезно, что уже потом, несмотря на шефствование нового начальника штаба, работа продолжалась, как хороший часовой механизм, без дерганья, равномерно, последовательно и основательно. Никаких нареканий на наш штаб со стороны войсковых частей не бывало, что так часто вообще бывает в жизни высших штабов. Что же касается результатов руководства операциями генералом Ломновским, то немецкие военные критики отдают справедливость русским, что они умело отступали. 8-ая армия сравнительно благополучно выскочила из этой грязной операции отступления из Галиции и в порядке, хотя и с большими потерями, довела свои войска до границ России. Конечно и самому генералу Брусилову тут также нужно отдать справедливость. Он был строг, умел

требовать и всегда вещи исполнимые и разумные, а его подчиненные боялись его больше, чем неприятеля. Относительно отступления он тут был не при чем: победила немецкая техника с своей тяжелой артиллерией, которой у нас почти тогда не было, и преступный недостаток у нас ружей, патронов и снарядов в самую критическую минуту.

Незадолго до ухода Ломновского у нас переменился и начальник этапно-хозяйственного отдела (НЭХО). Ушел ген. Тальгрен и был заменен ген. Ушаковым.

Во время пребывания нашего в Бродах, с половины июля до половины августа, австро-венгерская армия остановилась в своем продвижении вперед, но за то немцы тремя группами двинулись всей массой через Неман и Вислу, дабы захватить все царство Польское. От Балтийского моря до Западного Буга (от Мемеля до Новогеоргиевска) наступал 4 армиями Гинденбург, далее от Новогеоргиевска до Ивангорода, имея целью форсировать Вислу шла центральная группа принца Леопольда Баварского, в составе 2 армий, и наконец к югу между Вислой и З. Бугом от Перемышля и Львова продвигался с 4 армиями на Люблин, Холм, Ковель освободитель Галиции Макензен. 1/14 июля взяты Шавли, 15/28 июля форсирована Висла между Варшавой и Ивангородом, 19 июля/1 авг. взяты Люблин и Холм, 23 июля/5 авг. — Варшава, 26 июля/8 авг. — Ивангород, 27 июля/9 августа — Ломжа, 5/18 августа — Ковно, 7/20 августа — Новогеоргиевск, 10/23 августа — Осовец и наконец 13/26 авг. — Брест-Литовск. Линии Немана и Вислы, Буга и Нарева за три недели очутились в руках немцев и сдано было нами 7 лучших крепостей.

Все приходившие известия с Северо-Западного фронта действовали на нас удручающе. Только что мы отправили чистенькую в полном комплекте и вполне вооруженную дивизию генерала Де-Витта в Новогеоргиевск, как через несколько дней узнаем, что она прямо из вагонов взята в плен, будучи окружена неприятелем. За пополнение этой дивизии, шедшей в бой для спасения положения, оружием, выданным мною по своей инициативе из одного из запасных баталионов, стоявших в Радзивилове, я получил потом выговор от главнокомандующего генерала Иванова. Дело было в том, что в каждом запасном баталионе, состоявшем при армии, имелось по 2 т. запасных винтовок для обучения приходивших из тыловых запасных баталионов людей. Но мы понесли за наше отступление из Галиции такие большие потери, что люди, приходившие из России, тотчас же отправлялись на другой день дальше в войсковые части, и учебные винтовки в запасных баталионах лежали непроизводительно в складах, тогда как в строю были люди безоружные. Комплектуя дивизию Де-Витта до нормы и зная, что она идет на фронт, я не решился пускать ее в бой без оружия, имея таковое тут же. Возвратившись из Радзивилова в Броды по отправлении этой части, я доложил о своем самовольном распоряжении генералу Ломновскому, который меня вполне одобрил, и когда пришел выговор главнокомандующего, меня вместе с Брусиловым защитил и не дал в обиду. Каждый день мне приходилось ездить из Брод в Радзивилов пополнять наши растаявшие части.

Во время стоянки нашей в Бродах, пользуясь свободным временем, что части приводили себя в порядок, я посетил три интересных места в окрестностях Брод: раз ездил с Брусиловым в Новый Почаев (в 30 м. к востоку), где никогда раньше не был — очень красивое место на большой горе откуда видна, как на ладони зарубежная Галиция, чудный храм с чудотворным образом Почаевской Божией Матери и редкие древности; другой раз ездил в знаменитый старинный замок Подгорце (в 20 в. к западу), где жили польские короли и хранится до сих пор в большом порядке масса древностей; третий раз (в 400 в. к северу) посетил знаменитое Берестечко, где происходил бой с поляками Богдана Хмельницкого и где до сих пор сохранились казачьи могилы.

Помню, проходил через Броды 9-ый стрелковый полк, стоявший в мирное время в Жмеринке, со своим новым командиром полка полк. Ткаченко, который потом проворонил свой полк, оставшись один с несколькими офицерами на правом берегу Зап. Двины, а почти весь полк погиб на левом берегу. Большинство офицеров я знал еще в мирное время, когда бывал у них в собрании или когда офицеры приезжали ко мне на охоту в деревню.

15/28 августа австрийские армии также начали вновь свое продвижение вперед. С берегов Золотой Липы из за Днестра армии Бем-Эрмоли, Ботмера и Пфланцера двинулись на восток, но были задержаны нашими войсками на Стрипе, далее которой уже не переходили. Штаб нашей армии перешел в Ровно в наш штабной поезд, с которым мы расстались год перед тем в начале августа 1914 г. в Богдановцах. Я лично поехал в Ровно через Дубно и Луцк, причем в Дубно проезжал мимо форта, виденного мною в первый раз в конце девяностых годов во времена М. И. Драгомирова, который всегда относился скептически к крепостям и не верил в их оплот. Эта истина и тут повторилась через несколько дней, когда 26 августа/8 сентября было сдано Дубно, и армия Бем-Эрмоли здесь окончательно остановилась до нашего вторичного прорыва в Галицию в 1916 г. За 6 дней перед тем, а именно 20 авг./2 сент. были заняты австрийцами Броды, а еще двумя днями ранее, на другой день, что я заезжал в Луцк. т. е. 18/31 августа, он был занят австрийской армией Пухало. Взятие Луцка и Дубно настолько перепугало Брусилова, что через несколько дней после этого мы бросили Ровно и укатили на ст. Шепетовку.

Пока мы были в Луцке, мне пришлось быть свидетелем отступления жителей Волыни со всем своим движимым имуществом направлявшихся в Россию. Картину эту никогда не забуду. Днем и почью шли подводы одна за другой сплошной линией

в 2-3 ряда, загораживая пути войскам и застопоривая движение. Все, что можно только было взять нагружалось на подводу: тут были и плуги, и домашняя мебель и запасы зерна и сена. За неимением кормов тут же по дороге продавался скот, ведомый в поводу, исчахлый и еле двигающийся. При мне одна баба продавала такую «тасканскую» корову (от слова тащить) за 10 р. — никто не давал. Тогда она просила 5 р., также не находилось покупателей. Тогда она уже спускала за 3 р., за 2 р., за рубль. И, т. к. никто не давал и рубля, она отвязала эту корову от своей телеги, привязала около дерева на большой дороге и ушла. В другом месте видел я несколько подвод с малолетними детьми от 1 года до 3, потерявшими в сутолке отступления своих родителей и подобранных чужими людьми. Подводы эти напоминали фуры, полные арбузов: одни маленькие головки всех цветов от белых до черных торчали из каждой телеги, на каковых их было от 30 до 40 штук на каждой. Куда делись все эти несчастные дети.

В поезде в Шепетовке простояли мы с неделю. За это время Деникин со своей знаменитой 4-ой стрелковой дивизией отобрал назад Луцк, но совместными усилиями двух австрийских армий Бем-Эрмоли и Пухало он был занят неприятелем вторично, который там и продержался до Брусиловского наступления 1916 г.

За время стоянки нашей в Шепетовке мне пришлось объехать несколько новых запасных батальонов, включенных в состав нашей армии и стоявших в нескольких пунктах на Волыни.

Раз принимали мы у себя в вагоне графа и графиню Потоцких (Иосифа) с сыновьями, проживавших временно здесь в своем охотничьем замке. Иосиф Потоцкий мне лично признался, что за охрану своего имения Антонин Староконстантиновского уезда, где у него была богатейшая коллекция всякой старины и дивных вещей, он истратил за год более 1 миллиона рублей денег, нанимая стражу из пленных галичан и этим сохранил свое имущество в неприкосновенности от грабителей и мимо проходящих частей. Не знаю, удалось ли ему сохранить всю эту старину во время революции, т. к. это имение приходилось как раз на границе Польши и Украины и попали-ли туда наши безумные банды, все истреблявшие на своем пути или удалось их избежать.

Несколько дней спустя обедали мы потом с Брусиловым у Иосифа Потоцкого, причем графини уже не было, и были мы в холостой кампании. Из посторонних был один лишь сосед его старый князь Сангушко (лет 80), владелец знаменитого имения Славуты, где делались когда-то известные по всему юго-западу России сукна, из которых делались непромокаемые бурки. В имении его был старый дворец с одним из богатейших архивов истории Польши и Украины. Сам старик Сангушко был совершенно бодрый еще, как физически, так и умственно, со свежими мозгами и отличной памятью, очень благообразный, воспитанный, образованный и интересный собеседник. Мы очень приятно провели с ним этот вечер. Два года спустя пьяная толпа солдат и рабочих вломилась в его дворец, на его глазах изнасиловали его двух племянниц, убили его самого и до тла сожгли всю его старинную обстановку и весь его знаменитый архив.

После взятия Луцка Деникиным, мы опять переехали в Ровно, где и засели на всю зиму вплоть до нового наступления 1916 г.

(Продолжение следует)

Два мира

— Дальше состав не пойдет! — крикнул проходящий мимо моего купэ кондуктор. — Всем слезать!

Дело было в Александрополе, 30 декабря 1917 рода. Я возвращался с Персидского фронта, один, так как по поручению Командира моей 3-ей батареи Кавказского Конно-Горного Артиллерийского Дивизиона должен был задержаться в Персии — улаживать денежные дела Дивизиона, в то время как батарея уехала на Север Кавказа, в Хасавюрт.

Прихватив свой незатейливый багаж, я сошел с поезда. Обветшалый вокзал был пуст и глух. С трудом я отыскал начальника станции, мрачного вида татарина, который ничего утешительного сказать не мог относительно моих шансов добраться до Тифлиса. Движение стало. Составов больше нет. Придут ли новые с севера? — Вряд ли. Слыхать, что турки надвигаются с Вана, а не дожидаясь их, уже пошаливают банды курдов...

Было о чем призадуматься. Офицерский этап Александрополя уже «смотался», продовольствия почти нет, на бумажные деньги — в особенности «керенки» смотрят, как на сор. Оставаться тут — безумие. Но как двигаться дальше?

— Послушайте! — сказал я начальнику станции. — Ведь там, на запасном пути, стоит воинский эшелон, и локомотив его под парами. Почему мне не взобраться туда?

— Не советую, — зловеще ответил татарин. — Совсем не советую. Это — пограничный полк. Совсем красный! Слыхать, своих же офицеров кокнули до последнего. Для вас это эшелон совсем неподходящий, — усмехнулся он, глядя на мои золотые погоны и Мальтийский крест.

Однако, надо было решать — что делать. Шатавшиеся по Александрополю дезертиры и «благодарное» местное население вряд ли бы отнеслось ко мне сердечно. А примкнуть к эшелону... Ну, либо пан, либо пропал! Да и точно ли осведомлен

начальник станции? Был ли искренен его совет? Нет, надо рискнуть...

Накинув бурку, полностью скрывшую погоны, прихватил свой вьючный чемоданчик и, шагая через пути, подошел к эшелону. «Есть ли место?» спрашивал я у каждой «теплушки» (пассажирских вагонов в составе не было), и в одной, действительно, место нашлось. В надвигающихся сумерках моей офицерской формы под буркой не разглядели, да к тому же я был в черной папахе. «Влезай, товарищ» – и несколько дюжих рук мне помогли взобраться в товарный вагон «40 человек или 8 лошадей». Не снимая, разумеется, бурки, я присел в уголке, на курбане. Мною пока что не интересовались: всех занимали грузившиеся в вагон на топливо шпалы, поднятые с одного из развороченных путей. Скоро загудела и железная печурка — «буржуйка»: ярко горели пропитанные креозотом поленья из распиленных и расколотых шпал. Зажглись тусклые вечерние огни. Без свиста и гудка, состав тронулся и, нагнетая скорость, затарахтел в направлении Тифлиса.

***

Ничего тревожного в воздухе не было. Кругом – все те же русские, обожженные солнцем юга лица, серо-бурые шинели, папахи. Слышались веселые ругательства, плыл табачный дым (не махорочный — душистый табак Востока был единственной роскошью Кавказского фронта). И вот, я, убаюканный стуком колес, задремал. Проснулся от нестерпимой кары: печурка-буржуйка раскалилась до-красна. Спросонок, не соображая, что я делаю, я скинул бурку и засиял на весь вагон и золотыми погонами, и пуговицами кителя (свой «Френч» я услал с остальным багажем в Хасавюрт), и Мальтийским крестом... Разговор оборвался. На меня уставились десятки изумленных, недоверчивых глаз. Потом, вдруг, голос: «А вот мы, товарищ-поручик, только сейчас спорили — кто за эсэров, кто за большевиков. А вы, товарищ-офицер, за кого будете?» Все глаза оживились. С любопытством ждали ответа. Стучали колеса. Что «они— сделали со своими собственными бойцами-офицерами? Просто перестреляли, или...? Но все эти мысли промелькнули с невероятной быстротой. Мною овладела и н а я, не моя, В О Л Я, и мне вдруг все стало ясно и просто. Передо мной лежал лишь один путь, и я з н а л заранее, что он и чист, и б е з о п а с е н.

— Как кто — беззаботно, громко кинул я, оглянув всю вперившуюся в меня толпу. — А я — з а Ц а р я!».

И вдруг, одна за другой, стали опускаться к земле вонзившиеся в меня пары глаз... С подступившим к горлу ликованием, я понял что победил, совсем победил, что я — в безопасности!

— А може, г-н поручик и прав — вздохнул кто-то... — Вишь, какой пошел повсюду к а б а к!».

И тут началось что-то поистине русское. почти материнское в своей заботливости:

— Да вы присядьте поближе к огоньку, господин поручик... Чаю бы вам!.. — и вот, у меня в руках дымящаяся кружка, до тошноты наваленная сахаром (и где-то стащили?). В своей радости и своем неведении 20 лет, я полез в свой чемоданчик и достал свято хранившуюся там бутылку коньяку... — подарок французской военной миссии.

— Ух! — предостерегающе ахнул один из солдат, постарше. Но я подлил коньяку в чай окружающих, и все пошло еще более дружелюбно. Только один, хлебнувши больше других, вдруг ударился в слезах.

— Знамо дело, пойдет теперь Ваньку своего поминать... Эх, господин поручик. не следовало этому давать, кишка его насчет выпивки некрепкая.

И действительно, белобрысый, веснущатый парень,, обливаясь слезами, стал причитать по убитом турецкой пулей Ванькой-земляком.

— Вот убили, убили, и зачем убили... Друг он мене был, брат, то-есть такой брат!.. — И, непечатными словами поминал душу Ваньки, бедняга долго еще причитывал, и наконец задремал.

— Пора бы и вам прилечь, господин поручик. Эй, стащите с нар того, что весь день там дрыхнул... — И скоро я спал на соломе нижней койки. Проснулся уже в Тифлисе...

Пришла как будто бы, пора расстаться с моими необычайными попутчиками, но они, помявшись, попросили меня повременить и с ними позавтракать. Тут выдвинулся из их группы раньше мною почти незамеченный, невысокий, с проницательными синими глазами человек и сказал:

— Действительно, не спешите. Позавтракайте с нами, а там надо нам будет поговорить.

После жирной бараньей похлебки, я слез на платформу; за мной последовал и синеглазый. Теперь он был в матросской фуражке, и что я в полумраке вагона принял было за какое-то штатское плтье, оказалось кожаной курткой. Вот оно что!.. Товарищ — флотский в эшелоне пограничников! Мы зашагали рядом по гулкой, досчатой временной платформе. Пройдя молча с полсотни шагов вдоль нескончаемого состава, он вдруг резко остановился и сказал мне голосом мастерового-петербуржца, глядя на меня с какой-то дружеской полуулыбкой:

— Поручик! Вы не трус, вы вчера это доказали. Зачем, однако, вы п р о т и в народа, а не с народом?

— То-есть, как это против народа? — спросил я озадаченно. — Ведь бился я, наравне со всем русским народом, за Россию.

— Нет! — наставительно и веско возразил флотский. — Вы бились за свои привилегии, за все это — он указал на мои погоны и Малтийский крест. — Снимите все это! Бросьте, и — айда, с нами, строить новое, настоящее, живое!

Была в этом невысоком, подвижном человеке какая-то магнетическая сила. Ленточки его флотской фуражки бились в ветерке. Чисто выбритые шеки (и когда это он успел?) отливали синевой, а в черной коже куртки отражалось безоблачное небо Закавказья. Весь он был точно вороненой стали клинок, могущий быть смертельно опасным, но повернутый острием не ко мне, и поэтому — друже-

любный. Нужно было положительно усилие, чтобы стряхнуть с себя его власть...

— Послушайте, — сказал я наконец. — Если бы вчера вечером я назвался, спасая шкуру, большевиком или эс-эром, вы бы мне поверили.

— Нет! — отрезал флотский. — Не поверил бы.

— Ну, вот видите, перебежчиков ведь вам не надо. Лучше — я за свое, вы за свое, и — чья возьмет!

Он посмотрел на меня соболезнующе, склонил, прищурившись, голову на сторону, и сказал вразумительно:

— Да ведь ясно, чья возьмет... Не будьте слепы, поручик. Победа останется за революцией!

Но в эту минуту у меня мелькнула поразившая меня самого мысль, которую я тут же высказал:

— Да если вам ничто не будет противится, то как же вы думаете победить? Кого?

Флотский на секунду-другую задумался, а потом ответил с улыбкой:

— Да вы не по возрасту философ! Пожалуй, вы и правы. Что-ж? Значит, будем биться?

— Значит, так суждено — согласился я.

Но тут, стуча сапожищами по досчатому настилу, пробежал железнодорожник.

— Лезай все в вагоны! Отъезжаем!

Мы с моим странным другом посмотрели друг другу в глаза.

— Ну, до свидания — отчеканил «синий человек». И потом, неожиданно прибавил тихим голосом: — Счастливо вам — и протянул небольшую, твердую руку, которую я крепко пожал. Это было дружеское рукопожатие...

***

Я глядел вслед быстро уменьшающемуся хвостовому вагону состава... Как много было пережито за истекшие сутки, даже меньше! А на душе — не плохо. Почему? Потому-ли, что я в опасную минуту сказал правду? Но тут нечему гордиться, ведь я знал, что этой правдой себя спасаю. Нет, не то. Потому-ли, что я, при совершенно невероятных условиях, встретил ласку, встретил ее в людях, за минуту перед тем готовых меня растерзать? Да, отчасти это, но еще что-то другое, большое, идущее за грани моего крошечного «я», создало в моей душе просвет. Только теперь, спустя полстолетия, я вижу, что меня тогда утешало. Это была не воплощеннос в слова сознание — даже убеждение, что **жив еще русский народ**, и что с такими людьми ОНА не пропадет!

Д. Ю. Перре

Расселение армии по Балканским странам

ген. П. Н. Шатилов

Глава вторая

Еще перед поездкой в Болгарию и Сербию, я поручил моему заместителю, генералу Кусонскому, предпринять шаги через наших военных агентов в Греции, Чехословакии и Венгрии, о принятии этими странами хотя бы части наших контингентов, с условием их постановки на массовые работы. Особенно горячо взялся за это дело наш представитель в Буда-Пеште, полковник ф. Лампе. Однако он сразу столкнулся с тем, что откликнувшиеся на его просьбу венгры постарались использовать вопрос переселения Армии для получения облегчения в выполнении условий Трианонского договора. Если бы, в связи с принятием части Армии им удалось бы достигнуть изменений пунктов договора, то они соглашались на принятие части Армии, без каких-либо возмещений ее содержания. На выполнение этих надежд оснований было мало.

Хлопоты нашего военного агента в Праге, генерала Леонтьева, по началу также не увенчались успехом. Это происходило, главным образом вследствие его необычайной осторожности и малой активности. Однако, месяца через полтора, мы получили возможность предпринять в этом отношении самостоятельные шаги в самом Константинополе, куда прибыла особая комиссия из Праги для приглашения нескольких тысяч беженцев на сельско-хозяйственные работы.

Вопрос о переселении в Грецию возник вследствие заявления командира Кабалджинского лагеря, генерала Фицхелаурова, что к нему поступило официальное предложение от Греческой военной миссии о принятии для внутренней военной службы в Греции около 2-3 тысяч казаков. В результате, дело это вылилось в предложение поставить на службу в пограничную стражу около 4 тысяч человек, примерно на тех же условиях, на каких были приняты наши кавалерийские части на пограничную службу в Югославии.

Не оставляли мы попытки и к отправлению уроженцев Сибири на Дальний Восток. Со времени Меркуловско-Семеновского переворота такая возможность открылась. Желающих было много и не только в районе Константинополя, но даже в Сербии и Болгарии. Однако, материальных возможностей к осуществлению этой перевозки было очень немного. Французы обещали снабдить продовольст-

зием отправляемых на все время пути, но нам необходимо было добиться еще их бесплатного отправления. Наши попытки добиться одного из пароходов Добровольного флота не увенчались успехом, в виду тяжелого финансового положения этого пароходства. Французы же на такую перевозку не имели кредитов. Вот почему, после долгих, но тщетных попыток, мысль об отправлении на Дальний Восток была нами оставлена.

В самом конце апреля, сербский дипломатический представитель в Константинополе, Шапонич, уже получил от своего правительства телеграмму о принятии первой партии наших контингентов на работы. Им это было сейчас же сообщено А. А. Нератову с указанием, что 3.500 человек могут быть немедленно же отправлены через Салоники, и что разрешение об отправке еще 1.500 человек последует в ближайшее время.

К началу мая, от генерала Миллера из Парижа поступило донесение об асигновании послом Бахметевым 400.000 долларов на нужды связанные с перевозкой Армии по Балканским странам. В этом же донесении указывалось, что при асигновании этих денег, Бахметев поставил условием, чтобы деньги эти расходовались через земско-городское объединение, в распоряжении председателя которого, князя Львова, они и должны были поступить.

Мы, конечно, асигнованию денег были бесконечно довольны, но зависимость от того самого «Земгора» представлявшего «серьезные круги русской эмиграции», стремящегося настаивать на распылении Армии, не обещало ничего хорошего. Врангель немедленно же телеграфировал Миллеру о необходимости добиться отмены передачи средств на Армию через князя Львова и избрать для их расходования другие пути. В конце концов было установлено, что деньги поступят в распоряжение дипломатических представителей, о чем, по нашей просьбе, хлопотал генерал Миллер.

В начале мая мы получили, наконец, донесение генерала Вязьмитинова о возможности немедленного же отправления в Болгарию, на Бургас, 1.000 человек, на разные работы.

Перед отправлением частей, у нас происходили с генералом Врангелем совещания, при участии гражданских его помощников, а иногда и членов Русского Совета о времени перехода Штаба, гражданских управлений и Русского Совета, в Сербию или Болгарию. В результате этих совещаний было решено, что большую часть Штаба я переведу теперь же в Сербию. Что же касается гражданских учреждений и Русского Совета, то было решено, что они останутся в Константинополе до тех пор пока там будет находиться Главнокомандующий. Только несколько членов Русского Совета должны были выехать в Сербию и Болгарию и начать там работу для привлечения русской общественности к объединению около Армии и Русского Совета. Полученные мной визы, я распределил между учреждениями, в зависимости от принятого решения.

Сам я должен был стать во главе части Штаба, предназначенной к отправке. При Главнокомандующем оставался во главе других отделов Штаба, генерал Кусонский. Чины Штаба должны были следовать в Сербию на параходе «Керасунд», который должен был зайти за гвардейскими казаками и кубанцами на Лемнос.

22 мая началась, наконец, давно жданная отправка первой части наших войск в Болгарию и Сербию. К этому времени состав Армии достигал следующих цифр: в Константинополе расположился Штаб, Конвой Главнокомандующего и Штабной Ординарческий эскадрон, в составе всего 109 офицеров и 575 солдат и казаков.

В Галлиполи 1-й Армейский Корпус, в составе 9.363 офицеров и 14.698 солдат. Донской корпус, в составе 1.977 офицеров и 5.690 казаков и в Кабадже, бригада генерала Фицхелаурова, в составе 218 офицеров и 1.059 казаков. Всего в Армии состояло 12.833 офицера и 29.816 казаков и солдат. При Армии состояло 2.000 женщин и 459 детей.

В двадцатых числах мая 1921 г. было получено разрешение Сербского правительства об отправке еще полторы тысячи человек на работы по сбору военной добычи, оставленной болгарами и немцами на Салоникском фронте. Таким образом первая партия должна была следовать в Сербию уже в составе 5.000 человек, а не 3.500.

За исключением 400 человек Конвоя Главнокомандующего, все эти 5.000 должны были, по приказанию ген. Врангеля, грузиться с Лемноса. Для этого были предназначены Гвардейские казаки (л.-гв. Казачий дивизион и л.-гв. Атаманский), Кубанская дивизия и Донской Технический полк. Кубанская дивизия была составлена из всех частей Кубанского корпуса. К сведению частей мы приступили для сокращения неизбежных расходов по содержанию командного состава, а также вследствии незначительного состава самих частей, что явилось следствием выхода из них казаков, убывших в Совдепию, в Грецию и записавшихся в Бразилию. Кубанская дивизия была составлена из трех полков и Кубанского Гвардейского Дивизиона (бывший Конвой Его Величества). К ней был прикомандирован Донской Технический полк.

Гвардейские казаки и Конвой Главнокомандующего составляли особый Гвардейский казачий отряд, во главе которого был поставлен полковник Упорников. Для командования Кубанской казачей дивизией был назначен генерал Фостиков. После погрузки кубанцев на Ломносе, осталось еще около 1.000 офицеров и казаков и Алексеевское Военное Училище, перешедшие в непосредственное подчинение генералу Абрамову.

Для перевозки были назначены французами «Керасунд» и «Решид-Паша». 28 мая, из Константинополя на Лемнос вышел пароход «Решид-Паша». На него накануне был погружен Конвой Главнокомандующего. 2 июня отошел «Керасунд», на который погрузились назначенные к отправке в Сербию части моего Штаба. Перед посадкой Конвоя, французы потребовали его разоружения. Дабы избежать

новых осложнений, я приказал полковнику Упорнику сдать им неисправное оружие, а остальное перегрузить на Решид-Пашу, укрыто от французов ([1]).

Это и было сделано и прошло без всяких осложнений. Конечно, французы отлично знали, что оружие везется с собой, но французские офицеры делали вид, что не замечают наших винтовок и пулеметов.

29 мая вечером «Решид-Паша» вышел в Мудросский залив и 30 числа приступил к погрузке. На него погрузились Донской технический полк и часть кубанцев. 31 мая «Решид-Паша» вышел в Салоники, куда прибыл к вечеру того же дня. «Керасунд» подошел к Лемносу 3 июня и приступил к погрузке Гвардейских казаков и другой части кубанцев.

Но не обошлось все же без инцидентов. Очень нехорошее впечатление произвело на греков прибытие наших частей на пароходах под турецким флагом, в то время как греки находились с турками в войне.

Когда «Решид-Паша» подошел к пристани, то немедленно же к месту выгрузки были подведены греческие войска, дабы изолировать наши части от города. Становясь кругом выгружавшихся, греки зарядили винтовки. Положение создавалось несколько напряженное, впрочем скоро все успокоилось, чему способствовало то, что трубачи Конвоя сыграли греческий гимн и что наши салютовали грекам.

При отправлении наших частей с «Керасундом» выяснилось, что на обоих пароходах находилось не 5.000 человек, а 5.300. Генерал Шарпи дал категорическое приказание с пароходов больше 5.000 человек на берег в Салониках не спускать. Генерал Врангель телеграфировал тогда в Париж генералу Миллеру о необходимости давления из центра на местных властей, дабы они не мешали бы нам в нашей работе по расселению Армии. Результат переговоров был для нас вполне удовлетворительным, т. к. ген. Миллер получил заверение, что ген. Шарпи будет указано из Парижа о необходимости все вопросы о расселении, предоставить ген. Врангелю.

Новая моя поездка на Балканы и в Париж

Имея уже определенные данные об ассигновании 400.000 долларов Бахметьевым, я вновь, по желанию ген. Врангеля отправился в Болгарию. Болгария уже приняла 2.000 казаков на работы и теперь надо было добиваться принятия новых контингентов с содержанием их на наш счет. С другой стороны надо было договориться с болгарскими и сербскими властями о тех условиях в отношении административного устройства и сохранения нашей организации, в каких будут находиться прибывшие наши части.

Тут необходимо остановиться на тех сотрудниках, которые должны были придти мне на помощь.

Наш посланник Петряев не принадлежал к дипломатическому корпусу, а состоял до революции консулом. Но, несмотря на это, он завоевал себе исключительное положение, как среди дипломатов других стран, так и среди болгарских властей.

Человек это был общительный, очень умный и большой знаток болгарской психологии. Хорошо расценивал политическое положение Болгарии, находившейся в то время под управлением Земледельческой партии, склонной к уклону налево. Армия во многом ему обязана в отношении своего приема Болгарией. Но он не раз предупреждал меня, что со стороны Стамболийского можно ожидать всяких сдвигов и советовал не очень доверять его заявлениям. В вопросе приема наших контингентов Болгарией, имели значение многие побуждения.

Во первых, не смотря на то, что Болгария участвовала в войне против союзников и даже имела две дивизии против нас на румынском фронте, в болгарском народе сохранились исключительные симпатии к России. Во вторых, Болгария искала в то время сближения с Сербией и хотела повторить ее жест по отношению к нам. В третьих, она хотела быть приятной Франции, облегчая вывод от забот ее по содержанию наших контингентов в лагерях проливов. Наконец, при ее затруднительном финансовом положении, она рада была получить иностранную валюту на содержание наших контингентов, обменивая ее на обесцененные левы. Все это и использовали мы с Петряевым для того, чтобы добиться приема наших частей.

Другим моим сотрудником был наш военный агент генерал Вязьмитинов. Он долгое время был в штабе генерала Деникина. Это был глубоко образованный человек. Очень спокойный, крайне симпатичный, он сумел установить близкие отношения с начальником штаба болгарской Армии, полковником Топилджиковым, бывшим слушателем нашей Академии Генерального Штаба. Сотрудничество генерала Вязьмитинова было мне необычайно полезно. Он быстро освоился с болгарским языком, что не мало способствовало ускорению всяких сношений.

Прибыв в Софию, я немедленно же приступил к шагам по получению согласия на принятие наших контингентов в дополнение к принятой уже бригады генерала Гусельщикова. Я просил принять дополнительные контингенты, с обещанием содержания их на наш счет, причем сообщил об ассигновании для этого, через Петряева, 300.000 долларов.

Но в это время в Болгарии был правительствен-

([1]) Союзники считали, что присутствие на занятой ими территории русской вооруженной силы, противно международным правилам об интернировании и разоружении. Ген. Врангель же опасался, что разоружение поставило бы войска в полную зависимость от союзников и решительно отказывался. Когда же выяснилась возможность перевода на Балканы, союзники требовали эвакуации в первую очередь Галлиполийского гарнизона, как расположенного вблизи Константинополя. Ген. Врангель хотел сохранить этот козырь в своих руках до конца. Поэтому между двумя сторонами начались столкновения, принявшие по временам очень острый характер.

ный кризис и мое ходатайство не могло быть рассмотрено. Кризис затягивался.

Оставалось действовать в королевстве С.Х.С., куда я и отправился.

Перед отъездом я посетил французского посланника в Болгарии Жоржа Пико, который обещал употребить все свое влияние, чтобы добиться от Стамболийского принятие новых контингентов нашей Армии.

Дальнейшие переговоры должны были вестись в Болгарии генералом Вязьмитиновым, которому я дал указания на каких основаниях он должен добиваться от Военного Министерства организации управления бригады ген. Гусельщикова.

14 июня состоялось соглашение по этому вопросу, по которому бригада сохраняла свою внутреннюю воинскую организацию. Командный состав сохранял оружие, все имели право носить военную форму, сохранены дисциплинарная власть начальников и суд чести. Это соглашение вылилось в виде официального письма полк. Тополжикова.

Сохранением в Болгарии нашей организации мы всецело обязаны Тополжикову. Он проявил себя истинным, в то время, нашим другом и взял на себя это решение, не проводя его через Совет Министров.

В Белград я приехал в начале июля и тотчас же вошел в связь с нашим посланником Штрандтманом и Военным Агентом генералом Потоцким. К этому времени вопрос о принятии новых частей не сдвинулся с места. Получить вновь прием у Председателя Совета Министров Пашича было очень трудно и Штрандтману и мне приходилось ограничиваться письмами, на которые долго не поступало ответов.

Что касается содействия посланника и военного агента, их положение было более слабое чем положение Петряева и Вязьмитинова.

Штрандтман усвоил все положительные и отрицательные качества дипломатов до военного времени. Осторожность его была часто ненужной и только тормозившей наше дело, но он безусловно стремился использовать все свои связи, чтобы добиться осуществления наших домоганий. Он был участником на сербской службе войны, что ему много способствовало в отношениях с представителями власти.

Потоцкий, по своим качествам, далеко уступал Вязьмитинову. Правда он проявил много энергии, но возможности его были довольно ограничены.

Подавши новую записку Пашичу, я поехал в Сремски Карловцы, куда уже прибыла часть моего штаба. Во главе ее находился генерал Архангельский, бывший дежурный генерал у ген. Деникина, а затем и у ген. Врангеля в Крыму.

В Штаб приехал отдохнуть и повидаться со своей матерью и женой, которые прибыли туда из Константинополя. Оттуда я вел сношения с ген. Миллером, представителем Врангеля в Париже, по вопросу об ассигнованиях на Армию. Одновременно я старался подтолкнуть дело о принятии наших частей на службу в пограничную стражу королевства, для чего много раз ездил в Белград.

Уже 19 июня этот вопрос стал продвигаться в Военном Министерстве, во главе которого оказался в то время верный друг России, генерал Хаджич, участник Великой Войны на русском фронте, где он командовал формированиями из пленных сербов и хорватов.

(Продолжение следует)

Русский отдел в музее Инвалидов в Париже

После окончания Великой войны, в музее Инвалидов (исторический музей Французской армии) был открыт зал посвященный союзным по войне армиям. В нем были представлены отдельными витринами все союзники. Не только англичане, бельгийцы, сербы и американцы, но и греки, португальцы, румыны, поляки и чехословаки. Отсутствовала только... Россия.

Было это следствием Брест-Литовского «предательства», за которое французы заплатили 300.000 убитыми и которое было тогда у всех в памяти.

Конечно все это было несправедливо. Брестское действо не могло сделать бывшее небывшим. А прошлое напоминало, что в первые три года войны Россия была верным союзником и часто выручала своих соратников, не считая своих жертв. Нельзя было и забыть, что Россия удерживала на своем фронте половину всех вооруженных сил врага и что на алтарь общей победы она принесла в жертву 2.500.000 своих лучших сынов.

Так продолжалось до 1953 г.

Зарождению русского отдела предшествовал курьезный случай. В одном из своих больших романов, один писатель рассказывал, что один из старых русских офицеров, создавший в Париже маленький музей своего полка, обратился к директору музея Инвалидов с просьбой принять его на хранение и... получил отказ.

Пишущий эти строки, обратился тогда к генералу Блан, директору музея с вопросом соответствует ли этот эпизод действительности. Генерал отвечал, что он не только никогда не слышал о подобном случае, но сам уже давно думает, как поправить несправедливость совершенную после первой мировой войны. Генерал Блан полагал, что Русская Армия должна быть широко представлена в зале со-

юзников и не только по своему участию в войне, но и всем своим историческим прошлым.

Это благородное решение сразу встретило горячий отклик в среде русских эмигрантов. Бойцы состарились и дальнейшая судьба всех спасенных ими раликвий их справедливо беспокоила. В предложения генерала Блана они видели решение вопроса, который их волновал.

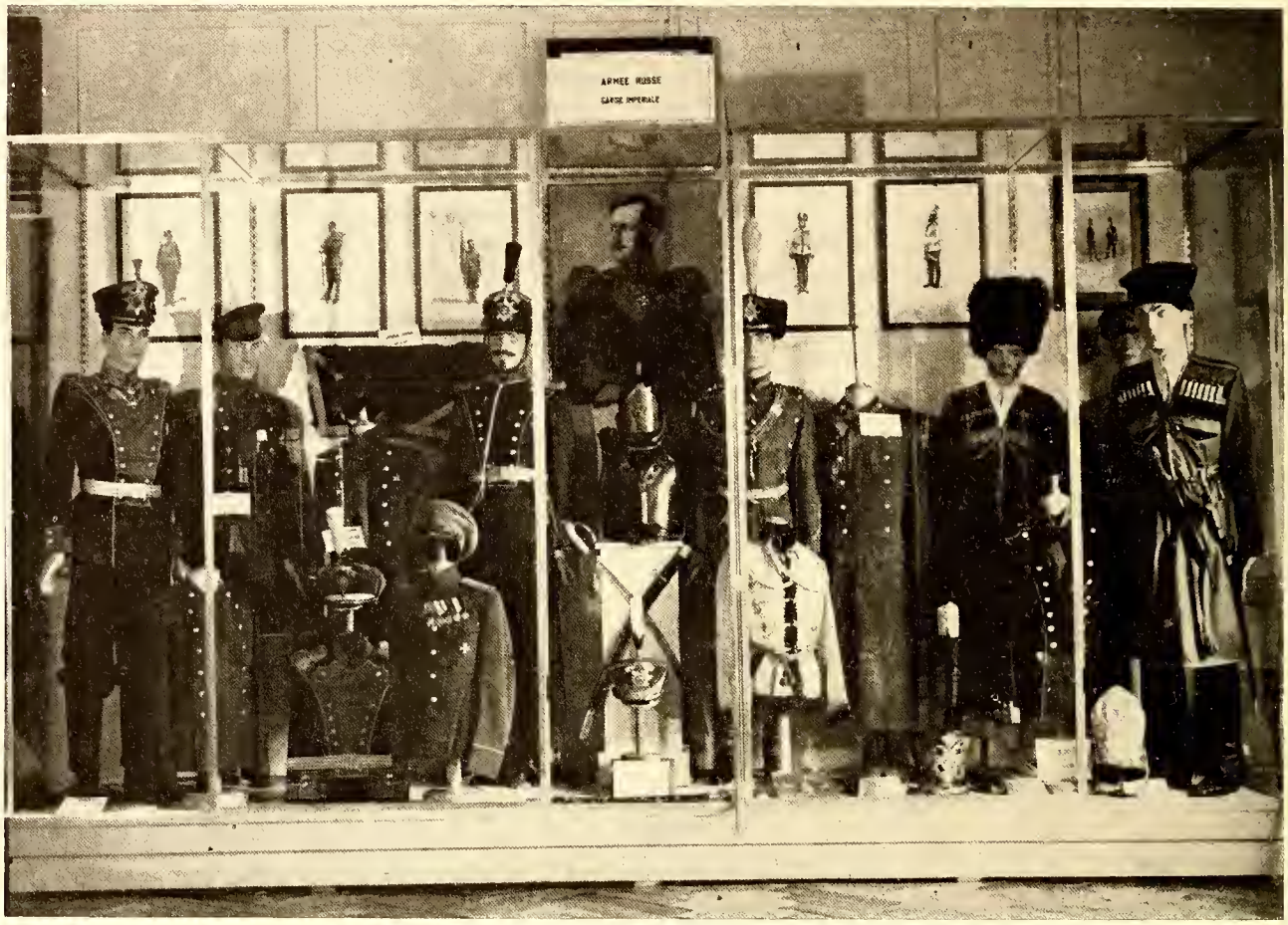
Со всех сторон потекли в музей и временные и постоянные вклады. В самое короткое время музей Инвалидов собрал большое и богатое собрание предметов напоминаюших старую Русскую Армию, которое теперь соперничает с русской коллекцией королевского музея в Брюсселе.

В несколько месяцев русский отдел заполнил более половины зала союзников. 11 больших зеркальных стенных витрин и 4 настольных приобретены музеем для размещения русских реликвий.

Обилие притекающих вкладов позволило создать отдельные витрины, посвященные определенным воинским частям.

Так появились витрины л.-гв. Преображенского полка, этого патриарха войск российских, первого полка конницы, Кавалергардского Ее Величества Императрицы Марии Федоровны, Улан Ее Величества, Лейб-Казаков, первой русской военной школы Пажеского Е.И.В. корпуса.

Некоторые частные вклады, по своему значению, позволили также посвятить им особые витрины. Так было с предметами переданными Великой Княгиней Еленой Владимировной и с вещами генерала Половцова, командовавшего в 1917 г. войсками Петроградского Военного округа.



1. Витрина посвященная Императорской Гвардии.

Огромная витрина занимает в глубине зала целую стену, она посвящена Императорской Гвардии. Армейская пехота и кавалерия, а также Флот располагают собственными витринами.

В полную форму был одет 41 манекен. Не трудно понять всю сложность этой операции. На этих манекенах пришлось собрать большое количество предметов обмундирования ,снаряжения и вооружения, добытых из разных источников.

Но рассмотрим более подробно все эти богатства:

Как мы уже отметили, глубина зала занята витриной посвященной Императорской Гвардии. С лева на право, в ней выставлены полные манекены мундиры, кителя, кивера и фуражки, трех полков, кото-

ые с Преображенским составляли 1-ю гвардейскую хотную дивизию, т. е. Семеновского, Измайловского и Егерского.

В центре, под большим портретом Императора иколая Павловича, черная кираса и кирасирская аска 1812 г., а также кивер л.-гв. Семеновского олка и Георгиевское оружие генерала Эттера, который командовал полком в 1914-м году.

На право, воспоминания гвардейской кавалерии. Манекен офицера л.-гв. Гусарского полка в том доломане. Перед ним — белый ментик н. чина того же полка, и офицерская ташка. Первая ташка была вышита собственноручно Императрицей Екатериной II, которая не успела закончить вышивку. С тех пор, до 1914 г. офицеры носили ташки с незаконченной вышивкой.

Ярко алый кивер трубача полка 1840 г. был передан в музей Князем Гавриилом Константиновичем. Художественно отделанный кусок древка от штандарта — С. С. Сомовым.

Г. Ропп отдал в музей много вещей, принадлежавших его отцу, генералу Роппу. Они позволили пополнить несколько манекенов. Но серое генеральское пальто с красными отворотами, напоминает одной генералу л.-гв. Конногренадерский полк.

Два манекена одеты в черкески Собственного Его Величества Конвоя. Синяя — повседневная и алая — парадная. Для того, чтобы пополнить один из этих манекенов, А. П. Тучков расстался с особенной ценной для него реликвией, кавказским поясом, обагренным кровью его брата, павшего смертью храбрых в 1918 г. В войне 1812 г. приняли участие три брата, генерала Тучковых. Два были убиты и третий тяжело ранен.

Только один предмет напоминает 2-ю гв. пех. дивизию, гренадерка л.-гв. Павловского полка. По особому указу Императора Александра I-го, после кампании 1807 г. этот полк сохранил свои гренадерки в том виде в каком они тогда находились: 1 были простреляны 3-мя пулями, 179 — 2-мя и 22 — одной.

Унтер-офицерский мундир л.-гв. Волынского полка, присланный из Лондона Е. С. Молло, представляет 3-ю гв. пех. дивизию, стоявшую в Варшаве.

Под прямым углом по отношению к этой витрине и вдоль стены с окнами в сад, следуют пять витрин:

Пажеский Е. И. В. Корпус. На фоне Великокняжеского штандарта, собраны 4 манекена: офицер постоянного состава, в полной парадной форме, камер-паж в придворной форме и два пажа в повседневной форме.

Два мундира, выставленные в центре, привлекают внимание. Один из них, с голубым лацканом, л.-гв. 3-го Финского стрелкового батальона, принадлежал Императору Александру II-му. На нем погоны Государя с вензелем Императора Николая Павловича и двумя скрещенными фельдмаршалскими жезлами, Другой, с красным лацканом, принадлежал графу Адлербергу, бывшему 2-м Шефом полка

2. Витрина Пажеского Его Имп. Величества Корпуса.

с 1878 по 1884 г.г. Граф вышел из Пажеского Корпуса в 1818 г. Две шашки, одна из коих была пожалована Императором Александром III-м своему камер-пажу Багговуту и несколько мелких предметов, дополняют витрину. Эта витрина целиком создана С. А. Мещериновым.

Кавалергардский Е. И. В. Гос. Импер. Марии Федоровны полк. В день Аустерлицкого сражения, Наполеон сказал уцелевшим офицерам: «Ваш полк благородно исполнил свой долг». Стоящий налево манекен одет в полную парадную форму дворцового караула. Каска с серебрянным орлом, алый супервестр с Андреевской звездой, лосины и ботфорты. Палаш, который держит офицер, принадлежал князю Юсупову, который долгое время командовал этим блестящим полком. Направо, офицеры, один в походной форме 1890 г., другой в черном сюртуке, переданном бароном Гротгус.

В центре — китель ген. Шипова, командира полка в 1917 г., на который помещены флигель-адъютантский аксельбант и ордена ген. князя Эристова, командовавшего полком с 1915 по 1917 г.г. Каждый из собранных в музее предметов имеет свою историю. Так, например, орден св. Георгия 4-й ст. князя Эристова, который князь получил в 1914 г. за Каушенский бой, принадлежал отцу его супруги, генералу Малама, заслужившего его в кампанию 1877 г.

3. Витрина Кавалергардского полка.

На первом плане витрины: солдатский колет и каска 1840 г. и две кирасы с касками, одна 1914 г., другая 1835 г.

Направо от этой витрины, под стеклом, массивный серебрянный ларец, работа известного Сазикова, поднесенный в 1851 г. Кавалергардами. Шефу полка Императрице Александре Федоровне. В 1899 г. Император Николай II передал этот ларец на хранение в полк, а в 1955 г. Кавалергарды поручили его французскому военному музею.

Л.-гв. Преображенский полк. 4 манекена: офицера в парадной форме и в сюртуке и офицера и солдата в походной форме 1914 г. Пальто и китель. Почти все эти формы были переданы в музей подполковником С. А. Мешериновым. Отметим, что два брата С. А. и один двоюродный его брат, пали смертью храбрых в рядах полка в мировую войну. Справедливость требует сказать, что из всех старых русских офицеров, С. А. Мещеринов, больше всех поработал на составление нашего отдела.

Интересен нагрудный офицерский знак, который носили только офицеры Роты Его Величества. На нем две надписи: «1700 NO 19», данная полку Петром Великим за отличие в несчастном Нарвском сражении, и «1741 NO 25», напоминающая, что эта рота возвела на Престол «Дщерь Петрову», Императрицу Елисавету Петровну. Сапоги офицера в походной форме принадлежали капитану Вуичу, приявшему геройскую смерть в 1919 г. Старший его брат был убит в первом же бою полка в 1914 г. Фуражку офицера в походной форме носил принц А. П. Ольденбургский, командовавший полком с 1870 по 1876 г. и бывший шефом 14-й роты.

Л.-гв. Уланский Ее Величества полк. Почти все экспонаты этой витрины, были доверены музею принцем Наполеоном, теперешним главой Французского Императорского Дома, дядя которого служил на русской службе и командовал полком с 1897 по 1902 г.г.

Две офицерских шапки, одна парадная, с султаном, другая повседневная, лядунка с перевязью, части мундира, на доске (лацкан, абшлага и воротник)' Две накидки, пальто и походная форма ротм. Нарышкина.

Золотая книга полка содержит много надписей, начерченных рукой покойного Государя. Она была передана в музей недавно скончавшимся полковником Гурьевым.

Пятая витрина содержит дары Великой Княгини Елены Владимировны, в большинстве мундиры принадлежавшие ее супругу, принцу Николаю Греческому. Налево повседневная форма 1-го пех. Невского полка, Шефом которого был король Эллинов. Направо форма 3-го драгунского Новороссийского полка, Шефом которого была Великая Княгиня.

Напротив этих пяти витрин, другая серия, то же пяти витрин. С права налево:

Армейская кавалерия: Здесь полностью фонд заграничного полкового музея 5-го гусарского Александрийского Ее Величества полка, кропотливо собранного полк. А. С. Топорковым. Парадный, черный с серебрянным шитьем, доломан этого полка напоминает доломан прусских «гусар смерти».

В 1813 г., в сражении под Кацбахом, Блюхер принял Александрийцев за своих соотечественников и приветствовал их словамиь «Здорово, Гусары Смерти», на что командир полка ему ответствовал: «Довольно, на сегодня, смерти, господин фельдмаршал, наш полк бессмертный». С тех пор, Александрийцев звали «Бессмертными гусарами».

Шапка этого полка носит не российский герб как все другие, а череп. Офицерское пальто, доломан и безкозырка н. чина, походный офицерский китель и цветная фуражка — дополняют это собрание.

В левом углу, два манекена. Офицер в повседневной форме 1878 г. 13-го гусарского Нарвского полка. Доломан принадлежал одному из редких старой армии офицеров евреев, Гинцбургу, произведенному в корнеты лично Императором Александром II-м. За ним стоит офицер 4-го уланского Харьковского полка, в полной парадной форме 191 г. Этот мундир принадлежал полковнику С. С. Бу лацель и был прислан им из Марокко.

В правом углу витрины, походная форма гене

ла Гурко, который в 1916 г. занимал должность чальника штаба Верховного Главнокомандующего. середине: парадный генеральский доломан 8-го сарского Лубенского полка, переданный в музей, реди многих других вещей, Н. Н. Туроверовым. ядом с ним, унтер-офицерский мундир 17-го дра нского Нижегородского полка, отмеченного са ыми высокими боевыми отличиями в Русской рмии и Шефом которого был Государь Импера ор. Мундир этот принесен в дар князем Н. С. Тру цким, также не мало потрудившимся на пользу узея.

На верху, на стеклянной дощечке, два головных бора: каска 1-го лейб-драгунского Московского олка, напоминающая головные уборы введенные армию Потемкиным, и алый кивер, времени Им ератора Николая Павловича, Киевского гусарско полка, шефом которого был герцог Максими ан Лейхтенбергский, сын пасынка Наполеона, ринца Евгения, и супруг Великой Княгини Марии иколаевны.

Между этой и следующей витринами, собраны бразцы русских ружей, 1806, 1812, 1845, 1853, 358, 1865 и 1875 годов.

Армейская пехота. Почти все выставленные ундиры принадлежали жившему в Швейцарии олковнику Бергу, сражавшемуся в 1916-1917 г.г. французском фронте. Тут 4 полных манекена: за, офицеров 3-го Финляндского стрелкового пол , один в темно-зеленом сюртуке, другой, в но ой, введенной в 1913 г. парадной форме. Мундир щитного цвета, с эполетами и малиновым лацка ом. Эта форма только начала вводиться, когда зразилась война.

На лево, офицер в парадной походной форме го Особого полка, сражавшегося на французском ронте. Французский стальной шлем, но с россий ким гербом Шашку, с 1916 г. заменил пехотный ортик.

Рядовой, стоящий рядом, одет во французскую орму Русского Легиона Чести. Сформированный з добровольцев, после разложения русских бригад, начале 1918 г., он доблестно сражался до побе ы, в рядах ударной Марокканской дивизии и, в роткий срок, заслужил два приказа по Армии, что ало ему право на аксельбант цветов ордена фран узского военного креста. Манекен этот составлен ап. Васильевым, одним из бойцов этого Легиона, ласшего честь русского солдата.

Три головных убора поставлены на стеклянную ощечку: гренадерка 1792 г. Ярославского мушке ерского полка, кивер Несвижских гренадер, знак гличия которого напоминает штурм Варшавы в 831 г. «сынами храброго Барклая» и пехотная кас а времен обороны Севастополя.

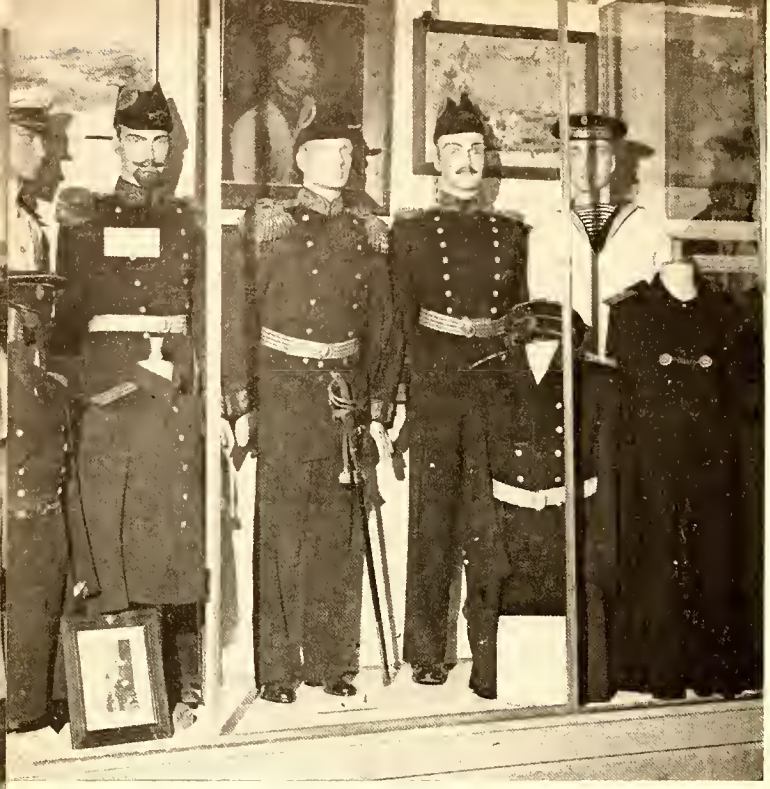
В центре, между манекенами, шинель 4-го Осо ого полка, которую носил на фронте капитан Лю имов. Весь первый ряд витрины занят разными ехотными кителями, мундиром и сюртуком. На итрину поставлены два русских барабана, времен мператоров Николая I-го и Александра II-го.

В следующей витрине собраны вещи принесенные в дар генералом П. А. Половцевым. Полная парадная и повседневная формы Генерального штаба, пальто, шинель и казачья бурка.

В этой витрине находился также манекен одетый в черкесску Татарского конного полка Дикой Дивизии, которым командовал ген. Половцов. За блестящую конную атаку во главе полка, генерал был пожалован орденом св. Георгия 4-й ст. На манекене, кавказская шашка поднесенная полком своему командиру. Ее клинок относится к временам Крестовых походов. В настоящее время этот манекен представляет русскую армию в новом зале музея посвященном войне 1914-18 г.г.

Четвертая витрина посвящена Российскому Флоту. Она составлена хлопотами кап. 1 р. Дмитриева, бывшего военно-морским агентом в Париже, а также дарами детей принца Георга Греческого. Принц Георг, двоюродный брат Государя, спас его жизнь во время путешествия в Японию. Его мундиры позволили одеть три манекена в парадных фомах обер-офицера, штаб-офицера и адмирала. Два манекена даны кап. 1 р. Дмитриевым: офицер в летней форме и матрос Черноморского флота.

4. Витрина армейской кавалерии



5. Витрина Российского Флота.

Последняя витрина, пополнена экспонатами представленными музеем **л.-гв. Казачьего полка** в Курбевуа. Полк всегда стоял в Петербурге. После октябрьской революции, все казачьи полки вернулись на родину. Музей, собственность г. г. офицеров, тщательно упакованный, был перевезен в Новочеркасск. Переформированный полк проделал всю гражданскую войну и, во время эвакуации 1921 г., вывез музей с собой. Часть полковых вещей была поручена на хранение в Брюссельский музей. Узнав о создании русского отдела при Инвалидах, генерал Оприц согласился на то, чтобы и Лейб-Казаки были представлены в этом музее.

Налево два манекена, один казака 1880 г. в алом мундире, другой — офицера 1900 г., в синем сюртуке. На право офицер в полной парадной форме 1914 г. алый мундир, синие чакчары с двойным лампасом, меховая шапка с алым шлыком и белым султаном. Рядом с ним, офицер в походной форме 1915 г.

В центре витрины синий повседневный офицерский мундир. Отметим, что и на синем и на алом мундирах фигурирует серебрянное полковое шитье, установленное в 1913 г. Фон витрины, как и всех других витрин, покрыт литографиями, картинами и фотографиями. Внизу лежит полковой вальтрап, алый с белым галуном и выставлен экземпляр полковой истории, работы генерала Хрещатицкого. В конце войны, генерал командовал корпусом. Он принял участие в гражданской войне. Очутившись в эмиграции, генерал Хрещатицкий поступил простым солдатом в Иностранный Легион и окончил свою вторую «карьеру» в чине лейтенанта, командиром черкесского эскадрона в Сирии.

Четыре настольных витрины установлены в середине зала. Они полны. Тут и лядунки, и эполеты, и ташки, и ордена, и медали, и полковые знаки, ит. д. и т. д. Среди всего этого, шпага Петра Великого, принесенная в дар принцем Павлом Югославским (теперь ей посвящена особая витрина в зале XVIII-го века) шпага Кутузова, все высшие российские ордена и среди них цепь ордена св. Андрея Первозванного, пожалованные принцу Людовику Наполеону при принятии его на русскую службу, козырек от фуражки бывшей на Императоре Александре II-м в день его убийства, дорожный письменный несессер Императора Николая Павловича и многое другое.

При входе в русский отдел, внимание привлекает импозантная конная фигура, как бы приветствующая посетителей. Это офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка в полной парадной форме. Стоявший в Варшаве, полк соединял в своей форме национальные польские цвета, зеленый и малиновый. Его последним шефом была Императрица Германская, королева Прусская. Мундир был передан в музей полковником Панчулидзевым, одевшим его в последний раз на бракосочетании королевы Нидерландов Жулианы.

Все собранное в русском отделе производит волнующее впечатление. В памяти встают образы ушедших уже в лучший мир наших жертвователей. Можно утверждать, не преувеличивая, что последние их часы были скрашены сознанием, что все, спасенные с таким трудом, реликвии, отныне застрахованы от забвения и от распыления.

Музей Инвалидов пользуется мировой известностью: его ежедневно посещают сотни туристов, всех наций и стран. В деле просвещения, темных увы в русских делах, западных мозгов, его русский отдел играет большую роль. Недавно один руссофил американец, в своем, получившем большое распространение труде, написал, что в 1914 г. русская армия более походила на азиатскую орду, чем на регулярную европейскую армию!

Мы уверены, что после обозрения наших витрин, такие мнения должны рассеиваться.

Отдел настоятельно требует поддержки. Его надо посещать, совершать паломничества к этому памятнику войск российских. Надо чтобы дирекция музея чувствовала, что этот отдел и любят и ценят. Да позволено будет нам сказать, что, в последние дни, музей принес жертвы для сохранения русского отдела в неприкосновенности. Не достоин ли он за это признательности ото всех тех, кому дорого русское военное прошлое?

Все обладающие еще какими-нибудь военными предметами и обеспокоенные их будущим, могут обращаться к автору этой статьи.

С. Андоленко

Клише любезно предоставлены редакцией журнала «Revue de la Société des amis du Musée de l'Armée».

1. Сообщение Суворова о последних боях в Швейцарии. 61 34

«Сообщение пометить от 22 октября 1799 г.

Главная Квартира в Гларисе
2 октября 1799 г.

Мы находимся в Гларисе с 1 октября, где мы опрокинули неприятеля за Моллис и Нефельс и взяли более 400 пленных, 2 пушки и одно знамя. Неприятель потерял более тысячи человек как убитыми так и ранеными. В тот же день корпус генерал-от-инфантерии Розенберга, зная, что неприятель подходил от Швица, оставался в тот день около Муттена и был атакован самим Массеной, по слухам с 10.000 человек. Неприятель, который подошел к Муттену на 1/4 мили, был атакован находившимся там корпусом с такой стремительностью, опрокинут и преследуем до Швица, что у него было взято более 1.000 пленных, среди которых находятся генерал Ля Кур, два полковника или начальника полубригад и 10 офицеров. Он потерял около 5.000 человек ранеными и убитыми, среди которых находится генерал Лагурье, и 5 пушек.

Сегодня неприятель остается в полном бездействии около В. . . . . а также около Швица, где он занял позицию за Швицом. 3 октября весь императорский российский корпус выступает на Хур.

Подписано: Суворов Фельдмаршал

2. Предписание Суворова Линкену 64 36

«Копия
г. Фельдмаршалу-Лейтенанту барону
фон-Линкену

Гларис 2 октября 1799 г.

Так как теперь, при настоящих обстоятельствах, вся Русская Армия, прибывшая из Италии, в числе около 20.000 пехоты и 6.000 кавалерии, выступает из Гларса на Хур, в Гризонах, от Вас, Милостивый Государь, требуется устроить там всеми доступными вам средствами склады продовольствия, дабы часть обозов, которая прибудет в Хур уже 6-го, а 7-го вся армия, могли бы найти там пропитание не менее чем на два дня.

Вы сами, Милостивый Государь, будете убеждены в необходимости подобной предосторожности. Уверен, что Вы обратите свое внимание и приложите все необходимые усилия, чтобы в обстоятельствах столь важных не оставить нас без припасов, в том краю, в котором, я знаю, Ваши деятельность и добрая воля могут преодолеть все препятствия.

Подписано: кн. Италийский, гр. А. Суворов

3. «Копия письма Фельдмаршала Суворова генералу Корсакову».

Возмещением потери Констанса я обязан добротам Е.И.В. Эрцгерцога Карла и так как для нас чрезвычайно важно, чтобы ваш корпус и корпус принца Конде сохранили бы прежние свои позиции и возможность перейти на левый берег Рейна для соединения с нами, настоятельно рекомендую вам крайнею бдительность и возможно повышенную деятельность, а также следовать с точностью и пунктуальностью мыслям, которые Е.И.В. угодно будет вам сообщить относительно вашей позиции и будущего наступления.

Е.И.В. будет добр передать вам офицеров своего штбаа, которые поведут ваши колонны.
Бабзере
сего 11 октября (1).

4. НАГРАДЫ И ЛЬГОТЫ ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫЕ В 1814-м ГОДУ

Параграф 19.

«На последок в главнейшем и почти всецелом числе верноподданных НАМ народов к сожалению находим МЫ некоторое, но к утешению весьма малое число заблудших людей, из которых иные от страха и угроз неприятельских, иные от соблазна и обольщений, иные же от развратных нравов и худости сердца, забыв священный долг любви к Отечеству и вообще к добродетели, пристали к неправой Богу и людям ненавистной стороне элонамеренного врага; сих по мере вины их правосудие долженствовало бы наказать; но МЫ, при толь благополучном и радостном всего света торжестве, уступая гласу вопиющего в НАС милосердия, Даруем им без всякого изъятия ВСЕОБЩЕЕ ПРОЩЕНИЕ, в следствие которого Повелеваем во всем пространстве области НАШЕЙ всех по сим обстоятельствам взятых, сосланных, или иным каким образом задержанных, освободить; також имения их или имущества их, по сему случаю конфискованные или иным каким образом под надзор взятые и по сие время удерживаемые, по прежнему владельцам их возвратить, и все следствия над ними пресечь, и никаких притязаний к ним не делать; словом, поставить их в то состояние, в каком находились они прежде, до впадения в сию вину, которую МЫ Всемилостивейше прощаем и предаем забвению в надежде, что сие препобеждение милосердия НАШЕГО над правосудием приведет их в полезное для них раскаяние, и что они впредь безпорочностью жизни своей изгладят из памяти людской те свои поступки, ко-

(1) — Эти три документа находятся в архивах замка Шантильи.

торые лишили их драгоценнейшего для человека преимущества, уважения благомыслящих людей.

Дан в Санктпетербурге в 30 день Августа месяца в лето от Рождества Христова 1814-е, Царствования же НАШЕГО в четыренадесятое.

На подлинном подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: АЛЕКСАНДР».

5. ЕЩЕ ОБ «НЕОБЫКНОВЕННОМ НАКАЗАНИИ»

В № 37 «В.-И. В.» на странице 31 мы поместили фотографию указа о прибивании к висилице имени ассессора Дрозда-Боначевского, назвав его «необыкновенным наказанием», отнеся его к «чудачествам» Императора Павла.

С тех пор, в «Воинском Наказе» Петра Великого, мы нашли следующую главу:

«глава 129. Кто к неприятелю перебежит или отъедет, того имя на висилице прибить и он, аки изменник и вольная птица, всякому ко убиению и похищению осужден и, где пойман будет, безо всякой милости повешен быть имеет».

Таким образом, то, что мы назвали «необыкновенным наказанием», прямо соответствовало артикулам законодателя Русской Армии, Императора Петра.

Справедливость требует прибавить, что Дрозд-Боначевский был оклеветан. Высочайшим Указом данным Сенату 19 марта 1801 г. он был восстановлен в дворянстве и чинах.

КАРТИНЫ ПРОШЛОГО:

1912 г. Красное Село. Перед Государем Императором проходит л.-гв. Московский полк.

1913 г. Генерал Жоффр в России.
Рядом с ним Государь Император и В. Кн. Николай Николаевич

1915 г. Ставка Верховного Главнокомандующего.

Государь Император
и генералы Алексеев и Пустовойтенко.

1916 г. В. Кн. Михаил Александрович в австрийских окопах у Порхова, взятых конной атакой полками его 2-го кавалерийского корпуса.

Генерал Юденич,
Главнокомандующий Кавказской Армией.

В. Кн. Николай Николаевич.

1916 г. Турецкие знамена, взятые на штурме Эрзерума.

(Клише любезно предоставлены «Revue Historique de l'Armée»)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

№ 40

НОЯБРЬ **1972** год

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления. От Редакции 2
Мукден. — **А. Волков** 3
Скачки. — **С. Булацель** 5
Записки графа Д. Ф. Гейдена (продолжение) 6
Тетерев. — **В. Е. Скальский** 14
Бой на перевале Шейхин-Геруси. — **Д. Ю. Перре** 15
Судьба. — **А. Макарович** 17
Расселение Армии по Балканским странам. — **Ген. П. Н. Шатилов** (продолжение) 19
Александр Осипович Орловский 27
Документы: 27
1. Выписка из воспоминаний Бэллера.
2. Письмо капитана Эрбэ.
3. Полевая книжка ген. В. Н. Данилова.
Картины прошлого 30

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

На правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **С. П. Андоленко**

П а р и ж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление О.Р.Р.В.С. с глубоким прискорбием извещает о кончине 23 сентября 1972 г. одного из основателей Общества: подъесаула л.-гв. Атаманского Е.И.В. Наследника Цасаревича полка

Николая Николаевича ТУРОВЕРОВА,

талантливого поэта и доблестного воина.

Членские взносы (минимум 5 фр. фр.), плату за подписку (10 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд, направлять Вере Аркадьевне Щитковой:

— банковским чеком на имя Madame Stchitkoff ;

— почтовым переводом : Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire, 92600 - Asnières. France. **В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитывает от получателя ;**

— переводом на: Compte Chèques Postaux, nº 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8. Цена номера 5 фр. франков.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на оставшиеся в ограниченном количестве медали Общества, а именно: 1) С.П.Б. (1703-1953) — только серебрянные, 2) Обороны Севастополя (1855-1955), бронз. 3) Полтавы (1709-1959) бронзовые. 4) Отечественной Войны (1812-1962) бронзовые. 5) Орд. св. Георгия (1769-1969) серебрянные. Цены на бронзовые медали: 35 фр. фр., на серебрянные: 120 фр. фр.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 - Paris.

По делам редакции Сергею Павловичу Андоленко: M. Andolenko, 3, rue Villebois-Mareuil. 94300 - Vincennes. France.

Заказы на медали и старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

От Редакции

«СТО КРАТ СВЯЩЕН СОЮЗ МЕЧА И ЛИРЫ»

Общество Р.Р.В.С. выпускает сборник «Сто крат священ союз меча и лиры». В нем представлено, большей частью избранными четверостишиями, более 600 од, поэм, песен и стихов, посвященных России, ее Царям и полководцам, командирам, солдатам, полкам, войнам, походам и боям. Цель его запечатлеть душу русской армии, такой каксй она была «От Петра до Николая».

Сборник издается в формате Вестника, но в художественной обложке, с иллюстрациями и заставками. Весь доход с издания поступит в издательский фонд «Военно-Исторического Вестника». Цена 12 фр. фр. (с пересылкой). Заказы с приложением стоимости можно посылать теперь же по адресу: Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire. 92600 - Asnières. France.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

С большим интересом прочел описание русского отдела военного музея в Париже. Хочу добавить, что в городе Тарб существует международный гусарский музей. В настоящее время в нем выставлен 51 манекен разных государств. Зала посвященная XX-му веку украшена парадной формой командира Изюмских гусар, полковника Н. Н. Мирбаха, павшего смертью храбрых во главе родного полка. Там же выставлены того же полка шинель, рубаха и две фуражки, цветная и защитная. На фоне витрины большой алый флюгер с надписью: «Командир 11 гус. Изюмского полка». Парадная форма очень теряет тем, что при ней нет ни султана на шапке, ни перевязи с лядункой, ни гусарского пояса. Все мои попытки достать их не увенчались успехом. В этой же витрине находится походная форма 17-го гусарского Черниговского полка. Нам, Изюмцам, несколько грустно, что формы наши так далеко от центра, но мы утешаемся тем, что они украшают Тарбский музей.

К. Розеншильд-Паулин

Да позволено будет нам добавить, что без усилий К. Н. Розеншильд-Паулина, получивший теперь мировую известность Гусарский Музей в Тарбе, не имел бы русской витрины и пожелаем чтобы среди читателей нашего вестника нашлись бы лица имеющие возможность ее пополнить.

Мукден

Мукденское сражение явилось последним значительным актом Русско-Японской войны. Принято говорить о этой войне, как о войне неудачной, никчемной, войне на отлете. Прежде всего интересуясь лишь военной стороной дела, надо указать, что наша дальневосточная армия не уступала японской и в этом сражении, происходившем на протяжении более 100 верст, было сосредоточено с нашей стороны свыше 300.000 ч., а на стороне японцев до 270.000.

Ко второму году войны русская дальневосточная армия была увеличена, пополнена и в Манчжурии уже находилось до 1/3 всех вооруженных сил страны. Не надо забывать также, хорошо известных всем высоких качеств нашего русского солдата: сознание долга, жертвенность, храбрость и выносливость, с которыми на протяжении столетий наша армия творила чудеса. И вдруг в японской войне сплошная неудача, сплошное отступление.

Говорится «история армии — есть история военачальников». Начальник, обладающий широтой военного взгляда, зоркий, способный быстро оценивать обстановку, активный и упорный, обладающий волей к победе и умеющий дерзать, не мог бы допустить этих результатов.

Заветы Суворова были в корне забыты в этой войне. Так же не учитывался и духовный, моральный элемент в бою. По Наполеону: 3/4 успеха зависит от сил моральных и лишь 1/4 от сил материальных. Все говорит за то, что главнокомандование на японской войне было не на высоте и не на месте *). Разбирая Мукденское сражение мы в этом убеждаемся. Главнокомандующий Манчжурскими войсками ген. Куропаткин отличался и большим «терпением» и дождался желаемого сосредоточения огромных по тому времени русских сил на театре войны.

Но не учел он, во-первых постепенного снижения морального состояния войск в длительном ожидании, в последовательном отходе с позиции на позицию и в постоянных изнуряющих перебросках; а так же другой данной, вытекавшей из военной неготовности крепости Порт-Артур. Предоставленная себе, эта крепость к концу 1904 г. пала. Осаждавшая ее японская армия ген. Ноги (4 1/2 дивизии) получила возможность поспешить на север к армиям маршала Ойямы, чем увеличила японские войска и куропаткинское терпение оказалось не на пользу.

Кроме того, движение армии ген. Ноги осталось скрытым от русской разведки, а японцы усиленно распускали слухи о переброске армии ген. Ноги под Владивосток, почему эти слухи привели к решению ген. Куропаткина отправить на усиление гарнизона Владивостока бригаду пехоты с артиллерией. В тоже время налет смелого кавалерийского отряда японцев на небольшой мост в тылу наших войск и панические слухи об этом происшествии, отвлекли от предстоящего сражения еще 8 баталионов и многочисленную конницу. Равным образом для усиления охраны железной дороги в тылу было задержано из подвозившихся подкреплений до 10.000 штыков. Таким образом в результате этих данных соотношение сил довольно существенно изменилось в лучшую сторону для японцев. Вредная медлительность дала в тоже время возможность захватить японцам важную в военном деле инициативу действий.

При таких условиях началось Мукденское сражение. Наши силы расположенные перед Мукденом состояли из 3-х армий: на правом фланге — 2-я армия ген. Гриппенберга, в центре — 3-я армия ген. барона Каульбарса и на левом фланге, упиравшаяся в горы — 1-я армия ген. Линевича.

Против находились 3 армии японцев маршала Ойямы, которые при своем наступлении с позиций на р. Шахэ, оттянули в тыл значительные резервы.

План русского командования к этому времени заключался в том, чтобы нанести левому флангу японского фронта, который был занят довольно слабо, главный удар правым флангом 2-ой армии (1 Сиб. корпусом с 14 пех. дивизией 8 корпуса) в сторону с. Сандепу. Для этого армия заняла изогнутую линию, протяжением до 40 верст фронтом на Ю. и Ю.-З. По достижении на этом фланге успеха, предполагалось атаковать затем всем фронтом.

Была зима с большими морозами. Реки замерзли, что облегчало маневрирование, но войска до начала операции уже были утомлены не продуманными перебросками.

Атака началась 11 января и 1 Сиб. корпус встретил у с. Хейгоутай упорное сопротивление и занял это селение лишь к вечеру. Эта задержка отразилась на быстроте движения 14 пех. дивизии, находящейся севернее и с. Сандеру не было взято. За ночь японцы подвели резервы. На утро 12-го наступление оказалось более трудным, но все же к вечеру 14 пех. дивизия заняла две дерев-

*) Ген. Куропаткин, будучи отличным администратором и работником на совесть, лично храбрый, о чем свидетельствуют ордена св. Георгия 4 и 3 ст. полученные в молодые годы, в роли главнокомандующего Манчжурских армий, оказался лишенным необходимых качеств начальника, для ведения войск к победе.

ни, которые были приняты за с. Сандепу. Повидимому разведка была не на высоте.

Далее в растоянии полуверсты обозначилось настоящее с. Сандепу с глинобитными стенами, усиленными окопами и искуственными препятствиями, откуда японцы встретили огнем.

Наша артиллерия не ориентированная разведкой бездействовала. Эти две деревни горели, а находившиеся в них части сильно обстреливались японцами, которые накапливались для контратаки.

На утро 13 января, 14 пех. дивизия отошла, предполагая на другой день возобновить атаку; но к этому дню обстановка уже изменилась.

Японцы подвели резервы и стали нажимать на 1 Сиб. корпус, который в течение двух дней мужественно отбивал их атаки.

На 16 января штабом 2 армии уже разрабатывалась новая диспозиция для нового наступления, как вдруг была получена телефонограмма главнокомандующего: — прекратить бой и отойти в исходное положение на правый берег р. Хуньхэ.

Эта безрезультатная попытка охвата левого фланга японского фронта нам обошлась до 12.000 чел. кровавых потерь. Удар во фланг не был доведен до конца и не был поддержан с фронта нашими армиями. Нерешительность главнокомандования дала свои отрицательные последствия и больше усилила дерзания противника.

После всего происшедшего, видя себя стесненным в выполнении порученной ему директивы, командующий 2 армией ген. Гриппенберг, оставил командование армией и уехал в Петербург.

Но ген. Куропаткин несмотря на все происшедшее упорно подготовлял свои армии к повторению удара, не обращая внимание, что дни проходили за днями и обстановка значительно менялась.

Японцы в свою очередь не дремали. Одна из дивизий армии ген. Ноги была направлена маршалом Ойяма на крайний свой правый фланг, где она совместно с другими войсками составила новую 5-ю армию ген. Кавамуры. Остальные дивизии армии ген. Ноги составили уступ за левым японским флангом, прикрываясь со стороны русских кавалерией ген. Акияты.

Захватив инициативу действий в свои руки, японцы решили, следуя германской военной доктрине — атаковать неприятеля по всему фронту с обходом обоих его флангов. Но ввиду того, что на правом фланге в горах действия усложнялись трудностями и медлительностью; начать операцию должна была 5 армия ген. Кавамуры, поддержанная слева 1 армией ген. Куроки.

Такая неодновременность действий, атаковавших вначале лишь левый фланг русских, в данном случае существенно сыграла на руку японцам.

Ген. Куропаткин, видя начавшиеся атаки японцев на свой левый фланг фронта, быстро поддался влиянию действий своего более энергичного противника и легко отказавшись от первоначальных собственных планов, начал стягивать к своему левому флангу резервы, опасаясь чтобы ударом на г. Телин противник не стал на его путях отступления. Это ослабление войск в центре и особенно на правом русском фланге фронта, облегчило задачу ген. Ноги по обходу им правого фланга русских.

К 7 февраля наступление ген. Кавамуры выяснилось окончательно, а вслед за ним начала наступление и соседняя армия ген. Куроки. Бои здесь велись до 18 февраля и хотя нашим войскам пришлось частично отойти, но результаты горных столкновений остались все же неопределенными.

Оба противника в конце концов застыли друг перед другом. Японцы были до крайности утомлены, а русские вместо того, чтобы напречь все силы и разбить японцев, принялись отдыхать и приводить в порядок перемешавшиеся части. В центре 4 армия ген. Нодзу атаковала нашу 3 армию.

Здесь против наших укреплений японцы ввели в бой 11-дюймовые мортиры. К 15 февраля вполне выяснилось обходное движение 3 армии ген. Ноги, правого фланга русских в полосе между реками Хуньхэ и Лаохэ. В силу этих условий главнокомандующий перебрасывает на правый берег р. Хуньхэ отряд в составе 72 батальонов под начальством ген. Каульбарса, но это сосредоточение и развертывание войск произошло не без заминок и опозданий; почему этим силам пришлось принять оборонительный бой к западу в 15 верстах от Мукдена.

В зависимости от этого, 2-й русской правофланговой армии пришлось загнуть свой правый фланг фронтом на запад. Пользуясь ослаблением 2 армии, принужденной перебросить часть своих сил на правый берег р. Хуньхэ, японцы произвели ряд атак долиною этой реки с целью нарушить связь в стыке между 2-ой русской армией и той группой, которая развертывалась вновь на правом берегу р. Хуньхэ фронтом на запад. К вечеру 18 февраля японцы достигли успеха и с. Сухудяну, расположенное на левом берегу г. Хуньхэ было взято.

Чтобы восстановить связь, корпусам 2-ой русской армии пришлось отойти назад и сократить свой фронт. Это обстоятельство позволило соседней с армией ген. Ноги, 2-ой японской армии ген. Оку перебросить и свои силы на правый берег р. Хуньхэ, а армии ген. Ноги продвинуться еще севернее и сделать обход наших войск еще более глубоким, прикрываясь в сторону Мукдена и отряда ген. Каульбарса боковыми отрядами. Все попытки сбить эти боковые отряды и остановить обходное движение войск ген. Ноги на север, окончились неудачей.

Приходилось постепенно отходить и занимать оборонительные позиции вплоть до Императорских могил к С.-З. от Мукдена.

К 22 февраля ген. Каульбарс отдал приказ удерживатся на занимаемых позициях; к счастью и понцы к этому времени заметно выдохлись и становились.

Происшедшее ослабление войск 3-ой и 1-ой усских армий, из которых выхватывались отдельые части для заслонов, выдвигавшихся к западу, ринудило эти армии отводить на более сокращенные позиции и к 23 февраля отвод был исполен по р. Хуньхэ.

В этот день японская гвардия, поддержанная 2 пех. дивизией произвела у с. Киузань прорыв слабленных частей 1-ой русской армии и т. к. проив прорвавшегося противника не было принято икаких активных мер, то сдавленным с обоих ланговъ 2 и 3 армиям, сильно перемешавшимся, ставалось начать отход, чтобы выйти из обозначившегося окружения. 1-ая русская армия отошла равнительно спокойно, но отход 2-ой и 3-ой ариий осложнился столпившимися обозами, которые оставались до последней минуты в непосредственной близости от Мукдена.

Но тут-то в создавшейся трудной обстановке и проявилась присущая русскому человеку личная доблесть. С неподражаемым мужеством и жертвенностью отбивали наседавшего врага русские аръергарды, составленные из случайных войск и со случайными начальниками. Среди последних отличился и получил орден св. Георгия 4 ст. молодой ген. штаба капитан Лавр Корнилов, будущий Верхов. Главнокомандующий русских армий.

Усилиями этих храбрецов, русские армии были выведены из критического положения и все они к 27 февраля достигли г. Телина. Не задерживаясь отошли на Сыпингайские позиции и в командование ими вступил ген. Линевич, а ген. Куропаткин занял должность командующего I армией.

Мукденское сражение обошлось нам в 90.000 потерь; при чем в числе раненых было 10 генералов.

А. Волков

СКАЧКИ

В 1903 году я окончил Елисаветградское Калерийское Училище и произведен в корнеты в 1-ый драгунский Харьковский полк квартировавший в г. Белостоке.

По прибытии в Белосток, где уже служил в Харьковском полку мой старший брат, я явился омандиру полка полковнику генерального штаба Любомирову (Павлу Петровичу) и всем кому полагается и сделал визиты.

Уйдя в 28-девный отпуск я, собственно говоя, скучал и хотел было, уже, явиться в полк для несения службы, как вдруг получил письмо от штаб-ротмистра Евгения Димитриевича Помеанцева 1-го, который меня просил притти к нему.

Надев шашку, являюс... Он говорит зачем такой парад, корнет, — у нас к вам просьба.

У Померанцева — компания офицеров, пьют кофе, коньяк, ликеры, предложили и мне кофе.

Е. Д. Померанцев мне говорит: «Через две недели дивизионная скачка, у нас лошадей много, но одного ездока не хватает, не можете-ли вы принять участие в скачках?» Я отвечаю, что с великим удовольствием, но о скачках я и понятия не имею. На это он говорит, что еще есть две недели, у них есть тренер, который все будет объяснять, а ездить я должен хорошо, так как в Училище я получил первый приз за езду, именную шашку. Из их компании могут скакать его брат Димитрий и еще два, а другие не могут, не имея скакового веса и что им нужен четвертый ездок.

Братья Померанцевы москвичи, и они покупали в Москве чистокровных английских лошадей после скакового сезона и у них было их шесть: там же в Москве они наняли тренера — это был жокей, потерявший свой жокейский вес.

Другие офицеры имеющие чистокровных лошадей тоже присоединились к конюшне Померанцовых, чтобы их лошади были бы в подготовке к скачкам под наблюдением тренера-жокея.

И так завтра в 4 часа утра, а это было воскресенье, вся наша компания выступила на скаковой круг делать галопы с препятствиями.

Мы взяли круговую дальнюю дорогу проселочную, чтобы не итти такой компанией по камням и через город.

На кругу тренер указал кому и на какой лошади делать галопы, и я с несколькими другими сделал галоп. На второй галоп тренер мне указал лошадь и я на нее сел.

Вдруг тренер говорит: г-н корнет эта лошадь таскает, я ей переодену уздечку с поводьями с резиной, — и взяв уздечку с поводьями с резиной, снимает с моей лошади уздечку с поводами без резины и только хотел надеть другую, как моя лошадь почуяв свободу, с места берет полный ход чистокровной английской лошади и мчится в направлении города. Сначала это вдоль скакового круга, а потом берет шоссе идущее на Белосток. Видно она хорошо знала дорогу и мы мчимся, а кто скакал, тот хорошо знает как трудно сидеть, а тут

у меня вместо поводьев с разиной никакой «держевы» нет.

Впереди надо проскочить железную дорогу в две линии. Шлагбаумы подняты, но мы несемся по правой стороне шоссе и я вижу, что стукнусь головой в шлагбаум. Я даже уже готовился скинуться с лошади, но как то правой рукой ударяя по шее, я подал лошадь немного влево и проскочил благополучно.

После железной дороги начинается город, и мы уже несемся по Широкой улице. Город уже начал просыпаться, — бегают конки, — разнощики с корзинами. Все останавливаются, смотрят, даровое представление. Офицер несется карьером на лошади без оголовья. Проскакиваю между конок. У одного разнощика вышиб корзину с хлебом, кого-то зацепил — упал.

Широкая улица кончается и тут перекресток, где магазин Муравьева, дальше садик, за которым маленькая площадь и дорога в полк.

Когда мы влетели на площадь, то там было много крестьянских подвод, т. к. было воскресенье, базарный день, и подводы загородили дорогу в полк. Поэтому полицейский пристав с городовыми наводили порядок и вот тут моему коню волей не волей пришлось остановиться.

Пристав увидав офицера на лошади без оголовья, подбежал ко мне и спрашивал что случилось...

Я ему рассказал как тренер мне переодевал уздечку и т. д. Он сейчас же послал городового в лавку, где продаются конские сбруи и городовой принес уздечку с кисточкой для упряжной лошади. Городовой надел на голову моей лошади эту уздечку и я шагом поехал в полк.

Когда на кругу, без оголовья, меня потащила лошадь, то все сейчас-же прекратили галопы и круговой, проселочной дорогой, хорошими аллюрами поехали в полк.

В полку моих следов не оказалось и вся компания поехала дорогой на город и мы встретились. Они были рады, что все обошлось благополучно, меня похвалили и я был вроде как герой.

Дивизионные скачки бывают в конце дивизионных Сборов, когда вся 4-ая Кавалерийская дивизия находится в Белостоке. Это целая скаковая неделя и кроме скачек, на скаковом поле бывают и другие состязания и соревнования, например, на первенство хора трубачей, по рубке и т. п., и сорокаверстный пробег.

Офицерские скачки всегда барьерные, — три препятствия на версту.

Первый приз это обязательно вещь и конверт с деньгами. Второй и третий призы только конверты с деньгами. Выдают приз скакавшему и если он скакал на чужой лошади, то он передает вещь и конверт владельцу лошади, а владелец лошади обязан поднести вещь скакавшему на его лошади.

Я скакал три раза и получил три приза. Один первый и два вторых.

На той лошади, которая меня таскала, я получил первый приз и владелец лошади мне преподнес вещь первого приза — массивный серебрянный портсигар. Потом владелец лошади попросил у меня на некоторое время этот портсигар, чтобы на нем сделать внутри надпись мою и его фамилии. Этот портсигар чудом сохранился до сих пор у меня.

Владельцы лошадей двух вторых призов, мне тоже сделали подарки.

Я был очень рад, что мне посчастливилось прямо со школьной скамьи принять участие в скачках.

Сергей Булацель

Записки Графа Д. Ф. Гейдена

(1 9 1 4 - 1 9 1 7 гг.)

(Продолжение)

9. Зима 1915-1916 года и подготовка нового наступления

Потеря царства Польского, части Литвы и Курляндии заставили Государя, чтобы придать большую бодрость войскам, принять лично главное командование всеми вооруженными силами России. Не могу сказать, чтобы эта весть была принята войсками радостно. К Великому Князю Николаю Николаевичу относились с большим уважением и любовью, ценили его характер и строгость и нисколько не винили его в происшедших событиях, зная отлично, что это были грехи тыла, а не высшего командования. Генеральный штаб отнесся к этой перемене также несочувственно, зная по опыту Аустерлица и начала кампании 1812 г., насколько присутствие Императора в главной квартире мешает делу влиянием безответственных лиц. Кроме того мягкость характера Государя заставляла бояться, что он будет недостаточно решителен в смысле начальствующих лиц, когда обстоятельства этого требуют, а еще более, что Им-

ператрица будет вмешиваться в дела и выдвигать лиц, недостойных Царского внимания. Очень немногие, как напр., наш комендант Полонский, радовались этой перемене. 20 августа/2 сент. Государь вступил в должность. Его начальником штаба был назначен генерал М. В. Алексеев, а его бывший северо-западный фронт разделился на два: северный куда был назначен генерал Рузский, и западный — Эверт. В. К. Николай Николаевич был назначен главнокомандующим и наместником на Кавказ. С ним ушел и его начальник штаба Янушкевич и начальник военно-походной канцелярии князь Орлов, который в то время был в немилости у Императрицы за открытый протест против Распутина. Она собственно и была главной причиной, что Государь принял верховное командование, боясь слишком большой популярности В.К.Н.Н., которого она называла Николаем III.

Расположение наше в то время на европейском фронте было следующее, начиная с правого фланга от Риги до Хотина на Днестре до Румынской границы: XII армия Горбатовского впереди Риги, V армия Гурко впереди Двинска, VI армия Чурина в Пскове, — Сев. фронт. — I армия Литвинова в Виленской губ., II армия Смирнова к С.-З. от Минска, X армия Радкевича к Ю.-З. от Минска, IV армия Леша в северном Полесье — Зап. фронт. — VIII армия Брусилова на Волыни, XI армия Сахарова впереди Тарнополя, VI армия Щербачева впереди Гусятина, IX армия Лечицкого впереди Каменца — Ю.-З. фронт.

Вступление Государя в верховное командование армией ознаменовалось после падения Гродно 22 авг./4 сент. и Вильно 6/19 сент. отражением в конце сентября нового стиля 10-й армии Эйхгорна, имевшей задание отрезать русскую армию от Минска. Благодаря искусной переброске войск генералом Алексеевым у Молодечно немцы были остановлены в своем продвижении вперед и наступление их прекратилось. Наша оборонительная линия замерла по линии Зап. Двины с плацдармом впереди Риги и Двинска и далее шла на юг на Дрисвятское озеро, Нарочское озеро, Сморгонь, Крево до Пинска, занятого войсками Макензена, а оттуда по Стыри и Икве, занятой австрийцами, и далее на Почаев и по р. Стрипе до Днестра. Такое расположение наше оставалось до весеннего нашего наступления вперед. Войска окопались сплошной линией, и война из маневренной, по образцу наших союзников, обратилась в позиционную.

Как только мы основались в Ровно, повидимому надолго, начались усиленные комплектования армии после больших потерь, испытанных нашими войсками при отступлении летом 1915 года. До 1 февраля должно было быть призвано свыше 2 миллионов человек и заготовлено до 600 т. винтовок. К зиме 1915 г. на русском фронте состояло 1.360 тыс. чел., из коих 160 тыс. безоружных. Орудий имелось 4 650 (3 750 легких, 250 горных и 650 тяжелых). Снарядов на орудие имелось по 550 на легкое и по 260 на тяжелое. Ежедневное производство патронов было лишь 60 тыс. При этих условиях нужно было собраться с силами и доделать все недоделанное в свое время. Нельзя было думать о каком-нибудь новом наступлении, пока все не будет приведено в порядок.

К октябрю месяцу 1915 г. VIII армия была в составе лишь 3 корпусов: основного VIII, которым временно после Драгомирова командовал генерал Булатов (14-я, 15-я и 4-я стр. д.), XXX-го, которым командовал ген. Заинчковский (71 и 78 д.) и XXXIX-го, которым командовал генерал Стельницкий (102 и 125 д.). Кроме того в состав армии вошел IV кавалерийский корпус ген. Я. Ф. Гилленшмидта (1-я сводная дивизия ген. Краснова, 16-я кав. дивизия ген. Володченко и 77 п. д. ген. Леонтьева). Потом была сформирована у нас 100 п. д. ген. С. И. Гаврилова и вошли еще в состав армии две стрелковые дивизии, которые вспоследствии вместе с 4 стрелковой дивизией составили XXXX арм. корпус (Булатова). Большинство из новых начальствующих лиц были мои старые знакомые: Яков Гилленшмидт был моим сослуживцем по 1-ой батарее Гв. Конной артиллерии, который потом командовал Нижегородским драгунским полком, георгиевский кавалер за Японскую кампанию, чудный человек, храбрый и отличный военный, которого боготворили солдаты и любили товарищи офицеры: Леонтьев — одного выпуска со мной из академии генерального штаба, вышедший в СПБ военный округ; Гаврилов — сослуживец по Киевскому военному округу, спокойный, уравновешенный и прекрасной души человек.

Гилленшмидт, который потом во время революции, был расстрелян, как и многие из наших выдающихся генералов, приезжал к нам как-то в Ровно хлопотать о помиловании одного храбрейшего урядника из 2-ой сводно-казачьей дивизии, имевшего все георгиевские кресты и медали, и по постановлению военного суда приговоренного к расстрелу за грабеж. Конфирмация зависила от Брусилова. Несмотря на ходатайство корпусного командира, к которому Брусилов очень хорошо относился, он оказался неумолим — Гилленшмидт вернулся к себе, и домашним порядком устроил так, что этот приговоренный казак бежал, когда его вели на расстрел и потом с пополнением попал в другую часть и т. о. избег смерти. Случай этот картинно описан генералом Красновым в его романе «От двуглавого орла к красному знамени».

Во время стоянки нашей в Ровно, когда мы стояли еще в поезде, в первый раз приехала навестить командующего армией жена его Надежда Владимировна с сестрой своей Еленой Владимировной Желиховской. Они были дочери известной детской писательницы того же имени и племянницы знаменитой теософки Блаватской. Пробыли они у нас несколько дней к большому неудовольствию офицеров генерального штаба, внутренне протестовавших против приезда дам, которых у нас, слава Богу, на фронте до тех пор не было.

Пришлось с этим потом уже считаться, т. к. мы были уже в пределах России, и с легкой руки Брусилова стали потом приезжать и другие жены наших офицеров и многие из них так потом и пристали к штабу, что уже больше не расставались со своими мужьями. Я всегда смотрел на это очень косо — считал, что это не порядок.

В Ровно женился наш милый уполномоченный Красного Креста Герм. Герм. Лерхе на сестре милосердия Ольге Михайловне Гучковой (вдове брата А. И. и Н. И.), которая часто потом стала появляться у нас за обедом. Также посещала нас и принимала у себя жена Ровенского уездного предводителя дворянства Дм. Фед. Андро — очаровательная Мария Антоновна, к которой я, Стогов и Шереметев относились с большой симпатией. Муж ее был мой старый приятель, как сочлен разных комиссий по Ю.-З. краю в Петербурге, очень практичный, дельный и ловкий человек с большим здравым смыслом, и отлично работавший, как предводитель Ровенской уездной управы, по снабжению войск и интендантской части. После войны мы с ним принимали участие в союзе хлеборобов, поставивших Гетмана, а затем разошлись с ним в Одессе, когда он пошел против Деникина и вошел в несчастную комбинацию с французами, нас подкузьмившими, и генералом Шварцом.

Благополучное сидение наше в поезде было скоро нарушено в одну прекрасную ночь, когда немецкий Цеппелин сбросил вблизи нашего поезда несколько тяжелых бомб, одна из которых пробила 3-этажный дом недалеко от линии железной дороги и убила там несколько людей. Тотчас же Брусилов приказал переехать штабу в город (в здание частного банка), а дамы его уехали назад в Винницу.

Как только мы переехали в город, 12 октября утром узнали, что приезжает Государь. Еле успев приготовить почетный рапорт о состоянии войск армии, я поспешил на вокзал, где уже все были в сборе в ожидании царского поезда. Не помню какая часть была в почетном карауле. Мы были все выстроены на перроне и представлялись Государю. Здесь я его видел в последний раз в своей жизни, т. к. больше он к нам в армию не приезжал, а потом через год с небольшим, как буря, прокатилась революция и смела все на своем пути. В этот раз Государь был с Наследником, который к нам не подходил и держался в сторонке.

Свиты было мало (Фредерикс, Воейков, Спиридович и др.). Сопровождал Царя и главнокомандующий Ю.-З. фронтом ген. Иванов, которого я также видел здесь и говорил в последний раз. Со станции все отправились в Клевань, где были выстроены стоявшие в резерве части XXX корпуса, находившиеся в сфере действия артиллерийского огня неприятеля. Государь, в пешем строю, обошел фронт и затем осмотрел несколько передовых санитарных отрядов. К вечеру вернулись домой, и Государь уехал.

Во время стоянки нашей в Ровно мне удалось устроить командиром 408 пехотного Кузнецкого полка приятеля моего и бывшего сослуживца по Ахтырскому гусарскому полку Влад. Осип. Карповича, служившего в то время старшим полковником в 3 Новороссийском драгунском полку, но из-за неладов со своим начальником дивизии не получавшего все кавалерийского полка, несмотря на то, что он был из самых выдающихся офицеров. Брусилов очень охотно дал ему второочередной полк, который он за зиму привел в блестящий порядок и во время майского наступления получил Георгиевский крест за взятие полком Киверцов и Рожища.

На Рождество приезжали ко мне на 3 дня мои сыновья кадеты, и я возил их в расположение этого Кузнецкого полка показать им наши окопы и жизнь на фронте. В этом месте австрийские окопы находились от наших на 300-400 шагов поперек Ровно - Луцкого шоссе впереди Клевани. Впереди находящаяся деревня была совершенно разрушена нашей артиллерией и оставалось ровное место по которому шли неприятельские окопы. Потом Карпович показывал нам действия с ручными гранатами в баталионе, стоявшем в резерве, причем сам принимал участие в обучении этому делу. Офицеры и солдаты были у него вымуштрованы великолепно и, как пули, выполняли боевые задачи, что и оправдал он потом и в деле.

На Рождестве в одном из полков XXXIX корпуса, стоявшем в резерве верстах в 4 за окопами в лесу около Клевани устроен был как-то солдатский карнавал с музыкой и шествием. Были изображены в фигурах и Имп. Вильгельм и Имп. Франц-Иосиф и тур. Султан и Фердинанд Болгарский. Солдаты выказали все свои способности по части костюмировки и балаганных представлений, танцевали (конечно без дам) и веселились от души. Все это жило в землянках и выползло на большую снежную поляну среди леса под высокими разрывами шрапнелей неприятеля. Потом в подземелье был офицерский спектакль (тоже без дам) и скромный ужин, который давали Брусилову. На этом карнавале присутствовали и его дамы и несколько сестер милосердия из ближайших отрядов. Чувствовали себя как будто в мирное время в каком-нибудь скромном уездном гарнизоне. Так проводили войска свое свободное время, готовясь к будущим боям и забывая о настоящем.

Новый год встречали мы в Ровно в соборе, после чего собрались всем штабом в общественном собрании, где был торжественный ужин с тостами, пением и пр., как обыкновенно встречают в любом губернском городе, где есть военное собрание.

Когда я отправился на войну, я думал, что она будет продолжаться не более года. Такое напряжение было с обеих сторон, что казалось, что ни одна из них не выдержит таких бойней, какие при современном оружии происходили на всех театрах войны. Напрасно обвиняли Сухомлинова,

что запасов у него было всего на пол года. Немцы имели их на год, думая, что за это время они справятся сперва с Францией, а потом и с Россией. Франция расчитывала на такой же годичный срок и лишь одна Англия, прибыв на французскую территорию и закладывая там свои базы нанимала необходимые для нее помещения на три года, считая, что ни в коем случае война не кончится ранее этого срока. И то на год ошиблась, т. к. война длилась четыре года. Думая так, я не собирался до окончания войны съездить домой, но когда дело затянулось уже на 1 1/2 года и приняло медленный позиционный характер, нужно было освежиться и повидать всех своих. Поехал на две недели в Москву, где зимой проживала жена с детьми. Было это во время масляной. Мальчиков отпустили со мной в Петербург, где они раньше никогда не были. Останавливались у сестры моей Шереметевой, перебывали у всех моих братьев и сестер, осматривали великолепный госпиталь, устроенный во всех больших придворных залах зимнего дворца, где столько раз я в свое время танцевал, обошли все царские покои всех прежних императоров, посетили Романовскую галерею и Эрмитаж. Музей Императора Александра III не успел им показать, но за то были в Петропавловской крепости на могилах всей царской фамилии, у Спасителя на Петербургской стороне, в Исакиевском и Казанском соборах и в храме Воскресения. Все мои были рады видеть меня и моих детей. Настроение в свете было пессимистическое. После оставления Галиции и потери Польши, Литвы и Курляндии в обществе мало надеялись на успех и поговаривали об отправке некоторых ценностей в Москву и далее в глубь России на случай прихода немцев в Петербург. Настроение на фронте было совершенно другое и я, несмотря на радость свидания со всеми, рад был после побывки в Петербурге и в Москве возвратиться во свояси в армию к своему делу, где все жило и кипело и не занималось сплетнями по поводу уходящих и вновь назначенных министров.

По окончании Макензеном операции против нас ему было поручено в начале октября совместно с австрийцами покончить с Сербией, что и было выполнено им в течении 2 месяцев: 10 октября н. ст. немцами был занят Белград, 14 октября выступила в тыл сербам Болгария и 5 ноября заняла Ниш, 7 ноября началось общее отступление сербов к югу, 20 ноября они отступили За Вардар, 20 ноября сербы перешли через горы в Албанию и Черногорию после боя у Призрена, 4 декабря занят болгарами Монастырь, 12 декабря война на этом фронте была закончена.

За эту зиму на русском фронте произошли следующие перемены: 6 декабря ст. стиля Рузский по болезни ушел и на его место назначен на сев. фронт Плеве, а 12 февраля этот последний был заменен Куропаткиным; на Ю.-З. фронте тоже произошла крупная перемена — вместо Иванова был назначен 18 марта Брусилов, а нашу VIII армию получил бывший же наш командир XII арм. корпуса генерал Алексей Макс. Каледин.

Проводов Брусилову мы не устраивали, т. к. он торопился уехать и от официальных проводов отказался. Поехали мы его лишь проводить на вокзал и преподнесли образ. Тем все дело и кончилось.

10. **Брусиловское наступление 1916 г.**

Штаб наш был очень доволен назначением Каледина, которого мы хорошо знали, как дельного и серьезного генерала, к которому войска относились с большим доверием, так как он жил с ними одной жизнью, умело ими руководил и был лично невозмутимо храбр, без излишней горячности, хладнокровен, ровен и спокоен.

Я лично тоже был очень доволен переменой начальства. Хотя Брусилов ко мне и относился отлично и иногда только пылил и выходил из себя, но во всяком случае прекратилось дерганье и вечное напряжение быть на чеку, когда его муха укусила. Теперь можно было спокойно заниматься, зная, что никто тебя не отвлечет от твоей прямой работы и не будет в нее вмешиваться, здорово живешь. Сам командующий был очень уравновешенный человек, а потому и вся работа в штабе приебрела более спокойный и самостоятельный характер.

Скоро после Брусилова ушел за ним начальником штаба фронта генерал Сухомлин, и вместо него был назначен наш генерал-квартирмейстер Ник. Ник. Стогов, человек очень горячий, но честный и дельный.

Каждый почти день ездил я на Ровенский этапный пункт, куда прибывали роты пополнения, а также часто объезжал запасные баталионы в Остроге, Заславле, Гоще, Шубковском лагере, Корце и Новоград-Волынске. К весне полки наши были пополнены до нормы и еще много было народа запасных людей при полках, где шло постоянное обучение, и люди приобретали старорежимный воинский вид. Можно было уверенно начинать наступление, когда того потребуют обстоятельства.

Пасху встречали мы в Ровно в офицерском собрании в присутствии жены А. М. Каледина милейшей Марии Петровны, француженки по происхождению, обожавшей своего мужа и взаимно пользовавшейся его полным уважением. Она была уже не молодая женщина с совершенно белыми густыми волосами, но лицом еще вполне молодым, очевидно, была когда-то красива и представительна. Детей у них не было. Но никогда не расставалась она со своими двумя черными пуделями. «Позвольте Вам представить наших детей», сказал мне Каледин, когда я в первый раз пришел к его жене. Отношения между Каледиными были очень трогательные. Приятно

было видеть такую дружную и единомыслящую чету.

На Пасхальной неделе ездил я по приглашению моего приятеля и сослуживца по Ахтырскому полку командира этого полка полковника Елчанинова к ним в полк, только что прибывшего из IX армии и находившегося в резерве до начала операции. Я взял с собой состоявшего при штабе нашей армии японского военного агента капитана Хазимото, которого мы прозвали Тарасом Максимовичем, т. к. его звали Тераучи Максочи. Он отлично говорил по русски, писал все время длиннейшие записки и очень всем интересовался. Потом он был переведен в Петербург и перед отъездом давал нам прощальный ужин, а по приезде в Петербург всем моим родственникам, к которым я давал ему рекомендательные письма, роздал подарки, присланные ему из Японии. Сохранил к нему самую нежную дружбу за его всегдашнее доброе отношение ко всем русским, которое было повидимому совершенно искренное. В Ахтырском полку, штаб которого стоял в какой-то пустой усадьбе, нам устроили шикарный обед в саду под тенью дерев с обильными возлияниями. Зеленая молодежь, служившая в то время в полку, была вся полна воспоминаний о трех убитых в начале кампании братьях Панаевых и других столь же юных офицерах — жертвах войны. Из старых офицеров я застал только двух братьев Елчаниновых и двух братьев Лермонтовых. Адъютантом был милейший Аглаимов. Из офицеров обратили мое особое внимание своей искренностью, добродушием и чуждым всякой показной стороны настоящим горячим воинским духом Псиол и Кроун, убитые потом во время гражданской войны, Губидельников и Дорошенко — во время германской, причем последний был талантливым певцом и отлично играл на гитаре. Хор песенников 4-го эскадрона, которым я когда-то командовал и во главе которого кончили свою жизнь Лев и Гурий Панаевы (Борис командовал 2-м), услаждал старыми ахтырскими песнями нашу трапезу. Давно не проводил время так задушевно и трогательно, как в этот день. Нашу трапезу посетил в конце ее и начальник 12-й кавалерийской дивизии свиты Его Величества генерал-майор барон Маннергейм со своим адъютантом георгиевским кавалером Влад. Конст. Скачковым и бригадный командир Жуков. Японца моего, говорившего речи на русском языке, в конце концов накачали, и пришлось его положить спать, пока он не отошел. Он произвел отличное впечатление на офицеров и сам остался в восторге от приема.

Когда 30 мая австро-венгерская армия обрушилась на северную Италию и заняла все пространство между Этем и Брентой, а французы 2 июня потеряли один из главных фортов Вердена Во, союзники обратились за помощью к России, как и в начале кампании 1914 г., когда немцы, перейдя Марну, подходили к Парижу.

4-го июня/22 мая началось наступление по всему Юго-Западному фронту. Дело начала VIII армия: три дня шла артиллерийская подготовка, а на четвертый день 4-ая стрелковая дивизия генерала Деникина стремительным наступлением прорвала австрийский фронт и 26 мая/8 июня заняла Луцк. Отступление австрийцев было настолько поспешно и для них неожиданно, что в числе пленных австрийцев было забрано в окопах несколько дам, приехавших в гости к офицерам на позиции, а в Луцке в квартире эрцгерцога, командовавшего армией, был найден недоконченный завтрак, брошенный до окончания трапезы. На другой день мы осматривали австрийские окопы, которые по сравнению с нашими представлялись дворцами. На глубине 3-4 сажени были целые галереи с подземными залами, отлично оборудованными с прекрасной обстановкой и массой книг и журналов. В тылу позиции были хорошенькие постройки в роде дач с огородами и цветниками, огороженными заборами из белых березовых кругляков. Все это имело вид дачных поселков в сравнении с нашими убогими подземельями без всякой утвари и обстановки.

На флангах Деникинской дивизии столь же удачный прорыв сделали — на левом фланге 15-ая дивизия генерала Ломновского, а на правом фланге 102 дивизия генерала Микулина, который сам был убит при взятии полком Карповича ст. Киверцы и м. Рожище.

Иностранные военные агенты, присланные на наш фронт из Ставки верховного главнокомандующего, особенно итальянский Марсенго, радовались от души, лобызались со всеми нами и благодарили за спасение союзников в такую серьезную минуту, когда Италия должна была бы быть раздавлена, подобно Сербии. Радость была всеобщая.

За 2 недели войска 8-й армии, перейдя через Стырь дошли до р. Стохода на севере и до линии Киселин - Корытница - Звиняче на юге. Дальнейше продвижение наше на запад было остановлено направленными сюда германскими войсками армии Линзингена (Бернгарди, Марвица и Лицмана).

Одновременно с нами двинулись вперед и другие три армии Брусилова: XI армия достигла Брод - Берестечко, VII армия Щербачева — Бережан - Бучача и IX армия Лечицкого — Черновиц - Коломыи — Карпат.

С прибытием в состав нашей армии еще 1-го Туркестанского корпуса, наши войска форсировали в южном Полесье Рафаловку, Черторийс и Колки и дошли до Стохода. Во время этого наступления отличился кореспондент английской газеты голландец Грондис, выбегавший на фланге наступавших рот вперед цепей и снимавший своим фотографическим аппаратом самые интересные минуты боя.

За эту операцию Брусиловского наступления наша армия взяла в плен более 100 т. чел. неприятеля, а все четыре армии более 400 т. чел.

Разгром австрийской армии был полный, от которого они уже не могли оправиться до конца войны.

Каледин лично выезжал почти каждый день на наблюдательные пункты во все корпуса и подбадривал войска, чего никогда не делал реньше Брусилов.

Кавалерии нашей к сожалению пришлось действовать мало: IV сводный корпус Гилленшмидта был прикован штабом фронта к Полесью, где он никак не мог разъиграться в виду болотистой и лесной местности, а 12-ая канвалерийская дивизия ген. Маннергейма слишком поздно прибыла в состав нашей армии, чтобы принять участие в преследовании неприятеля после прорыва — дело органичилось лишь одной атакой у Борятина, произведенной Ахтырским гусарским полком, за каковую командир полка полк. Елчанинов получил Георгиевский крест.

Четыре месяца продолжались еще бои к западу от Луцка, куда вскоре после прорыва переехал наш штаб. Мы поместились в католическом монастыре на окраине города недалеко от берега Стыри ,где стояла древняя крепость галицко-русских времен XIII века и где были похоронены князья той эпохи. На одной из башен этой крепости был устроен наблюдательный пункт за движениями неприятельских аэропланов, которые каждый день в огромном множестве прилетали к нам и сбрасывали бомбы. Одна из таковых разорвалась над самым нашим штабом, уничтожила один из наших автомобилей и убила четырех шоферов. Потом привезли к нам одну противоаэропланную зенитную батарею, но она мало помогала. Каждый день появлялись новые германские эскадрильи и уничтожали то конские коновязи, то какие-нибудь штабы, где были выставлены флаги. В соседнем местечке Рожище, куда прибыл штаб I-го гвардейского корпуса генерала Безобразова, бомба попала в помещение штаба, так что им пришлось перекочевать в подвальные помещения, безопасные от бомб. Одна бомба разорвалась в том же Рожище в английском госпитале, где работала сестрой милосердия моя племянница А. А. Шереметева, жена Серг. Влад. Как раз осколки попали на ее кровать, когда по счастью ее там не было.

В Луцке жилось нам очень хорошо. Можно было купаться в реке, чего во всю войну у нас не было. Приезжали в Луцк вторично и мои мальчики, дня на три. Я их поместил у нашего коменданта, жившего в отдельном доме, т. к. в монастыре было очень тесно, и моя комната была рядом с кабинетом Каледина, так что пустить их в наше здание я не мог. Детей своих я возил както в штаб расположения VIII корпуса, которым вновь командовал их дядюшка Вл. Мих. Драгомиров. Там же стоял и штаб только что сформированного V конного корпуса ген. Вельяшева, моего старого приятеля и сослуживца по Ахтырскому полку, который до получения корпуса командовал 11-ой кавалерийской дивизией, а еще раньше Изюмским гусарским полком, стоявшим в мирное время в том же Луцке. Тут же произошло слияние двух штабов по случаю, кажется, именин Влад. Мих. Дети конечно в этом не участвовали и дожидались меня у своего дядюшки на квартире. Водил я их также на один из фортов около Луцка, где был повешен как шпион австрийцами один наш солдат, пробравшийся, чтобы добыть сведения о неприятеле, через австрийскую цепь на свою родину около этого форта и выданный немцами колонистами. Когда он умирал, по показанию жителей, он при большой толпе собравшегося народа обратился к ним с речью, которую окончил словами: «Здесь была Россия и будет». Каледин велел поставить ему на месте казни памятник (большой белый дубовый крест) с надписью на нем, кто похоронен, и с его последними словами. Фотография этого героя и его могилы с кратким описанием факта я послал в одну из русских иллюстрированных газет на память потомству. Сироту брата его, сколько мне помнится, мы отправили в Россию для определения в один из кадетских корпусов.

В помещении нашем была великолепная столовая (монастырская трапезная), вся разрисованная какими-то фантастическими, аллегорическими и историческими изображениями. Кого только мы не принимали в этой столовой: и главнокомандующего Брусилова, которого я видел тогда в последний раз, и соседнего командующего V-ой армией генерала Гурко и всех корпусных командиров и начальников дивизий, поступавших в нашу армию, и покойного В. К. Павла Александровича. так ужасно погибшего во время революции, в то время командовавшего I-м гвардейским корпусом, и друга моего детства ген. Рауха, командира 2-го гвард. корпуса, с его инспектором артиллерии моим товарищем по гв. конной артилерии ген. А. Ф. Гилленшмидтом, и генерала Воронова, командира I-го арм. корпуса, и командира I-го туркестанского корпуса и IV сибирского и начальника 10 сибирской дивизии ген. Нечволодова, привозившего к нам на позиции какую-то знатную француженку герцогиню Роган и приятелей моих члена государственного совета гр. Д. А. Олсуфьева и члена Государственной Думы А. А. Потоцкого, и всевозможных иностранных представителей и корреспондентов, всех не припомню и не перечислю. Помню, что тогда уже Потоцкий предсказывал все, что произойдет в следующем году, говорил и о всех ужасах революции и о могущем развале фронта и пр., так что Стогов счел его за сумасшедшего, так как иначе, как он говорил, его нужно сейчас же посадить в тюрьму за такие речи. Бедный Потоцкий оказался прав: в самом начале революции его жену, проживавшую в Летичеве Подольской губернии изнасиловала

толпа солдат и мужиков и повесила на городской площади, так что муж ее чуть не сошел с ума.

Припоминаю еще один интересный эпизод из обыватсльской жизни за несколько дней до выезда нашего из Ровно, когда уже Луцк и его окрестности были освобождены от неприятеля. Приезжает ко мне обворожительная молодая красивая женщина, владелица Ровенского имения Княгиня Любомирская и просит разрешения посетить одно из соседних имений, находящихся в полосе военных действий, где живет ее старая тетка, попавшая в среду австрийских войск и теперь только освобожденная вследствие русского продвижения вперед. Я дал ей свой автомобиль и попутчика офицера. Она навестила свою тетку, узнала что ей было нужно, и возвращаясь назад, попросила офицера попутчика покаазть ей пограничные наши окопы. Но не доехав до них, она встречена разорвавшейся около автомобиля неприятельской шрапнелью. Шофер останавливает тогда автомобиль и спрашивает княгиню: «Вы замужем». — «Да», — отвечает она. — «А дети есть». — «Да». Шофер тогда спокойно заворачивает автомобиль и везет ее назад. Княгиня осталась в восторге от своей поездки на фронт и очень меня благодарила потом.

2-го июля ездил я на полковой праздник Ахтырского полка, который справлял его недалеко от передовых позиций около м. Терчин. Во время парада в пешем строю, который принимал начальник дивизии бар. Маннергейм, высокого над нами рвались шрапнели. Потом в открытом сарае одного из крестьянских дворов состоялся обед, прошсдший очень оживленно. Солдаты и офицеры пели хором. Не было, как и всегда прежде, никакой отчужденности одних от других, все составляли одну семью, дружную и сплоченную. Офицсры примером своим показывали всю верную преданность родине, потеряв при штатном числе офицеров в 36 чел. — тридцать убитыми и около 100 ранеными. Солдаты шли за ними в огонь и в воду. И вот это-то было ненавистно нашим революционерам и из всех родов оружия они больше всего боялись кавалерии, потому что она, как хранительница традиций рыцарства и казачества, составляла главный оплот престола и отечества.

Чтобы остановить продвижение VIII армии к Ковно и Владимир-Волынскому немцы двинули на помощь австрийцам все что могли дать в это время. К началу августа Гинденбург принял командование всем восточным австро-германским фронтом от Балтийского моря до Карпат. Со своей стороны и VIII армия, куда была направлена главная контр-атака немцев, пополнялась все новыми корпусами. С четырех корпусов, с которыми начата была июньская операция, армия возросла до десяти корпусов, т. е. была почти 1/2 миллионного состава, равная Наполеоновской армии 1812 г. перешедшей русскую границу при наступлении. Кроме первоначальных VIII, XXX, XXXIX и IV конного корпусов прибавились I Туркестанский, I армейский, I гвардейский, II гвардейский, IV сибирский, XXXII и вновь сформированный XXXX. Особенно напряженные бои выдержала гвардия между Свинюхами и Корытницей и понесла здесь большие потери. Масса офицеров погибло в Л.-Гв. Преображенском полку.

Между прочим вспоминаю такой печальный случай. Приезжает ко мне вдова моего старого товарища А. Г. Мещеринова Вера Вячеславовна, потерявшая уже во время войны одного из сыновей в Преображенском полку. Оставалось у ней еще два в том же полку. Приезжает ко мне вечером в слезах и просит отправить ее на другой день утром в расположение Преображенского полка, т. к. имеет предчувствие, что с одним из сыновей случилось несчастие. Я распоряжаюсь дать ей на утро свой автомобиль. В два часа ночи стучится ко мне жандарм и докладывает, что г-жа Мещеринова просит меня экстренно видеть. Я наскоро одеваюсь, выхожу в коридор и вижу Веру Вячеславовну с запиской из полка, что ее второй сын убит вчера во время боя. Даю сй сейчас же автомобиль и на другой день она привозит тело сына и молодого гр. Бобринского (сына В. Н. Львовой), которых мы и отправляем в тот же день в Петроград. Третий ее сын по счастью остался жив и по окончании войны женился на гр. Уваровой. Предчувствие матери не обмануло ее.

Когда пришла к нам гвардия в состав VIII армии, она была уже сильно потрепана количественно, вследствие выбывших из строя в большом числе офицеров .В некоторых полках имелось только по одному офицеру на роту (вместо 5). Тогда корпусные командиры (В. К. Павел Александрович и Раух) решились на крайнюю меру и обратились к Каледину с просьбой дать им офицеров из прапорщиков курсов военного времени, пренебрегая на этот раз всякими гвардейскими традициями о выпуске в полки лишь лучших из военных училищ и лишь с согласия общества офицеров на принятие новых офицеров в полк. Тут перед лицом необходимости жертвовалось традициями, и офицерами в гвардию принимались так называемые разночинцы: люди и податных сословий, и сельские учителя, и выдержавшие экзамен на прапорщика простые унтер-офицеры. Как раз в это время прибыло в мое распоряжение 200 таких прапорщиков для распределения в полки. Нигде не было такого некомплекта, как в гвардии. Пришлось всех их передать в 16 полков гвардии и этим сократить немного некомплект офицеров. Одни из этих прапорщиков достойно погибли в бою или запечатлели своею кровью свою службу Царю и Родине, другие же составили нежелательный элемент во время наступившей через 1/2 года после того революции и способствовали разложению армии. Не

наступи революции, может быть из них и выработались бы настоящие офицеры под влиянием рыцарских традиций, но слишком короткое пребывание их в этой среде не дало окрепнуть истинно благородным чувствам и повернуло их на путь заискивания перед толпой и жаждой самим выдвинуться вперед.

Удачная операция генерала Брусилова заставила наконец 14/27 авг. Румынию выйти из своего нейтрального положения и примкнуть к нашим союзникам. В помощь им была двинута наша VI армия, под командой генерала Цурикова, которая была двинута в Добруджу для действия против болгар. Против Румынии был назначен германский генерал Фалькенгейм. В это же время генерал Гинденбург был назначен начальником штаба к Вильгельму, а на его место главнокомандующим всем восточным фронтом — принц Леопольд Баварский.

Неудачи наши в течении августа и сентября для продвижения от Корытницы к Владимир-Волынску и большие понесенные здесь потери заставили нас прекратить дальнейшее наступление на Волыни. Взятие во главе болгарских войск генералом Макензеном Туртукая и Силистрии на Дунае и очищение Трансильвании от вторгнувшихся туда румын генералом Фалькенгаймом заставило наше высшее командование усилить наш левый фланг на границе с Румынией в Буковине, куда и была переброшена наша VIII армия.

Вместо нас в Луцке, образовавлся штаб новой армии, так называемой «особой», в которую вошли три гвардейских корпуса под общим начальством генерала Безобразова.

Перед нашим уходом из Луцка действиями бомб неприятельских аэропланов взорвался громадный склад огнестрельных припасов около железнодорожной станции. Взрыв был потрясающий. В расположенном около этого вокзала трехэтажном здании казарм, где помещался один из самых наших больших госпиталей, были выбиты все стекла и несколько сот раненых выползло внаружу, боясь сгореть или быть раздавленными. Выехавший для тушения пожара начальник артиллерийской части полковник Воскобойников был ранен большим числом осколков. Много жертв было среди солдат и офицеров. Скоро однако удалось восстановить порядок и убрать находившиеся по соседству составы нагруженных огнестрельными припасами вагонов. Около суток еще продолжалась однако стрельба разрывавшихся снарядов, пока все не кончилось.

В Луцке перед отъездом нашим в Буковину из оперативного отделения ушло несколько наших офицеров генерального штаба, наиболее мне близких. Старший адъютант оперативного отделения полковник Махров (Петр Семенович) получил назначение командиром полка на северный фронт, а капитан Махин был назначен в VI армию в Добруджу. Махров долго был потом с нами в переписке, а затем мне пришлось опять с ним встретиться во время гражданской войны, сперва в Царицыне, потом в Новороссийске и наконец в Крыму. С Махиным больше не видались. Знаю, что во время гражданской войны он переехал в свое родное Оренбургское войско к атам. Дутову, а потом и сам занимал какое-то генеральское место там же. Место старшего адъютанта оперативного отделения занял мой приятель Пав. Алексеев. Кусонский.

В это время сменился командир подчиненного мне сборного штабного эскадрона шт.-ротм. Белгородского уланского полка Резников, отлично в течении 2 лет командовавший этой частью, и был заменен шт.-ротм. того же полка Бенецким. Эскадрон этот был потом совершенно раскассирован уже после революции летом 1917 г., и в распоряжении штаба остался тогда один жандармский эскадрон ротмистра Андрущенко и ополченская дружина.

Штабу нашему пришлось ехать в Черновицы через Бердичев - Жмеринку - Новоселицы. Телеграммой я выписал по дороге в Винницу свою жену, которую не видел с начала года, когда был в отпуску, которая проехала в нашем поезде до Жмеринки. Познакомил ее со своими ближайшими сослуживцами и незаметно провел эти несколько часов, попав опять совершенно в другой мир.

Путешествие наше всего длилось 2 суток, а от Жмеринки до Новоселиц продолжалось более 24 часов. Тут я увидел впервые, что поезда двигаются вдвое медленнее, чем в мирное время. То не было материала для топки на станциях и приходилось вместо угля жечь старые шпалы, то просто какие-то были простои на станциях без всяких уважительных причин. Тлело уже какое-то брожение среди железнодорожных служащих, не было уже того единодушного пыла жажды деятельности и строгой исполнительности, которая так помогла первоначальным успехам нашим на войне, обывательщина в тылу опять становилась инертной и как бы усталой от войны. Может быть, тут было уже преднамеренное желание ставить палки в колеса, чтобы мешать нашему успеху, и исходили-ли эти пружины со стороны немцев или со стороны готовивших революцию наших слепых политических партий, подкопавших основы государства и ввергнувших страну в бездонную пропасть.

(Продолжение следует)

Тетерев

СТРАНИЧКА БОЕВОЙ ЖИЗНИ ПЕТРОГРАДСКИХ УЛАН

Произведенный в генералы, полковник Люце, переменивший фамилию на «Лучев», сдал полк в январе 1916 г. На его место был назначен командиром нашего полка полк. Крашененников. Человек уже не молодой. Безхитростный и добродушный, он очень любил поговорить и в разговорах был очень откровенен.

Полк, в то время, занимал очень спокойный участок, в больших лесах, на левом берегу Двины. В нескольких верстах за нами, расположились довольно крупные силы нашей пехоты. Но, ни с нашей стороны, ни со стороны неприятеля, не было никаких попыток к наступательным операциям. Эскадроны занимали сторожевые заставы. Против нас стояла немецкая пехота, имея в первой линии лишь незначительные силы. Нас разделяла большая поляна; шириною с версту. Немецкие пехотинцы помещались в землянках, по опушке леса. Перед собой они протянули несколько рядов колючей проволоки. Наша застава тоже стояла на опушке, в маленьком, заброшенном домике. Ее занимал 1 взвод, поочередно сменяемый то 4-ым, то нашим 5-м эскадроном. И офицеры и уланы жили в землянках. Бывший дом лесника, мы приспособили для собрания наших двух эскадронов. Кое-кто из офицеров в нем жил.

Среди отделявшей нас от немцев поляне, была заброшенная деревня. Хотя и мы и немцы жили в лесу, сухого дерева для топки у нас не было. Наши деньщики вздумали ездить за сухим деревом в эту деревню. Запрягали лошадь в санки и преспокойно ехали за топливом, снимая двери, рамы окон и даже стропила. Немцы им в этом не препятствовали, а потом стали ездить сами. Образовалась как-бы очередь: сегодня мы, завтра немцы.

У нас говорили о готовившемуся большом наступлении, но пока, царила тишина. За все время нашего стояния на этом участке была одна единственная завирушка. Ночью, на нашу заставу прибыл казачий партизанский отряд, желавший захватить пленных. С ними попросился идти, недавно прибывший в полк, корнет Лукин. В этот день, я был на заставе. Казаки были в белых балахонах. С пулеметами «Луис» и ручными гранатами. Мы им объяснили то что знали и они скрылись в темноте. Через 1/2 часа, мы услыхали разрывы гранат, пулеметные очереди и крики «Ура!» Потом все замолкло. Еще через 1/2 часа, вернулись партизаны и с ними корнет Лукин. Все были возбуждены и говорили на перебой. Привели человек 5 пленных. Пленные боязливо жались в угол. Я еще раз подивился на русских солдат: до чего они были не злобивы. Им было жаль немцев и они старались их утешать, предлагая папиросы и уговаривая: «Ничего брат, тебе-же лучше! Поживешь у нас, а потом домой поедешь!» Вдруг, сотник, командовавший партизанами, обратился к одному из казаков, сидевшего на скамье и с какой-то отсутствующей улыбкой курившего папиросу. Он сидел согнувшись и рукой придерживал полу полушубка.

— Что с тобой?

Казак молча встал и распахнул полушубок. В холодном воздухе появилась струйка пара. Пуля попала ему вниз живота и он, ничего не сказав, прошел версту по глубокому снегу и сейчас сидел тихо, как бы не желая помешать общему радостному настроению. Я никогда его не забуду! Через 1/2 часа он умер.

Штаб полка стоял в нескольких верстах за нами. Иногда, по делам службы, приходилось туда ездить. Услыхав чей-то голос, появлялся полк. Крашенинников.

— А! Это вы! Ну, здравствуйте! Идем ко мне. Хотите чая? — Полковник обожал чай и пил его, мне кажется, весь день. Говорил он сильно в нос, растягивая слова.

— Ну, что-же? У вас на участке конечно тихо! Гриша! Дай чаю. — Гриша был деньщиком командира полка. Он привез его с собой.

— Значит все тихо. Никаких боев. А вот, я вам скажу: сколько лет я служу и сколько лет воюю, а Владимира на шею не имею. Да как его получить, когда нельзя написать никакой реляции! Все дело в реляции! Вот теперь я получил полк. Да какой полк! Один из лучших! Самый боевой! Ну, думал, теперь Владимира наверняка получу! — Ан! Шалиш! На фронте такое затишье и значит никаких реляций. А вы не думайте, на австрийском фронте мы тоже здорово воевали! Бывали бои страшные. Бот, особенно один.

— Я тоже там был.

— Это было, как это называлось? Еще там высота какая-то была. — Гришка! Какая это была высота? Помнишь ты мне в этот день, этакий негодяй, вместе чаю, какой-то брандахлыст подал!

— Высота 304, Ваше Высокоблагородие!

— Ну вот! Значит у высоты 304! — А ты смотри, не смей никогда больше такой мне чай подавать!

Полковник Крашенинников жаждал событий и геройских поступков, а на фронте царила тишина.

Однажды, ком, эск. ротмистр гр. Грабовский, вошел ко мне в землянку. В руке у него был тетерев. Оказалось что стая тетеревей села на поляне, между нами и немцами. Ефрейтор Опалихин, со второго выстрела застрелил одного из них. Не желая его оставлять, он за ним отправился. Тетерев был ближе к немцам, чем к нам, но он все-же благополучно его принес, хотя немцы по Опалихину и стреляли. Грабовский решил предподнести тетерева командиру.

Через день, наш эскадрон был дежурным. Часов в 8 вечера, мне доложили что приехал командир полка и меня спрашивает.

— Ну, вот, отлично! Где ваш Опалихин? —

— На заставе, г-н полковник.

— Значит туда едем. Садитесь в сани.

Он приехал в санках, вместе с адъютантом шт.-рот. Лимонт. Ивановым. Адъютант мне подмигивая, как-бы желая показать, что ожидает нас что-то веселое. Приехали на заставу. Командир полка поздоровался со взводом.

— А кто из вас тут Опалихин?

Из задних рядов послышался испуганный голос:

— Я, Ваше Высокоблагородие.

— Иди-ка, брат, сюда.

Опалихин, ни жив, ни мертв, выступил вперед и остановился перед полк. Крашенниковым.

— Так это ты застрелил тетерева?

— Так точно, Ваше Выс-ие!

— Ну, расскажи, как это ты его на версту с лишним, да первой пулей.

— Со второй, В.В.В.!

— Ну, все равно! Значит застрелил и за ним пошел... Рассказывай!

— Так точно! Пошел и принес.

— Ну, да! Принес... А немцы-то по тебе стреляли, а ты, под самым у них носом, тетерева схватил.

Опалихин окончательно растерялся. Адъютант, стоя за ком. полка, делал страшные гримасы, стараясь дать понять Опалихину, что он должен подтверждать все что ком. полка говорил.

— Так точно, В.В.В.!

— Вот это, Опалихин, ты молодец! Ты прямо герой! Значит тетерев у самой проволоки, а ты за ним. Немцы по тебе стреляют, а ты тетерева и притащил на заставу.

— Так точно, В.В.В.!

— Ну, вот, я тебе скажу: нигде, в Георгиевских Статутах про тетеревей не сказано. Но ты Георгиевскую медаль заслужил. Сейчас, я тебя представить не могу. Но при первой перестрелке, ты медаль получишь.

Вскоре, действительно, Опалихин получил Георгиевскую медаль. Я должен добавить, что он был отличным солдатом и уже имел Георгиевский крест.

В. Е. Скальский

Бой на перевале Шейхин-Геруси

Бой этот, разыгравшийся на небольшом участке фронта с участием лишь незначительных сил с обеих сторон, большого стратегического значения не имел.

Интересен же он главным образом как пример необычайной стойкости проявленной взводом Конной артиллерии в хаотических условиях того общего развала который летом 1917 года уже свел к нулю сопротивляемость Западных фронтов и уже сильно развивался и в рядах незадолго перед тем «сверхдоблестных», по выражению Вел. Князя Николая Николаевича, «Кавказцев».

К концу августа 1917 года Щейхинский перевал, на самой границе Персии и тогдашней Турции (ныне Королевства Ирака) через который шла дорога из Пагаде-Шиозанга в Персии в Ревандуз в Турции занимался тогда 2-м Карсским Пехотным полком при 2-х орудиях (взводе) 3-й Кавк. Конной батареи. Кавказского Конногорного дивизиона.

Перевал представлял собою типичную для местности лощину шириной сажень в 100, стиснутую скалистыми уступами безлесных гор.

Не имея под рукою карты, трудно дать более точное описание. Передовые позиции выдвинуты были на версту от гребня перевала, где кончалась колесная дорога. Затишье стояло полное. Турки ничем о себе не напоминали — разве только по утрам видно было порой как их пехотинцы пробирались за виноградом в виноградник, разделенный дорогою на, по молчаливому соглашению «русскую» и «турецкую» половину. Их не трогали, кроме того достопамятного случая когда наши их застали на русской стороне, да еще с ишаком несущим две большие корзины. Наши турок больно поколотили, отняли ишака, и виноград и прогнали во свояси. Это была мужицкая драка, ссора соседей, а не война, поэтому не было пущено в ход оружие и виновных в хищничестве не забрали в плен.

Прапорщик Карсского полка Петр Гогоберидзе не раз тревожил турок по ночам «снимал» их караулы. Любившие спокойно спать турки стали привязывать на ночь у караулов злейших курдских собак. Порой шла между нашими и турками меновая торговля, наш хлеб шел в обмен на турецкий табак и орехи — единственные продукты, в изобилии доставляемые турецкими интендантами. Идилия была полнейшая, без революционного «братания». Когда я раз с Петей Гогоберидзе пробрались далеко вперед, между скал производить съемку, мы сами не подозревая, провели полчаса под апатичными взорами турецкого часового, стоявшего всего саженях в 200 над нами среди утесов. Он или они могли бы нас подстрелить на вскидку, не целясь, но ничего не случилось. Только когда турок вышел из-за прикрытия, мы поняли в каком неудачном месте мы расселись для съемок, и кубарем скатились вниз оба со склона в заросшую кустами вдоль ручья лощину.

Начальником участка был тогда храбрый полковник Тугаринов, татарин командир Карсского полка. В памятный вечер 30 августа замещал его батальонный командир подполковник Попов, кажется болгарин по происхождению. Взводом командовал тогда я — это было мое первое пребывание на передовых позициях в огне я еще не был, и при всем своем энтузиазме 20 лет которых я достиг, вместе с чином подпоручика, лишь две недели перед боем — должен признаться, что роль выпавшая на мою долю была лишь ролью статиста.

Вся слава выпавшая на долю взвода в день 31 августа принадлежит по праву памяти поручика Акимова, срочно присланного командиром батареи полк. Ивановским, как только завязалось настоящее дело.

После вечера, проведенного у костров Карсцев, которые превзошли себя разыграв самодельный спектакль и дивертисмент с пляской я ушел на покой. Несколько озадачила всех какая-то ярко синяя звезда на западе. Сигнал или звезда? Как раз над позициями турок, но в небе или на склоне горы, сказать трудно. Но внезапно потухнув «звезда» сама разрешила загадку.

Перед отходом ко сну я велел взводному ст. у. оф. Буцу, смотреть в оба, т. к. могут в эту ночь быть сюрпризы. Лег спать не раздеваясь. Не успел подремать и часу, как сквозь сон услышал перекатную трескотню ружейного огня. Приказав седлать и приготовиться к выезду на позиции я явился к начальнику участка подп. Попову. По дороге к его палатке услышал справа с западной высоты, где стояла 1-ая рота карсцев, сперва «Ала-ла, ала», участившуюся стрельбу, потом хлопки ручных гранат и, наконец, наше «Ура». Карсцы в темноте не дрогнули и приняли турок в штыки.

Подп. Попов был видимо мало освоен с положением, и велел мне немедленно выезжать на позицию и открыть огонь. В кромешной темноте, не зная точно расположение наступающего неприятеля, открывать огня лишь ради шума, было бы смешно. Я доложил, что позиции будут заняты и огонь открыт с рассветом.

Еще задолго до рассвета прибыл поручик Акимов, а вскоре и полк. Тугаринов. Мы с Акимовым явились Тугаринову чуть начало светать. Он нас ознакомил с положением, сказав, что вдоль лощины карсцев потеснили, но что обе высоты держатся. Велел открыть огонь по турецких цепям, наступающим «в лоб» по лощине. «Ну с Богом» добавил этот татарин «горит восток зарею новой» открывайте огонь и ..... (он дрогнувшим голосом крепко выразился — это была ласка со стороны старого воина).

Наблюдательный пункт был выбран заранее, позиции двух орудий тоже, местность Акимову знакомая.

Мы оба заняли наблюдательный пункт т. к. мне нужна была тренировка. Турецкие батареи открыли огонь. Дистанцию они определили замечательно, первые же разрывы шрапнели были бы на поражение, но работать уровнем, видимо не умели: все разрывы были журавлями. Третьей очередью они покрыли наш наблюдательный пункт, но потом внезапно перенесли огонь нам в тыл. Пара клевков ударило вблизи зарядных ящиков и перепугали лошадей, но вреда не причинили.

После нескольких очередей на прицеле «30» (т. е. 75 Полевой артиллерии) Акимов перешел на огонь гранатами т. к. ясно были видны группы турок грабивших палатки отступающих передовых карсских частей. Гранаты легли верно и рассеяли турок. Один, тащивший под рукою не то полную торбу, не то подушку, полетел кубарем под откос. Был ли он задет осколком или просто споткнулся спеша укрыться от огня — нельзя было сказать. Вскоре мимо нас стали проходить раненые карсцы, а затем и просто отступавшие. Полковник Тугаринов, верхом, с нагайкой в руке и слезами катившимися по лицу, лупил беглецов, гнал их обратно — лицом к врагу, но безуспешно. По телефону он передал Акимову, что впереди нас больше нет прикрытия, и что левая (юго-восточная) высота вскоре будет очищена, но что доблестная 1 рота Карсцев еще крепко держится на западной высоте (справа от батареи).

Вскоре турки показались слева, и наблюдательный пункт, как и орудия, оказались под ружейным огнем. Мы с Акимовым вернулись к своему взводу, орудия были взяты впередки, и начался отход. Но не успели мы достичь гребня перевала, чтобы спуститься в долину, в направлении дер. Дрипки, или Шнозанга, как бивший по нас ружейный огонь так участился, что положение стало критическим.

Двигаться дальше по узкой долине переходящей в карниз — значило подвергать свою часть слишком большой опасности. Турки на наших глазах усеяли Ю.-В. высоту, стали спускаться нам в догонку, стреляя с колена, или садясь на корточки, — в бинокль можно было разглядеть лица. Акимов не смотря на отсутствие пехотного прикрытия — предоставленный своим силам, скомандовал «Стой» с передков. Ящичные номера с карабинами были высланы вперед и залегли цепью в качестве доморощенного прикрытия, и был открыт огонь прямою наводкою, под частным ружейным огнем турок. Опешивший противник, покрытый исключительно удачными очередями шрапнели на прицел 10 (25) верста, а потом и ближе, начал постепенно перебираться обратно за гребень Ю.-В. высоты, пули перестали свистать и шелкать о камни, настало затишье.

Помню, как Акимов весело крикнул наводчикам: «Пули, наводчиков к Георгию».

Я стоял на камне между орудиями довольный тем, что хотя молодецкое дело не моя заслуга, но что по крайней мере, я выбрал себе самое опасное место. Пожалуй для ободрения номеров, несколько скучившихся за щитами орудий, это было полезно, но мальчишеский задор играл главную роль.

Когда огонь турецкой пехоты стих, можно было с честью отступить. Ждать самостоятельных да еще наступательных действий от конногорного взвода никто не мог. Но Акимов решил иначе. Взвод двинулся обратно, в долину покинутую нашими частями, теперь уже плотно обложенную турками. (Правая западная высота уже тоже была в руках турок).

Я вызвался осветить положение, и с четырьмя всадниками поехал на рысях вперед, к горевшим и трещавшим складам патронов. Турки почти не показывались на виду, и стреляли редко. Мы подкинули жестянок с патронами в огонь и подобрали сколько могли консервов для взвода, не евшего с утра, полдень уже давно миновал. Вернулись благополучно. Взвод снова занял закрытую с юга позицию, но совершенно не заботясь о турецкой пехоте, которая могла бы показаться ежеминутно снова с Ю.-В. высоты. Акимов занял наблюдательный пункт на ю.-з. высоте, и повел огонь, меший туркам занять эту гору. Огонь велся беспереривно до 6 ч. пополудня, и турецкая пехота больше не показывалась. Я оставался при орудиях. Приказ об отходе пришел к тому времени, когда давление в компрессорах упало атмосфер на 16, и накат стал не полным. Патроны еще были.

Без помехи и выстрела взвод окончательно покинул перевал Шейхин Геруси.

За этот бой пор. Акимов был представлен к очень скромной и даже стеснительной для офицера награде: к Георгиевскому Кресту а ла Керенский, с лавровым венком. Георгиевский Крест получили и наводчики.

Прикрытие отступающей пехоты взводом «конников» пример не обычный для современной войны, и интересен психилогический эффект этого дела на наступающего врага: турки при более решительных действиях могли бы легко перебить и лошадей и прислугу, и захватить орудия. Но, они, видимо, не верили. что артиллерия лишена всякого прикрытия, и прятались от ее меткого огня за гребнем высоты, дав нашим остальным частям больше 6 часов на отход, и позволив всем запасам догореть до тла.

Гражданская война дала впоследствие массу примеров сильного психологического воздействия смелых выпадов ничтожного меньшинства против значительных сил противника, и современная стратегия рекомендует подобный образ действий, как например, просачивание малых групп отборных людей в расположение противника.

Шейхинский бой был **последним** в истории Кавказского Конногорного Дивизиона. До середины ноября, стояли по взводно в разных пунктах — мой взвод на горе Пажегирд.

После отошли на Урмию, а затем на Джульфу.

Д. Ю. Перре

Судьба

В списках лиц ВЧК в Москве, подлежавших ликвидации, находился и Лев Малиновский, с пометкой «Лицеист», хотя он уже был прапорщиком артиллерии.

Поручики К. и С. изъяли списки и таким образом занесенная рука была отведена.

В ноябре 1919 года на фронт выступил 2-й эскадрон Гродненских гусар, из состава дивизиона формировавшегося при Сводно-Гусарском полку. Среди офицеров находился и корнет Малиновский.

Добр. Армия отступала и точной связи между частями не было. Поэтому прибыв туда, куда было указано и не найдя там Сводно-Гусарского полка, командир эскадрона распорядился выслать взвод под командой корнета Малинского с целью войти в связь со Сводно-Гусарским полком.

Проблуждав по довольно глубокому снегу целый день и не найдя такового, к вечеру взвод оказался в деревне Ново-Софиевке, где стоял в охранении первый эскадрон Стародубовских драгун. В виду крайнего утомления лошадей, корнет Малиновский решил заночевать в Ново-Софиевке. В расположении взвода был выставлен дневальный,

а сам он поместился в хате вместе с командиром эскадрона Стародубовцев, поручиком де-Витт, старшим офицером поручиком Рафтопуло и корнетами Родионовым и Кононцем.

Дальнейшее передаю со слов корнета Малиновского, лично мною слышанное в Галлиполи (в то время уже бывшего штаб-ротмистром).

«Я проснулся от холода, шедшего от открытой двери и не подымаясь сказал: «Закройте дверь, господа!» и в тот же момент услышал: «Здесь нет господ, а товарищи», и мне сунули в лицо дуло Нагана, а вся хата была полна красноармейцами.

«Раздевайся!» Все мы, четверо Стародубовцев и я получили какие-то лохмотья. Лично я получил старые, протертые валенки, такую же шинелишку и шапку.

«Выходи!» Мы вышли и нас повели куда-то вдоль улицы.

«Стой» и почти сейчас же раздался залп.

Кто упал, не знаю, но я моментально согнувшись и подобрав полы шинели, проскочив под винтовками расстреливавших и, оказавшись за их флангом, понесся вдоль улицы.

Было еще совершенно темно. Неожиданность моего маневра и быстрота, сбила с толку красных. Я был уже в нескольких десятках шагов, когда раздались первые выстрелы в моем направлении. Я мчался изо всех сил, подгоняемый выстрелами, отчаянной руганью преследователей и желанием избавиться от них.

Было довольно скользко, так как накануне была оттепель, а за ночь подморозило и, вначале, я слышал, как то один, то другой из гнавшихся за мной с грохотом валились, задерживая при этом других. Мои же валенки сослужили мне неоценимую службу: во-первых они были легкими, во-вторых они не скользили.

Оставив далеко позади моих преследователей, я стал пробовать открыть калитку, чтобы свернуть в какой-нибудь двор. Несколько раз это мне не удавалось, но наконец одна из них открылась и я очутился во дворе.

Приближалось уже утро и крестьянин возился в хлеву, а его жена доила корову. Слабый свет ночника освещал их.

«Кто он друг или враг?» и я инстинктивно удержался от обращения за помощью. а увидев свежую, теплую кучу навоза, только что выброшенного, стал зарываться в нее, тем более, что крики были все яснее и яснее. Зарывшись с головой и оставив маленькое отверстие для наблюдения, я почувствовал, как меня бросило в холодный пот, при мысли о том, что меня может обнаружить собака и тогда неизбежный конец. К моему счастью в этом дворе собаки не оказалось.

Послышалось приближение моих гонителей, калитка раскрылась и во дворе оказались враги. Срезу же подбежав к хлеву и поминая всех святых и родственников, они набросились на хозяина, спрашивая его обо мне: крестьянин, действительно не подозревавший о том, что я у него в гостях, совершенно спокойно уверял, что тут никого не было. Повертевшись минуты две-три, они ушли.

Начинало сереть, а хозяин с хозяйкой все возились в хлеву... Наконец, они ушли в дом.

Выбравшись из навоза, я проскочил за хлев в небольшой садик, а затем выбежал к реченке... Снег тут был не особенно глубокий, а на реченке не было льда и я пустился вдоль нее, не зная направления, иду ли я к своим или чужим.

Светало... Но густой туман не позволял определить насколько. Я то бежал, то шел... Сколько времени это продолжалось, — не знаю.

Наконец я услышал крики команд, как всегда крепкие слова...

Поили лошадей... Но КТО?...

Я остановился и стал прислушиваться и тут я почувствовал, что я замерзаю (я был весь мокрый с головы до ног) и что у меня нет больше никаких сил, но в этот момент раздавшаяся команда: «Стародубовцы, выводи!» (это, как оказалось был второй эскадрон Стародубовцев), вдохнула в меня силу и бросившись в том направлении, я попал на заставу Гродненских гусар, под командой брата».

Судьба и теперь отнеслась милостиво к Малиновскому Льву!

11 октября 1920 года Гвардейский Кавалерийский полк, после перехода через Днепр, двигался в районе Чертомлыкских хуторов. Было получено донесение, что справа двигается большая колонна пехоты с артиллерией. Гв. кав. полк развернулся. Впереди оказался четвертый эскадрон (Гродненские гусары и Лейб-Драгуны).

Командир эскадрона, полк. А., имея за вычетом разъездов, в строю 58 человек и видя перед собою длинную колонну пехоты, продвигался очень осторожно вперед.

Учитывая, что каждая секунда промедления может окончиться катастрофой (колонна остановилась и хотя и медленно и нерешительно, но все же начала разворачиваться) корнет Малиновский стремительно вырвался вперед на своем вороном киргизе с криком: «За мной! Ура!...», увлекая за собой гусар и тотчас же поддержанный ротмистром Генрици с его Лейб-Драгунами, ворвался в массу неприятельской пехоты.

Результатом этой атаки было взято 964 пленных, 12 пулеметов и 2 орудия, т. е. был совершен «отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу».

Судьба опять благоприятствовала корнету Малиновскому.

Приказом Главнокомандующего за № 249 от 31. X. 1921 г. Малиновский был награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-ой степени.

В 1924 году, по прибытии в Париж, в полном расцвете сил, в возрасте двадцати шести лет, Лев Порфирьевич Малиновский лег спать и больше не проснулся.

Судьба, покровительствовавшая ему много раз, избавила его от забот будничной жизни.

А. Макарович

Расселение армии по Балканским странам

ген. П. Н. Шатилов

Глава третья

В середине июля, я выехал в Париж в сопровождении генерала Георгиевича. Там я должен был, как указывалось выше, просить новых ассигнований на перевозку Армии и снестись с военными властями о сохранении достаточного пайка в лагерях впредь до завершения начавшейся уже перевозки. Предупредив письмом генерала Миллера я, после 20-летнего перерыва попал вновь в Париж. Много в нем нашел нового, но город все же за это время изменился меньше, чем за следующие 20 лет. Следов от войны заметно не было. Жизнь была налажена. Цены были небольшие. С ген. Миллером я встретился впервые. Первое впечатление он произвел на меня довольно суровое, но уже через день, два, я составил о чем правильное суждение. В высшей степени воспитанный человек, большой эрудиции, скромный, спокойный, хорошо владеющий многими языками, пробывший много лет за границей и в мирное, и в военное время. Однако он не приобрел того налета, который выявлял, многих военных агентов, которые вращались в дипломатической среде, по своим манерам, и которые лишаются часто военной выправки и определенности суждений в разговорах.

Миллер мне очень понравился. Я был рад, что по моему предложению, зная только Миллера по его деятельности в период Великой войны, я посоветовал, в свое время, ген. Врангелю назначить его своим Военным представителем в Париже.

Миллер сопровождал меня повсюду. Мы побывали с ним у М. Н. Гирса, возглавителя нашего Дипломатического корпуса, у Маклакова, признававшегося нашим послом в Париже, и наконец, у генерала Вейгана, начальника штаба маршала Фоша.

В то время штаб Фоша еще существовал и ему были подчинены все французские войска. оставшиеся вне Франции. Вейган нас принял очень любезно и выслушал очень внимательно мою просьбу о сохранении нам в лагерях прежнего пайка и об оказании давления на Штаб Окупационного корпуса в Константинополе, чтобы он не мешал нашим распоряжениям по перевозкам в Сербию и Болгарию.

Вейган, видимо, не был в курсе чинимых нам затруднений, но обещал свое содействие. Но, в то же время, он указал, что, частично, эти вопросы выходят из ведения его штаба и что, где ему прийдется столкнуться с распоряжениями министерства, там роль его и даже Маршала чрезвычайно незначительна. Как то было странно слушать, что только что после одержанной победы, военные власти сразу же отошли на задний план. Результат от этого визита все же сказался и вопрос о сохранении пайка и ликвидации довольствия в лагерях фактически не осуществлялся.

В Париже я повидал Кривошеина и Гучкова. В это время Гучков был занят выяснением вопроса о возможности использования нашей Армии на Дальнем Востоке, в виду перехода власти к Меркулову. Оба они с большим интересом прислушивались к деятельности Врангеля и признавали, что его стремление сохранить Армию в организованном виде заслуживает полного одобрения.

Несколько иначе звучали слова Гирса. Он не решился прямо высказать обратное мнение, но в разговорах с ним, чувствовалось, желание ликвидации военной организации, что прежде всего, по его понятию, должно бы было облегчить наше расселение. Пробыв в Париже около 10 дней, я выехал обратно на Балканы.

***

Остановившись в Белграде, я получил указание ген. Врангеля не возвращаться в Константинополь, но продолжать работу по дополнительным перевозкам на Балканы. Это время для меня было самой отрадной порой. Просматривая сейчас сохранившуюся у меня переписку по вопросу о перевозкам на Балканы, я не мог не признать, что мною были приняты все решительно меры, использованы все связи и возможности, чтобы добиться, в конце концов, полного выполнения данного мне Главнокомандующим поручения по сосредоточению Армии на Балканах.

При этом вопрос заключался не только в получении согласия Балканских стран на прием всех наших контигентов, но я должен был добиться, от соответствующих Правительств, сохранения нашей воинской организации. В этом отношении, пришлось также много поработать и проявить известную изворотливость. Председатели Правительств, связанные давлением союзников, в переговорах со мною не упоминали о желательности или нет сохранения нашей организации и было бы ошибкой добиваться от них согласия на сохранение наших частей.

Нет сомнения, что, в этом отношении, они испытывали давление и английских и французских посланников. Французы действовали в желании поддержать авторитет Константинопольского Штаба, англичане же, вероятно, по установившейся

традиции, не допускали расширения русского влияния на Балканах. Никакой реальной опасности для них наша Армия не представляла.

Но как только приходилось вести переговоры с исполнителями и даже министрами или Военным или Общественных работ, то положение менялось в корне. Они были заинтересованы в получении дисциплинированных контингентов и не только соглашались но, подчас и настаивали на отправлении из лагерей целых частей. Это облегчало добиваться от ссрбов и болгар распоряжений своим представителям в Константинополе о необходимости предоставить ген. Врангелю право назначения тех или иных контингентов, что нам позволило, в конце концов, ликвидировать затруднсния, чинимые нам Шарпи.

Как мною указывалось выше, первое соглашение о нашем статуте было достигнуто в Болгарии. Оно касалось бригады генерала Гусельщикова. Это соглашение было важно потому, что в случае дальнейших перевозок прибывающие части автоматически получали те же права. Интересно отметить в этом соглашении, что Начальник Штаба Болгарской армии подчеркивает, что:

«Болгарское Правительство согласилось на принятие русских людей из Армии ген. Врангеля, при соблюдении двух обязательных условий: а) что люди эти прибудут в строго организованном виде и со своим командным составом; б) что Главное Командование будет ручаться за их благонадежность». Далес в этом же соглашении говорится: «Болгарское Правительство считает безусловно необходимым в отряде генерала Гусельщикова сохранение установленной Главным Командованием Русской Армии организации и командного состава. Только при соблюдении этой организации Болгарское Правительство считает возможным предоставить частям отряда правительственную работу».

Когда же последовало согласие Болгарского Правительства на прием новых контингентов для содержания их за счет сумм, ассигнованных послом Бахметевым, то генерал Вязьмитинов, сообщая об этом в своей телеграмме от 9 июля, доносил, что «Болгарское Правительство согласно принять на русское содержание часть Армии, лишь при соблюдении следующих условий: 1) Части назначаются исключительно по выбору Главнокомандующего. 2) Принимаются только части, имеющие полную воинскую организацию и дисциплинированные за которых ручается Главное Командование и 3) Никакие другие неорганизованные группы или партии, без ручательства Главного Командования, приняты не будут».

Что касается этого вопроса в Королевстве С.Х.С., то там его поднимать почти не приходилось, так как первая партия была принята на работы по расчистке полей после боев и сбора брошенного имущества, с неприменным условием сохранения военной организации и, что касается приема в Пограничную Стражу, то уже воинский ее характер не требовал каких-либо условий по сохранению наших частей, которыми она была пополнена. Наши части составили четы (роты) и более крупные соединения.

Приходилось только выяснить вопрос о праве ношения оружия и военной формы, на что последовало согласие сербских властей. Как известно, пока не износилась военная форма у наших офицеров, они ее носили почти до самой последней войны, не вызывая никаких возражений со стороны сербов.

Как видно, все заявления союзников в Константинополе, о требовании со стороны балканских правительств отправления только беженской массы, совершенно не соответствовали действительности. Так же заблуждался и М. Н. Гирс, находившийся под влиянием наших левых Милюковских кругов, считавший, что желание наше сохранить Армию, помешает только спасению и выводу из лагерей ее чинов.

Скоро после прибытия в Белград, я получил от генерала Миллера уведомление о последовательном ассигновании на устройство наших контингентов на Балканах еще 200.000 долларов и 1 1/2 миллиона франков. Это давало мне новые возможности для размещения в Болгарии и Королевстве С.Х.С. еще новых контингентов для содержания на наш счет, в ожидании возможности разместить их на работы. С другой стороны, я чуть ли не еженедельно стал получать, то непосредственно от Главнокомандующего, то от моего заместителя в Константинополе, генерала Кусонского, телеграммы, предписания, и просто письма о неизбежном прекращении довольствия наших частей в лагерях, о начавшемся ухудшении настроения среди них и на необходимость спешного решения вопроса о вывозе всех наших контингентов на Балканы. С другой стороны, ген. Врангель был очень недоволен, что до тех пор неизвестной нам организации — Кубанскому Земледельческому союзу Фальчикова — болгары разрешили перевести 1.000 человек с Лемноса. Какие-то левые связи способствовали получению этого разрешения помимо меня и Петряева. Но никаких предварительных мер на Лемносе принято не было и когда обрадованные союзники получили возможность грузить казаков без участия генерала Врангеля, то таковых земледельцев не оказалось и генерал Абрамов, главный наш начальник на Лемносе, стал грузить донских казаков. Но Фальчиков принял меры, чтобы воспрепятствовать их приему Болгарией, как не отвечающим условиям их приема для размещения на сельскохозяйственные работы и этот эшелон простоял на рейде Константинополя довольно долгое время.

Все это вызвало ряд сношений Врангеля с нашими посланниками на Балканах и в Париже с предложением, чтобы ни одна перевозка и ни одно ходатайство о переселении на Балканы не производилось бы помимо меня. В результате, с этих пор никаких самостийных выступлений по этим делам уже не производилось. Имея возможность обосновать мои просьбы о приеме на наше содержание состоявшимся ассигнованием крупных средств послом Бахметевым, я усилил мои настояния о согласии на новые перевозки одновременно в королевстве С.Х.С. и Болгарии. По многим данным, нам было много интереснее сосредоточить возможно больше частей в королевстве С.Х.С., но условия финансового порядка позволяли нам, в ввиду низкого курса болгарской валюты, за одну и ту же сумму содержать в Болгарии в 4 раза больше людей. Кроме того Болгары в желании получить иностранную валюту, склонялись более легко принять наши контингенты. В августе месяце, наконец, стали прибывать через Гевели, наши кавалерийские части для распределения по постам пограничной стражи. Туда же должны были быть направлены гвардейские казаки, по окончании осенних работ по расчистке полей сражений в Южной Сербии (Македонии).

В виду затяжки вопроса о приеме Балканскими славянскими государствами наших контингентов, мне пришлось принять меры к устройству наших контингентов в Чехословакию, в Грецию и Венгрию. Возобновилась переписка с Леонтьевым, Поляковым и Лампе.

По началу, как будто бы, выявились какие-то перспективы, но постепенно, все наши надежды улетучились и только Чехословакия приняла около 100 человек, по просьбе нашей академической группы в Праге, для поступления в высшие учебные заведения и 1.000 человек на сельско-хозяйственные работы. Независимо от меня принимались и дети в среднюю школу. Приняла и Венгрия около 200 человек.

Одновременно, с мерами по принятию наших контингентов на Балканы, я должен был озаботиться и вопросом о санитарной их помощи. Еще в бытность мою в Париже, я вошел в связь с Главноуполномоченным Красного Креста сенатором Иваницким, для организации этого дела. И. Н. Гирс мне сообщил, что, для получения дополнительных ассигнований на эту надобность, всего лучше передать заботу о попечении наших больных Красному Кресту. В этом случае Бахметьев легче согласится на новое ассигнование. Я так и поступил и действительно наш Красный Крест получил возможность организовать на Балканах наши лечебные заведения.

В заботах об организации нашей жизни на Балканах я получил согласие ген. Врангеля на открытие, по прибытии в Болгарию наших частей. Военной Академии. Болгария была избрана мною по двум причинам. Во первых, мы там ожидали сосредоточения большого числа наших частей, притом таких, какие обещали дать наиболее подготовленный для поступления в Академию состав слушателей и, во вторых, мы могли получить для этого значительную поддержку, во всех отношениях, со стороны Тополджикова. Болгария, по мирному договору, была лишена права иметь свою Военную Академию, почему она охотно должна была, по моему мнению, использовать нашу Академию для своих офицеров, подобно тому, как она посылала их, в мирное время в Петербург. Действительно Болгарское Военное министерство охотно отозвалось на мое предложение и мы достигли определенного соглашения по этому вопросу.

Ген. Врангель послал в Париж предложение генералу Головину, возглавить Академию, был подобран серьезный состав профессоров, но ген. Головин отказался. Тогда было предложено возглавить Академию ген. Юзефовичу, который охотно откликнулся, но вопрос стал осложняться, главным образом, тем, что мы наткнулись на определенное противодействие со стороны нашего посланника в Сербии, который узнав о нашем проэкте, стал горячо против него возражать. Он ожидал провала наших стараний по намечавшимся перевозкам в Сербию, при одном только намеке на возможность болгарским офицерам поступать слушателями в Академию.

Пришлось это дело отложить, и затем оно отпало в связи с намечавшимся скоро изменением отношений к нам со стороны правительства Стамболийского.

Весь конец июля и август месяц, я добивался согласия Болгарии и сербов на принятие новых контингентов. Как указывалось выше, болгары были склонны на принятие новых контингентов на наше иждивение, сербы же предпочитали устраивать наши части с тем, чтобы они своей работой сами добывали средства на свое содержание. Этим, конечно, выявлялось более серьезное отношение сербов, которые должны были предвидеть неизбежность, в короткий сравнительно срок, израсходования наших средств, что поставило бы их в необходимость принять на себя наше содержание.

Весь указанный период, я переезжал то в София, то возвращался в Белград. То там, то здесь получал и тревожные данные о возможности отказа. Приходилось искать свидания, то со Стамболийским, то с Пашичем, то с Министром

Общественных работ и Военным. А в тоже время тревожные сведения из Константинополя о неизбежном прекращении французского довольствия и о падении духа частей, — продолжали поступать.

Наконец, в начале августа, я получил согласие на принятие Королевством С.Х.С. — 3.000 человек на общественные работы, по прокладке новых железнодорожных линий и в конце августа от болгар согласие на прием на наше иждивение 7.000 человек.

Так как 7.000 наших контингентов должны были прибыть в Болгарию организованными воинскими частями, то пришлось договариваться об условиях их внутренней жизни и выработать меры к их довольствию, при помощи Болгарского Интендантства. Заключенное, по моим указаниям генералом Вязьмитиновым с ген. Тополджиковым соглашение вполне нас удовлетворяло. Мы сохранили полную нашу организацию, дисциплинарные права начальников, суды, имели казарменное расположение и в отношении продовольствия наши интендантские органы имели возможность взаимной деятельности с таковыми же органами болгарского Военного Министерства. Наш контроль, работавший при участии нашего Посланника, следил за расходованием переданных Болгарскому Правительству долларов, переведенных по существующему курсу на болгарские левы.

В Болгарию были назначены ген. Врангелем 6.000 человек с Галлиполи и 1.000 человек с Лемноса. С ними должны были прибыть штаб генерала Витковского и штаб Донского корпуса с генералом Абрамовым. Кавалерийская дивизия с генералом Барбовичем, ее начальником, становилась на Пограничную стражу в королевстве С.Х.С.

Начальник Кубанской Дивизии генерал Фостиков уже находился в Сербии, вместе с большей частью своей дивизии, отправленной на работы. Таким образом, большая часть наших контингентов и их старшие начальники со своими штабами, должны были к сентябрю месяцу уже покинуть лагеря Константинополя.

Медленно, но постепенно шла отправка и к 15 ноября, по точным данным, по донесениям наших Военных Агентов, в Болгарии сосредоточились: группа генерала Абрамова, считая и бригаду генерала Гусельщикова — 4.573 человека и группа генерала Витковского (1-й корпус) — 8.336 человек. Из всего этого числа на работах находилось 3.848 человек. К тому же времени в Королевстве С.Х.С. находились: на пограничной страже (Кавалерийская дивизия) — 4.203 человека. Отряд ген. Фостикова, в составе 3.000 кубанцев и 1.500 человек Технического полка, находился на работах. Итого к этому времени на Балканах сосредоточилось, примерно, 21.600 человек.

Кроме того, всякими дополнительными ходатайствами мне удалось еще перевести — 3 кадетских корпуса, Кавалерийское Училище, Галлиполийскую гимназию, семьи офицеров, казаков и солдат, лазареты — старался все сосредоточить на Балканах — в дополнение к разрешенным перевозкам.

Конечно, тщательного контроля при погрузках на пароходы и при разгрузках не производилось, кроме первой партии, почему на Балканы просачилось больше, чем нам было разрешено.

Но к зиме 1921 года в лагерях еще осталось около 12.000 человек. Добившись приема второй партии в оба государства, после короткого промежутка времени, я должен был начать новые попытки. Новое ассигнование в 200.000 долларов и 1.000.000 франков должно было этому способствовать. Новые усилия по приему обещали быть самыми трудными. При помощи Штрантмана удалось заручиться содействием посла Королевства в Париже — Спойлаковича, бывшего сербского Посланника в Петербурге, и нашего друга — посланника в Константинополе Шаповича, очень сблизившегося с ген. Врангелем.

Одновременно съездивши в Болгарию, я скоро получил соглашение на принятие на счет нашего содержания еще 1.000 человек и наконец, к зиме получено согласие болгар на принятие на работы еще около 7.000 человек.

От сербов я получил в августе согласие на прием новой партии в 1.000, из которых 500 человек были обезпечены работой.

Передо мной мое письмо М. Н. Гирсу, которому я сообщил в ноябре о результатах наших усилий по размещению наших частей. В нем я писал, что, согласно уже последовавшим соглашениям, к концу года в Болгарии мы сосредоточим около 17.300 человек и в Королевстве С.Х.С. — 9.700.

К этому времени, писал я дальше, в лагерях Константинопольского района остается около 2.500 человек, которые обеспечены сербскими предложениями работ, с начала 1922 года.

Таким образом, моя работа по передвижению наших частей на Балканы была выполнена. Оставалось лишь ждать начала 22 года, чтобы завершить перевозку.

Оставшиеся 2.500 человек в Галлиполи были сняты с французского пайка и они перешли на довольствие из средств Главного Командования, при существенной помощи, оказанной нам Лигой Наций и организацией Ара.

Я всегда с удовлетворением выполненного долга вспоминал это тяжкое для меня время. Не только Армия была выведена из лагерей, но она сохранила полностью свою организацию и были подготовлены пути для сохранения ее в будущем, при условии прекращения существования на отпущенные средства.

Вспоминая время нашего пребывания в Константинопольских лагерях и переселение на Балканы, невольно останавливаешься на роли французов. Франция оказала нам выдающуюся помощь при Крымской эвакуации. Без нее мы не могли бы не только сохранить Армию, но и неизвестно как бы мы вышли из создавшегося положения, когда на Босфоре появилось свыше 100 вымпелов и 150.000 людей, ушедших из Крыма.

Прием наш в лагерях и продолжавшееся почти год содержание наших частей и гражданского населения потребовали от Франции громадных расходов, которые конечно, не могли быть возмещены старыми судами отданными Франции в залог нашего содержания.

Увы, несколько начальников, и главным образом Шарпи и Бруссо, своим высокомерием и пренебрежением к нашим нуждам и желаниям достигли того, что вместо благодарности все русское население лагерей прониклось чувством недоброжелательности.

Даже исключительное благожелательство французских моряков и, главным образом, адмиралов де-Бона и особенно Дюмениля, не смогли изменить нашего отношения к французам. Лично я давно переборол это чувство и не могу не проникнуться благодарностью ко всему тому, что для нас сделала Франция в тяжкие для нас годы эвакуации и переселения по Балканским странам.

При моих переговорах на Балканах, мне пришлось столкнуться с представителями нашей общественности. Как в Болгарии, так и в Сербии наша эмиграция была представлена в подавляющем большинстве своим правым крылом. В Болгарии она была, по существу, по своим настроениям ближе к нашей белой идеологии, чем белградские круги. Там партийно-монархические элементы были очень сильны. Но в период усилий по нашему переселению, монархические круги высказывали нам полное сочувствие и готовы были чем только могли придти на помощь. По инициативе этих кругов была даже открыта подписка денежных средств на усиление средств Армии, которая дала, если не существенные, то, во всяком случае, трогательные результаты.

Генерал Врангель им представлялся как искренний монархист, только в силу своего положения возглавителя Белой Армии, официально придерживавшийся белой идеологии. При первых же его выступлениях политического значения, носивших определенно все принципы белой идеологии, не склонной стать на путь подчинения какой-либо иной партийной доктрины, многие лица, стали искать виновников среди его окружения, удерживавших, по их мнению, Врангеля от проявлений его монархических настроений. Конечно, как ближайший сотрудник Петра Николаевича, я был первым взят на подозрение. Когда же мне приходилось в Белграде или Софии высказываться по политическим вопросам, то, поневоле, я выявлялся ярким сторонником непредрешенческих принципов и людская молва приписала мне вредное, с точки зрения, влияние на Врангеля.

Тогда же впервые послышались голоса о моей будто бы принадлежности к массонству. Постепенно определенная неприязнь монархических элементов эмиграции в отношении меня росла. С другой стороны, по своим взглядам, я был также неприемлем и для левого Милюковского и социалистического крыла. Сохранившие к генералу Деникину свои симпатии круги, так же проявили в отношении меня свои отрицательные чувства. Лишь в той части общественности и вообще эмиграции, которая была органически связана с Армией, я чувствовал моральную близость. Находилось немало завистников. На мою долю выпала очень трудная, но одновременно и ответственная роль, дававшая мне большие возможности общения с выдающимися деятелями той эпохи и выдвигавшие меня в исключительное положение. Кроме того, в этот период я был материально обеспечен довольно широко, так как мне было ассигновано на расходы, связанные с моими передвижениями, от финансового отдела в Париже, около одного английского фунта в день, что при падении валюты на Балканах представляло довольно значительную сумму, несмотря на то, что на этот фунт я должен был нести расходы и на сопровождавшего меня офицера Генерального Штаба. Наконец мне в то время не было еще полных 40 лет, почему в глазах многих, более старших, я представлялся молокососом.

К концу моих шагов по переселению Армии на Балканы, я уже стал определенно чувствовать недоброжелательство со стороны известных кругов эмиграции.

После отправки в Болгарию третьей партии из Галлиполийского лагеря, с которой отбыл и штаб Кутепова, дальнейшее пребывание Врангеля в Константинополе, уже не представлялось необходимым, особенно в ввиду получения согласия, правда еще в принципе, со стороны Белградского Правительства на прием последней партии.

В ввиду этого я придпринял шаги перед сербами о возможности переезда в королевство С.Х.С. Врангеля и его Штаба. К этому времени международная обстановка на севере Балкан несколько осложнилась.

В Венгрии только что была выполнена, со стороны бывшего императора Карла, попытка к восстановлению императорской власти и кроме того со стороны венгров последовали заявления о том,

что по их сведениям прибывшие в Королевство С.Х.С. наши кантингенты привлекаются на усиление состава его армии. Это вынудило Штрандтмана и меня действовать с известной осторожностью и не поднимать вовсе вопроса о сохранении за Врангелем, в Сербии, его прав Главнокомандующего. Кроме того со стороны Штрандтмана, в виду его переговоров с министром иностранных дел, был выдвинут вопрос и о нежелательности деятельности в Белграде Русского Совета, организованного Врангелем в Константинополе. Лично я присоединился к этой точке зрения, но не был уверен в согласии на это со стороны Врангеля. Поэтому, я решил еще в августе месяце отправиться в Константинополь, чтобы переговорить с ним по этому вопросу лично. Мы долго обсуждали с Петром Николаевичем вопрос о дальнейшей судьбе Русского Совета, при чем я высказал Врангелю мое мнение, что, раз его деятельности на Балканах будет оказано определенное препятствие, то едва ли, лишенный председательствования Врангеля, он будет в состоянии оказать какую-либо нам пользу. В общем и Петр Николаевич был того же мнения, но, связанный определенными договорами с Советом и получая от него определенную моральную поддержку, Петр Николаевич искал наиболее безболезненного выхода, дабы не восстановить против себя, ставшими близкими нам, представителей общественности.

Практически было решено пригласить к Главнокомандующему двух товарищей председателя профессора Алексинского и князя Долгорукова и обсудить с ними создавшее положение. Мы считали, что они более объективно, чем другие члены Совета, отнесутся к самой возможности ликвидации Совета.

На следующий день Алексинский и Долгоруков явились к Врангелю и я им изложил создавшееся положение, при котором ни в Болгарии, ни в Королевстве С.Х.С. официальное существование Совета не представлялось возможным. Подробно остановившись на переговорах, которые я вел по этому вопросу с нашими посланниками и с представителями власти в обеих государствах, я посоветовал Русскому Совету самому принять решение о сложении с себя правительственных функций, являвшиеся, к тому же одной фикцией, сохранив за собой лишь финансовые и контрольные функции и ограничив свою деятельность политической работой.

Ни со стороны Алексинского ни Долгорукова препятствий к этому не встречалось. Врангель перед тем как нам расстаться, просил их никому не говорить о нашем совещании, чтобы лишь на предстоящем, на следующий день, общем собрании Совета поднять этот вопрос, на котором и получить содействие обоих товарищей Председателя. Они это определенно обещали. Но в тот же день все члены Русского Совета были осведомлены о нашем секретном собрании и уже стало известно о том, что за редким исключением, члены Совета обвиняли меня в давлении на Врангеля покончить с Советом.

К числу моих недоброжелателей прибавилось еще значительное число общественных деятелей. Все члены Совета получали приличное содержание из нашей казны и в ограничении их деятельности, и при грозящей ликвидации, они чувствовали возможность прекращения казенного денежного довольствия. Вполне понятно, что и это играло известную роль в проявлении затем определенной с их стороны ко мне недоброжелательности.

На состоявшемся заседании Русского Совета, под председательством профессора Алексинского, я изложил сначала Совету вопрос о принятии наших контингентов на Балканы, сообщил о результатах моей поездки в Париж и наконец коснулся, болезненного для Совета, вопроса о возможности его переезда на Балканы.

При этом кн. П. Долгоруков задал мне вопрос о моем отношении к Русскому Совету и о моих переговорах по поводу него в Сербии, Болгарии и Париже. На это я ответил, что в Париже я уклонился высказываться по вопросам политического значения, так как туда, одновременно со мною, был командирован Главнокомандующим С. Н. Ильин, его помощник по политической части, но мне все же пришлось высказываться однажды лично от себя на вопрос — о том считаю ли я лично за Русским Советом преемственность власти адмирала Колчака. На что я ответил, что преемственность власти принадлежит Главнокомандующему, который лишь разделяет ее с Русским Советом. На вопрос о переезде Русского Совета в Сербию, я сообщил, что вопрос этот крайне осложнился и что из последнего моего разговора с Пашичем следует, что даже вопрос о переезде туда Врангеля находится в неопределенном положении, так как Скупщиной только что принята Конституция Королевства, по которой не допускается на территории Королевства пребывание чужой армии. «Генерал Врангель будет нашим высоким гостем, но признавать его Главнокомандующим мы не можем», — заявил Пашич. В силу этого, с точки зрения сербских властей, официальное функционирование какого-либо нашего правительственного органа в Белграде не представляется возможным. Поэтому я высказал пожелание о роспуске Русского Совета, хотя бы временного.

По этому вопросу не было прений и мое сообщение было лишь принято к сведению. Петра Николаевича на этом заседании не было. Я ему посоветовал не присутствовать, чтобы дать членам Совета сначала пережить неизбежную необходимость и лишь потом приступить к обсуждению этого болезненного вопроса о постепенной самоликвидации.

Но члены Совета не скоро примирились с необходимостью, если не ликвидации, то, по край-

ней мере, ограничения своих эфемерных правительственных функций.

На следующем заседании Совета, уже под председательством Врангеля, послышались упреки по отношению самого Петра Николаевича, который в своем выступлении заявил, что и он и Армия никогда не забудут поддержки, оказанной Русским Советом громко выступавшему перед иностранцами и нашей левой общественностью, в нашу защиту, что создавшаяся обстановка вызывает ряд сомнений в возможности, в дальнейшем, наличия при нем правительственного аппарата и внешнего проявления его власти, как Правителя. «Не пришло ли время, — говорил Петр Николаевич, — и правительственным органам, и Русскому Совету уйти в подполье, или как-нибудь замаскировать свою деятельность». В заключение, Врангель заявил, что никто другой, больше чем он сам, не может судить какую огромную моральную поддержку оказал ему Русский Совет в пережитое трудное время. Он добавил, что никакой у него задней мысли нет и что никакой недоговоренности у него в отношении Совета никогда не было и не будет.

На последнем заседании Президиума Совета, 23 сентября 1922 года, Петр Николаевич обратился к нему с речью, в которой заявил, что он предполагал лишь временно прекратить деятельность Русского Совета, считая невозможным произвести, в создавшихся условиях, новые выборы в широком масштабе. Но Совет вынес постановление о своей ликвидации, которое он как Председатель Совета утверждает. Ознакомившись с прениями, он счел необходимым добавить, что упреки ему некоторых членов Совета, что ликвидация его являлась преднамеренным решением из опасения засилия одной из политических группировок и обвинение одного крыла другим о взрыве Совета, свидетельствует о том, что дальнейшая его работа протекала бы в атмосфере партийной борьбы.

При переходе Армии в Сербию и Болгарию в Русский Совет вошло большое число, говорил далее Петр Николаевич, лиц искренно сочувствующих Армии, но более далеких ей в прошлом. Поэтому он должен отказаться от создания вокруг Армии государственно-национального центра, могущего объединить работу общественно-политических кругов. Ныне она ставила себе задачей облегчить на чужбине тяжелое существование своих соратников и сохранить русскую Армию, единственно реальную политическую ценность за рубежом. «Я верю», закончил Врангель, «что наступит время, когда утихнут политические страсти и русские люди объединятся перед лицом общего врага».

В отношении ликвидации Совета я не принимал никакого участия. Я уже не состоял Начальником Штаба Армии и в политической деятельности Врангеля не принимал никакого участия. Но я еще немного раньше считал необходимым ограничить политическую деятельность за рубежем Главного Командования и еще год назад считал нужным ликвидировать Русский Совет. Несомненно, что в нашей борьбе за сохранение Армии Русский Совет оказывал нам существенную моральную поддержку и давал опору на русскую зарубежную общественность, но Русский Совет имел лишь местное константинопольское значение. Никакие, даже вполне поддерживающие нас политические организации в других странах, не признавали за ним тех прав, которые были так дороги членам Русского Совета. Особенно были против Русского Совета наши дипломатические представители. Они всецело впряглись в работу по приему наших контингентов Балканскими государствами, хорошо были осведомлены о тех затруднениях, которые могли препятствовать этой работе и видели в появлении на Балканах Русского Совета ненужное Армии препятствие.

В этом отношении и я был на их стороне.

(Продолжение следует)

Александр Осипович Орловский

(1777 - 1832 гг.)

Орловский родился в скромной польской семье. С раннего детства он пристрастился к рисованию. Оценивший его способности, князь Чарторижский отправил его в школу, но в 1794 г. вспыхнула война с Россией и Орловский поступил в ряды польских войск. В одном из боев он был ранен. По излечении, он вел бедную бродячую жизнь, пока его не заметил князь Иосиф Понятовский, серьезно занявшийся им. В 1802 г. его польские покровители переправляют его в Петербург. Нарышкин представляет его Цесаревичу Константину Павловичу, который помещает его в Мраморном Дворце и представляет должность придворного живописца. Цесаревич направляет его к рисованию форм Русской Армии. В 1809 г. за картину «Бивуак казаков» Академия Художеств признает его академиком батальной живописи, а через десять лет он причислен к Генеральному штабу для изображения военных форм. Обрусевший поляк оставил большой след в русской военной живописи. В

своих рисунках, он является одним из первых представителей реального направления. Его кисть отличается жизненностью и колоритностью. Особенно любил он изображать конницу.

Рисунки Орловского:

Штаб-офицер л.-гв. Драгунского полка.
Унтер-офицер армейского гусарского полка.
Казак Атаманского полка.

1.

Выписка из воспоминаний французского офицера Бэллера о боях под Корфу (1799 г.) против русских и турецких войск

«Русские построили карре в середине острова. Тем из французов которым удалось укрыться в этом карре посчастливилось, так как почти все другие были безжалостно перебиты турками и албанцами и их головы отнесены турецкому вице-адмиралу Кадирбею. Капитан Леберт, адъютант генерала Пирерона, был ограблен албанцами и принужден нести мешок с отрубленными головами. В тот момент когда эти звери готовились обезглавить и его, к его счастию появился русский офицер, который дал им денег с тем, чтобы капитан был доставлен живым на адмиральский корабль. Это все, чего мог добиться благородный русский.

Много других французов, попавших в руки турок, были выкуплены русскими солдатами и матросами и спасены от ужасной смерти. Один майор, фамилию которого я к несчастию забыл, отдал туркам с этой целью все деньги, которые он имел на себе и даже пожертвовал своими ценными часами, чтобы спасти жизнь еще двум французам. Такие поступки утешают душу, когда мысль возвращается к этим кровавым событиям...

Каждый вечер, русская армия совершает торжественную молитву. Когда войска находятся на суше, они строят карре, в середине которого становятся офицеры и барабанщики. После боя барабанов, начальник командует взять ружья под руку и снять головные уборы. Затем каждый тихо произносит слова милитвы. Все офицеры опускают шляпы. Церемония эта коротка, но очень внушительна. Она укрепляет солдата и матроса и дает им новые силы для перенесения тягот и опасностей боевой жизни...»

Bellaire. Précis des opérations générales de la division française du Levant. Paris 1805.

2.

Отрывок из письма капитана Эрбэ, от 11 июня 1855 г., из взятого французами Волынского редута:

«Днем, генерал, подполковник и я, укрылись от солнца в незанятой части порохового погреба. У входа в коридор я увидел раненого русского солдата и предполагая что он тоже искал тень, не сделал ему никакого замечания. Через полчаса я нашел этого же раненого в конце коридора у двери в пороховой погреб. Так как он не мог ходить, я приказал вынести его на воздух. Через два часа я вновь нашел его у входа в погреб, без всякой видимой причины он, с невероятным трудом дополз до него. Подозревая что то неладное, я снова приказал его вынести и обыскать... Он держал в правой руке спички. Видно он много раз пытался воспламенить их об иконку, которую он зажал в левой руке. Вернувшись к двери порохового погреба я действительно подобрал три спички, которые не воспламенились... мне стало ясно, что несчастный хотел нас всех взорвать. Его рана не была смертельной, его нога была разбита пулей и он имел все основания выжить после ампутации ноги. Желая взорвать пороховой погреб, он жертвовал своей жизнью, сознательно, без рисовки, за своего Бога и за свою Родину... во имя долга. Если бы я был менее восхищен этим скромным солдатом, я наверное приказал бы его расстрелять. Кто мог бы мне бросить упрек? Я ограничился тем, что приказал его привязать и наблюдать за ним до того момента, когда станет возможным перенести его на перевязочный пункт. Иконку его я от него отобрал. Она состоит из трех маленьких медных дощечек, которые налагаются одна на другую. На внутренних их сторонах, на фоне голубой эмали, выпукло изображены сцены из священного Писания. Эту иконку я сохраню, чтобы подарить ее вам по моем возвращении, на память о взятии Волынского редута. Почти все русские солдаты носят на груди подобные иконки».

Général Herbé. Français et Russes en Crimée. Paris 1892.

3.

Полевая книжка генерала-адъютанта В. Н. Данилова, командира XXIII-го Армейского корпуса. Октябрь 1914 г.

11 октября.

Начальнику 3-й гв. пех. дивизии.

«Ваше распоряжение в вопросе Ловича возражения не вызвало. Вчера я был недоволен действиями во первых авангарда, который был выслан с вечера и на другой день к прибытию главных сил, в 10 1/2 часов утра еще ничего не знал о неприятеле, почему все вчерашнее наступление носило характер темноты.

Дальнейшее движение колонн также было с завязанными глазами, крайне робкое и вялое. К стыду дивизии, только вы, начальник дивизии, лично поехав в Неборов, прислали известие с японским офицером, что в Неборове нет немцев, а сколько туда брошено даром дорогих тяжелых снарядов. Глубоко убежден, что только более смелое наступление даст хорошие результаты. Если гвардейская дивизия не возмет сегодня Лович, будет очень печально. Обед людям, только после занятия Ловича. Лович возьмите непременно. По всем донесениям нашей и Армейской конницы — там незначительные силы австрийцев. Данилов».

11 октября. Командующему 2-й армией:

На вакантные должности в Корпусе, представляю:

1) Полковника Новикова (ныне командир 1-го стрелкового полка) — на должность начальника 1-й стрелковой бригады с производством в Генерал-Майоры. Вполне заслуживает и желателен в боевом отношении и во всех других.

2) Генерального Штаба полковника Савченко-Мациенко (зав. пер. войск) и л.-гв. Петроградского полка Жабчинского — на должности командиров полков 1-й бригады 2-й пехотной дивизии.

3) Командир л.-гв. Петроградского полка генерал-майор бар. Боде представляется на должность командира бригады 3-й гв. пех. дивизии.

4) Нач. штаба 3-й гв. пех. дивизии полковник Кузнецов, как особо выдающийся, на должность командира л.-гв. Петроградского полка с производствомв генерал-майоры.

5) Петроградской крепости нач. местной команды подполковник Салло на должность коменданта штаба 23-го арм. корпуса.

6) На должность командира штаба 1-го стр. полка кандидата не имею. Данилов».

11 октября. Нач. Штаба 2-й Армии:

«В 1-м дивизионе 2-й артил. тяжелой бригады нет технического мастера, а между тем у некоторых передков соскакивают колеса вследствии движения по грунтовым дорогам и больших переходов — размололась нарезка. Прошу о командировании в дивизион технического мастера. Данилов».

11 октября. Начальнику 3-й гв. пех. дивизии:

«Спешу ориентировать вас, а через вас командиров частей дивизии. Командир 2-го Сиб. корпуса сообщает, что сегодня ночью Скерневицы взяты. 5-ая дивизия взяла правую половину, а 4-я дивизия левую половину Скерневиц. 2-й Сиб. корпус теперь идет занимать позицию на высотах 87,7 а фронтом на Вымыслов-Романевице до озера Окрента. Путь следования 5-го Сиб. корпуса Скерневице - Маковск. Воля — Яцоков, Закулич, Вржечко, Речица, Кремпа. Штаб 4-й дивизии — Лышковице, штаб 5-й дивизии — Вржечко. Штаб 2-го Сиб. корпуса — Селигов. Стрелковая бригада подходит. Спасибо, что подогнали боевую линию. Кузнецова сегодня представил на должность командира Петроградск. полка. Продолжайте подгонять. Данилов».

14 октября. Командиру Автомобильной роты 2-й Армии:

«Ввиду отдаленности корпуса от армии единственной надежной связью являются автомобиль и мотоциклетки. 1) В штабе корпуса имеются четыре автомобиля. Очень старые, постоянно в починке и ни шин, ни каких запасных частей не имеют. Они находятся в таком состоянии, что каждый час можеем остаться без автомобилей. Если возможно, прошу один, лучше два автомобиля, не старых. А также — 10 шин и разные запасные части. 2) В штабе корпуса имеется одна мотоциклетка. Из опыта выведено, что с важным донесением необходимо посылать две мотоциклетки вместе. Прошу отпустить 9 мотоциклеток. Обо всем этом я доносил Командующему Армией. Данилов».

14 октября. Командующему 2-й Армией:

«Доношу, что 7-й Ревельский полк прибыл к корпусу в весьма плачевном виде. Нижних чинов избыток. Офицеры в половинном числе, преимущественно прапорщики запаса. Пулеметов — один. Оба полка бездомные, без дивизионного обоза. Штаб и управление в Новогеоргиевске. Очень прошу прислать возможно скорее недостающее имущество во 2-й пех. дивизии и возвратить затем к корпусу 1-ю бригаду с начальником дивизии. Мне не известно имеется ли бригадный командир в этой дивизии. Если уже назначен, прошу командировать его во 2-ю бригаду при корпусе. Данилов».

14 октября. Командующему 2-й Армией:

«Сегодня прибыл аппарат Фармана с унтерофицером Зайцевым. На пути обстрелян обозными 2-го разряда хотя летел очень низко. Две пули попали около сидения летчика. Аппарат годится к работе. Очевидно приказание Ваше не дошло до тыловых учреждений. Кроме национальных кругов, летчик будет лететь очень низко над своими войсками. Соседние корпуса я предупредил. Данилов».

15 октября. Командующему 2-й Армией:

«Сегодня телеграфировал Вашему Высокопревосходительству о получении плохого хлеба или вовсе неполучения. Хлеб везется за 125 верст и еще далее, по такой сырости покрывается плесенью и даже внутри зеленью. Необходимость полевых хлебопекарень настоятельная. Все операции сойдут в ничто, если солдат будет без хлеба, т. е. голоден. Покорно прошу обратить Ваше внимание на этот серьезный вопрос. Полевая хлебопекарня складывается в один час времени. Следовательно можно держать всегда в одном переходе. Данилов».

16 октября. Начальнику 3-й гв. пех. дивизии:

«Авангарду Вашей дивизии сегодня приказано дойти до Сокольники. Если передвижение не будет трудное, возьмите авангардом Озорков. Там вчера было 4 орудия, но с подходом авангарда, конечно

их уберут. Надо только подгоняться, чтобы взять Озорков не позже 4-х часов — засветло. Ожидаю Вашего донесения о взятии Озорков. Сделайте должное внушение нач. авангарда, чтобы попустому не тратить время. Держите с ним связь и подгоняйте. Обед после взятия Озорков. Данилов».

16 октября. Командующему 2-й Армией:

«12 сентября 1914 г. в Уяздовском Военном Госпитале скончался командир 2-й тяжелой артиллерийской бригады полковник Собичевский. В 23-м корпусе находится 3-й дивизион этой бригады, командир которого, полковник Миролюбский, как старший в бригаде, должен быть назначен временно командующим бригадой. О чем прошу приказать. Вместе с этим прошу о переводе Управления 2-й тяжелой бригады из 3-го дивизиона в 1-й, т. е. из 1-го армейского корпуса в 23-й. Полковник Миролюбский состоит кандидатом на бригаду, а потому ходатайствую об утверждении его в должности командира 2-й тяжелой артиллерийской бригады. Данилов».

20 октября. Генералу Новикову.

«При занятии сегодня Поддембице, в городской больнице оказался раненый немец и два Александрийских гусара, унтер-офицер 2-го эскадрона Игнатий Лаптев и того же эскадрона Иван Мазарек. У первого сидит две пули, а у второго 6 пуль. Данилов».

21 октября. Командующему 2-й Армией:

«Представляя при сем наградной лист на командующего 38-м Донским казачим полком (Нач. корп. конницы 23-го арм. корпуса) Войскового старшины Ивана Кутырева, ходатайствую об утверждении его в должности командира 38-го Донск. каз. полка 3-й очереди, с производством за боевые отличия в полковники. Службой этого полка я вполне доволен. Полное освещение впереди и на флангах. Несколько раз в день приводят пленных его разъезды, при чем имеются раненые казаки. Начальник штаба моего корпуса также в высшей степени доволен службой Кутырева. У Гуры Кальварии, полк проявил выдающиеся качества. Сокращая время для быстрого прохода по мосту, я приказал им пробиться берегом в ту или другую сторону. Одна часть проскочила в Варшаву, другая переправилась через Вислу — остальные добрались разными казачьими ухищрениями. Данилов».

Без числа. Командующему 2-й Армией:

«Георгиевскому кресту: 1) генерал Шильдбах, по пункту 21, решил сразу сражение в нашу пользу под Ловичем, 11 октября, захватив на ура третий главный окоп. 2) генерал Бурман, по пункту 45, управлял всей артиллерийской позицией ослабил настолько артиллерийский и ружейный огонь, что позволил Литовскому полку с двумя ротами Волынского овладеть главным окопом и решить сражение в нашу пользу. 3) командующий 38-м казачим полком, войсковой старшина Кутырев, по пункту 18 статута. Непрерывной отважной разведкой доставлял ценные сведения и пленных с 1 октября по 25-го. Его же полк, под выстрелами переправился вплавь через Вислу. Захватил неприятельский обоз и в нем 7.000 марок, 27 августа у Хоржеле.

Золотое Оружие: генерал-майор Кондратович, статья 28 статута. При атаке переправы у Болимовской веси, принимал энергичное участие в операциях, подвергая свою жизнь опасности, способствовал удачным действиям корпуса. Командир 23-го мортирного дивизиона, полковник Суханов и командир 1-го тяжел. дивизиона 2-й тяжел. бригады, полковник Миролюбский, оба по статьи 18. При атаке переправ у Болимовской веси, управляя действиями батарей и находясь под действительным огнем противника на наблюдательных пунктах нанес неприятелю решительное поражение заставив замолчать и убрать вовсе неприятельские батареи. Чин генерал-майора: полковник Черкас. Энергично восстанавливал разрушенные мосты и дороги, строил новые мосты неоднократно под огнем противника, с убылью людей. Благодаря чему корпус всегда мог выполнить данные ему задачи. Награды за Гура-Кальварию представлены ранее. Прошу включить их также. Данилов».

25 октября. Начальнику Штаба 2-й Армии:

«Прошу о переводе подпоручика 87 Нейшлотского полка Петра Бадмаева в 7 Ревельский полк. Офицер этот, если перевод состоится, будет прикомандирован к штабу 23-го корпуса для исполнения должности моего адъютанта, вакантной за ранением поручика Салова. Данилов».

27 октября. Генерал Квартиримейстеру 2-й Армии:

«Начальник штаба 1-й стрелковой бригады, полковник Герасимов переутомился до обмороков. Доктор определил эвакуацию его в госпиталь недели на две. Временно назначил в штаб 1-й стр. бригады шт. ротмистра Гатовского».

На этой записи кончается служение Государю и Родине генерал-адъютанта Данилова. В его полевой книжке, 1-го ноября 1914 г., отмечено другой рукой: «Скончался от разрыва сердца».

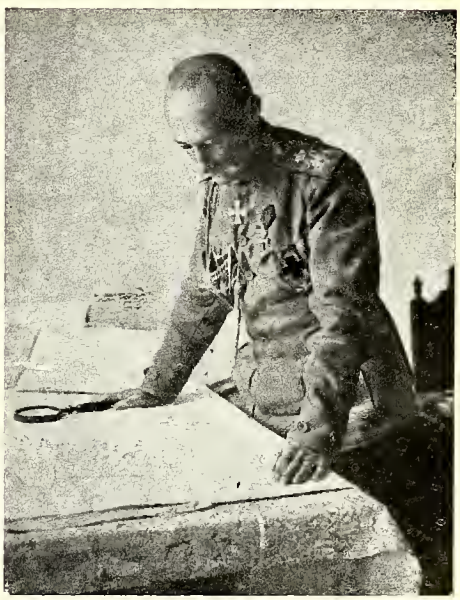
(Оригинал в зарубежном музее л.-гв. Егерского полка)

1915 г. Преображенцы под Ломжей

1916 г. Штаб 4-й Кавк. стр. дивизии под Эрзерумом

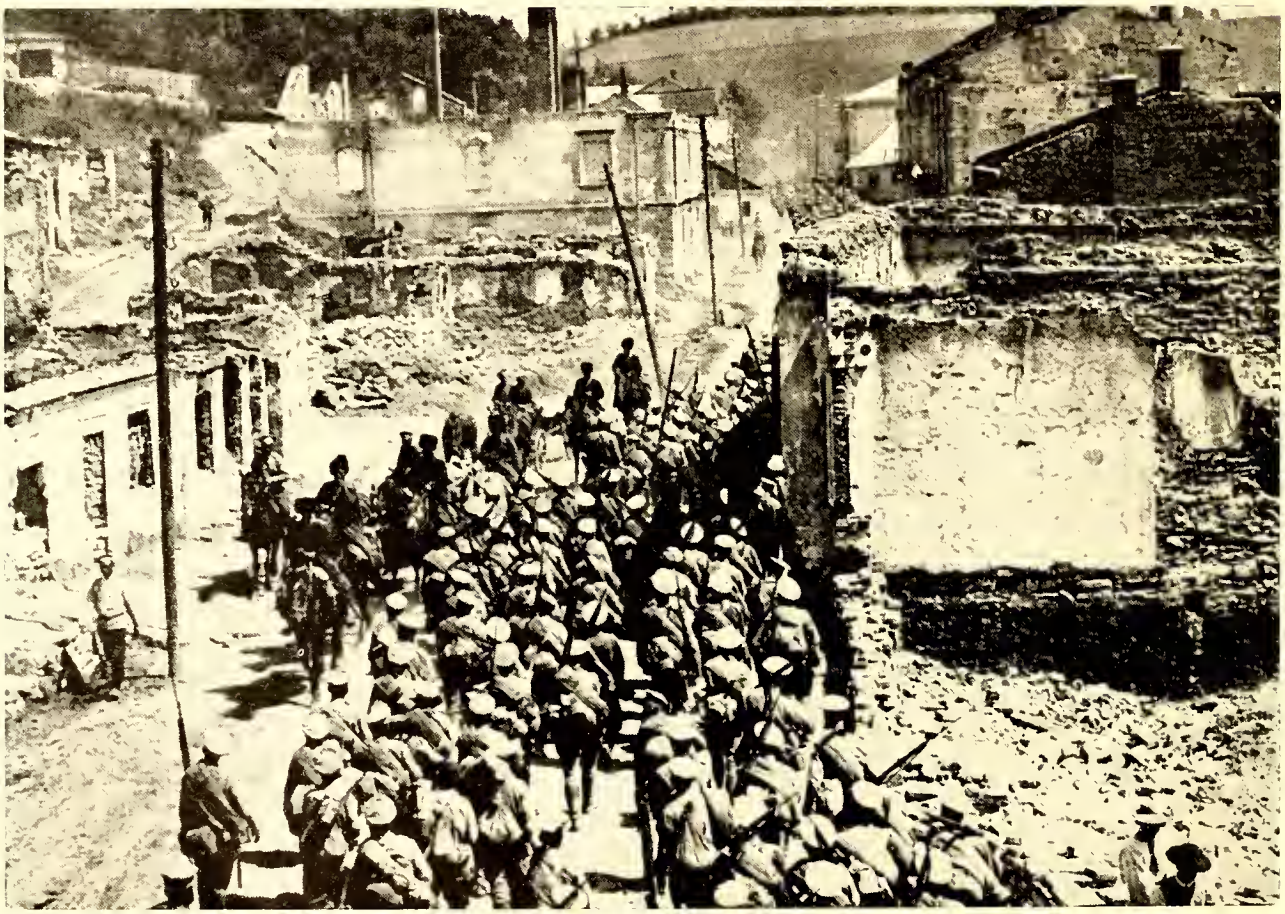
1/14 апреля 1916 г. Совещание в Ставке

1915 г. В. Кн. Николай Николаевич и отец Шавельский



Генерал Брусилов

1916 г. На румынской границе. Ген. Богинский



1916 г. Наступление в Галиции

(Клише любезно представлены «Revue Historique de l'Armée»)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 41

МАЙ 1973 года

СОДЕРЖАНИЕ

От правления. Знак «призрения за верную службу» 2
Трехсотлетие рождения Петра 3
Памяти Наследника Цесаревича Николая Александровича в Ницце. **В. А. Каменский** 4
Записки **графа Д. Ф. Гейдена** (продолжение) 6
Вооруженное выступление юнкеров в Москве. **А. Волков** 13
Борис Ерофеев (памяти поэта Ахтырских гусар) 17
Расселение армии по Балканским странам. **Ген. П. Н. Шатилов** (продолжение) 18
Русский отдел Королевского Музея Армии и Военной Истории. **Д. И. Поздняков** 22
Документы: 28
1. Мнение кн. Потемкина об обмундировании. 1783 г.
2. Приказ по Армиям. 1812 г.
3. Правила для руководства солдату. 1830 г.
4. Приказ 1-му гвардейскому корпусу. 1917 г.
5. Награждения сестер милосердия.

Картины прошлого 31

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

На правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **С. П. Андоленко**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Членские взносы (минимум 5 фр. фр.), плату за подписку (10 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд, направлять Вере Аркадьевне Щитковой:

— банковским чеком на имя Madame Stchitkoff;

— почтовым переводом: Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire, 92600 - Asnières. France. **В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитывает от получателя;**

— переводом на: Compte Chèques Postaux, nº 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8. Цена номера 5 фр. франков.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на оставшиеся в ограниченном количестве медали Общества, а именно: 1) Гвардия (1700-1950) бронзовые. 2) Обороны Севастополя (1855-1955), бронзовые. 3) Полтавы (1709-1959) бронзовые. 4) Отечественной Войны (1812-1962) бронзовые. 5) Орд. св. Георгия (1769-1969) серебрянные. Цены на бронзовые медали: 35 фр. фр., на серебрянные: 120 фр. фр.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 - Paris.

По делам редакции Сергею Павловичу Андоленко: M. Andolenko, 3, rue Villebois-Mareuil. 94300 - Vincennes. France.

Заказы на медали и старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

Общество Р.Р.В.С. издало сборник «Сто крат священ союз меча и лиры». В нем представлено, большей частью избранными четверостишиями, более 600 од, поэм, песен и стихов, посвященных России, ее Царям и полководцам, командирам, солдатам, полкам, войнам, походам и боям. Цель его запечатлеть душу русской армии, такой какой она была «От Петра до Николая».

Цена 12 фр. фр. (с пересылкой). Заказы с приложением стоимости посылать по адресу: Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire. 92600 - Asnières. France.

С будущего номера (ноябрь 1973 г.) цена на номер, устанавливается 7 фр. фр.

ЗНАК «ПРИЗРЕНИЯ ЗА ВЕРНУЮ СЛУЖБУ»

Одним русским собирателем и нумизматом недавно обнаружен знак времен царствования Императрицы Елисаветы Петровны, который выдавался уволенным со службы старым солдатам.

Знак этот, позолоченный, нашивался на одежду. Предполагается, что он давал право на кров и стол во всех частях русской армии, при следовании воина на родину.

Посколько известно, этот знак нигде, в дореволюционной литературе упомянут не был.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ 1973 г.:

1773 г. 9 мая — Поиск Суворова на Туртукай.
1873 г. 29 мая — Взятие Хивы генералом Кауфманом-Туркестанским.

Трехстолетие рождения Петра

В 1972-ом году исполнилось 300 лет со дня рождения Петра Великого. По этому случаю, на страницах русской печати появилось не мало статей. Одни из них возносили, а другие хулили память нашего первого Императора. Так было всегда. Уже одна страстность, с которой разные авторы писали о Петре, доказывает, что эта тема продолжает захватывать и волновать.

Вот почему не лишено интереса напомнить мнения о Петре особенно авторитетных деятелей прошлого.

Оставим в стороне восклицание Ломоносова: «Он бог, он бог твой был Россия». Недоброжелатели всегда смогут сказать: «льстил дщери». Но вот существуют два человека, которые по сей день пользуются, у всех русских, и «белых» и «красных», исключительным авторитетом: Суворов и Пушкин.

Суворов боготворит его память, поражается его уму, называет его Прометеем, благодетелем народа, говорит, что Петр содержит в себе многих величайших государей и советует иностранцам изучать русский язык, чтобы познакомиться с исключительным гением Петра. «Всю жизнь носил я кокарду Петра Великого», сказал он на закате своей жизни.

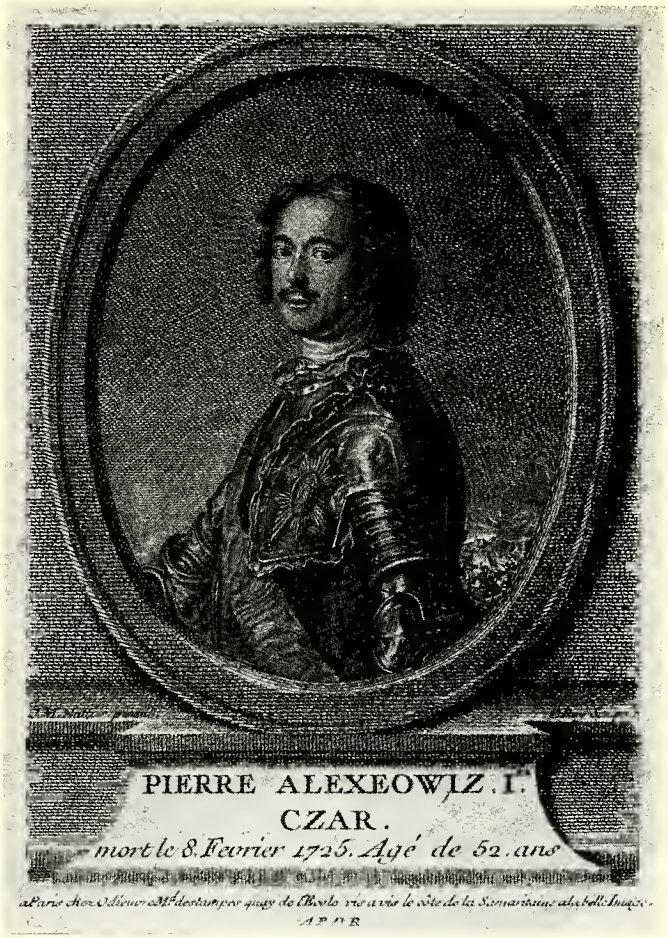
Пушкин пишет: «Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг этого исполина. Он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, надо отодвинуться на два века, но постигаю его чувством. Чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно».

Белинский еще более категоричен: «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но истории всего человечества. Он божество возвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России... Петру Великому мало конной статуи на Исакьевской площади, алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского».

Военное дело Петр считал «важнейшим из мирских» и говорил, что победу приносят «храбрые сердца, добрые порядки и спорное оружие».

Продиктовав Швеции свои условия мира, он обращался к своим подданным:

«Зело желаю, чтоб весь народ наш прямо узнал, что Господь прошедшею войной и миром для нас сделал. Надлежит Бога всею крепостью благодарить, однакож, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами так не сталось как с монархией греческой».



«Державный Монарх, Ты, Небом вознесенный,
Свет русския земли, всем будешь прославленный,
Дорогой Государь, Великий потентат.
Тебе послушает победа, бой и рать.

Не могу честь Твою и славу возводити
Ее же Господь Сил изволит проявити».

(стихотворение написанное в 1709 г.)

1872 г. Этой фотографии сто лет. Россия торжественно празднует двухсотлетие рождения Великого Петра.

Памяти наследника цесаревича Николая Александровича в Ницце

Одной и, пожалуй, единственной, если не считать длинную набережную, с ее бесконечной лентой автомобилей и автокаров, достопримечательностью Ниццы, является наш чудный, православный собор, находящийся в глубине Проспекта Николая II-го.

Этот собор был торжественно освящен 5/18 декабря 1912 года и строился втечение 10 лет на средства покойного Государя Императора Николая II-го и Его Августейшей Матери, Императрицы Марии Федоровны, а также на собранные частные средства.

Большое участие в сооружении этого памятника русской, церковной архитектуры принял князь С. Голицын, — председатель строительной комиссии, добавивший из своих личных средств 400.000 золотых рублей и пожертвовавший, кроме того, иконостас и мозаичную икону над главным входом в собор.

Материал для постройки храма доставлялся из разных стран и его качество тщательно проверялось, в особенности в отношении влияния колебаний температуры окружающего воздуха.

Свыше 200.000 туристов доставляются в год на больших автокарах к русскому собору и гиды разных стран рассказывают об этом прекрасном, пятиглавом сооружении, увенчанном геральдическими двуглавыми орлами, восторгающимся его красотой, туристам. Многие из них не упускают случая, чтобы зафиксировать наш собор на своих фотографиях или же самим сняться перед ним. (Внутри собора снимки воспрещены).

В праздничные и в предпраздничные дни, благодаря особому разрешению местных властей, над Ниццой раздается православный благовест соборных колоколов.

В глубине сада, окружающего собор, с левой стороны и на небольшом холме, на том именно месте, где боле ста лет тому назад, 12/24 апреля 1865 года скончался от туберкулеза, осложнившегося заражением крови от образовавшегося у позвоночника нарыва, Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович, Августейший брат будущего Императора Александра III-го и жених будущей Императрицы Марии Федоровны — построена, в греческом стиле, просторная часовня.

Цесаревич Николай с августейшей матерью, Императрицей Марией Александровной.

В 1965 году, в столетнюю годовщину кончины Цесаревича, в канун праздника перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца, как обычно из года в год, после всенощной в соборе, в часовне была отслужена торжественная панихида. На нее был доставлен из собора большой русский флаг Р.О.В.С., занявший место посередине часовни, перед всеми молящимися со своим флагоносцем и двумя ассистентами, бывшими офицерами Императорской Гвардии. Русская колония города Ницы, проследовала из собора в часовню с зажженными свечами, чтобы помолиться об упокоении покойного Цесаревича, а также и убиенного Государя Императора Николая II-го. Служба отличалась торжественностью, также и потому, что панихиду служил, совместно с соборным клиром, прибывший из Парижа Владыко Мефодий. В местных французских газетах была отмечена эта траурная церковная служба русской колонии и помещена статья памяти покойного Наследника.

Ныне, в связи с возванием особого комитета, созданного в Ницце под председатсльством Владыки Романа, для сбора средств для необходимого ремонта этой часовни, хочется поделиться, как трогательно Ницца переживала эту кончину, память о которой хранится и понынс в имени одного из больших бульваров города, носящего имя бульвара Царевича.

Покойный Наследник был старшим сыном Императора Александра II-го и после своего падения с лошади, когда ему было всего 17 лет (в 1860 г.), Он никогда не оправился, несмотря на то, что лечился у многих знаменитостей того времени. Во время Его пребывания в Ницце в Великом посту 1965 года, Его здоровье настолько ухудшилось, что созванный консилиум определил менингит спинного мозга, который в последние дни перешел в туберкулез. Из С. Петербурга прибыл Государь Император Александр II-ой со Своей Августейшей супругой, Императрицей Марией Александровной и Великий Князь Александр Александрович (будущий Император Александр III-й). Из Дании прибыла невеста Цесаревича, принцесса Дагмара со своей матерью. Государя Императора и Его семью, в Ницце на вокзале встречала большая толпа французов, которые благоговейным молчанием выражали свое сочувствие.

Больной находился в забытье, но когда к Нему подошла Его Мать, Он перецеловал все Ее пальчики и слабым голосом сказал: «Бедная Ма, что с тобою станет без твоего Никки». Местные газеты посвящали трогательные статьи и печатали подробности хода Его болезни. 24 апреля (все даты по новому стилю) состояние больного Наследника еще ухудшилось и, напутственный троекратным чтением отходной молитвы, Наследник скончался. Сам Государь Император помогал уложить тело покойного в гроб. Из Марселя прибыла полурота Гвардейских Стрелков, которые вместе с морскими частями русского флота, стоявшего в Вильфранше, несли караул в саду виллы, где покоилось тело покойного Наследника, причем в комнату с гробом принесли столько цветов, что невозможно было почетным часовым нести свою службу и цветы пришлось заменить пальмами.

24 апреля состоялось перенесение гроба в русскую церковь, находившуюся на рю Лонгшан, где он оставался до 28-го апреля, причем 2 раза в день служились панихиды.

28-го апреля гроб с останками Наследника был, при большом стечении публики, перевезен на погребальной колеснице в Вильфранш. Русские офицеры несли ордена покойного цесаревича, за гробом шли французские части с хорами музыки, исполнявшими траурные марши. Государь Император шел за гробом, окруженный своею свитой.

По прибытии в Вильфранш гроб был перенесен на крейсер «Александр Невский», который в сопровождении крейсеров «Олег», «Витязь» и «Алмаз» доставили его кружным путем через Гибралтар в Кронштадт. Французская и Русская эскадры, стоявшие в Вильфранше своими салютами отдавали честь.

На следующий день Государь Император, щедро пожертвовав большую сумму в пользу бедных Ницы и Вильфранша, поездом отбыл вместе со Своей Семьей и свитой. По дороге Царская семья в Лионе, была приветствуема Императором Наполеоном III-м, который выразил свои чувства сердечного

соболезнования. Императорская Семья оставалась около месяца около Дармштадта. Она переживала свое семейное горе и лишь 24 мая прибыла в Царское Село.

Что касается до крейсера «Александра Невского», то он с другими крейсерами прошел Гибралтар и взял курс на север. В Англии эскадра была встречена салютом в 21 выстрел с английских крейсеров «Ливерпуль» и «Рояль». Русское духовенство, прибывшее из Лондона, служило у гроба Наследника панихиду.

Лишь 2-го июня «Александр Невский» бросил якорь у Кронштадта. Император Александр II-ой со Своими сыновьями и с наследником датского престола вышли в море на яхте «Стрельна» навстречу эскадре. В виду бури на Финском Заливе Царской Семье пришлось довольно долго ожидать прибытия эскадры. Когда Император поднялся на «Александр Невский» у гроба Цесаревича была отслужена панихида.

6-го июня останки Наследника были перевезены на яхте Александрия из Кронштадта к Петропавловской крепости, в соборе которой они нашли место своего последнего упокоения.

В приложении к брошюре, изданной на французском языке в 1968 году посвященной памяти последних дней жизни покойного Наследника, перечислены 22 иконы, которые были в свое время пожертвованы и присланы в Ниццу из С. Петербурга стараниями Августейшей Семьи покойного Наследника от Гвардейских и Армейских частей, в которых Наследник или числился или был Шефом. Некоторые иконы пожертвованы двумя и более частями.

Вот список этих икон:

1) От Государя и Императрицы.
2) От Гвард. Экипажа, Императорских стрелков и Кирасир Ее Величества.
3) От Штаба Гвардейского Корпуса.
4) От Конно-Гренадер.
5) От Л.-Гв. Стрелкового Его Вел. Батальона и от Царскосельских стрелков.
6) От Л.-Гв. Казачьего Его Величества полка и от Черноморского Казачьего Дивизиона.
7) От Улан Его Величества.
8) От Л.-Гв. Конного полка и Гренадерского Кекгольмского.
9) От Л.-Гв. Семеновского полка.
10) От Улан Ее Величества, Л.-Гв. Измайловского п. и батальона Гвард. Сапер.
11) От Кирасир Его Величества.
12) От Лейб Гренадер.
13) От Л.-Гв. Финляндского полка.
14) От Кавалергардского п.
15) От Л.-Гв. Гатчинского (Егерского) полка.
16) От Гродненских гусар.
17) От Л.-Гв. Московского и Литовского полков.
18) От Л.-Гв. Преображенского п., от всей Артиллерии и Гренадерского С. Петербургского п.
19) От Л.-Гв. Павловского и Л.-Гв. Атаманского Его Высочества полков.
20) От Дивизиона Уральских Казаков.
21) От Лейб Гусар.
22) От Л.-Гв Драгунского полка.

К сожалению все эти иконы понемногу приходят в ветхость и требуют реставрации, что сделать в данное время очень трудно. Перед каждой иконой весят античные, стильные лампады.

В. А. Каменский

Записки Графа Д. Ф. Гейдена

(1914 — 1917 г.г.)

(Продолжение)

II. Действия в Буковине и Галиции осенью 1916 г. и зимой 1916-1917 г.г

Прибыв в Черновцы, мы застали там штаб IX армии генерала Лечицкого, которая была переведена в состав Румынского фронта, т. к. немцы все продвигались вперед и нужно было спасать Румынию. Пока штаб выбирал себе место, куда перебраться в Румынию, наш штаб перешел в Коломыю.

В состав нашей армии вошли с левого фланга к правому: XI к. графа Баранцова (11 див. и 32 див. Лукомского), XVI к. В. Драгомирова (41 и 47 див.) и XII к. Казнакова (12 и 19 див.). Кроме того на самом левом фланге стоял у Кимполунга V кав. корп. ген. Вельяшева (11 кав. и Оренб. див.). Штаб XI к. стоял в Яремче в долине истоков Прута, а части его находились у перевалов через Карпаты против Воронянки и Черной горы. Штаб XVI к. был в Надорне, XII-го в Станиславове. Дальнейшее продвижение вперед было приостановлено в виду тяжелого положения румынской армии, которой, повидимому, имелось в виду помочь в нужное время. Кроме VI армии, туда была переведена с западного фронта IV армия Рагозы и с Юго-Западного фронта IX. Главнокомандующим Румынским фронтом русских войск был назначен ген. Сахаров.

В конце октября Макензен заставил русско-ру-

мынские войска отступить из Добруджи на левый берег Дуная, в конце ноября перешел сам в Систове через Дунай, и 6 дек./23 нояб. занял Бухарест. Румынский двор и штаб румынского фронта перебрались в Яссы.

В Коломые остановились мы в здании частного банка. Навестил я квартиру приятеля моего депутата рейхстага доктора Додыкевича, который, будучи руссофилом и издателем газеты на русском языке, бежал во время войны в Россию и заведывал потом концентрационным лагерем пленных галичан. Дом его был разорен до тла. Вся мебель была растащена, а во всех комнатах валялись груды разорванных книг и документов. Я подобрал одну из украинских открыток работы его зятя, заведывавшего в Каменце-Подольском художественной школой рисования и ваяния Розвадовского, и послал ему в Россию на память о моем визите в Коломыю еще до начала войны.

Во время стоянки нашей в Коломые я постоянно ездил с Калугиным или без него в наши запасные баталионы осматривать приходящие роты пополнения, причем когда в число этих рот попадали люди, два, три раза и более раненые в прежних боях, то они награждались им георгиевскими медалями. Такие баталионы стояли, кроме Коломыи, в Оттыне, Городенке, Залещиках, Снятыне и Коцмене. Потом, когда мы перебрались в Черновцы, к ним прибавились еще в Садауре, самых Черновцах, Серете, Радоуце и Сучаве. Живописнейшее место было Залещики на берегу Днестра, где не мало боев было на обоих берегах реки, а самое симпатичное было местечко Коцмен, чистенькое, нарядное с красивой православной (не румынской) церковью.

В виду затишья у нас на фронте я ездил в конце ноября второй раз в течение войны в отпуск на 2 недели. Опять был в Москве и Петербурге. В Москве повидал жену и детей, в Петрограде братьев и сестер. И рад я теперь, что съездил. В последний раз видел я тогда трех сестер и двух братьев, которых потом ужасы революции свели в могилу. Опять видел страшную разницу настроения на фронте и в столице. На фронте продолжалась, как и с самого начала серьезная, напряженная работа изо дня в день с одной лишь думой все, как следует, наладить и победить. А в тылу были одни лишь сплетни про Штюрмера, Распутина и Ко. Тошно было слушать, что делается в обществе, совершенно все забывали, что на фронте идет война, и что нужна победа прежде всего. Революционное настроение росло, но никак я не думал, что конец так близко. Оставалось менее 3 месяцев до переворота. Все ходили, как на вулкане, не предполагая, что он начнет свое извержение так скоро. Что меня неприятно поразило это — Петроградские запасные баталионы, которые учились на всех улицах и переполняли город, имея скучающий и совершенно недисциплинированный вид, совершенно отличный от того, которым всегда так отличалась гвардия в свое время. Я рад был уехать из этого пекла, где все правительственные меры осуждались и критиковались. Особенно нападали на молодую Императрицу и растущее ее влияние на Государя.

Брат мой Александр, который в свое время был очень близок к Государю и Царской семье, смотрел на все очень мрачно и молчал. Зять мой Шереметев кипятился по обыкновению и осуждал высшие сферы. Его жена (сестра моя) тревожно смотрела на будущее. Другая сестра моя Ольга, личная фрейлина Императрицы Марии Феодоровны, была огорчена разлукой с нею, но по болезни не могла попасть в Киев, где жила в то время Царица-мать. Сестра моя Лили Кноринг, всегда прежде оживленная и радостная, как-то притихла. Брат мой Николай был по счастью погружен в свои церковные дела и в политику не путался. Треубенберг, муж моей старшей сестры, уже совершенно отошел от всей семьи с начала войны, будучи большим поклонником Императора Вильгельма, и о политике не говорил. Таковы были мои последние впечатления о Питере, который я тогда окончательно похоронил — кроме могил моих близких ничего больше меня с ним не связывает. Это перевернувшаяся картина истории, которая больше не повторится. Если Россия восстановится, то я представляю ее себе только вокруг Москвы, а Петроград останется лишь большим торговым городом.

До моего отпуска штаб наш переехал из Коломыи в Черновцы. Поместились мы в роскошном здании наместничества. Парадные комнаты занимал генерал Каледин, а личные аппартаменты наместника отведены были начальнику штаба генералу Стогову, новому генерал-квартирмейстеру генералу Покровскому и мне. Мне достался небольшой кабинет графа Марана, последнего наместника Буковины, с его громадным столом, занимавшим половину комнаты. Рядом была особая спальня, выходившая тоже на внутренний двор с небольшим садом, где были очень старые деревья, привлекавшие к себе массу грачей, имевших там свои гнезда. Вся эта масса птиц ежедневно перед закатом солнца производила свои эволюции в воздухе и потом черной тучей возвращалась назад на свои деревья. Каждый вечер я наблюдал это интересное зрелище.

Рождество мы торжественно справляли в церкви митрополичьих покоев, одного из самых красивых зданий города в мавританском вкусе, где был ряд парадных зал, из которых главная была вся окружена мраморными колонами, имея мраморные стены и разноцветный мраморный паркет, все это во вкусе Альгамбры и при большой массе света из громаднейших окон. Для встречи нового 1917 года весь штаб собрался на молебен и ужин в парадные покои Каледина. Было очень людно, шумно и весело. Это было последнее наше празднество до революции. На праздники приехала и была хозяйкой собрания М. П. Каледина. У меня тоже была семейная радость — неожиданный приезд моего старшего сына Дорика, которого Ка-

ледин также пригласил на встречу нового года. Дорика на Рождество возил я на поклон к моему старому товарищу и другу графу М. А. Баранцеву, сослуживцу моему по гв. конной артиллерии, который, командуя XI корпусом, скромно проживал в маленькой хибарке в м. Яремче на истоках р. Прута в очень живописной местности в предгорьи Карпат, напоминающей долину Терека в начале военно-грузинской дороги. Старик был очень доволен нашим посещением. Он пользовался большой любовью своих подчиненных и, когда будучи смещен после революции гг. комиссарами, как контрреволюционер, уезжал из корпуса, плакал, как ребенок, и войска отвечали ему тем же. Добрый и благородный старик, на которых держалась наша армия и которыми достойно воспитывалось наше офицерство.

Генерал-губернатором Галиции и Буковины был назначен мой старый знакомый по Киеву генерал-адъютант Федор Федорович Трепов, который и переехал в Черновцы со своей женой Елисаветой Сергеевной. Начальником штаба к нему был назначен генерал для поручений при командующем VIII армией Петр Павлович Палибин, всю кампанию пробывший в нашем штабе и завоевавший наши общие симпатии. Трепов занимал частную квартиру и жил довольно скромно. Любя большие приемы, здесь он не мог разойтись в виду военного времени, да и, кроме того, большие штаты первого генерал-губернатора графа Бобринского, так поспешно родившиеся и столь же поспешно ликвидированные, как живой отрицательный пример показывали, что преждевременно вводить в занятой стране широкое управление, не укрепившись достаточно прочно.

12. **Революция.**

Первым сигналом революции явилось убийство в декабре месяце Распутина. Весть эта была принята как у нас в штабе, так и вообще среди офицеров с восторгом. Все думали, что Императрица освободится от вредного влияния этого проходимца, который, загипнотизировав эту женщину своей яко бы чудодейственной силой для поддержания здоровья Наследника, приобретал все более и более власти даже на дела государственные. Конечно, управление государством не могло так идти нормально. Всякие доводы и просьбы власть имущих прежде близких Государю людей и министров, а также членов Императорской фамилии, начиная с Императрицы-матери, об устранении этого «старца» ни к чему не приводили и разбивались, как о каменную стену, на упорство Государя. К сожалению убийство Распутина не исправило положения, а привело еще к худшим результатам. Замешанный в деле убийства В. К. Дмитрий Павлович был выслан на Кавказ в отряд Баратова, главный соучастник убийства молодой князь Юсупов, женатый на дочери В. К. Ксении Александровны также выслан был из Петербурга, а член Государственной Думы главный инициатор и исполнитель убийства, В. М. Пуришкевич, лишился всякого доверия Государя со всей руководимой им монархической партией, думавшей, устранив Распутина, восстановить престиж Государя в обществе. Уголовного дела не возбуждалось в виду близкого отношения убитого к Царской Семье. Но загробное влияние «старца» продолжалось. Императрица стала слушать только тех из министров или близких к ней лиц, которые держали сторону Распутина и советовали совершенно не считаться с общественным мнением России. Влияние приобрели такие ничтожные лица, как Протопопов, министр внутренних дел, фрейлина Вырубова-Танеева, Петроградский митрополит Питирим и др. Выстрел, которым был убит Распутин, был произведен в пустую.

Тогда же, в начале 1917 г., стали доходить слухи из Петрограда от приезжавших из отпуска, что готовится новый дворцовый переворот с целью устранить Императрицу, потребовать от Государя заключения ее в монастырь и называли даже новую царицу В. К. Марию Павловну младшую, которая была в разводе со своим первым мужем принцем Шведским. Никто даже из более или менее близких людей к Государю не думал, что он так к ней привязан, что никогда не будет в состоянии с ней расстаться. Влияние на него Императрицы считали властью человека с большой и непреклонной волей над человеком слабым и нерешительным, но никак не думали, что это более, чем нежная любовь, которая, дай Бог, чтобы была во всякой другой семье.

Вот трагедия, разыгравшаяся над русским престолом, при преступной агитации наших левых партий и конечно не без косвенного влияния наших врагов немцев, которые потом воспользовались этим во всю и вывели Россию из строя борющихся сторон.

Не малое также участие в попустительстве русской революции приняли те из английских государственных деятелей, как, напр., министр снабжений, а потом премьер Ллойд-Джордж и английский посол в Петербурге сэр Бьюкенен, которые, как ярые патриоты своего отечества и последователи руссофобской политики Каннинга, Пальмерстона и Дизраэли-Биконсфильда, не переваривали заключенного нами с Англией условия, по которому в случае удачной войны Россия получала проливы и Константинополь. По окончании победоносной войны Россия достигала всего, к чему она стремилась со времен Екатерины Великой, и становилась одной из самых могущественных держав мира. Этого Англия допустить не могла, и нужно было как-нибудь ослабить Россию до момента распределения общего пирога, который должны были получить от побежденной Германии союзники победители. И этот кундштюк Англии удалось к сожалению провести полностью и блестяще: из строя после войны вышла не одна опасная для английского всемирного могущества Герма-

ния, но еще более опасная для нее в будущем единая и великая Россия.

В последних числах февраля прекратились всякие телеграммы из Ставки и из Петрограда. Очевидно, там что-то происходило, чего мы не знали и что пока скрывалось. 1 марта около 12 ч. ночи получена была шифрованная телеграмма, которую Стогов, Покровский, Кусонский и я разобрали и узнали о тех крупных беспорядках, которые произошли в Петрограде в последних числах февраля, о том, что был послан генерал Иванов из Ставки укротить смуту, о том, что ему не удалось добраться с Георгиевским баталионом до столицы, о том, что Государь задержан на станции Дно и свернул в Псков и наконец о тех телеграммах, которые ему посланы туда Алексеевым, В. К. Ник. Ник. и всеми главнокомандующими фронтов, что положение безнадежное и единственный выход изо всего произошедшего — отречение Государя. Сутками позже пришла, наконец, телеграмма и об отречения и Высочайший Манифест. Гора спала с плеч, когда мы узнали, что власть передана В. К. Михаилу Александровичу, а не Наследнику, ибо царствование больного мальчика не предвешало ничего хорошего. Казалось, что при конституционном образе правления этот милый и симпатичный «Миша», любимец Александра III и очаровывавший всегда всех своим доброжелательством, окажется не хужс своего двоюродного брата короля Георга английского и сумеет достойно носить имя русского царя. После того, что совершилось в Петрограде, когда все гвардейские части во главе со старшим из рода Романовых (после Михаила Александровича) В. К. Кириллом Владимировичем подчинились Государственной Думе, возглавляемой г. Родзянко, Государю больше ничего не оставалось, как « faire bonne mine au mauvais jeu » и отречься от престола, чтобы не повторить на фронте 2000 верст перед лицом вооруженного с ног до головы неприятеля декабрьского восстания на Исакиевской площади в 1825 г., причем один полк, верный Государю пошел бы за него, а другой против в зависимости от того, кто были командирами полков и насколько они были преданы своему монарху и верны данной ими присяге. Своим отречением Государь снял с нас всех данную каждым офицером и солдатом клятву служить ему верно и нелицемерно и устранил в то время междоусобную войну одной части войск против другой. Конечно, если бы он знал, чем кончится вся эта революция и не поверил бы ни Родзянко, ни Алексееву и решился бы на междоусобную брань в виду неприятеля, может быть, имея при себе человека с сильной волей, он подавил бы восстание и не дожил бы до того несчастного времени, когда гражданская война все-таки началась, и не было ни одного города, ни одной деревни в России, где брат бы не пошел бы на брата, причем общее число жертв этой ужасной «братской» войны значительно превысило число павших в течении 3 лет германской войны. Не предвидя всего этого, что произошло потом, офицерство наше с облегченным сердцем приняло великодушное и благородное отречение Государя, который ради пользы родины пожертвовал своей властью вполне искренно. Какое наше разочарование было сутками спустя, когда В. К. Михаил Александрович тоже из какого-то дон-кихотского благородства устранился от возложенной на него тяжелой обузы и передал свою власть временному правительству.

Присяга наша временному правительству состоялась на другой же день после получения манифеста В. К. Михаила Александровича, но в некоторых частях, как, напр., в запасных баталионах, куда накануне вечером отправился для приведения к присяге начальник запасной бригады милейший кавказский генерал Карташев, части эти принесли присягу Государю Императору Михаилу Александровичу. Когда в тот же день вечером вернулся генерал Карташев, он рассказал, что баталионы после присяги кричали «ура» старому и новому Государю и, узнав что войска Черновицкого гарнизона уже присягнули временному правительству, был очень сконфужен и, поехав на другой день в те же части для приведения к новой присяге, просил меня только разрешения прокричать «ура» после присяги новому верховному главнокомандующему В. К. Николаю Николаевичу. Конечно я ему с радостью разрешил, и только чсрез несколько дней сам с горестью и ужасом узнал, что непроходимо глупый князь Львов нашел невозможным оставить на этом месте Великого Князя. что, может быть, еще бы спасло положение и не довело бы с диктатурой Великого Князя до того дикого развала, к которому через месяц начала приходить русская армия.

В день присяги некоторые из солдат из распропагандированных привелегированных молодых людей земского союза, писарей и других уклоняющихся от службы на фронте и прикомандированных к разным тыловым частям, появились уже с красными бантами, которых наш строгий начальник штаба генерал Стогов сейчас жс ставил на место и приказывал снимать таковые. Каков же был его ужас, когда на другой день последовал приказ главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова не мешать носить офицерам и солдатам красные банты, а в некоторых даже случаях являться с таковыми. Вообще генерал Брусилов по тем слухам, которые до нас доходили из Каменца, вел себя во время революции отвратительно, разъигрывая из себя революционера, устраивая почетные встречи представитслям рабочих и солдатских депутатов и всячески старался им угодить. Очевидно, он занялся целью пробраться в дамки, что ему и удалось, покорив сердце г. Керенского, который рассчитав Алексеева, понявшего наконец в какую пропасть ведет Россию временное правительство, пригласил на его место Брусилова.

Совершенно иначе отнесся к революции благороднейший и честнейший генерал Каледин. Он не переваривал революции. Будучи демократом в душе, он никогда не добивался никаких почестей, спокойно, добросовестно и честно исполнял порученное ему дело, достойно всегда говорил с начальством, поддерживал своих подчиненных, которым верил, но никогда не перед кем не заискивал и не искал популярности. Очень холодно отнесся он ко всяким комиссарам, был вежлив с ними и коректен, но и только, и они видели, что он их презирал и считал ниже своего достоинства спускаться на их уровень понятий, чем возбудил против себя всеобщую ненависть комиссаров и депутатов, которые, наконец, его и сплавили.

Вскоре после первых дней революции пришел знаменитый приказ по военному ведомству № 1, по которому солдаты совершенно освобождались от отдания чести офицерам и вообще вне строя могли им грубить и оказывать полное непочтение, не подвергаясь за то никаким воинским наказаниям. Бедный наш Стогов, который во время своих ежедневных прогулок по парку не пропускал ни одного случая неотдания ему чести и приводил ежедневно целую ватагу солдат за собой с тем, чтобы передать их в распоряжение нашего коменданта, получив этот приказ перестал выходить на прогулку и отсиживался дома и только после того, что было разъяснено, что отменяется только фронт, а честь остается обязательной, стал опять появляться в парке, но, чтобы не нарываться на скандал, перестал водить за собой целые серии русских воинов, не отдавших ему чести, а ограничивался одними лишь замечаниями.

Инцидентов между солдатами и офицерами в г. Черновцах почти не происходило. Офицеры стали только менее обращать внимание на отдание чести, и лишь один крупный инцидент произошел между одним пьяным солдатом и капитаном генерального штаба Нежинцевым, который потом сформировал Корниловский полк и достойно погиб в один день с Корниловым под Екатеринодаром. Нежинцев, нарвавшись на какую-то грубость со стороны этого солдата, ударил его, вмешались конечно комиссары, но дело все-таки удалось потушить, и Нежинцев остался невредим.

Большое достоинство и личную храбрость выказал генерал Каледин, когда в один из первых дней революции какая-то команда арестовала коменданта города, к которому солдаты питали какие-то неприязненные чувства за его придирчивость и мелочность. Узнав об этом (дело было в праздничный день, и улицы были полны солдат и народа), генерал Каледин без всякой охраны отправился пешком на другой конец города в комендантское управление и грозно и строго потребовал от толпы освобождения коменданта, говорил очень сильно и настолько убедительно, что толпа покорилась, освободила пленника и разошлась совершенно спокойно и даже приветствовала Каледина при выходе его из гауптвахты. Вообще он шутить не любил и делал все серьезно.

Не мог он также переварить, что все приезжавшие из вверенных ему частей солдаты-депутаты требовали себе суточных денег в размере офицерского довольствия и вообще эксплуатировали штаб денежно. В этом случае я шел им больше на встречу и всегда советовал Каледину не считаться с лишними расходами на их приемы и содержание во время всяких армейских собраний, т. к. в их среде находились иногда, правда изредка, офицеры и чиновники, и для того, чтобы не было разницы во время их командировок, мне казалось, что нужно было равняться по высшему окладу, а не по нисшему. Каледину было жалко тратить казенные деньги на такие приемы, и мне приходилось часто его уламывать не стесняться этим ради того, чтобы на этой почве не происходило недоразумений, которые могли перейти в более крупные по более серьезным делам. Я считал, что пусть себе едят и пьют что угодно, лишь бы не мешали командующему в управлении им армией. А эти мелочи только раздражали депутатов и создавали недовольную против командующего среду. С назначением Корнилова он совершенно принял мою систему: чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало. Все их денежные просьбы Корнилов исполнял, но за это держал их в своих руках вполне. Они и пикнуть не смели и во всем его слушались, чего совершенно не удалось достигнуть Каледину.

Весной 1917 г. приезжала ко мне на три дня в Черновцы в первый раз во время войны жена моя условиться относительно наших имущественных дел вследствие наступившей революции. В виду того, что всякие комитеты и комиссары стали вмешиваться в распоряжения нашим имуществом, приходилось ликвидировать часть наших дел, ограничивать хозяйство и думать о том, чтобы в случае беды спасти часть наших ценных вещей, для чего жена моя хотела перевести в Винницу в свой дом часть мебели, библиотеку в 15 т. томов и ценный для меня семейный архив (переписку моего деда в конце восемнадцатого века и первую половину девятнадцатого с своими родственниками в Голландии и переписку моего отца с своими родителями с Кавказа во время его завоевания в сороковых годах и из Венгрии и Трансильвании во время компании 1849 г.). Все это удалось жене моей перевести в наш уездный город, но после падения гетмана и десятка разных правительств одно за другим основывавшихся в Виннице, очевидно, все это пропало и никакой надежды на издание этих записок у меня больше нет.

1 мая кончил 1-ый Московский корпус мой старший сын Дорик и приехал (вместе с своими братьями) поступать на военную службу. Я его лично повез в Ахтырский гусарский полк, который стоял тогда в лесистых Карпатах за Кимполунгом около Фундул-Молдавы. По дороге заезжали в Кимполунг к генералу Вельяшеву, который

командовал V кавалерийским корпусом. Видел его здесь в последний раз. 12-ой кавалерийской дивизией командовал еще генерал Маннергейм, в Ахтырским полком Г. И. Елчанинов. Оставив своих младших детей в штабе дивизии, я поехал с Дорикомв расположение полка, который стоял в пешем строю в горах, а коноводы находились в 100 верстах сзади. Кавалерийские полки в это время в виду недостатка ремонтных лошадей и ограниченности действий кавалерии с наступлением позиционной войны состояли уже не из 6 эскадронов, как было в начале войны, а только из 4. Кроме того, в каждом полку из лишних людей были образованы стрелковые полки. В Ахтырском полку таким пешим полком командовал полк. Самсонов, а эскадронами: 1-м Псиол, 2-м Кроун, 3-м Плисовский и 4-м Аглаимов. Я просил Елчанинова зачислить своего сына в 4-й эскадрон, которым командовал 25 лет перед тем. Провел ночь в штабе полка около горного ручья, протекавшего в белом мраморном ложе в какой-то хибарке, не то хижине среди густого леса и гор. Засыпали и вставали под гул выстрелов, а ночью убаюкивались шумом водопада на быстротекущем ручье. Сдав своего сына в надежные руки ротм. Аглаимова в свой родной полк вернулся на автомобиле назад.

Во время стоянки в Черновцах приходилось много ездить по запасным баталионам вновь вошедшим в наш состав на левом фланге XXIII корпуса (Экка), состоявшего из 2-й пехотной и 3 гвард. дивизий и XVIII (Заиончковского), состоявшего из 23 и 37 дивизий.

Около города Серета пришлось мне проездом побывать в знаменитой Белой Кринице (Фонтена Альба), метрополии всего нашего старообрядчества в России, принимающего священство, откуда рукополагались все архиереи и священники так называемой австрийской или белокриницкой епархии. Я зашел навестить митрополита епископа Макария Лобова, симпатичного старика, который меня очень любезно принял и показывал монастыри мужской и женский. Живет он сам очень скромно в убогой келейке из 2 комнат (одна приемная, другая спалная). Несмотря на наводнение монастыря нашими солдатами-комитетчиками, которым и здесь почему-то понадобилось изображать из себя начальство, в приемной митрополита на самом видном месте висел портрет Государя и всей Царской Семьи,, что так сразу стало преследоваться временным правительством и его агентами на местах. Только тут в Австрии нашел себе безопасное место Русский Царь под покровительством старообрядческого митрополита, адепты которого, самые верные сыны России, так долго у нас по какому-то недоразумению до ухода наконец Победоносцева, всячески преследовались. В женском монастыре я пил чай у гостеприимной, добродушной и симпатичной, сравнительно еще молодой игуменьи из московской старой семьи, которая мне жаловалась, что накануне наши запасные солдаты, расположившиеся в этом селс, произвели грабеж и дебош, чего никогда в своей жизни раньше не испытывали под иноверной австрийской властью. Очень было мне грустно слышать эти жалобы на русского солдата, начинавшего уже развинчиваться и понимавшего «свободу» как полную свободу действий, как угодно его расходившейся пьяной душе. Потом я пристыдил всех этих наших комиссаров и дебоширов и обратил внимание их прямого начальства командира запасного баталиона, стоявшего в Серете. Тогда еще можно было с солдатами говорить и стыдить их, а через полгода это была одна дикая толпа, говорить с которой уже нельзя было. Показывали в монастыре мне свои церкви, богато украшенные нашими московскими старообрядцами толстосумами и очень красивую церковь во вкусе московских старых церквей с зол. куполами в соседнем селе Климовцах, где также проживают русские старообрядцы и которую также воздвигли наши богатые москвичи. Когда я ехал по этим селениям, приятно было смотреть в закордонной Руси на сельские школы с русскими надписями и на бегущих за автомобилем местных мальчишек (Ваней и Митей) в красных рубашках с русским говором и манерами, как будто попал в какую-то подмосковную деревню. Шофер мой, который и не предполагал видеть заграницей золотые маковки церквей, русские школы и настоящих русских детей, был под большим впечатлением от всего виденного и думал себе, куда только наша Русь не забредала от Тихого океана до Карпат. Действительно, эти две последние войны: Японская и Германская открыли глаза русскому народу и показали ему воочию всю великодержавность России, говорящей на том же языке на пространстве более 10.000 верст.

В самих Черновцах между тем тучи революции все сгущались и положение изо дня в день все делалось тяжелее. Наши комитетчики, недовольные Калединым, постоянно жаловались на него Брусилову. В начале дело еще было терпимо. Из Киева приезжали к нам от Временного Правительства уполномоченные и во главе их мой старый знакомый полк. Оберучев, который когда-то командовал батарей в 19-й арт. бригаде, сблизился со мной, участвуя в деятельности уездного попечительства о народной трезвости, потом военным судом был судим за яко бы антиправительственную пропаганду, причем мое участие в суде, как свидетеля в его пользу, отчасти послужило к его оправданию, затем по выходе его в отставку принимал вместе со мной участие в кооперативном съезде в Киеве, а в последний год перед войной должен был быть сослан административным порядком в места не столь отдаленные, но, благодаря моему заступничеству перед генералом Джунковским наказание это было ему заменено высылкой заграницу, где он и работал сперва в Америке, а потом в Швейцарии, принимая во время войны участие в международном комитете помощи нашим

пленным заграницей. Временным Правительством Оберучеву разрешено было возвратиться в Россию, и скоро после того он получил должность командующего Киевским военным округом. Осенью 1917 г. он разошелся с украинской радой, отказавшись от формирования отдельных украинских войск и этим очень много выиграл в моих глазах, после чего конечно ушел со сцены деятелей временного правительства. Человек он был очень хороший, но теоретик, далекий от жизни, несмотря на то, что всю жизнь служил в строю среди солдат и близко с ними соприкасался, один из многих наших Дон-Кихотов, исполненный лучших желаний, но не считающийся с реальной действительностью и предпочитающий свою фантазию. С этими людьми можно было еще сговориться, т. к. в основе у них были хорошие чувства любви к родине, и это у них стояло на первом плане.

Потом уже пошла мелкота и люди безпринципные, жаждавшие лишь власти, девизом которых было: «ôtes toi pour que je m'y mette». Комиссаров этих развелось уйма; в каждой роте, в каждом баталионе, в каждом полку, в каждой дивизии, в каждом корпусе и наконец в каждой армии, фронте и ставке появились свои комиссары, которые получали одинаковое жалование с лицами при которых состояли, так, напр., комиссар армии получал жалование командущего армией и часто бывал еле грамотный. В самые последние дни моего нахождения на фронте один из таковых комиссаров был денщик одного из генералов, ничего конечно в деле не понимавший и довольный лишь тем, что он сидит за генеральским столом и получает хорошее жалование. Первым нашим армейским комиссаром был некий поручик Никольский, человек, вероятно, обиженный судьбой, как большинство из комиссаров, а потому озлобленный, не выносящий чужого мнения, резкий и грубый. Очень трудно было иметь с ним дело. Он раздражал покойного Каледина и много испортил ему крови. Его к счастью куда-то перевели и назначили некоего штабс-капитана Вендзегольского, тоже обиженного судьбой, но менее озлобленного и более покладистого, обладавшего большим тактом и не глупого человека, знавшего что он хотел, но с большим честолюбием и высокомерием. Во время выступления Корнилова принял конечно сторону Керенского. Осенью 1917 г. он потом меня сплавил из армии вместе со всеми корпусными командирами и начальниками дивизий. Затем мне пришлось с ним встретиться уже во время гражданской войны, когда в Киеве формировались дружины добровольческой армии. Он был почему-то в феврале у члена государственной думы Игоря Демидова и других кадетов, а потом даже был в армии у Деникина на каких ролях не знаю, но во всяком случае доверия мне никогда не внушал, человек скрытный, неверный и двуличный.

Из комиссаров Юго-Западного фронта познакомился лишь с Максимилианом Филоненко, игравшим большую роль. Человек он был очень образованный, свободно говорил на всех новых языках, приятный в обращении и умел тактично добиваться чего хотел. По облику напоминал немного своего гезку Максимилиана Робеспьера. Судьба не довела Филоненко до верхов правления, но возможно, что и он оказался бы таким же жестким и жестоким при своих кошачьих манерах.

Во время последних дней командования Каледина приехал и верховный в то время главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, очень скромно без всякой свиты и помпы без встречи с почетным караулом. Говорил при мне два раза: раз в дружине, квартировавшей для охраны штаба в Черновцах, другой раз в театре для солдат и офицеров. Говорил оба раза очень толково, без особого красноречия, призывал к патриотизму и поддержанию дисциплины. Видно было, что он уже понял результаты отречения и в душе об этом скорбел, видя, что в армии все уже идет к развалу. Большого впечатления на солдат речи его не произвели. Встречен он был довольно холодно и равнодушно, но инцидентов в его присутствии никаких не произошло.

В мае месяце наконец армейский комитет, во главе которого состоял Вендзегольский, и гарнизонный, коим вертел юркий и пренеприятный еврей, врач 17-го запасного баталиона, добились у Брусилова своей цели, и Каледину пришлось уйти. На наше счастье, вместо Клембовского, который сначала предполагался на его место, был назначен старый наш сослуживец и герой войны 1914-1915 г.г. бежавший из плена генерал Корнилов.

Незадолго перед тем ушел и наш начальник штаба Николай Николаевич Стогов, назначенный сразу без командования дивизией командиром XVI корпуса вместо В. М. Драгомирова, отчисленного первым по списку военного министра Гучкова, как контрреволюционер. Отношения мои с Николаем Николаевичем Стоговым были все время очень хорошие. Он был всегда искренний, прямой и честный человек, но немного грубоватый. Кроме меня, помощниками его были в то время генерал-квартирмейстер ген. Покровский, начальник этапно-хозяйственного отдела полк. Фалеев, начальник санитарного отдела С. В. Шереметев, начальник инженерного отдела Н. П. Ставицкий. Уход Стогова мы чествовали торжественным образом в покоях Каледина.

Самого же Каледина мы по его желанию не чествовали, снялись лишь общей штабной группой в нашем дворцовом саду и провожали на вокзал. Здесь я его видел в последний раз. Был он перед отъездом необыкновенно ко мне мил, подарил мне свою карточку с трогательной благодарственной надписью, а на вокзале был по обыкновению молчалив и мрачен. Уехал с ним вместе и его ангел-хранитель добрейшая Мария Петровна.

(Окончание следует)

Вооруженное выступление Юнкеров в Москве

(По воспоминаниям капитана П. И. Мыльникова)

25 октября в Москве стали поступать слухи о выступлении большевиков в Петрограде, а на другой день, 26 октября, были получены точные сведения о Петроградских событиях, о захвате Зимнего дворца и разгоне Временного Правительства.

Несмотря на эти новости, занятия в Александровском военном училище шли нормально по расписанию и начальство делало вид, что особенного ничего не произошло.

Вечером несколько офицеров училища (около 12 чел.) собрались в комнате дежурного офицера 1-го баталиона у стали обсуждать события. Все одинаково оценивали обстановку, разница была только в темпераментах. Стало ясно, что высшее командование Москвы, а так же и наш начальник училища, решили оставаться в стороне от развивающихся событий и выжидать. В тот момент все мы были еще далеки от той страшной катастрофы, которая разразилась над Россией, но уже в это время остро ставился вопрос о чести Родины и ее существовании. Примириться с переворотом не могли — значит надо было сопротивляться.

Целью нашего выступления не могло быть восстановление Временного Правительства в его старом составе, а так же не входила в наши задачи и борьба за Учредительное собрание. Были у нас связи с провинцией и картина выборов была столь ясна, что никак не способствовала утверждению его авторитета. Честь Родины и наша личная честь — вот что нас двигало.

Подсчет сил, на которые мы могли бы положиться и возможных сил противника, указывал на наше превосходство. Мы могли расчитывать, что к нам присоединится Алексеевское воен. училище и шесть московских школ прапорщиков. В то время Алексеевское воен. училище имело 6 рот, т. е. около 1.000 штыков. Каждая школа прапорщиков состояла из 2-х рот по 150 штыков, что давало 1.800 чел. Наше Александровское воен. училище с 1 октября было сведено в 8 рот (вместо 12) и имело 1.500 штыков. Правда юнкера разнились от юнкеров мирного времени, а развал армии отозвался и на училище, но все же еще сохранилась строгая дисциплина в строю и авторитет начальников.

С 1 октября 1917 г. на младший курс была принята молодеж, только что окончившая средние учебные заведения. Ее моральные качества были на высоте, но недостатком этого курса была очень слабая военная подготовка, т. к. в училище они поступили всего лишь за 3 недели до событий. Кадет было всего лишь 10-12%.

Для начала этих сил было вполне достаточно, а в дальнейшем мы могли расчитывать на пополнение из офицеров, которых в Москве было несколько десятков тысяч. Кроме того во всех запасных полках Москвы были группы офицеров и солдат в поддержке которых мы могли быть уверены, правда группы эти были немногочисленны, но состояли из лучших, надежных людей. Силы красных в Москве были ничтожны и вся их надежда была на красную гвардию, которая была слабо вооружена и совершенно не обучена.

Запасные полки были совсем деморализованны. Они голосовали за все, что им предлагали, но исполнять принятые решения не считали себя обязанными. Большевикам они сочувствовали; т. к. те обещали заключить мир с Германией, но не желали рисковать жизнью на фронте, еще меньше были готовы подвергать себя этому риску в Москве.

Эти запасные полки только по инерции назывались полками; вся их сплоченность в казармах была единственным стимулом около кухни, почему для удобства питания не нарушалось деление на баталионы и роты. Привлечь эту массу к борьбе были бессильны самые демогогические лозунги ни пламенные призывы к защите Родины.

Много сложнее обстояло дело с высшим начальством. Наш начальник училища ген. Муратов принял училище после выступления ген. Корнилова, вместо отрешенного от этой должности ген. Михеева. Не представлял для нас загадки и командуюший войсками Московского округа подполковник Рябцов.

Среди офицеров училища ряды наши тоже стали редеть. Уходили семейные офицеры, обещая присоединиться после. На собрания в дежурной комнате стали собираться в меньшем числе. Но мы все же решились на выступление во что бы то нестало. — На меня, — говорит кап. Мыльников, — возложили поручение любыми мерами заставить начальника присоединиться к нашему решению и в случае отказа, устранить его.

Несмотря на поздний час ген. Муратов принял меня. За письменным столом сидел генер. штаба генерал с Георгиевским крестом на груди. Несколько волнуясь, он очень любезно встретил меня, предложил сесть и спросил о причине позднего визита.

— Ваше превосходительство! Я явился к Вам по

поручению группы офицеров, чтобы выяснить ваш взгляд на петроградские события и просить ознакомить нас с мерами, которые вы предполагаете принять против захватчиков власти.

— Вы знаете, что я не вмешиваюсь в политику, а от командующего войсками имею инструкцию не допускать уличных беспорядков, но не мешать политическим демонстрациям.

— Арест Врем. Правительства вы считаете политической демонстрацией или уличным беспорядком?

— Зачем так ставить вопрос! Мы присягали не определенным лицам — ушли одни, пришли другие.

— Господин генерал! Придут и уже кажется пришли интернационалисты, которым не дороги ни честь, ни даже существование России. Приход их к власти значит позорный мир, унижение и быть может расчленение России. Мы этого допустить не можем и если вы открыто не выступите против захватчиков, мы это сделаем без вас и не остановимся перед применением силы.

Генерал быстро встал, протянул мне руку и сказал:

— Я, конечно, с вами! Сейчас отдам необходимые распоряжения, а вас назначаю для связи с командующим округом. Возьмите свой курс, займите штаб округа и оставайтесь при командующем.

Зашел к ожидавшим меня офицерам в дежурной комнате и сообщил об успешном исполнении поручения. Поднял юнкеров, раздали патроны, взял своих помошников: поручика и прапорщика и выступил из училища. Мертвая ночная тишина царила в Москве, падал снег и кое-где в окнах домов Пречистенского бульвара виднелся свет. В здании штаба округа был тоже огонь. На мой звонок зажигается свет на лестнице и вестибюле и какой-то солдат появляется на верхней площадке и увидив перед дверьми строй юнкеров быстро скрывается, потом открывает входную дворь. На мой вопрос, где находится командующий войсками, ответил «их нет». Ввел свой отряд в здание и пошел отыскивать подполковника Рябцова. В канцелярии одинокий дежурный писарь сказал, что командующий находится в Кремле на важном заседании. Приказываю вызвать начальника штаба, который живет в этом здании. Посланный солдат возвращается и сообщает, что начальник штаба болен и выйти не может. Пошел сам на квартиру внезапно заболевшего, но перед моим носом щелкнул замок приоткрытой двери и испуганный женский голос еще раз мне сообщил о болезни начальника штаба. Возвращаюсь к полуроте и вижу что мой поручик выставил к двум входам парных часовых, а остальных юнкеров разместил в вестибюле и на лестнице. Отдаю распоряжение ввести юнкеров в помещение канцелярии, но в это время вбегает юнкер наружного поста и докладывает, что здание окружено какой-то воинской частью. Выхожу на улицу. Перед зданием стоит развернутый строй роты запасного полка от Самогитских гренадер, единственной еще сохранившей подобие воинской части.

Что за часть? Ко мне подходит старш. унтер офицер и представляется как командир роты.

— По приказу солдатских и рабочих депутатов нам приказано занять штаб округа — говорит он.

— Мы уже заняли его, ведите роту обратно.

После некоторой нерешительности просит разрешение ввести роту в здание «малость обогреться».

Обращается ко мне вежливо и я чувствую, что ни у него, ни у его подчиненных нет ни малейшего желания прибегать к силе. Разрешаю ему ввести роту. Через полчаса выпроваживаю «противника» и слышу от командира роты «счастливо оставаться».

Оставляю поручика с юнкерами, а сам иду в Кремль искать поручика Рябцова. Спускаюсь по Пречистенке и подхожу к Боровицким воротам Кремля. На мой стук одна половина массивных ворот приоткрылась и в узкую щель высовывается штык. «Кто там, что надо». Отвечаю офицер, надо видеть командующего войсками. «Никого не приказано впускать».

Вызываю караульного начальника, тот спросил какой я части и пошел к телефону. Вернулся с тем же ответом. Направляюсь в училище. Около манежа вижу какую-то крупную воинскую часть стоящую во взводной колонне. Иду к ней и вижу, что навстречу мне идут два офицера, в одном узнаю своего сослуживца подполк. Романовского, курсов. офицера 2-ой школы прапорщиков. Оказалось, что эта колонна состоит из двух школ из Александровских казарм. Предлагаю им следовать вместе со мной в училище на Знаменку.

Начальник училища ген. Муратов принял меня в кабинете и выслушав мой доклад. сказал, что отдал приказ об обложении Кремля и через час приказал мне проверить обложение. К училищу стягиваются 5 школ прапорщиков (4-я школа осталась в своем помещении на Смоленском рынке).

Часа в три ночи обошел обложенный Кремль. С трех сторон обложение выполнено 1 батальоном Александровского воен. училища под командой командира батальона подполков. 10 стрелкового полка Мелеги; со стороны Москвы реки под откосом набережной разместились две роты 2-й школы прапорщиков.

Против всех кремлевских ворот были выставлены заставы, за ними хорошо укрытые резервы.

С 27 октября с утра начали прибывать добровольцы, главным образом учащаяся молодеж. Были сформированы несколько студенческих и гимназических рот. Настроение у добровольцев отличное, но отсутствовала военная подготовка. Офицеров откликнулось мало — необходим был приказ от авторитетного возглавления, чтобы поднять эту массу.

В 10 час. утра комитет училища назначил ми-

тинг — обсуждение создавшейся обстановки Собралось несколько сот юнкеров и очень мало офицеров.

Среди училишних офицеров оказались подавшие рапорта о болезни, а то и просто не явившиеся без указания причин.

Первым говорил начальник Московских школ прапорщиков ген. Шашковский. Говорил долго о завованиях революции, которые надо спасать; о Временном Правительстве и главным образом о его главе героически борющимся с захватчиками власти. Повторены были вошедшие в употребление и очень уже надоевшие слова и митинговые лозунги. Аудитория щедро наградила оратора аплодисментами. Попросил слова и я.

Говорил, что мы уже начали борьбу за честь Родины и за победу в этой борьбе мы готовы пожертвовать своею жизнью. Мы должны победить, но в борьбе побеждает сильная воля. которая не может быть выражена колективом. Мы должны отказаться от пагубных экспериментов революционной организации армии, необходимо вернуться к единоначалию — нам нужен вождь, которого облечим неограниченной властью, необходимой для победы.

После выступления аплодисменты сопровождались свистом. Наш штаб представлял тоже что-то вроде комитета. Там я увидел предшественника ген. Муратова генерала Михеева, ген. Шашковского, ген. шт. полк. Дорофеева и несколько наших преподавателей тактики.

Никаких оперативных распоряжений, кроме приказа об обложении Кремля, отданным лично ген. Муратовым не было. Опять бесконечная говорильня.

Надо указать, что в Кремле квартировал 1-ый батальон 56 запасного полка, в то время, как его другие 3 батальона стояли в Покровских казармах. Этот 1-ый бат. присоединился к большевикам и заперся в Кремле.

Одному офицеру этого запасного полка, хорошо знавшему все потайные входы и выходы Кремля, был дан взвод юнкеров с заданием проникнуть в Кремль и открыть все ворота. Через секретный вход из Александровского сада, этот взвод вошел в Кремль. Без выстрела разоружил часовых и открыл Боровицкие ворота; затем были открыты Никольские, но подбегая к Спасским воротам, с башни взвод был обстрелян и было ранено несколько юнкеров.

По овладению Кремлем, комендантом был назначен полковник Мороз.

Интересно отметить, что после захвата нами Кремля, 2-я школа прапорщиков отказалась стрелять «в своих». Школа была разоружена и заперта в подвалах Кремля вместе с 1-м батальоном 56 зап. полка.

Алексеевское воен. училище и строевые роты 3-х Московских и Суворовского кадет. корпусов, которые квартировали в Лефортове были заняты обороной своих зданий и притти к нам на помощь не смогли.

Вечером, узнал в штабе, что ген. Брусилов отказался возглавить наше выступление и что Всероссийский исполн. комитет железных дорог распорядился о запрещении подвоза воинских частей к Москве.

Отказ ген. Брусилова — был страшным ударом для нас и оставалась слабая надежда, что в Москве появится кто-нибудь из крупных военачальников, который и возмет дело борьбы в свои руки.

Тогда мы не знали сложившейся обстановки за нашими спинами, обрекавшей нас на поражение.

30 октября в училище явился бельгийский офицер русского происхождения и сказал, что в Бельгийской воен. миссии имеется до 17 бронированных автомобилей, предназначенных для фронта, но задержанных в Москве. Передать эти бронемашины миссия не могла; т. к. это являлось бы актом вмешательства во внутренние дела России, но если бы явился туда наш небольшой отряд, то никакого сопротивления не встретил бы. Получить эти бронемашины для уличного боя с неорганизованным, необученным противником, значило более чем вдвое увеличить наши силы и широко развернуть активные операции. Наше начальство однако отказалось от этого плана — мотивируя тем, что нельзя нарушать экстериториальность бельгийской миссии.

К этому времени большевики начали проявлять уже активность. Упорно старались занять телефонную станцию, захватить на Тверском бульваре дом градоначальника и повели наступление на Никитском бульваре. Все атаки были успешно отбиты. В этой борьбе сгорел дом кн. Гагарина, запиравший Тверской бульвар. В подвале этого дома, после борьбы, было обнаружено около 20 обгоревших трупов, захвативших аптеку в этом доме и погибших от взрыва.

Было столкновение на Большой Дмитровке. Успех всюду, кроме градоначальства был на нашей стороне и красная гвардия несла значительные потери.

Конец Поворской, примыкавшей к Кудринской площади был занят большевиками. Оттуда они простреливали всю Поворскую, но огонь их был безвреден.

За все время борьбы в моем отряде было только два легко раненых. На Смоленском рынке 4-я школа прапорщиков оставалась безучастной в своем помещении. Соседом слева у меня была рота корниловцев-ударников и так же, как и мой отряд, она тяготилась вынужденным бездействием.

Командир этой роты сразу присоединился к моему плану занятия Брянского вокзала, но не зная общего плана действий нашего командования, мы решили просить разрешения на эту операцию.

Я был вполне уверен, что сил у нас достаточно и мне в голову не приходило, что у наших «вож-

дей» если и был план, то только план выхода из борьбы.

В штабе я получил сведения от полков. Екименко, но как оказалось, они были очень не полные; я не знал ни о присутствии в училище министров Врем. Правительства, ни о появлении подполк. Рябцова. На мое предложение занять Брянский вокзал, без усиления наших частей, мне ответил начальник училища: «Мы это обсудим».

Патрули моего отряда контролировали Поворскую и переулки прилегавшие к ней у Арбата. Иногда они попадали под обстрел красногвардейцев, но потерь не было. Видно было, что искусство умения владеть оружием сводилось к заряжанию винтовки и спуску курка. Случалось захватывать подростков, и разоружать и наградив подзатыльниками, отпускать — девать их было некуда, да и несмотря на их мальчишеский задор, они были безвредны.

Наконец, красные стали обстреливать артиллерийским огнем Кремль и училище с Воробьевых гор. По результатам обстрела видно было, что он ведется опытными артиллеристами. Говорили, что стрельбой руководили военнопленные. Было несколько попаданий в собор и здания Кремля. В Александровское воен. училище попало три снаряда: один в квартиру училищного священника о. Добронравова, другой в квартиру помощника инспектора классов полк. Козачкова и третий в стену главного здания училища. Человеческих жертв не было.

В ресторане «Прага» на Арбате откуда-то появился пожилой тип в форме прапорщика и стал убеждать прекратить борьбу. Я его отправил в штаб. Через несколько часов он появился снова со своей проповедью и я лично отвел его в училище. На другое утро он снова появился у нас. На этот раз он остался у меня в одной из подвальных кладовых до самого «перемиря». В таком же другом помещении в «Праге» я устроил перевязочный пункт из 2 девушек и 2 молод. людей, начавших разговор о безцельности борьбы с народом. Наконец я снова пошел в штаб, но к моему великому изумлению адъютант сообщил, что уже подписано соглашение о перемирии и прекращении военных действий. Одна из школ прапоршиков (6), укомплектованная фронтовыми подпрапорщиками, заявила, что она больше в борьбе не участвует и объявила »нейтралитет». Школа эта находилась в Кремле и там же была интернирована. Очевидно, что этот факт отразился на настроении и других частей, но решающим для общей борьбы быть не мог. Деморализовало недостаточно твердых людей, прежде всего бездействие власти, полное отсутствие активности и разлагающая пропаганда. «Завтра утром вы должны привести свой отряд в училище и юнкера должны сдать оружие и разойтись по домам. Господа офицеры сохранят оружие» — объявили мне в штабе.

Все это было так неожиданно, так противоречиво настроению всего моего отряда и моему лично, что я начал очень резко протестовать. Полк. Екименко отвел меня в сторону и стал подробно объяснять общее настроение, создавшееся в штабе. Не оказалось авторитетного и волевого лица, которое бы могло взять на себя ответственность командующего.

Среди некоторых частей обнаружилось желание присоединиться к 6 школе прапорщиков: все равно большевикам у власти не удержаться и потому не стоит напрасно проливать кровь. Мягкое слово «перемирие» в сущности означало настоящую капитуляцию, к которой привела бездарная деятельность нашего коллективного командования. Самые условия этого перемирия, столь для нас легкие, показывали всю шаткость положения захватчиков власти.

Обошел я офицерское собрание и другие помещения училища, где были незнакомые лица офицеров и на всех их была растерянность. Сознаю полную невозможность что-либо предпринять. Думаю, что при заключении договора была возможность добиться свободного пропуска на юг или на фронт. Ушли бы далеко не все; но ушло бы много и самых ценных для продолжения борьбы.

Тяжела была короткая дорога через Арбатскую площадь до ресторана «Прага». В «Праге» новость принесенная мною всех ошеломила. Все притихли.

В кабинете № 17 занимаемым мною, собрались офицеры. Я подробно рассказал обо всем, что видел и слышал в училище. Осталось только исполнить полученный приказ.

Приказал отпустить арестованных, предложил имеющим родных и знакомых в Москве воспользоваться темнотой и разойтись.

Рано утром толпа «победителей» в несколько сот человек собралась на Арбатской площади.

Я предупредил толпу, что при попытке с ее стороны к насилию, немедленно открою огонь. С заряженными винтовками и пулеметами провел отряд в училище под брань и враждебные выкрики. Сдача оружия происходила в одной из комнат канцеляции, где сидел подпоручик запаса Гройнил, получивший от новой власти высокое назначение, а за ним в углу стояло знамя училища всеми забытое. Все офицеры и юнкера беспрепятственно отпускались домой. Раненых поместили в госпиталя.

Через несколько дней десятки тысяч москвичей отдали последний долг первым жертвам павшим за Россию в борьбе с интернационалом. 21 гроб проследовал по Большой Никитской на братское кладбище.

3 ноября все кончилось и Александровское военное училище перестало существовать.

А. Волков

БОРИС ЕРОФЕЕВ

(Памяти поэта Ахтырских гусар)

Подполковник 12-го гусарского Ахтырского полка Борис Васильевич Ерофеев, преемник гусара-певца, Дениса Давыдова, был ценим и любим не только как безупречной храбрости офицер, но и как душа гусарской семьи.

После развала армии в 1917 году, Ерофеев едет к себе на родину, на Дон, и вместе с Чернецовым борется за дело освобождения России. Кончился страдный период Дона, начали формироваться старые кавалерийские полки и Ерофеев снова среди Ахтырцев, снова слышны его лихие и веселые песни, но уже в них звучат — сквозь смех и тонкий юмор — горькие слезы по затоптанным в грязь традициям полков, былой моши Императорской конницы.

Новороссийская катастрофа спешила и перебросила в Крым вместе с другими частями и Ахтырцев и вот на берегу Сиваша мы снова слышим песни гусара-поэта Бориса Ерофеева. Операции в Северной Таврии застают Ерофеева командиром Ахтырского эскадрона, в который превратился некогда могучий полк. Среди самых тяжелых боев дух гусар поддерживают меткие остроты своего командира, который не знает, что такое уныние или усталость — он всегда бодр, всегда весел.

Настает заднепровский рейд. Бой около плавней. Лава, а за ней густые колонны красной кавалерии Миронова, которые энергично атакуют наши части. Полки переходят в контр-атаку. Обойданные с флангов, Ахтырцы, бывшие в центре, попадают под сильнейший пулеметный огонь: с тыла красных. Полк поворачивает повзводно налево кругом и рысью равняясь, начинает отход назад, к плавням. Красные идут на хвосту и стреляют с коней. Одной из таких пуль и был убит Ерофеев.

За секунду до этого он обернулся к эскадрону, скомандовал «Шашки в ножны» и сам начал вкладывать шашку. В это время пуля смертельно ранила Ерофеева. Он закачался в седле и упал.

Гусары, остановившиеся для того, чтобы вывезти тело командира, были тут-же зарублены подоспевшими красными.

Все кинулись в плани. Собравшись там, группа человек в 50 бросилась снова в контр-аттаку, но, достигнув рокового места и отбросив красных, уже не могла вынести тела, так как силы были слишком неравны.

Так погиб в последнем бою доблестный командир эскадрона Ахтырцев, певец русский конницы, ее заветов, традиций и мощи — Борис Ерофеев.

Теперь, на чужбине, ровно через год, особенно чувствуется эта утрата.

Из памяти гусар никогда не изгладится образ лихого гусара-певца — командира и соратника.

***

Так вспоминают славного Ахтырца его однополчане. Немного их уцелело!..

В последний раз я видел Ерофеева в Феодосии на даче Б. А. Суворина. Он приехал с фронта, как всегда веселый и смеющийся, беззаботный и остроумный, просто — как о самых обыденных вещах — рассказывавший об опаснейших эпизодах боевой жизни.

Б. А. Суворин очень любил своего молодого друга и ценил его талант. Ерофеев был сотрудником «Вечернего Времени» и его стихи всегда были украшением газеты. Ерофеев также отлично рисовал каррикатуры. И вообще это была одаренная натура. Б. А. Суворин называл его маленьким Юрием Беляевым. Есть такие счастливые люди, которые невольно привлекают сердца. К их числу принадлежал этот юноша — храбрый и страшный в бою офицер — для нас: милый Боба Ерофеев.

В последний раз, лунною крымскою ночью, у окна, открытого настежь на Феодоссийскую серебрянную бухту, мы сидели долго с приехавшим в последний отпуск Ерофеевым. Появилась гитара, стаканы наполнились вином и поэт пел, сам себе аккомпанируя, ахтырскую песню, ставшую полковою, в которой рассказывалась история славного полка:

Давно, при царе Алексее,
В степях, где дрались казаки
На гранях московской России
Родилися наши полки...

И хор дружно подхватывал припев:

Не даром сердца наши бьются
При звоне наполненных чар
И громкие песни несутся
Во славу ахтырских гусар!

(Их архива Ахтырских Гусар)

Расселение армии по Балканским странам

ген. П. Н. Шатилов

Глава четвертая

Чтобы составить себе точное представление о всей широте мероприятий, какие мне пришлось проводить, для того, чтобы поставить наши, усталые от лагерных условий жизни, части в наиболее лучшую обстановку и в моральном и в материальном отношениях интересно иметь представление как наши части были устроены на Балканах.

Армия ушла из лагерей с чувством наступающего избавления от моральных невзгод и материальных лишений. Будущее давало надежду на лучшие материальные условия, и состоявшиеся перевозки вносили моральное удовлетворение одержанного успеха в борьбе за свое сохранение. С прибытием в Славянские страны, части Армии, закаленные суровыми испытаниями, вступили в новую фазу жизни и борьбы за свое существование.

Расселение Армии, прежде всего действительно повлекло за собой улучшение материальных условий жизни, а теплое отношение родственного ей населения обещало дать возможность отдохнуть и душой.

Наши части расселенные в Королевстве С.Х.С. и Болгарии, устраивались там не в одинаковых условиях. В этом отношении, они резко разделялись на две группы, в зависимости от источников средств на их содержание.

Первая группа, общей численностью в 12 тысяч человек, сразу, по приезде на новые места, была поставлена на различного рода работы или службу и добывала своим трудом средства к существованию, требуя от нас лишь дополнительных расходов на различного рода нужды войсковых частей. Группа эта, в свою очередь, по условиям жизни, труда или выполняемых обязанностей, подразделялась на две категории, равными по численности: первая категория — это были гости, находящиеся на работах. Вторая категория — части, принятые на государственную службу, — в пограничную стражу и отчасти в жандармерию Королевства С.Х.С.

Вторая группа состояла из частей, находящихся «на иждивении Главного Командования», т. е. из частей, расселенных, в той или другой стране, живущих почти нормальной жизнью воинских частей и содержащихся полностью на средства ассигнованные послом Бахметевым. Группа эта была большей по численности и, в первое время, доходила до 18.000 человек.

Такое положение рассматривалось нами как временное до подыскания для них подходящих работ. Численность ее постоянно менялась, в зависимости от того, сколько нам удавалось подыскать подходящих работ. Постановка этой группы на работы освобождала имеющиеся в распоряжении Главного Командования средства на улучшение тех сторон быта Армии, которые не могли быть удовлетворены с достаточной полнотой. Нужды это были — культурно-просветительная работа в войсках, широкое развитие образовательных и воспитательных мероприятий, призрение и помощь нетрудоспособным чинам Армии и инвалидам.

Кроме того, возможно большее сокращение чинов Армии, содержимых за счет Главного Командования, допускало обеспечение целого ряда других условий, важных для дела сохранения Армии на более долгий срок. Это давало средства жизни тем учреждениям, которые составляли жизненные ее органы, по характеру своей деятельности не могли быть поставлены на работу. Это допускало сохранение ячеек войсковых организаций, на которые должна была лечь обязанность по осуществлению вслед мероприятий по улучшению быта работающих людей части. Наконец, это же позволяло предусмотреть более полное удовлетворение духовных потребностей Армии и на более долгое время, и иметь резерв средств на случай каких-либо осложнений в ее существовании.

Среди частей Армии, содержимых на счет Главного командования, находились те военные и гражданские учебные заведения, которые были эвакуированы вместе с Армией с Юга России или же вновь созданы во время ее жизни на чужбине.

Вместе с Армией в королевство С.Х.С. были перевезены три кадетских корпуса и 2 женских института, которые удалось устроить на содержание державных средств Королевства. Эти учебные заведения требовали от нас лишь некоторых дополнительных расходов на улучшение их быта и учебно-воспитательное дело.

По негласным условиям заключенный мною с Правительствами, принявшими части Армии стран, как указывалось выше, вся Армия, в местах ее расположения, сохраняла воинскую организацию, дисциплину, внутренний распорядок жизни и подчиненность своим начальникам и была ограничена только в пользовании оружием, которое было оставлено лишь для учебных целей, в установленных соглашением размерах.

Расселение контингентов Армии в двух различных странах и различные причины местного характера вызвали необходимость некоторого изменения в организации органов ее управления. С переездом Армии в Славянские страны были сохранены следующие органы управления: Штаб Главнокомандующего, его политическая канцелярия, финансовая часть и часть контроля. Нахождение частей Армии в двух государствах и различные условия отдельных групп, потребовали некоторой реорганизации Штаба Главнокомандующего. При затруднительности, в существовавших условиях международных отношений, поддержание регулярной связи между ними, вынудили генерала Врангеля, иметь в каждой стране орган, при помощи которого его власть действовавала бы непрерывно. Это соображение вызвало разделение моего Штаба на две части, постоянно связанными друг с другом и подчиненных в одинаковой мере мне, по расселенных — каждая в одной из стран. Во главе каждой части Штаба был поставлен ее начальник, во время моего отсутствия из данной страны, пользовавшийся большей, чем обычно, самостоятельностью и правами и являвшийся на это время моим заместителем. Эта организация давала одновременно возможность генералу Врангелю при ожидавшихся переездах, из одной страны в другую, сохранять при себе орган своего штаба.

Фактически я всегда находился в той стране, где отсутствовал Главнокомандующий и являлся для войск, в этой стране расположенных его заместителем. Применение этой меры вполне оправдало себя, особенно, в Болгарии, в те дни, когда события внутренней политической жизни прерывали связь частей, там находящихся, с Главнокомандующим и, иногда, на продолжительное время.

Местом постоянного своего пребывания, генерал Врангель наметил Королевство С.Х.С., предполагая выезжать в Болгарию только для посещения войск. Однако, последующие события помешали этому и лишили ген. Врангеля возможности видеть части, расселенные в Болгарии. Только принятые Королевством С.Х.С. части Армии, с переездом его туда, получили, наконец, возможность видеть своего Главнокомандующего, в своей войсковой среде.

С конца 1921 года в Королевстве С.Х.С. были расселены и устроены следующие войсковые части:

Кавалерийская дивизия.
Кубанская Казачья дивизия.

Гвардейская казачья группа, состоящая из Конвойного полка Главнокомандующего, Лейб-Гвардии Казачьего и Лейб-Гвардии Атаманского и Гвардейского Кубанского дивизионов и Гвардейской Донской казачьей батареи.

Донского технического полка.

Саперная, понтонная и техническая роты 1-го Армейского Корпуса.

Николаевское Кавалерийское Училище.

3 Кадетских корпуса: Крымский, Русский, Сводный и Донской.

Кавалерийская дивизия под начальством генерала Барбовича была принята на Королевскую службу в Корпус Пограничной стражи всем своим составом. Первоначально, каждым чином дивизии был подписан контракт с Правительством, обязывавший его службой в стране в течение одного года. Впоследствии, по истечении года условия службы были изменены, в связи с изменением организации пограничной стражи Королевства, и часть дивизии перешла на работы. В первую очередь были приняты: на классные должности, соответствующие по правам офицерским, 64 человека, из числа старших офицерских чинов дивизии. На унтер-офицерские должности — 17 офицеров и в качестве рядовых «граничар» — 2.540 солдат.Всего 3.382 человека. С течением времени число воинских чинов, вступивших на службу в пограничную стражу, было увеличено приемом всей Гвардейской Казачьей группы, общей численностью офицеров и казаков — 1100 человек, а также дополнительным приемом на свободные вакансии около 300 человек, прибывших с последним эшелоном войсковых частей из Галлиполи.

Условия службы чинов Русской Армии в сербской пограничной страже, их обязанности и отношение к сербским чинам и начальникам были точно регламентированы особой инструкцией, выработанной Штабом Кавалерийской дивизии, совместно с Командиром Корпуса пограничной стражи, полковником Ристичем.

Доброжелательное отношение к чинам Русской Армии, со стороны сербского Командира корпуса и всех высших сербских его чинов, помогло русскому командному составу, при выработке этой инструкции, ввести в нее все те требования, которые давали возможность русским чинам корпуса выполнять свои обязанности в наилучших и привычных им условиям.

Значение русского командного состава и отношение его к русской части пограничной стражи этой инструкцией было сохранено точностью. Везде русские солдаты оставались в подчинении своим офицерам и через этих офицеров сносилось с ними сербское начальство.

Генерал Барбович, с небольшим штабом, находился при командире корпуса Пограничной стражи и являлся высшим русским начальником, именовавшимся высшим инспектором.

Сложнее оказалость наладить нормальные отношения с младшим сербским командным составом в частях, непосредственно несущих службу,

где возникло немало недоразумений, из-за незнакомства сербов с характером русских младших чинов, в большинстве случаев вполне интеллигентных и вполне развитых. Недоразумения эти, однако, почти всегда благополучно разрешались.

Материальные условия службы были не одинаковы для всех. Офицеры, принятые на чиновничьи должности, и солдаты условиями оплаты их службы были поставлены в благоприятную обстановку. В особенности, это касалось положения солдат.

Получая сравнительно небольшое жалованье, в среднем 350 динар в месяц, они, однако, пользовались казенным отпуском натурой — квартиры и обмундирования. Кроме того, почти все они были холостые, что также значительно облегчало условия их жизни. Гораздо труднее было материальное положение семейных офицеров, принятых на должности унтер-офицеров или капралов и получавших всего на 50-150 динар больше солдат, но имевших несравненно большие потребности и поставленных перед необходимостью нанимать на эти средства и помещение для жилья.

Положение семейных чинов Армии всегда нас озабачивало и в этом отношении мы шли навстречу, по мере имеющихся у нас средств. Первоначально мы периодически поддерживали семейных чинов Кавалерийской дивизии отпуском денежных средств, в виде особого пособия, а впоследствии получили возможность установить регулярный отпуск на каждого члена семьи небольшого ежемесячного пособия в 125 динар. Кроме того, нам пришлось взять на себя заботы и расходы по организации санитарного обеспечения и удовлетворения духовных потребностей этих частей Армии.

Известное число врачей было устроено на должности унтер-офицеров пограничной стражи и они получили содержание в установленном чиновникам размерах. Но нам, все же, было необходимо принять на себя полностью расходы по снабжению их медикаментами. Части снабжались на наши средства газетами, библиотеками и т. д. Было обращено внимание и на удовлетворение религиозных потребностей частей кавалерийской дивизии, в которых командировались священнослужители для совершения религиозных треб.

На исходе первого года службы Кавалерийской дивизии в Сербской пограничной страже наметились коренные изменения в организации самой пограничной службы Королевства. Правительством предположена передача ее из Ведения Военного Министерства в министерство финансов и реорганизиции Корпуса пограничной стражи, в так называемую, финансовую стражу. Переход этот повлек за собой некоторое повышение ставок жалованья для служащих, но вместе с тем и общее сокращение их числа. Всем чинам дивизии, желающим оставаться на службе в Финансовой страже было предложено возобновить контракт на новый год в новых, более благоприятных условиях; остальная же часть дивизии должна была стать на работы.

Кубанская Казачья дивизия, с приданным ей Донским Техническим полком, под начальством генерала Зборовского, общей численностью около 4000 человек, по прибытии в Сербию, были сразу же поставлены на различные государственные работы, в трех группах в районе Ниш-Вранья.

Характер работ, условия жизни и оплата труда в различных группах, работающих частей дивизии, несколько разнились, в зависимости от того, какое ведомство становилось производителем работ. Однако доброжелательное отношение к русским со стороны сербских инженеров, стоявших во главе этих работ, дало возможность на всех ее участках вырабатывать более или менее сходные основные положения. Условия эти, заключаемые ними с предпринимателями регламентировали порядок их производства работ, заработную плату и обеспечение временно-нетрудоспособных чинов дивизии. Они, в то же время, давали гарантию полного сохранения воинской организации, дисциплины, внутреннего распорядка воинской жизни и нормальную схему подчинения своим начальникам.

Командный состав и все хозяйственные, распорядительные и санитарные органы воинских частей, сохраненные в самых необходимых размерах, поступили на содержание производителей работ. Средняя заработная плата рядового работника, в первое время, была установлена в 18 динар. В тех группах, где было организовано артельное хозяйство, с получением продуктов через сербские рабочие секции, на руки рабочему выдавалось в сутки около 11 с пол. динар, а 6 с пол. удерживалось на его довольствие.

Те чины дивизии, которые выполняли какую-либо специальную работу, получали большую плату. Колебания оплаты труда этих, особых работников, были определены контрактами в границах от 20 до 40 динар в сутки. Нормальным рабочим днем было установлено считать на работах ведомства Государственного строительства 9 часов, а на работах ведомства путей сообщения — 8 часов. Сверхурочные работы оплачивались отдельно.

Заключительными соглашениями предусматривались также случаи обеспечения материальной помощи от секции нетрудоспособных чинов дивизии и членов семей работающих, и также обеспечение санитарной помощи.

Если, рабочий чин дивизии получил на работах какое-либо увечье, связанное с потерей трудоспособности, то секции принимали на себя заботы об

устройстве его на правительственные субсидии существующих в стране законноположений. Главному командованию в отношении частей Кубанской дивизии приходилось нести лишь дополнительные расходы на улучшение быта работающих. Части снабжались газетами, различным учебным и информационным материалом, библиотеки пополнялись книгами, организовывалось чтение лекций, сообщений.

Впоследствии, с переходом некоторых групп частей дивизии на новые работы, несколько менялись установленные в начале нормы и условия оплаты их труда, то в ту, то в другую сторону. Однако, эти колебания не изменили существенно первоначальное положение.

Только вопрос обеспечения семейных денежной помощью от учреждений, дававших работу, на некоторых работах получил отрицательное решение и заботы о них, в этом случае, перекладывались полностью на нас.

Первое время по прибытии в Сербию, части Кубанской дивизии жили в палатках, вывезенных из военных лагерей. С наступлением же осенних холодов везде было приступлено к сооружению землянок, которые к зиме были всюду отстроены из материала, предоставленного секциями. Только в тех местах, где не хватало необходимого материала или где работы производились в районе значительных селений, часто были расквартированы в частных домах с весьма незначительной оплатой помещений — самими работающими. Плата за помещение в месяц с человека не превышала 3-5 динар.

В некоторых более тяжелых условиях находились, первое время по прибытии в Сербию, части Технического полка 1-го Армейского Корпуса, переброшенного из Галлиполи с последним эшелоном. Самый приезд их в глубокое осеннее время и постановка их на железнодорожные работы в район Горно-Милоновац, где предпринимателями работ заранее ничего не было подготовлено к приему значительного числа рабочих, непозволил им сразу создать себе сносных условий жизни. С большим трудом устраивались эти части на зиму и только к весне им удалось устранить все недочеты.

Впоследствии их удалось устроить на работах в районе Белграда, где условия работы были сходны с теми, которые существовали в частях Кубанской дивизии. Все эти части с самого начала поставленные на работы к концу первого года оказались, по сравнению с другими, в наилучших условиях и более других обеспеченными материально. Отношения с сербскими инженерами и другими представителями рабочих или строительных секций поддерживались отличные. Большое значение имело при этом то обстоятельство, что работоспособность казаков этой дивизии, в сравнении с обыкновенными сербскими рабочими, стояла неизмеримо выше, благодаря чему многие работы были закончены значительно раннее, чем это было намечено при строительных предположениях. Некоторые затруднения в первое время вызывали заботы о поддержании в должном виде обмундирования. На некоторых работах верхнее платье изнашивалось очень быстро и своевременная и дешевая починка его приобретала большое значение. Мы посильно помогали казакам, выдавая что могли из сохранившихся у нас запасов обмундирования, и затем во всех частях были налажены разного рода починочные мастерские, которые со временем расширили свою деятельность и обслуживали местное население. Появившиеся вскоре у казаков свободные деньги, пробудили почти везде желание восстановить свою военную форму. В праздничные дни и на различных смотрах, полковых молебствиях и обедах, по случаю старых войсковых праздников, казаки оказались поголовно и по форме одетыми. Во время пребывания Кубанской дивизии на территории Сербии, руками ее казаков был создан целый ряд грандиозных сооружений.

Все созданное их трудом должно явиться памятником Русской Армии на землях братского народа. Частями дивизии, к концу 1923 года, было закончено сооружение прекрасного шоссе Карбованц-Васильград, протяжением в 40 километров по прямой линии, в горной местности, с перевалами Босна-Кобыла, высотой около 1950 метров и участка железной дороги Ниш-Княжевац, произведенной в дикой местности, потребовавшей устройства значительного числа тунелей. Кроме того, ими производились работы по разработке лесных дорог в районе Чуприя-Сенький Рудник, по постройке казарм в Вазильграде, организован целый ряд мастерских в Ниш. Некоторые части дивизии перешли затем на постройку новой железнодорожной линии Топчидер-Крона. Продолжительное нахождение частей Кубанской дивизии на работах не оказало вредного влияния на их воинскую организацию, дисциплину и их военное воспитание. Сплоченность частей и крепость духа сохранились прежние, несмотря на совершенно исключительные, для всякой военной организации, условия их существования. Объезд генерала Врангеля в апреле 1922 года частей, находившихся на работах, восторженно встретил своего Вождя и разговоры его с офицерами и казаками, произвели на него прекрасное впечатление. Блестящий внешний вид, сознательное отношение каждого к положению Армии и твердое убеждение в необходимости полного единения были выявлены в полной мере.

(Окончание следует)

Русский отдел Королевского Музея Армии и Военной Истории

(Брюссель, Бельгия)

Офицер л.-гв. Павловского полка

Боевые регалии л.-гв. Казачьего полка

Офицер л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка

В обширной зале «Союзников», где представлены снаряжение, обмундирование и вооружение всех союзных держав Первой Мировой Войны, а также и военных сил Финляндии, Польши и Прибалтийских стран, наиболее почетное место занимает «Русский отдел» (1).

Своим основанием он всецело обязан, ныне покойному, Директору Музея майору Louis LECONTE.

Этот высококультурный человек, с первых же дней расселения на чужбине чинов Русской Армии, широко открыл двери своего музея немым свидетелям русской боевой славы и русского военного быта.

---

(1) Отделение Музея где хранится русская военная коллекция носит название «Section russe».

Благодаря этому благородному решению, много полковых регалий и семейных военных реликвий нашли себе приют, временный или постоянный, в стенах Брюссельского музея. 27 декабря 1936 года, в присутствии представителя бельгийского военного министра, русских и бельгийских генералов и офицеров, состоялось торжественное открытие «Русского отдела».

Впоследствии, благодаря новым поступлениям и приобретениям, на которые музей не жалел средств, русское военное собрание еще расширилось и новые витрины были установлены в других залах. Приток новых поступлений не останавливается и по сей день.

По своей сущности, «Русский отдел» во многом отличается от других иностранных отделов, витрины которых содержат новые предметы, присланные в дар музею, из арсеналов и интендантских складов. В русских же витринах, и старые знамена «о славе полков говорят, о битвах минувших жалеют», и простреленные в боях головные уборы, и мундиры «службу послужившие»; каждая шашка, каждая пара погон имеют свою историю...

В иконографическом отношении, русская военная история представлена широким веером: от старинных портретов Екатерины II и Павла I до акварелей и фотографий добровольческих полков: Корниловского, Марковского, Алексеевского и Дроздовского.

Русские витрины настолько богаты, не только качественно но и количественно, что в кадре настоящей статьи не представляется возможным дать исчерпывающее их описание. Скажем, что фон всех витрин буквально увешан портретами, оружием, гравюрами, литографиями и фотографиями. По середине манекены, в парадной или походной формах, на переднем плане, отдельные предметы снаряжения или обмундирования, историческое оружие, юбилейные медали, полковые и личные воспоминания и т. п. Прилагаемые иллюстрации помогут читателю составить себе более полное представление о «Русском отделе», мы же ограничимся беглым обзором, указывая на характерные и существенные предметы каждой витрины.

«Русский отдел», расположенный прямоугольником, занимает всю глубину зала «Союзников». Он обозначен, в правом углу, большим трехцветным русским флагом.

Два прохода ведут к русским витринам. У каждого — артиллерийское орудие Пермского завода: у правого: пушка 1884 года № 98 («115 п. 20 ф. без замка», «122 п. 10 ф. с замком»), у левого: пушка 1909 года № 5074 («вес с замком 203 п. 10 ф.», «вес без замка 199 п. 10 ф.»).

С правой стороны, четыре первые витрины посвящены л.-гв. Казачьему Его Величества полку. Это исключительное собрание оружия, мундиров, портретов, головных уборов, гравюр, литографий, снаряжения и военных регалий, является собственностью офицеров Лейб-Казаков и представляет часть полкового музея дважды спасенного в дни смуты. В первый раз, срочным вывозом из Петрограда в Новочеркасск, благодаря предусмотрительности командира полка генерала Грекова; во второй раз, в занятом красными Новочеркасске, вследствии заступничества бывшего лейб-казака, командующего казачьими революционными войсками (2). Проделав весь геройский путь с Добровельческой Армией, лейб-казачий музей прибыл во Францию и был торжественно открыт 22-го декабря 1929 года в г. Курбевуа. Генерал Оприц признал однако благоразумным отправить часть полкового богатства в Брюссельский королевский музей, где лейб-казачий отдел и составил основной фонд «Русской Секции» (3).

П е р в а я витрина содержит серебряные подношения офицеров своему полку. Витрина интересна не только в военно-историческом отношении, но и в русско-бытовом: ковши, братины, блюда, чарки, исполненные в русском стиле, напоминают о прошлом. Особенно привлекает внимание большая серебряная братина, подарок служивших в 1913 г. в полку офицеров, украшенная фарфоровыми медальонами с историческими фор-

Полковое серебро Лейб-Казаков

мами полка, боевыми сценами войны 1812-1813 гг. и портретом командира полка того времени генерала графа В. В. Орлова-Денисова; направо от братины каминные часы с статуэтками казаков в формах одежды эпохи Николая I-го и Александра II-го.

(2) И. Н. Оприц, Лейб-Гвардии Казачий Е. В. полк в годы революции и гражданской войны 1917-1920, стр. 35 и 82, Париж, 1939.

(3) Совместно с богатейшим собранием большого русского собирателя — генерала Ознобишина.

Вторая витрина л.-гв. Казачьего полка

На противоположной стороне, на боковой стенке второй витрины, известная картина художника П. Н. Грузинского (1837-1892), писанная с натуры, «Бивак лейб-казаков на маневрах», где представлены все формы полка эпохи Николая I-го с присущими художнику мельчайшими подробностями как то: гвозди коими прибита подошва сапога, инициалы эскадрона и взвода на оборотной стороне лядуночной перевязи, и т. д.

Под этой картиной, замечательный эскиз кисти профессора П. О. Ковалевского по которому он написал свое большое полотно находившееся в музее Академии Художеств в С.-Петербурге, «Первый день сражения под Лейпцигом», и за которое он получил в 1871 г. большую золотую медаль Императорской Академии Художеств. Главным сюжетом этой картины является эпизод 16-го октября 1813 г. достопамятной атаки Лейб-Казачьего полка. В критический для союзников момент, атаки конницы Латур-Мобура, Лейб-Казаки, брошенные через болотистый ручей, во фланг конной массы неприятеля, своею стремительностью и неожиданностью внесли смятение в ряды латников пытавшихся прорвать фронт союзных войск и успешная, в начале, атака французов расстраивается. Надо сожалеть, что художник не достаточно точно воспроизвел форму одежды лейб-казаков допустив существенную погрешность: например, вместо султанов на киверах изобразил много позднейшие помпоны.

В т о р а я витрина охватывает период Екатерина II — Александр II. Сформированная в 1775 году, Придворная Конвойная Казачья Команда донских казаков послужила основанием, к формированию Лейб-гусарского Казачьего полка в 1796 году. Манекен офицера в парадной форме Конвойной Команды напоминает о зачатии полка. Следующие манекены представляют: обер-офицера 1838 г. и генерала 1845 г. в парадной форме и урядника в характерной парадной форме 1867-1880 гг. Из холодного оружия укажем на шашку данную Елисаветой Петровной в 1760 году отцу Атамана Платова, на шашки командира полка Орлова, 1796 г., и полковника Ефремова, 1780 г. и коллекцию кавказских шашек. Из огнестрельного оружия: казачье ружье XVIII века и пистолет 1813 г. (калибр 17,5 мм); на фоне витрины поясной портрет Александра I-го.

Т р е т ь я, под углом к предыдущей, специально построенная огромная зеркальная витрина, хранит священные регалии полка: два штандарта пожалованные в 1788 году, один 1-го эскадрона, белый с золотой бахромой и мальтийским малиновым крестом в золотом сиянии, — впоследствии принятый Лейб-Казаками как нагрудный полковой знак, — и второй 2-го эскадрона: малиновый с серебряной бахрамой и белым мальтийским крестом в серебряном сиянии; три Георгиевских штандарта пожалованные 19 марта 1826 года «за отличие при поражении и изгнании неприятеля

из пределов России в 1812 году и за подвиг оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года»; штандарты желтого цвета, штофные, с синими углами на которых вышиты вензеля Николая I-го; два серебряных штандартных орла с подвязанными к ним на георгиевской ленте орденами св. Георгия; двадцать две серебряных труб (14 труб в тонах «ля» и «до», 6 труб разных тонов, 1 труба бас-тромбон, 1 труба басовая), пожалованные Высочайшим приказом 15 июля 1813; на всех трубах вырезаны надписи: «Лейб-Гвардии Казачьему полку, за отличия против неприятеля в минувшую кампанию 1813 г.».

Перед этой витриной лейб-казаки совершали богослужения в юбилейные даты полка, здесь же можно часто видеть задумчиво стоящих посетителей музея.

Над витриной, большой поясной портрет Вел. Кн. Николая Николаевича в походной шинели.

Четвертая витрина, под углом к предыдущей, представляет последний период полка: манекены казака в полной повседневной форме 1890 года и обер-офицера 1910 года в парадной форме; на фоне витрины большой портрет Николая I-го в синем казачьем мундире, на переднем плане первый том полковой истории принадлежавший Императрице Марии Федоровне, эполеты генерал-адъютанта с накладными вензелями Александра II-го, серебряная доска поднесенная полку донским дворянством, коллекция кавказских шашек из коих одна с орденом Св. Анны 4-й степени, алый с белым галуном казачий вальтрап полка.

В этой же витрине манекены: хорунжего Уманского полка и офицера Пластунского батальона Кубанского Казачьего Войска, в парадных формах.

Над витриной, на стене, в большой стеклянной раме, старинное знамя эпохи Павла I-го, по середине под орлом пришита этикетка со следующими словами: «Белое знамя Бутырского Мушкетерского полка спасенное во время Аустерлицкой Баталии того же полка Портупей-Прапоршиком Николаем Кокуриным, который находясь уже во Франции пленным в городе Бурже в Гошпитале умер а после него хранено было сие знамя оного же полка Унтер-Офицером Михаилом Мостовским и представлено по команде уже по прибытии в Город Люневиль при формировании временных батальонов. Судя по библиографическим данным, это знамя одно из тех девятнадцати знамен сохраненных офицерами и солдатами в плену. Оно было пожаловано полку в 1798 году, первой или шефской роте, и посему имело крест белый и. первоначально, углы чижового цвета с пунцовым попалам, эти цвета от времени сильно изменились и в настоящее время имеют вид светло-коричневого с желтым; белое знамя считалось полковым. В 1805 году в полках было по шести знамен (по два на батальон). Это спасенное знамя еще интересно тем, что оно совершило с Суворовым Италийскую кампанию и Швейцарский поход.

Уланы Его Величества

Пятая витрина посвящена л.-гв. Уланскому Его Величества полку, первому полку русской конницы получившему уланскую форму по инициативе Цесаревича Константина Павловича, шпага которого хранится в этой витрине, также как и его литография. В центре, на фоне витрины, большой поясной портрет Императора Александра II-го, который будучи Наследником, был назначен Шефом полка. По восшествии на престол Александр II-й, сохранил свое шефство и с тех пор полк имел шефство царствующего Императора.

Форма одежды представлена четырьмя манекенами: штаб-ротмистр в сюртуке, генерал в повседневной и парадной формах, полковник в парадной форме. Внутри витрины, мундир 38-го Драгунского Владимирского полка, генеральская тужурка и офицерский вальтрап. На первом плане: генеральская шпага, лядунка, эполеты с накладными вензелями Императора Николая II.

В правом углу воспоминания барона Г. К. Маннергейма: шитые воротник и клапаны парадного мундира, эполеты, аксельбант и свитская генеральская шапка, а также его фотография в мундире фельдмаршала Финляндии. Барон Маннергейм командовал в 1908 году 13-м уланским Владимирским полком, а в 1910 году л-гв. Уланским Е. В. полком; впоследствии он был командующим финскими войсками.

Как воспоминание о давно ушедших днях — миниатюрный, полный жизни, оловянный эскадрон «... и белые султаны, и желто-красные, как искры, флюгера, и на гнедых конях Царевы лейб-уланы».

Ш е с т а я, особая зеркальная витрина с лейб-казачьими мундирами трех Императоров: Николая I-го (синий), Александра II-го (алый с желтыми жгутами), Александра III-го (алый) и мундир Наследника Цесаревича Алексея Николаевича (алый). На витрину поставлен бюст Императора Николая II-го, а на стене Его же портрет во весь рост в синем сюртуке лейб-казаков, по бокам поясные портреты Екатерины II-й и Павла I-го.

С е д ь м а я витрина посвящена, главным образом, л.-гв. Павловскому полку: манекены обер-офицера в городской, походной и парадной формах; белый берет Цесаревича Алексея подаренный Императрицей офицерам полка; частица знамени; гренадерские шапки Павловцев и среди них историческая гренадерка эпохи Александра I-го, который своим указом Военной Коллегии от 20 января 1808 г. повелел оставить полку шапки в том виде «в каком он сошел с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены». К полковой истории, изданной в 1852 году, приложен «Список нижним чинам Лейб-Гвардии Павловского полка, имена коих сохранились на гренадерских шапках, пробитых неприятельскими пулями в разных сражениях». Из этого списка следует, что 8 шапок были пробиты тремя пулями, 179 двумя пулями и 416 одной пулей. На медных бляхах шапок были выбиты имена и фамилии их бывших владельцев, Фридландских и Эйлауских гренадер. На гренадерке Брюссельского музея выбито: «Мартын Гришин». Большая фотография представляет прохождение церемониальным маршем держа ружья «наруку» как бы идя в атаку, особое отличие пожалованное полку Александром I-м за кампанию 1813-1814 и за взятие Парижа, в котором полк принял видное участие.

В правой части витрины находится манекен поручика л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, кирасирский вищ-мундир и походный кавалерийский китель («френч») а внизу на переднем плане офицерский знак последнего командира л.-гв. Семеновского полка.

Над витриной, в большой стекляной раме, личный вице-адмиральский георгиевский флаг адмирала А. Г. Покровского полученный им в 1916 году от Императора Николая II-го в день его производства. Адмирал Покровский, уезжая из Бельгии, и желая отблагодарить бельгийский народ за его гостеприимство, подарил этот флаг королевскому военному музею.

В о с ь м а я витрина разнообразна по своему содержанию. Частично она содержит воспоминания Императорского Лицея: манекен лицеиста в форме одежды последнего времени, настольные юбилейные медали, знаки, жетоны, экземпляр грамоты пожалованной Лицею Александром I-м, фотографии выпусков.

В другой части витрины, с лева на право манекены: офицера числящегося по кавалерии, капитана генерального штаба в парадной форме и подполковника генерального штаба в городской форме; сюртук и вищ-мундир поручика л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, мундир Пажеского корпуса, ордена, медали и эполеты последнего царствования, и на переднем плане, внизу, офицерский знак л.-гв. Финляндского полка, который, как известно, ведет свое начало от Императорского Батальона Милиции сформированного, в 1806, трудами и на личные средства Членов Императорской Фамилии. В 1912 году офицерам полка были пожалованны Александровские знаки на Андреевских лентах.

Десятая витрина

Д е в я т а я витрина, расположенная под углом к предыдущей, посвящена воспоминаниям л.-гв. Уланского Ее Величества полка: манекен генерала гвардейской кавалерии в повседневной форме, индивидуальный перевязочный пакет присланный заботами Императрицы офицерам полка, пасхальные фарфоровые яйца с вензелем АФ, медаль в память столетнего юбилея полка, генерал-майорская шинель, парадный мундир генерала гвардейской кавалерии, лядунка, обще-кавалерийская фуражка.

Над витриной поясные портреты Императора Николая II в форме полка и Императрицы Александры Феодоровны, а также поясной портрет генерала Гурко в походном кителе.

В 1897-1902 гг. полком командовал принц Людовик Наполеон, внук короля Вестфальского Жерома, брата Наполеона I-го. В этот же полк вступил добровольцем поэт Н. С. Гумилев, в декабре 1914 г. был награжден георгиевским крестом 4 степ., а в январе 1915 г. крестом 3-й степ и произведен в младшие унтер-офицеры. В конце марта 1916 г. он был произведен в прапорщики и переведен в 5-й гусарский Александрийский полк.

Д е с я т а я витрина, под углом к предыдущей, самая скромная, посвящена Первой Мировой Войне, представленной манекенами: офицера (корнета) кавалерии в походной форме, солдата пехотного полка в полной походной форме, двух офицеров Кавказской Конной Туземной Дивизии, поручика инженерных войск в защитной суконной гимнастерке и с каской французского образца но с русским двуглавым орлом, на переднем плане казачье седло, в правом углу хорошо сохранившаяся солдатская шинель.

Витрина интересна тем, что ее экспонаты позволяют, для беспристрастных исследователей истории, наглядное сравнительное изучение русского походного обмундирования с подобным обмундированием других стран, благодаря чему уничтожится много заблуждений и предубеждений существующих на счет русских солдат и малой пригодности их снаряжения и вооружения.

О д и н а д ц а т а я витрина посвящена флоту. В центре, на фоне витрины, носовой флаг канонерской лодки «Терец», одного из самых геройских военных кораблей Азовского отряда в эпопею белой борьбы по защите Крыма в 1919-1920 гг. В левом углу витрины, картина изображающая линейный корабль «Императрица Мария», под ней, великокняжеский брейдвымпел (Вел. Кн. Ксении Александровны), матроская шапка с надписью «ш-б н-ка 5-го див. подв. лод.» и лента с надписью «адмирал Макаров». По правую сторону, флотские сабли, гардемаринские погоны, акварель крейсера «Россия». На переднем плане манекены: матрос в летней форме миноносца «Дерзкий» с кормовым флагом, капитан 2-го ранга в парадной форме, капитан 1-го ранга в служебной форме и старший лейтенант в летней служебной форме.

Из трех малых четырехсторонних стеклянных витрин, две содержат гвардейские кирасы с касками, — из коих одна с орлом, а другая с шишаком, — медвежью шапку Дворцовых гренадер и каску с орлом гвардейского жандармского эскадрона. Третья витрина хранит офицерское кавалерийское седло с полной сбруей.

Из трех настольных витрин: одна содержит собрание погон, офицерских и нижних чинов, другая, офицерские и солдатские кокарды, поясные бляхи, полковые и училищные нагрудные знаки,

Офицеры Кубанского Казачьего Войска

медали и несколько медных копеек найденных на теле русского солдата Никитина. В третьей витрине хранятся воспоминания л.-гв. Павловского полка: чашка, ложки, тарелки с золоченной гренадеркой или с красными инициалами Л.Г.П.П., меню, пасхальные яйца, и три экземпляра Истории полка изданной последовательно в 1852 г. (сост. Гоувальтом), в 1875 г. (сост. Вороновым и Бутовским) и в 1890 (сост. Вольбергом и Кареновым).

В «Техническом» зале находятся две русские стенные витрины, содержащие, главным образом, историческое холодное оружие и головные уборы. В первой хранятся: гренадерская бляха и кирасирские палаши, офицерский и солдатский, эпохи Екатерины II-й; офицерский знак, гренадерская и барабанная бляхи эпохи Павла I-го: кираса, кирасирская и драгунская каски, и гренадерская шапка эпохи Александра I-го; пехотный кивер эпохи Николая I-го; перевязь стрельцев XVII в., а также реконструкция древнего русского шлема (XV в.). Во второй витрине хранятся исключительно головные уборы: кивер 17-го пехотного полка, кивер 5-го гусарского полка, шапка 1-го уланского полка, каска 26-го егерского полка, каска л.-гв. Конно-гренадерского полка, артиллерийская каска, генеральская каска с султаном из петушиных перьев — все эпохи Николая I-го; кивер 12-го уланского полка, кепи Мариупольского гусарского полка и офицерская пехотная — все три эпохи Александра II-го.

Но, русское военное богатство Королевского Музея Армии и Военной Истории нельзя ограничить выставленными в залах предметами, к нему надо прибавить богатейшие библиографические и иконографические фонды.

В Библиотеке находятся многочисленные тома «Военного Сборника», «Разведчика», «Военного Инвалида», несколько военных уставов и сочинений старых русских военных писателей.

В Кабинете Эстампов хранится обширная иконографическая документация: помимо классических трудов Висковатого, Пиратского, и т. п., необходимо указать на уникальный альбом под заглавием «Таблицы обмундирования войск 1859», принадлежавший Великому Князю Константину Николаевичу. Альбом содержит 14 листов in folio где представлены схематические изображения в красках от руки (гуаш, золото, серебро) приблизительно 1200 форм одежды полков и частей русской армии.

Мы приносим нашу признательность Monsieur J.-R. LECONTE, Conservateur en Chef, за предоставленные нам льготы и за его разрешение воспользоваться фотографиями Музея для иллюстрации настоящей статьи.

Мы благодарим Monsieur J. LORETTE, Conservateur du Cabinet des Estampes, за его любезное содействие.

Д. И. Поздняков

ДОКУМЕНТЫ

1.

Мнение князя Потемкина об обмундировании русских войск, предоставленное им Императрице Екатерине II-й в 1783 г.

«В России, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранцы с педантством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вешам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, абшлагах, ружейных приемах и прочее.

Занимая же себя таковою дрянью и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как то: марширования, разных построений и оборотов. А что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте. Стрелять же почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей век сокращающих.

Красота одежды военной состоит в равенстве и соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждой, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждевения и слуг, чего у солдат быть не может...

Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сие дело? На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели оттягощать пудрою, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатской должен быть таков, что встал, то готов. Если можно бы было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет!

Простительно ли, чтобы страж Отечества удручен был прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных?».

2.

«ПРИКАЗ ПО АРМИЯМ

Главная квартира. Село Красная Пахра.
Сентября 9-го дня 1812 года.

Извещаю Армии, что я ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЮ десницей возведен на степень Генерал-Фельдмаршала Российских Армий.

После всеподданейшей моей признательности благодарность моя относится к виновникам сего — к сподвижникам мне в знаменательный день 26 Августа.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО в ознаменование отличного своего благоволения к победе одержанной над неприятелем 26-го Августа, Всемилостивейше жалует всем нижним чинам, бывшим в сражении того дня, по пяти рублей на человека.

Г. Г. Главнокомандующие, выгребовав таковые списки, благоволят приказать отослать их к Генерал-Интенданту Канкрину для удовлетворения.

По случаю настоящих дождей и худых дорог, предписывается: в случае, если бы обильно идущие сюда провиантские транспорты каковое либо время в пути замедлили, тогда заменять часть хлебной дачи мясной порцией на основании прежде всего сделанного о сем положения. Между тем полкам приказать продовольствоваться из фур, находящихся в селении Черныше.

Квартирмейстерской части полковнику Ейхену и прапорщику Щербинину находиться при Генерал-Лейтенанте Коновницыне.

Псковскому пехотному полку благодарность за соблюдение в маршах порядка и за то, что не замечено в оном мародерства.

Лейб-Гвардии Семеновского полка прапорщику Трубецкому 2-му исполнять должность адъютанта при Генерал-Лейтенанте Раевском.

Г. Г. Генералам позволяется провести нынешнюю ночь в ближайших деревнях.

Состоящий по Армии: Генерал-Майор Потулов, Московской военной силы Действительный Статский Советник Граф Санти и Тайный Советник Демидов, Мариупольского гусарского полка ротмистр Милорадович, 1-го Егерского полка Московского ополчения Поручик Вердеревский, Псковского драгунского полка Прапорщик Князь Козловский назначаются к Генералу от Кавалерии Барону Бенигсену.

Подлинный подписал Главнокомандующий Армиями Фельдшаршал

Князь ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ».

3.

«ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА СОЛДАТУ О СЛУЖБЕ И ВНЕ ЕЕ», изданные по повелению Великого Князя Михаила Павловича в 1830 г. и «КРАТКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПЕХОТНОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА И СОЛДАТА» 1832 г.

«Пристойная осанка не требует, чтобы солдат держался принужденно и казался одеревенелым; напротив того, он должен стоять и ходить ловко, свободно, сообразно естественному сложению тела, и стараться вести себя так, чтобы в разговоре, взгляде, в всех действиях и движениях его выражалась некоторая относительно к собственному его званию доверенность, смелость без наглости, откровенность с благопристойностью и твердость без самонадеянности и нахальства и, наконец, ловкость и вежливость».

«Кто во время разговора опускает глаза вниз, тот навлекает на себя подозрение в лукавости, боязни и нечистой совести. Люди, с хладнокровием взирающие на смерть, должны смело смотреть в глаза каждому, какого бы звания он ни был, но при том не показывать наглости».

«Разинутый рот безобразит лицо и вообще означает глупость».

«Неприлично сопровождать разговоры движением плеч или рук, подбочениваться и расставлять ноги слишком широко».

«Некоторые смотрят с любопытством на всякий новый предмет, останавливаются для того на улице, или по неосторожности и рассеянности задевают проходящих».

«Непристойно не давать никому дороги, а также и есть на улице».

«При разговоре с начальником надлежит говорить не слишком громко, не слишком тихо».

«Пение рекомендуется солдату, так как оно сокращает приятным образом свободное время, облегчает тягость походов и нередко заменяет другие удовольствия жизни».

4.

ПРИКАЗ
1-му ГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ

№ 0335.

А. Неович. 23 Января 1917 года.

§ 1.

21 января я вместе с Начальником дивизии осмотрел позицию Л. Гв. Егерского полка и лево фланговую часть позиций Л. Гв. Преображенского полка.

Передовая линия окопов на всем осмотренном мною участке позиций содержится в порядке; Л. Гв. в Егерском полку следует обратить внимание на содержание и исправность ступенек для стрельбы, которые местами запущены. Окопы на участке Л. Гв. Преображенского полка приведены в короткий срок в хорошее состояние; видно, что Преображенцы, а также Измайловцы, занимавшие их ранее, много поработали, выполнив указания, сделанные Начальником дивизии. Основная линия на всем участке требует большой работы, на что обратить особое внимание, как усилив наряд рабочих, так и увеличив надзор за успехом работ. Надлежит постепенно расчищать окопы от снега, дабы последний не мешал действию из окопов и не портил бы их при таянии.

Связь с артиллерией налажена. По моему приказанию из 11-й роты Л. Гв. Преображенского полка был вызван заградительный огонь 4-й батареи Л. Гв. 1-й Артиллерийской бригады по данной цели; при этом на соединение телефоном с батареей было потрачено 3 минуты, что слишком много, и 3 минуты на открытие огня. Огонь той же батареи, вызванный от Командира 3 баталиона, был открыт через 3 3/4 минуты.

Пробовал пищу в 3 баталионе Л. Гв. Преображенского полка — рыбный суп с крупой — прекрасный. Л. Гв. в Егерском полку, несмотря на неоднократные мои и Начальника дивизии указания, не установлен порядок довольствия горячей пищей два раза в день, на что обращаю особое внимание Командира полка.

Польская летучка два раза в сутки подвозит сладкий чай к расположению резервных баталионов полков.

Служба в окопах несется правильно. «Указания частям Особой Армии по несению службы на позициях» проводятся в жизнь. С удовольствием узнал, что Вр. Командующий Л. Гв. Преображенским полком Полковник ВЕДЕНЯПИН почти каждые сутки днем или ночью обходит окопы полка, проверяя как правильное несение службы, так и должное содержание окопов. Считаю такие посещения окопов Командирами полков чрезвычайно важными во всех отношениях.

§ 2.

В виду повторяющихся случаев разорения построенных проволочных заграждений,, блиндажей, пулеметных гнезд, убежищ и тому подобных сооружений, уничтожения и пропажи окопного имущества (печей, нефти и т. д.), полкам, находящимся на позиции, немедленно составить описи всего имеющегося окопного имущества и всех сооружений, оказавшихся в районе полка.

По мере исполнения тех или других работ, вносить их в опись окопного имущества и при сдаче расписываться в приеме и сдаче, при чем оговаривать найденные недостатки, о которых доносить по команде.

Призываю всех начальствующих лиц обращать постоянное внимание на сохранение в целости позиционных сооружений и имущества, принимая соответствующие меры охраны и внушить нижним чинам, что их долг с особым вниманием относиться к сохранению позиционных сооружений, где бы таковые не находились.

ПОДЛИННЫЙ ПОДПИСАЛ: Командир Корпуса,
Генерал-от-Артиллерии ПОТОЦКИЙ.

5.

НАГРАЖДЕНИЯ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ.

После смерти в Южной Америке сестры милосердия Марии Федоровны фон-Геде, нам были переданы, ее медали и бумаги. Из последних видно в какой последовательности были награждаемы знаками отличия сестры милосердия:

«Приказом по 8 армии от 6 августа 1915 г. за № 606 пожалована золотой медалью с надписью «За усердие», для ношения на груди на Аннинской ленте».

«17 марта 1916 г. Награждена собственноручно Его Императорским Величеством Государем Императором Георгиевской медалью 4-й степени за № 202354. (Приказ по 8-й армии от 23 декабря 1915 г. за № 1047)».

«Приказом по 8-ой армии от 19 мая 1916 г. награждена серебрянной медалью для ношения на шее на Владимирской ленте со старшинством с 1 июля 1915 г.».

«Приказ по 8-й армии 17 августа 1916 г. № 1797. «По Высочайше представленной мне власти, нижепоименованных лиц, за исполнение своих обязанностей под действительным огнем неприятеля награждаю Георгиевскими медалями:

79-го передового отряда Красного Креста, сестра милосердия Мария Федоровна фон-Геде. 3-й степени № 117974.

16 июня сего года Мал. Прогонове, место где был расположен отряд подверглось сильному и действительному артиллерийскому обстрелу со стороны неприятеля, сестра Геде все время находилась в перевязочной отряда и, несмотря на грозившую

опасность продолжала делать перевязки раненым, до тех пор пока перевязки не были закончены и раненые унесены с площади обстрела.

Генерал от кавалерии Каледин».

«Приказом Командующего 8 армией от 6 сентября 1916 г. за № 1866, за отлично усердную и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий, награждена серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте, со старшинством с 1 января 1916 г.».

«Приказом по 9-й армии от 21 июля 1917 г. № 486 награждена Георгиевской медалью 2-й степени № 40164 за то, что во время боев 5 и 6 сентября 1916 г. под сильным обстрелом неприятельских аэропланов самоотвержено подавала первую помощь раненым».

Интересны отметки о выдаче добавочного жалования по Георгиевским медалям:

«10 января 1917 г. выдано добавочное жалование по Георгиевской медали 4-й степени № 202 354, за время с 23 декабря 1915 г. по 17 августа 1916 г. в сумме семь рублей 80 коп., и по Георгиевской медали 3-й степени № 117974 за время с 17 августа 1916 г. по 31 декабря 1916, в сумме шесть рублей 70 коп., всего четырнадцать рублей 50 коп.».

«20 декабря 1917 г. выдано добавочное жалование по Георгиевской медали 3-й степени № 117 974, за время с 1 января по 20 июля 1917 г. — 10 р. По Георгиевской медали 2-й степени № 40164 за время с 21 июля по 31 декабря 1917 г. — 10 р. 66 к. Итого: двадцать рублей 66 к.».

КАРТИНЫ ПРОШЛОГО:

1914 г. В. Кн. Николай Николаевич смотрит следующие на фронт войска

2. Казак Кузьма Крючков. Зарубил 11 улан и получил 16 ран.

3. 1914 г. Разгром турок под Саракамышем

1914 г. Полковое знамя л.-гв. 1-го стрелкового полка. Полковой священник отец Амвросий, впоследствии пал смéртью храбрых.

1917 г. На французском фронте. Во взятом русскими частями немецком окопе.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 42 и 43

Ноябрь 1973 и май 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления 2

Пребывание Наследной германской четы в России в мае 1911 года — **В. А. Каменский** 7

Бои в лесах Литвы и Курляндии (1915 г.) — **В. Е. Скальский** . . . 11

Рапорт Начальника Военной миссии в России генерала де Кастельно (март 1917 г.). Перевод 17

Козеницкая переправа (1914 г.) — **Ген. Н. М. Иванов** 22

Киев-Севастополь via Германия-Англия (1918-1919 гг.) — **И. И. Бобарыков** 25

Документы: Rapport du Général de Division de Curieres de Castelnau, Chef de la Mission Militaire en Russie (1917) 35

Обмундирование, снаряжение и вооружение прошлого (1856-1857 гг.) 40

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

На правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **И. И. Бобарыкова** и **Л. О. Бек-Софиева.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Еще одна горестная утрата — 13-го февраля с. г. отошел в вечность Павел Васильевич Пашков, почетный член нашего Общества и один из главных инициаторов его создания в 1946 году, под первоначальным названием «Кружка Любителей Русской Военной Старины».

Увы, разносторонняя кипучая работа П. В. на пользу своего любимого детища была прервана жестоким недугом, приковавшим его на много лет к больничной койке. Однако, стоически перенося выпавшие на его долю страдания, П. В. до конца жизни продолжал интересоваться деятельностью Общества и смог написать несколько ценных исследований и очерков. Имя П. В. навсегда сохранится в анналах Общества. Мир его праху.

Правление Общества с глубоким прискорбием также сообщает о недавней — 4-го сентября 1974 г. — кончине в г. Канн Владимира Алексеевича Каменского, деятельного своего сотрудника.

В. А. воспитывался в Пажеском Его Императорского Величества корпусе и был произведен в 1911 году из камер-пажей в офицеры лейб-гвардии Егерского полка. Таким образом он был свидетелем и участником не только грозных событий, вскоре наступившей военной страды, но и многих предшествующих ей эпизодов, которые, помимо их политического интереса, под его пером всегда давали яркую картину жизни нашей Петровской столицы.

Одним из таких эпизодов является, помещенный в настоящем номере «Вестника» очерк о пребывании в Санкт-Петербурге и Царском Селе Наследной германской четы в мае 1911 года, полученный нашим журналом от дорогого Владимира Алексеевича незадолго до его кончины.

Членские взносы (минимум 10 фр. фр.), плату за подписку (20 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд, напрвлять Вере Аркадьевне Щитковой:

- банковским чеком на имя Madame Stchitkoff ;
- почтовым переводом: Madame Stchitkoff. 156, Boulevard Voltaire, 92600 - Asnières. France. **В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитает из получаемой суммы ;**
- переводом на: Compte Chèques Postaux, N° 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8 .Цена номера 5 фр. фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Сообщается, что все медали Общества распроданы. Лицам, интересующимся приобретением наших медалей, рекомендуем обращаться непосредственно в Управление Монетного Двора — **Hôtel des Monnaies et des Médailles, Quai de Conti, Paris 6, или Galerie d'exposition et de vente des médailles, 10, rue du 4-Septembre, Paris 2.**

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 Paris.

По делам редакции Льву Оскаровичу Бек-Софиеву: M. Beck Sophieff, 18, rue des Ecoles. 92700 Colombes. France.

Заказы на старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

Общество Р.Р.В.С. издало сборник «Сто крат священ союз меча и лиры». В нем представлено, большей частью избранными четверостишиями, более 600 од, поэм, песен и стихов, посвященных России, ее Царям и полководцам, командирам, военным училищам, кадетским корпусам, солдатам, полкам, войнам, походам и боям. Цель его запечатлеть душу русской армии, такой какой она была «От Петра до Николая».

Цена 15 фр. фр. (с пересылкой). Заказы с приложением стоимости посылать по адресу: Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire. 92600 Asnières. France.

В связи с увеличением стоимости бумаги, типографских работ и почтовых пересылок цена настоящего номера 10 фр. фр.

Правление Общества и Редакционная Коллегия нашего журнала с глубокой скорбью сообщают о внезапной кончине 27 августа 1973 года члена правления и редактора «Военно-Исторического Вестника»

Генерала Сергея Павловича АНДОЛЕНКО

Карьера Сергея Павловича Андоленко и для природного француза была бы редко блестящей. Действительно, откомандовать полком Иностранного Легиона, достичь генеральского чина и закончить свою службу на посту военного агента при французском посольстве в Вене было уделом далеко не всех его товарищей по курсу 1924-1926 гг. прославленной Сен-Сирской Военной школы. И этого достиг скромный подпоручик иностранного происхождения, не имевший во французской военной среде ни знакомых, ни связей, единственно благодаря своим способностям, трудолюбию и исключительной привязанностью к военному делу.

Нельзя не отдать должного и его начальству, сумевшему, правда с некоторым опозданием, полностью оценить эти качества, которые вместе с присущей С. П. Андоленко военной доблестью позволили ему вписать свое имя в боевую летопись частей, находившимся под его командованием.

Эта высокая оценка естественно вызывает в сердцах его русских соотечественников чувство национальной гордости.

С. П. Андоленко начал военную службу в 1924 году, поступив в Сен-Сирскую специальную школу на одну из вакансий, предоставленных, по просьбе Великого Князя Николая Николаевича и при содействии маршалов Жоффра и Фоша, русским молодым людям, желавшим получить военное образование.

Был он в те годы серьезным, застенчивым и скорее молчаливым юношей, но уже полностью осознавшим, что его призвание — военная служба: учился с надеждой, как только это будет возможно, стать русским офицером, а пока что с честью, не за страх, а за совесть служить Франции.

Все свободное время он отдавал чтению военно-исторических книг по истории русской армии.

В 1926 году, 19-ти лет, Сергей Павлович был произведен в чин подпоручика (sous-lieutenant) и назначен в 1-й полк Иностранного Легиона одновременно с его товарищем по курсу князем Амилахвари, доблестно павшим в 1942 году во главе 13-ой полубригады Иностранного Легиона в сражении при Эль Химеймат'е.

Служба в Иностранном Легионе продолжалась до 1943 года и была возобновлена в 1956 году по 1959.

Первые годы службы молодого офицера — это работа над собой, знакомство со службой, изучение солдата, его воспитание, сознание своей ответственности начальника.

Как в Сен-Сире, где закаляя волю и привычку всегда быть готовым к вызову по первой тревоге, он заставлял себя ночью проснуться, надеть полное походное обмундирование, раздеться, сложить выкладку и снова лечь, — так и тут вырабатывает он в себе умение указать начальству на необоснованность распоряжения и необходимость его отменить.

Временно командуя ротой в Марокко во время кампании 1930-1932 гг., он приказывает легионерам разбить палатки, не как обычно по ранжиру, а используя малейшую тень. Командир батальона, не коренной офицер Легиона, а отбывающий ценз и следовательно мало знакомый с условиями походной службы в Северной Африке, разносит С. П. Андоленко за плохой порядок, который, однако, Сергей Павлович отказывается изменить, объясняя причину этого отказа. Дело кончается тем, что в палатках, поставленных по ранжиру более субординированными офицерами, люди изнывают от жары и палатки приходится переставлять. Командир батальона тогда выражает Андоленко свое сожаление за необоснованное замечание.

Отмеченный в приказе, Сергей Павлович за эту кампанию получает свою первую боевую награду — Военный Крест. В дальнейшем он упоминался в приказах одиннадцать раз, из них пять раз в приказах по французской армии и получает таким образом пять раз бронзовую пальмовую ветвь на ленту Военного Креста высшей степени.

По окончании кампании лейтенант Андоленко назначается в запасную часть Иностранного Ле-

гиона в Сиди Бель Абес. Вернувшись к семье (Сергей Йавлович женится в 1928 г. на редкость счастливо,), но не предаваясь спокойной жизни и заслуженному отдыху, он продолжает работать, не покладая рук. Период с 1933 по 1939 г. — время плодотворной военно-исторической работы, одновременно французской и русской.

За эти годы им написаны «Старшинство батальонов Иностранного Легиона» и «Описание Музея Иностранного Легиона», заново им разобранного, приведенного в порядок и пополненного. В свои приезды в отпуск в Париж Сергей Павлович удачно находит и приобретает картины сражений, гравюры и бюсты военачальников и офицеров, служивших в Легионе.

То, как Сергей Павлович понимал роль офицера-начальника и воспитателя своих солдат, еще яснее вырисовывается в «Памятке Легионера», им составленной и отпечатанной для раздачи каждому Легионеру.

В указанное время С. П. Андоленко окончательно сроднился с многообразной ролью выдающегося офицера Иностранного Легиона, на знаменах которого написано « Legio Patria Nostra. Honneur et Fidélité » — честь и верность. Он всецело французский офицер, хотя и иностранец по происхождению, с честью командующий ротой иностранцев на службе Франции. Однако это не мешает ему оставаться совершенно русским по духу человеком, проникнутым традициями русской армии.

По окончании Сен-Сира Сергей Павлович, имея поручителем ген. Кутепова, был принят в объединение офицеров Лейб-Гвардии Преображенского полка. Он высоко ценил честь состоять в списках этого прославленного Петровского полка и чувствовал себя неразрывно с ним спаянным. К концу тридцатых годов им была написана подробная история Преображенского Полка (оставшаяся, к сожалению, в рукописи); в дальнейшем он составил альбом портретов лиц, служивших в полку со времени его основания.

Попутно Сергей Павлович собирал фотографии батальных картин, форм, оружия и знамен Русской Императорской Армии и снимки войны 1914-1917 года, которые позволят ему составить прекрасный альбом « Images de l'Armée Russe ».

Объявление войны 1939-1945 гг. застало Андоленко, капитана 6-го полка Иностранного Легиона в Сирии.

Прошение Сергея Павловича о переводе в действующую армию не удовлетворяется и участие его в мировой войне начинается лишь при открытии военных действий против вступления английских войск в Сирию. По соглашению, положившему конец этим действиям, 6-й полк вернулся в Африку, где Сергей Павлович был вновь назначен в 1-й полк Иностранного Легиона, в котором он служил молодым офицером.

С высадкой Союзных войск в Северной Африке наступает поворот в судьбе Сергея Павловича, открывший ему более широкое поле деятельности и путь к дальнейшей военной карьере. По распоряжению генерала Жиро, капитан Андоленко командируется на ускоренные курсы Генерального Штаба в Рабате, по окончании коих он назначается в штаб 3-й дивизии, которой командует генерал де Монсабер, и участвует в рядах экспедиционного корпуса в Итальянском походе. Когда этот корпус перебрасывается для высадки на южном побережьи Франции и его дивизия наступает на Марсель, майор Андоленко, как начальник штаба дивизии, принимает капитуляцию немецкого генерала, командовавшего войсками, занимавшими город.

Постоянно в действии, всегда на передовых позициях, а нередко даже впереди их, Сергей Павлович участвует в боях под Страсбургом и во взятии Штутгарта, неизменно получая высокую оценку своего начальства. Зимой 1944-1945 гг. генерал де Голль лично награждает его орденом Почетного Легиона.

С окончанием войны перед Сергеем Павловичем открывается новое поле деятельности. Свой военный опыт он широко применяет при воспитании и обучении солдат вверенного его командованию 5-го отдельного батальона линейной пехоты. И снова майор Андоленко выявляет себя блестящим командиром этой прославленной отдельной части (Bataillon formant corps), на подобие батальона альпийских стрелков. Доведя до высокой степени совершенства боевое обучение батальона, он всемерно заботится и об укреплении воинского духа своих подчиненных, развития в них гордости своей частью, ведущей старшинство от Наваррского полка, основанного Генрихом IV. «Гордитесь вашим прошлым, учит он их, стройте ваше будущее, вдохновляясь деяниями храбрых предков». Об этих деяниях наглядно свидетельствует созданный Сергеем Павловичем музей, равно как и вышедшая из под его пера история батальона.

Глубокий смысл знаменитой фразы генерала Гранкура « Sans esprit de corps, il n'y a ni esprit, ni corps » — без воинского духа нет ни души, ни воинской части», Сергей Павлович осознал много раньше, но из другого источника, а именно из приказов Суворова, с которыми он с увлечением ознакомился еще в юные свои годы, став с тех пор на всю жизнь пламенным почитателем этого российского военного гения. И когда в 1948 году майор Андоленко получил назначение в Главную Квартиру французских войск в Западной Германии, и имев случай убедиться, как мало знают на Западе о великом учителе «науки побеждать», он не замедлил изложить биографию и заветы этого «единственного из великих полководцев мировой истории, не проигравшего ни одного сражения» *), в в своем труде, озаглавленном « Généralissime Souvorov, père de la doctrine de Guerre Russe ».

*) « Souvorov demeure toujours le seul et unique grand capitaine de l'histoire à ne pas avoir perdre une seule de ses batailles ».

Этот сжатый (на 200 страниц большого формата), но весьма ценный труд, был разослан во все военные и полковые библиотеки французской армии **). В дальнейшем, уже в бытность свою в Париже Сергей Павлович перевел письма Суворова принцу Нассау-Зиген, (1788 г.), изданные Военно-Исторической библиотекой «Военной Были» в № 10 ее изданий. В архивах замка Шантийи он обнаружил переписку Суворова с принцем Энгиенским, к сожалению, оставшуюся им не использованной.

В 1952 году майор Андоленко издает на французском языке «Историю русской армии» с иллюстрациями, которые, кроме того, были воспроизведены в составленном им альбоме. Как и его монография о Суворове, эти издания широко используются для ознакомления французских военных кругов и воинских частей с русской армией, но остаются неизвестными рядовой публике до 1967 г., когда в издательстве «Фламарион» появилась книга — Général (S. R.) Andolenko « Histoire de l'Armée Russe », представляющая значительно расширенный и дополненный автором текст предыдущей его работы на эту тему.

С 1952 по 1956 г. Сергей Павлович занимал ответственный пост в Штабе 1-го Военного Округа в Париже, что не мешает ему продолжать свои военно-исторические труды. В частности, в « Revue Militaire d'Information » обращает на себя внимание шесть статей, посвященных нашим знаменитым полководцам — Петру Великому, Румянцеву, Суворову, Кутузову, Скобелеву и Юденичу. Кроме того, его лекции в Военной Академии «Об использовании уроков истории советской военной наукой» вызывает повышенный интерес высококвалифицированных слушателей. Утверждая, что победы советской армии являются результатом вдумчивого изучения действий прежних наших военных вождей, Сергей Павлович рядом примеров опровергает неизжитое еще на Западе мнение о неспособности русского командования, являвшейся, якобы, причиной многих наших неудач, в частности в первой мировой войне. Отнюдь не скрывая прискорбных ошибок и оплошностей некоторых наших высших военачальников, Сергей Павлович всегда отдавал должное высоким боевым качествам кадрового русского офицерства и войск. И в этом смысле его лекции являлись, помимо образовательного своего значения, перед иностранцами гимном традиционной российской военной доблести.

«Теперь ясно, говорил Сергей Павлович, что недостаточная осведомленность о действии русской армии в войне 1914-1917 гг. привела Запад к совершенно ложным заключениям, имевшим для Германии, в частности, гибельные последствия». Надо, однако, отметить, что, отдавая должное принесенным Россией во имя общей победы в этой войне тяжелым жертвам, Сергей Павлович проявлял полную беспристрастность вдумчивого исследователя в описании помощи, оказанной ей Союзниками.

В 1954 году подполковник Андоленко создает в музее Инвалидов в Зале Союзников Русский Отдел, посвященный Императорской Армии.

За свои военно-исторические труды Сергей Павлович награждается орденом академических пальм, а за военные заслуги офицерским крестом Почетного Легиона.

В 1956 г. подполковник Андоленко был назначен командиром 5-го полка Иностранного Легиона. Командование этим полком, которому предстояло вести в трудных условиях войну в Алжире, после только что перенесенной им горечи кампании в Индокитае, являлось весьма нелегкой задачей, далеко не каждому начальнику по плечу. Но Сергей Павлович принял ее не колеблясь. Он уже 8 лет работал в штабах и с нетерпением ждал своей очереди на командную должность, а трудности его не страшили. Памятуя завет Суворова: «Без молитвы ничего не начинай», он снова вверил себя своему небесному покровителю преподобному Сергею Радонежскому, сохранившему его невредимым в уже пережитых им опасностях. И он не обманулся в своей вере, ибо едва прибыв к месту назначения и направляясь с небольшим конвоем в расположение полка, Сергей Павлович попадает под обстрел устроивших засаду алжирцев. Немедленно он выскакивает из автомобиля и лично ведет свой конвой в атаку. Естественно, молва о таком «вступлении в командование» сразу обеспечивает ему уважение и доверие подчиненных.

Нечто подобное случилось и в дальнейшем: руководя значительной военной операцией с подчинением его командованию других частей, Сергей Павлович, наблюдая в бинокль, замечает, что на стыке между частями, пользуясь прикрытием, просачиваются «феллагха», грозя обойти введенные в бой части. Он сразу приказывает собрать всех нестроевых легионеров и бросает их на противника, который сам оказывается окруженным.

Алжирская кампания вообще дала Сергею Павловичу возможность проявить себя в полной мере.

Так, в сложной и длительной операции, о которой упоминалось выше, предстояло занять гору, на которой алжирцы установили многочисленные пулеметные гнезда. В порядке очереди ее атаковать должна была часть, пополненная молодыми людьми, призванными отбывать воинскую повинность. Свидетели этого сражения, собранные перед началом операции для получения задания, рассказывали, что командир после минутного размышления отдал приказание выдвинуть перед этой молодой частью роту своего полка. Поступая так, Сергей Павлович жертвовал вне очереди своими, зная, что как ни тяжелы вероятные потери, они будут ничтожны по сравнению с теми, которые понесли бы «необстрелянные» новобранцы. И действительно, гора была взята в стремительной ата-

**) К сожалению, он не попадает в продажу.

ке легионеров, потерявших 7 человек убитыми, но уничтожив 150 человек повстанцев.

14 июля 1958 года 5-й полк празднует французский Национальный Праздник. После парада завтрак, настроение приподнятое, и действительно, подполковник Андоленко ведет свою часть от успеха к успеху — более 11 выигранных сражений вписаны за последние два года в историю полка.

Но вот в половине второго раздается стук ножом о стакан, воцаряется молчание, подполковник встает и объявляет: «Господа офицеры, благоволите немедленно отправиться в ваши части. Полк выступает в поход в 14 часов. Задания будут сообщены в пути».

Дело в том, что этим утром Сергей Павлович получил донесение о скоплении в горах крупных вооруженных сил противника с намерением воспользоваться праздником полка для нападения. Однако вышло наоборот — алжирцы были застигнуты совершенно врасплох и уничтожены; легионеры понесли ничтожные потери.

Генерал Олье, бывший Начальник Генерального Штаба Национальной Обороны и начальник подполковника Андоленко во время алжирской кампании, его товарищ по курсу и личный друг, пишет в «Кепи Блан» ***): «Он командовал 5-м полком великолепно — могу судить об этом будучи вполне осведомлен. Он создал из полка примерную боевую часть и достигал замечательных успехов благодаря своему хладнокровию, искусству маневрировать, тактике и влиянию на офицеров и легионеров».

Произведенный в полковники Сергей Павлович был награжден 2-го сентября 1958 года «за выдающиеся боевые заслуги» Командорским Крестом Почетного Легиона.

День получения этой высокой награды был вероятно лучшим днем жизни полковника. Одновременно с ним получил первую боевую награду его сын. Генерал Олье лично наградив полковника Командорским Крестом Почетного Легиона, передал ему свои полномочия, и отец, полковник, приколол Военный Крест на груди сына, лейтенанта.

Последующие два года Сергей Павлович служит в Инспекции Легиона в Париже и работает в Центре Высших Военных Наук. В это время он тяжело переживал алжирскую трагедию.

С 1961 по 1963 год полковник, а затем генерал Андоленко находится на посту военного агента при французском Посольстве в Вене.

Выйдя в отставку 1 января 1964 года, Сергей Павлович продолжает свои военно-исторические занятия, пишет много статей по русской и французской военной истории.

Отметим особо интересные для нас труды: переиздание в 1967 г. дополненной «Histoire de l'Armée Russe»; огромного труда «Aigles de Napoléon contre les Drapeaux du Tsar», изданного при содействии Centre National de la Recherche, а также «Нагрудные знаки Русской Армии», вышедший в военно-историческом издательстве «Танаис».

Генерал намеревался написать, возвратившись в Париж после летнего отдыха, который он проводил в своей усадьбе в Пиренеях в окрестностях Тараскона на Арьеже, «Историю Сирийской Кампании» и «Историю 5-го полка Иностранного Легиона».

И в этом, 1973 году, как обычно в день Преображения Господня, в маленьком русском православном храме в Тарасконе (Арьеж), исповедовавшись и причастившись Святых Тайн, Сергей Павлович отслужил молебен по случаю праздника Лейб-Гвардии Преображенского полка и панихиду по Государе Императоре. Было что-то особенно волнующее в этом богослужении: престарелый настоятель храма, в прошлом русский офицер, участник Великой и Гражданской войны, четверо прихожан — последние оставшиеся в живых из когда-то многочисленной местной русской колонии и с ними французский генерал, попавший в эмиграцию еще в отроческом возрасте, но оставшийся до конца верным России.

В ночь с 26 на 27 августа генерал скончался от разрыва сердца. За неделю до кончины он чувствовал себя не по себе, но не изменил, однако, обычного образа своей жизни. Накануне своей смерти он посетил врача, не придавшего особого значения его недомоганию. Вечером Сергей Павлович лег раньше обыкновенного, попросив супругу, верную спутницу жизни, посидеть около него, сказав, что едва ли проведет эту ночь в живых. Среди ночи его не стало.

Отпевали Генерала в Мигло под Тарасконом (Арьеж) в старой средневековой церкви, прекрасной в своей строгой простоте. Отпевал его тот же достойнейший престарелый Протоиерей Александр (Озиран) духовный его отец. Проникновенно звучали скорбные, но полные надежды на покой у Престола Всевышнего погребальные православные песнопения. Почетный караул у гроба несли четыре его сына, из которых три — участники алжирской кампании, награжденные военным крестом. Храм был переполнен молящимися. Вся округа пришла отдать последний долг почившему. Среди молящихся было несколько генералов и офицеров, товарищей Сергея Павловича по Сен-Сиру. Царило проникновенное молитвенное настроение, объединившее всех в общем горе и сознании тяжести понесенной утраты.

Отдаются последние воинские почести праху русского дворянина Французской Службы Генерала Сергея Павловича Андоленко.

Князь Н. Н. Оболенский
и Редакционная Коллегия журнала
«Военно-Исторический Вестник»

***) «Kepi Blanc» — журнал связи легионеров и бывших легионеров.

Пребывание наследной германской четы в России в мае 1911 года

4-го мая 1911 года я имел счастье нести придворную службу будучи камер-пажом во время парадного обеда в Царском Селе по случаю приезда Германского Кронпринца Фридриха Вильгельма и Его Супруги Кронпринцессы Цецилии. Со дня этого исторического события прошло уже более 60-ти лет, многое изгладилось из памяти и на помощь моим личным воспоминаниям, мне удалось получить фотокопии как иностранных, так и русских газет того времени и благодаря им я составил помещаемый ниже очерк, добавив из газет то, чему я не был сам свидетелем.

Кронпринц не в первый раз приезжал в Россию. Он уже был в 1903 году.

Кронпринцесса была дочерью русской Великой Княгини Анастасии Михайловны (которая была замужем за родным братом Великой Княгини Марии Павловны) и приходилась внучкой Великому Князю Михаилу Николаевичу, брату Императора Александра 2-го. До своего замужества она часто приезжала в Россию к своему деду и говорила по-русски.

❦

4-го мая 1911 года в Царское Село прибыли Германский Наследный Принц Фридрих Вильгельм и Его супруга, Кронпринцесса Цецилия со свитой.

Для встречи высоких гостей в Царском Селе на Царской станции была устроена зеленая палатка, внутри и снаружи убранная декоративными деревьями. У входа в палатку стали офицер и часовые от Собственного Его Величества Конвоя. У палатки собрались: германский посол граф Пурталес с супругою, придворные чины, Государева Свита, командиры частей войск, члены германского посольства и проч.

На дебаркадере выстроился почетный караул от Л.-Гв. 2-го Царскосельского полка, шефом которого состоял Кронпринц.

В киверах, в мундирах с малиновыми лацканами на груди, протянулась в линию рота со знаменем и хором полковой музыки на правом фланге, на левом фланге ее стали ординарцы: офицер, унтер-офицер и рядовой. Во главе фронта стали Командующий войсками гвардии и Петербургского Военного Округа ген. Газенкамф с начальником своего штаба г. л. бар. ф. ден Бринкеном, Командир Гвардейского Корпуса ген. Безобразов со своим начальником штаба, г. м. Морицем, Начальник Гвардейской стрелковой бригады г. м. Ресин и Командир полка свиты г. м. Дельсаль.

По пути от Царской станции к Александровскому Дворцу стали шпалерами войска в мундирах. У станции — Конвой Его Величества, дальше Собственный Его Величества Сводный пехотный полк, Гвардейские стрелковые полки, а за воротами Александровского Дворца — лейб Гусары и Кирасиры Его Величества. На флангах частей стояли их хоры музыки. На станцию прибыли Великие Князья: Кирилл Владимирович, Андрей Владимирович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович, Сергей Михайлович и Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий. Все лица, имеющие германские ордена и ленты, были в них.

За несколько минут до половины пятого прибыли Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна.

Государь Император был в мундире прусского гвардейского гренадерского № 1 Императора Александра полка и желтой ленте ордена Черного Орла.

Его Величество прошел по фронту почетного караула и здоровался с ним.

В 4 час. 30 мин. бесшумно подошел Императорский поезд, Стрелки взяли на караул, музыка заиграла «Heil dir im Siegerkranz». Из салон-вагона вышли кронпринц и кронпринцесса. Кронпринц был в форме своего 14 драгунского Малороссийского полка. Государь и Государыня сердечно приветствовали кронцпринца и кронпринцессу.

Под звуки германского гимна Государь и Кронпринц пошли по фронту почетного караула. На левом фланге кронпринц принял ординарцев. По обходе караула последовало взаимное представление свит и затем отъезд со станции в Александровский дворец. В открытой коляске Государь ехал с Кронпринцем. За экипажем следовал командующий шпалерами войск, командир кирасир Его Величества г. м. ф. Вольф. В Экипаже à la Daumont с пикером, жокеями и двумя камер-казаками на запятках, ехала Государыня Императрица с Кронпринцессой. Далее следовала вереница экипажей со свитою. Кортеж ехал между шпалер войск при звуках германского гимна.

В Александровском дворце встретили августейших гостей Министр Императорского двора, г. ад. барон Фредерикс, обер-гофмаршал кн. Долгорукий, обер-церемониймейстер гр. Гендриков, гофмаршал граф Бенкендорф и друг.

В этот же день, 4-го мая, в Большом царскосельском Дворце состоялся парадный обед в честь Высочайших гостей. В памяти этого дня осталось воспоминание о великолепном зале во дворце, в котором Русский Царь принимал своих гостей. Нас, камер-пажей, в количестве 11 человек доставили по Царской ветке в Царское Село, где нас ожидали придворные кареты.

В 8 час. веч. придворные арапы, в роскошных восточных костюмах и в белых чалмах, открыли двери и в зал вступило Высочайшее шествие. Государыня Императрица Мария Федоровна шла с Кронпринцем, Государь — с Кронпринцессой. За

ними следовали: Министр Императорского Двора, Великая Княгиня Милица Николаевна, Великис Князья Андрей Владимирович, Николай Михайлович, Кирилл Владимирович, Дмитрий Константинович, Сергей Михайлович и Герцог Мекленбург-Стрелицкий. Далес шло дежурство и камер-пажи, которые шли за Великими Князьями и по приходе в зал встали за их креслами вокруг Царского стола, украшенного цветами и роскошной сервировкой. Наши обязанности, кроме своей дскоративности, заключались в том, что в течение обеда, который продолжался около часу, стоять на вытяжку и держать на согнутой левой руке головной убор Великих Князей. Я стоял за креслом Вел. Кн. Сергея Михайловича и держал его свитскую шапку, что было не тяжело. Государь Император был в форме Прусского Гусарского № 1 Вестфальского Своего Имени полка, Кронпринц в форме Малороссийских драгун, депутация от которого сидела за одним из столов. К сожалению, все мои попытки достать во Франции, Англии и даже в Германии текст слов, сказанных Государем Импсратором, обращенных к Кронпринцу и ответного тоста последнего, мне этого не удалось и приходится ограничиться выдержками из разных газет о дальнейшем пребывании Августейших Гостей в Петербурге.

5-го мая Кронпринц и Кронпринцесса прибыли в Петсрбург. Город по всем улицам украсился русскими и германскими флагами. Встретить Августейших гостей на вокзале собрались военно-начальствующие лица и столичные власти. Городская депутация привезла с собою хлеб-соль на серебряном, золоченом, византийского стиля блюде с мсдальонами, орнамент которых выполнен разноцветной эмалью.

На дебаркадере вытянулся почетный караул от Л.-Гв. 3-го Стрелкового Его Величества полка со знаменем и с хором музыки. Ко времсни прибытия поезда на фланге почетного караула стали высшис военные начальники.

Когда подошел Императорский поезд, и из салон-вагона вышли Кронпринц и Кронцпринцесса, Стрелки взяли «на караул» и музыка заиграла германский гимн. Градоначальник встретил Августейших гостей, а затем состоящий при Кронпринце Ген.-Ад. Максимович представил Им Спб. Коменданта Ген-Ад. Троцкого и военных.

Кронпринц с ген. Газенкампфом обошел фронт караула, здороваясь и принял ординарцев.

В павильоне Августейшим гостям была представлена городская депутация. Спб. городской голова, поднеся им хлеб-соль, сказал по-русски: «Ваши Императорские и Королевские Высочества! Город С.-Петербург счастлив приветствовать в Вашем лице высоких гостей Государя Императора — Наследника и Наследницу Монархии, связанной с Россией узами вековой дружбы и доброго сосдства. Пребывание Ваших Императорских и Королевских Высочеств в нашем городе, доставляет нам высокую честь и радость. Да будет мнс позволено Вашим Императорским и Королевским Высочествам от имени городского управления высказать сердечнос «добро пожаловать» и предложить по иконному русскому обычаю, на память о сегодняшнем радостном для нас дне, хлеб-соль, принятием которого Ваши Императорские и Королевские Высочества окажете городу С.-Петербургу высокую милость».

Затем городской голова поднес роскошный букет алых роз Кронпринцессе и обратился к ней с приветственным словом по-немецки.

Из Императорского павильона Высокие гости проехали в Крепость, в Петропавловский Собор, где были встречены помощником коменданта крепости г-м. Сталь ф. Гольстейном. Высокая чета молилась у гробниц Августейших родственников и возложила венки на гробницы Императора Александра 3-го, Вел. Князя Михаила Николаевича, Великой Княгини Ольги Федоровны и Великого Князя Владимира Александровича. Из крепости Августейшие гости проехали к Государыне Императрице Марии Федоровне, где завтракали. За завтраком присутствовали Великие Князья Николай Михайлович и Сергей Михайлович.

В Зимнем дворце для Их Императорских Высочеств были отведены особые покои. По их прибытии во дворец, их встретили Министр Императорского Двора Ген.-Ад. бар. Фредерикс, Обер-Гофмаршал Князь Долгорукий, Обер-церемоний-мейстер граф Гендриков и гофмаршал граф Бенкендорф. При следовании высокой четы через залы в отведенные апартаменты, внутренний караул стоял от роты Дворцовых гренадер, отдававший честь Их Высочествам.

В течение дня Кронпринц делал визиты Августейшим Особам и посетил Министра Императорского Двора ген.-ад. бар. Фредерикса, Председателя Совета Министров Статс-секретаря Столыпина и врем. исп. обязанности министра иностранных дел Камергера Нератова.

В 3 часа дня Кронпринц принимал депутацию от Императорского Российского автомобильного общества, которая поднесла ему диплом на звание почетного члена общества. Затем, в приемном зале парадных комнат последовал прием членов германской колонии, с которой прибыл германский посол граф Пурталес.

На Васильевском Острове Кронпринцесса Цецилия посетила Александровскую мужскую больницу, учрежденную гражданами Германской Империи. В сопровождении встречавших лиц, Кронпринцесса обходила госпиталь и оказывала внимание больным, выслушивая объяснения врачей.

Вечером в честь германской четы в помещении германского посольства, в бывшем дворце Вел. Кн. Алексея Александровича, состоялся обед на 26 кувертов, к которому были приглашены: состав германского посольства, свита кронпринца и русские, состоящие при Кронпринце: Ген.-ад. Максимович, фл.-ад. Граф Граббе и шталмейстер Князь Урусов. Над домом развивался германский флаг. В вестибюле германскую чету встретили германский по-

сол Граф Пурталес с супругою. После обеда состоялся раут с музыкальной программой, в которой участвовала Збруева, исполнившая исключительно произведения русских композиторов.

6 мая, по случаю дня рождения Государя Императора, в дворцовой церкви в Царском Селе был отслужен торжественный молебен, после которого во дворце был сервирован завтрак. Справа от Его Величества заняла место Императрица Мария Федоровна, слева — Кронпринцесса Цецилия. Справа от Государыни Императрицы Александры Федоровны занял место Кронпринц. Присутствующий на завтраке Великий Князь Павел Александрович провозгласил тост за здоровье Государя Императора. Оркестр исполнил русский гимн. Тост Государя Императора в честь Августейших гостей, был закончен германским гимном. После завтрака Их Императорские Величества проследовали в салон, где милостиво беседовали со своими Августейшими Гостями.

6-го же мая вечером, в Александровском Дворце состоялся концерт великорусского оркестра балалаечников под управлением г. Андреева. На концерте присутствовали Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна с Августейшими дочерьми, германский Кронпринц и Кронпринцесса, лица германской свиты и приглашенные лица Государевой свиты.

В субботу, 7-го мая, в Царском Селе состоялся в честь германского Кронпринца парад войскам Царскосельского гарнизона.

Блестящий, красивый парад собрал множество зрителей. Везде, где можно, по улицам, около дворца, стояли их группы, а на площадке Большого Дворца, куда был впуск по билетам, от самых ворот, почти до Царского подъезда протянулась пестрая шпалера горожан и дачниц с детьми, в летних костюмах.

Погода была не жаркая. На парад войска пришли к 10 1/2 часам и выстроились: Собственный Его Величества Конвой и пехота — на площадке, кавалерия — по дорогам вне дворца. Конвоем командовал Свиты ген.-м. князь Трубецкой, полками — их командиры. На правом фланге фронта на конях стояли в красных черкесках и черных папахах две сотни — 2-я Терская и 4-я Кубанская Собственного Его Величества Конвоя. В одну линию занимала площадку пехота: собственный Его Величества Сводный пехотный полк во всем разнообразии форм, входящих в его состав частей; рядом протянулись, выделяясь малиновою полосою лацканов на груди и киверами, полки: Л.-Гв. 1-й Стрелковый Его Величества, 2-ой Царскосельский и 4-й Императорской Фамилии полк. Последний в национального покроя кафтанах на малиновых рубашках, и в меховых шапках с ополченскими крестами. На флангах полков стояли их хоры музыки. В строю развевались знамена.

По дорогам от Александровского дворца стояла кавалерия. На треугольной площадке — конная артиллерия. От Александровского дворца — гусары Его Величества. По дороге к «Капризам» протянулись эффектные полосы казаков л-гв. Сводного казачьего полка в их парадных кафтанах: малиновых (уральцы), синих (оренбуржцы), красных (сибирские) и оранжевых (закаспийские). В касках с серебряными орлами и в блестящих кирасах с пиками, с цветными флюгерами стоял л.-гв. Кирасирский Его Величества полк.

На флангах полков стояли полковые трубачи, в середине фронта — полковые штандарты. На фланге гусар стал генерал-инспектор кавалерии ген. Остоградский, на фланге конной артиллерии — августейший генерал-инспектор артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович. 5-ой батареей Великого Князя Михаила Александровича, командовал ее командир Великий Князь Андрей Владимирович. Всеми войсками парада командовал начальник стрелковой бригады ген.-л. Ресин.

Временно командующий войсками гвардии и Петербургского Округа, ген. Газенкампф с начальником своего штаба бароном ф. д. Бринкеном, объехал линии войск и стал на правом фланге. Тут же стали: за военного министра ген. от кав. Жилинский и за командира Гвардейского корпуса ген. л. Безобразов.

В ожидании Высочайшего выезда, на конях у Александровского дворца находились министр Императорского Двора и командующий главною квартирой ген.-ад. бар. Фредерикс, Дворцовый комендант ген.-ад. Дедюлин. Дежурные: ген.-ад. Фуллон, флигель-адъютант Граф Тотлебен, русские состоящие при германском кронпринце и свита кронпринца.

На площадке Большого Екатерининского Дворца, напротив фронта пехоты у Царского подъезда сгруппировалась, пестреющая разнообразием форм, группа пеших военных зрителей. Тут были Великие Князья: Кирилл Владимирович, Дмитрий Константинович и Николай Михайлович; лица Государевой свиты генерал-адъютанты: бар. Мейендорф, Кн. Васильчиков, Баранов, Нилов, начальник военно-походной канцелярии ген.-м. Орлов и прочие свитские генералы и адъютанты, Царскосельский комендант ген.-от-арт. Данилов, Начальник царскосельского дворцового управления ген.-м. Кн. Путятин, а также и придворные чины: состоящий при Государыне Императрице Александре Федоровне обер-церемониймейстер граф Гендриков и при Кронпринцессе — шталмейстер Князь Урусов и зрители — офицеры в парадной форме.

В 11 часов из ворот Александровского Дворца выехали: Государь Император в мундире Кирасир Его Величества в желтой ленте и цепи прусского ордена Черного Орла и Кронпринц в русском мундире своих Малороссийских драгун в голубой ленте и цепи ордена Св. Андрея Первозванного. За Его Величеством следовали верхами министр Императорского Двора, дежурство и два лейб-трубача конвоя.

В экипаже à la Daumont, запряженном в четверку лошадей, с пикером впереди и с двумя лейб-

казаками на запятках, ехали Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем и Германская Принцесса Цецилия.

Сбоку экипажа ехал шталмейстер ген.-ад. ф. Гринвальд. Группа всадников блестящей свиты следовала за Их Величествами.

Затрубили встречу. Войска взяли «на караул». Командующий парадом подал рапорт Государю Императору.

В открытой коляске Августейшие дочери Их Величеств прямо проехали к среднему подъезду Большого дворца и вошли в подъезд.

Царский кортеж объезжал все линии войск. На площадке полки пехоты склонили свои знамена. Государь здоровался с частями. Неслись ответные клики и звуки «Боже, Царя Храни!». По объезде войск, Государыня Императрица с Наследником Цесаревичем и Кронпринцесса вышли из экипажа и вошли в подъезд дворца, откуда и смотрели церемониальный марш; Государь и Кронпринц стали спереди у подъезда.

Началось прохождение войск. Резко затрубили трубы Конвоя и его красные полосы открыли марш войск. С винтовками в правой руке, дулами вперед (по бедру) проходили сотни конвоя Его Величества. На правом фланге ехал командующий главною квартирой ген.-ад. бар. Фредерикс.

За конвоем загрохотали барабаны и засвистали флейты. Парад вел генерал Ресин. Проходил батальон Собственного Его Величества Сводного пехотного полка, на фланге которого ехал дворцоный комендант и командир полка свиты ген.-м. Комаров.

Затем шли стрелковые полки. Пехота проходила с развернутыми знаменами поротно. За полками ехали их команды конно-ординарцев.

Прошли стрелки и на смену им выступили блестящие эскадроны Кирасир Его Величества, а за ними запестрели сотни казаков под марш уральцев на мотив: — «Славься, славься наш русский Царь». Казаки держали пики на руку. В роскошной форме шли затем лейб-гусары, заполнившие своими шестью эскадронами весь плац. Кавалерия проходила поэскадронно.

За лейб-гусарами шел дивизион гвардейской конной артиллерии побатарейно — шесть орудий в ряд.

Войска проходили два раза: во второй раз пехота шла в резервных колоннах, а кавалерия разными аллюрами, по сигналам трубачей.

Второй раз конная артиллерия проходила: 5-я батарея — рысью, а донцы были пущены маршмаршем.

Все прохождения удостоились Царского «Спасибо».

Блестящий парад вызвал полное удовольствие Кронпринца, который со своей стороны благодарил ген. Газенкампфа и начальствующих лиц.

После парада была показана джигитовка Собственного Его Величества Конвоя. Это было нечто изумительное. Трубя на скаку, во весь дух проносились трубачи. За ними, один по одному, несутся вольтижируя казаки. Несутся двое на одном коне, трое на двух, — разыгрываются целые сценки.

Вот скачут двое, барахтаясь на одном коне. Один вдруг с криком падает плашмя на землю, но это только фокус — несущийся сзади казак, который вот-вот наскочит на несчастного, останавливает коня, кладет его на землю, подбирает раненого поперек седла и несется дальше.

Стреляя друг в друга, борясь, кувыркаясь на лошади, соскакивая и опять вскакивая, как черти, откуда-то выскакивая один за другим несутся беспрерывной бешеной цепью по лугу.

Джигитовка казаков — это поэзия кавалериста.

Замечательно также было и прохождение донской батареи марш-маршем на таком узком и, сравнительно, коротком пространстве.

После парада войска относили знамена и расходились с музыкой по казармам. На улицах всюду царило большое оживление.

***

7-го мая в 7 час. веч. последовал из Царского Села отъезд их Императорских и Королевских Высочеств Кронпринца и Кронпринцессы германских.

К отходу Императорского поезда собрались на Царскую станцию в Царском Селе: гофмейстерина Статс-Дама Нарышкина; свитские фрейлины: Княжна Оболенская, Бюцова и Тютчева, гоф-лектриса Шнейдер, германский посол, граф Пурталес с супругой, баварский посланник бар. де Грюнелиус, члены германского посольства и баварской миссии, Министр Императорского Двора, ген.-ад. бар. Фредерикс, врем. управл. министерством иностранных дел камергер Нератов, обер-гофмаршал князь Долгорукий, дворцовый комендант ген.-ад. Дедюлин, ген.-ад. Гринвальд и Нилов, дежурные: ген.-ад. Фуллон, и фл.-ад. граф Тотлебен, гофмаршал ген.-ад. граф Бенкендорф, Обер-Церемониймейстер Граф Гендриков, Спб. губернатор граф Адлерберг, лейб-медик Боткин, начальник Военно-походной канцелярии свиты ген.-м. князь Орлов и другие лица Государевой Свиты, начальник Царскосельского дворцового управления г.-м. Князь Путятин.

На двух автомобилях прибыли Августейшие Особы. В первом автомобиле находились Их Величества Государь Император и Государыня Императрица Александра Федоровна и Германская наследная чета; во втором Августейшие Дочери Их Величеств Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны.

Кронпринц и Кронпринцесса обошли всех присутствующих.

Простившись с Их Величествами, Наследная германская чета вошла в салон-вагон и поезд тронулся.

С Их Императорскими и Королевскими высочествами отбыла их свита и состоящие при Кронпринце и Кронпринцессе ген.-ад. Максимович, фл.-ад. Граф Граббе, шталмейстер князь Урусов, а также

и русский военный агент в Берлине полк. Базаров. Русские, состоящие при Наследной германской чете, провожали Их до границы.

Поезд следует через Калиш, где расположен 14 Малороссийский драгунский полк, шефом которого, как уже писалось выше, состоял Кронпринц.

Германский посол с супругой сопровождали Их Высочества до Гатчины.

❦

Прошло более 60-ти лет. Событие это — посещение Наследником Германского Престола нашего Государя Императора — в то время было отмечено с комментариями всеми газетами всего мира, в особенности, конечно, европейскими. Все они в той или другой степени возлагали на этот визит какие-то надежды и для характеристики настроения того времени ниже приводится выдержка из газеты Le Temps от 5/18 мая 1911 года.

† **В. Каменский**

Le Temps du 18 mai 1911 : cite, à propos du voyage (annoncé) du Kronprinz, « l'officieuse **Rossija** » :

« Cet événement est d'une importance politique considérable et sert à confirmer solennelemnt à nouveau l'inaltérabilité des relations amicales qui depuis un siècle existent entre l'Allemagne et la Russie pour le bien des 2 pays. Les liens étroits de parenté, qui unissent depuis longtemps les 2 maisons régnantes ont favorisé à travers les relations changeantes des 2 grandes puissances voisines les conditions favorables au maintien de la paix européenne.

Un trait, particulier des relations russo-allemandes consiste précisément en cela que, l'existence des relations de voisinage n'est pas un obstacle à la conclusion d'ententes avec d'autres puissances. Elles s'éclairent au mieux par ce fait, que la Russie, aussi bien que l'Allemagne, conservent également et mutuellement leurs relations traditionnelles et les font servir uniquement au maintien de la paix ».

Бои в лесах Литвы и Курляндии в августе 1915-го года

За первый год войны полку нашему *) в составе 1-й кавалерийской дивизии пришлось пережить много тяжелых моментов. Участвуя в наступлении наших армий и прикрывая в случаях отступлений их отход, полк понес большие потери как в офицерском составе, так и рядовыми уланами. Неся одновременно и постоянную разведовательную службу, полк доходил временами до крайней степени усталости. И все же мне кажется, что самым тяжелым периодом его боевой жизни был момент боев в лесах Литвы и Курляндии в августе 1915 года. Во всей тогдашней обстановке было что-то трагическое.

Пятая армия, в состав которой входила наша дивизия, продолжала отступать под напором подавляющих сил противника. У артиллерии не было снарядов. В пехоте не хватало винтовок и часто патронов. Полки их таяли. Во многих из них было всего по нескольку сот человек. Лица у солдат были измученные и читалась в них безнадежность.

Полкам нашей дивизии приходилось часто действовать разрозненно: то высылали нас заткнуть какую-то образовавшуюся дыру, то для поддержки какой-нибудь пехотной части, то для прикрытия чьего-нибудь отступления. Иногда мы участвовали в чисто местных попытках к наступлениям, не дававшим положительных результатов. Нас перебрасывали с места на место, не давая возможности ориентироваться в том, что происходило вокруг нас.

Одно нам казалось ясным: несмотря на все усилия командования и войск, немцы непреклонно продолжали теснить нас, отбрасывая в северном и северо-восточном направлениях. Где? Когда? и каким образом будет положен конец их наступательному движению? Вот вопрос, который мы себе ставили и на который не находили ответа. Нужно было бы подвести свежие крупные резервы. Но существовали ли эти резервы? Этого мы не знали. А главное, нужны были снаряды для нашей артиллерии. Будь они, картина сразу бы изменилась, даже и без особых резервов. Но снарядов не было.

Я помню, поручик Рождественский, талантливый стрелок нашего конно-артиллерийского дивизиона, говорил нам в то время, что они располагали 3-мя снарядами в день на каждое орудие. По этой причине они не открывали огня по нескольку дней сряду, с тем чтобы набрать маленький запас для особого случая. В пеших батареях положение было не лучше. Немцы отлично о том знавшие, чувствовали себя в полной безопасности пока были вне досягаемости ружейного и пулеметного огня. На наших глазах они маневрировали и разворачивались, зная, что это пройдет для них безнаказанно. Но в то же время они буквально засыпали наши войска снарядами всех калибров. Это главная причина огромных потерь в нашей пехоте и это не могло не деморализировать наши войска. В доказательство неограниченности своих боевых запасов немцы дошли до того, что открывали ар-

*) 1-ый улан. С.-Петербургский Ген.-Фельдм. Кн. Меньшикова. — **Ред.**

тиллерийский огонь по отдельным людям и всадникам. Я уверен, что 75 процентов убитых и раненых были в то время жертвами немецкой артиллерии. Кавалерию спасала ее подвижность и возможность быстро переменить позицию.

Все это было так, пока мы не попали в лесистые районы Литвы и Курляндии. Там наличность лошадей явилась скорее помехой. Движения по узким лесным дорогам в колонне по три, растягивавшими не только дивизию, но и полк в бесконечную ленту, ставили нас в крайне невыгодное положение. Никакого постоянного фронта не было. Немецкая пехота, свободно двигавшаяся без дорог прямо лесом, могла нас обойти с флангов или очутиться в нашем тылу. Принять бой в этих условиях, будучи связанными лошадьми, было трудно и весьма рискованно. Начиная приблизительно с 10-го августа, бои происходили в лесах.

Для задержания продвижения немецкой пехоты нас рассыпали в цепь вдоль лесной опушки какой-нибудь поляны. Цепи наши были жидкие. Пулеметов было по два на полк. Немцев против нас было всегда гораздо больше, а о пулеметах я и не говорю. Поляны эти бывали различной ширины. В среднем, я думаю, шагов 400 или 500. Но помню случай, когда ширина их была не более 250-ти шагов. Приподняться в таких условиях не было ни малейшей возможности. Передвигаться можно было только ползком. О каких-нибудь окопчиках не могло быть и речи. Мы давно уже не знали, где немногие лопаты, полагающиеся на эскадрон. Так и лежали с утра и до темноты, стреляя при малейшем замеченном движении. О еде не было разговора. Иногда ели утром до занятия позиции, т. е. еще в темноте, а иногда ночью возвращаясь из цепи. При наступлении темноты мы свои позиции покидали. Оставаться на них ночью было совершенно невозможно. Немцы могли легко нас обойти и зайти нам в тыл. Отойдя, выставляли сторожевое охранение.

Поразительно то, что наткнувшись на нас, немцы залегали и никогда не сделали попытки атаковать нас днем. И это несмотря на свое численное превосходство. Под прикрытием огня своих пулеметов они, казалось, могли перебежать эти 300 шагов, которые нас иногда разделяли и атаковать в штыки. Нужно думать, что они опасались больших потерь и считали их ненужными.

Во всяком случае мы всегда ожидали возможной атаки. Это изматывало нервы людей. К этому нужно прибавить постоянное недосыпание и, фактически, недоедание. Зато бои в лесах сильно затрудняли действия немецкой артиллерии и, несмотря на тягость обстановки этих боев, потерь у нас было сравнительно очень мало. За эти дни из офицеров убит был один корнет Таиров, доблестнейший офицер 1-го эскадрона.

Так, постепенно отступая, дивизия наша, быть может без Сумского гусарского полка, втянулась около 15-го августа в огромные, непроходимые леса Поневежской пущи. В них уже проникла 2-ая кав. дивизия, действовавшая на нашем фланге.

Задачей кавалерии, по-видимому, было, пользуясь лесными дорогами, пересечь этот лес и воспрепятствовать проникновению в него противника. Но немецкая пехота уже успела в него проникнуть и нашей кавалерии оставалось лишь задержать, елико возможно, ее дальнейшее продвижение.

Поскольку мы могли дать себе в этом отчет, лес этот покрывал сплошной массой огромное пространство. Мы не встретили ни одной большой полины. Огромные деревья, вершины которых едва пропускали дневной свет, сменялись молодой порослью, росшей часто в низинах, переходящих, в чем скоро убедились, в настоящие болота. Пахло сыростью, затхлостью и гнилью.

Спешили нас на узкой дороге и коноводам приказано было стоять вдоль нее. Недалеко оттуда, на маленькой полянке, стоял дом лесника. Около дома колодец, что было для нас очень важно и небольшой огород. За нами следовали наши походные кухни.

Впереди, то тут, то там, раздавались ружейные выстрелы, прерываемые короткими пулеметными очередями. Артиллерия безмолствовала.

Вскоре приказано было лошадей расседлать, но вновь поседлать с наступлением темноты и держать всю ночь поседланными. Определенного мы ничего не знали, но говорили, что вечером займем какую-то позицию в лесу.

Несколько дней до этого во временное командование нашим эскадроном вступил шт. рот. Соколов. Он уже временно командовал нами год тому назад после ранения ротмистра Сушинского в конной атаке 1-го и 5-го эскадронов под Коршен. Граф Грабовский получил отпуск и его временно должен был заменить шт. рот. В. В. Сахаров, вызванный из Риги в полк, но еще не прибывший. Младшими офицерами были: пор. Семен Ал. Скрябин, прапорщик фон Эссен и я.

Я очень сожалению, что не помню многих подробностей. Но прошло столько времени и я совсем забыл названия местностей, в которых происходили бои того периода. Кроме того, все было столь сумбурно при постоянных передвижениях и переменах позиций, что все это в памяти смешалось. Осталась лишь общая картина и атмосфера боев. Я думал найти некоторые указания в истории Сумских гусар, но они часто действовали несовместно с нашим полком. Но, конечно, в том же районе, т. е. северо-восточнее Радзивилишек.

Не могу, например, сказать, какого полка был присланный за нами провожатый, пришедший с наступлением сумерек, чтобы довести нас до позиции, которую мы должны были занять, сменив занимавшую ее часть. Он наверное принадлежал к одному из полков 2-й кавалерийской дивизии, пришедшей, как говорил, ранее нас. Не знаю теперь и того, кто мог вырыть окопы, которые мы в эту ночь заняли. Вряд ли кавалерия. Скорее отступав-

шая сквозь этот лес наша пехота и вырыла для своего сторожевого охранения, так как никаких следов боя в этом лесу не было.

Шли мы густым лесом, постепенно спускаясь в низину. Провожатый сказал нам, что до окопов около-версты. Царила полная тишина. Становилось все темнее и труднее продвигаться среди поваленных деревьев и торчащих пней. На наше замечание, что весь день было тихо и что немцы, по-видимому, далеко, провожатый ответил, что против нас немецкая пехота и что между нашими окопами и ими — всего шагов 60, а что касается тишины, то добавил: «а вот увидите ночью!»

Как бы в подтверждение этого, невдалеке, вправо от нас, раздался ружейный выстрел. За ним последовали другие, распространяясь все дальше и превратившиеся в сплошной треск и гул от стрелявших одновременно сотен, а может быть и тысяч винтовок. «В цепь! Ложись!» Эскадрон быстро разомкнулся и залег. Мгновенно промелькнула мысль: немцы атакуют! Мы лежали, ожидая каждую секунду принять на себя отступающий эскадрон, занимавший окопы. Бешеный огонь продолжался все с той же силой, но ничего не происходило. Так прошло минут 10, трудно сказать точно сколько, и вдруг также быстро и неожиданно, как началось, все затихло. Тут только мы почувствовали, что лежим в болоте. Я подошел к Соколову. Рядом с ним лежал сопровождавший нас унтер-офицер. «Теперь можно идти. Стрелять долго не будут. До нашего окопа шагов 300». Подняли эскадрон, и стараясь не шуметь, двинулись вперед. Смена произошла быстро. Кто-то нам шепнул: «так еще не раз за ночь будет».

Окоп был примерно по пояс и было в нем сухо. Как ни удивительно, никто в эскадроне ранен не был. По-видимому, пули летели высоко над головами. У немцев царила тишина. Было совершенно темно и окопов их различить мы не могли. Перспектива долгой ночи в такой обстановке была мрачной. Даже Эссен, никогда не терявший веселости, и тот приуныл. Кое-как разместившиеся в окопе уланы, тоже молчали. Мы терялись в догадках: чем могла быть вызвана эта бешеная стрельба, не имевшая, по-видимому, никаких последствий?

В этой абсолютной темноте и неизвестности время тянулось без конца. Так прошло часа два или два с половиной. А потом вдруг выстрел! — Через 15 секунд все кипело как в котле. Наши уланы стреляли беспрерывно. Немцы тоже. О руководстве чем-либо не могло быть и речи. Да и чем руководить?! Это было похоже на какой-то приступ коллективного помешательства. И как и тот раз, все вдруг замолкло. Стволы винтовок настолько раскалились, что держать их в руках было невозможно. Затворы не действовали. Это и было причиной остановки этой пальбы.

По-видимому, нервы как у нас, так и у немцев, были настолько натянуты, что одного подозрения в легком движении у противника было достаточно для вызова этого урагана ружейного и пулеметного огня. Раненых у нас опять не было, что доказывало, что немцы стреляли куда попало, но и наши стреляли наверно не лучше. Подобные тревоги повторились за ночь еще два раза и пришлось посылать за патронами, так как расход их был невероятным. Мы вздохнули, когда еще до рассвета нас сменил, насколько помню, 2-й эскадрон нашего полка Но чувство тяжести нас не покидало. Давил этот глухой лес, это отсутствие воздуха, эта напряженность неизвестности. Когда дошли до коноводов, свстало. Утро было пасмурное. Уланы наши полегли где попало и вскоре все спали глубоким сном. Прислонившись спиной к деревьям. задремали и мы.

Часа через два разбудил нас голос вахмистра. Он доложил командиру эскадрона, что в колодце не остается почти воды и вряд ли удастся еще раз напоить лошадей. Решили, не откладывая, послать на розыски. У кашеваров кончались продукты. Запрошенный командир полка ответил, что в данное время нельзя рассчитывать на подвоз и нужно разрешить вопрос собственными средствами. Единственной возможностью, по-видимому, было воспользоваться тем, что росло в огороде лесника. Стаки копать картошку. Все это было невесело и усугубляло сложность обстановки. Днем шт. рот. Соколов отправился за директивами к командиру полка. Полком временно командовал полк. Чевакинский, бывший корнетом нашего полка во время Турецкой войны 77-го года. Он прибыл в полк добровольцем и ему трудно было освоиться с условиями современной войны.

Вернулся Соколов мрачным. Носились слухи, что наши дивизии были окружены немцами. Была разослана разведка и ждали их донесений. Наш эскадрон должен был занять с наступлением темноты те же окопы. О возможном окружении уланам, конечно, ничего не сказали.

Днем слухи эти как будто подтвердились. Все выходы из леса казались занятыми немцами. Вывести лесом без дорог две кавалерийские дивизии было невозможно. Еще менее возможным было вывести орудия наших батарей, стоявших вытянувшись вдоль узких лесных дорог. Как выйти из этого положения, должны были решить штабы, но нам казалось единственно правильным отбросить немцев и освободить выходы из леса.

Во второй половине дня вернулись посланные на розыски воды. Воду нашли, но примерно в шести верстах. Это значило, что мы будем лишены лошадей два раза в день и по три часа приблизительно каждый раз. Слухи об окружении достигли улан. Они не ставили нам вопросов, но в лицах их читалось беспокойство.

С наступлением темноты отправились занимать окопы. Лес, насколько это было возможно, казался еще неприютнее. Шедшие рядом со мной уланы, обратили мое внимание на зеленоватые огоньки. Это был свет, исходящий от гниющих пней деревьев, и это прибавляло лесу еще какой-то вид за-

колдованности. Дошли на этот раз благополучно. Все было тихо. Последние 300 шагов крались до окопов как индейцы. Столь же бесшумно уполз и смененный нами эскадрон.

В возможность ночной атаки мы больше не верили. Поскольку мы были окружены, немцам не было ни малейшего смысла рисковать ночным боем в лесу, в условиях которого легко спутать своих с врагами. По этой причине Соколов разрешил уланам курить. Это, по-видимому, успокоительно действовало и на немцев. За всю ночь было только две тревоги и оба раза стрельба началась не на нашем участке.

После утренней смены, произошедшей, конечно, до рассвета и прошедшей благополучно, мы вернулись к коноводам. Улучшения в обстановке не было. Вахмистр доложил, что последняя картошка и овощи с огорода будут сегодня съедены и что кашевар говорит, что тогда придется варить древесную кору. Было ясно, что так продолжаться не могло и что наши штабы примут за день какое-нибудь решение. Как и накануне, все мы вскоре погрузились в сон. К счастью дождей не было и земля была сухая. Наших лошадей увели на водопой. После их возвращения роздали тощий обед. Недокормленные лошади грызли древесную кору. Никаких особых распоряжений мы не получали.

Но около 2-х часов дня ротм. Соколова вызвали к командиру полка. Полк. Чевакинский сообщил ему, что по сведениям, поступившим от разведки, есть оставшиеся свободными выходы из леса и что с наступлением темноты будет сделана попытка нас из леса вывести. По этой причине приказано лошадей больше на водопой не посылать и быть готовыми к выступлению.

Часа через два Соколова вновь вызвали в штаб полка. Свободные выходы уже занимались нашими частями и наш полк выступит с сумерками. Занимающие окопы эскадроны покинут их с наступлением темноты и присоединятся к поджидающему их полку. Приказано было соблюдать полную тишину, от которой зависел успех предприятия. Все повеселели. Даже бой, в случае сопротивления со стороны немцев, казался желанным по сравнению с гнетущим чувством, в котором пребывали уже третий день.

Все произошло, как было предусмотрено. В полной темноте двинулись мы бесшумно и только легкий топот коней, ступавших по мягкой лесной дороге, нарушал тишину. Шли довольно долго. Но вот, впереди стало как будто светлее. Мы пересекли железнодорожное полотно и вздохнули полной грудью. — Лес кончился. Было темно, но темнота совсем иная. Нам казалось, что мы в ином радостном мире!

*

Пробыли мы в этом лесу почти три дня и две ночи. Мы были счастливы увидеть вновь поля, какие-то строения и над собой небо. Как говорил, чисел точно не помню, но во всяком случае в ближайшие дни ничего достопримечательного для нас не случилось.

Настало 26-ое августа. Дивизия наша втянулась в бой с наступающими немецкими частями, стремясь преградить им выход из леса, который они занимали. Нашему эскадрону приказано было выдвинуться вперед версты на полторы и влево от нашего боевого расположения для наблюдения за флангом во избежание обхода. Во временное командование эскадроном вступил прибывший накануне из Риги шт.-рот. Сахаров. Это был милейший человек безусловной личной храбрости, но без боевого опыта.

Мы заняли позицию согласно полученным указаниям, стоя вдоль лесной дороги. Слева тянулся крупный сосновый лес. Справа же от дороги лес был лиственный и рос в болотистой низине. Перпендикулярно к дороге, на которой мы стояли, протекал ручей с топкими берегами. По обе стороны этого ручья рос редкий кустарник. Таким образом мы занимали удобный наблюдательный пункт. Кроме того, мы выставили три полевых караула.

До нас ясно доносился шум боя, но у нас царила полная тишина. Поручик Семен Скрябин был накануне переведен в 1-й эскадрон, где был недостаток в офицерах. Мы с Эссен оставались одни в нашем 5-ом эскадроне.

Около 3-х часов дня один из полевых караулов прислал сообщить, что видел несколько пробравшихся немцев, перешедших ручей и скрывшихся в лесу. Через полчаса подобное же донесение поступило от другого полевого караула. Мы уговорили Сахарова послать об этом донесение. К вечеру поступило еще несколько подобных сообщений. Несмотря на наши настоятельные уговоры принять меры к воспрепятствованию прохождению мелких партий неприятельских разведчиков, шт.-рот. Сахаров нам в этом отказал. Он считал, что это не могло представить ни малейшей опасности и что эти немцы наверно будут переловлены и попадут в плен. Мы были совсем иного мнения, но повлиять на Сахарова не смогли.

Наступил вечер. Бой стал затихать и вскоре совсем умолк. Мы не получали никаких приказаний, но когда стало темно, решили снять полевые караулы, не могущие принести уже никакой пользы, и идти на присоединение с полком.

Шли уже в абсолютной темноте, в колонне по три. Вдруг, перед нами раздался громкий оклик: «Halt! Wer da!?» (Стой! Кто там!). Мы остановились. Через 30 секунд грянул залп. «За мной!» Ротм. Сахаров свернул вправо от дороги и поскакал сосновым лесом. Эскадрон последовал за ним. Немцы стреляли частым огнем и пули иногда свистели над нами, но почти все, ранее чем долететь до нас, ударялись в деревья. Шум от всего этого стоял невероятный, а мы, ничего не видя перед собой, скакали галопом, рискуя каждую секунду разбиться лбом об дерево. Вдруг мне показалось

что передо мной пустота и сам я и моя лошадь превратились в птиц и летим по воздуху. Полет был недолгий и я с лошадью покатился в обрыв. Впереди, вправо, слева и за мной катились лошади и люди. Потом съехав с крутизны, мы остановились. Я вскочил на ноги. Встал и мой «Живописец». Вокруг меня вставали уланы и их лошади. — Перед нами было поле. Мы стояли у подножия крутого песчаного обрыва, которым заканчивался лес, по которому мы только что скакали.

Ни одного раненого, ни одной сломанной ноги ни у улан, ни у лошадей! 5 или 6 согнутых в дугу пик. И это все! Это было настоящим чудом. Немцев, судя по интенсивности их огня, было не менее 30-ти человек. Первый их залп был дан на дистанцию менее 100 шагов. Они преследовали нас частым огнем, пока мы скакали лесом, не видя ничего перед собой. По-видимому, лошади инстинктивно обходили деревья, а у крупных сосен не бывает низких веток, благодря чему никому не разбило головы. Обрыв, хоть и очень высокий и крутой, был до самого подножия песчаным. Но тем не менее вторая шеренга улан вооружена была пиками и каким образом, катясь вниз, ни один человек и ни одна лошадь не были поранены, является загадкой!

А есть люди не верующие в чудо!

Мы с Эссен подошли к Сахарову: «Как ты думаешь, Василий Васильевич, безопасно пропускать в тыл немецких разведчиков?» Бедный Сахаров был очень смущен происшедшим и мы не стали настаивать. Нужно было разыскать полк, что было не просто, так как мы не знали, где точно находимся. Проблуждали часа два и уже ночью полк нашли. О нас беспокоились, боясь что мы могли быть отрезаны.

В результате оказалось, что у нескольких улан ушиблены были колени и они хромали. У меня, падая, лошадь придавила шашку и погнула клинок. Это был хороший кавказский клинок, проданный мне моим приятелем Нижегородцем Сафоновым, державшим вместе со мной до войны корнетские экзамены при Николаевском Кавалерийском училище. Хорошо выпрямить этот клинок никогда не удалось.

***

На следующий день, т. е. 27-го августа, во второй половине дня полку нашему приказано было перейти к мызе Пикстерн. Мы должны были усилить 27-ю кавалерийскую дивизию и потому временно быть подчинены начальнику этой дивизии генералу кн. Юрию Трубецкому. Пришли на место, когда уже стемнело и стояли спешенными, ожидая распоряжений. Вскоре вызвали командиров эскадронов к ком. полка. Вернувшись, шт. рот. Сахаров сообщил нам, что 1-му и нашему эскадронам приказано сменить в окопах два эскадрона 2-й дивизии. Задания, полученные другими эскадронами полка, мне неизвестны. Дали нам провожатого и отправились в темноте. Кое-где слышались винтовочные выстрелы, но вообще было тихо. Общей обстановки мы, конечно, не знали. Провожатый посоветовал не шуметь. Шли мы, по-видимому, мелкими перелесками. Когда дошли до окопов, офицеры сменяемого нами эскадрона рассказали нам, что против них немецкая пехота. Думают батальон. Что окопались они шагах в 400, но что с наступлением темноты слышится с их стороны движение и что они думают, что немцы, пользуясь темнотой, подходят ближе к нашим окопам.

Окопы были, конечно, неглубокие, но тянулись вдоль вершины бугра на его склоне, что было для нас выгодно, предохраняя сколько-то от немецкого огня. Вправо от нас не было никого. 1-й наш эскадрон находился левее нас и под небольшим углом. Между нами было пустое пространство шагов в 70 или 80. Их окоп не глубже нашего проходил по совершенно плоскому месту. Благодаря этому, они были гораздо более уязвимы как для ружейного, так и особенно для артиллерийского огня. В нескольких шагах за нашим окопом, за его серединой, была какая-то яма. В ней помещались офицеры смененного нами эскадрона. Заняли ее и мы, т. е. Сахаров, Эссен и я.

Шум со стороны немцев не прекращался, но различить ничего не удавалось. В царившей кругом тишине ясно доносился звук работавших лопат. Безусловно, рыли окоп и недалеко. Мы решили попробовать дать залп. В ответ послышались крики и команды и сразу заработали два пулемета, не причинившие нам вреда. Стрелять зря не стоило и мы решили сидеть и ждать дальнейших событий.

«Ждать дальнейших событий», мы за последнее время настолько привыкли, что вскоре в нашем окопе, то тут, то там послышался храп уснувших улан. Мы сидели в своей яме и прислушивались к тому, что делалось у немцев. У них работа кипела. Не только ясно слышались голоса, но долетали до нас иногда команды и отрывки фраз. Особенно часто кто-то давал распоряжения какому-то лейтенанту Фунек. Этот лейтенант находился наверное против нашего окопа и мы слышали как он, например, приказывал: « Ein Maschinengewehr rechts ! » (один пулемет направо!) или кричал: « Zum Teufel ! » (к черту!).

Мы решили послать денесение, чтобы предупредить о близости к нашей позиции немцев. Не помню, кто в то время командовал 1-ым эскадроном, но младших офицеров было два: пор. Семен Александрович Скрябин и пор. Всеволод Александрович Булатов. Против них тоже рыли окопы и они, как и мы, считали, что удержаться нам будет нелегко.

Когда вернулся посланный с донесением, он передал нам, что мы своевременно получим поддержку. Ни мы, ни немцы не стреляли и моментами я чувствовал, что погружаюсь в глубокий сон. Спал 2 или 3 минуты, но просыпался с ощущением, что выспался.

Во второй половине ночи по долетающим до

нас отрывкам фраз мы поняли, что немцы тянут к своим окопам телефонные провода. Это не предвещало ничего хорошего. В наших двух спешенных эскадронах было не более 130-ти улан. Сколько могло быть против нас немцев? Если это был действительно батальон, то наверное не менее 400 или 500 человек. У них были пулеметы, мы в этом уже убедились, а у нас их не было. Что касается артиллерии, то мы не сомневались в ее существовании с немецкой стороны. У 2-й дивизии был, конечно, свой 2-ой конно-арт. дивизион, но поддержат ли они нас и есть ли у них снаряды, мы не знали.

В таких невеселых думах прошла ночь. Стало серет и скоро должен был наступить рассвет. Со стороны немцев шум прекратился. Все было тихо. Как только стало возможным, напрягая зрение, различать что-либо, мы увидели, что перед нами поле или большая поляна. Немецкие окопы проходили в каких-нибудь 150-ти шагах от нас и тянулись параллельно нашим. Они были в два раза длиннее наших и имели довольно высокий бруствер. Через некоторое время завязалась между нами редкая перестрелка. Близость их окопов доказывала намерение немцев нас атаковать и мы с нетерпением ожидали обещанной поддержки.

Но вот раздался орудийный выстрел и снаряд, пролетев над нами, разорвался шагах в 300 за нашими окопами. Со стороны немцев донеслась короткая командная фраза и вслед за тем второй снаряд разорвался в каких-нибудь 100 шагах за нами. Не могло быть сомнений; немецкий наблюдатель сидел против нас в окопе. Не зря протянули телефонный провод! За вторым снарядом разорвалась над нами очередь шрапнелей, не причинившая нам вреда. Другая очередь разорвалась над окопом 1-го эскадрона. Положение становилось серьезным и мы послали посыльного с просьбой ускорить подход поддержки и помощи нашей артиллерии. Уланы стреляли по немецким окопам, но, видимо, не причиняя им вреда. Артиллерийский огонь усиливался и мы видели, что в 1-ом эск. были уже раненые. У нас пока ранило пулей в руку лишь одного улана. Расположение нашего окопа защищало нас от шрапнельного огня. В этом, повидимому, отдал себе отчет немецкий артиллерийский наблюдатель, корректировавший огонь батареи и перешел на гранаты. Первая очередь гранат, попавшая в наш маленький бруствер, разворотила его и ранила несколько улан. Положение 1-го эск. было еще хуже и, как нам казалось, они несли значительные потери. Наша артиллерия безмолствовала.

Пользуясь промежутками между немецкими очередями, вернулся посыльный. Нам -приказы вали держаться во что бы то ни стало, прибавив, что поддержка уже выслана.

А немецкая артиллерия постепенно разрушала наши окопы. У нас была еще проблема: как эвакуировать в тыл наших раненых? Те, которые могли передвигаться, уходили сами. Но что было делать с другими? Чтобы их нести, нужно было по два улана на каждого из них, а нас и так было очень мало. Мы теперь ждали с минуты на минуту немецкой атаки и каждый стрелок был нам дорог. Наш окоп был сильно поврежден, а окоп 1-го эск. разворочен и не представлял уже никакого укрытия.

Вдруг заработали одновременно несколько немецких пулеметов. Стало невозможно высунуться. К пулеметам присоединился огонь немецкой пехоты. Рвались гранаты. До нас донесся чей-то голос со стороны 1-го эскадрона. «Мы отходим!» Ротм. Сахаров вскочил на ноги и крикнул: «Взять раненых! Отходить перебежками!» Мы спустились с бугра и оказались укрытыми от немецких пуль. Их артиллерия продолжала бить по нашим окопам. Вправо от нас отходил 1-й эскадрон. Мы продвигались между редкими деревьями и кустарником.

Но вот со свистом прилетела и разорвалась очередь шрапнелей. Мы успели уже отойти на несколько сот шагов от наших окопов, и немцы преследовали нас орудийным огнем. Их пехота, повидимому, уже прошла наши окопы и над нами стали пролетать пули. Хотя немцев нам и не было видно, но мы залегли и открыли по ним огонь. Потом продолжали отходить среди рвавшихся шрапнелей и гранат.

Вдруг я увидал быстро продвигавшиеся нам навстречу густые цепи в русских шинелях. Шла на выручку долгожданная подмога. После этого я ничего не помню.

Очнулся я полусидя-полулежа, прислоненный к стене какого-то строения. Кругом сидели и лежали раненые. Раненые были наших двух эскадронов и 2-го лейб-уланского Курляндского полка. Их полк был выслан нам на помощь и их-то я успел увидеть. Как узнал после, им, совместно с остатками наших двух эскадронов, удалось остановить продвижение немцев, но восстановить положение не смогли. Слышались еще резкие выстрелы, но бой был закончен.

Ко мне подошел наш милый доктор Васильев и сказал, что у меня контузия в грудь и голову, вызвавшая, по-видимому, сотрясение мозга. Он же мне рассказал, что на перевязочном пункте находятся поручики Скрябин и Булатов. Оба контужены. У Булатова была искусственная нога. Он сломал ногу на скачках при падении лошади на барьере за месяц до войны и ему пришлось ее ампутировать чуть ниже колена. В его искусственной ноге оказалось несколько осколков от гранаты.

Вскоре нас эвакуировали. Прибыли мы к какой-то железнодорожной станции уже в темноте. На путях стоял ожидавший нас поезд. Мы почувствовали, что очутились в раю! Это был санитарный поезд Императрицы Александры Федоровны.

За этот бой 1-ый эскадрон потерял почти 50 процентов своего состава, а наш около тридцати.

Через 10 дней наступление немцев было остановлено и фронт стабилизировался. Работа кавалерии была закончена, так как вскоре весь Север-

ный фронт представлял из себя сплошную линию окопов. Итак, до конца войны.

Молодые офицеры, прибывшие в наши полки после 10-го сентября 1915-го года, лишь по рассказам знали, что представляют из себя действия кавалерии в маневренной войне.

В. Скальский

От Редакции

Остававшийся долгие годы секретным и впервые публикуемый в оригинале и переводе рапорт генерала де Кастельно, посетившего Россию накануне революции, несомненно представляет исторический интерес.

Доблестный и глубоко образованный воин генерал де Кастельно оценивает в самом конце войны Русскую Армию, в кругу которой он провел несколько недель. Многие из его выводов покажутся весьма спорными *).

Не надо забывать, что генерал, в эти последние дни перед революцией, вращался в кругу лиц, зараженных царившей тогда «критикоманией» и сильно сгущавших краски. А в отзывах его чувствуется присущая многим военным черта, а именно ставить свою собственную армию в пример всем другим.

Отрадное впечатление производит занятая генералом позиция касательно Покойного Государя и Императрицы. Вопреки ходкому в те безумные дни мнению, генерал твердо уверен в верности Царской Четы Союзу.

ДОКУМЕНТ ИЗ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА (ВЕНСЕНСКИЙ ЗАМОК)

БУМАГИ ГЕН. С. П. АНДОЛЕНКО. — ПЕРЕВОД

Военное Министерство
Миссия в России — Париж, 9 марта 1917 г.
СЕКРЕТНО

Рапорт

Дивизионного генерала де Кюрьер де Кастельно,
Начальника Военной Миссии в России
Военному Министру (Кабинет)

В тот момент, когда было принято окончательное решение созвания Конференции в Петрограде, в которую вы оказали мне честь включить меня как представителя Верховного Французского Командования, внимание держав согласия было особенно привлечено к событиям в Румынии.

Поражение Румынской Армии, отступление русско-румынских войск на Серет могли быть признаны как новое проявление со стороны противника его наступательных возможностей, которые казались глубоко надломленными после его больших неудач, понесенных на всех фронтах с мая по сентябрь 1916 г.

В свете создавшегося нового положения следовало признать необходимым исследовать решения, принятые в Шантйи, как в отношении предусмотренных операций на 1917 год, так и главным образом действий на Балканском фронте.

Этой задаче соответствовали Ваши письменные директивы от 16 января 1917 г. и устные инструкции, которые Вы мне дали 17-го вследствие соглашения, достигнутого между Главными Командованиями — Английским и Французским.

Этими директивами и инструкциями я проникся, будь то в работах военной или стратегической комиссии, в состав которой вошли военные представители на Конференции, или в кругу особых совещаний, на которые эти делегаты были приглашены.

Донесения, которые я вам отправил, от открытия до закрытия Конференции, поставили вас в известность о принятых решениях или об ответах на поставленные вопросы.

В добавление и подтверждение этих донесений, имею честь представить при сем, вместе с копиями моих телеграмм, протокол собраний Военной Комиссии.

Для того чтобы облегчить вам усвоение смысла принятых решений или резолюций и оценить более точно их практические следствия, я думаю полезным представить на ваше усмотрение некоторые соображения о состоянии умов и тенденций, имеющие отношения к войне кругов, с которыми я был в контакте в России — правительственных, политических или военных.

Затем я себе позволю выявить мое мнение о настоящей ценности русских вооруженных сил и на результаты, которых можно ожидать от их усилий в будущем.

Также кажется мне необходимым выразить Вам мое мнение о положении наших союзников в Румынии. Наконец я буду принужден предложить вам некоторые изменения в статуте и действии наших военных миссий в России.

*) Как, например, объяснение Брусиловских побед неустойчивостью чехов и намеки на превосходство бойца германца над русским. Доказательство противного мы найдем в печатаемых в этом же номере воспоминаниях генерала Н. М. Иванова.

I.

НАСТРОЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РОССИИ В СВЯЗИ С ВОЙНОЙ

1. Чувства России по отношению к Германии

В аудиенциях, которые г. Президент Республики и Вы сами оказали мне честь дать перед моим отъездом — мое внимание было привлечено к пожеланиям сепаратного мира с Германией, которые, казалось, проникли и развивались более или менее скрыто в окружении Императора, в правительственных кругах и в Русском народе. Можно было опасаться, что при этих пацифистских влияниях наша великая восточная союзница не настроена выявить во время будущей кампании то могущественное усилие, которое мы считали необходимым для успеха наших решительных операций на западном фронте.

Исходя из этого, вы мне указали решительно противодействовать этим пагубным тенденциям.

Если для оценки настроений умов в России в связи с войной ограничиться наблюдением за обществами больших городов, как Петроград и Москва, то нам кажется, что гигантская борьба, заливающая мир кровью, не занимает первое место в заботах русского народа.

Ничто не изменилось, кажется, в течении жизни, в удовольствиях и в труде. Конечно, война всех стесняет, но она ничему не препятствует, в особенности буйному возбуждению внутренней политики, которое недавно проявилось в одной кровавой драме и которое чувствуется во всех душах будь то на фронте или в тылу.

Было бы ошибочно думать, что в России существует, как во Франции или Англии, общественное мнение, способное направлять или высказывать желания и волю русского народа. Чтобы узнать пожелания и намерения России, надо их искать в мыслях Императора, его министров и затем влиятельных лиц Государственного Совета и Думы.

При разных свиданиях, которые я имел с Его Величеством, особенно во время интимного завтрака, на который я был приглашен в Царское Село, я вынес убеждение, что Государь одушевлен твердой волей продолжать войну до окончательной победы над Германией. Ее Величество Императрица находится в том же настроении, особенно, что касается Пруссии. В наших разговорах она настаивала на необходимости для союзников атаковать врага совокупно и как можно скорее.

Те же чувства мне были выражены министрами, как-то министром Иностранных Дел, с которым я имел официальный долгий разговор.

Наконец, я слышал категорические заявления в том же духе из уст всех членов Государственного Совета и Думы, которых я встречал и в особенности от Председателя последней, с которым я имел, по его желанию, долгий и откровенный разговор.

Члены Думы легко впадают в жестокую критику Правительства Императора и вредного влияния, которое они приписывают Императрице; они страстно желают глубоких реформ конституционных законов их страны.

Но все, к каким бы партиям они ни принадлежали, объявляют о своем твердом решении отложить до исхода войны их требования и осуществления их чаяний.

Союзники, говорят они, не должны опасаться революционных беспорядков, которые нанесли бы большой ущерб военным усилиям против общего врага. Все будет подчинено в России необходимости победить.

2. Безразличие России к сроку окончания войны. Характеристика операций 1917 г.

Если Россия твердо решила довести войну до победного конца, у нас создается впечатление, что она не придает особенного значения тому, когда именно эта война будет окончена.

Точные предвидения претят мечтательной и расплывчатой славянской душе. Привыкнув к безбрежным горизонтам, которые открываются перед его глазами и огромным расстоянием, которое разворачивается перед его шагами, Русский противен понятию времени. Такие прогнозы совсем не входят в его расчеты. Война окончится, когда Россия победит своих врагов и это все! Рядом с этими психологическими факторами, другие положения, мне кажется, влияют на решения Верховного Командования, которое в России тесно связано с Правительством страны.

В моих разговорах с членами Государственного Совета и Думы я часто слышал жалобы на принесение тяжелых жертв и собрал выражения серьезных опасений о жертвах, которые надо предвидеть в будущем. Жалобы тем более строги, что русские офицеры или члены думских делегаций, которым дано было посетить наш фронт, вынесли впечатления, которые быстро распространились в интеллигентных кругах. Так, например, было освоено умственное усилие, совершенное в нашей армии, развитие, которое мы дали технике, совершенству укрепления позиций, заботам Главного Французского Командования о сохранении человеческих жизней — во время атак, а также в периоды затишья.

При сравнении выявились тяжелые дефекты, коими страдает Русская Армия.

От этих сравнений родились опасения, тем более серьезные, что в данный час широкие льготы по несению военной службы, бывшие правилом, были строго ограничены и что в будущем все классы общества должны будут выносить тяжелое бремя войны.

Вот почему я не нашел в умах и сердцах некоторых деятелей бесповоротное решение и надежду нанести смертельный (решительный) удар германскому могуществу в кампании 1917 г.

Влиятельные люди, как Председатель Думы, хотели бы выжидать и не ввязываться в новые операции до того, когда время позволит устранить главнейшие недостатки.

Те же чувства проникли и в некоторые военные круги. Некоторые думают, что Русская Армия неспособна предпринять в ближайшем будущем решительных операций на своем фронте.

Под впечатлением опыта наступлений, предпринятых в 1916 г. на западном и восточном фронтах Антанты и тяжелых потерь, понесенных в особенности войсками Брусилова (980.000 чел.), они полагают, что русская армия еще недостаточно снабжена техникой, чтобы прорвать на широком фронте укрепления позиций противника и развернуть затем массы их сил в быстрой и решительной маневренной войне. Они склоняются к отсрочке начала крупных операций.

Вот вероятно почему первый вопрос, поставленный Русским Командованием на обсуждение в среде военной Комиссии был, следует ли дать решительный характер операциям Коалиции в 1917 году.

Спешу сказать, что ген. Гурко признал, совместно со всеми другими военными представителями, абсолютную необходимость не оставлять нашим противникам инициативу в атаках и дать определенно операциям 1917 г. решительный характер, предвиденный на Конференции в Шантйи. Это также твердое намерение Императора.

Ген. Гурко дал лично мне и публично на общем собрании заверение, что в 1917 г. Россия выполнит максимальное усилие согласно с ее средствами.

Мы можем, я думаю, иметь полное доверие, что это решение, как и другие, принятые на Конференции, будут лояльно выполнены нашими союзниками.

Но, признав это, мы должны знать, что Русское Главное Командование не может идти против общего мнения, о котором я говорил, и что оно таким образом должно избегать операций, необоснованных, дорогих и обреченных заранее на неудачу **).

С нашей стороны было бы благоразумным не стараться вовлечь его на путь, по которому оно не могло бы следовать за нами; в наших советах сдержанность тем более необходима, что мы не всегда имеем полное представление о всех местных обстоятельствах.

II.

ЦЕННОСТЬ РУССКОЙ АРМИИ

1) Состояние Русской Армии

На европейском театре войны (фронты С.З., З., Ю.З. и Румынский) русская армия состоит теперь из:

	—	150 пех. дивизий
	—	40 кав. дивизий
на Азиатском фронте	—	15 пех. дивизий
	—	8 кав. дивизий.

Будущей весной она должна будет иметь около 60 новых дивизий, сформированных частью за счет уже существующих дивизий путем снижения их в 12-ти батальонный состав, частью призывом из резерва и запаса новых элементов.

Но эти дивизии не смогут быть вначале снабжены артиллерией; в армиях и корпусах они составят запас пехоты для смены обескровленных или утомленных дивизий.

В конце концов — число батальонов повысится до

2.484 на европейских фронтах
220 на кавказском фронте

всего 2.704 батальона пехоты.

С артиллерией, кавалерией, инженерными войсками и т. д. общая численность войск на фронте достигнет приблизительно 6.000.000 человек; в тылу останется 4.800.000 человек, считая призыв 1918 года.

Итак, Русская Армия представляет весьма внушительную массу бойцов и она располагает еще большим резервом, несмотря на понесенные ею потери — потери сравнительно значительно меньшие понесенных французскими армиями, что я весьма старался подчеркнуть — или на фронте или в тылу ***).

С другой стороны, положение вооружения, изложенное В. Кн. Сергеем Михайловичем, показывает насколько оснащение материальной частью не соответствует числу и силе крупных воинских соединений.

Но таким, каким оно будет весной, оно достигнет известного могущества и, теоретически, позволит атаковать оборонительные позиции противника на фронте, приблизительно вглубь 60 км.

2. Профессиональная ценность Русской Армии

Итак, Россия восстановила свои разбитые и рассеянные армии тяжелыми неудачами, которые обозначили окончание кампании 1915 г.

Это великое дело, которому следует отдать

**) Последнее наступление у Риги, в котором русские потеряли 42000 человек, достигнув незначительных результатов, вызвало настоящие волнения в политических кругах.

***) Судя по данным, представленным нашей военной миссии полковником Тихобразовым, прикомандированным к ген. Гурко, эти потери достигают теперь 5.200.000 чел., из коих 1.300.000 убитых и 745.000 пропавших без вести, т. е. 2.045.000 безвозвратных потерь.

Если сравнить эти цифры с населением Империи и если сравнить цифру наших потерь и нашего населения, то приходишь к выводу, что Россия значительно меньше пострадала, чем Франция. Пропорционально наши потери в три раза больше потерь наших союзников.

дань восхищения, представляет собой блестящее доказательство энергии, показанной русским народом в борьбе с общим врагом.

Но современная война с ее научным характером, методы, которые она породила или развила, большие материальные средства, которые требуют передвижения и употребления, тщательная подготовка, которую она требует во всем, не могут быть приведены к счастливому исходу войсками с импровизированными действиями из-за отсутствия длительных предварительных подготовок.

Чтобы выиграть сражение надо иметь возможность располагать достаточно обученными войсками.

Но не следует скрывать, что Русская Армия, поглощенная делом восстановления своих сил, неизбежно осталась далеко позади нас на пути совершенствования и что она еще мало ознакомлена с методами и приемами боя, которых требует современная война.

В этом отношении впечатление, которое я вынес от моего посещения II-й армии очень яркое, я не скрыл его ни от Министра Иностранных Дел, ни от ген. Гурко, ни от Императора.

Когда я откланялся Его Величеству 5/18 февраля, я доложил ему то удовольствие, которое я испытал от общения с прекрасными войсками, которые были мне показаны, и высказал мое восхищение перед чудесным усилием, которое сделала Россия поставив на ноги такую армию.

Но я сказал Его Величеству с необходимой сдержанностью, что это дело не показалось мне завершенным и что остается еще развить деятельность командования, роль Штабов, обучение начальников и войск, в особенности, чтобы достигнуть на поле боя тесную связь между родами оружия.

Я настаивал перед Его Величеством на пользе использования сообща выводов творческих работ и опыта Французской армии, так как они составляют цельную доктрину, которой должны пользоваться все союзники. Я указал принципы, к которым мы пришли для прорыва укрепленных путей, в том что касается выбора места атаки, артиллерийской подготовки и быстрого развития успеха.

Я не сомневаюсь, что офицеры Французской миссии, в особенности штаб-офицеры, прикомандированные к фронтам, влияние которых может быть более непосредственным и более существенным, со временем добьются распространения и принятия наших выводов.

Я мог лично убедиться в результатах, достигнутых на Западном фронте полковником Рампон. Со времени его прибытия оборонительные сооружения были переделаны, службы разведки и связи устроены, дивизионные учебные лагеря поставлены на ноги, таким образом для будущих операций были приняты рациональные методы атаки.

Полковники Шардиньи, Першене и Табуи несомненно смогут под высоким руководством ген. Жанен достигнуть на других фронтах таких же результатов. Их миссия будет облегчена теми уроками, которые вынесут с французского фронта русские офицеры, которые будут откомандированы во Францию.

Но мы должны предвидеть, что распространение наших идей и наших методов будет идти, возможно, медленно, по причине препятствий, которые обыкновенно встречает прогресс, а также из-за слишком повышенного самолюбия, которое часто проявляют наши союзники.

3. Результаты, которые следует ожидать от действий Русской Армии в 1917 г.

Я знаю, что мое мнение о недостатках Русской Армии покажется заранее опровергнутым громкими победами, одержанными в прошлом году армиями ген. Брусилова.

Вот почему мне кажется необходимым указать на одну из главнейших их причин, отнюдь не стремясь в чем-нибудь уменьшить высокие боевые достоинства наших храбрых союзников.

Армии Брусилова атаковали сектор, занятый и обороняемый австрийскими войсками, в состав которых входили в чувствительной доле чешские части.

Благодаря умно и энергично поставленной пропаганде, источники и цель которой хорошо известны Министерству Иностранных Дел, чехи не отличались большой верностью австрийскому знамени. Здесь, как и в других местах, они отказались сражаться, таким образом, сильно облегчили прорыв, по свидетельству французских офицеров, сильно укрепленных позиций, но плохо или совсем не обороняемых.

Быстрые вначале успехи армий Брусилова замедлились, как только неприятель смог ввести в дело венгерские и германские дивизии, поддержанные крупными массами артиллерии, затем они были окончательно остановлены, несмотря на геройскую храбрость русских войск, которые понесли в ожесточенных боях особенно сильные потери.

В то же время войска генерала Эверта (группа центра), которые атаковали район Барановичей, занятый почти исключительно германскими войсками, потерпели полную неудачу.

Эта остановка в одном месте и неудача в другом Верховное Русское Командование их верно объясняет недостатком в материальной части, в особенности в тяжелой артиллерии и авиации.

Чтобы быть полностью справедливым, следует к этому прибавить недостатки в обучении войск и в командовании.

Но во время зимы, которая подходит к своему концу, тяжелая артиллерия и еще меньше авиация не смогли быть чувствительно развиты.

Также во время зимних холодов, особенно жестоких в России, было трудно развить тактическое обучение войск. Исходя из всего этого, мы имеем право поставить вопрос, каких можно ждать ре-

зультатов от наступлений, предвиденных на будущую весну на восточном фронте.

Конечно, если верить некоторым личностям, Россия располагает запасом мистических сил, мощность которых сводит на нет все предвидения, что доказывают некоторые периоды ее истории, но что касается войны, только определенные данные должны быть приняты на веру для решений поставленных задач.

Но организация и обучение Русской Армии мне кажутся едва достигающими уровня, на котором находилась Французская Армия 18 месяцев тому назад. Вот почему я продолжаю думать, что в наших расчетах наши союзники должны считаться вполне способными удержать все неприятельские силы, находящиеся сегодня на их фронте, но, несмотря на их храбрость, они не смогут в 1917 г. достигнуть более существенных результатов и во всяком случае они не в состоянии рассчитывать на одержание решительного успеха.

Одновременно русские войска, достаточно снабженные полевой артиллерией и обильно обеспеченные снарядами, не рискует более очутиться в тяжелом положении 1915 года.

Теперь они способны отразить все попытки неприятеля перейти в наступление, при условии, конечно, использовать фактор «пространства», который в разной степени всегда входит в их расчеты.

4. Сотрудничество Японии

Недостатки, констатированные в ходе Конференции в организации Русской Армии с одной стороны, с другой большой интерес для Коалиции в общем, а для Франции в частности, представляет быстрый исход борьбы, и, наконец, желание распределить между союзниками кровавую тяжесть войны, во время Конференции выявились энергично и показали всю выгоду более активного сотрудничества Японии (см. директивы от 10 января).

Вот почему, как я Вам уже сообщил моей телеграммой от 21 февраля № 20/С, я настойчиво требовал этого сотрудничества как в Военной Комиссии, где мне не было сделано никакого возражения, так и в течение полных заседаний Конференции, где меня энергично поддержал г-н Думерг.

Я именно настаивал, чтобы Япония была очень скоро подготовлена к посылке в русские Армии 100 батарей тяжелой артиллерии, материальной части к ним и прислуги (персонала).

Но мотивы политического порядка, которые не были ясно представлены, побудили отказаться от определенной резолюции касательно использования японских войск на одном из активных театров операций. Конференция же ограничилась расплывчатыми формулировками без всякого практического значения.

Вне заседаний я возбудил этот вопрос перед Его Величеством, у ген. Гурко и с министрами Военных и Иностранных дел. И хотя мне не было дано никакого ответа, я полагаю, что моя идея была услышана и имеется в виду.

Если она приведет к благоприятному решению, наступательные боевые возможности русских войск приобретут такую силу, которая значительно увеличит шансы быстрого успеха Коалиции.

5. Экономическое состояние страны

Военное положение тесно связано в России, как и везде, с экономическим положением, а между тем экономическое состояние России не замедлить стать чрезвычайно критическим, если не будут срочно приняты меры по приведению в порядок транспорта.

Как Франция и Англия, Россия переживает сейчас последствия требований войны, но здесь длительность перевозок как следствие больших дистанций, обычаи страны, недостатки и грехи узкой и необъединенной администрации в большой степени усложняют положение вещей.

Активность индустрии значительно уменьшена из-за недостатка металлов и угля. Некоторые заводы получают промышленное топливо изо дня в день, что я констатировал в Москве, другие должны были уменьшить свое производство. В Петрограде завод Парвианен группы Шнейдера-Путилова имеет 3/4 своих машин бездействующих. С 12.000 рабочих завод производит только 7.000 снарядов в день вместо 20.000.

Однако в подвижном составе, как кажется, нет недостатка, но он плохо используется. Мне сообщили пример Донецкого района, где ныне с 40.000 вагонов перевезено меньше грузов, чем с 25.000 в мирное время.

Чтобы бороться со скандальными злоупотреблениями и привычного взяточничества были созданы Комиссии для распределения угля и перевозочных средств. Эти Комиссии, зависящие от разных Министерств (Путей сообщения, Торговли и промышленности, Военного), действуют без связи между собой и их противоречивые решения сильно виноваты в создавшемся положении.

В прощальной аудиенции, которую мне дал Император, я обратил внимание Его Величества на серьезные затруднения, которые возникнут перед Россией, если быстро не будут приняты энергичные меры. По этому случаю я советовал назначить Генерального Директора Транспорта, имеющего власть над железными дорогами и над теми организациями, которые в данное время зависят от министра Торговли в Промышленности.

Накануне моего отъезда ген. Гурко сообщил мне, что товарищ Министра Путей Сообщения будет впредь причислен к Ставке, где он будет иметь задачей согласовывать все средства перевозок, работающих на Государственную оборону.

Кроме того, заинтересованные министры (Военный, Путей сообщения, Торговли и промышленности) были собраны под председательством

ген. Гурко, чтобы найти средства для преодоления острого кризиса перевозок.

Данные о производстве снарядов и взрывчатых веществ, о перевозке снарядов и т. д. могут быть вам сообщены Министром вооружений, которому полк. Ремон представил все нужные сведения.

Но эти предвидения остаются проблематичными, производство индустрии становится все более шатким из-за расстройства транспорта.

Несмотря на общее положение, этот кризис не отразился еще на работе заводов, организованных Французской миссией, которые мне удалось посетить в Москве. Все эти заводы работают полным ходом.

Результаты, достигнутые этой миссией приводятся в приложении IV к данному рапорту. (В полученных нами материалах все приложения отсутствуют. Ред. «В.-И. В.»).

Считаю своим долгом выразить Вам, насколько они мне показались важными, и воздать еще раз должное офицерам, которые уже два года посвещают все свои силы этой важной работе, несмотря на все препятствия и затруднения всех видов, которые долго мешали их деятельности.

(Окончание рапорта, касающееся Румынского вопроса и роли Французской миссии в России, в следующем номере).

Козеницкая переправа и бои за нее с 26 сентября по 9 октября 1914 года

По поводу четырех строчек в книге ген. Эриха Людендорфа «Мои военные воспоминания 1914-1918»:

«XX-ый Армейский Корпус с одной из своих бригад вступил севернее Ивангорода, у Козениц в бой с противником, переправившимся здесь небольшими силами. Отбросить его, однако, не удалось». (Перевод Марковича, том 1. Изд. «Милан Ауман и Ко», Словения, Югославия, 1921).

❦

Я прочитал эту книгу и указанные выше несколько строк в ней (стр. 82, 8-ая строка сверху) заставили меня отдаться воспоминаниям о пережитых тяжелых и отрадных минутах боевой жизни. Мне захотелось оживить эти сухие строки и показать, что они таят в себе образцы таких подвигов, о которых не следует молчать и что следует лишний раз напомнить названия действовавших доблестных частей в назидание потомству.

Не имею документов, записок, копий приказаний и донесений и прочего материала, чтобы дать более или менее подробное в тактическом смысле описание боя, а без таковых документов легко впасть в ошибки и искажение действительности, так как время и особенно переживание последних лет отразились на памяти и она начала изменять, почему могу только решиться по случайно сохранившимся копиям высочайших телеграмм, приказа командующего IV-ой армией и телеграммы корреспондента газеты «Русское Слово», кратко и в общих чертах воспроизвести обстановку, в которой происходили бои, назвать части в них участвовавшие, соотношение сил обеих сторон и показать результаты, достигнутые доблестью русских войск.

Я уверен, что только описание обстановки, в которой происходили знаменитые Козеницкие бои, даст возможность судит, как блестяще были подготовлены к войне наши войска и каким геройским духом одарен наш народ, ввергнутый ныне внутренними и внешними врагами России в пучину безумия, измены, злодейств и горя.

Я был в это время командиром 2-ой бригады 21-ой пехотной дивизии 3-го Кавказского Армейского корпуса; в состав моей бригады входили полки: 83-ий пехотный Самурский и 84-ый пехотный Ширванский Его Величества. Командиром этой бригады я был до начала войны.

Приступаю к описанию: 26-го сентября (по старому стилю) 1914 года, вследствие полученных из Штаба IV-ой армии распоряжений, командир 3-го Кавказского Армейского корпуса Генерал от Кавалерии Ирманов приказал сформировать небольшой отряд для переброски на левый берег реки Вислы. Отряд был назначен в составе: 1-го, 2-го и 3-го батальонов 84-го пех. Ширванского Е. В. полка (4-ый батальон этого полка был в особой командировке), 4-ой батареи 21-ой Артиллерийский бригады, взвода казаков 3-го Хоперского полка Кубанского Казачьего войска и несколько сапер при офицере 3-го Кавказского Саперного батальона, под общим моим начальством. Отряду была дана задача защитить устройство переправы, то есть переправиться на левый берег р. Вислы, занять соответствующую позицию и держаться на ней пока не будет наведен понтонный мост для перехода на левый берег как 3-го Кавказского Армейского корпуса, так и остальных частей IV-ой армии.

Сведений о неприятеле, находящемся на левом берегу р. Вислы, не было никаких. Распоряжение получено было около 4-х часов дня и к вечеру назначенные части стали сосредоточиваться к месту переправы, близ дер. Павловице, находившейся на нашем (правом) берегу. На левом (германском) берегу находились селения: Козеницы, Самводзе, Вулька Таржинска, Бржезницы и др.

Для переправы были приведены из-под крепости Ивангорода пароходом с потушенными огнями, под прикрытием темноты, баржи. Ночь была бурная, темная, дождливая, дул резкий порывистый ветер.

Еще засветло я указал командиру 84-го пех. Ширванского Е. В. полка и батальонным командирам по карте позицию и отдал соответствующие распоряжения Командиру батареи, Командиру казачьего взвода и Саперному офицеру.

С наступлением темноты переправа началась. Длилась она почти всю ночь, но из батареи успели переправить только два орудия. Никаких хозяйственных повозок и кухонь приказано было не брать, а переправлены были только патронные двуколки и повозки боевого значения. В полнейшей темноте и тишине переправа закончилась благополучно и части направились в назначенные им районы. Баржи отошли на правый берег. Таким образом наш маленький отряд остался во мраке ночи на болотистом не обследованном нашей разведкой неприятельском берегу, отрезанным от непосредственной помощи своих войск рекой Вислой, ширина которой достигала в этом районе 1 1/4 версты.

Переночевав в одной из хат, ближайших к месту переправы, я на рассвете с командиром 84-го пех. Ширванского Е. В. полка и саперным офицером поехал объезжать позицию дабы лично осмотреть, насколько она удобна и какие на ней нужно сделать работы для приведения в возможно лучшее состояние для боя. Но не успели мы объехать расположение одного батальона, как началось наступление германцев, которые стали обсыпать артиллерийскими снарядами все наше расположение как боевым частей на позиции, так и наш тыл до реки Вислы. Начали встречаться раненые и получилось сведение о появлении германской пехоты. Наши два орудия не приняли участия в бою, так как едва они стали на позиции, как единственный офицер был тяжело контужен, а фейерверкеру я приказал не открывать огня, ибо борьба с четырьмя германскими батареями (из которых одна была тяжелая) была совершенно бесполезна. Пехотные наступающие части оказались Гвардейской резервной германской бригадой.

Бой начавшийся с рассветом 27 сентября, продолжался в этом районе на наших позициях непрерывно до 9-го октября, то есть 13 дней. В бой постепенно вводились переправлявшиеся на левый берег части нашего 3-го Кавказского Армейского корпуса, начиная с 83-го пех. Самурского полка моей бригады, непрерывно же подходили все новые германские и австрийские части.

Стремясь отбросить нас в р. Вислу, противник целый день осыпал наше расположение и весь наш район артиллерийскими снарядами, имея отличный набюдательный пункт в сел. Бржезницы на колокольне костела, а с наступлением темноты переходил в наступление, освещая наше расположение ракетами и ведя резервы с музыкой. Дабы не потерять позиции, мы встречали неприятеля, выходя ему на встречу, контратакой, и неизменно отбивали, хотя несли большие потери.

В ночной атаке был тяжело ранен командир 84-го пех. Ширванского Е. В. полка полковник Ачкасов. Когда наши доблестные Ширванцы, отбив германцев, отходили на свои позиции, в темноте его не могли разыскать и полковник Ачкасов был подобран уже германскими санитарами и взят в плен.

За геройское командование полком полковник Ачкасов был представлен мною к награждению орденом Св. Георгия 4-ой степени, каковым был Высочайше и награжден.

Обстановка, в которой пришлось действовать в первый день только одному моему отряду из 3/4 полка и 2-х орудий, затем всей моей бригаде, затем остальным частям 21-ой пех. дивизии и всего 3-го Кавказского Армейского корпуса, а затем уже и XVII Арм. корпусу, охарактеризована в телеграмме, помещенной в газете «Русское Слово», от 25-го октября 1914 г. № 246. Телеграмма эта очень велика, относится и к боям, которые продолжались после 9-го октября при преследовании германо-австрийцев до укреплений Кракова, почему привожу здесь выдержки, касающиеся периода боев с 26-го сентября по 9-ое октября 1914 года.

«Действующая Армия, 24. 10. Сейчас вернулся из Домброва и Келец, где только вчера закончился грандиознейший во всемирной военной истории славный бой, начатый германскими и австрийскими войсками 26-го сентября у Ивангорода. Чувствуешь бессилие дать хоть отдаленное понятие о длившемся почти месяц беспримерном сражении, где наши старые героические полки, одни имена которых заставляют биться сердце, покрыли себя новыми лаврами невероятнейшей из побед, когда-либо одержавшихся человечеством. Никогда еще искусство, высокий дух, отвага, выносливость и самоотвержение не сплетались так в один победный венок. Нельзя придумать таких препятствий, которых природа и осенние стужи не ставили перед нами. Тут вдребезги разбился громадный, хорошо задуманный и поддержанный всеми его силами план Вильгельма. Наши серые богатыри этим железным двигавшимся на нас армиям нанесли смертельный удар...»

«Читайте карту тех мест, где все эти дни шли бои. Казалось, тут ничего не забыто трудного, даже неодолимого. Лучшие армии в мире отступили бы перед этими болотами, открытыми, хоронившемуся в дебрях врагу, подступами, рекой, переправой, которая шла под адским огнем немецких батарей. Но все это мы одолели. Какой ценой, — скажут реляции. Нам надо было во это бы то ни стало зацепиться за переправу, удержаться и развернуться по таким топям и болотным протокам, которые и одному пройти мудрено. К неприятелю в это время подходили новые войска, тогда как наши, не спавшие по шести суток, продолжали казавшийся безнадежным бой в местах, куда нель-

зя было подвезти ни ротных котлов, ни хлеба. Офицеры со слезами на глазах передавали, что солдаты в этом сплошном ужасе хранили такую силу духа, так шли вперед, что их даже нельзя было удержать для необходимого отдыха. Наконец **стальная бригада знаменитого Кавказского Корпуса** (83 и 84 пех. полки) (подчеркнуто автором) заняла и удержалась на валу, возведенном против разливов Вислы. Немцы так обстреляли его (т. е. вал), что он казался весь изрытым их снарядами. Живого места не было на этой Голгофе наших страстотерпцев. Немецкая артиллерия раскинулась от Козениц до Бржезницы, работая по заранее измеренным площадям нашей атаки...» «Через Мозолице на Бржезницу по болотам, где вязли ноги по колени, где из топей невидимые руки, казалось, схватывали и тянули в отвратительную глубь, эти великолепные роты, батальоны и полки шли, неизбежные, как Господня кара, на обвивавшего себя огнем и штыками врага. Жажда победы заслоняла ужас гибели, — по колени, по грудь, по горло в холодной воде, десятки верст за десятками, едва вытягивая ступни из вязкой, расползающейся земли, под сплошным осенним дождем, дивные Кавказцы и наши полки находили силы поднимать, как знамена, песни далекого солнечного края, где впервые родилась и выросла их боевая слава. Герои горных поднебесий и благоуханных долин, они, впервые попав в эти трясины, казались выросшими в них, — так мало они обращали внимания на неодолимые условия страшного боя: шли холодными утренниками, влажными окоченелыми днями, безнадежными, как могила, ночами, — шли, то припадая в воду для минутного отдыха, то снова ощетиниваясь штыками, посылая смерть на встречу смерти. Были немецкие батареи, бежавшие от ужаса при виде этой силы, от зрелища солдат, двигавшихся по горло в воде. Пленные говорят: «Мы сами цепенели перед этими рядами, которых ничем остановить не могли ни мы, ни природа». Принц Иоахим восклицал: «С таким врагом бороться нельзя!» А когда до него долетели отголоски старой вдохновенной песни Кавказцев, он, передают, заплакал, повторяя: «Что же тут можно сделать?..»

Потери, понесенные частями вверенной мне бригады, были очень велики: половина всего состава, если не больше, что вполне естественно и объяснимо, так как тому способствовали: обстановка, описанная в выдержках из телеграммы газеты «Русское Слово», длительность и непрерывность боя в течение 13 суток, не говоря уже о том, что в первый день боя неприятель подавлял мощностью артиллерии (4 батареи, из которых одна тяжелая, против наших двух орудий), а пехотой превышал больше чем вдвое (2 германских Гвардейских полка против 3/4 нашего одного). Точно могу сказать убыль старших начальников в 84-ом пех. Ширванском Е. В. полку: Командир полка тяжело ранен, остался на поле сражения и взят в плен, а все четыре батальонных командира убиты. Убыль ротных командиров и младших офицеров не меньше 1/2 состава. Несколько меньше убыль в 83-м пех. Самурском полку и артиллерии.

Жестоки были потери, зато велики результаты исполнения воинского долга павшими на поле чести чудо-богатырями. Вечная им память и вечная им Слава!

Привожу выдрежку из приказа по войскам IV армии от 4-го февраля 1915 г. за № 431, из которой видно значение и важность удержания Козеницкой переправы:

«III-ий Кавказский Армейский корпус вышел из состава вверенной мне армии. С восхищением вспоминаю боевую работу Славного Корпуса.

Прямо из вагонов пошли Кавказцы в бой под Суходолами; через несколько дней Тарновка, затем стремительный налет на укрепленную Сеняву. Призванные к бою на Западном фронте, Кавказцы в исключительно трудных условиях перешли Вислу и **беспримерными боями в районе Козениц обеспечили переход через эту реку не только корпусов своей армии, но и переход двух соседних армий,** затем преследовали отступающего противника на протяжении 200 верст до укреплений Кракова. Целый месяц Корпус бился сначала на левом, а затем на правом фланге армии перед укрепленными противником Ченстоховскими позициями, наконец два месяца прегражда л своей грудью путь противнику на Пилице...»

Подвиги полков вверенной мне бригады за время боев с 26 сентября по 9-ое октября 1914 г. отмечены нижеследующей высокомилостивой телеграммой Государя Императора — 10-го октября 1914 г.:

«Сердечное спасибо моим дорогим Ширванцам после тринадцатидневного горячего боя с трудным противником в день двадцатишестилетней годовщины моего назначения Шефом полка. Радуюсь несказанно, что упорство врага сломлено доблестью испытанных старых Кавказских полков Ширванцев и Самурцев. Николай».

За бои по преследованию отступающего неприятеля полки бригады отмечены нижеследующей телеграммой Августейшего Верховного Главнокомандующего:

Командующему IV армией

«Сейчас осчастливлен нижеследующей телеграммой Государя Императора: «Передай моим доблестным войскам, что они радуют меня своим геройством, упорством и замечательной выносливостью. Выражаю мою горячую признательность высшим начальникам и сердечное спасибо всем армиям, в особенности 8-ой, а также Апшеронскому, Самурскому и Ширванскому полкам. Николай».

Объявить эту телеграмму немедленно. Уверен, что эта всемилостивейшая оценка Нашего Обожаемого Державного Вождя, побудит доблестные войска на новые богатырские подвиги. Генерал-Адъютант Николай».

Я лично удостоился за этот бой получить Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия

4-ой степени и Георгиевское Оружие, причем в Высочайшей Грамоте на пожалование орденом Св. Георгия значится: «за то, что переправившись 26 сентября 1914 г. у деревни Павловице на левый берег реки Вислы под натиском сильнейшего противника, продвинулись вперед и закрепились и, несмотря на большие потери, отбросили германцев и удержали все нужные для подходящего 17-го Корпуса позиции, которые и были спокойно заняты этим корпусом, что в результате вызвало отступление германцев».

В Высочайшей Грамоте на пожалование Георгиевского Оружия значится: «за то, что с 28 сентября по 7 октября 1914 года в боях под Козенице, командуя двумя полками пехоты, находясь под сильным и действительным огнем противника, вы отразили ряд энергичных атак превосходных сил противника и удержали занимаемую своими войсками позицию».

В заключение привожу выдержки из книги генерала Эриха Людендорфа: «Намерение овладеть линией Вислы, было выполнено, но Варшава и Ивангород остались в неприятельских руках и, кроме того, севернее Ивангорода у Козениц противник также владел одной, хотя и плохой, переправой» (стр. 84, 7 строка сверху).

«Гвардейский резервный корпус взял на себя обложение Ивангорода. Он хотел отбросить стоявшего еще у Козениц на левом берегу неприятеля, для чего располагал еще одной бригадой XI армейского корпуса, которую штаб армии предоставил в его распоряжение. Боя у Козениц я никогда не забуду: четыре бригады были введены в узкую висленскую петлю, обратившуюся под проливным дождем в болотную кашу. Стоящая перед Ивангородом бригада была опрокинута сильной русской вылазкой. Я должен был опасаться удара русских во фланг тем четырем бригадам, которые были так ограничены пространством и в эту ночь не смыкал глаз. На следующее утро положение казалось уже менее острым, но бои у Козениц в болотной каше продолжались, так как русские наступали. **До сих пор, все участвовавшие в них, вспоминают о них с ужасом...**»

Эти выдержки, обрисовывающие обстановку боя в оценке нашего противника, несомненно только подтверждают все вышеизложенное про знаменитый тяжелый, но славный для русского оружия бой с 26 сентября по 9 октября 1914 года под Козеницами, в котором старые доблестные Кавказские полки: 84-й Ширванский Его Величества и 83-й Самурский покрыли свои георгиевские знамена новой славой, приняв на себя всю тяжесть первого натиска превосходных сил врага, до конца выдержали неравный бой и победоносно закончили его совместно с другими геройскими частями доблестной русской Императорской Армии.

Бывший Командир 3-го Кавказского
Армейского Корпуса
Генерал-Лейтенант Иванов
18/31 июля 1924 г. Озали... Карловка

Киев-Севастополь via Германия-Англия

1918 — 1919

Последнюю неделю существования гетманской власти, наша батарея (1-го Отд. Арт. Дивизиона Русского Корпуса) была в резерве и стояла в зданиях Николаевского Артиллерийского Училища в Кадетской Роще. Состав батареи на 95 процентов состоял из офицеров царской армии, большинство которых прошло курс в этом Училище, остальные 5 процентов были юнкера, студенты и т. д. На весь дивизион был только один солдат — старший писарь Дивизиона. Командовал батареей бывший курсовой офицер Константиновского и Николаевского Артиллерийских Училищ Гв. Капитан Л. В. Спекторский.

Уже более недели мы стояли в этом Училище, ожидая, что нас пошлют на поддержку какой-либо части, находившейся в первой линии обороны. Положение с каждым днем ухудшалось и начались разговоры, что удержать Киев не удастся и что мы уйдем на Дон. В последний день обороны мы с утра ждали приказа о выступлении и все было готово к далекому походу. Около 5 вечера в Управление Дивизиона возвратился адъютант, ездивший в Штаб и в Казначество, и сообщил, что в город вступают петлюровцы, что начальство все исчезло, а Гетманский Главкомандующий Ген. Князь Долгоруков издал приказ об окончании обороны, заканчивающийся словами: «Всякий офицер и солдат знает, что ему делать».

Пока казначей раздавал жалованье, адъютант с писарем писали удостоверения личности: «Предъявитель сего мобилизованный канонир или бомбардир...» Когда окончилась выдача удостоверений и жалованья, было совсем темно. Чтобы пройти в город нужно было перейти сначала пустыри подле училища, а затем предместье Шулявку, полную прокоммунистами. Перед теми, кто за ненадобностью оставили дома свои гражданские документы, встал вопрос, — можно ли с удостоверением «канонир» благополучно добраться до города и домой, будучи одет в военную форму и с неподходящей для содлата внешностью. После небольшого обсуждения, большинство решило остаться в Училище, счи-

тая, что, оставаясь большой группой, больше шансов избежать самоуправной расправы. Оставшихся оказалось 52 человека. Узнав о нашем решении, к нам присоединились Командир Дивизиона Подп. П. Н. Мартынов и Командир Батареи Гв. кап. Л. В. Спекторский, которые имели квартиры в здании Училища и без особого риска могли уйти домой. Вечером к нам присоединилось два пехотных офицера, пробиравшихся в город из передовых частей.

Все мы собрались в Управлении Дивизиона и ждали дальнейших событий. Около 7 ч. вечера кап. Спекторский вызвал желающих пойти на конюшню разамуничить лошадей, дать им сена и напоить. В 7 ч. вечера в воротах конюшни появились петлюровцы, которые потребовали сдачи оружия и нас арестовали. Часа через три мы были переведены в помещение дивизиона, где были собраны все остальные.

Здесь кап. Спекторский рассказал нам, как произошло занятие училища петлюровцами. Одновременно с занятием конюшни появились петлюровцы и в батарее. Из их разговоров выяснилось, что на нас вышел 3-й гайдамацкий кош, о котором много говорилось во время суда над убийцей Петлюры. Вскоре показалась группа командиров — атаман Орел, — командир Коша, — и его штаб.

Атаман Орел обратился к задержанным с вопросом, кто здесь старший? Капитан Спекторский вышел вперед и тут произошел краткий диалог: «Якый чин маете?» «Гвардии Капитан». «Яку посаду малы?» «Командир Батареи», «Де ваши гарматы?», «Тут в саду в 10 саженях от дома», «Пидемо и вы мени покажете их» и направился к двери. Свита атамана хотела сопровождать его, но последний остановил их словами «оставайтесь здесь, я один пойду с капитаном».

Когда они отошли саженей 50, атаман остановился и обратился по-русски к кап. Спекторскому со словами: «Господин капитан, разрешите представиться — штаб-ротмистр 9-го Гусарского Киевского Полка» и назвал свою фамилию. Теперь я ее не помню, но это была фамилия одного из старых московских дворянских родов. Далее, до возвращения в помещение, разговор шел на русском языке. Благодаря этому атаману наше сидение вне города закончилось благополучно.

На следующий день утром нам пришлось пройти через суд. Председательствовал на суде сотник Яденко. По всей вероятности псевдоним. У него было два ассистента. Нас по очереди вызывали и на местном языке задавали вопросы — откуда родом, где постоянное местожительство и т. д. Главное нужно было понимать местный язык. Сообразно с ответами Яденко ставил допрашиваемому отметку крестик или вопросительный знак. «Вопросительные знаки» отводились обратно, а «крестики» изолировались в соседней с судом комнате. Главное было знать местный язык. Киевский Присяжный Поверенный поручик Нюренберг получил крестик с сентенцией — «25 рокив живете в Киеве, а не знаете нашей мовы». Всего было отобрано 14 человек вместе с командиром дивизиона подполковником П. Н. Мартыновым.

Мы очень беспокоились об ихней судьбе. Вдруг около 7 часов вечера их привели в помещение нашего караула и оставили там, запретив всякие сношения с нами. Когда караул сменился, мы получили возможность переговариваться и узнали, что, когда «суд» закончился, сот. Яденко спросил одного из присутствующих гайдамаков, запряжена ли повозка и получил ответ «на що?» «А щож лопаты с кладбища мы сами будем нести». Пошли запрягать повозку. Когда повозка была готова, стали выводить осужденных. На площадке лестницы встречает их атаман. «Куды це» был вопрос. «Расстрелювать». «Нема часу — треба иты своим подпомоч, ще гетманцы у Дарныци бьются», приказал атаман и всех «крестиков» отвели в наш караул, где они благополучно просидели до отвода в город.

Три дня мы сидели в училище, не зная, чем это все кончится. Вечером третьего дня нас стали поодиночке выводить во двор. Оказывается, для нашего перевода в город в училище была прислана часть наиболее дисциплинированного в петлюровской армии Черноморского Коша. Когда все вышли во двор, нас повели к воротам под улюлюканье гайдамаков, которых заранее уверили, что нас поведут на Шулявское кладбище для расстрела.

В действительности же, когда мы вышли со двора училища, нас повели в город и около полуночи мы пришли в Педагогический Музей Цесаревича Алексея Николаевича, расположенный в центре города. Музей был переполнен — в нем уже было собрано 1500 офицеров. Для нас освободили отдельную комнату, расположенную в rez-de-chaussée подле вестибюля, в котором находилось два караула — немецкий и украинский.

Через несколько дней были разрешены свидания с родными. Меня навестила сестра, которая рассказала, что немецкий капитан, служивший в штабе немецкого Главнокомандующего и для которого была реквизирована квартира в доме моей тетки, успокоил моих родных. Он сообщил им, что для предупреждения всякого покушения, невдалеке от Музея в одном из соседних дворцов находится дежурная пехотная рота и также бронеавтомобили, которые в случае чего-либо должны были обеспечить нашу безопасность.

Действительно, когда украинцы бросили в Музей бомбу, он моментально был изолирован немцами. Окно комнаты, в которой мы сидели, выходящее в парк, уцелело, но дверь, выходившая в коридор подле вестибюля, открылась. Сразу после взрыва мы услышали немецкие команды и трехэтажную русскую ругань, которой украинский караульный начальник старался привести в порядок своих подчиенннных. Впоследствии стало известно, что это покушение было организовано крайними сепаратистами украинцами с целью во время вызванной им суматохи истребить арестованных. Бы-

строе появление немецких дежурных частей сделало такое нападение невозможным.

В первые же дни сидения украинцы выделили всех полковников и отправили их в Лукьяновскую тюрьму. Постепенно начали освобождаться из Музея те офицеры, родные которых имели какую-нибудь связь с главарями петлюровцев или знали кому дать взятку.

Наконец, в один прекрасный вечер всех оставшихся в Музее, около 450 человек, вывели на улицу и повели к находящемуся по соседству Оперному театру, подле которого было приготовлено около 15 трамвайных вагонов. Нас погрузили в эти вагоны и отвезли на пассажирский вокзал, где уже был приготовлен эшелон теплушек с двумя классными вагонами.

В одном классном вагоне поместился околодок с сестрой милосердия и больными, в другом немецкий и украинский караулы, нас же развели по теплушкам. Рядовые птелюровцы, шатавшиеся по вокзалу, поругивали нас и говорили, что мы дальше поста Волынского, разъезда в 6 верстах от города не поедем. Там нас мол выгрузят и расстреляют, но эти выкрики на нас особенно не действовали. Когда погрузка окончилась и поезд ушел, как впоследствии выяснилось, нас везли на пограничную с Польшей станцию Голобы. Наше путешествие длилось более суток. Все большие станции, во избежание недоразумений, проходили полным ходом. За весь путь были две или три остановки на небольших станциях, где мы могли купить хлеба и сала. Наконец, около 3 часов следующей ночи, мы прибыли на конечную станцию украинских железных дорог «Голобы». На этой станции довольно сильный караул украинского пограничного полка, осмотрев эшелон и узнав, что везут офицеров, удалился, пообещав утром расправиться с нами. По их уходу немецкий комендант поезда прицепил паровоз и увел эшелон на немецкую перевальную станцию, которая была расположена в нескольких верстах по ту сторону границы.

Там нас пересадили в эшелон вагонов IV класса, приспособленный к европейской колее, и немецкий комендант успокоил нас говоря, что нас через Германию повезут в Марсель для отправки в южную добровольческую армию.

Наше путешествие до Берлина тянулось несколько дней. В это время в германской Польше происходило, как нам говорили, восстание кашубов и нам пришлось несколько раз стоят три, четыре часа на небольших станциях пока путь не был свободен.

В первый же день нашего путешествия за границей старшие чины эшелона решили, что для большего нашего удобства и защиты наших интересов нужно сорганизоваться в форме батальона. В составе эшелона находилось несколько подполковников, между которыми начались бесконечные споры о старшинстве. Кандидаты на место командира батальона никак не могли установить, кто из них имеет больше права стать во главе. Этот вопрос неожиданно был разрешен скромным штабс-капитаном, который подойдя к спорящим заявил: «Господа! Вы спорите бесцельно, я старше вас всех, я полковник Лейб-Гвардии Конного полка А. А. Клюки фон Клугенау, вот мои документы». Действительно, полковник Клюки фон Клугенау, когда петлюровцы составляли список сидящих в музее, назвался штабс-капитаном, благодаря чему избежал отправки в тюрьму.

С этого момента наш эшелон принял военную организацию. Он превратился в батальон, состоящий из четырех рот. Штаб батальона состоял из трех офицеров: двух братьев Артамоновых Лейб-Гвардии Конного Полка и лейб-драгуна Энгельгардта.

Мы подъехали к Берлину как раз в дни, когда дивизия Носке ликвидировала в нем коммунистов. Перед прибытием в Берлин немецкий комендант обошел все вагоны и предупредил, чтобы никто не показывался в окнах, так как поезд будет проходить по местам, занятым коммунистами. И действительно, когда поезд шел по берлинской круговой железной дороге, мы видели на некоторых станциях персонал и солдат с красными повязками на рукавах, на других с белыми. В одном месте, где поезд шел по высокой насыпи, мы увидели на одной площади перестрелку красных и белых повязок и перебежки цепей. Как мне потом рассказывали пленные солдаты в Cellelager, наши «земляки» в эти дни ходили в Берлин на заработки. Коммунисты платили пленному стрелку за работу несколько марок в день, пулеметчик же получал вдвое.

Объехав Берлин, мы высадились невдалеке от Шпандау и были отведены в Soldatenlager Doëberitz-Waldow. Это был огромный солдатский лагерь, превращенный, в это время, в этапный лагерь для пленных нижних чинов союзных армий, возвращавшихся на родину. В нем собирались с работ небольшие команды, их одевали, составляли большие эшелоны и отправляли домой. Лагерь состоял из бараков, представлявших собой огромные сараи с двухэтажными нарами. Каждый барак был разделен поперечной стеной на две части. Первые дни нашего пребывания в этом лагере вторую половину нашего барака занимали итальянцы, которых было свыше 500 человек. Они нас сильно изводили, так как уже в 5 часов утра у них начиналось пение. Пело большинство полным голосом и каждый свое. Получалась отличная какофония, которая не давала спать.

В Doëberitz мы пробыли около двух недел, пока в одно прекрасное утро нам не было объявлено, что нас переводят в офицерские лагеря. Действительно, на вокзал был подан железнодорожный состав из вагонов II класса и мы отправились вглубь Германии.

Оказалось, что немцы решили нас перевести в три офицерские лагеря: Klausthal-Zellerfeld, Altenau в горах Гарца и Blenchorst. В первом лагере са-

мом большом были помещены две наши роты — всего около 250 человек, в Altenau и Blenchorst. остальные две — около 200 человек. Было ясно, что поездка через Марсель на юг России более чем проблематична и нам придется провести в Германии неизвестно сколько времени.

Хотя немцы к нам хорошо относились, все же они установили для нас почти такой же режим, как и для военнопленных офицеров, с той только рзаницей, что мы легко получали пропуск в город и шли без сопровождающего. Впоследствии даже выдали постоянное удостоверение — ausweis под условием возвращения в лагерь до полицейского часа.

В один прекрасный день меня вызвали в канцелярию Батальона, где Энгельгардт подает мне предписаниie военного представителя Добровольческой Армии отправиться в распоряжение Английского Военного Агента; приказ последнего о назначении меня в Междусоюзную Комиссию о военно-пленных в Diepholtz, бесплатный билет для проезда в этот город и несколько десятков марок подъемных.

Я был этим очень удивлен и хотел отказаться, но Энгельгардт показал мне бумагу, полученную от военного представителя Добровольческой Армии в Берлине, как мне помнится, ген. Потоцкого, с предписанием представить список офицеров, знающих языки и умеющих держать себя в обществе, для командирования их в распоряжение Английского Военного Агента и сказал: «Полковник Клюки фон Клугенау полагает, что вы, как чиновник царского Министерства Иностранных Дел, вполне удовлетворяете этим требованиям. Отказ же от командировки ставит в неловкое положение не только полковника, но и нашего военного представителя. Вам нужно поехать по назначению, а затем через несколько дней, если захотите, подать рапорт об отчислении для возвращения в батальон».

Мне пришлось согласиться и на следуюший день я отправился по назначению. Diepholtz оказался небольшим городишком, расположенном в торфяниках на полдороге между городами Оснабрюк и Бремен. В километре от него находился небольшой лагерь русских пленных, которые во время войны добывали торф. В нем в это время было около 600 человек. При этом лагере находилась Междусоюзная Комиссия, состоящая из двух английских офицеров, одного русского прапорщика Булычева и трех сержант-майоров. Главой Комиссии, по английской номенклатуре — старшим офицером, — был лейтенант Лемон, кторый не знал ни одного языка, кроме английского, так что мне сразу пришлось превратиться в его адъютанта и переводчика — вести все разговоры не только с русскими, но и с немцами.

Прапорщик Булычев считался лагерным офицером, обязанностью которого было наблюдать, чтобы немцы выдавали на кухню доброкачественные продукты и хлеб и вообще заботиться о лагере и его обитателях.

Официальная задача Комиссии — была проверка положения пленных во время войны; опрос и проверка правильности осуждения остающихся в немецких тюрьмах союзных военнослужащих и т. д. Мне кажется, что были еще какие-то задания, так как после каждой моей поездки по железной дороге меня очень подробно расспрашивали, что я видел по пути. Ездить же мне пришлось много, так как Булычев, избегал отлучаться от лагеря, а нужно было почти каждую неделю побывать в Ганновере по делам Комиссии и сделать также доклад старшему русскому офицеру.

В английской зоне было разбросано 25 таких междусоюзных комиссий. Центральное Управление этих комиссий находилось в г. Ганновере. Ген. Потоцкий устроил в этом Управлении полковника артиллерии Вис. Андр. Богуславского в качестве старшего русскоро офицера и таким образом началфника и руководителя русских офицеров, прикомандированных к Междусоюзным Комиссиям Английской зоны. Полк. Богуславский давал нам все указания, как по вопросам борьбы с пропагандой коммунизма, так и относительно вербовки солдат в белую армию.

В это время по сведениям Союзников в Германии находилось около 3.000 пленных русских офицеров и 300.000 нижних чинов, не успевших, в смутные дни германской революции, самотеком возвратиться в Россию. Все пленные солдаты были сняты с работ и сосредоточены в специальных лагерях. Поговаривали, что Георг V английский взял русских пленных под свое покровительство. Действительно, в 1919 году англичане оказывали большую помощь русским пленным как в продовольствии, так и в исподнем белье и одежде.

Приходится отметить, что в Англии лучше, чем у других союзных дрежав, была организована помощь пленным. Как мне рассказывали офицеры, всякий англичанин, попав в плен, при первой возможности должен был послать в штаб своего полка, остававшийся на мирной стоянке, открытку с сообщением, что он взят в плен и находится в таком-то лагере. Штаб полка немедленно сообщает об этом его родителям или кому было указано с запросом — в состоянии ли они еженедельно посылать своему пленному стандартную посылку, содержащую известное количество мясных и рыбных консервов, галет и печения, сахару, табаку и т. д., добавляя то, чего захочет пленный, в общем около 3-4 кг. Если же родственники были не в состоянии это делать, они были обязаны немедленно сообщить об этом в полк, который поручал заботу об этом пленном специальным благотворительным обществам.

Передача этих посылок была возложена на Международный Красный Крест. Этот способ пересылки был нерегулярен, требовал много времени, почему на каждого англичанина всегда в пути находилось много посылок. Как много посылок не

успело дойти по адресу, можно себе представить, если учесть, что 3.000 пленных и свыше 1.000 интернированных офицеров и около 300.000 солдат получало по посылке в неделю в течение чуть ли не года. Господа офицеры получали посылки на руки. Солдатам же посылки, во избежание продажи продуктов немцам, на руки не выдавались, а шли в общий котел. Посылки вскрывались в лагерном складе английским магазинером сержант-майором (подпрапорщиком) и продукты под нашим надзором выдавались на кухню для приготовления пищи. Табак, галеты и печение, по вскрытии посылок, равномерно распределялись между солдатами. Эти посылки позволили значительно улучшить довольствие солдат, так как немецкий паек военнопленного солдата, с которым мы познакомились в Doëberitz-Waldow, был более чем недостаточен.

Приблизительно каждые две недели приходил транспорт белья, обмундирования и обуви. При известии о его получении барачные старшие опрашивали всех в своих бараках и докладывали лагерному офицеру, указывая и степень нужды. Руководясь этими сведениями, сержант-майор каптенармус раздавал полученное под надзором дежурного русского офицера. При этом особое внимание было обращено на предотвращение черной биржи, ибо первым условием этой помощи было: «ничто не должно попасть в руки немцев».

Порядок службы в Комиссии был точно определен. В 8 часов утра все офицеры как английские, так и русские, должны быть в «месс» — собрании и с приходом Старшего Английского Офицера садились за break-fest — первый завтрак. После завтрака дежурный русский офицер шел наблюдать получение из немецкого лагерного магазина хлеба и других продуктов. Он являлся первой инстанцией разрешения недоразумений приемщиков с немцами. В серьезных случаях он немедленно докладывал Старшему Английскому Офицеру, который и разрешал вопрос.

Свободные же от дежурства русские офицеры занимались тем делом, которое им было поручено. Служба тянулась до 1 часа дня, когда все собирались в Месс для «Lunch» — 2-го завтрака, после которого был перерыв службы до четырехчасового чая. После чая до 7 ч. вечера шли служебные занятия, а затем все снова собирались для обеда. Повара и прислуга в собрании были русские пленные. Вся пища готовилась из консервов, за исключением картофеля, который приобретался у немцев.

Так как по обычаю английской армии принятие пищи является служебным временем, то пропустить какую-нибудь еду без разрешения старшего английского офицера, ни встать раньше из-за стола, было невозможно. В одно прекрасное утро я проспал и явился в Собрание, хотя и вовремя, но не успев побриться. Старший офицер сделал мне замечание и пришлось спешно идти бриться.

В лагаре Diepholtz мне мало приходилось иметь дело с солдатами — это лежало на обязанности лагерного офицера. Во время дежурства для разговоров было мало времени. Правда, несколько раз, по просьбе лагерного офицера, мне приходилось подменять его и вместо него выводить пленных из лагеря на прогулку. Эта прогулка была установлена по соглашению с немецким комендантом. Русский офицер по счету выводил людей из лагеря и по счету их сдавал по возвращении.

Во время этих прогулок все время шла беседа. Так как я не скрывал, что я не пленный, а забран немцами на Украине, они усиленно распрашивали, что делается в России, как обстоит дело с землей и когда наконец их повезут домой. Вероятно наши разговоры произвели на них некоторое впечатление, так как в Страстную Субботу в канцелярию Комиссии явился один из барачных старших — вольноопределяющийся, бывший семинарист, и доложил: «Сегодня Страстная Суббота и ребята желают помолиться вечером, как на заутрене, и просят вас возглавить эту молитву». «Как же я могу это сделать? Я ведь: не священник» был мой ответ. Но он продолжал — «Это ничего не значит. Богослужение, как семинарист, я хорошо знаю и составил порядок общей молитвы, так что можно помолиться без священника, хор уже все разучил и вам придется в момент, который я подскажу, возгласить «Христос Воскресе!» Пришлось согласиться. Действительно, в 11 ч. вечера вольноопределяющийся явился в Собрании и пригласил меня в лагерь. Лагерь уже принял праздничный вид. Все пленные, по мере возможности, привели себя в порядок, приоделись и собрались на плацу, барачные старшие впереди своих бараков, хор сбоку. Вольноопределяющийся был одновременно псаломщиком и регентом хора. Он управлял пением и в промежутках читал соответствующие молитвы. В известный момент по его знаку я трижди возгласил «Христос Воскресе!» и после пения тропаря поздравил их с празником и похристосовался со старшими.

В время моей службы в Diepholtz мне пришлось, сопровождая Старшего Английского Офицера, объездить всю округу, находящуюся между железной дорогой Оснабрюк-Бремен, Северным морем и голландской границей. Здесь во время войны было много небольших солдатских лагерей. Требовалось разузнать, нет ли в немецких тюрьмах арестантов — союзных пленных — и в случае нахождения принять меры к их освобождению.

Приблизительно за две недели до подписи Версальского Мирного Договора Комендант получил известие, что лагеря этого района расформировываются и пленные переводятся в лагеря, расположенные подле польской границы.

Одновременно пришел из Ганновера приказ отправить обратно 15 вагонов посылок, которые мы получили дня за два перед этим. Медлить с выполнением этого приказа было невозможно, так как для перевозки на станцию и погрузки в вагоны требовалась рабочая сила, а немцы в любой момент

могли прислать пустой эшелон для перевозки пленных.

Чтобы получить необходимые для этого вагоны, мне пришлось сопровождать Старшего Английского Офицера на железнодорожную станцию. Начальник станции отказывался подать их раньше, чем через неделю. Угроза англичанина телеграфно пожаловаться Маршалу Фош произвела такой эффект, что вагоны были поданы на следующее утро.

Наша Комиссия была расформирована и я был переведен в Комиссию при Celle-Lager. При отъезде Старший Английский Офицер дал мне небольшой чемодан, наполненный бумагами, который я должен был сдать в Ганноверскую Центральную Комиссию.

Я был немного удивлен маршрутом. До сих пор всякий раз, когда мне нужно было ехать в Ганновер, я получал бесплатный билет 2-го класса по кратчайшему расстоянию через Оснабрюк. Теперь же мне был дан билет 1-го класса через Бремен и Гамбург, причем в Гамбурге нужно было ожидать ганноверский поезд около двух с половиной часов.

В Гамбурге, когда я выходил из вагона, ко мне подходит какой-то штатский и говорит «Здравствуйте Иван Иванович!». Я с удивлением спросил, откуда он меня знает. Тот отвечал, что, увидев русскую форму, он назвал мое имя, как самое распространенное, что он гражданский пленный, студент, теперь работает в Гамбурге, очень соскучился по русскому языку и очень рад возможности поговорить по-русски. Все время ожидания моего поезда он не отходил от меня и когда поезд пришел проводил до моего вагона.

Впоследствии в Англии, когда мы были в Офицерской Школе, мои сотоварищи по Комиссии рассказывали, что всякий раз, когда по службе им приходилось проезжать через Гамбург, их встречал некто в штатском и обращался к ним, как ко мне, по имени и отчеству, хотя бы оно было «Константин Карлович». Чей это был агент, так и осталось неизвестным.

Приехав в Ганновер я сдал порученный мне чемоданчик по назначению и явился к полк. Богуславскому, которому и доложил, что лагерь Diepholtz расформирован, также и Комиссия и что я переведен в Celle-Lager, подле г. Celle, на ж. д. линии Ганновер-Гамбург и что мой поезд идет через два-три часа. В ответ полк. Богуславский приказал мне остаться в Ганновере на два-три дня, а если в Celle Английский Старший Офицер сделает мне замечание, сказать ему, что это полк. Богуславский меня задержал.

На следующий день после полудня я явился в канцелярию полковника, который встретил меня словами: «Хорошо, что пришли. Сегодня же отправляйтесь в Celle-Lager и там передайте от меня старшему русскому офицеру пор. Горожанкину, что все улажено. Русские офицеры ,служащие в междусоюзных комиссиях, приравнены в правах к союзным и в случае возобновления войны покидают Германию вместе с ними в дипломатических поездах».

Позже в Celle-Lager я узнал причину моей задержки в Ганновере. Оказывается, Английский Военный Представитель в Германии Ген. Yvert, учитывая все усиливающее недовольство немцев условиями Версальского Мира и возможность отказа от подписи договора, а следовательно связанного с этим отказом возобновления войны, отдал специальный секретный приказ, в котором было сказано: Все английские воинские чины, состоящие в Германии в различных комиссиях, имеют дипломатический статут и поэтому должны свободно покинуть Германию.

Для англичан, находящихся в английской зоне, такой дипломатический поезд будет приготовлен на вокзале Ганновер, откуда отойдет в 2 ч. пополудни, поэтому:

1) всякий английский военнослужащий, где бы он ни был и из какого бы источника он не узнал об отказе подписать договор, должен прибыть на станцию Ганновер, безразлично какими средствами, до отхода этого поезда;

2) документы категории «А» увичтожить, документы категории «В» взять с собой, категории «С» сдать под расписку на хранение немецкому коменданту;

3) этот приказ ни в коем случае не должен быть известен русским офицерам, которые у нас на службе.

Словом, все русские офицеры, находящиеся в междусоюзных комиссиях, должны остаться в Германии и следовательно возвратиться в лагеря военнопленных, где их положение значительно бы ухудшилось, так как немцы видели бы в них своего рода сотрудников союзников.

В Celle мне рассказали, как русские узнали там об этом приказе. Комиссия при Celle-Lager состояла из 5 английских и 7 русских офицеров. Среди английских офицеров был один русский Лейт. Петерсон, сын Российского Генерального Консула в Гааге, прослуживший всю войну в английской разведке.

Старший Английский офицер подполковник Шотланской Гвардии Мак Грегор, ознакомившись с этим приказом, вызвал в свой кабинет пор. Горожанкина и лейт. Петерсона. Петерсон получил приказание прочесть этот приказ Горожанкину. Когда приказ был прочтен, Мак Грегор задал два вопроса: «Понял ли Горожанкин этот приказ?» и «Понял ли он, что этот приказ ему не сообщали?» Получив утвердительный ответ, Мак Грегор успокоился, а пор. Горожанкин немедленно командировал офицера в Ганновер к полк. Богуславскому с донесением об этом приказе.

На следующий день у полк. Богуславского собралось 21 офицер из 21 комиссии с идентичными донесениями. Словом, только в двух комиссиях секрет был сохранен. Очевидно, английское офицерство нашло этот приказ не джентельменским и постаралось предупредить русских. Полк. Богуслав-

ский в тот же вечер отправился в Берлин к Русскому Военному Представителю с докладом об этом приказе и с просьбой поднять вопрос у Военных Представителей Союзников о приравнении в этом отношении русских офицеров с союзными. Этот вопрос был быстро разрешен и мы, служившие в Английской зоне, должны были покинуть Германию вместе с англичанами.

Прибыв в Celle-Lager и представившись Старшему Английскому Офицеру подполк. Мак Грегор и русскому старшему пор. Горожанкину, я был назначен Начальником 3-го батальона.

Celle-Lager, по сравнению с Diepholtz'ом был огромным — в нем во время войны содержалось 40.000 пленных солдат. Он представлял собой четыре квадрата бараков, расположенных вдоль двух широких пересекающихся крестом улиц. Между воротами лагеря и бараками находился большой плац, на котором можно было свободно выстроить весь лагерь. В каждом квадрате «батальоне» при мне находилось до 2.500 пленных. Так как бараки были рассчитаны на несравненно большее число людей, они имели достаточное жилое пространство. Старший барака, обыкновенно фельдфебель или подпрапорщик, был ответственным за порядок и чистоту барака. Всего в это время в лагере находилось 10.000 пленных. При лагере находился лазарет на 200 коек, небольшая лаборатория и аптека. Лазаретом ведал пленный военный врач 144 Каширского полка д-р Осиновский, при мне были прикомандированы два врача Украинской Гетманской Миссии.

В этом лагере мое положение было иным, пришлось не только нести дежурство по приемке продуктов для лагеря, но и постоянно находится в служебное время в лагере, так как был ответственным за порядок, чистоту и санитарное состояние своего батальона. Поэтому общение с солдатами было более широкое. Они знали от вестовых, что я недавно в Германии и постоянно завязывали разговор о том, что происходит в России. В этих разговорах нам приходилось быть очень осторожными, так как они кое-что слыхали от немцев о гражданской войне, кроме того как в Diepholtz, так и в Celle-Lager находилось несколько прокоммунистов, которые при каждом удобном случае проводили известную агитацию. В массе же пленные полагали, что это простой народ борется с господами. Поэтому к словам офицеров они относились очень недоверчиво и всеми способами старались выяснить истинное положение и цели борющихся сторон и в особенности интересовались вопросом о землице. Наше положение во всех этих разговорах было довольно затруднительно. Английское начальство строго запрещало всякую политическую пропаганду среди пленных и с этим запрещением приходилось считаться. С другой стороны, русское начальство нам твердило — набирайте солдат для армии.

Наши разговоры с солдатами выяснили, что громадное большинство солдатской массы только и думает, как быстрее возвратиться домой, чтобы не опоздать на раздел помещичьей земли. Кроме того, нам приходилось опасаться, что люди могут додуматься до того, что будут записываться в белую армию только, чтобы возвратившись в Россию перейти к красным.

Все эти соображения побуждали нас действовать очень осторожно и стараться заранее хорошо изучить всякого возможного кандидата. Только тогда, когда создавалась полная уверенность в его искренности, Старший Русский офицер заносил его в список добровольцев и, когда их набиралось известное число, доносил Русскому Военному Представителю, которым присылался из Берлина офицер для сопровождения партии добровольцев по назначению. По приезде этого офицера, все записавшиеся поздно вечером вызывались из бараков, переводились в малый карантинный лагерь, где утром получали от англичан белье, обмундирование и сухое продовольствие на несколько дней и отправлялись по назначению.

Как мы не старались проверять этих добровольцев, все же не было полной уверенности в их искренности.

За все время работы комиссии в Celle-Lager из него нами было отправлено всего только 300 добровольцев, то-есть менее 3 процентов состава. Некоторые из них происходили из богатых крестьянских семейств, как мой вестовой, отец которого имел 150 десятин земли в Балтском уезде Херсонской губернии и держал в Одессе две извозчичьи биржи. Он долго распрашивал, что и как происходит в России, прежде чем попросил послать его в белую армию. Но среди отправляемых попадались и такие, которые мало были заинтересованы в победе белых.

Служить в Celle-Lager было несравненно труднее, чем в г. Diepholtz. Справиться с массой солдат, не имея дисциплинарной власти, было очень трудно, тем более, что самый незначительный предлог мог вызвать серьезные волнения. Так, в солдатский лагерь « Soltau », где находилось 10.000 солдат, кто-то из английских интендентских офицеров отправил 15 вагонов куриных консервов и сардинок. Дней через десять в лагере началось серьезное волнение с претензией: «Все курица да куруца, срединки да срединки, а мяса не дають».

Однажды в Celle-Lager, я около полудня возвратился из командировки в Ганновер и, несмотря на служебное время, нашел всех русских офицеров в собрании. Меня предупреждают, что накануне пленные взбунтовались и что никто из русских офицеров сегодня в лагерь не входил. Иду в канцелярию дать отчет о командировке Старшему Английскому Офицеру. Оказывается, он, несмотря на волнение, пошел внутрь лагеря. Мое положение пиковое — не пойти в лагерь, как в этом случае должен был нормально сделать, это показать, что трусишь и в результате потерять лицо перед англичанами. Я решил рискнуть. Вошел в лагерь и благополучно дошел до своего батальона, где спросил

встречного солдата, не видел ли он Старшего Английского Офицера. Получив невежливый ответ, я его подтянул и тем заставил вежливо повторить ответ.

Прошло около трех месяцев моей службы в Celle-Lager, как мы узнали от немецкого коменданта, что Военное Министерство решило росформировать Celle-Lager и перевести пленных в Soltau. Когда в конце недели я был с очередным докладом у полк. Богуславского, я ему об этом доложил. Последний мне предложил по расформировании Celle-Lager поехать на подобную службу в Восточную Пруссию, но, ввиду того что от этого назначения я решительно отказывался, было решено, что меня командируют в английскую офицерскую школу для прохождения курса и дальнейшей отправки в Добровольческую Армию. За несколько дней до расформирования Celle-Lager я получил от полк. Богуславского предписание явиться к первому сентября в офицерский лагерь Гельмштедт, который был сборным пунктом партий офицеров, отправляемых в Офицерскую Школу в Англии.

К указанному дню я прибыл в Гельмштедт, где пришлось прожить около недели пока собралась вся партия. Она состояла почти из 60 человек. Большинство из них провело в плену много лет, так как были взяты в Армии ген. Самсонова или в Новогеоргиевске. Все они служили в Междусоюзных Комиссиях Английской Зоны и были освобождены от службы, так как немцы переводили пленных на север Германии.

Когда все были в сборе, старший партии ген. штаба подполк. Клеменс получил все необходимые документы и мы отправились в Ганновер, где вступили в распоряжение английских военных властей. Английский военный комендант станции прицепил наш вагон к первому поезду, идущему в Кельн, где мы должны были пересесть в прямой английский военный поезд, идущий в Лондон. На вокзале г. Кельн нас встретил комендантский офицер, который, предупредив, что нам вследствие железнодорожной забастовки в Англии придется провести в Кельне несколько дней, разместил нас в гостинице «Кронпринц» на вокзальной площади и зачислил на довольствие в офицерском Собрании на вокзале.

Мы провели в Кельне около двух недель, осмотрели все достопримечательности города, побывали во всех театрах. Наконец в одно прекрасное утро дежурный комендантский офицер объявил, что забастовка окончилась и что военный поезд в Лондон уходит в этот же вечер.

Действительно, после обеда нам выдали по четыре с половиной фунта месячного жалованья, посадили в поезд и мы отправились в дальнейшее путешествие. По пути поезд останавливался только в Аахене и Брюсселе и ранним утром прибыл в Булонь. В Булони поезд перевели на «ферибот», который и перевез нас в Дувр. При подходе к Дувру мы были поражены заграждениями входа в порт для защиты от подводных лодок. Эти заграждения, сделанные из толстых бревен, оставляли свободным только узкий проход, который легко можно было совершенно закрыть.

Поезд покинул «ферибот» и через два часа пришел в военную часть большого Лондонского вокзала, если не ошибаюсь, «Ватерлоо», где для всех приехавших был сервирован утренний завтрак.

После этого завтрака мы были отправлены в Нью Маркет, город в 150 кл. от Лондона, где находилась Офицерская Школа. В этой Школе английские офицеры военного времени, пожелавшие остаться в армии, проходили дополнительный курс военных знаний. Нужно отметить, что в Англии все производства в чины во время войны имели прибавку слова «временный».

Поэтому при перехода армии на мирное положение Военное Министерство, руководясь какими-то основаниями, уменьшало на две-три степени чин офицера, пожелавшего остаться в кадре мирного времени. Так, в конце нашего пребывания в Школе инструктор по строю и гимнастике первый лейтенант (поручик) явился на занятия в погонах майора.

Мы начали поздравлять с производством, он же нам объяснил, что кончил войну в чине майора, носил лейтенантские погоны, так как остался в кадре. Теперь он вышел в запас и ему вернули чин майора. Позже мы узнали, что Начальник Школы полк. Томсон по ее закрытии возвратится в Индийскую Армию с чином капитана.

В этой школе русские офицеры, бывшие в Германии и выразившие желание присоединиться к белым армиям, проходили ее курс с добавлением подробного изучения английского оружия. По словам ген. шт. полковника Гаслера таковых было около 2.000 челвек.

В Школе, как и в Междусоюзных Комиссиях, у нас было своего рода двойное подчинение и поэтому двойное начальство: в строю и на занятиях английское, вне занятий и во внутренней жизни — русское.

Нам рассказывали, что летом Начальник школы решил закончить занятия одного выпуска своего рода маневром — сражением двух почти равных по численности частей — роты русской и английской. Вся округа съехалась посмотреть на это зрелище. В решительный момент маневра английская сторона выпустила слезоточивые газы. Английские офицеры, которые командовали русскими, вышли на маневр без газовых масок. Они были принуждены, покинув своих подчиненных, спасаться бегством. Соответствующие русские офицеры вступили в командование и довели маневр до конца. Такой маневр больше не повторялся, так как легкий ветерок понес газы на шоссе, где собралось много зрителей, большей частью приехавших на лошадях. В то время как пешеходы тоже пытались спастись бегством, лошади почуяв газы начали беситься и довели беспорядок и суматоху до крайнего предела.

При нашем прибытии в Нью Маркет мы были встречены русским представителем ген. шт. полк. Гаслером, который представил нас английскому начальству и ввел во внутренний распорядок жизни в школе.

В первые же дни нашего там пребывания нам было выдано все то имущество, которое получали английские юнкера при произвоедстве в офицеры, а именно все строевое обмундирование, коричневые ботинки, белье включительно до маленького несессера с иголками и нитками, полевой бинокль, компас и револьвер. Только длинные брюки пришлось заказать за свой счет. Мы также узнали, что все время пребывания нашего в школе будем получать по четыре с половиной фунта чистого жалования.

От англичан мы отличались только тем, что на фуражке была русская кокарда, а на погонах вместо английских цветов полка, русская национальная ленточка. Это так мало отличало нас от англичан, что, когда я осматривал лондонский «Tower», один капитан подошел ко мне и спросил: какого я полка, говоря, «знаю все отличия полков, а вашего оказывается не знал».

Нас сразу предупредили, что выходить за пределы школы можно только в желтой или коричневой обуви и обязательно с соответствующей палкой.

Сама школа во время войны была военным училищем. Она представляла собой несколько больших зданий барачного типа, в которых помещались: Управление, классы, цейхгаузы, большой танцевальный зал со сценой и большим вестибюлем и офицерский клуб, где внеслужебное время можно было выпить спиртные напитки, начиная от пива и кончая портвейном и виски.

Слушатели же помещались в небольших бараках на 12-14 человек. Два таких барака составляли группу слушателей, которые вместе слушали теорию и проходили практические занятия.

Все занятия велись прикладным методом, причем инструкторы старались в изучение разных вопросов ввести спортивное чувство соревнования. Изложив какой-нибудь вопрос, они делили класс на две группы и заставляли эти группы наперегонки производить указанное упражнение, например, разборку и сборку пулемета с завязанными глазами. Сначала мы к этому методу были равнодушны, а затем увлеклись и быстро научились преодолевать уставное время.

Каждую субботу школа устраивала большой бал, на который приезжало много барышень и молодых дам из города и из окрестностей, приезжал и местный лорд со своими родственниками. Очень часто бывали лондонские гвардейские офицеры, изучавшие русский язык у бар. Мейендорфа, бывшего Товарища Председателя Государственной Думы. Английский офицер, знающий русский язык, получал жалованье, увеличенное на одну треть. Хозяевами этих балов считались по очереди русские и английские офицеры.

Первые субботы нашего пребывания в школе адъютант русского полковника, считавшегося нашим ротным командиром, перед началом бала обходил бараки и принуждал идти в бальный зал, говоря, что полковник требует нашего присутствия.

Наше положение было пиковое. Новых танцев, которые были в моде в Англии, мы не знали, да и не было желания ни заводить знакомства, ни танцевать. Поэтому мы, глядя на танцующих, просиживали истуканами до двух часов ночи. В первую же субботу майор Уелз, хозяин Собрания, подошел к нескольким сидящим с вопросом, почему они не танцуют. Ответ был один и тот же — «не знаем английских танцев». Это же повторилось и в следующую субботу.

В первый же после этой субботы вторник наш адъютант после чтения приказа в школе заявил: «Ввиду того что русские офицеры не знают английских танцев, жена нашего английского Командира роты капитана Кэй любезно предложила обучить нас этим танцам. Уроки будут происходить по понедельникам, средам и пятницам. Начало в 9 ч. вечера» и добавил: «Полковник сказал, чтобы желающих было побольше».

На следующий день адъютант после обеда обошел наши бараки, напоминая, что пора готовиться к уроку. Через четверть часа он снова идет по баракам и, видя, что никто не переодевается, объявляет, что все вновь прибывшие должны явиться в танцевальный зал за пять минут до начала урока. Перед самым уроком он снова обошел бараки и забрал всех тех, кто там оставался.

Г-жа Кей и еще две военные дамы явились точно в указанное время и до половины двенадцатого ночи показывали нам различные танцы. На четвертый и пятый уроки с дамами пришел и хозяин Собрания майор Уелз и все время урока присматривался, кто и как танцует.

На следующий день в субботу снова почти все русские уселись на своих стульях. Как только начались танцы, майор Уелз, занимавший вместе с Начальником школы на сцене место местного лорда и других именитых гостей, спускается в зал, подходит к ближайшему русскому офицеру, обменивается с ним несколькими словами, берет под руку и подводит к даме, оставшейся без кавалера. Это повторяется и с другими сидящими русскими. В результате все предпочли идти танцевать, не ожидая прихода майора.

Вскоре после нашего прибытия в школу была отправлена на Дальний Восток в армию адмирала Колчака — партия офицеров числом около ста человек.

В ноябре мне пришлось сопровождать одного больного капитана, не говорившего по-английски, в большой военный госпиталь в г. Кольчестере. Когда мы подъехали к госпиталю, мы увидели у ворот группу солдат и несколько офицеров с прикрепленные к френчу на груди довольно большими квадратами, на которых была напечатана одна крупная буква. Сдав больного, я спросил у врача,

что обозначают эти квадраты. Оказалось, что во избежание распространения венерической болезни, каждый больной обязан носить такой квадрат с первой буквой его болезни. Квадрат прикрепляется в момент обнаруживания болезни и до полного выздоровления, даже идя в отпуск, он не имеет права его снять.

Рождество мы праздновали два раза. На английское — англичане хозяева приветствовали нас традиционным английским рождественским обедом с огромным растбифом, плюмпудингом и первым тостом за здоровье Короля, который пьется только портвейном. На наше Рождество мы в свою очередь угощали англичан русским меню. Но гвоздем нашего праздника был рождественский бал. Танцевальный зал и вестибюль были совершенно преобразованы. До этого дня они были украшены всякой мишурой в роде цепей из цветной бумаги. Все эти украшения были сняты. Из Шотландии был выписан вагон еловых ветвей, из которых были сделаны гирлянды. Наши художники, а их было несколько человек, получили заказ нарисовать для украшения бальных помещений картины из русской жизни и природы. Было нарисовано около двух десятков картин довольно большого размера, которые и были помещены на стенах зала и вестибюля и окружены как бы рамой еловыми гирляндами. Промежутки между картинами тоже были украшены гирляндами. Эти украшения придали залу иной более строгий вид. Слухи о русских приготовлениях не только проникли в город, но и достигли Лондона. В результате гостей было в два раза больше, чем обыкновенно, а из Лондона приехало довольно много английских офицеров. Они уверяли нас, что наш бал перещеголял лондонские балы.

В декабре, в связи с неудачами армий адмирала Колчака и генерала Деникина, парламентская оппозиция стала сильно нападать на правительство за поддержку белых армий. Левые же газеты особенно подчеркивали наличие русских офицеров в школе г. Нью Маркета. Начальство рекомендовало нам быть осторожными в разговорах с незнакомыми людьми и особенно остерегаться расспросов репортеров.

В январе наши занятия закончились и мы стали ожидать отправки на юг России. Так как день отправки был неизвестен, в последние дни января я взял недельный отпуск для осмотра Лондона. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером на третий день отпуска, возвратившись в гостиницу, я нашел телеграмму с приказанием немедленно возвратиться в школу, так как наша отправка назначена через четыре дня.

Пришлось спешно возвращаться в Нью Маркет, чтобы спокойно собраться в дорогу. В день отъезда выяснилось, что около пятнадцати офицеров исчезли из школы. Обстановка на Юге России складывалась, настолько плохо, что англичане считали дело белых окончательно проигранным. Школьные курсовые офицеры находили нашу отправку бессмысленной и открыто предлагали свою помощь, желающим остаться в Англии.

В день отъезда на вокзал Нью Маркета собралось много горожан. Проводы и прощание были очень трогательные и у многих англичанок показались слезы на глазах, когда перед самым отходом поезда в открытые окна вагонов полились звуки песни «Плачьте красавицы в горных аулах, правьте поминки о нас», смысл которой они знали от своих бальных кавалеров.

Поезд доставил нас в Тильбери, морской порт, расположенный, насколько помнится, в 20 милях от устья Темзы, где мы погрузились на военный транспорт «Фельдмаршал», приспособленный для перевозки войск на далекие расстояния. Этот транспорт шел в Константинополь с военным грузом и небольшим числом офицеров и их семейств, возвращавшихся из отпусков в английский оккупационный корпус в Турции.

Нам было отведено большое помещение на корме, иллюминаторы которого находились невысоко над поверхностью моря. Спать пришлось на морских койках, подвешиваемых каждый вечер на крюки, вделанные в потолок. Ресторан, в котором мы питались, был этажом выше.

Под вечер корабль покинул порт и пошел вниз по Темзе. Спускаясь по реке в Северное море, мы довольно долго любовались массой огней рассеянных по обоим берегам. Как и можно было ожидать в этот сезон, транспорт, выйдя из Ламанша в Атлантический океан, попал в сильную бурю. В течение более чем трех суток корабль немилосердно трепало. Англичане не выходили из свох кают. В кают-компании и на палубе появлялось всего два-три человека. Мы меньше страдали от морской болезни, так как у нас заболело всего три человека.

При приближении к Гибралтару буря прекратилась и мы могли полюбоваться далекими покрытыми снегом вершинами Атласа, сверкающими под лучами солнца. Гибралтар прошли ночью, так что видели только огни на обеих сторонах пролива. Пройдя Гибралтар «Фельдмаршал» направился на Мальту, где и вошел в порт Ла-Валлетты, ее главного города. Этот порт находится в глубине бухты с высокими обрывистыми берегами, совершенном подобии фиорда. Несмотря на начало февраля, было настолько тепло, что мальчишки купались в море. В Ла-Валлетте мы простояли два-три часа пока не сошли приехавшие пассажиры и не выгрузили их вещи. Когда выгрузка закончилась «Фельдмаршал» вышел в море и направился прямо на Константинополь. В Эгейском море на нас налетела буря. Волна была такая, что заливала всю палубу, а брызги летели до середины мачт. Транспорт до полутора суток кружился перед входом в Дарданеллы, так как капитан, опасаясь мин, не рисковал при большой волне войти в пролив.

В Константинополе нас перевели на пароход Лиги Наций «Барон Бек», шедший в Севастополь и

Новороссийск и на следующее утро мы пришли в Севастополь.

Вскорости на пароход прибыл офицер Комендантского Управления, который передал приказ коменданта: все прибывшие, кроме уроженцев Кавказа, должны высадиться в Севастополе. Офицеры, приехавшие из Англии, должны немедленно отправиться в распоряжение Командира 3-го Арм. Корпуса ген. Слащева.

Поэтому всех нас перевезли непосредственно на железнодорожную станцию Севастополь и мы должны были отправиться с первым же поездом в г. Джанкой, где стоял Штаб Третьего Армейского Корпуса Добровольческой Армии. Так закончилось наше более чем годовое путешествие из Киева в Севастополь через Германию и Англию.

И. И. Бобарыков

Документы:

MINISTERE DE LA GUERRE
Mission en RUSSIE

S E C R E T

Paris, le 9 Mars 1917.

R A P P O R T

du Général de Division de CURIERES DE CASTELNAU, Chef de la Mission Militaire en RUSSIE au MINISTRE de la GUERRE — (Cabinet).

Au moment où a été définitivement décidée la réunion de la Conféreice de PETROGRAD à laquelle vous m'avez fait l'honneur me déléguer comme Représentant du Haut Commandement Français, attention des Puissances de l'Entente était tout particulièrement fixée sur les évènements de ROUMANIE.

La défaite de l'Armée Roumaine, le repli des forces Russo-Roumaines vers le SERETH pouvaient être considérés comme la nouvelle manifestation, de la par de l'ennemi, d'une capasité offensive qu'on supposait profondément atteinte par les échecs retentissants subis sur tous les fronts de Mai à Septembre 1916.

Dés lors, il apparaissait comme nécessaire d'examiner, en fonction de cette situation nouvelle, les décisions prises à Chantilly, aussi bien celles qui visaient l'ensemble des opérations prévues pour 1917 que les résolutions intéressant plus spécialement le théâtre Balkanique.

C'est à cette nécessité que répondaient vos directives ecrites du 16 Janvier 1917, et les instructions verbales que vous m'aves données le 17, à la suite de l'accord intervenu entre les Haute Commandements Anglais et Français.

Je me suis inspiré de ces directives et instructions, soit dans les travaux de la Commission Militaire ou stratégique, comme des Délégués Militaires à la Conférence, soit au sein des réunions plénières auxquelles ces Délégués ont été appelés.

Les communications que je vous ai adressées depuis l'ouverture jusqu'à la clôture de la Conférence vous ont rendu compte des solutions adoptées ou des réponses faites aux questions posées.

Comme complément et confirmation de ces communications, j'ai l'honneur de vous adresser ci-joint, avec une copie de mes dépêches (1), le procès-verbal des séances de la Commission Militaire (2).

Pour vous permettre de pénetrer plus aisément le sens des décisions ou solutions adoptées et d'en apprécier plus exactement la portée pratique, je crois utile de vous soumettre quelques considérations sur l'état d'esprit et les tendances, dans leurs rapports avec la guerre, des milieux avec lesquels j'ai été en contact en RUSSIE, miliuex gouvernementaux, politiques ou militaires.

Je me permettrai ensuite de formuler mon avis sur la valeur de l'outil de guerre que constituent actuellement les Armées Russes et sur les résultats qu'on peut attendre de leurs efforts prochains.

Il me paraît encore indispensable de vous exprimer mon sentiment sur la situation de nos Alliés de ROUMANIE.

Enfin, je serai amene à vous proposer quelques modifications de detail au statut et au fonctionnement actuels de nos Missions en RUSSIE.

I

ETAT D'ESPRIT ET TENDANCES DE LA RUSSIE DANS SES RAPPORTS AVEC LA GUERRE

1° — Sentiments de la RUSSIE vis-à-vis de l'ALLEMAGNE

Dans les entretiens que Monsieur le Président de la République et vous-même m'avez fait l'honneur de m'accorder avant mon départ, mon attention avait été appelée sur les aspirations vers une paix séparés avec l'ALLEMAGNE, qui semblaient s'insinuer et se développer plus ou moins discrètement dans l'en-

---

(1) — Annexe I
(2) — Annexe II

tourage de l'Empereur, dans les milieux gouvernementaux et dans le peuple russe. On pouvait craindre que sous ces influences pacifistes, notre grande Alliée d'Orient ne fôt pas disposée à produire au cours de la campagne prochaine le puissant effort que nous considérons comme nécessaire au succès de nos opérations décisives sur le front occidental.

Vous m'aves, en conséquence, invité à combattre énergiquement, s'il y avait lieu, ces funestes tendances.

Si, pour juger de l'état d'esprit de la RUSSIE dans ses rapports avec la guerre, on se borne à observer là société qui se meut dans certains grands centres, tels PETROGRAD et MOSCOU, on est incliné à penser que la grande lutte qui ensanglante le monde, n'occupe pas une place prépendérante dans les préoccupations du peuple russe. Rien n'est changé, semble-t-il dans le cours habituel de la vie, vie de plaisirs ou de labeurs. Sans doute, la guerre gêne tout, elle n'empêche rien, pas même et surtout les violentes agitations de politique intérieure qui se sont récemment manifestées dans un drame sanglant, et que l'on sent gronder dans toutes les âmes, soit sur le front, soit en arrière du front.

Mais ce serait une erreur de croire qu'il existe en RUSSIE, comme en FRANCE ou en ANGLETERRE, une opinion publique capable d'inspirer et de traduire les aspirations et les volontés du peuple russe. Pour connaître les aspirations et les desseins de la RUSSIE, il faut les chercher dans les pensées de l'Empereur, de ses Ministres, et des hommes les plus marquants du Conseil de l'Empire et de la Douma.

Or, des divers entretiens que j'ai eus avec Sa Majesté, notamment au cours du déjeuner intime auquel j'ai été retenu à TSARSKOE SELO, j'ai rapporté la conviction que l'Empereur a la ferme volonté de poursuivre la guerre jusqu'à l'irrémédiable défaite de l'ALLEMAGNE. **Sa Majesté l'Impératrice** s'est affirmée dans les mêmes dispositions d'esprit, surtout vis-à-vis de la PRUSSE ; elle a insisté dans ses conversations sur l'obligation pour les Alliés d'attaquer l'ennemi tous ensemble et le plus tôt possible.

Les mêmes sentiments m'ont été exprimés par les Ministres en exercice, en particulier par le Ministre des Affaires Etrangères qui m'a appelé dans son cabinet et m'y a longuement retenu.

Enfin, j'ai recueilli des déclarations catégoriques dans le même sens, de la bouche de tous les membres du Conseil de l'Empire ou de la Douma que j'ai rencontrés, et en particulier du Président de cette dernière Assemblée, avec lequel, sur sa demande expresse, j'ai eu un intime et long entretien.

Les Membres de la Douma se répandent aisément en critiques acerbes contre le Gouvernement de l'Empereur et l'influence néfaste qu'ils attribuent à l'Impératrice ; ils désirent violemment de profondes réformes dans les lois constitutionnelles de leur pays. Mais tous, à quelque parti qu'ils appartiennent, se déclarent fermement résolus à ajourner jusqu'à l'issue de la guerre, et leurs revendications et la réalisation de leurs desseins.

Les Alliés n'ont pas à redouter, disent-ils, le désordre de mouvements révolutionnaires qui grêveraient les efforts à faire contre l'ennemi commun. Tout sera subordenné en Russie à la nécessité de vaincre.

2° — Insouciance de la RUSSIE sur le terme de la guerre. Caractère des opérations de 1917.

Si la RUSSIE est fermement résolue à poursuivre la guerre jusqu'au bout, elle ne paraît pas arrêter un instant sa pensée sur le terme probable ou possible de la lutte.

Des prévisions de cet ordre répugnent à l'âme rêveuse et imprécise du Slave. Accoutumé aux horisons indéfinis qui s'ouvrent devant ses yeux et aux espaces immenses qui se déploient sous ses pas, le Russe est rebelle à la notion de temps. Cette donnée n'entre à aucun degré dans ses calculs. La guerre finira quand la RUSSIE aura vaincu ses ennemis, et c'est tout !

A côté de ces facteurs d'ordre psychologique, d'autres considérations auxquelles il est maintenant difficile de se soustraire m'ont semblé de nature à influencer les décisions du Haut Commandement, qui, en RUSSIE, se confond avec le Gouvernement du Pays.

Dans mes conversations avec des membres du Conseil de l'Empire et de la Douma, j'ai maintes foie entendu des plaintes sur les lourds sacrifices déjà consentis, et recueilli l'expression de vives inquiétudes sur les holocaustes à prévoir dans l'avenir.

Les critiques se font d'autant plus sévères que les Officiers russe ou les membres des Délégations parlementaires admis à visiter notre front, on ont rapporté des impressions qui se sont bientôt répandues dans les cercles cultivés. C'est ainsi qu'ont été connus l'effort intellectuel accompli dans notre Armée, le développement que nous avons donné à l'outillage industriel dans les travaux de toute sorte, le fini de nos organisations défensives, le soin que le Haut Commandement Français apporte à ménager la vie des hommes, aussi bieu au cours des attaques que pendant les périodes de stagnation.

Par comparaison, sont apparues de graves insuffissances dont souffre l'armée Russe.

De ces constatations sont nées des appréhensions d'autant plus grandes qu'à l'heure actuelle, les très larges dispenses de service militaire accordées jadie ont été rigoureusement réduites, et que désormais toutes les classes de la Société vont avoir à supporter, à des degrés divers, le lourd fardeau de la guerre.

C'est pourquoi je n'ai pas trouvé, a priori, dans l'esprit et le coeur de certaines personnalités le violent désir et le ferme espoir de porter le coup mortel à la puissance allemande au cours de la compagne de 1917.

Des hommes influents, comme le Président de la Douma, voudraient temporiser et n'affronter de nouvelles luttes qu'après s'être ménagé le temps nécessaire pour combler les plus dangereuses lacunes.

Ces mêmes sentiments ont pénétré dans certains milieux militaires. D'aucuns pensent que l'Armée russe n'est pas en état d'entreprendre prochainement sur son front des opérations à allure décisive.

Frappés par l'expérience des offensives engagées en 1916 sur les fronts oriental et occidental de la Coalition, et impressionnes par les lourdes pertes subies, notamment dans le groupe BROUSSILOV (3) ils jugent que les Armées Russes sont encore insuffisamment dotées en outillage mécanique pour rompre l'organisation défensive de l'ennemi sur un large front et déployer ensuite la masse de leurs forces dans une rapide et féconde guerre de mouvement. Ils seraient donc portés à différer le moment des grandes opérations.

C'est pourquoi, sans doute, la première question posée par le Commandement Russe et discutée au sein de la Commission Militaire a été de savoir s'il convenait de donner un caractère décisif aux opérations de la Coalition en 1917.

Je me hâte de dire que le Général GOURKO reconna, avec tous les autres délégués militaires, l'absolue nécessité de ne pas laisser à nos adversaires l'initiative des attaques et de donner nettement aux opérations de 1917 le caractère décisif envisagé lors de la Conférence de CHANTILLY. C'est aussi la ferme intention de l'Empereur.

Le Général GOURKO m'a donné personnellement et a donné publiquement â la Conférence plénière l'assurance que la RUSSIE fera en 1917 l'effort maximum compatible avec les moyens dont elle dispose.

Nous pouvons, je crois, avoir toute confiance que cette résolution, comme toutes autres prises à la Conférence, seront très loyalement tenues par nos Alliés.

Mais, ceci posé, nous devons savoir que le Haut Commandement Russe ne peut pas aller à l'encontre du courant d'opinion dont je viens de parler et qu'il doit, par conséquent, éviter toute opération inconsidérée, couteuse, et vouée d'avance à un échec (4).

Il sera raisonnable, de notre part, de ne pas chercher, le cas échéant, à l'entraîner dans une voie où il ne saurait nous suivre et l'apporter dans nos suggestions une réserve d'autant plus nécessaire que nous n'avons pas toujours une connaissance complète de toutes les contingences locales.

II

VALEUR DE L'ARMEE RUSSE

1° — Situation de l'Armée Russe

L'armée russe comprend actuellement, sur le front d'Europe (groupes N.O., O., S.O. et Roumain) :

150 Divisions d'Infanterie,
40 Divisions de Cavalerie ;

sur le front d'Asie :

15 Divisions d'Infanterie,
8 Divisions de cavalerie.

Elle doit comprendre, au printemps prochain, une soixantains du divisions nouvelles formées, partie par prélèvements sur les divisions déjà existantes désormais réduites à 12 Bataillons, partie par apport d'éléments nouveaux, issus des dépôts. Mais ces divisions ne pourront pas être initialement pourvues d'artillerie ; en attendant, elles constitueront dans les corps d'armée ou les armées une réserve d'infanterie pour relever ou remplacer des divisions fatiguées ou dépensées.

En définitive, le nombre des bataillons s'élèvera à :

2.484 sur les fronts européens ;
220 sur le front du CAUCASE.

2.704 bataillons d'infanterie au total.

Avec l'Artillerie, la Cavalerie, le Génie, etc... l'effectif global des troupes au front sera d'environ 6.000.000 d'hommes ; et il restera dans les dépôts de l'intérieur 4.800.000hommes, en y comprenant la classe 1918.

L'armée russe présente donc une masse de combattants particulièrement imposante, et elle dispose encore de ressource de remplacement considérables, en dépit des pertes qu'elle a subies, pertes relativement très inférieures d'ailleurs à celles des Armées Françaises (5), comme je me suis appliqué à le faire remarquer, soit sur le front, soit en arrière du front.

D'autre part, la situation de l'armement exposée par le Grand Duc SERGE (voir annexe III), fait ressortir combien l'outillage mécanique de l'Armée est peu en rapport avec le nombre et l'effectif de ses grandes unités ; mais tel qu'il sera au printemps, il atteindra un degré de puissance appréciable, puisque, théoriquement, il permettrait d'attaquer les organisations défensives de l'ennemi sur un front de 60 kilomètres environ.

---

(3) — 980.000 hommes.

(4) La dernière offensive de RIGA, dans laquelle les Russes ont perdu 42.000 hommes, tout en n'obtenant qu'un résultat peu important, a causé une réelle émotion dans le monde poiltique.

(5) D'après les renseignements fournis à notre Mission Militaire par le Colonel TICHOBRAZOV, détaché auprès du Général GOURKO, ces pertes s'élèveraient actuellement à 5.200.000 hommes, dont 1.300.000 tués et 745.000 disparus, soit 2.045.000 hommes de pertés définitives.

Si l'on rapproche ce chiffre de celui de la population de l'Empire, et si l'on procède à une comparaison analogue entre le chiffre de nos pertes et celui de notre population, on constate que la RUSSIE a été beaucoup moins éprouvée que la FRANCE. Proportionnellement, nos pertes sont plus de trois fois supérieures à celles de nos Alliés.

2° — **Valeur professionnelle de l'Armée Russe**

La RUSSIE a donc reconstitué ses armées défaites et disloquées par les graves revers qui ont marqué la fin de la campagne de 1915.

Cette grande oeuvre, à laquelle il est équitable de rendre hommage, constitue un éclatant témoignage des énergies déployées par le peuple russe dans la lutte entreprise contre l'ennemi commun.

Mais la guerre actuelle, avec son caractère scientifique, les méthodes qu'elles a créées ou développées, le matériel considérable dont elle nécessite le transport et l'emploi, la préparation minutieuse qu'elle exige en toutes choses ne saurait être conduite à une heureuse issue avec des troupes improvisées. Pour gagner la bataille, il faut pouvoir mettre en oeuvre des armées suffisamment instruites.

Or, nous ne devons pas nous dissimuler que l'Armée russe, absorbée par son oeuvre de reconstitution, est fatalement restée fort loin derrière nous dans la voie du progrès, et qu'elle est encore peu au courant des méthodes et des procédés de combat qu'exige la guerre actuelle. Sous ce rapport, l'impression que j'ai rapportée de ma visite à la II° Armée est très nette, je ne l'ai point cachée, ni au Ministre des Affaires Etrangères, ni au Général GOURKO, ni à l'Empereur.

Lorsque j'ai pris congé de Sa Majesté, le 5/18 Février, je lui ai dit tout le plaisir que j'avais éprouvé à me trouver en contact avec les belles troupes qui m'avaient été présentées, et exprimé mon admiration pour le merveilleux effort que la RUSSIE avait accompli en mettant sur pied une telle Armée. — Toutefois, je lui ai dit aussi, avec toute la discrétion qui s'imposait, que cette oeuvre ne me paraissait point achevée et qu'il restait maintenant à développer l'action du Commandement, le rôle des Etats-Majors. l'instruction des cadres et de la troupe, notamment pour assurer sur le champ de bataille, la liaison intime des armes.

J'ai insisté auprès de Sa Majesté sur l'intérêt que nous avons à mettre en commun le fruit des études et des expériences faites par l'Armée Française, car il constitue un corps de doctrine dont tous les Alliés doivent bénéficier. A titre d'exemple, j'ai indiqué les principes auxquels nous nous sommes arrêtés pour la rupture d'un front fortifié, en ce qui concerne le choix de la zone d'attaque, la préparation par l'artillerie et l'exploitation immédiate du succès.

Je ne doute pas que les Officiers de la Mission Française, et notamment les Officiers supérieurs détachés dans les Groupes d'Armées, dont l'action peut être la plus directe et la plus efficace, ne parviennent, avec le temps, à répandre et à faire admettre de telles idées.

J'ai pu me rendre compte personnellement de l'oeuvre accomplie au Groupe de l'Ouest par le Colonel RAMPONT. Depuis son arrivée, les organisations défensives ont été remaniées, le service des renseignements et le fonctionnement des liaisons établi, des camps d'instruction pour Divisions ont été créés, et l'on est ainsi venu à établir pour les prochaines opérations des dispositions rationnels d'attaque.

Les Colonels CHARDIGNY, PERCHENET et TABOUIS sauront certainement, sous la haute direction du Général JANIN, obtenir dans les autres groupes d'Armées, des résultats analogues ; leur tâche sera, du reste, facilitée par les enseignements que rapporteront du front français les officiers russes qui y seront envoyés en mission.

Cependant, nous devons prévoir que la diffusion de nos idées et de nos méthodes se fera probablement asses lentement, tant en raison des obstacles que rencontre naturellement le progrès, que de la susceptibilité exagérée dont font souvent preuve nos Alliés.

3° — **Résultats à attendre des actions de l'Armée Russe en 1917**

Je n'ignore pas que mon opinion sur les insuffisances de l'Armée Russe semble d'avance infirmée par les succès retendissants qu'ont remportés, l'année dernière, les Armées du Général BROUSSILOV. C'est pourquoi, il me paraît indispensable d'en signaler un des éléments essentiels, sans vouloir l'ailleurs diminuer en rien les hautes vertus militaires de nos veillants Alliés.

Les Armées BROUSSILOV ont attaqué dans un secteur occupé et défendu par des troupes autrichiennes qui comprenaient une proportion appréciable de contingents tchèques. Or, grâce à une propagande aussi intelligente qu'énergique, dont les originés et le but sont bien connus du Département des Affaires Etrangères, les Tchèques ne sont pas fidèles au drapeau autéichien ; lâ, comme ailleurs, ils ont fait défection ; ils ont ainsi facilité singulièrement la rupture d'une organisation fortifiée très solidement etablie, disent les Officiers français qui l'ont examinée, mais mal ou pas défendue.

Les progrès des Armées BROUSSILOV, très rapides au début des offensives, se sont ralentis, dès que l'ennemi a pu mettre en ligne des Divisions hongroises et allemandes appuyées par une masse importante d'artillerie ; ils se sont ensuite définitivement arrêtés, malgré l'héroïque courage des troupes russes qui ont subi dans des combats acharnés des pertes particulièrement élevées.

Dans le même temps les troupes du Général EVERTH (Groupement du Centre) qui attaquaient dans le secteur de BARANOVITCHI, occupé surtout par des troupes allemandes, subissaient un échec complet.

Cet arrêt d'une part, cet échec de l'autre, le Haut Commandement russe les attribue, à juste titre, à l'insuffisance de l'outillage mécanique, particulièrement de l'artillerie lourdre et de l'aviation. Il faut y ajouter, pour être dans l'entière vérité, l'insuffisance de l'instruction des troupes et du Commandement.

Or, pendant l'hiver qui touche à sa fin, l'artillerie lourde et encore moins l'aviation, n'ont pu se développer bien sensiblement. De même, pendant la mau-

vaise saison si rigoureuse eu RUSSIE, il a été difficile de pousser l'instruction tactique des unités. Dès lors, on est en droit de se demander quels résultats on peut attendre des offensives prévues pour le printemps prochain sur le front oriental.

Sans doute, au dire de certaines personnalités, la RUSSIE est un réservoir de forces mystérieuses dont la puissance déjoue, à un moment donné, toutes prévisions, comme le démontrent certaines phases de son histoire. Mais, dans les conceptions de la guerre, seules les données positives doivent intervenir pour la solution des problèmes à résoudre.

Or, l'organisation et l'instruction de l'Armée russe m'apparaissent comme atteignant à peine aujourd'hui l'étiage que l'Armée française franchissait il y a dix-huit mois. C'est pourquoi je persiste à penser que, dans l'ensemble de nos combinaisons, nos Alliés doivent être considérés comme tout à fait capables d'immobiliser la totalité des forces ennemies actuellement disposées sur leur front ; mais, en dépit de leur vaillance, ils ne porront, en 1917, atteindre des résultats plus concluants, et en tous cas, il ne leur sera pas possible de viser la décision de la guerre.

Comme corollaire, la masse russe, suffisamment dotée aujourd'hui de canons de campagne, largement approvisionnée en projectiles, la masse russe, dis-je, n'est plus exposée aux évènements malheureux de 1915. Elle est en état de faire avorter toute nouvelle offensive ennemie, sous réserve, bien entendu, d'user à sa manière du facteur « espace », qui, à des degrés divers, entre toujours dans ses combinaisons.

4° — Coopération japonaise

Les lacunes constatées dans l'organisation de l'Armée russe d'une part, et d'autre part, le grand intérêt qui s'attache, pour la Coalition en général, et pour la FRANCE en particulier, à une rapide issue de la lutte, enfin le souci de répartir entre les Coalisés le charges sanglantes de la guerre, toutes ces données mettaient en un relief plus accentué au cours de la Conférence, les avantages d'une coopération plus active de nos Alliée du JAPON (Voir directives du 16 Janvier).

C'est pourquoi, ainsi que je vous en ai rendu compte par mon télégramme du 21 Février N° 20/C, j'ai énergiquement réclamé cette coopération, soit au sein de la Commission Militaire où il n'a pas été formulé la moindre objection, soit au cours des réunions plénières de la Conférence, où j'ai été soutenu par Monsieur DOUMERGUE.

J'ai notemment insisté pour que le JAPON fût très prochainement pressenti sur l'envoi aux Armées russes de 100 batteries d'artillerie lourde, matériel et personnel.

Des raisons d'ordre politique qui n'ont d'ailleurs jamais été explicitement formulées, ont fait repousser toute résolution nette, visant l'emploi des troupes Nipponnes sur l'un des théâtres actuels d'opérations. La Conférence s'est contentée de formules vagues sans portée pratique.

Hors séance, j'ai repris cette question, soit auprès de Sa Majesté, soit auprès du Général GOURKO, de Ministres de la Guerre et des Affaires Etrangères. Sans qu'il me soit permis de donner aucune précisoin, je crois pouvoir dire qu'elle n'a pas été et qu'elle n'est pas perdue de vue.

Si elle aboutissait à une solution favorable, les capacités offensives de la masse russe prendraient une valeur qui élargirait singulièrement les chances de rapide succès de la Coalition.

5° — Situation économique

La situation militaire est intimement liée, en RUSSIE, comme ailleurs, à la situation économique : or, la situation économique de la RUSSIE ne tardera pas à devenir particulièrement critique, s'il n'est pas apporté un prompt remède à la crise des transports.

Comme la FRANCE, comme l'ANGLETERRE, la RUSSIE subit aujourd'hui le violent contre-coup des nécessités de la guerre, mais ici la durée des parcours, conséquence des longues distances, les habitudes du pays, les défauts et les vices d'une Administration étroite ont compartimentée contribuent à rendre le mal particulièrement grave.

Aussi l'activité industrielle est-elle déjà considérablement réduite par le manque de métal et de charbon. Certaines usines reçoivent leur combustible au jour le jour ; c'est ce que j'ai constaté à MOSCOU ; d'autres ont dû diminuer leur production ; à PETROGRAD, l'usine PARVIANEN du groupe SCHNEIDER POUTILOFF a les 3/4 de ses presses inutilisées ; avec ses 12.000 ouvriers, elle ne fabrique plus que 7.000 obus par jour au lieu de 20.000 (6).

Pourtant le matériel roulant ne fait pas défaut, paraît-il, mais il serait mal utilisé. On m'a cité l'exemple de la Région du DONETZ, où le trafic est inférieur aujourd'hui avec 40.000 wagons à ce qu'il était en temps de paix avec 25.000.

Pour remédier à de scandaleux abus et à des habitudes de corruption, de nombreuses Commissions ont été créées pour répartir les unes le charbon, les autres le matériel roulant. Ces Commissions qui dépendent de Ministères différents (Commerce, Transports, Guerre) opèrent indépendamment les unes des autres, et leurs décisions contradictoires ont grandement contribué à créer la situation actuelle.

Dans l'audience de congé que m'a accordée l'Empereur, j'ai appelé l'attention de Sa Majesté sur les très graves difficultés auxquelles serait exposée la RUSSIE, si des mesures énergiques n'étaient pas prises à brève échéance, et j'ai, à cette occasion, préconisé la nomination d'un Directeur Général des

(6) Le groupe du Creusot reconnaît aujourd'hui l'erreur qu'il a commise en installant une usine aussi importante à PETROGRAD, où n'arrivaient plus, depuis le début de la guerre, le charbon et le mineral anglais.

Transports ayant autorité sur les Services des Chemins de Fer et sur ceux qui dépendent actuellement des Ministres du Commerce et de l'Industrie.

La veille de mon départ, le Général GOURKO m'a fait connaître que l'adjoint au Ministre des Voies et Communications serait désormais attaché au C.Q.C. où il aurait la charge de coordonner tous les transports intéressant la Défense Nationale. De plus, les Ministres intéressés (Guerre, Transports, Commerce) se sont réunis sous la présidence du Général GOURKO pour aviser aux mesures que comporte la crise suraigue des transports, et doivent poursuivre jusqu'à solution les études entreprises en commun.

Les renseignements relatifs aux fabrications des munitions et d'explosifs, au chargement de projectiles, etc... pourront vous être transmis par M. le Ministre de l'Armement et des Munitions à qui le Colonel REMOND donnera, à ce sujet, toutes indications utiles

Mais ces prévisions restent aléatoires, la production de l'industrie devenant de plus en puls incertaine par suite de la situation critique des transports.

Toutefois, cette crise n'a pas encore eu de répercussions sur le travail des usines organisées par la Mission Française qu'il m'a été possible de visiter à MOSCOU ; elles étaient encore en pleine activité.

Les résultats obtenus par cette Mission sont résumés dans la Note IV annexée au présent rapport.

Je tiens, pour ma part, à vous dire combien ils m'ont paru importants, et à rendre un nouvel hommage aux Officiers qui, depuis deux ans, consacrent si efficacément tous leurs efforts à cette oeuvre si utile, en dépit des obstacles, des difficultés de toutes sortes qu'ont semées longtemps sur leur route, l'inertie, l'ignorance, la méfiance et la susceptibilité des milieux militaires et gouvernementaux de la RUSSIE.

(à suivre)

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СНИМКОВ, СОБРАННЫХ ГЕН. С. П. АНДОЛЕНКО

Армейская пехота: Барабанщик Арм. Пехотного полка и унтер-офицеры: Арм. Гренадерских полков, Арм. Пехотных полков, Арм. Пехотн. Отдельного Кавказского Корпуса и Арм. Стрелковых батальонов 1856-1857 гг.
Род войск, название чинов младшего командного состава из солдат и время ношения этого обмундирования любезно определены В. В. Звегинцовым (Сентябрь 1974 г.)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 44

Ноябрь 1974 год

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления 2
Некоторые памятные даты в 1975 году 2
Устав о воинской повинности 1874 года. (По поводу 100-летия) — **Л. О. Бек-Софиев** 3
Музейные снимки обмундирования. снаряжения и вооружения Русской армии в 1856-1857 гг. 9
Из воспоминаний о Японской войне — **ген. П. Н. Шатилов** 10
Рубка — **С. С. Булацель** 13
Ночной переход — **В. Е. Скальский** 15
Генерал Назарбеков. (Из бумаг ген. С. П. Андоленко) — **Боевой (А. Ч.)** 16
15-ый Бронеавтомобильный взвод в боях под г. Луцком в 1916 году — **А. Л. Волков** 19
Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года. (Отрывок из «Краткой истории Новоархангельского уланского полка») — **Кн. Н. В. Голицын** 21
Рапорт Начальника Военной миссии в России генерала де Кастельно (март 1917 г.). Перевод. (Окончание) 23
Документы: Rapport du Général de Division de Curieres de Castelnau, Chef de la Mission Militaire en Russie (1917). Suite 26
Содержание журналов Кружка и Общества Любителей Русской Военной Старины 29

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.
28-й год издания Кружка и Общества Любителей Русской Военной Старины.
Издается на правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **И. И. Бобарыкова** и **Л. О. Бек-Софиева.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Членские взносы (минимум 10 фр. фр.), плату за подписку (20 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд направлять Вере Аркадьевне Щитковой:

- банковским чеком на имя Madame Stchitkoff;
- почтовым переводом: Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire, 92600 - Asnières. France. **В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитает из получаемой суммы:**
- переводом на: Compte Chèques Postaux, № 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8. Цена номера 6 фр. фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Сообщается, что все медали Общества распроданы. Лицам, интересующимся приобретением наших медалей, рекомендуем обращаться непосредственно в Управление Монетного Двора — **Hôtel des Monnaies et des Médailles, Quai de Conti, Paris 6, или Galerie d'exposition et de vente des médailles, 10, rue du 4-Septembre, Paris 2.**

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 Paris.

По делам редакции Льву Оскаровичу Бек-Софиеву: M. Beck Sophieff, 18, rue des Ecoles. 92700 Colombes. France.

Заказы на старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

Общество Р.Р.В.С. издало сборник «Сто крат священ союз меча и лиры». В нем представлено, большей частью избранными четверостишиями, более 600 од, поэм, песен и стихов, посвященных России, ее Царям и полководцам, командирам, военным училищам, кадетским корпусам, солдатам, полкам, войнам, походам и боям. Цель его запечатлеть душу русской армии, такой какой она была «От Петра до Николая».

Цена 15 фр. фр. (с пересылкой). Заказы с приложением стоимости посылать по адресу: Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire. 92600 Asnières. France.

В связи с увеличением стоимости бумаги, типографских работ и почтовых пересылок цена настоящего номера 10 фр. фр.

Некоторые памятные даты в 1975 году

275 ЛЕТ — 1700 год, заключение Царем Петром I-ым мира с Турцией и начало Северной войны (1700-1721 гг.).

275 ЛЕТ. — 22 августа 1700 года Преображенский и Семеновский полки выступили из Москвы в поход под Нарву. С 24-го августа 1850 года, по воле Императора Николая I-го, день 22-го августа 1700 года стал официальной датой учреждения Российской лейб-гвардии.

250 ЛЕТ. — 28 января 1725 года в Санкт-Петербурге скончался Император Петр I-ый.

250 ЛЕТ. — Выждав кончину Императора Петра I-го, Меншиков, Толстой и Бутурлин, вместе с гвардейскими офицерами, провозгласили жену Императора Петра Екатерину — Императрицей. Впервые, в 1725 году, на Российском престоле воцарилась женщина. Сторонники Екатерины воспользовались законом, изданным Петром, за три года до своей кончины, о праве царствующего государя назначать себе преемника по своему усмотрению.

150 ЛЕТ. — 19 ноября 1825 года в Таганроге скончался Император Александр I-ый. Начало царствования Императора Николая I-го (1825-1855).

150 ЛЕТ. — Начало сорокалетней войны на Северном Кавказе (1825-1864).

150 ЛЕТ. — Основание в 1825 году Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

100 ЛЕТ. — В апреле исполняется 100 лет со дня рождения Е.И.В. Великой Княгини Ксении Александровны. В бытность Ее в эмиграции Великая Княгиня состояла Августейшей Покровительницей Союза Преображенцев, Объединения Офицеров Гвардейского Экипажа и Союза Российских Императорских Кадетских Корпусов.

75 ЛЕТ. — Основание в 1900 году Сумского и Владикавказского кадетских корпусов.

УСТАВ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ 1874 ГОДА

(ПО ПОВОДУ 100-ЛЕТИЯ)

В этом году, 1-го января, исполнилось сто лет со дня установления в России одного из важнейших законодательных актов царствования Императора Александра II-го — Устава о всеобщей воинской повинности. Чем было вызвано возникновение этой идеи и необходимость ее практического осуществления для России? Это было сделано не только из-за государственных гуманитарных и справедливых соображений, но и в интересах армии.

Лучшей проверкой нужной боеспособности войск является боевая тактика войны, которая пополняет недочеты обучения, вооружения, комплектования и воспитания армии мирного времени. Войны второй половины XVIII-го века до 1815 года дали возможность выделиться начальникам с крупными военными дарованиями. Корпус русских офицеров не уступал офицерскому составу ни одной из европейской армии. Нижние чины, служившие в строю свыше 20 лет, были превосходны. Дух войск был отличный. Упорство в бою русских приобрело всемирную славу. Однако считается, что уже во время войны с турками 1806-1812 гг., Отечественной — 1812 года, заграничных походов 1813-1815 гг., а также Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. наши силы все время находились в большом некомплекте и только сознание нравственного превосходства наших войск над противником, самостоятельность и предприимчивость начальников, храбрость и выносливость офицеров и нижних чинов помогали выигрывать кампании. Эти походы ясно показали несовершенство системы укомплектования войск, то есть недостаток рекрутской системы. При длительных сроках службы армия имела в своем составе больше солдат старших возрастов, чем молодых. Опытность старого «служаки» не заменяла некоторых качеств, которыми обладали молодые: выносливости, подвижности и т. п.

Кроме этого, при рекрутской системе существовали многочисленные изъятия в несении солдатской службы. От военной обязанности освобождалось до 20 процентов мужского населения страны. Изъятия и льготы были по сословному, территориальному, национальному и служебному признакам. В середине XIX века число лиц, освобожденных от воинской повинности, составляло от 5 до 6 миллионов человек. Поэтому вся тяжесть рекрутской солдатской повинности по своей численности падала на податные сословия. А возможность по закону откупаться деньгами от службы, позволяла пользоваться этим и наиболее зажиточным людям податных сословий. Выходило, что воинскую повинность выполняло только 3/4 всего мужского населения и притом самой беднейшей его части. К этому надо прибавить, что эта часть населения была наиболее отсталой в культурном отношении и представляла для армии большие затруднения при выработке из нее хороших солдат. Мало того, общинный принцип повинности позволял этим группам населения «сдавать» в рекруты беспокойные и наиболее ненадежные в нравственном отношении личности. Это ухудшало качественный состав армии и вынуждало начальство применять против такого элемента, частично озлобленного за не очередную сдачу в солдаты, строгие и суровые меры дисциплины.

Конечно, введенный еще царем Петром I-ым порядок военной повинности (1699 и 1715), представлял большие преимущества для боеспособности русской армии по сравнению с господствовавшей в Западной Европе системой наемничества, так как обеспечивал постоянный хорошо обученный состав армии. Но при таком порядке государство в мирное время должно было содержать многочисленное войско, что сильно отягощало средства страны. Во время же войны для замещения убыли в армии приходилось производить дополнительные наборы, которые пополняли действующие части наскоро обученным контингентом.

В начале XIX-го века наборы в армии определялись рекрутским уставом 1810 года. Повторяя основные положения «Генерального учреждения» 1766 г. и сохраняя принцип общинной, а не личной повинности, устав 1810 г. ввел очередной порядок набора рекрутов и определил деление страны на рекрутские участки как основную единицу для раскладки повинностей на население. Полагалось проводить ежегодно по одному набору, но частые войны вынуждали прибегать к двум и более наборам и увеличивать норму поставки рекрутов, как было в 1805 г. в связи с начавшейся войной с Францией. Война с Турцией и вторая война с Францией в 1806-1807 гг. вызвали чрезвычайную меру по созыву ополчения.

После заключения Тильзитского мира Император Александр I, зная, что это временная передышка, проводит реформы в армии и подготовляет ее к тяжелым испытаниям. Начальник всей русской артиллерии гр. Аракчеев в январе 1808 года назначается военным министром и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. В 1808-1811 гг. им учреждаются учебные батальоны для обеспечения армии знающими дело унтер-офицерами и фейерверкерами. В 1809 г. переформировываются все дивизии. В октябре 1811 г. в Государственный совет от Военного министра поступает записка по делу о наборе рекрутов в государстве. В том же году правительству представлялись проекты сокращения срока службы с 25 до 12 лет, но угроза войны помешала их осуществлению. Нужно было проводить

усиленные наборы с увеличением призывного возраста с 35 до 40 лет и приема рекрутов с 18 лет. Вновь учрежденные рекрутские депо для формирования резервных войск дали к началу 1812 года все же 18 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. В 1816 г. в Царстве Польском был введен 16-летний срок службы. В 1817 г. проект барона И. И. Дибича о сокращении службы до 15 лет не был осуществлен. В 1818 г. для гвардии срок сократили на 3 года. В связи с Русско-Турецкой войной 1828-1829 гг. снова был поставлен вопрос о необходимости отказа от рекрутской системы и создания армии, опирающуюся на необходимый контингент обученного запаса.

В 1831 г. специальной комиссией был представлен проект нового рекрутского устава, мало чем отличавшийся от старого с рекрутскими принципами. Расчет по-прежнему производился с 1000 душ. Устав разрешал денежную замену, Не новым было и разрешение выставлять заместителей. Как и прежде, около 20 процентов призывного населения страны, принадлежащего к категории имущих, — купцы, мещане и другие богатые податные сословия, — могли освобождаться от военной повинности.

Увеличить контингент призываемых за счет сокращения срока службы, чтобы создать кадры запаса, затруднялся тем, что рекруты из крепостных крестьян, зачисленные в армию, освобождались от крепостной зависимости. А поэтому нельзя было из крепостных крестьян создать нужного для армии многочисленного обученного кадра. Государству приходилось содержать большую постоянную регулярную армию. В случае же войны правительство прибегало к неограниченному набору рекрутов и призыву ополчения.

Все же в 1834 году в целях создания обученного резерва был издан закон о сокращении срока действительной службы с 25 до 15-20 лет. В кадровых частях солдаты служили 20 лет, после чего переводились в резервные батальоны на пять лет. В «отпуску» состояли еще пять лет. Эта мера дала к началу Крымской войны накопление обученного запаса на миллионную армию 212.433 человека.

Если такой запас мог пополнить убыль войны 1812 года, когда убитые, раненые, без вести пропавшие и больные составили 200.000 человек, при этом больных было только 90.000, то в Крымскую кампанию убыль выразилась в 340 тысячах, из них больных и пропавших без вести — 220 тысяч. Это не могло не вызвать еще во время войны новой попытки о подготовке резервов путем сокращения сроков действительной службы.

Еще в 1836 г. гр. П. Д. Киселев поставил вопрос о переходе на жеребьевую систему, которая была введена только в 1854 г. Эта система в какой-то мере подготовила реализацию устава 1874 года.

В 1854 году срок действительной службы был определен в 12 лет, после чего солдата увольняли в бессрочный отпуск. В случае войны он первым призывался в армию, а в мирное время проходил только периодические сборы. Этим указанием был создан запас армии из солдат, прошедших длительную военную подготовку. Для учета «бессрочников» в 1864 г. был введен Институт воинских начальников.

❦

Всякая армия приобретает опытность на войне двумя путями: за свой собственный счет или за счет врага. К сожалению, наша армия в Крымскую войну приобрела опытность за свой счет.

Восточная война 1853-1856 гг. показала отсталось нашей армии в вооружении, комплектовании и тактической боевой подготовке, а в политическом отношении дела велись так неудачно, что Россия оказалась без союзников, но имела слишком много явных и тайных врагов. Кроме этого большая часть войск находилась не на турецком фронте, а на Западном. Против Турции были выставлены незначительные силы.

Боевые неудачи и недочеты на фронте еще до окончания войны поставили перед Россией вопрос о преобразовании нашей армии и вновь возбудили мысль о необходимости пересмотреть систему наборов. Стало ясно, что рекрутские способы комплектования армии устарели и служат препятствием в развитии вооруженных сил страны.

4 и 23 июня 1855 года ген. гр. Ф. В. Ридигер (Редигер) представил Императору Александру II две записки о реорганизации армии, подробно изложив мероприятия, необходимые для устранения недостатков. 20 июля была создана особая «Комиссия для улучшения по военной части». В феврале 1856 года в состав Комиссии был введен ген. Д. А. Милютин, у которого было понимание военных нужд, военного будущего и потребности Российской Империи. Он представлял собой сухого, военного академиста, ученого, последовательного человека, с большими видами, с большой систематической программой, весьма последовательной и хорошо разработанной. Ген. Милютин был элементом военного порядка, военной дисциплины, военной системы победоносной Кавказской армии.

В марте 1856 года Милютин, используя и развивая взгляды гр. Киселева, составил записку — «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных». Основной порок Милютин видит в необходимости содержать в мирное время огромную армию, вследствие отсутствия обученных кадров запаса для развертывания ее во время войны. В записке доказывается необходимость сокращения армии в мирное время до минимума и максимальное развертывание ее в случае войны.

В апреле 1856 года на смену кн. В. А. Долгорукову был назначен военным министром ген. И. О. Сухозанет 2-й. Император Александр II-й поставил перед ним следующие задачи: 1) — приведение армии в соответствие с условиями мирного време-

ни, имея при этом в виду всемерное сокращение расходов; 2) — преобразование военных сил, вооружения, устройства и управление ими на новых началах, указанных временем и опытом войны.

При Сухозанете (1856-1861) были упразднены военные поселения и ликвидирован Институт военных кантонистов. Были приняты меры для распространения грамотности в войсках и сформированы учебные батальоны, выпускавшие учителей «искусной стрельбы». Вопросы комплектования армии, вооружения ее, боевой подготовки войск, подготовки офицерского состава еще оставались вне поля зрения Комиссии.

В мае 1861 г. Милютин вступает в управление Военным министерством, а 9 ноября того же года утверждается в должности военного министра.

15 января 1862 года Военный министр представил Императору Александру II работу в форме «Всеподданнейшего доклада». Рассматривая в докладе раздел организации армии и ее комплектование, Милютин пишет: «Ваше Императорское Величество... без сомнения не позволите допустить и мысли, чтобы Империя Ваша могла отказаться от первостепенного значения политического, приобретенного ею тысячелетним существованием Русского государства. При настоящих же условиях положения европейских держав, когда каждая из них имеет весьма значительную постоянную армию и обеспеченные средства к развитию своих военных сил на случай войны, подобное политическое значение России может быть не иначе поддерживаемо, как соразмерною вооруженною силою с теми же основаниями, к правильному развитию ее в военное время, какие для сего приняты в других державах. Следовательно, — заключает Милютин, — самые условия внешней политики указывают в известной мере те пределы, ниже которых нельзя допустить уменьшения военных сил Империи...».

Милютин подчеркивал, что правильная организация резервов есть основание всякой рациональной военной системы. Указывал Военный министр и на внутриполитические обстоятельства, из-за которых, для обеспечения внутреннего спокойствия государства, нельзя было и помышлять о сокращении армии.

В докладе подробно рассматривался вопрос развертывания армии в случае войны. Необходимо подготовить обученный людской запас, равный разности между численностью войск в военное и мирное время, то есть увеличить количество солдат, находившихся в бессрочных и временных отпусках. Милютин считал необходимым увеличить контингент рекрутского набора — установив нормы годового призыва в 4 человека с 1.000 душ, вместо 3 человек. Это дало бы возможность сократить срок действительной службы для солдат, прослуживших 11, 10, 9 и даже 8 лет. В своих «Воспоминаниях» Милютин пишет, что он предполагал идти даже дальше, а именно: в течение ближайших семи лет производить ежегодный набор по 5 человек с 1.000, увольняя во временные отпуска на 7-8-ом году службы. В докладе ставился вопрос и о пересмотре рекрутского устава для согласования его с современными обстоятельствами и новыми условиями крестьянского быта.

Вопрос об обеспечении войск офицерскими кадрами занимал в преобразовательных планах Военного министерства большое место. Милютин предлагал создать резерв из бессрочно-отпускных офицеров, получающих определенное обеспечение в мирное время. Он также считал целесообразным производить в офицеры вахмистров, унтер-офицеров и вольноопределяющихся, последних в более короткий срок, чем это предусматривалось существующим законодательством. Этот контингент мог бы во время развертывания армии обеспечить замещение должностей младших офицеров, в первую очередь в запасных частях. Все программы Военного министерства в области внутренней организации и обучения войск сводились к подготовке армии к войне.

***

В докладе по Военному ведомству 1 января 1863 года основной задачей являлось преобразование всей военной системы, «обременяющей государство большой массой, содержимой в мирное время вооруженной силы и не представляющей соразмерной силы с наступлением войны...». Специальная записка гласила: «Содержа в мирное время на службе до 798.194 чел. регулярных войск, мы, по огромному пространству государства и невозможности ослаблять военное занятие Кавказа, Оренбургского Края и Сибири, а также при необходимости оставлять часть войск в других частях Империи для местной службы, — далеко не можем располагать этой силой для боевых целей, к каким можем быть вынуждены войной».

События 1863 года заставили Военное министерство осуществить ряд мероприятий, предусматривающих рост вооруженных сил. Эти меры наглядно обнаружили все недостатки существовавшей военной системы, отмечавшиеся в докладе Милютина 15 января 1862 года. Поскольку в этом докладе вопросу укомплектования войск уделялось большое внимание, в том же году была создана Особая комиссия по пересмотру старого рекрутского устава 1831 г. под председательством члена Государственного совета Бахтина. В состав этой Комиссии был включен ряд представителей Военного министерства во главе с ген. гр. Гейденом.

Составление нового рекрутского устава зависело от двух вопросов: в какой мере могли быть ограничены многочисленные изъятия и льготы по отбыванию рекрутской повинности и насколько возможно было с отменой крепостного состояния изменить гражданские положения отслужившего свой срок солдата, оторванного с поступлением на службу от первобытного своего состояния. Однако в докладе по Военному министерству 1 января 1865 г. говорилось, что работа Комиссии останавлива-

ется за неразрешением внесенного на рассмотрение Государственного Совета основного вопроса о том, какая часть населения должна быть привлечена к отправлению рекрутской повинности и какие лица и сословия могут подлежать изъятию от таковой.

❦

Одним из отрицательных явлений, связанных с системой рекрутской повинности, являлось «наемничество», то есть право найма лицом, подлежащим призыву, вместо себя другого. Естественно, что эта часть рекрутов, поступавших по найму, являлась малоценным по качеству контингентом, вызывавшим постоянные нарекания со стороны Военного ведомства.

18 июня 1868 года вышел закон, который вместо частного найма вводил «заместителей», то есть таких нижних чинов из числа выслуживших обязательный срок, которые принимались на службу командирами частей с определенным вознаграждением из особого фонда, образуемого из денежных взносов рекрутов за освобождение от службы.

Этот закон не изменил принципов комплектования и Комиссия Бахтина никаких реальных результатов в этом отношении не достигла.

❦

Рост вооружений в ряде европейских государств в конце 60-тых годов дал возможность Военному министерству поставить вопрос о необходимости увеличить обученный людской запас армии. В докладе 1 января 1869 года указывалось на необходимость увеличения штатов армии военного времени. В докладе 1 января 1870 года было сказано: «... будет ли достаточна численность нашей армии даже в полном ее составе по военному времени ввиду тех громадных вооруженных сил, которые образуются из массы вооруженного народа во всех европейских государствах, не исключая даже и Турции?»

В первой половине 1870 года в Военном министерстве была составлена обширная записка — «Данные об изменении вооруженных сил России». В записке автор (по мнению П. А. Зайончковского (1952) авторство, по-видимому, принадлежит ген. Н. Н. Обручеву) указывал на изменение отношений к России со стороны ряда европейских держав и возросшую в связи с этим военную опасность. Сопоставляя вооруженные силы России с состоянием ряда западноевропейских государств, автор приходит к выводу, «что наша армия едва ли может быть признана вполне достаточной для обороны и едва ли еще не менее для наступления...».

В этой записке Военное министерство считало, что привлечение к военной службе всех классов населения — нравственное достоинство армии, общеобязательная личная повинность сохраняет в армии нужные элементы, в том числе и наиболее консервативные, имеющие преобладающее влияние на поддержание государственного духа войск. То есть руководящей идеей в записке служил прежний принцип, что защита Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, а потому воинской повинности подлежит все мужское население без различия сословий и состояний.

В августе 1870 года было «испрошено Высочайшее повеление» возложить на Комиссию по составлению нового рекрутского устава подготовку нового устава о личной всеобщей воинской повинности.

Преодолеть сопротивление кругов, пользующихся по старому уставу традиционными привилегиями и льготами, а также и отношение многочисленных гражданских лиц к армии вообще, было Военному ведомству нелегко. Некоторые из этих лиц, зараженные «модными» в то время учениями (1860-1875), относились к военной службе без уважения и любви, считая ее не почетной, а военных — «дармоедами».

❦

Молниеносный разгром Франции осенью 1870 года произвел большое впечатление на Россию. «Тогда поняли и у нас, — писал Милютин, — как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил».

В ту же осень член Государственного совета гр. П. А. Валуев, вернувшись из-за границы, где он явился свидетелем быстрой мобилизации прусской армии и последующим военных событий, в разговоре с Милютиным высказал ему мысль о необходимости введения у нас всесословной воинской повинности. В записке «Мысли невоенного о наших военных силах» Валуев писал: «Но успехи германского оружия не могут быть исключительно приписаны быстроте вооружения... Значительная часть населения страны проходит через школу военной службы... Военная служба становится одной из форм элементарного народного образования».

Введение всесословной воинской повинности имело, по мнению Валуева, как и Милютина и Обручева, и другие выгоды: — «В школе строевой службы заключаются средства образования более безопасные, чем те, которыми ныне могут пользоваться многие лица средних состояний». 5 октября 1870 года Милютин записку Валуева передал Императору, а через день получил ее обратно со следующей надписью: «Совершенно совпадает и с Твоими и Моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут проводиться в исполнение по мере возможности».

Через месяц, 7 октября, Главный штаб начал делать расчеты по предполагаемому уставу о всеобщей воинской повинности. Уже в первых числах ноября Милютиным был представлен «всеподданнейший доклад», а 4 ноября последовало «Высочайшее повеление», опубликованное на другой день в «Правительственном Вестнике». В повелении ука-

зывалось на создание резервных и запасных войск и о сокращении сроков военной службы, что может быть достигнуто путем привлечения к военной службе всего населения. Военному министру предлагалось составить предложение о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых условий, на все сословия в государстве.

7 ноября 1970 года Милютин представил Императору две обширные записки: «О развитии наших вооруженных сил» и «О главных основаниях личной военной повинности».

В записках указывалось, что для образования из бессрочно-отпускных особый резерв в 500-600 тысяч человек потребуется увеличить ежегодно призываемый контингент до 160.000, что составило бы при существующей системе набора 6 рекрутов с 1.000 ревизских душ. Такое увеличение контингента в рамках действующего рекрутского устава было бы весьма тягостным для податных сословий, в то время как при условии распространения обязательной службы в армии на все народонаселение, это не было бы обременительно. В конце записки излагался «проект основных начал положения о личной военной повинности».

***

17 ноября 1870 г. было опубликовано «Высочайшее повеление» о создании Комиссии по разработке положения о воинской повинности. 10 декабря вопросы о введении всесословной повинности обсуждались на заседании Совета министров. Возражений против основных идей проекта не было, но были внесены некоторые изменения в первоначальные предположения — о «замещении», откупе и сроке действительной службы.

5 января 1871 года Комиссия по составлению нового положения приступила к работе. На ее заседания приглашались представители тех или иных ведомств, а также сословий и отдельных групп населения. При обсуждении вопроса об отбывании воинской повинности евреями приглашались — доктор философии Зейберлинг, проф. Хвольсон и барон Гинзбург. Приглашенные принимали участие в голосовании наряду с членами Комиссии.

В работе Комиссии встретились серьезные затруднения из-за разнообразных предложений ее членов, в том числе политического и финансового порядка. В конце концов Комиссия завершила свою работу и 19 января 1873 года Военный министр сделал соответствующее представление Государственному совету, к которому прилагались проект устава о воинской повинности и положение о государственном ополчении.

Некоторые члены Государственного совета и министры сделали свои замечания к проекту Военного ведомства, а поэтому было решено образовать Особое присутствие о воинской повинности на правах департамента Государственного совета и там провести обсуждение обоих проектов.

Споры были по вопросам о личной и всеобщей повинности, о льготах и о производстве в офицерские чины. Министр просвещения гр. Д. А. Толстой возражал против льгот вольноопределяющимся, поскольку следствием этого могло быть «засорение» офицерского корпуса выходцами из мещан и купцов. Он предлагал уравнять сроки службы для лиц, получивших низшее, среднее и высшее образование. Министр иностранных дел А. М. Горчаков ратовал за постепенное введение всесословной повинности.

Тому и другому Военный министр Милютин ответил последовательными аргументациями национального и военного порядка, заключая, что безотлагательное преобразование системы отправления воинской повинности вызывается соображениями высшей государственной важности. 8 ноября 1873 года Особое присутствие одобрило проекты без существенных поправок.

3 декабря 1873 года началось обсуждение проекта устава в Общем собрании Государственного совета. Утром того же дня Императором был одобрен проект манифеста о введении всесословной воинской повинности. В дневнике Милютина есть запись разговора Императора с ним и Великими Князьями: — «Есть сильная оппозиция новому закону, многие пугаются, видят в нем демократизацию армии». Когда мы стали спрашивать, от кого и на каких основаниях идут такие толки, Государь сказал: — «Вы сами знаете, кто ваши противники, а более всего кричат бабы...». Этот рассказ Военного министра полностью подтверждается и записью в дневнике Вел. Кн. Константина Николаевича — Председателя Особого присутствия.

На первом же заседании Общего собрания Государственного совета граф Толстой опять выступил со своим предложением о льготах по образованию для вольноопределяющихся. Военный министр на этом заседании оказался «защитником народного образования от посягательства на него министра народного просвещения».

Одобрив в целом проект устава, Общее собрание остановилось лишь на обсуждении статей, по которым в Особом присутствии не пришли к единогласному решению — срока действительной службы для вольноопределяющихся первого разряда и об отбывании воинской повинности евреями. Проект положения был одобрен в основном виде, в каком он был составлен Комиссией о воинской повинности.

***

1 января 1874 года новый Устав был утвержден Императором, а также Им подписан специальный по этому поводу манифест.

Проект Устава, как и Закон о всесословной личной воинской повинности, вызвали в прессе обширные отклики. Как пример приведем только некоторые. В «Отечественных записках» автор статьи — «Общая воинская повинность» чрезвычайно

сочувственно отнесся к проекту военной реформы, разработанному Военным министерством: — «Очевидно, что мотивы, побудившие введение новой реформы, — писал автор, — были чисто военного характера. Коренные специально экономические недостатки нашей рекрутской системы устранялись не потому, что они отзывались гибельно на населении, а только в видах нового устройства военных сил».

Берлинская газета «Börsenzeitung» (25 января 1874 г.) указывала, что введение воинской повинности в России может «причинить нам немало бессонных ночей», но нам нечего бояться завоевательных поползновений русских». Английский официоз «The Times» указывал, что в ближайшие 15 лет русская армия в случае войны сможет достигнуть колоссальной цифры в 2 миллиона человек». Французская газета «Le Temps» писала, что установление сокращенного срока действительной службы «позволит России иметь впредь многочисленные обученные резервы, которых ей недоставало при прежней системе долгосрочной службы».

В некоторых русских кругах Устав о всесословной воинской повинности был встречен неодобрительно. Сенатор М. П. Веселовский указывал, что «Устав» оторвет большинство сельского населения от производительного труда и усматривал вред реформы в политическом отношении.

⁂

Каковы были главные основы в Уставе. По новому уставу для отбывания личной военной повинности призывались все молодые люди 20-летнего возраста, не взирая на их сословие. Сокращая срок действительной службы, новый устав позволял России создать массовую армию. Поступление на службу определялось жребием. Призывники, вынувшие номер, означавший зачисление в войска, шли на военную службу, остальные зачислялись в ополчение. Срок службы определялся в 15 лет. Из них действительной — 6 лет и состояние в запасе — 9 лет. Для лиц, несших службу в отдаленных местностях, срок действительной службы определялся в 7 лет и в запасе — 6 лет. Особые сроки были установлены для службы на флоте: 7 лет действительной и 3 года в запасе. Военному и Морскому министерствам предоставлялось право увольнять в запас и до истечения сроков действительной службы. Ополчение составлялось из лиц, способных носить оружие. Предельный возраст для состояния в ополчении был установлен — 40 лет. Устав предусматривал льготы по образованию: 6 месяцев действительной службы и 14,5 лет в запасе для лиц с высшим образованием; соответственно 1,5 года и 13,5 лет для лиц со средним образованием; 3 года и 12 лет для окончивших прогимназии и уездные училища (учебные заведения третьего разряда) и 4 года на действительной и в запасе 11 лет для лиц с начальным образованием. От службы освобождалось духовенство, врачи и преподаватели. Отсрочки предоставлялись для окончания образования и по имущественному положению. Казачье население несло службу на основе общеобязательной воинской повинности с разными сроками службы. Жители Северного Кавказа, Закавказья, Финляндии и наши мусульмане пользовались особыми правилами.

⁂

По новому уставу в период с 1874 г. по 1879 год наборы шли удовлетворительно. Но имел место недобор среди немцев-переселенцев и евреев. Последние, не желая нести военную службу, эмигрировали за границу.

Постоянные недоборы вынудили Военный совет с 1878 г. сократить срок службы в пехоте до 5 лет. В 1880 г. до 4-х лет. Однако в 1881 г. срок службы в пехоте снова был 6 лет, а в специальных войсках — 7 лет. В 1888 году срок службы снова был сокращен на 1 год, но пребывание в запасе увеличено на 3 года. В начале XX века существовало три срока отбывания действительной службы: для пехоты и пешей артиллерии 3 года, для других родов оружия 4 года и для флота 5 лет.

Введение нового Устава позволило быстро создать обученный запас. Если на 1 января 1874 года было в запасе 716 тысч. чел., то в 1881 г. он составил 1.009 тыс. чел., а в 1899 г. — 2.965 тысяч человек.

⁂

Лучшей проверкой всяких военных преобразований является, естественно, война. Преобразованной русской армии пришлось испытать свои физические и нравственные силы гораздо раньше, чем это допускало человеческое предвидение и военные расчеты. Через три года после введения нового Устава Россия вынуждена была двинуть на поле битвы впервые свое преобразованное молодое войско. Несмотря на то, что тяжелое финансовое положение России после Крымской войны не давало возможности нормально проводить военные преобразования, все же эти реформы дали для армии положительный результат. Правда, в течение войны ощущался значительный некомплект офицерского состава, особенно в пехоте. Благодаря призыву из запаса значительного числа унтер-офицеров и производству в это звание отличившихся рядовых, недостатка этого состава на протяжении войны не было. Несмотря на улучшение турецких войск со времени войны 1853-1856 гг. наши войска во всех случаях имели превосходство над противником и хорошо были подготовлены к боевым действиям. Изменение системы боевой подготовки, бесспорно, принесло свои плоды. Мобилизация прошла в относительно короткие сроки. Все призванные были обеспечены обмундированием, снаряжением и вооружением из неприкосновенных запасов, имевшихся в частях войск.

Реформа успела обеспечить комплект офицеров для мирного времени, но не для войны. Еще не было принято мер в деле создания офицеров запаса. Устав 1874 г. не обязывал лиц, имевших образование и поступавших в ряды армии на сокра-

щенные сроки службы, сдавать экзамен на офицерский чин.

«С изменением сроков службы в нашей армии, — писал Пузыревский, — многие задавались вопросом, достаточно ли 4-5-летнее пребывание в рядах войск, чтобы образовать из новобранца солдата, обладающего всеми качествами хорошего воина... Известно, какой решительный ответ дала война на эти вопросы... **). Что же касается призывных запасных нижних чинов, то они мало отличались от состоящих на действительной службе».

***

Действительно, боевые действия на Армянском плоскогорье, на Шипке, зимний переход через Балканы — все это характеризовало не только национальные качества русского солдата, но и известную подготовку его к действиям в этих трудных боевых условиях.

**) «Военный сборник» № 7, 1878 г.

Перемирие приостановило военные действия 19 января 1878 года, а 19 февраля был заключен в гор. Сан-Стефано и самый мир. Этот мир был весьма выгодным и для России и для славянских государств, ради которых и воевала Россия. К России отходили Ардаган, Карс, Батум, Баязет и часть Бессарабии. Сан-Стефанский мир предусматривал признание Турцией полной независимости Сербии, Румынии и Черногории, а также создание фактически независимого от Турции Болгарского княжества.

Выговоренные условия для этих стран по Сан-Стефанскому миру и тем, что было продиктовано, прежде всего Англией и Австро-Венгрией, в Берлинском трактате 1878 г., представляли такую громадную разницу, что правы были те, кто тогда говорили: «Русская дипломатия в противоположность русской армии, оказалась не на высоте своего положения».

Л. О. Бек Софиев

Использованный материал:

А. Е. Пирогов. Русская военная сила. М. 1897. Издание второе. Исправленное и дополненное Ген. Шт. ген.-м. Петровым.

С. С. Татищев. Император Александр II. СПб, 1903.

Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ. СПб, 1907.

А. М. Зайончковский. Восточная война 1853-1856. СПб, 1908.

А. М. Куропаткин. Задачи русской армии. Т. 3. СПб, 1910.

Д. А. Милютин. Дневник 1873-1882. М., 1950.

П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860-1870 в России. МГУ, 1952.

Н. Л. Пашенный. Восточный вопрос (1856-1879). Военно-Исторический Вестник №№ 4-11, 1954-1958. Париж.

А. В. Федоров. Русская армия в 50-70 гг. XIX в. ЛГУ, 1959.

С. Ю. Витте. Воспоминания. М., 1960.

Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. «Наука», 1973.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СНИМКОВ, СОБРАННЫХ ГЕН. С. П. АНДОЛЕНКО

Л.-гв. Пешая Артиллерия: форма 1856-1857 гг. слева: парадная, походная и обыкновенная.

Л.-гв. Саперный батальон: форма 1856-1857 гг. — обыкновенная (без лацкана), парадная и походная в шинели.

Род войск, названия обмундирования и время ношения его любезно определены В. В. Звегинцовым (сентябрь 1974 г.)

Из воспоминаний ген. П. Н. Шатилова

Во время Японской войны при штабе Главнокомандующего генерала Куропаткина был организован разведывательный дивизион, состоящий из двух казачьих сотен Сибирского и Забайкальского казачьих войск. В этот дивизион назначались офицеры, наиболее отличавшиеся в разведке. Я был младшим офицером в одной из сотен.

Однажды командир дивизиона мне сообщил, что у селения Сифонтай под начальством генерала Мищенко формируется конный отряд из нескольких дивизий и что 26 декабря он должен двинуться на юг в обход левого фланга Японской армии. При этом он объявил, что от нашего дивизиона, в распоряжение ген. Мищенко, приказано командировать сборную сотню и что командовать ею буду я.

При организации похода я зашел на коновязь нашей сотни и увидел, что казаки на морозе обливают свою лошадей из ведер холодной водой. Вахмистр мне доложил, что у них в Сибири всегда, с наступлением морозов, окачивают лошадей водой, чтобы они скорее обрастали длинной шерстью.

У нас в коннице обращалось большое внимание на уход за лошадью. Каждый день лошадей убирали и вечером выводили из конюшен на коновязи и усиленно чистили щетками и иногда скребницами, замывали копыта и промывали глаза. Но со дня поступления в Сибирский казачий полк я ни разу не видел казаков, чистящих лошадей. Командиры сотен этого не требовали, так как считали, что и в мирное время на чистку лошадей зря тратится время, а в походе это совершенно излишне.

26 декабря я прибыл с сотней в Сифонтай и явился генералу Мищенко. Он меня принял очень радушно и сообщил, что я с сотней буду сопровождать штаб. Вечером пригласил меня в штабную столовую поужинать. За столом я устроился в конце стола вместе с молодыми офицерами Штаба. Ген. Мищенко сидел в середине с ген. Абрамовым и своим Начальником Штаба, полковником князем Водбольским, бывшим до войны в Академии штаб-офицером, заведующим одним из курсов.

27 декабря мы выступили из Сифонтая тремя колоннами. Правой колонной командовал, вызванный с левого фланга Армии, ген. Самсонов, вступивший в командование сводной дивизией из трех драгунских полков.

Средней колонной командовал ген. Абрамов и левой ген. Телешов.

Всего в отряде Мищенко было 73 эскадрона и сотен и 4 конных батареи. Карты этого района не было, если не считать 10 или 20-верстных листов, на которых были отмечены только крупнейшие пункты. Только в районе Ньючванга мы должны были вступить в район наших замечательных двухверстных карт.

Позади средней колонны шел вьючный обоз и два санитарных отряда. Шли все время шагом. Колонные шли на виду друг от друга, лишь изредка скрываясь за деревьями и перелесками.

Очень скоро правая колонна ген. Самсонова получила приказание переправиться через Ляо-хе у Калымы и следовать по правому берегу этой реки ввиду получения от разъездов и китайцев-лазутчиков данных о нахождении там крупных отрядов хунхузов, находящихся на службе у японцев.

За первый день мы сделали всего 25 верст и заночевали у Давана. Правая колонна на правом берегу Ляо-хе, две остальные на левом.

28 декабря выступили дальше. По пути, после полудня, меня вызвал князь Водбольский и приказал двинуться с сотней в направлении на Ньючванг, чтобы разведать район этого города и его южную окрестность. Наш отряд должен был заночевать у этого пункта.

Ввиду того что Штаб отряда следовал во главе средней колонны, мне было легко отделиться от нее и, следуя рысью, скоро обогнать находящийся во главе авангардный Верхнеудинский полк.

Переправившись по льду через Хун-хе как раз в том месте, где мой разъезд ее обследовал в начале декабря, я встретил Верхнеудинский разъезд, сообщивший мне, что довольно сильный японский отряд отходит в восточном направлении от Хун-хе.

Скоро я действительно увидел около двух рот японцев, быстро приближающихся к селению Сандакан, о чем сейчас же послал донесение генералу Мищенко. Сам я находился южнее этой деревни.

Недалеко от меня двигалась сотня Верхнеудинцев.

Видя отходящую японскую колонну, представляющую для конной атаки выгодную цель, я решил ее атаковать. Японцы сильно растянулись и казались отходящими в беспорядке, кроме того, они находились между подходившей нашей средней колонной и моей сотней.

Подозвав к себе единственного моего офицера хорунжего Орла и взводных урядников, я отдал распоряжение об атаке.

Первый взвод должен был атаковать правее деревни японцев, уже успевших выйти из Сандакана на восток. Два взвода должны были атаковать японцев, проходивших южнее деревни и 4-й взвод во главе с хорунжим Орлом направлялся на хвост японской колонны, еще не достигшей селения.

При отдаче этих распоряжений я видел недалеко от нас казачьего офицера, размахивающего шашкой и кричащего: «Вторая сотня, вторая сотня!» По выговору это был явно иностранец. Он готовился, по-видимому, атаковать со своими казаками ту же цель, которую наметил я.

Отдавши распоряжения, я повел сотню в атаку. До японцев было около полуверсты.

Поле атаки представляло площадь снятого гаоляна с торчащими короткими стеблями, срезанными наискось. Если на такой стебель наступала лошадь копытом, то часто его глубоко ранила. На этот раз они шли большей частью поперек нашего движения, что также сильно мешало скорости скачки.

Это была моя первая конная атака на пехоту. Мне приходилось не раз бросаться с разъездами на разъезды японцев, но на пехоту я еще ни разу в атаку не ходил.

С вынутой шашкой я скакал впереди моих казаков. Хорунжий Орел скакал левее с 4-м взводом. Японцы открыли по нас сильный огонь, но я продолжал скакать вперед, а за мной мои два взвода.

Наблюдая японцев, было видно, что не дошедшие до Сандакана залегли вдоль дороги. На них шел хорунжий Орел. Японцы, вышедшие было из Сандакана и уходившие на восток быстро вернулись в деревню и решили укрыться за глинобитными постройками селения. Таким образом цель первого взвода перестала существовать и он проскочил не встретив японцев. К нему присоединилась большая часть людей 2-го и 3-го взводов.

Левый взвод хорунжего Орла налетел на подошедших к Сандакану японских пехотинцев и порубил их при встрече. Передо мной же оказалась занятая японцами деревня.

Подскакав к ней, я увидел справа от меня Верхнеудинского офицера, также скакавшего к селению. С ним было несколько казаков. Под убийственным огнем японцев я подскакал рядом с ним к Сандакану.

Сандакан, что по-китайски означает «три постройки», имел действительно три двора. Выходы из этих дворов смотрели на юг. Японцы забились все в один из дворов. Два двора были в северной части селения, один в южной. Японцы собрались в правом от меня северном дворе. Я вскочил с 10-12 казаками в южный двор и сейчас же спешился, укрываясь фанзой.

Как и всюду в Манджурии, дворы были обнесены глинобитными стенами в рост человека. Когда я подошел к стене, расположенной около фанзы, скрывавшей наших лошадей, я увидел головы японцев, обстреливающих моих казаков, проскакавших правее деревни. Я тотчас же открыл по японцам огонь.

Отделявшее нас расстояние было не более 20 шагов. Я взял винтовку казака, державшего наших лошадей, и стрелял из нее вместе с моими людьми. Мы стреляли почти в спину японцам, так как они не сразу нас заметили, увлеченные стрельбой по первому взводу. Мы нанесли им тяжелые потери. Вероятно каждый выстрел достигал своей цели, но это продолжалось недолго. Заметив нас, японцы перешли к стенке, обращенной в нашу сторону, и открыли по нас огонь.

У меня скоро было убито два казака. Оба получили ранения в голову.

Я находился правее фанзы моего двора и видел хорошо, что делается в этой стороне. Тут я увидел Забайкальского офицера, лежавшего прислонившись к стенке двора, занятого японцами, видимо, сильно раненого. Он тяжело хрипел. Вытащить его не было никакой возможности. Когда японцы передвинулись к ближайшей к нам стене, нас отделяло не больше 10 шагов. После каждого выстрела и японцы и мы прятались за стену.

В это время к Сандакану подходила средняя колонна, которая открыла сильный артиллерийский огонь по деревне. Для меня возникла опасность от своих снарядов. Я тогда решил, укрывшись по началу от японцев нашей фанзы, выскочить из Сандакана с казаками. Лошади наши, скрытые фанзой, были счастливее нас, ни одна не была ранена.

Мы погрузили убитых и осторожно стали выходить из занятого двора. В это время интенсивность артиллерийского огня все усиливалась. Стало темнеть.

Как только казаки собрались у выхода, я приказал рассыпаться и скакать вправо, чтобы хотя некоторое время быть скрытыми фанзой. Но не проскакавши и 20 шагов, мы были замечены и японцы нас провожали сильным огнем. Два моих казака были ранены. У меня в трех местах был прострелен полушубок и в двух — папаха. Думаю, что моя папаха получила ранения еще в Сандакане при перестрелке с японцами.

Перед тем как покинут селение, я взглянул на Забайкальского офицера. Он уже перестал дышать. Как потом я узнал, это был офицер французской службы. лейтенант Бюртен, с трудом получивший разрешение вступить в ряды Верхнеудинцев. Его товарищи по полку горько оплакивали его безвременную, но славную кончину.

Я нашел своих казаков и хорунжего Орла около Верхнеудинцев и недалеко от Штаба Мищенко.

Явившись князю Водбольскому, я покаялся в своей атаке. Конечно, я погрешил в отношении данной мне задачи. Вместо того, чтобы быть уже около Ньючванга, я оказался около Штаба отряда. Но я обещал к утру дать донесения из порученного мне района.

Водбольский меня пожурил, но Мищенко, выслушав мой доклад, похвалил за смелую атаку, и сказав, что у Ньючванга уже находятся другие разъезды, разрешил мне выступить с разъездом, причем район разведки мне был указан южнее Ньючванга.

Но сам я был совсем не доволен. Я понимал, что не должен был ввязываться в атаку, раз мне дана определенная задача. Встреченных японцев должны были ликвидировать подходящие главные силы средней колонны. За эту атаку я потерял 8 казаков убитыми и 3 ранеными. Только мой левый взвод встретил японцев в поле и уничтожил, вместе с Забайкальцами, до 50 человек.

Между тем артиллерия продолжала стрелять по Сандакану.

Одновременно Мищенко, остановив свой отряд на высоте Сандакана, приказал окружить это селение и атаковать в пешем строю засевшие там японские роты. К 12 часам, при свете зажженных артиллерией фанз, все было закончено. Только нескольким японцам удалось скрыться из Сандакана, но большинство из них было захвачено нами на следующий день. Часть их оказалась переодетыми в китайскую одежду.

На следующий день, 22 декабря, отряд двинулся дальше на юг. Я выступил на полчаса раньше и, переправившись по льду Тайцзыхэ, стал обходить Ньючванг с востока.

Был ясный солнечный день. Днем стало совсем тепло. На севере была видна пыль, поднятая нашими колоннами.

Когда я уже прошел высоту Ньючванга, то обнаружил на дороге к Инкоу около роты японцев. От нас до них было менее версты. Вспомнив вчерашнее, я сначала был готов воздержаться от атаки, но не видя близких деревень, в которых японцы могли бы укрыться и ввиду того, что находился в порученном мне районе, решил не упустить этой цели. Сначала я открыл по ним огонь, чем расстроил их ряды и движение, а потом, скомандовав: «по коням», «шашки вон, пики к бою», повел сотню в карьер.

На этот раз не было ни гаолянового снятого поля, ни защищавших японцев глинобитных стен. Кроме того, японцы шли в явном беспорядке. Открытый ими огонь оказался для нас малодействительным. В атаке была ранена только одна лошадь. При нашем приближении японцы стали разбегаться. Столкновения по существу уже не было, и казаки преследовали убегавших. Кого рубили, — а кого — брали в плен.

Мы захватили двух унтер-офицеров и около десяти солдат. Офицера не нашли ни в числе убитых, ни в числе пленных. Сначала я думал, увидя у одного унтер-офицера офицерскую фуражку, что он и есть офицер, но это было ошибочно. Потом казаки обнаружили раненого нами офицера, спрятавшегося в одном из гробов, находившихся у лавки, которая ими торговала. Одного из унтер-офицеров захватил мой вестовой, за что получил Георгиевский крест.

Отправив пленных в Штаб отряда, я пошел далее для разведки Танаукена. Японцев я больше не встречал. Вечером присоединился к Штабу отряда, расположившемуся к югу от Ньючванга. В этот день несколько наших небольших отрядов были направлены для подрыва железнодорожного пути по обе стороны от Хайгена, что было выполнено ими с успехов.

30 декабря отряд передвинулся всего на 10-15 верст и подошел к линии Такушен-Киафукай, откуда ген. Мищенко дал распоряжение об атаке Инкоу.

Для атаки было назначено 17 эскадронов и сотен, собранных от разных дивизий, под командой полковника Харанова, бывшего ординарца Скобелева, неоспоримо храброго офицера, но полуграмотного в военном деле и совершенно неспособного руководить боем.

Его отряд должен был, огибая с запада болото у Гансянтаятзы, атаковать станцию Инкоу. Атака должна была начаться после наступления темноты и после артиллерийского обстрела Гансянтаятзы орудиями главных сил отряда Мищенко. Пять сотен полковника графа Шувалова должны были разрушить железнодорожный путь между Инкоу и Дашигао, а все остальные силы отряда к 3 часам должны были сосредоточиться на Мандаринской дороге в 4-5 верстах северо-восточнее станции Инкоу.

Около 4 часов дня, когда главные силы отряда прибыли к назначенному месту, было обнаружено движение поезда от Дашигао к Инкоу, везшего подкрепления последней. Наша артиллерия открыла огонь, но безрезультатно. Отряд же графа Шувалова взорвал железнодорожный путь уже по проходе поезда. Японский гарнизон станции получил подкрепление. По приходе поезда артиллерия открыла огонь весьма интенсивный по Инкоуской станции, где вспыхнули пожары. Артиллерийский обстрел продолжался до полной темноты, после чего отряд полковника Харанова двинулся в атаку.

Сама атака велась смешанными частями, тремя колоннами, и все они были отбиты японцами с большими потерями для нас. Но о результате атаки Штаб отряда не скоро получил донесение.

После прекращения артиллерийской подготовки главные силы были отведены назад в селение Такаушену, где разместился и Штаб генерала Мищенко. Около 10 часов вечера меня вызвал князь Водбольский и приказал во что бы то ни стало найти полковника Харанова и узнать обстановку. До этого времени никаких донесений от полковника Харанова не поступало, но уже имелись непроверенные сведения о неудаче. Я взял с собой разъезд и пошел вперед.

Только часа через три я нашел полковника Харанова, успевшего к тому времени уже осведомить Штаб о своей неудаче и возвращавшегося, отяжеленный ранеными, к главным силам отряда. Этим был закончен неудачно проведенный рейд .

31 декабря ген. Мищенко повел свой отряд назад правым берегом Лао-хе. При переправе у Ньючванга. уже занятого в это время японцами, мы встретили затруднения по переправе обозов и артиллерии. Переправа совпала с приливом и лед отошел от берегов. Кроме того, стоявшие теплые дни ослабили его толщину. Переправа заняла почти целую ночь на 1 января.

В дальнейшем движение продолжалось беспрепятственно и только 1 января колонна ген. Телешова на рассвете была обстреляна на биваке из нескольких орудий японского отряда, который под прикрытием тумана подошел к ней довольно близко. Раненых офицеров и нижних чинов было около 400. Их перевозка сильно стесняла движение

отряда. Санитарных двуколок и вьючных носилок не хватало. Пришлось мобилизовать китайские арбы. Раненые на них сильно страдали от толчков.

Генерал Мищенко был несомненно одним из лучших начальников. Действия его отряда в начале войны давали исключительные результаты и наши корпуса, имевшие его на флангах, всегда были спокойны за их охрану. Он был начальник большого мужества, очень упорный, спокойный и любимый войсками, но это не был прирожденный кавалерист. Он начал службу в артиллерии и не имел тех данных, которыми должен обладать возглавитель кавалерийских масс — ни широкого кавалерийского опыта, ни кавалерийского дерзания. Он не смог организовать своего отряда в соответствии с требованиями военного поиска, его обоз представлял вьючных лошадей, ведшихся в поводу. На каждого вожатого давалось 2-3 лошади. Начальник его Штаба был бывший пехотный офицер. Поиск кончился полной неудачей.

В то же время обстоятельства слагались так, что он мог достигнуть вполне решительных результатов. Ни одна колонна ни разу не переходила с шага на рысь. Переходы делались от 25 до 40 верст и занимали до 12 часов движения, причем только один день задержки произошел из-за встречи с противником.

В атаке Инкоу участвовало лишь меньше четверти отряда, к тому же атакующая колонна была собрана из всех дивизий и в командование ею назначен совершенно не подходящий начальник.

Из 73 эскадронов и сотен около три четверти их только принимало участие в движении и не привлекалось к активным действиям. Ни одно железнодорожное сооружение не было повреждено. Взорванные участки железных дорог восстанавливались японцами через несколько часов. Было захвачено или уничтожено несколько складов и перебиты три роты. Пленных было захвачено мало. Мои пленные составляли, пожалуй, большую часть.

По возвращении в Сифонтай ген. Мищенко отправил меня в Штаб Армии со своим донесением о результатах поиска. Он меня очень благодарил за работу и сказал, что надеется, что генерал Куропаткин также ее оценит.

3 января я вернулся с сотней в Гансумутан и передал командиру дивизиона пакет на имя Командующего.

В тот же вечер я был вызван к генералу Куропаткину в вагон. Он расспрашивал подробно о поиске, но ничем не показал, что считает его неоправдавшим его ожиданий.

Расставаясь со мной, он передал мне орден Св. Владимира четвертой степени с мечами и бантом и сказал, что награждает меня именем Государя.

В этот же вечер он послал телеграмму моему отцу следующего содержания: «Гансумутан. 4 января 1905 года. По представлению ген. Мищенко сейчас поздравил от имени Государя Императора Вашего сына с Владимиром четвертой степени с мечами. Участвовал в кавалерийском наезде и крепко отличился. Совсем молодец. Спешу поздравить отца, моего старого товарища, доброй вестью о сыне. Куропаткин».

Японская война была закончена.

Я участвовал потом в походах в Персию, был бессменным участником Великой и Гражданских войн, но только Японская война оставила во мне боевые впечатления строевого офицера и послужила фундаментом для усвоения военного дела. Только учет моральных явлений боевой обстановки, доступных всестороннему пониманию тех, кто сам их прочувствовал, может способствовать определению тех условий, какие необходимы для успешного использования физических сил войскового соединения.

Много раз в Манджурии я находился в смертельной опасности, которую выносил без особого напряжения моральных сил, и, напротив, чувство ответственности за порученное дело и подчиненных людей вызывало усиленную мозговую деятельность и нервную над собой работу. Там я нашел верных и искренних друзей, с которыми часто встречался в дальнейшей жизни и которые оказались и потом, почти без исключения, такими же близкими, как и в былые дни боев.

Там я встретил и выдающихся начальников, но и видел отрицательные примеры управления. Главное, я узнал по своему опыту, чем живет в условиях войны строевой офицер, эта основа Армии, и в чем он нуждается для использования его высоких качеств, внедренных в его плоть и кровь традиционным воспитанием.

Узнал я в боевой обстановке русского солдата и казака. Презрение к опасности, дисциплинированность и вера в своего офицера — были основными его качествами. Но без офицера он терялся и сдавал. Сколько было случаев, что после доблестного поведения в бою с офицером во главе, при выбытии этого начальника из строя подчиненная ему часть становилась неуправляемой и почти не представлявшей боевой силы.

Генерал П. Н. Шатилов

РУБКА

В 1911-м году Начальник 4-й кавалерийской дивизии, генерального штаба генерал-лейтенант А. Л. Гарнак, желая поднять рубку в полках дивизии, объявил, что в будущем году он произведет состязание по рубке и владению пикой всем эскадронам и сотням дивизии. Тот экадрон-сотня, которая два года подряд будет первой — получит приз.

Командир эскадрона-сотни золотой именной

жетон, офицеры такие же жетоны, но серебряные позолоченные, а эскадрон-сотня получит призовой бунчук с соответствующей надписью.

Соревнование серьезное — 24 конкурента. Эскадроны и сотни должны быть 12-и рядов во взводах. Четыре предмета для рубки шашкой и четыре для пики.

Эскадроны 4-го уланского Харьковского полка были расквартированы: четыре эскадрона в казармах в 4-х верстах от города Белостока, 5-й в Горобнянах в имении помещика Раевского и 6-й на окраине города в казармах 61-го пехотного Владимирского полка.

После упразднения крепостных батальонов, 61-й Владимирский полк был переведен в крепость Осовец, а в освободившиеся казармы был поставлен один батальон 62-го пехотного Суздальского полка и 6-й эскадрон 4-го уланского Харьковского полка.

Помещений было много. Уланы широко были размещены и даже в одной длинной пустой казарме эскадрон производил стрельбу уменьшенными зарядами.

Что касается лошадей, то в имеющихся конюшнях можно было поставить только три взвода и командир эскадрона, очень состоятельный человек, ротмистр Киселев построил на свой счет конюшню, главное из боязни, чтобы его эскадрон не был переведен обратно в деревню Туроснь, которая была в 12 верстах от полка.

С офицерами Суздальского пехотного полка мы познакомились и подружились. Занятия эскадрона и батальона были на одном и том же плацу.

Тут, к слову сказать, они восхищались, как это мы достигали отличных результатов в обучении молодых солдат.

Как у них, так и у нас в основании обучения все одинаковое, но в кавалерии, кроме винтовки, еще езда, вольтижировка, шашка — приемы и рубка, пика — приемы и уколы, седловка, уход за лошадью.

Быть может, Суздальцы точнее достигали с их оружием винтовкой и маршировкой, но мы их уверяли, что у нас обучение проходит легко, весело и просто.

Что касается стрельбы, то наш полк имел свой тир на 800 шагов сейчас же за конюшнями, где круглый год уланы практиковались в стрельбе. Этот тир построил еще в 1904 году командир полка генерального штаба полковник Любомиров.

***

Предвидя состязание по рубке и владению пикой, командир эскадрона, ротмистр Киселев, приказал, чтобы каждый день все находящиеся налицо в эскадроне уланы практиковались в этом учении.

Прутья, глина, чучела все это было всегда на плацу и ежедневно каждый улан рубил и колол их на полевом галопе.

Как готовились к состязанию другие эскадроны полка, мы не знали и не интересовались, но как готовился наш шестой эскадрон, другие эскадроны тоже не знали, так как мы стояли не в полку, а в отделе.

Когда на летние сборы все полки 4-й кавалерийской дивизии были в Белостоке, то после дивизионных учений было назначено состязание.

После 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка пошел наш 4-й уланский Харьковский полк и последний наш 6-й эскадрон, который без единого промаха срубил и уколол все предметы.

Фурор был неимоверный и уже было ясно, что на состязаниях этого года наш 6-й эскадрон из 24 конкурентов на первом месте.

Потом рубили и кололи 4-й гусарский Мариупольский и 4-й Донской казачий, но их результаты были далеко до нашего 6-го эскадрона Харьковских улан.

При такой интенсивной подготовке были случаи, что страдали уши бедных коней. Я сам, каюсь грешным, отрубил половину правого уха моему собственному чистокровному коню «Элеганту», записанному в Stud-book.

***

На состязаниях в следующем году все рубили лучше, но наш 6-й был на первом месте и получил первый приз.

Это уже было тогда, когда дивизией командовал генерал-лейтенант Толпыго, а 6-м эскадроном — ротмистр Якобсон 1-й, так как ротмистр Киселев был произведен в подполковники.

Ротмистр Якобсон 1-й получил золотой именной жетон. Офицеры эскадрона, в том числе и я, получили именные жетоны серебряные позолоченные, а уланы получили роскошный очень дорогой бунчук с соответствующей надписью.

Волею судьбы мой призовой жетон до сих пор находится у меня. По содержанию это наш полковой жетон с изображением герба города Харькова: — щит зеленой эмали, на котором золотой рог изобилия и жезл Меркурия, но наш жетон сверху украшен «мономаховым» венцом Царя Алексея Михайловича, основателя нашего полка в 1651 году, и цепочкой для ношения. На призовом же жетоне добавлено по диагоналям пика с флюгером желтой и белой эмали и шашка с темляком, а на обратной стороне надпись: Приз за рубку и владение пикой 6-му эскадрону. 1913 г. Шт.-ротм. Булацелю III.

С. С. Булацель

Ночной переход

Сегодня 15 февраля. Зима прошла, но весна еще не чувствуется. Весь день моросил мелкий, холодный дождь. С оголенных деревьев падали тяжелые капли. Небо было безнадежно серо. Так прошел весь день. Теперь уже ночь. Темная, безлунная.

Все чаще наплывают в ночной тишине воспоминания далекого прошлого. Того времени, когда было у нас Отечество. Каждый из нас был лишь мельчайшей частицей этого целого, но все мы входили в него, сливаясь с ним и составляли одно — с этим огромным, могущественным: с Россией! Нашим Отечеством!

Все рухнуло. Ничего, как будто от этого не осталось. Но того что было, вычеркнуть нельзя. Оно останется. Останется вечно. А сейчас, оно живет в нас.

Побежденная собственной революцией, русская Императорская армия не оказалась при заключении мира в лагере победителей и о ней некоторым кажется позволительным говорить с легким презрением. О ней забывают.

Пусть находятся люди, утверждающие, что русская армия стала хороша с тех пор, — как стала «красной». Пусть указывают на наши поражения: Танненберг, отступление Ренненкампфа, сдача без боя крепостей...

А наши победы?! А миллионы взятых пленных! А кровь, пролитая на полях Восточной Пруссии? В ее лесах и болотах! В Галиции, в Карпатах! Это не считается?! А русская конница?! У кого была подобная?!

И тут найдутся люди утверждающие, что кавалерия за мировую войну ничего не сделала. Конечно, не полегла она вся в конных атаках. Но кто выдерживал атаку русской конницы? Во всяком случае не австрийская и не немецкая кавалерия. Попробовали было и перестали. С кавалерией наших союзников мы, конечно, не мерялись, но, думаю, для них это и лучше.

Но разве все дело в атаке? А повседневная работа, особенно в первый период войны? Разведка, взрывы путей, железнодорожных сооружений, мостов; ежедневные стычки, перестрелки, сторожевые охранения, постоянный контакт с противником — и днем и ночью

Конечно, не каждый день полон блестящих дел и геройских подвигов. Не каждый день неслись эскадроны с шашками наголо и опущенными к бою пиками. Не каждый день бросались в прорыв целые кавалерийские дивизии, забиравшие пленных, орудия и обозы. Многим никогда и не удалось участвовать в таких делах. Но рутинная, тяжелая работа кавалерии, не дающая права на блестящие реляции, ее знают лишь те, кто изо дня в день, долгими месяцами выполняли ее.

И вот, прислушиваясь к шуму дождя, в эту темную, глухую ночь я невольно вспоминаю такие же ночи.

***

Весь день дивизия провела в стычках и мелких боях. Два раза за день полк вел наступления в пешем строю. Противник отходит, прикрывая свой отход кавалерийскими частями, поддержанными приданными им батальонами пехоты, ротами самокатчиков и многочисленной артиллерией.

Вечером бой затих и дивизия стоит в резервном порядке. Еще днем высланы разведовательные эскадроны и отдельные разъезды. Сейчас, в надвигающейся ночи, они где-то осторожно пробираются в никогда ранее не виданной местности, стараясь проникнуть за сеть неприятельских заграждений. С утра шел мелкий дождь и продолжает идти. Небо серо и наступили сумерки.

Спешенная дивизия стоит так уже более часа. Чего-то ждем.

Вот, подходит к полку быстрыми шагами командир полка. С ним адъютант. Вестовые подводят им лошадей. — «По коням!» «Полк» Сади ..ись!» Слева выдвигаются гусары. Значит пойдут в авангарде. За ними казаки. Их только три сотни. Наверное остальные в отделе. Теперь тронулись и мы.

Идем во взводных колоннах, а подходя к дороге, перестраиваемся в колонну по три. Головы колонны уже не видно. Ее поглотили сгустившиеся сумерки. За нашим полком громыхают конные батареи. Драгуны в арьергарде.

Вот, высылают боковые заставы и они, на рысях, уходят вправо и влево от вытянувшейся бесконечной лентой дивизии.

Офицеры идут при своих взводах. Слышится смех и веселый говор улан. Перешли в рысь и так прошли версты две или более. Снова шагом.

Темнота так сгустилась, что уже мало что различаешь. Дождь все идет.

Постепенно разговоры замолкают. Лошади шлепают по грязи и лужам. Вот одна споткнулась и слышится сердитый окрик: — «Холера! Не видишь, куда ступаешь?!»

— «Ваше Благородие! А куда идем?» «Да я брат и сам не знаю». Действительно не знаю. Не знает и командир эскадрона. Не успели спросить командира полка. Наверное Начальник дивизии ждал донесений от разведки, а получив, сразу повел дивизию. А вообще говоря, не все ли равно куда идем? Куда ведут, туда и идем. Когда дойдем, узнаем.

А время идет. Сколько мы прошли? Верст десять, больше? Который час? Можно бы посмотреть на часы, да не хочется вытаскивать руки из кармана шинели. «Куда прешь?! Не видишь?! Лошадь засечешь!» Наверное заснул и наехал на впереди едущего.

Что-то передают по колонне. «Приказано не оттягивать! Идти на хвосте!» В такой темноте, действительно, оторваться легко.

Впереди зарысили, по-видимому, подтягиваясь. Перешли в рысь и мы, но тут же, от неожиданности, кочнувшись вперед, опять пошли шагом. И опять все то же самое: шлепанье копыт по грязи и тот же дождь.

— Сто...ой!» Остановились. Ничего не видно и не знаем, почему стали. «Слеза..ай!» Слезли и стоим в грязи. Шинель не промокла, но стала необычайно тяжелой и тянет плечи. Офицеры передают лошадей вестовым и пробираются к командиру эскадрона. Видно как в колонне всюду чиркают спички. Зажженные папиросы, при затяжке, на мгновение освещают знакомые лица и тут же они вновь поглощены темнотой.

— «Наверное будут разводить по квартирам». «Нет, тогда бы вызвали квартирьеров. Это что-то не то....»

— «Господа! А как чудно было бы выпить сейчас стакан горячего чаю!» «Да с ромом!» «А у тебя есть?» «Есть, да во вьюке» «А где вьюки?» «Кто их знает, где они...»

Лошади фыркают и переступают. Где мы можем быть? Шли как будто бы все время на юго-запад. Хорошо бы сейчас задремать, но в такую мокроту не ляжешь.

— «А что вы скажете, если все же, вдруг, разведут по квартирам? Подойдут вьюки, а завтра дневка!»

По квартирам не разводят. Стоим уже давно. Наверное опять ждут донесений от разъездов...

— «Сади ..ись!» Все приходит в движение. Вестовые подводят лошадей и рукавом вытирают седла. Но седло холодное и мокрое. Мокрые и поводья. Двинулись... Прошли версты две и, по-видимому, свернули на какую-то дорогу влево.

Проходит около получаса. Вдруг, где-то далеко впереди выстрел. За ним второй третий, потом беспорядочный беглый огонь и все замолкает. Наверное головная застава напоролась на немцев. Колонна стала. Проходит несколько минут в полной тишине и опять выстрелы. Вероятно, головной эскадрон гусар спешился и подошел на помощь своей заставе. Огонь разгорается. Частые выстрелы сливаются. Так! так! так! так! Это пулемет. Немецкий. Наш «Максим» гораздо чаще. Слышно, что теперь стреляют уже более сотни винтовок... «Пи .. иууууу». Над головами где-то высоко пролетает затерявшаяся пуля.

— «Повод вправо!» От головы колонны кто-то скачет галопом. Проскакивает мимо нас. Наверное ординарец.

Стрельба впереди все усиливается. Сзади нас слышен грохот. «Повод вправо! Пропустить артиллерию!» На рысях проходит артиллерийский взвод со своими зарядными ящиками.

Винтовочные выстрелы и пулеметные очереди то чаще, то реже. По-видимому, наши продвигаются перебежками. Артиллерия молчит. Постепенно стрельба замолкает и смолкла. Наступает тишина.

Впереди вновь зашлепали конские копыта. Двинулись. Вдоль дороги стоит артиллерийский взвод, поджидая подхода своей батареи. Уланы переговариваются с конно-артиллеристами. «Чего же вы по нем не били?»

— «А чего бить, когда он утек!»

Вскоре втягиваемся в какое-то селение. Его то, по-видимому, и занимал неприятельский эскадрон или самокатчики. Селение покинуто жителями, или же все попрятались. Проходим еще несколько верст. Ночь приходит к концу... Стали...

— «Слаза...ай!» Стоим в поводу. Впереди слышно движение. Наверное куда-то пошли гусары и казаки. Уже не так темно. Командир эскадрона уходит в голову колонны к командиру полка за новостями. Дождь прекратился... В брезжущем рассвете видны усталые, посеревшие после бессонной ночи, лица солдат. Лошади стоят понуро, опустив головы...

Чем был наш ночной переход? Продвижением за отступающим противником? Обходным движением? Или занятием позиции для нанесения врагу неожиданного удара?

— Уже почти рассвело.

— Никакой «реляции» не будет.

Рождается новый день. Что несет он для нас с собой?

В. Е. Скальский
«Гриньон», 1964

Генерал Назарбеков

(Из бумаг генерала С. П. Андоленко)

Дошла печальная весть и до нас о смерти генерала Назарбекова, на которого в Великую войну, на Кавказском фронте, была возложена та же задача, что и на генерала Лорис-Меликова в 1877-78 годах — вторжение в Турецкию Армению и овладение Алашкертской долиной, как стратегическим рубежом для дальнейшего развития операций на Кавказском фронте и, в частности, против Эрзерума.

Для выполнения этой задачи, генералу Назарбекову была вверена 2-ая Кавказская Стрелковая дивизия *), полки которой еще с 1911 года стояли отдельными гарнизонами в Персидском Азербай-

джане: 5-ый в Урмии, 6-ой в Хое, 7-ой в Дильмане и 8-ой в Тавризе.

Теперь только можно сказать, что эта дивизия не случайно, а по плану войны, задолго до ее начала, попала в пределы Персии, содержалась в мирное время в боевом штате, в течение многих лет тренировалась в горной партизанской войне и много раз обстреливалась до войны в экспедициях против курдов и пограничных столкновениях с турками.

Дивизия знала Персидский Азербайджан, как учебное поле. И назначение генерала Назарбекова начальником такой дивизии, к моменту объявления войны, было более чем удачным; в его лице она нашла и заботливого отца, и осторожного, расчетливого и спокойного командира, и смелого решительного большого солдата, создавшего личным примером выносливости, лишений и храбрости, то расположение душ и сердец бойцов, которое под огнем выливается в веру в конечный успех, несмотря ни на превосходящие силы противника, ни на худшую общую боевую обстановку, потери, недостатки снабжения и т. д...

Достаточно сказать, что генералу Назарбекову поручались все время задачи отдельного летучего отряда в чужой стране, за многие сотни километров от русской границы, где каждый боец, патрон и даже мешок сахару и соли должны были быть бережно израсходованы, так как на своевременную помощь нельзя было рассчитывать, а к тому же случилось и так, что в течение всей войны генерал Назарбеков ни разу не имел в кулаке всей своей дивизии и много раз задачи дивизии он успешно решал двумя полками.

***

Вспоминаю исторический бой под Дильманом против 7-го ,9-го и 44-го турецких пехотных полков с 12 батареями и 8-и тысячным конным корпусом «Гамидие», под общим руководством генерала Халил-Паши.

Отряд этот был сформирован в районе Мосула, чтобы через Персидский Азербайджан вторгнуться в пределы Закавказья и опираясь на мусульманское население добраться до Баку, другими словами, турецкий план войны возлагал такую же задачу и надежды на Халил-Пашу, как и русское командование на генерала Назарбекова.

Фактически, встречный Дильманский бой начался 15-го апреля 1915-го года, когда дивизия генерала Назарбекова еще была разбросана поэшелонно на шоссе от Джульфы (главные силы) до деревни Хантахты (130 верст), где находился передовой отряд-заслон: батальон 8-го полка, дружина Андроника и 2 сотни 1-го Полтавского казачьего полка.

Передовой отряд принял первый удар превосходных сил противника, задержал их на 24 часа и на 2-ой день, с боем, начал отходить к Дильману, на 6-ой Кавказский стрелковый полк, только что подошедший двумя переходами по 40 верст.

Снова завязалась неравная борьба: остатки передового отряда и 6-ой полк к концу дня 16-го апреля вынуждены были отдать Дильман, но несмотря на тяжелые потери, части не только отходили в порядке, но буквально цеплялись за каждый бугорок и отошли от Дильмана лишь на орудийный выстрел: так приказал генерал Назарбеков, добавив, что не позже вечера 16-го апреля он сам подойдет к Дильману с остальными силами.

И действительно, в самый критический момент к деревне Паяджун подошли «главные силы» генерала Назарбекова — 5-ый Кавказский стрелковый полк, 1-ый Сунженско-Владикавказский казачий полк и три горных батареи, совершив форсированный марш из Джульфы (123 версты) за трое суток.

***

До конца жизни не забудется пережитое в эти дни. Еще светло, но солнце на закате, шум боя впереди нас; навстречу нам, по бокам шоссе тянутся беспрерывной вереницей беженцы из Дильмана и окрестных деревень: ужас войны на лицах; женщины с распущенными волосами, плачущими детьми узелками с хлебом и бельем. Санитарные двуколки идут тоже целиной, расталкивая гущу беженцев и опережая их. Это Дильманский походный госпиталь переходит в тыл, увозя больных и раненых.

А мы идем по шоссе, против этого течения, навстречу ужасам войны, в порядке и с боевыми песнями... Плач и песни, страх и смелость встретились вдруг и спешат одинаково сильно оттолкнуться в разные стороны.

На коротких привалах встречаемся со стрелками 6-го полка, пахнуло порохом и кровью свежих ран; в нескольких словах узнаем о сдаче Дильмана, тяжелом бое, но это еще больше волнует и торопит нас: ведь 6-ой полк наши лучшие боевые друзья и уже не один раз мы друг друга выручали.

Быстро поднимаемся с привала, затягиваем снова песни и не чувствуя тяжести ног, после 35-ти верстного марша, подходим к деревне Паяджук, чтобы с шоссе рассыпаться в траншеи.

Но генерал Назарбеков старый вояка (1877-1878 гг.) сразу обдает нас холодным душем: «5-ый полк не войдет в бой, удержу турок сегодня оставшимися силами». И действительно, остатки 6-го пол-

*) По материалам генерал-квартирмейстера Штаба Кавказского фронта Е. В. Масловского — «Мировая война на Кавказском фронте» — ген.-майор Назарбеков ко дню объявления войны, 20 октября 1914 г., состоял начальником 2-ой Кавказской стрелковой бригады, расположенной в Азербайджанском направлении. В начале декабря 1914 г. эта бригада (8 батальонов) входила в 4-й Кавказский армейский корпус Действующей Кавказской армии.

Ред.

ка и Хантахтынского заслона закрепились у Пайджука и целую ночь рылись как кроты.

***

К утру 17-го апреля (1915 г.) позиция в 4 версты с окопами в рост, опорными пунктами на сопках и обеспеченными флангами: левым — Урмийским озером и Сунженским Казачьим полком и правым — пограничным хребтом и Полтавским Казачьим полком — была готова для приема турок и самого генерала Халил-Паши.

17-го апреля 5-ый полк приступил к укреплению 2-х линий побатальонно за флангами и центром. К вечеру того же дня вторая линия имела три форта. Турки тоже сделали перерыв, но усиленно рылись, и как на маневрах было ясно их приготовление и чаделивание к нападению. Но, конечно, никто не знал когда?.. через час, сутки, днем, ночью и поэтому каждый боец жил напряжением этой неизвестностью и предстоящей неожиданностью.

Прошел день. Наступил вечер, полночь, 2 часа утра... и вдруг, темноту и тишину весенней ночи разрезали оживленные выстрелы центра передовой линии.

Не прошло и получаса как 4 версты позиции, словно от тысячи топоров в лесу, зашумели сухими короткими ударами: завязался жестокий бой на прямой выстрел.

Непрерывной барабанной дробью затрещали пулеметы... С первыми признаками рассвета загрохотали пушки (никто из противников не хотел обнаруживать себя накануне и расходовать снаряды на пристрелку).

Свист пуль, разрыв снарядов, шум боя при восходе солнца 18-го апреля смешался с говором людей, а позже шумом дня — для большой победы генерала Назарбекова над превосходными силами турок.

До трех часов дня, т. е. 12 часов подряд турки непрерывно долбили наши позиции у Пояджука, как вдруг своим правым флангом бросились в стремительное сближение для атаки в штыки дружины генерала Андроника.

Генерал Назарбеков приказал 2-му батальону 5-го Стрелкового полка, стоявшему во второй линии поддержать Андроника и перейти в контратаку.

Неожиданно для турок загрохотала новая батарея капитана Гронова, скрытая до этого момента на нашем левом фланге. Внезапный ураганный огонь ее по выходящим из деревни штурмующим волнам противника, а вслед и по самой деревне, поднял дружинников и стрелков в контратаку.

Через час все было кончено: от деревни остались развалины, от штурмующих турок — скошенные ряды, а рукопашный бой дал возможность угрожающе охватить правый фланг турок.

Но Халим-Паша одновременно повел обход и с левого своего фланга конным корпусом Гамидие, стоявшим до этого момента в садах деревни Хостовы.

Сначала наши наблюдатели заметили поднимающиеся столбы пыли перед деревней Хостова: это 8 тысяч всадников шли рысью к ущелью, где 4 сотни Полтавского Казачьего полка прикрывали наш правый фланг.

Генерал Назарбеков приказал казакам закупорить это ущелье. а одной роте (3-й) и команде разведчиков 5-го полка выйти спешно за фланг и в случае неустойки казачьего заслона принять удар конницы возможно дальше от позиций у деревни Пояджука.

Посланные стрелки успели занять фланговую позицию, расположившись на сопках отдельными звеньями на протяжении 3-х верст, сохраняя огневую связь между собой, когда 4 сотни Полтавского Казачьего полка были окружены и буквально раздавлены массой турецкой конницы. Лишь отдельные всадники полтавцев скатывались на нашу фланговую позицию.

***

Как выяснилось потом, турецкая конница, состоявшая из курдов, задержалась в ущелье не только жестоким боем, но и добиванием раненых и грабежом убитых казаков. Эти обстоятельства нарушили стройность атаки фаланги, задержали ее стремительность, а главное, дали возможность изготовиться нашей второй линии, выдвинутой на поддержку стрелков.

Тем не менее, конница собралась снова в одну массу и широким клином, быстрым аллюром, начала скатываться на фланговую позицию.

Капитан Кондратьев, известный еще в мирное время партизан в Персии под именем Качак-Кодрат-Хан, отдал приказ: «Защищать сопки до последнего бойца», и открыл огонь.

Острие клина конницы вдруг стало быстро притупляться: под метким огнем падали всадники, лошади и не прошло нескольких минут, как конница турок вынуждена была развернуться вдоль всех сопок на три версты.

Тут-то и начался жестокий бой: каждая сопка была окружена курдами. Ручные гранаты, штыки, сабли, кинжалы, револьверы, все было пущено в ход. Рукопашным боем решалась судьба нашего правого фланга, а быть может и всего боя.

Последние резервы ощетинились лицом к конице на третьей линии, на случай прорыва Кондратьевского щита. Но коннице не удалось его прорвать и через полчаса, все было кончено: конница в беспорядке отходила в то самое ущелье, где еще час назад торжествовала преждевременно победу.

Было 4 часа дня, когда на обоих наших флангах определилась неудача турок и Халил-Паша бросил свои последние резервы на центр, а начальник Штаба генерала Назарбекова, генштаба полковник Зинкевич, сделал доклад, что наступил момент перейти в общую контратаку.

Но генерал Назарбеков, осторожный как всегда во вводе в бой лишних людей и во избежание напрасных потерь, не соглашался бросить в контратаку последние резервы.

Бой в центре достиг наивысшего напряжения: цепи сблизились на 200-100 шагов, но турки не решались подняться для атаки.

Полковник Зинкевич направился сам на передовые линии для личной оценки обстановки для контратаки, но обратно его принесли уже на носилках, раненым. Контратака не состоялась.

Как оказалось потом, в ней и не было необходимости и военное чутье генерала Назарбекова не обмануло его. Турки всегда перед отступлением лишь показывали намерение атаковать и вводили в линию огня все, чтобы перед отходом нанести нам больше потерь или соблазнить на контратаку. Когда же сейчас это не удалось, то с наступлением сумерек турки стали покидать передовые позиции.

Генерал Назарбеков приказал резервам выйти за передовые линии и преследовать турок. К рассвету 19-го апреля Дильман был снова в наших руках. Турки только в центре позиции, на одной версте траншей оставили 900 убитых, а пленных и раненых до 3-х тысяч.

Халил-Паша начал свое отступление в Турцию. Генерал Назарбеков следовал за ним по пятам.

Так кончился бой под Дильманом и начался исторический рейд в 800 верст отряда генерала Назарбекова через Башкалу - Ван - Панз - Адилдервас - Ахлат в Алашкертскую долину.

***

Июнь-Сентябрь 1915 года

Три полка дивизии (5, 6, 7-й) вошли в состав 4-го Кавказского армейского корпуса, который в боях, угрожающих взятием Муша и Битлиса принудил турок сосредоточить против себя одиннадцать турецких дивизий.

Совокупность этих боевых действий вызывалась подготовкой к Эрзерумской операции. Притянутые в Алашкертскую долину турецкие дивизии, изнуренные трехмесячными боями, так и остались там зимовать и не смогли перейти через ряд перевалов.

Когда же в декабре начались объединенные действия около Эрзерума, ген. Назарбеков окончательно овладел Алашкертской долиной. Но в ночь под Рождество 5 и 6-ой полки неожиданно получили приказ оставить укрепленный лагерь в Челкапах и через непроходимые снежные перевалы, на 10-ый день, вышли на Гасан-Кала, приняли участие в боях за Эрзерум и внесли в историю имя генерала Назарбекова при взятии этой крепости.

После Эрзерума полки снова вернулись к своему любимому начальнику, чтобы занять Муш, Батилис и во встречных боях удерживать напор новой 2-й турецкой армии, вышедшей из Диарбекира с задачей взять обратно Эрзерум.

В тяжелых боях под Мушем, Огнотом, генерал Назарбеков снова показал себя выдающимся начальником, который с малыми силами за все время войны не имел поражения, несмотря на то, что в критические минуты часто бывал оторван от базы коммуникации, подкреплений, пополнений.

Кто из участников забудет пережитые тяжелые дни отступления под напором 11-ти турецких дивизий, с позиции под Кополи - Тортополи - Акклатоли, когда генерал Назарбеков шел последним, а выбившись из сил, приказал нести себя на носилках, сзади всех отступавших.

***

Дильманский бой был только началом боевой славы генерала Назарбекова и он стал народным героем, вторгшись в пределы Турецкой Армении и выполнив блестяще, возложенную на него задачу по овладению Алашкертской долиной.

Не будь революции в России, иначе бы и сложилась судьба Армянского народа, за которым на вечные времена были бы закреплены те 4 виллайета, которые взяты были с бою генералом Назарбековым и прочно удерживались им в течение всей войны.

Даже и враги оценили боевые качества генерала Назарбекова: Халил-Паша, приехав в Эривань после заключения мира, захотел видеть того, «кто бил его в течение двух лет и не знал ни одного поражения со своими частями».

Такими словами приветствовал Халим-Паша генерала Назарбекова, на устроенном в его честь банкете.

Будем верить, что грядущие поколения восстановят в достаточной форме историческую роль и подвиг генерала Назарбекова в Великую войну и сохранят на вечные времена его имя, как народного героя и большого Солдата.

Боевой (А. Ч.)

15-й броневтомобильный взвод в боях под г. Луцком в 1916 г.

Формирование броневтомобильных частей началось в 1914 году в гор. Ораниенбауме начальником Офицерской стрелковой школы ген. Филатовым. Офицеры, изъявившие желание служить в этих частях, направлялись в военно-автомобильную школу в Петербурге в специальное отделение для броневтомобильных войск, а по окончании курса назначались младшими офицерами в эти войска.

Броневтомобильные части состояли из отдельных взводов, а личный состав каждого взвода из 4

офицеров, вместе с командиром взвода, 60-65 нижних чинов (шоферов, пулеметчиков, артиллеристов и механиков), которые обслуживали три бронемашины и вспомогательный полуброневой грузовик.

Солдатский состав был отличный, особенно пулеметчики и артиллеристы, знающие свое дело. Шоферы машин были часто не на высоте и прибегали иногда к различным уловкам, чтобы избежать невыгодных для себя условий в боевой обстановке. Офицерский состав, преимущественно добровольцы, был всегда на высоте. В те времена этот новый род оружия никакой тактики еще не имел; все основано было на здравом смысле командира машины. Первые бронемашины того времени обладали дефективной броней, часто простреливаемой ружейной пулей, но скоро этот недостаток был устранен.

К концу войны в русской армии насчитывалось 40 с небольшим отдельных бронеавтомобильных взводов. Ввиду столь ограниченного количества, а также вследствие относительной быстроходности машин, они не могли постоянно входить в состав определенных войсковых соединений и в зависимости от боевых задач придавались различным полкам, дивизиям, корпусам и даже армиям. За время пребывания на Юго-Западном фронте 15-й бронеавтомобильный взвод по крайней мере придавался, попеременно, 15-16 дивизиям.

В тактическом отношении бронечасти находились в особых условиях. Командир взвода фактически не мог руководить взводом, так как его бронемашины выдвигались в бой по различных направлениям, часто с различными боевыми задачами; поэтому ведение боя непосредственно ложилось на командира машины и успех зависел от его находчивости, решительности и доблести.

Из практики выяснились следующие тактические приемы боя: неожиданность появления броневика перед противником, подвижность маневрирования, быстрое сближение, поражение цели огнем без затраты времени на пристрелку, выход во фланг и тыл врагу, быстрота смены участков фронта, сильный огонь. Вот, те действия, которые могли принести успех в бою.

Перед выходом в бои, конечно, надо было ознакомиться с местностью и быть готовым к различным неожиданностям. Неожиданное появление броневиков и их огневые атаки производили большое моральное действие как на свои, так и на войска противника.

Недостатком бронемашин была их уязвимость от артиллерийского огня врага, а также зависимость от состояния дорог, впереди лежащей местности, целости мостов и гатей.

Обыкновенно бронеавтомобильный взвод состоял из двух пулеметных машин, вооруженных каждая двумя тяжелыми пулеметами Максима во вращающихся башнях и одной пушечной. Пулеметная машина с командой весила приблизительно 270 пудов. Скорость как передним, так и задним ходом 50-60 верст в час. Она сравнительно легко могла обходить препятствия. Пушечная бронемашина была вооружена 3-х дюймовым орудием и легкими пулеметами. Полный вес с командой приблизительно 630 пудов. Скорость передним ходом 18 верст в час, задним — 6-7 верст. В бой шла всегда задним ходом, так как орудие смотрело назад. Комплект снарядов 45. Обходить препятствия могла лишь в редких случаях, при наличии сухой почвы вне шоссе и отсутствия дорожных канав у шоссе.

К концу войны отдельные броневые взводы были сведены в броневые дивизионы и сосредоточивались в более ответственных местах фронта.

До начала наступления 8-й армии ген. Каледина в Луцком прорыве 1916 года 15-й броневой автомобильный взвод стоял на участке 102-й пехотной дивизии 39 армейского корпуса. Фронт проходил вдоль реки Горынь через с. Клевань, пересекая шоссе и железную дорогу Ровно-Ковель в 20 верстах от Ровна и в 25 верстах от Луцка. Командовал взводом капитан Сыробоярский, офицер легендарной храбрости, награжденный к концу 1914 г. орденом св. Георгия 4 ст. и золотым оружием. Во время Брусиловского наступления его бронемашины беспрерывно двигались вперед и содействовали продвижению наших частей.

Погода не благоприятствовала наступлению, шли дожди, но продвижение продолжалось усиленным темпом. Шоссе до Луцка было в плохом состоянии, изрытое снарядами, канавами с испорченными мостами, что очень затрудняло продвижение бронемашин.

В силу большой тяжести пушечной бронемашины приходилось своими средствами исправлять эти препятствия, что вызывало большие задержки в пути, и она только через два дня присоединилась к своей части.

26 мая 1916 г. Начальник дивизии в 2 часа ночи направил две бронемашны (третья пулеметная была в ремонте) вперед к деревне Копачевке, находящейся в 80 верстах за Луцком. Командир взвода сел в пулеметную машину, которой командовал поручик Колб-Селецкий. К 5 часам утра обе машины подошли к д. Копачевке, находящейся в глубоком тылу противника, и связь с нашей пехотой на некоторое время нарушилась.

Не нужно удивляться медлительности движения. С одной стороны, совершенно естественно, машины могли опасаться устройства австрийцами всякого рода препятствий, как, например, завалов на шоссе и разрушения мостов, да и темнота не давала уверенно вести машины.

С обеих сторон шоссе от самого Луцка до д. Копачевка растилался густой лес. Каковы были силы у противника в этом месте, было неизвестно, но временами машины подвергались ружейному обстрелу с обеих сторон дороги.

С рассветом можно было видеть впереди небольшой мост длиной 20 шагов, перекинутый через болото на высоте до 3-х метров. По другую сторону болота, на возвышенности по обе сторо-

ны шоссе, была раскинута деревня Копачевка. Не доезжая моста, у шоссе справа находилось одинокое строение вроде сарая.

⁂

По установившемуся мнению бронемашины, ведущие бой в лесу на обе стороны, были чрезвычайно уязвимы. Как пример, можно указать на пушечную тихоходную машину. Достаточно было перегородить заранее шоссе бревном или срубленным деревом, чтобы машина остановилась. Преодолеть такое препятствие, ведя огонь с врагом, было ей невозможно. Если бы противник бросил такое же дерево сзади, броневик оказался как бы в ловушке. С другой стороны, пушечная машина с очень большой огневой силой была лишена броневой крыши, почему атака пехоты врага с обеих сторон шоссе в лесу могла увенчаться успехом, забрасывая машину ручными гранатами сверху.

Что касается легких броневиков, совершенно закрытых броней, то укажем другой случай также в лесном пространстве в бою у г. Станиславова в 1917 году: новая только что полученная отрядом более легкая бронемашина с 37-мм пушкой была внезапно атакована из леса на шоссе врагом. Схватив машину голыми руками ее опрокинули на бок и если бы вовремя не подоспела наша пехота, машина была бы потеряна.

⁂

Возвращаемся к 5 часам утра 26 мая 1916 года. В тот момент, когда наши бронемашины доехали до моста перед д. Копачевкой, а пулеметный броневик, в котором находился командир взвода, даже переехал мост, броневзвод был встречен ружейным, пулеметным и беглым огнем артиллерии австрийцев. Один из снарядов разорвался в двух шагах от пулеметного броневика. Инстинктивно шофер дал задний ход. Машина сбила перила моста и упала крышей вниз в болото. От удара о землю болты боковой стенки машины не выдержали и стенка отвалилась. Находящиеся невдалеке австрийцы ружейным огнем убили поручика Колб-Селецкого и тяжело ранили в живот командира взвода капитана Сыробоярского. Под огнем нашего пушечного броневика австрийцы отошли и скрылись.

Спустя короткое время, командир пушечного броневика, подпоручик Т. А. спустился вниз к упавшей машине. Не потерявший сознания командир взвода, просил Т. А. сделать все возможное для спасения упавшей машины и не дать ее захватить в плен.

Поднявшись к своей орудийной машине и видя плачевное положение взвода и отсутствие снарядов, подпоручик Т. А. приказал шоферу ехать полным ходом назад до встречи с полуброневым грузовиком, на котором имелся запас снарядов, патронов и запасных частей, перегрузить снаряды, переменить разбитый пулемет и немедленно вернуться. Одновременно приказал шоферу грузовика собирать по дороге пехотинцев и везти их к мосту.

За четыре раза грузовик привез до 40 человек, которых подпоручик Т. А. собрал за сараем у моста. Приблизительно через час подошла еще рота пехоты под начальством унтер-офицера, который, увидев подпоручика Т. А., просил взять роту под свое командование.

Приняв роту и присоединив к ней привезенных стрелков, Т. А. перешел в наступление, удачно атаковал деревню, в которой и укрепился.

С западной части деревни по роте был открыт австрийцами ружейный огонь, и противник атаковал ее силами около батальона и принудил роту отходить под защиту орудийного броневика. В это время подпоручик Т. А. был тяжело ранен в руку и участие в бою не мог принимать.

Вскоре подошли части дивизии, которые восстановили положение и захватили пленных и пулеметы. За этот бой поручик Колб-Селецкий посмертно и подпоручик Т. А. были представлены и получили единогласным постановлением Георгиевской Думы 8 армии ордена св. Георгия 4 степени.

А. Л. Волков

Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 г.

(Отрывок из «Краткой истории Новоархангельского уланского полка)

В 1919 году два эскадрона Новоархангельского уланского полка с Новомиргородскими и Смоленскими уланами составляли Сводно-уланский полк, которым командовал полковник Апрелев.

Сводно-уланский и Сводно-гусарский (Л.-гв. Гродненский, Изюмский и Черниговский) полки были 2-ой бригадой под командованием генерала Оленича. Сводные полки 9-ой и 12-ой кавалерийских дивизий составляли 1-ую дивизию (начальником которой был генерал Чекотовский) 5-го кавалерийского корпуса.

Командиром Новоархангельского дивизиона Сводно-уланского полка был полковник Кадьян. Первым эскадроном командовал шт.-ротм. Вилламов; 2-ым ротмистр Кирсанов; начальником пулеметной команды полка был Новоархангелец корнет Капора. В ноябре 1919 г., благодаря энергии и способностям полк. Кублицкого (Георгиевского Кавалера) был сформирован Новоархангельский полк в составе 6-ти эскадронов, пулеметной и конно-саперной команд.

⁂

В 1919 году зима наступила рано. Снег выпал 18-го октября, но морозы были еще небольшие. 1-ая дивизия 5-го Кавалерийского корпуса находилась в районе гор. Дмитриева и, по приказу командира корпуса, отходила на Глухов, Путивль, Ворожбу.

В конце октября Свадно-уланский полк, после нескольких стычек с шайкой бандита-партизана Шубы, находился между гор. Путивлем и железнодорожной станцией Ворожбой. Имея столкновения с наступавшей пехотой Красной армии (365-м советским пехотным полком), дивизион Новоархангельцев шел в арьергарде 1-ой Кавалерийской дивизии.

В последних числах октября полк. Кадьян получил приказ остановить своим дивизионом наступавшую пехоту красных, которая обходила ст. Ворожбу с северо-востока, с намерением перерезать железнодорожную линию Ворожба-Белополье.

Еще ночью оба эскадрона вышли из села Бурынь, где они ночевали, и на восходе солнца подошли к большому лесу, за которым, как выяснил разъезд, находилась пехота противника, силою в батальон. Несмотря на то, что у полк. Кадьяна было в 1-ом эскадроне только 40 шашек, а во втором — 60, он решил атаковать батальон красных в конном строю.

Пулеметная команда заняла позицию на опушке леса и открыла огонь по цепи противника, которая залегла и стала продвигаться перебежками.

Пулеметы корнета Капора стреляли очень метко и много перебегавших красноармейцев оставались на месте. До них было около версты.

Оба эскадрона стояли развернутым фронтом за лесом, слышали ружейную и пулеметную стрельбу, но еще не видели противника.

Полковник Кадьян скомандовал: «Дивизион шашки вон, пики к бою, слушай!» (первые шаренги были вооружены тяжелыми деревянными пиками).

Командиры эскадронов повторили эту команду своим эскадронам.

«Дивизион, рысью марш!»

Выйдя за край леса, уланы увидели противника, до которого было с полверсты. Командиры эскадронов скомандовали: «Стой, равняйсь!» Полковник Кадьян перекрестился, вынул шашку и крикнул: «С Богом!»

Командиры эскадронов скомандовали: «Правое плечо вперед, в атаку, карьер, марш-марш. Ура!»

Уланы подхватили «ура» и дали шпоры.

Поле было ровное, снег неглубокий, что не затрудняло атаки.

Стреляя на ходу, красноармейцы стали сбегаться в кучу для отражения атаки, но не успели, как на них налетели уланы.

Многие пехотинцы становились на одно колено, выставляли перед собой, уперев приклад в землю, винтовку со штыком, на который напарывались уланские лошади.

Во время гражданской войны почти вся регулярная кавалерия была вооружена английскими палашами, очень неудобными для рубки, так как у них был очень широкий обух и узкий клинок. Но офицеры и кадровые нижные чины научили молодых добровольцев пользоваться этим оружием.

Во время атаки около 25 лошадей были ранены штыками, столько же приблизительно улан. Тяжело раненых — 4, убит 1 — улан первого эскадрона Попивненко.

Под шт.-ротм. Вилламовым убита штыком лошадь. Он первый налетел на противника, обогнав свой эскадрон и полковника Кадьяна, под которым лошадь была ранена пулей в голову.

Около 150 красноармейцев были убиты и ранены. Остальные, около 300, бросились бежать к другому лесу на северо-восток.

В это время полк. Кадьян закричал: «Пленных не брать, это китайцы!» Это действительно были китайцы, но не простые.

Еще в 1918 году военный нарком Троцкий стал формировать «интернациональные бригады», состоявшие из коммунистов и бандитов разных стран.

Китайское правительство Сун Ят-сена прислало «добровольцев», выпущенных из тюрем — убийц и грабителей, ожидавших смертной казни. Они зверствовали по отношению к русскому населению, и уланы видели, как они расправлялись с крестьянами в районе Глухова (не лучше их были венгры).

Китайцы бежали к другому недалекому лесу, а уланы носились по полю коля их пиками и рубя палашами. Все же было взято в плен 3 китайца, хорошо одетых и вооруженных пистолетами Маузер. По всей вероятности они были начальниками.

Ввиду того что они по-русски не говорили (или не хотели), а среди улан никто не знал китайского языка, они была отправлены в штаб дивизии. Проходя на следующий день через город Белополье, уланы увидели, что они были повешены перед железнодорожной станцией.

Трофеями этого боя было два пулемета Максима, три Люиса, винтовки, ручные гранаты и большое количество патронов, которых в Добровольческой Армии всегда не хватало.

В то время как уланы носились по полю за китайцами, из другого леса, к которому бежали китайцы, вышла пехотная цепь противника, но увидев уничтожение китайцев, она вошла обратно в лес и открыла редкий огонь, который никакого ущерба нам не приносил.

Благодаря этой атаке, остановившей наступление красных на станцию Ворожба, был погружен воинский поезд, который мог беспрепятственно отойти.

Настроение в полку было всегда бодрое. Любое наступление красных всегда бывало отбито, а теперь, после боя с китайцами, настроение стало еще более приподнятое.

— «Теперь пойдем опять в наступление».

Но вместо этого пришлось идти на Белополье, Сумы... Харьков... Новороссийск.

Князь Н. В. Голицын

Документ из архива штаба французской сухопутной армии

БУМАГИ ГЕН. С. П. АНДОЛЕНКО. — ПЕРЕВОД

Военное Министерство
Миссия в России
СЕКРЕТНО

Париж, 9 марта 1917 г.

Р а п о р т

Дивизионного генерала де Кюрьер де Кастельно, Начальника Военной Миссии в России. Военному Министру (Кабинет).

(Окончание

III

РУМЫНСКИЙ ВОПРОС

В вашей телеграмме № 188/89 от 5 февраля вы мне сообщили о желании господина де Сен-Олера, чтобы я съездил в Берлад после Петроградской Конференции.

Своевременно я вас осведомил, почему эта поездка мне казалась неуместной в настоящее время и, как я вам сообщал, я ограничился приглашением к себе ген. Бертело, чтобы обсудить с ним все вопросы, касающиеся наших интересов и нашей Миссии в Румынии.

Не надо скрывать, что наше положение здесь довольно деликатное. Русские считают очень тяжелым то бремя, которое наложило на них удлинение почти на 500 км. их фронта; они намерены также бесконтрольно руководить операциями на румынском фронте. Со стороны румыни не похоже на то, что они имеют твердое намерение продолжать решительные усилия и приносить жертвы, которые обеспечили бы им полную независимость от их союзников.

Во время моего разговора с г. Братиано, а также в момент визита, который он мне нанес, глава Румынского правительства долго говорил о положении, в котором находится его страна и о бедах, которые принесла им война. Для нас необходимо, говорил он мне, не быть покинутыми Францией по той причине, что в настоящее время мы больше не являемся хозяевами своей судьбы и зависим от другой державы. Но если бы я не перевел разговор на эту тему, он не коснулся бы нашей военной Миссии.

Когда же я его уверял в усердии и упорстве, которые показывает большинство наших офицеров в выполнении порученной им задачи, г-н Братиано вместо того, чтобы высказать свою глубокую благодарность, которую я ожидал от него, он ограничился только словами, что большинство наших офицеров прекрасные, а в отношении некоторых из них отозвался с личной симпатией.

Вследствие этого я должен был заключить, что мы не найдем у него во всех обстоятельствах той поддержки, на которую мы имели бы право рассчитывать. Вот почему я счел нужным привлечь ваше внимание на осторожность и известную сдержанность, которые были нам внушены.

Генерал Гурко меня официально просил, чтобы задача нашей Военной Миссии была ограничена реорганизацией Румынской армии; кроме того, он настаивал, чтобы ген. Бертело покинул Берлад и отправился в войска, с которыми он теперь должен иметь более близкий контакт.

Я об этом вам сообщал в моей телеграмме № 19/с от 19 февраля, в которой также представил одобренные вами предложения относительно новой организации Миссии и возвращения во Францию ген. Бертело. Вы вместе с Правительством, без сомнения, найдете, что следует предпринять, чтобы сохранить наш престиж и присудить ген. Бертело надлежащее награждение за его службу, а также и нравственное удовлетворение, на которое он безусловно имеет право, дав этому генералу высокую почетную награду.

В настоящее время Румынская армия состоит:

а) 6 дивизий, сильно пострадавших, занимающих небольшой сектор фронта под командой ген. Авереско;

б) 9 других дивизий, находящихся в реорганизации и занимающих зону, определенную соглашением с Главным русским командованием.

Кажется маловероятным, что все эти пятнадцать дивизий будут восстановлены. Конференция в этом отношении была очень осторожна, и эта осторожность была у места, так как реорганизация девяти дивизий велась в очень плохих условиях вследствие больших опозданий в доставке необходимой материальной части (обмундирования, снаряжения, оружия, артиллерии и т. п.).

Кризис транспорта в Румынии достиг крайних пределов. Подвижной состав, отведенный в тыл занял все запасные пути, в то время как износ паровозов и недостаточность средств ремонта вызывают частые перерывы движения, что сильно уменьшает и без того малую пропускную способность железнодорожных магистралей.

С другой стороны, шоссейные дороги находятся в жалком состоянии и автомобильное движение сделалось совсем невозможным.

Эти детали позволят вам вообразить себе те трудности, которые представила бы подготовка и выполнение в будущем большого наступления на Русско-Румынском фронте.

Как я уже вам сообщал, русские со своей сто-

роны ограничились бы второстепенными действиями, среди которых на первом месте нужно поставить предвиденную операцию в Добрудже, которую они считают необходимой и спешной, чтобы освободить путь сообщения по Дунаю. Эти второстепенные операции будут однако возможны после улучшения путей сообщения постройкой новых линий железных дорог, чтобы обслуживать Русско-Румынский фронт *).

Во всяком случае, веря заявлениям, сделанным генералом Гурко на Конференции, эти операции будут тем более важны, что румынские войска смогут, под тем или другим предлогом, принять в них более широкое участие. Следовательно, насколько возможно, необходимо восстановление этих войск. Вот почему я постарался совместно с Главным Русским Командованием уладить условия, в которых будут сделаны перевозки материалов для Румынской армии. Этот вопрос ныне урегулирован следующим образом:

При ген. Сахарове назначен Начальник тыла, который будет получать все требования Румынского правительства. Они будут немедленно переданы Русскому военному министру, соответствующие службы которого будут удовлетворять их в размере до одного поезда в день; ген. Жанен со своей стороны будет держаться нашей Миссией точно в курсе всех представленных требований и следить лично за исполнением приказов, отданных для выполнения этих заявок согласно заключенным конвенциям. Восстановление Румынской армии столкнется, надо это признать, с очень большими трудностями.

Без сомнения, Русское правительство, как говорят, проникнуто наилучшими намерениями и этому надо верить. Но кризис транспорта в течение еще долгих дней будет парализовать его доброе желание.

С другой стороны, представители Румынии, мне кажется, полны недоверия к своему могущественному соседу и это не может облегчить их отношения и их соглашения.

Наконец, Главное Русское Командование высказывает наиболее глубокий скептицизм на настоящую и будущую ценность румынских дивизий.

Я побаиваюсь, что это мнение частично имеет свои основания. Ген. Бертело признаем в румынском солдате серьезные качества и реальную легкость восприятия и ассимиляции в офицере, но он добавляет, что последний не имеет «чувства долга», нужно не только его обучить, но и морально поднять на высоту его роли. Румынская армия будет еще долго посредственным орудием войны, используемым главным образом на участках обороны.

Офицеры нашей Миссии в Румынии имеют и будут иметь трудную и тяжелую задачу, чтобы восстановить Румынскую армию и затем вести ее в бой. Они выполняют эту задачу в особенно суровой обстановке вследствие условий жизни в Молдавии и той изолированности, в которой они находятся среди иностранной армии.

Они живут некоторым образом без контакта с Францией, поскольку новости из Отечества, а также от их семейств недостаточны. Их моральное состояние не может не страдать от этого.

Следовательно нужно подумать о необходимых мерах в соглашении с Англией, чтобы возможно более регулярные сношения были установлены между нашей страной и Россией.

*) Бельцы - Унгены; Бендеры - Унгены; Липкани - Дорогой; Берлад - Бессарабская.

IV

ФРАНЦУЗСКАЯ МИССИЯ В РОССИИ

Мне не надо было ждать момента представления этого рапорта, чтобы воздать должное офицерам Миссии и ее начальнику ген. Жанену.

Правительство Республики хотело дать этому генералу свидетельство своего доверия и я со своей стороны испытал большое удовлетворение передав его ему в то время, когда все союзные миссии были собраны в Петрограде.

Ныне я считаю себя обязанным привлечь ваше высокое внимание на некоторые обстоятельства, которые, как мне кажется, могут развить наше влияние в России и сделать там наше действие более эффективным.

По правде сказать наиболее сильная услуга, которую мы можем оказать нашей союзнице, кроме материальной помощи, которую мы оказываем, это содействовать в возможно большем размере в обучении ее армии.

Она представляет собой значительную силу, которая не должна и не хочет быть распыленной, как я это недавно слышал. Нужно предоставить русским средства сражаться иным способом — с меньшими потерями и с большим результатом.

Вот этой задаче, особенно деликатной, так как она требует много знаний и терпения, наша военная Миссия должна приложить все усилия. Инструкция, приложенная к этому докладу, была дана генералом Жаненом штаб-офицерам, откомандированным в штабы фронтов, позволит вам оценить осторожные положения, принятые для этой цели. Но много других вопросов ускользает от действий Главы нашей военной Миссии.

По просьбе одного влиятельного лица, одного военного атташе, одного русского фицера, прибывшего во Францию, какая-то миссия пустилась в путь — в Россию, без того, чтобы кого-либо об этом предупредить, даже русскую военную власть. Это беспорядок!

Факты, содержащиеся в приложении IV настоящего рапорта покажут вам тяжелые последствия подобного поведения.

Генерал Жанен был послан в Россию как глава всех военных миссий, которые туда уже были от-

правлены. Этот уже установленный принцип должен быть строго прилагаться ко всему Русско-Румынскому фронту. С момента отъезда ген. Бертело установлено, что технические миссии зависят от ген. Жанена только в административном и дисциплинарном отношениях.

Никакая посылка персонала не должна происходить помимо его, чтобы он мог удостовериться, что этот персонал используется надлежащими русскими военными властями.

С другой стороны, ген. Жанен является представителем Французского Верховного Командования при Верховном Главнокомандующим русскими армиями. Важно, чтобы его деятельность не затруднялась работой других офицеров, действующих помимо его и выступления которых в недавних обстоятельствах не всегда были счастливы.

Для этой цели было бы желательно уточнить:

1) Связь между Французским и Русским главными командованиями производится исключительно через генерала Жанена;

2) Связь между ген. Жаненом и Французским Главным Командованием обеспечивается специально для этого назначенными офицерами.

Последняя связь является необходимой для обмена идеями, которые не могут быть достаточно изложены на ограниченной по площади шифрованной телеграмме, а также доставить нашей военной Миссии в России те элементы трудов, которые для нее необходимы.

Нынешняя война является непрерывной эволюцией всех методов боя. За всем нужно неусыпно следить, чтобы не быть опереженным противником. С другой стороны, наши агенты должны быть вполне документированы о событиях, происходящих на нашем фронте.

Но посылка таковых документов не может зависеть от запросов потому, что тогда они не будут получены в желательное время *). И даже необходимо, чтобы был организован узкий контакт, который поддерживался бы между всеми нашими другими миссиями, работающими в России и в нашем Отечестве, для того чтобы следить за быстрым выполнением их просьб или же, чтобы они использовали успехи, реализованные во Франции в различных отраслях военной промышленности.

Чтобы ответить на эту необходимость, мне кажется полезным создать под ведением Военного Министра или же поручить обеспечивать постоянную связь с нашими миссиями какому-нибудь другому специально назначенному органу. Этот орган будет получать все просьбы и передавать их министерствам или компетентным службам, будет следить за ходом дела по инстанциям и держать миссии в курсе принятых или намеченных решений.

Он должен будет разыскивать и собирать все сведения и документы, способные по существу своему интересовать наши миссии, базируясь либо на обмене корреспонденцией, либо указаниями, доставленными офицерами связи.

Наконец, во Франции будет как бы «порт приписки» этих офицеров связи, которые в нем найдут перед каждой периодической их отправкой в Россию документы со всеми необходимыми комментариями, инструкции или другую корреспонденцию для доставки нашим миссиям.

Этот орган, по моему мнению, должен явиться частью той службы, которая функционирует в доме № 4-бис на бульваре Инвалидов. Материальная организация службы связи и курьеров должна также привлечь внимание Правительства. Мне кажется действительно необходимым, чтобы соглашение с Британским правительством обеспечивало регулярный отход судов в северные порты России. Путь через Берген не кажется теперь достаточно верным, чтобы им можно было удовлетвориться. Затем также необходимо укрепить наш авторитет. Мы не можем упустить из виду, что капитан Главного Штаба занимает во Франции положение, которое в России занимается генерал-майором. Такой же распорядок существует и в Румынии. Поэтому генералу Бертело было дано право, при некоторых условиях, производить временно в высшие чины персонал, находящийся под его начальством.

Я считаю, что следует предоставить аналогичные права и генералу Жанену, учитывая особенно, что он будет иметь под своим начальством офицеров, командированных в части Румынской армии.

Я закончу свой рапорт сообщением вам о материальных затруднениях, которые испытывает в России различный наш персонал, откомандированный нами туда. Одна заметка ген. Жанена должна была вам дать некоторое представление о странных условиях жизни в этой стране.

Недавнее министерское решение увеличило командировочные деньги нашим офицерам. Со своей стороны я считаю принятые решения недостаточными и полагаю, что этот вопрос должен быть снова исследован на базах, которые вам будут указаны Главой нашей Военной Миссии.

---

*) Очень жаль, например, что первые карты Вердена прибыли в нашу Военную Миссию в июле 1916 г., карты Соммы — в январе 1917 г. Многочисленные подобные случае и неудобства, которые от этого произошли, излишне рассказывать.

Документы:

MINISTERE DE LA GUERRE
Mission en RUSSIE

SECRET

Paris, le 9 Mars 1917.

RAPPORT

du Général de Division de CURIERES DE CASTELNAU, Chef de la Mission Militaire en RUSSIE au MINISTRE de la GUERRE — (Cabinet).

(Suite)

III

LA QUESTION ROUMAINE

Par votre télégramme N° 188/89 du 5 Février dernier, vous m'avez signalé l'intérêt que voyait Monsieur DE SAINT-AULAIRE à ce que je me rendisse à BERLAD, après la Conférence de PETROGRAD.

Je vous ai fait connaître en temps utile pourquoi ce voyage ne me paraissait pas opportun ; et comme je vous en ai rendu compte, je me sius borné à appeler près de moi le Général BERTHELÛT, afin de m'entretenir avec lui de toutes les questions concernant nos intérêts et notre Mission militaire en ROUMANIE.

Il ne faut pas nous dissimuler que notre situation y est maintenant assez délicate. Les Russes jugent très lourde la charge que leur impose une extension de leur front de près de 500 kilomètres ; aussi entendent-ils exercer, sans contrôle, la direction des opérations sur le front Roumain. De leur côté, les Roumains ne semblent pas avoir la ferme volonté de poursuivre résolument les efforts et les sacrifices qui leur assureraient une pleine indépendance vis-à-vis de tous leurs Alliés.

J'en ai eu personnellement l'impression au cours de mon entretien avec M. BRATIANO. Dans la visite qu'il m'a faite, le Chef du Gouvernement Roumain s'est longuement étendu sur l'état dans lequel se trouve son Pays et sur les maux que la guerre lui a apportés. C'est une nécessité pour nous, m'a-t-il dit, de ne pas être abandonnés par la France, car, à l'heure actuelle, nous ne sommes plus les maîtres de nos destinées et dépendons d'une autre Puissance. Mais il n'aurait vraisemblablement pas été question de notre Mission Militaire, si je n'avais pris soin d'amener la conversation sur ce sujet. Lorsque je l'eus assuré du zèle et du dévouement de nos Officiers pour mener à bien la tâche qui leur était confiée, M. BRATIANO, au lieu d'exprimer les sentiments de vive gratitude que j'attendais de lui, se borna simplement à répliquer que la plupart de nos Officiers étaient très bien et à prononcer pour certains d'entre eux quelques paroles de sympathie.

J'ai, par siute, été amené à conclure que nous ne trouverions pas auprès de lui, en toutes circonstances, l'appui sur lequel nous pouvions être en droit de compter, et c'est pourquoi j'ai cru devoir appeler votre attention sur la réserve et la prudence qui nous étaient imposées.

Le Général GOURKO, d'ailleurs, m'a formellement demandé que la tâche de notre Mission Militaire soit limitée à la réorganisation de l'Armée Roumaine ; il a, en outre, insisté près de moi pour que le Général BERTHELOT quitte BERLAD, et se rende au milieu des troupes avec lesquelles il doit garder maintenant un contact plus étroit.

Je vous en ai fait part dans mon télégramme N° 19/C du 19 Février, par lequel je vous ai également soumis les propositions que vous avez bien voulu approuver, relativement à la nouvelle organisation de la Mission et au retour en FRANCE du Général BERTHELOT.

Vous estimerez, sans doute, avec le Gouvernement, qu'il convient, pour maintenir notre prestige et pour assurer au Général BERTHELOT, avec la juste récompense de ses services, la compensation morale à laquelle il a incontestablement droit, d'accorder à cet officier Général une haute distinction honorifique.

A l'heure présente, l'Armée Roumaine comprend :

a) — 6 Divisions très éprouvées, aux ordres du Général AVERESCO, qui tiennent un secteur restreint du front ;

b) — 9 autres Divisions en voie de réorganisation dans la zone fixée après entente avec la Haut Commandement russe.

Il parait asses peu probable que ces quinze Divisions puissent être toutes reconstituées. La Conférence a fait, du reste, sur ce point, des réserves d'autant plus justifiées que la réorganisation des 9 Divisions susvisées s'est poursuivie jusqu'ici dans des conditions assez défectueuses, par suite des retards apportés à la livraison du matériel nécessaire (effets d'habillement et d'équipement, armement, artillerie, etc...)

La crise des transports a atteint, en ROUMANIE, un état particulièrement grave ; le matériel roulant replié sur l'arrière encombre toutes les voies de garage, tandis que l'usure des locomotives et l'insuffisance des moyens de réparation occasionnent de fréquentes détresses qui diminuent considérablement le débit déjà trop faible des lignes.

D'autre part, les routes sont dans un état déplorable et le circulation en automobile y est devenue tout à fait impossible.

Ces quelques détails vous permettront de vous rendre compte des difficultés que présenteraient la préparation et l'exécution prochaine d'une puissante offensive sur lo front russo-roumain. Comme je vous

en ai rendu compte. les Russes se borneront de ce côté à des actions secondaires parmi lesquelles il faut mentionner en premier lieu l'opération prévue en DOBROUDJA, qu'ils jugent indispensable et urgente pour dégager la voie de communication du DANUBE.

Ces opérations secondaires ne seront d'ailleurs possibles qu'après l'amélioration des voies de communications et la construction de nouvelles lignes de chemin de fer pour desservir le front Russo-roumain. (1)

De toutes façons, si j'en crois les déclarations faites par le Général GOURKO à la Conférence, ces opérations seront d'autant plus importantes que les troupes roumaines pourront, à quelque titre que ce soit, y prendre une plus large part.

Il convenait donc de faciliter autant que possible la reconstitution de ces troupes, et c'est pourquoi j'ai tenu à règler, de concert avec le Haut Commandement russe, les conditions, dans lesquelles seraient faits les transports à destination de l'armée roumaine. Cette question est maintenant réglée de la manière suivante :

Auprès du Général SAKHAROV a été nommé un Directeur de l'Arrière qui recevra toutes les demandes du Gouvernement roumain. Elles seront immédiatement transmises au Ministre de la Guerre russe dont les services intéressés ont ordre d'y donner satisfaction jusqu'à concurrence d'un train par jour ; le Général JANIN sera de son côté tenu exactement au courant par notre Mission des demandes formulées ; il suivra personnellement l'exécution des ordres donnés pour la satisfaction de ces demandes dans le cadre des conventions intervenues.

La reconstitution de l'Armée roumaine se heurtera, il faut bien le reconnaître, à de très graves difficultés.

Sans doute, le Gouvernement russe se dit animé des meilleures intentions, et il faut le croire. Mais la crise des transports paralysera pendant de longs jours encore sa bonne volonté.

D'autre part, les Représentants de la ROUMANIE m'ont paru remplis de méfiance vis-à-vis de leurs puissants voisins, ce qui n'est pas pour faciliter les relations et les ententes.

Enfin, le Haut Commandement russe témoigne du plus profond scepticisme sur la valeur présente et future des Divisions roumaines.

Je crains que cette opinion ne soit en partie fondée. Le Général BERTHELOT reconnaît de sérieuses qualités militaires au soldat roumain et de réelles facultés d'intelligence et d'assimilation à l'Officier. Mais il ajoute que ce dernier n'a pas « le sentiment du devoir ». Il faut donc non seulement l'instruire, mais l'élever moralement à la hauteur de son rôle.

L'armée roumaine ne sera de longtemps qu'un médiocre outil de guerre utilisable surtout dans des secteurs défensifs.

Les Officiers de notre Mission en ROUMANIE ont et auront une très lourde et dure tâche à remplir, et pour refaire l'armée roumaine et pour la conduire ensuite au combat.

Ils l'accomplissent dans des coditions particulièrement sévères, en raison des difficultés de l'existence en MOLDAVIE et de l'isolement dans lequel ils y vivent au milieu d'une armée étrangère.

Ils sont,, en quelque sorte sans contact avec la FRANCE, tant les nouvelles de la Patrie ou de la famille leur sont parcimonieusement mesurées. Leur état moral ne peut que s'en ressentir fâcheusement.

Il est donc indispensable d'aviser aux mesures nécessaires, d'accord avec l'ANGLETERRE, pour que des communications aussi régulières que possible soient établies entre nos pays et la RUSSIE.

IV

LA MISSION FRANCAISE EN RUSSIE

Je n'ai pas attendu le moment de présenter ce rapport pour rendre aux Officiers de la Mission Française et à leur chef, le Général JANIN, l'hommage qui leur était dû.

Le Gouvernement de la République a bien voulu donner à cet officier général un éclatant témoignage de la confiance qu'il a en lui ; et j'ai éprouvé, pour ma part, la plus grande satisfaction à le lui transmettre au moment où toutes les Missions Alliées étaient réunies à PETROGRAD.

Je crois maintenant devoir appeler votre haute attention sur certaines dispositions qui me paraissent de nature à développer notre influence en RUSSIE et à y rendre notre action toujours plus efficace.

A vrai dire, le service le plus immédiat que nous pouvons rendre à notre Alliée, en dehors de l'aide matérielle que ious lui prêtons, est de contribuer dans la plus large mesure possible, à l'instruction de son armée.

Celle-ci représente une force considérable qui ne doit pas et ne veut plus être gaspillée ; comme je l'ai laissé entendre précédemment, les succès à coups d'hommes ont fait leur temps.

Il importe donc de fournir aux Russes les moyens de se battre autrement, avec moins de pertes et, sans doute aussi, plus de résultats.

C'est à cette tâche particulièrement délicate, car elle demande beaucoup de savoir et de patience, que notre Mission Militaire doit surtout appliquer ses efforts.

L'instruction ci-jointe (Annexe V), adressée par le Général JANIN aux Officiers Supérieurs détachés dans les Groupes d'Armées, vous permettra de vous rendre compte des judicieuses dispositions prises à cet effet.

Mais bien d'autres questions échappent à l'action du Chef de notre Mission Militaire.

Sur la demande d'un personnage influent, d'un

(1) — BIELTEN - UNGENI ; BENDERI - UNGENI; LIPKANI - DOROGOI ; BERLAD - BESSARARSKAIA.

Attaché Militaire, d'un Officier russe qui vient en FRANCE, tel isolé, telle mission est mise en route pour la RUSSIE, sans que personne en soit avisé, pas même l'autorité Militaire russe ; c'est le désordre !

Les faits relatés à l'Annexe VI du présent rapport vous montreront les graves inconvenients qui sont inhérents à de semblables procédés. Il est indispensable d'y remédier.

Le Général JANIN a été envoyé en RUSSIE comme Chef de toutes les Missions Militaires que la FRANCE y a détachées. Ce principe déjà établi doit être strictement appliqué à l'entier front russo-roumain dès le départ du Général BERTHELOT, étant entendu que les missions techniques ne relèvent du Général JANIN que pour l'administration et la discipline générale.

Aucun envoi de personnel ne doit, en tous cas, être fait en dehors de lui, afin qu'il puisse au moins s'assurer que ce personnel sera accrédité par les autorités militaires russes intéressées.

D'autre part, le Général JANIN est le représentant du Haut Commendement Français auprès du Commandant en Chef des Armées Russes. Il importe que son action ne soit pas contrariée par celle d'autres Officiers, opérant en dehors de lui, et dont l'intervention, en de récentes circonstances, n'a pas toujours été heureuse.

A cet effet, il serait désirable de préciser que :

1). — La liaison entre le Haut Commandement Français et le Haut Commandement Russe est exclusivement assurée par le Général JANIN ;

2). — La liaison entre le Général JANIN et le Haut Commandement Français est assurée par les Officiers désignés à cet effet.

Cette dernière liaison est d'ailleurs indispensable, tant pour permettre les échanges d'idées qui ne trouvent pas place dans le cadre restreint des télégramme chiffrés, que pour fournir à notre Mission Militaire en RUSSIE les éléments de travail qui lui sont indispensables.

La guerre actuelle n'est qu'une continuelle évolution de toutes les méthodes de combat. Il faut les suivre de très près pour ne pas être devancés par nos adversaires. D'autre part, nos agents ont besoin d'être complètement documentés sur les évènements qui se déroulent sur notre front.

Or, l'envoi de tels documents ne peut pas être subordonné aux demandes qui en sont faites, car alors il ne se fait pas en temps voulu (1).

Il est de même nécessaire qu'un contact étroit soit organisé et maintenu entre toutes nos autres Missions opérant en RUSSIE et la Mère Patrie, soit pour veiller à une prompte satisfaction de leurs demandes, soit pour les faire bénéficier des progrès réalisés en FRANCE dans les diverses industries de la guerre.

Pour répondre à ces nécessités, il me paraît indiqué de créer, sous l'autorité du Ministre de la Guerre, ou de désigner un organe qui serait spécialement chargé d'assurer une liaison permanente avec nos missions.

Cet organe recevrait toutes les demandes, les transmettrait aux Ministères ou Services compétents, suivrait la marche des affaires en instance et tiendrait les Missions au courant des solutions intervenues ou à intervenir.

Il lui appartiendrait de rechercher et de rassembler toutes informations ou documentations de nature à intéresser nos missions, en s'inspirant, soit des correspondances échangées, soit des indications apportées par les Officiers de liaison.

Enfin, il serait en FRANCE le port d'attache de ces Officiers de liaison, qui y trouveraient avant leurs départs périodiques pour la RUSSIE, avec tous commentaires utiles, les documents, instructions ou autres correspondances à faire parvenir à nos Missions.

Cet organe doit, à mon sens, faire partie des Services qui faonctionnent au 4 bis du Boulevard des Invalides.

L'organisation matérielle du service des liaisons et des courriers doit également retenir l'attention du Gouvernement. Il me paraît en effet indispensable qu'une entente avec le Gouvernement britannique assure des départs réguliers de navires pour les ports du Nord de la RUSSIE, la voie de BERGEN n'étant plus maintenant assez sûre pour que l'on puisse s'en contenter.

Les dispositions que je viens d'énoncer me semblent devoir régulariser et coordonner les différents éléments de notre action en RUSSIE. Il est tout aussi nécessaire d'y affirmer notre autorité. Nous ne devons pas perdre de vue qu'un Capitaine d'Etat-Major occupe en FRANCE la situation attribuée à un Général de Brigade en RUSSIE. Il en était du reste de même en ROUMANIE ; et c'est pourquoi délégation avait été donnée au Général BERTHELOT de faire, dans certaines conditions, des promotions à titre temporaire parmi le personnel, sous ses ordres.

Je crois qu'il convient de conférer des pouvoirs analogues au Général JANIN, étant donné surtout qu'il va avoir sous sa haute autorité les Officiers détachés dans les unités de l'Armée roumaine.

Je terminerai en vous signalant les difficultés matérielles qu'éprouvent à vivre en RUSSIE les différents personnels que nous y avons détachés. Une Note du Général JANIN a dû vous donner quelques précisions sur ce que sont actuellement les étranges conditions de la vie dans ce pays. Une décision ministérielle récente a relevé les indemnités allouées à nos Officiers. Pour ma part, j'estime insuffisantes les disposition prises et je crois que cette question doit être de nouveau étudiée sur les bases qui vous seront indiquées par le Chef de notre Mission Militaire.

---

(1) Il est fort reprettable, par exemple, que les première cartes de Verdun soient arrivées à notre Mission militaire en Juillet 1916, celles de la SOMME en Janvier 1917. — De nombreux faits analogues se sont produits et les inconvénients qui en résultent sont superflus à signaler.

Содержание журналов кружка любителей русской военной старины — общества ревнителей русской военной старины

«РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА»
Сборник первый 1947 г.

Г. М. Дестрем — Потешные; **А. А. Попов** — Русская армия в старинном фарфоре; **Н. Н. Туроверов** — Кое-что из суворовской старины; **А. К. Савицкий** — Контр-адмирал Поль Джонс (1747-1792); **П. В. Пашков** и **В. Г. фон Рихтер** — Вольные и невольные ошибки в русских медалях: 1. Медаль за десант на Босфоре 1833 г. 2. Медаль за Чесму 1770 г.; Рапорт Платова Кутузову от 7 апреля 1813 г.; **Н. Н. Т.** — Иностранцы-современники о русской армии Екатерининской эпохи; **Г. А. Топорков** — К суворовской биографии; **П. В. П.** — О медалях в память Гангутского боя; Музей Александрийских Ее Величества гусар; **Н. Н. Туроверов** — А. А. Керсновский; **А. А. Керсновский** — Страницы древнерусской доблести; «Кружок Любителей Русской Военной Старины».

РУССКИЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 1. (1948 г.)

А. К. Савицкий — Плевна 1877-1947. **Ю. А. Топорков** — Граф де Сен При (гусар карикатурист); * * * — Список кавалерам Ордена Св. Александра Невского за все время царствования Императрицы Екатерины II-й; **Ю. Т.** — Памятные даты 1848-1948; * * * — Некоторые юбилейные даты на 1948 г.; * * * — формы Русской Армии по официальным и неофициальным данным; * * * — Библиографический отдел 1. Библиография по Венгерскому походу 1849. 2. Россика. 3. Новые издания.

№ 2. (1948 г.)

Ю. А. Топорков — Несколько слов о шефе Таврического гренадерского полка, Иринархе Ивановиче Завалишине и о знаменах этого полка в царствование Императора Павла I-го; **Кн. Н. С. Трубецкой** — Дагестанский конный полк; **В. Г. Ковалевский** — По семейным архивам. К истории Отечественной Войны 1812-го года; Список Кавалерам Ордена Св. Александра Невского за все время Царствования Императрицы Екатерины II-й; Полковые Хроники — Высочайшие подарки л.-гв. Кирасирскому Его Величества полку; Формы и внешность русской армии по официальным и неофициальным данным; Военно-Исторические Курьезы и Мелочи. Таитянская гвардия в форме русских Лейб-Гусар; **А. К. Савицкий** — Плевна (сопоставления и выводы); Император Александр II-й под Плевной (великий пример личного подвига).

№ 3 (1948 г.)

А. К. Савицкий — Отроческий автограф Суворова; **Ю. А. Топорков** — Мариупольский гусарский Императрицы Елисаветы Петровны полк (1748-1948); **В. фон Рихтер** — Три русские экзотические медали; **Ю. Т.** — Великий Князь Михаил Павлович (к 150-летию со дня рождения); * * * — Сто лет со дня смерти генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского; Vicomte Grouvel — Liste des officiers Russes nommés dans les Ordres de St Louis et du mérite militaire sous les règnes des Rois Louis XVIII et Charles X.

№ 4 и 5 (1949 г.)

А. Холево — Беатриче Гранди, шпионка Суворова; **А. К. Савицкий** — Суворов в 1799 году. Основная библиография по Сувороведению; **В. Г. фон Рихтер** — Заметки по русской медалистике: 1. Курьезная медаль. 2. Вопрос участникам усмирения Боксерского восстания. 3. К истории одной экзотической медали; **В. В. Верещагин** — Малолетний корпус (воспоминания); **Ю. Т.** — Несколько памятных дат к 1949 г.; **А. К. С-кий** — О гренадерских шапках л.-гв. Павловского полка; **Н. И. Панов** (Сообщ.) — Гусарские шалости; * * * — «Кадеты» (заметка); **А. С.** — Как Семеновцы спасли Вандомскую колонну.

№ 6 (1950 г.)

П. Б. Сушильников — Из Воспоминаний Астраханского Гренадера. 1914-й год; **Кн. Н. С. Трубецкой** — Осада Аула Чох; **Ю. А. Топорков** — Фельдмаршал Князь Паскевич в Венгерскую Кампанию 1849 г.; **В. Г. фон Рихтер** — Особые отличия за Очаков, Измаил, Прагу, Прейсиш-Эйлау и Базарджик; **А. К. Савицкий** — Международное значение Полтавской Битвы; **А. С.** — Отдание чести; Из военной поэзии XIX-го века; **А. К. С-кий** — Мемуары графини де Шуазель-Гуффие; Редакция — 250 лет учреждения Лейб-Гвардии 22 августа 1700 г.; Исторические документы — Два письма.

№ 7 (1950 г.)

Ю. А. Топорков — К вопросу о точной дате учреждения российской лейб-гвардии; **А. К. Савицкий** — Международное значение Полтавской битвы; **Б. Д. Приходкин** — Фельдфебель Балабин; **А. Мюнстер** — Генерал-от-Инфантерии, граф М. А. Милорадович; **А. И. Михайловский-Данилевский** — Воспоминания о графе М. А. Милорадовиче; **П. Б. Сушильников** — Из воспоминаний Астраханского Гренадера (1914 г.). 14 августа 1914 г.; **А. К. Савицкий** — Русский воин в создании отечественной культуры.

№ 8 (1951 г.)

А. Мюнстер — Адмирал М. Д. Лазарев; **А. Л.**

Марков — Фельдъегерский Корпус; Документы: 1. Письмо А. П. Ермолова, II. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа; **Б. Ф. Петров** — От Ханского Поста до Зивина; Из Дневника **Н. Д. Ханенки** за 1722 год; **А. К. Савицкий** — Суворов и Бонапарт (Материалы для сравнительной характеристики); **В. В. Верещагин** — Малолетний корпус (Воспоминания); Из военной поэзии XIX-го века; * * * — Военные награды в Допетровскую эпоху (Историческая справка).

№ 9 (1951 г.)

Ю. А. Топорков — К трехсотлетию учреждения Слободских казачьих полков 1651-1951; **А. А. Марков** — Россия и мамелюки Египта; **Vicomte Grouvel** — Le Corps de Condé en Russie; **А. К. Савицкий** — Из прошлого русской внешней политики и стратегии: Воспоминания американского дипломата о России (1854-1855); **А. Стахович** — Подвиг мл. ун.-офицера Кузнецова.

№ 10 (1952 г.)

Проф. П. Е. Ковалевский — Царь Алексей Михайлович как военачальник; **А. Мюнстер** — Атаман М. И. Платов; **А. Л. Марков** — Бытовые черты старой русской армии: 1. Дети полка, 2. Поединки в русской армии; **П. Б. Сушильников** — Капитан — генерал (из воспоминаний Астраханского гренадера); **Князь В. И. Шаховской** — Отрывки военного прошлого; **А. К. Савицкий** — Пушкин военный.

№ 11 (1952 г.)

П. В. Пашков — Екатерининский Военный Орден; **А. А. Левицкий** — Отрывки воспоминаний; **А. К. Савицкий** — Пушкин военный; **А. К. С-кий** — Три памятные годовщины; **А. С-ч** — Заметки о русских медалях; Исправления и добавления читателей к некоторым статьям, помещенным в № 10 «Вестника»; * * * — Сколько же верст покрыл сотник Пешков от Благовещенска до Петербурга на своем «Серко»; **А. К. С.** — Выставка исторических форм русской армии; **В. Г. Ковалевский** — Знак Отличия Святой Равноапостольной Княгини Ольги; Из личного архива генерал-адъютанта Императора Николая I-го, В. К. Кнорринг; * * * — Лейб-Эриванцы в Великой войне.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1 (май 1953 г.)

Ю. А. Тоторков — К 250-летию С. Петербурга; **Г. М. Дестрем** — К 250-летию со дня основания Санкт-Петербурга; **А. В. Щитков** — Топография военного С. Петербурга; **П. Е. Ковалевский** — Храмы Военного Ведомства и храмы, связанные с военной стариной в С. Петербурге; **А. Л. Марков** — Зимный Дворец; **А. Гордеев** — Петр Великий и казачество; **В. А. Петрушевский** — К 250-летию основания Санкт-Петербурга (Стихотворение); **Ю. С. Ртищев** — Английский клуб в Петербурге.

№ 2 (ноябрь 1953 г.)

М. О. Кубе — Синоп (1853-1953); **А. К. Прежбяно** — Император Александр II в Турецкую войну 1877 г. (Из писем кап. К. П. Прежбяно); **С. А. Топорков** — К 75-летию Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Речь, произнесенная председателем Славянского благотворительного общества И. С. Аксаковым 22 июня 1878 г.; **В. Г. фон Рихтер** — Несколько писем Адмирала графа Л. П. Гейдена; **С. Т.** — Страница воспоминаний; **П. Л. Бирк** — В резерве (Из двевника); **Н. В. Зарецкий** — Ко дню сорокалетия открытия памятника М. Ю. Лермонтову; **В. В. Дейтрих** — Письмо в редакцию; К этому номеру приложена иллюстрация — «Истребление турецкой эскадры при Синопе 18 ноября 1853 г.» с картины А. Боголюбова, рез. на дер. Гогенфельден.

№ 3 (июль 1954 г.)

А. К. Прежбяно — Император Александр II в Турецкую войну 1877 г. (из писем кап. К. П. Прежбяно); **С. Е. Плотников** — Николаевское инженерное училище. Религиозно-нравственное воспитание; Из «Воспоминаний» кап. 2 р. **Ф. В. Северина** — Поход эскадры контр-адмирала Небогатова на Дальний Восток в 1905 году; **В. В. Дейтрих и И. Н. Оприц** — Материалы к истории царствования Императора Павла Петровича; **Н. Н. Туроверов** — Письмо г.-л. Сабанеева графу М. И. Платову; **А. П. Айвазовский** — Из воспоминаний Нижегородского драгуна; **В. А. Карамзин** — Встреча с Н. С. Гумилевым; **В. П. Семенов-Тян-Шанский** — Из жизни ген.-ад. Я. И. Ростовцова; К этому номеру приложена иллюстрация «Караул Гвардейского Экипажа в Париже 29 марта 1814 года». С картины худ. Розена, находившейся в офицерском собрании Гвардейского Экипажа и подаренной ему Великим Князем Алексеем Александровичем.

№ 4 (ноябрь 1954 г.)

Н. Л. Пашенный — Восточный вопрос (к 100-летию Восточной войны 1853-1856 гг.); К 50-летию защиты Порт-Артура; **Ген.-лейт. В. Ф. Берг** — Воспоминание о Порт-Артуре; **К.-адм. Н. Л. Максимов** — В осажденном Порт-Артуре; **В. Г. фон Рихтер** — Казак А. Земленухин в Лондоне в 1813 году; **Документы: Н. В. Зарецкий** — Письмо Гр. Н. И. Салтыкова ген.-анш. В. Х. Дерфельдену (1795 г.); **Ю. А. Топорков** — Письмо кн. А. Б. Куракина (1809 г.); **А. К. Прежбяно** — Император Александр II в Турецкую войну 1877 г. (Из писем кап. К. П. Прежбяно...); К этому номеру приложена иллюстрация: «Александр Земленухин, казак Донского казачьего Сулина 9-го полка». С редкой гравюры, изданной в Ирландии.

№ 5 (май 1955 г.)

Некоторые памятные даты в 1955 году; **Вице-адмирал В. Руднев** — Воспоминания командира пароходо-фрегата «Херсонес» об участии этого парохода в обороне Севастополя; **Н. Л. Пашенный** — Восточный вопрос (к 100-летию Восточной войны 1853-1856 гг.) (продолжение); Из «Воспоминаний» кап. 2 ранга **Ф. В. Северина** (продолжение) — Поход эскадры контр-адмирала Небогатова на Дальний Восток в 1905 году. Цусима и Плен; Из «Воспоминаний» страш. инж.-мех. **В. В. Сакса** — Эскадренный миноносец «Громкий»; Из «Воспоминаний о Порт-Артуре кап. 1-го ранга **Н. В. Иениш** — Генерал Р. И. Кондратенко; **Р.** — Из прошлого; Документы: **П. А. Михайлов** — Письмо Императора Николая I князю М. С. Воронцову (1854 г.) и письмо генерала Канробера своему кузену (1855 г.); Полк. **И. Рубец** — Письмо в редакцию; К этому номеру приложена иллюстрация: Император Николай I-й в мундире лейб-гвардии Казачьего полка. Рисунок (карандаш и гуаш) неизвестного художника: пибликуется впервые.

№ 6 (ноябрь 1955 г.)

Н. Л. Пашенный — Восточный вопрос — к 100-летию Восточной войны 1853-1856 гг. (продолжение); **А. К. Прежбяно** — Император Александр II в Турецкую войну 1877 г. (из писем кап. К. П. Прежбяно); **В. П. Семенов-Тян-Шанский** — Несколько эпизодов из жизни генерал-адъютанта Я. И. Ростовцова (продолжение); **В. Ч.** — Из материалов к истории 3-го саперного батальона; **В. Г. фон Рихтер** — Английский фаянс 1812-1813 гг. с русскими изображениями; Из дневника и записок генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильд Паулина (1914-1916 гг.); **А. Н. Клейгельс** — Генерал-адъютант Н. В. Клейгельс; Русские витрины в музее Французской армии; К этому номеру приложена иллюстрация: Английский фаянс 1812-1813 гг. из собрания В. Г. фон Рихтера.

№ 7 (май 1956 г.)

М. В. Карханин — Русские войска во Франции 1916-1918 гг.; **Н. Пашенный** — Восточный вопрос (К 100-летию Восточной войны 1853-1856 гг.); **В. Г. фон Рихтер** — Еще об английской керамике с русскими сюжетами; **П. Ковалевский** — Военные поселения (Их происхождение и их цель); **Кн. Н. С. Трубецкой** — Легенда о подземном ходе в Пажеском Е.И.В. корпусе; Из дневника и записок генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильд Паулина (1914-1916 гг.); **Ю. А. Топорков** — Неизданное письмо адмирала Ф. Ф. Ушакова; **Князь Н. С. Трубецкой** — Записки генерал-лейтенанта Князя В. С. Трубецкого (1776-1841); **В. Г. фон Рихтер** — Новый труд о русских медалях; К этому номеру приложена иллюстрация: Английская керамика начала XIX ст. с русскими военными сюжетами из собрания В. Г. фон Рихтера.

№ 8 (ноябрь 1956 г.)

М. Голубев — Великий Князь Николай Николаевич — Верховный Главнокомандующий (к 100-летию со дня рождения); **А. Розеншильд Паулин** — Из дневника и Записок ген.-лейтенанта А. Розеншильда Паулина 1914-1916 гг. (окончание); **А. Забелин** — Воспоминания об Императоре Александре II-ом; **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского Флота Великий Князь Константин Николаевич; **Н. Пашенный** — Восточный Вопрос (1856-1879); **М. Г.** — Беззаветная преданность; **А. Поливанов** — Светлой памяти генерал-адъютанта Павла Ивановича Мищенко; **Е. Е.** — Живой Источник (библиография).

№ 9 (май 1957 г.)

Памятные даты 1957 года; **Кн. Н. Трубецкой** — Знамена и Штандарты Армии Принца Конде (пожалованные Императором Павлом I-м); **Кн. А. Искандер** — Небесный Поход; **Г. Месняев** — На Кавказ (Отрывок из одной семейной хроники); **Д. Ходнев** — Еще про легенду о «Федоре Кузьмиче» (из архива л.-гв. Финляндского полка); **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского Флота Великий Князь Константин Николаевич; **Н. Пашенный** — Восточный Вопрос; **М. Г.** — Род Князей Шуйских (библиография); **М. Г.** — Контра (библиография).

№ 10 (ноябрь 1957 г.)

М. Голубев — К 75-летию кончины генерала М. Д. Скобелева; **М. Литвизин** — Еще о генерале М. Д. Скобелеве; **Кн. А. Искандер** — Небесный Поход; **В. Абданк-Коссовский** — Среди параболических зеркал и минных полей; **Е. Янковский** — История шефства л.-гв. Кексгольмского п. и о полковых юбилейных шефских медалях; **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского Флота Великий Князь Константин Николаевич; **Н. Пашенный** — Восточный Вопрос (1856-1879); **М. Г.** — «Досуг Псковича» (библиография).

№ 11 (май 1958 г.)

Г. Месняев — Царственный Поэт-Воспитатель (к столетию со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича); **Кн. А. Искандер** — Небесный Поход; **С. Калугин** — Персидская Казачья Его Величества Шаха Персии Дивизия; **С. Булацель** — Воспоминания о службе в Персидской Казачьей Его Величества Шаха Дивизии; **А. Забелин** — Воспоминания об Императоре Александре III; **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского флота Великий Князь Константин Николаевич; **Н. Пашенный** — Восточный Вопрос (1856-1879); **Ю. Т.** — Библиография.

№ 12 (ноябрь 1958 г.)

А. Щитков — К 200-летию Семилетней войны; **А. Арсеньев** — Кавказская Туземная Конная Дивизия; **Е. Милоданович** — В Николаевской Академии Генерального Штаба; **А. Забелин** — Воспоминания об Императоре Николае II; **В. Каменский** — Воспоминания курьера ген. Врангеля; **Л. Пеньков** — На передовом опорном пункте (из воспоминаний старого пластуна); **А. Поливанов** — Эпизод из 1-ой Мировой войны; Обращение Попечительного Совета Музея Русской Конницы в США; **Л. Н.** — Библиография.

№ 13 (май 1959 г.)

К 250-летию Полтавской битвы. Фотография юбилейной медали. Приказ Царя Петра Первого войскам накануне Полтавской битвы; **Г. Бах** — Тегеран. Май 1914 — апрель 1916 г.; **А. Обручев** — Граф Д. А. Милютин. П. С. Ванновский и Н. Н. Обручев. На службе у четырех Императоров; **Р. Колчак** — Адмирал Колчак. Его род и семья (Из семейной хроники); **П. Бирк** — Бой 2-го эскадрона на высоте 1547 22 июля 1916 года (Из боевой истории Приморского драгунского полка); **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского флота Великий Князь Константин Николаевич (продолжение): **К. Х.** — Справочный отдел; **Ю. Т.** — Библиографические заметки.

№ 14 (ноябрь 1959 г.)

Исправления и опечатки в № 13; **М. Литвизин** — К столетию взятия Гуниба и пленения Шамиля; **Г. Бах** — Тегеран. Май 1914 — апрель 1916 г. (продолжение); **Владимир фон Рихтер** — Лейб-Компанцы; **А. Забелин** — Воспоминания об Императоре Николае II-м; **Р. Колчак** — Адмирал Колчак. Его род и семья (Из семейной хроники); **Я. Кефели** — Воспоминания морского врача; **Ю. Топорков** — Письмо Имп. Николая I графу М. С. Воронцову, 1832 г.; **Кн. Н. Т-й** — К 50-летию со дня кончины Великого Князя Михаила Николаевича.

№ 15 (май 1960 г.)

Персидский фронт в 1915-1918 гг. Приказ генерала Баратова; **Р. Колчак** — Необходимое уточнение по поводу «ошибки» Пушкина в его переводе «Записок бригадира Моро де Бразе»; **Е. Масловский** — Из истории 153-го пехотного Бакинского полка; **Князь Н. Трубецкой** — Из боевой хроники Бакинского полка; **Е. Молло** — Золотое оружие; **С. Андоленко** — Памятники русской военной старины в Шантии; **Ю. Топорков** — Заметки по поводу фотографий знамен и документов, переданных С. П. Андоленко редакции «Воен.-Историч. Вестника»; **Я. Кефели** — Воспоминания морского врача (продолжение); **В. фон Рихтер** — Памяти А. А. Стаховича; **Н. Чириков** — Генерал-адмирал русского Императорского флота Великий Князь Константин Николаевич (продолжение); **А. Долгополсв** — О гербах лейб-компанцев; **К. Х.** — Справочный отдел. Откуда произшоло название «кивер» и когда появилась шашка в русской армии?; **Ю. Т.** — Памятные даты в 1960 году; К этому номеру приложена иллюстрация «Золотое оружие».

№ 16 (ноябрь 1960 г.)

Памятные даты на 1961-й год; **П. Шатилов** — Военная разведка на кавказском фронте; **Б. Геруа** — К Стоходскому бою 15 июля 1916 года; **Р. Колчак** — Адмирал Колчак. Его род и семья (продолжение и окончание); **В. Матвеев** — Шведский дипломат о Суворове; **В. Каменский** — Воспоминания курьера генерала Врангеля (продолжение и окончание); **В. фон Рихтер** — 50-летний знаменательный юбилей; **А. Обручев** — Георгиевский Праздник; **Я. Кефели** — Воспоминания морского врача (продолжение); **Е. А.** — К 200-летию взятия Берлина в 1760 году.

№ 17 (май 1961 г.)

Князь М. Д. Шаховской — Ермолов; **А. А. Терне** — Из воспоминаний (1915 г.); **Б. Н. Левшин** — Августейший Шеф оплка; **Я. И. Кефели** — Воспоминания морского врача; **С. С. Булацель** — Санвайзе; **Е. С. Молло** — Польский знак отличия за военные достоинства; **Б. В. Фомин** — За Стоходом.

№ 18 (ноябрь 1961 г.)

Некоторые памятные даты в 1962 году; **С. А. Топорков** — Граф Ф. А. Келлер (Материалы к его биографии); **А. А. Терне** — Из воспоминаний (окончание); **Николай Кремнев** — 150-летие лейб-гвардии Московского полка; **Б. В. Фомин** — За Стоходом (окончание); **А. Ю. Кривошей** — Краткая история гренадерских частей в Гражданскую войну; **А. И. Григорович** — Эпизод Гроховского сражения и сохранившиеся в Варшаве памятники героям русской армии; **Ю. А. Топорков** — Библиографические заметки; **Я. И. Кефели** — Воспоминания морского врача (продолжение).

№ 20 (ноябрь 1962 г.)

Некоторые памятные даты в 1963 году; **Князь М. Д. Шаховской** — Русский народ в войне 1812 года; Из бумаг **кн. Н. А. Орлова** — Москва в 1812 году; **Е. А.** — «Воздушный корабль». Один из эпизодов Отечественной войны 1812 года; **Н. Л. Пашенный** — Чернышев и Наполеон; **Е. С. Молло** — Обмундирование войск царствования Императора Александра I-го; **С. С. Булацель и И. С. Булацель** — Беловеж; **Ген.-м Б. Н. Геруа** — Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 года.

(Продолжение в следующем номере «Вестника»)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 45 и 46

Май и ноябрь 1975 года

СОДЕРЖАНИЕ

От Правления. Исправление. Некоторые памятные даты Российской Славы и Скорби в 1976 году 2

Эполеты Ген.-фельдм. кн. Барятинского — **Евгений Молло** 3

О Вензелевых изображениях на эполетах и погонах — **Е. С. Молло** . . 4

Русские в Эфиопии — **Г. Турчанинов** 8

Мысли, которые нельзя произносить вслух — **В. М. Лесеневич** . . . 13

Из воспоминаний (Фрагменты из рукописи) — **Н. И. Лащинин** . . . 17

Операция 1-го арм. корпуса ген. Л. К. Артамонова в августе 1914 года — **Г. А. Артамонов** 21

Встреча на Волге с ген. Сандецким. (О строгости и требовательности военачальников. В порядке обсуждения) — **Л. О. Бек-Софиев** 23

Воспоминания о февральской революции — **Ген.-от-инф. А. А. Адлерберг** 31

Гренадеры в Гражданской войне — **А. Л. Волков** 35

К 55-летию Крымской эвакуации — **К. В. Буря** 36

Содержание №№ 19, 21-38, 41-44 журнала «Военно-Исторический Вестник» 38

«Военно-Исторический Вестник» выходит один или два раза в год.

29-й год издания Кружка Любителей и Общества Ревнителей Русской Военной Старины.

Издается на правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **Л. О. Бек-Софиева.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Членские взносы (минимум 10 фр. фр.), плату за подписку (20 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд направлять Вере Аркадьевне Щитковой:

- банковским чеком на имя Madame Stchitkoff;
- почтовым переводом: Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire, 92600 - Asnières. France. **В этом случае следует добавить 2 фр. фр., которые почта вычитает из получаемой суммы:**
- переводом на: Compte Chèques Postaux, N° 20 883 72 — Paris. Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера Вестника, начиная с № 8. Цена номера 5 фр. фр.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 Paris.

По делам редакции Льву Оскаровичу Бек-Софиеву: M. Beck Sophieff, 18, rue des Ecoles. 92700 Colombes. France.

Заказы на старые номера Вестника направлять Вере Аркадьевне Щитковой.

Общество Р.Р.В.С. издало сборник «Сто крат священ союз меча и лиры». В нем представлено, большей частью избранными четверостишиями, более 600 од, поэм, песен и стихов, посвященных России, ее Царям и полководцам, командирам, военным училищам, кадетским корпусам, солдатам, полкам, войнам, походам и боям. Цель его запечатлеть душу русской армии, такой какой она была «От Петра до Николая».

Цена 15 фр. фр. (с пересылкой). Заказы с приложением стоимости посылать по адресу: Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire. 92600 Asnières. France.

В связи с увеличением стоимости бумаги, типографских работ и почтовых пересылок цена настоящего номера 15 фр. фр.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Редакция приносит извинение за досадный пропуск одной строки при наборе 6-го абзаца сверху на странице 7 нашего «Вестника» № 42/43 в статье В. Каменского. Пропущено между словами — Царскосельского полка: Стрелкового полка и за ним депутация от 14-го Малороссийского...

ОТ «ВЕСТНИКА»

Возросшие материальные трудности как издательского, так и почтового характера, а также уменьшение числа членов Общества и подписчиков на «Вестник», вынуждает нас в 1975 году, с некоторой задержкой, выпустить двойной номер.

Некоторые памятные даты в 1976 году

100 лет — 1876 г. Присоединение Кокандского Ханства к России. Рейхштадское соглашение России и Австрии о Боснии и Герцеговине.

125 лет — 1851 г. Основание Владимирского Киевского кад. корп. и Первого русского Вел. кн. Константина Константиновича, ведущего свое старшинство преемственно от Владимирского. Строительство в С. Петербурге здания Кронверка — Артиллерийский исторический музей. Начало регулярного железнодорожного сообщения между С. Петербургом и Москвой.

150 лет — 1826 г. Начало Персидской войны. 13 сент. Елизаветпольское сражение. Награды — ген. ад. Паскевичу шпага с надписью: За поражение персиян при Елисаветполе; офицеры и солдаты награждены чинами, орденами и знаками отличия.

175 лет — 1801 г. Ночью 11-го марта в Михайловском замке в С. Петербурге убит оппозиционной придворной аристократией, поддержанной английским правительством, царствующий Российский Император Павел 1-ый, гроссмейстер религиозного и военного Мальтийского ордена, с восторгом относящийся к протекторату России над Мальтой для успешной борьбы с Англией на Ближнем Востоке. Утром 12 марта Е.И.В. Наследник Цесаревич и Вел. Ки. Александр Павлович вступил на престол. В С. Петербурге закончено строительство Михайловского манежа, открыт памятник А. В. Суворову, основание Путиловского завода на базе Кронштадтского казенного чугунолитейного и начало строительства Казанского собора, превращенного в 1932 г. в музей религии и атеизма. Добровольное присоединение к России Царства Грузинского.

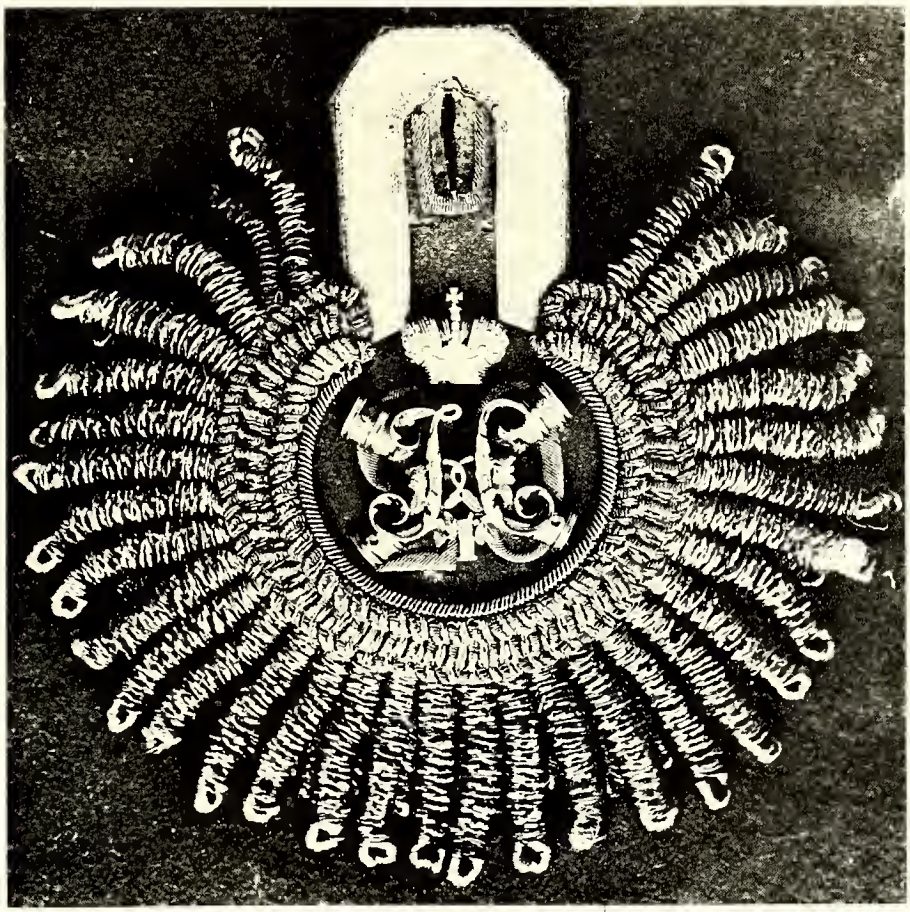
275 лет — 14 января 1701 г. открытие Школы математических и навигацких наук в Москве. 23 июня размещение Школы в Сухаревой башне со всеми бывшими при ней строениями и землей. Сухарева башня являлась образцом нового развития в крупнейшем светском монументальном общественном сооружении, обладающего собственным, национальным, чисто русским архитектурным обликом. Выстроена арх. Чоглоковым в 1692-1695 гг. с Петровской надстройкой в 1698-1701 гг.; превращена в развалины и снесена советскими архитекторами в 1934 году.

Эполеты генерал-фельдмаршала Князя Барятинского

Собрание автора недавно пополнилось парой эполет покорителя Кавказа, генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского, коих изображение дано ниже.

Опишем прежде всего сии эполеты: прибор их — золотой; приборное сукно — синее; шитая золотой канителью шифровка — 20; поверх которой — накладные серебряные генерал-фельдмаршальские жезлы; поверх жезлов — накладной же серебряный вензель Императора Николая I.

Приведем затем соответствующие данные из послужного списка князя А. И. Барятинского: 28 февраля 1847 года — назначен командиром Кабардинского Егерского полка; 23 июня 1848 года — произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту Его Величества; 6 января 1853 года — произведен в генерал-лейтенанты с назначением генерал-адъютантом; 20 июля 1856 года — произведен в генералы от инфантерии с назначением главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и



исправляющим должность наместника Его Императорского Величества на Кавказе; 26 августа 1856 года — утвержден в сей должности; в течение трех последующих лет Кавказ был покорен и Шамиль взят в плен; 6 декабря 1859 года — произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен шефом Кабардинского пехотного полка, наименованного Кабардинским пехотным генерал-фельдмаршала князя Барятинского полком; 25 марта 1864 года полк сей получил наименование 80 пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка.

Как входящему во вторую бригаду 20-й пехотной дивизии, полку сему были присвоены: синее приборное сукно и шитый золотою канителью номер дивизии.

После смерти в 1879 году князя А. И. Барятинского шефами 80 пехотного Кабардинского его имени полка были Императоры Александр III и Николай II, но ни тот, ни другой не были генерал-фельдмаршалами. Из чего следует, что обладателем сих эполет не мог быть никто иной, кроме генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского.

Евгений Молло

О вензелевых изображениях на эполетах и погонах

Е. С. Молло

Вензелевые изображения на эполетах и погонах Российских войск никогда подробно описаны не были, а между тем они представляют интерес хотя бы уж тем, что ими воочию отмечался ход нашей дипломатии.

Приступая к описанию сих изображений за рубежом, автор не льстит себя надеждою на непогрешимость. Цель автора будет достигнута, если своей статьей он возбудит интерес к дальнейшим в сей области изысканиям.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Вензелевые изображения были впервые даны на эполеты и погоны Российских войск Александром I, и тотчас же стали видимым и вожделенным знаком монаршего благоволения.

Вначале немногочисленные изображения сии с каждым новым царствованием приумножались, а касающиеся их правила усложнялись, ибо они не только непрестанно жаловались, отменялись и заменялись иными, но и состояли они из русских и латинских литер и цифр под императорскими, королевскими, великокняжескими, княжескими, эрцгерцогскими, герцогскими, и прочее коронами, и могли полагаться: кованые, шитые, просечные и печатные по трафарету, цветом «по прибору» или «против прибора». С введением же соединенных двойных и даже тройных вензелевых изображений, одни могли быть «по прибору», а прочие «против прибора», причем шитые изображения могли полагаться «с блестками» или «без блесток». Касающиеся же всего сего правила ныне рассеяны по всевозможным указам и приказам, постановлениям и узаконениям, мало доступным, а порою и вовсе недоступным.

Все же автор попытается дать возможно более полное и точное их описание, уповая на то, что и пропуски, и ошибки будут исправлены и дополнены благосклонными читателями.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

27 апреля 1812 года, генерал от кавалерии граф Леонтий Леонтиевич Беннигсен был «определен при Высочайшей Особе Его Императорского Величества, со всемилостивейшим позволением ношения на эполетах шифра Его Императорского Величества». Сия краткая выписка из послужного списка является первым достоверным свидетельством о пожаловании в России, да, кажется, и во всем Свете, вензелевых на эполеты изображений *).

9 февраля 1813 года, сии же видимые знаки монаршей милости пожалованы были генералу от инфантерии графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу. В Высочайшем на имя его рескрипте значилось: «...в доводе особого благоволения Моего к отличной службе вашей в продолжение нынешней кампании и в изъявление Моей признательности за благоразумные распоряжения, оказанные вами при взятии Варшавы, Я сопричисляю вас к чиновникам, при Мне находящимся, позволяя по званию сему иметь на эполетах Мой вензель».

13 августа 1813 года, генерал от инфантерии граф Александр Федорович Ланжерон был также награжден «шифром на эполеты».

Первые пожалования вензелевыми на эполеты изображениями были сопряжены, следовательно, с установлением особого звания «генералов, состоящих при Особе Его Императорского Величества». Отметим, что звание сие не было свитским — на портретах Военной Галереи Зимнего Дворца все три означенных генерала изображены в общегенеральских мундирах, без аксельбантов, и с вензелевым изображением «А I» под императорскою короною на эполетах.

7 октября 1814 года, Кексгольмский Гренадерский полк был назван Гренадерским Его Величества Императора Австрийского, а Санкт-Петербургский Гренадерский полк — Гренадерским Его Величества Короля Прусского, с присвоением им на эполетах и погонах шитых, цветом по прибору вензелевых изображений имен шефов (F I) и (FWR III). Были ли таковые присвоены тотчас же по наименовании, автор не уверен. Висковатов о таковом присвоении вовсе не упоминает. Но на находящихся в собрании автора рисунках 1823 года офицеры и нижние чины означенных полков изображены уже с присвоенными им вензелевыми изображениями **).

*) В назиданне думающим, что русские заимствовали все от пруссаков, укажем, что в 1812 году в Прусской армии не только вензелевых изображений, но и самих эполет не существовало.

**) Ровно через 12 дней, 19 октября 1814 года, Фридрих-Вильгельм III наименовал вновь сформированный полк Гренадерским Императора Александра I, с присвоением ему на эполетах и погонах вензелевого изображения имени Шефа, но и тут точная дата такового присвоения не установлена.

30 августа 1815 года, генерал и флигель-адъютантам даны были на эполеты кованые, цвета противоположного прибору вензелевые изображения Высочайшего Имени (A I).

Затем, шитые, цветом по прибору вензелевые изображения имен шефов были даны на эполеты и погоны нижеследующих полков:

6 февраля 1818 года, Калужского Пехотного — Принца Вильгельма Прусского (PW).

20 июня 1818 года, Перновского Гренадерского — Наследного Принца Прусского (KPFW). 23 августа 1818 года, вензелевые изображения на погонах нижних чинов повелено иметь прорезные, подложенные цветным сукном.

23 октября 1822 года, Либавского Пехотного — Принца Карла Прусского (PK).

Наименование шефских полков будет непрестанно меняться, но автор для ясности будет сохранять их первоначальные наимснования.

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

В роковой день 14 декабря 1825 года, Николай Павлович, подозвав к себе командира роты Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка капитана Игнатьева, сказал ему: «Я знаю привязанность твоей роты к покойному брату и не могу придумать лучшей награды, как дав ей последний его преображенский мундир и его вензель на эполеты».

В последующем 15 декабря Высочайшем приказе повелевалось: «В ротах, носивших название рот Его Императорского Величества полков Преображенского и Семеновского, носить всем чинам на эполетах и погонах вензелевое изображение Имени Государя Императора Александра I, доколе кто из бывших по спискам 19 ноября 1825 года в сих ротах оставаться будет.

То же самое вензелевое изображение сохранить как Генералам при Особе Его Императорского Величества состоявшим, так и Генерал и Флигель-Адъютантам при Его Императорском Величестве находившимся».

Вензелевые изображения означенных рот Его Величества полагались кованые, на эполетах — серебряные, а на погонах — медные.

Прежние вензелевые изображения лицами Свиты сохранялись до тех пор, пока они оставались в прежних званиях. При назначении же флигель-адъютантов генерал-адъютантами, а сих последних — состоящими при Особе Его Императорского Величества, прежнее вензелевое изображение заменялось новым (H I).

6 декабря 1827 года флигель-адъютант Кавелин был произведен из полковников в генерал-майоры «с назначением состоять в Свите», чем и положено было начало новому званию «Свиты Его Императорского Величества генерал-майоров». Высочайшим повелением от 29 июня 1828 года таковым был присвоен «мундир по образцу флигель-адъютантского, но без вензелей на эполетах и без аксельбанта».

3 июля 1832 года, Военным Министром было объявлено следующее повеление: «Государь Император, усмотрев из списков инспекторского департамента, что Генерал-от-Инфантерии Принц Евгений Виртембергский показывается состоящим в Свите Его Величества, хотя Его Высочество, как имеющего вензелевое изображение имени Государя Императора на эполетах, следовало бы показать в числе Генералов при Особе Его Величества состоящих, повелел исключить его из первого и внести в последний из сих списков.

Порядок же. в коем должны быть показываемы в адрес-календаре и во всех существующих военных списках Генералы при Особе Его Величества состоящие установлен следующий: Главный Штаб Его Величества, Генерал-Адъютанты, Свиты Его Величества Генерал-Майоры, Флигель-Адъютанты, а после сего и особою статьею показать: Сверх сего состоят при Особе Его Величества такие-то Генералы».

Из вышеозначенного следует. что и Николай Павлович генералов, состоящих при Особе Его Величества к Свите не сопричислял. Свитские же звания считал должностными, что и подтверждается приказом начальника Главного Штаба Его Величества от 26 мая 1828 года: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: чтобы бывшие Генерал-Адъютанты по отставке таковыми более не именовались, ибо сие звание относится к должности, а не к чину, и сохраняется только на службе, по отставке же слагается». Звание же генерала, состоящего при Особе Его Величества было почетным, и ни с какою обязанностью не сочеталось. При Николае Павловиче оно свелось почти исключительно к пожалованию вензелевых на эполеты изображений. В списках Военного Министерства так и указывалось: «Генералу-от-Кавалерии Графу Ивану Осиповичу Витту Высочайшим рескриптом пожаловано вензелевое изображение Имени Его Величества на эполеты; внесен по резолюции Военного Министра от 27 июня 1832 года, как имсющий вензеловое изображение, в число состоящих при Особе Его Величества», и наоборот, «Рожницкий Александр Александрович, принят в службу 25 декабря 1831 года по Высочайшему повелению Генералом-от-Кавалерии, с состоянием при Особе Его Величества; по резолюции Военного Министра от 27 июля 1832 года, как неимеющий вензелевого на эполетах изображения, отчислен из числа таковых, с оставлением Членом Совета Царства Польского».

Вензелевые изображения имен шефов, на эполетах — шитые, цветом по прибору, а на погонах прорезные, подложенные цветным сукном, были даны нижеследующим полкам:

ГРЕНАДЕРСКИМ

21 декабря 1825 года, Таврическому — Принца Евгения Виртемберского (PEW).
11 января 1826 года, Московскому — Принца Павла Мекленбургского (PM).
29 января 1834 года, Киевскому — Наследного Принца Оранского (EO).
14 июня 1835 года, Ростовскому — Принца Фридриха Нидерландского (PFN).
16 августа 1838 года, Самогитскому — Эрцгерцога Франца-Карла (FK).
26 мая 1840 года, Перновскому — Его Величества Короля Прусского (FWR).
9 сентября 1840 года, Екатеринославскому — Наследника Цесаревича (A).
30 июня 1844 года, Сибирскому — Великого Князя Михаила Павловича (M).
28 марта 1848 года, Грузинскому — Великого Князя Константина Николаевича (K).
14 марта 1849 года, Киевскому — Его Величества Короля Нидерландского (W III).
19 сентября 1849 года, Сибирскому — Великого Князя Николая Николаевича (H).

КАРАБИНЕРНЫМ

2 апреля 1842 года, Московскому — возвращена литера «M».
19 июня 1843 года, Московскому — Гроссгерцога Фридриха Мекленбургского (FM).
3 марта 1845 года, Астраханскому — Великого Князя Александра Александровича (A) *).
9 февраля 1851 года, Эриванскому — Наследника Цесаревича (A).

ПЕХОТНЫМ

25 июля 1840 года, Калужскому — Принца Прусского (PvP).
21 января 1846 года, Невскому — Его Величества Короля Неаполитанского (F II).
1 февраля 1846 года, Архангелогородскому — Его Величества Короля Сардинского (CA).
14 марта 1848 года, Архангелогородскому, Великого Князя Владимира Александровича (B).

ЕГЕРСКИМ

10 сентября 1839 года, Бородинскому — Наследника Цесаревича (A).
10 сентября 1839 года, Казанскому — Великого Князя Михаила Павловича (M).
19 сентября 1849 года, Казанскому — Великого Князя Михаила Николаевича (M).
28 августа 1852 года, Копорскому — Принца Альберта Саксонского (AS).

*) Автор не уверен, что вензелевые изображения имен Великих Князей внуков: Александра и Владимира Александровичей были присвоены тотчас же по наименовании их шефами. Висковатов о таковом присвоении в царствование Николая I умалчивает.

Вензелевые изображения имен шефов были впервые даны на эполеты и погоны нижеследующих военно-учебных заведений:
20 сентября 1849 года, Михайловскому Артиллерийскому училищу — Великого Князя Михаила Павловича (M).
9 марта 1851 года, Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу — Петра Великого (PIP).

О вензелевых изображениях на введенных 29 апреля 1854 года офицерских погонах смотри последующее царствование.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМП. АЛЕКСАНДРА II

Высочайшим приказом от 19 февраля 1855 года, на эполетах и погонах генералов, состоявших при Особе в Бозе почившего Императора Николая I, а также генерал и флигель-адъютантов его Свиты было сохранено имевшееся у них вензелевое изображение, причем на погонах таковое положено было иметь шитое. По званию своему генерал-адъютанта сохранил таковое и сам Александр II.

Тем же приказом, кованое, цветом по прибору вензелевое изображение имени почившего Государя повелено было иметь на эполетах и погонах офицеров и нижних чинов рот, эскадронов и батарей Его Величества прошедшего царствования *).

25 февраля 1855 года, было Высочайше утверждено новое вензелевое изображение Высочайшего имени (A II), кое и повелено было иметь на эполетах и погонах генералов, вновь назначаемых состоять при Особе Его Величества, а также генерал и флигель-адъютантов, вновь назначаемых в сии звания.

Сие же вензелевое изображение было дано на эполеты и погоны офицеров и нижних чинов, вновь назначаемых в роты, эскадроны и батареи Его Величества **).

*) Император Николай I изволил состоять шефом нижеследующих воинских частей: полков лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Конного, Кираснрского Его Величества, Казачьего Его Величества, лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады и лейб-гвардии Саперного батальона.

**) Император Александр II изволил состоять шефом нижеследующих воинских частей: полков лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Кавалергардского Ея Величества, Конного, Кирасирского Его Величества, Казачьего Его Величества, Гусарского Его Величества, Уланского Его Величества, Собственного Его Императорского Величества Конвоя, батальонов лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества, 4-го Стрелкового Императорской Фамилии, лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, 1-й Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады и лейб-гвардии Саперного батальона, а также армейских полков 1-го Лейб-Гренадерского Екатеринославского Его Величества, 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества, 68 Лейб-Пехотного Бородинского Его Величества и 16-го Стрелкового Его Величества батальона.

27 февраля 1855 года, вензелевое изображение имени почившего Государя было дано на эполеты и погоны генерал-майоров его Свиты, но лишь при свитских мундирах.

28 февраля 1855 года, вензелевое изображение Высочайшего имени было дано на эполеты и погоны Свиты Его Величества генерал-майоров, имеющих впредь получить сие звание, но опять-таки лишь при свитских мундирах.

30 марта 1857 года, вензелевое изображение Высочайшего имени, цветом по прибору, было дано Свиты Его Величества генерал-майорам и при полковых мундирах.

18 апреля 1858 года, Высочайше утверждено было соединенное вензелевое изображение Высочайших имен (H I и A II) для лиц, коим по свитскому званию полагалось одно, а по служебному положению — другое вензелевое изображение.

Затем, вензелевые изображения имен шефов прежнего образца были даны на эполеты и погоны офицеров и нижних чинов нижеследующих воинских частей и военно-учебных заведений:

ГРЕНАДЕРСКИХ ПОЛКОВ

13 октября 1857 года, Таврическому — Великого Князя Михаила Николаевича (M).
1 ноября 1858 года, Тифлисскому — Великого Князя Константина Константиновича (K).
23 июня 1860 года. Мингрельскому — Великого Князя Дмитрия Константиновича (Д).
22 марта 1861 года, Перновскому — Его Величества Короля Прусского Фридриха-Вильгельма IV (FWR IV).

ПЕХОТНЫХ ПОЛКОВ

1 декабря 1856 года, Белозерскому — Великого Герцога Гессенского (L III).
19 мая 1859 года, Невскому — возвращена цифра I.
14 июля 1860 года, Олонецкому — Принца Карла Баварского (KB).
14 июля 1860 года, Вологодскому — Принца Оранского (PO).
18 июля 1860 года, Тарутинскому — Великого Герцога Ольденбургского (P).
22 марта 1861 года, Калужскому — Его Величества Короля Прусского (WR).
23 октября 1866 года, Олонецкому — возвращена цифра 4.
9 мая 1867 года, Невскому — Его Величества Короля Эллинов (Г I).
2 ноября 1872 года, Севскому — Наследного Принца Австрийского (R).
26 июня 1873 года, Томскому — Эрцгерцога Людвига-Виктора (LV).
8 октября 1873 года, Белостокскому — Герцога Саксен-Альтенбургского (E).
18 октября 1873 года, Копорскому — Его Величества Короля Саксонского (AF).
13 июня 1874 года, Вильманстрандскому — Эрцгерцога Альбрехта (A).

СТРЕЛКОВЫХ БАТАЛИОНОВ

18 марта 1864 года, Кавказскому Гренадерскому — Великого Князя Михаила Николаевича (M).
26 февраля 1880 года, 13-му — Его Высочества Князя Болгарского (A).

АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЕ

1 ноября 1858 года, Кавказской Гренадерской — Великого Князя Михаила Николаевича (M).

САПЕРНОМУ БАТАЛИОНУ

1 ноября 1858 года, 1-му Кавказскому — Великого Князя Николая Николаевича (H).

ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

19 февраля 1855 года, 1-му кадетскому корпусу — Императора Николая I (H I).
21 февраля 1855 года. Николаевскому Инженерному училищу — Императора Николая I (H I).
27 апреля 1855 года, Павловскому кадетскому корпусу — Императора Павла I (П I).
30 апреля 1855 года, Константиновскому кадетскому корпусу — Великого Князя Константина Николаевича (K).
30 апреля 1859 года, Александровскому кадетскому корпусу — Императора Александра II (A II).

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМП. АЛЕКСАНДРА III

Приказом по военному ведомству 1881 г. № 52, на эполетах и погонах генералов, состоявших при Особе в Бозе почившего Императора Александра II, а также генерал-адъютантов, Свиты Его Величества генерал-майоров и флигель-адъютантов прошедшего царствования сохранено было имевшееся у них вензелевое изображение (H I или A II) до тех пор, пока они остаются в этих званиях. По званию своему генерал-адъютанта сохранил таковое и сам Александр III. Вновь же назначаемым в эти звания лицам повелено было иметь на эполетах и погонах новое вензелевое изображение Высочайшего имени.

Тем же приказом, строевым офицерам и нижним чинам рот, эскадронов и батарей Его Величества прошедшего царствования сохранено было имевшееся у них на эполетах и погонах вензелевое изображение (H I или A II) до тех пор, пока они состоят на службе, в строю, в означенных частях. Вновь же назначаемым в таковые дано было

на эполеты и погоны новое вензелевое изображение Высочайшего имени (А III) *).

Тем же лицам, коим по свитскому званию полагалось одно вензелевое изображение, а по служебному положению — другое, даны были соединенные вензелевые изображения (Н I и А III) и (А II и А III).

Приказом по военному ведомству 1883 г. № 67, утвержден был новый образец вензелевого изображения Высочайшего имени (церковно-славянская литера Аз).

Затем, вензелевые изображения имен шефов были даны на эполеты и погоны офицеров и нижних чинов нижеследующих воинских частей и военно-учебных заведений:

Приказом по в. в. 1884 г. № 263, 85 пехотному Выборгскому — Принца Вильгельма Прусского (PvP).

Тем же приказом, 35 драгунскому Белогородскому — Его Величества Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа I (FJ I) **).

Тем же приказом, 37 драгунскому Военного Ордена — Его Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма I (WR I).

Приказом по в. в. 1885 г. № 170, 6 пехотному Либавскому — Принца Фридриха-Леопольда Прусского (FL).

Приказом по в. в. 1888 г. № 138, 85 пехотному Выборгскому — Его Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II (WR II).

Приказом по в. в. 1889 г. № 130, 15 стрелковому батальону — Его Величества Короля Черногорского Николая I (Н I) ***).

Приказом по в. в. 1891 г. № 157, 1 Восточно-Сибирскому стрелковому батальону — Наследника Цесаревича (Н).

Приказом по в. в. 1891 г. № 340, гренадерскому Фанагорийскому — Великого Князя Дмитрия Павловича (Д).

Приказом по в. в. 1881 г. № 265, Александровскому военному училищу — Императора Александра II (А II).

Приказом по в. в. 1882 г. № 328, Николаевскому кадетскому корпусу — Императора Николая I (Н I).

*) Император Александр III изволил состоять шефом нижеследующих воинских частей: полков лейб-гвардии Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Конного, Кирасирского Его Величества, Казачьего Его Величества, Гусарского Его Величества, Уланского Его Величества, Собственного Его Императорского Величества Конвоя, батальонов лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества, 4-го Стрелкового Императорской Фамилии и Саперного, лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, 1-й Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады и 6-й Донской Казачьей Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады, а также армейских полков 1-го Лейб-Гренадерского Екатеринославского Его Величества, 12-го Лейб-Гренадерского Астраханского Его Величества, 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества, 68-го Лейб-Пехотного Бородинского Его Величества, 2-го Пехотного Софийского Его Величества, 80-го Пехотного Кабардинского Генерал-Фельдмаршала Князя Барятинского, 145-го Пехотного Новочеркасского Его Величества, а также 16-го Стрелкового Его Величества батальона.

Император Александр III изволил состоять также шефом нижеследующих полков армейской кавалерии: 1-го Лейб-Драгунского Московского Его Величества, 5-го Лейб-Драгунского Курляндского Его Величества и 46-го Драгунского Переяславского Его Величества, но вензелевые изображения были им даны на эполеты и погоны лишь в последующее царствование.

**) Этим приказом вензелевые изображения имен шефов были впервые даны на эполеты и погоны армейских кавалерийских полков.

***) Не будучи щедрым на шефства, Александр III не отказал в таковом «Единственному Верному Другу Россин».

Русские в Эфиопии

Г. Турчанинов

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Русская Православная Церковь давно интересовалась слухами про Православную Церковь где-то в Африке. Русские паломники в Иерусалим встречали там эфиопских монахов.

Первые данные, полученные в России об Эфиопии, дал Архимандрит Гретенинос в первых годах пятнадцатого столетия — данные очень краткие. В 1558 году московский купец Василий Позняков, посланный Иоанном Грозным к Александрийскому Патриарху через Иерусалим, описал службу эфиопских монахов вокруг Гроба Господня, но он отнесся к ним очень неодобрительно и назвал их еретиками; не особенно одобрил танцы во время службы и барабанный бой.

Про Ганнибала — предка Пушкина — нет достоверных данных, возможно, что он и был эфиопом, возможно, что и не был; в те времена «эфиопами» называли вообще африканцев.

САГАЛО ИНЦИДЕНТ

Славянофильское движение в России и Православная Церковь были очень заинтересованы в «православных черных братьях» на горах у Красного моря. В результате этого, 10 декабря 1888 года из Одессы на корабле добровольного флота

«Корнилов» отправилась в Эфиопию экспедиция — она была финансирована частными лицами (русскими и французами) и как будто Церковью, но не имела официальной поддержки правительства.

Во главе ее был «Атаман» АШИНОВ и иеромонах Паисий (русский со Св. Афона), кроме него было еще 4 монаха (бывшие раньше офицерами), 30 казаков и дюжина кавказцев, вероятно черкесов.

Цель экспедиции была неясная. Официальной версией было установление связи между Русской и Эфиопскими Православными Церквями. Но будто был и проект об устройстве казачьего поселка (войска) в Эфиопии.

Чтобы дальнейшее было более понятно читателям, напомним, что конец 19 века можно рассматривать как завоевание Африки Европой для приобретения колоний.

В Востойной Африке, где находится Эфиопия, борьба шла между Англией (Египет, Судан, Кения), Италией (Массава, Эритрея, Сомали), Францией (Джибути, экспедиция в Судан) — оставалась Эфиопия, за влияние в которой и боролись эти страны.

Русское правительство прямо не было заинтересовано, но Церковь (Синод), да и общество, особенно славянофилы, считали, что нужно помочь «православным черным братьям». Правительство, как союзник Франции, было расположено помочь Франции.

В Аддис-Абебе, грубо говоря, были 2 группировки: с одной стороны, Франция и Россия (вначале официально не представленная), с другой стороны, Англия и Италия. Они боролись между собой и было много интриг при дворе Менелика (императора) и между членами эфиопской аристократии.

❦

Данные про Николая Ивановича Ашинова туманные; известно, что он путешествовал по Ближнему Востоку: Турции и Персии. В 1885 году он прибыл в Массауа через Каир, был выслан итальянцами, но с помошью Эфиопского Раса (владетельного князя) Алула, который дал ему конвой, добрался до Адуа — столицы Императора Иоганеса 4-го, был хорошо принят Императором, получил от него письмо и подарки для Русского Царя и благополучно вернулся в Массауа, где этот раз был также хорошо принят и итальянской и греческой колониями и в 1886 году прибыл в Санкт Петербург.

В своем рапорте он указал, что Император Иоганес расположен дать земли для казачьего поселения и для монастыря и был бы рад если бы Русская Церковь прислала архимандритов для реформы Эфиопской Церкви. Св. Синод и особенно митрополит Исидор были очень заинтересованы. Ашинов был принят Царем, которому и передал подарки Эфиопского Императора.

В марте 1888 года Ашинов был опять в Таджура (около Джибути), виделся там с Магомет Лейта (Князем Данкалийцев — племени, которое обитает в полупустыне между горной Эфиопией и Красным морем). В Таджура Ашинова ждали 2 эфиопских (из Иерусалима) священника, посланных Императором в Россию на празднование 900-летия христианства в России, и с ними он вернулся в конце апреля в Санкт Петербург.

Митрополит Платон Киевский Ашинову очень покровительствовал и Миссия была принята Царем. Правительство, однако, отнеслось холодно к этой затее, боясь осложнений с Англией и Италией, которые были сильно заинтересованы в Эфиопии, но официально не препятствовало, но и не помогало.

В конце декабря 1888 года экспедиция выгрузилась в Порт Саиде и погрузилась на австрийский пароход «Амфитрит», на котором и прибыла в Таджуру. Три эфиопских священника встретили экспедицию с приветом от Императора Иоганеса и Ашинов дал им письма для Императора Иоганеса и Негуса (короля) Менелика и священники отправились, чтобы подготовить путешествие экспедиции в Эфиопию.

18 января 1889 года экспедиция заняла старый заброшенный египетский форт Сагало, над которым были подняты русский национальный флаг и флаг Красного Креста.

На следующий день из Обока (около Джибути), где находилось французское командование будущей колонии (французское Сомали), пришла французская канонерка, обменялись приветствиями и канонерка ушла.

Ашимов вошел в контакт с местным султаном и готовился отправиться в Эфиопию — оттуда пришли известия, что Негус Менелик будет рад его приезду.

Но тут произошло нечто странное и непонятное: Видимо, под давлением Италии, которая уже тогда имела виды на Эфиопию, Французское Правительство переменило свое отношение к русской экспедиции, и местные французские власти получили приказ ликвидировать эту затею.

17 февраля небольшая французская эскадра пришла в Сагало и потребовала от Ашинова очистить форт в течение одного часа. Ашинов не то не понял приказа, не то сделал вид, что не понял, но не двинулся, тогда эскадра обстреляла форт — 8 казаков были убиты. Французы высадили десант. Ашинов сдался и его экспедиция была эвакуирована в Обок вплоть до дальнейших распоряжений из Парижа.

После дипломатических переговоров между французским и русским Правительствами инцидент был улажен и в марте 1889 года экспедиция погрузилась на русскую канонерку «Забияка» и вернулась скромно в Россию, где Ашинову и Отцу Паисию пришлось пережить крупные неприятности. Но потом все улеглось и Отец Паисий позже был Игуменом Саровской Пустыни.

РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЭФИОПИЮ В 19 ВЕКЕ

В сентябре 1889 года новая русская Миссия прибыла ко двору Императора Менелика под водительством поручика гвардии — Василия Федоровича Машкова (см. «Новое Время» за апрель 1890 г.). Миссия была небольшая, и переговоры велись главным образом на религиозные темы и с местными религиозными лицами. Машков вернулся в Россию в феврале 1891 г.

В России были возмущены претензией Италии на протекторат над Эфиопией (плохой перевод Уачельского договора. который потом привел к войне между Италией и Эфиопией), и русская пресса требовала более серьезного вмешательства в помощь Эфиопии.

Поручик Машков немедленно начал подготовлять вторую Миссию в Эфиопию. Императорское Географическое Общество и Русское Правительство дали ему 109.000 золотых франков и подарки для Менелика и Рас Маконена, Синод оплатил расходы для 2 монахов и эфиопа переводчика.

В апреле (16) 1891 года Миссия погрузилась на корабль «Корнилов» до Порт-Саида, а там пересела на французский корабль «Амазонка» до Обока. Миссия состояла из Машкова, 2 монахов, 1 доктора, 1 семинариста, 3 чиновников и 4 слуг.

Дипломатически Миссия была лучше подготовлена, чем экспедиция Ашинова, и французы дали ей конвой в 40 солдат для прохода через опасную зону. Машков двигался медленно: 3 недели из Джибути до Харара и 33 дня от Харара до Аддис-Абебы.

Миссия оставалась в Эфиопии год и много путешествовала по стране.

МИССИЯ КАПИТАНОВ ЕЛИСЕЕВА И ЛЕОНТЬЕВА

Оккупация Италией Эритреи очень не нравилась и русскому, и французскому Правительствам, и уже запахло войной с Италией.

Предыдущие миссии были частного или получастного характера, и русское Правительство официально не принимало в них участия. Новая Миссия имела уже полуофициальный характер; она получила инструкции от министра иностранных дел, большие средства для подарков Императору Менелику и другим Расам (князьям), и ей было поручено предложить русскую помощь Эфиопии в ее споре с Италией. Во главе Миссии был капитан А. Ф. Елисеев, а его помощником капитан Николай Степанович Леонтьев; кроме них. Миссия состояла из фотографа и энтомолога, артиллерийского офицера, 2 чиновников министерства иностранных дел, священника отца Ефрема (он же и фельдшер) и одного, говорящего по-русски, эфиопа.

Миссия погрузилась в Одессе в январе 1895 года и через Джибути, где французы дали конвой в 60 солдат, благополучно прибыла в Харар, а оттуда с эфиопским конвоем в Аддис-Абебу.

Миссия была радушно принята Менеликом.

Выяснилась и цель Миссии — предложить Менелику послать посольство в Россию и уговорить Эфиопскую Церковь воссоединиться с Русской Православной Церковью. По поводу воссоединения эфиопы давали уклончивые ответы, а на посольство с радостью согласились. Миссия завершилась вполне удачно, но была огорчена смертью от солнечного удара капитана Елисеева. 4 июля 1895 г. его заменил капитан Н. С. Леонтьев, что и послужило началу его дальнейшей карьеры в Эфиопии.

ЭФИОПСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Эфиопское посольство состояло из Харарского эфиопского епископа, двух высокопоставленных аристократов, представителя двора Менелика и двух благородных молодых людей.

Посольство везло многочисленные подарки как для Императора Николая 2-го и его Семьи (в числе подарков — молоденького слоненка), орден Соломона для Царя, так и подарки для правительства.

Русская Миссия капитана Леонтьева сопровождала Эфиопское посольство. Посольство было торжественно встречено в Одессе и немедленно отправлено в Петербург. Посольство было принято обер-прокурором Синода, а потом Императором Николаем II, которому и передало подарки и Орден.

Посольство было принято также и Великими князьями. К посольству был приставлен камер-юнкер, дворцовые слуги и представитель Министерства иностранных дел. Были организованы разные увеселения и велись переговоры.

Посольство пробыло в России 43 дня. С ним вернулся в Эфиопию и кап. Леонтьев. При отъезде посольство получило многочисленные дары, в том числе 400.000 рублей золотом и 135 больших ящиков с винтовками и патронами.

Считается, что около 100.000 винтовок и 12 миллионов патронов были поставлены Эфиопии в следующем году.

Под флагом Красного Креста в Аддис-Абебу прибыла в августе 1896 году большая Миссия. Она состояла из одного генерала, 4 офицеров Генерального штаба, 6 кавалерийских и 11 артиллерийских офицеров, 7 кавалерийских унтер-офицеров, 4 докторов, 13 военных фельдшеров и 1 священника.

Эта Миссия пробыла в Эфиопии до февраля 1897 г. Нет никаких указаний, что русские военные инструкторы участвовали в битве при Адуа (победа над итальянцами 1. 3. 1896 г.).

В 1898 г. из России прибыл полный госпиталь с военными докторами и всем необходимым. Этот госпиталь действовал до 1906 г. В настоящее время это госпиталь имени Менелика, а улица, ведущая к нему, называется — «Русская».

Госпиталь лечил эфиопских и итальянских раненых на войне, а также и вообще больных. Память о нем до сих пор сохранилась в Аддис-Абебе.

В настоящее время имеется госпиталь Советского Красного Креста (но в другом месте) и пользуется хорошей репутацией.

РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ

Первая официальная русская дипломатическая Миссия прибыла в Аддис-Абебу в октябре 1897 г. Она была очень многочисленна. Во главе ее был статский советник Власов, а его помощник — Н. С. Орлов. Военная Миссия состояла из гвардейских офицеров, 5 военных докторов, казачьего конвоя, слуг, поваров — всего вместе около 100 человек.

Миссия прибыла со своими лошадьми в Джибути, поседлала и походным порядком (780 километров) прибыла в Аддис-Абебу.

В числе офицеров этой Миссии были П. Н. Краснов (впоследствии генерал и военный писатель), капитан Артамонов, корнет Булатович и корнет Бабичев — о них будет отдельно.

У Власова образовались очень натянутые отношения с Леонтьевым (он уже был советником Императора Менелика), и Власов вернулся в Россию в 1901 году.

С 1901 по 1903 год Миссией заведовал поверенный в делах — Л. И. Скаржинский.

В 1903 году прибыл новый полномочный министр — К. Н. Лишин (из Джибути до Диредава уже по новой железной дороге — она дошла до Диредава в 1902 году, а в Аддис-Абебу в 1917 году, — построенной французами).

С Лишиным прибыло и пополнение Миссии: 3 доктора, 2 секретаря, 7 офицеров военной миссии, 8 казаков — охраны посольства.

К. Н. Лишин скончался 1 января 1906 г. в Аддис-Абебе и был похоронен на территории (русской) посольства, но когда прибыл в 1944 году советский посланник, то тот приказал перенести гроб Лишина на кладбище для иностранцев на Гулале (часть Аддис-Абебы) и на его могиле была выстроена небольшая каменная пирамида.

После Лишина Посольством управляли «поверенные в делах» и последним из них был П. К. Виноградов. Понимая, что ему не будет смены, он передал Посольство Эфиопскому министерству иностранных дел в 1919 году и уехал. Министерство сдало здание Посольства внаем бельгийскому министру и эти деньги, по приказу Императора, были употреблены на помощь нуждающимся русским эмигрантам.

Уже после прибытия в Эфиопию дипломатической Миссии Власова, из Петербурга прибыла Миссия, организованная Российским географическим обществом; она состояла из одного гвардейского офицера, 2 географов, художника, 4 слуг и эфиопа-переводчика; в Одессе к ней присоединилось несколько офицеров в помощь Леонтьеву.

Задание Миссии было изучение южной части Эфиопии. В это время Менелик назначил капитана Леонтьева Генерал-губернатором и это послужило началу трений между Леонтьевым и Власовым.

НЕСКОЛЬКО ДАННЫХ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ РУССКИХ В ЭФИОПИИ

Корнет А. К. Булатович (Лейб-Гвардии Гусарского полка) *)

Прибыл в Эфиопию с Власовым. Со своим вестовым принимал участие в походах Раса (князя) Вольде Георгиеса (покорителя Кафы), западная часть Эфиопии, и с ним спустился по правому берегу реки «Омо» до озера «Рудольф», на берегу которого был поднят эфиопский флаг и установлены пограничные знаки, — этим самым эта, до сих пор никому неизвестная местность, была присоединена к Эфиопии, до того как из Кении пришли англичане.

Во время походов Булатович рисовал планы и делал астрономические наблюдения для географических карт.

Во время похода им был подобран маленький галлас (местное племя) и назван «Васькой» (в честь сына вестового), а в его честь один полуостров озера Рудольф получил название — «Васькин нос».

Полковник Артамонов прибыл тоже с Власовым.

Сопровождал Раса Тесама в его походе на запад, покоряя дикие племена и с целью встретиться с французской экспедицией Маршанда, но с ней они не встретились. Лично переплыл Белый Нил, не взирая на крокодилов, и водрузил на левом берегу около «Фашода» французский флаг. Экспедиция Маршанда флаг нашла.

Делал карты, что очень помогло для установления западной границы Эфиопии.

Генерального штаба капитан Николай Степанович Леонтьев

Он прибыл в Эфиопию с Миссией Елисеева в 1895 году, но до этого много путешествовал по Ближнему Востоку. После смерти Елисеева он устроил первое Эфиопское посольство в Россию в 1895 г. и с ним вернулся в Эфиопию. Имерат Менелик его очень полюбил и ценил, а через некоторое время назначил его **Наместником** южных провинций Эфиопии (к С.-Востоку от озера Рудольф) с чином «Дедьязмач», т. е. высший военный чин. Эти провинции на бумаге числились эфиопскими, но не были практически присоединены к Эфиопии. Были слухи о наличии там золота и слоновой кости.

В 1897 г. Леонтьев вернулся в Россию и был во Франции, где ему удалось достать деньги (2,5 миллиона золотых франков), оружие и согласие французского правительства на военную помощь для покорения его наместничества, а он взамен обещал разные концессии французам и административные посты.

*) Впоследствии ротмистр, а потом иеромонах на Афоне.

Отряд состоял из русских офицеров (барон Шедевр, корнет Бабичев), эфиопских добровольцев, роты французских сенегальских стрелков, одолженных ему, и 2.000 эфиопских солдат (кавалерия и пехота) под командой Дедьязмача Тесама. Поход был очень удачный, так как сопротивление местного населения было слабое и неорганизованное. На границе с Кенией Леонтьев водрузил эфиопские флаги, заменив некоторые английские.

По возвращении Император Менелик спросил его — «чем мне тебя отблагодарить?» — Леонтьев ответил — «сделайте меня графом», — «а сколько это будет стоить?» — «ничего, только подпись Вашего Величества« — «а отлично» — так, Леонтьев стал «Графом». Кроме этого, по дороге в его наместничество он получил через каждые 30 километров по небольшому имению, чтобы было где ночевать по дороге.

У Леонтьева было много врагов среди местной аристократии, а также со стороны английского посольства.

Кроме этого, со стороны бельгийских капиталистов, которым Леонтьев обещал золотые концессии, на что он не имел права. На него поступали упорные жалобы в Аддис-Абебу.

Положение Леонтьева пошатнулось и в январе 1902 года Император Менелик отобрал его наместничество и приказал покинуть Эфиопию, но перед отъездом он был принят Императором Менеликом. В мае 1902 года Имп. Менелик циркулярным письмом известил все иностранные миссии в Аддис-Абебе об отставке Леонтьева. Леонтьев зиму 1902-1903 гг. прожил в Джибути, откуда ликвидировал свои интересы в Эфиопии с помощью Бабичева и Павлова. В 1906 году хотел, но не смог, вернуться в Эфиопию. В Россию, как будто, не вернулся и умер в Париже около 1911 года.

Про его наместничество с 1898 по 1902 год данных более подробных не имеется.

Корнет Иван Филаретович Бабичев

Также прибыл с Миссией Власова, но потом вышел в отставку и стал правой рукой Леонтьева. Женился на важной эфиопке, имел от нее 3 дочерей и 2 сыновей — Михаила и Виктора. Михаил был первым эфиопским летчиком и уже после революции военным атташе при эфиопском посольстве в Москве. Там заболел, вернулся в Эфиопию и скоро скончался. Его брат и сестры до сих пор живы и живут в Аддис-Абебе.

Леонтьев, как Дедьязмач (самый высокий военный чин в Эфиопии), имел право давать чины и он произвел И. Ф. Бабичева в чин «фитаорари» (примерно, генерал-майор). Этот чин был признан Правительством за Бабичевым, и он так и назывался «Фитаорари Бабичев» — единственный иностранец с таким титулом. К нему перешла часть земель, данных Менеликом Леонтьеву. Скончался в 1955 году — 84 лет от роду.

Барон Шедевр (л.-гв. драгунского полка) был также помощником Леонтьева в его походе на юго-запад Эфиопии, но о нем мало что известно.

Поэт Гумилев был в Эфиопии в 1909, 1911-1914 годах, но был только в Дире Дауа и Хараре. Его знаменитые стихотворения «Красное море», «Абиссиния» и др. в сборнике «Шатер».

Художник Сенигов Е. В.

Очень талантливый; пробыл в Эфиопию 20 лет и умер там. Он жил как обыкновенный небогатый эфиоп. Вроде французского Гогена.

Н. Р. Павлов (болгарин, но был очень близок к русским)

Прожил в Эфиопии более 50 лет. Сначала был охотником за слонами (клыки), а потом имел небольшое имение в 40 километрах от Аддис-Абебы; уехал в Болгарию и там умер.

Были и другие русские, но о них данные не сохранились.

РУССКИЕ В ЭФИОПИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Последний русский поверенный в делах П. К. Виноградов покинул Эфиопию в 1919 году. Из посольства остались в Аддис-Абебе один служащий — Седов с женой и дочкой и повар Эфим. Дочь вышла замуж за русского и оставалась в Аддис-Абебе до 1968 года, потом уехала в Европу.

После трудной жизни в Европе русские эмигранты стали просачиваться в Эфиопию. Эфиопия как старинная монархия и очень близкая по вере к православию, вызывала симпатию среди русской эмиграции, а поездка Императора Хайле Селассия (тогда еще наследника) в Европу в 1923 году дала толчок этой иммиграции.

Можно сказать, что их было две волны: первая — самотеком, после революции и первой великой войны, а вторая — после второй великой войны, главным образом из беженских лагерей в Германии.

За первый период с 1925 по 1935 год в Эфиопию прибыло 17 русских офицеров, из них два генерала, 6 инженеров, 4 доктора, 8 человек разных профессий и один протоиерей. Одна группа, состоящая из трех инженеров с женами, чтобы доехать из Европы в Африку, давала по дороге концерты, подрабатывая для оплаты проезда на пароходе. К концу этого времени русская колония насчитывала около 80 человек. Эти люди в Аддис-Абебе устроили Церковь во имя «Святой Троицы».

Большинство русских офицеров работало топографами, но были и исключения. М. В. Банкул был директором компании Зингер (швейные машины); И. С. Хвостов стал адвокатом; нетрудоспособные получали пенсию из сумм по найму бельгийцами здания Русского посольства. Ротмистр Фермов

сформировал конную гвардию Императора. Русские инженеры работали по специальностям — Ф. А. Шиманский стал старшим инженером Муниципалитета, а Н. П. Вороновский старшим инженером пути железной дороги Джибути - Аддис-Абеба.

В общем, до прихода итальянцев всем жилось хорошо, но с их появлением стало туго. Большинство потеряло работу, а итальянцы старались выжить из Эфиопии вообще всех иностранцев.

Кое-кто умер, многие уехали. Когда итальянцы покинули Аддис-Абебу (1940), то в ней русских оставалось только 12 человек. Русская церковь была разрушена во время разгрома Аддис-Абебы в 1936 г., в четыре дня анархии между уходом эфиопской полиции в партизаны и приходом итальянцев. Протоиерей Павел Вороновский скончался.

ПЕРИОД С 1940 ГОДА

После ухода итальянцев и возвращения Императора в Аддис-Абебу, оставшимся в столице русским удалось устроить на службу Эфиопского правительства русских из беженских лагерей в Германии (главным образом из Чехии и Югославии), так что большинство приехало на работу с готовыми контрактами, а переезд их был оплачен УНРА.

Русская колония ожила, была восстановлена церковь во имя Святой Троицы и выписан священник — отец Анатолий Миловидов. Приход состоял около ста прихожан. Инженер агроном Лисицын организовал метеорологическую службу и был ее начальником; инж. агр. Турчанинов стал Главным инспектором Министерстыа агрикультуры; архитектор фон Клодт построил несколько церквей, а художник и архитектор Г. Я. Киверов расписывал эти храмы и строил здания...

Но лет через 6-8 русские стали уезжать из Эфиопии, главным образом по трем причинам: 1) отсутствие пенсии, которую стали давать только бывшим государственным служащим, ввиду дороговизны жизни и трудности составить капитал для обеспечения старости; 2) ввиду образования эфиопского технического персонала (инженеров, докторов и т. д.), то есть плохой перспективы для молодых русских и 3) оплата через УНРА переездов в Америку и Австралию и устройство в старческие дома во Франции с помощью Совета Церквей.

Священник отец Анатолий заболел и уехал в старческий дом во Франции. Десять человек скончалось. Средства на выписку и содержание нового настоятеля не было и церковь пришлось закрыть. Сохранилась в доме одного инженера Часовня, в которой греческий священник отправляет иногда требы.

В настоящее время (1973 г.) русских эмигрантов в Эфиопии осталось чуть более 20-ти человек.

От редакции. К статье Г. Турчанинова приложены подробные списки фамилий русских эмигрантов, проживавших и проживающих в Эфиопии, с указанием их профессий и семейного положения. Списки составлены по периодам: с 1920 по 1940 (уход итальянцев), после ухода итальянцев — с 1940 по 1972 и оставшиеся к 1973 году. Также приложен список русских эмигрантов, нашедших себе вечное упокоение в эфиопской земле. В этом списке указаны места погребений и названия кладбищ.

Мысли, которые нельзя произнесить вслух

В. М. Лесеневич

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ РУКОПИСИ)

От редакции. Рукописи В. М. Лесеневича и Н. И. Лащинина, а также описание операций 1-го армейского корпуса под Сольдау в августе 1914 года, составленное племянником командира этого корпуса ген. от инфантерии Л. К. Артамонова — Г. А. Артамоновым, любезно присланы в редакцию «Вестника» из Бразилии членом нашего Общества Г. Е. Деконским.

Редакция находит возможным печатать фрагменты из этих больших как воспоминаний, так и компилятивных работ на страницах нашего журнала для обсуждения вопросов о традициях и цуке в военно-учебных заведениях, о дисциплине в армии, о верноподданничестве офицерского корпуса и о влиянии этого на силу и моральных дух армии.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Каждый, интересовавшийся военной историей, должен был видеть, как русские войска под командой доблестных начальников одерживали победы на суше и морях и как наша дипломатия, удовлетворяющая желания Запада, эти победы аннулировала в ущерб России.

Русский народ для защиты Отечества и славы России напрягал все силы и несмотря на преимущество в вооружении всех врагов, даже турок, с которыми приходилось вести войны, одерживал победы. Так неприступные крепости Очаков и Измаил были взяты с малыми потерями силой русского штыка. Сильно укрепленные немцами по-

зиции, которые имп. Вильгельм II при своем их посещении признал неприступными, во время Брусиловского наступления в 1916 г. были прорваны у местечка Язловец штыками Туркестанских стрелков...

В Японскую и I Великую мировую войну это были те же люди — деды и прадеды которых взлетали на вершину Славы, когда весь мир считался с ними, уважал их, а слово русский звучало гордо. Почему же их внуки и правнуки (предков которых Наполеон считал лучшими из всех солдат, боровшихся против него) так легко поддались пропаганде, разложились в короткий срок, открыли фронт и вместо победы был заключен позорный Брест-Литовский мир.

Этот вопрос принудил меня пересмотреть мои выписки из разных исторических источников, которые я собрал в течение многих лет и, дополнив их виденным лично и слышанным (заслуживающим доверия), все это зафиксировать на бумаге, чтобы те, кто случайно заинтересуются этим материалом, могли бы сами разобраться в причинах Русской катастрофы.

Часть I

ПЕРИОД ИМПЕРАТОР ПЕТР I — ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

Имп. Петр Великий вдохнул в сердца своих питомцев сознание государственности, гражданственности и политической ориентировки. Аполитичность армии не была пущена мутить и разлагать умы. Петровская традиция — соблюдение всеми вместе и каждым в отдельности интересов Державы... Русские офицеры и солдаты, воспитанные в этом духе, были проникнуты чувством долга и без ропота переносили холод и голод в походах.

При имп. Екатерине II, уклонявшиеся от боя или не исполнявшие приказа, несли строжайшие наказания... Отряд Гензеля, нарушив приказ кн. Репнина, был посрамлен перед фронтом дивизии, а офицеры отданы под суд, приговоривший всех к расстрелу. Имп. Екатерина II заменила им казнь продолжением постылой жизни...

. . . . . .

. . . . . .

Часть II

ПЕРИОД ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I — ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

С воцарением имп. Павла I все переменилось. Начались новые порядки с увлечением на немецкий лад... Преклонение перед всем немецким господствовало при всех императорах, кроме имп. Александра III, который круто повернул руль...

В Отечественную войну Кутузов, Багратион и другие военачальники (питомцы Суворова) понимали русского солдата, берегли его, но когда было нужно с восторгом выполняли приказания... В 1807 г. отряд ген. Каменского 2-го был окружен французским корпусом в 30 тыс. человек, против 5-ти тыс. русских. Командир французского корпуса лично отправился к Каменскому и, изложив обстановку, предложил почетную капитуляцию. «Удивляюсь вам генерал, — ответил Каменский, — вы видите на мне русский мундир и смеете предлагать сдачу». Отряд Каменского прорвал окружение и вышел с честью...

Война 1812-1815 гг. была закончена преимущественно русскими войсками блестяще... Торжество победы праздновалось в Вене... На параде русские войска не участвовали...

Немцы народ трудолюбивый и добросовестный и казалось бы русским нужно было быть с ними в дружеских отношениях, а союз трех императоров давал бы устойчивость в Европе. Но народ это одно, а политика над ним — другое...

Выигрышу кампании 1829 г. помогло прочное сознание нравственного превосходства наших войск над турками. Но мы были принуждены заключить мир без всякого результата для нас...

В 1849 г. русские войска спасли Австрию от распада. В благодарность за это русские получили кличку «жандармов Европы», а в 1854-1856 гг. Австрия подтянула к русской границе крупные силы, чтобы использовать момент в свою пользу. При перенесении военных действий в Крым, Россия была вынуждена оставить большую часть своих войск на австрийской границе...

При имп. Александре II кн. Горчаков подчеркивал, что намерен вести политику независимую от каких-либо соображений, кроме чисто национальных, отвечающих исключительно интересам России...

В письме принцу Гессенскому, видевшему в сохранении союза трех императоров залог сохранения Европейского мира и социального порядка, имп. Александр II писал: — Если Франц Иосиф искренне желает сблизиться с нами — надо, чтобы он указал на это перед всей Европой. Мне его дружба не нужна, но я ее не отталкиваю и буду рад принять Франца Иосифа в Варшаве, где он восемь лет назад умолял моего отца о помощи. Если он забыл, то Россия помнит, что пролила свою кровь для сохранения им короны. Лично я забыл, но Россия не может не считаться со всеми несчастьями, которые он принес России своей политикой...

В 1876 г. лично имп. Александр II войны не хотел и надеялся ее избежать, но комитет министров, созванный на экстренное заседание, пришел к убеждению, что в случае дальнейшего упорства Порты, иного выхода не остается...

В январе 1878 г. перемирие приостановило военные действия, а через месяц был заключен, выгодный для России, Сан-Стефанский мир... Но в Берлинском тарктате 1878 г. «русская дипломатия в противоположность русской армии, оказалась не на высоте своего положения»...

Еще с 1856 г. ген. Д. А. Милютин (военный ми-

нистр с 1861 г.) принялся за реорганизацию войск и составил план обороны западных границ... В дальнейшем Военное министерство с талантливым ген. Н. Н. Обручевым сильно развили наши военные силы и обратили особое внимание на обороноспособность западного фронта. Новая дислокация войск: в 1892 г. конница подтянута к границе, перестройка крепостей Ковно, Осовец, Брест-Литовск, Новогеоргиевск, Иван-Город; переустройство резервных частей и проч. Россия была поставлена в завидное положение для успешной защиты германской и австрийской границ...

Имп. Александр III не любил военной службы, но понимал, что для сохранения мира нужно быть сильным, поэтому требовал возможно большего усиления военной мощи. Политическая обстановка на западе складывалась так, что Франция была принуждена искать поддержки России. С другой стороны усиление Германии не входило в расчеты России. В результате между Россией и Францией был заключен оборонительный союз...

Часть III

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Император Николай II был миролюбивого характера и противником всякой войны. По его инициативе в 1899 г. была созвана Гаагская конференция мира во всем Мире... Гаагские конвенции 1899-1907 гг. касались законов и обычаев войны, нейтралитета и мирных способов разрешения международных споров. Они не дали желаемого результата, да и не могли дать, так как политика основана на обещаниях, которые по складывающейся обстановке изменяются или даже аннулируются...

Россия же, упоенная своим успехом, благодушествовала... Была забыта мудрость: — хочешь мира, готовься к войне. Войны больше не будет; для чего же вооружаться... А если вооружаться, значит не верить в правоту своих убеждений.

С самого начала XX века обстановка не благоприятствовала усилению мощи России. Гаагская конференция связывала нам руки... В то время как наши соседи совершенствовались в вооружении, стрельбе с закрытых позиций, обзаводились пулеметами, телефонной связью и проч., наша Армия оставалась в рамках турецких войн. Передача приказаний передавалась при помощи флажков и этот способ продолжал культивироваться еще в мае 1914 года...

На восточные границы России на верхах правления войсками не обращалось должного внимания. Огромный Китай был в спячке и не представлял никакой опасности, а маленькую Японию можно шапками забросать. На востоке не было плана военных действий, не было плана мобилизации, когда вспыхнула война, пришлось наспех выдергивать и посылать отдельные воинские части и резервные бригады. Войны с Японией Россия не хотела, но подстрекаемая немецкими агентами, хотела только напугать в расчете, что Япония от войны уклонится. Англия, Франция и Америка поддерживали Японию, а Германия наружно была на стороне России, но это не помешало ей порвать торговый договор, выгодный для России и заменить его выгодным для себя. В душе она радовалась, что наши взоры устремились на Восток. Военные представители Германии зорко следили за ходом военных действий и наматывали себе на ус.

❦

Темные силы, загнанные при имп. Александре III в подполье, подняли головы, начали шириться, укрепляться и всеми способами стараться подорвать престиж Царя и Правительства с целью произвести в России революцию... Эту гнусную работу вели революционеры разных толков до террористов включительно. Они проникали всюду, где можно было чинить препятствия Правительству, возбуждая народ против Царя и власти. Их требования: Конституционное Правительство, свобода слова и печати, национализация земли, фабрик и заводов, уравнение в правах всех граждан и проч. Пропаганда из городов перешла в села. Агитация в городах имела успех среди рабочих, а в селах в большинстве случаев агитаторы спасались бегством. Главная их цель была проникнуть в армию и привлечь на свою сторону офицеров. Для этого молодежь, поступавшая в военные училища, обрабатывалась разными способами: — привлечением в революционные кружки, где в отпускные дни для них создавался уют: тут они постепенно посвящались в работу, получали революционную литературу для распространения, а иногда и для хранения; некоторым, более податливым, давалась материальная поддержка, которая давала возможность жить шире, но с тем, что, когда потребуется, они должны быть на их стороне и выполнять задания.

Японская война окрылила революционеров — студенты и курсистки устремились на Дальний Восток в качестве санитаров, сестер милосердия и на вспомогательные должности. Для них открывалось широкое поле деятельности... Они так обнаглели, что после нашего поражения под Мукденом группа революционно настроенных студентов Петербургских высших учебных заведений послала Микадо телеграмму с поздравлением победы.

Когда была сделана попытка произвести революцию, то некоторым офицерам пришлось расплачиваться за субсидии, полученные раньше. Одним из таких был поручик Борис Иванович Солодовников. Пользуясь военной формой, свободно перевозил оружие для вооружения рабочих и крупные суммы денег на революцию. Был судим, разжалован в рядовые и год заключения в крепости. По отбытии наказания восстановлен в чине и дослужился до чина полковника. (После большевистского переворота в России проживал в Бразилии и в 30-х годах принимал участие против Правительства в рядах красных).

Верховский (паж), замешанный в революционной деятельности, исключен из Пажеского корпуса и рядовым отправлен на японскую войну. Получил солдатский Георгиевский крест и по окончании войны был прощен Государем и произведен в офицеры. С согласия Государя принят в Академию Ген. Штаба. На Великую войну 1914 г. вышел в чине полковника. В революцию 1917 года назначен Керенским военным министром и перешел на службу к большевикам. Изменивши присяге один раз — никому больше верен не будет...

❦

Революция в 1905 году провалилась. Были частичные революционные выступления в пехоте, артиллерии и даже в Гвардии. Туда проникли свои люди. Только наша конница оставалась верной Государю.

В кавалерийских училищах молодежь проходила через фильтр (цук), где отсеивалось все политически неугодное. Цук существовал с давних времен, чуть не с основания военных училищ и провести в них своих людей было трудно (попытки были). Никому и в голову не приходило его искоренять и только в 1905 году после неудачи революционеры поняли, что цук был опорой трона и государства. Они обрушились на него с яростью — старший курс был отделен от младшего, вводились строгие меры, вплоть до отчисления из училища. Особые строгости были введены при объезде Вел. кн. Константина Константиновича. К счастью, это продолжалось недолго. В России наступило успокоение и все пошло по установившемуся обычаю...

Очевидно Государю докладывалось в сгущенных красках и он, посещая пехотные и артиллерийские училища, не посетил Николаевское кавалерийское в Петербурге. В Великую войну 1914 г. опять началась старая история и гонения на цук вступили в свои права. Под влиянием общественного мнения Петербурга (революционного) Государь издал строжайший приказ об искоренении цука окончательно, но никакие строжайшие меры воздействия не могли до конца существования кавалерийских училищ искоренить старые, укоренившиеся традиции...

❦

До войны 1914 г крепкая дружба с Германией культивировалась в Петербургских салонах... Сторонники дружбы с Германией были как бы в гипнозе...

На открытии офицерского собрания Гвардии, Армии и Флота, заложенного повелением имп. Александра III, громадный зал был переполнен. Присутствовали — Имп. Николай II, Великие князья, высший генералитет и много рядового офицерства. Проф. полк. Золотарев произнес речь, посвященную царствованию имп. Александра III и его внутренней политике, как известно весьма консервативной. Зал слушал в напряженном молчании. Потом лектор перешел к внешней политике, очертив в резкой форме унизительную для русского достоинства, крайне вредную и убыточную для интересов России, пронемецкую политику предшественников имп. Александра III. Полк. Золотарев поставил в большую заслугу последнему установление лозунга «Россия для русских», отказ от всех обязательств по отношению Гогенцоллернов и возвращение себе свободы действий по отношению к другим западным державам.

И вот первые ряды зашевелились, послышался глухой шопот неодобрения, задвигались демонстративно стулья, на лицах появились саркастические улыбки и вообще высшие сановники всеми способами проявляли свое негодование по адресу докладчика. Странно было слышать и видеть такое яркое германофильство среди сановной знати и то, как она держала себя в присутствии Государя Императора.

После Японской войны начались преобразования в Армии. Омолодился офицерский состав, артиллерийское дело было поставлено на высоту и к 1914 г. достигло совершенства. В обучении пехоты начал входить рассыпной строй. Обращено внимание на улучшение быта солдат — солдатские комнаты-клубы в казармах с чаепитием, постельное белье, подушки, одеяла. До этого эти вещи приобретались на хозяйственные средства. Увеличено жалованье солдатам, улучшена пища, вместо полфунта три четверти фунта мяса.

В 1905 г. учрежден Совет Государственной Обороны с Объединенным управлением Армии и Флота и согласование всех ведомств, соприкасающихся с работами по части обороны.

В мирное время начальники — командиры полков и выше могли вовсе не следить за видоизменением военной науки и никто не интересовался их военными познаниями. Оценка делалась на маневрах весьма относительно и грубые ошибки, при нашем благодушии, сходили безнаказанно. В 1906 г. вышло Высочайшее повеление — установить занятия для высшего командного состава. Такое Повеление вызвало на верхах большое раздражение, видя в этом поругание седин и подрыв авторитета. Это новшество имело большую пользу. Оно давало возможность на военных играх по картам и схемам или в поле ознакомиться друг с другом и проверить знания старших начальников.

Введение новых аттестационных правил и нового пенсионного устава дало возможность принудительному или добровольному отсеиванию отставших от «времени». В течение 1905-1907 гг. было уволено и заменено от 50 до 60 процентов начальников от командира полка и выше. Офицерский состав омолодился, но получился недобор офицеров в 20 процентов. Чтобы привлечь в Армию молодежь из гражданских учебных заведений, была введена красивая форма, что привлекло молодых людей даже с законченным университетским образованием.

(Продолжение следует)

Из воспоминаний

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ РУКОПИСИ)

Н. И. Лащинин *)

ПОСТУПЛЕНИЕ В МИХАЙЛОВСКОЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В 1910 г. я подал прошения в несколько высших учебных заведений, в Петербурге — Институт Путей Сообщения и Горный, а в Варшаве — Политехнический институт. В Петербурге я узнал, что держать экзамен одновременно в оба института для меня было невозможно, а поэтому я подал прошение в Морское Инженерное Училище в Кронштадте. Но когда с меня потребовали письменное разрешение отца для поступления во флот, отказался от экзаменов.

Мой приятель дал мне совет держать экзамен в Константиновское Артиллерийское Училище, мотивируя это тем, что в училище я буду на полном иждивении, а в Путейском мне будет не по средствам. Нужно сказать, что ввиду моей неопытности, тот небольшой капитал с которым я приехал в Петербург, по моим расчетам должен был хватить мне на три месяца, но уже через месяц он подходил к концу.. Мой приятель знал об этом.

Начались экзамены сначала в Институте Путей Сообщения, а вскоре и в Константиновском Училище. В первом на 180 вакансий было приблизительно 1 500 претендентов, во втором было еще хуже, на 72 вакансии было около 1 200 кандидатов. Дни экзаменов в оба не совпадали, так что я держал одновременно в обоих.

Гвоздем экзаменов в Путейском была тригонометрия и у профессора Шатилова, которого почему-то называли — «колбасник», проваливалось большинство экзаминующихся. У меня этот экзамен был последним... В коридорах сновали всякие репетиторы из школы Шмулевича, которые спрашивали всех выходящих от экзамена тип задачи и ее решение.

В Константиновском Училище этих «шмулевичей» не было. На экзаменах в обоих заведениях мне везло и число конкурентов с каждым днем уменьшалось почти наполовину. Последний экзамен в Константиновском Училище чуть не кончился крахом для меня.

Экзамен был по двум предметам: тригонометрии и приложениям алгебры к геометрии. Придя на экзамен, я увидел у моего соседа два тома — «Приложения алгебры к геометрии» Фроловского. С этим предметом я был знаком только по небольшому отделу в алгебре Киселева, а тут целых два тома. Я попросил моего соседа одну из книг и он с готовностью уступил мне временно 2-й том, который он кончил узучать.

Проблемы во 2-ом томе были настолько сложные и новые для меня, что я с трудом разобрал несколько случаев. Когда же мой сосед взял у меня 2-ой том и предложил мне первый, то здесь я уже легко разбирался... Вскоре нас обоих вызвали к экзаменационному столу и я вытащил билеты по каждому предмету. По тригонометрии все доказательства мне были хорошо известны, но по приложениям две предательские задачи на построение.

Разделив доску мелком пополам и оставив левую часть для тригонометрии, я стал пытаться найти ответ для первой задачи, которую решил сравнительно быстро. Но со второй задачей меня заело и я долго с ней возился, пока не нашел способа построения. Тогда я поспешил заняться тригонометрией и скоро был готов и тут.

Подошедший ко мне экзаменатор капитан Гравэ, начал с тригонометрии и между нами начался спор. Не знаю, была ли это уловка экзаменатора, чтобы убедиться в твердости моих знаний, или же он устал от экзаменов настолько, что не сразу согласился с моими доводами, но все-таки уступил и перешел к разбору моих построений. Над первым он немного призадумался, но сказал «верно», а следующее он просмотрел быстро и тоже сказал «верно».

Когда я возвращался от экзаменационной дос-

*) Николай Иванович Лащинин, окончив Сосновицкое реальное училище, поступил в 1910 году в Михайловское артиллернйское учнлище. В 1913 г. вышел в 1-й Владивостокскнй крепостной артиллерийский полк. Войну 1914-17 гг. провел на фронте в 3-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде, а конец ее командиром 14-й отдельной батареи 6 дюймовых пушек «Каиэ». Участвовал в походе ген. Красиова на Гатчино и Царское Село. В гор. Луге был арестован большевиками и посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Выйдя, через 5 месяцев, на свободу, вошел в сформированный А. И. Карташевым «Национальный Центр». В 1918 г. с согласия Нац. Центра принял назначенне командиром 12 дюйм. батареи форта «Красная Горка». После Брестского мира возникла опасность захвата финнами форта и Военный совет Кронштадта решил подготовить форт к взрыву. 19 августа произошел взрыв, сильно разрушивший часть 10 и 6 дюймовых батарей. Были улики, что взрыв был произведен по указанию Национального Центра и был арестован один минер из гарнизона форта. Н. И. Лащинину удалось, однако, уничтожить все улики и затушевать все дело. Под видом усиления форта для обороны Лащинин подготовляет ядро для восстания на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Во время наступления ген. Юденича на Петербург эти форты восстали 13 июня 1919 г. После трехдневного боя с Красной армией Н. И. Лащинин отступает в район белой Сев.-Зап. Армии и участвует в общем походе на Петербург. Потом жизнь в Эстонии и эмнграция в 1926 году в Бразилию. 11 июня 1966 г. скончался в Сан Пауло.

ки, то мой будущий отделенный офицер шт.-кап. Козловский сказал мне: двенадцать, двенадцать, то есть два полных балла.

На следующий день в Константиновском училище был разбор вакансий. В Михайловское — всего только 24, а в Константиновское 48. Перед разбором вакансий Начальник Артиллерийской Академии и училищ ген.-лейтенант Чернявский обратился к нам с речью: «Оба училища хороши, один и тот же курс наук, те же преподаватели, разница лишь та, что одно находится на Неве, а другое на Фонтанке». К моему огромному удивлению я выбирал вакансии вторым и просил зачислить меня в Михайловское. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Революция застала меня на Рижском фронте. Когда я приехал по служебным делам в Ригу с фронта неподалеку от Олайне, я был до крайней степени поражен известиями об отречении Государя и о беспорядках в Петербурге. Купив газету, я решил зайти в кафе «Атэ», где всегда собирались офицеры, приезжающие с фронта, а по вечерам там бывало много штабных офицеров. В кафе я встретил несколько моих знакомых, горячо обсуждавших события. Вскоре пришло новое сообщение, что Вел. кн. Михаил Александрович отказался принять престол, передав всю власть Государственной думе.

Это известие окончательно ошеломило всех присутствовавших в кафе офицеров и за отдельными столиками горячо стали обсуждаться все эти невероятные события. Мнения разделились и, как мне казалось, большинству офицеров в этот момент, благодаря нашей общеполитической неграмотности, будущее нашей родины при новом строе представлялось в весьма радужном свете. Десятки лет наше общественное мнение очень успешно обрабатывалось так называемой прогрессивной печатью щедро субсидированной различными оппозиционными, революционными и интернационалистическими группами и партиями. Слишком мало мы знали блестящую историю нашей родины и к несчастью чересчур сильно восхищались Западом. Поэтому мы легко приняли новый строй в надежде на новое правительство, которое поможет нам довести войну до победного конца. Но очень скоро дальнейшие события обнаружили обратную сторону «великой бескровной революции».

Бесчинства матросов, произведенные в Балтийском и Черноморском флотах, кончились беспощадной кровавой бойней для самых лучших офицеров флота, а затем беспощадным истреблением служащих полиции и жандармерии во всей России, а также некоторых офицеров гвардии и армии. Развал флота, разгром полиции, отсутствие надежных войсковых частей в столице, открыли дорогу для создания большевистских организаций, так называемых советов солдатских и рабочих депутатов, с доминирующим участием в них социал-деморкатов и эсеров.

Возмутительный приказ № 1, хотя и был предназначен для Петербургского гарнизона, но благодаря наплыву в Действующую Армию массы провокаторов, уже в течение одной недели после его опубликования, внес такой раскол между офицерами и солдатами, что наша славная армия стала быстро разлагаться. Пополнения, которые Временное правительство посылало на фронт, вносили еще большую смуту в войсковых частях фронта, так как уже были сильно распропагандированы тыловыми советами и еще сильнее нарушили уже и без того ослабленную дисциплину...

Красный кумач стал доминировать во многих частях, главным образом в тыловых, расположенных поблизости фронтовых городов и местечек. Стали воздвигаться трибуны, обтянутые кумачем, с которых красные депутаты и комиссары, прибывающие из Петербурга на фронт, яростно требовали углубления революции. Самые негодные солдаты, главным образом нестроевые, становились отчаянными краснобаями. Залезая на трибуну, они несли с нее такую околесину из набора непонятных им самим революционных лозунгов, что даже сами солдаты, окружавшие трибуну, стаскивали их оттуда с возгласами: «полно вздор молоть». Писаря, обозные и вообще чины нестроевых команд и только редкие подхалимы из командного состава украсились красными бантами. Вскоре появились в некоторых, главным образом второочередных, частях советы солдатских депутатов, откуда неслась клевета на прежнюю Россию, на «Старый Кровавый Царский Режим», представителями коего выдвигался командный состав армии, несмотря на то, что большинство его встало на сторону революции в надежде при новом строе победно закончить свой долг перед родиной. Бесспорно так думала большая часть командного состава и стыдно сказать, но грех утаить, что так вначале и думалось мне многогрешному.

Мало по малу почти во всех частях армии стали возникать комитеты солдатских депутатов. Число комиссаров, делегированных Временным правительством, стало возрастать непрерывно; были случаи появления в частях фронта самочинных делегатов и комиссаров.

Наконец появился комитет солдатских депутатов нашей 12 армии и от нашего 6-го Сибир. Мортирного дивизиона потребовали избрания делегатов в этот комитет. Несмотря на то, что наш дивизион продолжал оставаться стойкой дисциплинированной частью, все же несколько из старых боевых офицеров, не выдержав уже начала офицерской голгофы, постарались уйти в резерв. Офицерский состав нашего дивизиона, уже ослабленный уходом нескольких коренных офицеров во вновь сформированную 3-ью Сибир. Артилл. Бригаду и уходом в резерв еще нескольких офицеров, был пополнен прекрасными офицерами, частью из

нашего паркового дивизиона, частью из запаса. Командиром моей батареи стал бывший командир парка, с которым я вышел на войну, подполковник Дмитрий Дмитриевич Гнедич. Правда, он ввиду ухода в резерв нашего командира дивизиона ген. Сербина, вскоре стал командиром дивизиона, а я принял во временное командование от него батарею.

Прекрасный личный состав нашего дивизиона как офицеров, так и солдат нисколько не пострадал за все время революции, вплоть до самого большевистского переворота, но окружающая обстановка кругом нас на фронте становилась все более и более невыносимой.

Несмотря на то, что и у нас в дивизионе был создан комитет, но его полномочия были ограничены лишь хозяйственным контролем. Между тем, во многих второочередных пехотных дивизиях советы солдатских депутатов, под влиянием революционной пропаганады, распространяемой как нашими революционерами, так и проникавшей на фронт «Окопной Правды», издаваемой немцами на русском языке, стали провозглашать лозунг: «Долой войну» — «Мир без аннексий и контрибуций!»

Обещания Врем. Правительства: «Война до победного конца!» становились все менее и менее осуществимыми, а для командного состава армии до крайности невыносимыми. Становилось все более ясно, что узурпация государственной власти шайкой профессиональных политиканов, говорунов, демагогов, не без малейшего представления в делах сложного государственного управления, в кратчайший срок приведет нашу родину к полнейшему развалу. Необходимо было немедленно создать сильную организацию с целью противодействия разрушительной деятельности этого злосчастного «Кратковременного Правительства».

ЛЕТО 1917 Г. РИЖСКИЙ ФРОНТ

Когда я принял батарею от подполк. Д. Д. Гнедича, наша позиция находилась с правой стороны шоссе Рига-Митава. Стоявшая тут до меня четырехорудийная батарея оставила мне позицию весьма малоблагоустроенную. Для офицеров была лишь небольшая хибарка с маленькой кухонькой для вестовых, дежурного телефониста и разведчика... Через неделю наша батарея была переведена на почти открытую позицию у огромного болота. Подъездной путь к батарее проходил по гати из бревен, закрепленных в топком грунте болота. Блиндажи как офицерский, так и для прислуги, представляли собой бревенчатый сруб, где пол был вымощен досками, хлюпавшими в воде. Фронт впереди батареи занимал какой-то второочередной полк, весьма ненадежный и уже начавший «братание» с немцами. Пришлось обнести позицию батареи проволочным заграждением с пулеметами на флангах. Так как на пехоту нельзя было положиться, а отступать ночью по гати было весьма опасно, то я оставлял на позиции один лишь взвод, два других взвода уводил на запасную позицию в тылу со старшим офицером. Ранним утром они возвращались на основную позицию. Вскоре почти половина солдат и все офицеры, кроме меня, стали заболевать цынгой, так как питьевой воды не было поблизости и пользовались бурой болотной водой из воронок, произведенных взрывом гранат. Питаясь легкой пищей и фруктами (гурьевская каша), я не заболел цынгой, но зато многие солдаты так ослабели, что, несмотря на мой приказ днем всем выходить из блиндажей наружу, прятались, так как были не в состоянии держаться на ногах. Лишь не болели, кто собирал на болоте клюкву и морошку. Вызванный мною врач отправил несколько более слабых в госпиталь, а я отдал приказ, чтобы все молоко от коров, имевшихся у нас в обозе, доставлялось на батарею. Кроме того, увеличил количество свежей зелени для солдатской кухни и послал одного из фейерверкеров в тыл за черемшой и бочонком красного вина. Неожиданно на мою батарею появился нач. нашего 6-го Сибир. корпуса в сопровождении своего адъютанта шт. кап. Мухачева, моего приятеля. Я просил ген. Васильковского увеличить количество свежих овощей и фруктов для довольствия батареи, в противном случае мне угрожает остаться совсем без орудийной прислуги. Вскоре батарея стала получать просимое в достаточном количестве и цынга стала ослабевать. Спустя месяц батарея была переведена в другую более здоровую местность... Последнее время положение на позиции впереди нас стало невыносимым. Пехота начала брататься с немцами и мой прекрасный наблюдательный пункт какой-то преступной рукой был лишен маскировки до такой степени, что немцы стали обстреливать его ружейным огнем. Чтобы иметь на нем еще возможность производить пристрелку, я приказал установить на площадке стальные щиты. Когда же я получил донесение, что пехота может начать братание с немцами, я решил во что бы то ни стало прекратить это бесчиние наших изменников и открыть по ним орудийный огонь, благо снарядов теперь у нас было достаточно...

Пробравшись на верхнюю площадку, защищенную щитами, мы с разведчиком стали выслеживать места братания. Вскоре мы увидели, как небольшая группа немцев с какими-то макетами начинает пробираться по зигзагообразной линии сквозь свои проволочные заграждения. Впереди идущий размахивал красным флагом. Я тщательно подготовил данные для стрельбы по месту сходки, дожидаясь наших изменников. Наконец, когда около десятка наших прохвостов подошли вплотную к немцам, я открыл по ним огонь. Непосредственного попадания в толпу братающихся не было, но немцы поспешно бросились убегать в свои окопы. Наши же подлецы врассыпную тоже отхлынули назад. Немцы открыли из двух пулеметов огонь по моему наблюдательному пункту. Точность наводки немецких пулеметчиков была изумительна. Как

горох защелкали пули по стальному щиту. Пришлось подобрать только ноги и дожидаться промежутков между очередями, чтобы спуститься с дерева. Когда разведчик стал уже спускаться, а я еще оставался наверху, то где-то поблизости какой-то прохвост закричал нам: «погодите, мы уж вам покажем, как стрелять по своим! Живыми отсюда не уйдете! Получите пули в спину!» — Я немедленно спустился вниз, чтобы обнаружить этого негодяя, но его и след простыл. Пустив вперед телефонистов, я направился в штаб полка, имея одного разведчика впереди, а другого позади себя с карабинами на изготовку, так как приходилось идти по узкой лесной тропинке или по бревенчатому настилу по болоту. Командир полка, находясь вполне во власти своего комитета, принял меня весьма нелюбезно. Но мой разговор с ним был весьма короток: «Подлецы-изменники, солдатами я их не могу назвать, уничтожили маскировку моего наблюдательного пункта. Немцы установили два хорошо пристрелянных пулемета для стрельбы по нему. Только благодаря стальным щитам, мне и моему разведчику удалось спастись от неминуемой смерти. До тех пор, пока я не устрою другой наблюдательный пункт, стрельбу по немцам и изменникам я буду производить из ваших передовых окопов, где у меня есть запасный пункт. До свидания!» — На следующее утро я направился на этот пункт по мосткам на болоте, под охраной вооруженных карабинами моих разведчиков и телефонистов. Открыв огонь по впереди лежавшим окопам противника, мы подверглись сосредоточенному огню двух немецких батарей. И этот пункт теперь был хорошо знаком немцам. Одним снарядом был сорван козырек нашего блиндажа. Одновременно противник стал усиленно обстреливать позицию нашей батареи, но, к счастью, без всяких последствий. Возвратился я на батарею по дощатым дорожкам, под прикрытием моих вооруженных солдат.

На следующее утро я получил от командира полка следующую записку: «Ввиду вчерашнего обстрела немцами наших передовых окопов, разрушена значительная часть наших окопов и блиндажей! Прошу вас сегодня не стрелять, дабы мы имели возможность восстановить их». На это я ответил командиру полка: «Во время вчерашнего обстрела немцами моего наблюдательного пункта в передовой линии ваших окопов сбит козырек в блиндаже моего пункта, ваши же окопы пострадали весьма мало. Только что получил сообщение, что ваш полк завтра ранним утром уходит в резерв. Счастливого пути!» Через два дня и моя батарея покинула эту болотистую местность и была переведена на сухую и более благоустроенную позицию. На этой позиции цынга, благодаря улучшенному питанию, совершенно прекратилась, но с моим здоровьем стало что-то неладно... Мои офицеры подметили это и вызвали нашего дивизионного врача Чернозерского, осмотрев меня с ног до головы, он определил, что у меня «опаясывающий лишай». На следующий день я уже был в госпитале в Риге, где старшим врачом была высокая и дородная полька. Она установила весьма строгий режим в госпитале, но я после нескольких дней лечения пользовался относительной свободой и дважды, когда меня посетил один из офицеров нашего дивизиона и предложил мне прогуляться верхом по городу на моем коне «Дружке» и с моим вестовым Киселовым, то я попросил милую мою докторшу позволения, на что получил ее милостивое разрешение. Она оказалась тоже большой любительницей лошадей и показала мне своего прекрасного скакуна, стоявшего тут же во дворе госпиталя.

В течение двух недель лечения и укрепляющих ванн, я совершенно вылечился в такой степени, что дало мне возможность легко перенести дальнейшие невзгоды этой «проклятой революции»...

Разрушение и растление армии продолжалось чудовищным темпом. Дисциплина в армии упала до такой степени, что во многих второочередных полках солдаты отказывались идти на позиции, а стоявшие на позициях — переходить в наступление, несмотря на соловьиные речи самого «главноуговаривающего» — Керенского. Назначение Верховным и Главнокомандующим ген. Корнилова, казалось сразу именило положение дисциплины и армии. На Московском Совещании 14-15 авг. 1917 г. после долгих речей и диспутов была установлена смертная казнь по приговору военно-полевого суда за крупные нарушения дисциплины. Стали формироваться отборные ударные отряды. Командный состав, до некоторой степени, был восстановлен в своих правах. Вся Россия жила теперь надеждой, что ген. Корнилову удастся восстановить боевую мощь армии. Но лавры ген. Корнилова не давали покоя завистливому злодею Керенскому и он спровоцировал ген. Корнилова на наступление на Петроград. Ошибкой ген. Корнилова было назначение для этой операции ген. Крымова, тогда как таковую должен был провести он сам. Был упущен момент и во время Московского Совещания, когда вся Москва устроила торжественную встречу ген. Корнилову, как единственному возможному спасителю Отечества от нараставшей повсюду анархии. Предполагалось сместить и арестовать Керенского и заменить его ген. Корниловым, на стороне которого уже были сосредоточены надежные части Московского гарнизона и военные училища. Но эта акция была предвозвещена и ликвидирована сторонником Керенского, командующим войсками Московского военного округа ген. Верховским *)...

(Продолжение следует)

---

*) Ген. шт. полк. Верховский был Военным министром Временного правительства, а потом перешел на службу к большевикам.

Операция 1-го армейского корпуса генерала Л. К. Артамонова в августе 1914 года

Г. А. Артамонов

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ РУКОПИСИ)

В 1914 году имело место выполнение того варианта плана войны, когда Германия направит главные силы против Франции, чтобы покончить с ней до сосредоточения русской армии. Срок готовности русских армий колебался между 24-29 днями мобилизации. Однако, на совещании начальников штабов — ген. Жоффра и ген. Жилинского, последний, уступая французским пожеланиям, согласился на то, что Россия обязывалась начать наступление против Германии тотчас после 15-го дня мобилизации. Это «роковое» решение, по мнению ген. Головина, является главной причиной печального исхода всей войны для России.

На деле на 15-й день мобилизации наша армия могла закончить сосредоточение только 1/3 своих вооруженных сил. Французские просьбы о скорейшей помощи заставили русское командование предпринять спешно наступление на Восточную Пруссию...

В состав сил Сев.-Зап. фронта, под командованием ген. Жилинского, входили две армии: 1-я ген. Ренненкампфа и 2-я ген. Самсонова. 1-я армия должна была наступать правее группы Мазурских озер, а 2-я левее их. Наступление должна была начать 1-я армия, и обходом левого крыла 8-й германской армии отрезать ее от Кенигсберга. 2-я армия, наступая левее Мазурских озер, должна была отрезать отступление немцев за Вислу.

Это наступление должно было начаться уже на 14-й день мобилизации, еще не скомплектированными частями и с отставшими обозами. На стороне немцев было полуторное превосходство в боевой силе.

19-го августа (все даты по нов. ст.) 1-я армия была атакована немцами под Гумбинненом. Потери были велики и ген. Ренненкампф, не преследуя противника, остановил армию на своих позициях, предполагая, что на следующий день немцы поведут еще более энергичное наступление. Лишь 21 августа выяснился отход германцев. Армия ген. Самсонова, не зная об этом из-за отсутствия связи, начала наступление вглубь Восточной Пруссии.

Ген. Гинденбург, оставив кавалерийский заслон против 1-й армии, перебросил главные силы 8-й немецкой армии против Самсонова и, разбив оба ее фланга, окружил корпуса, находившиеся в центре, совершенно их уничтожив. Это русское наступление, хотя и окончившееся поражением, заставило немцев снять с французского фронта два корпуса...

❦

По стратегическому развертыванию 1-й армейский корпус ген. Артамонова, вместе с Гвардейским, должен был войти в состав 1-й армии ген. Ренненкампфа. Погрузка частей корпуса в эшелоны началась в первые дни мобилизации в Новгороде, Пскове, Юрьеве, Боровичах, Старой Руссе и т. д. В Петербурге грузился штаб корпуса и авиационный отряд.

5-го августа (6-й день мобилизации и 5-й день войны). Эшелоны 1-го арм. корп. продвигаются в Западном направлении. В этот день французский посол Палеолог сделал Императору Николаю II следующее заявление: «Французская армия вынуждена будет выдержать могущественный натиск 25-ти германских корпусов. Я умоляю, Ваше Величество, приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной».

8-го августа. Главнокомандующий Сев.-Зап. фронтом ген. Жилинский получил от Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего, ген. Янушкевича, телеграмму, в которой сообщалось, что «ввиду направления главных сил Германии против Франции и необходимости поддержать союзницу» надлежит принять следующие меры: Гвардию и 1-ый армейский корпус изъять из 1-ой армии и направить к Варшаве, куда они прибудут между 12-22 днем мобилизации, то есть между 11 и 21 августа... С этого времени 1-й арм. корпус находился в непосредственном распоряжении Главнокомандующего Сев. Зап. фронтом.

10 авг. Первая директива от ген. Янушкевича, в которой указывается на необходимость ускорить наступление 1 и 2 армий с целью обхватить противника с обоих флангов. Относительно 1-го арм. корпуса сказано: обеспечение операции левого фланга 2-ой армии достигается р. Вислой и крепостью Новогеоргиевска и перевозимыми к Варшаве частями Гвардейского и 1-го армейского корпусов, первые эшелоны коих начнут прибывать в Варшаву с 12-го дня мобилизации, т. е. 11-го августа.

11, 12, 13 августа. Части 1-го арм. корпуса ген. Артамонова прибывали в Варшаву.

14-го авг. В приказе от 14/8 из Белостока ген. Самсонов сообщал: в Варшаву прибыли, направленные распоряжением Верховного Главнокомандующего части нашего 1-го армейского корпуса... 2-ой армии к 17/8 занять исходное положение для наступления... Директивы, требуя ускорения воздействий на Германию, ставили цели более широкие, а именно: наступление 2-й армии в обход

Мазурских озер с запада с задачей разбить немецкие корпуса, развернувшиеся между Вислой и Мазурскими озерами и тем воспрепятствовать отходу немцев за Вислу. Операция 2-й армии являлась теперь решающей судьбу наших первых действий против Германии. Вследствие этого совершенно законным являлось желание Главнокомандующего Сев.-Зап. фронтом, ген. Жилинского, использовать для участия в операции 2-й армии корпуса, сосредоточивающиеся в районе Варшавы. Он включил в состав армии ген. Самсонова Гвардейский и 1-й армейский корпуса. Еще 13-го августа стало известно, что 36-ая дивизия 17-го германского корпуса сделала набег на Млаву, а это показало, что немецкое правое крыло находилось с крупными силами гораздо западнее, чем предполагалось. Ген. Жилинский добился тогда у Верховного командования, чтобы 1-й армейский корпус ген. Артамонова и 1-ая стрелковая бригада 14-го арм. корпуса были предоставлены в его распоряжение, для образования эшелонами сильную опорную группу на левом фланге 2-й армии.

Французский полк. Аргейроль пишет, что 1-й арм. корпус сразу был по железной дороге переброшен в Цеханов, а 1-ая стрелковая бригада высадилась в Млаве лишь 24-го августа. Это противоречит всем другим источникам, из которых следует, что корпус ген. Артамонова шел из Новогеоргиевска в Млаву походным порядком. Однако возможно, что отдельные части его были подвезены до Цеханова по жел. дороге. В телеграмме ген. Жилинского от 15-го августа было приказано командиру корпуса ген. Артамонову, выделив два полка для прикрытия Варшавы (86 Вильманстрандский и 96 Омский) с остальными частями выступить походным порядком в Новогеоргиевск и Цеханов.

Военный летчик, прикомандированного к 1-му арм. корпусу авиационного отряда, Н. С. Воеводский пишет в своих воспоминаниях о перелете Отряда из Варшавы в Новогеоргиевск следующее: «Через несколько дней (после прибытия в Варшаву) мы уже летели всем отрядом в крепость Новогеоргиевск. Во время этого перелета у меня вдруг остановился мотор и я начал планировать... В наступившей тишине спуска без мотора я вдруг услышал ружейную стрельбу, свист пуль вокруг себя и увидел на дороге, остановившуюся роту, стрелявшую по мне... Через минуту я сделал посадку и увидел как вся рота бежала ко мне. Когда я их встретил трехэтажными выражениями моих чувств, ближайшие ко мне встали навытяжку и спросили: «Ваше Благородие, позвольте посмотреть на мишеньки». Эти наивные стрелки приняли трехцветные национальные круги, накрашенные на нижней поверхности крыльев, за мишеньки... Судя по количеству пуль, попавших в крылья и фюзеляж самолета, только чудо спасло меня от неминумой смерти...»

16-го августа части 1-го арм. корпуса находились в Варшаве-Новогеоргиевске. В директиве № 1 от 16 августа из Белостока, ген. Самсонов предписывает 2-й армии, усиленной Гвардейским и 1-ым армейским корпусами, перейти в наступление... 1-му арм. корпусу начать наступление 17-го августа. Дорога — Новогеоргиевск - Насельск - Цеханов - Млава и пути к западу от нее. 6-й кавалерийской дивизии разведывать в полосе, ограниченной справа линией Прасныш - Янов - Молиска, а слева — шоссе Новогеоргиевск - Млава (включительно). 15-й кавалерийской дивизии обеспечивать левый фланг армии, ведя разведку в полосе, ограниченной справа шоссе Новогеоргиевск - Млава (исключительно), а слева — линией Плонск - Дробин - Бежунь - Гуржно - Страсбург.

Таким образом наступление корпуса ген. Артамонова на Млаву обеспечивалось двумя кавалерийскими дивизиями. Из дальнейших оперативных распоряжений мы видим, что ген. Самсонов передвинул развертывание своей армии еще более на Запад, чем указывал ген. Жилинский, и примкнул левый фланг 15-го корпуса к правому флангу 1-го арм. корпуса ген. Артамонова, прикованному к операционному направлению Млава - Сольдау. То что армию ген. Самсонова «потянуло» на Запад, объяснялось тем, что вследствие неустройства тыла и недостаточности обозов ее естественно притягивала возможность базироваться на железнодорожной линии Новогеоргиевск - Млава.

17-го августа. В этот день 1-й арм. корпус (без двух полков, оставшихся для прикрытия Варшавы) выступил из Новогеоргиевска в Насельск согласно директиве № 1 ген. Самсонова, полученной накануне. Как уже было упомянуто, ген. Самсонов передвинул развертывание своей армии левее, чем указывал Главнокомандующий Сев.-Зап. фронтом. Ген. Жилинский телеграммой от 17-го августа № 1012 возражает против подобного передвижения фронта развертывания: «Вы растянули Ваш левый фланг до Жабоклик, благодаря чему фронт трех корпусов (VI, XIII и XV) 2-ой армии растянут при переходе границы на 60 верст, что считаю чрезмерным. Ввиду того, что 1-ый арм. корпус, являясь резервом Верховного Главнокомандующего, дан в Ваше распоряжение для поддержки Ваших сил, считаю более правильным выдвинуть в первую линию 2-ую пехотную дивизию». Немцы в этот день были заняты первыми боями против армии ген. Ренненкампфа, перешедшей границу Восточной Пруссии.

18 августа 1-му арм. корпусу предписывалось в этот день дойти до линии Сонск (река Сана). Штаб армии ген. Самсонова переехал из Белостока в Остроленку. В этот же день он получил сведение, что Млава оставлена противником.

19 августа. В этот день 1-ый арм. корпус должен был дойти до линии Пиево. В тот же день, 19-го, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего ген. Янушкевич предупреждает по телеграфу ген. Жилинского, что один из корпусов — Гвардейский или 1-ый армейский — должен служить «активно-оперативным резервом» (?) в руках

Верховного Главнокомандующего, и, ввиду выдвижения генералом Жилинским 1-го арм. корпуса к Плонску, «ни в коем случае не трогать из района Варшавы и Новогеоргиевска Гвардейского корпуса». 19-го августа ген. Жилинский послал ген. Самсонову следующую телеграмму: «Задержка в наступлении 2-ой армии ставит в тяжелое положение 1-ую армию, которая два дня уже ведет бой у Сталлупенена. Поэтому ускорьте наступление 2-ой армии и возможно энергичнее развейте ее операции, выдвинув, если для сего потребуется, 1-ый армейский корпус».

Но предел того, что можно было требовать от войск 2-ой армии был перейден... Ген. Самсонов мог только ответить: «Армия наступает со временем Вашего приказания безостановочно, делая переходы свыше 20-ти верст по пескам, почему ускорить не могу».

Вследствие требований ускоренных маршев войска были принуждены пользоваться боковыми проселочными дорогами, а не только главным шоссе. 1-му арм. корпусу для его наступления назначена была дорога Новогеоргиевск - Млава, и «пути к западу от нее». Эти дороги были для обозов плохо проходимы.

Вот как описывает этот марш пор. С. А. Мацылев 1-го саперного батальона, входящего в состав 1-го арм. корпуса ген. Артамонова: «Высадившись в Варшаве, 1-ый арм. корпус был двинут походным порядком через Новогеоргиевск и Млаву к государственной границе. Стояла удушающая жара, переходы были в среднем по тридцати верст. За Новогеоргиевском двигаться пришлось по проселочным дорогам, начались так называемые «польские пяски вельки», люди не втянутые в поход, изнемогали и двигались как автоматы, совершенно черные от покрывшей их пыли, лошади выбивались из сил, с трудом вытягивая орудия и повозки. В другом участке этих маршев грунт большинства дорог был сыпучий, песчаный, что чрезвычайно затрудняло движение обозов... Некоторые обозы передвигались так: половина повозок отпрягалась, лошади припрягались к остальным повозкам, которые и подвигались на версту вперед: потом все лошади возвращались за оставленными повозками, и так в течение всего перехода. Войска своих обозов не видели. Дневок не давалось. Невтянутые в поход запасные разбалтывались...».

20 августа. В этот день 1-ый арм. корпус ген. Артамонова продвигался от Пиево на Млаву не встречая сопротивления. В течение дня ген. Самсонов получил донесение, что противник спешно отступает перед русскими войсками, а воздушная разведка сообщила, что видела две длинные колонны, уходящими от Млавы на север. 20-го августа авангард 1-го арм. корпуса занял Млаву.

(Продолжение следует)

Встреча на Волге с ген. Сандецким

Л. О. Бек Софиев

(О СТРОГОСТИ И ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ. В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ)

Всецело «лесковец» писатель почвенник и бытовик С. Р. Минцлов свое среднее образование, как «Грузинский воспитанник», закончил в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе. В своих воспоминаниях о корпусе Минцлов пишет: «Не знаю почему, в силу исторической ли наследственности, по другим ли причинам — но Нижегородский корпус в те времена считался и был самым суровым из корпусов. И действительно, когда впоследствии в Александровском военном училище пришлось перезнакомиться с товарищами, съехавшимися из других городов, мы наглядно могли убедиться, насколько строже относилось к нам наше корпусное начальство и насколько были суровее наши нравы и отношения друг ко другу... Обращались с нами вежливо и вместе с тем все мы чувствовали властную руку, лежавшую на нас. Рука эта была — дисциплина, строго проводившаяся с первого класса и клавшая на малышей неизгладимый отпечаток».

Влияла ли на строгую дисциплину в нашем корпусе «историческая наследственность», о которой упоминает наш однокашник? Действительно, шеф корпуса граф Аракчеев и при Императоре Павле Петровиче, и при Имп. Александре I считался сначала строгим и энергичным военным начальником, а потом суровым и исполнительным государственным деятелем. Великий князь Николай Михайлович, не любивший Аракчеева, называл его «железным графом». Накануне открытия Новгородского корпуса, Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Михаил Павлович говорил новичкам-кадетам: «Сегодня я позволяю вам возиться со мною, но завтра будет у вас гость, старик суровый, он шутить не любит и потому прошу что все было чинно».

В день официального открытия корпуса, 15-го марта 1834 года, в конце торжественного обеда Великий князь обратился к графу Аракчееву со словами: «Я прошу вас, как близкого соседа, почаще навещать корпус...». Просьбу эту Аракчеев выполнить не успел, ибо через пять недель после этого торжества он скончался в своем имении Грузино, в которое окончательно переселился из Петербурга вскоре после кончины Императора Александра I.

Строгая дисциплина и суровые взаимоотношения в нашем корпусе вряд ли исходили из строгой, скромной и простой желтой высечки на погонах, по образцу трафарета у бывшего Гренадерского графа Аракчеева полка, напоминавшего нам сурового шефа. Скорее от того состава офицеров-воспитателей и тех дворянских кандидатов, которые поступали в корпус из Новгородского батальона военных кантонистов.

Офицерский состав для Новгородского корпуса был назначен из Дворянского полка и Петербургских кадетских корпусов: 1-го, 2-го и Павловского. Первым директором был ген.-м. А. И. Бородин, воспитанник «старейшего» 2-го корпуса, который после четырех лет строевой службы прошел в Дворянском полку все должности.

Известно, что над Павловским корпусом, бывшим Императорским военно-сиротским домом, основанным в 1789 году Наследником Цесаревичем Павлом Петровичем, как впоследствии и над Павловским военным училищем, «реял дух сурового Императора Павла I», а над Дворянским полком и корпусами дух замкнутого, холодного, строгого и военного Санкт-Петербурга.

Несомненно, на духе нового корпуса сказалось влияние первых офицеров-воспитателей, которые психологически не могли быть довольны их переводом из Невской блистательной столицы в казармы 4-го Округа пахотных солдат (бывших Военных поселений), в 8-ми верстах от села Яма-Бронница Новгородской губернии. Может быть, потому большинство из них было сухими, строгими и суровыми начальниками. Эти качества, в отношении казенной дисциплины, вызывались и другой причиной: разнообразием характеров, воспитания и поведения, поступающих в Новгородский корпус детей-переростков из дворянских семей Новгородской губернии.

В начале сороковых годов число кандидатов для поступления в кадетские корпуса дошло до такой громадной цифры, что и половины их никогда бы не пришлось дождаться быть кадетами. Даже те, которые записывали своих сыновей в кандидаты чуть не при рождении, видели их потом переросшими возраст определенный для приема в корпус. Многие родители, не имеющие средств дать мальчику даже самого первоначального образования, отдавали таких кандидатов в батальоны военных кантонистов, до поступления в очередь быть принятому в корпус. О быте и положении кантонистов нет необходимости говорить, ибо кому не известно, что одна фраза «отдать в кантонисты», наводила страх и трепет. Внутренний быт кантонистов был не лучше бурсы.

В батальоне мальчики дворяне не могли быть ни в нравственном, ни в учебном отношении отделены от общей среды солдатских детей. Повседневное пребывание детей разного воспитания и сословия в одной казарме, на некоторых кандидатов в корпуса влияло отрицательно, вырабатывая у них жесткий, упрямый характер и грубое отношение к младшим товарищам, особенно к обычным кантонистам. Вот почему некоторые кандидаты-кантонисты по переводе их в наш корпус из Новгородского (ушкуйнического — Л. С.) батальона, оказывались «испорченными» и не доходя до окончания курса, или были возвращены родителям, или выписывались в армию нижними чинами.

Перевоспитание «испорченных» вызывало увеличение строгости, суровости и учащение порки, что отзывалось на всей казенной дисциплине Новгородского корпуса. Грубость, а изредка и жестокость «испорченных», отражалась на кадетском товариществе, иногда превращая его рыцарские принципы в неумолимую и очень требовательную кадетскую дисциплину в стенах корпуса, которая со временем, в том или ином виде, сживалась с корпусными традициями.

Быть может и странно, но по воспоминаниям некоторых воспитанников Новгородского-Нижегородского корпуса, для исправных кадет строгая казенная дисциплина не была страшна. Преобладающая часть кадет больше любила строгих и требовательных офицеров-воспитателей, чем мягких, добрых, тихих и скрытных. О них говорили, что «они мягко стелют, но жестко спать». Для нас, Нижегородцев-Аракчеевцев, уже по традиции корпуса, — «самого строгого из корпусов», — вообще не существовало строгих и суровых гарнизонных начальников, ибо наши корпусные были строже и суровее. Вот почему, когда ген. Сандецкий, дважды командуя военным Округом на Волге, в нужных случаях «подтягивал» офицеров, иногда нас кадет и очень редко нижних чинов, мы не чувствовали «моральной подавленности» и «забитости», о которых упоминает ген. Деникин в отношении офицеров Округа, а смело, при замечаниях или вопросах ген. Сандецкого, вступали с ним в неожиданный для него разговор-пререкание, чем удивляли и быстро «отрезвляли» строгого генерала.

Умение не растеряться, смело и разумно, не нарушая дисциплины, возразить на резкое или грубое замечание начальника, вот моральное достоинство русского офицера, которое всегда быстро смеряло и укрощало гнев любого строгого начальника.

Это действовало и на резкого и грубого в своих замечаниях и распоряжениях Вел. кн. Николая Николаевича. Как-то, делая смотр кавалерийскому полку, ему не понравилось какое-то построение и он между дельным указанием позволил себе неприличное бранное выражение. Выслушав спокойно за-

мечание, командир полка немедленно стал отъезжать. Его вернул ординарец Вел. князя. На вопрос почему он отъехал во время разбора учения, тот ответил: «Когда Ваше Императорское Высочество говорите мне о кавалерийском деле, я Вас слушаю, в ваших же «выражениях» я не компетентен»... Вел. князь обнял командира полка и все кончилось по хорошему, принял приглашение на завтрак в полк. Кажется, аналогичный случай был и с ген. Безобразовым, который также окончился миром и обшим обедом. Во время смотра Вел. князь, в присутствии Безобразова, громко и резко произнес замечание о «безобразных» эволюциях в каком-то новом построении, автором которого, будто бы, был ген. Безобразов. Рассказывали, что один вахмистр на неприличное выражение Вел. князя во время выговора-разноса, решился остроумно ответить Вел. князю, чем сразу обуздал его пыл и ярость.

❦

Раньше мне была известна только отрицательная характеристика, даваемая поступкам генерала Сандецкого генералом Деникиным, но в 1966 году, в газете «Новое Русское Слово», появилось два противоречевых мнения об этом строгом генерале, которые натолкнули меня вспомнить неожиданную встречу с ним на волжском пароходе в мае 1916 года.

Ген. Сандецкий тогда вторично командовал Казанским военным округом, а я был кадетом 3-го класса и сопровождал больного брата, кадета 1-го класса, из Нижнего Новгорода, «на кумыс» в Башкирские степи, санаторий «Русская Швейцария» близ гор. Белебея и ст. Глуховской Самаро-Златоустской жел. дороги. Отец в то время находился на фронте, а мама работала сестрой милосердия в военном лазарете Обуховской больницы в Петербурге.

Перечитывая воспоминания ген. Деникина («Офицеры», 1928 г., «Старая армия», 1929 г. и «Путь русского офицера», 1953 г.), у меня сложилось мнение, что все описания характера и поступков ген. Сандецкого в этих книгах изображены очень тенденциозно, с явно предвзятой и пристрастной идеей, желающей представить строгого и верноподданного генерала одиозной личностью в Императорской армии.

Путаная же статья офицера ген. шт. А. Битенбиндера — «Симбирск на Волге» (газ. «Н. Р. С.» 12. 6. 1966), относящаяся к воспоминаниям 1910 года, изобилуя географическими ошибками, этнографическими и историографическими неточностями, характеризует ген. Сандецкого как «психопата и самодура». Автор статьи не сообщая причин, вызвавших замечание ген. Сандецкого во время одного из смотров полка, пишет, что «Сандецкий по обыкновению нагрубил». Как бы в отместку за это, старший штаб-офицер полка не пригласил командующего Округом в офицерское собрание на обед. Это сделал, по собственной инициативе, командир части. Когда же все уселись за столами, то «со своего места поднялся старший штаб-офицер, щелкнул шпорами, круто повернулся на каблуках и направился к выходной двери. За ним последовали офицеры полка. В просторной, пустой столовой остался ген. Сандецкий с командиром полка...» Но, замечает автор, «Сандецкий был толстокожий и такими приемами его нельзя было унять».

Нам кажется, что такой недисциплинированный и некорректный «прием» со стороны кадрового состава офицеров, тем более после тяжелых событий 1905 года, мог быть навеян только теми революционными идеями, которые тогда существовали не только в программах оппозиционных и революционных партий и в уме распропагандированной ими толпы, но, к сожалению, и среди некоторых офицеров Армии.

Противоположную характеристику особенностей и поступков ген. Сандецкого мы находим в аргументированном ответе на статью А. Битенбиндера, офицера кавалерии Дм. Франка из Лос Анджелеса («Н. Р. С.» 2. 7. 1966, «Письма в редакцию»). Автор большого письма, вполне справедливо оценивая сурового генерала. пишет, что «ген. Сандецкий действительно не был салонным генералом и говорил иногда резкости, но, получив строгий, но корректный ответ от командира части, он или извинялся или больше не повторял резких замечаний». И далее: «ген. Сандецкий был строгим и требовательным начальником, но не был монстром и ненормальным человеком, как его рисуют некоторые авторы воспоминаний. Его коньком было довольствие людей, аккуратное несение службы и правильное ношение формы». Моя неожиданная встреча на пароходе с ген. Сандецким и сделанное им мне замечание, касалось формы одежды.

❦

Поступки, характер и требовательность ген. Сандецкого к офицерам нашей Армии напоминают нам не только деятельность в России фельдмаршала графа М. Ф. Каменского, но и одинаковую у них трагическую смерть от руки дикой и жестокой толпы. Будучи генерал-губернатором Рязанского и Тамбовского наместничеств (1781-1785), Каменский считался начальником хоть и строгим, но в высшей степени деятельным, гуманным, весьма практичным, заслуживающим самого полного уважения. С особым вниманием и строгостью он относился к тем чиновникам, которые притесняли простой народ и дурно относились к служебному долгу. Судя по тамбовским архивным документам, Каменский обнаруживал заметно хорошие личные качества, и привел в исполнение несколько таких мер, которые содействовали гражданственности и порядку в Тамбовском крае.

Действия же Каменского в период его генерал-губернаторства в С.-Петербурге, в Южной армии по смерти князя Потемкина-Таврического и «стран-

ное» командование русскими войсками в 1806 году и наконец его крутой нрав по отношению к крепостным, оцениваются современниками далеко не в привлекательном свете, а именно как начальника крайне вспыльчивого, резкого и завистливого.

Строгость и суровая требовательность военной дисциплины, при наличии некоторого противоречия в поведении и личном характере у высших военных начальников, все же приносили большую пользу Государству и Армии, расхлябанность же в ней лишало начальника возможности правильно ею управлять в нужный момент.

В наше время принц А. П. Ольденбургский, командуя Гвардейским Корпусом, вызывал у всех страх. Вел. кн. Александр Михайлович пишет, что «его строгость граничила с сумасбродством. Весть о его приближении во время инспекторских смотров вызывала среди офицерского состава нервные припадки... С этой маниакальной строгостью в видимом противоречии находилась его благоговейная преданность наукам. Он оказывал щедрую материальную поддержку всевозможным просветительным и благотворительным начинаниям, а также научным экспедициям и изысканиям. Он покровительствовал молодым, подающим надежду ученым, а они относились снисходительно к его неуравновешенности и чудачествам». Во время 1-ой мировой войны его назначение на пост Начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир, и на этот раз русская армия оценила благодетельную строгость принца А. П. Ольденбургского.

Здесь, видимо, наличествует не только разнообразие и противоречивость оценок современников, но и известная исторически сложившаяся неустойчивость и непоследовательность у многих русских людей, благодаря которым они часто бывают и хорошими и дурными, людьми, как говорят с наличием прямого и «обратного» характера. Не обладал ли и ген. Сандецкий таким характером?

❦

Генерального штаба ген. Сандецкий в 1905 году, в то смутное время для России, командует 34-й пехотной дивизией, стоявшей в Екатеринославе. В Одессе и Харькове возникают революционные беспорядки. В Севастополе образован комитет матросов, который стал разрабатывать план восстания всего Черноморского флота. 14 июня на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» вспыхивает дикий, бессмысленный военный бунт. В октябре в Екатеринославе забастовочное движение принимает характер восстания с баррикадами и нападениями на верные правительству войска. Ген. Сандецкий, действуя смело, решительно и умело, быстро усмиряет военной силой мятеж.

В 1906 г. ген. Сандецкий занимает пост Командира гренадерского корпуса в Москве. Листки революционеров «Казарма», «Пролетарий» и другие призывают свои «боевые группы» и «военные организации» к убийству «активных черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота и так далее и тому подобное».

При слабости полицейского аппарата, нерешительности, растерянности и дезорганизации местных властей, некоторых генерал-губернаторов, а также командующих военными округами, поставило высшую власть перед необходимостью, в известных случаях, прибегать к помощи воинской силы для отстаивания государственного порядка России. Участие воинских частей в борьбе с революционными беспорядками и насилиями было в виде несения чрезвычайной охранной службы в угрожаемых пунктах и карательное — в форме прямых действий по поимке и захвату мятежников, особенно главарей террористических «боевых организаций».

В это время Поволжье находилось на военном положении. В 1906 г. не только все войска Округа, но и мобилизованные второочередные казачьи части и регулярная конница, привлеченная с Западной границы, были использованы для усмирения повсеместно вспыхивавших беспорядков и бунтов. Как рассказывает Н. Л. Шукевич, в октябре 1906 г. его 53 драгунский полк был двинут в различные места Казанского военного округа в помощь гражданским властям.

Командовавший этим Округом генерал Карас избегал крутых мер и явно не справлялся с делом усмирения, на его место назначили ген. Сандецкого. Ген. Деникин пишет: «... прибыл в Казань человек, топнул в запальчивости ногой и громко на весь округ крикнул: — согну в бараний рог!». И далее: «Сандецкий наложил свои тяжелые руки — одну на революционеров Поволжья, другую на законопослушное воинство» (Путь русского офицера, стр. 258).

По отношению к убийцам и грабителям казначейств и банков, то есть к революционерам и террористам, — это правда. При нерешительном, мягком и добром генерале Карас, видимо в начале беспорядков в Поволжье, за такие уголовные преступления число смертных приговоров исчислялось единицами, при ген. Сандецком — десятками. Но ведь «принятие в нужный момент суровых мер не только право военачальника, но и его обязанность и прямой долг». Тем более, всегда надо учитывать: — «лучше вовремя пролить каплю крови, чем допустить со временем целые потоки ее».

Ген. Деникин считает, что в то время Армия была «законопослушной» и не надо было ген. Сандецкому накладывать на нее своей «тяжелой руки». С этим нельзя согласиться. К сожалению, далеко не вся наша Армия была «законопослушной» во время «генеральной репетиции», проводимой оппозиционными и революционными партиями как в Москве, Сибири, на Юге, так и на Волге.

А. Н. Наумов рассказывает в своих воспоминаниях, что тогда в Самаре «восьмитысячная запасная артиллерийская бригада, почти со всем своим офицерским составом, (с пушками и снаря-

жением) перешла... на сторону Комитета... Остались верными Царю и Правительству лишь один батальон пехоты с полк. Барановым во главе, да еще подполк. Кременцов со своей сотней Оренбургских казаков» (Из уцелевших воспоминаний, 1955 г. Т. II, стр. 52). Из всей запасной бригады остались верными долгу и присяге только несколько артиллерийских офицеров. Впоследствии бунтовавшая бригада была раскассирована, а офицерский состав был предан суду. Без «тяжелой» руки подполковника Кременцова в Самаре произошел бы военный бунт, по образцу морского в Черноморском флоте, Свеаборгской крепости, Кронштадта и т. д.

❦

Как известно, в июле 1906 г. органы правительства ввели военно-полевые суды, которые дали возможность бороться с революционными организациями решительными средствами. Казанский округ был на военном положении и за политические преступления военных и гражданских лиц судил военный суд, в составе председателя — военного судьи и двух членов, штаб-офицеров от войск местного гарнизона. Но, видимо, в военном суде Округа наблюдалось недопустимое снисходительство по отношению к революционерам и ген. Сандецкий был недоволен решениями суда.

Ген. Деникин сообщает: «Во время смотра Саратовскому гарнизону особенно досталось двум штаб-офицерам, бывшим членами военного суда в только что закончившейся выездной сессии. Сандецкий собрал всех офицеров гарнизона и в их присутствии разносил штаб-офицеров: кричал, топал ногами и, наконец, заявил, что никогда не удостоит их назначения полковыми командирами «за проявленную слабость».

Нужно заметить, что в то тревожное время среди нижних чинов в войсках усилилась агитационная работа революционных «военных организаций», в том числе и в Казанском округе. Эти организации устраивали кружковые занятия, митинги, на которых вели пропаганду, возбуждая нижних чинов против воинских распорядков и начальства, снабжая солдат нелегальной литературой. Под влиянием этого подстрекательства, как сообщает ген. А. И. Спиридович *), в некоторых частях нижние чины предъявляли начальству различные требования. «Слабость», а может быть даже и непростительное попустительство, военного суда заключалось в следующем. При казарменном осмотре в сундуке какого-то ефрейтора была найдена революционная прокламация. Суд решил, что «листок» только хранился, а не распространялся, зачел ефрейтору предварительное заключение и, лишив его ефрейторского звания, выпустил на свободу. Обвиняемые же по делу «Камышинской республики», после защиты их адвокатом Зарудным, Саратовским военным судом были оправданы. Еще большая слабость и недопустимое излишнее снисходительство были проявлены военным судом в громком деле главы крупной боевой революционной организации юго-востока России Осипа Соломоновича Минора.

В 1888 г. Минор был сослан в Сибирь в наказание за вредное влияние на студенческую молодежь. При восшествии на престол Императора Николая II всем революционерам был сокращен срок ссылки и Минор гласный надзор отбывает в Вильно. В 1902 г. переправляется за границу и в Женеве входит в террористическую группу социалистов-революционеров. После убийств фон Плеве и Вел. кн. Сергея Александровича, «бурнопламенный» Минор заявляет, что в России «идет революция», надо ехать туда и «отдать свои личные силы на службу революции». В 1908 г. Минор назначается партией «уполномоченным по Поволжской области с правом распоряжаться личными силами крупной боевой террористической организацией юго-востока России», которая заведывала индивидуально-террористической борьбой. В 1909 г. Минор арестовывается в Саратове и военный суд выносит ему сравнительно легкое наказание, и это несмотря на то, что тюремные власти Саратова отлично знали Минора, как опасного революционера, и были вынуждены проводить против него «абсолютную изоляцию». И не удивительно, что такими послаблениями, в такое тревожное для Поволжья и смутное для России время, командующий военным Округом ген. Сандецкий был недоволен.

❦

Ген. Деникин в своих воспоминаниях приводит случай, когда на каком-то совещании ген. Сандецкий разразился громовой речью против офицерства Округа: — «Наши офицеры — дрянь! Ничего не знают, ничего не хотят делать. Я буду гнать их без всякого милосердия, хотя бы пришлось остаться с одними унтерами» («Путь русского офицера». Стр. 267).

К сожалению, в то время в армии такого убеждения вынужден был придерживаться не только строгий и резкий («не салонный») ген. Сандецкий, но и в высшей степени воспитанный (в петербургских салонах) и разумно добрый и мягкий ген. шт. кап. Б. Геруа. В своих воспоминаниях о службе в 1906-1907 гг. в Киевском военном округе автор пишет: «... мне стоило немало труда убедить добродушного и ленивого... батальонного командира,.. вмешаться и разнести роту, что называется, «в пух и прах»... Должен сказать, что лучшими моими помощниками оказались унтер-офицеры... На моих младших офицеров в деле воспитания лю-

*) Ген. А. И. Спиридович. История большевизма в России. 1922, стр. 135. В объявлении, помещенном в «Вестнике» № 103 Обще-Кадетского Объединения, о новых книгах ген.-м. Спиридовича — Великая война и февральская революция, ошибочно указано, что автор кадет Владикавказского к. к., в действительности же он в 1891 г. окончил Нижегородский графа Аракчеева к .к.

дей опереться было труднее. Вообще, субалтерны приходили в роту только на занятия и, отбыв этот долг, исчезали»... Один офицер «на мое открытое и доброе к нему отношение ответил... недобросовестным исполнением своих несложных обязанностей и лживостью...» Далее ген. Геруа описывает случай, когда такая «недобросовестность и лживость» в 1908 г. выразилась в исчезновении из секретного железного шкафа нового мобилизационного распоряжения. Правильно характеризуя 1906-1907 годы, ген. Геруа указывает, что вспышка революции «в течение еще двух лет пробовала из своего подполья пробиться наверх... В казармы подбрасывались революционные летучки, призывавшие к вооруженному восстанию, и нет-нет ловились за устной пропагандой какие-то темные личности, которые проникали в ротные помещения... Офицерству приходилось быть очень начеку... прибегать к усиленной охране винтовочных стоек... Но киевский гарнизон, за исключением одной саперной роты, на революцию не откликнулся; солдаты сами помогали офицерам, представляя по начальству найденные прокламации и задерживали агитаторов» (Ген. Б. Геруа. Воспоминания о моей жизни. 1969, стр. 201-207).

Социал-революционер Волховский в 1908 г. на Лондонской конференции говорил, что во время событий 1905-1907 гг. «повидимому войска готовы были перейти на сторону революции: реально они были охвачены процессом деморализации и брожения в целом продолжая оставаться под гнетущей властью дисциплины». Вот почему оппозиционеры и революционеры после «генеральной репетиции» продолжали разлагать дисциплину в Армии, чего они и добились при нерешительном и безвольном Главном начальнике Петербургского военного округа ген.-лейт. Хабалове в феврале 1917 года, превратив тыловой военный бунт в революцию.

Здесь небезынтересны воспоминания лидера ПСР В. Чернова (Перед бурей. 1953), в которых он касается работы революционеров в Армии и роли печатного органа партии «Сын отечества». Автор пишет (стр. 254), что петербургского офицера, военного обозревателя этой партийной газеты, интересовало, как партия смотрит на работу среди Армии. «Думает ли она бережно относиться к ее единству, ценя в ней орудие защиты родины от внешнего врага, или же, в интересах революции, думает восстанавливать солдат против офицеров и подрывать дисциплину?». Чернов ответил: «партия стремится не только распропагандировать нижних чинов. Нет, она стремится создать и организации офицерские. В организационном отношении сейчас, пожалуй, (партия) среди офицерства работает даже больше, чем среди солдат, ибо солдатские массы организовать трудно, приходится ограничиваться лишь пропагандой и агитацией». И далее: «... поскольку офицерство, исполняя приказ свыше, выполняет свои командные функции в деле усмирения крестьянских или рабочих волнений — мы, разумеется, не можем отказаться от проповеди неповиновения, и в этом смысле — взрывания воинской дисциплины».

Из дальнейшего обмена мнений, отмечает Чернов, «наш офицер... готов был тоже примкнуть к революции, но под условием, чтобы она овладевала солдатами не иначе, как через офицера». В заключение «военный обозреватель» заявил, «что для него это вопрос принципиальный и что он не будет работать в органе, обслуживающем партию, работа которой, с его точки зрения, не может не разлагать армию». Видимо, офицер-петербуржец, военный обозреватель партийного органа (Чернов не называет фамилии), при всех его революционных заблуждениях, все же понимал, что наш солдат хорош только при строгой дисциплине, но не при революционной свободе.

❦

Здесь нелишне остановиться на одном тяжелом обстоятельстве, учреждении военным министром Сухомлиновым в каждом штабе военного округа должности начальника контрразведки. Новый орган внес в армию непривычную атмосферу, он держал под подозрением весь офицерский корпус. Ген. П. Г. Курлов в своих воспоминаниях об этом периоде пишет: «Императору Николаю II нельзя было доставить большего огорчения, будучи обязанным докладывать, что и среди войск распространяется революционное движение. Государь совершенно перерождался при таких докладах, не хотел им верить, а все руководившие борьбой с этим революционным движением знают, как затрудняло их и без того нелегкую работу категорическое запрещение Государя иметь среди войск авгентуру» (Гибель Императорской России, стр. 21).

Ген. Деникин в одной из глав своих книг сообщает, что «в один из полков Саратовского гарнизона переведен был из Казани полковник Вейс, который оказался «осведомителем» ген. Сандецкого. Эту свою роль он играл почти открыто: его боялись и презирали...» Не знаем, какого рода была эта агентура, была ли она от «разведывательного отделения штаба округа», следящая за оппозиционным и революционным движением в армии, или полк. Вейс был личным осведомителем ген. Сандецкого? Но на этой почве между ген. Сандецким и командиром корпуса ген. А. А. Гернгроссом произошел большой скандал. А. Н. Наумов в своих воспоминаниях описывает причину этого случая. Ген. Гернгросс, будучи человеком прямым, ненавидящим ложь и интригу, являлся в этом отношении ярым противником генерала Сандецкого, который управлял округом, «руководствуясь секретными донесениями своих агентов. Гернгросс это знал и за это Сандецкого всеми силами души ненавидел и всячески его сторонился».

Летом 1912 года, по случаю освящения лагерных помещений, состоялся в просторной палатке завтрак. К этому дню из Казани в Самару подъехал

и ген. Сандецкий. Торжественный тост за здоровье Государя Императора был провозглашен Сандецким. Потом все вновь уселись и стали ожидать дальнейших тостов — в первую голову, за присутствующего старшего чина — Командующего Округом. Взоры всего офицерства были направлены на ген. Гернгросса. А. Н. Наумов вспоминает: ген. Гернгросс «продолжал угрюмо молчать и усиленно вливать в себя стоящие перед ним напитки». Наумов, будучи за столом соседом Гернгросса, напомнил ему о необходимости провозгласить тост за Сандецкого, на что генерал недовольным голосом буркнул: «Да, да! Надо...» и с этими словами он быстро встал во весь свой высокий рост, выпрямился, нервно мотнул головой, поднял бокал и резким голосом выкрикнул: «Господа офицеры!.. Рыба с головы пахнет!.. За здравие Командующего Округом генерала Сандецкого!». Быстро сел и демонстративно отставил в сторону свой нетронутый полный бокал... Бледный как полотно, Сандецкий покинул лагерное торжество» (Из уцелевших воспоминаний. Т. 11, стр. 197).

В данном случае, по нашему мнению, ненависть ген. Гернгросса к ген. Сандецкому перешла не только существующие границы дисциплины в Императорской армии, но и сверх всяких норм военной этики. В результате, ген. Гернгросс вынужден был покинуть Самару, а ген. Сандецкий в том же году был назначен членом Военного Совета.

***

Как высшая военная власть относилась к строгим, резким, иногда требовательным и грубым служебным замечаниям ген. Сандецкого по отношению к офицерскому составу? Военный министр Сухомлинов вспоследствии писал: «Несмотря на всю доброту, у Государя, в конце концов, лопнуло терпение, и Его Величество приказал мне изложить письменно, что он недоволен тем режимом, который установил в своем округе Сандецкий». Потом, когда военный министр собрался ехать в Поволжье, Государь приказал: «Скажите Командующему от моего имени, что я его ревностную службу ценю, но ненужную грубость по отношению к подчиненным не одобряю».

Во время первой мировой войны ген. Сандецкий был назначен Командующим Московским военным округом. В году 1915-ом ему дали опять Казанский округ, а в мае 1916-го произошла моя неожиданная встреча с ним на волжском пароходе.

***

На превосходном розовом пароходе общества «Самолет» с именем какого-то русского писателя-классика, я с больным братом плыл из Нижнего Новгорода до Самары. Не сходя с палубы весь день, мы наслаждались живописными берегами красавицы Волги и спускались на берег почти на каждой пристани. В Козьмодемьянске я заметил, что многие пассажиры покупали ореховые и бересклетовые тросточки и палки, которыми на берегу торговали местные крестьяне. Я за 15 копеек приобрел одну тросточку. Как только пароход отчалил от пристани, спустив из-под околыша черную резинку на подбородок, я с тросточкой в руке появился на палубе. Проходя мимо зеркальных окон столовой первого класса, я заметил за столиком генерала, завтракавшего со своим адъютантом. Быстро переложив тросточку в левую руку, я отдал честь и продолжал свой путь на нос парохода. Пройдя носовой салон, перешел на палубу другой стороны и направился в нашу каюту, чтобы вторично не козырять генералу. В этот момент адъютант поднялся со своего места, перешел зал и дал мне знак явиться в столовую. Быстро зайдя в каюту, оставив в ней тросточку и спрятав резинку под околыш, прошел коридором каюты 1-го класса и явился генералу, сообщив ему кто я, какого корпуса и куда следую. Почему-то генерал переспросил название корпуса. Думаю, что он спутал погон нашего Нижегородского корпуса с Николаевским (кавалерийским) — оба красные с черными кантами, но с разными трафаретами. Я повторил: «Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, ваше высокопревосходительство!»

Полный генерал спросил: «Вас учат в корпусе верховой езде?»

«Так точно, ваше высокопревосходительство!»

Генерал, как бы растерялся, замолчал и уставился на мою неуставную кокарду «кавалерийского» образца и золоченые пуговицы на гимнастерке и погонах. Я же начальство пожирал глазами.

«Кто ваш ротный командир?». «Полковник Каратеев, ваше высокопревосходительство!» «Доложите полковнику Каратееву, что я вас встретил на пароходе со стеком». «Слушаю-с! ваше высокопревосходительство!» «Ступайте!» Шаг назад, налево кругом и скорей в каюту.

Рассказываю брату о замечании, сделанном мне каким-то полным генералом. Летние каникулы были испорчены. Ведь существовавшая в корпусах «сознательная дисциплина» требовала о любом замечании на улице от незнакомого офицера докладывать своему воспитателю или дежурному по роте офицеру — в ожидании соответствующего за то наказания. Я же был «старшим» в отделении, имел высший для надлежащего класса балл за поведение и, кроме того, имея средний годовой балл по предметам выше девяти, по представлению моего воспитателя капитана Чекальского был переведен в 4-ый класс без экзаменов, ввиду срочной необходимости сопровождать больного брата в санаторий.

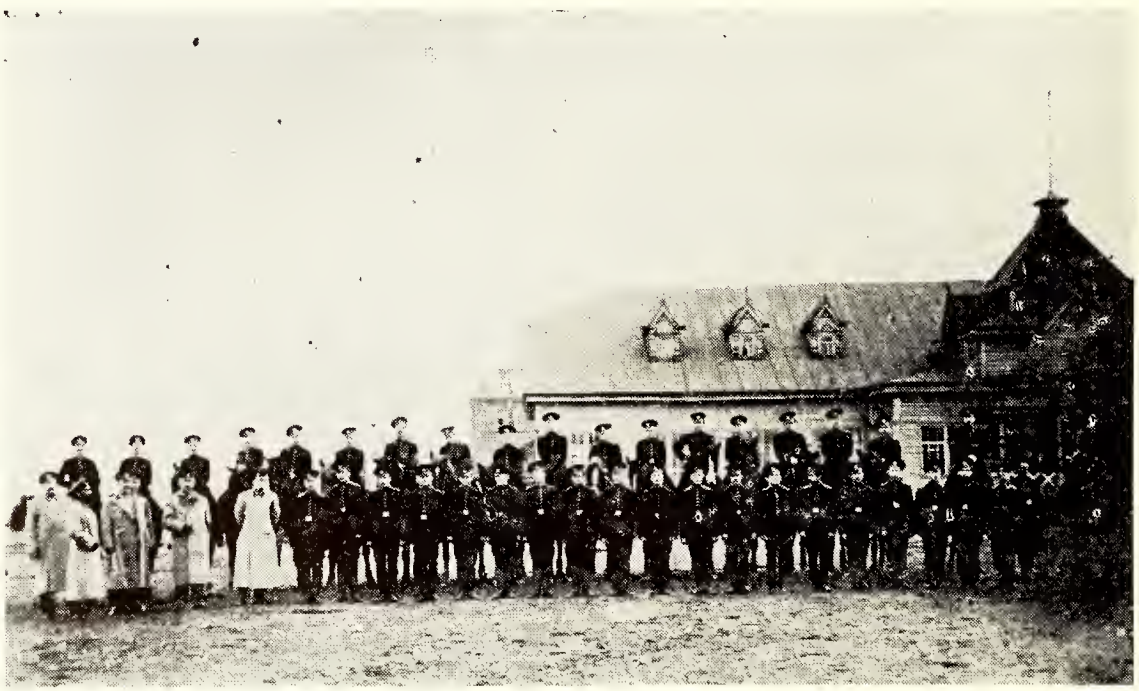
Доклад же ротному командиру и воспитателю о замечании от какого-то полного генерала, грозило мне не только сбавкой балла и лишением «должности» старшего, но этим я подводил («подкатывал») и моего воспитателя. Эти печальные мысли были прерваны стуком в дверь каюты. Вошел адъютант полного генерала.

«Ну, что — аракчеевец! испугался? Ты знаешь, кто тебя цукнул?». С такими вопросами обратился ко мне адъютант. «Никак нет, господин поручик!» «Да ведь это командующий Округом, генерал Сандецкий. Гроза нашего брата — офицеров. Я ярославец и советую тебе не выходить из каюты две остановки. Генерал удивился твоему ответу на его вопрос о верховой езде в вашем корпусе и не потребовал отпускного билета. Ротному командиру о замечании не докладывай, но если Сандецкий приедет в корпус с ген. Селивановым, то не попадайся ему на глаза». «Слушаю-с! господин поручик». Похлопав нас обоих по плечу, адъютант Командующего округом вышел из каюты. Спустили жалюзи на окно и молча ждали отчаливание парохода от второй остановки.

Когда ген. Селиванов приехал в Нижний Новгород со своей выставкой наших военных трофей и посетил корпус, прибыл из Казани и ген. Сандецкий. Среди его окружения я не обнаружил, или не заметил, знакомого поручика-адъютанта, но чтобы избежать взгляда ген. Сандецкого, в строй я становился во вторую шеренгу.

Ген. Сандецкий должен был мне сделать замечание, ибо я был не по форме одет: тросточка в руке, генерал ее принял за стек, черная резинка на подбородке, кокарда «кавалерийского» образца и золоченые пуговицы. Но, видимо, генерала удивил мой утвердительный ответ на его вопрос о строевом учении по верховой езде в нашем корпусе. В этом отношении прав офицер гусарского полка Дм. Франк, утверждая, что когда ген. Сандецкому аргументированно отвечали на его вопросы или замечания, он не делал или не повторял выговоров. Только этим я могу объяснить, почему ген. Сандецкий не поручил своему адъютанту записать в мой отпускной билет, что я был не по форме одет. А ведь делать замечание за нарушение формы одежды, было одним его излюбленным коньком. Появление же адъютанта в нашей каюте и его совет не докладывать ротному командиру о замечании ген. Сандецкого, нарушая «сознательную дисциплину», объясняю кадетской-товарищеской традицией, существовавшей между всеми корпусами, а особенно среди Приволжских.

Конечно, для многих офицеров, не проведших юношеские годы в строгих кадетских корпусах, ген. Сандецкий был суровым и требовательным начальником, его не любили и устраивали ему «бенефисы», но для оппозиционеров и революционеров Екатеринослава, Севастополя, Поволжья он был не только ярым политическим врагом, но и умелым и решительным их усмирителем. Вот почему их соратники во время правительства Керенского его арестовали, назначили над ним следствие «по обвинению в многократном превышении власти», и, в конце концов, революционным самосудом его зверски убили.



Строевое занятие по верховой езде 7-го класса Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса на территории 10-й артиллерийской бригады (1912 г.). Присутствуют (слева направо): Командир 1-й роты полк. В. Гусенко, воспитатель подполк. В. Ларионов, инспектор классов полк. Никонов, офицер бригады (?), директор корпуса ген. шт. ген.-лейт. Войшни-Мурдас-Жилинский и шт. кап. 10 арт. бригады Плешков.

Воспоминания о февральской революции

Ген.-от-инфант. А. А. Адлерберг

В мае 1912 г. я был произведен в Генералы от Инфантерии, с увольнением в отставку и редким отличием: Государь Император пожаловал мне за мою «ревностную службу» мундир Генерала действительной службы. Оставив командуемый мной 2-й Армейский корпус, штаб которого был в Гродно, я поселился в Петербурге, где постоянно бывал в родном полку, с которым никогда не порывал связи.

Когда разразилась всемирная война, я немедленно просил, через тогдашнего Начальника Ген. Штаба Г. Л. Янушкевича, разрешение у Вел. кн. Николая Николаевича вернуться на службу и получил ответ, что моя просьба будет уважена.

В октябре 1914 г. Вел. князь вызвал меня в Ставку в Барановичи и поручил мне, совместно с Г. Л. Ольховским, инспектировать все запасные батальоны, а также и все части Государственного ополчения. В этой должности инспектора я остался и тогда, когда Государь Император принял на себя Верховное командование. Инспекторами тогда были: Свиты Е. В. ген.-м. С. С. Озеров и я.

В течение 2 с половиной лет я разъезжал по всей России и был в Сибири вплоть до Танхоя (восточная станция на Байкале) и в Закавказье. Как Вел. князь, так и Государь Император высказывали нам полное доверие и мы делали наши инспекции совершенно независимо от кого-либо, имея непосредственный доклад сперва у Вел. князя, а потом у Государя Императора.

Первый доклад Государю я делал в Могилеве в 1916 г. Так как я боялся при докладе пропустить что-нибудь, то я доклад свой написал и просил Государя разрешить мне его прочитать. Государь нашел этот способ подходящим и после чтения доклада оставил его у себя, сказав, что отправит с отметками Военному министру ген.-от-инф. Поливанову. В том докладе я считал своим долгом обратить внимание Его Величества на неудовлетворительную подготовку солдат в наших запасных батальонах, которая ограничивалась иногда не только 6-ью неделями, но и тремя, вследствие постоянного требования Главнокомандующих фронтами присылать им пополнения. Я обратил внимание Государя на то, что делали французы и англичане, не говоря ужо про немцев, у которых, вследствие развития всякого спорта в населении и всевозможных организаций, рекруты и резервисты поступали в части почти готовыми солдатами.

Государь сказал, что переговорит с начальником Штаба, но, увы! все осталось по-старому, и я приписываю быстрое разложение нашей армии тому, что солдат поступал в боевые части как бы новобранцем, без всякого воинского воспитания...

На следующий день я выехал в Петербург и явился Военному министру, а затем отправился в мобилизационный отдел Генерального штаба, чтобы прочесть отметки Государя Императора на моем докладе. Его Величество синим карандашом отметил несколько мест, а в конце доклада поставил знак — ⁄. Это значило, что Государь лично читал доклад.

Последний доклад я делал Государю в Царском Селе 7-го февраля 1917 г. Приехав во дворец в придворной карете, за мной посланной, мне пришлось долго ждать и в это время дежурный флигель-адъютант рассказывал мне как он отвез, после убийства Распутина, по приказанию Государя, Великого князя Дмитрия Павловича в Персию... Явился дежурный скороход и отворил двери в кабинет Государя.

Его Величество встретил меня со словами: «Извините, что я вас заставил ждать, но я принимал брата Махиала, который назначен Инспектором кавалерии», затем, направившись к письменному столу, указал мне место около стола, приготовленное для докладов министров. Во время доклада, который я читал, Государь курил и делал вопросы в обычной форме. После доклада Всемилостивейше поблагодарив меня, Государь спросил, куда я тетеперь намерен отправиться, на что я ответил, что если Его Величество разрешит, то в Туркестан. — «А, это будет также интересно, как ваш доклад после объезда Сибири», сказал Государь и пожелав мне доброго пути, отпустил меня.

Впоследствии, уже в Екатеринодаре, графиня Воронцова-Дашкова, вдова бывшего Наместника Кавказа, которого заменил Вел. кн. Николай Николаевич, спросила меня, заметил ли я во время доклада какую-либо озабоченность у Государя, или что-либо необыкновенное, на что я ответил, что Государь был в хорошем расположении духа и я ничего особенного в его настроении не заметил. «Я завтракала, на следующий день после вашего доклада, у Государя и тоже решительно ничего не заметила, хотя многие говорят, что Государь был очень озабочен».

Государь через несколько дней уехал в Могилев, а я с дороги получил от министра Императорского двора, ген.-адъютанта графа Фредерикса депешу, в которой Его Величество приказывал мне передать Эмиру Бухарскому привет от него. Это чрезвычайно меня обрадовало, ибо я уже являлся в роли посланного Государем, а не только Верховным Главнокомандующим. Я уже мечтал о тех чудных халатах, которые Эмир дарил посланцам и из которых делались красивые скатерти для столов кабинетов и гостиных.

Моя племянница, муж который в чине капитана Генерального Штаба служил в Туркестане, уго-

ворила меня отложить мой отъезд до начала марта, так как тогда я увижу удивительную картину — цветущую степь. Я послушался, и это, может быть, спасло мою жизнь, и я, вследствие этого остался в Петербурге, видел все, что произошло в первые дни революции...

В то время я ежедневно отправлялся с Каменноостровского проспекта, где я жил в чудном доме Страхового общества «Россия», в казармы 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, где завтракал и беседовал со многими однополчанами. В беседах выделялись своей либеральностью два офицера, адъютант Запасного батальона поручик Макшеев и начальник Учебной команды пор. Приклонский. В Петербурге было уже неспокойно, вследствие отсутствия хорошего хлеба, а иногда и его недохватки...

В одно из последних воскресений февраля я пошел в Екатерининский институт (около Аничкова моста) навестить моих трех внучек, воспитывавшихся там. Возвращаясь из института на Сергиевскую, я встретил Свиты Е. В. ген.-м. С. С. Озерова и в ту же минуту ясно послышался залп в направлении Невского проспекта...

На следующий день, в понедельник, когда я шел в собрание полка, я увидел, не доходя Троицкого моста, цепь нижних чинов, недозволявшую никому проходить в направлении Царицына Луга. Меня, видимо как генерала, пропустили. Выйдя на Миллионную, я увидел как к дому Жеребкова подъехала карета и из нее вышел, в очень хорошем настроении, Терещенко, будущий министр Иностранных дел, а затем и министр Финансов Временного правительства. Поздоровавшись с ним, я только что хотел идти дальше, как ко мне подъехал нашего полка офицер Дворжецкий и сказал, что он спешит в наши казармы на Кирочной, где неблагополучно, так как расквартированные там роты перешли на сторону бунтовщиков...

Придя в наше собрание, я застал офицеров очень взволнованных известием, происшедшим на Кирочной и послышались голоса, что надо немедленно выступить с ротами, находящимися на Миллионной для охраны Зимнего дворца.

Зайдя в комнату за бильярдной, я заметил там несколько офицеров, среди коотрых были адъютант Макшеев и начальник Учебной команды Приклонский, громко обсуждавшие создавшееся положение, высказывая мысль, что Преображенцы должны послать телеграмму Государю и просить его дать «ответственное министерство».

Я обратил их внимание на дерзость такого поступка и на то, что они не имеют права этого делать, так как в Петербурге только запасный батальон, а Преображенский полк на фронте... В скором времени роты выступили на Дворцовую площадь.

Позавтракав, я пошел на площадь Зимнего дворца. Роты Преображенцев стояли развернутым строем перед дворцом, фронтом к площади с Александровской колонной. Вскоре приехал генерал-адъютант Безобразов. Я обратился к нему и упрашивал его, как старого начальника Гвардейского корпуса, которого все хорошо знают, принять командование над войсками. Он ответил, что готов, взявши винтовку, стать в ряды как простой солдат, но начальство над ними принять не может, так как это будет бесполезно!..

Наши офицеры с нетерпением поджидали прихода запасных рот лейб-гвардии Павловского полка, которые были вызваны по телефону командиром нашего запасного батальона... Однако Павловцы долго не шли, только после продолжительного времени послышалась музыка и Павловцы, выходя из Миллионной на площадь, направились прямо во двор Зимнего дворца...

Желая узнать подробности положения, я пошел на угол Гороховой в Градоначальство. Тут я был поражен тем, что меня никто не задержал и прямо пропустили в зал градоначальника. Находящееся там начальство было в полной растерянности. Мне сказали, что повсюду толпы бунтовщиков имели полный успех, что войска не повинуются начальству и переходят на сторону толпы и что решено перенести штаб-квартиру из Градоначальства в Адмиралтейство. Вслед за этим мы все направились в Адмиралтейство, куда последовала также и сотня казаков, охранявшая градоначальство... В Адмиралтейство приходили все более тревожные вести. В это время в Мариинском дворце заседал Государственный Совет, в котором царила такая же растерянность, ибо приехавший оттуда Военный министр ген. Беляев (так называемая Мертвая голова) сказал, что Петербург будет объявлен на военном положении и что необходимо всюду расклеить плакаты с воззванием к населению. Я возразил, что это совершенно невозможно будет сделать, так как почти весь Петербург находится в руках восставших и даже прибыли из окрестностей бунтующие воинские части. Вместе с этим я советовал Военному министру назначить с широкими полномочиями ген.-адъютанта Безобразова Генерал-губернатором Петербурга и подчинить ему войска, которые знают его имя, так как он очень популярен в Гвардии. «Блестящая мысль» ответил мне Беляев и ушел. Больше я его не видел. Когда я вошел в зал, то там стоял очень бледный Великий князь Кирилл Владимирович, окруженный толпой начальников, и я слышал только, как он сказал: «Все Великие князья просили его это сделать, но Государь и слышать не хотел» (о конституции).

Тем временем стемнело и я, желая проведать наши роты, втянувшиеся тоже во двор Зимнего дворца, направился через площадь во дворец по довольно глубокому снегу и под жужжание откуда-то летевших пуль. Во дворце никого больше не оказалось, так как, когда Павловцы ушли, наши офицеры заметили, что и в наших ротах было неудовлетворительное настроение. Все это рассказал мне один камер-лакей, который провел меня внутренними ходами к коменданту дворца Свиты Е. В. ген.-майору Владимиру Александровичу Комарову,

который задержал меня у себя на ночь, так как находил слишком опасным отпустить меня в поздний час на Каменноостровский проспект.

На следующий день было чудное морозное утро и шпиц крепостного собора ярко блестел, озаренный солнечными лучами. Увы! Мое впечатление, что это хороший признак, не оправдалось. После завтрака я хотел уйти проведать мою кузину, графиню Е. Н. Адлерберг, живущую на Сергиевской. Лакей Комарова упрашивал меня не уходить и во всяком случае не одевать шашки, так как солдаты на улице их отбирают у офицеров. Я все-таки ушел и никто меня не тронул. У Летнего сада я встретил какого-то штатского, по одежде иностранца, спешившего по тому же направлению, куда шел и я и одного унтер-офицера, шедшего мне навстречу. Унтер нахально прошел мимо, не отдавая чести, и делая вид, что меня не заметил...

На Сергиевской у моей кузины, жившей в партере дома, в котором помещалось Китайское посольство, все было благополучно и мы с моими племянниками, офицерами 4-го Стрелкого Императорской Фамилии полка, оба раненые, наблюдали за тем страшным зрелищем, как целые воинские части, в полном порядке, с офицерами на местах, направлялись к зданию Государственной Думы — Таврическому дворцу. По этому же направлению бешеным темпом неслись какие-то автомобили, на крыльях которых лежали солдаты с ружьями наготове к стрельбе.

Я позвонил в наше собрание и сказал, что хочу туда прийти, чтобы узнать новости. Но меня предупредили, чтобы я не приходил, так как нижние чины всех офицеров арестовали и не выпускают из казарм, и что также могут арестовать и меня...

На следующий день, 1-го марта, я направился в Государственную Думу, так как туда прибыл в распоряжение Председателя Думы наш запасный батальон, занявший там караул, а также и вся его канцелярия. Уже по Воскресенскому проспекту нельзя было пройти и меня подхватили какие-то офицеры в автомобиль, направлявшийся тоже в Думу. Въезжая во двор Таврического дворца, олин из офицеров громко сказал: «Генерал, ведь вы в 1907 году усмирили Кронштадт?» Я коротко ответил только — «да», так как понял опасность, которая мне грозила. Выскочив из автомобиля, потерялся в толпе привезших меня.

Проникнуть в Думу было чрезвычайно трудно, но меня никто не тронул и я мог пройти в большой зал, в котором разместилась наша канцелярия. Что происходило в коридорах и залах Думы, трудно себе представить. Огромная толпа наполняла не только двор перед дворцом, но и коридоры и большой зал Думы и сюда были притащены почему-то кули с мукой, разные продукты, машины и даже дизель.

Пришел я в Думу, чтобы получить разрешение жить в Петербурге и носить шашку, так как никого не впускали в город и не выпускали из него и все время в квартиры врывались какие-то хулиганы, солдаты и спрашивали документы.

В Думе случилась со мной потешная история. Сидя в зале, в котором расположилась наша канцелярия, я пил чай и заметил, как у дверей стоял элегантно одетый еврей, который все время смотрел в мою сторону и справлялся у солдат, указывая на меня. Тогда я подозвал дежурного офицера, поручика Элиота, и просил его спросить у этого еврея, что ему нужно от меня. Элиот пошел к нему и возвратившись смеясь, рассказал, что еврейчик спрашивал его, не сидит ли в кресле генерал барон Фредерикс, а на его ответ, что это генерал Адлерберг, еврей упрашивал Элиота сказать ему правду и только, когда Элиот дал ему честное слово офицера, что я старый Преображенец, которого знает весь полк, еврей успокоился и ушел.

Вскоре после этого пришли подписанные Родзянко пропуски на выпуск из ограды Думы, и я с моими племянниками и еще несколько человек беспрепятственно вышли черным ходом на Потемкинскую улицу.

Жизнь в Петербурге стала в высшей степени тревожной. Слухи об арестах, убийствах, обысках волновали общество. К сожалению, многие из этих слухов оказались верными. Как-то раз вечером за обедом у моей кузины гр. Адлерберг послышался сильный звонок и вошли три солдата с винтовками, грубо спросили где оружие, но, увидев, что я и мои племянники сопротивляемся их обыску, требуя на то документы, ушли. Это были просто грабители, которые под видом обыска хотели что-либо стащить из ценных вещей, лежавших на столах, как это и случилось у многих наших знакомых.

Получив наконец разрешение на выезд из Петербурга, после долгих хлопот вплоть до строжайшего контроля на станции, я уехал не в находившемся все время в моем распоряжении салон-вагоне, а как и другие пассажиры, в Могилев, где уже не застал Государя и ждали Вел. кн. Николая Николаевича.

Для встречи Его Импер. Высочества приказано было собраться только нескольким генералам, в том числе мне и бывшему командиру л.-гв. Гусарского Его Величества полка Свиты Е. В. ген.-м. Петрово-Соловово, прозванного «Соловушка». Когда поезд подошел, мы увидели Великого князя в кавказской форме. Он в отличном настроении вышел из вагона и подал мне руку сказав: «Вы хотели приехать ко мне, а вот я приехал к вам» (я должен был ехать на Кавказ осматривать запасные полки).

После приема встречавших Е. И. Высочество Великий князь ушел с ген. Алексеевым в вагон и подписал приказ о вступлении в должность Верховного Главнокомандующего. В это время мы беседовали с адъютантами, которые нам рассказывали, что переезд от Тифлиса до Могилева был сплошной овацией Великому князю.

Генерал-майор Балинский, заведующий хозяй-

ством двора Велик. князя, передал «Соловушке» и мне приглашение на завтрак. Уезжая на время в город, мы видели, как опять прибыл на автомобиле ген. Алексеев.

Вернувшись к завтраку, мы были поражены, увидев, как вся обстановка переменилась. Адъютанты грустно нас встретили и сообщили, что ген. Алексеев приезжал и передал Великому князю депешу Временного Правительства, которое просит Его Высочество не вступать в должность и что на следующий день прибудет офицер с письмом Правительства. Великий князь немедленно передал командование ген. Алексееву. Великий князь был очень удручен, когда мы вошли в вагон-столовую. Весь завтрак, на котором также присутствовал английский военный агент ген. Вильямс, прошел в подавленном настроении, так как все чувствовали, что дела отныне должны пойти очень плохо.

На следующий день прибыл офицер с письмом от Правительства, в котором оно обращалось к «известному патриотизму» Великого князя и высказывало, что народ не желает, чтобы ответственные посты занимались Великими князьями и просит Его Высочество уехать к себе в имение. Для сопровождения же Его Высочества прибудут два члена Государственной Думы. *)

Великий князь немедленно ответил, что Правительство вполне право рассчитывать на его любовь к России, и что поэтому он уже сдал командование и намеревается отправиться в свое имение, а затем в Крым.

Великий князь по моей просьбе дал мне копию как самого письма Временного Правительства, так и его ответа. Я имел неосторожность дать эти документы для перевода английскому военному агенту ген. Вильямсу, который мне не отдал их обратно, а увез с собой в Англию.

На следующий день прибыли оба «провожающие» и тогда был решен отъезд. Великий Князь принял «провожающих» очень любезно и они оба держали себя вполне корректно.

Настал последний день пребывания Великого князя в Могилеве. Он никуда из вагона не выходил и никого, кроме нас приглашенных, то есть ген. Соловово и меня, не принимал. За последним обедом, который был очень грустный, случился инцидент, который доказывает, что если бы Великий князь захотел, то вся февральская революция полетела бы кувырком — к черту. Вероятно Вел. князь не хотел взять на себя ответственность за гражданскую войну, а теперь мы все можем сожалеть, что у Великого князя не хватило решимости на этот шаг, так как при его популярности в народе, его выступление имело бы громаднейший успех.

Во время обеда лакей вызвал дежурного адъютанта князя Шаховского (впоследствии зарубленного в числе 83 человек в Пятигорске в октябре 1918 г.). Шаховской возвратясь доложил Вел. князю, что депутация от железнодорожных рабочих непременно желает видеть Великого князя, что она не верит, что есть письмо от Правительства, а что он сам не желает стать во главе Армии и просит показать им письмо Временного Правительства. Тогда Велик. князь обратился к сидящему против него князю Орлову и дав ему письмо, приказал прочитать его депутации. Я, и не помню кто еще, встав из-за стола, пошли за Орловым, которого застали убеждавшим депутацию подчиниться воле Временного Правительства. При чтении письма, в котором было сказано «народ требует», главарь депутации вскрикнул: «Знаем мы этот народ, это евреи. Пускай Великий князь прикажет и я, за спиной которого стоит целая армия железнодорожников, снимем сейчас рельсы вплоть до Орши и тогда мы увидим, как сунется этот "народ" к нам».

Мы убедили Велик. князя выйти к депутации. Великому князю предводитель депутации опять повторил, что раньше сказал и со слезами на глазах депутация целовала руки Великого князя и с горечью ушла.

После этого Великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич стали прощаться с Соловово и мной. Меня Вел. князь Николай Николаевич обнял, поцеловал, благословил и сказал, чтобы я был осторожен, так как мне вспомнят подавление бунта в Кронштадте.

Соловово и я вышли на платформу, послышался свисток и медленно поезд тронулся. Великий князь стоял в открытых дверях и крестился... Грустными мы вернулись домой, чувствуя, что этим отъездом сделано непоправимое зло.

Да, теперь можно точно сказать, что если бы у Великого князя Николая Николаевича явилась бы та решимость, которая является в такие минуты

---

*) Ген. Квартирмейстер Штаба Верховного Главнокомандующего Ю. Н. Данилов в своей книге «Великий Князь Николай Николаевич» (Париж, 1930) пишет: Утром 17-го марта (новый стиль) из Ставки от генерала Алексеева было разослано распоряжение штабам об одновременном объявлении обоих манифестов: первого — об отречении от престола Государя Императора II-го и второго — об отказе от того же Российского Престола Великого Князя Михаила Александровича. Вместе с тем было получено приказание нового Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича о том, чтобы была разъяснена всем чинам армии от старших до младших необходимость, оставаясь в повиновении законных начальников, спокойно ожидать изъявления воли русского народа, которому, согласно манифеста Великого Князя Михаила Александровича от 16-го марта, надлежало «всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». И далее: 20-го марта, в день отъезда Великого Князя Николая Николаевича из Тифлиса, прибыл в Москву А. Ф. Керенский. — При посещении им московского общества присяжных поверенных он заявил уже вполне определенно, что назначение Великого Князя Николая Николаевича сделано старою властью и потому не может считаться действительным, и что Временным Правительством уже приняты меры к назначению нового Главнокомандующего. Незадолго же перед этим Петроградским Исполкомом было вынесено даже решение о вызове Великого Князя в Петроград, о тщательном наблюдении за ним в пути и об аресте его по прибытии в столицу.

Ред.

спасением целой страны, то, конечно, того, что произошло затем, не имело бы места. И если мне кто-либо скажет, что это было возможно только путем перехода через горы трупов и потоки крови, то я отвечу: да, но эта решимость никогда не потребовала бы гибели тех десятков миллионов, погубленных большевиками и того моря крови, которое разлилось на нашей несчастной Родине после «бескровной» революции.

Загреб, 1927 г.

ГРЕНАДЕРЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

А. Л. Волков

Своим формированием в Добровольческой армии гренадеры обязаны неутомимому организатору полковнику Б. П. Кочкину, кадровому офицеру 12 Гренадерского Императора Александра III полка.

После ликвидации тайной антисоветской организации Савинкова и покушения на жизнь Ленина, аресты в РСФСР офицеров приняли более организованный характер. По распоряжению советской власти в Москве было приказано всем офицерам явиться «на регистрацию» в манеж Алексеевского Военного училища. Явилось до 10.000 человек; в том числе и полковник Кочкин.

Благодаря смелости и находчивости полковнику Кочкину удается бежать из манежа, так хорошо знакомого по юнкерским годам, проведенным в стенах этого военного училища. Многие из собравшихся нашли свой конец в тире, соседнего с училищем, Астраханского гренадерского полка.

В последующие дни полковник Кочкин пробирается на Дон, где уже мерцал факел белого движения, манивший для легендарной борьбы сильных духом.

Очутившись на Юге России, полковник Кочкин получает в командование офицерскую роту в Марковском полку, но в то же время его не покидает мысль о возрождении гренадерской боевой славы.

Наконец ему удается приступить к формированию гренадерского батальона, собирая повсюду офицеров-гренадеров. С этого дня началась боевая работа гренадерского батальона.

В начале мая 1919 г. Кавказская Добровольческая армия генерала Врангеля, сосредоточенная в районе Маныча, была направлена по линии Тихорецкая-Царицын.

В это время гренадерский батальон был развернут с сводно-гренадерский полк и вошел в состав 6-й пех. дивизии, участвуя в продвижении с боями в сторону гор. Царицына.

Под станицей Великокняжеской было нанесено сильное поражение X-й советской армии. Была взята эта большая станица, большое число пленных и несколько десятков орудий. Началось постепенное продвижение, с боями на протяжении более 300 километров, на Восток. Так проходит весь май месяц.

На усиление разбитых частей X-й советской армии советское командование направляет из района Астрахани части XI-й советской армии.

Несмотря на то, что Кавказская Добровольческая армия уступала по численности красным более чем вдвое, моральный подъем был на высоте.

Под ст. Котельниково советская кавалерия прорвала наш фронт, но прорыв был скоро ликвидирован и армия продолжала свое продвижение. В первых числах июня была взята Сарепта и войска подошли к укрепленному городу Царицыну. Первая атака города не удалась. Наши войска понесли большие потери и отошли. Второй атакой город был взят. В защите Царицына принимала участие советская Волжская речная флотилия, которая своим артиллерийским огнем очень задерживала наше продвижение. С ней удачно состязались наши бронепоезда.

В обход с запада Царицына была выдвинута кавалерия генерала Улагая, которая теснила красных к Волге. Согласно директиве Главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала Деникина, были даны следующие оперативные задания: армии генерала Май-Маевского было указано Московское направление; Донской армии генерала Сидорина — Воронежское направление и Кавказской армии генерала Врангеля, первоначально Царицынское, а по взятии этого города — направление Балашов-Саратов.

После падения Царицына красные делали попытки атаками вернуть «красный Верден», как они его называли. В одной из таких попыток, в бою 23 августа у Пушечного завода на северной окраине города, красные части матросов прорвали фронт на участке Саратовского пехотного полка, ворвались на Пушечный завод и захватили 1-ю батарею 6-й артиллерийской бригады, стрелявшую уже на картечь. Из-за губительного огня батарея не могла быть взята в передки.

В момент этого боя я был свидетелем, как на этот участок прибыл генерал Врангель. Не задумываясь, он со своим конвоем бросается в атаку на матросов, прикрываемый с флангов огнем батарейных пулеметов, и восстанавливает положение. Батарея была спасена, Пушечный завод отбит.

Приказом Главнокомандующего в сентябре 6-я пехотная дивизия была переименована в Сводно-Гренадерскую пехотную дивизию, во главе с начальником дивизии ген. Чечинадзе. Все эти фор-

мирования были осуществлены в самых ответственных пунктах героического фронта беспримерной борьбы.

С сентября Сводно-Гренадерская дивизия участвует в наступательных боях в северном направлении вдоль Волги на посад Дубровка и дальше на город Камышин Саратовской губернии.

К концу 1919 г. Добровольческий фронт Юга России сильно растянулся от Волги до Днепра. На главных направлениях были взяты города Царицын, Воронеж, Орел; но за неимением достаточных боевых сил и резервов обстановка стала изменяться в пользу красных, которые, сознавая серьезность положения, сосредоточили на своем южном фронте четыре армии и перешли в энергичное наступление. Обозначился постепенный отход белых армий к югу.

В декабре Сводно-Гренадерская дивизия покидает Царицын и отходит при сильных морозах вдоль железнодорожной линии на Тихорецкую. На станции Абганерово останавливается на ночлег бивуаком в Горькой Балке, не позаботившись выставить охранение и разводит массу костров. Красная кавалерия подходит осторожно к биваку. Ее разведка узнает, где находится штаб дивизии и атакует сонную массу, вызвав сильный переполох и беспорядочную стрельбу. Происходят различные эпизоды индивидуальной защиты, особенно среди командного состава. Так, командир 3-го Сводно-Гренадерского полка полк. Яковлев, ночевавший в доме штаба дивизии и разбуженный беспорядочной стрельбой, выбегает на террасу дома и мужественно отбивается шашкой от двух конных, которые не могут его достать с коней. Выбежавший офицер штаба из револьвера одного ссадил, другой ускакал.

Генерал Чечинадзе, воспользовавшись суматохой, вышел из дома и стал пробираться между вагонами железной дороги, но настигнутый красными, был ими зарублен. Его погоны, о чем стало известно впоследствии, были отосланы в советский штаб. Дивизия, укомплектованная пленными красноармейцами, перестала существовать. Несколько ее батарей, благодаря тому, что ночевали в окрестностях с. Абанерово, не пострадали и впоследствии в Новороссийске их уцелевший личный состав был влит в Партизанскую ген. Алексеева артиллерийскую бригаду.

Остатки пехоты, батареи и уцелевшие обозы продолжали отходить на ст. Тихорецкую. Под селом Белая-Глина, 9 февраля 1920 г., были снова атакованы красной конницей и обстреляны артиллерийским огнем. Было видно, как сверкнули шашки над остатками нашей пехоты и лава красных пошла дальше.

В этом бою мне, не кавалеристу, в первый раз пришлось участвовать в конной встречной атаке. Наша лава создалась как-то стихийно, без команд из офицеров батарей, батарейных разведчиков и вообще всех конных колонн. Повидимому атака была внушительной, так как красные ее не приняли, повернули и скрылись в селе. Только красная артиллерия продолжала состязаться с нашей, но в заключение была подавлена нашим огнем и отошла.

Переходами остатки дивизии дошли до Новороссийска, где были посажены на суда и 15 марта 1920 г. доставлены в Крым. Здесь началась новая и последняя борьба за поруганную Россию.

В Крыму полковник Кочкин снова формирует Гренадерский батальон, который с другими частями участвует в десантной операции на Таманский полуостров, где несет громадные потери в личном составе и его остатки с трудом возвращаются обратно в Крым. Так закончилась последняя попытка формирования Гренадерских частей в Русской армии юга России.

К 55-летию крымской эвакуации

К. В. Буря

В апреле 1920 г. войска Вооруженных сил Юга России, после ряда поражений, принуждены были в Новороссийске погрузиться на транспорты и перебраться в Крым. За неимением достаточного тоннажа для перевозки, погибло почти все вооружение, десятки тысяч воинов с конским составом попали в плен красным. Главнокомандующий ген. Деникин в Феодосии передал командование ген. Врангелю, а сам, через Константинополь на английском дредноуте «Мальборо», отплыл в Англию на покой.

Генералу Врангелю в Крыму удалось навести нужный порядок и вновь возродить небольшую Армию из оставшихся войсковых частей бывшей почти миллионной Белой Армии. Эта маленькая Армия имела несколько блестящих побед над красными, как, например, полное уничтожение красной конницы Жлобы. Но уже к октябрю 1920 г. оказалось настолько тяжелым положение Армии, что пришлось принимать спешные меры к эвакуации из Крыма.

В конце октября ген. Врангель решил оставить Крым и вывезти на кораблях в Константинополь всю Армию, семейства военных и всех из гражданского населения, кому угрожала опасность от большевиков. Несмотря на все своевременно принятые меры, и на этот раз не хватило тоннажа для перевозки всех желающих. Много тысяч погибло с

приходом большевиков в Крым с их палачом венгерским коммунистом Бела Куном.

В Крыму я был на службе в Офицерской Артиллерийской школе начальником команды. Школа была размещена на Северной стороне Севастопольского рейда. Получив приказ о погрузке на транспорт «Рион» всех служащих с их семейством, я пошел в казармы для нужных распоряжений и чтобы проститься со своей командой. Выстроив наличными три сотни год тому назад военнопленных красноармейцев, я прочел им приказ ген. Врангеля об эвакуации из Крыма в Константинополь, а тем, кто желает эвакуироваться, приказал сейчас же явиться в канцелярию Команды для составления нужных списков. Одновременно обратился к ним с дружеским советом не оставлять своей Родины, не покидать своих родных, а оставаться в казармах, говоря, что им, как простым людям из деревни, и к тому же не добровольно вступившим в Белую Армию, не может угрожать расстрел. Пожелав им счастливого возвращения в свои избы, простился с ними, расцеловавшись с теми, кто окружил меня со слезами на глазах... Да простит меня Господь Бог, если я согрешил и от моего совета многие из них пострадали впоследствии. Я по совести думал, что им, крестьянам, ничто не может угрожать от большевиков.

Транспорт «Рион», огромный трехпалубный корабль, не мог подойти к пристани и стоял на середине бухты, нужно было грузиться на лодки местных рыбаков. Тут у нас встретились первые трудности: лодочники отказывались принять наши крымские деньги, оправдываясь тем, что с нашим уходом они не будут признаны большевиками; требовали заплатить за каждую лодку продуктами — один мешок белой муки. Муки никто из нас не имел, но выручили провожавшие меня солдаты моей команды. Они побежали в казармы и вскоре прибыла парная повозка с 20-ью мешками муки из цейхгауза Школы. Погрузка счастливо к вечеру закончилась и «Рион», перегруженный семи тысячами человек, вышел на внешний рейд и стал на якорь в ожидании маршрута.

Уже потемнело настолько, что огни Севастополя казались далекими, тусклыми, сыпал мелкий осенний дождик. На палубах тишина неестественная. Под впечатлением прочитанного приказа ген. Врангеля, с абзацами: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетие», ... лица у всех стали унылые, задумчивые...

Вдруг, где-то внизу, глубоко за бортом, появилась лодочка с тусклым фонариком, едва освещавшим двух-трех человек и какой-то груз. Послышались голоса с лодочки: — Позовите полковника Буря нашего командира, мы привезли его вещи. Юнкера Сергиевского артиллерийского училища, занимавшие носовую часть средней палубы, позвали меня к борту. Когда я увидел лодочку и спросил, кто меня зовет, то услышал: — «Так что мы, господин полковник, привезли ваши вещи, прикажите спустить нам канат». Рядом находившиеся юнкера моментально спустили канат, лежавший тут же у борта. На лодке что-то завязали и крикнули: «поднимайте!», когда подняли, вижу большой мешок муки. В полном смущении кричу вниз: что вы братцы, ошиблись, я никогда не имел у себя столько муки; отвечают — «так что не знали, господин полковник, как вас отблагодарить за доброту, всей командой решили послать вам продуктов». На второй раз поднимают полный мешок сахару. Юнкера рады и говорят — поделимся господин полковник, сейчас зажжем примус и будут блинчики. У меня в горле спазмы и слезы текут, не могу говорить, только крещу... Наконец слышу на мои краткие слова — «Да будет Господь Бог с вами мои друзья», отвечают: «Счастливого вам пути, господин полковник, не поминайте лихом...».

Ночью заработали машины, подняли якорь и «Рион» поплыл по волнам покачиваясь, временами теряя равновесие из-за тяжелого людского груза на палубах и с почти пустыми трюмами. Там лежало зимнее обмундирование еще не разгруженное и нерозданное частям, не успели, а ведь как нуждался в нем фронт при неожиданных 20-ти градусных морозах.

На третий день пути, почти на середине Черного моря, «Рион» неожиданно остановился; не стало угля, а затем и воды. Радио посылало сигналы помощи. Через несколько часов подошли два американских миноносца, покрутились около нас, но ничем не могли помочь и удалились, успокоив, что ночью к нам подойдет американский крейсер. На корабле не обошлось без заболевших душевно. Одна молодая девушка осматривала каждого своими мутными глазами... искала кого-то?.. Ночью, действительно, прибыл американский крейсер и на буксире потянул наш «Рион». Что мы переживали ночью, Богу известно! Когда «Рион» давал опасный крен, начальство требовало: «всем на левый борт», а через короткое время снова крик: «всем на правый борт».

Когда увидели берега Босфора, понемногу стали успокаиваться, а подойдя к Царьграду и увидев Св. Софию и совсем успокоились. Начали торговаться с турками, окружившими «Рион» своими яликами с грудами круглых белых хлебов. Наших денег принимать не хотели, а требовали драгоценности. За золотой пятирублевик, кольцо или браслет давали 2-3 каравая. Всего было вывезено из Крыма 145.693 человека на 126 судах.

Содержание 19, 21-38, 41-44 журнала „Военно-Исторический Вестник"

№ 19 (май 1962 г.)

Е. А. Александров — Князь М. Б. Барклай-де Толли (1761-1818 гг.); **Н. Л. Пашенный** — Отечественная война в Новоборисовском собрании И. Х. Колодеева; **Б. Н. Левшин** — К 150-летию действительного старшинства 15-го гусарского Украинского Ее Имп. Выс. Велик. Кн. Ксении Александровны полка; **Ю. Н. Плющевский-Плющик** — Последние дни с Государем в Ставке; **В. А. Карцов** — Александрийцы в Спале в 1901 году; **С. А. Топорков** — Граф Ф. А. Келлер (Материалы к его биографии (окончание); **М. В. Голубев** — Бои на Ковельском направлении в 1916 году. Лейб-гвардии Измайловский полк; **Капитан А.** Из Лубны — Герцык — Заметки к описанию боя 26 июля 1916 г. у Кухарского леса; **Ген.-м. Б. Н. Геруа** — К Кухарскому бою 26 июля 1916 г.; **Е. С. Молло** — Висковатов; **Я. И. Кефели** — Воспоминания морского врача (продолжение).

№ 21 (май 1963 г.)

Ю. Н. Плющевский-Плющик — Мысли и впечатления; **Кн. Н. С. Трубецкой** — Н. Н. Раевский (1771-1829) и Н. Н. Раевский (1801-1843) — командиры Нижегородского драгунского полка; **А. В. Щитков** — Медали Отечественной войны и заграничных походов 1813-1814 гг.; **И. С. Булацель** — Беловеж (Окончание); **С. П. Андоленко** — Некоторые правила для обхождения с нижними чинами в 9 пехотной дивизии (1815); **Б. Н. Геруа** — Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г. (Продолжение); **Л. М.** — Памяти коллекционеров; **Я. И. Кефели** — Воспоминание морского врача (Продолжение).

№ 22 (ноябрь 1963 г.)

Памяти князя Н. С. Трубецкого; Памятные даты на 1964 г.; **Кн. М. Д. Шаховской** — Н. М. Пржевальский (К 75-летию его кончины); **Н. И. Моисеенко** — Лейб-Егеря под Кульмом; **В. Е. Скальский** — Из воспоминаний (Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка); **Б. Н. Геруа** — Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 года (Продолжение); **А. В. Щитков** — Медали Отечественной войны и заграничных походов 1813-1814 гг. (Продолжение); **Н. Л. Пашенный** — К вопросу о русских государственных цветах; **Гр. Д. С. Татищев** — О Преображенском марше; **Н. И. Гранберг** — Последний бой Императорской Армии (Из личных воспоминаний); **А. В. Щитков** — О бюсте кн. А. Д. Меншикова работы Растрелли; К этому номеру приложена репродукция портрета Имп. Александра I из собрания Е. С. Молло.

№ 23 (май 1964 г.)

Ю. Н. Плющевский-Плющик — Мысли и впечатления; **Ген.-лейт. К. М. Адариди** — 27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом; **Н. Н. Янушкевич** — Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич; **С. П. Андоленко** — Союзники и враги о русской армии в войну 1914-17 гг. (К 50-летнему юбилею); **П. Н. Шатилов** — Дело у деревни Моравин (Из записок); **В. А. Карамзин** — Воспоминание о Великой войне. 1914 г.; **Ю. А. Топорков** — К иконографии современников М. Ю. Лермонтова (К 150-летию рождения поэта); **Н. И. Гранберг** — Последний бой Императорской армии (Из личных воспоминаний).

№ 24 (ноябрь 1964 г.)

Некоторые памятные даты в 1965 году; **П. Н. Шатилов** — Битлисская операция; **К. М. Адариди** — 27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом (Продолжение); **Л. С. Пеньков** — От Темир-Хан-Шуры до Ахульго; **Н. И. Гранберг** — Последний бой Императорской армии (Окончание); **П. В. Шапошников** — На войну! (1914 г.); **В. Е. Скальский** — Из воспоминаний (Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка); **Ю. А. Топорков** — М. Х. фон Шульц — современник Лермонтова; **А. В. Щитков** — «Привет» Лермонтова; **Я. И. Кефели** — Воспоминание морского врача (Продолжение); **В. С. Хитрово** — Русская мобилизация 1914 г.; **Б. Н. Геруа** — Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 г. (Продолжение).

№ 25 (май 1965 г.)

С. С. Булацель — 2-я Забайкальская конная батерея; **К. И. Адариди** — Пережитое (1910-1914), Штаб 12-го армейского корпуса; **Б. Н. Геруа** — Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 г. (Окончание); **С. А. Топорков** — Корнет К. Н. Батюшков. К истории Александрийского гусарского полка; **В. Е. Скальский** — Первая конная атака Петроградских улан; **И. А. Бафталовский** — 128-й Старооскольский полк в бою 22 мая 1916 г.; **Я. И. Кефели** — Воспоминания морского врача — Е. К. Ножин (Продолжение); **Ю. Топорков** — Библиография «Изюмский Изборник» № 2; **П. Н. Шатилов** — Семейная хроника.

№ 26 (ноябрь 1965 г.)

Памятные даты в 1966 г.; **П. Н. Шатилов** — Семейная хроника (Продолжение); **Н. И. Гранберг** — Последние дни второй батареи; **Б. В. Фомин** — Охрана пути при проезде Императорского поезда

осенью 1909 г.; **С. Р. Нилов** — Бронеавтомобили; **А. Г. Шольп** — Одесское военное училище... (К столетию основания уличища); **С. П. Андоленко** — Знамена русской Гвардии под Нарвой в 1700 г.; **Д. И. Поздняков** — Описание орденского знамени Св. Николая Чудотворца 3-го Корниловского Ударного полка; **Кап. 1-го ранга Ф. В. Северин** — В Морском корпусе (1893-1899).

№ 27 (май 1966 г.)

Библиография. Краткая рецензия **А. В. Щиткова** на статью **ген. С. П. Андоленко** — «Война 1914-1918 на Русском фронте» (**Général Andolenko** « La guerre 1914-1918 sur le front russe ». Revue « Historique de l'Armée » — N° 1 — 1965); **П. Н. Шатилов** — Семейная хроника (Окончание); **Б. В. Фомин** — Из Измайловского архива: Бой под Красноставом 5-го июля 1915 г.; **Н. И. Гранберг** — Начало конца; **М. Ф. Георгиц** — Главная гимнастическо-фехтовальная школа в Новом Петергофе в 1913 г.; **Д. И. Камбулин** — Первый день в полку; **С. Р. Нилов** — На броневике «Верный» (1918 г.); **Ю. А. Топорков** — Ген. Н. Н. Раевский и его сыновья в 1812 году; **Ф. В. Северин** — В Морском корпусе (1893-1899 гг.).

№ 28 (ноябрь 1966 г.)

Вел. кн. Андрей Владимирович — Назначение в штаб Северо-Западного фронта; **П. Н. Шатилов** — Воспоминания о Русско-Японской войне: **Ф. В. Северин** — В Морском корпусе (1893-1899); **В. Е. Скальский** — Угроза конной атаки. К истории 1-го уланского Петроградского полка; **Н. И. Гранберг** — Начало конца. Несостоявшийся поход: **С. Р. Нилов** — На броневике «Верный» (1918 г.): **Б. В. Фомин** — Из Измайловского архива; **В. С. Хитрово** — Дом Суворова в Москве: **А. Щ.** — Бюст Суворова; **А. Ф. Долгополов** — Тени прошлого; Некоторые памятные даты в 1967 г.

№ 29 (май 1967 г.)

Медаль 50-летия Добровольческой Армии; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — Вызов в Ставку и командировка по Высочайшему повелению (1914-17 гг.); **Гр. П. М. Дунин-Раевский** — Из воспоминаний о первых днях революции в 1917 г.; **Б. В. Фомин** — Бои 3-го батальона 22-го и 25-го июля 1915 г. у деревни Тарновки Подольской губернии (Из Измайловского архива); **С. Р. Нилов** — На броневике «Верный». Ставрополь 1918 г.; **Н. И. Гранберг** — Полтавские редуты; **С. Л. Волкобрун** — Измайловцы в дни переворота 1762 г.; **Б. В. Геруа** — О моей службе лейб-гвардии в Егерском полку; К этому номеру приложена цветная репродукция картины Репина — «Петр Великий благодарит Гвардию после Полтовской победы».

№ 30 (ноябрь 1967 г.)

Памятные даты в 1968 г.; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — Гибель XX-го корпуса. Январь-февраль 1915 г.; **П. Н. Шатилов** — Окончание академии и служба на Кавказе. Из семейной хроники; **Гр. П. М. Дунин-Раевский** — Воспоминание о первых днях революции 1917 г. (Окончание); От редакции — По поводу переворота 3 июня 1762 г.; **И. И. Бобарыков** — Мобилизация промышленности; **В. А. Попов** — Памятка 14-й Артиллерийской бригады; **С. С. Булацель** — Пожар во 2-ом Московском кадетском корпусе во время празднования 50-летнего юбилея; **К. К. Зродловский** — Одиссея одной русской деревушки во время Гражданской войны 1918-20 гг.; **Б. В. Геруа** — О моей службе лейб-гвардии в Егерском полку (Продолжение).

№ 31 (май 1968 г.)

К. М. Адариди — 1903-1905 г. Русско-Японская война; **П. Н. Шатилов** — Окончание академии и служба на Кавказе (Продолжение); **В. С. Хитрово** — Киевская эпопея 1918 г.; **И. И. Бобарыков** — Мобилизация промышленности; **А. Ф. Долгополов** — Нумизматические памятники Русской Америки; **В. Е. Скальский** — Бой под деревней Спуллен. К истории 1-го уланского Петроградского полка; **Б. В. Геруа** — О моей службе лейб-гвардии в Егерском полку; **А. Щ.** Библиография — «История Русской Армии» (по-французски) ген. Андоленко.

№ 32 (ноябрь 1968 г.)

Памятные даты 1969 г.; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — О службе в рядах Лейб-гвардии конной артиллерии; **К. М. Адариди** — Пережитое. 1903-1905 гг. Русско-Японская война; **П. Н. Шатилов** — Воспоминание о войне 1914-1917 гг. (Продолжение); **И. И. Бобарыков** — Мобилизация промышленности; **С. С. Булацель** — Призовая езда в Елисаветградском кавалерийском училище в 1903 г.; **Ю. А. Топорков** — Первые кавалеры ордена Св. Александра Невского; **Б. В. Геруа** — О моей службе лейб-гвардии в Егерском полку; Библиография: Т. — **В. Н. Звегинцев** «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» и Н. Гумилев «Том 4-ый под ред. **Г. П. Струве** и **Б. А. Филиппова.**

№ 33 (май 1969 г.)

«Бородинский перстень»; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — Личные воспоминания о службе в рядах Лейб-гвардии Конной артиллерии (1898-1914); **А. И. Горбачь** — Памяти Августейшего Ген.-Инспектора артиллерии Вел. кн. Сергея Михайловича (1869-1918); **П. Н. Шатилов** — В Добровольческой армии; **И. И. Бобарыков** — Мобилизация промышленности. Авиация и автомобили; **Ю. А. Топорков** — А. Н. Карамзин (1814-1854); **Я. И. Кефели** — Гибель военного транспорта «Император Александр

II-й»; **Б. В. Геруа** — О моей службе Лейб-гвардии в Егерском полку.

№ 34 (ноябрь 1969 г.)

Памятные даты в 1970 г.; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — О службе Лейб-гвардии в конной артиллерии (1898-1914); **А. Л. Волков** — Ко дню двухсотлетия учреждения Ордена Св. Великомуч. и Побед. Георгия; **Ю. А. Топорков** — Несколько неизданных портретов кавалеров ордена св. Георгия XVIII и XIX столетий; **В. Ф. Козлянинов** — К 75-летию кончины Имп. Александра III; **И. И. Бобарыкев** — Мобилизация промышленности. Инженерное снабжение; **С. С. Булацель** — Конная атака 3-го эскадрона 4-го улан. Харьковского полка 11-го октября 1914 г.; **А. Ф. Долгополов** — Вверительная грамота Имп. Александра I, 1807 г.; **Ю. А. Топорков** — К вопросу о попытке Бонапарта поступить на русскую службу; **П. Н. Шатилов** — В Добровольческой армии.

№№ 35 и 36 (май и ноябрь 1970 г.)

Вел. кн. Андрей Владимирович — О службе в рядах Лейб-гв. Конной Артиллерии; **В. Н. Тимченко-Рубан** — Ген. адъют. В. Н. Данилов (1852-1914); **Ф. В. Северин** — Первые годы моей службы в Балтийском море (1899-1900); **И. И. Бобарыков** — Парижские Военно-научные курсы ген. Головина; **А. Ф. Долгополов** — Медаль 1785 г. «Слава России» (нумизматическое открытие); **В. Г. ф. Рихтер** — Несколько нумизматических памятников семилетней войны; **В. И. Фарафонов** — Джигитовка в Михайловском манеже; **П. Н. Шатилов** — В Добровольческой Армии (Продолжение); **Я. И. Кефели** — С ген. А. В. Шварцем в Одессе (осень 1918 — весна 1919); Библиография: **Ген. С. П. Андоленко** «Орлы Наполеона против Царских знамен», на французском языке в изд. «ЕРИМПРИМ».

№ 37 (май 1971 г.)

Вел. кн. Андрей Владимирович — О службе в рядах Л.-гв. конной артиллерии; Записки гр. Д. Ф. Гейдена, 1914-1917 гг.; **П. А. Половцов** — Федор Никифорович, Вахмистр Нижегородского полка; Кавказские драгуны в первые дни войны 1914-1917 гг.; **Я. И. Кефели** — С ген. А. В. Шварцем в Одессе; Документы: 1. Памятник пребывания русских войск во Франции в 1814 г.; 2. Указ об отставке ген.-м. и кавалера Нарышкина 2; 3. Совет при 1-й гв. пех. дивизии 1906 г.; 4. Необыкновенное наказание (1799 г.); 5. Французские боевые награды русским полкам; **А. Ф. Долгополов** — К статье В. Г. ф. Рихтера.

№ 38 (ноябрь 1971 г.)

От правления — Памяти А. В. Щиткова; **Вел. кн. Андрей Владимирович** — О службе в рядах Л.-гв. конной артиллерии (окончание); Записки **гр. Д. Ф. Гейдена** (продолжение); **В. А. Каменский** — Высочайший выход 1 января 1911 г.; Похороны доломана Павлоградских гусар; **П. Н. Шатилов** — Расселение армии по Балконским странам; Документы: 1. Последний приказ ген. Эверта; 2. «Демократизация армии»; 3. Приказ отдельному Кавказскому кавалерийскому корпусу. Картины войны 1914-1916 гг.

№ 41 (май 1973 г.)

Знак — «Призрение за верную службу»; Трехсотлетие рождения Петра Великого; **В. А. Каменский** — Памяти Наследника Цесаревича Николая Александровича в Ницце; Записки **гр. Д. Ф. Гейдена; А. Л. Волков** — Вооруженное выступление юнкеров в Москве; **Борис Ерефеев** (памяти поэта Ахтырских гусар); **П. Н. Шатилов** — Расселение Армии по Балканским странам; **Д. И. Поздняков** — Русский отдел Королевского Музея Армии и Военной Истории (Бельгия-Брюссел); Документы: 1. Мнение кн. Потемкина об обмундировании 1783 г.; 2. Приказ по Армиям 1812 г.; 3. Правила для руководства солдату 1830 г.; 4. Приказ 1-му гвардейскому корпусу 1917 г.; 5. Награждения сестер милосердия. Картины прошлого: Война 1914-1917 гг.

№№ 42 и 43 (ноябрь 1973 и май 1974 г.)

Князь Н. Н. Оболенский и Редакционная Коллегия «В.-И. В.» — Генерал Сергей Павлович Андоленко (к его кончине); **В. А. Каменский** — Пребывание Наследной германской четы в России в мае 1911 г.; **В. Е. Скальский** — Бои в лесах Литвы и Курляндии (1915 г.); Рапорт Начальника Военной французской миссии в России ген. де Кастельно (Март 1917 г. Перевод); **Ген. Н. М. Иванов** — Козеницкая переправа (1914 г); **И. И. Бобарыков** — Киев-Севастополь виа Германия-Англия (1918-1919 гг.); Документы: Рапорт ген. де Кастельно (по-французски); Обмундирование, снаряжение и вооружение русской армии в 1856-1857 гг.

№ 44 (ноябрь 1974 г.)

Некоторые памятные даты в 1975 году; **Л. О. Бек Софиев** — Устав о воинской повинности 1874 года (По поводу 100-летия); Музейные снимки обмундирования Русской армии в 1856-1857 гг.; **П. Н. Шатилов** — Из воспоминаний о Японской войне; **С. С. Булацель** — Рубка; **В. Е. Скальский** — Ночной переход; **Боевой (А. Ч.)** — Ген. Назарбеков; **А. Л. Волков** — 15-ый Бронеавтомобильный взвод в боях под г. Луцком в 1916 г.; **Кн. Н. В. Голицын** — Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 г.; Рапорт Начальника французской военной миссии в России ген. де Кастельно (март 1917 г. — перевод и по-французски); Содержание журналов Кружка и Общества Любителей Русской Военной старины №№ 1-11 и №№ 1-18 и 20.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 47 и 48

Май и ноябрь 1976 года

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления от Общества Р.Р.В.С. и В.-И. Вестника 2
От Правления. Некоторые памятные даты Российской славы и скорби в 1977 г. . . . . 2 и 40
Кто изображен на оборотной стороне Калишской медали? — **Евгений Молло** 3
О вензелевых изображениях на эполетах и погонах — **Е. С. Молло** 5
Замеченные пропуски и ошибки в статье «О вензелевых изображениях на эполетах и погонах» — **Евгений Молло** 10
Мысли, которые нельзя произносить вслух. (Окончание) — **В. М. Лесеневич** 10
Из воспоминаний. (Продолжение) — **Н. И. Лащинин** 14
Операция 1-го Армейского корпуса ген. Л. К. Артамова в августе 1914 года. (Продолжение) — **Г. А. Артамонов** 18
Ночь в Рачках — **В. Е. Скальский** 20
Воспоминания военно-морского врача — **Я. И. Кефели** 22
Из воспоминаний. (Фрагменты из хроники военной семьи). — **Г. Н. Есаулов** 26
Разведки, летние наступления и Кубанский десант Русской армии ген. Врангеля в 1920-ом году. — Составил **Л. О. Бек Софиев** . . . 28
Картины прошлого 40

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит один раз в год.
30-й год издания Кружка Любителей
и Общества Ревнителей Русской Военной Старины.

Издается на правах рукописи. Все права сохранены.

Настоящий номер вышел под редакцией **Л. О. Бек-Софиева.**

Париж.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ И РЕДАКЦИЯ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»

поздравляют и искренне приветствуют:

Глубокоуважаемую Софию Федоровну госпожу Шатилову по случаю наступающего в 1977 году девяностолетия со дня ее рождения, желая доброй, стойкой и правдивой в своих убеждениях, а также всегда неувядающей и бодрой Юбилярше сил и здоровья на многие годы, выражают Дорогой Софии Федоровне свои горячие признательности и сердечные чувства, как носительнице высоких идеалов и традиций семей русской военной интеллигенции.

Председателя нашего Общества и Директора «В.-И. Вестника» Дорогого Гастона Генриховича барона Гроттгусс по случаю исполнившегося в этом году девяностолетия со дня его рождения и приносят Дорогому Гастону Генриховичу добрые пожелания здоровья и долгоденствия его служению на ниве истории русской военной культуры.

ОТ ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Возросшие материальные трудности как издательского, так и почтового характера, а также уменьшение числа членов Общества и подписчиков, вынуждает нас с 1975 года выпускать «Вестник» один раз в год под двойным номером.

Членские взносы минимум 10 фр. фр. Плату за подписку (20 фр. фр. в год) и пожертвования в издательский фонд направлять:

Банковским чеком на имя Madame Stchitkoff; почтовым переводом — Madame Stchitkoff, 156, Boulevard Voltaire, 92600 Asnières, France. В этом случае следует добавить 3 фр. фр., которые почта вычитает из получаемой суммы; переводом на Compte Chèques Postaux, 20 883 72 — Paris, Madame Stchitkoff.

На складе Общества имеются еще номера «Вестника», начиная с № 8. Заказы с приложением стоимости посылать по адресу Madame Stchitkoff.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгер — M. Stenger, 6, sq. Emmanuel Chabrier, 75017 Paris.

По делам редакции Льву Оскаровичу Бек Софиеву — M. Beck Sophieff, 18, rue des Ecoles, 92700 Colombes. France.

В связи с увеличением стоимости бумаги, типографских работ и почтовых пересылок, цена настоящего номера — 20 фр. франков.

В скором времени Общество Р.Р.В.С. получит для продажи книгу В. А. Добрынина «Оборона Мугани. 1918-1919. Записки кавказского пограничника», изданную под редакцией Б. А. Хошева в Сан Франциско Союзом Георгиевских Кавалеров (Париж).

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ РОССИЙСКОЙ СЛАВЫ И СКОРБИ В 1977 ГОДУ

750 лет. — 1227 г. Вторжение Батыя в Северо-Восточную Русь.

475 лет. — 1502 г. Уничтожение Крымскими татарами остатков Золотой Орды.

425 лет. — 1552 г. В июне решающий поход на Казань. Во главе русской армии стал сам Иоанн IV Грозный. 2 октября Казань пала и Казанское ханство перестало существовать.

275 лет. — 1702 г. 12 января первая победа ген.-фельдм. Б. П. Шереметьева над Шлиппенбахом в Северной войне.
11 окт. взятие русскими войсками шведской крепости Нотебург (Орешек-Шлиссельбург).

250 лет. — 1727 г. 17 мая кончина Имп. Екатерины I-ой. Начало строительства арх. Коробовым Главного Адмиралтейства в С. Петербурге.

225 лет. — 1752 г. 15 дек. учрежден Морской Шляхетский Кадетский Корпус в С. Петербурге.

200 лет. — 1777 г. 4 июня род. А. П. Ермолов, будущий ген.-от-инфантерии. 12 декабря род. Император Александр I-ый.

175 лет. — 1802 г. Основание Николаевского Инженерного Училища.

150 лет. — 1827 г. 21 сент. род. Вел. Кн. Константин Николаевич, Наместник Царства Польского. Начало строительства арх. Стасовым каменных Нарвских триумфальных ворот в С. Петербурге.

125 лет. — 1852 г. Ум. адмирал и мореплаватель Ф. Ф. Беллинсгаузен. 8 сент. ум. ген.-фельдм. светл. кн. П. М. Волконский.

100 лет. — 1877 г. Март. Заключение Россией конвенции с Австро-Венгрией о ее нейтралитете. Апрель — заключение Россией договора с Румынией, которая обязалась выставить войска против Турции и пропустить Русскую армию через свою территорию.
24 апреля — Россия объявила войну Турции. Май — Румыния объявила войну Турции. Парализация русскими войсками действий сильной турецкой Дунайской флотилии.
10 июня — Отбитие русским гарнизоном штурма турками крепости Баязет. 15(27) июня — Передовые части русских войск под командованием ген. М. И. Драгомирова успешно форсировали Дунай у Зимницы и с боем овладели главным пунктом обороны турок — городом Систовым (Свиштов). 28 июня — Освобождение гранизона крепости Баязет после 23-дневной осады турками. 28 июля — Взятие русскими войсками Ловчи. 11 авг. — Турецкие войска почти окружили защитников Шипки. 18 ноября — На Кавказском театре военных действий русскими войсками взята турецкая крепость Карс — создав угрозу Эрзуруму (Эрзеруму).
28 ноября — Сдача под Плевной (Плевен) всей Армии Осман-паши. 2-го дек. — В войну вступила Сербия, черногорцы добились ряда успехов. 10-го дек. — Капитуляция турок в Плевне. Середина декабря — Русские войска отряда ген. Гурко перешли Балканы и 23-го декабря заняли Софию. 28-го дек. — В результате активных действий колонны ген. Скобелева был окружен Шейновский лагерь, и Вессель-паша сдался со всеми своими войсками.

Кто изображен на оборотной стороне Калишской медали?

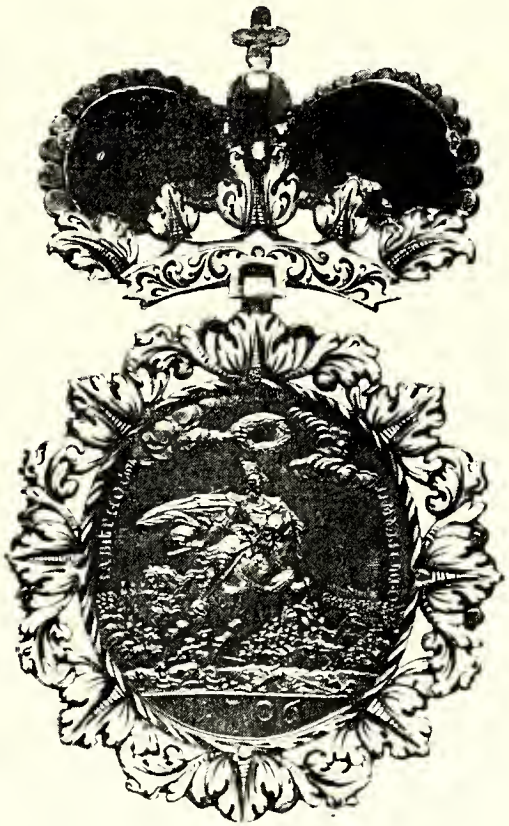
В роскошно изданной в 1974 году книге «МЕДАЛИ И МОНЕТЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ» издательством «Аврора», о Калишской медали говорится следующее: «Документально установлено, что первое массовое награждение офицеров медалями было за победу при Калише (1706). Солдатам тогда были розданы награды старого образца в виде серебряных алтынов. В собрании Эрмитажа хранятся пять золотых офицерских медалей в четырнадцать, шесть, три и один червонец». Затем следуют цветные изображения и описания всех пяти медалей. Для нас достаточно, однако, привести изображение и описание лишь одной, так называемой, «полковничьей», ибо прочие отличаются лишь размером, а изображения и надписи на всех одни и те же:

«Готфрид Гаупт — Наградная полковничья медаль за сражение при Калише 18 октября 1706 года.

Лицевая сторона. Изображение Петра Великого в лавровом венке, доспехе и мантии. Круговая надпись: «ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСІЕВИЧЪ ВСЕЯ РОСІИ ПОВЕЛИТЕЛЬ». В обрезе руки — инициал медальера «Н».

Оборотная сторона. Изображение Петра Великого в античном одеянии, верхом на вздыбленном коне на фоне сражения. Выходящая из облаков рука держит лавровый венок. По сторонам надпись: «ЗА ВЕРНОСТЬ — И МУЖЕСТВО». В обрезе — «1706».

Овальная золотая медаль заключена в золотую, увенчанную короною и украшенною финифтью,



алмазами и аквамаринами рамку. Общий размер — 94 × 55 мм.».

Автор настоящей статьи, однако, того мнения, что оборотная сторона описана здесь неправильно, и что скачущий по полю брани всадник долженствовал изображать не Петра Великого, но истинного виновника победы, Александра Даниловича Меншикова, и вот по каким соображениям.

Начнем с соображений исторических. «ЖУРНАЛ ИЛИ ПОДЕННАЯ ЗАПИСКА БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО» повествует нам об означенном периоде следующее: «Декабря 5 дня 1705 года, Государь вруча свое войско Королевскому Величеству (Августу II — Е. М.), из Гродни поехал к Москве Декабря в 7 день, и при отъезде своем Губернатора Шлюсенбургского господина Меншикова определил к кавалерии Генералом...

Государь на Москве был Декабря 19, Генваря по 13 число 1706 года, в котором числе Его Величество получил ведомость, что Король Шведский идет ко Гродне для атаки наших войск, по которым ведомостям путь свой предвосприял к войску... В те числа, а именно Февраля с 15, Марта до 13 числа Государь был в Минску... Из Минска путь свой взял через Смоленск и Торопец к Петербургу... В Нарву прибыл в 20 день Марта, и взял тут праздник Светлого Христова Воскресения, который тогда был 24 Марта, и по том на тойже неделе в пятницу 29 числа в ночь поехал в Петербург. Маия в 3 день заложили Петербургскую крепость каменную, и были в Петербурге до 1 дня Июня... Июня в 1 день Государь из Петербурга путь свой восприял на Украину к войску... В Киев прибыл в 4 день Июля, а полки собрались к 8 числу, и был в Киеве Июля с 4 по 20 число Августа. В тое бытность Государь усмотрел, что Киевская фортеция имеет зело худую ситуацию: того ради за благо разсудил фортецию сделать в ином месте, для которой за удобное место изобрел монастырь Печерский... и заложил в 15 день Августа (при чем был сам один инженером)... Августа с 20 числа Государь путь свой взял на почте сухим путем до Петербурга... и приехал в Нарву Сентября в 4 день, из Нарвы во флот прибыл в 7, а в Петербург в 8 числа. В сем Сентябре месяце получена ведомость от Генерала господина Меншикова, что они подлинную имели ведомость о Короле Шведском, что он с войском своим в Саксонию уже вступил, а Генерал Шведский Мардефельт оставлен тогда был в Польше для содержания Лещинского, на которого он с кавалериею Российскою пошел... В 4 день Октября конные и пехотные полки под командою Генерала Маиора Брюса переправясь через Неву реку пошли к Выборгу, за которыми и Государь последовал... С вышепомянутого Октября 12 дня, даже до 27 дня тогож месяца действия под городом Выборгом никакого не было, понеже артиллерия еще из Петербурга не была привезена... и между тем получена ведомость с дороги от Петербурга, что артиллерия за грязною дорогою и от худых лошадей для безкормицы за поздним временем остановилась, того ради по учиненному военному совету велено привезть несколько мортир для бомбардирования, дабы не даром отступить, а большую артиллерию поворотить в Петербург. По том как вышеписанныя мортиры привезены, в 22 день начали город бомбардировать, и продолжали оное четверы сутки... По том войско за поздним временем отступило к Петербургу, и Государь прибыл Ноября в 4 день в Петербург... Ноября в 15 день приехал из Польши в Петербург Порутчик от гвардии Петр Яковлев от Генерала господина Меншикова, и привез зело изрядную ведомость, что с Генералом Шведским Мардофельдом под Калишем имел он Генерал щастливую баталию, за которую тогоже дня в Петербурге было благодарение Богу при троекратной пушечной стрельбе кругом города, и за получение оной ведомости помянутый Порутчик от гвардии Яковлев пожалован в Маиоры к кавалерии».

Итак, в день Калишского сражения Петр был под Выборгом, а извещен он был о нем лишь через 28 дней. Так вот, не таков был сей Государь, чтобы присвоить себе чужую победу. Наоборот, сколь щедр был Петр в награждении чужих заслуг, столь же скромен в прославлении своих. Так за Калиш Петр наградил Меншикова драгоценным жезлом, стоимостью, как значится в расходных книгах Посольского приказа, в 3064 рубля 16 алтын и три деньги, а Император Иосиф I по представлению Петра пожаловал ему княжеское Римской Империи достоинство. Да еще была выбита и роздана бывшим на той баталии офицерам золотая Калишская медаль. За свою же, решившую участь всей войны, Полтавскую победу он принял лишь повышение чином, из полковников в генерал-майоры.

К соображениям историческим прибавим еще одно дипломатическое. Как известно, Петр был связан с Августом II узами самой тесной дружбы, которую не поколебал и заключенный сим последним тайно от Петра Альтранштедтский мир. Номинально Август II остался главнокомандующим союзных войск в Польше, и волею-неволею принял участие в Калишском сражении. Так вот, Петр мог изобразить на оборотной стороне Калишской медали скачущего по полю битвы Меншикова, но уж никак не себя.

Приведем теперь соображение нумизматическое. В 1772 году, по заказу Императрицы Екатерины II было составлено некиим Рико де Тиргалем и издано в Потсдаме обстоятельное иллюстрированвое описание медалей царствования Петра Великого. Об оборотной стороне Калишской медали в издании сем говорится, что изображен на ней Меншиков. Указание это следует признать правильным, ибо в составленном по Высочайшему повелению прославляющем Петра Великого труде подобная ошибка допущена не была бы. Да и со дня смерти Меншикова прошло тогда всего 45 лет, и еще живы были люди помнящие, как его самого, так и его время.

Наконец приведем уж не соображение, а неоспоримое документальное доказательство. Не так давно автору посчастливилось приобрести изданное Академией Наук СССР **«Описание изданий напечатанных кириллицей 1689-1725»**. На страницах 138-140 этой книги автор обнаружил панегирик, именуемый **«Триумф польской музы по одержании над шведами и их союзниками под Калишем победы»**, напечатанный кириллицей на польском и русском языках 24 ноября 1706 года. На гравированном фронтисписе изображены: вверху двуглавый орел с Андреевским на груди крестом. Под орлом двойная, обвитая лаврами рама. В верхней части поясной портрет Петра Великого, под которым изображен план Петербурга. В нижней части изображено сражение при Калише. Русское войско преследует бегущего врага. На первом

плане изображение Меншикова, совершенно подобное изображению его на оборотной стороне Калишской медали. Посвященная Меншикову часть панегирика начинается словами: «Сиятельнейшему Князю Его Милости Александру Даниловичу Меншикову, Святого Государства Римского Князю, Его Царского Пресветлого Величества Губернатору над провинциями Ингрыю и Естляндею, Енералу над кавалериею, Кавалеру и Капитану Компании Бомбардирской первой Гвардеи Его Царскаго Пресветлаго Величества». Затем идут стихи: «Великий Царь Петр I отмечает перед всем Миром заслуги верного ему Меншикова. Восток, Запад, Юг и Север содрогаются от могущества Великого Петра, а Меншиков верно служит Царю и разделяет с Ним славу, а ныне в разгроме северного чудовища он делит бранную славу и с Польским Королем Августом II».

Евгений Молло

О вензелевых изображениях на эполетах и погонах

Е. С. Молло

(Окончание)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМП. НИКОЛАЯ II

СВИТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

На эполетах — накладное, а на погонах — шитое или накладное рубчатое [1], того Императора в царствование которого было получено означенное свитское звание. Изображение сие полагалось: при свитской форме — цвета противоположного прибору, при прочих же формах генерал и флигель-адъютантам — цвета противоположного прибору, а Свиты Его Величества генерал-майорам — цветом по прибору.

Имевшим же также и шефские вензелевые изображения имен в Бозе почивших Императоров Александра II или Александра III полагалось соединенное вензелевое изображение «Н II с А III» или «Н II с А II и А III», причем генерал и флигель-адъютантам свитский вензель полагался цвета противоположного прибору, а шефский — цветом по прибору. Свиты же Его Величества генерал-майора наоборот, свитский вензель — цветом по прибору, а шефские — цвета противоположного прибору. Шитый свитский вензель полагался с блестками, а шефские — без блесток.

Генерал-адъютантам прежних царствований, назначенным состоять при Особе Его Величества, полагалось соединенное вензелевое изображение «Н II» с тем, каковое у них имелось, одного противоположного прибору цвета. (1894 № 253 и 1901 № 165).

По званию своему флигель-адъютанта сохранил на своих эполетах и погонах вензелевое изображение имели своего в Бозе почившего отца и сам Император Николай II.

1) Накладные рубчатые вензелевые изображения имели вид шитых и были введены в целях экономии, так как шитые вензелевые изображения были дороже и изнашивались быстрее.

ВОИНСКИЕ ЧАСТИ И ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, В КОИХ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II БЫЛ ШЕФОМ

В гвардейских частях — накладное, цветом по прибору «Н II» полагалось на эполетах и погонах офицеров и нижних чинов лишь в ротах, эскадронах, сотнях и батареях Его Величества.

В армейских же частях и военно-учебных заведениях — накладное, цветом по прибору «Н II» также полагалось на эполетах и погонах офицеров и нижних чинов рот, эксадронов, сотен и батарей Его Величества. В прочих же ротах, эскадронах, сотнях и батареях таковое полагалось: офицерам — шитое или накладное рубчатое, цветом по прибору, а нижним чинам — печатное по трафарету.

Имевшим же также и шефские вензелевые изображения имен в Бозе почивших Императоров Александра II или Александра III полагалось соединенное вензелевое изображение «Н II» с А III» или «Н II» с «А II и А III», причем «Н II» полагалось цветом по прибору, а прочие — цвета противоположного прибору (1894 № 253, 1897 № 321 и 1898 № 210) [2]).

2) Император Николай II был шефом нижеследующих воинских частей и военно-учебных заведений:

Гвардейские части

Полков Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Волынского, I Стрелкового Его Величества, 3 Стрелкового Его Величества, 4 Стрелкового Императорской Фамилии, Собственного Его Императорского Величества Сводного Пехотного, Конного, Кирасирского Его Величества, Уланского Его Величества, Гусарского Его Величества, Казачьего Его Величества, Сводно-Казачьего и Собственного Его Императорского Величества Конвоя (вензелевые изображения во всех сотнях); лейб-гвардии I Артиллерийской бригады, 1 и 6 Его Величества батарей лейб-гвардии Конной Артиллерии, лейб-гвардии Саперного батальона и Роты Дворцовых Гренадер.

ВОИНСКИЕ ЧАСТИ И ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, В КОИХ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИЯ ФЕОДОРОВНА И АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА И НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ БЫЛИ ШЕФАМИ

В гвардейских частях вензелевых изображений не полагалось. В армейских же частях и военно-учебных заведениях таковые полагались во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях, офицерам — накладные, цветом по прибору, а нижним чинам — печатные по трафарету (1907 № 441, 1908 № 155 и 1909 № 519).

Примечание. Означенные части и военно-учебные заведения указаны в общем списке.

ВЕНЗЕЛЕВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

Накладное, цветом по прибору «М» было сохранено на эполетах и погонах офицеров и нижних чинов 1 батареи лейб-гвардии 2 Артиллерийской бригады и 2 батареи лейб-гвардии Конной Артиллерии (1910 № 103).

Примечание. Прочие воинские части и военно-учебные заведения, в коих Великий Князь Михаил Николаевич был шефом указаны в общем списке.

ВОИНСКИЕ ЧАСТИ И ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ, В КОИХ ВЕНЗЕЛЕВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИМЕН ШЕФОВ СОСТАВЛЯЛИ ШИФРОВКУ ТАКОВЫМ ПРИСВОЕННУЮ

Подобно прочей шифровке изображения сии полагались: офицерам пехотных частей и военно-учебных заведений — шитые или накладные рубчатые, цветом по прибору, а офицерам кавалерийских частей и военно-учебных заведений — шитые или накладные рубчатые на погонах и накладные рубчатые на эполетах, цвета противоположного прибору. Нижним же чинам таковые полагались — накладные рубчатые, цвета противоположного прибору на эполетах и печатные по трафарету на погонах (1909 № 100).

Примечание. Все отступления от вышеуказанных правил будут указаны.

Армейские части

Полков 1 Лейб-Гренадерского Екатеринославского, 12 Гренадерского Астраханского, 13 Лейб-Гренадерского Эриванского, 65 Пехотного Московского, 80 Пехотного Кабардинского, 84 Пехотного Ширванского, 1 Сибирского Стрелкового, 17 Драгунского Нижегородского, 2 Лейб-Гусарского Павлоградского, и Собственного Его Императорского Величества Железнодорожного; казачьих полков 1 Донского, 1 Кизляро-Гребенского, 1 Сибирского и 6 Кубанского Пластунского батальона; военных училищ: Павловского, Александровского, Николаевского, Николаевского Артиллерийского, Николаевского Инженерного и Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

ГВАРДЕЙСКИЕ ЧАСТИ

Лейб-гвардии Кексгольмский Императора Австрийского полк — «F I» (с 7 октября 1814 по 14 августа 1914) [3]).

Лейб-гвардии Санкт-Петербургский Короля Фридриха-Вильгельма III полк — «FWR III» (с 7 октября 1814 по 14 августа 1914).

ГРЕНАДЕРСКИЕ ПОЛКИ

1 Лейб-Гренадерский Екатеринославский Императора Александра II, сперва «А III» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253 и 26 мая 1896), затем, при переименовании полка — «А II— и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1909 № 246).

2 Ростовский Великого Князя Михаила Александровича — «М» (1903 № 180).

3 Перновский Короля Фридриха-Вильгельма IV — «FWR IV» (1864 № 148 по 14 августа 1914).

5 Киевский Наследника Цесаревича, сперва Великого Князя Сергия Александровича — «С» (1903 № 180), затем, при переименовании полка, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны — «ЕС» (1905 № 225), затем, при переименовании полка — накладное, цветом по прибору» «А» (1 июня 1912).

6 Таврический Великого Князя Михаила Николаевича — «М» (1857 № 280).

8 Московский Великого Герцога Мекленбург-Шверинского, сперва возвращена шифровка «М» (9 апреля 1897), затем, при переименовании полка «FM» (1898 № 3 по 14 августа 1914).

9 Сибирский Великого Князя Николая Николаевича — «НН» (1908 № 197).

11 Фанагорийский Великого Князя Димитрия Павловича — «Д» (1891 № 340).

12 Астраханский Императора Александра III — «А III» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253).

13 Лейб-Гренадерский Эриванский Царя Михаила Феодоровича, сперва — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253), затем, при переименовании полка — «МФ», офицерам — накладное, цветом по прибору, а нижним чинам — печатное по трафарету и лишь в роте Его Величества, офицерам — накладное, цветом по прибору «Н II» поверх шитого, цветом по прибору же «МФ» (1913 № 523), затем, офицерам — накладное, цветом по прибору — «Н II», в роте Его Величества — полированное, а в прочих ротах — матовое, поверх шитого, цвета противоположного прибору — «МФ», нижним же чинам — накладное, цвета противоположного прибору «Н II» поверх печатного по трафарету в роте

[3]) Вензелевые изображения имен шефов противных нам держав были отменены с началом - Мировой войны.

Его Величества, а в прочих ротах — печатное по трафарету белое «Н II» поверх печатного же по трафарету красного «МФ» (1914 № 96) [4]).

14 Грузинский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (1 сентября 1912).

15 Тифлисский Великого Князя Константина Константиновича — «К» (1858 № 258), затем возвращена шифровка «Т» (21 июля 1915).

16 Мингрельский Великого Князя Димитрия Константиновича — «Д» (1860 № 156).

ПЕХОТНЫЕ ПОЛКИ

1 Невский Короля Эллинов — «ГГІ» (1867 № 161).

2 Софийский Императора Александра III — «А III» (1894 № 253).

4 Копорский Короля Саксонского — «AS» (25 марта 1864 по 6 июня 1902).

5 Калужский Императора Вильгельма I — «WR I» (1888 № 138 по 14 августа 1914).

6 Либавский Принца Фридриха-Леопольда Прусского — «FL» (1885 № 170 по 14 августа 1914).

9 Ингерманландский Императора Петра Великого — «РРІ» (1903 № 265).

14 Олонецкий Короля Сербского Петра I — «П I» (19 августа 1911).

18 Вологодский Короля Румынского — «СС» (1898 № 216).

39 Томский Эрцгерцога Австрийского Людвига-Виктора — «LV» (1873 № 191 по 14 августа 1914).

48 Одесский Императора Александра I — «А I» (26 августа 1912).

50 Белостокский — возвращена шифровка «50» (8 февраля 1908).

51 Литовский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (1907 № 538).

53 Волынский Великого Князя Николая Николаевича — «НН» (31 декабря 1913).

54 Минский Царя Болгарского — «Ф» (1902 № 225 по 14 августа 1914).

65 Московский Его Величества — Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253).

67 Тарутинский Великого Герцога Ольденбургского — «FA» (1901 № 111 по 14 августа 1914).

68 Лейб-Пехотный Бородинский Императора Александра III — «А III» (1894 № 253).

80 Кабардинский Генерал-Фельдмаршала Князя Барятинского — накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253).

81 Апшеронский Императрицы Екатерины Великой — «Е II» (1910 № 565).

84 Ширванский Его Величества — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253).

85 Выборгский Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II — «WR II» (1888 № 138 по 14 августа 1914).

86 Вильманстрандский Эрцгерцога Австрийского Альбрехта — «А» (3 июля 1874 по 15 февраля 1895).

89 Беломорский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (19 декабря 1916) [5]).

145 Новочеркасский Императора Александра III — «А III» (1894 № 253).

206 Сальянский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (1907 № 538).

СТРЕЛКОВЫЕ ПОЛКИ

1 Сибирский Его Величества — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1894 № 253).

11 Сибирский Императрицы Марии Феодоровны — накладное, цветом по прибору «МФ» (1907 № 538).

12 Сибирский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (1907 № 538).

21 Сибирский Императрицы Александры Феодоровны — накладное, цветом по прибору «АФ» (1907 № 441).

13 Великого Князя Николая Николаевича — «НН» (13 марта 1912).

15 Короля Черногорского сперва «N» (1889 № 130), затем «Н I» (1910 № 624).

16 Императора Александра III — «А III» (1894 № 253).

1 Кавказский Великого Князя Михаила Николаевича — «М» (1864 № 86).

ДРАГУНСКИЕ ПОЛКИ

1 Лейб-Драгунский Московский Императора Петра Великого — сперва «А III», (1894 № 253), затем «РРІ над А III» (1909 № 343).

2 Лейб-Драгунский Псковский Императрицы Марии Феодоровны — накладное, цветом по прибору «МФ» (1907 № 441).

6 Глуховский Императрицы Екатерины Великой — «Е II» (1910 № 565).

8 Астраханский Великого Князя Николая Николаевича — «НН» (1907 № 437).

10 Новгородский Короля Виртембергского — «W» (1909 № 435 по 14 августа 1914).

15 Переяславский Императора Александра III — сперва «А III» (1894 № 253), затем соединенное «МФ», цветом по прибору, с «А III», цвета противоположного прибору (24 августа 1916).

---

[4]) Читатель сможет убедиться до какой изощренности были доведены касающиеся вензелевых изображений правила.

[5]) 19 декабря 1916 г. было последней датой установления вензелевых изображений.

16 Тверской Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору «А» (1907 № 538).
17 Нижегородский Его Величества — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в эскадроне Его Величества (1908 № 231).
18 Северский Короля Датского Христиана IX — «CR IX» (1903 № 42).

УЛАНСКИЕ ПОЛКИ

2 Лейб-Уланский Курляндский Императора Александра II — сперва «А III» (1894 № 253), затем «А II» (1911 № 78).
3 Смоленский Императора Александра III — «А III» (1894 № 253).
5 Литовский Короля Виктора-Эммануила III — «VE III» (1902 № 290).
7 Ольвиопольский Короля Испанского Альфонса XIII — «А XIII» (1908 № 193).
11 Чугуевский Императрицы Марии Феодоровны — накладное, цветом по прибору «МФ» (1907 № 441).
12 Белгородский Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа I — «FJ I» (1884 № 283 по 14 августа 1914).

ГУСАРСКИЕ ПОЛКИ

1 Сумский Короля Датского Фредерика VIII «FR VIII» (1908 № 193 по 30 мая 1912).
2 Лейб-Гусарский Павлоградский Императора Александра III — сперва «А III» (1894 № 253), затем накладное, цветом по прибору «Н II» в эскадроне Его Величества (14 мая 1911).
4 Мариупольский Императрицы Елисаветы Петровны — «ЕР» (15 мая 1915).
5 Александрийский Императрицы Александры Феодоровны — накладное, цветом по прибору «АФ» (1907 № 441).
7 Белорусский Императора Александра I — «А I» (20 октября 1912).
9 Киевский Короля Эдуарда VII — «ER VII» (22 января 1901 по 8 мая 1910).
13 Нарвский Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II — «WR II» (1901 № 308 по 14 августа 1914).

ПОЛЕВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Кавказская Гренадерская Великого Князя Михаила Николаевича бригада — «М» (1858 № 258).
9 Сибирская Стрелковая Великого Князя Михаила Николаевича бригада — «М» (1910 № 103).

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА

Гренадерский Саперный Великого Князя Петра Николаевича баталион — «П» (1909 № 475).
6 Саперный Великого Князя Николая Николаевича баталион — «НН» (1906 № 417).
11 Саперный Императора Николая I баталион — «Н I» (1896 № 157).

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ВОЙСКА

Собственный Его Императорского Величества Железнодорожный полк — накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества, офицерам — с 6 мая 1915 (1915 № 209), а нижним чинам — с 1 апреля 1916 (1916 № 344).

КАЗАЧЬИ ВОЙСКА

ДОНСКОЕ ВОЙСКО

1 Его Величества полк — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в сотне Его Величества (19 декабря 1916).
2 Наследника Цесаревича полк — накладное, цветом по прибору «А» (31 января 1914).

КУБАНСКОЕ ВОЙСКО

1 Великого Князя Михаила Николаевича полк — «М» (20 февраля 1912).
1 Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк — «Е II» (1910 № 565).
1 Пластунский Великого Князя Михаила Николаевича баталион — «М» (20 февраля 1912).
3 Пластунский Наследника Цесаревича баталион — накладное, цветом по прибору «А» (21 мая 1912).
6 Пластунский Его Величества баталион — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (21 мая 1912).
1 Великого Князя Михаила Николаевича батарея — «М» (20 февраля 1912).

ТЕРСКОЕ ВОЙСКО

1 Кизляро-Гребенский Его Величества полк — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в сотне Его Величества (9 декабря 1916).
1 Волгский Наследника Цесаревича полк — накладное, цветом по прибору «А» (9 декабря 1916).

ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЙСКО

1 Наследника Цесаревича полк — накладное, цветом по прибору «А» (18 апреля 1914).
5 Эмира Бухарского полк — «ЭА» (10 февраля 1910 по 25 декабря 1913).

СИБИРСКОЕ ВОЙСКО

1 Его Величества полк — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в сотне Его Величества (19 декабря 1916).

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ВОЙСКО

1 Нерчинский Наследника Цесаревича полк — накладное, цветом по прибору «А» (19 декабря 1916).
1 Наследника Цесаревича батарея — накладное, цветом по прибору «А» (1910 № 282).

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

ПАЖЕСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУС

На эполетах и погонах директора, офицеров, камер-пажей, пажей и музыкантов строевой роты специальных классов — накладное, цветом по прибору, вензелевое изображение Высочайшего имени «Н II», состоявшим же в таковой в царствования Императоров Александра II и Александра III — накладное, цвета противоположного прибору, вензелевое изображение «А III» или соединенное вензелевое изображение «А III и А II», оба одного, противоположного прибору цвета (1894 №№ 253 и 277 и 1897 № 321).

ВОЕННЫЕ УЧИЛИЩА

Павловское — Императора Павла I «П I» и накладное, цветом по прибору, «Н II» в роте Его Величества (1897 №№ 321 и 343).

Александровское — Императора Александра II «А II» и накладное, цветом по прибору, «Н II» в роте Его Величества (1897 №№ 321 и 343)

Алексеевское — Наследника Цесаревича, накладное, цветом по прибору «А» (1907 № 538).

Тифлисское — Великого Князя Михаила Николаевича «М» (1864 № 172).

Владимирское — Великого Князя Владимира Александровича «В» (8 июля 1910).

Николаевское — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в роте Его Величества (1916 № 430).

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ УЧИЛИЩА

Михайловское — Великого Князя Михаила Николаевича «М» (1864 № 172).

Константиновское — Великого Князя Константина Николаевича «К» (1855 № 103).

Сергиевское — Великого Князя Сергия Александровича «С» (28 июня 1912).

Николаевское — «Н II» и накладное, цветом по прибору «Н II» в батарее Его Величества (15 октября 1915).

ИНЖЕНЕРНЫЕ УЧИЛИЩА

Николаевское — Императора Николая I «Н I» (1864 № 368).

Алексеевское — Наследника Цесаревича, накладное, цветом по прибору «А» (15 октября 1915).

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

Первый — Императрицы Анны Иоанновны «IAI» и накладное, цвета противоположного прибору, Императора Николая I «Н I» в роте Его Величества (1907 № 84).

Второй — Императора Петра Великого «PIP» и накладное, цвета противоположного прибору, «М» в ротах Великих Князей Михаила Павловича и Михаила Николаевича (1908 № 227 и 1910 № 115).

Первый Московский Императрицы Екатерины II — «Е II» (1903 № 431).

Второй Московский Императора Николая I — «Н I» (1896 № 157).

Третий Московский Императора Александра II — «А II» (1898 № 228).

Николаевский — Императора Николая I «Н I» (1882 № 328).

Императора Александра II — А II» и накладное, цвета противоположного прибору, «А II» офицерам роты Императора Александра II (1882 № 328 и 1910 № 4).

Петровский Полтавский — Императора Петра Великого «PIP» (1882 № 328).

Донской Императора Александра III — накладное, цвета противоположного прибору «А III» (1899 № 128).

Воронежский Великого Князя Михаила Павловича — «М» (1905 № 72).

Тифлисский Великого Князя Михаила Николаевича — «М» (1908 № 227 и 1910 № 141).

Ташкентский Наследника Цесаревича — накладное, цветом по прибору, «А» (1907 № 538).

Сибирский Императора Александра I — «А I» (1 мая 1913).

Приготовительная Школа Императора Александра II — «А II» (1901 № 65).

ВЕНЗЕЛЕВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИМЕН ШЕФОВ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ОСОБЫМИ ПРИКАЗАМИ И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ОБЩИЙ СПИСОК

Рота Дворцовых Гренадер — накладное, цвета противоположного прибору, того Императора, в царствование которого зачислен в Роту (1906 № 56).

Катерные команды полков лейб-гвардии Преображенского, Семеновского и Кексгольмского — накладное, цветом по прибору, наложенное на якорь, Императора Петра Великого «PIP» (1909 № 278).

Штаб Войск Гвардии и С. Петербургского Военного Округа — накладное, соединенное Императоров Александра I и Николая II, причем первое полагалось серебряное, а второе — золотое (1912 № 149).

Замеченные пропуски и ошибки в статье „о вензелевых изображениях на эполетах и погонах"

В введении к первой части нашей статьи автор уповал на помощь благосклонных читателей в указании возможных пропусков и ошибок. Упование сие не осталось без ответа. Известный наш военный ученый, Владимир Владимирович Звегинцов прислал автору список таковых, который и дается ниже. Автор надеется, что подобная же помощь оказана будет ему и касательно второй части.

Евгений Молло

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Гренадерские полки

20 ноября 1878 года, Самогитскому — возвращена шифровка «С».

Пехотные полки

18 октября 1873 года, Копорскому — Его Величества Короля Саксонского (A).

17 апреля 1877 года, Волынскому — Великого Князя Николая Николаевича (НН).

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Гренадерские полки

12 сентября 1881 года, Ростовскому — возвращена шифровка «Р».

23 ноября 1890 года, Киевскому — возвращена шифровка «К».

30 апреля 1891 года, Сибирскому — возвращена шифровка «СИБ.».

25 марта 1891 года, Грузинскому — возвращена шифровка «Г».

Пехотные полки

14 января 1883 года, Либавскому — возвращена шифровка «2».

25 мая 1883 года, Либавскому — Принца Фридриха-Карла Прусского (FK).

6 мая 1884 года, Выборгскому — Принца Вильгельма Прусского (W).

7 июня 1885 года, Либавскому — возвращена шифровка «2».

18 июня 1885 года, Либавскому — Принца Фридриха-Леопольда Прусского (FL).

6 июня 1888 года, Выборгскому — Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II (WR II).

Стрелковые баталионы

1 ноября 1885 года, Его Высочества Князя Болгарского — возвращена шифровка «13».

1889 № 130, 15-му — Его Высочества Князя Черногорского (N).

25 мая 1891 года, 1-му Восточно-Сибирскому — Наследника Цесаревича (H).

1883 № 67, 16-му, Императора Александра III (A III).

Мысли, которые нельзя произносить вслух

В. М. Лесеневич

(Фрагменты из рукописи. Окончание. В порядке обсуждения)

Военный министр Сухомлинов считался умным, быстро соображающим и распорядительным, но легкомысленным и большим любителем представить все в лучшем виде, чем оно было на самом деле. Не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом и старался все делать больше для своей популярности... Чуждый Придворной среде он изворачивался, чтобы удержаться и лавировал для сохранения собственного благополучия.

Для постоянного состава Офицерской кавалерийской школы придумал гусарскую форму, у солдат шашки на поясных портупеях красной кожи... Объявлял, что Россия сильна, так как запас снарядов в два раза больше, чем в Японскую войну. Все принималось на веру и никому не пришло в голову, что в случае войны на западе, фронт будет в двадцать раз больше, а снарядов потребуется не в два, а в 22 раза больше. Вина за это ложится также на Начальника Главного управления артиллерии Кузьмина-Караваева и на Инспектора артиллерии Вел. Кн. Сергея Михайловича.

При Сухомлинове было сделано много. Мобилизация в 1914 году прошла успешно и быстро, но некоторые его мероприятия в дальнейшем вызывают удивление и осуждание. Войска обучались больше для парадов и обращалось внимание на по-

казную сторону. Оценка начальников делалась по наружному виду частей и прохождению церемониальным маршем. На маневрах пехота продолжала ходить в сомкнутых колоннах и в ногу. Старались применять приемы военного искусства, насаждаемые Академией, и отставали от жизни. Скорострельная артиллерия, пулеметы, предуказывали резкие перемены в тактике масс. Военная печать в горячих спорах искала истину, но все это движение находило недостаточный отклик в Академии, застывшей в важном покое.

Маневры устраивались по заранее выработанному плану... Личная инициатива не поощрялась. В 1907 г. на маневрах 2-го армейского корпуса ген. Адлерберга против 3-го арм. корпуса ген. Ренненкампфа (оба корпуса были в блестящем состоянии как в военной подготовке, так и в подтянутости и дисциплине), командир 2-го корпуса по своему почину поднял ночью одну свою дивизию и атаковал «противника», который мирно спал. Произошла паника (в мирное время), обозы в беспорядке бросились в тыл, войска в темноте перемещались и управление ими выпало из рук. Но ген. Ренненкампф не растерялся и прикрыл отступление своих разбитых войск артиллерийским огнем... Этим маневром план, составленный Виленским Военным Округом был нарушен, — просто сорван, — и поставить его опять в русло было нелегко. За это энергичного командира корпуса ген. Адлерберга начальство не похвалило и только связи в Петербурге спасли его от больших неприятностей, вплоть до отрешения от командования корпусом.

В Великую войну 1914 г. Гл. Командующий сев.-зап. фронтом ген. Жилинский строго придерживался плана, выработанного в мирное время. Несмотря на донесения ген. Самсонова и командиров корпусов, 15-го ген. Мартоса и 13-го ген. Клюева, что они идут впустую, а опасность может угрожать только с запада, Жилинский продолжал упорно настаивать вести движение на север. Он не учитывал, что обстановка на войне может измениться и этим погубил 2-ю армию ген. Самсонова...

Во время нашего отступления в конце августа 1915 г. обе стороны были переутомлены и нуждались в передышке. Главное немецкое командование решило перейти к позиционной войне, но австрийский главнокомандующий ген. Конрад настаивал продолжать наступление с целью полного освобождения Галиции и захвата важного железнодорожного узла Ровно, что открывало прямое сообщение между австрийским и германским фронтами.

Чтобы не допустить захвата этого важного стратегического узла, Командующий 8-й армией ген. Брусилов решил перейти в наступление и отбросить противника за Луцк. После долгих споров с Главнокомандующим Юго-западным фронтом ген. Ивановым, который не соглашался допустить наступление крупными силами, Брусилов настоял на своем. Город Луцк был взят, хотя и с большими потерями, но соседние 8-й и 30-й корпуса, опрокидывая австрийцев, вышли к Стыри. Потеря Луцка и неудача на фронте взволновали ген. Конрада и он обратился за помощью к германскому командованию...

Вскоре было обнаружено к северу от Луцка движение германского корпуса. От ген. Иванова пришел приказ — Луцк оставить и отвести все войска в исходное положение, а 30-й корпус ген. Зайончковского спрятать в лесах восточнее Колки и, когда германский корпус втянется по дороге Колки-Клевань, неожиданно ударить ему во фланг и тогда всему фронту опять перейти в наступление.

Если на маневрах можно было спрятать обозначенную дивизию под мостом, то спрятать корпус в лесах абсолютно невозможно. Так и случилось, спрятанный корпус был обнаружен и обе стороны перешли к обороне и вся операция со взятием Луцка прошла прахом. Так непродуманная подготовка офицеров ген. Штаба на маневрах дала печальный результат на войне...

В конце 1912 г. в Москве состоялось секретное совещание под председательством Военного министра Сухомлинова, на которое были приглашены все высшие начальники. Вел. Кн. Николай Николаевич приглашен не был и, чтобы он случайно не появился, оно было устроено в Москве. На этом совещании был выработан и тут же утвержден новый Сухомлиновский план с отводом войск на линию Ковно, Белосток, Брест-Литовск, Проскуров, а весь Варшавский выступ отдавался без боя. Против этого плана были офицеры Ген. Штаба во главе с Головиным, но Сухомлиновское большинство победило. План Милютина был сдан в архив, но по настойчивым просьбам Франции о помощи для спасения Парижа, пришлось к нему вернуться, но в скомканном виде, что пагубно отразилось на ходе военных операций в самом начале войны.

Политика и стратегия должны идти рука об руку и сообща проводить цели. Успешными действиями политики могут быть, если она опирается на стратегию, а стратегия руководствуется требованиями политики, чтобы в нужный момент поддержать и содействовать ей.

По договору России и Франции в 1892-м г. обе державы обязывались, в случае войны с Германией и Австро-Венгрией, выступить на помощь друг другу по возможности в кратчайший срок, чтобы не дать немцам использовать свои силы сначала против одного, а после обрушиться на другого. План Милютина с использованием Варшавского выступа вполне соответствовал быстрому переходу в наступление и выполнению договора между Россией и Францией...

В 1913 году на совещании начальниками генеральных штабов Франции ген. Жоффром и России ген. Жилинским было утверждено, что Франция выступит на десятый день мобилизации, а Россия, хотя могла бы выступить только на 28-й день, но Жилинский обещал выступить на 15-й день. Этот договор оставался в силе и перед войной 1914 года. Новый Сухомлиновский план, вместо быстрого перехода в наступление, предвидел оборонительную

позицию и по мобилизационному плану концентрировал Армии в районе Белостока далеко от германской границы. Стратегия резко в корне разошлась с политикой, но на это на верхах правления никто не обратил внимания.

Если Сухомлиновский план предвидел оборону, то является вопрос — почему все крепости в 1913 г. были упразднены, войска обученные и знакомые с крепостным делом выведены и расформированы. Были оставлены только небольшие охранные команды. Крепость Иван-Город подлежала полному уничтожению. На это было ассигновано 4 миллиона рублей. Прибыли саперы, взорвали надземные сооружения... Если эта крепость не была нужна, то казалось бы, что вместо разрушения оставить ее как древнюю реликвию.

Во время войны эта полуразрушенная крепость оказалась нужной, и даже очень нужной. Наспех восстановленная, она задержала наступление австрийцев и не допустила захвата главной магистрали Люблин-Холм. На остальные крепости, как упраздненные, не отпускались никакие средства и они постепенно приходили в ветхость. Крепость Ковно была в состоянии, не отвечающему своему назначению... Против упразднения крепостей пытались выступать в печати, но эти статьи были запрещены не цензурой, а лично Сухомлиновым, которому издатель журнала «Резведчик» предварительно представлял рукописи...

❦

5-го сентября 1915 г. Вел. Кн. Николай Николаевич был смещен с должности Верховного Главнокомандующего и назначен Главнокомандующим на Кавказ. Другими словами в ссылку, которая сыграла для России пагубную роль...

В нашем отступлении в 1915 г. по всему фронту Верховное Командование не было виновато. Снабжение армии не было в руках Великого Князя, который настойчиво требовал решительных мер к упорядочению и виновник ген. Сухомлинов наконец был смещен.

Смещение Вел. Кн. Николая Николаевича произошло совершенно неожиданно. Его популярность была не только в Армии, но и во всей России, и все единодушно признали, что это был незаслуженный удар. Но самое тяжелое было решение Государя принять на себя непосильную задачу и тяжелое бремя управления, уже начавшей волноваться страны и вести трудную войну.

Ставка при Вел. Кн. была походным Штабом, — при Государе постепенно приобрела характер Двора с его специфической атмосферой, которая гибельно отражалась на высшем командном составе Армии. Протекционизм, свивший себе гнездо во всех отраслях русской жизни, выдвигал на командные должности лиц, далеко не достойных. Шаблон, рутина, боязнь нарушить принцип старшинства царили в военных штабах...

Вел. Кн. Николай Николаевич показал себя не только опытным военачальником, но и политическим стратегом. Его воззвание к полякам с обещанием восстановления Польского Государства под Скипетром Императора-Короля было встречено с энтузиазмом не только польским народом, но и произвело огромное впечатление на славянские народности воюющих с нами стран...

Зима 1916 года была суровая, снег начал таять только в марте. На фронтах наступило полное затишье. Обе стороны укрепляли свои позиции, производили переформирования и пополнения частей, усиливали артиллерию. В половине марта Государь назначил ген. Брусилова на должность Главнокомандующего Ю.-Зап. фронта вместо ген. Иванова и Алексеев телеграфно сообщил, что Государь 23 марта прибудет в Каменец-Подольск для смотра 9-й Армии... 1-го апреля в Могилеве состоялся военный совет под председательством Государя для обсуждения дальнейшего плана войны... Согласно плану, выработанному Алексеевым, Армия центрального фронта Эверта должна начать наступление на Вильно. Это наступление должно быть поддержано С.-Зап. фронтом Куропаткина. Что же касается Ю.-Зап. фронта Брусилова, то Штаб Верховного (на основании докладов Иванова) находит, что в настоящее время этот фронт к наступлению неспособен и поэтому должен держаться оборонительно и перейти в наступление только тогда, если в центре обозначится успех. Ген. Куропаткин изложил свои мысли, что очень трудно ожидать успеха от такого наступления. Эверт согласился с мнением Куропаткина, считая, что лучше придерживаться обороны. Слово за Вами, обратился Государь к Брусилову.

«Я не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Ю.Зап. фронт по моему убеждению не только может, но и должен наступать и полагаю, что есть шансы на успех. Недостаток, которым мы страдаем, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, и я настоятельно прошу разрешения наступать и моему фронту одновременно с другими». Хотя Брусилов и получил разрешение наступать, но был предупрежден, что ему не дадут никаких подкреплений ни в войсках, ни в артиллерии. Начало общего наступления было назначено на 11 мая.

Через несколько дней в Подволочиске Брусилов собрал командующих армиями Ю.-Зап. фронта: — 8-й Каледин; 11-й Сахаров; 7-й Щербачев и 9-й Крымов. Все заслуженные генералы, проявившие свои незаурядные способности на полях сражений. Щербачев просил слово и сказал, что считает наступательные действия в настоящее время рискованными и нежелательными. Брусилов строго посмотрел на него и сказал: «Я собрал вас господа не обсуждать вопроса об активном или пассивном образе действий на моем фронте, а чтобы отдать вам приказ о подготовке к атаке. Никаких колебаний и отговорок ни от кого не принимаю. Каждый из вас выберет в своей Армии место удара и прикажет каждому Командиру корпуса сделать то же самое.

Таким образом подготовка будет вестись одновременно на 20-ти местах и противник будет сбит с толку». Командующие Армиями разъехались и каждый принялся за выполнение приказа. Сам Брусилов постоянно вникал во все подробности работ, лично проверяя точность выполнения своего приказа, требуя фотоснимков неприятельской укрепленной линии и раздачи частям карт в увеличенном виде.

⁂

В мае выяснилось, что немцы в расчете, что мы больше неспособны к наступлению, сняли несколько дивизий и перебросили на французский фронт, а австрийцы, надеясь на свои сильно укрепленные позиции, также перебросили несколько дивизий на итальянский фронт в расчете, что в течение этого лета раздавят итальянскую армию...

Общее наступление, утвержденное на совещании, оставалось в силе на 11 мая и Ю.-Зап. фронт известил Ставку, что готов и ожидает приказания перейти в наступление...

В мае итальянцы потерпели настолько сильные поражения, что их командование не надеется удержать противника и просит нашего перехода в наступление, чтобы оттянуть часть сил австрийцев. По приказанию Государя Алексеев запросил, когда Ю.-Зап. фронт может перейти в наступление. В ответ было сообщено, что Ю.-Зап. фронт готов выступить 19-го мая, но с условием, что и другие фронты одновременно также двинутся вперед... Так как Зап. фронт Эверта может выступить лишь 1-го июня, то Ставка просит начать наступление не 19-го, а 22-го мая... Алексеев заверил, что откладывать больше не будет...

21-го вечером Алексеев передал Брусилову по прямому проводу, что сомневается в успехе его действий вследствие необычного способа атаки одновременно во многих местах, вместо одного удара и не лучше ли отложить атаку на несколько дней, чтобы устроить один удар, как выработано практикой войны... На это предложение Брусилов ответил: «Изменить свой план отказываюсь и если не могу его осуществить, то прошу меня сменить и об этом немедленно доложить Государю». «Ну Бог с вами, — делайте, как хотите», ответил ген. Алексеев.

Италия находилась в критическом положении. Необходимо было оказать ей возможно скорее помощь и Ю.Зап. фронт начал, как было предписано, атаку 25-го мая. Таким образом, он начал атаку раньше других фронтов и притягивал на себя силы противника, но на просьбу об усилении, хотя бы одним корпусом, было категорически отказано...

28-го мая Алексеев сообщил, что Эверт, вследствие дурной погоды, атаковать 1-го июня не может. Переносит свой удар на 5-го июня и заверил, что больше никаких отсрочек не будет, но 5-го июня опять сообщил, что по новым данным против участка Зап. фронта собраны громадные силы и многочисленная тяжелая артиллерия. Эверт считает, что атака на подготовленном место ни в коем случае успешной быть не может и если ему прикажут, то он атакует, но при убеждении, что будет разбит. Он просит разрешения у Государя перенести пункт атаки к Барановичам, где, по его мнению, атака может иметь успех. Император разрешил... Ю.-Зап. фронт был брошен на произвол судьбы... Брусилов понимал, что одному Ю.-Зап. фронту одолеть противника невозможно и просил доложить Государю, чтобы Эверту был дан приказ атаковать теперь же на подготовленном участке для привлечения на себя хоть часть войск противника. На это получил ответ, что Эверту дан срок атаковать у Барановичей не позже 20-го июня.

Алексеев отлично понимал положение дел и приступность действий Эверта и Куропаткина, но как бывший их подчиненный старался прикрыть их бездействие и, скрипя сердце, соглашался с их представлениями. Будь другой Верховный Главнокомандующий, Эверт был бы немедленно сменен, а Куропаткин в Действующей армии никакой должности не получил бы... Во время Великой войны 1914 года Куропаткину была дана переэкзаменовка, которая окончилась конфузно... Вследствие бездействия Эверта и Куропаткина противник успел подвести многочисленные войска с французского фронта, а также с наших С.-Зап. и Зап. фронтов. Австрийцы остановили свое успешное наступление в Италии и освободившиеся войска перебросили на Ю.-Зап. фронт.

Эверт, наконец, 20 июня начал атаку, но, понеся огромные потери, отошел в исходное положение, а Куропаткин — так и не двинулся с места. Два командующие фронтами сорвали план наступления и своим бездействием дали возможность противнику собрать большие силы и остановить успешно начатое наступление. Были все основания полагать, что решительный перелом на всем нашем фронте совершится в нашу пользу и мы выйдем победителями, а конец войны ускорится. Но упущенный момент на войне больше не возвращается.

Успех на Ю.-Зап. фронте превзошел все ожидания. От 22 мая до 30-го июля было взято в плен 8.255 офицеров, 370.153 солдата, 496 орудий, множество пулеметов, бомбометов, минометов, 400 зарядных ящика, около 100 прожекторов, громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной военной добычи. Результатом этих боевых действий были: — избавление Италии от нашествия врагов, сильно уменьшился нажим на Верден, и Румыния, выйдя из нейтралитета, присоединилась к нам, но это была работа для других, а не для нас.

В 1916 году по всему миру пронеслась весть о Брусиловском наступлении. Вся Россия ликовала. Имена же Эверта и в особенности Куропаткина осуждались. Эверта, к тому же, зачислили в разряд изменников. При таком способе управления Россия выиграть войну не могла, что мы и пережили на деле, а между тем счастье было так близко и возможно. Если бы Зап. и С.-Зап. фронты нава-

лились бы всеми силами одновременно, то противники были бы смяты и конец войны был бы близок...

⁂

Ю.-Зап. фронт за 2 месяца взял в плен 3/4 состава противника, который был на всем русском фронте в начале Брусиловского наступления... Германия включила в строй третье очередное пополнение (дивизии)... Ее заводы сократили производство наполовину, благодаря недостатку металлов... В феврале 1917 г. в Ставке была полная уверенность, что готовящееся наступление будет последним и победным...

Но в Петербурге начались беспорядки, которые легко можно было подавить несколькими верными батальонами. Несмотря на повеление Государя из Ставки, Петербургские власти не только растерялись, но главный начальник Петербургского Военного Округа Хабалов не разрешил никакого участия войск в наведении порядка, предоставив это малочисленной полиции. Дело можно было легко поправить, двинув в столицу одну или две кавалерийские дивизии, стоявшие в резерве. Вместо этого, Государь остановился на выборе ген. Иванова, вручивши ему диктаторские полномочия, которые тот понял своеобразно: — служение молебнов, жалкие переговоры с разобравшими железнодорожный путь железнодорожниками и поездки с их разрешения в Царское Село...

Во всех этих событиях Ставка никакого участия не принимала. С правительством вел переговоры сам Государь, а это правительство оказалось полным ничтожеством носителей власти... Председатель правительства князь Голицын не нашел ничего лучшего, как в эти критические дни подать в отставку и фактически без повеления Верховной Власти передать управление страной самочинно образовавшемуся временнему комитету Государственной Думы...

События, приведшие Государя к решению сложить с себя власть, происходили во Пскове. Решение это было продиктовано Государю ген. Рузским... Семь кавалерийских полков, двинутых к Петербургу и находившихся в 20-ти, а от Царского Села в 15-ти верстах, были задержаны и возвращены обратно.

⁂

К концу 1916 г. Россия вполне оправилась, имела достаточное количество вооружения и снарядов и 1917 год давал надежды на успех военных действий для полной победы и скорого окончания войны... Заочное назначение Вел. Кн. Николая Николаевича на пост Верховного пришло с опозданием, когда почти все командующие армиями и даже Главнокомандующие фронтами уже подчинились временному Правительству...

Кто же виноват в катастрофе России?.. Рок висел над Россией! Виновата система, укрепившаяся в России в течение 19-го и начала 20-го века.

Своей ужасной смертью Император Николай Второй искупил свои ошибки вольные и невольные. Был ли Он виновен? И не виновны ли те, кто окружал Его и кому Он верил.

⁂

Настанет время, когда вся Россия бросится собирать осколки прошлого, как величайшие и потерянные драгоценности, а мы должны передать новому поколению правду о ВЕЛИЧИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ.

Является вопрос. Почему эти мысли нельзя произносить вслух?

Меры сокрытия истины не допускают гласности...

Из воспоминаний

Н. И. Лащинин

(Продолжение)

14-ая батарея шестидюймовых пушек Канэ

В начале июня 1917 г. адъютант Начальника артиллерии 6-го сибирского корпуса шт. кап. Мухачев сообщил мне, что вернулся из резерва капитан Абрамов, бывший офицер нашей батареи. Он пожелал вернуться снова в батарею, на что имел полное право, так как был кадровым офицером 3-й Вос.-Сиб. арт. бригады. Как старший в чине он должен был принять от меня батарею. Мухачев предложил мне, если я пожелаю, принять место командира шестидюймовой батареи пушек Канэ, стоявшей на позиции у ст. Шлок, на побережьи Рижского залива.

Я уже служил некоторое время с кап. Абрамовым и хорошо знал его очень неприятный характер, чрезвычайно нервный и раздражительный. Он не пользовался симпатией не только среди нас офицеров, но в особенности среди солдат. С другой стороны, Мухачев сообщил мне, что 6-ти дюймовой батареей Канэ командовал до сих пор кап. Новоселов, мой сослуживец по 1-му Владивостокскому крепостному артиллерийскому полку, который вынужден был уйти из батареи, так как старший офи-

цер этой батареи поручик Евсеев повел против него недостойную для офицера пропаганду, организовал солдатский комитет, при помощи которого старался дискредитировать своего командира. Пор. Евсеев, так говорили, до войны был лихачем в Петербурге. Служил в Усть-Двинской крепости и дослужился там до фельдфебеля в чине зауряд-прапорщика. Во время войны он был произведен в поручики. Очень способный и энергичный, он метил в командиры батареи, а тут на руку ему подоспела революция.

После разбора дела кап. Новоселов ушел в запас, а пор. Евсеев был переведен в какую-то другую артиллерийскую часть. Меня взяло сомнение, принимать командование распропагандированной батареи в это тяжелое революционное время, но и оставаться вместе с кап. Абрамовым мне не особенно было приятно. Я решил принять предложение Мухачева и поехал в Шлок, чтобы на месте ознакомиться с батареей. Меня встретили два прапорщика — Ганненфельд и Казанцев. Первый из них временно исполнял должность командира батареи. Его отец ген. Ганненфельд был начальником какой-то второочередной дивизии на Рижском фронте. Оба молодые прапорщики уговаривали меня принять батарею, так как пор. Евсеев больше сюда не вернется. Фельдфебель и солдаты батареи произвели на меня довольно благоприятное впечатление и я сообщил Мухачеву о моем согласии командовать этой батареей...

Вернувшись на старую позицию, я встретил там прибывшего кап. Абрамова... Я приказал выстроить батарею на позиции и просил Абрамова принять боевой ее состав... Когда мы вернулись к себе в блиндаж, кап. Абрамов предложил мне остаться в должности командира, а он будет старшим офицером. Я решительно отказался, так как у нас в артиллерии строго соблюдался принцип старшинства и я не мог нарушить этот веками освященный обычай... После обеда я сдал кап. Абрамову всю отчетность и денежные суммы, но мне пришлось еще несколько раз по его просьбе вести стрельбу по неприятельским позициям. Так как на следующее утро я уезжал из батареи, то приказал моему денщику Марьину поставить мою походную кровать на другое место, так как над моей кроватью висела огромная двухверстка с нанесенными на ней расположениями наших и неприятельских позиций и указанием номеров целей уже пристрелянных. Часто ночью меня будили командиры полков пехоты, когда им было необходимо обстрелять какую-либо позицию противника.

Так как наша мортирная батарея обслуживала расположение не только дивизии, но иногда расположение целого корпуса, то я каждому из командиров полков приготовлял схему его позиции с указанием номеров целей, чем они часто злоупотребляли. Теперь у этой карты была поставлена кровать кап. Абрамова.

Я всегда спал весьма крепким сном и никаких общих телефонных вызовов не слышал, но зато немедленно брал трубку, когда раздавался лишь мой вызов. Поэтому часто по ночам, по просьбе пехоты, я при помощи карманного фонаря, глядя на карту, вел огонь по неприятельским позициям и сразу после окончания стрельбы снова крепко засыпал.

В ночь перед отъездом, передав командование кап. Абрамову, я «выключил» мой слух к общим телефонным вызовам, но автоматически слышал вызовы из пехотных позиций. Новый командир категорически отказывался от поддержки пехоты, утверждая, что для этого существует легкая артиллерия...

Когда я вышел на позицию батареи для прощания с боевым составом, то фельдфебель еще раз передал мне просьбу всей батареи остаться ею командовать, причем они были возмущены отказом кап. Абрамова ночью поддержать нашу пехоту...

Я поблагодарил всех чинов батареи за их прекрасную службу России и напомнил им, чтобы и впредь при новом командире они продолжали быть такими же хорошими дисциплинированными солдатами, как и подобает русским воинам. Достав откуда-то стул, они просили меня сесть на него, чтобы покачать на прощание. Начали качать меня сначала осторожно, но потом стул полетел куда-то в сторону и десятки рук рослых сибиряков стали бросать меня все выше и выше, так что у меня даже дух занялся... Осторожно поставив меня на ноги, фельдфебель просил меня расцеловаться с ним на прощание от лица всей батареи. При этом он прослезился и у меня тоже тяжело стало на душе при прощании с людьми, с которыми я всю войну делил все тяготы; я чувствовал, что вряд ли я найду батарею подобную этой...

В Шлоке меня уже ждали прапорщики Ганненфельд и Казанцев и мы пошли к приготовленной для меня даче, расположенной на западной окраине поселка у самого берегового шоссе, в двухстах шагах от батареи и столько же от жел. дор. станции...

Батарея состояла из двух орудий, но ствол одного был настолько расстрелян, что был отослан на орудийный завод для его замены. Фактически я стал командиром только одного орудия. Состав батареи, сформированный в Усть-Двинской крепости был неплохой, но среди фейерверкеров было несколько уже сильно затронутых революционным духом...

Так как дальность орудия была около 13 верст, то для точной пристрелки при помощи аэростата я избрал Каунгермский мост, который являлся продолжением береговой дороги и на большом протяжении проходил по насыпи, частью через озеро, а частью по болоту. Он являлся очень важным путем сообщения по берегу моря и в случае боя я мог запереть здесь продвижение подкрепления противника. Кроме того, имея точное положение батареи, мог, пользуясь только картой, обстреливать расположение противника по фронту около 20-ти верст...

Так как на самом фронте было затишье, то боевой работы было немного... Изредка я уезжал в

Ригу, заходил в Штаб нашего корпуса к шт. кап. Мухачеву, с которым я был знаком еще до окончания Михайловского Артиллерийского училища, так как вместе проходили курс крепостной артиллерии в крепости Осовец незадолго до нашего производства в офицеры...

Но вскоре на фронте стало весьма неспокойно, а в тылу уже был полный развал. Приходившие на пополнение солдаты были совсем недисциплинированы и во многих полках, в особенности второочередных, стали происходить беспорядки и отказ выходить на позицию. Немцы нас нисколько не беспокоили, надеясь, что углубление революции поможет им больше, чем сила оружия... Солдатский комитет 12-й армии уже не мог больше справляться с распропагандированной массой солдат и дисциплина пала невероятно...

19-го августа немцами было занято предмостное укрепление Икскюль и противнику удалось форсировать в этом месте Двину. Уже стало ясно, что с такими войсками нам не удержать вынесенного вперед рижского плацдарма, но и падение самой Риги неизбежно. Мухачев из Штаба предупредил меня об этом по телефону и я просил его прислать мне несколько платформ для орудий и батарейного имущества, а также не менее двух крытых вагонов для людского и конного состава батареи...

Около трех часов ночи 18 августа мой Марьин разбудил меня сообщив, что проходит через Шлок пехота и артиллерия и что они говорят об общем отступлении армии с рижского плацдарма. Я немедленно телефонировал в Штаб корпуса Мухачеву и он предложил мне сразу выслать одного из фейерверкеров для получения материала для взрыва орудий, что я и исполнил. Сам же немедленно направился на батарею. Переходя через жел. дор. пути, я заметил несколько платформ, нагруженных досками и приказал фельдфебелю немедленно сбросить доски с двух платформ и подкатить каждую из них к орудиям.

При свете фонарей были установлены домкраты. Весь наличный состав батареи спешно стал разбирать части и укладывать их на платформы. Работа кипела вовсю и ствол орудия был погружен на платформы. Теперь оставалась еще более трудная работа — снимать и отвинчивать громоздкие орудийные станки. Во время этих работ я заметил, что единственный паровоз, находившийся на станции, после некоторых маневров был прицеплен к большому поездному составу и возможно скоро отсюда смоется.

Я взял с собой двух вооруженных винтовками солдат и направился на станцию, заявив коменданту станции, что этот паровоз отсюда не уйдет раньше, чем платформы с нашим военным снаряжением не будут прицеплены к составу поезда. На паровоз посадил двух солдат с приказанием арестовать машиниста, если он немедленно не подъедет к батарее за нашими платформами.

Возвращаясь на батарею, я встретил роту солдат на шоссе, отходивших с позиции. Я обратился к командиру этой роты с вопросом, есть ли какие-нибудь наши части в стороне противника, на что получил ответ, что остались лишь цепи разведчиков, а его рота состоит в арьергарде. Так как для спешной работы для снятия батареи не хватало рабочих рук, то я попросил командира роты предоставить мне в помощь хотя бы часть своих солдат. Он не только согласился на это, но и сам со своей ротой под контролем моих фейерверкеров стал руководить их работой. Огромными стальными ключами, где на каждый ключ необходимо было усилие нескольких здоровых человек, его солдаты помогли снять и погрузить на платформы оба орудийных станка, все патроны и даже пустые гильзы. Оставались лишь стальные плиты, привинченные к бетонному основанию.

Так как у меня имелись запасные плиты на позиции где-то у ст. Валк, то я уже подумывал бросить эти плиты ввиду опасности положения, но командир роты просил меня не оставлять ничего немцам и таковые скоро были также сняты и погружены на платформы.

Мы произвели эту работу, я думаю, в рекордное время, не более 15 минут. Люди работали как звери. Уже несколько раз комендант станции заявлял, что дальше ждать невозможно, так как противник уже на носу и уже невдалеке слышна перестрелка. Я уже хотел вскочить на платформу и дать приказ машинисту подвести нас к поездному составу, как один из фейерверкеров заявил мне, что осталась еще коляска, а лошадей нет. При помощи той же пехоты коляска очутилась рядом с орудием.

Я поблагодарил командира роты и всех его солдат за их помощь. Но тут подъехал посланный мною за детонаторами для взрыва орудий; теперь они уже были ненужны, но в будущем, кто знает, могут пригодиться, я приказал положить их бережно в кузов коляски. Скоро мы были прицеплены к поезду и двинулись к Риге...

С нами по пути к Риге не случилось никаких происшествий. На ст. Главной меня ждал мой грузовик, на котором я решил заехать в Штаб корпуса за дальнейшими распоряжениями. Штаба я уже не застал, «смотался» заблаговременно, и я, не заезжая к себе на квартиру, где у меня осталось несколько чемоданов с бельем и книгами, хотел вернуться к эшелону. Немцы уже с утра обстреливали город... Они двигались большими силами по правому берегу Двины, чтобы занявши Ригу зашить в мешок наши части на рижском плацдарме. Я не смог ехать на станцию Главная, ибо немцы по Московскому шоссе уже входили в город. Я поехал по направлению к станции Царский Сад, где по сведениям было много военных эшелонов.

Действительно, тут я застал мой эшелон и усталый повалился спать, приказав разбудить меня немедленно, если к тому появится какая-либо необходимость. Как только я заснул, меня разбудили и сообщили, что у нас стащили паровоз. Я немедленно обратился с жалобой к коменданту станции. Он сказал мне, что свободного локомотива в его

распоряжении сейчас нет, но скоро должны прибыть паровозы из Риги. Зная, что предместья Риги уже заняты противником и что мой паровоз украден только что, я приказал моим солдатам найти его...

Вскоре мои солдаты нашли наш локомотив, прицепленный к поезду с мебелью железнодорожников и готовый уже к отходу. Я подошел к машинисту паровоза и приказал ему немедленно маневрировать к моему эшелону. Какие-то железнодорожники стали упрашивать меня оставить им локомотив и что скоро придет другой. — «Ну так вы со своим скарбом можете и подождать его» — ответил я и поставил двух вооруженных солдат к машинисту на паровоз, назначив им смену на следующей станции.

Поставив локомотив к нашему составу, мы не задерживаясь двинулись вперед... На одной из последующих станций уже не оказалось коменданта и отсутствовала телеграфная связь, так как злоумышленники недалеко от станции оборвали все провода. Узнав, что предыдущий поезд прошел здесь около четверти часа тому назад, я уже собирался отдать приказание машинисту двигаться вперед, как к станции подошел эшелон Железнодорожного батальона. Командир его просил меня пропустить их вперед, так как при отсутствии связи может оказаться злоумышленное повреждение пути и даже мостов, а в этом случае он в состоянии произвести все возможное для исправления пути. Мне пришлось согласиться с его доводами, но с условием немедленно восстановить связь, а я выеду за ним следом через четверть часа. Пока они соединяли провода, к нам подошел еще один эшелон с имуществом авиапарка и командир его тоже обратился ко мне с просьбой пропустить его вперед, так как его ждут в Валке с материалом для оборудования там воздушной базы. Я решительно отказал ему, заявив, что у меня в Валке уже имеются готовые позиции для установки там батареи, но что он может следовать за мной, держа расстояние не менее версты, имея на паровозе одного опытного офицера. Для всех эшелонов был установлен средний ход и только на прямых мог быть увеличен не более 30-ти верст в час.

⁂

Не доезжая до станции Зегевольд, по шоссе, шедшему справа от железнодорожного пути, двигалась бесконечная колонна отступавших обозов. Вдруг появился немецкий самолет, снизился над шоссе и открыл огонь из пулемета, выпустив одну ленту. Поднялась невообразимая паника. Я приказал остановить поезд, чтобы в случае обстрела люди могли спрятаться под платформами. Немец, пролетев над нами, повернул обратно на шоссе и выпустил вторую ленту... Мы с поезда открыли по аэроплану ружейный огонь, и я приказал приготовить пулемет, но немец улетел и мы двинулись дальше. Но тут сзади нагоняет нас другой самолет с нашими опознавательными знаками. Немцы часто пользовались этими знаками, чтобы безнаказанно обстреливать наше расположение пулеметным огнем и бросать в нас бомбы. Поэтому я снова приказал остановить поезд, чтобы дать людям возможность спрятаться под платформами. Снизившийся самолет, двигавшийся слева от жел. дор. пути, перелетел через нас направо, но зацепившись за телеграфную проволоку, падает в 200-х шагах от нас на поле, зарывшись мотором в землю. Я бегом бросился к аэроплану. Подбегая, вытащил наган, так как часто немецкие летчики отстреливались, для того чтобы успеть поджечь аппарат, а также и все документы. Добежал я к нему первым и уже издали увидел летчика, голова которого беспомощно повисла на руле. С подбежавшими за мной солдатами мы приподняли его голову, но она повисла, так как шейные позвонки были перебиты. Совсем еще мальчик, одетый в кожаную куртку с меховым воротником, он теперь не нуждался больше в нашей помощи. В это время подошел к нашему эшелону авиапарк и я просил пригласить его командира, чтобы принять тело летчика, как и самый аэроплан. Подбежавшие офицеры авиапарка опознали летчика, который, несмотря на свою молодость, уже был опытным летчиком, сбившим несколько немецких самолетов. Тело летчика они перенесли в свой эшелон. С аппарата был снят мотор и самые ценные части, а самый аэроплан был сожжен. Наскоро был составлен акт о происшествии, в который я просил занести все документы, найденные при летчике, а также и все деньги и ценные вещи. Подписав этот акт, я ушел к своему эшелону и мы двинулись вперед. На первом же разъезде я пропустил авиапарк раньше моего.

⁂

На станции Валк меня ждал приказ идти в город Лугу и там ждать дальнейших распоряжений. Здесь в Валке мне удалось получить крытые вагоны для солдат, а самому с офицерами устроиться в вагоне третьего класса. Наша запасная позиция в Валке оказалась ненужной. Тяжелое раздумье овладело мною, общее уныние и печальная картина нашего отступления не сулили каких-либо надежд на лучшее будущее, а однообразное постукивание колес на стыках рельсов наводили на меня невообразимую тоску.

(Продолжение следует)

Операция 1-го армейского корпуса ген. Артамонова в августе 1914 г.

Г. А. Артамонов

(Продолжение)

21-го августа *) вечером 1-й армейский корпус ген. Артамонова находился южнее границы — на юг от Сольдау... 22 августа в 19 часов 30 мин. первый немецкий город Сольдау был занят частями 1-го арм. корпуса. На правом его фланге оставалось пустое пространство между ним и 15-ым корпусом ген. Мартоса, в которое была направлена 2-я дивизия 23-го корпуса, будучи в то время около Млавы, т .е. в тылу 1-го корпуса. 22-ое августа можно считать днем окончательного подхода 2-й русской и 8-й немецкой армий к полю сражения.

Русская 3-я гвард. дивизия ген. Сирелиуса высадилась в Цеханове 25 августа и только Л.-гв. Литовский и Л.-гв. Кексгольмский ее полки смогли принять участие в боях.

В 19 ч. 22 августа Мольтке и Людендорф решили, что их 8-ая армия может удержаться в Пруссии только в том случае, если рискнет дать сражение армии Самсонова. Имея в виду численный перевес русских сил, необходимо было собрать все имевшиеся в Пруссии немецкие силы... Из Кобленца Людендорф попросил Мольтке дать приказ, чтобы 1-й нем. арм. корпус ген. Франсуа, перебрасываемый по жел. дороге из-под Гумбинена, выгружался в Бишофевердер и Дейч-Эйлау. Чтобы крепости на Висле — Торн, Кульм, Грауденц и Мариенбург отправили немедленно все имеющиеся еще у них силы в Страсбург (Укермарк) и Лаутенбург. Все эти силы сосредоточивались таким образом против русского 1-го арм. корпуса ген. Артамонова, находившегося на левом фланге армии ген. Самсонова.

23-го августа первому корпусу приказано оставаться в Сольдау. Еще ночью в штабе 2-й армии были получены сведения, что крупные немецкие силы сосредоточиваются в районе Гильгенбурга. Самсонов считает, поэтому, что армия не может наступать прямо на север, как требует Главнокомандующий Сев.-Зап. фронтом ген. Жилинский, так как такое наступление обнажит ее левый фланг и следует переменить направление на северо-запад.

Офицер Штаба полк. Вялов возражает Самсонову и поддерживает требования Жилинского, который настаивает на том, что ген. Ренненкампф разбил немецкую армию, что она в полном отступлении и что ее надо отрезать от Вислы. По мнению Вялова части 1-го арм. корпуса, которые проходили обучение вместе с полками гвардии в Петербурге, очень верные, а Сольдау по донесению штаба ген. Артамонова занято значительными русскими силами. Вялов считает, что левое крыло 2-й армии хорошо обеспечено и это лишний аргумент за продвижение на север, как того требует ген. Жилинский.

Но ни Самсонов, ни Вялов не подозревают, что на стороне противника против русского 1-го корпуса Артамонова собираются самые лучшие ударные силы немцев под командованием ген. Франсуа. Они не отдают себе отчета в том, что немцы вовсе не разбиты, а отступают только для того, чтобы снова броситься вперед. Вся цель немецких сил была задержать продвижение русских боями и отступлением так, чтобы протянуть до 26 августа, когда 1-й немецкий корпус будет переброшен и готов к бою против корпуса ген. Артамонова на левом крыле 2-й русской армии.

23 августа к 20-му немецкому корпусу уже подошла 3-я резервная дивизия, подходила бригада ген. Мюльмана и начали подходить главные эшелоны 1-го герм. арм. корпуса; над левым флангом 2-й русской армии заносился могучий кулак противника. К этому нужно добавить, что 23 августа днем в корпусе ген. Артамонова было известно, что летчик видел у Гильгенбурга два бивака, по дивизии каждый. «Поведение штаба 2-й армии можно объяснить только тем, что, находясь в хаотическом состоянии, он не смеет верить своим собственным сведениям и предпочитает оценивать обстановку глазами строгого начальства», пишет ген. Головин.

23 августа началась перевозка частей 3-й гвардейской пехотной дивизии (23-ий корп.) из Гродно в Млаву. О том, что происходило в этот день в Сольдау приведем выдержки из воспоминаний. Офицер 1-го авиационного корпусного отряда пишет: «Когда дивизии прошли через город Сольдау и штаб корпуса расположился в самом городе, нам было приказано перелететь (из Новогеоргиевска) на довольно большое поле к северу от Сольдау и вот мы в Германии. В доме, отведенном нашему отряду, мы нашли полный комплект очень подробных карт немецкого генерального штаба прошлогодних маневров в этом районе, удивительно схожих с теперешней обстановкой и положением воюющих сторон».

23 августа офицер 1-го саперного батальона, входившего в состав 1-го армейского корпуса, в своих воспоминаниях пишет: ...ранним утром колонны вновь вытянулись на шоссе и тронулись в путь... Я шел с полуротой в авангарде на случай, если по дороге попадутся разрушенные мосты. Не успели мы вытянуться из деревни, как там вспыхнул стог сена, затем дальше загорелось еще что-то и так движение наших колонн обозначалось двумя рядами дымов. Поджигали немцы, где-то прятавшиеся, но ни одного из них поймать не удалось. Впереди нас рассыпались дозоры, освещавшие мест-

*) Все даты по новому стилю.

ность, противника нигде не было видно. Молодой поручик, начальник пулеметной команды, ехавший рядом со мной, жаловался: — «Разве это война, это какие-то маневры, вот увидите, что через три недели мы будем торжественно входить в Берлин, а там и войне конец... Нет, напрасно немцы полезли против нас, нездобровать им...» Я не разделял его радужных мечтаний, но не хотелось его разочаровывать и я молчал. К полудню сделали большой привал и я получил приказание возвращаться обратно в Сольдау. Обидно было уходить назад, казалось, что самое интересное разыграется без меня, но раздумывать не приходилось... К вечеру вернулся в Сольдау. Получил приказание исправить мост через речку того же наименования за восточной окраиной города... В штабе корпуса царила обычная в таких случаях суета, пробегали офицеры и ординарцы, но тревоги не было видно, казалось, что все благополучно и идет так, как этого ожидало начальство...

В этот день на немецкой стороне происходило следующее: в 3 ч. утра специальный поезд с ген. Людендорфом остановился в Ганновере. На перроне был встречен ген. Гинденбургом, который сел в поезд... в 14 часов поезд прибыл в Мариенбург. В 19 ч. приехал в Мариенбург ген. Франсуа... Он доложил, что погрузка его корпуса залеживается, так как жел. дор. пути запружены беженцами... Прибытие боевых сил могло быть закончено только 25 августа.

24 августа. Согласно директиве ген. Самсонова, от 23 августа, 1-ый арм. корпус должен был, «оставаясь в районе города Сольдау, обеспечить операцию со стороны Дейч-Эйлау». Так как 1-й корпус, согласно указанию Ставки, должен оставаться в районе Сольдау, а центральные корпуса 2-й армии продвигались на север или северо-запад, Самсонов принужден был заполнить образовавшую пустоту между 1-ым и 15-ым корпусами 2-й дивизией 23-го корпуса.

Еще вечером 23 августа части русской кавалерии, 6-й и 15-й кав. див. под командой ген.-лейт. Любомирова, заняли местечко Горзно, (в 12 верстах на Ю.-Зап. от Лаутенбурга), т. е. на левом фланге 1-го корпуса. Этим кав. дивизиям, согласно приказу Самсонова, была дана задача на 24-ое августа «выдвинувшись к дер. Локен, действовать в направлении на фронт Гейльсберг-Цинтен, отрезывая пути отступления противника к Висле...» Такова была уверенность Ставки, что Ренненкампф разбил немцев и что они отступают за Вислу, эвакуируя Восточную Пруссию.

Во исполнение этих приказов произошли следующие продвижения: 1-й корпус ген. Артамонова продвинулся до Уздау, вошел в соприкосновение с силами противника южнее Гильгенбурга и окопался на занятой позиции. 6-я и 15-я кав. дивизии в своем продвижении наткнулись на линии Гильгенбург - Лаутенберг на крупные силы немцев и не смогли продвинуться дальше. В течение дня ген. Артамонов и ген. Любомиров доносили Самсонову, что они находятся в соприкосновении с, по-видимому, значительными силами противника.

Под влиянием этих сведений Самсонов хочет повернуть фронт своей армии на запад. По этому поводу далеко за полночь ведутся переговоры с Жилинским, который на это не соглашается. Ввиду уже приближающегося рассвета, штаб 2-й армии передает спешно приказ на 25 августа своим корпусам по радио и **не шифрованным** *).

О 1-м армейском корпусе в докладе Правительственной комиссии ген.-адъют. Пантелеева, назначенной в 1914 году, для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии, об этих днях сообщается:

«... Так как, согласно распоряжению Главнокомандующего армиями фронта, ген. Самсонов мог располагать 1-ым корпусом только в районе Сольдау, то корпусу приказано было 23 августа оставаться в Сольдау. Между тем, в этот самый день 15-й корпус, наступавший правее 1-го корпуса, столкнулся с противником на линии Орлау - Франкенау, и ген. Мартос обратился к 1-му корпусу за содействием.

Ген. Артамонов на следующий день (24-го августа) двинулся вперед вдоль шоссе Сольдау - Гильгенбург, но по пути к Уздау получил телеграмму Штаба армии, в которой ему предписывалось на 24-е августа оставаться у Сольдау для обеспечения левого фланга армии. Вследствие этого корпус остановился в районе между Сольдау и Уздау, на фронте Уздау, Мейшлиц, Б. Кошлау, Гралау.

Вечером 25 августа было получено приказание на 26-е число оставаться в том же районе для обеспечения левого фланга и тыла продолжавшей свое наступление 2-й армии.

Разведкой к этому времени было установлено со стороны Лаутенбурга наступление противника, а со стороны Гильгенбурга — сосредоточение германских войск в районе Гросс Грибен, Геезелихт. Получив эти сведения, ген. Артамонов принял решение выполнить свою задачу активно, встретить наступление германцев наступлением же и при на-

*) Полк. Аргейроль в своей книге о Танненберге пишет: Если бы Жилинский одобрил решение Самсонова! Если бы 2-я армия к 25 авг. утром сконцентрировалась на фронте в 50 клм. между Алленштейном и Уздау, чтобы немедленно перейти к атаке, с ее левым флангом наступающим в районе на запад от Гильгенбурга, с ее двумя центральными корпусами на Гардинен и Мюлен, а XIII находясь на ее правом фланге наступал бы на Гогенштейн и Рейхенау сопровождаемый VI корпусом на север от Гогенштейна, который бы эшелонировал позади наступающего правого фланга для его прикрытия и поддержки — это означало бы, что четыре немецкие дивизии, которые в этот момент могли быть противопоставлены русским силам, были бы раздавлены. Корпус ген. Франсуа, большая часть которого была еще на железнодорожных путях, была бы захвачена врасплох прежде чем могла бы собраться. Что касается 1-го нем. резервного и 17-го корпусов, которые спешили с севера, то они находились еще в трех переходах от поля битвы. Даже если бы Ренненкампф не решил их преследовать, они не имели бы возможности интервенировать в нужное время и могли быть разбиты отдельно.

ступлении противника с обоих направлений атаковать неприятельскую колонну, наиболее угрожавшую тылу армии, о чем и донес командующему 2-й армией телеграммой от 25 августа (11 часов 25 мин. вечера). На донесение это была получена из Штаба армии телеграмма от 26 августа за номером 6360, посланная в 6 часов 45 мин. утра, следующего содержания: «Корпуса 13-й, 15-й и 2-я пех. дивизия сегодня, 26-го, продолжают наступление на фронт Остероде, Алленштейн, согласно последнему директивному распоряжению командующего армией, вам подчиняются: гвардейская дивизия, 9-й саперный батальон, тяжелый арт. дивизион, 6-я и 15-я кав. дивизии. В ваше распоряжение назначается также 1-я стрелковая бригада, головной эшелон которой уже едет железной дорогой. Ваша задача — обеспечивать тыл армии с левого фланга — должна быть выполнена во что бы то ни стало. Командующий армией убежден, что даже на много превосходящий противник не в состоянии будет сломить упорство славных войск 1-го корпуса, от действий которого зависит успех операции на Алленштейн и далее. Постовский (Начальник Штаба 2-й армии)».

На это распоряжение ген. Артамонов ответил телеграммой, в которой сообщал, что все будет исполнено и что войска благодарят своего доблестного командующего армией за доверие. Здесь необходимо отметить, что распоряжение об усилении 1-го корпуса прибывавшими к Млаве частями 23-го корпуса, о чем указывалось в приведенной выше телеграмме Штаба 2-й армии от 26 августа, последовало при следующих обстоятельствах.

Уже 25-го августа обозначилось против 1-го корпуса наступление частей 3-х германских корпусов (18-й, 1-й и бригада ген. Мюльмана). Ввиду этого, ночью с 25 на 26 августа в штаб 2-й армии отправился для доклада о положении дел состоявший для связи при штабе корпуса ген. штаба капитан Шевченко. Утром 26 августа кап. Шевченко доложил об обстановке 1-го корпуса сначала начальнику штаба армии, а затем и командующему армией. Ген. Самсонов, выслушав этот доклад, сперва высказал решение задержать наступление 13-го и 15-го корпусов, а затем приказал позвать к нему чинов оперативного отделения штаба армии и когда пришли ген. Филимонов (ген.-квартирмейстер), полк. Вялов и подполк. Андогский, ген. Самсонов сам изложил им положение 1-го корпуса и спросил их мнения — не следует ли задержать наступление 13-го и 15-го корпусов.

Первым высказался полк. Вялов; по его мнению, упомянутые корпуса должны были продолжать исполнение поставленной им задачи — наступать на север; для того же, чтобы сделать 1-й корпус более устойчивым, ему следовало, по мнению полк. Вялова, придать в помощь все прибывающие в Млаву части, т. е.: 3-ю гвардейскую пехотную дивизию, 1-ю стрелковую бригаду и тяжелый арт. дивизион. К этому мнению присоединились и прочие чины штаба.

Ген. Самсонов вполне согласился с высказанным чинами его штаба мнением и приказал капитану Шевченко передать ген. Артамонову, что на усиление 1-го корпуса поступают свежие части, прибывающие в Млаву, и что корпус должен удерживаться у Сольдау во что бы то ни стало.

Таким образом корпус, против которого обозначились части 3-х неприятельских корпусов, усиливался лишь половиной 23-го корпуса, имевшего в сущности, свою самостоятельную задачу. Такое усиление 1-го корпуса по сравнению с силами неприятеля едва ли могло иметь сколько-нибудь решающее значение, тем более, что части 23-го корпуса прибывали к Млаве не сразу, а разновременно и вводились в бой пачками (показание ген. Орановского).

Между тем на корпус, как указывалось и в телеграмме штаба 2-й армии, возлагалась весьма серьезная задача, от выполнения которой зависел успех всей армии.

Как показали дальнейшие события, возложенная на 1-й корпус задача — обеспечивать тыл и левый фланг армии — выполнена не была; корпус отступил и это роковым образом отозвалось на судьбе других частей, входивших в состав 2-й армии, продолжавших наступать даже и после отступления 1-го корпуса.

(Продолжение следует)

Ночь в Рачках

В. Е. Скальский

Поздно вечером 31-го августа 1914 г., под проливным дождем, прибыл я со своим разъездом в местечко Рачки. Я надеялся встретить там полк или части 1-ой Кав. дивизии, но кроме нескольких казаков незнакомого мне полка, никого не увидел. Мои уланы, я сам и наши кони были сильно утомлены пройденным со вчерашнего дня расстоянием, всеми переживаниями этого дня и, помимо того, сильно голодны. Поэтому, увидав корчму и светившийся в окне маленький огонек, мы все гурьбой в нее ввалились. Хозяин корчмы, уже не молодой еврей, всполошился и захлопотал. Через несколько минут большой стол был уже заставлен всякой всячиной. Нашлась и водка. Я, да и мы все, предвкушали спокойную ночь. Но судьба решила иначе...

Не успели мы и обогреться, как вошел казак и спросил начальника разъезда. На вопрос: что ему нужно... он ответил, что меня требует к себе их командир. Весьма недовольный, я все же последовал за ним; по темной улице шлепал по лужам и увязал в грязи. По дороге казак мне рассказал, что днем пришел сюда их Конный Дивизион и что командует им полковник Х. Придя к командиру дивизиона, я представился ему и спросил, чем могу ему быть полезен. Полковник расспросил меня кто я, и узнав, что я выдержал при Николаевском Кав. Училище корнетский экзамен и что с июля ожидаю узнать о своем производстве, которое наверное уже состоялось, очень этому обрадовался. Он сообщил мне, что только два дня тому назад его дивизион прибыл на фронт; что он не имеет никакой связи со штабами и понятия не имеет о том, что происходит. Где наши части?.. Где противник?..

Я ответил ему, что положение действительно довольно неопределенное, что сам я разыскиваю свой полк или иные полки дивизии, но что я могу ему сообщить, что находящийся в его тылу город Сувалки должен в данное время быть занят немецкими войсками. Полковник не хотел верить и мне пришлось рассказать ему о всем виденном нами в этот день. Убедившись, что я отнюдь не собирался подшутить, а что это горькая истина, полковник задумался и вдруг обратился ко мне с крайне неожиданным предложением:

— Послушайте, корнет... для меня вы корнет и вот о чем я вас прошу: мы только что пришли на фронт, — ни офицеры мои, ни казаки не обстреляны, боевая обстановка им непривычна. Вы же, и ваши уланы воюете уже давно и разбираетесь в обстановке. Если ночью будет завирушка, я прошу вас принять командование одной из сотен, а улан вкрапить человека по 2 или по 3 в каждую сотню.

Я был поражен таким предложением и стал, конечно, отказываться, приводя разные доводы и, прежде всего, указывая на то, что я получил задание от Начальника Дивизии и должен в кратчайший срок присоединиться к полку. Но полковник и знать ничего не хотел и под конец рассердился и заявил:

— Мы все служим Царю... Именем Его приказываю вам подчиниться мне!..

Я понятия не имел, может ли он давать приказание именем Государя Императора и потому ответил, что нахожусь в его распоряжении. Полковник смягчился и сказав, что надеется, что ночь пройдет спокойно, отпустил меня. Я вернулся в корчму. Уланы спали. Есть мне уже не хотелось и улегшись на постланное моим вестовым на лавку одеяло, я сейчас же уснул.

Сколько я проспал — не знаю, но наверно недолго. Проснулся от того, что теребил меня за рукав Решиков. На пороге стоял казак и объявил, что дивизион, по тревоге, занимает позицию и что меня и всех улан требует Командир дивизиона. Растолкали ничего не понимавших улан и полусонные они натягивали непросохшие шинели, надевали шашки и с винтовками в руках выходили наружу. Темень стояла страшная. Дождь лил не прекращаясь. Ко мне подошел казачий офицер и сказал, что мне дается 2-ая сотня. Я оставил двух улан при конях и велел им, на всякий случай, поседлать. Все мы побрели вслед за казаками. Офицер объяснил мне, что по шоссе, со стороны Сувалок, приближается колонна немецких блиндированных автомобилей и что Дивизион займет позицию на опушке селения для отражения нападения. Мне указали 2-ю сотню и с ней вместе, перейдя мост через какую-то речку, мы залегли в цепи. Где-то спереди, немного слева, слышался какой-то гул. Цепи лежали молча. Я улегся поудобнее подняв воротник шинели и стараясь спастись от холодных струек, предательски проникающих за шиворот. Понемногу я уснул... Разбужен я был частым ружейным огнем. Стреляли справа, стреляли слева. Молчала лишь моя сотня. Что происходило?.. По ком стреляли?.. Темень была все та же и лил все тот же дождь. Вдруг я услышал: «Почему 2-ая сотня не открывает огня?». Не стараясь понять, что происходит, я скомандовал: «Прямо по неприятелю... Прицел постоянный... Огонь частый... Сотня начинай...» Грохот стрельбы моей сотни прибавился к общему шуму. Так прошло несколько минут и вдруг раздались свистки, для прекращения огня. Засвистел и я. Слышались какие-то команды и подбежавший казак сообщил мне, что приказано возвращаться в Рачки, но переходя речку вброд. Почему вброд?.. Мы, конечно, промокли окончательно, но брать ночную ванну я считал излишним и потому крикнул:

— Уланы ко мне!

Через минуту мы пересчитались — шесть улан, я седьмой. Все были налицо. Пошли искать мост и нашли. Впереди слышался шум от шлепающих в грязи сотен казаков. Дошли до корчмы. Никто нас не разыскивал и постепенно наставала тишина. Вдали был все еще слышен, даже усиливавшийся, грохот. Прошла группа казаков и на наш вопрос ответила, что приказано расходиться по квартирам. Через 10 минут мы спали, как убитые.

Чуть свет, мы были на ногах. Наскоро выпили чаю и сели на коней. Я хотел возможно скорее покинуть Рачки и милых казаков. Не успели мы выехать из селения, как скачет за нами казак. Оказалось, что Командир Дивизиона хочет меня видеть. Дивизион был уже построен. Я подъехал к полковнику. С угрюмым видом он пожал мне руку и сказал: «Вы свободны. Благодарю вас и желаю счастливого пути».

Через несколько часов мы были уже у себя в эскадроне. Счастливые благополучным исходом нашей разведки и этой фантастической ночи в Рачках.

Прошло около года. Я был послан «для связи» в соседнюю часть. Явился Начальнику Штаба и тот повел меня к генералу, временно командовавшему дивизией. У генерала висел на груди орден св. Геор-

гия и было Золотое Оружие. Он пристально на меня посмотрел и сказал:

— А мы с вами, корнет, уже где-то встречались.

Мне тоже лицо его казалось знакомым. Вдруг, он взял меня за рукав, отвел в сторону к окну и сказал:

— Рачки!.. Помните Рачки?.. Мы там с вами собственные обозы расстреливали...

— Как обозы?..

— «Ну да... Это шли отступающие из Сувалок обозы разных частей, а мне доложили, что это немецкие блиндированные автомобили... К счастью стреляли неизвестно куда и никого там не поранили...»

Я пробыл два дня в штабе у милого генерала. Его там очень любили и ценили как храброго и хорошего начальника.

Наконец, в Добровольческой Армии, в 1919 году, я был старшим офицером Конвойного эскадрона командира 5-го Кавалерийского корпуса — ген. Юзефовича. В поезде штаба, мы имели свой вагон. И вот, однажды, вижу милого ген. Х. Он приехал в штаб по делам службы и пробыл несколько дней, поместившись в моем купэ. Видя меня, он спрашивал:

— А как же Рачки?.. — и раскатывался веселым смехом.

Воспоминания военно-морского врача

Я. И. Кефели

От редакции. Новые рукописи многолетнего нашего талантливого сотрудника Якова Иосифовича Кефели, после его кончины, любезно переданы редакции его сыном Сергеем Яковлевичем. Общество Ревнителей Русской Военной Старины приносит Сергею Яковлевичу свою искреннюю признательность и благодарность за разрешение печатать в «Военно-Историческом Вестнике» воспоминания его отца — военно-морского врача, действительного статского советника, доктора медицины Якова Иосифовича Кефели.

***

ФРАГМЕНТ ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К РУКОПИСИ «ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ»

...Хотя круг действующих лиц в ряде событий, оказавшихся в поле моего зрения, слуха и последующего внимания сужен (главным образом я освещаю акцию моряков), но все мы — современники — знаем, что пальму первенства в октябрьском перевороте надо отдать именно «красе и гордости революции» — флоту.

...Я начинаю свое изложение об октябрьском перевороте с характеристики первого морского министра Советской власти, командира крейсера «Диана», капитана 1-го ранга Модеста Васильевича Иванова, подготовившего тем самым и направившего первый выстрел из пушки по тому составу Временного Правительства Российской Империи, которое за несколько месяцев своей нескончаемой реконструкции потеряла всякий авторитет в стране по своей полной импотентности и не нашла ничего лучшего для себя, как укрыться под охраной кучки женщин и юнкеров в стенах Зимнего дворца, резиденции величавой династии, триста лет правившей страной и возвеличившей ее до одной шестой части земной суши, объединившей свыше 150 народов различных рас, наречий и веры в одно прочное политическое целое: на славу нам и на страх врагам!

Док. медицины **Я. И. Кефели**

Лейтенант Императорского флота Иванов 14-й

В 1902 году на Тихоокеанской эскадре лейтенант Модест Васильевич Иванов назывался 14-м и был штурманом на крейсере 2-го ранга «Забияка», когда в июне этого года я был назначен судовым врачом на этот корабль.

После окончания Императорской Военно-Медицинской Академии и моего поступления на службу во флот это был первый корабль, на котором я плавал, и первая кают-компания, в состав которой я вошел. «Забияка» была к тому времени старушкой, ей миновало за четверть века и поэтому, когда-то самый быстроходный в мире крейсер, в это время был уже яхтой Главного начальника Края — адмирала Алексеева, будущего Наместника на Дальнем Востоке.

В тесно спаянной кают-компании среди десятка офицеров первую скрипку играл лейт. Иванов 14-й, высокий стройный, светлый шатен. Его нижняя челюсть была чуть короче верхней и верхние зубы слегка торчали. Все любили его за веселый нрав, остроумие, умение острословить, за его просвещенность (он окончил Морскую Академию по гидрографии) и особенно за его простоту в обращении. Его любили офицеры и команда, при этом команда еще больше, чем офицеры. Он всегда шутил с людьми одинаково просто и с командиром судна, и с боцманом, и с вестовыми, и, благодаря его природному юмору, нельзя было удержаться от улыбки на его реплики. Но не дай Бог было задеть его грубым ответом, тогда пиши пропало! «Модест», как звали его просто все офицеры, с которыми он был на «ты», заест своими остротами и насмешками.

В кают-компании

Модеста побаивались в кают-компании старший офицер крейсера, лейтенант «на окладе» Шелтинга и инженер-механик (из технологов) Лобач-Жученко.

Шелтинга обрюзгший неряшливый человек, председатель кают-компании, всегда ходил в засаленном кителе, ел чмокая, обладал огромным бабьим животом, когда говорил брызгал слюной. Но этого мало, был к тому же грубоват. Когда он переходил границу обычно терпимого и нападал на кого-нибудь из офицеров, за обиженного вступался Модест и своими остротами и насмешливыми замечаниями доводил «Шлепу» (так за глаза называли Шелтингу офицеры) прямо до слез.

Шлепа во время войны, несмотря на свой бабий вид, оказался героем и получил орден Св. Георгия за бой под Киндзоу, командуя канонерской лодкой «Бобр».

Лобача Модест не взлюбил за то, что тот кичился своим Технологическим Институтом, имел уйму детей и был к тому же мало приветлив.

С лейтенантом же Ивановым 15-ым, умницей на редкость, лингвистом и тоже остряком, имевшим чистый профиль адм. Нахимова, с лейтенантом Орнатовым, милейшим и добрым человеком из университетских студентов, но почти алкоголиком, и со мной Модест был в самых лучших отношениях.

Мичмана Рыжова, маленького резонера, Модест покровительственно не называл иначе как «Чижик». Про мичмана же Браше, честного и ограниченного немца, имевшего массу иностранных орденов за усмирение боксерского восстания, Модест пустил в ход двустишие: «Кто на Забияке всех краше? Конечно, — мичман Браше!» Орнатов и Браше были убиты во время Японской войны.

На войне

Во время Русско-японской войны Модест был помощником командира порта, адмирала Григоровича, и занимался главным образом тралением мин, которыми каждую ночь загаживали рейд японцы. Работа была крайне опасной и требовала большого штурманского умения, чтобы на карты точно нанести протраленное пространство воды и точно выбрать для траления те места рейда, которые считались опасными. Все это опытный штурман — академик Модест делал успешно с ежедневным большим риском взлететь на воздух. Он получил за это золотое оружие.

Для характеристики экспансивного нрава Модеста приведу два случая.

С клеткой попугая

Во время войны у Модеста вышло какое-то недоразумение с начальником Округа подполковником Вершининым, человеком очень уравновешенным и почтенным. Подвыпивший Модест неожиданно со своими собутыльниками поехал на квартиру Вершинина, в исходе спора произвел дебош и избил «военного губернатора» клеткой с попугаем, принадлежавшей самому Вершинину. Дело это было замято, хотя все Артурцы о нем знают и до сих пор при встречах вспоминают о нем.

С горящей лампой

Как-то все мы компанией отправились в ночной кафе-шантан, помещавшийся на втором этаже какого-то деревянного дома. Модест подвыпил вместе с венгерками и, взявши со стола большую горящую керосиновую лампу, стал замахиваться ею, выражая желание бросить ее в публику.

Только мне, совсем и никогда не пившему, удалось выманить лампу из его рук. Мы сгорели бы все от этой лампы в переполненном кабаре 2-го этажа деревянного барака с деревянной лестницей, как сгорели потом десятки миллионов в среде населения Российской Империи от всероссийского пожара, официально и громогласно на всю столицу «зажженного» выстрелом из орудия крейсера «Аврора» и флотилии мелких судов, подготовленных Ивановым 14-ым, моим другом.

В политике

Для характеристики Модеста Васильевича Иванова, как одного из самых важных сотрудников В. Ульянова (Ленина) в период октябрьского переворота, необходимо подчеркнуть его прежнюю аполитичность и нелицеприятную до того верность императорской власти.

В течение свыше 10-и лет нашего знакомства и совместной службы во флоте, лейтенант Иванов 14-ый, как огромное большинство офицеров флота того времени, не занимался политикой и не интересовался ею. Не только в кают-компании, но и в разговорах между офицерами с глазу на глаз темой собеседования не бывала политика, особенно желательность или нежелательность монархической власти в стране.

Это не значит, что все распоряжения, идущие от правительства, слепо принимались как истина, идущая с небес, как это делается теперь в советском Союзе. Нет, одно считали удачным, другое вредным. К министрам относились иногда и резко осудительно, но о необходимости насильственного изменения государственного строя не говорили никогда, даже между собой и после революции 1905 года. Вспомните лейтенанта Шмидта. Восстание на «Очакове» не было направлено против императорской власти. Это не была трусость, как-то автоматически в военной среде верили, что императорская власть — вопрос noli me tangere. О, как это оправдалось!

Насколько я знал Модеста Васильевича, он относился к верховной власти так же, как все прочие офицеры флота. Здесь расскажу для иллюстрации об одном случае, которому был свидетелем еще в 1903 году, до войны с Японией; ниже — о другом,

более ярком и убедительном, относящемся к 1915 году, уже в период великой войны, почти накануне страшной русской революции, начавшейся в феврале 1917 г. и еще не окончившейся сейчас.

В обществе Великого Князя

Как-то, плавая уже на броненосце «Пересвет», я зашел в Артурское морское собрание и встретил там моего друга по плаванию на «Забияке». Мы стали играть с Модестом на бильярде. Я совершенно не имел способностей по части бильярда, Модест же был артистом. Иногда он клал в лузу подряд 5-6 шаров. С ним равно мог играть только маркер морского собрания китаец Чифу (так его прозвали русские), маленький, сухой, с худым бледным лицом, на котором кожа была натянута прямо на кости, так он был худолиц. Несмотря на это, с раннего утра до поздней ночи Чифу не покидал своей службы. Китайцы трудолюбивы и выносливы в труде до крайности.

Я получил от Модеста вперед половину пирамиды и все время «пуделял».

Когда мы играли, вдруг в бильярдную входит Великий Князь Кирилл Владимирович со своим адъютантом лейтенантом Кубе. Оба в форме гвардейского экипажа и в белых кителях. Кирилл Владимирович высокого, но умеренно высокого роста, лет 26-27, по типу лица, по профилю и осанке очень напоминал Императора Николая I-го. Точеный нос и все черты лица правильны, как на греческих статуях у богов Олимпа. Красивый и юный матовый цвет лица. Я никогда не видел больше такого красавца мужчины.

Кубе — его адъютант, хотя много уступал Великому Князю, но не портил общего с ним ансамбля. Когда они вошли, офицеры, сидевшие по стенам и наблюдавшие художественную игру Модеста Васильевича, привстали, а мы (я и Модест) опустили кии на землю и повернулись лицом к Великому Князю. Он ответил общим поклоном и просил продолжать.

Мы возобновили игру. Модест, по своему обыкновению, каждый шар, отправляемый им в лузу, сопровождал шуткой и остротой. Он был не только остер на язык, но и умница! Искусство Модеста, клавшего шар за шаром, видимо заинтересовало Великого Князя. Модест деловито с шутками заходил то за один борт, то за другой бильярда, выбирая очередную жертву — шар для лузы и изгибался своим высоким станом, чтобы добраться до поражаемого — «от двух бортов в середину». Я же стоял беспомощный с опущенным кием в ожидании своей очереди.

«Подожди, отдохни, придет и твой черед», бросал Модест мне в утешение. «Смотри внимательно, так люди учатся», ободрял меня мой друг под общие улыбки.

Когда Модест деловито ходил вокруг бильярда, ко мне, стоявшему уныло с кием, подходит лейтенант Кубе и говорит, что Его Высочество хотел бы присоединиться к нашей игре. Я ответил, что я новичок в этом деле; не пожелает ли Его Высочество играть вместо меня с моим искусным партнером? «Нет, нет, возразил Кубе, Его Высочество желает играть вместе». Мы начали втроем.

Я уже не помню ни техники, ни правил этой игры, ибо после Порт-Артура никогда больше к бильярду не подходил. Уже после двух-трех моих ударов ясно было, что «пеший конному не товарищ». Я сел у стенки и стал, как и другие, только любоваться и Модестом-игроком, и Великим Князем-красавцем.

Игра Модеста с Великим Князем продолжалась довольно долго при напряженном внимании всех присутствовавших офицеров. Иванов 14-ый и в обществе Великого Князя был таким же, как и со всеми другими: шутил, острил, не выходя из рамок своей обычной деликатности.

После Артура

Для характеристики Модеста Иванова, как человека, офицера-моряка и политика за период после русско-японской войны до начала великой, начавшейся в 1914 г., приведу несколько наблюдений его соплавателя и его подчиненного, сначала кадета Морского корпуса, а потом лейтенанта флота, ныне же доктора истории Колумбийского университета Д. Н. Федотова-Вайт *).

1. — «В 1907 году он (М. Иванов) был старшим офицером «Рынды». Модест знал все командные парусные слова и, имея громкий низкий голос, производил впечатление своим якобы парусным опытом. Но когда он попытался управляться под парусами при входе в Гельсингфорс через Густавсвери, то все кончилось скандалом и чуть не гибелью всех нас (кадет), посланных крепить паруса. Мачты чуть не сломались при полном ходе машины назад, в то время как судно все еще шло под парусами».

2. — «В 1913 году он (Модест Иванов) был уже командиром все той же «Рынды». Меня поражало, как пассивно он относился к вооружению. Во время перехода даже шхерами, он почти никогда не выходил на мостик. Все его вмешательства в план обучения учеников, строевых унтер-офицеров, носили дилетантский характер. Он до крайности ленивый и неисправный офицер».

3. — «Меня поразило его подыгрывание к команде. Модест все время находил предлоги показать, что он их друг и защитник. На «Рынде» же в постоянном составе команды были активные революционеры. За время прохода фарватером мимо Биоркэ внезапно обнаружилось, что корабль не слушается руля. Оказалось, что тросовые руль-тали были начисто перерезаны каким-то острым предметом. Модест никакого расследования по этому делу не назначил. Мое впечатление тогда было, что Модест не революционер, но перестраховывается у матросов на всякий случай».

*) Из письма д-ра истории Федотова-Вайт на имя адмирала Б. П. Дудорова.

В Великую войну

Не лучшего мнения д-р истории Федотов-Вайт о военной находчивости и инициативе Модеста Иванова, который во время войны, уже капитаном первого ранга, командовал крейсером первого ранга «Диана».

«Мы с «Войсковым» в Рижском заливе эскортировали его «Диану» на «Страшном». Нас атаковали немецкие аэропланы, впервые воспользовавшиеся торпедами с уровня воды. «Диана» пришла в полную панику и стреляла так хаотично, что ранила двух человек на «Войсковом». В результате, обозлившись, Старк, командир эскадренного миноносца «Войсковой», дал открытое радио: — Прошу прекратить беспорядочный огонь!»

Сравнительная характеристика

Я привел эту характеристику Модеста Иванова потому, что:

1. Г-н Федотов-Вайт является доктором истории, следовательно лицо квалифицированное в этом отношении. Он лично знал Иванова, дважды служил под его началом в мирное время, был в служебном контакте с ним во время войны и, как мне пишет адмирал Б. П. Дудоров, г-н Федотов специально изучал, уже как историк, революционное движение во флоте.

2. Огромное большинство морских офицеров в эмиграции, с которыми мне пришлось говорить о Модесте, приблизительно такого же мнения о нем, как офицере.

Но были и исключения, например, кап. 2 ранга Пилипенко, его бывший старший офицер на «Диане», так же, как и я, близко с ним соприкасавшийся в жизни и на службе, не так суров к нему, как к офицеру, и, наоборот, столь же, как и я, уважал в нем сердечного и мягкого человека, обвороживавшего собой команду.

Поэтому, путем более тщательного разбора собранных мною данных о моем покойном друге, я попробую дать сравнительный анализ его характеристик. Моя цель: показать, какая из черт его характера сделала его до известной степени человеком истории. Хотя мнение г-на Федотова-Вайт несколько расходится с моими впечатлениями о Модесте Васильевиче, как о человеке, офицере и политическом активисте, но эта разница в степени наших мнений объясняется отчасти сроками наблюдения. Я знал Модеста и был в близком с ним контакте, когда нам обоим, сверстникам, далеко не было еще и 30 лет, а д-р Федотов знал Иванова в годы более зрелые и в иной обстановке — Tempora mutantur, et nos mutamur in illis!

Однако в одном отношении наши мнения вполне сближаются: Модест не был революционером, он стал на революционную ногу после «февраля».

Государь Император отрекся в пользу своего брата. Великий князь Михаил Александрович передал свои права Государственной Думе. Последняя же, как учреждение всенародное, сочла без самозащиты возможным упразднить себя фактически, сосредоточив власть опять в единодержавии князя Львова. На каком основании, в ослушание народного представительства, кн. Львов, живой и здоровый, смел передать Российскую Империю в самодержавие Керенскому, объяснить нет возможности.

В делах «февраля» Модест никакой даже самой маленькой роли не играл, будучи в отпуске у своей семьи. Вопросы об измене долгу и присяге могли ставиться, конечно, только в феврале (а кто в этом не грешен?), но никак не позже: не в июле и не в октябре, когда верховная власть над тысячелетним государством и трехсотлетней монархической Империей с 170-ью миллионами разноплеменного населения в разгар мировой войны «пошла по рукам».

Где же рядовому, среднему гражданину и офицеру, не искушенному в политических доктринах и ересях, решить точно, какой капрал на своей палке несет миру радость и счастье? — Керенский или Ленин? Вы скажете, может быть, как и я сказал бы тогда: — ни Керенский, ни Ленин! А кто же? Где взять третьего? После пожара, что вздыхать о прошлом. Оно невозвратно! Не надо было грубо валить старого. Выбирайте теперь одного из двух наличных!

Но один, — Керенский, — явно уже провалился, а другой — Ленин, еще что-то обещает. Модест пошел за Лениным.

Мы эмигранты выбрали третье решение: ни Керенского, ни Ленина, но для этого пришлось покинуть навсегда родную землю на неизвестное будущее. Мало кому и это удалось. Не удалось и Модесту Иванову бежать в Париж.

Что касается «звериного карьеризма», надо помнить, что всякий солдат носит маршальский жезл в своем ранце, но не всякому удается вытащить его оттуда. Не удалось это миллионам активистов и пассивистов «великой бескровной», не удалось и Модесту по скромности его дарований для этого и неугодности его судьбе.

Теперь последнее: — подхалимаж к команде. В период с 1905 года до 1917 трудно было решить, какого характера было отношение Модеста к команде. Я согласен, что случай с перерезкой рулевых тросов на «Рынде» был опасным попустительством к тяжелому преступлению.

Что же касается мягкости и добросердечия в обращении с матросами и обратных чувств матросов к Модесту, то эта взаимность добрых отношений офицера и команды была отличительной чертой лейтенанта Иванова 14-го и в 1902 году на «Забияке», когда никакой надобности в подобном «подыгрывании» и «перестраховке» не было на русском флоте. Я тому очевидец и свидетель.

Иванов 14-й или Ленин?

Прошло 15 лет после моего плавания на «Забияке» с Модестом Васильевичем. Октябрь 1917

года. К этому времени лейтенант Иванов 14-ый перестал быть и лейтенантом, и 14-ым, а стал капитаном 1-го ранга под другим номером (7-мым). Нежданно-негаданно он становится ближайшим помощником Ленина! Ученые историки скажут: помилуйте, Иванов, да еще 14-ый, откуда он взялся?

А что же Троцкий, Сталин и прочие «великие и гениальные»? И вдруг какой-то и никому неведомый и всеми забытый Иванов, со столь простой фамилией, без псевдонима и с таким длинным номером?

В жизни, мой читатель, кто первый палку взял, тот и капрал! — Да-с!

Не войди «Аврора» с группой миноносцев и тральщиков в Неву, не стань она у самого Николаевского моста, а миноносцы и тральщики — даже у Дворцового, около самого Зимнего дворца, не сосредоточь этой эскадры и не направляй ее действиями (как бы они ничтожны ни были), новоиспеченный у большевиков «спец» Модест Иванов; не стреляй «Аврора» и миноносцы, ее сопровождавшие из пушек Канэ крупного калибра, когда в городе все затихает, эффект атаки красной гвардии, неорганизованной и незначительной, не был бы так успешен.

Стрельба из пушек Канэ, особенно 75 миллиметрового калибра (наших трехдюймовок. Ред.), которыми были вооружены «Аврора» и миноносцы, сопровождается резким, рвущим воздух шумом, и очень трудно переносится человеческим ухом.

Ночью, когда затихает обычный городской шум, стрельба из этих пушек среди высоких зданий столицы, обрамляющих оба берега Невы, произвела еще более сильный эффект, благодаря частому, многократному и сильному эху.

Я до сих пор явственно помню эту неожиданную для меня раскатистую пальбу поздним вечером 25-го октября 1917 года. Акустический эффект был более активен в событиях этой ночи, чем их боевое значение. Он мог очень напугать осажденных министров и ускорить их капитуляцию.

Возможно, что без «Авроры» с флотилией и их высшего офицерского направления октябрьский переворот и не вышел бы?! *).

А кто играл первую скрипку в этом высшем возглавлении морской силы, нового претендента на Всероссийский престол? — Иванов 14-ый, первый морской министр нового самодержца.

— «Во как!» как любил выражаться сам Модест Иванов-Четырнадцатый.

(Продолжение следует)

*) Мне говорят: — Или не был бы октябрьским! — Возможно, отвечаю я, но октябрьский переворот мог оказаться и не «социалистическим», как он был объявлен Лениным.

Из воспоминаний

Г. Н. Есаулов

(Фрагменты из хроники военной семьи)

Родился я 3-го октября 1903 года в северной части России в местечке Кречевицы Новгородской губернии. Мои родители в то время жили в этом военном городке, который был стоянкой Гвардейского Запасного Кавалерийского полка. В нем мой отец был в чине ротмистра и командовал эскадроном. Дед мой, Михаил Егорович Есаулов, был генералом в отставке, проживал в южной части России в Каменец-Подольской губернии и вел хозяйство у себя в имении. Умер он от последствий солнечного удара, полученного летом во время полевых работ. Местечко Кречевицкие Казармы было расположено на берегу реки Волхов. Это была глубокая провинция и находилась далеко от населенных пунктов. В зимнее время, когда река замерзала, единственная возможность куда-нибудь добраться, это была узкоколейная железная дорога. Маленький полустанок, находившийся в 15 верстах от Кречевиц, был единственным населенным пунктом, где поезд останавливался, чтобы подобрать пассажиров до станции Чудово Николаевской железной дороги.

Весной, после ледохода, приплывал буксирный пароход со специальной баржей, оборудованной под пристань, которую укрепляли на берегу и тогда спускали на берег сходни или мостки. Большие пассажирские пароходы причаливали к пристани и ходили по реке вверх и вниз, давая возможность пассажирам быстро и удобно наслаждаться природой, общаться с другими населенными пунктами. На таком пароходе можно было доехать до станции Волхово, соединяющей Петербург с Москвой. Кречевицкие Казармы были построены во времена Аракчеева и местные жители так их и называли — Аракчеевские Казармы. Все здания были построены из красного кирпича с зелеными железными крышами. В центре был большой четырехугольный плац. На этом плацу новобранцев обучали строю и гимнастике, а эскадроны выезжали молодых лошадей. Вокруг плаца шла аллея, обсаженная тенистыми деревьями, по которой мы часто гуляли под надзором гувернантки. Весь плац кругом был огорожен забором, который задерживал вырвавшихся лошадей, а затем, также вокруг плаца, была вымощена дорога или, как ее называли, «улица». С внешней стороны улицы вокруг были расположены казармы для солдат, манеж, церковь, флигеля для

офицеров, дом командира полка, пожарная башня, где находилась гауптвахта для арестованных, караульное помещение, казначейский ящик с полковыми деньгами. Перед башней на специальных мостках всегда стоял часовой в полном снаряжении — с винтовкой за спиной и обнаженной шашкой на плечо, которую он во время проходящих мимо него офицеров брал на караул. Наш дом находился на одном из углов поселка, рядом с башней. Мы занимали квартиру на первом этаже и имели в своем распоряжении довольно большой сад, черный двор с конюшней, где стоял наш экипаж с лошадью, а наверху жил кучер. В каждом офицерском флигеле, где жили семейные офицеры, было по четыре квартиры. Дома были двухэтажные. В полуподвальных помещениях были службы, кухни, прачечные и кладовые для каждой квартиры. Напротив нашего дома, в углу аллеи, была беседка, где по праздникам полковой хор трубачей давал концерты. Все местечко тогда оживало и выходило на прогулку по аллее. Это была, конечно, самая большая сенсация для местных жителей в глухой провинции того времени...

Полк получал молодых лошадей и подготовлял их для гвардейской кавалерии. Полк имел 10 эскадронов по числу кавалерийских полков Гвардии.

В то время, когда мне было около четырех лет и у меня осталась в памяти жизнь в Кречевицах, командиром полка был генерал-майор Рындин. Генерал сам любил прогуливаться по аллее. Он любил детей и, встречая меня на прогулке, всегда заговаривал со мной по-французски. Генерал знал, что мама училась в Швейцарии и что гувернантка-француженка разговарывала с нами по-французски. Ему, видно, нравилось как я, говоря по-французски, картавил. В раннем детстве я не выговаривал буквы «л» говорил вместо лампа — «рампа». Генерал великодушно приглашал нас зайти к нему в дом, где около парадной двери стоял часовой с ружьем за спиной и шашкой на плечо. При появлении генерала, часовой лихо брал шашку на караул. Генерал был крупный, представительный мужчина, всегда хорошо одетый с тщательно расчесанной бородой в бакенбарды. Мы шли с ним прямо в столовую, где стоял буфет со множеством разных сладостей и других вкусных вещей. Угощая нас, он, видимо, сам наслаждался, глядя на нас, как мы их поедали.

Моя мама окончила в России Одесский Институт для благородных девиц, после чего, для усовершенствования в знании иностранных языков, была некоторое время в Швейцарии, где училась в колледже в городе Лозанна. Мама решила учить меня иностранным языкам с детства, и я с самого начала моего учения, кроме русского, изучал и французский язык.

В раннем детстве у меня была русская няня Анастасия; она никак не могла выговорить моего имени Жорж и называла меня «паныч Егорка». Георгием назвали меня в честь моего деда, Георгия Михаиловича Везери, отца моей матери.

Помню, что как-то раз генерал хотел научить меня различать правую и левую сторону — посадил меня на колени и стал показывать, где правая сторона и где левая. Я видно был не особенно способным учеником, но вдруг, взявши ручонками генеральские бакенбарды, сказал: вот это левая, а это правая. Генерал, по-видиммоу, был этим очень шокирован и сразу опустил меня на пол. Потом мама и папа, узнав от гувернантки об этом случае, всегда смеялись, когда об этом вспоминали, как я взял генерала за бороду...

Позади офицерских флигелей находились конюшни эскадронов, различные склады, кузницы и другие службы. Каждый эскадрон имел другую масть лошадей в зависимости от того, какому полку Гвардейской кавалерии готовил лошадей. Папин эскадрон ездил на серых лошадях в яблоках. Эти лошади предназначались для Лейб-Гусар.

Мой отец, Николай Михайлович Есаулов, учился во Владимирском Киевском Кадетском Корпусе, после чего закончил Николаевское Кавалерийское Училище портупей-юнкером и вышел, будучи произведенным в корнеты в 1890 году, в Лейб-Гвардии Кирасирский Ея Величества полк со стоянкой в Гатчине. Еще в конце 19-го столетия отец был откомандирован в Гвардейский Запасный Кавалерийский полк.

Мать моя, Юлия Георгиевна, родилась 7-го ноября 1876 года в Борисоглебске на юге России. Родители моей матери были обрусевшие: дед, Георгий Михайлович Везери, происходил из греков, а бабушка, Эмилия Ивановна, урожденная Томазини, итальянского происхождения, родилась в России. Дед приехал в Россию в молодости, по профессии был коммерсантом, разбогатевшим уже в России. Сперва он занимался вывозом зерна за границу — это было в то время, когда Россия кормила хлебом всю Европу. Я его помню еще с четырехлетнего возраста; он был в то время директором Лионского Кредита в Одессе. Умер он в Одессе в 1910 году когда мне было семь лет. Он выстроил в Одессе при жизни большой, прекрасный и доходный трехэтажный дом на углу Херсонской улицы и улицы Петра Великого, как раз напротив Новороссийского университета. Наша вся семья — папа, мама и мы, три брата, каждый год, обыкновенно в августе, когда папа получал отпуск, ездили в Одессу, чтобы повидаться с родителями мамы и ее родственниками и останавливались в доме у Везери. У мамы были две родные сестры и одна приемная дочь Везери, Тина..

Когда папа в 1905 году получил годовой отпуск, мы сперва поехали в Каменец-Подольск, а потом в Одессу. Мама мне рассказывала, что когда мы ехали, наш поезд был задержан на станции Вильно из-за беспорядков, творившихся во время первой революции. Мы просидели в поезде тогда около недели и мама очень волновалась и переживала за нашу судьбу, так как мы находились среди бушующих масс.

В начале 1910 года мой старший брат Кока стал готовиться к вступительному экзамену в Кадетский

Корпус. В том году зима была очень снежная. На большом плацу солдаты деревянными лопатами расчищали снег, так как каждому эскадрону нужно было приготовить себе манеж для выездки лошадей. Между площадками образовывались высокие горы снега, на верхушках которых были натыканы срубленные в лесу елки. Площадки же были покрыты соломой, чтобы лошадям было легче бегать. Зимой, если была хорошая погода, гуляя по аллее, было очень интересно наблюдать, как солдаты ездили верхом — лошади быстро скакали, а наездники проворно и лихо выделывали различные фигуры манежной езды. На Рождество мы все трое получили от папы в подарок настоящие лыжи. Этот вид спорта был в то время очень популярен в полку. Многие офицеры и солдаты участвовали в состязаниях, делая длинные пробеги. Весной папа подарил нам по жеребенку...

Но вот уже настало время брату держать экзамен в Корпус, и в мае папа с Кокой поехали в Петербург. Экзамен Кока выдержал и был принят в Петербургский Кадетский Корпус Императора Александра Второго. В этом корпусе тогда уже учился мой двоюродный брат Миша Беляев.

(Продолжение следует)

Разведки, летние наступления и Кубанский десант Русской армии ген. Врангеля

Посвящено павшим и воевавшим в боях за Россию, которым не помогли и они не победили

Составил **Л. О. Бек Софиев**

Использовано: Воспоминания ген. **барона Врангеля**; статьи и записки Ген. шт. **ген. П. Н. Шатилова**; письма **К. Бури, В. Григорович** *), **Б. Патковского** *); дневник **П. Гюльцгофа** **) и «А. В. Кривошеин», **К. А. Кривошеина** (Париж 1973).

Предисловие составителя

Редакция «В.-И. Вестника» получила несколько писем от сотрудников и читателей нашего журнала, в которых они просят подробно оживить в их памяти летние наступления и последнюю десантную операцию Отряда Русской армии из Крыма на Кубань в августе 1920 года. Мы находим, что эти подробности необходимы и для отечественного молодого поколения, у которого под влиянием лживой советской пропаганды происходит «дрессированность» их воли для полного индифферентизма к познанию правды, а в связи с этим непрерывное утекание и выворачивание истинной истории России; особенно периода Гражданской войны 1917-1920 и последующих за ней с 1921 г. антибольшевистских повстанческих восстаний в стране. Эти события в советской исторической литературе извращены, полуправдивые сообщения перепутаны и выворочены, или вовсе вырезаны, участники и свидетели уничтожены, архивы и документы сожжены.

***

Среди крупных успехов, одержанных десантными высадками на берегах Азовского и Черного морей как Добровольческой армией ген. Деникина, так и Русской армией ***) ген. Врангеля, а таких десантов было не менее 25-ти, Кубанский десантный поход во главе с ген. Улагаем у наших корреспондентов вызывает некоторые вопросы, как, например, цели десанта, его подготовки и формирования и, наконец, причины стратегической его неудачи. (Некоторые считают, что десант имел тактический успех в отношении пополнения его состава при возвращении в Крым казаками-повстанцами и пленными красноармейцами, но этот «успех» потребовал больших потерь среди кадрового твердо убежденного состава десантного отряда. Ред.).

Как известно, все тактические и стратегические операции Русской армии короткого Крымского периода были связаны с основой патриотической, разумной государственной политикой ген. Врангеля: временно отказаться от похода на Москву, чтобы «отсидеться», «отстояться» в Крыму с хлебной тер-

*) Участники десанта: В. Григорович и Б. Патковский: окончив в 1916 г. Нижегородский гр. Аракчеева кадетский корпус, первый поступил в Константиновское Артиллерийское Училище, вышел в 4 мортирный арт. дивизион на Румынском фронте; в Отряде ген. Дроздовского зачислен в Конно-горную батарею, впоследствии в 3-ю Терскую; в Кубанском десанте ранен под Ново-Николаевской. Второй поступил в Виленское Военное Училище, вышел в 7-й Конный полк Сибирского казачьего войска (см. снимок «Картины прошлого»); в Кубанском десанте состоял в личном конвое ген. Улагая.

**) П. Гюльцгоф, рожд. 1900. С первого курса Харьковского Технологического Института поступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию в январе 1919 г. в Конно-горную батарею ген. Дроздовского; в Кубанском десанте в Конно-артиллерийской батарее.

***) «Добровольческая армия вооруженных Сил Юга России» была переименована в «Русскую армию» регулярного типа приказом ген. Врангеля от 28 апреля 1920 г.

риторией Северной Таврии и антибольшевистскими Кубанью, Доном и Северным Кавказом, с сохранением Южно-Русской государственности, но при обязательной материальной и дипломатической помощи со стороны Союзников.

Кривошеин считал, что «самый благоприятный вариант этой политики проходил через длительный перерыв военных действий на основе status quo, формального или фактического перемирия с советской властью без прямых переговоров, но при посредничестве Союзников». Перемирие должно было быть между равными, а не между победителями и побежденными. Это перемирие, при материальной и военной поддержке Русской армии всеми Союзниками, могло продолжаться до наступления на территории РСФСР внутреннего экономического и политического кризиса советского режима. Как, например, вызванного советской властью голода на Волге из-за государственного «хлебокрадства» продотрядами семенного запаса у волжских крестьян, анархии в промышленности и массовых восстаний в стране. Это перемирие было бы временным наличием «двух Россий» с передышкой для Русской армии до своевременно нового ее наступления совместно с многочисленным повстанческим движением на всей территории России в 1921 году.

Но план военной «передышки» мог быть осуществим только при большой помощи со стороны Союзников в течение не менее года, «а таковой не было, даже со стороны Франции» (К. А. Кривошеин, стр. 310).

Но кроме этого плана, предвидя отказ Союзников и Польши в необходимой помощи, у ген. Врангеля был проект хорошо организовать эвакуацию своей армии из Крыма, что и было с честью и организованно им выполнено.

⁂

Идя на встречу запросам для выяснения положения Русской армии ген. Врангеля в Крыму и подробных обстоятельств Кубанского десанта, редакция «В.-И. Вестника» списалась с несколькими участниками этой операции, которые в своих письмах и дневниках рассказывают свои личные переживания этого похода, его наступления, боев и возвращения в Крым.

В отношении литературно-документального наследия о Крымском периоде Русской армии ген. Врангеля и Кубанском десанте этой, хоть и не увенчавшейся ожидаемым успехом операции, с большими потерями десантного личного состава, главным образом юношей-юнкеров, геройски выполнявших свой воинский долг во имя России, редакция «В.-И. Вестника» использовала не советские источники о Гражданской войне 1917-1920 гг., а исключительно эмигрантские данные, которые правдиво и справедливо анализируют цель и организацию Кубанского десанта, ошибки высшего командования и неуспех этого стратегического плана. Редакция считает это тем более необходимым из следующих соображений.

⁂

До сороковых годов советские историки, особенно «школы» М. Н. Покровского (1868-1932), грубейше извращали, социологизировали и модернизировали исторические реальные факты и события из тысячелетней жизни России, определяя ее историю как «политику, опрокинутую в прошлое». Они выдавали вероятное или ими желаемое за действительное, а приблизительное за точное.

Теперь, в отношении к Средним векам и к Новому времени истории России, советские историки, мемуаристы и писатели стали придерживаться, хоть еще и неполной правды в своих писаниях, но во всяком случае уже какой-то полуправды, которая у них все же остается часто «порождением лжи».

Однако к последнему периоду Нового времени, (Новейшей истории) не говоря уже о периоде XX-го века, это извращение правды у советских литераторов продолжается. Большое искажение действительности относится к предреволюционному и революционному времени и, конечно, к периоду Гражданской войны. Эти периоды антинаучно схематизируются и вульгаризируются, игнорируя конкретный архивный материал. Все это делается для современного массового «среднего» читателя, молодого тамошнего поколения и их потомков, зная, что очевидцев там осталось мало, своих правдивых воспоминаний они не смогли оставить, а поэтому можно точные эпизоды и события легко превращать из исторических фактов в сказочные легенды. Иногда это бывает и из-за невнимательного отношения к историческим событиям исследователей или недостаточного их специального образования для точного анализа литературного и документального материала как своего, так и иностранного.

⁂

Одной из таких легенд является «штурм» Зимнего дворца и залп с крейсера «Аврора», якобы открывший огонь боевыми снарядами по Зимнему дворцу поздно вечером 25 октября 1917 года. Эта легенда быстро распространилась по всей стране и просуществовала более полувека. Н. Подвойский (1880-1948), руководивший захватом Зимнего дворца, в статье «Взятие Зимнего» («Известия» 5. XI. 1927) сообщал, что перестрелка у Дворца продолжалась до того времени, пока «Аврора» не послала во Дворец шестидюймового снаряда, разорвавшегося в коридоре Дворца и внесшего крайнее смущение и расстройство в толпу и его защитников... Когда же смолкли дикие завывания и грохот трехдюймовок и шестидюймовок с Петропавловской крепости... раздался крик «ура». Но многим уже тогда было известно, что с «Авроры» был произведен только один холостой выстрел, видимо, для устра-

шения министров Временного правительства, находившихся во Дворце.

Не менее фантастическое описание «штурма» Зимнего дворца, залпа «Авроры» и 25-ти военных судов, стоявших на Неве, дает советский писатель Е. С. Юнга в своей книге «Моряки». По его дислокации выходит, что большевистских войск для захвата Дворца в городе было сосредоточено не менее 30-ти тысяч человек. Известно, что Зимний дворец охраняли один женский батальон и караульный наряд юнкеров. Как сообщает тот же Юнга, казаки ушли с Дворцовой площади еще вечером.

Не меньшая ложь писалась и о победах новой Красной армии весной 1918 года над немцами. Эти «победы» упоминаются в истории ВКП(б), в многочисленных статьях, брошюрах и военных приказах. В истории ВКП(б) написано: «Германское правительство (10. 2. 1918 г. — Ред.), прервало перемирие и перешло в наступление. Остатки нашей старой армии не устояли против напора немецких войск и стали разбегаться... Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооруженного до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор... День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной армии». Это очередная советская легенда *). 23 февраля 1918 г. под Нарвой и Псковом вообще никаких боев не происходило. Немцев спокойно ждали в Порхове, Старой Руссе и даже в Новгороде.

Действительно, в начале февраля велись бои на Северном фронте с неблагоприятным для армии исходом. 26 февраля 1918 г. советские газеты сообщили, что вечером 24 февраля немцы взяли Псков, что «Псков был занят небольшими силами немцев, город удалось бы отстоять, если бы было оказано сопротивление».

Выборы и назначение нового Главнокомандующего Добровольческой армии

Генерал Деникин, борясь во время керенщины против выборного начала, сам прибегает к этому методу, чтобы самому не назначить себе заместителем генерала Врангеля. В «Очерках Русской Смуты» генерал Деникин пишет, что он предвидел, что два начальника, ген. Покровский и ген. Слащев, не только метили его заместить, но готовы были силой занять его пост. Тогда он предложил ген. Кутепову стать его преемником и только после отказа Кутепова ген. Деникин 18 марта (ст. ст.) 1920 г. дал распоряжение о собрании в Севастополе Военного совета под председательством ген. Драгомирова для выбора нового Главнокомандующего. Ген. Кутепов был блестящий боевой начальник, но не способный успешно лавировать среди сложных международных условий обстановки.

20 марта в Константинополе ген. Врангель получил приглашение прибыть в Севастополь на совещание высших начальников, с ним в Севастополь поехал и ген. Шатилов. Переговорив с ген. Драгомировым, ген. Врангель выяснил, что совещание, собранное по указанию ген. Деникина для избрания ему заместителя, оказалось состоящим из большого числа офицеров, частично состоящими не только средними начальниками, но и просто строевыми офицерами, не являвшимися потому квалифицированными для принятия столь серьезного решения. Состоявшееся накануне собрание, ведшееся в совершенно неорганизованном виде, смогло принять только одно решение: назначение преемника ген. Деникина должно быть произведено самим Главнокомандующим, а не выборами, что противоречило воинскому духу. Вместе с тем, со стороны Добровольческих офицеров раздавались голоса — кроме Деникина никакого другого Главнокомандующего они не желают. На эти выкрики ген. Драгомиров указал, что решение ген. Деникина — сложить с себя Главное Командование — является окончательным. Но выкрики за Деникина продолжались. Ген. Врангель указал ген. Драгомирову, что, по его мнению, ген. Деникин не может в такой тягчайшей обстановке оставить свою армию, на что ген. Драгомиров сообщил Врангелю, что рассчитывать на изменение решения Главнокомандующего совершенно невозможно.

В заключение своих переговоров с ген. Драгомировым, Врангель высказал ему, что обсуждение вопроса о заместительстве должно происходить в ограниченном составе не ниже командиров корпусов и лиц, пользующихся по положению равной властью. Состоявшееся второе собрание Совета происходило в таком именно составе.

Собравшиеся вновь подтвердили свою точку зрения, что о выборном начале не должно быть и речи. Ген. Врангель заявил: Если на одного из собравшихся выпадет тяжкий крест заместительства, то ему надлежит знать, что от него ожидают те, во главе которых он окажется. В конце концов присутствующие на собрании единогласно указали на ген. Врангеля, как на возможного заместителя ген. Деникина.

В это время ген. Драгомиров был вызван по телефону ген. Деникиным и, поставив его в известность о принятом Советом решении, он получил из Феодосии по телефону текст приказа о назначении ген. Врангеля Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

Положение Добровольческой армии в Крыму в начале 1920 г.

В начале года положение на фронте Добровольческой армии ген. Деникина становилось очень тяжелым. Войска отступали на Новороссийский плацдарм. Средства для эвакуации через Новороссийский порт подготовлены не были. Результатом этого явилась гибель целых войсковых соединений.

*) Почти через полвека легенде о дне рождения Красной армии советский «Военно-исторический журнал» № 5, 1964 г., дает иное толкование. Ред.

Сама эвакуация происходила без всякого плана в трагических и кошмарных условиях.

П. Гюльцгоф в своем дневнике описывает февральско-мартовский отход по Кубани: «...По нашей же дороге отступало три кавалерийских корпуса, поэтому мы шли рядом по 5-6 повозок в ряд, и когда начались переправы или гати через многочисленные мелкие речушки, то вся колонна останавливалась и ждала своей очереди. Днем и ночью, не имея ни минуты отдыха (за три недели прошли 470 верст), по пояс в грязи, тащились мы среди поломанных и застрявших в грязи повозок и пушек с лошадьми. Двигались мы на юго-запад, не зная даже конечного пункта нашего драпа... Благодаря потери связи с дивизией, мы случайно прошли слишком далеко (в Тимашевскую) и впоследствии пришлось возвращаться обратно к Батуринской, чтобы потом отступать опять. На переправах в Н. Корсуньской, Дядьковской и Медведовской мы днем задерживали противника, а ночью опять холод, грязь, уставшие люди и лошади, и переходы по 15-20 верст. Затем часть из нас была послана для защиты переправ через Кубань от зеленых... Только благодаря Марковским саперам, в два дня наведшим понтонный мост, наша дивизия смогла переправиться. В Троицкой выяснилось, что мы отступаем на Новороссийск, чтобы грузиться на пароходы. 6 марта на станции Крымской к нам присоединились офицеры бывшей 4-й, 7-й и 17-й запасной батарей, многие с лошадьми, пополнившими ту убыль, которая произошла вследствие массового дезертирства. Безуспешно дав большевикам бой у ст. Раевской, наша дивизия отошла к самому Новороссийску. Пришлось бросить пушки, лошадей и даже седла... Без воды, без еды, усталые и с разбитыми нервами мы на «Аюдаге» поплыли в Крым».

Половина отступающей армии стала отходить по Черноморскому побережью к Таупсе. Положение их было катастрофическим. Большинство их старших начальников оказалось в Крыму. Между Туапсе и Сочи сосредоточилось до 60.000 казаков с присоединившимися к ним беженцами. Части утратили всякую боеспособность и бросили не только орудия, но и часть винтовок. Последний кубанский атамана ген. Букретов требовал переговоров с большевиками о сдаче и, не дождавшись приведения в исполнения этого решения, выехал в Крым.

Почти все добровольческие части прибыли в Крым деморализованными, без обозов, пулеметов и артиллерии. Некоторые части вышли из повиновения начальников. Конница была без лошадей. Флот не имел ни угля, ни масла, машины не имели горючего.

Ко времени назначения ген. Врангеля Главнокомандующим Добровольческой армией Вооруженных Сил Юга России (22 марта/4 апреля 1920) на Крымском фронте было сравнительно благополучно. Части ген. Слащева, несмотря на свою малочисленность, успешно сдерживали красных войти в Крым.

Когда многим начальникам стало известно об английском ультиматуме о прекращении борьбы с красными (18-22 марта 1920 г.), некоторые из них не представляли себе, как выйти из создавшегося положения. Лишенные почти всей материальной части, со сниженной моралью, переброшенные части не представляли какой бы то ни было серьезной силы. Эвакуация была невозможна за полным отсутствием топлива для судов, да и район эвакуации совершенно не был ясен.

Раз англичане отказывались от дальнейших поставок, то на снабжение войск материальной частью рассчитывать не приходилось. Никто не представлял себе, что может предпринять новое Главное Командование. На это пессимистическое настроение дал ответ ген. Врангель. Он указал, что не может Армии обещать победы, но что он не склонит знамени перед врагом и что если им суждено погибнуть, то он сохранит честь Русского Имени.

⁂

В Крыму не хватало хлеба, жиров, боевых запасов было совершенно не достаточно, чтобы обеспечить армию. Авиация имела совершенно негодные аппараты. Танки быстро выбывали из строя. Не хватало снарядов и метательных бомб. Здесь надо вспомнить требования ген. Деникина отнести на Ростов базирование тылов отступавшей армии из Киева и Харькова в 1919 году. Ген. Деникин не разрешал хоть часть запасов отправлять в Крым, как некоторые об этом его просили, считал уже тогда Крым последним оплотом обороняющейся армии. Все эти запасы, считая и конный состав, были брошены не только в Новороссийске, но и перед Ростовом.

22 марта/4 апреля 1920 г. ген. Врангель выпустил свой первый приказ Армии, в котором он призывал верных сынов России напречь все силы и грудью своей защитить подступы к Крыму. Оборону Крыма можно было выполнить только активными действиями, тем более, что на Крымский фронт прибыли только две советские дивизии. Ожидать крупного усиления красных не предвиделось, так как они готовились к операции против Польши.

Об этом периоде П. Гюльцгоф упоминает в своем дневнике: «... В высших сферах происходили большие события. Деникин уехал, его место занял Врангель. Везде почувствовалась его твердая рука. Исчезли грабежи и насилия. Банды оборванных приняли вид строевых частей и главное у всех появилась надежда на близкое наступление. Батарея тоже преобразилась. Начались занятия, учение и прочее».

В конце марта ген. Врангель, видя, что настроение в войсках после тяжелой Новороссийской трагедии повышается и боеспособность их восстанавливается, наметил одну операцию, которая бы создала для Крымской армии выгодное исходное положение и базу для дальнейших военных действий. Целью этой операции являлся выход из Крыма и захват района, который бы обеспечил снабжение

армии и населения Крыма продовольствием, пополнением личного состава воинских частей, увеличил бы количество вооружения и снаряжения и конной численности для кавалерийских соединений и обозов. А в связи с этим было отдано распоряжение, во вновь занятых областях производить мобилизацию людей и лошадей.

Разведывательные десанты, выход из Крыма и майское наступление

Не будем останавливатсья на многочисленных работах советских военных историков с их тенденциозным изложением действий Русской армии ген. Врангеля в последний Крымский период Гражданской войны на Юге России. Даже исключим книгу Голубева «Врангелевские десанты на Кубани. Август-сентябрь 1920 г.» (изд. 1929) и разные сборники статей о Русской армии ген. Врангеля, как и материалы Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Во всех этих объемных фолиантах больше политической пропаганды, а все высказывания и утверждения авторов тесно связаны с разновременным и частым изменением политики генеральной линии партии, чем с правдивым описанием военно-исторических событий. Вся эта советская макулатура, включая и пресловутый исторический журнал «Красный Архив», пропитана противоречием с правдивой действительностью и прошлым в расчете только на малограмотных потомков, не во имя «правды факта события», а во имя легендарных политических «подвигов века», то есть полуправдивых и лживых легенд о якобы народных чаяниях и желаниях октябрьского переворота. Все же, в качестве примера, в каждом отделе о десантах рассмотрим, как эти успешные или безрезультатные десанты освещены и интерпретированы в книге некоего советского военного литератора И. А. Короткова — «Разгром Врангеля», в книге, вышедшей несколькими изданиями. Вспомним два разведывательных десанта и майское наступление Русской армии ген. Врангеля.

Десант в Кирилловку

Первая разведывательная операция для выхода из Крыма началась 31 марта 1920 г. 2-го апреля (ст. стиля) на правом фланге Крымского фронта в тыл Красной армии у деревни Кирилловки, северо-западный берег Азовского моря, был высажен отряд в 450 штыков при одном орудии, который состоял из первого Алексеевского и Салгирского полков и сотни юнкеров Корниловского военного училища. Кирилловка и Горелое были сразу заняты десантом. Задача десанта была — дойти до Акимовки, разрушить железную дорогу между Мелитополем и Ново-Алексеевской и через Геническ вернуться в Крым. Сводно-стрелковый полк, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

Спешно подвезенные красные части — два конных полка, 3 латышских, 1 китайский, два полка, стоявшие в Геническе, несколько бронепоездов, батарей и 40 пулеметов не дали горсти добровольцев выйти из прибрежной полосы. Теснимый со всех сторон многочисленным врагом, 10 на одного, десант после кровопролитного боя вошел в город Геническ. Два малочисленных батальона Сводно-стрелкового полка сбили красные пулеметы, перешли мост и вошли в Геническ с юга.

Ввиду своей малочисленности, десант мог выяснить только обстановку и, потеряв 80 человек, отошел в Крым. Но захватив Геническ, десант дал возможность ген. Андуладзе через Чонгарскую переправу овладеть ст. Сиваш и Чонгар.

Десант в Хорлы

Трудным и опасным был десант в глубокий тыл красных Дроздовской дивизии под командованием ген. Витковского в небольшой приморский поселок Хорлы, находящийся в мелководном заливе Черного моря, в 40 верстах к западу от Перекопа.

31 марта, в день начала десанта, красные повели наступление на Перскопские позиции. Противник был разбит, и части Русской армии, охранявшие перешеек, овладели Перекопским (Татарским) валом. 1 апреля красные были усилены новой 3-ей стрелковой дивизией, но вновь были отбиты белыми, усиленными Марковской дивизией.

2 апрсля десант высадился с боем в порту Хорлы, выбил красных из порта и занял поселок. Ночью на 3 апреля красные внезапно атаковали охранение десанта и стали двигаться к порту, но в то же утро Дроздовцы разбили колонну красной конницы, взяв в плен 4 орудия с упряжкой, снарядами и частью прислуги, 12 пулеметов и около 100 пленных. В этот же день Дроздовцы взяли дер. Адамань, но были окружены с трех сторон красной конницей — с четвертой стороны было море...

День показал, что противник сосредоточивает значительные силы, оттянув часть таковых из Перекопского района. Пройдя с боями более 60 верст по красным тылам, Дроздовцы разгромили весь налаженный тыл красных, готовившихся к атаке Перекопа... Разгромив отборные красные части и пробившись к Перекопу через деревню Преображенку, Дроздовцы и сами понесли тяжелые потери — 575 раненых и убитых. Все раненые, как пишет А. Долгополов в «Вестнике Первопоходника», были вынесены, многие на руках. Все планы красного командования относительно атаки Перекопских позиций были парализованы.

Эти две первые разведывательные десантные операции были закончены 4 апреля. Армия заняла назначенное исходное положение и ген. Юзефович приступил к постройке заранее намеченных укреплений и окончанию железнодорожной ветки от Джанкоя на Юшунь.

Майское наступление

20-го мая ген. Врангель отдал приказ о наступлении. Большевики всеми своими силами должны были начать наступление на Крым в начале июня. 24-го мая, за день до выхода Русской армии за Перекоп, 2-й Крымский корпус ген. Слащева успешно высадился в районе между селами Кирилловка и Степановка, на берегу Азовского моря. 25-го мая вся Русская армия перешла в наступление. На правом фланге корпуса ген. Слащева и ген. Писарева одновременно атаковали красных, находившихся впереди Чонгарского прохода. Большевики были отброшены на север к селу Рождественское. Захвачено несколько орудий и сотни пленных. После упорных боев корпус ген. Слащева продвинулся к железной дороге, к югу от Мелитополя.

В это время корпус ген. Кутепова атаковал красных, сильно укрепившихся впереди Перекопа. В двухдневных боях было захвачено 15 орудий, несколько броневиков и сотни пленных. В этом районе 2-я Конная дивизия преследовала красных, отходивших на Владимировку. В ней они не удержались и были выбиты Дроздовцами. Большевики бежали во все стороны. Здесь было захвачено до 1.500 пленных, 5 орудий и броневики. Несмотря на такое поражение, красная конница в ночь на 27 мая атаковала селение Отрада и Ново-Михайловку, захватив в них весь штаб 2-й конной дивизии ген. Ревишина.

27-го мая ген. Слащев был уже у Мелитополя. Ген. Кутепов вышел на высоту Чаплинки. Им были захвачены батарея, пленные и подготовленные к употреблению удушливые газы. 28-го мая Слащев овладел ст. Мелитополь и укрепился в городе. В это время большевики получили новые подкрепления. Их 15-я дивизия, шедшая с Дона на Польский фронт, была повернута на поддержку Крымского фронта и подошла 28 мая в район Черной Долины в составе 4.500 штыков и 1.000 шашек. Вечером того же дня красные части, вместе с прибывшим подкреплением, атаковали корпус Кутепова, но все их атаки были отбиты.

Одновременный выход из Крыма 1-го корпуса ген. Кутепова, действия Крымского корпуса ген. Слащева в красном тылу, привели к полному разгрому 13-й советской армии. В плен попало 10.000 красноармейцев, десятки орудий, сотни пулеметов, 2 бронепоезда, все склады снаряжения и снабжения 13-й армии. Остатки армии бежали за Днепр. Северная Таврия, богатая зерном, людьми и конями, была освобождена. 29-го мая ген. Кутепов оттеснил красных на север, а 30-го мая овладел линией Днепра от устья до Каховки.

За время майского наступления потери у Русской армии были очень большие, был потерян Штаб Конной дивизии, батарея и сотни раненых и убитых. Во вновь же занятых областях была назначена мобилизация людей и лошадей.

В это время в 13-ую советскую армию вошла 40-я стрелковая дивизия. Состав армии доходил до 8-ми стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Главные силы армии были сосредоточены в районе станции Пологи, откуда красные собирались перейти в наступление.

Июньские бои и разгром корпуса Жлобы

10-го июня ген. Врангель посетил части, расположенные в районе Большой Токмак. Одновременно на Крымский фронт прибыл Сводный конный корпус Жлобы, который высаживался в Волновахе, Розовке и Цареконстантиновке. 15-го июня шесть конных полков красных повели наступление от Поповки на Верхний Токмак. Сильные атаки шли против корпуса ген. Слащева, который удерживал свои позиции.

Видя значительное усиление красных, действовавших против правого фланга, Начальник штаба Русской армии ген. Шатилов приказал Корниловской дивизии, срочно на тачанках, перейти в район сел. Орехово, а Дроздовской дивизии усилить Донцов в районе Гальбштата. Это приказание ген. Шатилова было основано на хорошо выполняемом маневрировании частей Русской армии, позволяющим действовать по внутренним операционным линиям. К этому времени на правофланговом участке фронта у ген. Слащева было только около 10.000 штыков и шашек, а у Жлобы 12.000 шашек и 25.000 штыков.

С 17 по 19 июня конница Жлобы продолжала теснить Донцов. Ген. Слащев продолжал сдерживать сильные атаки красных, а 17 июля он перешел в контратаку и разбил находившегося против него противника. На усиление Донцов ген. Слащев выслал Дроздовцев.

19 июня вечером ген. Врангель дал приказ о наступлении, которое было рассчитано на полное окружение корпуса Жлобы. Уже к полудню 20 июня противник был разбит на голову и окружен. Полная картина исключительной по своему замыслу и выполнению операции, окружение пехотой конницы и полный ее разгром, дана в «Воспоминаниях» ген. Врангеля и полк. Левитова в его книге «Корниловский ударный полк» (Париж, 1974). Ген. Врангель так заканчивает результат этой победы: «Конная группа «товарища» Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше 40 орудий, до 200 пулеметов и 2.000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3.000 коней».

В этой операции главный удар был нанесен Жлобе Корниловской дивизией, которая ген. Шатиловым была подтянута с Днепровского фронта. Чтобы завершить операцию по всему фронту, ген. Врангель приказал ген. Абрамову разбить большевиков у Бердянска, а ген. Кутепову, совместно с частями ген. Слащева, атаковать Ореховскую и Алексан-

дровскую группу красных. Это наступление было выполнено с полным успехом и 23 июня противник стал отходить по всему фронту. Тут было захвачено вновь 3.000 пленных и большие трофеи. План красного командования — очистить Северную Таврию от Русской армии — потерпел полную неудачу.

***

Что же пишет об этих удачных для Русской армии двух разведывательных десантах и летних наступательных операциях советский военный историк и литератор И. Коротков. Он считает, что разведывательные десанты являлись неудачей Русской армии ген. Врангеля, ибо Дроздовцы отошли на Перекоп, а Алексеевцы обратно на суда. Не отрицая успеха майского наступления, автор книги «Разгром Врангеля» приписывает эту победу превосходству сил у белых. Но известно, что никакого превосходства, даже по расчетам того же Короткова, у Врангеля не было. 13-я советская армия в период майских боев получила на усиление целую 15-ю стрелковую дивизию, которая считалась исключительно боеспособной.

Чтобы умалить значение успеха майской операции, имевшей целью выход из Крыма и захват района для создания базы дальнейших военных действий, И. Коротков пишет, что ген. Врангель намеревался сразу приступить к безостановочному движению на Дон и Украину и будто бы только сопротивление 13-й армии приостановило третий поход на советскую Россию ген. Врангеля и «его хозяев-империалистов». Иначе говоря, войну гражданского порядка И. Коротков превращает в войну против иностранных интервентов. Еще более странное заключение И. Короткова об оперативных и боевых операциях против Сводного конного корпуса Жлобы и дивизии Блинова.

И. Коротков разгром Русской армией Жлобы рассматривает как контрудар 13-й армии, после чего войска ген. Врангеля были так «измотаны», что не были в состоянии продолжать наступление. Это не соответствует действительности. Не продолжалось наступление потому, что ген. Врангель уже наметил десант на Кубань и готовился подготовить Крымский фронт к тому, чтобы выделение десантного корпуса не ослабило положения впереди Крыма. Наоборот, майские и июньские бои, которые хоть и дорого обошлись Русской армии, ибо потери были очень велики, свидетельствовали о полном возвращении той боеспособности, которая была присуща частям Добровольческой армии в предшествующие периоды Гражданской войны

Не соответствует действительнсоти и утверждение И. Короткова о том, что когда Жлоба неожиданным наступлением потеснил Донской Корпус, это вызвало панику среди командования в рядах войск ген. Врангеля и что, будто бы Начальник штаба Русской армии ген. Шатилов намеревался отвести армию в район Мелитополя. О подходе Жлобы на Крымский фронт Штабу ген. Врангеля было известно по радио-передачам, которые легко расшифровывались. В связи с этим был разработан план полного окружения корпуса Жлобы, и 2 июня ген. Врангель дал указание о переходе 3 июня в наступление.

Удивительнее всего для участников разгрома Жлобы, но присуще советскому военному историку, это то, что «Врангелю не удалось достигнуть намеченной цели по окружению и разгрому сводного корпуса Жлобы и командование Русской армии в этот день потеряло управление над своими корпусами и дивизиями». На самом же деле, как считает ген. Шатилов, всем корпусам и дивизиям были накануне даны совершенно определенные указания и поставлены ясные задачи, которые они и выполнили в начале боев 3 июня (ст. ст.). Но когда дивизии корпуса Жлобы стали метаться из стороны в сторону, причем обстановка менялась по часам, а то и чаще, то естественно, что только личная инициатива начальника способствовала доведению разгрома Жлобы до предела.

Сводный корпус Жлобы был совершенно разгромлен, включая и дивизию Блинова. Русская армия ген. Врангеля посадила все свои кавалерийские части на коней и вопреки утверждению Короткова, что контрудар вынудил Врангеля отказаться на длительное время от наступлений, Русская армия значительно усилилась и уже в дальнейших операциях центром тяжести ее действий были переброски усилившейся конницы, на которую ложилась по большей части главная тяжесть боев.

В одном месте И. Коротков указывает, что мобилизационный план ген. Врангеля потерпел неудачу, так как крестьянство отказывалось пополнять ряды Крымской армии, а в тылу развернулось партизанское движение. С первым можно согласиться, ибо мобилизацию красные успевали производить раньше и она для белых не дала тех результатов, на которые можно было рассчитывать. Действие же партизан (зеленых) постепенно уничтожалось незначительными силами, специально образованными для прочесывания горных лесов Крыма.

Мобилизация личного состава, объявленная ген. Врангелем весной 1920 г., не удалась по той причине, что ее не было в течение почти 2,5 лет в Добровольческой армии. Здесь интересно привести сообщение коменданта Штаба Сводно-Гвардейской дивизии полк. Я. Г. Зметнова. В сентябре-октябре 1919 г. он был командирован ген.-л. бароном Штакельбергом в дер. Бровары для производства какого-то дознания. На месте выяснилось, что это старое дело еще весны 1919 г. и теперь никого из его участников в деревне уже нет. На вопрос, а где же виновники, староста деревни объяснил, что при наступлении белых он добровольно собрал 400 человек парней и держал их под наблюдением в надежде на приказ о мобилизации. Но когда фронт

белых стал отходить на юг, а приказа о мобилизации не последовало, все парни разбежались и ушли в леса. Старик староста сетовал, что из-за этого ему теперь придется покидать свой дом с хозяйством и отступать вместе с Добровольческой армией как беженцу.

Июльское наступление

В начале июля ген. Кутепов должен был сосредоточить 1-й и 2-й корпуса у сел. Б. Токмак. 10 июля он должен атаковать противника, стараясь прижать его к Днепру. 12 июля все части выступили из района Б. Токмак. 15 июля ген. Абрамов, действовавший восточнее Б. Токмака, наголову разбил дивизию красных у сел. Юльевка, захватив 7 орудий, много пулеметов и до 1.000 пленных. 16 июля красные перешли в наступление. Корниловцы вынуждены были отойти. В то же время красные атаковали Марковцев и Дроздовцев и заняли течение реки Конская. 17 июля ген. Абрамов снова перешел в наступление и разбил совершенно красных у сел. Черниговка. Он захватил 3 орудия, 4 бронепоезда, много пленных и пулеметов. Левее от него Корниловцы продвинулись вперед и захватили Новомихайловку и Сладкую Балку. Марковцы своими дивизиями атаковали красных у Васиновки и Жеребца. Дроздовцы наступали севернее Орехова. Кавалерийская дивизия Барбовича, вошедшая в группу Бабиева, атаковала 2 конные дивизии красных у сел. Малая Токмачка и при содействии Дроздовцев рассеяла совершенно противника, захватив большую часть его артиллерии. Ночью на 19 июля Барбович, усиленный Кубанской дивизией, атаковал конницу красных, находившихся в сел. Васиновка, рассеял ее, захватив гаубичную батарею, пулеметы, броневики и обозы.

После атак 19 июля красные стали отходить почти по всему фронту. Конница Бабиева овладела Александровском, конница Барбовича заняла Григорьевку. За время июльских боев было захвачено 30 орудий, 150 пулеметов, несколько бронепоездов и много пленных. Получивши большое количество конного состава как путем реквизиций, так и захватывая его у красных, ген. Врангель восстановил почти всю конницу своей Армии, которая сыграла решающую роль в июльских боях.

Касаясь июльских боев, И. Коротков, не отрицая их успеха, приписывает это превосходству сил у белых, но что план Врангеля по захвату Донбасса потерпел неудачу. Однако здесь же заявляет, что июльское наступление Врангеля «создало на юге Советской республики угрожающую обстановку», а восстания на Кубани, руководимые ген. Фостиковым и Крыжановским и большая помощь «империалистов Америки, Англии и Франции» осложнили обстановку для Красной армии.

Именно в это время Русская армия ген. Врангеля была оставлена всеми Союзниками, а ее успехи создали паническое настроение у Советского правительства. Это видно и по ответной ноте Керзону на предложение о перемирии. Несмотря на крупные успехи на Польском фронте, Советское правительство готово было пойти на перемирие, причем гарантировало Польше более выгодную границу, чем та, которая намечалась самим Керзоном, но в отношении Русской армии ген. Врангеля, Ленин требовал полной ее капитуляции.

Дипломатические отношения с Союзниками

За два дня до отъезда ген. Врангеля из Константинополя в Севастополь, то есть 20 марта/2 апреля 1920 г., английский Верховный комиссар адмирал де Робек передал Врангелю текст ультиматума Английского правительства, адресованного ген. Деникину, о прекращении борьбы на Юге России... В случае же отказа, Британское правительство категорически отказывалось оказывать армиям Юга России впредь всякую поддержку и какую бы то ни было помощь. Адм. де Робек счел нужным осведомить ген. Врангеля об ультиматуме на тот случай, если при этих новых условиях Врангель пересмотрит свое решение ехать в Крым на Совещание начальников.

На это ген. Врангель заявил, что если у него и могли быть сомнения в этом отношении раньше, то теперь он бесповоротно решил разделить участь Армии, находящейся в безвыходном положении. О принятии же английского ультиматума с его стороны не может быть и речи.

Текст этого ультиматума был оглашен 22 марта/4 апреля на Заседании Военного Совета в Севастополе ген. Драгомировым, а ответ на него был написан ген. Шатиловым, по указанию ген. Врангеля и адресован адм. де Робеку.

В ответе ген. Врангель указал, что категорическое требование Великобританского правительства прекратить борьбу, ставит его Армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Английское правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, он отдает участь армии, флота и населения занятых армией областей, а также всех тех, кто участвовал в настоящей борьбе на справедливое решение Великобританского правительства. Ген. Врангель подчеркнул, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час Армию Юга России, остававшуюся неизменно верной общему делу Союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию и наконец тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах советской России...

В заключение ген. Врангель находит необходимым, чтобы та возможность, которую Британское правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление Родины приня-

тию пощады от врага... Возможно быстрое решение вопроса о перемирии и его осуществлении является необходимым... Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь... В связи с передачей Крыма советскому правительству, необходимо предоставить армии не менее двух месяцев от дня завершения переговоров. В течение этого времени Союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым.

❦

Несмотря на летние успехи Русской армии ген. Врангеля в Северной Таврии, отношение к Крымскому правительству со стороны Англии не изменилось. В Лондон прибыл советский уполномоченный Л. Б. Красин, который сумел настроить Ллойд Джорджа на свою сторону. Адм. де Робек получил распоряжение задержать английские суда с грузом, предназначенным для Русской армии ген. Врангеля. Это касалось даже русских судов, шедших под английским флагом. Часть грузов, все же, однако удалось отправить в Крым. В июле английская военная миссия покинула Крым.

Видя, что англичане хотят совершенно отойти от оказания Крымской армии какой бы то ни было помощи, а принятая французами политика по поддержке Польши может втянуть французское правительство оказывать Крыму помощь, хотя бы для облегчения положения польской армии, ген. Врангель дал указание только что назначенному управляющему внешними сношениями П. Б. Струве обратиться к правительственным французским кругам, чтобы осветить им положение Крыма и добиться материальной поддержки. 7-го июля (н. ст.) Струве передал Председателю Совета Министров Мильерану записку с изложением намерений ген. Врангеля. Эта записка сыграла существенную роль в вопросе признания Францией Крымской власти.

В записке, между прочим, кроме принципов внутренней политики — новый земельный закон и образование земских учреждений — излагался взгляд на будущую организацию России, которая могла бы представлять широкую федерацию, заключенную на основании общности интересов, главным образом, экономического и национального характера. В отношении прекращения гражданской войны, если бы оно было навязано воюющими сторонами, означало бы, в настоящих условиях, не капитуляцию Вооруженных сил на Юге России перед Красной армией, а разграничение между Россией советской и Россией антибольшевистской, основанное на обеспечении жизненных потребностей обеих территорий.

Всякий договор, заключенный на этот предмет, должен будет установить неприкосновенность территории, занимаемой Армией ген. Врангеля, в пределах обеспечивающих населению его элементарные потребности. Кроме того, казачьи области, историческая автономия которых и бытовые особенности были признаны ген. Врангелем, должны быть изъяты из владений советского правительства.

20-го июля Мильеран заявил, что французское Правительство готово признать существующее де-факто правительство Врангеля, который мужественно и с успехом борется с большевиками.

А. В. Кривошеин был окрылен надеждами и напирал, главным образом, на усиление международного положения Крымского правительства ген. Врангеля. Ген. Шатилов о возможности получения от Франции самолетов и танков. Последних у красных не было и при их наличии Крымская армия могла рассчитывать на успех даже и при превосходстве большевиков в несколько раз. Ген. Врангель мечтал о создании нового фронта на Кубани. Но признание Врангеля Францией было пока лишь крупным политическим фактором. О присылке же Крыму военной техники ничего не было известно.

❦

Успехи большевиков на Польском фронте продолжались. В связи с этим, англичане стремились к прекращению борьбы в Европе, где бы она ни происходила, чтобы приступить к восстановлению своего экономического положения, не вглядываясь совершенно в будущее. Они нажимали на поляков, чтобы принудить их к заключению перемирия с большевиками. Это перемирие должно было быть распространено и на фронт Врангеля, который должен будет отступить на Перекопский перешеек.

5-16 июля 1920 г. на заседании Союзного Верховного Совета в Спа англичане предложили Советам тотчас заключить перемирие с Польшей, созвав в Лондоне конференцию для установления мирных отношений и регулирования русских дел, то есть заключения перемирия с Врангелем на условиях, чтобы Русская армия была уведена в Крым, а во время перемирия Перекопский перешеек был сделан нейтральной зоной.

На это ген. Врангель ответил, что требования отвода фронта к перешейкам равносильно обречению Армии на голодную смерть. Москва на английские предложения ответила, что она отвергает всякое посредничество в заключении перемирия как с поляками, так и с «мятежником Врангелем». Тогда польское Правительство обратилось непосредственно к Москве с предложением перемирия. В случае капитуляции Польши положение Крыма становилось чрезвычайно тяжелым.

Подготовка к Кубанскому десанту

Растущие успехи советских войск в Польше побудили Мильерана, под влиянием военных кругов, сделать шаг в благоприятном для Врангеля направлении: 9/22 июля 1920 г. французское Правительство изъявило готовность признать Правительство Юга России. Признание было официально оформлено 10 августа н. ст. Ни один из предшественников Врангеля, несмотря на обладание ими огромными территориями, не был признан ни одной иностранной державой.

Русская армия ген. Врангеля была нужна Франции для того, чтобы оттянуть советские силы с

польского фронта; Врангель мог настаивать тогда на получении снаряжения уже не в положении просителя.

Если обладание Северной Таврией, как единственным источником хлебного экспорта, было одним из императивов военной и политической стратегии Врангельского правительства, то таким же императивом было перенесение и военных действий в казачьи области, так как они были единственными источниками пополнения армии. Для этого было необходимо разрешить казачий вопрос — заключить соглашение с казаками.

К. А. Кривошеин пишет, что ген. Деникин кончил тем, что рассорился и с казачеством, тогда как нужно было принять во внимание особую психологию казачества — свойственный ему партикуляризм, граничащий иногда с «самостийностью».

Помощник Главнокомандующего по гражданской части А. В. Кривошеин не предавался иллюзиям, но считал, что борьба должна продолжаться ради чести Белого движения. Он допускал, что счастье может наступить, если удастся «отсидеться», получая поддержку Союзников и используя меняющиеся перипетии польско-советской войны. Все зависело от дальнейших успехов Крымской армии. Тогда будет и поддержка иностранцев, будут и деньги на необходимое снаряжение.

Ген. Врангель всегда и во всем советовался с ген. Шатиловым об операциях Армии. Он намечал высадить Кубанцев, Терцев и Горцев на Кубань, где рассчитывал, не без основания, на поддержку казаков. Расширив затем занимаемый район, он хотел перебросить туда все казачьи полки и часть пехоты, оставив на Крымском фронте только ген. Кутепова с его частями.

Ген. Шатилов возражал против такого решения и считал, что одни Кубанцы не будут в состоянии из-за их малочисленности и за отсутствием достаточного конного состава захватить широкий район и обеспечить высадку второй группы войск. Для погрузки же сразу Кубанцев и Донцов, да еще с добавкой части пехоты, не было достаточного тоннажа.

Как показали летние операции, сила армии заключалась в умелом маневрировании, а с высадкой на Кубани образовывалось два фронта, согласованность действий которых отпадала.

Ген. Врангель же настаивал, что только переброска центра тяжести боевых операций в казачьи земли, где вновь поднимутся казаки, уже отрезвленные большевистскими зверствами, даст Русской армии возможность приступить и к широким действиям, которые одни могут обещать Армии конечный успех. В принципе ген. Шатилов соглашался с такой постановкой вопроса, но считал, что для этого более чем недостаточно сил.

В воспоминаниях ген. Врангеля приводится разговор его с ген. Шатиловым о дальнейшей борьбе с большевиками после успешных летних наступлений в Северной Таврии.

— «Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники», задумчиво говорил Шатилов. «Ведь всего три месяца тому назад, как мы прибыли сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я, — что мой долг — не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха, что касалось меня, то я считал дело проигранным окончательно... Огромная работа сделана за это время и сделана не даром; что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена и героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

— Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько 3 месяца тому назад я был уверен, что эта борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе Кубанской операции я не сомневаюсь, там на Кубани и на Дону Армия возрастет и численно. Население сейчас с нами, оно верит новой власти, оно понимает, что эта власть идет освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что мы боремся не только за свое русское, но и за ее европейское дело. Нет, о конце борьбы сейчас думать не приходится».

Но в это же время в борьбе белых и красных было колоссальное неравенство сил и средств. Рядели беспрерывно ряды белых. Полки таяли с быстротой, не находившейся ни в какой пропорции с притоком мобилизованных внутри Крыма и в Северной Таврии. Лучшие офицеры-добровольцы выбывали из строя, а заменить их было некем. Изнашивалось оружие, иссякали огнеприпасы, пришли в негодность технические средства, а без них армия бессильна. Хватит ли у нее сил дождаться помощи Союзников, и не потребуют ли они за нее слишком дорогую плату. Но выбора нет, армия должна бороться.

В отношении Кубанской операции, ген. Шатилов не был так оптимистичен, как это описывает в своих воспоминаниях ген. Врангель. Ген. Шатилов не был вовсе уверен в успехе Кубанского десанта, но при сложившихся условиях ничего другого не оставалось, как продолжать борьбу. Признание Крымского правительства ген. Врангеля Францией было лишь крупным политическим фактом. Но о доставке в Крым русского снаряжения из Румынии и русского артиллерийского из Франции еще ничего не было известно.

⁂

22 июля в Севастополе состоялось подписание соглашения с Атаманами. Главная сущность этого договора заключалась в том, что Государственным образованиям Дону, Кубани, Тереку и Астрахани обеспечивалась полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении. При освобождении этих территорий соглашение должно быть внесено на утверждение Кругов и Рады. Вместе с тем Врангелем было указано о необходимости для пополнения Армии назначить новую мобилизацию двух возрастов. Приказ о новой мобилизации был объ-

явлен 27 июля. Призывались военнообязанные досрочных призывов 1921 и 1922 гг.

⁂

Еще в конце июня было выслано несколько партизанских отрядов, которые, направляясь для действия по тылам красных, должны были опираться на сочувствующие белым элементы населения. Больше всего надежд, конечно, было на отряды, которые должны были действовать в казачьих областях. Один из таких отрядов под начальством полк. Назарова, высаженный у Таганрога, пополнившись восставшими казаками, довольно долго действовал в районе Новочеркасска и Ростова. Другие же отряды скоро вернулись обратно.

Действия полк. Назарова утвердили уверенность Врангеля, что при высадке на Кубани Русская армия встретит полное сочувствие населения и что ряды Армии быстро пополнятся и дадут возможность основать новую базу для дальнейших операций. Договор с Атаманами обеспечивал согласованность действий с казачьими образованиями, а надежды на Францию казалось давали возможность рассчитывать на помощь недостающей армии военной техники. Уже во время последних июльских боев авиация Крымской армии почти бездействовала.

⁂

План Кубанской операции в Штабе Армии разрабатывался несколько недель. В десантную группу намечались: 1-я Конная Кубанская дивизия ген. Бабиева, 2-я пешая Кубанская дивизия ген. Шиффнер-Маркевича, Сводная пехотная дивизия ген. Казановича. Всего около 4.500 штыков и шашек, 130 пулеметов, 12 орудий, 6 броневиков и несколько аэропланов. В группу особого назначения входил отряд ген. Черепова в составе Карниловского военного училища и Черкесского дивизиона, он был предназначен для демонстративных целей.

План был основан на немедленном же приращении десанта за счет казаков, оставшихся на Кубани и тех повстанческих отрядов, которые там действовали весьма успешно.

По данным разведки, повстанческие отряды действовали: а) отряд полк. Скакуна, численность которого определялась разно — от 400 до 1.500 человек — в плавнях района Ачуева; б) отряд ген. Фостикова — в Баталпашинском отделе в районе станиц Удобная — Передовая — Сторожевая — Кардоникская; отряд этот исчислялся в несколько тысяч казаков и действовал весьма успешно. К сожалению, все попытки установить с ген. Фостиковым непосредственную связь были безуспешны; в) отряд полк. Менякова — в районе Станиц Суворовская — Бекетовская — Боргустанская.

По донесениям разведчиков, казаки всюду враждебно относились к советской власти. Принимая во внимание крупные отряды повстанцев, численность десанта лишь немногим уступала противнику. Означенные сведения давали основание рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты, высадку удастся произвести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, десанту удастся захватить самое сердце Кубани — Екатеринодар и прежде нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области.

По занятии Кубани Врангель намечал оттянуть войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус, и обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области.

⁂

Вернувшийся из-под Анапы ген. Лебедев, командированный для связи с восставшими на Черноморском побережьи казаками, сообщил, что он связался с повстанцами, которые успешно нападали на красных по линии железной дороги Екатеринодар-Новороссийск. По данным ген. Лебедева, повстанческое движение на Кубани вовсе не захватило все казачье население, как о том сообщали другие разведчики. За отрядом ген. Фостикова признавалась известная сила, но вовсе не такая, которая могла бы сыграть существенную роль при малочисленном десанте.

В Штабе ген. Врангеля складывалось мнение, что при высадке можно рассчитывать на тех казаков, которые примкнут к десанту в районе его действий. Сообщение ген. Лебедева оправдалось во время действий десантного отряда. Когда ген. Врангель 11 августа посетил станицу Таманскую, она была почти пустой. Немногие оставшиеся казаки были совершенно запуганы, не веря в успех, и ожидали ежечастно возвращения красных. Все молодые казаки были мобилизованы в Красную армию при ее отступлении.

Не прав ли был и ген. Улагай, который после кошмарной Новороссийской эвакуации еще задолго до мысли о Кубанской операции при разговоре с ген. Врангелем в марте 1920 г. о возможности — «вновь овладеть Новороссийском, а потом отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника» — ген. Улагай, безнадежно махнув рукой сказал: «Какой там, казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух». Тогда и ген. Врангель отмечал, что «дух был потерян не только казаками, но и начальниками. На продолжение борьбы казаками рассчитывать было нельзя». Но после летних успехов Русской армии в Северной Таврии рассчитывать на казаков и дальнейшую борьбу было опять возможно.

⁂

Возникал вопрос о командовании. Во главе десантной группы можно было назначить только кубанца, а среди них выбор ген. Улагая напрашивался сам собой. Это был исключительно доблестный начальник, с редким умением управлять конными атаками, сам находясь среди атакующих частей. Но у него не было опыта в руководстве самостоятельными операциями. Поэтому ему Начальником Шта-

ба был предложен ген. Драценко, с назначением которого ген. Улагай охотно согласился.

Ген. Улагай пользовался среди казаков широким обаянием. Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Но Врангель знал и его отрицательные свойства — отсутствие способности к организации — свойство легко переходящее от большого подъема духа к унынию. Но заменить его было некем.

***

О районе высадки десанта никто не был осведомлен, кроме ген. Врангеля, Начальника Штаба Армии ген. Шатилова и ген. Улагая. Штаб Армии подготовлял план операции до момента высадки, а разработка проекта первоначальных действий была поручена ген. Улагаю и его Начальнику штаба ген. Драценко.

К большому удивлению о намеченном десанте скоро стало известно повсюду. Ген. Врангель посчитал необходимым секретно поделиться намечаемой операцией с Донским и Кубанским атаманами. Они поделились со своими Председателями, а последние — с членами Круга и Рады.

Это привело к тому, что много кубанских беженцев устремилось в Феодосию, где должна была состояться посадка на суда. Ген. Улагай не препятствовал их посадке. В общем, число небоевого элемента превосходило, считая и обозы, более чем в полтора раза боевой состав грузящихся. Когда ген. Врангель прибыл на место посадки, он увидел эту картину. Ссаживать ненужный и обременяющий лишь груз было уже невозможно. Теснота при посадке была невероятная. По донесению ген. Казановича, мальчики-юнкера падали в обморок от духоты. По данным флота было погружено 16.000 человек и 4.500 коней. При общей численности войск в 5.000 штыков и шашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы.

Кубанские казаки отправлялись в десант со всем скарбом, в некоторых случаях даже с семьями, уверенные, что отправляются «по домам». С ними на судах находились члены Рады, краевого правительства, атаман и видные Кубанские общественные деятели. Самые элементарные требования, касающиеся охранения военной тайны, были забыты. Доходило до того, что офицерам и солдатам уроженцам Кубани — была предоставлена возможность открыто переводиться в части, предназначавшиеся для десанта. Все это, конечно, очень мало походило на ту обстановку, в которой отправлялся в свое время 1-й десант ген. Слащева, когда военная тайна была обеспечена до последней минуты.

Подготовка десанта на Кубань была известна многим не только в Крыму, но и в Северной Таврии. Вольноопределяющийся 3-го Конно-Артиллерийского дивизиона 1-й Кубанской дивизии под командованием ген. Бабиева П. В. Гюльцгоф в своем дневнике записал: «После удачных июльских боев наша дивизия отошла в резерв в район ст. Пришиб. Там скоро нам стало известно, что мы едем на Кубань в десант... 26 июля утром мы погрузились в эшелоны, а 27 днем были уже близ Феодосии. В такой быстрой переброске войск и в быстроте железной дороги видна была рука Врангеля. 29 состоялась наша погрузка на суда... На следующий день в 9 часов утра 22 транспорта и 8 боевых судов отплыли из Феодосии».

Только в пути Командующий флотилией узнал о районе высадки, которая состоялась у станицы Приморско-Ахтарской. С этим же отрядом на военном транспорте «Сарыч» плыл и батальон Киевского Константиновского военного училища, в составе двух генералов, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врачей, 377 юнкеров и 44 солдата.

А. А. Валентинов в статье «Крымская эпопея» («Архив Русской Революции», том 5, Берлин 1922) пишет, что когда ген. Врангель напутствовал отъезжающих в десант части войск — «в этот час в Разведовательном отделении Штаба были получены сведения о том, что большевики уже вполне подготовлены ко встрече этого десанта. В этот день впервые было произнесено жуткое слово: — Опоздали».

А. Балковский в своих воспоминаниях о Кубанском десанте («Военный Сборник», № 8, Париж 1965) пишет, что в Керчи потребовалось полтора месяца для организации внезапного нападения на Кубань. В течение этого времени «об этой «секретной» операции с неожиданной высадкой все воробьи в Керчи чирикали». Большевики обо всем этом узнали и участили свои авиационные налеты. Им удалось вывести из строя пароход «Павел». В конце июля в район Керчи прибыли части Астраханских и Терских казаков для участия в десанте. В конце июля прибыли генералы Казанович, Бориско и Колоссовский. 25 июля начальник сводной дивизии из Алексеевского полка ген. Казанович произвел смотр дивизиону. «Солдаты и офицеры были одеты в белые рубашки, переделанные из английских нижних рубах, так как интендантство не выдало летнего обмундирования, хотя его было в изобилии». Прибавим к этому, что некоторые полки поехали в десант в фуражках с белыми тульями.

«Из Керчи, продолжает А. Балковский, двинулись поздно ночью 30 июля. Утром 31 в Азовском море в трех колоннах двигалось 27 пароходов. В полдень эскадра в открытом море стала на якорь. Солнце печет немилосердно. Разрешили купаться. Эскадру объехал на миноносце адм. Машуков, командующий флотом. Поздно вечером двинулись дальше. Только здесь нам сообщили, что десант будет сделан в станице Приморско-Ахтарская.

Утром 1 августа в 15 верстах показался берег, идущие впереди боевые суда открыли огонь по берегу севернее станицы Приморско-Ахтарская. Около 12 часов дня авангард пошел к берегу на высадку, а артиллерийский огонь боевых судов усилился. Эскадру объехал на миноносце «Жаркий» ген. Улагай и объявил, что Алексеевцы и Кубанцы уже высадились и заняли станицу... Не доходя до приста-

ни, деревянного на сваях мола, уходящего далеко в море, пароходы стали на якорь, а у края пристани стало боевое судно 'Урал'».

1 августа около 9 часов вечера в Оперативном отделении Штаба получены первые известия об удачной высадке десанта на Кубани. Главные силы десанта, преодолев сопротивление противника, высадились в бухте Приморско-Ахтарская. Почти одновременно менее значительные отряды под командованием генералов Харламова и Черепова высадились — первый на Таманском полуострове, второй — в районе Анапы.

(Продолжение следует)

(В продолжении: Высадка десанта; наступательные бои; отношения с повстанцами и местным населением; контратаки красных; эвакуация десантного стряда в Крым; главные причины неуспеха Кубанского похода отряда ген. Улагая).

---

50 лет. — 1927 г. 25 августа — Выдача чекистам и трагическая гибель белого партизана-повстанца на Дальнем Востоке Б. В. Анненкова, атамана Сибирских Казачьих Войск.

22 марта — Основание в Париже Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов под руководством профессора генерал-лейтенанта Н. Н. Головина.

Картины прошлого

Северо-Западный фронт. Железнодорожная станция «СЕСЛАВИНО». 40-дневное пребывания Государя Императора в Действующей Армии. 7-го февраля 1916 г. Государь Император изволит обходить и беседовать с чинами почетного караула от 7-го конного полка Сибирского Казачьего Войска. Со знаменем — Старший урядник Петр Воропаев. Ассистенты у знамени: Войсковой старшина и помощник по строевой части командира полка А. П. Водопьянов (в двубортном пальто) и Сотник Б. С. Патковский (в однобортной шинели). За спиной Государя — командир 7 конного полка Сибирского казачьего войска полковник Е. О. Осипов. В черкеске с аксельбантами Командир Личного Конвоя ген. Граббе.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

Издание Общества Ревнителей Русской Военной Старины
Издается на правах рукописи. Все права сохранены. J.O. 33, 13.2.1949.
Настоящие номера вышли под редакцией Л. О. Бек-Софиева.

◆◆◆ XXXIII-й год издания ◆◆◆ № 49 — 1977 и № 50 — 1978 ◆◆◆ Франция. Париж ◆◆◆

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЛЕОНТЬЕВИЧА ПАШЕННОГО

16 января 1978 г. после долгой и тяжелой болезни скончался Правовед Последнего Дореволюционного 78-го выпуска, участник Первой Мировой и Гражданской войны на Юге России Николай Леонтьевич ПАШЕННЫЙ. Происходя из рода служилых дворян, покойный 11-го февраля 1917 года с отличием окончил Императорское Училище Правоведения. Во время войны 1914 года поступил на военную службу охотником. После февральской революции был назначен военно-следственным чиновником. В период Гетманства на Украине состоял при Министерстве Иностранных Дел для связи с союзниками. После конспиративной работы и преследования, перешел линию фронта в Добровольческую Армию, в которой последовательно служил вольноопределяющимся, чиновником особых поручений и ст. делопроизводителем Инспекторского отделения Управления Внутренних Дел.

С 1922 по 1941 гг. состоял секретарем Белградского Отдела К-та Правоведской Кассы, а после войны вошел в состав Комитета в Париже. «Образцовый правовед», неутомимый общественник в эмигрантских организациях, глубоко эрудированный в области военно-исторической литературы, истинной истории России и ее войн, а также и в вопросах искусства, Н. Л. всё свое свободное время уделял собиранию у себя дома большой библиотеки, с документами, материалами и периодическими изданиями, составляя особые справочники по многим вопросам истории, права и эмиграции. Будучи нумизматом и большим знатоком медалистики, Н. Л. собрал не только ценную коллекцию памятных художественных медалей и монет, но и почти полную литературу по этому вопросу.

Огромная заслуга Н. Л. была в том, что будучи уже больным, он продолжал интерссоваться делами Общества, а имея от природы строгий, но справедливый характер, Н. Л. был обязательным по отношению к ближнему, вызывая этим чувство признательности и благодарности к нему со стороны младших его сотрудников. Для всех своих однокашников по Училищу и друзей по Обществу Николай Леонтьевич был искренним другом и человеком, который много сделал хороших дел для русской эмиграции. В 1967 г. в Мадриде вышла его книга о Истории «Императорского Училища Правоведения»; в «В.-И. Вестнике» печаталось Н. Л. большое исследование о «Восточном Вопросе» и другие статьи изыскательного характера.

Еще 9-го декабря 1976 г. в газете «Русская Мысль» № 3129 Председатель «Общества Ревнителей Русской Военной Старины» барон Г. Г. Гроттуссе и редактор «Военно-Исторического Вестника» Л. О. Бек-Софиев сообщали о болезни Николая Леонтьевича и желали ему дальнейшего плодотворного участия в работе нашего издания, в которое Н. Л. внес много ценного для увековечения правдивой истории России. Но уже с тех пор Н. Л. трудно было проводить научные изыскания как по воспросам военной истории, так и всеобщей истории искусств.

Имя Николая Леонтьевича навсегда сохранится в анналах Общества. Мир его праху. Погребение состоялось на Русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Л. О. Б.-С.

НОВАЯ ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ СТОЛЕТИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1877/78

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

В ознаменование столетия Достопамятной Русско-турецкой Освободительной войны 1877/78 гг. Общество Р.Р.В.С. в Париже выбило соответствующую юбилейную медаль. Рисовальщиком за образец взяты медали Русско-турецких войн 1829 и 1878 гг. На лицевой стороне изображен православный крест, окруженный сиянием, упирающийся на мусульманский полумесяц. Под ободком изречение, взятое с медалей Русско-турецких войн и «наследственной» медали в память столетия Отечественной войны 1812 года. На оборотной стороне юбилейная дата с соответствующей надписью. Внизу название Общества и инициалы рисовальщика.

Композиция обеих сторон медали выполнена рисовальщиком Л. Бек-Софиевым. Гравировал медальер Парижского Монетного Двора Пьер Родье (Graveur Mr Pierre Rodier).

Вес серебряной медали 100 гр., бронзовой 90 гр. Диаметр 59 мм. Стоимость первой 465 фр. франков, бронзовой 120 фр. фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА Р.Р.В.С.

Одновременно сообщается, что Общество продолжает прием на все ранее им выбитые в Парижском Монетном Дворе памятно-юбилейные медали:

1. 250-летие основания Лейб-Гвардии 22 августа и бой под Нарвой 19 ноября 1700 г. Вес серебряной 90 гр., бронзовой 80 гр. Стоимость первой 450, второй 150 фр. фр. Диаметр 59,7 мм. Лицевая сторона с погрудным барельефным портретом Царя Петра Первого, исполненным французским художником Дю Вивье в Париже (1717 г.)

2. 250-летие основания в 1703 году Санкт Петербурга. Оборотная сторона выполнена художником Н. В. Зарецким. Вес серебряной 100 гр., бронзовой 90 гр. Стоимость соответственно 460 и 150 фр. фр. Диаметр 59,2 мм.

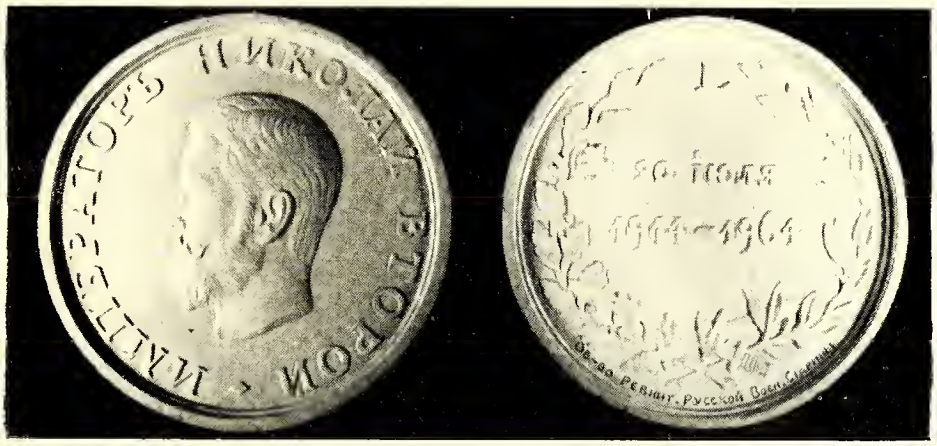
3. 250-летие Полтавской битвы 1709-1959. Вес серебряной 120 гр., бронзовой 110 гр. Стоимость соответственно 470 и 130 фр. фр. Диаметр 58,9 мм.

4. Учреждение Ордена Св. Георгия 1769—1969. Образец соответствует медали 1769 года. Вес серебряной 140 гр., бронзовой 120. Стоимость соответственно: 470 и 130 фр. фр. Диаметр 58,5 мм. См. «Вестник» № 33.

5. 150-летие Отечественной войны: 1812—1962. Вес серебряной 140 гр., бронзовой 120 гр. Диаметр 59 мм. Стоимость серебряной 400, бронзовой 100 фр. франков.

6. Столетие Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. Выбита в 1955 г. Диаметр 59,8 мм. Вес серебряной 100 гр., бронзовой 90 гр. Стоимость соответственно: 450 и 120 фр. фр.

7. В память 50-летия начала Первой мировой войны 1914 года. Выбита в 1964 г. Диаметр 50 мм. Вес обеих медалей по 70 гр. Стоимость серебряной 400, бронзовой 100 фр. франков.



8. В память 50-летия начала Гражданской войны в России: 1917—1967. Диаметр 50 мм. Вес серебряной 60 гр., бронзовой 70 гр. Различная толщина бортиков. Стоимость серебряной 400, бронзовой 100 фр. франков.

К столетию русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг.

Посвящено памяти кн. Н.С. Трубецкого

Составил кн. М. Д. ШАХОВСКОЙ

Освободительная война исторически является продолжением Восточного вопроса, в котором государственный интерес — освоение Черноморского побережья и проход через Проливы, переплетается с вековой традицией, унаследованной от Московской Руси и продолжавшей жить в народном сознании, а именно покровительство христианским народам, находящимся под турецким игом.

Уже Крижанич указывал путь развития этого вопроса: Россия передовой борец с турецкими ратями; остальное славянство тоже продвигается вперед, но под ее крылом и охраной. Петр Великий следует этому указанию, когда он пишет из Голландии (1697 г.) патриарху Адриану: — «До последнего издыхания не перестану« — освободить славян из-под ига турецкого.

Начиная с 18-го века, когда вполне определился русско-турецкий антагонизм, европейские державы, в частности Англия, Франция и Австрия серьезно обеспокоены поступательной политикой России. Первые видят в ней опасную соперницу на Средиземноморских путях, Австрия же опасалась роста русского престижа на Балканском полуострове, как притягательной силы для ее славянских подданных.

Договор заключенный с Турцией в Кючук-Кайнарджи (1774 г.) признал за Россией право покровительствовать своим единоверцам и дал ей, тем самым, основание для вмешательства в турецкие дела. Крымская война (1853-1856 гг.), когда против России выступила Франция, Англия, Турция, Италия, к которым готова была примкнуть и Австрия, положила конец привилегированному положению России. На основании Парижского договора — Россия должна была поступиться своим исключительным правом покровительства в пользу великих держав, ставшим отныне, совместно с Россией, попечителями христианского населения Турции. Попечительство оказавшееся призрачным, так как одновременно великие державы гарантировали неприкосновенность Турции, что исключало возможность силой принудить ее к проведению необходимых реформ. По словам Горчакова, министра иностранных дел, для разрешения Восточного вопроса «никто не может желать полного урегулирования — каждый должен стремиться отложить, насколько возможно, решение этого вопроса». Успокоительное заверение мало отвечающее настроению того времени. На Балканском полуострове крепнут национальные движения, находящие живой отклик у русских славянофилов, ставящих на первый план объединение славянских народов. Поборником этой идеи являлся И. Аксаков. В его горячей проповеди было не столько программа как чувство. Как говорил про него Л. Майков это красивые розовые облака, только разобраться в них очень трудно. Это не мешает тому, что мало-помалу вера в освободительную миссию России охватывает культурные круги общества особенно после Славянского съезда 1867 г.

В русской же дипломатии не было единодушия. По природе осторожный, одряхлевший и болезненно самолюбивый кн. Горчаков хотел действовать лишь как уполномоченный великих держав.

Прямой противоположностью ему был наш посол в Константинополе, гр. Игнатьев, убежденный в близком падении Оттоманской империи, проникнутый верой в провиденциальную миссию России на Востоке. Он считал, что Россия должна освободить всех своих христианских братьев и стать твердой ногой у Проливов.

Между тем как гр. Шувалов, русский посол в Лондоне и убежденный консерватор по взглядам, отдавал себе отчет, что славянофильские честолюбивые замыслы гр. Игнатьева рискуют привести Россию к столкновению с западными державами.

Что же касается Императора Александра II, если его симпатии были всецело на стороне славян, то, как и Горчаков, он не хотел выходить из рамок, предусмотренных Парижским договором. Он рассчитывал выступить в нужную минуту, надеясь на поддержку Союза трех императоров.

Поэтому можно было ожидать в случае кризиса, что в русской дипломатии могут произойти колебания и несвязки. Правда, на Австрию трудно было рассчитывать т. к. освобождение славянских народов было угрозой целостности Австро-Венгерской монархии. Зато влияние Германии могло оказаться решающим, в память русского нейтралитета в 1870 г. Но Государь, как и Горчаков, упускал из виду, что Германия не была связана формальным обязательством; кроме того Бисмарк не простил вмешательства Имп. Александра II, помешавшего ему разгромить Францию.

Кризис возник в июне 1875 г. когда вспыхнуло восстание в Герцеговине, перекинувшееся потом в Боснию.

С самого начала восстания Россия в соглашении с Австрией принимает меры для урегулирования кризиса. Австро-Венгерский министр ино-

* Все даты по старому стилю.

странных дел Андраши, вручил 18.12.1875 г. всем европейским державам ноту. Он предлагал путем скромных административных реформ для Боснии и Герцеговины ликвидировать восстание. Державы согласились, и через своих послов стали добиваться проведения предлагаемых нотой требований. Казалось, что восточный кризис будет разрешен мирным путем. Надежды не оправдались. В результате дворцового переворота был свергнут, а затем умерщвлен султан Абдул-Азиз, державшийся русской ориентации и на престол был возведен султан Мурад V, которого вскоре заменил его брат, симпатизирующий Англии, султан Абдул-Гамид.

Между тем, восстание на Балканах ширилось. Черногория последовала примеру Боснии. Оно перекинулось в Болгарию, где было подавлено с жестокостью, вызвавшей возмущение даже в Англии (Гладстон). До этого общественное мнение Англии было склонно следовать за Дизраэли. В конце июня 1876, несмотря на предупреждения России, решили выступить Черногория и Сербия в расчете, что в решительную минуту Россия все же примет их сторону. Возбуждение в России достигло крайних пределов. Казалось, все слои общества слились в единодушном порыве. Пожертвования полились рекой. Так, например, начиная с Боснийского восстания по осень 1876 г. Петербургский комитет собрал 800 000 руб. а Московский 700 000 руб. (Татищев т. II, стр. 327). В то же время волна добровольцев хлынула в Сербию и ген. Черняев, герой туркестанских войн, принял командование сербской армией, ставя тем самым русское правительство в неловкое положение, поскольку оно заявляло о своем нейтралитете. Не все впрочем поддались всеобщему увлечению, были единицы как кн. П. А. Вяземский, который писал:

«...Народ не может желать войны, а по недосмотрительности своей ведет к войне... В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше. что мы себя считаем больше славянами, чем русскими... Ужели думают, что Россия окрепнет силою восстановления славянских племен? Нисколько, а напротив. Мы этим только обеспечим и утвердим недоброжелательство и неблагодарность соседа, которого мы воскресили и поставили на ноги...» Три фактора способствовали народно-общественному возбуждению: единство веры, племенное родство и славянское сердце. Из них самым главным был первый. Не настроение интеллигенции возбудило энтузиазм русского общества и народа, а христианское чувство, христианский дух русского православного человека» (Вл. Маевский).

Сербо-турецкая война грозила крупными осложнениями. В случае победы Турции, Россия должна была выступить и тогда ей грозило столкновение с Австрией. Если верх одолеет Сербия, то тогда грозила международная схватка за раздел Оттоманской империи. Поэтому, в первую очередь, следовало договориться с Австрией.

26 июня 1876 г. в Рейхштадте встретились русский и австрийский императоры. Обе стороны взаимно обязались действовать по восточным делам не иначе как по предварительному уговору: в случае поражения Сербии предвиделись реформы в Боснии и Герцеговине соответственно ноте Андраши; в случае победы Сербии — увеличение территорий Сербии и Черногории. Россия получает Батум и Бессарабию, которой лишилась в 1856 г. Австрия же получала компенсацию за счет Боснии и Герцеговине.

На случай полного развала Турции предвиделось создание автономной, независимой Болгарии, усиление Греции и объявление Константинополя вольным городом. При этом исключалась возможность создания большого компактного славянского государства.

Соглашение было секретным и составлено в двух редакциях — русской и австрийской. По первой Австрия получала в компенсацию часть Боснии, соприкасавшейся с ее границами, тогда как австрийская редакция говорит о почти всей Боснии и Герцеговине.

Это была последняя попытка найти разрешение восточного вопроса на почве Союза трех императоров, но тем самым, как это признает Имп. Александр II, Россия была обречена занимать выжидательное положение в то время, когда становилось очевидным, что сербская армия не в состоянии противостоять турецким войскам.

17 октября 1876 г. под Дюнишем сербская армия была разбита — дорога на Белград была открыта. «Телеграфируйте искренне царю, — доносил Черняев кн. Милану, — ищите перемирия в течение 24 часов». В ответ на сербское обращение было тотчас же послано нашему послу в Константинополе гр. Игнатьеву высочайшее повеление: объявить Порте, что если в двухневный срок она не примет перемирия на один месяц или шесть недель и если она не отдаст немедленно приказания прекратить военные действия, то русский посол оставит Константинополь со всеми чинами посольства, и дипломатические сношения России с Турцией будут прерваны.

Русский ультиматум был сообщен Порте 19-го октября и на другой день последовал ее ответ: она подчинилась всем изложенным в ультиматуме требованиям. (Татищев т. II, стр. 329)

В надежде успокоить подозрительность Англии, Имп. Александр II принимает 20-го октября английского посла лорда Лофтуса и подтверждает ему, что он не имеет другой цели, как улучшить участь христиан и не намерен присоединять к России Константинополь. Мирные переговоры продолжались, но все более и более становилось ясным, что Турция не намерена приступить к требуемым реформам и только силой оружия ее можно принудить к выполнению мер предусмотренных сообща с великими державами. Еще до поражения Сербии было очевидно, насколько Англия и Австрия не расположены к активному воздействию. Что же касается Германии, то ее поддержка, за-

мечает Милютин, с каждым днем становилась сомнительнее.*

В октябре английское правительство предложило созвать в Константинополе конференцию и как основу ее занятий предложило следующие условия:

1) сохранение независимости и целости Турции;

2) обязательство держав, что они не будут стремиться к территориальным приобретениям;

3) сохранение существующих границ для Черногории и Сербии;

4) обязательство Турции даровать Болгарии, а так же Боснии и Герцеговине учреждения, при которых население пользовалось бы некоторыми автономными правами однако при условии, что Турция имеет право держать гарнизоны в городах этих областей.

Эти условия, казалось, могли значительно улучшить положение христиан и способствовать мирному разрешению конфликта. Но 29 октября английский премьер Дизраэли (гр. Биконсфильд) произнес вызывающую и угрожающую речь, направленную против России. Он утверждал, что твердым основанием мира в Европе служит уважение к договорам и соблюдение независимости и территориальной целости Турции. Мир составляет сущность политики Англии, но если Англия хочет мира, то ни одна держава, лучше ее, не приготовлена к войне, и если Англия решится на войну, то только за правое дело и не прекратит ее, пока право не восторжествует.

Ответ не заставил себя ждать. 30 октября в Кремле Имп. Александр II отвечая на приветствия московского дворянства сказал:
«Я знаю, что вся Россия вместе со мною принимает самое живое участие в страданиях наших братьев по вере и крови, но для меня истинные интересы России дороже всего и я желал бы до последней крайности избежать пролития драгоценной крови русской».

Указав затем на созыв конференции в Константинополе и на то, что он употребит все усилия, чтобы мирным путем добиться вместе с европейскими державами улучшения участи христиан, Государь объявил, что если мирные средства окажутся бесплодными, то он «намерен действовать самостоятельно, когда честь России того требует. Да поможет нам Господь Бог, исполнить наше святое призвание».

За этой речью последовала частичная мобилизация армии.

11 декабря началась Константинопольская конференция, не приведшая к желаемому результату вследствие упорства турок.

В начале января 1877 г. послы великих держав покинули Константинополь. Однако ни одна из держав не пожелала понудить Турцию к исполнению требований Европы и в то же время все опасались, как бы Россия не разрешила вопрос самостоятельно.

«Сегодня, (6-го января), записывает Милютин, должно происходить совещание большого совета турецких сановников о том, подчиниться ли требованиям Европы или отвергнуть их. Между тем начались уже между кабинетами предварительные сношения о последствиях дерзкого сопротивления Порты единогласному решению Европы. Гр. Шувалов пишет, что Дизраэли старается уже оторвать Австро-Венгрию от дальнейшего совокупного действия с другими державами, а кн. Бисмарк продолжает вести странные разговоры с Убри, развивая ту мысль, что Восточный вопрос не представляет для Германии непосредственного интереса. Государь имел по этому поводу два раза личные объяснения с Швейницем, который выражался в том же смысле. Кн. Горчаков теперь убедился в том, что мы не можем рассчитывать ни на одного союзника. Братиано соглашается ныне же подписать военную конвенцию, но торгуется: просит материальной помощи для Румынии деньгами, орудиями, лошадьми, торпедами и т. д.»

В марте 1877, в Лондоне, собралась новая конференция, но и она не дала благоприятных результатов, т. к. английское правительство ставило непременным условием, чтобы Россия демобилизовала свою армию.

Россия готова была пойти и на эту уступку, заявив однако, что до этого Турция должна прекратить военные действия против Черногории, демобилизовать свою армию и дать определенные ручательства провести необходимые преобразования для улучшения участи христиан. Но Турция, убедившись в отсутствии единения между европейскими державами и рассчитывая на поддержку Англии, отвергла все сделанные ей предложения. Для России не оставалось другого выхода как силой принудить Турцию выполнить постановления Константинопольской конференции.

Ввиду пассивности проявленной остальными европейскими державами, Россия могла с полным основанием, считать себя уполномоченной для выполнения коллективного решения. Таково было юридическое основание ее выступления. Политически, она находилась в лучшем положении, чем перед Крымской войной. Англия заняла выжидательную позицию; с Австрией после длительных переговоров удалось договориться; еще 3-го января была подписана Будапештская конвенция, обеспечивающая России нейтралитет Австрии в войне против Турции. Компенсация, потребованная за эту услугу, взорвала Милютина. 13 января он записал:

---

* «Из Берлина получены сведения крайне бесцветные: германский кабинет «не встречает препятствия» согласиться на предлагаемое нами 6-недельное перемирие, — однако же и не берется поддерживать наши требования, чтобы не поссориться с другими своими «друзьями». Если таков будет окончательный ответ Германии, то, спрашивается, какую же выгоду извлекает Россия от своей пресловутой дружбы и тесного союза с Германией? — Кажется, сам государь начинает разочаровываться насчет этого друга; относительно же Австрии — разочарование уже совершившийся факт». (Дневник Д. А. Милютина, 7.10.1876. Т. II, стр. 96. М. 1949).

«...предстояло мне изложить мои замечания на присланный Новиковым проект политической конвенции с Австро-Венгрией. В конвенции этой (как дополнение к военной конвенции) только формулированы более положительно те самые условия, которые были поставлены на Рейхштадтском свидании. Я принес карту и справки, чтобы выказать цинизм Австрии, которая, предоставляя России вести войну и оставаясь сама спокойной зрительницей, выговаривает себе львиную долю — всю Боснию и Герцеговину, т. е. страну с населением в 1.400.000 чел., тогда как нам предоставляет возвратить узкую полосу земли в низовьях Прута и Дуная, с населением едва в 200 т. и в дополнение к тому эквивалент на азиатской границе!» (там же, стр. 133). Содействие Румынии, необходимое для прохода русских войск, было обеспечено договором от 4-го апреля.

Хотя Милютин и считал, что при сложившейся обстановке, другого выхода не было, тем не менее, по его мнению: «ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено«... «Война в подобных обстоятельствах была бы великим для нас бедствием». С самого начала кризиса министр финансов Рейтерн предупреждал, что Россия не располагает средствами для ведения войны.

Что же касается военной реформы 1874 г., она была еще не закончена и еще многое оставалось сделать для реорганизации армии соответственно желанию Милютина.

Одной из главных забот было комплектование и подготовка офицерских кадров, которых явно не хватало. Милютин приложил немало трудов для улучшения военного образования, но не мог добиться обновления высшего командного состава армии, воспитанного еще на принципах времен Крымской войны и потому не усвоивших новые формы военного искусства. «Мы бедны боевыми генералами», пишет Милютин, добавляя, что среди корпусных командиров «есть такие, которые едва годны в начальники дивизии».

Русская армия еще не закончила своего перевооружения. Оно началось с гвардии, гренадер и западных военных округов... Поэтому значительная часть русских войск выступила на войну с гладкоствольными ружьями старого образца и лишь в ходе войны в действующую армию влились части, вооруженные более совершенными нарезными ружьями.

Что же касается вооружения артиллерии, она не располагала стальной боевой пушкой с повышенной дальностью и скорострельностью; ни тяжелой полевой артиллерии, ни мощного снаряда с навесной траекторией. Поэтому легкая артиллерия не могла вести огня на дальние дистанции, полевая же оказывалась беспомощной перед неприятельской пехотой, укрывшейся в полевых укреплениях.

В изменившихся условиях боя главными задачами конницы стали действия вне поля сражения, на флангах и в тылу противника. Русская кавалерия была еще недостаточно подготовлена для их выполнения. Если в строевом отношении ее подготовка стояла высоко, то в боевом она страдала крупными недочетами: конский и людской состав не был втянут в дальние пробеги; подготовка для пешего и огневого боя была недостаточной. Наконец, командование не подготовило ее к действиям крупными самостоятельными соединениями.

К недостаткам материальным следует добавить недостатки боевого воспитания. В этой области тоже чувствуются новые веяния. Суворовский принцип обучать солдат тому, что понадобится на войне, становится все более и более популярным в армии, но гораздо труднее было бороться с ложно понимаемым суворовским афоризмом: «пуля дура — штык молодец», что приводило к игнорированию силы огневой преграды и предпочтению штыкового удара, не считаясь с понесенными потерями.

Подготовка Черноморского флота заслуживает особого внимания. К 1876 в нем насчитывалось 39 кораблей. Все они за исключением двух «поповок» были слабо вооружены и имели лишь вспомогательное значение для береговой обороны. Зато боевая подготовка личного состава стояла на высоком уровне благодаря тактическим и военно-воспитательным идеям адмирала Г. И. Бутакова, сподвижника адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина.

Слабость Черноморского флота не позволяла ему соперничать с турецким, На помощь Балтийского флота нельзя было рассчитывать, а кроме того, по настоянию англичан пришлось отозвать русскую эскадру крейсировавшую в Средиземном море, которая могла отвлечь на себя часть турецкого флота.

Казалось были правы, приписывавшие Черноморскому флоту чисто пассивно-оборонительную задачу. Это значило, признав превосходство противника, предоставить ему полную свободу действия в Черном море. Перейти к активной обороне позволила идея, будущего адмирала, лейтенанта С. О. Макарова, предложившего приспособить коммерческие пароходы для перевозки минных катеров, что позволило бы атаковать неприятельские броненосцы, ограничивать свободу турецкого транспорта и блокаду русских портов.

По сравнению с русским, Черноморский турецкий флот представлял к началу войны довольно внушительную силу. Он располагал броненосной эскадрой: 8 фрегатов, 7 корветов, кроме того 18 небронированных боевых кораблей и ряд военных вспомогательных судов. Хуже было у турок с подготовкой личного состава настолько, что приходилось обращаться к иностранным специалистам (англичанам). Минного вооружения не было и поэтому, превосходя численно и качественно русский флот, турки оказались мало подготовленными для военных действий. Между тем, их заданием было осуществить блокаду русских портов, обеспечить грузовое и транспортное судоходство, а так же

высадку десантов в русском кавказском Причерноморье.

*
**

Турецкая армия тоже находилась в стадии реорганизации в основу которой были положены принципы прусской ландверной системы.

Если русская армия имела затруднения для комплектования офицерскими кадрами, то в турецкой армии этот вопрос стоял гораздо острее: из офицеров только 5-10 процентов окончило военные школы, остальные набирались из унтер-офицеров. Еще хуже было с генералитетом, среди которого встречаются иностранные авантюристы, либо лица обязанные своим продвижением благоволению султана с минимальным боевым опытом и знанием. В случае войны, главнокомандующий обязан следовать указаниям военного министра и, кроме того, султан и его тайный совет обсуждали и утверждали все его действия.

Офицеров генерального штаба у турок было мало — 130 чел. выполняющие большею частью роль советников пашей, т. к. штабов в полном смысле этого слова не было.

Положение было иное в области вооружения. Турецкая армия располагала вполне совершенным по тому времени образцами стрелкового оружия, как, например, американская винтовка Пибоди-Мартини (нарез на 1830 шагов), а по своему снабжению патронами превосходила русскую армию.

Артиллерия количественно и качественно уступала русской; наличие у нее дальнобойных крупповских орудий не давало перевеса т. к. их было мало. Турецкая артиллерия вела огонь с дальних дистанций, метко стреляла гранатой, но не владела шрапнелью. Она слабо применяла сосредоточение огня и взаимодействие с пехотой было плохо налажено.

Турецкая промышленность не могла обеспечить оружием турецкую армию и в деле ее снабжения играла третьестепенную роль, не выдерживая сравнение с русской военной промышленностью.

Боевая подготовка турецкой армии перед войной находилась на крайне низком уровне. Один из турецких историков признает, что среди офицеров «редко кто умел читать и писать, а между тем, были в высоких чинах, до генерала включительно».

Что же касается военной подготовки, то турецкий генерал Иззет-Фуад-паша пишет:

«Так как на нашем языке почти не существует ни книг по стратегии, ни трудов по истории великих войн, то теоритически мы знали очень мало, и практически — совсем ничего, потому что за всё царствование Абдул-Азиза можно припомнить только один маневры, да и те продолжались всего... один день». Не следует принимать этот отзыв буквально. Исключения были, но в общем, большинство турецких офицеров было слабо подготовлено к маневренной войне. Естественно боевая подготовка солдат стояла весьма низко. За исключением султанской гвардии, пехота не была подготовлена к наступательному бою. Стрелковое обучение было плохо поставлено, но обильно снабженная патронами она могла вести огонь с дальних расстояний.

Таким образом, недостаток в обученном людском составе, низкий уровень командного состава, нехватка запасных орудий и не подготовленность к правильному бою ставили турецкую армию в худшее положение по сравнению с русской. Однако надо было учитывать превосходство турецкой армии в пассивной обороне и научиться ее преодолевать.

*
**

Россия как и Турция не имели определенного плана военных действий. Началом разработки русского плана могут считаться ряд лекций читанных в марте 1876 г. полк Артамоновым: «о наивыгоднейшем в стратегическом отношении способе действий против турок»: наступление должно было вестись по двум направлениям от Рущука и Систова на Адрианополь. Автор исходил из предположения, что турки не смогут выставить много войск. Не давая точной цифры армии необходимой для осуществления наступления, автор тем не менее предупреждал, что чрезмерная численность может осложнить снабжение войск, при заниженной же войска могут быть израсходованы не достигнув цели.

Эти лекции легли в основу соображений Милютина и ген. Обручева, представленных Имп. Александру II в Ливадии, 15 октября, когда решался вопрос о частичной мобилизации. Целью войны ставилось освобождение Болгарии путем занятия Северной Болгарии. Наступление на Константинополь предвиделось лишь в случае, если Турция продолжала упорствовать в отказе принятия русских требований. Очень подробно был разработан план переправы через Дунай, наиболее удобным пунктом для этого считался гор. Систов. Состав действующей армии определялся в 4 корпуса в предвидении, что на Европейском театре военных действий Турция сможет выставить только 80 000 чел.

В основном положении доклада были использованы при разработке плана кампании Дунайской армии. Ближайшим ее заданием было захват горных проходов на Балканах и овладеть Рущуком. Это дало бы возможность отрезать турецкие войска, расположенные против Сербии от их тыла, сформировать болгарское ополчение и подготовить дороги для движения главных сил.

Осуществление этого плана было возможно при условии, что объявление войны последовало бы сразу после мобилизации, когда война с Сербией и Черногорией была не окончена и Турция не провела мобилизации и не имела боеприпасов. Поэтому несмотря на трудное финансовое положение Милютин считал русскую армию более боеспособной, чем когда либо прежде: «...несмотря на многие еще остающиеся в нашей военной организации недостатки, никогда армия наша не была в такой готовности к войне, как теперь. Конечно,

мы находимся в переходном положении, все у нас еще в разработке, и, во всяком случае, мы не можем выставить армию в том идеальном составе и устройстве, которое проектировано в последнее время; но все-таки можем ныне выставить несравненно большие и лучше устроенные силы, чем когда-либо в прежние времена, и в особенности несравненно в кратчайший срок».

За истекшее время обстановка переменилась. Если политически Россия упрочила свое положение, то с военной точки зрения Турция получила отсрочку, чтобы подготовиться: пригласить иностранных инструкторов и произвести закупку военного снаряжения. Поэтому Обручев вносит изменения в свои соображения, ставя целью: полное уничтожение турецкого владычества на Балканах. Несмотря на возросшие силы противника он продолжает быть сторонником стремительного наступления, осуществляемого двумя армиями: первая (4 корпуса — 160 000 чел.), предназначается действовать в Придунайской Болгарии; другая же, 130 000 чел. (3 корп.), направляется прямо на Константинополь.Всего для действующей армии на Балканском полуострове было предвидено 300 000 чел. против 158 000 турок, тогда как в действительности их было 227 000 - 268 000. Кроме того, после дополнительной мобилизации Дунайская армия насчитывала только 235 000 чел. и не имела уже двукратного превосходства, необходимого по плану Обручева для выполнения задания в 5-ти недельный срок.

*
**

Наступление предвиделось и на Кавказском театре военных действий, хотя он являлся второстепенным как для русских, так и для турок; война должна была решиться на Балканском полуострове. Кавказской армии предписывалось воспрепятствовать переброске подкреплений из Малой Азии на Балканы. Вместе с тем своим продвижением она могла обеспечить России территориальные приращения.

Численность Кавказской армии достигала 100 тысяч чел. при 276 орудий. Главнокомандующим ее был назначен Вел. кн. Михаил Николаевич, но фактически руководство операциями лежало на ген. М. Т. Лорис-Меликове. Принимая во внимание высокие боевые качества Кавказской армии, решительное и внезапное наступление имело много шансов на успех. К сожалению, главное командование опасалось немедленного наступления, будучи уверено в двойном превосходстве противника, чего на самом деле не было. Поэтому, вопреки предложению ген. Тергукасова, сторонника наступления прямо на Эрзерум, было решено сразу после объявления войны перейти границу и занять позиции удобные для ее прикрытия и для разведки неприятельских сил. После чего будет решено: «идти на Ардаган, на Карс или наступать вглубь края, водворяя наше управление и обходя крепости.

Для Турции война могла быть только оборонительной. Она считала, что «если нельзя удерживать всю оборонительную линию Дуная от Мэчина до Видина, то с наступлением войны надлежит завлекать неприятеля вглубь страны и там дать ему сражение»; «если неприятель будет побежден, то мы заставим его перейти обратно через Дунай и будем преследовать его до Прута; в противном случае, удерживая Варну, Бургас и разные важные пункты в районе Балкан, нам следует не дать противнику распространиться».

На Кавказском театре военных действий турки располагали 70-90.000 чел., с которыми, опираясь на ряд модернизированных крепостей, могли с успехом противостоять наступлению. Кроме того, турецкое командование возлагало большие надежды, путем десантов на Черноморском побережье, возбудить восстание среди горцев Кавказа. Вообще турецкие планы носили расплывчатый и незаконченный характер. Если сравнить планы сторон, то наиболее разработанным следует признать соображения Обручева-Милютина.

Главнокомандующим Дунайской армии был назначен Вел. кн. Николай Николаевич, его начальником штаба ген. Непокойчицкий. Деятельность их во время войны оценивается по-разному, но для Милютина ни тот ни другой не были на высоте своего назначения. Вел. кн. Михаил Николаевич, назначенный главнокомандующим Кавказской армии, не обладал военными дарованиями и, чувствуя это, оставался в тени, полагаясь на своих подчиненных. Следует иметь в виду, что с боевой точки зрения его армия была наиболее подготовлена к наступательным действиям.

*
**

По обеим частным мобилизациям было призвано под ружье 372 000 солдат и унтер-офицеров с вполне удовлетворительной подготовкой. Затруднения возникали для доведения офицерского состава до штатов военного времени — не хватало 11.000 офицеров. Были приняты срочные меры: прием на службу отставных офицеров, производство без экзамена унтер-офицеров из вольноопределяющихся, ускоренные выпуски и производства из военно-учебных заведений. Если количественно эти меры дали положительный результат, то качественно он был неудовлетворительный особенно среди отставных офицеров.

Крупные недочеты оказались в организации тыла армии т. к. все планы для использования румынских железных дорог оказались ошибочными. Впрочем, надо иметь в виду, что подготовительную работу тормозило сознание неопределенности, — до последнего момента не было известно, будет ли война или не будет.

Интендантство, больное место русской армии в предыдущие войны, не могло заблаговременно создать склады для снабжения армии в период ее сосредоточения. Средства снабжения армии интендантским транспортом, после увеличения армии,

оказались недостаточны. Перед объявлением войны весь штатный интендантский транспорт мог поднять лишь три суточные армейские дачи. В конечном итоге, снабжение Дунайской армии взяло на себя Товарищество Грегера, Горвица и Когана на весьма невыгодных для нашей казны условиях, но это не мешало войскам страдать от хищения и нераспорядительности интендантских чиновников.

Во время сосредоточения армии были приняты так же меры для обороны Черноморского побережья. Береговая оборона была значительно усилена и, кроме того, ей были приданы два корпуса (7 и 10), что конечно ослабило действующую армию.

К началу войны Турецкая армия насчитывала 494.000 человек регулярных войск В Европе находилось 338.000 турок, из числа которых непосредственно против Дунайской армии предназначалось 206-тысячное регулярное войско под начальством Абдул Карим-паши, но его войска не были должным образом сосредоточены. Главная масса турецких войск находилась в четырехугольнике крепостей, прочие же войска были разбросаны мелкими частями на фронте от Кюстенджи до Ниша. Левофланговая группа войск, которая по плановым наметкам должна была сосредоточиться на участке от Систово до Рахово и нанести контрудар по Дунайской армии, не была сформирована.

На Кавказском театре военных действий к началу войны во главе армии стоял Мухтар-паша. Всего в первой линии было 65.000-75.000 турок. В составе этих войск преобладали: запас, ополченцы и иррегулярные части, особенно на Батумском направлении. При таком состоянии войск наступательные планы турецкого главного командования были неосуществимы.

*
**

После того как 28 марта Турция отвергла Лондонский протокол, исчезла последняя надежда на мирный исход — война стала неизбежной. 7 апреля Имп. Александр II, с многочисленной свитой отбыл к армии. В Жмеринке и Бирзуле он произвел смотр 5-ой и 31-ой пехотным дивизиям и 9-ой кавалерийской дивизии, представившиеся в отличном виде. По свидетельству Милютина, сопровождавшего Государя, »в особенности замечателен был бодрый, смелый вид теперешнего солдата сравнительно с прежним, забитым, запуганным страдальцем».

В Кишиневе, где находилась главная квартира Дунайской армии, 12 апреля Государь подписал манифест об объявлении войны. После чего, через Москву, где его ожидал восторженный прием, Государь отбыл в Петербург с тем, чтобы как можно скорее вернуться к армии.

Уже в день объявления войны наши войска перешли румынскую границу и двинулись к Дунаю. Их продвижению мешали дожди и половодье, сделавшие дороги непроходимыми. Если разлив Дуная препятствовал немедленной переправе, то эта задержка давала возможность ее подготовить. В первую очередь предстояло нейтрализовать турецкую речную флотилию на Дунае, состоявшую из 20 паровых судов, правда разбросанных мелкими отрядами без всякого единства в управлении. Для противодействия была создана русская Дунайская речная военная флотилия преимущественно из паровых минных катеров. Было приступлено к постройке береговых батарей, под прикрытием которых ставились минные заграждения. Результаты не замедлили сказаться: 29-го апреля артиллерийским огнем потоплен броненосный корвет «Люфти Джелиль», а в ночь на 13-14-ое мая подорван монитор «Сельфи» миноносным катером под начальством Дубасова и Шестакова. Кроме того, были поставлены минные заграждения на Нижнем Дунае. Все меры привели к тому, что турецкая речная флотилия предпочитала держаться под защитой своих крепостей. В итоге двухмесячной борьбы русским удалось обеспечить районы будущих переправ как на Нижнем, так и на Среднем Дунае.

*
**

В начале июня на Среднем Дунае развернулись: 8, 9, 11, 12, 13 корпуса; на Нижнем Дунае, у Галаца, развернулся 14-ый корпус. Всего в Дунайской армии состояло, не считая тыловых войск и нестроевых, около 180.000 чел. Вверх по Дунаю развернулась румынская армия в составе двух корпусов. Кроме того, под начальством ген. Столетова, формировалось болгарское ополчение. Главная квартира главнокомандующего расположилась в Плоешти. 25 мая туда же прибыл Имп. Александр II.

По обследованию Дуная переправу решено было произвести у Зимницы, ниже Систова, где турки располагали около 4 000 чел. при 6 орудиях. Чтобы отвлечь внимание неприятеля, 10-го июня части 14-го корпуса форсировали Дунай в районе Галац —Браилов и углубились затем в Добруджу. 12 июня наша осадная артиллерия начала громить Рущук, а на другой день Никополь. Таким образом турки до последней минуты не знали, где должна была произойти переправа. Эту тайну удалось сохранить благодаря исключительным мерам предосторожности. Лишь ограниченный круг лиц знал о месте и дне операции, назначенной в ночь с 14 на 15-ое июня (Государь был поставлен в известность лишь 14-го июня в 20 ч.). Переправляться в первую очередь предстояло частям 8-го корпуса под начальством Ф. Ф. Радецкого. Честь же форсировать Дунай выпала на долю 14-ой дивизии под командованием ген. М. И. Драгомирова тщательно для этого им подготовленной. Силы назначенные для десанта: 17 батальонов, 6 сотен и 64 орудия. Операция удалась блестяще при сравнительно малых потерях.

Следует особо отметить заслугу артиллерии, еще накануне занявшую выгодную позицию на ле-

вом берегу Дуная и подготовившаяся на борьбу с артиллерией противника. Попытка турок обстрела переправы на высоте Тепе-Бунар и на восточной окраине Систова была подавлена нашей артиллерией.

На другой день после переправы, Император переправился через Дунай и был восторженно встречен войсками и болгарами. Обратившись к обступившим его офицерам и солдатам Имп. Александр II расстроенным голосом сказал: «с малолетства сроднившись с армией, я не вытерпел и приехал, чтобы разделить с вами труды и радости».

Насколько тщательно была подготовлена переправа, настолько расплывчаты и не определены были планы дельнейшего наступления. По свидетельству Паренсова: «В главной квартире господствовала большая самоуверенность относительно исхода будущей войны; все говорили, что кампания будет короткая... до осени, до октября». И в то же время: «Мы ничего не знаем» — таково было заявление начальника штаба Непокойчицкого. Сведения о дорогах, в том числе железных, реках, переправах, силах турок, средствах сражений, в которые мы готовились вступить — были недостаточны и во многом гадательны». Кроме того, «разные учреждения действующей армии не только чуждались, но как будто боялись друг друга, скрытничали и распоряжались без всякой связи». Паренсов предвидел большие трудности по части обеспечения боевых действий со стороны органов тыла. В этой связи он отмечает неудовлетворительность «снабжения и обоза», пропускной способности руманских железных дорог и некомпетентность полевого интендантства.

*
**

Теперь перед русским командованием стояла задача развития достигнутого успеха. Прежде всего надлежало расширить и обеспечить Систовский плацдарм с флангов, а так же собрать сведения о противнике. С этой целью было решено отправить всеобразно три отряда: На юг — Передовой отряд под командой ген.-адъют. Гурко: 12.000 чел. и 40 орудий. Ему предписывалось овладеть Тырновым и занять горные проходы, открывающие путь в Адрианополь; Западный отряд — ген.-лейт. Криденер: 35.000 чел. и 108 орудий. Его задание: овладеть Никополем и занять Плевну, важный узел путей сообщения, значение которой было еще оценено в мирное время; На восток, по линии р. Янтры, Рущукский отряд наследника цесаревича Александра Александровича: 70.000 чел. и 224 орудия. Ему было поручено охранять левый фланг со стороны четырехугольника турецких крепостей.

Главные силы составляли три корпуса, но два из них были еще в пути. Таким образом, главных сил было недостаточно для развития активных действий. Причиной являлась первоначальная недооценка противника, допущенная в планах войны. Думать же о стремительном наступлении по рецепту Обручева не приходилось из-за слабости Передового отряда. Нерациональное распределение сил вызывалось также присутствием Императора при Действующей армии. Государь сразу же после переправы, перенес свою квартиру в Зимницу. Тут он долго не остался и, несмотря на уговоры приближенных и самого главнокомандующего, 6-го июля переезжает в Белу с тем, чтобы приблизиться к войскам. Если его присутствие несомненно способствовало поднятию духа, то с другой стороны заставляло командование принимать особые меры обеспечения.

Известие о переходе русскими Дуная произвело потрясающее впечатление в Турции и в Европе. Турки начинают срочно сосредоточивать войска: армия Сулейман-паши перебрасывается из Черногории в Адрианополь, занимаются горные проходы; армия Осман-паши выдвигается из Видина к Плевне. Главнокомандующий Абдул-Керим-паша обвиненный в бездеятельности, отдан под суд, а на сго место назначен Мехмет-Али-паша, родом немец. Все эти меры приводят к сосредоточению армии количественно способной к активным действиям.

Наш Передовой отряд был сформирован 18-го июня и начал свое движение как только был устроен мост через Дунай. 25 июня он почти без боя занял древнюю столицу Болгарии, Тырнов и подошел к Большим Балканам. Первой задачей было овладеть горными проходами, а именно Шипкинским, Травненским, Еленинским и Хаинкиойским. Ближайшим из них являлся Шипкинский перевал, но он был уже занят значительным турецким отрядом, а потому было решено обойти его с юга через трудно проходимый, но слабо защищенный Хаинкиойский перевал. Преодолев его ген. Гурко двинулся на запад по долине р. Тунджи и 5 июля, взяв с боя Казанлык, вышел в тыл позиции турок у Шипки. Попытка овладеть ею с боя совместно с частями 8-го корпуса не увенчалась успехом, но 7-го июля, турки, опасаясь окружения, отступили на юго-запад. Таким образом, после 8-дневного похода удалось овладеть Хаинкиойским, Травненским и Шипкинским проходами. Дальнейшее продвижение было остановлено переходом турок в наступление. Уже 10 июля стало известно о переброске из Черногории армии Сулейман-паши. 19 июля он обрушился на часть Передового отряда под Ески Загрой, после чего Гурко вынужден был отступить за Балканы, предоставив оборону проходов 8-му корпусу под начальством ген. Радецкого.

Рущукский отряд тоже перешел в наступление и, не встречая значительного сопротивления, закончил 29 июня свое сосредоточение по р. Янтре. Западный отряд так же приступил к выполнению своей задачи, овладев 3-го июля Никополем. Приведем болгарский отклик на эти события (И. Вазов. «Первые дни болгарской свободы»): «Систово жило своею обыкновенною кипучею жизнью, наводняемое волнами постоянно приходящих и отходящих войск. Сначала мы жили как бы в беспрерывном опьянении от быстрых побед русских, которые приводили нас в неописуемый восторг. Бы-

ли уже взяты Тырново, Дреново, Елена, Трявна, Габрово; ген. Гурко занял Шипку и прошел с нашими соколами-ополченцами через Старую Планину, освободил долины Стремы и Тунджи и навел панический страх на турок до самого Пловдива и Одрина (Адрианополя); ген. Криденер взял Никополь — и мы видели, как провозили его шеститысячный гарнизон, взятый в плен со своим начальником Кел-Хассан-пашою, который с головою ушел в высоко приподнятый воротник своей шинели, чтобы не видела его райя (стадо — презрительное наименование немусульманского населения). Русские войска продвигались вперед со стремительностью и силой урагана. Целый свет, притаив дыхание, смотрел на эти непрерывные триумфы.»

*
**

Следующим этапом в наступлении 9-го корпуса являлась Плевна, обладание которой должно было обеспечить наш правый фланг со стороны Видина. Только 6 июля ген. Криденер получил приказание для ее занятия и отрядил для этого сборную дивизию под командой ген. Шильдер-Шульднера. Войска выступили без предварительной разведки. Между тем Осман-паша с 15.000 отборного войска успел их опередить. Выступив из Видина 1-го июля он уже на рассвете 7-го вошел в Плевну, тогда как Шильдер-Шульднер подошел только к 14 часам. Завязалась перестрелка, но атаковать было решено на другой день. Атака не удалась вследствие плохой подготовки и нераспорядительности высшего командования и стоила 2.400 убитых и раненых. После этой неудачи было решено двинуть силы более значительные. Под начальством ген. Криденера был сформирован отряд силою в 32.000 чел. при 182 орудиях. За это время Осман успел значительно укрепиться. После получения подкреплений из Софии его силы возросли до 30.000 при 58 орудиях. Кроме того он занял Ловчу гарнизоном в 8.000 чел.

Атака было возобновлена 18 июля. Войска были разделены на два отряда. Главный удар наносился на правом фланге (ген. Криденер-Вельяминов). Атака же левого фланга (кн. А. И. Шаховской) должна была быть воспомогательной. На деле же, по недоразумению, действие началось на левом фланге. Несмотря на доблесть проявленную войсками все атаки были отбиты, только на левом фланге отряду Скобелева удалось овладеть Зелеными горами и подойти к предместьям Плевны. Наши потери были свыше 7.000 чел. против 3.800 у турок.

Причина неудачи была, прежде всего, в отказе командования считаться с условиями современного боя, в котором массовый ружейный огонь и полевые укрепления являются непреодолимой преградой для войск, наступающих в густых построениях.

После второй Плевны Милютин несогласный с веденем войны, написал обстоятельную записку, в которой излагал свою точку зрения на ход военных операций и подверг серьезной критике действия командования.

«В отношении тактическом, — отмечал Милютин, — мы не можем всегда вести бой, бросаясь открыто, смело, прямо на противника, даже несравненно превосходя его в силах, особенно, когда он успел укрепиться. Если будем по-прежнему всегда рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию.

В отношении же стратегическом, очевидно, нельзя уже надеяться на то, чтобы одним быстрым, смелым набегом вперед за Балканы... произвести панический страх в неприятельском войске, народе и через несколько недель времени под стенами самой столицы его, предписать ему мирные условия.

Поэтому, — продолжает Милютин, — казалось бы необходимым сообразить план дальнейших наших действий таким образом, чтобы, не подвергая наши войска непомерным потерям, прочно утверждаться в том крае, который постепенно занимаем, и тем оградить себя от возможных невыгод, даже опасных для нас оборотов дела...»

Далее Милютин излагает свой план распределения войск и дальнейших операций. В заключение он еще раз подчеркивает необходимость «внушить начальникам войск бережливость на русскую кровь».

Положение Дунайской армии на 18 июля Милютин расценивал резко отрицательно. «При отсутствии общего резерва, вся армия разбита на малые части по обширному полукружью, замыкающее занятое пространство края Полукружье это имеет 320 верст протяжения, и не в одном пункте этого полукружия нет сил более 2-х, 3-х пехотных бригад с несколькими полками кавалерии».

«Поправить такое невыгодное, даже опасное положение наше можно не иначе, как отказавшись на время от предприятий наступательных до прибытия более сильных подкреплений, стянуть разбросанные силы в небольшое число пунктов, занять выгодные позиции и где нужно укрепиться».

*
**

Отголоском «Второй Плевны», в России «Вестник Европы» в сентябре сообщал: «сражение это вызвало большую перемену в настроении общества, сменив чрезмерную уверенность, порожденную первыми успехами, на преувеличенное разочарование».

После «Второй Плевны» было решено отказаться от мысли перехода через Балканы, но зато принять все меры для усиления численности армии. Уже к концу августа ожидавшиеся подкрепления давали 50.000 чел. Кроме того, была мобилизована вся гвардия (за исключением кирасирской дивизии) и гренадерские дивизии, всего 90.000-100.000 чел.,

которые могли прибыть в конце октября. Решено было так же привлечь румынские войска, что давало еще 41.000 человек.

*
**

Обратимся теперь к операциям на Кавказском театре военных действий, где картина была приблизительно та же.

Как было предвидено, русские войска перешли немедленно в наступление четырьмя колоннами: крайне правая — ген. Оклобжио, так называемый Кобулетский отряд, — 32.000 чел., 68 орудий имела своей целью Батум и должна была, кроме того, оберегать черноморское побережье. Против нее 25.000 турок под начальством Дервиш-паши. Правая — ген. Девель — 9.000 чел. и 24 орудия на Ардаган; средняя — ген. М. Т. Лорис-Меликов — 30.000 чел. и 96 орудий — на Карс; левая — ген. Тергукасов — 11.000 чел. и 32 орудия — должна была овладеть Баязетом, а потом идти на Эрзерум. Кроме того, две дивизии оставались для наблюдения за спокойствием в крае.

Против этих сил, составлявших Кавказский действующий корпус, турки могли противопоставить лишь 17.000 чел., разбросанных по гарнизонам Ардагана, Карса и Баязета и 12.000 полевых войск при 20 орудиях, остальные части еще не успели подойти. Турки недооценили численности кавказской армии, а поэтому ее наступление застигло их врасплох. Первой мерой, которую поспешил принять турецкий главнокомандующий Мухтар-паша, был отвод своих войск за Саганлугский хребет в ожидании подкреплений. В Карсе он оставил гарнизон в 10.000 чел., а для защиты путей на Эрзерум выставил два отряда: один у Зивина, другой у Алашкертской долины.

Пользуясь численным превосходством, русское командование могло развить наступление на главном направлении с тем, чтобы разбить Мухтар-пашу до того как он соберет свою армию и в то же время овладеть Эрзерумом и богатыми продовольственными ресурсами его окрестностей. К сожалению, ген.-адьют. Лорис-Меликов, из опасения двукратного превосходства турок, предпочел действовать на второстепенных участках: 18 апреля отряд Тергукасова занимает Баязет, а Ардаган взят штурмом 5-го мая. Два успеха, которые не искупали упущенного времени для разгрома турецкой армии или взятия Карса, имевшего большее значение, чем Ардаган. К осаде Карса было приступлено только 7-го мая. К тому времени Мухтар-паша располагал уже армией в 35.000 чел. и, в свою очередь, предполагал перейти в наступление для деблокады Карса. Для начала он задумал кавалерийский рейд, в 4.000 всадников, на тылы действующего корпуса с тем, чтобы способствовать восстанию в Чечне и Дагестане, но прежде чем перейти к действию эта конная масса была рассеяна лихой атакой конницы кн. Чавчавадзе в ночь 17-18 мая под Бегли-Ахмедом.

Для отвлечения внимания Мухтар-паши от Карса Лорис-Меликов предписывает 30 мая отряду Тергукасова, находящемуся на берегах Евфрата, немедленно и энергично производить активную демонстрацию на неприятеля, сосредоточенного на Саганлуге, дабы воспрепятствовать ему спуститься на выручку Карса, а «ввиду крайней важности дела не стесняйтесь, могущими быть потерями». Предприятие рискованное для отряда, насчитывавшего лишь 7.000 чел., оторвавшегося от своих баз на 215 км., тылу которого угрожал со стороны Вана отряд Фанк-паши. Дальнейшее продвижение Эриванского отряда создавало серьезную опасность для правого фланга армии Мухтар-паши. После неудачной попытки задержать русских 4-го июня у Драм-дагского хребта, турецкий главнокомандующий решил обратить против Тергукасова все свои силы. Для этого он снял с Зивинской позиции 17.000 чел., оставив на ней 10.000. Между тем Лорис-Меликов, обеспокоенный удаленностью Эриванского отряда, решил комбинировать его наступление с тыла — фронтальной атакой Зивинских позиций колонной ген. Геймана: 12.000 чел. пехоты, 5.500 шашек, при 64 орудиях.

9 июня турки атаковали Эриванский отряд у Даяра и, несмотря на численное превосходство, потерпели поражение. Дальнейшее движение отряда было остановлено в ожидании известий от Геймана. Последний, без предварительной разведки, решился атаковать 13 июня в лоб сильную турецкую позицию и был отбит. Эта неудача настолько повлияла на Лорис-Меликова, что он не только снял осаду с Карса, но, удерживая Ардаган, отвел войска к русской границе в ожидании подкреплений. (Решение вызванное затруднениями в сообщении с тылом, где разгорелось восстание). Турецкий флот еще 3-го мая бомбардировал Сухум-Кале и высадил черкесов с целью вызвать вооруженное выступление на Кавказе.

В это время Эриванский отряд был близок к гибели; связь с главными силами была потеряна, телеграфная связь прервана с 6-го июня, когда войска Фанк-паши (4.000 чел., 7.000 иррегулярных войск при 11 орудиях) осадили Баязет. Комендантом которой был кап. Штоквич с гарнизоном из 1.700 чел. при 2-х орудиях. Провианта имелось на 9 дней, а воды только на пять. Малочисленный гарнизон изнуренный жаждой и голодом успешно отбивал повторные атаки неприятеля и отвергал предложения сдаться К концу осады, продолжавшейся 23 дня, у Баязета находились: в 25 км. Измаил-паша — 12.000 чел. и 8 орудий; Мунив-паша — 2.000 чел. и 2 орудия стоял под Баязетом; Фанк-паша 6.000 чел. и 5 орудий у Теперкея. Извещенный о бедственном положении Баязета, Тергукасо 15-го июня решил отступать к русской границе, чтобы потом идти на выручку Баязета. Окруженный со всех сторон превосходными силами противника отряд не мог передвигаться быстро. Движение его замедлялось тысячами армянских семейств, которые, опасаясь быть перебитыми башибазуками, присоединились к отряду со всем своим

домашним скарбом. Поэтому Тергукасов решил отходить в Эриванскую губернию, на Игдырь, где он мог оставить обоз и пополнить свои боеприпасы. Отряд прибыл в Игдырь 23-го июня и уже 25-го на рассвете, выступил к Баязету (7.500 чел., 24 орудия и 7 ракетных станков), где осажденные начинали уже терять надежду на освобождение. Лишенный провианта, добывая себе воду с опасностью для жизни, гарнизон был так истощен, что отдача ружья при выстреле валила стрелка с ног. Какова была радость 28-го июня, когда пронеслась весть о приближении Тергукасова. Об освобождении гарнизона он извещает Верховного Главнокомандующего следующей телеграммой: «Сегодня в 8 часов утра войска вверенного мне отряда, в составе 8-ми батальонов пехоты, 24 орудий, 15 сотен и 4 эскадронов, атаковали неприятельский тринадцатитысячный корпус, осаждавший цитадель. После 8-ми часовой перестрелки и канонады, войска взяли штурмом командные высоты; весь неприятельский корпус наголову разбит и рассеян. Сверх нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, взято четыре орудия, весь лагерь и много военных и других запасов. Цитадель освобождена; гарнизон ее и все больные и раненые до последнего человека выведены, так как город, разрушенный до основания последними событиями, лишился военного значения. С нашей стороны потеря весьма незначительна, но в точную известность еще не приведена. Все роды войск мужеством и братским содействием явили себя попрежнему достойными всякой похвалы. Имею счастие поздравить Ваше Высочество с освобождением геройского гарнизона, бодро выдержавшего двадцатитрехдневную осаду, при чрезвычайных лишениях всякого рода».

Этими действиями заканчивается первый период войны на Кавказском фронте. Эриванскому отряду была поручена охрана границы на протяжении 60 км, от горы Арарата до селения Кульпы. Необходимо было принять оборонительное положение до прибытия подкреплений, ожидавшихся как с Кавказа, так из внутренних губерний.

*
**

Под впечатлением наших неудач на Балканах турки решают перейти в наступление, с тем чтобы отбросить русские войска за Дунай. Наступление должно было вестись с трех сторон: Осман-паша от Плевны; Восточно-Дунайская армия под начальством Мехмет-Али-паши от Разграда и армия Сулейман-паши с юга — на Шипку.

После отхода Передового отряда защита горных проходов осуществлялась частями 8-го корпуса под начальством ген. Радецкого: 46.000 чел. и 179 орудий. Русские войска оказались распыленными на протяжении 120 км и вынужденные кроме того оберегать свой левый фланг от возможного наступления Мехмет-Али, не могли обеспечить в полной мере оборону проходов. Достаточно сказать, что на Шипке находилось 3 батальона Орловского полка и 6 болгарских дружин, то есть 5.000 чел. и 1.500 в резерве.

Сулейман-паша, передвижение которого оставалось неизвестным для русского командования до 6-го августа, располагал 27.000 чел., не считая башибузуков, и 36 орудиями. Позиция Шипки представляла вид длинного извилистого кряжа, на котором гора Св. Николая, как бы закрывает вход в ущелье, по которому проходит дорога, ведущая с юга, от Шипки на Габрово. По сторонам позиции находятся глубокие лощины, покрытые большею частью лесом, а за ним новые высоты, допускавшие обстреливание почти всех точек. Таким образом главнейшим неудобством нашей позиции было то, что ее можно было обстреливать со всех сторон. Другим неудобством было ее отдаленность от главного резерва, находящегося в Тырнове, на расстоянии двух переходов.

Бой начался 9 августа. В течение дня турки 8 раз безуспешно ходили в атаку, неся огромные потери. Защитники Шипки проявили чудеса храбрости, но к концу дня начал ощущаться недостаток в воде и снарядах. На горе Св. Николая отбивались скатывая на турок каменные глыбы. Единственным облегчением был приход Брянского полка.

День 10 августа прошел в перестрелке. Ген. Радецкий оповещенный о трагическом положении Шипки дал знать, что резервы не могут подойти раньше конца следующего дня.

День 11 августа был критическим. Турок было в три раза больше (25.000 против 7.200). Русские солдаты и болгарские ополченцы соперничали в доблести. Турки начали обхватывать позицию с трех сторон. Напряжение достигло крайнего предела, снарядов почти не было, на некоторых участках обороны лишь у немногих солдат оставалось по два патрона. Но к 17 ч. турки выдохлись и без поддержки резервами ничего сделать не могли. В этот момент пришла долгожданная помощь.

Первым прибыл ген. Радецкий с 2-мя сотнями казаков и горной батареей. Вскоре, на казачьих лошадях, прискакала рота 16 стрелкового батальона от 4-ой стрелковой бригады, изнемогавшая в пути под лучами палящего солнца. Стремительной атакой турки были отброшены, сохраняя, правда, свое обхватывающее положение. Причем линии расположения противника находились всего лишь в нескольких стах шагах от наших окопов. Ночью прибыла и 2-ая бригада 14-й пехотной дивизии, что довело шипкинский отряд до 20 1/2 батальонов при 38 орудиях.

Усиление наших сил вызвало решение ген. Радецкого атаковать турок на следующее утро, чтобы завладеть высотами, дававшими противнику удобные подступы к нашим позициям и создающими даже угрозу нашему тылу. Но с рассветом 12-го августа турки первые перешли в наступление в центральном участке, а после полудня и на гору Св. Николая. Несмотря на яростные атаки, турки были отброшены. На следующий день ген.

Радецкий возобновил атаку. Ожесточенный бой продолжался весь день. Русским удалось овладеть одной из высот — Лесным Курганом, но 14 августа, из-за отсутствия резервов, пришлось вернуться в исходно положение.

Шесть дней длился непрерывный бой. Наши потери были очень велики: из строя выбыло 3.350 солдат и 108 офицеров. Ген. Драгомиров был ранен, а ген. Дерожинский убит. Потери у турок были вдвое больше.

Таким образом бой решительных результатов не имел и с этого дня защитники Шипки были обречены на пассивную оборону и на заботу по укреплении своих позиций, а главное, устройство закрытых от огня противника сообщений с тылом. Только 5-го сентября турки попытались еще раз с бою овладеть Шипкой. В три часа утра они произвели атаку с южной и западной стороны, им даже удалось овладеть Орлиным Гнездом, откуда они были выбиты после отчаянной рукопашной схватки.

После этого боя наступило затишье — «шипкинское сидение». Начались морозы и метели, построенные замлянки плохо защищали от сырости и холода, ощущался недостаток в теплой одежде. Нередки были случаи замерзания часовых на посту, сюжет знаменитой картины художника Верещагина «На Шипке все спокойно» (обычная редакция донесений поступающих с Шипки). За период «сидения» (с 5 сентября по 24 декабря) из шипкинского отряда выбыло вследствие болезней, до 9.500 чел., а за то же время убитыми и ранеными только около 700 чел. Противник, отказавшись от активных действий, не переставал обстреливать наши позиции артиллерийским и ружейным огнем.

События на Шипке застали Имп. Александра II у Горнего Студеня, где со 2-го августа объединилась Главная квартира Главнокомандующего с Гл. Императорской квартирой. Милютин очень хорошо передает царившее там настроение:

«Оказывается, что наши войска не только не имеют преимуществ сильной, укрепленной позиции, но, напротив того, сами находятся под перекрестным огнем неприятеля, занимающего командующую и гораздо более выгодную позицию. Мы до сих пор имели совершенно неверное понятие о положении обеих сторон, — и как не подивиться тому, что ни главнокомандующий, ни его начальник штаба не позаботились разузнать точнее, какова наша позиция, как она укреплена. Сам Государь, день и ночь ожидавший с трепетным волнением телеграмм из Габрова, до сих пор не отдавал себе ясного отчета о положении дел на Шипке. Сегодня вечером я не мог воздержаться от откровенного выражения моего удивления: каким образом в течение целого месяца главное начальство армии не позаботилось о том, чтобы обеспечить оборону занятых нами балканских проходов, и даже не полюбопытствовало узнать, как именно заняты эти проходы. Но не в первый уже раз приходится убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии.

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства, относятся к нему с осужденнем и ропотом. Не говорю уже о свите государевой: досадно слышать ежедневно, с утра до вечера, самонадеянные толки людей, не занимавшихся во всю жизнь ничем серьезным и ничего не понимающих в военном деле. Когда эти люди пристают ко мне с своими вопросами, мнениями, советами, я не отвечаю им или говорю, что армией командуем не мы, а великий князь Николай Николаевич. Как ни худо он распоряжается, а все-таки будет еще хуже, если начнут распоряжаться многие» (Милютин. Там же стр. 206).

Против Рущукского отряда турки также перешли в наступление и, после ряда боев, отряд этот занял позиции вдоль левого берега Лома и обеспечил левый фланг армии. В этом отряде под Рущуком 12-го октября был убит Герцог Лейхтенбергский, внук императора Николая I.

Под Плевной, где командующим русско-румынскими войсками был назначен князь Карл Румынский, Осман-паша 19-го августа перешел в наступление, атаковал наши войска у Пелишата, но был отражен с большими потерями. Вскоре ген. кн. Имеретинский и ген. М. Д. Скобелев овладели Ловчей.

Пользуясь прибытием подкреплений высшее командование решило возобновить штурм Плевны 30 августа. День оказался выбран неудачно: туман, сырость и время для начала атаки (15 ч.) было слишком позднее. Перевес сил был определенно на стороне русских 83.000 чел. при 424 орудиях, а у турок 34.000 чел. и 72 орудия. Вследствие скверной разведки не имелось точных данных о расположении укрсплений. Сам бой был задуман неправильно. Вместо атаки с запада, где город был менее всего защищен и где была возможность перехватить путь сообщения на Софию, главный удар наносился с юга. Артиллерийская подготовка, несмотря на интенсивность, была плохо налажена и не могла потому дать положительных результатов. Войска сражались доблестно и захватили несколько важных участков турецкой позиции: на правом фланге Архангелогородский полк, поддержанный румынами взял приступом большой Гривицкий редут; на левом ген. Скобелев, после упорного боя, захватил Зеленые горы и редуты к югу от Плевны, открывавшие доступ в самый город. Успех не имел последствий, т. к. ввиду отказа высшего командования затронуть резерв, Скобелеву, под давлением превосходных сил, пришлось на другой день очистить редуты. За эти дни из нашего строя выбыло 17.000 чел., турки потеряли 3.000 чел.

На второй день боя настроение высшего командования было настолько удрученным, что Государь обратился к военному министру со словами:

— Приходится отказаться от Плевны, надо отступить. Что ж делать, надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам.

— Но ведь подходят уже подкрепления — возразил Милютин. Но Главнокомандующий заметил,

что не видит возможности удержаться до подхода подкреплений.

— Если считаете это возможным, то принимайте команду, а я прошу меня уволить, с горячностью заключил он.

— Кто знает, — заметил Милютин, — в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками. Аргумент подействовал и окончательного решения не было принято.

1-го сентября состоялся военный совет под председательством Императора. Было решено мобилизовать гренадерские дивизии, притянуть к Плевне как можно больше сил и начать блокаду ее под общим начальством ген. Тотлебена. Герой Севастополя приехал 15-го сентября и был поражен болезненным видом Государя. Нелегко далось ему пребывание с армией: скверный климат отзывался на его здоровье; на его первую впечатлительную натуру действовали вид госпиталей и лазаретов переполненных ранеными, и его тяготило сознание тщетности этих страданий.

Др. С. П. Боткин, находившийся при армии как врачебный эксперт и бывший так же личным врачем Императора дает в своих письмах суровую оценку недостатков нашего военного устройства. Он задает вопрос, знает ли Государь причину наших поражений? «Неизвестно. Его кругом обманывают и кто же из специалистов решится прямо и откровенно высказать свое мнение? Всё окружающее не блестит таким гражданским мужеством, которое давало право говорить правду где нужно». Пока же переспливая свой недуг нравственный и физический Император продолжает нести свой добровольно принятый крест.

*
* *

К середине сентября взаимное соотношение сил и расположение войск на Балканском полуострове было следующим: русские и румынские войска насчитывали в строю 277.000 чел. при 155 батареях; — с подкреплениями численность русской армии должна была возрасти к концу октября на 100.000 чел. и 40 батарей.

Турецкие войска на всем Балканском полуострове насчитывали 350.000 чел. при 583 орудиях. Из этого числа против русско-румынских войск действовало немногим более 200.000 чел. при 450 орудиях, остальные же войска были расположены против Черногории, Сербии и Греции, или находились на острове Крите, в Боснии, в Герцеговине и в Константинополе.

Для осуществления полного обложения Плевны было необходимо прервать ее сообщение с Софией, откуда шло снабжение армии Осман-паши. Чтобы обеспечить за собой обладание этой дорогой, турки возвели ряд укреплений, как-то: Горний Дубняк (3.600 чел., 4 ор.), Телиш (6.000 чел., 6 ор.), Дольний Дубняк (3.600 чел. и 4 ор.). Задача овладеть ими была возложена на ген. Гурко, в отряд которого входила и гвардия, прибывшая к Плевне в конце сентября. Первой целью был намечен Горний Дубняк. Здесь турки устроили два редута, один большой другой малый, окруженные большим числом окопов и траншей. Все эти укрепления были расположены на открытой высоте, представлявшей обороняющимся прекрасный обстрел во все стороны. Против него была назначена 2-ая гвардейская пехотная дивизия, гв. стрелковая бригада и саперный батальон при 54 орудиях. Против Телиша, под прикрытием л.-гв. Гусарского и л.-гв. Драгунского полков, л.гв. Егерский при 8 орудиях.

Предварительной разведки не производилось, чтобы сохранить атаке характер внезапности и не возбудить подозрения турок. Атака была назначена на 12 октября. После ожесточенного боя, с 9 ч. по 18 ч., гвардия овладела Горным Дубняком. Дорогой ценой была куплена победа: у русских 3.600 убитых и раненых, у турок 1.500 ч. В плен сдалось 2.300 чел. Под Телишем егеря потерпели неудачу, из строя выбыло почти половина полка (900 чел.). Эти потери станут понятны, если принять во внимание, что перед турецкой позицией лежала как бы огненная двухверстная полоса, а «огонь турок, по словам ген. Тотлебена, уподоблялся действию катящейся машины, непрестанно извергающей массу свинца на огромные расстояния» («Гв. Вестник» № 29). Кроме того, как это было уже при «трех Плевнах», существенным недостатком оказалась артиллерийская подготовка, несогласованность атак, которые ведутся густыми построениями. «Вообще после Горного Дубняка, пишет А. К. Пузыревский, войска наши замечательно быстро освоились с формами современной тактики, обусловливаемыми действием нынешнего дальнобойного и скорострельного оружия». Ген. Гурко особо подчеркивает, что «при таком духе войск и при силе взятых штурмом укреплений потери не могли не быть велики».

Между тем взятие Телиша было необходимо для расширения полосы обложения. На этот раз было решено действовать исключительно артиллерийским огнем. После тщательной рекогносцировки, 16 октября 10 батарей открыли со всех сторон сосредоточенный огонь с дистанции 1.600-2000 м. После двухчасовой бомбардировки комендант выкинул белый флаг. Русские потеряли одного убитого и 5 раненых, турки убитыми 157 чел. Занятие Телиша так повлияло на коменданта Дольнего Дубняка, что он в ночь на 19-20 октября увел свои войска в Плевну.

Таким образом, кольцо окружения плотно сомкнулось вокруг Плевны. Войска обложения номинально возглавлялись князем Карлом Румынским, фактически же Тотлебеном.

К этому времени русские располагали почти полуторным превосходством — 337.000 чел. против 227.000 чел. у турок. Против одной только Плевны находилось 122.000 чел. но при этом главное командование, приняв меры обеспечения на Южном

и на Восточном фронтах и на Дунае, тем самым лишало себя общего резерва на случай перехода в наступление, в расчете его иметь после падения Плевны.

Гарнизон Плевны насчитывал 500.000 чел. при 72 орудиях и продовольствия на 21 день. Осману было приказано держаться до истощения продовольствия, после чего он мог пробиваться там, где он сочтет удобным. Вся окружность обложения Плевны состояла из трех линий, разбитых на шесть участков. В первой линии — ложементы; во второй — траншеи; в третьей редуты и батареи. В случае захвата 1-ой линии она могла обстреливаться из траншей. Артиллерия получила особую инструкцию для сосредоточения огня и на случай прорыва. За три месяца осады батареи выпустили 110.000 снарядов (18.000 осадных). Их огонь, как потом убедились, был мало действительным ввиду маломощности снарядов и крепости неприятельских укреплений. Особое внимание было обращено на подготовку солдат в случае прорыва и быстрое передвижение на наиболее опасные участки. Вообще в разработке обложения сказался опыт Севастопольской обороны в лице Тотлебена и личная творческая инициатива русских военных инженеров.

***

Турки приняли ряд мер для освобождения армии Османа. Они вновь атаковали отряд Цесаревича: 14 ноября штурмовали наши позиции у Мечки, но были отбиты нашими войсками под начальством командира 12 армейского корпуса Вел. кн. Владимира Александровича. Под Софией турки стали формировать армию под начальством Мехмет-Али, предназначавшуюся для наступления к Плевне с целью выручки Османа. Навстречу этой армии был направлен из-под Плевны в Этропольские Балканы Западный отряд ген. Гурко, силою около 30.000 человек, главным образом из гвардии. Этот отряд после ряда боев в предгорьях Балкан у Врацы, Правца, Новачина, Этрополя и на высотах Араб-Конака, утвердился на Этропольских Балканах, преградив дорогу Мехмет-Али к Плевне. Наконец турки двинулись в превосходных силах в промежутках между Шипкинским и Рущукским отрядами и 22-го ноября атаковал наш слабый отряд у Елены. После частного успеха турки вынуждены были прекратить наступление, ввиду стойкого поведения наших войск, своевременно поддержанными подкреплениями. Таким образом все меры принятые турками для выручки Осман-паши не удались.

ОПЕРАЦИИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ

На Кавказском театре военных действий после 2-х месячного затишья наступил переломный момент. С отступлением русских войск главные силы армии Мухтара-паши (37.000-38.000 чел. при 74 ор.) расположились на северном склоне Аладжинских высот к востоку от Карса. С этой позиции турки могли угрожать нашему Закавказью, тогда как мы по малочисленности сил не могли предпринять никаких решительных действий до подхода подкреплений. У Игдыря, где расположился Эриванский отряд, имея против себя войска Измаил-паши, турки особой активности не проявляли.

С подходом подкреплений (40-й пехотной и 1-ой гренадерской дивизии) силы Действующего корпуса возросли до 56.000 чел. при 220 орудиях. Соотношение сил изменилось в нашу пользу и было решено перейти в наступление, следуя плану составленным ген. Обручевым, прибывшим в июле месяце на театр военных действий.

20, 21 и 22 сентября шли упорные бои не давшие положительного результата, но позволившие определить недочеты плана сражения. Турки же для лучшего сосредоточения отошли, заняв наиболее важные пункты позиции. Предвидя отступление противника на Саганлуг, Обручев предложил направить ему наперерез обходную колонну, которая позволит окружить и разгромить армию Мухтар-паши. К наступлению было назначено 45.000 штыков, 4.500 сабель и 228 орудий. В обходную колонну под начальством ген. Лазарева вошли — 23 батальона, 5 кавалерийских полков и 70 орудий. Ей предстояло совершить марш в 80 км. За отрядом тянули телеграфную линию, сыгравшую значительную роль в последовавшем сражении, для осуществления одновременной атаки турецкой позиции с фронта и тыла и при завершении окружения. 2-го октября вечером войска ген. Лазарева достигли назначения, о чем по телеграфу было сообщено Главнокомандующему с предложением на рассвете следующего дня начать наступление. Главный удар наносился с фронта по горе Авлиар, со взятием которой турецкая армия разрезалась надвое, т. е. войска находившиеся у Аладжи оказывались окруженными и отрезанными от Карса. В бою 3-го октября кавказские войска явили присущую им доблесть. Инициатива частных начальников, как-то командира Лейб Эриванского полка, корректировала чрезмерную осторожность высшего командования. Блестящая атака колонны ген. Лазарева в тыл позиции завершила разгром турецкой армии. Турки потеряли пленными, убитыми и ранеными 18-20.000 и 35 орудий, русские потери 1.500 чел. Победа не только подняла дух армии, но она коренным образом изменила положение русских войск в Малой Азии, произведя переворот в настроении местного населения. После поражения на Аладжинских высотах, часть турецких войск укрылась в Карсе, другая, с Мухтар-пашей, отступила за Саганлуг к Зивину. Кроме того сильный отряд Измаил-паши находился против Эриванского отряда.

Русские войска разделились на два отряда: один под начальством ген. Лазарева — 32.000 чел. и 124 орудия против Карса, другой ген. Геймана

— 18.000 чел. должен был идти к Зивину, чтобы покончить с Мухтар-пашей, но последнему удалось ускользнуть и соединиться с отрядом Измаил-паши. После чего он отошел и занял на подступах к Эрзерумy сильную позицию у Деве-Бойну. Позиция эта, давая отличный обстрел впереди лежащей местности, отличалась замечательной силой с фронта. В то же время гористая труднодоступная местность на флангах, делала обход ее весьма затруднительным. Кроме того, она была еще заблаговременно, сильно укреплена турками. Объединенные силы Гсймана и Тергукасова (25.000 чел. и 90 орудий) атаковали ее 23 октября. В этом бою вновь с успехом был применен обходный маневр, умелое действие артиллерии значительно облегчило продвижение пехоты. Победа была обеспечена тем, что начальство на месте руководствовалось больше обстановкой, чем узкими рамками диспозиции. Турки бежали. Русские войска их преследовали до наступления полной темноты. Мухтар-паша с остатками резерва укрылся в Эрзеруме. У русских выбыло из строя 1.000 чел., турки — убитыми, ранеными и пленными потеряли 7.000 чел. и 43 орудия. Ген. Гейману было бы легко воспользоваться паникой царившей у турок, чтобы с ходу захватить Эрзерум. Вместо этого он потерял четыре дня, дав возможность туркам оправиться и приготовиться к обороне и отбить штурм, предпринятый ген. Гейманом без надлежащей подготовки. После этого Эриванский отряд отошел на зиму в долину Алашкерта, войска же Геймана зазимовали под Эрзерумом в ужасных условиях: зима была суровая, снабжение затруднялось плохими сообщениями, в войсках свирепствовал тиф (погибло 20.000 чел. и сам Гейман). Лишь по условиям перемирия турецкие войска сдали Эрзерум на шесть месяцев.

*
* *

Под Карсом события развернулись иначе. Возвращенный Турции после неудачной для нас Восточной войны Карс был перестроен под руководством английских инженеров. Оборонительные сооружения крепости состояли, во-первых, из пояса фортов, расположенных на высотах вокруг города, во-вторых, каменной стены, опоясывающей город и, наконец, цитадели. На вооружении имелось до 300 орудий, а гарнизон, усиленный отступившими от Авлиара войсками, насчитывал до 20-25.000 чел. Карс по справедливости считался первоклассной для того времени крепостью. Французский военный агент, ген. де Курси, уезжая на родину заявил главнокомандующему: «Я видел Карские форты, и одно, что я могу посоветовать, это не атаковать их, на это нет человеческих сил. Ваши войска так хороши, что они пойдут на эти неприступные скалы, но вы их положите всех до единого и не возьмете ни одного форта».

К 10 октябрю блокада Карса была закончена и следовало решить вопрос, каким путем овладеть крепостью: блокадой, правильною ли систематическою осадой, или, наконец, штурмом. Лазарев был сторонником штурма, и настойчиво доказывал его необходимость. «Блокада Муравьева, (во время Восточной войны), говорил он, имела большое значение в то время, потому что в крепости не было продовольствия. Теперь весь город переполнен запасами и турки не нуждаются в доставке их извне. О правильной осаде нечего и думать: она затянется и конца ее нельзя даже предвидеть, а между тем наступает зима, и мы от болезней потеряем вдвое и втрое больше людей, чем на самом кровопролитном приступе». Главнокомандующий и Лорис-Меликов согласились с его мнением. Для подготовки штурма были подвезены из Александрополя тяжелые орудия, огонь которых действовал на моральное состояние населения, как и гарнизона. Надо было торопиться и Лазареву не без труда удалось добиться согласия на ночной штурм. Днем гарнизон крепости мог еще издали обнаружить штурмовые колонны, определить их направление и в полной мере использовать свое артиллерийское преимущество на дальних дистанциях. Штурм состоялся в ночь на 6-ое ноября, непосредственное участие в нем приняло 16.000 чел., не считая резерва и демонстративных колонн. После ожесточенного сопротивления русские овладели всеми фортами. Гарнизон пытался прорваться, но был перехвачен нашей кавалерией и взят в плен. Наши потери 2.300 чел. убитыми и ранеными, турок было взято в плен 18.000 чел., убитых более 2.500 чел., взято 303 орудия, несколько тысяч ружей и огромные склады.

*
* *

Так совершилась одна из самых важных и трудных задач нашей Кавказской армии, — задача бесспорно имевшая громадное значение в судьбах нашей турецкой кампании. Во-первых, мы приобрели сильную крепость служившую оплотом Анатолии против вторжения русских, вместе с огромной территорией, населенной по преимуществу христианами, а во-вторых, с уничтожением многочисленного карского гарнизона, мы совершенно обеспечивали свой тыл при наступлении к Эрзеруму, и в то же время могли свободно располагать значительною частью наших войск, прикованных до тех пор к одному только известному пункту.

В чисто боевом отношении падение Карса заслуживает еще большего внимания, как факт беспримерный в новейшей военной истории. В самом деле,грозная первоклассная крепость, обладающая не только естественной защитой в своих передовых, окружающих ее высотах, но огражденная еще неприступными фортами, вооруженными более нежели тремястами тяжелыми крупповскими орудиями, обильно снабженная провиантом и всеми боевыми запасами, защищаемая многочисленным гарнизоном, равным, если не превышавшим даже своею численностью атаковавшие его войска, — пала в одну ночь, и пала только под ударами штыков, даже без предварительного серьезного ее обстреливания. Артиллерии совсем не пришлось уча-

ствовать в деле, так как ни одна штурмовая колонна ее при ссбе не имела. Факт этот остается единственным в военных летописях всех европейских народов.

Надо было видеть все эти грозные твердыни и бесчисленные укрепления, — говорит один современник, чтобы понять и оценить ту громадную энергию вождя, то бесстрашие и решимость войск, которые выполнили эту задачу в какие нибудь двенадцать часов времени. Недаром событие это произвело поражающее впечатление не только в России, но и везде за границей.

После падения Карса русские войска обложили Эрзерум, где укрылись остатки непрнятельской армии. Осада протекала в тяжелых условиях: наступили холода и доставка продовольствия и припасов стала затруднительной. Кроме того, началась эпидемия тифа и смертность достигла ужасающих размеров. Поэтому, когда по условиям перемирия 21 января 1878 г. Эрзерум был сдан русским 11 февраля, то войска оказались в самом бедственном положении. «Тифозная эпидемия приняла угрожающие размеры и с каждым днем поглощала все новые и новые жертвы. Больных было масса, а средств никаких. Санитарная часть находилась в ужасном положении, а о гигиенических мерах нечего было и думать, когда люди ходили без одежды и обуви; многие совсем не имели белья, и нередко под лохмотьями мундиров виднелись дырявые кителя, заменявшие рубашки. Князь Чавчавадзе, вступивший в командование Эрзерумским отрядом после смерти Геймана, телеграфировал Мирскому, что в случае разрыва с турками он может выставить в поле только 4.000 пехоты, 300 драгун и 5 батарей, лошади которых совершенно изнурены. Больных в госпитале 4.300 и эвакуация их встречает большие затруднсния».

Несколько слов о Кобулетском отряде, действия которого развивались вне зависимости от общей обстановки. После перехода границы отряд оказался в труднопроходимой местности с враждебно настроенным населением, испытывая при этом большие затруднения в доставке снабжения. В силу этих обстоятельств и за отсутствием горной артиллерии отряд не мог добиться решительных результатов и Батум стал русским только после перемирия.

*
**

К этому времени приближается развязка на Балканском театре военных действий. Осман-паша, когда у него осталось продовольствия и боеприпасов на три дня, приказал его выдать по войскам и решил пробиваться в западном направлснии. На рассвете 28 ноября турки обрушились на Сибирский гренадерский полк и несмотря на отчаянное сопротивление смяли его. На помощь сразу двинулись соседние части линии обложения. Упорный бой загорелся с обеих сторон, но все атаки турок были отбиты. Под ужасающим огнем Осман-паша пробовал вернуться в Плевну, но она уже оказалась занятой нашими войсками. Наконец видя невозможность сопротивления Осман, раненый в ногу, сдался со всей армией (43.338 чел.). Турки потеряли убитыми и ранеными 6.000 чел. — русскис 1.700 чсл.

Как только стало известно о наступлении турок Государь выехал на позиции, откуда прислушивался к отдаленным раскатам боя. Мысленно он переносился к моменту, когда он почти согласился с невозможностью овладеть Плевной. Впрочем, предоставим слово Милютину:

«Когда еще мы ехали верхом к редуту, Государь подозвал меня и очень любезно, протянув мне руку, спросил: «А кому обязаны мы, что не бросили Плевну и теперь овладели ею? — Кто 31 августа, после неудачных атак, подал первый голос против отступления?» Такой неожиданный вопрос несколько озадачил меня; но Государь прибавил: «Я не забыл этой заслуги твоей; тебе мы обязаны нынешним нашим успехом». Глубоко был я тронут таким вниманием Государя; но еще более тронуло меня несколько спустя, уже на редуте, когда я стоял и разговаривал с ген. Обручевым и некоторыми другими лицами свиты, и Государь, подойдя к нам, повторил при них сказанное мне прежде одному, а затем поздравил меня кавалером ордена св. Георгия 2-й степени... Я протестовал сколько мог и со всей искренностью, что не считаю себя заслужившим такую награду, что мне совестно будет носить этот высокий знак боевых заслуг. Государь весьма любезно возразил: «Нет я признаю, что ты заслужил вполне». Затем с улыбкой спросил: «А считает ли военный министр, что я заслужил Георгиевский темляк?» Восхищенные благодушием Государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с исподдельным одушевлением «ура». (Милютин. Там же т. II стр. 249).

На другой день Имп. Александр II ласково принял Осман-пашу и сказал ему на прощание: «отдаю полную дань уважения доблестной храбрости и возвращаю вам саблю».

30 ноября был созван военный совет, на котором Великий князь доложил план перехода через Балканы. По его мнению надо было использовать впечатление, произведенное паденнем Плевны, воодушевлением в войсках и воспользоваться освободившейся 100 тысячной армией. Если психологически и стратегически план был целесообразен, то выполнение его, в наступившую суровую зиму было делом в высшей степени трудным. Мольтке, крупный военный авторитет, считал зимний переход через Балканы невозможным, но настойчивость и выносливость русского солдата доказали обратное. По этому поводу сложилась песня: «Мы Балканы проходили, потому что был приказ». 5 декабря план был утвсржден и Государь покинул армию, проведя с нею шесть месяцев. План был следующий. Переход Балкан совершается по двум направлениям. Западный отряд (ген. Гурко) через Этрополькие Балканы. Шипкинский отряд (ген. Радецкий) наступает на Филиппополь, Адрианополь и в случае дальнейшего сопротивления турок на Константинополь.

Ген. Гурко начал переход несколькими колоннами, причем дорогу для перехода главных сил разработал Преображенский полк, а затем на его долю выпала честь перейти Балканы в авангарде главных сил. Переход закончился 19 декабря боем у Ташкисена; победа открывшая Западному отряду путь в южную Болгарию. 23 декабря ген. Гурко занял Софию, вошел в связь с Сербской армией и двинулся к Филиппополю, где сосредоточивалась армия Сулейман-паши.

«Зимний переход через Балканы увенчался полным успехом. В нем выявились дивные качества русского офицера и солдата, воскресивших времена Суворовских чудо-богатырей. Мрачные горы, засыпанные снегом, местами до сажени толщиной, горные обледенелые тропинки с крутыми подъемами и спусками, необходимость поднимать и спускать орудия и зарядные ящики на руках людей, движение днем и ночью в течение нескольких суток, без отдыха и сна, без возможности развести огонь ради скрытности движения, без горячей пищи, питаясь одними сухарями, при морозах до 25-ти градусов по Реомюру, при снежных мятелях и жестоких бурях и вьюгах, как это было на Шипке и на мрачной вершине Умургаша, через которую шла колонна ген. К. Н. Вельяминова, — вот что перенесли наши войска при переходе через Балканы.

Долгая бивачная жизнь в осеннюю непогоду и в снегу привела одежду войск в плачевное состояние и она мало защищала от стужи; у большинства людей шинели были прожжены у костров; сапоги износились и частью были заменены болгарскими опанками, кожами от порционного скота, а нередко и тряпками, намотанными на ноги. Фуражки пришли в негодность и часть их была заменена болгарскими шапками и даже турецкими фесками. При таких условиях нужно было сломить сопротивление противника, выдержать целый ряд боев на горных высотах, и все это преодолели наши войска, оправдав своим доблестным поведением доверие к ним и решимость своего Главнокомандующего перейти Балканы зимою, совершить то **«чего никто не ожидал».** (подчеркнуто автором: Ген. Н. А. Епанчин «Крестовый поход 1877-1878 гг. Ницца, 1927).

*
* *

Все это время отряд ген. Радецкого оставался на Шипке. После взятия Плевны численность отряда достигла 45.000 чел., тогда как турки под командой Вессель-паши располагали 23.000 чел. при 83 орудиях. После того как Гурко, заняв Софию, вышел во фланг и тыл всей оборонительной линии Балкан, наступила очередь Радецкого. Его заданием было не только освободить Шипку, но и пленить в то же время турецкую армию.

С этой целью были сформированы две обходные колонны: правая — 16.500 чел. под начальством ген. Скобелева, левая — 18.800 чел. — ген. кн. Святополк-Мирский, в центре — Радецкий с 12.000 чел. Колонны выступили 24 декабря, но движение их происходило в исключительно трудных условиях. 27 утром отряд Святополк-Мирского вступил в бой, но овладев первой линией укреплений, должен был остановиться. На другой день, успешно отбив турецкие контратаки русские овладели дер. Шипкой, но не могли развить успеха, т. к. войска Скобелева еще не подтянулись и только в 11 ч. они перешли в наступление. Из-за тумана это движение было не замечено ген. Радецким, который, желая помочь Св.-Мирскому, произвел атаку с фронта, стоявшая больших потерь и окончившаяся неудачей. Участь боя была, впрочем, решена. После ожесточенного боя войска Скобелева ворвались в турецкий укрепленный лагерь, а колонна Святополк-Мирского возобновила атаку. В 15 ч. турки выкинули белый флаг. Всего в долине сдалось 9.000 чел. при 29 орудиях, а в горах — 13.000 чел. при 54 орудиях. Только кавалерии и небольшой части пехоты удалось ускользнуть.

Результаты сражения при Шипки-Шейново были значительными: турки потеряли вторую из лучших своих армий; с ее ликвидацией образовалась брешь между войсками Сулейман-паши и Восточно-Дунайской армией и открывался путь на Адрианополь — следующая цель нашего наступления. На этот раз перевес сил был явно на стороне русских: 159.000 чел. при 736 орудиях против 58.000 турок при 78 орудиях.

Перейдя Балканы, войска, несмотря на усталость, двинулись в Южную Турцию. Они »не пошли, а полетели», как выразился Главнокомандующий в своем благодарственном приказе. 3-5 января, в трехдневном бою под Филиппополем, ген. Гурко разбил армию Сулеймана и остатки ее отбросил в Родопские горы. 8 января ген. Струков лихим конным налетом захватил Адрианополь, обращенный при помощи англичан в сильную крепость. Так была сильна паника у турок после нашего перехода через Балканы, что они сдали ее без боя.

Армия продолжала стремительно наступать к Константинополю и Галлиполи; Нижне-Дунайский отряд обложил Силистрию и двинулся к Варне; Сербия распространилась по Старой Сербии; Черногорцы заняли Антивари и Дураццо; Румыны овладели передовыми укреплениями Видина. Турция оказалась в отчаянном положении и султан обратился к Государю прося о мире. Император ответил, что он повелел Главнокомандующему заключить перемирие и одновременно подписать предварительные условия мира. 15-го января Государь предписал Главнокомандующему наступать на Константинополь, если турки в трехдневный срок не подпишут перемирия и предварительных условий мира. Это требование было исполнено турками 19-го января.

Предварительные условия мира, установленные в Адрианополе, были следующие: 1) Независимость Черногории, Сербии и Румынии. 2) Образование автономного Болгарского княжества с собственным войском. 3) Босния и Герцеговина получают

автономию. 4) Турция обязуется вознаградить Россию за военные издержки, поземельно или деньгами.

*
**

Прежде чем перейти к дипломатическим переговорам по окончанию военных действий, кажется уместным подытожить результаты.

За первый период русскому командованию не удалось осуществить плана намеченного в начале войны: для Дунайской армии вторгнуться в пределы Турции; для Кавказской — овладеть ключевыми позициями противника для развития дальнейшего наступления. Правда, Дунайской армии, занявшей большую часть Северной Болгарии и ряд горных проходов, открывающих доступ в Южную Болгарию, удалось сохранить плацдарм для перехода в наступление, тогда как Кавказская армия, овладевшая сперва значительной площадью вынуждена была вернуться к своему исходному положению.

Одной из причин неудачи: неправильное определение численности Дунайской армии, не имевшей достаточного резерва, а для Кавказской закрепления достигнутых успехов. В известной мере тут сыграли роль затруднения русских финансов, а так же неумение нашей дипломатии вовремя и ясно указать армии сроки войны. Кн. Горчаков не учитывал, что «стратег отвечает на вопрос, какие средства нужны для выполнения задачи, поставленной политикой, дело которой сообразовать свои стремления с возможными стратегическими достижениями и создать обстановку, при которой усилия вооруженной силы не оказались бесполезными» (Ген. В. Н. Доманевский).

Численный недостаток можно было компенсировать фактором внезапности, но осуществить ее не позволила распыленность войск вместо сосредоточия сил на главном направлении: Передовой отряд ген. Гурко на Адрианополь, а Действующий корпус Лорис-Меликова на Эрзерум.

В Дунайской армии особенно сказалась недооценка значения современного стрелкового оружия и не желание отказаться от устарелых построений, упущение, которое не могло быть искуплено личной инициативой частных начальников.

Та же картина наблюдается у турок. Причина их поражения это разбрасывание и распыление сил. Поэтому они были разбиты по частям. Частичные успехи турок за этот период — следствие наших собственных ошибок, как, например, Плевна. Маневр, задуманный как удар во фланг, превратился в пассивное «сидение». Но даже как таковое оно отсрочило поражение Турции и продлило, как утверждают некоторые, ее существование.

С переходом русской армии к обороне картина меняется. Армия Сулейман-паши обескровлена в шипкинских боях. Турецкая армия ослаблена качественно: не хватает кадров, а обученный запас иссяк. Тяжелые потери, поражения, бездарность командования все вместе взятое подрывало моральное состояние Балканской армии. На Кавказе, где войска почти не получали пополнения, положение было еще хуже.

За это время русская армия возместила свои потери полученным пополнением. Дунайская и Кавказская армии, усиленные гвардией и гренадерами, достаточно сильны, чтобы осуществить блокаду Плевны и перейти в наступление на всех фронтах. Пленение армии Осман-паши и взятие Карса способствовали поднятию духа, сделавшим возможным такое рискованное предприятие как переход через Балканы.

На втором этапе войны можно видеть как постепенно русские войска научаются преодолевать турецкую оборону: сочетание массового огня и полевых укреплений. Это заметно по улучшению приемов наступления пехоты и ее поддержка артиллерийским огнем и в применении полевых укреплений на Шипке, под Плевной и в Рущукском отряде.

На Балканском театре военных действий третий этап войны длится меньше месяца — от перехода Балкан войсками ген. Гурко до занятия Адрианополя, означавшее фактически прекращение военных действий.

Для стратегии на этом театре войны характерна обручевская идея зимнего наступления, заключавшая в себе блестящий для того времени образец обдуманного взаимодействия двух крупных войсковых масс — отряды Гурко и Радецкого. Это несомненно представляет собой положительный пример русского стратегического искусства. Поэтому турецкие войска были лишены возможности организовать оборону у Адрианополя и добиться затяжки войны в надежде на иностранное вмешательство или заключение мира на более выгодных для Турции условиях. Сулейман-паша не смог отойти к Адрианополю, и тем была снята со счета единственная сила, способная организовать новое сопротивление.

Богатые результаты дали обручевские замыслы наступления на Кавказе. Блестящее осуществление их Лазаревым под Авлиар-Аладжей привели к разгрому полевой армии Мухтар-паши. Однако в дальнейшем крупнейшие ошибки кавказского командования в значительной мере снизили значение этих побед, и они не привели к такому полному разгрому турок как на Балканах.

В области тактики на третьем этапе войны обе русские армии обновили военное искусство выработкой приемов пехотного наступления: движение цепи по частям, сочетание движения с огнем, применение к местности, самоокапывание. Особенно ярко это выявилось в Дунайской армии уже тогда, когда было приступлено к полной блокаде Плевны.

*
**

Несколько слов о деятельности флота. Его роль оказалась более значительной, чем то могли предполагать. Благодаря отважным действиям русских моряков удалось нейтрализовать Дунайскую турецкую флотилию и осуществить переправу через

Дунай. Примером мужества и решительности является неравный пятичасовой бой парохода «Веста», принудивший к отступлению турецкий броненосный корвет «Фетхи Буленд» (11июля). Усиленный пароходами Русского общества пароходства и торговли, русский флот, крейсируя в Черном море, наносил значительный ущерб турецкому транспорту и оказывал содействие сухопутным войскам. Особенно отличился лейтенант С. О. Макаров (будущий адмирал). Командуя пароходом «Великий Князь Константин», он бомбардировал Килию, чем произвел переполох в Константинополе. Взяв на борт своего парохода минные катера, он при всяком удобном случае беспокоил турецкие суда на стоянке. По словам С. О. Макарова «турки имели сильный броненосный флот, но с этим флотом они не решились ни разу остаться на ночь у наших берегов. К Одессе они и днем не подходили ближе 15 мил. Без сомнения, не артиллерия удерживала их, а минные атаки. Минных атак было немного, а турки ждали их каждую ночь. Мне передавали их капитаны, что они переживали тревожные ночи даже в таких портах, куда наши минные катера и не заглядывали». Помимо чисто боевой деятельности флот способствовал перевозке войск, транспорта, военных грузов и т. д.

Активность турецкого флота в течение войны ограничилась высадкой десанта на кавказском побережьи и бомбардировкой не укрепленных пунктов как, например, Евпатории.

*
**

Блестящие успехи нашей армии чрезвычайно обеспокоили английское правительство и оно заявило, что предстоящий мирный договор подлежит ратификации европейских держав. Одновременно обнаружилась и враждебность Австрии. 26 января граф Биконсфильд приказал английскому флоту бросить якорь у Константинополя, с согласия или без согласия турок и 3-го февраля флот стал близ южного входа в Босфор у Принцевых островов. На это последовал приказ Государя главнокомандующему: «немедленно занять Константинополь, если англичане войдут в Босфор». Затем Государь указал, что «если англичане будут вести себя миролюбиво, то считать их как союзников, прибывших для сохранения порядка, если же они будут действовать враждебно, то считать их врагами». Депеши эти шли через Константинополь, были там задержаны турками и сообщены английскому послу, который распорядился, чтобы флот удалился в Измид. После этого депеши были переданы главнокомандующему и, т. к. английский флот отошел от Босфора, то вопрос о занятии Константинополя отпал.

Между тем турки, вопреки обязательствам данных в Адрианополе, затягивали переговоры о мире. Тогда главнокомандующий приказал придвинуться к Константинополю. Это решение повлияло на уступчивость турок и 19-го февраля был заключен Сан-Стефанский мир. Со стороны России его подписал ген. гр. Игнатьев, не принявший во внимание ограничений, вытекавших для России из Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции.

Явно враждебное к нам отношение Англии и Австрии вынуждало нас сосредоточивать войска на границе с Австрией. Одновременно мы приступили к созданию Добровольного Флота для противодействия торговли англичан. Дело это возглавил Цесаревич Александр Александрович. Обстановка осложнялась, новая война могла разгореться в Европе и Азии. Призрак коалиции Англии и Австрии при нейтральной Германии угрожал России, т. е. именно то чего так опасался Имп. Александр II.

Первым движением Государя было дать распоряжения Вел. князю для принятия мер для овладения Босфором. Но для этого было необходимо содействие Турции, но на нее, как это скоро выяснилось, не приходилось рассчитывать. Принудить ее силой было рискованно; наши войска были разбросаны и, несмотря на двухмесячную стоянку за Балканами, далеко еще не оправились от тяжелой кампании. Санитарное положение их оставляло желать лучшего.

21 апреля прибыл в Сан-Стефано на смену, отозванного в Петербург по состоянию здоровья Вел. кн. Николая Николаевича, — ген. Тотлебен. Мысль о минировании Босфора признана им неосуществимой: при сопротивлении турок, владеющих обоими берегами пролива, мы бы не успели, произвести операцию до появления английского флота. Само занятие Босфора считал он бесцельным, т. к. оно не помешало бы англичанам проникнуть в Черное море. Хотя взятие Константинополя могло произвести сильное впечатление, тем не менее взятие его штурмом было рискованной операцией. В случае успеха война не будет окончена и армия может быть вынуждена к отступлению вследствие затруднительного снабжения, болезней и необеспеченности наших сообщений. В случае же неудачи армия окажется в затруднительном положении и могут быть потеряны все плоды кампании. Лучше всего было бы добровольно отойти к Адрианополю, где при обеспечении тыла мы можем защитить Болгарию и разбить противника. Только при этом условии было бы возможно выделить два корпуса для поддержки войск, сосредоточенных вдоль австрийской границы.

Что касается Милютина, то он считал невозможным продолжение войны. Наилучшим выходом было бы заручиться содействием Австрии, либо Англии на предстоящем конгрессе, на Бисмарка рассчитывать можно было лишь как на посредника. Решено было попытаться сговориться с Австрией, но переговоры гр. Игнатьева с Андраши не дали положительных результатов Зато гр. Шувалов, пользуясь переменой в английском министерстве, запросил нового министра иностранных дел — Солсбери, уточнений относительно желаемых изменений в Сан-Стефанском договоре. В результате переговоров было подписано 18 мая соглаше-

ние: Россия отказывалась от создания «Великой Болгарии, возвращала Турции: Баязет с Алашкертской долиной и тем самым отказывалась от контроля над Арменией». Почти одновременно, 28 мая, Англия подписала секретную конвенцию с Турцией, которая ей передавала остров Кипр, важный стратегический пункт, Англия же обязывалась защищать турецкие владения в Азии. Наконец 25 мая Австрия, опасаясь оказаться изолированной, подписала соглашение с Англией о взаимной поддержке.

Ввиду болезненного состояния кн. Горчакова Государь назначил гр. Шувалова как первого представителя России. Но в последнюю минуту, внимая просьбам старого канцлера, согласился дать ему первое место. Шувалов стал вторым, а третьим наш посол в Берлине бар. Убри. Решение неосторожное, ибо мало того что канцлер был физически не в состоянии выдержать нервного напряжения дипломатических прений, но ему вредило его «вражда с географией». Поэтому защищать русские интересы пришлось Шувалову и, по признанию современников, он мастерски справился со своей задачей.

Конгресс открылся 1-го июня 1878 г. Так как ему предстояло разработать трактат взамен утерявшего силу Парижского договора 1856 г., то на нем присутствовали представители всех держав участниц Парижского конгресса. Прибыли, кроме того представители Греции, Румынии, Сербии, Черногории, представители армянской церкви в Персии. Из них на заседания приглашались только представители Румынии и Греции и то лишь тогда, когда разбирались вопросы их касающиеся Во главе делегаций стояли обычно либо министры иностранных дел, либо премьеры — Бисмарк, Горчаков, Дизраэли, Андраши, значительную роль играл английский министр иностранных дел — Солсбери, не говоря уже о гр. Шувалове, проявившего в исключительно трудной обстановке подлинный дипломатический талант. Председательствовал на конгрессе Бисмарк, подчеркнуто, авторитарно и, даже, грубовато. К представителям балканских государств и Турции он относился с нескрываемым презрением. Главные споры, как и следовало ожидать, разгорелись относительно территории Болгарии, определенной Сан-Стефанским договором, но оспариваемой Австрией и Англией, которая, кроме того, возражала против объема русских приобретений в Закавказье. Бисмарк, не упускавший случая подчеркнуть свою незаинтересованность, всячески поддерживал притязания Англии и Австрии. Для него было важно сохранить дружбу Австрии, которой в свое время он обещал компенсацию за территории, потерянные ею в Италии. Как потом признавался Дизраэли «главная цель наших совещаний была не допустить одну расу, славянские народы, быть помехой европейскому миру».

Россия, связанная предыдущими соглашениями в Рейхштадте и Будапештской конвенцией, вынуждена была уступить и согласиться на раздел Болгарии: — самостоятельное княжество Болгария, обязанное султану лишь ежегодной данью и Восточной Румелией, управляемой губернатором, назначавшимся султаном. Если международная обстановка данного периода препятствовала созданию единого Болгарского государства, то уже само появление автономного княжества было весьма знаменательно.

«Какие бы ни были теперь поставлены европейскою дипломатией ограничения в самостоятельности южной Болгарии, какие бы тесные границы не были ей назначены, — писал Милютин, — (т. 3 Ст. 70) можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство».

Он писал, что после Берлинского конгресса вся дальнейшая судьба христианского населения по обеим сторонам Балкан зависит от того, насколько мы успеем в продолжение девяти месяцев оккупации края создать сильную национальную стражу. Только при этом условии можно надеяться, что, несмотря на всю уродливость искалеченного в Берлине ребенка, он может остаться в живых и со временем окрепнуть и развиваться.

Австрия «временно» оккупировала Боснию и Герцеговину.Румыния, Сербия и Черногория объявлены независимыми, последние два государства получают некоторые приращения своей территории, Бессарабия возвращается России, Румыния же получает Добруджу. В Закавказье Россия приобретала Карс, Ардаган и Батум. Турция же обязывалась провести реформы в управлении Армении. Установлено право свободного судоходства по Дунаю.

*
**

13 июля представители держав подписали «Берлинский договор», подтверждавший не затронутые им постановления Парижского договора и Лондонской конвенции 1871 г. относительно проливов. В результате Россия не могла в полной мере использовать победоносную войну, не учтя своевременно, что «только при полной связи между политикой и стратегией до, во время и после войны можно добиться серьезных результатов». (ген. Н. В. Доманевский).

Берлинский договор сохранил силу до Балканской войны 1912-1913 гг.; но часть его осталась невыполненной или была позднее изменена. Обещанные Турцией реформы местного самоуправления в областях населенных христианами не только не были осуществлены, но в 1895 г. западные державы были поставлены перед совершившимся фактом: резней армянского населения.

Как предвидел Милютин, Болгария и Восточная Румелия объединились в 1885, что не вызвало протеста Англии. В 1908 г. Россия отменила портофранко, установленный в Батуме на основании Берлинского договора. В том же году Болгария объявляет себя независимой от Турции, а Австрия

аннексирует Боснию и Герцеговину. Еще на конгрессе гр. Шувалов предупреждал, что решения, принятые Европой по отношению к Боснии и Герцеговине, неминуемо вызовут в будущем осложнения,.. осложнения которым суждено было вылиться в мировую войну 1914 года.

Берлинский конгресс хотя и уменьшил результаты побед, но тем не менее достигнуто было многое: Не говоря уже от избегнутой войны, исход который был весьма гадательным. Россия достигла результатов более значительных, чем те которые намечались в начале войны. Речь тогда шла только об улучшении положения христиан, в конечном же итоге побежденная Турция потеряла почти половину своих владений в Европе и часть в Малой Азии; к России отошли Карс, Ардаган и Батум. Кроме того, она получила южную часть Бессарабии и северное устье Дуная, отторгнутые от нее после Крымской войны. Черногория, Сербия и Румыния получили независимость и значительные земельные приращения; была создана Болгария, хотя и разделенная на Северную и Южную, но в сущности обе были свободны; Босния и Герцеговина получали автономию под австрийским управлением — вот результаты о которых по словам Гирса: «Два года тому назад, человек мечтавший о подобных блестящих результатах, был бы признан сумасшедшим».

Балканские страны остались недовольны Берлинским трактатом, строго оцениваемый французским историком Эмиль Буржуа:
«Подготовленное как государственный расчет, основанное на силе, это достижение подобно присоединению Эльзаса, может быть рассматриваемо как несправедливость по отношению подчиненных ему народов.

Государственные люди бессовестно перемещали или нарушали границы наций, взвешивая и расценивая количество душ как поместья без законного владельца». «Если бы соблюдался Сан-Стфанский договор, пишет Теэйлор, то и Оттоманская империя и Австро-Венгрия могли бы уцелеть до сегодняшнего дня». К тому же Сербия и Румыния обиделись на Россию. «Сербия за то, что были признаны права Болгарии в таких границах, с которыми сербы не были согласны. Каждая балканская держава была недовольна другой, а Сербия всеми...» (Маевский). Румыния же плохо мирилась с обязательством вернуть Бессарабию и вообще преувеличивала значение своего участия в военных действиях. В конечном итоге, престиж России на Балканах оказался поколебленным, где по словам Императора Александра III у него оставался один верный союзник — князь Николай Черногорский.

Если решения Берлинского конгресса не соответствовали чаяниям населения Балканского полуострова, то в России они вызвали взрыв негодования. Русская общественность, ничего не знавшая о дипломатических переговорах и соглашениях, резко реагировала на то, что в ее глазах было капитуляцией России. Особенно враждебно было настроение в Москве, как пишет Милютин: «Берлинский трактат возбуждает почти всеобщее неудовольствие. Причиной тому можно считать разочарование. Ожидали чего-то колоссального и когда мечта идеалистов не осуществилась, когда явилась практическая действительность, все возопили на нашу дипломатию и на всё правительство». По этому поводу, на публичном заседании «Славянского общества», И. С. Аксаков разразился страстно-негодующей речью, заканчивавшеюся следующими словами:

«Волнуется, ропщет и негодует народ смущенный сообщениями о Берлинском конгрессе и ждет, как благой вести, решения выше, ждет и надеется. Не солжет его надежда, потому что не преломится царское слово: — «святое дело будет доведено до конца». Долг верноподданных велит всем надеяться и верить — долг же верноподданных велит нам и не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающих средостение между царем и землею, между царскою мыслью и народною душою. Ужели в самом деле может раздаться нам сверху в ответ внушительное слово: молчите честные уста гласите лишь вы, лесть да кривда!»

Кроме того, были живы еще воспоминания о плевненских неудачах и всех недочетах как в ведении войны, так и по снабжению армии.

Разочарование и неудовлетворенность оказались благодарной почвой для возродившегося революционного движения. Это чувствовал ген. Скобелев когда писал: «В одно, однако, верю и исповедую, что наша «крамола» есть, в весьма значительной степени, результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, незаслуженным ни ею, ни ее знаменами...» (Н. Н. Кнорринг. Ген. М. Д. Скобелев т. II, стр. 200).

Итак, осуждали ошибки людей, но не войну, да и трудно было иначе, настолько был очевидным ее «освободительный» характер. В своем негодовании общество не утруждало себя главным вопросом, а именно, от кого зависело быть или не быть войне? На него отвечает П. Б. Струве: «Так же как великая освободительная реформа 19 февраля 1861 г. восходит к разуму и воли самого Императора, — война 1877-78 гг. за освобождение славян было его личным делом. При осуществлении и той и другой задачи русскому самодержцу пришлось преодолеть огромные сопротивления личные, социальные и политические. Он их все поборол и совершил великие дела, по справедливости, навсегда связанные с его именем».

Тютчев уже предвидел, что: «...Слово Царь-Освободитель за русский выступит предел!»

Ант. Флоровский уточняет: «В истории проблемы России и Славянства — оба эти свершения занимают значительное место, и Александр II — воин и Александр II — реформатор одинаково служили для славянской взаимности и междуславянского взаимопонимания. И может быть никогда так высоко не стояло имя русского царя в славянском сознании, как именно в годы царствования Импе-

ратора Александра II — никогда ранее, ибо именно при этом Императоре для такого признания и уважения были даны исключительно полновесные, конкретные и совершенно реальные основания» («Россия и Славянство» 4 апреля 1931 г.).

Памятники Царя-Освободителя исчезли теперь с лица русской земли, но в Софии, перед собором Александра Невского (с измененной надписью*), всё еще стоит конная статуя русского Императора, напоминающая грядущим поколениям о его освободительной миссии. Старшее же поколение русской эмиграции могло воочию убедиться насколько жива была на Балканах память о взаимных жертвах в освободительной борьбе. Вспоминая это славное прошлое, мы не испытываем чувство горечи как наши предки, т к.. нам становится явным на фоне современного эгоизма и компромисса жертвенный характер этой войны, основанной на высшем начале — служение ближнему. Эта заслуга России перед человечеством и верность ее исторической традиции.

---

* *От редакции:* Болгарскому народу вечная надпись возвещала — Царю Освободителю — Благодарная Болгария. Временно замененная гласит: Братьям — освободителям — признательная Болгария.

Е. С. Молло

Знак Отличия Военного Ордена

Знак Отличия Военного Ордена был, несомненно,самой почетной воинской наградой русского народа, а между тем он никогда подробно описан не был.

Не были опубликованы списки пожалованных сим Знаком нижних чинов. Не было установлено соотношение выбитых на Знаках номеров со временем пожалования. Не были отмечены различия в штемпелях, коими они выбивались. Не были изучены касающиеся их узаконения. Посему ныне нет возможности точно установить кому, когда и за что был пожалован тот или иной Знак.

Лишенный доступа к отечественным архивам, автор не льстит себя надеждою на непогрешимость составленного им ныне описания сего Знака. Цель автора будет достигнута, если таковым он возбудит интерес к дальнейшим в сей области изысканиям.

Автор

Введение

Потребность в особом знаке отличия для награждения нижних чинов, «кои в сухопутных и морских войсках действительно служа отличатся противу неприятеля отменною храбростью», существовала задолго до учреждения Знака Отличия Военного Ордена. Так Имп. Павел I, за неимением такового, награждал унтер-офицеров и нижних чинов за боевые отличия Донатскими Знаками Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, а Александр I, Именным Указом от 4 июня 1801 года, повелел «преимущественно противу прочих, помещать на пенсионы нижних чинов, получивших Знаки Отличия Ордена Св. Анны за храбрость». А между тем оба эти Знака были учреждены для пожалования нижним чинам за 20-летнюю беспорочную службу.

Позднее, о таковых пожалованиях упоминает Кутузов в своем донесении о Шенграбенском сражении, 7 ноября 1805 года: «Равномерно донесу тогда и о протчих, с описанием подвигов каждого, и со всеподданнейшим изложением мнения моего, какое кто заслуживает награждение. А между тем неблагоугодно ли Вашему Величеству повелеть доставить ко мне 300 Знаков Отличия Ордена Св. Анны для раздачи унтер-офицерам и рядовым, кои особенно будут рекомендованы. Кому же таковые Знаки даны будут не упущу донесть Вашему Величеству, доставив и в Орденский Капитул именной им список».

Автору не раз случалось читать и выслушивать мнения, что мысль об учреждении особого боевого знака отличия была навеяна Александру I Орденом Почетного Легиона. Автор, однако, с таковыми мнениями никак не согласен, во-первых, потому что, как уже указывалось выше, нижние чины в России награждались за храбрость знаками отличия до учреждения Ордена Почетного Легиона, а во-вторых, потому что новоучрежденный Знак Отличия Военного Ордена был заимствован Александром I не у Наполеона, а у своего отца, ибо, подобно Донатскому Знаку Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, новоучрежденный Знак был сопричислен к уже существующему ордену, имел подобие орденского креста, носился на орденской ленте, и хотя при учреждении и не имел порядкового номера, но таковой вскоре был дан и ему. Преемственность последнего от первого несомненна.

Знак Отличия Военного Ордена был учрежден Высочайшим Манифестом от 13 февраля 1807 года. Приводим содержание сего вдохновенного и изложенного отличным языком Манифеста:

«В изъявление особенной Нашей Императорской милости к воинству Нашему и в вящее доказательство Нашего внимания к заслугам онаго, искони ознаменованном во всех случаях толикими опытами любви к Отечеству, верности к Государю, ревности к службе и неустрашимой храбрости, признали Мы за благо учредить особенный Знак Отличия в награждение и поощрение нижних чинов и рядовых в войсках Наших, и для того сим постановляем и жалуем сему Знаку Отличия на всегдашние времена нижеследующие статьи, преимущества и выгоды.

1. Сей Знак Отличия имеет быть причислен к Военному Ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия, и именоваться будет Знаком Отличия Военного Ордена.

2. Сей Знак Отличия приобретается только на поле сражения, при обороне крепостей и на водах. Он дается тем нижним чинам, кои в сухопутных и морских войсках Наших действительно служа, отличатся противу неприятеля отменною храбростью.

3. Число сих Знаков Отличия не ограниченно, ибо оный получают все те нижние чины и рядовые, кои достойными онаго окажутся.

4. Сии Знаки Отличия имеют состоять в серебряном кресте, в кругу которого на одной стороне изображение на коне Св. Георгия, а на другой вензель онаго. Носить оные на Георгиевской ленте в петлице кафтана. Сей Знак Отличия никогда не снимать, ибо оный приобретается храбростью, хотя бы получивший его произведен в офицеры, разве пожалован будет кавалером Военного Ордена Св. Георгия.

5. Каждый удостоенный сим Знаком Отличия рядовой, матрос или унтер-офицер будет получать жалования одною третью больше обыкновенного. Когда украшенный уже сим Знаком Отличая вновь отличит себя мужественным подвигом, заслуживающим таковую награду, то получит в прибавку к своему жалованию и другую треть. За несколько же таковых храбрых поступков, вновь учиненных, получает в прибавку полное жалование. Сие прибавочное жалование сохранить ему по смерть и после отставки его или увольнения от военной службы в инвалиды.

6. Сумму для сего потребную доставлять ежегодно из Государственных Военной или Адмиралтейств Коллегий по полкам и командам вместе с жалованием.

7. Главные Командиры, по удостоению начальников, определяют сколько на каждый полк, баталион или эскадрон, отличившийся в сражении с неприятелем, назначить сих Знаков, полагая от 2 до 5 на роту или эскадрон, а ротные или эскадронные Командиры составляют совет и назначают по большинству голосов, кому именно по всей справедливости таковые Знаки следуют, и сие свое мнение представляют на утверждение Шефа, а в отлучке онаго, Командира полка. Списки удостоенным представляются потом по команде в Государственные Военную или Адмиралтейств Коллегии, где оные храниться будут.

8. Артиллерия получает сих Знаков на каждую полевую или конную батареи, из 12 орудий состоящие, противу двух рот, а на полковую батарею из 6 орудий противу одной роты. На минерные и Пионерные роты, которые действительно к опасным и требующим искусства работам с пользою в сражении с неприятелем употреблены были, раздастся сих Знаков противу армейских рот.

9. Равным образом Адмиралы, командующие флотом или эскадрою раздают сих Знаков на каждое судно или корабль, бывшие в сражении по следующей пропорции... Штаб- и Обер-Офицеры, находившиеся на корабле или судне, назначают по большинству голосов, кому именно сии Знаки следуют по всей справедливости, и представляют свое мнение на утверждение Командира судна. Списки удостоенных представляются по команде в Адмиралтейств-Коллегию, где оные и хранятся.

10. Знаки сии раздаются удостоенным перед фрунтом полка, и на корабле на шканцах, и возлагаются под знаменем или флагом самим полковым Начальником или Командиром судна. Артиллеристам раздаются оные перед фрунтом батареи самим Артиллерийским Генералом, а Минерам и Пионерам перед фрунтом же рот старшим над ними Начальником.

11. Хотя и трудно определить с точностью разные многочисленные воинские подвиги, кои могут дать право на таковое отличие, однакож постановить некоторые правила, по коим бы отменные действия отличены были, заблагорассудили Мы предписать следующее...

12. Оставшиеся после умерших Знаки Отличия из полков и команд доставлены быть должны в Кавалерскую Думу Св. Георгия. Вдовы получавших прибавочное жалование по сему Знаку Отличия пользуются оным по смерти их еще один год.

13. Если кто из удостоенных сим Знаком Отличия впадает в преступление, за которое по законам подвергнется строгому наказанию, такового, по ясном изобличении Главным Начальником, из списков отличных исключить и Знаки от него отобрать.

14. В заключение повелеваем сии статьи во всей силе и без малейшей отмены наблюдать и оные обнародовать, дабы все и каждый в войсках Наших ведали о сем Всемилостивейшем На-

шем учреждении и данных преимуществах сему Знаку Отличия».

Обратим внимание читателя на пункт 7, которым устанавливался, причем не весьма ясно, порядок пожалования новоучрежденным Знаком Отличия. Неясно, прежде всего наименование «Главные Командиры», которым предоставлялось право определять количество Знаков на каждую, отличившуюся воинскую часть. Затем неясно является ли утверждение мнений ротных и эскадренных командиров окончательным. Неясности сии незамедлили сказаться и в дальнейшем потребовали многочисленных уточнений.

Так, Именным, объявленным Военной Коллегии Министром Сухопутных сил (Аракчеевым — Е.М.) Указом от 1 марта 1808 года — Об удостоении нижних чинов к награждению Знаком Отличия Военного Ордена, повелевалось:

«1. Препроводить в Военную Коллегию при особом реестре 130 списков, представленных о нижних чинах, удостоивающихся к получению Знаков Отличия Военного Ордена за оказанные ими отличия в минувшую кампанию.

2. Чтоб Коллегия по сим спискам, **как уже удостоенным Высочайшего утверждения** (подчеркнуто мной. Е.М.), сделала по силе означенного Манифеста надлежащее исполнение, и истребовав от Государственного Казначея 3000 Знаков (о изготовлении коих предписано ему от 27 Сентября прошлого 1807 года, и о доставлении коих в Коллегию ныне сообщено) отправила бы оные, сколько в какой полк следует.

3. На предбудущее время предписала бы Коллегия полкам, чтобы о награждении нижних чинов таковыми Знаками не иначе делали представления, как в оную Коллегию по команде, **и чтоб отличие нижних чинов свидетельствовали Главнокомандующие** (подчеркнуто мной — Е.М.).

4. По доставлении таковых представлений Коллегия **имеет соображать подвиги отличившихся по всей строгости с помянутым Манифестом** (подчеркнуто мной Е.М.), и по разсмотрении требовать Знаки от Государственного Казначея и доставлять оные в полки, **не представляя уже о том на Высочайшее утвержденние** (подчеркнуто мной — Е.М.).

5. Как в минувшие кампании Знаки жалованы были количеством на роту или эскадрон, то Военная Коллегия обязаны ныне собрать о том полные сведения, кому именно те Знаки розданы...».

Нами подчеркнуты следующие уточнения: из-за неясностей 7 пункта Манифеста, списки представленных к пожалованию представлялись на Высочайшее утверждение; Главнокомандующим предписывалось свидетельствовать отличия нижних чинов; Военной Коллегии предписывалось «соображать подвиги отличившихся по всей строгости с Манифестом... не представляя уже о том на Высочайшее утверждение«. Иными словами, утверждение пожалований предоставлялось чиновникам Военной Коллегии.

Автор, однако, того мнения, что Указом 1 марта 1808 года, порядок пожалования не столь уточнялся, сколь усложнялся, и что утверждение пожалований было более присуще главнокомандующему, чем означенным чиновникам. Приведем, для примера, порядок пожалований, описанный в вышеуказанном донесении Кутузова, просившего доставить ему 300 Знаков Отличия Ордена Св. Анны для раздачи нижним чинам, «кои особенно рекомендованы будут«, с обещанием «донесть Императору кому таковые Знаки даны будут, доставив и в Орденский Капитул именной им список». Укажем также, что подобный же порядок пожалований существовал даже для Орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Так в Рескрипте от 27 ноября 1770 года, Имп. Екатерина II писала графу Алексею Орлову: «Но как Нам неизвестны все подробности разных происшествий, то хотели Мы в знак Нашего к подчиненным вашим благоволения послать к вам несколько крестов Св. Георгия 4-го класса, дабы вы оные раздали по делам, в статуте того ордена предписанным, и сюда потом донесли, чтобы надлежащие грамоты могли быть заготовлены, в коих подвиг должен быть описан, за что каждый получает свою отличность».

Между тем, Именным, объявленным Военной Коллегии Военным Министром Указом от 14 сентября 1808 года, повелевалось: «...уведомить оную Коллегию, что награждение Знаками Отличия Военного Ордена состоять должно в двух родах: во-первых, если Главнокомандующий заметит в деле с неприятелем который полк или баталион вообще храбрым, то он может в оный назначить на каждую роту или эскадрон Знаков по положению числа оных, и сделать представление в Военную Коллегию о доставлении в оный полк или баталион таковых, и потом доносит уже только к сведению, кому оные Знаки розданы. Таковое награждение Военная Коллегия не рассматривает. Во-вторых, награждение Знаками должно быть, по силе 11 пункта вышеизображенного Манифеста, за личную храбрость. О таковых от полков представляются списки по команде, с означением какое каждый сделал отличие, и оные доставляются в Военную Коллегию, которая строго рассматривая сходно ли представление с Высочайшим Манифестом, определяет Знаки действительно достойным, и препровождает уже их прямо в полки, по числу удостоенных, давая знать об оном Главнокомандующим, а тем, которых Коллегия найдет неподходящими к награждению, отказывает, уведомляя также полки. Впрочем не воспрещается Главнокомандующим, увидя лично чью храбрость, сходную с Манифестом, наградить в день сражения Знаком Отличия, донеся только об оном к сведению Военной Коллегии, которая таковое награждение утверждает, и вносит в список... Коллегии окончить оное, елико возможно, не теряя времени, дабы люди сии могли уже пользоваться при-

бавочным жалованием, о чем и не оставить куда следует сделать должное предписание».

Итак, массовые пожалования передавались главнокомандующим, а индивидуальные оставлялись Военной Коллегии, за исключением подвигов, виденных лично главнокомандующим, да и то сходных с Манифестом, хотя в таковом и говорится, что «трудно определить с точностью разные многочисленные воинские подвиги».

Порядок пожалования, однако, оставался чрезмерно медленным и сложным, что и усматривается из Именного, данного Сенату 23 января 1809 года указа, каковым объявлялось:

«Военный Министр довел до сведения Моего, что установленные по Манифесту 13 февраля 1807 года, Знаки Отличия Военного Ордена были жалованы нижним чинам в минувшие кампании количеством на роту или эскадрон, но Главнокомандовавшие не дали знать о именах нижних чинов, удостоенных того Знака Отличия Военной Коллегии, и от сего происходит теперь затруднение, как в собрании означенных сведений, так и в награждении вновь отличившихся нижних чинов. Затруднение сие неминуемо еще умножится со временем через переводы из полка в полк, и через отставки нижних чинов.

В отвращение сего признал Я нужным, чтобы как на пожалованных уже Знаках, так и на тех, кои впредь жалуемы будут, выставляем был номер, и для того Повелеваю:

1. О всех нижних воинских чинах, имеющих Знаки Отличия Военного Ордена, собрать Военной Коллегии верные именные списки, которые означали бы: а) Какого именно числа, месяца и года, кто и за какое деяние получил Знак Отличия. б) Находится ли получивший тот Знак при полку, или переведен в другой и какой именно полк, гарнизон или инвалидную команду. с) Ежели вышел в отставку, то где назначил себе жительство. Ежели умер, то куда и когда Знак его отослан.

2. К представлению таковых списков определить срок по мере расстояния отсель каждого полка, гарнизона или команды, и ежели кто в означенный срок не доставит оных, то послать на счет виновных курьеров.

3. По собрании от всех дивизий, составить Военной Коллегии по старшинству общий список тем нижним чинам, и препроводить его в Капитул Российских Орденов.

4. К оному списку присовокупить другой о назначенных к награждению Знаками Отличия нижних чинах, о которых представления находятся еще под разсмотрением Военной Коллегии.

5. Капитул, сообразя количество розданных Знаков по армии и флоту, назначит против каждого награжденного нижнего чина номер, и потом обратит в Военную Коллегию ее списки.

6. Коллегии, напечатав оные, разослать с предписанием дабы у каждого из нижних чинов вырезан был на обороте кресста, где изображен вензель Св. Георгия, тот номер, под которым в списке кто поставлен.

7. Равным образом поступать в рассуждении вышедших в отставку, сделав об них сношения с Гражданскими Губернаторами.

8. После сего Знаки не иначе делать, как с номером, по назначению Капитула Россиийских Орденов.

9. Счет оным и исправное содержание списков нижним чинам, получившим те Знаки представляется Капитулу, для чего и остающиеся после умерших Знаки отсылать уже в Капитул.

10. На предбудущее время, дабы при раздаче помянутых Знаков соблюден был равномерный порядок, постановляется следующее правило: если Главнокомандующий заметит в деле с неприятелем который полк вообще храбрым, то он может в оный полк назначить на каждую роту или эскадрон положенное число Знаков, и дать знать о том Шефу либо Командиру, которые по большинству голосов назначат поименно нижних чинов и представят список Главнокомандующему. Он же отошлет список сей в Коллегию, где не рассматривать уже оного, но требовать только от Капитула Знаков, а получа их с номерами, доставить Главнокомандующему при печатном списке, сделав тогда же распоряжение к производству и прибавочного жалования тем нижним чинам.

11. Ежели к награждению Знаками Отличия удостоиваемы будут нижние чины за личную храбрость, о таковых представлять списки по команде в Военную Коллегию, с засвидетельствованием Главнокомандующих о каждом человеке, и какое он сделал отличие. Списки сии Коллегии строго рассматривать сходно ли представление с Высочайшим Манифестом, и определять Знаки действительно достойным, и истребовав оные из Капитула, препровождать прямо в полки при печатных списках удостоенных, давая знать Главнокомандующим. Тем же, которых Коллегия найдет неподохдящими к награждению, самой ей и отказывать, уведомляя также полки. После чего никто не имеет права представлять в другой раз, и за то же дело тех, кому Коллегия откажет.

12. Поелику обо всех нижних чинах, пожалованных Знаками, будет Коллегия рассылать печатные списки, то оные и содержать все вместе книгою для выправок.

13. При отставке нижних чинов вовсе от службы, и при переводе из полка в полк, гарнизон или инвалидную команду, именно означать о первых в паспортах, а о последних в формулярах, кто под каким номером и за какое дело имеет Знак.

14. Сообразно сему поступнть и в рассуждении нижних чинов во флоте служащих».

Автор надеется, что благосклонный читатель не посетует на него за приведение столь многочисленных и столь пространных, касающихся Знаков Отличия Военного Ордена узаконений, но наше описание построено, именно, на них, да еще на по-

добранных автором выписках из списков Капитула, ибо единая строка первоисточника ценнее для нас целых страниц досужих домыслов.

Составляемые Капитулом вплоть до конца Империи, «СПИСКИ НИЖНИМ ВОИНСКИМ ЧИНАМ, НАГРАЖДЕННЫМ ЗНАКОМ ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА», по счастию сохранились, и ныне находятся в Центральном Государственном Военно-Историческом архиве, но как указывалось выше, они никогда не были ни полностью опубликованы, ни основательно изучены. Они заполняют десятки объемистых томов. Кроме указаний кому, когда, за какой подвиг и под каким номером был дан каждый Знак, начиная с № 1, в них даны сведения о возвращенных в Капитул после смерти награжденных Знаках. Большинство награждений вносилось в списки с отношений главнокомандующих, награждения же за личную храбрость встречаются реже. Ниже даны нами самые ранние из попавших в списки отношений:

«№№ от 9001 по 9500 внесены в списки с отношения от 26 июня 1809 года, препровожденного в Капитул Российских Орденов, на основании пункта 3, Именного Указа от 23 января 1809 года.

№№ от 9501 по 9885 внесены в списки с отношения от 4 июля 1810 года. Пожалованы нижним чинам Молдавской армии.

№№ от 9886 по 10 001 пожалованы за отличия при штурме и взятии турецкой крепости Базарджика, 22 мая 1810 года.

№№ от 10 002 по 10 039 пожалованы за отличное мужество, оказанное во время кампании противу французских войск в сражении под местечком Остроленкою, 4 февраля 1807 года.

№№ от 10 040 по 10 044 пожалованы за личную храбрость.

№№ от 10 045 по 10 085 пожалованы за отличные подвиги, оказанные при осаде Брайловской крепости в 1809 году.

№№ от 10 086 по 10 127 пожалованы за отличные подвиги, оказанные 1 июня 1810 года при взятии штурмом укрепления Разграда.
№№ от 10 589 по 10 849 пожалованы за отличия в сражениях противу швецких войск, бывших 6, 7, 8 и 13 августа 1809 года»... и т. д.

Укажем также имена первых пожалованных:

«№ 1. Егор Митухин	унтер-офицер.
№ 2. Василий Михайлов	унтер-офицер.
№ 3. Карп Овчаренко	унтер-офицер.
№ 4. Никифор Клементов	рядовой.
№ 5. Прохор Трехалов	рядовой.
№ 6. Никифор Полищук	рядовой.
№ 7. Степан Радионов	рядовой».

Все Кавалергардского полка.

Особую ценность представляют сведения о возвращенных в Капитул после смерти награжденных Знаках. Приведем первые записи и о таковых:

«Без номера. Воскресенской третей гильдии купец Пентюхов, награжден в 1812 году, умер, знак доставлен, жур. 24 авг. 1826 г.

Без номера. Московской губернии крестьянин Егор Васильев, награжден в 1813 году, умер, знак доставлен, жур. 8 июня 1828 г.

Без номера. Флотского экипажа боцман Наум Степанов, награжден 17 августа 1807 года за отличие при взятии крепости Анапы, который умер и знак после смерти дост. жур. дек. 19 1830 г.

Без номера. Московской губернии Богородского уезда экономической волохонской волости соцкий Иван Чукин, умер, зн. дост. жур. апр. 19 1832 г.

Без номера. Войска Донского уряд. Прокофий Артамонов»... и т. д.

Автор является счастливым обладателем нескольких ранних Знаков, значущихся по списку:

«№ 14 800. №№ от 14 757 по 15 457 внесены в список с отношения Главнокомандующего в Финляндии и Курляндии, Генерал-Лейтенанта Эссена, от 13 октября 1812 года.

№ 21 661. Внесен в список по формуляру 4 марта 1813 года. Дан юнкеру фон-дер-Рену по журналу 23 февраля 1815 года. Знак в Капитул возвращен не был.

№ 21 854. Внесен в список по вышеозначенному формуляру. Знак в Капитул возвращен не был. (Прочие Знаки будут описаны в последующем царствовании).

Попробуем теперь сделать из вышеуказанных выписок надлежащие выводы: Отметим, во-первых, что номера, внесенных в список с отношений Главнокомандующих, Знаков хронологически непоследовательны. Малые непоследовательности еще можно объяснить временем представления таковых отношений. Но объяснить №№ от 9886 по 10 001 на Знаках, розданных в 1810 году, а номера от 10 002 по 10 039 на Знаках, розданных в 1807 году, при теперешнем состоянии наших знаний, автор не берется.

Во-вторых, из приведенных нами выписок о возвращенных в Капитул Знаках следует, что Знаки без выбитых на них номеров раздавались и после Указа от 23 января 1809 года, и что повеление о выставлении номеров на розданных уже Знаках также не всегда выполнялось. Сведения о возвращенных в Капитул Знаках тем более ценны, что сами розданные в первые по учреждению годы Знаки дошли до нас в самом малом количестве. Причиной чему было повеление о возвращение Знаков в Капитул, причем, если возвращенные Знаки были в относительно хорошем состоянии, то они раздавались снова, прочие же шли на сплав. Не подлежали возвращению лишь Знаки, розданные нижним чинам союзных войск. Так, в 1814 году Александр I повелел: «Знаки Отличия Военного Ордена, розданные нижним чинам Прусской Армии в течение походов 1813 и 1814 годов, после смерти сих чинов, отдаваемы были другим, в оных участвовавшим, доколе стоять будут воины, которые в означенных походах находились».

Вот почему за рубежом Знаки с ранними по-

мерами сохранились в несколько большем количестве, чем в России.

Итак, Знаки с ранними номерами являются из редчайших, но и о них мало кто справлялся по спискам. Для примера, приведем следующий случай; в Государственном Историческом музее, в Москве, ныне хранится Знак с выбитым на нем номером 10 813, некогда занимавший почетное место в МУЗЕЕ 1812 ГОДА, как найденный на Бородинском поле. По сверению со списком, однако, оказалось, что Знак сей был дан рядовому 3 Егерского полка, Константину Дышканту, за отличие в сражении противу шведских войск в 1809 года, и что 3 Егерский полк в Бородинском бою участия не принимал.

Нами было отмечено выше, что штемпеля, коими выбивались Знаки Отличия Военного Ордена, до сего времени не изучены, а между тем в них имелись существенные различия. Самих штемпелей, увы, не сохранилось, и различия в них ныне возможно изучать лишь по немногим сохранившимся Знакам. Самой существенной отличительной чертой всех выбитых до учреждения степеней Знаков является весьма малый по сравнению с позднейшими Знаками рельеф окружающего центр креста кольца. Цифры, выбиваемые на оборотной стороне ранних Знаков, имеют высоту в 2 мм. Таковы цифры на Знаках №№ 14-800, 21-661 и 21-854. На Знаках же №№ 71-789 и 71-882 высота цифр 3 мм. Некоторые различия имеются и в изображениях Св. Георгия на лицевой стороне Знаков, и его вензеля «СГ» на оборотной. Так на Знаке № 14-800 левая лапа дракона заходит на окружающее кольцо, а вензель «СГ» без перерыва в центре. На Знаках же №№ 21-661 и 21-854 левая лапа дракона почти отсутствует, а вензель прерван точками в центре каждой из литер. Знаки №№ 71-789 и 71-882 технически выполнены лучше предыдущих. Изображение Св. Георгия более детально, а под драконом намечена земля. Забегая вперед укажем, что повышение рельефа окружающего центр креста кольца явилось не сразу же по установлению степеней. Так в собрании автора Знак 4-й степени № 52-111 все еще прежнего образца, а Знак 4-й же степени № 91 787 уже нового.

Изучение различий в штемпелях имеет важнейшее значение при изучении Знаков Отличия Военного Ордена, их давности и их подлинности. Так, например, Знак без степени и с ранним номером может оказаться Знаком 4-й степени со спиленным обозначением таковой. Много лет тому назад автору был продан «редчайший« Знак Отличия Военного Ордена без степени и с «вырезанным» на нем ранним номером. Позднее автор убедился, что Знак сей был частной работы, которые продавались без степени и без номера, а ранний номер на нем был кем-то вырезан.

Ниже нами даны увеличенные фотографии Знаков №№ 14-800 и 3481, последний для отставных чинов Прусской армии.

На этом мы и заканчиваем первую часть нашего описания Знаков Отличия Воинного Ордена, в надежде, что благосклонные читатели восполнят его сведения сообщениями, а еще лучше фотографиями, известных им ранних Знаков.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМП. НИКОЛАЯ I

Высочайше утвержденный 6 декабря 1833 года Статут Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия включал нижеследующие, касающиеся Знака Отличия Военного Ордена узаконения:

«XCIII. Когда нижние чины удостоиваются к Знаку за личную храбрость, тогда о таковых, не соблюдая числа оных, представляются от начальников полков списки с подробным объяснением подвига, каждым из представленных оказанного, и с заключением под какую именно статью Статута подвиг подходит. Списки сии должны быть представлены по команде.

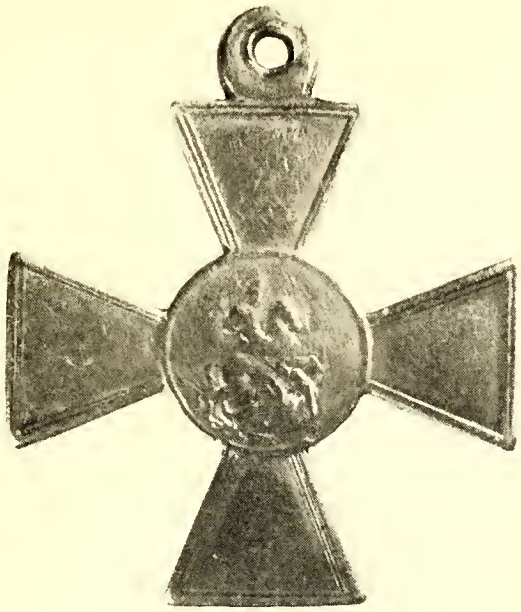
XCIV. Главнокомандующий Армиею или Корпусный Командир, состоящий на правах Командира Отдельного Корпуса, получив таковое представление, утверждает оное, буде найдет отличия нижних чинов сообразными с правилами Статута, **и если Знаки имеются в наличности, то препровождает нужное число оных для возложения на удостоенных, предписывая донести на кого именно и под каким номером каждый Знак возложен будет** (подч. мной — Е.М.).

XCV. Когда же Главнокомандующий или Корпусный Командир, состоящий на правах Командира Отдельного Корпуса, по личному усмотрению отличия, оказанного вообще каким либо полком, назначает вышеопределенное число Знаков на каждую роту или эскадрон, то дает знать о сем начальникам оных ордерами, **препровождая и самые Знаки, буде имеет в наличности, а с тем вместе доносит Нам, что такому-то полку за такое-то дело назначено столько-то Знаков** (подч. мной — Е.М.).

CXV. Нижним чинам, которые удостоятся получить полный оклад прибавочного жалования в ознаменование отличной храбрости, неоднократно ими оказанной, предоставляем Мы право носить Знак с бантом из Георгиевской ленты.

CXXVI. В случае утраты или неумышленой потери Знаков кем-либо из нижних чинов, выдаются им от Капитула, по требованию надлежащих начальств, новые Знаки, с означением на оных тех же номеров, под коими пожалованные состоят в списках.

CXXVII. Оставшиеся после умерших Знаки возвращаются от подлежащих начальств в Орденский Капитул. Изъятие из сего правила допускается для нижних чинов союзных войск, которые получили таковые Знаки в последнюю войну с французами в 1813 и 1814 годах. Сии Знаки не возвращаются в Россию, но после имевших оные возлагаются на



других, кои также по отличиям, в означенные годы оказанным, признаны будут того достойными».

Важнейшим из указанных узаконений было передача пожалований Знаками Отличия Военного Ордена всецело во власть Главнокомандующих армиями и Командиров отдельных корпусов, каковым заранее препровождались Знаки с выбитыми номерами. Следствием чего было ускорение пожалований и устранение нудной волокиты. Отметим, что новый порядок пожалований был совершенно подобен порядку, изложенному в вышеуказанном донесении Кутузова.

Присвоение Знакам нижних чинов, выслуживших полный оклад прибавочного жалования, бантов из Георгиевской ленты являлось как бы предвестником учреждения степеней.

Важно также введение в Статут узаконения о невозвращении розданных нижним чинам союзных армий Знаков.

В декабре 1835 года было Высочайше повелено о переходе розданных нижним чинам Прусской армии Знаков «по правилам наследства Железного Креста». Вследствие чего было запрошено у прусского военного министра сколько таковых участников походов находится еще на действительной службе. На каковой запрос, в декабре 1836 года был получен ответ, что на действительной службе состоит 827 нижних чинов, каковым и было выслано из Капитула соответствующее число Знаков.

В июле 1839 года, Капитулу было Высочайше повелено заготовить особые Знаки Отличия Воен-

ного Ордена для раздачи отставным чинам Прусской армии, рисунок какового был представлен Капитулом на Высочайшее утверждение, с вензелем «Н I» на оборотной стороне верхнего конца креста, и с номером, обозначенном римскими цифрами. Очевидно более скромный и более сведующий в математике Император написал карандашем на рисунке: «Вместо «Н I» на обороте сверху поместить «А I» и номера арабскими цифрами». Римские цифры на кресте, конечно, не уместились бы.

В ноябре 1839 года, 4500 Знаков вышеуказанного образца было выбито Санкт-Петербургским Монетным Двором и препровождено в Пруссию. А 29 июля 1841 года, флигель-адъютант короля прусского, полковник Раух, уведомил Капитул о раздаче 4264 Знаков, с возвращением 236 нероздан-ных, и с извещением, кому, именно, и под каким номером таковые были даны. Что и было внесено в списки Капитула.

Знаки, розданные отставным нижним чинам прусской армии подлежали возврату, и в списках Капитула имеются отметки о таковых. Возвращены были, однако, далеко не все, так что Знаки этого образца и доселе встречаются в Германии. Судьба же нероздан-ных, а также и возвращенных Знаков, по-видимому, была та же, что и прочих — все они пошли на сплав. Так что даже в Эрмитаже на экспозиции долгое время находился лишь бронзовый новоделок этого Знака, пока он не был заменен подлинным, переданным автором этой статьи.

В списках Капитула значатся также Знаки Отличия Военного Ордена с номерами от 44 075 по 44 274, розданные нижним чинам шведской армии.

Именным, объявленным 29 августа 1844 года, Указом повелевалось:

«Знаки Отличия Военного Ордена для пожалования нижних воинских чинов из Мусульман, заготовлять с изображением на кресте вместо Св. Георгия, Императорского Российского Орла».

Именным, объявленным 7 октября 1844 года, Указом повелевалось:

«Жалуемые нижним воинским чинам из Мусульман Знаки Отличия Военного Ордена заготовлять с особенною на них нумерациею».

Именным, объявленным 21 февраля 1852 года, Указом разрешалось:

«Знаки Отличия Военного Ордена, представленные Его Величеством в распоряжение Австрийского Главнокомандующего для раздачи нижним чинам Австрийской Армии, отличившимся во время Венгерской кампании 1848 и 1849 годов, передавать, по смерти получивших оные, другим нижним чинам, в этой кампании участвовавшим, по усмотрению Австрийского Командования».

Несмотря на то, что в царствование Имп. Николая I порядок пожалований Знаком Отличия Военного Ордена был упрощен и ускорен, выбиваемые на них номера оставались хронологически непослсдовательными. Для примера, приведем номера Знаков, хранящихся в собрании автора.

№ 71 789 — дан «Прусской службы 23 пехотного полка поручику Карлу барону фон Розе». Знак в Капитул возвращен не был.

№ 71 882 — дан »Прусской службы 4 кирасирского полка вахмистру Готфриду Гертнеру». Знак в Капитул возвращен не был.

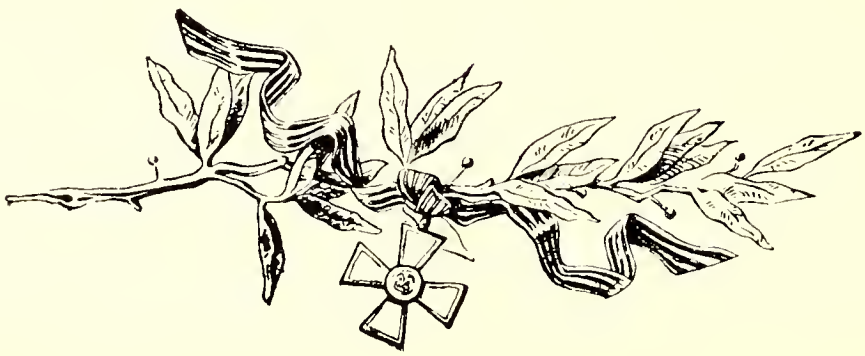
«Знаки от № 71 386 по № 72 192 внесены в списки с отношения Начальника Военно-Походной Е.И.В. Канцелярии, Генерал-Адъютанта Адлерберга, от 22 февраля 1838 года, за кампании 1813, 1814 и 1815 годов».

№ 92 870 — дан «Ракетной № 1 батареи бомбардиру Леонарду Бузос, за отличие, оказанное при взятии 28 июля 1853 года Коканской крепости Ак-Мечети. Внесен с отношения Инспекторского департамента Военного Министерства от 12 мая 1854 г.». Знак в Капитул возвращен не был.

А между тем, в Государственном Историческом Музее, в Москве, хранятся Знаки, розданные в царствование Николая I, значущиеся по спискам Капитула: № 56 150 — дан за Ахалцих, 1828 г. С отношения 1830 г. № 59 259 — дан за подавление Польского мятежа в 1831 г. С отношения того же года.

Списки Капитула, следовательно, столь же необходимы при изучении пожалований Знаками Отличия Военного Ордена в царствование Николая I, сколь и в предшествующее царствование.

Заканчиваю первую часть нашего описания обращением ко всем, кому еще открыт доступ к означенным спискам — сим, написанным кровию русских солдат скрижалям, дабы они были изданы и основательно изучены, ибо для занимающихся русской медалистикой нет более ценного документа.



Д-р мед. Я. И. Кефели

Воспоминания военно-морского врача

Лейтенант Иванов 14-й. К вопросу о первом выстреле 25 октября 1917 г.

(Продолжение)

Только теперь, 20 мая 1952 г., через 35 лет, я точно узнал от лица, находившегося в ночь октябрьского переворота в Петропавловской крепости, что первый выстрел в сторону Зимнего Дворца был дан не с «Авроры», а из Петропавловской крепости. Он был сделан (вероятно холостой) из сигнальной пушки солдатом Павловым по его собственной инициативе. Конечно, не так важно, кто первый сказал «э» в пушечном окружении Зимнего Дворца, но поучительно, что этим выстрелом судеб человечества мог стать никому до того неведомый, а теперь и всеми забытый простой солдат Павлов.[1]

На Царском смотру

С того далекого времени плавания на «Забияке» с Модестом мы были на «ты», считали себя друзьями и в Порт-Артуре, даже купили в компании один земельный участок с торгов в Новом-Городе. После Русско-японской войны я почти 10 лет прослужил в Морском министерстве в Петербурге, а Модест плавал в Балтийском море. Встречались мы редко, но всегда на дружеской ноге. Когда я женился, он, будучи в Петербурге, приехал меня поздравить и обедал у нас.

Последняя моя встреча с ним была летом 1915 года. Я приехал по службе в Кронштадт, где заканчивалась печатанием моя официальная историческая работа о санитарной части флота в Русско-японской войне. В Морском собрании мне сообщили, что в Кронштадт пришла на починку «Диана» и что командиром ее состоит Модест. Естественно, я отправился навестить своего друга. Крейсер стоял ошвартовавшись у стенки в безлюдной части Кронштадтского порта. Вообще, во время Великой войны Кронштадт пустовал, так как весь флот базировался на линии Ревель-Свеаборг. Модест оставил меня у себя на завтрак. Других гостей у него не было и мы вдвоем сели за стол в командирском помещении. Вспоминали старину и обменивались новостями нашей текущей жизни.

Вдруг входит вахтенный и докладывает командиру, что с Императорской яхты «Штандарт» идет катер с офицерами, направляясь к «Диане». В это время «Штандарт» стоял на Кронштадтском рейде, но далеко от «Дианы». Мы знали, что на «Штандарте» Государь с Семьей.

Через 2-3 минуты вошел старший офицер крейсера и доложил командиру, что офицер с Императорской яхты пришел на катере предупредить, что сейчас на крейсер прибудет Государь Император. Все заволновались неожиданному Царскому смотру. Модест мне сказал: «Выйди на стенку, подожди. Когда Государь уедет, опять придешь».

Я вышел по сходне на стенку. Невдалеке стоял старый водотрубный котел. Я спрятался за него и стал смотреть в щелку в сторону «Дианы». Мне не было видно подходящего к крейсеру Императорского катера, но я видел весь церемониал Высочайшей встречи. Команда и офицеры выстроились на палубе во фронт, вызвали караул. Я слышал, как команда отвечала молодцевато на приветствие Государя. Был дан отбой и вновь сигнал «к смотру». Все побежали по своим местам по авралу. Смотр тянулся с полчаса. В мою щелку были ясно видны иллюминаторы командирского помещения. Я ясно видел силуэт Модеста и рядом с ним, как будто ниже, силуэт Государя. Модест был довольно высокого роста.

Вскоре после этого опять раздалась команда, вновь появился караул. Все выстроились для проводов и под восторженное ура всей команды и офицеров Государь отбыл с крейсера на свою яхту. Когда долго не смолкавшие крики ура закончились, я вышел из своего укрытия и направился к «Диане».

Насколько можно было охватить глазом ближайшую часть порта, нигде я не видел ни души: ни жандармов, ни каких-либо воинских команд, ни даже портовых рабочих. Так просто прибыл и отбыл Государь с крейсера «Диана».

На крейсере царили радость и оживление. Все рассказывали друг другу подробности и впечатления. Государь остался всем доволен и оставил командиру свой портрет с собственноручной подписью. Об этом Высочайшем пожаловании сам Модест рассказывал мне следующее: Государь пожелал войти в каюту командира, где он выразил ему свою благодарность за службу. Модест осмелел, он вообще был не из трусливых, не даром имел золотое оружие за Порт-Артур, и сам попросил Государя оставить ему свой автограф. Согласие было дано. Стали искать Царский портрет, но нигде под рукой его не оказалось. Лишь на стене перед командирским столом висела краси-

[1] Об этом первом выстреле, начавшем октябрьский переворот, лицу, сообщившему мне об этом в Париже, рассказывали лично в ту же ночь, под утро на 26 октября 1917 г. комендант Петропавловской крепости Благонравов (офицер большевик) и сам солдат Павлов. Хотя он просил не называть его имени, но это был доктор Манухин, сейчас проживающий в Париже. Он был прекрасно охарактеризован г-жей Вырубовой.

Д-р Кефели 3.4.1958 г.

вая фотография Государя в морской форме. Но рамка его была привинчена к переборке каюты. Силач и ловкач Модест руками сорвал раму и поднес Государю его фотографию для подписи. Государь подписал. Все это тут же мне было предъявлено для обозрения.

— Ну, мы не кончили с тобой завтракать, приходи сегодня ко мне на квартиру обедать, увидишь моего Жоржика и Софию Александровну, которая тебя хорошо помнит по Порт-Артуру, сказал Модест.

Радость по поводу удачного Высочайшего смотра продолжалась и в квартире Модеста. Обсуждали военные события, особенно, конечно, морские.

— Во как! (любимое выражение Модеста) Адмирал Хоменко готовит в Черном море транспортную флотилию для взятия Константинополя, сказал Модесть. Если мы возьмем Царьград, я постараюсь стать там командиром порта, а ты там будешь санитарным инспектором. Хочешь? Опять будем вместе! Хочу, ответил я — больше чем хочу! Ну, так ударим по рукам! Сонечка, а ты нас пребей.

Модест шутник, весельчак, всегда пользовавшийся любовью команды, что то ласковое сказал вестовому, тот осклабился во всю ширину рта, и на столе появился ликер. Вскоре я уехал на Кавказ.

После восьми лет службы в Морском министерстве и пребывания моего в Петербурге, в декабре 1915 года я был командирован Морским Министром в распоряжение военного инженера генерала фон Шварца, коменданта Карской крепости бывшего Порт-Артурца. Моя почти двухлетняя командировка в Закавказье окончилась лишь осенью 1917 года.

В начале октября я выехал в Петербург, оставив в Тифлисе жену и сына, ввиду слухов, что в Петербурге нет отопления. Последние дни Керенщины явно приближались. Расстройство государственной машины достигло крайних пределов и, несмотря на это, благодаря какому-то непонятному автоматизму, пассажирские поезда ходили, хотя крайне переполненные и с большим опозданием.

На станциях из вагонов можно было вылезать только в окно. Несмотря на это, люди были еще людьми. Соседи по несчастью и по дороге помогали друг другу, приносили воду, охраняли вещи уходящих на станцию, втаскивали их за руки в окно, делились съестным, как товарищи по несчастью.

Когда мы проезжали Кубанскую область, все советовали купить как можно больше хлеба, в изобилии продававшегося на станциях казаками. В это время в Тифлисе и Батуме уже хлеба не было, ели хлеб по карточкам, притом кукурузный, желтый, твердый, почти несъедобный. Все советовали отвести хлеб в Петроград как лучший подарок. Я купил целый мешок больших караваев. Несмотря на то, что у меня был очень большой багаж, и с собой и сданный в багажный вагон, я все довез благополучно. В Петрограде без особенного труда нашел извозчика.

В Петроград я прибыл в середине октября 1917 г., как потом оказалось дней за 7-10 до переворота. Я не узнал столицы: с падением монархии исчезла и прелесть Северной Пальмиры. Невский был заполнен простолюдинами, разнузданными солдатами и матросами. Исчезли гвардейские мундиры и изящно одетые дамы. Город стал грязным. Нигде не было видно городовых, но внешний распорядок мало изменился. Казалось, что в городе полная безопасность и обычная мирная жизнь заметно не изменилась. Инерция государственного порядка, столетиями слагавшегося, продолжалась. А между тем все знали и чувствовали, что никакой власти в стране уже нет. Правительство не правило, войско его не подкрепляло, не было ни судов, ни авторитета у чинов государственного аппарата. Я был удивлен, что во внешнем проявлении, при первом взгляде казалось, что кто-то еще бдит за действиями государственной машины, и обиженному будто есть на кого опереться. Но первый контакт с действительностью обнаружил язвы нового строя.

Как только стемнело, соседи мои и мои родственники посоветовали мне скорее идти домой, говоря, что ночью не вполне безопасно передвижение, что могут ограбить, и я видел, что публика торопливо расходилась по домам и улицы быстро пустели.

Ночью можно было слышать доносившиеся с улицы крики, точно кого-то грабят и бьют.[2] Изредка были слышны выстрелы, не то из ружья, не то из револьвера. Но с рассветом все опять приходило как бы в норму. Мне советовали пройти к дому Ксешинской на Каменноостровский проспект, очень близко от моей квартиры, послушать произносимые Лениным зажигательные речи с призывом грабить награбленное и обещаниями мира хижинам и войны дворцам. Вероятно по праву объявленной им войны с дворцами Ленин и занял один из лучших домов (дворец Ксешинской) своей особой. Об этом говорили больше как о курьезе. Я все откладывал и не пошел.

В Морском министерстве

На утро по приезде, как и во все предшествующие годы, я с Гулярной улицы пошел через Дворцовый мост в Морское министерство и как

---

[2] Некоторые мои знакомые придумали и широко пользовались следующим способом самозащиты от хулиганов в ночную пору. Завидя издали тени подозрительных встречных, они начинали между собой обмениваться грубой площадной бранью. И даже в одиночку, они пускали эту брань в темноту, как бы обращаясь к кому-то поблизости и позади себя. Встречные негодяи по этому признаку считали их за «своих» и не нападали, опасаясь сопротивления.

будто ничто в столице великого государства резко не переменилось. В управлении Главного санитарного инспектора флота, где я служил старшим делопроизводителем из врачей VI класса, внутренний обиход очень изменился. В коридоре торчало большое количество каких-то матросов, как будто не имевших никакого отношения к делу, а Главный санитарный инспектор флота б. лейб-медик Зуев выходил к этим матросам, вел с ними какие-то переговоры, пожимал им руки.

Такая же картина наблюдалась и в других отделах Морского министерства, где мне приходилось по делу каждый день бывать. Писаря же внешне вели себя очень покойно, не проявляя никаких эксцессов, но в воздухе чувствовалось приближение какой-то грозы. Служащие и офицеры шептались между собой, передавая друг другу сенсационные новости. Деловых разговоров не было, а если рассуждали спокойно, то только о пище, о сахаре, о хлебе. В жизни даже морских врачей произошли непонятные перемены. В Петербургском порту, где числилось десятка три врачей, образовался союз, который диктовал свою волю начальству. Предполагался и общий съезд морских врачей в Севастополе.

В Военном министерстве

В первые же дни своего приезда я отправился к генералу Шварцу на его службу в Главное Инженерное Управление. Он был начальником этого учреждения. В военно-инженерном замке с виду царил полный порядок: швейцар, писаря, офицеры — вели себя так, как я привык видеть в течение 10 лет службы в Морском министерстве. Сам начальник генерал А. В. Шварц, как мне показалось, не обнаруживал признаков тревоги по поводу надвигающейся катастрофы. Этим только я могу объяснить, что, желая продолжать служить вместе, он предложил мне перейти на службу в инженерное ведомство на хороший пост с повышением. Я же, уже понюхавший атмосферу в Морском министерстве, мне хорошо знакомую, отказался, предпочтя привычную мне среду в столь смутное время.

В Главном штабе много лет служил дежурным офицером по приему просителей мой троюродный брат, красавец в николаевской шинели, капитан Черкез. По характеру своей службы он знал все новости. Я забежал и к нему после двухлетней разлуки. Ничего хорошего впереди и он не видел.

Как в Морском министерстве, так и в Главном штабе, министерства военного, не только офицеры и чиновники, но и писаря в своей массе, более просвещенные, чем строевые солдаты, не льнули к Ленину и Троцкому, которые тогда олицетворяли своими именами большевистское направление социал-демократической партии. У октябристов, у кадетов и эсеров явно ничего не выходило; можно ли было думать, что выйдет у социалистов, да еще у большевиков?

К сожалению, из слов капитана Черкеза я понял, что и у них, как и у нас через Дворцовую площадь — в Морском министерстве, полная растерянность и обреченность. Все приклонили покорно головы и ждут удара карающего меча. За что и для чего никто не знал и не задумывался, как перед неизбежным и роковым! Все были в каталепсии. Капитан Черкез ежедневно для удовлетворения просителей уже ряд лет обходил все отделения Главного штаба и знал всех служащих, знали и его. Поэтому его словам можно было придавать значение. Дело дрянь, заключил он.

Днем на улицах держался относительный порядок, ходили трамваи, ездили извозчики, по панелям свободно шли пешеходы в обычном количестве. Нельзя было не удивляться, как сильна была инерция. Ведь никакой власти фактически ни в Петербурге, ни на территории всей Российской Империи уже не было.

Начатое кн. Львовым разложение государства на первоначальные элементы усиленно продолжалось его заместителями... Вот к каким последствиям привел лозунг, выдвинутый печальной памяти председателем Четвертой государственной думы: «Власть на местах!»

Среди родственников и знакомых

Брат моей жены, адвокат, живший недалеко от нас, занимавшийся раньше юридическими железнодорожными делами, говорил, что гражданский судебный процесс дезорганизован и искал выхода найти себе иной заработок. Я был удивлен переменой его взглядов. Когда-то человек с левизной, теперь безнадежно смотрел на будущее.

Сестра моей жены, служившая в страховом обществе много лет, говорила, что все у них остановилось. Все ходят печальные ждут увольнения.

В это время у брата моей жены гостил ее старший брат — хирург, возвратившийся с фронта и ехавший в отпуск к семье. Уравновешенный, всегда спокойный Сеня с юмором рассказывал, до какого развала дошла армия. Картина была общая для всего фронта, хорошо знакомая, конечно, и мне по Трапезунду и Тифлису.

Вести о Модесте

Вскоре по приезде в Петербург на Невском проспекте я встретил нескольких офицеров — моих старых соплавателей и вновь услышал новости о моем друге Модесте Иванове. После февральской революции, недовольный начальством за обход его по службе, Модест, ранее никогда не занимавшийся политикой, стал на сторону недовольных новыми властями и так же как адмирал Максимов, имевший во флоте прозвище «чухна», стал склоняться на сторону вновь надвигающейся политической партии большевиков, несмотря на то, что подавляющее большинство офицеров флота, особенно старших, было настроено крайне

враждебно к большевистским тенденциям. К чести наших матросов надо сказать, что, как я потом узнал, команды почти всех судов Балтийского флота также были не с большевиками. Кронштадтское восстание это доказало.

Морские офицеры обо всем, что касалось поведения и действий Модсета Иванова, передавали мне, конечно, исключительно в духе осуждения. Я же, хорошо знавший Модеста, его легкомыслие и нелюбовь к высоким материям, допускал с его стороны возможность эксцессов. Недаром еще в Порт-Артуре он в пьяном виде бил военного губернатора на его же квартире клеткой с попугаем, а с другой стороны, как замечательный бильярдист, весельчак, анекдотист, балагур, добряк, прекрасный офицер на средних должностях, он не способен был ни для крупных длительных дел, ни на предумышленные аморальные поступки. Недаром его команда любила, и недаром начальство обошло его производством в адмиралы, хотя по образованию он был выше толпы, носил значок Морской Академии на правой стороне кителя и имел Золотое оружие за храбрость.

Политическая зараза

Когда грянула февральская революция, Модест Иванов, тогда командир «Дианы», был в отпуске в Кронштадте у своей семьи. Там сразу же начались убийства офицеров: был убит порт-артурец, бывший славный командир крейсера «Баян», а сейчас уже адмирал Вирен. Беспорядки принимали грозный и массовый характер. Угроза висела над многими офицерами. Тогда говорили, что в некоторых случаях убийства офицеров флота совершены были не своими матросами, а тайными агентами неприятеля, переодетыми в матросскую форму. Будто бы и вице-адмирал А. И. Непенин в первые дни февральской революции также был убит немецкими агентами.

Команда учебного судна «Рында», которым до войны командовал Модест Иванов, узнав, что ее бывший и любимый командир находится в Кронштадте, тотчас же организовала на его квартире охрану от бунтующих матросов. Это сразу поставило Иванова в особое положение и толкнуло его в среду матросских интересов и взглядов, противопоставив его прочему офицерскому составу. Эти дни надо считать поворотными в политических действиях, если не во взглядах моего друга Иванова 14-го. Не иммунизированный против политики, он тяжко заболел социалистическими благими намерениями!

Следующую революционную аттестацию моего друга в период февраля я заимствую из недавно изданной советской книги — повести «Моряки», на которую обратил мое внимание читавший мои личные воспоминания автор романа «Зимний дворец» Л. Ф. Зуров.

«...в дни свержения царизма и суровой расправы с его активными приверженцами, когда моряки физически уничтожали реакционных офицеров... М. В. Иванов не только остался на своей должности командира крейсера, но даже был избран общим собранием моряков четырех крейсеров — «Дианы», «России», «Громобоя» и «Авроры» — на должность начальника второй бригады. Популярность его среди моряков была такова, что в августе, когда Керенский подписал приказ об увольнении М. В. Иванова в отставку без объяснения причин, команды бригады крейсеров, команды линейных кораблей и бригады подводных лодок в свою очередь постановили: капитану первого ранга Модесту Иванову предложить остаться начальником бригады, а всякого вместо него назначенного другого выбросить за борт.[3] Иванов командовал второй бригадой крейсеров вплоть до октябрьского переворота. Эту атмосферу революционности, охватившую имя Модеста Иванова после «февраля» кратко и сильно подтверждает в своем письме за 1949 год на имя адмирала Б. П. Дудорова и лейтенант Крыжановский, служивший в эти тревожные дни в штабе Балтийского флота: «Модест Иванов командовал «Дианой», а до этого «Двиною», бывшей «Памятью Азова», базой английских подводных лодок. Во время революции он пошел «во все тяжкие».

Об этом периоде активности Модеста сам адмирал Дудоров пишет мне в том же году следующее: «Летом 1917 г. он просил у меня приема, как у первого помощника министра, чтобы, по моим сведениям, просить себе какое-то назначение. Зная по слухам о его вредной демагогической деятельности, я его не принял».

Активная политика

Позднее, уже в Севастополе и Одессе, я узнал от разных лиц, что в конце лета 1917 г. Модест поехал в Петроград и вошел в тесное общение с большевистскими лидерами, став у них крупным сотрудником по части морских дел. В такой роли он оставался до октябрьских дней и в момент переворота этого крупнейшего факта истории, имеющего столь трагические последствия для всего человечества до сего дня и еще надолго вперед.

О поездке Модеста Васильевича в Петроград до «октября» и связи его с большевистскими главарями подтвердил мне в Париже и бывший старшим офицером у него на «Диане» в годы войны и начала революции, тогда лейтенант, а теперь капитан 1 ранга А. С. Пилипенко.

Накануне «октября» в Гельсингфорсе он виделся со своим бывшим командиром, который скло-

---

[3] Этому оригинальному вотуму предшествовало следующее: «Временное правительство не утвердило избрание Модеста Иванова на должность начальника второй бригады крейсеров. Управляющий тогда Морским министерством (эсер, поручик французской армии) Лебедев ездил на бригаду, чтобы сместить М. В. Иванова, что ему не удалось из-за отказа Иванова подчиниться приказанию Правительства. Разговор кончился в очень резкой форме взаимными угрозами« (из письма контр-адмирала А. С. Полушкина к доктору истории Федотову-Вайт в 1949 году).

нял его на сторону большевиков и предложил ему даже место своего товарища по должности морского министра, в намечавшемся большевиками советском правительстве.[4] Встреча их произошла на улице. Модест шел из бани, выглядел желтым, взволнованным: «Иванов (какой-то еще) не хочет, и ты не хочешь», упрекнул он Пилипенку.[5]

После этой встречи кап. 1 ранга А. С. Пилипенко уехал в Петроград и беседавал о положении дел с временно управляющим Морским министерством кап. 1 ранга Дудоровым, которому рассказал о встрече с Модестом Ивановым. Дудоров, обрисовав Пилипенке трагичность положения, посоветовал ему отойти от всего.

Из письма адмирала Дудорова ко мне видно, что он покинул должность товарища морского министра до октябрьского переворота. Переворот совершился, когда Дудоров был в Токио в должности морского агента. Его известил об этом телеграммой мичман Раскольников.

Следовательно, уже по меньшей мере за месяц до октябрьского переворота Модест комплектовал себе помощников по должности Морского министра у большевиков. Не ясно ли из этого, что тогда уже он был у Ленина главным помощником по морским делам. А ведь флот возвел на Всероссийский престол самого Ленина и его окружение. А кто держал во флоте дирижерскую палочку? Иванов 14-ый!

Дальнейшее развитие аттестации М. Иванова я дополню только несколькими выражениями по его адресу со стороны офицеров крейсера «Аврора» за день до «октября», точнее утром 25 октября («Моряки» Евгения Юнги).[6]

Все офицеры крейсера «Аврора» были арестованы командой и посажены в трюм, люк которого был прикрыт брезентом и у брезента стоял часовой-матрос. Распоряжался на крейсере комиссар Белышов (матрос). Начиная с командира, все офицеры, за исключением самого младшего мичмана, были настроены против советской власти и, очевидно, как ее крупного сотрудника во флоте, кап. 1 ранга Модеста Иванова. Вот подслушанная часовым и переданная комиссару Белышеву аттестация моего друга: «Мальчишка! Учитесь у старших, как вести себя, заорал старший лейтенант Эриксон на самого молодого мичмана Поленова. А мичманок в ответ: учусь у капитана первого ранга Иванова. Тогда ст. лейтенант Эриксон обозвал Иванова изменником. Только мичман не полез в карман за словом: если Иванов изменник, то почему «Аврора» должна поступить под его командование? Ведь нам приказано Керенским ... следовать в Або в распоряжение начальника второй бригады крейсеров. А как фамилия начальника второй бригады? Иванов! ...»

«Никто из нас (говорит в ответ мичману исп. обязанности командира крейсера ст. лейтенант Эриксон) не намерен признавать Иванова. Долго не накомандует!»

Через несколько минут комиссар Белышев спускается в трюм к арестованным офицерам и оглашает радиодепешу о том, что власть якобы уже перешла в руки военно-революционного комитета в Смольном. «Поскольку Временное правительство низложено, колеблется Эриксон, мы свободны от обязательства по отношению к нему... Затем вытягивает руки по швам и, обращаясь к Белышову, произносит: — Предоставляю себя в распоряжение новой власти. Вы? — обращается Белышев к артиллеристу. Я?... повременю. Стоит ли поступать на службу во флот Иванова?»

Из этих эпитетов и реплик ясно, что Модест Иванов активный и крупный изменник в глазах всех офицеров «Авроры», кроме мичмана Поленова, но мало того — он и высший начальник в глазах восставших матросов и соединившихся с ними офицеров. Это было накануне переворота, утром 25-го октября 1917 года.[7]

---

[4] Морского военно-судебного ведомства полковник А. И. Хорошавин рассказывал, что он удачно защитил Модеста Иванова по делу об избиении им клеткой с попугаем полковника Вершинина (дело разбиралось по окончании войны с Японией уже в Кронштадте). Незадолго до октябрьского переворота Хорошавин получил от М. Иванова предложение занять при нем, будущем Морском министре, должность главного военно-морского прокурора. А. И. Хорошавин также отказался и уехал на юг, как и кап. 2 ранга Пилипенко.

[5] Я думаю, что речь идет о контр-адмирале Л. Л. Иванове, в то время служившем в Черном море, с которым Модест Васильевич, как и я, плавали на «Забияке» в 1902 г. Модест и Леонид Леонардович (?) Иванов были в большой дружбе. Как офицер (тогда Иванов 15-ый, лейтенант) был высокого качества. Если моя догадка верна, то Модест наметил себе хорошего помощника.

Я. И. Кефели

[6] Читавший эти воспоминания редактор журнала «Возрождение» г-н Мельгунов между прочим указал мне, что в своих исторических исследованиях о Модесте Иванове наряду с официальными документами я пользуюсь и «романом», как он назвал повесть «Моряки» Евгения Юнги. Это де недопустимо.

На это я отвечаю, как и ранее отмечал уже, что «в советских странах нет у граждан свободных мнений, нет и свободной печати. Все граждане там делают и пишут только то, чего желает власть, и только настолько, насколько власть этого желает. Поэтому только так объясняются и окрашиваются события, как власти, по понятиям и догадкам автора, было бы желательно, могло быть по душе власти и не могло быть караемо властью. Какая же разница между документом «официальным» и «романом» при подобных условиях? Надо считаться только с правдоподобностью излагаемого и подвергать изложенное возможному контролю. Для нас, соучастников и очевидцев, все это не правдоподобие, а сама правда о сумасшедшем доме, нежно именуемым «великой- бескровной», «великим октябрем», или «великой войной»?

Я. И. Кефели

[7] Л. Ф. Зуров, автор романа «Зимний Дворец», также читавший эти мои воспоминания и хорошо знакомый с литературой, относящейся к периоду октябрьского переворота, указал мне, что в журнале

Трагичность положения офицеров флота в революционные дни иллюстрируется подобным обращением командира боевого корабля к главарю своей же взбунтовавшейся команды. Вот что пишет об этом моменте лейтенант Федотов-Вайт (письмо на имя адмирала Б. П. Дудорова 1949 г.):

«Я не был в Петербурге во время октябрьского переворота. «Авророй» командовал в то время мой друг ст. лейтенант Эриксон (умер в Канаде несколько лет тому назад). Он мне несколько раз подробно рассказывал все обстоятельства переворота в отношении морских сил и «Авроры» в частности. Никаких распоряжений он ни от Модеста Иванова, ни от каких-либо офицеров флота не получал. Всем распоряжался судовой комитет, получавший распоряжения от военно-революционного комитета Советов, т. е. от Троцкого и иже с ним. Всё руководство восстанием было в руках двух комитетов: Совета народных комиссаров и коммунистической партии». Г-н Юнга в «Моряках», наоборот, нигде не упоминает о Троцком и все распоряжения, даваемые в Смольном, приписывает Свердлову. Конечно, это умышленная фальсификация истории г-ном Юнгой. Столь же умышленной фальсификацией истории, по всей вероятности, является и тот факт, что Троцкий ни слова не упоминает о Модесте Иванове ни в одном из своих сочинений (то же письмо доктора истории лейт. Федотова-Вайт).

Как дошел Флот до такой жизни? Для этого вернемся к «февралю». Ясный ответ мы находим в дневнике «Мировая война на Балтийском морском театре», напечатанном в «Красном архиве» за 1927 и 1929 гг. Автором дневника является кап. первого ранга Ив. Ив. Ренгартен, заведывавший еще до революции и в течение ее разведывательной службой в штабе Командующего Балтийским Флотом вице-адмирала А. И. Непенина.[8]

Революционная ржа, под влиянием ненужной, так же как и японская, случайно не избегнутой и затянувшейся кровопролитной войны на территории всей Европы, охватила наш флот и нашу армию с двух концов их личного состава. Среди «сознательных» матросов и солдат действовали и вербовали своих сторонников крайне левые «социалистические» партийцы. Их достижения не охватывали широких масс и особой опасности не представляли. Но рыба с головы воняла! Это было смертельно и для армии и флота, и для режима, и, увы, для всей народной толщи, к революции не причастной, но более всего от нее пострадавшей.

В своих воспоминаниях «С генералом Шварцем в Карсе, Трапезунде и Одессе» я описал приезд на Кавказский фронт и в Трапезунд А. И. Гучкова для обработки самых высших военных начальников в целях возможных «перемен». Тоже им было сделано и в Верховной ставке, и в Балтийском Флоте.

«Не случайно, пишет «Красный архив», что Ренгартен безнаказанно беседует 30 января 1917 года с командующим флотом о возможности переворота. Этот разговор Ренгартена с адмиралом А. Непенинным невольно наводит на мысль о довольно определенных сношениях между Гучковым, ген. Алексеевым, Непенинным и др. об организации переворота «путем устранения» Государя.

30 января Ренгартен записал в своем дневнике следующую выписку из секретного письма Гучкова ген. Алексееву: «Если кто-нибудь, что-нибудь и может сейчас сделать, то это вы«. В тот же день, отвечая Ренгартену о возможности переворота, командующий Балтийским флотом вице- адмирал Непенин ему ответил: «Дѵмато об этом много, дѵмато много ночей!» «Ренгартен, как говорит редакция «Красного архива», является одним из руководителей соответственно настроенных офицеров. Характерно, что вся группа[9] состояла из представителей старшего командного состава». «Революционные замыслы Непенина очень неясны», всё же замечает Ренгартен. Не прошло и месяца, и всё, к ужасу, разъяснилось. 28 февраля в 9 часов утра Ренгартен записал: «Ура! Вчера в Государственной думе образовалось Временное правительство. По этому поводу ночью Непенин вызвал контр-адмирала, князя Черкасского, и посоветовавшись с ним, решил лично объявить об этом флоту теперь же, призвать к боевой готовности и к спокойствию; внутренний смысл такого обращения я понимаю так, что Балтийский флот поддерживает Временное правительство. Наши начальники и командиры в общем настроены праздничнo и сочувствуют революции во спасение родины».

1 марта 1917 г. «Утром пришли две телеграммы от Родзянко. Ответ Непенина Родзянке: —

«Октябрьская революция» давно уже были напечатаны воспоминания матроса Куркова с крейсера «Аврора». По мнению К. Ф. Зурова, события, происходящие на «Авроре» в этот исторический день, описаны г-ном Юнгой по этим воспоминаниям. Следовательно, изложенное Юнгой о М. Иванове правдоподобно, «документально» в возможной степени, хотя и «романтично».

[8] Адмирала Непенина я хорошо знал в Порт-Артуре: он командовал одним из миноносцев, на которых я служил отрядным врачом. Когда года за два-три до великой войны, тогда капитан 1 ранга Непенин был назначен начальником службы связи Балтийского моря, он зашел ко мне в Управление санитарной части флота в Петербурге и предложил быть у него старшим врачем, что означало для меня большое повышение по службе. Я отказался, т. к. в это время я уже окончательно потерял вкус к войне, почитая всякую войну безумием организованного человечества. Непенин был прекрасным офицером. Он маленького роста, коренастый блондин, был грубоватым, но умным человеком. Ренгартена я также помню молодым офицером. Описываемое в его замечательном дневнике мне очень живо представляется, хотя я не был свидетелем этих событий.

[9] Ведь это не просто «группа», а группа заговорщиков в штабе флота, бунтарей офицеров и ... адмиралов против своего Верховного Главнокомандующего и против верховной власти в стране, своего Государя Императора, которым столетиями присягали и были верны!

Считаю ваши намерения достойными и правильными». «Одним словом, добавляет Ренгартен, факт, что мы присоединились к Временному правительству».

1 марта в 9 часов 10 мин. утра Ренгартен записал: «Собрание флагманов и капитанов. Командующий флотом, прочтя телеграмму Родзянки и ответ ему, сказал: — По этому поводу я донес о своих поступках Государю Императору. Требую полного повиновения — Всё, господа! Эти слова, добавляет Ренгартен, сказаны твердо, не громко, очень внушительно. Непенин обвел всех тяжелым взглядом. Больше ни одного слова не было сказано».

Далее о самой телеграмме Непенина Государю Ренгартен говорит в своем дневнике: «Государю Императору через Ставку и параллельно через министра Непенин прямо и открыто донес, что считает необходимым пойти навстречу Государственной думе, ибо в противном ... — «Le vin est tiré, il faut le boire!», восклицает Ренгартен.

Утром 2 марта: — «Заседание флагманов. Непенин сказал: — Надо признать, что действия Государственной думы патриотичны. Если обстоятельства того потребуют, я открыто заявлю, что признаю Исполнительный комитет Государственной думы и прикажу всем то же. Буду отвечать один, отвечая головой, но решил твердо... Обсуждение этого вопроса не допускаю. Выслушать мнения ваши готов по отдельности,[10] для чего пожалуйте ко мне в каюту».

Ренгартен добавляет: — «У генерала Степанова (Коменданта Выборгской крепости) убитый вид,[11] прочие имеют вид сосредоточенный и серьезный... в общем, все-таки очень тяжело. Радость сменяется тревогой».

3-го марта 1917 г. 5 часов утра. Ренгартен пишет: «Итак, мы на заре новой жизни великой свободной России!» То же утро 7 ч. 20 м.: «Ночь без сна, но какая великая, радостная, памятная ночь — счастливого завершения Великой Российской Революции!»[12] Тот же день, но в 16 ч. 35 м. — «В общем, кажется, мы идем к гибели». Менее, чем через час в 19 ч. 20 м. Ренгартен отметил: — «Нас может спасти только чудо! Психоз беспорядков перекинулся и сюда: на «Андрее Первозванном» подняли красные флаги, кричат — ура. В 19 ч. 43 м. Непенин пошел на палубу, сказать речь... и закончил ее так: — Страной управляет черт!»

«В Ставку и Думу послана телеграмма, что «Балтийский флот, как боевая единица более не существует».

4 марта 11 ч. 40 м. Ренгартен продолжает: «Выбранный какими-то матросами в командующие флотом адмирал Максимов («чухна») вместе со своими избирателями прибыл к адмиралу Непенину и потребовал передачи ему должности. — Вчера я был арестован, смеясь заявил окружающим его адмирал Максимов, сегодня возведен в Командующего флотом, завтра буду повешен!»

Тот же день 13 ч. 10 м. «Очередная новость — нас всех арестуют».

4 марта 23 ч. 45 м. «Адриан Иванович Непенин убит».

(Продолжение следует)

---

[10] Кап. 1 ранга Г. К. Граф (б. адъютант вел. князя Кирилла Владимировича в эмиграции) в книге «На Новике» (Мюнхен 1922 г.) сообщает, что все присутствующие на этом собрании признали решение адмирала Непенина правильным.

«Только один из флагманов, Михаил Коронатович Бахирев, сейчас же после заседания прошел в каюту к адмиралу Непенину и заявил ему, что остается верен Его Величеству... В ответ на это он услышал тихий сдавленный голос Непенина: —Слушай, Михаил Коронатович, неужели ты хоть на минуту мог усумниться в том, что я не так же верен Государю, как и ты?... Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я верю, что после окончания ее Государь, если только ему будет благоугодно, снова примет власть в свои руки... Мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться как с внешними, так и с внутренними врагами...»

[11] Генерал Степанов (в Порт-Артуре капитан генерального штаба и мой знакомый) присутствовал на собрании флагманов потому, что все прибрежные крепости, как базы для флота, подчинялись Командующему флотом. Он был убит солдатами в первые же дни марта.

[12] Как раз точно в эти же часы я в Трапезунде (? — Ред.) был на общем собрании у ген. фон Шварца. Но, увы, все мы сразу почувствовали, что идем к гибели. Все это мною описано в моих воспоминаниях службы с ген. Шварцем. Я. И. Кефели

Г. Н. Есаулов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

(Окончание)

(Фрагменты генеалогического этюда военной семьи и История конца Одесского Вел. Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса).

В детстве я увлекался книгами с описанием военной истории и искусства, рассказами из военной жизни. Много читал о жизни и войнах Наполеона, историю войн на Балканах. Особенно мне нравились книги о боях на Шипке и возвращение солдат домой. Я мог плакать когда слушал или читал рассказы о бедных детях, но меня нисколько не трогали очерки о сражениях и кровавых войнах, о раненых и убитых в боях...

В 1912 году наша семья поехала в Финляндию, в Терноки, где сняли дачу в местечке Усикирка на берегу озера... Жизнь в Финляндии протекала мирно. Это чудесная страна — хвойные леса и озера. Прекрасный, честный и трудолюбивый на-

род. На даче на ночь никогда ничего не запиралось... Если на русской стороне, до границы, почти каждый день шли грабежи и убийства, то на финляндской всё было тихо и мирно. Недалеко от нашей дачи находился гор. Выборг, в котором проживало около 25 тысяч человек населения и говорили, что город имел всего двух городовых...

В октябре 1912 года умерла моя мама. Умерла она 36-ти лет. По ее завещанию моими опекунами были назначены Москалевы. По примеру отца и братьев я хотел поступить в кадетский корпус. В Одессе был найден учитель, который взялся меня подготовить к экзаменам. Это был Г. А. Лавриненко. Служил он чиновником в Одесском корпусе и имел большую семью. В мае 1914 года я сдал экзамены и был принят в первый класс Одесского кадетского корпуса. Лето я провел у Москалевых на даче у Хаджибеевского лимана. Все лето мы были заняты — и как-то не особенно интересовались политическими событиями, происходящими в мире.

Объявление и начало Первой мировой войны в июле было для нас неожиданностью. В середине августа я явился в корпус. Еще летом на Хаджибеевском лимане я встретил кадета второго класса из Одесского корпуса, Михайловского, и он мне рассказывал о жизни в корпусе, что меня, конечно, очень интересовало. Я уже себя считал кадетом. Воображал, как я приеду в корпус и что буду там делать на основании слышанных рассказов. Все эти мои мечты не оправдались. Явившись в корпус, я убедился, что тут живут и учатся по строгим правилам. Я попал во второе отделение первого класса четвертой роты. Моим воспитателем был штабс-капитан А. А. Жуков, а командиром роты полковник Стерлингов.

Одесский кадетский корпус находился на 4-ой станции трамвая, идущего на Большой фонтан — дачное место на берегу моря — пригород Одессы. Рядом со станцией трамвая была греческая бакалейная лавочка, в которой мы оставляли немало родительских денег на покупку всяких сладостей. Перед зданием Корпуса был большой плац, через который мы часто отправлялись бегом, чтобы попасть на трамвай, когда шли в отпуск...

Наши преподаватели были высокообразованными педагогами, большинство из них были военными чиновниками, но были преподавателями и офицеры с высшим образованием. В виде исключения, во время войны, в младших классах была одна дама, преподававшая русский язык.

Нельзя забыть нашего дьякона, он заслужил среди нас невероятную любовь... Покорил он нас своими рассказами из жизни в Америке, об индейцах, которые томогавками убивали людей. Однажды во время его урока в класс вошел инспектор классов ген.-майор Кошлич. Дежурный сейчас же скомандовал: «встать смирно», но инспектор распорядился продолжать урок и наш дьякон, даже не моргнув глазом, прервал рассказ и стал продолжать: — «когда приедет митрополит, то к нему при рапорте надо обращаться Ваше Высоко-Преосвященство». Мы потом часто вспоминали этот случай...

Все мы кадеты очень быстро сошлись и подружились. Особенно нас всех сблизила война, которая служила главной темой для разговоров. В моем отделении было два второгодника, они очень важно с нами разговаривали, и мы их величали «майорами». Отличались они от нас тем, что их погоны были выцветшими на солнце, этим они очень гордились, а наши синие погоны новые с желтым трафаретом — О.К....

Штабс-капитан Жуков был участником Русско-японской войны и поэтому кадеты питали к нему особое уважение как к боевому офицеру. Жуков был хорошим воспитателем и относился к нам по-отечески, всегда находил время и терпение поговорить с нами, не любил наказывать, предпочитая внушение, объяснял, как мы себя должны вести. Мы его искренне любили и он обращался с нами совсем просто.

Попавши в среду своих сверстников, я почувствовал, что принадлежу к группе дружной молодежи, объединенной общими интересами любви к Родине, Престолу и Вере. Я лично очень подружился с Жоржем Васильевым, его отец был офицером при штабе Одесского гарнизона. Мы оба мечтали удрать на фронт. У нас была карта Европейской России и мы следили за передвижением войск на фронте.

Директор корпуса, генерал Радкевич, после боя 10-й кавалерийской дивизии, как-то собрал нас в столовой (весь корпус) и с помощью карт и схем прочел нам лекцию о действиях кавалерии в современных войнах. Все роты слушали с огромным интересом каждое его слово...

Интересно отметить, что большинство кадет моего класса не были жителями Одессы. Много было грузин с Кавказа и из других южных городов России, даже был один сибиряк. Самый большой изобретатель шалостей был Борис Цветков. Его родители жили в Харбине и он всегда по праздникам оставался в корпусе и домой ездил только на летние каникулы.

После окончания занятий в мае 1915 г. я остался в корпусе на лето. Оставшиеся кадеты были сведены в сводную роту и перешли в кадетский лагерь, который находился вблизи лагеря Одесского гарнизона. В жизни в лагере было для меня что-то новое. В середине лета мы даже разучили какие-то пьесы и устроили спектакль для всех оставшихся в лагере...

Когда мы вернулись из лагеря, капитана Жукова уже не было в корпусе, он еще летом перевелся в Действующую армию и уехал во Францию с особой дивизией. Офицерский состав был сильно сокращен, так как многие офицеры ушли на фронт и воспитателей не хватало. Воспитателем нашего второго отделения второго класса стал командир 4-й роты полковник Стерлингов. Перемены произошли и среди высшего состава начальства. Директор корпуса ген.-лейт. Радкевич был назначен командиром кавалерийской бригады;

ген.-майор Кошлич стал директором корпуса. После смерти Генерал-Инспектора всех Военно-Учебных Заведений Великого Князя Константина Константиновича (2/15 июня 1915 г.) — Высочайшим приказом Корпусу было даровано шефство и мы одели погоны с вензелем Великого Князя Константина Константиновича...

Одним из моих любимых уроков было рисование, по этому предмету я имел 12 баллов, т. е. самый высший балл. Преподавателем рисования был Крайнев. Как-то он меня послал помогать в портретном зале ставить памятник Генералиссимусу Суворову. К сожалению, я не помню фамилии скульптора, но помню, что он говорил о трудности найти модель для лошади. Суворов всегда любил ездить на маленьких, невзрачных казачьих лошадках. Этот памятник был заказан и приготовлен для Суворовского Кадетского Корпуса в Варшаве. Война помешала его отлить и поставить. Модель этого памятника была передана скульптором нашему корпусу. Она была гипсовая, выкрашенная бронзой. Помню, помогая ставить модель, я размазывал краску по гипсу...

Вскоре в Одессу была эвакуирована 2-я рота Полоцкого корпуса, кадеты которой разместились в наших верхних залах... Война в Одессе как-то не ощущалась, жизнь проходила спокойно и мирно...Единственное изменение в корпусе, это было то, что больше не устраивались традиционные балы и вечера.

К концу учебного года в Одессу приехал Государь Император. На Куликовом Поле был устроен парад и смотр войскам Одесского гарнизона, на котором участвовали и кадеты. Стоя в строю, я впервые видел Государя так близко. Рядом с нами стояла Гвардейская часть, в которой каждый солдат был не меньше сажени ростом...

15-го августа 1916 года я явился в корпус прямо в 3-ю роту, командиром которой был полковник Попов, а моим воспитателем капитан Северьянов... Война оказалась для нас неудачной. Мы несли на Северо-Западе большие потери в людях и территории. Нас это очень удручало. Мы часто думали о побеге на фронт и собирали на всякий случай защитное обмундирование...

Первым учеником в нашем классе все эти годы был кадет Клабуков. Он был прекрасным другом, его никогда не надо было просить о помощи кому-нибудь из отстающих. То же самое можно было сказать и про Акимова и Амасийского... В этом учебном году в корпусе стали ощущаться недостатки, не хватало бумаги, плохо топили. Мы должны были во всём экономить. Нам сократили выдачу учебников и тетрадей, выдавалось это все в ограниченном количестве, но учиться все старались очень хорошо...

Вскоре после Рождества в младших ротах появилась эпидемия кори. Заболел и я. Все заболевшие, около 30 кадет, находились в заразном лазарете, где постоянно находился дежурный фельдшер и сестра милосердия — г-жа Гирс, мать нашего кадета...

28 февраля 1917 года жизнь в заразном отделении лазарета корпуса шла обыденно. Отрезанный от всего мира маленький мирок и не подозревал о событиях, волновавших уже тогда всю Россию...

Однажды, находясь уже в отделении выдерживающих карантин, к нам пришла вся в слезах г-жа Гирс и рассказала о беспорядках в Петербурге и об отречении Государя от Престола за себя и Наследника. Через окна мы заметили, что в ротах занятия не проходили, а первая рота строилась с берданками. Сразу пропало веселое настроение и на лицах у всех появилась грусть и озабоченность. Г-жа Гирс рассказывала нам, что в Петербурге происходили уличные бои, революционеры убивали городовых, офицеров и что часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону Государственной Думы и Россия уже не Империя...

Из рот стали доноситься слухи, что на параде какой-то офицер нацепил нашему левофланговому кадету на штык красную тряпку, а тот моментально сорвал ее, чем вызвал недовольство публики. Хотя в городе боев не было, но были убитые и в корпус приезжали студенты произносить речи, но наша 2-я рота спустила их с лестницы. Заразный лазарет стал теперь для нас тюрьмой, все стремились скорее вернуться в роты и старались тщательно исполнять все лечебные правила, на которые никто раньше не обращал даже внимания...

В середине марта я выписался из лазарета. Настроение в ротах было воинственное и воспитателям с трудом удавалось охлаждать наш пыл. Почти каждую неделю к нам приезжали депутаты и посланники. Встречали мы их настороженно, но проводы всегда сопровождались страшным шумом... Вскоре произошел интересный случай: у нас в роте была собачонка, которую мы прозвали — «Керенский». Услышав эту кличку, солдат из комитета доложил председателю комитета, что корпус это контрреволюционное гнездо и если бы не красноречье нашего директора, то нам пришлось бы поплатиться за оскорбление красного вождя. Едва успели уладить этот случай, как во время парада, который принимал военный министр Гучков, два кадета 2-й роты сожгли красные флаги, которыми был украшен корпус по случаю приезда министра...

Тихо и мирно у нас протекало лето 1917 года, в то время когда в России кипела революция, менялись министры, правительства, разлагалась армия; на фронт отправлялись полки агитаторов, воинские части отказывались исполнять приказания начальства, и Россия делилась на партии...

Совершенно неожиданно, в середине лета, я получил известие, что корпус эвакуируется из Одессы, и что мне предлагается явиться в корпус не позже 27-го июня для отправки в Ростов, так как наше здание корпуса должно быть отдано в распоряжение штаба Румынского фронта...

В лагере, где стоял корпус, было шумно и

весело, съезжалось масса кадет, спали мы прямо на дворе...

28-го июня горнист сыграл сбор, звуки которого разнеслись по всему лагерю, перенеслись на плац и глухо отозвались, в последний раз, в уже пустом огромном здании корпуса. Перед бараками, где на лето были расположена кадеты, мы быстро построились в походной формс — шинели в скатку и с ранцами за плечами. Кадеты всех рот были теперь сведены в одну роту под командованием нашего кумира, командира 1-й роты Самоцвета. У всех на лицах выражалась озабоченность. Мне, лично, в этот момент было очень грустно и тоскливо, казалось, что расстаемся навеки со всем тем, к чему мы так привыкли и любили. Как оказалось впоследствии, мое чувство меня не обмануло. Одесский корпус уже больше не собирался таким, каким он был до этой эвакуации... Строй молча вышел из корпуса, промелькнула 4-я станция трамвая, где всегда, торопясь в отпуск, приходилось ожидать очередного трамвая, лавочка с халвой и конфетами, огромное здание Сергиевского Артиллерийского училища, с грозно стоящими учебными пушками на полигоне. Прошли кадетское кладбище, многие стали креститься, позади оставалось все родное и знакомое, а впереди нас ожидала неизвестность.

Но вот правый фланг уже вышел на платформу, где мы грузились. Нас провожала масса народу и по строю раздался шопот — «Господа, подтянитесь, веселей!» Раздалась команда — «Рота-а», строй звонко отбивает ногу, — «стой», и все замерли как один... Опять раздалась команда, все затихло и нас разместили по вагонам. За 10 минут до отхода посзда было разрешено выйти попрощаться, ровно в 3 часа, горнист сыграл сбор по вагонам; все разбежались по местам и маленький паровоз, пыхтя, свистя и шипя медленно потянул первый эшелон Одесского Кадетского Корпуса на восток!..

В этот день, мы все, собравшись в одном вагоне, до самой поздней ночи пели песни и веселились. Но отъехали мы недалеко. В 22-х верстах от Одессы нас поставили на запасный путь, где мы простояли целый день. Мы всё время любовались Одессой, которая была великолепно видна с прилегающим к ней голубым морем. Красивый город! Путешествие наше продолжалось неделю — начальство не торопилось и эшелон двигался медленно.

Расставаясь с Одесссой, мы сперва все кричали: —«Прощай, Одесса мама», но потом заменили слово прощай на «до свидания», так как были уверены, что скоро вернемся обратно, но, увы, не всем удалось опять увидеть Одессу и Родной Корпус...

26-го ноября 1917 г. на Дону вспыхнула Гражданская война и кадеты приняли в ней ревностное участие. В конце ноября среди наших друзей и товарищей уже были первые убитые. Подпятые красными на штыки, приняли геройскую смерть Усачов и Недольский... Никогда не забуду нашего малыша, который, ведя после боя пленного красногвардейца, попал ногой в стрелку линии трамвая и вывихнул ногу, но с колоссальным мужеством персносил боль, пока не справился с красным, а потом, севши на рельсы, горько заплакал.

Когда в Ростове стало неспокойно, нас перевезли в Новочеркасск, там тогда еще было мирно. Приехав поездом в Новочеркасск, мы встретили там много молодежи: — офицеров, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов, бежавших из Северной части России. Помню, что мы прошли мимо группы женщин в военной форме, которые в октябре в Петербурге защищали Зимний Дворец. Их командиром была Бочкарева и находилась вместе с ними. Тут многие ожидали приезда ген. Корнилова. Мы быстрым шагом прошли через город к зданию Донского Кадетского Кодпуса Императора Александра III-го, где нас разместили по сотням, — я попал во вторую сотню... Наше начальство не хотело брать на себя ответственности за нашу судьбу и решило распустить корпус, а самим вернуться в Одессу.

На Дону шла уже Гражданская война. Нас переодели, выдали солдатское обмундирование и мы в одиночном порядке стали уезжать в Одессу. В Ростове я еле влез в поезд, он был переполнен солдатами, бежавшими с Кавказского фронта. Ехать мне пришлось на площадке между вагонами...

В Одессе Родительский Комитет собрал группу кадет и организовал занятия в Приходской Духовной школе... Но из 120 человек, перешедших весной в 4-й класс, было не больше 15-ти. Форму уже никто не носил, я же ходил в солдатском обмундировании, выданном мне еще в Новочеркасске... Занятия шли очень неаккуратно, не все преподаватели приходили на уроки...

---

20 января 1918 г. в Киеве был расстрелян мой отец. В последнее время он заведовал ремонтированием конского состава армии при Киевском Военном Округе. Когда большевики в январе заняли Киев, то в первую же ночь расстреляли около двух тысяч офицеров. В том числе было расстреляно и несколько офицеров — Кирасир Ее Величества...

Дождавшись окончания учебного года, я уехал в Каменец-Подольск, где жила моя бабушка. В это время образовалась Украинская республика, которую оккупировала германская армия. От бабушки я узнал, что отец жил в Киеве в гостинице «Константинополь». Утром того рокового дня отец собирался идти на службу. Швейцар его предупредил, что в городе неспокойно и лучше оставаться дома. В этот момент в гостиницу вошли два солдата со знаками красной армии и ружьями. Вмешавшись в разговор, они спросили

отца, кто он такой, и узнав, что он полковник, сказали: «Вот тебя-то нам и надо», и тут же перед гостиницей он был застрелен в спину... Вечером того же дня наши родственники Бутовичи нашли его труп на мостовой и похоронили на кладбище недалеко от Аскольдовой Могилы.

Младший брат моего отца, дядя Витя — мой крестный, и мои братья Кока и Миша были вызваны бабушкой в Каменец-Подольск, чтобы всем вместе поехать в ее имение в Рублевцы, где надо было спасти хоть часть вещей из усадьбы. Но все хозяйство было уже разграблено, дом разрушен — стояли только одни стены. Нас встретили крестьяне и обещали возместить убытки, но мы особенно и не настаивали, так как увидели, что это всё непоправимо...

Дядя Витя, как и мой отец, окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, но пошел в Елисаветградское кавалерийское училище и, будучи произведен в корнеты, вышел в Ахтырский гусарский полк, шефом которго была Великая Княгиня Ольга Александровна...

Мой крестный был моложе моего отца лет на десять. В 1904 году он перевелся в Действующую армию на Дальний Восток и участвовал в Русско-японской войне до самого конца. После войны он не вернулся в полк, а был переведен в пограничную стражу на Западной границе, где прослужил до начала Первой Мировой войны. В 1914 г. из пограничной стражи он был назначен в Белорусский гусарский полк, с которым ушел на фронт; отличился в боях с немцами, был ранен и награжден Георгиевским Оружием. После ранения лежал в лазарете имени Великой Княгини Ольги Александровны. Там он встретился с офицером Ахтырского полка, которого знал раньше и после выписки из лазарета вернулся обратно в Ахтырский полк.

После Японской войны была интересная встреча двух братьев. Отец ехал из Петербурга в имение и на станции Жмеринка должен был пересесть и ждать поезда, идущего на Каменец. Хочу отметить, что мой отец был страшно брезглив, он мог десятки раз в день мыть руки, так как ему всегда казалось, что он дотронулся до чего-то грязного. В ожидании поезда отец пошел в буфет и, не снимая перчатки, взял закусить пирожок. Рядом стоял армейский кавалерийский офицер и пил из большой рюмки водку. Отец подумал «совсем как мой брат«. Они не виделись друг с другом много лет. Оба повернувшись, спросили: Коля? Витя? и обнялись. Дядя Витя как раз тоже ехал в имение из Сибири...

Бабушка была очень рада, что мы все собрались вместе и встретились почти уже в зрелых годах... Все мы чувствовали и понимали, что ожидать чего-нибудь хорошего в будущем очень трудно... У нас у всех тогда было предчувствие, что мы все видимся в последний раз. Бабушка осталась в России... Верная спутница моего деда она говорила: «Здесь я родилась, здесь я умру»...

Мой дед, Михаил Егорович Есаулов, был приписной казак Александровской станицы Кубанского Войска и служил всю свою жизнь в казачьих частях, участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Служил и в отряде Скобелева во время Ахал-Текинской экспедиции.

Помню из рассказов, что во время войны на Кавказе был захвачен какой-то аул, все жители которого были перебиты или убежали. Русские войска, войдя в этот аул, нашли только лишь двух мальчиков, которых, по распоряжению высшего начальства, отправили в Петербург. Видимо, кто-то взял их под опеку, и со временем их определили в Шляхетский кадетский корпус. Один из них, после окончания корпуса, остался в Петербурге, а другой уехал обратно на Кавказ. Поколение первого уже в мое время служило в Гвардейской пехоте, а поколение второго, уехавшего на Кавказ, приписалось к казакам и служило в казачьих частях, от чего и произошла наша фамилия. Дед моего деда, Василий Есаулов, принимал участие в Бородинском сражении и мой брат Кока, как старший в роду, после столетнего юбилея Отечественной войны получил в 1912 г. соответствующую «наследственную» медаль.

Наступила осень 1918 года и я получил от Москалевых известие из Одессы о том, что Корпус в Одессе открывается снова. Распрощавшись со всеми своими близкими и со всем тем, что мне было дорого, я уехал из Каменец-Подольска в Одессу и явился в Корпус. Я остался в 4-м классе, так как занятия в Духовной школе мне не засчитали и пришлось еще сдавать экзамены для перехода в 4-й класс.

Нас одели в кадетскую форму, начальство привезло наше корпусное имущество из Ростова и собрало обмундирование, хранившееся по разным складам. У меня воспитателем стал капитан Мачулин, а ротным командиром полк. Навроцкий. Директором Корпуса был в то время полк. Бернацкий. Из старого моего класса кадет осталось очень мало, большинство уже было из других корпусов со всей Российской Империи. Из наших коренных кадет немногие вернулись из Белой Армии, многих из них уже не было в живых.

После революции в Германии немцы начали оставлять Украину, и Юг России заняла Белая Армия и союзные войска. В Одессе было много французов, греком, англичан и итальянцев. В порту стоял союзный флот. Русское командование было возглавлено ген. Деникиным. Войска Белой Армии занимали позиции вокруг Одессы. Красные временами переходили в наступление. В Корпусе занятия шли, можно сказать, полным ходом, как

и в прежнее время. Как-то смотр Корпусу делал ген. Гришин-Алмазов, с которым приехал и французский генерал. Нас выстроили в Портретном зале, французский генерал обошел строй кадет и очень остался доволен нашим видом и выправкой. Кадеты старательно учились, но уже чувствовалось, что начальство занимается с нами меньше. Мы тоже больше думали о событиях, происходящих вокруг нас. Прошли Рождественские каникулы. В Корпусе многого не хватало: в ротах было холодно, обмундирование обтрепалось, а нового уже не было. Наступила весна и мы все как-то ожили, можно было играть на плацу. Весна в Одессе ранняя и красивая, когда все начинает расцветать.

В начале мая красные подошли уже близко к Одессе. Еще в конце марта 1919 года учебный год быстро закончили и кадеты были переведены по баллам в следующие классы. Седьмой выпускной класс поехал в Военные Училища. Наш же командование приказало эвакуировать из Одессы. Мы погрузились в порту на пароход «Кронштадт», который должен был повезти нас на Кавказ. Пароход вышел в море, но оказалось, что команда была настроена пробольшевистски и хотела потопить пароход. Это было нами вовремя замечено. Кадеты и бывшие на пароходе офицеры составили свою команду и готовы были уже отправиться в дальнейший путь, как на пароходе была замечена пробоина и он чуть не затонул. Подошли другие суда и нас пересадили с «Кронштадта» на них. Наша вторая рота попала на пароход «Шилка», который недавно пришел с Дальнего Востока. Это был грузовой пароход; команду составили из кадет и после погрузки угля вышли в море. Пароход по пути зашел в Севастополь, потом в Новороссийск, а оттуда в Туапсе. Кадеты разместились в здании местной гимназии. Вещей с нами почти не было и спали мы просто на полу, укрываясь шинелями. Директор Корпуса полк. Бернацкий уехал в Новороссийск и с кадетами осталось всего несколько воспитателей. Я с несколькими кадетами решил записаться в Белую армию и явился вместе с товарищами к офицеру, набиравшему добровольцев. Через несколько дней после этого, уйдя рано утром из Корпуса, мы уехали из Туапсе на итальянском крейсере «Рама» в Новороссийск. Там мы получили оружие и кое-что из обмундирования. Из Новороссийска мы на маленьком пароходике поплыли в Тамань на Кубани, где стояли запасные эскадроны кавалерийских полков. Эскадрон Лейб-Гвардии Конного полка стоял в станице Старо-Титаровская, командиром эскадрона был ротмистр Жемчужников. Старый вахмистр Конной Гвардии принялся нас обучать верховой езде, рубке и стрельбе.

В конце апреля я получил распоряжение отправиться в Крым на Ак-Манайские позиции, где в деревне Бараки стоял Сводный Гвардейский Кираспирский полк, задерживая наступление красных. Первая Гвардейская кавалерийская дивизия была свернута в полк. Каждый эскадрон носил название полка. Я был назначен в команду связи штаба полка. Однажды, дежуря в штабе, я явился с донесением к полк. Данилову, командиру полка. Выслушав меня, он спросил откуда я и как моя фамилия. Узнав мою фамилию, он спросил кем я прихожусь полк. Николаю Михайловичу Есаулову — я ответил, что это мой отец. Полковник приказал стоять мне вольно и сказал, что хорошо знал моего отца еще с давних времен, когда он был молодым офицером. Увидев на мне погоны Конной Гвардии, приказал перевести меня в списки Кирасир Ее Величества и поручил меня ротмистру Гроссману, адъютанту полка.

В начале июня 1919 года было приказано перейти в общее наступление. На заре полк вышел из деревни и, пройдя 2-3 версты, развернулся и пошел в атаку. В это же время английская эскадра, стоящая в Черном Море, открыла убийственный огонь по позициям красных, расположенных слева от нас. Сбив противника, мы захватили много оружия, пулеметов и пленных. К вечеру мы дошли до узловой станции Грамматиково. Во время атаки произошел интересный случай, о котором был сейчас же извещен командир полка. Среди красных оказался брат нашего кираспра, которого мобилизовали красные. Он заметил среди атакующих своего брата и крикнул — брат, не руби! — и бросил оружие. Командир разрешил оставить его в полку. Под вечер меня слегка ранило в ногу, а контузией я был отброшен в канаву. Ночью шел дождь и я с трудом выбрался из канавы, где меня подобрали санитары. Утром командир полка, объезжая раненых, приказал отправить меня в лазарет, дав мне пакет первой помощи из своей сумки. Меня перевезли в Керчь и передали в госпиталь. У меня была тогда высокая температура и санитары решив, что это от загрязнения раны, положили меня как безнадежного прямо на пол в коридоре госпиталя. На другой день сестра, осматривая раненых, заметила, что я жив и установила, что у меня температура от простуды. Видимо, пролежав в холодной грязи несколько часов, я схватил воспаление легких... Через несколько дней температура у меня упала и имея хороший уход, я быстро стал поправляться. Старшая сестра Миллер сама ухаживала за мной и я остался жив.

1-го июля я уехал догонять полк. В это лето Белая армия продвинулась далеко на Север, я догнал полк уже в Нежине Черниговской губернии. Подъезжая к Нежину, мы узнали, что партизаны Крашевянского атаковали город и что наш полк в контратаке разбил их без всяких для нас потерь. Городское население нас часто зазывало в дома и угощало нас вкусной едой, которую мы в походе не могли иметь. Наши кухни и обозы были заняты приведением в порядок хозяйства и мы питались чем попало. Стояли мы недалеко от завода Нежинских огурчиков, это было единственное, что мы могли есть в неограниченном ко-

личестве; да еще и знаменитое нежинское вишневое варенье. Простояв в городе почти неделю, полк опять выступил в поход.

Пройдя два перехода, около деревни Британы мы встретили сопротивление красных. Конная атака, вновь прибывшего эскадрона Кирасир Его Величества, сбила противника и отбросила его далеко на север. Кирасиры Ее Величества шли в атаку вторым эшелоном и понесли небольшие потери. Штаб полка целый день находился около железнодорожной будки, где было легко связаться по проводам со всеми частями полка. На одном из проводов мы услышали и какую-то часть красных, которая спешила на помощь своим разбитым частям. Наш командир полевой батареи заметил, что красные на опушке соседнего села Кошелевка устанавливают орудия. Мы еще не успели все зайти за насыпь железной дороги, как красные стали пристреливаться. Случайным осколком гранаты был убит ротмистр Деконский, стоящий тут же рядом с нами. Наша батарея открыла беглый огонь и заставила замолчать противника.

В сентябре полк стоял в сторожевом охранении вдоль реки Десны. Погода портилась, часто шли дожди и передвигаться было тяжело и для людей и для лошадей. С Десны нас бросили на прорыв на Глухов. В Глухове меня по распоряжению командира полка откомандировали обратно в Одессу в Корпус для дальнейшего обучения.

Когда я приехал в Корпус, занятия шли уже полным ходом, меня сразу же направили во вторую роту в пятый класс. С фронта уже приехало много кадет. Все мои друзья еще с первого класса оказались старше меня и были уже в первой роте. Коренных кадет Одесского Корпуса осталось совсем мало. Мы все еще носили походную форму, но с погонами нашего Корпуса. Когда рота строилась, то можно было увидеть погоны почти всех Корпусов России. После коротких Рождественских каникул в Одессу прибыл из Киева эвакуированный Владимирский Кадетский Корпус и был помещен в нашем здании.

Отступление к Румынской границе

(Подзаголовки редактора)

Фронт Белой армии с невероятной быстротой откатывался на Юг. В зимнее время плохо обмундированная армия понесла большие потери в людском составе. Со дня на день мы ожидали эвакуации. Ночью 20-го января 1920 г. Корпусу было приказано немедленно выходить в порт, но директор Корпуса решил, что можно подождать до утра. Утром часть первой и второй роты еще успели пройти в порт и погрузиться на пароход, третья же и четвертая роты и кадеты, отставшие от первой и второй, оказались отрезанными от порта. Около 2-х часов дня мы получили приказ построиться и выступить в пешем порядке на Запад к Румынской границе. Начальство надеялось, что румыны нас пропустят. Вместе с нами по дороге двигались остатки Белой армии в надежде добраться до Польской границы.

Эта зима была очень холодная, морозы доходили до 10-15 градусов, дороги были покрыты снегом. Через несколько дней мы добрались до Овидиополя на границе с Румынией, находящегося на берегу Днестровского лимана. Лиман уже замерз и покрылся толстым слоем льда. Не теряя времени, на другой день утром мы перешли Лиман по льду в Румынию — в город Аккерман. Румынские солдаты под конвоем отвели нас в школу, где мы обогрелись и переспали, но на другой день утром нас опять под конвоем отвели назад на берег Лимана и погнали в Овидиополь. Чтобы никто не мог вернуться обратно, румынская артиллерия открыла огонь и разбила лед. Лед начал трескаться, образуя громадные глыбы, которые переворачивались и уходили в воду вместе с людьми, ожидавшими на льду пропуска в Румынию. Вся эта масса людей, лошадей, телег, попадая в холодную воду, почти сейчас же замерзала, превращаясь в обледневшую массу. Старшие кадета бросились спасать людей, но из-за сильного мороза спасти удалось только немногих. Кадеты вернулись в Овидиополь и никто не знал, что будет с нами дальше. Под вечер я встретил дядю Витю, Коку и Мишу Беляева. Они отступили из Одессы с Лубенским гусарским полком. Полк в мирное время стоял в Кишиневе и офицеры надеялись, что их пропустят в Румынию, а если нет, то они тогда будут пробиваться в Польшу, куда уже ушла большая часть Белой армии. Дядя Витя не захотел меня оставлять одного и сказал, чтобы я присоединился к ним и я должен распрощаться с кадетами. Ночью гусары выступили в авангарде отряда ген. Васильева на север по направлению в Тирасполь. В продолжение двух дней мы продвигались довольно медленно, происходили перестрелки с местными большевиками, но при нашем появлении они быстро разбегались и исчезали. Вечером, войдя в деревню Кандель, мы наткнулись на красную часть. Красные не ожидали нас с этой стороны и расположились на ночлег, не выставили даже сторожевого охранения. Тут же завязался короткий бой, почти все красные были перебиты и мы расположились в деревне. Утром красные получили подкрепление и начали наступление на деревню. Опять завязался бой. К этому времени уже вся наша колонна втянулась в деревню. Бой продолжался весь день. Гусары после вечернего боя стояли в резерве. Ночью офицеры решили снова пробиваться дальше по румынской территории. Утром на рассвете мы перешли Днестр и по плавням хотели идти дальше, но наткнулись на румынскую заставу, которая нас остановила. С нами перешли и другие части. Я увидел полковника Рагойского и кадета Федорова. Они мне сказали, что директор Корпуса полк. Бернацкий, находясь в Аккермане, послал телеграмму Королеве Румынской с просьбой дать распоряжение пропустить кадет, но ответ еще не пришел. В Овидиополе, вернувшись

из Аккермана, младшие кадеты с директором пошли обратно в Одессу, старшие же решили пробиваться на Север с отрядом ген. Васпльева, авангардом которого были наши гусары. Накануне кадеты участвовали в бою под командой кап. Ремера, но к вечеру полк. Рагойский и кадет Федоров потеряли связь с кап. Ремером и кадетами. Румыны стали гнать всех назад. Полковник Рагойский был инвалидом войны, без одной руки. Я заметил, что он вынул свой револьвер и пошел в лес, откуда через некоторое время раздался выстрел. Все страшно переживали эту трагедию; идти же обратно это значило идти на верную смерть и муки. В лучшем случае мог быть плен и ссылка. Мы отошли в сторону, немного подождали, и когда румыны подошли, мы оставили им наш обоз. Румыны принялись его грабить, мы же воспользовавшись этим, по плавням перебрались вглубь леса. Я старался не терять из виду дядю Витю, Коку и Мишу Беляева, но Кока из-за чего-то замешкался и оказался на советской стороне, где его нагнал красный разъезд. Что случилось с ним потом, осталось для нас неизвестным, видимо, красные его забрали в плен. Я с дядей Витей и еще с одним гусаром добрались к вечеру до какой-то деревни уже в глубине Румынии. На краю деревни мы залегли в какой-то хлев и закопавшись в солому, устроились на ночлег. Все были конечно, страшно измучены, уставшие и промёрзшие. Ночью мне на ноги улеглась корова, которая фактически меня согрела и этим спасла мои мокрые ноги. Лежавший рядом со мной гусар отморозил на ногах пальцы.

Утром около хлева собралось еще несколько офицеров Лубенского полка. Было решено как можно дальше пробираться вглубь страны, чтобы в случае встречи с властями, уже гражданскими, нам не грозила передача нас пограничникам. Наши офицеры еще раньше узнали, что только пограничной охране было приказано возвращать беженцев обратно. Мы потихоньку, полями, прикрываясь заборами и кустарниками, обошли деревню и к обеду подошли к следующей деревне, находящейся еще далее от границы. На краю деревни мы постучались в одну хату и попросили за деньги нас покормить. Рослый крестьянин, говорящий по-русски позвал нас в хату и хозяйка приготовила нам завтрак из нескольких дюжин яиц. Мы были, конечно, страшно голодные и такой обильный завтрак нас очень подкрепил. Сам же хозяин, видимо, послал кого-то за полицией — не успели мы закончить завтрак, как явилась местная полиция. Власти были с нами очень вежливы и на санях под конвоем отвезли нас в Кишинев, где передали местным властям. В Кишиневе, кто имел бессарабские документы, был отпущен домой. Дядя Витя и я под конвоем были отправлены в Тульчу, где находилась русская комендатура еще с начала войны 1914 года, комендантом которой был полк. Долгов. Он знал моего отца. От него я узнал, что в Рени находится группа кадет, которых румыны пропустили после боя под Канделем. Он советовал мне примкнуть к этой группе, так как судьба живущих в Тульче была неизвестной. Кадеты из Рени должны были быть отправлены в Югославию. Получив документы, я попрощался с дядей Витей и уехал, чтобы присоединиться к остальной группе кадет в Рени, которые жили в санитарном поезде, оставшимся еще после войны и стоявшим на запасном пути, недалеко от станции на берегу Дуная.

Командиром группы был кап. Ремер, который в Канделе командовал кадетами во время боя, когда они, лежа цепью, отстреливались от красных и отбили их атаку. С группой находился также полк. Гущин с женой, который в нашем корпусе преподавал математику. Когда Корпус находился в Аккермане и румыны погнали нас обратно, он где-то спрятался и остался в Аккермане. Трагедия заключалась в том, что ответная телеграмма от Королевы директору пришла после того, когда румыны нас уже выгнали из Аккермана. Гонец был послан в Овидиополь, но Корпуса там уже не оказалось и ему было сказано, что часть кадет пошла с отрядом Васильева на Север. Он поехал за ними и нашел их в Канделе после боя. Только тогда, по приказанию Королевы Румынской, кадет пропустили. Вся группа в Рени состояла из кадет первой роты. Из младших классов нас было только четверо. Жили мы все очень дружно и делились между собой последним. Я все это время работал на кухне. Поезд был прекрасно оборудован и состоял в полном порядке — большие пульмановские вагоны с удобными спальными местами, специальным вагоном-кухней, со всеми необходимыми приспособлениями, как прачечной, ледником и другими нужными для санитарного поезда помещениями.

В апреле пришло разрешение на наш отъезд в Сербию. Подали пассажирский вагон 3-го класса и мы все в нем разместились. Вагон прицепили к поезду, который шел из Рени в Бухарест. Как раз помню на Пасху мы прибыли в Бухарест, где на станции нас встретил Русский военный представитель в Румынии ген.-лейт. Геруа. Нас построили на перроне и кадеты, отличившиеся в бою под Канделем, были награждены Георгиевскими Крестами. После смотра роты начальством, русские дамы из Бухареста привезли для нас разные угощения. Из Бухареста наш вагон был прицеплен к поезду, шедшему в Темишвар. Поезд шел по очень красивым местам, на станциях во время стоянок собирались цыгане и играли на своих инструментах. Мы ехали по местам, не тронутым только что законченной войной — здесь всего было вдоволь. В Темишваре наш вагон был прицеплен к поезду, шедшим уже в Сербию. В тот же день мы встретились в Панчево с кадетами, уехавшими из Одессы на пароходах, там же я встретил своих однокашников и был зачислен в пятый класс. Вскоре Корпус был переведен в Сараево.

———

Директором Корпуса был ген.-лейт. Адамович. Еще перед нашим приездом, когда ген. Адамович принял руководство корпусом, между новым директором и кадетами произошло несколько неприятных инцидентов. Кадеты невзлюбили директора Адамовича и устроили ему своего рода бенефис: — когда он поздоровался со строем, то кадеты ему не ответили. В Сараево съехались обе части эвакуированные из Одессы остатки Киевского и Одесского корпусов. Помещение было для нас отведено в центре города в бывших австрийских казармах около моста реки Милячка, где произошло убийство Австрийского Кронприца. Хотя мы и называли нашу часть Одесским корпусом, но по составу это уже была сборная часть, почти половина кадет была из разных Российских Корпусов, правда, прибывшие в Одесский корпус еще в России. Были среди нас уже и принятые в Сербии из гражданских школ и еражавшиеся в Белой армии. Задача начальства была не из легких. Большинство из нас побывало на войне и отвыкло от порядка и дисциплины, царивших тогда в Корпусе. Мы перестали быть послушными юношами. Водворить порядок и вселить уважение к начальству, не принимавшего участия вместе с нами в боях, было очень трудно. Ген. Адамович был опытный педагог. Если бы не было разногласия среди самого начальства и между группами кадет Одесского и Киевского Корпусов, может все это и прошло бы безболезненно. Кадеты-Одесситы, и примкнувшие к ним, имели свои установленные традиции. Киевляне же имели также свои традиции и правила внутреннего товарищеского взаимоотношения. На этой то почве между кадетами возникла ссора. У кадет были любимые офицеры-воспитатели, уже завоевавшие авторитет. Директор же Адамович в свою очередь хотел завоевать у кадет популярность и авторитет и не любил воспитателей, которые ему в этом мешали. Мое личное отношение с директором было самым теплым и, я бы сказал, с его стороны отеческим. Еще в старое время Великий Князь Константин Константинович, будучи Инспектором всех военно-учебных заведений, выдвинул ген. Адамовича как отличного педагога и прекрасного организатора. Для меня этого было достаточно, чтобы проникнуться к нему уважением, но у нас были также наши старые воспитатели, которых мы любили и уважали, и поэтому некоторые поступки директора по отношению к ним мы не оправдывали, из-за чего, возможно, многие и невзлюбили Адамовича.

Во время Гражданской войны мы все огрубели, распустились и приобрели качества и манеры, которые в прежнее время в корпусах были недопустимы и таких кадет в корпусах бы не терпели, а просто выгоняли. Большинство из нас попало за границу без родителей и выгнать юнону 15-ти или 16-ти лет из Корпуса это значило обречь его на беспризорничество, другими словами броенть его в среду бродяг, ведь многие из нас не имели еще твердой воли. Это все привело к тому, что среди кадет происходили случаи самоубийства. Некоторые не находили выхода из создавшегося положения и теряли цель и стремление к жизни. Мне самому пришлось пережить состояние такой тяжелой депрессии, но волею судьбы моим воспитателем оказался полк. А. А. Жуков. Он был моим воспитателем еще в первом классе в Одессе в 1914 году. Войну он провел во Франции и после революции в Россию не вернулся. Мы, несколько старых его кадет, встретили его как родного. Жуков был прекрасным воспитателем, очень хорошим человеком и относился к нам как родной отец. Как боевой офицер, он сразу же завоевал наше уважение и симпатию, часто беседевал с нами о будущей нашей жизни и нашем долге.

Эти проблемы и нас самих сильно волновали, но часто не были нам ясны. Без родных, друзей и Родины — все наши идеалы, для чего мы жили и считали их святыми — теперь уже больше не существовали, а осталась просто одна борьба за свое собственное существование в чужой стране...

Все лето 1920 г. в корпусе шли серьезные занятия и в конце того же лета нас перевели в следующий класс. Я очутился в 6-м классе первой роты, командиром которой был полк. Самоцвет. Старший класс закончил корпус и как первый выпуск Сараевского Корпуса уехал в Крым, где тогда еще армия ген. Врангеля боролась с красными. Несколько человек из младших классов поехали вместе с ними. Уехал также в Крым и мой друг детства еще с 1-го класса Жорж Васильев. Его родители остались в Одессе и он хотел разделить свою судьбу вместе с ними. Все эти события на меня сильно повлияли: я загрустил, появилась ко всему апатия, пропало желание бороться в дальнейшем за успех в жизни,пропал аппетит, я по целым дням не дотрагивался до пищи. Как часто я, лежа в постели, по ночам не спал, думая о прошлом, о друзьях, которых уже не было в живых, о героических поступках кадет во время Гражданской войны, и кто из нас был счастливее — тот ли, кто погиб с улыбкой и верой за правое дело на родной земле, или тот, который, как мы теперь, оказался скитальцем по чужим местам среди чужих людей. Чуткие и добрые люди заметили это и полковник Жуков доложил директору. Тот узнавши от доктора, что я страдаю еще к тому же от старого ранения в ногу, распорядился отправить меня в сербский санаторий для военных в местечко Иледжа. Там я провел целый месяц в компании сербских подофицеров.

———

Внутренняя дисциплина, корпусные традиции и цук между кадетами

(В порядке обсуждения)

Генерал Адамович был незаурядным человеком. Он, может быть, по мнениям кадет мог чудить и иметь любимчиков, или вызвать чувства оскорбления у кадета, но он был талантливым организатором и педагогом. Конечно, генерал любил кадет и понимал их, иначе он не смог бы с нами справиться, а он справлялся. Нужно согласиться, что среди нас находились и неисправимые или, вернее, неподходящие для Корпуса и его репутации как целое. Корпус надо было сохранить и поднять его престиж. Были среди кадет одиночки, которые не понимали этого или просто не хотели с этим считаться. Не все имели желание и призвание стать учеными, математиками или инженерами. Раньше, правда, призвание или профессия было чем то определенным для каждого со дня рождения и это была служба Родине. Теперь же каждый из нас должен был сам найти свой путь без посторонней помощи, в чужой стране и среде, к чему то приспособиться и как-то войти в жизнь и окружающее его общество. Задача нелёгкая и многие не могли ее разрешить. Единицы кончали самоубийством, даже после окончания Корпуса. Большинство оказалось, как говорят, не в своей тарелке, обиженные судьбой. Только меньшинство из нас нашло свое место в жизни с помощью друзей и родственников.

Какое должно было быть терпение и любовь к нам у полковника Жукова. Он часами читал правоучения, беседуя с провинившимся кадетом вместо того, чтобы записать его в журнал, вынести на заседание педагогического комитета и поставить плохой балл за поведение. Мы шутя эти разговоры называли — «Жуков вызвал поговорить по душам».

Бывало довольно часто, что генерал Адамович, гуляя в городе во время отпуска, встречая кадет останавливал их и приглашал в кондитерскую на чашку кофе. Хотя я и не состоял в списке любимчиков директора, но все же удостоился в мою бытность в Сараево быть его гостем. В разговорах с начальством я не всегда был искренним. Меня считали шалуном может быть по натуре, но неиспорченным...

Самой большой заботой директора Адамовича это была ссора между Киевлянами и Одесситами из-за цука и родных Корпусу традиций. Одесский Корпус еще с давних времен усвоил традиции Елисаветградского Кавалерийского Училища, то есть цук... У Киевлян этой традиции не было, не было у них и цука. Адамович считал, что если искоренить цук, то и ссора прекратится и вражды больше не будет, поэтому он хотел убрать всех, кто с ним в этом не соглашался и только поднять свой авторитет среди педагогического состава...

Можно считать, что Одесский Корпус перестал существовать уже после эвакуации в Ростов, если мы потом и собрались в здании Одесского Корпуса, то состав кадет уже был не тот. Многие уже побывали в армии или прибыли из других корпусов. Цук, как и традиции, существовали не только в Одесском Корпусе и поэтому кадеты разделились на признававших и не признававших их. Я лично, выросший в кавалерийской военной среде, не видел в цуке никакого унижения. Среди военных всегда было законом, что младшие беспрекословно подчинялись старшим и старались им во всем подражать. Одного слова начальства было достаточно, чтобы броситься в бой не щадя своей жизни. Все мы — и те кто подчинялся цуку, и те кто не подчинялся, одинаково стремились и жаждали служить Отечеству и Престолу и это нас всех объединяло...

В конце сентября 1920 г. в Сараево приехал Регент Александр. На смотру приняли участие наши две роты. Генерал Адамович вел нас на параде впереди на коне... Кадеты прошли блестяще и были удостоены похвалы Регента... Хорошая выправка и подтянутость кадет завоевали симпатию населения. Это произошло в то время, когда Европа братались с красными и радовалась нашим поражениям на Родине.

В конце учебного года я сдал все экзамены и перешел в 7-ой класс. Старший класс покинул Корпус. Многие уехали в Белую Церковь, где стояло Николаевское Кавалерийское училище, а другая часть поехала в Белград и записалась в Университет...

Весною 1922 года я окончил Сараевский Корпус... В середине лета я получил извещение, что могу поступить в Николаевское Кавалерийское Училище и сейчас же уехал в Белую Церковь. Здесь мои записи обрываются, в училище я их уже не вел...

Один эпизод из моей жизни во время Второй мировой войны я все же хочу отметить. Долгие годы живя и работая в Югославии я стал ее гражданином. Перед началом войны я, как военнообязанный, был зачислен в пятый кавалерийский полк Королевы Марии. С этим полком в чине рядового я выступил в поход после нападения немцев на Белград, не успев даже получить полного снаряжения. Был взят в плен и в плену заболел сыпным тифом и чуть не умер. Спас меня польский доктор. Семья его была освобождена во время Первой мировой войны воинской частью, которой командовал мой отец, и он помог этой семье. Доктор был в то время мальчиком, но запомнил фамилию русского офицера...

Кадетская дружба

Видя как немцы ведут войну и относятся к рабочим, я как-то сказал, что Сталин должен поставить Гитлеру памятник за оказанную ему помощь. Одна из женщин, слышавшая мой разго-

вор, донесла на меня в Гестапо и в ноябре 1944 года меня арестовали... Как-то, после восстания в Варшаве, в нашу камеру воткнули еще одного человека. Не помню как, но выяснилось, что он поляк, участник Варшавского восстания и говорит по-русски. В молодости был кадетом Полоцкого Корпуса. Во время Первой мировой войны он был переведен в Одесский Корпус. У меня с ним оказалось очень много общего... В марте 1945 года немцы стали распускать арестованных и моего поляка выпустили одним из первых. Выйдя из тюрьмы, он на черном рынке купил хлеб, принес его в тюрьму с просьбой передать его мне. Следователь Гестапо вызвал меня на допрос и показав на хлеб, сказал, что не может понять, что побудило поляка это сделать и какая между нами связь? Его хотели опять арестовать за оказанную помощь арестованному. Я на это ответил, что мы оба учились в старой России в Кадетском Корпусе, то есть оба кадеты Императорской России. Следователь покачал головой и спросил: Неужели же после 25 лет у вас еще осталось чувство товарищества? Среди нас это было бы невозможно, мы хотели его опять посадить в тюрьму, но решили сперва узнать, почему он так поступил и какая причина его на это побудила...

Прошло 20 лет. Я жил в Канаде на берегу озера Онтарио в городе Торонто. В один прекрасный день мой приятель английский летчик позвонил мне по телефону и спросил: не хочу ли я видеть своего товарища по Корпусу? Я конечно ответил, что с большим удовольствием. Это оказался кадет моего класса «Полочанин», который из Овидиополя в 1920 году вернулся обратно в Одессу... Сколько ужасных сцен, происшедших на льду Лимана мы оба вспомнили... Мы назвали нашу встречу: «45 лет от Днестровского лимана до озера Онтарио». Кадетская дружба не умирает!

Кубанский десант русской армии ген. Врангеля в 1920 году

Посвящено павшим и воевавшим в боях за Россию, которым не помогли, и они не победили...

Составил Л. О. Бек-Софиев

(Окончание)

Подготовка и высадка десанта

За один или два дня до отъезда десантных частей из Крыма на Кубань «в разведывательном Отделении Штаба ген. Врангеля были получены сведения, что большевики уже вполне приготовлены ко встрече этого десанта». Так, «по дневникам участников и по документам», пишет А. А. Валентинов в статье «Крымская эпопея» («Архив русской революции» И. В. Гессена, 1922 т. V, стр. 37). На той же странице упомянутый автор добавляет, что офицер разведывательного отделения, остановив его на лестнице (А. Валентинов был керреспондентом понедельничной газеты «Севастопольский Вестник» и по должности на дежурстве при генерал-квартирмейстере Штаба. Ред.), взволнованным шопотом бросил на ходу: «— тянули, тянули с десантом и дождались... — большевики успели уже стянуть на Кубань, чёрт знает, сколько сил — на Тамань и к Ейску...»

Всё это не соответствовало действительности. В Ейске дислоцировались только два батальона советской пехоты; в станице Должанская одна рота, в станицах Ясенской и Приморско-Ахтарской — по две роты; на Тамани, по Азовскому побережью, одна стрелковая 65-я бригада 22-й дивизии — в Темрюке и Джигинском. Непосредственное обеспечение Таманского полуострова было возложено на ту же 65-ю бригаду (1760 штыков, 62 пулемета, 8 легких и 4 тяжелых орудий). Но части этой стрелковой бригады располагались не на самом полуострове, а за пределами его, причем на пути их выдвижения на полуостров лежала значительная преграда, в виде болотистой долины устья р. Кубани с переправами у Джигинского и несколько севернее. Постоянные же наблюдательные посты охраняли только участок — Ахтанизовская — Темрюк. Остальное же побережье полуострова, с уходом 65-й бригады против группы ген. Улагая, даже не наблюдалось (смотреть прилагаемую карту).

На Черноморском побережье от ст. Благовещенская — Гастогаевская до города Анапа находились две бригады (66-я 22-й див. и 26-я 9-й див.). Внутри Кубани, в станице Варенниковская, стояла кавалерийская бригада 22-й див., а в районе ст. ст. Роговская — Брюховецкая только 1 кав. дивизия.

Со слов вполне компетентного и совершенно беспристрастного лица, отлично осведомленного «во всём происшедшем и занимавшего видное положение в ставке», тот же А. Валентинов заключает, что в момент отбытия десанта из Феодосии на Кубань в разведывательном отделении штаба ген. Врангеля «впервые было произнесено жуткое слово: — Опоздали».

И, наоборот В. фон Дрейер считает, что штаб Главнокомандующего «торопился с перенесением военных действий на территорию Дона и Кубани» («Крестный путь во имя Родины». 1921, стр.

140). Потом писали и говорили, что Ставка не учла количества войск противника и его резервов; что красное командование уже стояло на высоте руководства большими силами; что нужно было сразу перенести базу десанта на Тамань; что, даже, если бы ген. Улагай и взял Екатеринодар, то он вынужден был бы всё равно отступить; что в штаб десанта были назначены офицеры Генерального штаба, нежелательные ген. Улагаю; что не было точно известно численности ««бело-зеленых» и повстанческих отрядов, а с «Армией возрождения России» ген. Фостикова так и не удалось наладить предварительной связи и подчинить ее планам штаба ген. Улагая. Кроме этого, в Ставке некоторые компетентные руководители по отношению к десантной операции были настроены скорее пессимистично, чем оптимистически. Одни писали, что во время действия десанта Кубанцы оставались инертными и не поддерживали десантников. Другие, наоборот, что десантная операция «подвела» население, с которым большевики беспощадно расправлялись после отъезда десанта, ибо в Крым уехали не только пленные красноармейцы и мобилизованные кубанцы, но и добровольцы — около 5.000 казаков.

Но, невзирая на такие разговоры и мнения, ген. Врангель настоял на необходимости Кубанского десанта. Главнокомандующего всецело поддержал его начальник штаба ген. Шатилов, который не сомневался в благополучном исходе Кубанского десанта и считал, что на Кубани и Дону армия возрастет численно, ибо население этих областей уже понимает, что десант идет освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что армия ген. Врангеля борется не только за свое русское, но и за ее европейское дело («Воспоминания ген. Врангеля» 1923. изд. «Посев» 1969, стр. 135).

Критика действий ген. Врангеля, высказанная в своем большинстве не перед формированием десанта, а уже после его неудачи, не соответствует тогдашней действительности. Кубанская операция в августе 1920 года была нужна, — как воздух и вода, — и для русской армии ген. Врангеля, чтобы получить какую-то компенсацию за войну 1914 года, и для спасения России с теми 66-ю миллионами россиян и россиянок, которые впоследствии были истреблены большевиками. Но Русской армии ген. Врангеля необходима была и помощь от союзников и Польши, хотя бы еще на несколько месяцев, чтобы дождаться всеобщих крестьянских и военных восстаний, которые уже с лета 1920 года происходили почти на всей территории советской республики, не говоря уже о Дальнем Востоке. Но нужной и своевременной поддержки от союзников и Пилсудского Русская армия ген. Врангеля не получила: «И нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир...»

О необходимости для Армии ген. Врангеля Кубанской операции уже давно чувствовало военное командование большевиков. Его военный и морской комиссар Лейба Бронштейн (Троцкий), приставив револьвер к виску бывших офицеров Императорской армии, не успевших или не захотевших в свое время перейти в Белые армии, заставил «военных специалистов» служить большевикам. Еще в середине июля на пленуме московского совета «большевистский фельдмаршал» Бронштейн говорил:«Врангель стремится сейчас перенести свой операционный базис на восточное побережье Черного и Азовского морей, то есть путем десанта ворваться в Донскую и Кубанскую области, подтянуть контрреволюционные элементы и создать из Крымского фронта Южный фронт с главным Кавказским крылом... поднять Кубань, потянуть за ней Дон, Терек, завладеть Баку — значит получить в свои руки и солдат, и хлеб, и нефть. Это посерьёзнее Крыма...»

Но о времени и месте высадки главных сил десанта не знали ни штаб Кавказского фронта (Ростов/Дон), ни командование IX армии (Екатеринодар).

Известно, что в ночь с 25 на 26 июля ст. ст. противник старался перейти со стороны Каховки в наступление, как бы срывая намеченную ген. Врангелем Кубанскую операцию. Атака красных потерпела неудачу и дала возможность безболезненно вывести с Крымского фронта для десанта новые части. На Кубани этот момент совпал с усилением недовольства казачества и крестьян Черноморского побережья, с проявлением исключительной активности бело-зеленых и повстанческих отрядов. На объявленную советскими властями мобилизацию в Сочинском округе никто не откликнулся, и население с оружием в руках ушло в горы (Тифлисская газета «Борьба» от 17 июня 1920 г.). В это время Мариупольская флотилия красных приходила на Кубань для обстрела мятежных станиц. Несколько позже, она же с катера «Троцкий» обстреливала хутор Обрывский и станицу Ново-Николаевскую. Десантный отряд полк. Назарова успешно продвигался вперед на Дону. На Кубани активно действовали отряды повстанцев полковников Скакуна и Лебедева.

Особоуполномоченный В.Ч.К. по Сев. Кавказу Ландер в своем обращении к населению писал: «...Все выступления бело-зеленых ...будут нами подавлены с неумолимой жестокостью. Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, всё взрослое население — расстреляно, всё имущество конфисковано... В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов — мы будем... применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц».

Но, несмотря на такие угрозы и подлую ленинскую систему заложничества, летом 1920 года в селе Хитрово Тамбовского уезда опять началось

Антоновское крестьянское восстание («вильников»), которое было подавлено обманом и голодом только в 1922 году силами красной армии при участии Антонова-Овсеенко и «героя» ликвидации Кронштадтского мятежа Тухачевского. В июле же 1920 г. подымают восстание Сапожков и Серов в районе Бузулука, которое продолжалось два года.

Таким образом, положение на Крымском фронте, настроение населения на Кубани, Дону, Черноморском побережьи, в Тамбовской губернии, в Поволжье и Сибири, не говоря уже о волнениях в рядах красной армии и массового перехода красноармейцев в плен к полякам и на территорию Германии, благоприятствовало десантной операции и обещало полное осуществление новых планов ген. Врангеля.

Известно, что, боясь десанта, задачами для Кавказского фронта большевиков, которым в то время командовал быв. полковник В. М. Гиттис, были: обеспечение правого фланга со стороны Крыма и Грузии силами IX Кубанской армии и борьба с бело-зелеными и повстанческим движением в пределах занимаемой этой армией территории. Это заставляло красное командование держать в глубоком тылу достаточные резервы, на Польский же фронт отправлять «беспокойных» Кубанских и Донских казаков призывного возраста. Считая Тамань удобной базой для высадки десанта, как наиболее короткой связи с Крымом, красные дислоцировали на Таманском полуострове свои главные силы.

Сведения, полученные в разведывательном отделении Ставки, о которых сообщает А. Валентинов, со слов «компетентных» лиц штаба о том, что противник все знает и подготовлен к встрече десанта, оказались ошибочными. Авиация IX армии 29 июля (11 августа) бомбила Керченский порт и его окрестности. Воздушная разведка 31 июля (13 авг.) была над Керчью и Феодосией и ничего подозрительного не обнаружила (Оперативная сводка IX армии за 11 и 14 авг. н. ст.). Неверно и сообщение А. Балковского в его «Воспоминаниях командира батарен» («Военный сборник» № 8, 1965, Париж), что этой бомбежкой удалось красным вывести из строя пароход «Павел». В записках инж. Терентьева «Последний Кубанский поход» («Вестник Первопоходника», № 67/68, 1967) упоминается, что их паровая баржа «Амвросий» ночью 31 июля (13 авг.) шла в затылок транспорту «Павел».

Хотя по агентурным сведениям противнику были известны названия частей, готовых к десанту, но новые две-три дивизии прибыли с Крымского фронта в пункты посадки лишь накануне и ночью во время погрузки. Не только ночная посадка частей десанта в обоих портах не была замечена красными, но и береговые наблюдательные посты противника, расположенные на Тамани и в районе Темрюка без выстрела пропустили ночью большой караван транспоротов с военным конвоем через Керченский пролив, где фарватер проходит в 1-1,5 км. от Таманских кос — Тузлы и Чушка. Не ожидала десанта и Азовская флотилия большевиков. С. Колбасьев в «Записках о военных действиях в Азовском море в 1920 году» («Морской сборник» № 5/7, 1922) сообщает, что «встреченные в море белые суда, **как выяснилось впоследствии** (подчеркнуто нами. Ред.), были заняты высадкой десанта с 21 судна в станицу Приморско-Ахтарская. Белые высадили около 3.000 человек и стали распространяться на Кубань. В Темрюке опасались захвата судов белыми, а потому весь отряд красных был взорван». Автор «Записок» заключает: «Этой высадкой белые сразу изменили планы советского командования».

На рассвете 1/14 авг. десантные суда и его конвой появились перед станицей Приморско-Ахтарская. После короткого обстрела побережья севернее станицы десант приступил к высадке, с некоторым нарушением плана мест и времени разгрузки. Вместо трех пунктов и в течение одного-полутора дней высаживались 4 дня (Валентинов, там же, стр. 45) в полуразрушенном порту-пристани. Такое непредвиденное изменение плана Ставки отрицательно отразилось на решительном, совместном и стремительном ходе действий десантной операции.

В течение первого дня высадка на отмелях у хуторов Верещагинский и Бородин с последующим движением вброд, а также и у пристани Приморско-Ахтарской была произведена почти без всяких помех со стороны красных. В этот день высадилась на берег почти вся дивизия ген. Казановича и 1-й Уманский конный полк дивизии ген. Бабиева.

Для командования IX армии высадка главных сил десанта у Приморско-Ахтарской оказалась в месте наиболее уязвимом для красных, не говоря уже о ее неожиданности. Первые сведения о появлении десанта были получены в штабе 1-й кав. дивизии (станица Брюховецкая) в 9 час. 35 мин. утра, одновременно с донёсшейся канонадой с боевых судов конвоя десанта. Только в 12 час. 20 мин. о высадке становится известно и штабу IX армии в Екатеринодаре. Начальник дивизии из Брюховецкой дает приказ всем своим частям: «уничтожить противника во что бы то ни стало». Но это ему не удается и принимается новый план обороны.

По воспоминаниям ген. А. Лукомского (Т. II, стр. 235. 1922 г.) в Кубанской десантной операции участвовало 8.000 человек, из коих 2.000 было конных. В советских источниках (1929 г.) указывается, что десантные силы составляли 8.000 штыков и 4.500 сабель. Здесь нужно заметить, что по советским же данным общие противодесантные силы красных, с подтянутыми, после 8/21 августа, резервами составляли 35.895 штыков и 6.046 шашек, а борьбой с «Армией Возрождения России» ген. Фостикова было сковано еще 9.683 штыка и 1.901 сабля, не говоря уже о превосходстве у красных легкой и тяжелой артиллерии, пулеметов, бронепоездов, аэропланов и другой боевой техники. Но первоначальное соотношение сил, учитывая стремительное движение всех десантных частей на Екатеринодар, соединение с армией ген. Фостикова, с бело-зелеными и повстанческими отрядами, по мнению ген. Врангеля, «численность наших войск лишь немногим уступала противнику» (там же, стр. 138). Советские военные историки гражданской войны признают, что силы и качественное состояние ударной группы десанта для выполнения ею первоначальных задач, при предполагаемом характере операции, были достаточны (А. Голубев «Врангелевские десанты на Кубани. Август-сентябрь 1920», изд. 1929).

Наступательные бои, отношение с повстанцами, местным населением и пленными

В первые дни высадки десанта ген. Врангель обратился к Кубанскому казачеству с воззванием, в котором говорилось: «Все к оружию!.. Соединяйтесь в отряды!.. Сдающихся красноармейцев разоружайте, но не преследуйте и не позволяйте их грабить... Никакой мести, никаких зверств и репрессий, мы должны победить правдой, а не насилием... Армия несет с собой действительную неприкосновенность личности, жилища, семьи, свободу слова и печати. Мы идем обеспечить населению без различия классов и национальностей спокойную жизнь, право человека и гражданина...»

Практическим результатом такого призыва явилась массовая сдача в плен красноармейцев при наступательных действиях десанта, присоединение к нему молодых казаков, прятавшихся в камышах от советских мобилизаций, и переход в ряды десанта не только повстанческих отрядов, но и бело-зеленых партизан. И это несмотря на запугивание населения большевистскими карательными действиями, подлой системой заложничества и расстрелами без суда невинных родственников.

Советская военная литература периода НЭП'а справедливо отмечает, «что политическая обработка войск десанта дала крупные результаты. В частях группы было создано повышенное настроение и крепкая дисциплина. Во время операции население не имело повода жаловаться на поведение войск десанта, что естественно повышало их боеспособность и производило сильное впечатление в занимаемых ими районах» (А. Голубев, там же, стр. 45).

Дневник А. Судоплатова («Первопоходник» № 21, 1974) подтверждает массовый переход «во время наступления» красноармейцев на сторону десанта. Так, например, 6/19 авг. в станицу Тимошевскую «пригнали тысяч пять пленных. Все особой Уральской бригады — пермяки и уфимцы». Ген. Лукомский (там же, стр. 235) отмечает, что отряд Улагая, отправленный на Кубань в составе 8.000 человек (в том числе 2.000 конных), вернулся в составе 20.000 людей и 5.000 лошадей. В отношении перехода мужского населения на сторону десанта А. Валентинов (там же, стр. 45) пишет, что «к нам присоединились до 5.000 восставших, а всего «присоединившихся 10 тысяч», но, благодаря отсутствию оружия и снаряжения (приписывают деятельности ген. Вильчевского), мы их использовать не смогли». Ген. Врангель (там же, стр. 157) в записке П. Б. Струве, переданной начальнику французской миссии, говорит, что «в Кубанской армии ген. Улагая, кроме контингентов, более или менеее экипированных и вооруженных, имеется 5.000 мобилизованных, у которых, однако, нет самого главного — винтовок...»

Вольноопределяющийся Конно-горной батареи ген. Дроздовского П. В. Гюльцгоф в своем дневнике отметил: «Высадившись 1/14 авг. на Ахтарской косе, батарея сразу направилась на хутор в 10-ти верстах от Приморско-Ахтарской, а 2/15—4/17 авг. принимала участие в наступлении на станицы Ольгинская, Роговская и Раевская. 5/18 авг. батарея участвует в бою при занятии станицы Брюховецкой, а 7/20 авг. переходит в ст. Тимошевскую», которая за два дня до этого была взята Сводной дивизией ген. Казановича.

Но на второй день наступления (2/15 авг.) на Алексеевский полк обрушивается большая беда. Наступая вдоль железной дороги без своей артиллерии, которая еще разгружалась, Гренадерский батальон полка, не зная что впереди и вокруг него, занял позицию у «Свободных» хуторов (х.х. Трещенко и Курчанка). Противник бросил на него кавалерийскую бригаду 1-й кав. дивизии с бронепоездами, артиллерией, пулеметными тачанками. Шесть атак красной конницы были отбиты. Патроны были на исходе и батальон, начав отступать, был отрезан от своих и почти весь порублен красными (Б. Пылин «Первопоходник» № 21, стр. 54). Советские источники (1929 г.), упоминая об этом случае, пишут, что «после 2-х часового боя их кавалерийская бригада, поддерживаемая огнем бронепоездов и тракторной батареей, занимает хутор Курчанка и полностью уничтожает батальон, захватив три пулемета, сто пленных и зарубив 200 гренадер».

Почему пехотный полк наступал без артиллерийской поддержки, нам неизвестно. Видимо

из-за медлительности выгрузки артиллерии в полуразрушенном порту Приморско-Ахтарской. Советские военные историки, описывая этот бой, вынуждены признать, что попытка кавалерийской бригады развить свой успех «останавливается подошедшими частями дивизии ген. Казановича, а меткий огонь подоспевших двух легких орудий белых выводит из строя один из бронепоездов, бронеавтомобиль и заставляет сняться конную батарею бригады» (А. Голубев, там жс, стр. 52).

Гибелью гренадерского батальона, пишет Б. Пылин, начался для Алексеевского полка Кубанский поход. Отсутствие при пехотных частях артиллерии почти аналогичное случилось и в последний день наступательных операций. 8/21 авг. батальон Киевского Вел. кн. Константина Константиновича Военного училища тоже без артиллерии, будучи атакован в станице Брыньковской двумя полками стрелковой бригады и конным дивизионом с 8-ю орудиями, потерял убитыми 2-х офицеров и 17 юнкеров, а ранеными более 50 человек (К. Перепеловский «Киевское Вел. кн. Константина Константиновича Военное училище» 1964).

Следуя не только военно-исторической правде, но и правде общепринятой, мы не можем здесь умолчать о лжи советских военных историков при описании ими тех или иных эпизодов периода гражданской войны. Почти точно сообщая о числе зарубленных в бою и пленных из Гренадерского батальона Алексеевского полка, советские авторы скрыли, что все раненые гренадеры перед добиванием их большевиками были изуродованы. Им выкалывали глаза, кололи штыками и т. д., а пленных раздевали и почти голых рубили шашками.

К вечеру того же дня «Свободные хутора» были взяты Алексеевским полком и красные оттесняются на линию в 2-х км. западнее хут. Добровольный — Ольгинская. Конница десанта занимает станицу Брыньковскую, взятие которой грозит красным охватом их правого фланга. Противник сознает, что поставленная 1-й кав. дивизии задача: — уничтожить десант во что бы то ни стало — является невыполнимой.

3/16 августа боевые действия идут в районе станицы Брыньковская. Противник пытается наступать на станицу Приморско-Ахтарскую, но отбивается и теряет один бронепоезд. Этим днем заканчивается период нерешительных несовместных и несогласованных действий десантных частей, причиной чему была затянувшаяся выгрузка артиллерии, конницы и многочисленных тыловых обозов.

С утра 4/17 августа главные силы десанта под командованием ген. Улагая приступают к решительным действиям. Около 8 часов утра конная дивизия ген. Бабиева стремительно обрушивается на противника и занимает район Брыньковская — хутора Добровольный и Сербина. Красные в беспорядке отходят на Ново-Джерелиевскую. Попытка их при поддержке бронепоезда и тракторной батареи задержать пехотные части ген. Казановича быстро ликвидируется конницей ген. Шифнер-Маркевича* со стороны редута Чурого. Красные оставляют на поле боя бронетракторную батарею.

Пехотные части десанта преследуют противника по всему фронту. Дивизия ген. Бабиева, оставив незначительный заслон у ст. Брыньковской, быстро выдвигается через хутора Бутенко на х.х. Семенцова — Ищенко. Заняв последние, ген. Бабиев (около 19 часов) поворачивает на Роговскую и отрезает 1-й кав, дивизии пути отхода на Брюховецкую и Тимошевскую. Подошедшие главные части дивизии ген. Шифнер-Маркевича заканчивают полное окружение красных. Ночью кавбригаде 14-й советской дивизии удается прорваться почти без потерь, но в ее артиллерийской летучке гибнет около 100 человек (Оперсводка штаба IX армии от 5/18 авг.).

Конные части 1-й кавдивизии, с артиллерией во главе, отступая вслед за кавбригадой 14-й дивизии, встречаются почти в упор перекрестным пулеметным и ружейным огнем десанта, теряя половину личного состава (в том числе начальника дивизии), обе батареи и почти все пулеметы. Отдельные группы пробиваются или рассеиваются в плавнях озера и реки Карпели. К утру 5/18 авг. 1-я кавдивизия красных перестает существовать как боевая единица.

Около 15 часов конница ген. Бабиева, дав выйти красным на линию хут. Ищенко — ст. Роговская, неожиданно появляется перед цепями противника и стремительной конной атакой на стык полков прорывает фронт, отбрасывая один фланг его через болотистые камыши Бейсугского гирла на хут. Б. Солоненько, а другой в плавни лимана «Лебяжий» и в направлении на х. Придорожный. Конница ген. Бабиева захватывает две вполне исправные батареи, много пулеметов и пленных (Оперсводка штарма IX к 23 час. 5/18 авг.).

В 19 час., 5/18 авг., дивизия ген. Казановича отбросила красных на Ново-Корсунскую и на Медведовскую. Не преследуя отходящие части противника, ген. Казанович около 20 часов занял станицу и станицу Тимошевскую, а дивизия ген. Бабиева передовым отрядом вступила в станицу Брюховецкую. Части конной дивизии ген. Шифнер-Маркевича заняли Ново-Нижс-Стеблиевскую (она же Гривенская), Ново-Николаевскую, Старо-Джерелиевскую, Поповическую и Старо-Величковскую.

---

* Генерального Штаба Генерал-майор Антон Мейнгардович Шифнер-Маркевич род. 4 июля 1887 г. Во время Кубанского десанта был ранен. Скончался в Галлиполи 8/21 января 1921 г. На его могиле на кресте надпись «Сим победиши» и Венок «Смерти»:

«Ничто героя не тревожит,
Он спит здесь непробудным сном;
Скорбит душа его о том,
Что дважды он не может
Родной Отчизне быть бойцом».

(Взято из альбома рисунков поручика Кавказского Конно-Горного Дивизиона Юрия Софиева: окрестности и русское кладбище в Галлиполи. Ред.)

Поражение красных в боях 5/18 авг. и занятие десантными частями Тимошевской выводило группу ген. Улагая на важнейшие для области, армии и фронта направления: Тимошевская — Екатеринодар и Тимошевская — Тихорецкая, создавая непосредственную угрозу Екатеринодару и тылам красных частей, расположенных на Черноморском побережьи. Этот день ген. Врангель отмечает так: «Наголову разбив Кавказскую казачью дивизию красных, захватив много пленных во главе с начальником дивизии «товарищем» Мейером со всем его штабом и всю артиллерию дивизии, части ген. Улагая соединились с повстанцами полк. Скакуна. К нашим частям присоединилось до 2.000 человек казаков освобожденных станиц» (Ген. Врангель, там же стр. 148).

В этот момент советские противодесантные части были деморализованы своими неудачами, находились в необычайной разбросанности и потерявшими связь с подтягиваемыми фронтовыми и армейскими резервами. Южный участок железной дороги Тимошевская — Славянская не был совсем прикрыт красными.

По мнению большинства «военных специалистов» того времени десантные части, находившиеся в районе Тимошевская — Роговская, сохранили кулак, движение которого могло в любом направлении совершаться почти беспрепятственно. Это позволяло им впитывать в себя бело-зеленых, повстанческие отряды, использовать многочисленных пленных красноармейцев и действовать согласно с армией ген. Фостикова и отрядом полк. Назарова. Нравственно-психологическое состояние войск в этот момент было различное: красные были настроены панически, а десантники, ободренные своими успехами и надеждами на освобождение Кубани, имели большой боевой подъем. Но, к сожалению, несмотря на доказательства ген. Улагаю со стороны ген. Казановича и ген. Бабиева о необходимости немедленного стремительного наступления на столицу Кубани — Екатеринодар, то есть точного выполнения указания ген. Врангеля, ген. Улагай, обремененный своей базой и гражданским тылом в Приморско-Ахтарской, оглядывался назад, опасаясь быть отрезанным от них и, как оказалось впоследствии, боялся быть окруженным в Екатеринодаре.

Эти победоносные для десанта дни совпали с трагическим раздором между ген. Улагаем и его начальником штаба ген. Драценко, который фактически был уже отстранен ген. Улагаем от своих обязанностей в тот момент, когда обстановка требовала сосредоточенной работы штаба десанта. Ген. Врангель в своих воспоминаниях отмечает, что ген. Улагай в течение 6/19 и 7/20 авг. не мог принять определенного решения. Ген. Шатилов впоследствии говорил, что от ген. Улагая 6/19, 7/20 и 8/21 авг. не поступало донесений о переходе в наступление. А. Долгополов (там же, стр. 10) пишет, что десантные части, заняв 5/18 авг. станицы Поповическую, Тимошевскую и Брюховецкую, остановились на три дня — 6-ое, 7-ое, 8-ое августа.

Ген. Бабиев 9/22 авг. наносит противнику в районе хут. Ищенко — станицы Брыньковской жестокий удар, захватив до 1.000 пленных и много пулеметов, но теряет связь с ген. Улагаем. Под Тимошевской с красными дерутся юнкера и Алексеевский полк, укомплектованный красноармейцами (около 1.000 бойцов).

Кризис десантной операции

Итак, 5/18—7/20 августа положение у красных было критическое. Тревожное настроение в ряде станиц и убеждение командования противника, что Екатеринодар будет следующим этапом стремительных действий десантных частей, принуждает IX армию и кубанские областные организации произвести спешную эвакуацию из Екатеринодара всех военных и гражданских учреждений в Ростов и Тихорецкую.

Эта эвакуация, по советским источникам, производилась настолько спешно, что учреждения вывозили из города только их личный состав, бросив всё свое имущество. В эти дни разъезды десантных частей доходили до хут. Дубинки (30-35 км. северо-западнее Екатеринодара). Южный участок Тимошевская — Славянская, выводящий непосредственно на Екатеринодар, совсем не был прикрыт противником. К 6/19 августа фронт тянулся от Брыньковской на станицы: Переяславская, Брюховецкая, Тимошевская, Поповическая, Старо-Величковская, Старо-Джерелиевская, Полтавская, Петровская и выходил к морю у лиманов южнее Ачуева.

К этому времени военный флот десанта находился еще на защите Ясенской косы и станицы Приморско-Ахтарской, а также и около имения кн. Лобанова-Ростовского на Черноморском побережьи, охраняя там десант группы ген. Черепова. Весь Таманский полуостров был очищен от красных, которые были оттеснены на юго-восток и отошли к Анапе для борьбы с отрядом ген. Черепова, а на северо-восток ушли сами для борьбы с группой ген. Улагая.

Несколькими днями позже (7/20-11/24 и до 17/30 августа) фронт армии ген. Фостикова и отряда полк. Крыжановского тянулся: — Переправная, Севастопольская, западнее Тульской и Махошевской, Ярославской, Лабинской, Чаплыкской, Урупской, севернее и восточнее хуторов Коноково и Урупских, на Беломечетскую, Баталпашинскую, Усть-Джегутинскую и Верхне-Николаевская — Кардоникская. То есть линия западного фронта армии ген. Фостикова отстояла от Екатеринодара на 100-110 км.

Несмотря на отсутствие сведений от ген. Улагая с 6/19 по 8/21 августа, ставка Главнокомандующего только 10/23 августа связалась с группой ген. Улагая. Но время было упущено, «порыв» у десантных частей не был использован ни ген. Улагаем, ни ген. Драценко, дасантные части начали «терять сердце». Не был «порыв» использован и Ставкой, которая дала штабу ген. Улагая только план высадки и главные вехи направления десанта, а дальнейшее продвижение должно было разрабатыватьея в штабе ген. Улагая. Но ген. Врангель при прощании с ген. Улагаем в Феодосии подчеркнул, «только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление вас погубит» (Врангель, там же, стр. 139).

———

Разгром 1-й кавдивизии и выход десантных частей в район Роговской убеждает красных в серьезности этого направлсния и значительности действующих у ген. Улагая сил. Вечером 5/18 авг. армейский резерв, — 26-я бригада 9-й дивизии, — приступает к погрузке на ст. Крымская для переброски железной дорогой к Тимошевской.

Поражение красных частей в боях 5/18 авг. и занятие дивизией ген. Казановича Тимошевского жел.-дор. узла, к утру 6/19 авг. резко изменили обстановку в пользу группы ген. Улагая. «Эта угроза становилась весьма реальной в связи с той необычайной разбросанностью, в которой оказались потерявшие связь со штабом армии и между собой противодесантные части и подтягиваемые фронтовые и армейские резервы» (А. Голубев, там же, стр, 60). 5/18 авг. большевики сосредоточивались на линии реки Бейсуг и перебрасывали свои части на линии Дядьковская — Медведовская и Старо-Величковская (резерв Михаила Левандовского). На южном фронте ударной группы ген. Улагая в это время были обнаружены части красных, переброшенные с Таманского полуострова.

Ясно понимая, какое военное и особенно политическое значение имело для десанта занятие Екатеринодара, командование IX армии уже в момент его эвакуации сделало все возможное для обороны Кубанской столицы. Но мероприятия командования IX армии «вряд ли принесли бы какую-либо пользу, так как резерв из-за дальности расстояния не мог прибыть в назначенный ему район ранее 8/21 авг. и оказался бы только лишним трофеем на пути побсдоносного противника» (А. Голубев, там же, стр. 61). Кроме своих армейских и фронтовых резервов. против десанта направились: из состава X армии — 33-я кавбригада, из XI армии 7-я кавдивизия, из резерва главного командования — 2-я московская бригада курсантов ВЦИК-а.

А. Голубев (там же, стр. 62) считает, что положение 6/19 авг. на противодеeантном участке IX армии представляло необычайно благоприятные условия для новых активных действий десанта и разгрома порознь подходящих красных резервов.

Однако эти условия ген. Улагаем и Драценко не только не были использованы, но в следующие дни они вообще отказались от наступления на Екатеринодар. 6/19 авг. ген. Улагай прекращает нажим во всех направлсниях и лишь обеспокоенный захватом Приуральской бригадой Брыньковской переправы, усиливает действующие там 200 сабель Терского полка Константиновским военным училищем. Выбив из Брыньковской 3-й полк бригады красных, десант закрепляет ее за собой.

С утра 6/19 авг. противник обстреливает станцию и станицу Тимошевскую. Пехотная атака красных отбивается Кубанскими стрелками и противник буквально бежит, преследуемый шрапнельным огнем артиллерии десанта. К вечеру противодесантные части опять безуспешно атакуют Тимошевскую.

Несмотря на явный кризис в штабе ген. Улагая, красное командование высказывает уверенность в переходе десантных частей в наступление. Оно старается не допустить прорыва десанта на Екатеринодар и не выпустить его из района Ново-Джерелиевка — Тимошевская (Архив кр. армии, дело № 64-039). Но такое предположение обрекало на пассивность примерно 3/4 состава IX армии, что показывало продолжение растерянности, вызванное первыми успехами десанта.

Пассивность группы ген-ов Улагая и Драценко в течение 6/ и 7/20 авг. позволила противнику к вечеру второго дня усилиться двумя стрелковыми бригадами. Ген. Улагай и Драценко не меняют своей группировки, не проявляют себя ничем и, не тревожимые красными частями, теряют с ними соприкосновение. Обладая к этому времени значительной территорией с населением в 200.000 человек и Тимошевским жел.-дор. узлом, десант рассыпается на мелкие отряды для обеспечения мобилизации, то есть переходит к обороне, забывая, что **«оборона — смерть вооруженного восстания»**.

———

В тот же день (7/20 авг.) отряд красной флотилии из Мариуполя предпринял поход на Ахтарский рейд. Его истребители и сторожевые суда выставили к югу от Камышеватского мыса заграждения, а его канонерские лодки впервые обстреляли станицу Приморско-Ахтарскую. Во время обстрела один аэроплан десанта атаковал эскадру красных и его одна бомба легла рядом с канонерской лодкой «III-й интернационал».

Думая, что пользуясь пасеивностью противодесантных частей ген. Улагай и Драценко производят перегруппировку для удара в том или ином направлении, красное командование решает взять инициативу в свои руки. В 23 ч. 20 мин. 7/20 авг. противодесантным частям ставится задача: занять не позже 8/21 авг. — Ольгинскую, Ново-Джерелиевскую, Роговскую, Брюховецкую (приказание по армии IX № 071). В полночь отдастся приказ со-

средоточить конные части в Ново-Корсунской, откуда перейти в наступление на Тимошевскую (приказание № 072), а в случае успеха, перейти в преследование с задачей окончательного уничтожения десанта. Но этот план, имевший целью захватить инициативу, в указанный срок выполнен не был и вместо двух согласованных ударов: пехотной группы с севера, а конной с востока, утром 9/22 авг. изолированную операцию вела только группа начдива 9.

8/21 авг. утром после упорного боя в станице Брыньковской батальон Константиновского военного училища, при больших потерях, отходит к хут. Добровольный и станице Ольгинской (К. Перенеловский, там же, стр. 14). Противодесантные части продвигаются в тыл главных сил десанта. Достигнув Роговской, угрожают десанту перерывом его сообщения с морем и базой. Но конница ген. Бабиева отбрасывает красных вновь к ст. Брыньковской.

За эти три дня, — 6/19 — 8/21 авг., как отмечал ген. Шатилов, численность противодесантных войск увеличилась на 7-8 тыс. штыков, 550 сабель, 30 орудий, что давало красным значительное превосходство в силах.

На 9/22 авг. красные ставили себе задачи: глубокие удары на флангах десанта с сильным ударом в центре — ст. Тимошевская. Наиболее опасным для десанта были несомненно удары флангов, отрезая десант от моря и угрожая полным окружением. Наступление красных на Тимошевскую сбивало десант с намеченных им направлений наступления, но не приводило к катастрофе. Наиболее сильной оказалась центральная группа красных. Она состояла из 8.000 штыков, 1.000 сабель и 30 орудий, причем всё их внимание было сосредоточено на одном пункте — Тимошевской.

Результат боев 9/22 авг. противоречив. По мнению военных специалистов, исходящего из оперсводок красных, «тактически он может быть сведен с плюсом для десантников». Части десанта показали исключительную стойкость, подготовленность, командование проявило умелое тактическое руководство, поражение потерпел лишь небольшой отряд десанта, действовавший против 22-й бригады красных. Зато конницей ген. Бабиева была разгромлена вся правофланговая группа противника, а дивизия ген. Казановича после дня упорного боя с втрое сильнейшим врагом сохранила свою маневренную свободу и понесла значительно меньшие потери, чем атакующие ее красные части. Количеством трофеев десантники также значительно превосходили красные части. Несмотря на это, бои 9/22 августа были кризисом Кубанской операции. Они показали, что силы десанта недостаточны для того, чтобы противостоять сосредоточенным красным резервам. День 9/22 августа П. Гюльцгоф отметил в своем дневнике, что выйдя утром из Арбузовой балки, его батарея участвовала в пяти боях и пяти атаках и к вечеру заночевала в ст. Ольгинская.

ОТСТУПЛЕНИЕ ГЛАВНЫХ СИЛ ДЕСАНТА ГРУППЫ ГЕН. УЛАГАЯ

Ночью на 10/23 авг. ген-лы Улагай и Драценко отдают приказ 2-й Кубанской и Сводной дивизиям отходить к станице Гривенской (тогда же была отправлена телеграмма в Ставку с просьбой прислки кораблей в Приморско-Ахтарскую для принятия на борт десанта). Днем красные безуспешно атакуют части 1-й Кубанской дивизии. Станицы Брыньковская и Ольгинская переходят из рук в руки.

Мариупольская флотилия совершает 2-й поход на Ахтарский рейд с десантом, транспорты которого проходят через перебойну косы Долгая. «После встречи с транспортами у Камышеватского мыса решено было высаживаться на мысе ввиду возможного присутствия больших сил десанта в морс» (Колбасьев, там же, стр. 127). Пока транспорты красных производили высадку, их канонерские лодки повторили обстрел станицы Приморско-Ахтарской. Весь этот день транспорты красных высаживали войска у Камышеватского мыса. Вечером с юго-запада пришли четыре канонерских лодки и один миноносец отряда Кубанского десанта, которые держались на горизонте, ожидая ночи и желая, пользуясь преимуществом хода, поставить красную флотилию на полосу лунного света. Бой на лунной полосе был для красных слишком невыгодным и они, уклонившись от него, повернули на 180° и удалились. Их транспорты, высадив десант на мысе, проследовали через перебойну в Мариуполь. Военные суда десанта нашли боевой отряд красных на рассвете у Белосарайской косы, но преследовать не могли.

Ночью на 11/24 августа, опасаясь охвата обоих флангов, десант оставил станицу и станцию Тимошевскую, отойдя через ст. Роговскую на х.х. Гречаного. Красным частям Тимошевский узел достался ценой упорного боя и тяжелых потерь. Несмотря на свое тройное превосходство в этом районе, красные не одержали решительного успеха: части десанта ушли не расстроенными и сохранившими за собой свободу действий.

Развертываясь по линии реки Бейсуг, большевики сосредоточивались для нанесения удара по базе Кубанского десанта в Приморско-Ахтарской, с которой был скован ген. Улагай. К вечеру того же дня десантники удержали свое расположение у Брыньковской и Ольгинской.

С утра 10/23 авг. командование десантом считало свое положение критическим и ожидало энергичного нажима красных. Полагая невозможным активно противостоять этому нажиму в течение 10/23 авг., оно продолжало оттягивать свои части для прикрытия основных направлений, соединяющих десант с морем.

Красное командование думало иначе. Не зная истинных сил и состояния десанта и находясь еще под влиянием его прежних успехов, угрозы Екатеринодара и опасности восстания местного населения, а оно могло бы дать не менее 20-30.000 новых бойцов, красные в исходе боев 9/22 авг. не только не увидели трудного положения группы ген. Улагая, а, наоборот, считали, что десант, не связанный их действиями, с утра 10/23 авг. поведет наступление в сторону Екатеринодара. Поэтому внимание командования IX армии в это время было приковано к подготовке отражения предполагавшегося наступления десанта, на удержание Тимошевской и на прикрытие Екатеринодара, а не на развитие достигнутых 9/22 авг. успехов и организации преследования. Таким образом, основные силы красных с утра 10/23 авг. получили оборонительную группировку и пассивные задачи. Однако события, совершившиеся в этот день, оказали огромное влияние на дальнейший ход операции.

10/23 августа главные силы десанта находились в районе ст. Ольгинская — хут. Сербина — пос. Добровольный. Красные днем овладели Ново-Николаевской и наступали на Ново-Ниже-Стеблиевскую, грозя отрезать десанту путь отступления на Ачуев. Однако положение десанта за этот день значительно окрепло.

Группа ген. Бабиева после полного разгрома 25-й бригады красных, не успев оказать помощи дивизии ген. Казановича, ночью на 10/23 авг. сосредоточилась в Роговской и Ново-Джерелиевской. Днем ген. Бабиев отошел в район Ольгинская — Добровольный. Оставленный им заслон в Ново-Джерелиевской только ночью соединился с главными силами в Ольгинской (Приморско-Ахтарская красными еще не была занята). Дивизия ген. Казановича днем, не входя в соприкосновение с противником, отошла через хутор Гречаного на Глубоко-Ериковскую. Конная дивизия ген. Шифнер-Маркевича к вечеру (10/23 авг.) сосредоточилась в районе Степная — Ново-Ниже-Стеблиевская, где к этому времени сосредоточились все тыловые учреждения десанта. Связь с морем была установлена по тракту Ново-Ниже-Стеблиевская — Ачуев, туда же была перенесена Приморская база.

Сущность такой группировки десанта сводилась к сосредоточению сил на флангах при слабом центре.

Считая Кубанский фронт главным, Ставка еще 9/22 авг. переезжает в Керчь для непосредственного руководства операцией. Однако этот день совпал с днем поражения частей десанта и потерей связи штаба ген. Улагая с Крымом. Для установления этой связи и изучения обстановки на месте из Керчи на аэроплане в Ново-Ниже-Стеблиевскую вылетает ген.-квартирмейстер Штаба ген. Коновалов, который 10/23 авг. сменил ген. Драценко.

10/23 авг. ген. Врангель и начальник Штаба ген. Шатилов прибывают в Керчь. У ген. Врангеля теплится надежда, что очищение красными Таманн даст возможность перевода базы на Таманский полуостров и оттеснение противника на восток. Алексеевский полк снова занимает ст. Брыньковскую. Пленные красноармейцы в рядах десантников, как пишет Судоплатов, дорутся с красными отчаянно. Там, где прошла конница ген. Бабиева, на месте боев много винтовок противника воткнуто штыками в землю.

В 17 ч. 20 мин. 10/23 авг. ни командарм IX, ни его части ничего не знали о десанте, Вечером того же дня (23 ч. 50 мин.) был издан приказ командарма № 075, в котором предписывается частям, находящимся в Екатеринодаре, уничтожить десант: «ни время суток, т. е. ни день, ни ночь, ни усталость людей и лошадей не должны препятствовать для нанесения противнику окончательного удара, помня одно,... что наивысшее напряжение сил в течение нескольких часов может положить окончательный предел всяким попыткам белогвардейских врангелевских генералов, осложнив положение на Кубани, поставить в тяжелое положение советскую Россию».

Но десант, оправившись от боев 9/22 авг. в свою очередь намечал на 11/24 авг. переход к активным действиям: сдержать красные части на своем правом фланге и центре, а группой ген. Бабиева разгромить правый фланг группы начдива 9, выйти в тылы красных, наступающих севернее болотистой полосы Роговская — Степная. Это составляло новый план борьбы десанта с противником, который в этот момент уже имел значительное превосходство сил и вызывал панику у некоторых лиц командования и в частях десанта. Красные же неотступным преследованием могли бы в кратчайший срок ликвидировать группу ген. Улагая. Но время было упущено, и противник снова встретил активное противодействие десантников.

11/24 авг. группа ген. Бабиева (1-я Кубанская конная дивизия, Константиновское пехотное военное училище, Алексеевский пех. полк, две сотни Терского полка) занимала район Ольгинская — пос. Добровольный — хут. Сербина. Вторая Кубанская конная дивизия: район Степная — Кирпили — Глубокоериковская. Сводно-Кубанская дивизия ген. Казановича между Ново-Ниже-Стеблиевская — Глубокоериковская — хут. Кирпенко. Кадры 4-й Кубанской дивизии, штаб и учреждение группы ген. Улагая, формирующиеся части — в Ново-Ниже-Стеблиевской (Гривенской).

Для преследования десанта сначала надо было его разбить и только после этого красные могли приступить к исполнению приказа командарма IX о преследовании. Но часть противодесантных сил (2-я Донская дивизия) оторвалась от десантников на целый переход и, не имея конницы, не могла войти с ними в соприкосновение. Она не знала ни расположения десанта, ни его группировки.

В 9 часов красные перешли в наступление со стороны Брыньковской на пос. Добровольный и к 11 час. приблизились к северной его окраине, прикрывая фланги заслонами к западу от Брыньковской и в районе хут. Сербина. К полудню ген. Бабиев стремительно обрушился на центр и левый фланг Приуральской бригады и, опрокинув ее, занял Брыньковскую. Красные с большими потерями и в беспорядке отошли на хут. Привольный. Батальон красных у хут. Сербина был уничтожен почти полностью. Конница десанта, выделив заслон в сторону хут. Привольный, начала распространяться в сторону Каширской и Брюховецкой, стремясь выйти на тылы всей правофланговой группы IX армии красных.

В 16 час. красные, при поддержке бронепоезда, овладели станицей и станцией Ольгинская, но контратакой десантников были выбиты из обоих пунктов. Начдив 9, введя в бой все силы группы, не только не мог выполнить приказ красного командования (075/оп.), но сам едва не потерпел серьезного поражения.

К вечеру (11/24 авг.) красные заняли ст. Степную, переправы у редутов Чурого и Подгурского. Вследствие этого, группа ген. Бабиева оказалась отрезанной от остальных частей десанта. В этот день на южном участке красные действовали в районе болотистой полосы Степная — Роговская. В это же время две роты красных из Ейска решают демонстрировать наступление через Ясенскую переправу на Ясенскую косу и далее на Приморско-Ахтарскую. Если бы это наступление, но более крупными силами было предпринято несколькими днями раньше, оно могло бы сыграть огромную роль в общем ходе противодесантной операции. Теперь же оно было бесполезным, ибо район Приморско-Ахтарской с 9/22 авг. был свободен от тыловых учреждений десанта.

Результат боев 11/24 авг.: группа ген. Улагая оказалась разъединенной болотами и переправами, которые были заняты красными. Командующий Кавказским фронтом В. М. Гиттис так оценивает итог боев за этот день — «в общем белые, по-видимому, продолжают отходить на посад Ахтарский с целью посадки на суда и сдерживают наше наступление арьергардными боями у Брыньковской, Ольгинской, Степной». Иначе понял обстановку ген. Коновалов, заменивший ген. Драценко.

Утром 12/25 авг. красные через Брыньковскую и хут. Минина перешли в наступление на Приморско-Ахтарскую и поздно вечером овладели станцией. Конница же десанта, пользуясь подвижностью и демонстрируя отход на Приморско-Ахтарскую, отошла на пос. Добровольный и на Ольгинскую.

В то же утро красная кавалерия выдвинулась в район х.х. Котлярова — Трунова, но под давлением десантников со стороны Ольгинской отошла севернее хут. Стояновского.

Группа ген. Бабиева, сдержав заслонами у ст. Брыньковской и хут. Сербина наступление группы Начдива 9, а потом оттянув их в район хут. Добровольный, с главными силами десанта начала отход в направлении редута Чурого — Степная. Выделенный для обеспечения марша боковой отряд десанта атаковал у хут. Стояновского красных Донцов, а отряды, выделанные для захвата переправ вместе с конницей ген. Бабиева оттеснили красных в район Степной. К вечеру десантники овладели Степной и противник отошел на восток. Десант прочно занял все переправы.

Бои 12/25 авг. привели к тому, что удар сильнейшего кулака красных частей, наступавших на Ахтарском направлении, пришелся по пустому месту. Группа ген. Бабиева благополучно вышла из опасного положения и, овладев первоначально переправами у ред. Чурого и Подгурского, а впоследствии, при поддержке с юга и переправами у Степной, соединилась с главными силами группы ген. Улагая южнее болотистой полосы. Прибывшая экспедиционная морская дивизия красных, не имея сведений о ходе боя, в этот день сосредоточилась в районе Копанская — Ясенская и вела подготовительную работу для переправки на Ясенскую косу.

На южном участке фронта с утра 12/25 авг. красные пытались наступать на Ново-Ниже-Стеблиевскую, но частями ген. Казановича со стороны Глубокоериковской и Ново-Ниже-Стеблиевской были отброшены на Ново-Николаевскую. Угрожая охватом их правого фланга, десантники овладевают Ново-Николаевской и захватывают х.х. Гречаного. Красные отходят на Старо-Джерелиевскую. Силы десанта сгруппировываются в узком пространстве: Степная — Ново-Ниже-Стеблиевская — Ново-Николаевская. С севера десант обеспечивается болотистой полосой, с занятыми им и удобными для обороны малыми силами переправами у ред. Чурого, Подгурского и ст. Степной. С тыла, а отчасти и слева группу десанта прикрывают малодоступные плавни. Оттеснив красных в район Старо-Джерелиевская десант освобождается от угрозы удара во фланг при действиях в сторону х.х. Гречаного.

Все силы красных в этот день были нацелены в пустое пространство между лиманами Бейсугским и Ахтарским.

Интересна оценка красными боевых операций этого дня: «Противник... теснимый с востока, пытался вернуться на посад Ахтарский (вечерние бои за ст. Степную), усилив в то же время южную группу. Задача командования — отрезать противника от Ахтарской...» Из этой оценки явствует, что у красного командования распространение десанта в южном направлении не вызывает еще никакого беспокойства. Это доказывает действие красных, главные силы которых стремятся не допустить прорыва десанта к Приморско-Ахтарской. Они занимают ред. Чурого и станицу Степная, но захватить переправы они не в состоянии. С северного участка красное подкрепление пытается переправиться у Степной, но попав под перекрестный ружейно-пулеметный огонь, поворачивают на

переправу у Роговской. Десант, имея полную свободу действий, наступает на красных и оттесняет их из района Старо-Джерелиевской на Полтавскую.

12/25 авг. ген. Улагай, получив телеграмму ген. Бабиева о его успехе под Ольгинской, сообщает ген. Врангелю, что посылка судов отпадает. Но эта телеграмма не вносит успокоения в Ставке Главнокомандующего и ген. Улагаю предложено перенести базу на Тамань. Но база, после второго обстрела ее Мариупольской флотилией противника, самостоятельно, в составе свыше 40 вагонов, прорывается в направлении на ст. Ольгинская для соединения с главными силами десанта.

Командарм IX приказывает своим частям, во что бы то ни стало, удержать ст. Полтавскую, а через ст. Славянскую направил два полка для поддержания кавалерийской бригады.

Серьезность положения противодесантных частей красной армии вынуждает предреввоенсовета республики Бронштейна (Троцкого) лично приехать (13/26 авг.) в штаб IX армии и отдать следующий приказ: «Замысел царского барона не удался. Генеральским бандам не удалось поднять Кубань и Дон. Белые отряды фон Врангеля находятся в кольце. Их командиры, хотя и пытаются еще местами прорвать цепь наших войск, но думают уже главным образом о том, как бы убраться восвояси. Десант, по-видимому, собирается садиться на суда и возвращаться в Крым... Красные воины IX армии! Было бы величайшим позором, если бы мы дали ускользнуть белой гадине. Если десант ускользнет от нас и вернется в Крым, он усилит тамошние войска царского барона... Но этого не будет. Десант Врангеля нужно раздавить, и вы это сделаете... Всякая нерешительность, медлительность, проволочка будет караться как тяжкие преступления перед социалистическим отечеством. Задача ясна и проста: не дать врагу ускользнуть, настигнуть его, разбить, стереть с лица земли». **«Не прогнать, а уничтожить»** (Троцкий «Как вооружалась революция», том II, книга 2, стр. 198). Так подытоживалась задача армии и так был озаглавлен приказ.

После неудачи Кубанского десанта, уже в эмиграции, среди видных офицеров Генерального штаба раздавались голоса, что к 1920 году красное командование научилось управлять крупными войсковыми частями. Что же красные извлекли из результатов боев 12/25 и 13/26 августа? Вот вкратце директива командарма IX № 003/оп., изданная вечером 13/26-го в 20 часов для частей армии: «Ликвидировать части белых на участке Ахтарская — Степная; стремительным наступлением на участке Ново-Ниже-Стеблиевская сбить противника; наступая в направлении Старо-Величковская и хуторов между Ново-Николаевской и Старо-Джерелиевской, отрезать путь отхода противника; задержать во что бы то ни стало продвижение десантников на юг, уничтожая в случае отхода по пути все переправы; преследовать противника в направлении Степная — Ново-Николаевская и далее на юг; главный удар направить на Старо-Джерелиевскую; армейским резервам к рассвету 14/27 авг. вместе с московской бригадой курсантов ВЦИКа сосредоточиться в Поповической — Славянская».

За эти дни положение десанта изменилось, он группировался южнее Степной и никаких крупных частей его на участке Ахтарская — Степная уже не было; свое базирование и связь с Крымом десант окончательно перенес в Ачуев, сообщаясь с ним по тракту через Ново-Ниже-Стеблиевскую и далее вдоль реки Протока.

Штаб и все тылы группы ген. Улагая размещались в Ново-Ниже-Стеблиевской, являющейся важнейшим пунктом для десанта. Потеря ее отрезывала отступление десанта к морю. Выдвижение частей десанта на Старо-Джерелиевскую и Ново-Николаевскую ослабляло группу, прикрывавшую Ново-Ниже-Стеблиевскую, делая ее уязвимой со стороны Степной, ред. Чурого и Роговской. В новой директиве красных эти обстоятельства не учитывались. Ставя себе «окончательную ликвидацию десанта и располагая для этого достаточными силами командрам IX не группировал свои войска соответствующим образом». На важнейший пункт десанта не имела направления ни одна часть красных. К счастью десанта, главные силы IX армии перегруппировывались «не на отрезание его от моря», а преграждение ему пути на юг. Для этого красные наносили удар на Ново-Николаевскую вместо Ново-Ниже-Стебелевскую. Другая их группа сложно меняла западное направление на юго-западное, от Старо-Величковской на хутора между Ново-Николаевской и Старо-Джерелиевской.

С утра 14/27 авг. фронт группы ген-лов Улагая и Коновалова тянулся по линии: редут Чурого — редут Подгурского — ст. Степная — хутора Кирпенко — Щербины — северо-западная окраина лимана Чигрин — Старо-Джерелиевская — Петровская. Район редута Чурого — ред. Подгурского — Степная — Глубокоериковская — Ново-Ниже-Стеблиевская был занят частями, ранее входившими в группу ген. Бабиева. Район Ново-Николаевской — хутор Золотаревского — 2-й конной дивизией десанта, усиленной некоторыми частями дивизии ген. Казановича. Район Старо-Джерелиевской частями Кубанской дивизии (около 500 сабель, 500 штыков) и остальными частями дивизии ген. Казановича (около 1.000 бойцов) при шести орудиях и двух бронеавтомобилях.

Эта группировка, принятая ген-ами Улагаем и Коноваловым, была по существу не наступательной, а оборонительной, имеющей целью обеспечение за собой возможно большего плацдарма, прикрывающего Ново-Ниже-Стеблиевскую с целью планомерного вывода частей из боя и их постепенного сосредоточения в районе Ачуева.

Красные к утру 14/27 авг. оказались сильно разбросанными. Группа начдива 9 рассредоточилась на всем участке Брыньковская — Приморско-Ахтарская — Степная. Из всех красных частей непосредственное соприкосновение с десантом имели лишь 22-я кавбригада и 198-й полк. Положение красных частей не давало им возможности в течение этого дня приступить к выполнению своих задач. К 15 часам красные овладели Старо-Джерелиевской, отбросив десантные части к Ново-Николаевской. К ночи этого дня 26-я бригада красных, с боем овладев хутором Золотаревского, оттеснила десант к окраинам Ново-Николаевской, заняв исходное положение для ее ночной атаки.

Днем (14/27 авг.) на северном участке десантные части прочно удерживали переправы, но выдвижение частей IX армии на линию Степная х. Щербины — х. Золотаревского — Старо-Джерелиевская сузило находящийся в руках десанта участок территории, уменьшило возможность маневрирования и позволило более сильным частям красных действовать в непосредственной связи между собой.

В 1 час 15/28 авг. 26-я бригада атаковала Ново-Николаевскую и после упорного боя овладела ею. Десантные части с большими потерями отступили на Ново-Ниже-Стеблиевскую. С рассветом десантные части перешли в стремительное контрнаступление. Оттеснили красных к хутору Золотаревского и временно заняли Ново-Николаевскую, но резервы красных выбили десантные части из нее. В 6 час. (15/28 авг.) красные должны были повести наступление, но один из полков дивизии ген. Бабиева, воспользовавшийся отходом 26-й бригады 1-й кавдивизии, проник в образовавшийся разрыв и атаковал левый фланг дивизии у х. Щербина, чем и задержал ее наступление. К 20 часам, преодолевая упорное сопротивление пехотных частей дивизии ген. Казановича, 26-я бригада красных подошла вплотную к Ново-Ниже-Стеблиевской. К 22 час. красные заняли восточные окраины станицы. Десантные части отошли за реку Ерик В 23 час. 26-я бригада во главе с членом реввоенсовета IX армии Коспором пыталась форсировать р. Ерик, но была отбита. Около 24 час. пехота десанта выбила из станицы 26-ю бригаду.

Утром 16/29 авг. части красных во главе с 26-й бригадой вступили в ст. Ново-Ниже-Стеблиевскую, занятую к этому времени экспедиционным отрядом Ковтюха. Вся подготовка этого отряда была проведена с изумительной скрытностью и обманом, что и обусловило внезапность удара.

Независимо от действий IX армии, когда ген. Улагай перенес свое базирование и связь с морем на Ачуев через Ново-Ниже-Стеблиевскую, член реввоенсовета Кавказского фронта Розенгольц поручил Ковтюху из Екатеринодара, с отборным отрядом на пароходах и баржах по р. Кубани и Протоке, пробраться в Ново-Ниже-Стеблиевскую. В отряд вошли преимущественно таманцы и кубанцы местных станиц, хорошо знакомые с местностью, привычками и обычаями населения. Идея Розенгольца заключалась: по р. Протоке пробраться в глубокий тыл десанта, где тогда были сосредоточены его штабы, и нанести базе десанта неожиданный и сокрушительный удар.

Отплыв из Екатеринодара вечером 13/26 авг., отряд Ковтюха день 14/27 авг. провел в ст. Славянской, задержанный там расчисткой фарватера и налетами аэропланов десанта. С наступлением темноты пароходы двинулись на Ново-Ниже-Стеблиевскую. С суши движение отряда обеспечивалось, высланными по обеим сторонам реки Протока, разъездами Полтавской сотни, преимущественно из местных жителей, переодетыми в форму Белой Русской Армии. Весь путь до Ново-Ниже-Стеблиевской пароходами и переодетыми разъездами был пройден без всякой помехи со стороны десантных частей. Только под самой станицей разъезд, двигавшийся по правому берегу, встретил и снял небольшую заставу десанта. Около 4 часов 15/28 авг. отряд беспрепятственно высадился в 2-х км. от станицы, а около 6 часов атаковал ее южные окраины (Ковтюх, «От Кубани до Волги и обратно»). Здесь, по свидетельству самого Ковтюха, его отряд встретил организованное сопротивление отдельных групп десанта. Бой сразу же принял затяжной характер. В этом резко сказалось то изменение обстановки, которое произошло за время подготовки и переодевания частей экспедиционного отряда. Розенгольц в личном приказании Ковтюху рассчитывал обманом пробраться в глубокий тыл десанта, но это было, когда фронт десанта тянулся по линии ред. Чурого — Подгурского — Степная — Герасимовская — Полтавская. В тот период станица Ново-Ниже-Стеблиевская была глубоким тылом десанта. К утру же 15/28 авг. положение изменилось и в момент удара отряда Ковтюха как сама станица, так и ближайшие к ней хутора, оказались занятыми сильными резервами десанта. Непосредственная близость фронта заставляла части десанта быть настороже и удар при всей его неожиданности не мог застать их врасплох в такой степени, как это можно было бы ожидать при нападении в глубоком тылу. Этим и объясняется то упорное сопротивление, которое десантные части оказали превосходящим силам противника.

К полудню 15/28 авг. отряд Ковтюха, при введении в борьбу всех своих резервов, овладел только частью станицы. Между тем, бой только начинался. Десант принял все меры к освобождению всей станицы. Ковтюх был вынужден «отойти за речку, протекающую в 3-4 км. южнее станицы» (Подшивалов «Десантная экспедиция Ковтюха»).

Выбив отряд Ковтюха из Ново-Ниже-Стеблиевской, группа ген. Улагая начала общий отход к морю. Отсутствие связи у красных, стойкость и упорство со стороны заслонов десантников дали

возможность их главным силам спокойно отойти в полном порядке.

Восточный заслон десанта в 23 часа 15/28 авг., отразив атаки 26-й бригады красных, в 24 часа перешел в контратаку и выбил бригаду из станицы, но сам попал под фланговый удар Ковтюха, который занял станицу. Попытка преследовать отступавших была легко отражена организованным ружейным и пулеметным огнем десанта при выходе конных частей Ковтюха из станицы.

Здесь мы опять отметим наше несогласие с мнением, что в 20 году красное командование уже научилось управлять крупными операциями. Боями 14/27 и 15/28 авг. заканчивается период активных маневренных операций на участке главных десантных сил. Ген. Улагай отдает приказ войскам десанта отходить на Ачуев. В течение этих боев красные части имели последнюю возможность нанести окончательное поражение группе ген. Улагая, а они дали ей возможность отойти в порядке в плавни, где маневрирование и решительное преследование оказались трудными. Причинами такого исхода боев на взгляд советских военных исследователей конца 20-х годов являются: неверная оценка обстановки, неправильная постановка задач общевойсковым соединениям в директиве командарма IX (003/оп.), а. кроме того, разрозненность действий самих красных частей. Роль красной конницы в этот период оказалась ничтожной. Конная группа красных избегала решительных столкновений даже с небольшими конными частями десанта ген. Бабиева, уступая им во всех столкновениях поле боя. Группа начдива 9, имевшая в своем составе весьма значительные силы, в течение 14/27 авг. обнаружила отсутствие частей десанта во всём районе, за исключением участка переправ, занятого незначительными отрядами десанта. 15/28 авг. эта группа не проявила никакой активности, ограничившись занятием оборонительных позиций. Ее наступление на Ново-Ниже-Стеблиевскую могло бы оказать существенное влияние на исход операции.

Роль экспедиции Ковтюха, навязанная ему Розенгольцем, к концу 20-х годов оценивалась поразному. Подшивалов, автор работы на эту тему пишет: «оригинальным ходом, рейдом отряда Ковтюха, красная армия дала блестящий мат Врангельскому десанту и связанными с ним надеждами — поднять Кубань, спасти судьбу Крымской армии». Другие исследователи гражданской войны считали, «что такая оценка является несомненно преувеличенной» (А. Голубев там же, стр. 115).

Поворот в ходе боевых действий дали бои 9/22 авг. в районе Тимошевской. Ковтюх начал операцию Розенгольца в тот период, когда ген. Улагай приступил уже к эвакуации десанта. Экспедиция Ковтюха могла иметь большое значение лишь в том случае, если бы она сорвала эту эвакуацию и в точности выполнила бы приказ Бронштейна-Троцкого. Этого, к счастью, павшие и воевавшие участники десанта не допустили. Набег Ковтюха имел импровизированный и полудобровольческий партизанский характер, да еще с переодеванием в форму Белой Русской Армии. Специфический характер отряда обусловливал силы его первого натиска и малую пригодность его к упорной обороне против стойких частей Врангелевского десанта. Отряд Ковтюха за весь день потерял убитыми и ранеными 82 чел., т. е. 6,8 проц., что говорит о недостаточной стойкости обороны. Ночной набег замаскированных под форму «белых» ковтюховцев не внес паники и расстройства в ряды десанта. Эвакуация десанта, — это признают наши враги, — была произведена полностью и части десанта отошли неразбитыми, в полном порядке, с прибылью в несколько тысяч молодых бойцов. Несмотря на нажим превосходных сил красных, ген. Коновалову удалось сохранить не только все свои живые силы, всю свою артиллерию и обозы, но и увезти с собою большую часть пленных красноармейцев и некоторое количество (5.000 человек) Кубанских казаков. Группа ген. Улагая уходила в плавни не разбитая, а лишь вытесненная превосходящими силами. Приказ Бронштейна (Троцкого) — **«не прогнать, а уничтожить»** не смог быть выполнен ни быв. полковником Гиттисом, ни обманным методом Розенгольца-Ковтюха, ни начдивом Мейером и «товарищем» Михаилом Левандовским.

Отступление и эвакуация главаых сил десанта

Казалось бы, что для командования IX армии задачей было: неотступное преследование отступающего десанта, сбивание его заслонов и сбрасывание его главных сил в море раньше, чем они успеют погрузиться на суда. Задачей же ген. Коновалова было: используя благоприятные условия местности, задержать преследование и выиграть время для планомерной посадки и эвакуации десанта в Крым. Единственным местом, где имелась возможность произвести посадку на суда, был только район Ачуева. Но здесь море было мелкое и пришлось построить импровизированный мол из повозок, покрытых скрепленными досками, длиной около 2 км.

Командование IX армии не понимало обстановки, как она складывалась на самом деле. Оно считало, что после потери Гривенской (Ново-Ниже-Стеблиевской) отступающие части десанта будут стремиться на юг для соединения с Таманским десантом. Утром 16/29 авг. оно ставило следующие задачи: первой группе ликвидировать десант в районе от Приморско-Ахтарской до Славянской (исключительно); второй группе (бригада московских курсантов и проч.) 16/29—17/30 авг. выдвинуться в район Курчанская — посад Черноморский — Петровская — река Протока с целью, заняв все подступы, дороги и переправы, не допустить просачивания отступающих на юг на со-

единение с Таманской группой десанта и ликвидировать рассеявшиеся в этом районе мелкие его части и отряды бело-зеленых; третья группа красных должна была спешно выдвинуться в район Славянская. Резерв сосредоточить в Ольгинской и Тимошевской.

Таким образом, армейское командование 16/29 авг. не считало первостепенной целью своих действий преследование десанта на путях к морю. Благодаря этому, десант (16/29 авг.) отходил без всякого нажима со стороны красных. В тот же день 26 бригада, около полудня, получила приказ ликвидировать группы десанта на огромной территории. Не имея точного представления о том, где в этот день находятся части десанта, красные ограничились высылкой в направлении на Ачуев и на хут. Федина только разведывательных частей. Главные же силы их бригады остались в Гривенской. Лишь к вечеру 17/30 авг., сбивши части десанта, они вышли на линию хут. Федина — хут. Протока, где встретили уже организованное сопротивление десанта, занявшего окопы и располагавшего бомбометами и гаубичной артиллерией.

В этот же день (17/30 авг.) на южном участке конная группа красных без боя заняла ст. Петровскую и хут. Безродного. После короткого боя ею был занят пос. Черноморский. Десантные части отошли на х.х. Черноерковские. Только эти операции дали возможность красному командованию правильно оценить обстановку и понять, что в намерения группы ген. Улагая — ген. Коновалова входит не выдвижение на юг для соединения с Таманским отрядом десанта, а планомерный отход к морю и эвакуация главной группы в Крым.

С утра 18/31 авг. красные части получили новые указания. Одна часть должна была преследовать отступающие части десанта своими главными силами по тракту на Ачуев и в обход через х.х. Федина — Бойко и далее вдоль берега моря на гирло Мельниковское с задачей воспрепятствовать погрузке на суда. Конная группа с пехотой направлялась на борьбу с Таманским десантом. Отряд Ковтюха должен был преследовать десант в направлении пос. Черноморский — Ачуев и очищение от него района Темрюк — Ачуев.

Согласно этому указанию, красные в течение 18/31 авг. несколько раз безуспешно атаковали укрепленные позиции десанта у хут. Протока. Последние представляли собой дефиле между рекой справа и непроходимыми плавнями слева, шириной 60-70 метров, перерытое окопами и занятое пехотой десанта (Алексеевским полком, который «первым высадился и последним уходил»), с семью пулеметами, тремя бомбометами и двумя гаубицами в тылу, которые, к сожалению, 23 авг. (5 сент.) снялись с позиции и ушли на погрузку, не предупредив пехотное охранение Алексеевцев (Дневник Судоплатова «Первопоходник» № 21, стр. 72).

Армейская оперативная сводка к 23 часу 18/31 авг. гласила «Противник окопался и своим артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем нанес нашим частям сильный урон... Наступление временно приостановлено». В этот день совтская авиаразведка впервые донесла о подходе к Ачуеву судов из Крыма и начале погрузки.

Днём 19 авг. (1 сент.) вся красная артиллерия выбила десантников из окопов у хут. Протока и продвинулась до хуторов, что в 4-х км. западнее лимана Долгий. Здесь оказалась вторая заблаговременно подготовленная десантом позиция, представлявшая собой новое дефиле шириной около 100 мт., между р. Протокой и плавнями. Позиция была занята частями Полтавского и Алексеевского пехотных полков. По р. Протока курсировали вооруженные катера десанта.

Дни 20-21 авг. (2-3 сент.) прошли в упорных, но безуспешных атаках красных по р. Протока и вдоль берега моря на Ачуев. В ночь с 21 на 22 авг. (3-4 сент.) красные, воспользовавшись происходившей сменой полков десанта, овладели его позицией и десантники отошли к хут. Слободка, где вновь на сутки задержали красных.

К полудню 23 авг./5 сент. красные, сбив заставы десанта с последних позиций, подошли на 2-3 километра к Ачуеву со стороны Гривенской, а со стороны гирла Мельниковского заняли гирло Железняковское. Дальнейшее продвижение красных на обоих направлениях было задержано возросшим сопротивлением заслонов десанта и сильным артиллерийским и пулеметным огнем с его судов.

Около 19 часов 25 авг. (7 сент.) красные с севера и востока вступили в Ачуев, захватив в плен около 30 человек, не успевших погрузиться на суда и обнаружили на море уходящую флотилию десанта.

Затяжной характер и незначительность результатов преследования десанта объясняются запоздалостью его организации красным командованием. Преследование началось только 18/31 августа. Эти несколько дней дали возможность отступающему десанту тщательно организовать оборону удобных пунктов и с ее помощью выиграть целых 10 дней с 16/29 авг. по 25 авг./7 сент. на проведение эвакуации.

Преследование со стороны красных велось с исключительной энергией, но, несмотря на это, оно не было в состоянии помешать планомерной эвакуации десанта. Воспользовавшись задержкой преследования, десант прекрасно использовал местные условия и превратил все наиболее удобные дефиле в сильные оборонительные рубежи. Упорное сопротивление, оказываемое заслонами 26-й бригаде и отряду Ковтюха указывают на то, что части десанта после неудачных боев на Кубани еще сохранили свою боеспособность и стойкость.

Когда заслоны десанта упорно сдерживали натиск красных, в тылу десанта в районе Ачуева происходила напряженная организационная работа. Перегруженность района посадки многочис-

ленными частями, учреждениями, пленными и мобилизованными делали его прекрасным объектом для налетов красной авиации, что крайне затрудняло работу и требовало полного напряжения и энергии со стороны десантного командования, а особенно ген. Коновалова.

А. Голубев (там же стр. 130) по этому пишет: «Нужно отдать справедливость — оно проявило большую работоспособность. Эвакуация шла под личным руководством старших начальников белых — ген. Улагая, генерал-квартирмейстера Врангелевского Штаба — ген. Коновалова, ген. Бабиева, ген. Науменко и других. Посадка на суда и обратная отправка в Крым всех белых были совершены в полном порядке. Уже 18/31 авг. закончились подготовительные работы. В этот же день подана первая партия судов и началась посадка. В первую очередь были погружены раненые, больные, и мобилизованные казаки, всего по данным разведки около 5.000 человек. 19 авг. (1 сент.) закончилась погрузка и ушла в Керчь дивизия ген. Бабиева. 20-21 авг. (2-3 сент.) погрузились части конной дивизии ген. Шифнер-Маркевича; 22-24 авг. (4-6 сент.) дивизия Буряка и ген. Казановича. Последние суда с прикрывавшими отступление частями отплыли около 16 часов 25 авг. (7 сент.), то есть за 9 часов до вступления в Ачуев противодесантных частей» красных. По сообщению А. Валентинова (там же стр. 50) «последние часы погрузки проходили в очень тяжелых условиях, благодаря грозе и шторму, сорвавшему сооруженную пристань. По словам Генкварма вывезено всё. В последнюю минуту на берегу были брошены лишь десятка два негодных лошадей и тачанки. Два бронсвика с неимоверными затруднениями вывезены. Заслуга ген. Коновалова, по общему мнению, огромна». Участник десанта В. Григорович в своих воспоминаниях пишет: будучи раненым в первые дни наступления группы ген. Улагая на Тимошевскую, он остался в полевом лазарете в ст. Приморско-Ахтарской, но после боя под Ново-Николаевской, со своей Терской батареей стал отходить на Ачуев. Сам попал на один из транспортов, его коняга на какую-то баржу, а его седло, старые приятели по Дроздовской Конно-горной батареи, погрузили на один, уходивший последним, катер.

Операция десантного отряда ген. Черепова

А. Валентинов (там же, стр. 49) о группе особого назначения ген. Черепова пишет: «Численность нашего десанта у Раевской (Анапы) была около 1.500 человек». Откуда А. Валентинов взял эту «численность» нам неизвестно. Его запись датирована 24 авг. (6 сент.), когда в Ставке за генкварма оставался полк. Шкеленко, а за наштаглава ген. Масловский, но эту более чем в три раза увеличенную численность А. Голубев (там же, стр. 68) использовал в своем анализе действий десанта. Он сообщает, что «некоторое численное превосходство десанта и компактность его расположения позволили десанту захватить инициативу действий и начать с утра 5/18 авг. распространение в сторону Раевской». Из-за ошибки А. Валентинова А. Голубев считает следующее соотношение сил: отряд десанта имел 1.750 штыков, 15 пулеметов и 2 горных орудия, а красные только 1.413 штыков, 28 пулеметов, 8 орудий (одно тяжелое). Что же было в действительности? Группа особого назначения ген. Черепова была предназначена для демонстративных целей, чтобы оттянуть к себе от главных сил ген. Улагая 22-ю дивизию, одну бригаду 9-й дивизии и ударный отряд № 5 красных. Десант ген. Черепова в составе Корниловского военного училища и несколько десятков спешенных черкесов, которые сразу стали пробираться в свои аулы, состоял всего около 500 человек. Кроме демонстративных целей, десант должен был соединиться с действующими в этом районе повстанцами (не менее 8.000 человек).

В Керчи этот отряд был посажен на две десантные баржи на буксире у ледокола «Всадник» (А. Долгополов) и на один вооруженный артиллерией пароход «Гайдамак» (В. Григорович) в сопровождении подводной лодки. Высадка предполагалась одновременно с десантом группы ген. Улагая, т. е. 1/14 авг., чтобы отвлечь противника от главных сил, высаживающихся в Приморско-Ахтарской. Но, однако, по непонятным причинам, она задержалась четырехдневным пребыванием на судах в море. Идя ночью на 1/14 авг., суда охраны десанта обстреляли берег станицы Благовещенское, хутор Витязев и Суворово-Черкесский аул, в которых размещалась 66-я бригада 22-й дивизии красных. Это вынудило командование 22-й дивизии принять ряд предупредительных мер к отражению возможного десанта в этом районе. Её наблюдательными приморскими постами суда десантного отряда 3/16 авг. были обнаружены около имения князя Лобанова-Ростовского. По данным А. Долгополова (там же, стр. 11) высадка произошла только 5/18 авг. у мыса Утриш (между Анапой и Абрау-Дюрсо). Место высадки было указано световыми сигналами бело-зеленых повстанцев полк. Лебедева. Оперативная сводка красных к 15 часам 5/18 авг. указывает, что еще накануне вечером штабу было известно о начале высадки десанта, который сразу соединился с повстанческим отрядом полк. Лебедева (около 250 штыков).

Первоначальный план десанта заключался в том, чтобы прикрывшись заслоном со стороны пос. Сукко, овладеть станицей Раевской — узлом грунтовых дорог района, а затем выдвижением в станицы Верхне-и Нижне-Баканских соединиться с повстанческими группами и отрезать Новороссийск от Екатеринодара. Дальнейшим объектом ставился город Новороссийск, а в случае успеха и присоединения бело-зеленых отрядов — поход на Екатеринодар.

В отношении широкой поддержки населением Черноморской губернии десанта повторилась история Ярославского восстания в июле 1918 г. Из горящего и окруженного красными Ярославля полк. Перхуров перебрался за Волгу, думая там «поднять» крестьян на помощь оставшимся защитникам города. Но тяжелого на подъем нашего народа полк. Перхурову поднять не удалось. Так же и Черноморское крестьянство, не казаки, несмотря на недовольство политикой советской власти в 1920 г., к десанту отнеслось более или менее безучастно, хоть и помогало чем могло (подводами, уходом за ранеными, продажей продуктов и т. д.).

Итак, по неизвестным причинам, задержавшись в море 3-4 дня, отряд десанта начал свои действия только 4/17 или, даже, 5/18 августа.

Отроги хребта Семисам, заполняющие весь береговой район, довольно круты, сплошь покрыты лесом и кустарниками, которые местами подходят к самому берегу моря. Это делало, при отсутствии хороших дорог, неудобным для действий крупных отрядов и создавало серьезное препятствие быстрому продвижению вперед отряда ген. Черепова. Выгрузка снаряжения и продовольствия с барж на лодки, крутые склоны оврагов задержали организацию базы на два дня. Ген. Черепов, находясь на «Гайдамаке», отдавал команды через мегафон, которые, несмотря на дневной бриз, из-за дальности расстояния не могли быть услышаны десантниками (В. Григорович). Но несмотря на тяжелые физико-географические условия берега, десант с утра 5/18 авг. стал распространяться в сторону Раевской. Там к нему присоединилась лишь группа бело-зеленых в количестве 15 человек (Валентинов там же, стр. 49). Вожак группы предлагал провести десантников по тропинкам в обход красных и их артиллерии. Командование десанта отказалось. «Позже, впрочем, будто бы жалели». Соединиться с повстанцами, находящимися в районе Баканских, не удалось, хотя гонец оттуда прибыл в первый день высадки (4/17 авг.) и ему даны были директивы идти на соединение с десантом. Однако накануне назначенного дня того срока десант был вынужден сесть обратно на суда. Число бело-зеленых достигало будто бы 8.000 человек. На три четверти они состояли из частей Добрармии, распылившихся тут в горах после мартовской Новороссийской и Туапсинской трагедий. После отъезда отряда ген. Черепова на Тамань к этим повстанцам присоединилась артиллерийская батарея красных в полной запряжке (Валентинов. Там же, стр. 49).

С рассветом 5/18 авг. отряд красных со стороны пос. Сукко повел наступление и занял хут. Марускин (8,5 км. восточнее Сукко). Днем под нажимом десантников и под обстрелом с моря красные поспешно оставили хутор и через Сукко отступили на Варварку, оставив в Сукко конную разведку. К вечеру 5/18 авг. пос. Сукко был занят десантниками. В этот же день пополудни противник вошел в соприкосновение с десантом между имениями Абрау-Дюрсо и кн. Лобанова-Ростовского. 6/19 авг. десантники отбросили красных к северу, выйдя на 8,5 км. над имением Лобанова-Ростовского. 7/20 авг. противник усилившись взял десант в полукольцо. Соотношение сил было: красные — 2.000 штыков, 10 орудий, 28 пулеметов в резерве 607 штыков и 4 орудия. У десанта: около 500 штыков, 2 горных орудия. Красное командование отдало приказ своим частям перейти в наступление и уничтожить десант. К вечеру 7/20 авг., сбив заслон десанта у пос. Сукко, заняв хут. Марускин, противник угрожал сообщением десанта с морем. По оперативной сводке красных от 8/21 авг. они захватили базу десанта — 11 пленных, 16 ящиков снарядов, 70.000 патронов, 400 винтовок, предназначенных для снабжения бело-зеленых. Действительно, как сообщает В. Григорович, красные заняли базу десанта около имения Дюрсо, увели сестру милосердия и солдат (быв. красноармейцев) и два дня где-то их держали. На буграх к красным подошло подкрепление, а сзади занятая база. Командование десанта растерялось. К счастью, нашелся один (сравнительно молодой) курсовой офицер, который, собрав из двух рот Корниловского училища человек 60, с обходом отбил на второй день базу и снабдил десантников патронами и продовольствием». Г. Н. Раковский («Конец белых», Прага 1921) пишет, «что угроза отрезать сообщение с морем заставило десант отступить». Отход десант предполагал провести ночью, но он совпал с ночным наступлением красных, которые замкнули кольцо. Стремясь уйти от верной гибели, десант по всему фронту оказывал упорное сопротивление и,переходя к неоднократной контратаке. Пленные юнкера-корниловцы отказывались давать какие бы то ни было показания красному командованию. Есть указание, что при отступлении десанта повстанцы отряда полк. Лебедева опять ушли в горы.

К утру 9/22 авг. десант прорвался к морю и сосредоточился у щели около им. Панько (между мысом Утриш и им. Лобанова-Ростовского). Борьба продолжалась уже почти над самым берегом моря. Отчаянным сопротивлением десант стремился выиграть время для посадки на суда. Красные подошли на 640 метров к берегу моря, стремясь сбросить в него остатки десанта. Но это красным не удалось. Сильный артиллерийский и пулеметный огонь с подошедших судов и слабая поддержка со стороны красной артиллерии, которая вынуждена была прекратить огонь и сняться с позиций, дали возможность десанту остановить наступление большевиков.

В ночь с 10/23 на 11/24 августа десант, из строя которого выбыло во время боев около 25 процентов состава, погрузился под прикрытием своей судовой артиллерии на суда и ушел в море.

Главная причина неудачи ген. Черепова кроется в численном перевесе красных, готовности их к операциям в данном районе и в их сильном артиллерийском огне. На 10-15 выстрелов большевиков отряд десанта отвечал одним-тремя. Трех-

или четырехдневное пребывание отряда на судах в море не позволило группе особого назначения выполнить все задачи Ставки, но в итоге пятидневных боев маленький десант оттянул на себя четыре полка красной пехоты и полк конницы.

Действие группы десанта на Таманском полуострове

По дневнику А. Валентинова (Там же, 1922 г., стр. 42) «почти одновременно» с главными силами группы ген. Улагая высаживался на Таманском полуострове менее значительный отряд под командованием ген. Харламова. К сожалению, «одновременной» высадки не было (Ред.), хотя некоторые эмигрантские и советские источники и говорят о ней, как о предприятии входящей в план с начала общей десантной операции. На самом же деле только 8(21) августа начальник Керченского укрепленного района ген. Зигель, получив донесение, что высланные им на Тамань разведчики оттеснили наблюдательные посты красных, и видя что не всё еще потеряно, успел сформировать из запасных и тыловых частей сборную офицерскую роту и сотню пластунов при одном орудии, перебросив их 9 (22) августа на Тамань (ген. Врангель, там же ч. II 1923, стр. 153). Здесь нужно заметить, что красные к этому времени эвакуировали с полуострова всё что успели: не было оставлено совершенно подвод, лошадей, в иных местах угнали мужское население. И всё же к десанту присоединилось на Тамани до 5-ти тысяч восставших казаков.

11/24 августа в Таманский залив был доставлен из Симферополя через Керчь батальон быв. Александровского военного училища с 4-мя орудиями и одним броневиком в сопровождении нескольких мелких казачьих частей. Одновременно в станицу Таманскую прибыл и ген. Врангель. Противник отходил не оказывая большого сопротивления. Ген. Врангель (Там же ч. II, стр. 153) пишет: «Если бы ген. Улагаю удалось разбить выдвинутые против него с Таманского полуострова части и перенести базирование свое на Тамань, наше положение оказалось бы достаточно прочным». Из этого явствует, что в первоначальные задачи второстепенного десанта входило: занятие Таманского полуострова, мобилизация населения, соединение с районами бело-зеленых, а главное — отвлечение частей красных от группы ген. Улагая. В случае успеха предполагалось движение на Екатеринодар для соединения с главными силами десанта.

А. Голубев (1929 г.) пишет, что по показаниям пленных офицеров десанта был и другой вариант: «заняв полуостров по устье Кубани и пользуясь удобными для обороны выходами, удержать его в руках Крыма, как плацдарм для новых боевых действий на Кубани».

Как стало известно уже в эмиграции, еще в Севастополе был предложен ген. Улагаю и ген. Драценко 3-й план, по которому нужно было сразу по высадке в Приморско-Ахтарской перенести базирование на Таманский полуостров, где ген. Улагай имел бы легко обороняемую базу и короткую коммуникацию с Крымом. Об этом плане неоднократно говорил нач. штаба Ставки ген. Шатилов, но, к сожалению, штаб Ставки разрабатывал только высадку и давал общие задачи и направления действий десанта, а последовательные детали должны были разрабатываться ген. Улагаем с его начальником штаба ген. Драценко.

По оперсводкам штарма IX красных отряд десанта силою в 500-600 штыков в ночь с 10/23 авг. на 11/24 августа высадился в районе станицы Таманской, а около 7-ми час. утра 12/25 авг. в этом же пункте высадились новые части десанта около 1.000 штыков и полка кавалерии. Это дало повод комфронта Гиттису уже к концу дня 11/24 авг. в докладе предреввоенсовета Бронштейну (Троцкому) писать о десанте на полуострове как не преследующим серьезных целей. Командование 22-й дивизии только 12/21 авг. выдвинуло 195-й полк с батареей на линию Старо-Титаровской с задачей оборонять выходы с полуострова. Ударный отряд красных № 5 получил приказание перейти в Джигинское. В этот же день на Тамань прибыл отряд ген. Черепова, который включился в состав группы ген. Харламова, образуя в общей сложности десант в 1.450 штыков, 450 сабель при 10 пулеметах и 6 орудиях.

К 13/26 авг. десантом были взяты станицы Ахтанизовская и Выше-Стеблиевская. Красные к этому времени, оттеснив части ген. Улагая к Гривенской, успели освободить свои таманские полки и спешили восстановить на Тамани утерянное положение. Таманский десант, пополнившись партиями мобилизованных, с утра 14/27 авг. повел наступление на высоты, занимаемые 195-м полком, завязав с ним упорный бой. Красные подтянули резервы в составе ударного отряда № 5, а в Джигинское выдвинули батальон 196 полка из аула Суворово-Черкесский. Ген. Харламов решает взять высоты и отогнать противника далее к реке Кубань. Командир батальона юнкеров Александровцев полк. Хамин, получив приказ о наступлении, на рассвете двинулся вперед, причем броневик шел по дороге на станицу Старо-Титаровская вместе с донскими частями. Дневная атака высоты у станицы юнкерами была выполнена быстро и противник отошел на следующие высоты, где были у него проволочные заграждения.

15/28 авг. отряд ген. Харламова продолжает попытки наступать в восточном направлении, но 195 полк красных, подкрепленный резервами, удерживает занимаемые позиции. Ночной атакой юнкера, несмотря на большие потери, берут укрепленную линию противника.

16/29 авг. части десанта, введя в бой новые силы, среди которых было Корниловское военное

училище и две бронемашины, в упорных боях оттесняют красных на высоту «378».

17/30 авг., развивая успех, десант атакует красных со стороны Выше-Стеблиевской и теснит левый фланг 195 полка. Настойчивое наступление десанта и его успех заставляет красное командование усилить свои силы за счет частей, освободившихся после отступления группы ген. Улагая из-под Ново-Ниже-Стеблиевской (Гривенской).

18/31 авг. после упорного боя была взята десантом станица Старо-Титаровская и гора Камышеватая, но красные продолжают подтягивать резервы.

К утру 19 авг. (1 сент.) десантные части находились: — Александровское военное училище и 42-й Донской полк — в районе станицы Старо-Титаровской; Корниловское военное училище и Таманский полк — восточнее Выше-Стеблиевской; Лабинский полк и отряд ген. Бредова — в районе Ахтанизовская — гирло Пересыпное; мелкие и запасные части стояли в станице Таманская. Соотношение сил к этому времени было: в десантных частях 2.150 штыков, 450 шашек, 25 пулеметов, 4 горных орудия и в резерве 300 штыков. У красных в боевой линии с резервами 3.190 штыков, 170 сабель, 105 пулметов и 120 орудий.

Рано утром 19 авг. (1 сент.) десант при поддержке бронеавтомобилей и артиллерии повел наступление на район высоты «378». Он сбил правый фланг 195 полка и овладел высотой. Израсходовав при этой атаке все свои резервы, отряд не смог сбить левофланговый участок 195 полка и соседний справа 192 полк, находившиеся по обеим сторонам высоты (Оперсводка штадива 22 к 12 ч. 19 авг./1 сентября).

После полудня красные, усилившись резервами, перешли в контратаку на высоту «378» и, несмотря на упорное сопротивление десанта, овладели ею. «На плечах» десанта красные ворвались в Старо-Титаровскую, а поздно вечером выбили десант из Выше-Стеблиевской. 22-я кавбригада красных получила задачу движением в район Сенной — отрезать отступление на ст. Таманскую отрядов десанта, находящимся в северной части полуострова.

Ночью на 20 авг./2 сент. ген. Харламов телеграфирует в Ставку: «вследствие полной небоеспособности частей («бредовцы») и отсутствия технических средств он удерживать далее Таманские перешейки не может и, понеся сильные потери, отдал приказ отступать на высоты «280» и «Комендантскую» к востоку от Тамани. Страшно пострадали юнкера, дравшиеся геройски...» (А. Валентинов, там же, стр. 47).

Утром 20 авг. (2 сент.) кавбригада 33 дивизии, сбив отряд десанта, пытавшегося организовать оборону на высотах восточнее ст. Таманская, после короткого боя заняла станицу. Десант отступил частью на миноносцах, частью на мелких судах и рыбацких лодках в Керчь.

23-я кавбригада на рассвете захватила район Сенной и отрезала пути на Таманскую частям десанта, находившимся в районе Ахтанизовская — гир. Пересыпное — Запорожская и отступившим туда из-под Старо-Титаровской некоторым ротам Александровского военного училища. У отрезанных не было ни патронов, ни снарядов.

Группы отряда ген. Харламова по 30-40 человек рассеялись в прибрежных плавнях и в течение следующих дней их подбирали миноносцы и катера десанта. Катер «Жаркий» 22 авг./4 сентября погрузил из тросников 120 юнкеров.

Ген. Врангель (Там же, ч. II, стр. 163) об этих днях пишет: «Противник сильно усилившийся, сам перешел в наступление. К вечеру (19 авг./1 сент. Ред.) десантные части были потеснены... К ночи отряд ген. Харламова, понесший чрезвычайно тяжелые потери, отошел к станице Таманская... Я отдал приказ начать погрузку войск для переброски в Керчь».

20 авг./2 сент. воздушная разведка русской армии доносила, что вслед отступающему десанту в направлении на Тамань двигаются полторы тысячи сабель и 4.000 пехоты. Как пишет А. Валентинов (Там же, стр. 48) надо заметить, что при отступлении Таманского десанта «красные зверствовали исступленно. Пленных почти не брали. Население отнеслось к нашему уходу в общем безучастно, хотя раненых жалели и давали им хлеб, пищу...»

Тот же А. Валентинов «по дневникам участников и по документам» сообщает, что в 16 часов 20 авг. (2 сент.) «несколько человек, находившихся в вагоне экспедиции (Ставки. Ред.) слыхало, как Наштаглав (т. е. ген. Шатилов. Ред.) якобы говорил о необходимости возобновления вторично Кубанской десантной операции. Говорил, будто бы стоя под окном вагона. Очеркист А. Валентинов добавляет: «Если не бабьи выдумки, то Боже, до чего не осторожно!».

Конечно, надо думать, что план повторения десанта на Кубань был бы возможен только при следующих условиях: Пилсудский продолжал бы борьбу с большевиками; союзники срочно перебросили бы несколько десятков тысяч пленных красноармейцев из Польши в Крым, а также и несколько тысяч красноармейцев интернированных в Германии; Русская армия ген. Врангеля отступила бы на Сиваш (Перекоп — Чонгарский мост); Брусилов не стал бы помогать Фрунзе, когда последний командовал Южным фронтом; Кубанский десант сразу бы действовал совместно с «Армией возрождения России» ген. Фостикова, которым бы наши бывшие союзники помогали бы вооружением и снаряжением за счет кубанской пшеницы. Командовал десантом или сам ген. Врангель со своим штабом, или ген. Мамонтов с ген. Коноваловым. При таких условиях Кубань, Дон и Терек дождались бы Кронштадтского восстания в марте 1921 года, не говоря уже о крестьянской Антоновской борьбе, войне «Перепеляевцев» на Дальнем Востоке, движении «Ижевцев и Воткин-

цев», «Рабочей оппозиции» 1921-22 гг. и т. д. Но Польша и бывшие союзники предпочли спасти себе, временную, независимость, а не Россию...

По мнению некоторых военных исследователей гражданской войны вопрос о «природе» и возникновении Таманского десанта точно неизвестен. Он создавался наспех из самых различных воинских частей. Высаживался он в момент наибольшей остроты положения на фронте основной группы ген. Улагая. Всё это говорит за то, что задачи и планы десанта не были заранее проработаны ни в Ставке, ни в штабе ген. Улагая с его начальником штаба ген. Драценко.

Таманский десант мог бы иметь большее значение для всей операции, чем десант отряда ген. Черепова, но оба отряда не смогли выполнить своих задач. К этому надо прибавить, что Таманский десант чрезвычайно медленно распространялся по полуострову в первые дни высадки. Только на 3-й день передовые части десанта подошли к Выше-Стеблиевской и лишь на 4-й вступили в бой с противником. Правильно оценивая значение высоты «378», десант не производит сразу энергичного удара, а вводит в бой свои силы по частям.

Как действия отряда ген. Харламова, так и отряда ген. Черепова совершенно не отразились на судьбе группы ген. Улагая. Десант ген. Харламова бездействовал как раз в те дни, когда главные силы ген. Улагая вели упорные бои (12/25 — 15/28 авг.). Наибольший нажим ген. Харламов делает в то время (17/30 — 19 авг./1 сент.), когда группа ген. Улагая уже окончательно отказывается от активных действий и уходит в плавни. В эти дни отряд ген. Харламова имеет серьезный успех, но, за отсутствием резервов, не может его развить. Такой успех, достигнутый главным образом юнкерами Александровского и Корниловского военных училищ, будь он несколькими днями ранее, мог бы значительно изменить судьбу Таманского десанта ген. Харламова. Между тем, противник в это время уже получил свободу действий и ввел в дело новые резервы. А. Валентинов (там же, стр. 44) сообщает, что десант ген. Харламова, заняв полуостров по устье реки Кубань и пользуясь своим господством на море и удобством оборонительных позиций между лиманами Ахтанизовским и Кизилташским действовал «не так, как этого требовали из Ставки».

Ген. Врангель справедливо считает потери среди юнкеров «чрезвычайно тяжелыми» (там же, ч. II, стр. 163). Одно Александровское училище потеряло убитыми четырех курсовых офицеров и двух тяжело раненых. Юнкеров же убито 15 человек и ранено 124. Общее число юнкеров составляло 400 человек («Александровец» № 17). Иначе говоря, выбыло из строя только юнкеров — 34.7 проц. По данным же А. Валентинова «от первой роты осталось 8 человек, от 4-й — 30. Было по сто слишком», то есть эти роты вместе потеряли около 80 процентов.

Известно, что наступательные и арьергардные бои наиболее тяжелые, а они то и выпали на долю юнкеров в Таманском десанте. А. Валентинов после Кубанского десанта опубликовал в газете А. Т. Аверченки — «Юг России» статью под заглавием «Юнкера». В статье было несколько штрихов из того кошмара, который пришлось пережить на Кубани попавшим в военное училище учащейся молодежи, «рвавшей голыми руками, за отсутствием ножниц, проволочные заграждения и сотнями своих трупов, устилавших подступы к ним».

Конечно, не все средние учебные заведения воспитывают будущих военных и прививают им еще в школе понятие о национальном патриотизме и презрение к смерти во имя высоких идеалов защиты поруганного Отечества. Не все шли добровольно в военные училища в последнем периоде Гражданской войны. Но в начале ее прав ген. Лукомский (Архив русской революции. Т. V, стр. 151), который пишет о гибели юношества первого времени следующее: «Первый период существования Добровольческой армии — был чисто добровольным периодом... В армии не было ни одного человека, который попал бы в ее ряды по набору или по принуждению. Надо было видеть всё это юношество, составлявшее армию; юношество, горевшее любовью к родине, мечтавшее положить свою жизнь за ее возрождение и отомстить предателям и насильникам за разрушение России и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли...»*

Бывший воспитанник Орловского Бахтина кадетского корпуса Н. К. Ткаченко, присутствующий рядом с умирающим во время боя однокашником, рассказывал: кадет-доброволец, сознавая, что он умрет, не просил передать последние приветы матери и отцу, а говорил ему: «Как приятно умирать, чувствуя, что отдал жизнь за Россию».

Вопрос о больших потерях среди юнкеров в Кубанском десанте оценивается различно. В. Григорович считает, что «Гражданская война не поддается никакому уставу, где горсточка, вышедшая во фланг противника приводит к выигрышу и победе, не говоря уже о преимуществе сил и отсутствии нужного вооружения». Тот же Григорович пишет в своем письме составителю настоящей статьи, что большинство курсовых офицеров военных учи-

---

* Но в СССР до сих пор, к сожалению, еще находятся старые люди, которые осмеливаются присылать в эмигрантскую периодическую печать, ложно свидетельствующие, что после большевистского переворота в России Ленина российская «молодежь — вся! — принимала с восторгом, пусть бездумным, но искренним» (Письмо «Н. Н.» в газету «Русская Мысль», 28.6.79 г. стр. 12).

лиц Армии ген. Врангеля почти всю Первую мировую войну, как и гражданскую, находились на тыловых должностях в училищах или школах прапорщиков. Они не умели сохранять необстрелянных юношей в бою, не умели воевать «малой кровью», как этому учили будущих офицеров в кадетских корпусах и военных училищах Императорской России. В Гражданскую войну они показали пример храбрости, но воевали «большой кровью» и гибли сами.

Быть может В. Григорович и прав, но большие потери при наступательных и арьергардных боях доказывают и кое-что другое, а именно: стойкость и храбрость бойцов и их командиров, а также пригодность их к упорной обороне в нужный момент. Примером может служить оборона Гривенской (Ново-Ниже-Стеблиевской) при отступлении группы ген. Улагая на Ачуев.

«Армия возрождения России» ген. Фостикова

Мы останавливаемся на истории и характеристике отряда ген. Фостикова потому, что некоторые наши читатели и сотрудники «В.-И. Вестника» об этом повстанческом движении высказывают в своих письмах довольно отрицательное мнение. В то же время при разработке ген. Врангелем плана Кубанской десантной операции на этот повстанческий отряд возлагались большие надежды, как и на бело-зеленые отряды приморских районов.

Еще в июне 1920 г. красный штарм IX числил в отряде ген. Фостикова всего одну кавбригаду (Лабинский и Хоперский кавполки) и три сравнительно небольшие группы общей численностью в 1.300 штыков, 800 шашек, 17 пулеметов. Полк. Лебедев, который перед кубанским десантом был послан Ставкой в районы повстанцев и связался с ними, докладывал, что наиболее крупный отряд на Черноморском побережье являлся в Баталпашинском отделе отряд ген. Фостикова, который представлял собой довольно значительную силу.

В первых числах августа н. ст., благодаря проведенной мобилизации казаков и присоединению к армии новых отрядов, численность ее значительно возросла. Несколько удачных стычек с частями красной девятой армии пополнили ее вооружением и боеприпасами (Рапорт ген. Фостикова ген. Врангелю от 6/19 авг. 1920 г.).

К середине августа н. ст. армия была окончательно реорганизована: сведена в отдельные части и соединения по типу регулярных вооруженных сил. Ее состав и численность составляли: командующий армией — ген. Фостиков; начальник штаба — полк. Тулупов; старший адъютант — хорунжий Пономарев; отряды: — полк. Крыжановского, есаула Бойко, есаула Женцова. Всего 3.095 штыков, 2.400 сабель, 35 пулеметов и 10 орудий.

Конница, состоявшая преимущественно из казаков участников гражданской войны, а отчасти и мировой войны, имела хорошую боевую подготовку и могла вести правильные бои.

Хуже было с пехотой предетавлявшей собой довольно нестойкие и плохо вооруженные части. Командный состав был исключительно из офицеров Добровольческой армии ген. Деникина.

В период подготовки армии к операциям в частях велись строевые и тактические занятия. Вооружены части были неодинаково. Лучшее вооружение имела конница, но у некоторых было только холодное оружие. Во всех частях не хватало винтовок и пулеметов, артиллерия была крайне малочисленна и испытывала большую нужду в снарядах. Своих баз армия не имела. Фуражирование и продовольствие шло за счет населения. Боеприпасы — за счет налетов на красноармейские части и артиллерийские склады. В боевых действиях армия, как и все повстанческие части, проявляла исключительную подвижность.

Эта «армия» представляла собой не только вооруженную силу, но и военно-политическую организацию с собственной политической программой, которая, будучи похожа на приказы Главнокомандующего вооруженными силами на юге России, содержала в себе следующие пункты: Учредительное собрание «из выборных от народа»; земля трудовому народу. Помещики не будут владеть землей; свобода и равноправие всех вероисповеданий; уничтожение всех сословностей; амнистия всем красноармейцам и служившим в большевистских частях. До освобождения всей России — народовластие на местах путем созыва народных собраний каждой губернии по мере освобождения их территорий от большевиков.

Активные действия армии ген. Фостикова начались в первых числах августа н. ст. Во второй половине августа н. ст. эти действия еще носили разрозненный характер и только в двадцатых числах (н. ст.) развернулись уже как организованное наступление всей армии, которое совпало с первыми днями успешных боев Кубанского десанта ген. Улагая. К сожалению, по чьей-то вине как и до высадки десанта, так и во время его операций, связи и согласованных действий между этими большими отрядами не существовало. А ведь личность руководителя «Армии возрождения России» у штаба ген. Врангеля к тому времени уже не вызывало сомнений.

Ген. Фостиков уже подчинялся штабу ген. Врангеля, а в своем рапорте № 394 от 6/19 авг. он писал ген. Врангелю: «Одновременно с сим посылаю части для связи с армией ген. Улагая, о действиях которого до меня доходят слухи». Ген. Фостиков знал в это время об успехах десанта и понимал необходимость установления с ним связи. Как бы то ни было, но наиболее крупные силы ген. Фостикова и ген. Улагая оказывались действующими в расходящихся направлениях, что конечно, облегчало борьбу с ними красных частей.

Наступление армии ген. Фостикова началось по всему фронту в 20-х числах августа по н. ст.

Центром ее боевых усилий оказались Армавир и Лабинская, как важнейшие пункты и узлы путей предгорной части восточной Кубани.

Группа полк. Крыжановского 8/21 авг. выбила советский 2-й полк особого назначения из станицы Костромской и, преследуя его частью сил на Лабинскую, главными силами заняла ст. Ярославскую.

Главные силы ген. Фостикова атаковали с утра 9/22 авг. Лабинскую группу красных со стороны Упорной и Переправной отрядом 600 сабель, 200 штыков с одним орудием, а 10/23 авг. повели наступление на Отрадную и отбросили красных частью вверх по Урупу, частью на Казьминское. В этот же день после боя севернее Отрадной, красные были отброшены на Вознесенскую.

Днем 11/24 авг. армия ген. Фостикова заняла Попутную, Бесскорбную, хутора Урупские, а вечером — Вознесенскую.

Таким образом, в боях 7/20 — 11/24 авг. армия ген. Фостикова прорвала фронт красных частей и открыла себе выход к линии Владикавказской железной дороги и Армавиру. Красные пытались вырвать инициативу из рук ген. Фостикова, но безуспешно. Части Лабинской группы красных были отброшены к окраинам станицы, а кавбригада 12-й дивизии, попав под фланговый удар со стороны Бесскорбной, потеряла Урупскую и в беспорядке отошла на Армавир.

К 15/28 авг. красные части окончательно потеряли инициативу и перешли к обороне, стараясь удержать Лабинскую, Армавир и Невинномысскую. Ген. Фостиков вышел на линию Тульская — Ярославская — Лабинская (исключительно), Владимирская, хут. Еременский, х.х. в 7-8 км южнее Армавира — Казьминское — Эрсаконская — Усть-Джегутинская.

18/31 авг. красные, закончив сосредоточение 14-й и 34-й дивизий, вместе с 12-й кавдивизией решают переходом в общее наступление разгромить части ген. Фостикова. Первоначальное наступление красных, имеющих огромное превосходство в силах, встречают упорное сопротивление и контратаки армии повстанцев на всем фронте. Но к 22 авг. (4 сент.) красные части, пополнившись Приуральской бригадой и освободившимися частями с противодесантного фронта, овладевают линией Попутная — Вознесенская — Владимирская — Махошевская. Ген. Фостиков решает вывести свои части из восточной части Кубани в приморские районы, чтобы в зависимости от обстановки или обосноваться в них, установив связь с Крымом, или при первой возможности перебросить их в Крым на усиление армии ген. Врангеля. В середине сентября ст. ст. Армия ген. Фостикова, спустившись долинами Малой и Большой Лабы, перевалила через перевалы Псеашхе и Ашиха и заняла район Красной Поляны (гор. Романовск) — Сочи — Адлер, выбив оттуда красные гарнизоны.

Подробности дальнейшего отступления армии ген. Фостикова в район Гагры и на территорию Грузии описаны ген. Врангелем, который сообщает: «20 сент. (3 окт.) 1920 г. Ставкой было принято радио из Батума... Французский представитель сообщил, что несколько тысяч казаков повстанцев под начальством ген. Фостикова после борьбы с большевиками отошли к побережью в район Сочи-Адлер с целью перейти в Грузию, однако, грузинское правительство отказывается их принять. Казаки просили помощи. Я тотчас приказал грузить патроны, снаряды и продовольствие на один из транспортов и выслать миноносец, дабы установить с повстанцами связь... Ген. Фостиков, поднявший восстание еще ереди лета, собрал вокруг себя несколько тысяч казаков и после ряда удачных боев освободил от красных значительную часть Лабинского и Майкопского отделов. Однако после нашей неудачи на Кубани положение его стало тяжелым. Огнеприпасов не хватало, красные войска постепенно окружали повстанцев. Предвидя неизбежность отхода с Кубани, ген. Фостиков пытался установить со мной связь через Батум, где проживала большая часть кубанских правителей после позорной сдачи армии атаманом ген. Букретовым. Однако все посылаемые донесения кубанскими правителями перехватывались и до меня не доходили...»

Окруженный со всех сторон большевиками, испытывая недоетаток в огнеприпасах, ген. Фостиков решил отходить в Грузию. Грузины отказывались пропустить казаков. Ген. Врангель, узнав об этом, отдает приказание конвоирующему транспорт с боеприпасами и продовольствием миноносцу, во что бы то ни стало, принять и погрузить казаков (около 2,5 тысяч) на транспорт, не останавливаясь, в случае препятствия со стороны грузин, прибегнуть к содействию артиллерии. Грузины согласились на погрузку казаков, лишь инсценировав уступку под угрозой вооруженной силы. Миноносец дал несколько безрезультатных выстрелов, грузинский отряд отступил, после чего казаки погрузились и выгрузились в Феодосии, где они должны были отдохнуть, одеться, получить вооружение и в дальнейшем следовать на фронт. Генерала Фостикова ген. Врангель за отличие произвел в генерал-лейтенанты и наградил орденом Св. Николая Чудотворца.

Высокого мнения о ген. Фостикове и о его отряде был и ген. Шатилов. Когда ген. Врангель отдал приказ о погрузке боеприпасов и продовольствия на транспорт для отряда ген. Фостикова и выделить для охраны миноносец Русского флота, то не так-то легко в тот момент было найти на Севастопольском рейде таких кораблей, готовых к срочной экспедиции к Кавказскому Черноморскому побережью. Штаб Главнокомандующего сперва обратился к французскому командованию с просьбой представить крейсер Начальнику штаба ген. Шатилову для высадки его в районе Адлера и выяснения положения отряда ген. Фостикова. Французы любезно отказали, считая, что это похоже на боевой поход, а такую экспедицию надо согласовать с французским пра-

вительством в Париже. Тогда ген. Шатилов снесся с американским адмиралом Мак Колли с той же просьбой. Адмирал заявил, что представить лично ген. Шатилову крейсер он не может, но ген. Шатилова и его адъютанта он имеет право взять на борт и вместе с ним отправиться к Кавказскому побережью.

Ночью разразилась такая буря, что многие ориентировочные приборы на крейсере перестали действовать и утром ген. Шатилову, знавшему хорошо Кавказское побережье, пришлось указывать адмиралу Мак Колли, как и куда надо идти, чтобы очутиться около Адлера.

Все окончилось благополучно. Когда американский крейсер подошел к побережью, от берега отчалила лодка с ген. Фостиковым, который взял ген. Шатилова и лодка отправилась обратно к берегу. Встреча ген. Шатилова с офицерами и казаками Отряда была радостная, ибо многих из них ген. Шатилов знал лично еще по Кавказской армии.

Сильная буря не позволила тотчас отправить из Севастополя нужные суда в Адлер с боеприпасами и для погрузки всего отряда. Грузинское правительство сначала хотело разоружить отряд Фостикова или передать его красной армии. Но после инсценировки обстрела с русского миноносца пустого места в горах грузины разрешили погрузку, но не в порту, а с берега, что, конечно, усложнило эвакуацию. Весь отряд судами Врангельского флота был благополучно доставлен в Феодосию.

Советский военный исследователь действий Кубанского десанта и антидесантных частей красной армии А. Голубев считает, что перед началом Кубанской операции и разработки плана десанта на повстанческую «Армию Возрождения России» возлагались большие надежды, как и на белозеленые отряды приморских районов. По мнению А. Голубева, повстанческое движение среди казачье-крестьянской Кубани и Черноморья всецело опиралось на недовольство населения еще в летний период 1920 года. Но это недовольство еще не могло быть политической организованной опорой для армии ген. Врангеля, оно, как подчеркивает А. Голубев, могло бы наступить в 1921 году.

Свяжись ген. Улагай с отрядом ген. Фостикова в свое время и взявши общими силами Екатеринодар в августе-сентябре 1920 года, Кубанскому десанту и «Армии Возрождения России» могла бы достаться победа не только на Кубани, но и, при помощи Польши, Украины и бывших союзников, во всей России.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУСПЕХА КУБАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ В АВГУСТЕ 1920 ГОДА

Имеющаяся в большом количестве литература о Кубанском десанте как специально военная, так и мемуарная, находит много причин, которые послужили провалу этой операции. Истину смог бы установить только строгий военный суд в виде особой военной комиссии, но ген. Врангель «не счел нужным предавать дело судебной огласке».

По нашему мнению не только ген. Улагай сделал несколько крупных непростительных ошибок, но и Ставка Главнокомандующего слишком поздно заменила ген. Драценко генералом Коноваловым и должна была еще 5/18 августа вмешаться в самоличные оперативные действия ген. Улагая. В этот победный день, заняв узловую станцию и станицу Тимошевскую, ген. Улагай нарушил указание Главнокомандующего ген. Врангеля, который перед отъездом десанта из Феодосии сказал: «База отряда Кубань, оглядываний на корабли быть не должно. Всемерно избегать дробления сил. Только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление вас погубит».

К сожалению, ген. Улагай не только не исполнил этот устный приказ Главнокомандующего, но и вопреки собственным своим словам, обращенным к начальникам частей десанта, что «только решительное движение даст нам успех. База наша на Кубани. Корабли для нас сожжены», заняв 5/18 августа станицы Поповическая, Тимошевская, Брюховецкая, 6/19-го, 7/20-го и 8/21-го августа группа ген. Улагая не продвигалась вперед, а оставалась стоять на месте, несмотря на требования ген. Бабиева и ген. Казановича, идти почти к незащищаемому красными Екатеринодару. А через день-два ген. Улагай просит Ставку выслать к поселку Ахтарскому суда для обеспечения обратной погрузки в Крым главной группы десанта.

Точное исполнение приказа ген. Врангеля могло бы дать повод присоединить к десанту «Армию Возрождения России» ген. Фостикова, которая уже активно действовала восточнее Екатеринодара и ожидала связи от ген. Улагая.

Заботясь о перегруженной тылами базе, ген. Улагай не позаботился о защите ее в Приморско-Ахтарской как с суши, так и с моря, допустив этим высадку десанта красных в своем тылу. Это обстоятельство вынудило ген. Улагая прекратить наступление 8/21 авг. из Тимошевской на Екатеринодар и вести борьбу с противодесантными силами своими разрозненными частями в тылу фронта, медленно отступая к станице Гривенская (она же Ново-Ниже-Стеблиевская).

Повстанческое движение на Кубани летом 1920 года явилось только одной из главных причин, склонивших ген. Врангеля к организации Кубанской десантной операции. Казачество и Черноморское крестьянство, с занятием большевиками их областей, всеми мерами уже боролось против ленинского грабежа населения Дона, Кубани и Терека путем продразверстки, которая была замене-

на продналогом только после Кронштадтского восстания в марте 1921 г., появления «рабочей оппозиции» в 1921-22 годах и массовых восстаний крестьян на территории всей советской республики.

В своих «Воспоминаниях» ген. Врангель (там же, ч. II, стр. 138) пишет: «По донесению наших разведчиков казаки всюду враждебно относились к советской власти... Во главе десанта был поставлен ген. Улагай. Заменить его было некем.* Ему необходимо было придать твердого и знающего начальника штаба. На эту должность я наметил ген. Коновалова, однако, последний настойчиво просил его не назначать. Ген. Шатилов горячо рекомендовал мне ген. Драценко...»

«Дав ген. Улагаю и ген. Драценко общие указания, я предоставил им самостоятельно разработать план операции, поручив ген. Шатилову лишь общее наблюдение. Будучи всецело поглощен вопросами государственными и руководством войск на Северном фронте, я мало вникал в выполнение порученной мной ген. Шатилову, Улагаю и Драценко задачи... Это было с моей стороны, как показали события, крупной ошибкой... Неудача Кубанской операции, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз я задавал себе вопрос, не я ли виновник происшедшего. Все ли было предусмотрено, верен ли был расчет. Тяжелые бои в то время на Северном фронте не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для Кубанской операции, представлялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно... Войска высадились без потерь и через три дня, завладев важнейшим железнодорожным узлом — Тимошевской, были уже в сорока верстах от сердца Кубани — Екатеринодара... Нельзя было терять ни одного дня, каждый лишний день давал противнику возможность подвезти свежие силы. Между тем, ... ген. Улагай продолжал стоять на месте. Не приостановись ген. Улагай, двигайся он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и северная Кубань была бы очищена...»

«Утром 10/23 авг. я выехал в Керчь. Непростительное промедление движения частей ген. Улагая тревожило меня, беспокойные мысли сверлили мозг. Необходимые условия успеха — внезапность была уже утеряна,инициатива выпущена из рук и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена...»

11/24-12/25 авг. на участке ген. Бабиева в районе станиц Брыньковская и Ольгинская крупные успехи, о которых, потеряв связь с ген. Улагаем, ген. Бабиев доносит непосредственно ген. Врангелю. Узнав об этом, ген. Врангель посылает с летчиком телеграмму ген. Бабиеву и ген. Улагаю, добавляя, что со своей стороны, — как и ген. Бабиев, — считает необходимым операцию продолжать, имея в виду при первой возможности перебросить базирование на Тамань.

Но в это время железнодорожная магистраль, связывавшая десант с базой, оказалась под непосредственной угрозой. Как пишет А. Валентинов «в базе поднялась паника». В добавок всего красная флотилия Азовского моря, хорошо вооруженная поставленной на суда артиллерией, подойдя к Приморско-Ахтарской открыла по базе энергичный огонь. Оперативное отделение (управление обер-квартирмейстера десантной группы ген. С.) было вынуждено эвакуироваться к станциям Ольгинская, Брюховецкая, Тимошевская. Всякая нормальная связь базы с фронтом была потеряна. Из Ахтарской пришлось спешно составить громадный железнодорожный состав с целью попытаться прорваться в район Тимошевской на соединение с командующим группой ген. Улагаем, начальником штаба ген. Драценко и главными силами десанта.

Вместо шести вагонов, в которых умещался штаб, пришлось тащить свыше сорока. Не доезжая станции Ольгинская, Оперативному отделению во главе с ген. С. пришлось выйти из вагонов и лечь в цепь. Едва-едва, благодаря юнкерам, защищавшим эшелон, буквально чудом поезду удалось проскочить.

Непредвиденную остановку наступательных действий группы ген. Улагая и не преследование бегущего врага резюмируют участники десанта А. Судоплатов и Б. Пылин («Первопоходники» № 21. 1974 г.). Они сообщают: «7/20 авг. ст. Тимошевская. Прошли 80 верст, а в тылу противник бродит! Нет, видно нам со своими силами не сделать дела... И почему едем не вперед, а назад? Это уже совсем что-то непонятное». Б. Пылин добавляет: «Как потом оказалось, пока отряд ген. Улагая

---

* Составителю действий «Кубанского десанта 1920 года» кажется, что освободить в то время Кубань, Дон и Терек от красных могли бы и ген. Шкуро или ген. Мамонтов. К сожалению, ген. Врангель к ним относился неприязненно. Особенно к последнему, считая его исторический, победный рейд по тылам красного фронта, не только неудачным, но и преступным: за уклонение его прекрасной конницы от крупных столкновений с противником. Известно, что в июле 1919 г. ген. Мамонтов получил от командующего армией ген. Сидорина приказ: прорвать фронт большевиков и овладеть г. Козловым, где находился штаб Южного советского фронта.

5/18 авг. был взят Тамбов; 9/22 авг. г. Козлов. Последовательно занимая Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, Усмань, 4-й Конный корпус 29 авг. (11 сент.) ворвался в г. Воронеж. Ранее, 24 авг. (5 сент.), после жаркого боя, конница ген. Мамонтова занимает узловые станции Касторная и Грязи, но в этот же день получает приказ от командующего Донской армией, повернуть на юг для осуществления намеченного плана уничтожения 8-й сов. армии. Надо считать, что ген. Мамонтов не дошел до Москвы 350 верст. 8/21 сент. части ген. Мамонтова установили связь с 3-м Донским корпусом. Эту дату надо считать окончанием Мамонтовского рейда. Ген. Деникин пишет: «Ген. Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами» (Т. V, стр. 122). Троцкий в одном из своих воззваний приказывал: — «истреблять мамонтовцев на месте, уничтожать, как бешеных собак».

отдыхал в Тимошевке, красные обошли ее и отрезали белых от моря и от Ахтарской станицы. К тому же... военные корабли, пришедшие из Крыма, почему-то все ушли обратно в Крым, не оставив никакой охраны базы с моря, чем воспользовались большевики, высадили десант и заняли Ахтарскую».

О базе и конвойном флоте несколько иначе, «со слов вполне компетентного лица» пишет А. Валентинов (там же, стр. 43): «Для защиты главной базы Приморско-Ахтарской было оставлено лишь слабое прикрытие и отряд военных судов». Но в другом месте на той же странице и тот же автор подтверждает сведения Б. Пылина, говоря, что «красная флотилия... воспользовалась необъяснимым до сих пор (1922 г.) уходом наших военных судов» от Приморско-Ахтарской. Далее А. Валентинов сообщает, что 9/22 авг. «ген. Драценко (окончательно реабилитировавши себя перед ген. Шатиловым) разносил очень резко адмирала Евдокимова за захват красными нашей базы (Приморско-Ахтарская), что послужило первой причиной для всех последующих неудач».

Ген. Шатилов впоследствии считал, что причин неудачи Кубанской операции было много. Во-первых, превосходство сил красных. Во-вторых, мобилизация: — восставшие станицы и повстанческие отряды бело-зеленых не дали значительного приращения сил численности десанта, а в-третьих, ген. Улагай и ген. Драценко сделали крупную ошибку: им надо было по выгрузке в Приморско-Ахтарской сразу перенести базирование на Таманский полуостров. Но, как известно составителю настоящей статьи, к сожалению, при разработке плана операции ген. Улагаем и ген. Драценко об этом только говорили, но ничего своевременно не предприняли.

Ген. Улагай, будучи хорошим начальником конного корпуса , не оказался хорошим руководителем крупной самостоятельной операции. Его начальник штаба ген. Драценко сразу не сошелся с ним в отношении оперативных действий десанта и вместо того, чтобы работать в Штабе, предпочитал посещать дивизии, находившиеся на участках фронта. Здесь, по нашему мнению, была совершена ошибка и Ставки. Зная опыт Юго-Западного фронта первой мировой войны, надо было считаться с тем, что ген. Улагай, это не ген. Брусилов, у которого мог быть любой начальник штаба, а скорее ген.Н. И. Иванов, который всегда нуждался в хороших «штабистах». Ген. Драценко таким начальником штаба не был, что показала впоследствии Каховская (Заднепровская) операция. Назначение ген. Драценко начальником штаба Кубанского десанта было большой ошибкой Ставки Главнокомандующего.

По-видимому, в Ставке были и разногласия в отношении наступления (6/19-8/21 авг.) на эвакуированную большевиками столицу Кубани — Екатеринодар. Ген. Улагай уже после своей неудачи говорил, что возьми он в эти числа Екатеринодар, он попал бы в мышеловку. В свое время тяжелые бои под Карсом в ноябре 1877 года и его падение, по мнению ген. Д. А. Милютина («Дневник», т. II, стр. 240) имело большое значение для двух армий. Всё сразу приняло новый оборот: «погода и время года не остановит наших войск, воодушевленных таким успехом, тогда как можно рассчитывать на сильный (окончательный) упадок духа в турецких войсках и панический страх в населении...» Значение осады и взятия Плевны играло не меньшую, а очень существенную роль в победе русского оружия в той войне. Надо думать, что такая же ситуация могла бы иметь место и при взятии Екатеринодара. Изменилось бы почти нейтральное отношение населения к десанту, а его отряды — ген. Черепова и ген. Харламова — могли бы соединиться не только с группой ген. Улагая, но и с группами ген. Фостикова и ген. Крыжановского, а в случае отступления перейти в Грузию.

По А. Валентинову (там же, стр. 45) версии о причинах неудачи были: «1) Продолжительность выгрузки (4 дня — вместо 1-1,1/2 дня); 2) разногласие между Улагаем и Драценко; 3) игра на два фронта нашей «зарубежной агентуры»; 4) распыление сил с начала наступления вместо их концентрации; 5) крайний недостаток артиллерии; 6) сдержанное отношение местного населения (правда не везде); 7) самое популярное объяснение — обход, благодаря невнимательности нашего флота; 8) страх не то у Улагая, не то у Драценко быть отрезанным от морской базы; 9) самое скверное, по общему мнению, заключалось в «подвохе» населения и 10) престиж наш на долго сведен почти к нулю.

В. фон Дрейер («Крестный путь во имя Родины» 1921 г., стр. 141) считает, что «Кубанская операция, правильно задуманная в принципе, была не серьезно подготовлена, не своевременно и с недостаточными силами начата, без талантливого управления и потому заранее обрекалась на неудачу. Только русское «авось» могло заставить Крымское командование приступить к ее выполнению.

Нас удивляет обвинение фон Дрейером Ставки в несвоевременности операции и о недостаточности выделенных сил. Видимо, фон Дрейер забывает о польско-советской войне, которая по времени совпала с Кубанским десантом. Эта операция вытекала из того положения, в котором находилась Русская Армия в середине августа 1920 года нов. стиля. Красная армия подходила к Варшаве и, конечно, конец войны был вопросом нескольких дней. Армия ген. Врангеля должна была бы столкнуться с главными силами большевиков. На успешный исход этого сражения можно было бы рассчитывать лишь при условии значительного прироста белых сил и помощи со ето-

роны бывших союзников. Последние требовали крупного военного политического успеха, который позволил бы рассчитывать по крайней мере на длительную борьбу, если не на конечную победу. Возможная оттяжка операции поэтому исключалась, ибо вся армия ген. Врангеля при успехах красных под Варшавой могла быть раздавленной раньше, чем операция осуществилась бы.

Ген. Врангель и его Штаб уделили большое внимание подготовке операции. Они выделили все, что могло быть взято из стратегического резерва, т. е. 34 процента армии — 11.500 штыков и сабель. В. фон Дрейер, видимо, не знал, что в десанте находились лучшие части Русской армии. На Крымском (северном) участке оставалось 22.300 штыков и сабель против двух армий красных, которые стремились захватить инициативу в свои руки. Освободить же Кубань, Дон и Терек без активной поддержки восставших и бело-зеленых отрядов не могла бы сделать и вся Русская армия — 33.800 штыков и сабель. Для разгрома передовых частей и ближайших резервов красной IX-ой армии и **возглавления восстания** достаточно было и назначенных сил. Это подтверждает и ген. Врангель и советский военный специалист А. Голубев.

Особую критику действий Кубанской операции мы находим в брошюре некоего С. Смоленского («Крымская катастрофа». Записки боевого офицера. София 1921). Автор пишет: «Кубанцы были охвачены прежним «порывом» и рвались вперед... к себе домой. Отдельные группы соперничали в быстроте передвижения и через несколько дней главные части были в расстоянии 50-ти верст от Екатеринодара. Красные войска, до сего времени отходившие, неожиданно оказали упорное сопротивление и сами обрушились на фланги зарвавшихся Кубанских колонн. Одновременно красный флот, воспользовавшийся преступным уходом судов Русского флота из Азовского моря, высадил в той же Ахтарской бухте десант красных частей, переброшенных морем из Мариуполя. Положение создавалось катастрофическое. Кубанцы и главным образом юнкера принуждены были пробивать себе дорогу к берегу моря (? Ред.). Ген Врангель послал своего Генерал-квартирмейстера ген. Коновалова спасать положение и только хладнокровие и талант последнего помогли вывести разрозненные остатки Кубанского десанта в Керчь» (? Ред.). Автор брошюры добавляет, что Кубанская неудача имела «громадное моральное значение. В частях пошли разговоры, раньше не имевшие места. Рядовое офицерство в первый раз усомнилось в своих генералах. Молва считала главным виновником неудачи не командующего дасантом ген. Улагая, а его Начальника штаба ген. Драценко... Правда, части, вернувшиеся с Кубани, несколько увеличились в своем составе, но это увеличение произошло или за счет, так называемых «камышатников» — элемент негодный в боевом отношении, или молодых казаков, еще необученных обращению с оружием».

К сожалению, «строевой офицер» С. Смоленский мало говорит о пленных красноармейцах, а ведь на сторону десанта их перешло несколько тысяч. Они были и обучены как обращаться с оружием, и дрались с красными отлично. А. Балковский пишет: «Красноармейское пополнение (пленные), полученное на Кубани батареей, целиком погрузилось на суда и переехало в Крым». А. Валентинов сообщает, что к десанту присоединилось десять тысяч Кубанцев (там же, стр. 45). В Тимошевской, куда были пригнаны пленные из Уральской бригады красных, а их было около 5.000 бойцов, только Алексеевский полк получил из этого числа пополнение в количестве 1.000 человек. Большинство из них служили в армии адм. Колчака и хорошо умели обращаться с оружием. Да и многие «камышатники» и молодые Кубанцы умели обращаться хотя бы с холодным оружием.

Быть может, строевой офицер С. Смоленский и прав, что неуспех Кубанской операции отразился на моральном настроении у некоторых участников десанта, но это далеко не касалось всей Русской армии ген. Врангеля, не говоря уже о высшем командном ее составе, за исключением только некоторых генералов.

Так, например. чины Ставки Главнокомандующего во главе с ген. Врангелем и ген. Шатиловым с 30 авг./12 сент. по 5/18 сент. 1920 г. посещают вместе с военными агентами иностранных государств Крымский фронт. С целью показать Европе и Америке ту тяжелую обстановку, в которой, напрягая последние силы, горсточка в два с чем то десятка тысяч, почти обреченных безумцев, защищает дело мировой цивилизации. Офицеры и рядовые бойцы жадно ждали, что перед глазами всего мира истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности. В этом, по крайней мере, было все спасение (Из дневника А. Валентинова, там же стр. 51).

Не надо забывать, что в середине сентября правительство ген. Врангеля еще надеялось на совместные действия с поляками против большевиков, а «Наштаглав якобы говорил о необходимости возобновления вторично Кубанской десантной операции» (А. Валентинов, там же, стр. 48).

В эти же дни ген. Врангелем был отдан приказ о формировании 3-й армии в Польше. В приказе говорилось, что всем русским офицерам, солдатам и казакам как бывшим на территории Польши, так и перешедшим к полякам из красной армии указывается вступить в ряды 3-й армии и честно, бок о бок с польскими и украинскими войсками бороться против общего врага, идя на соединение с войсками Крыма.

Известно, что еще 1/14-2/15 авг. под Варшавой развернулись кровопролитные бои. Четвертая советская армия начала отступать. Части Пилсудского, прорвав фронт советской Мозырской группы и отбросив правый фланг 12-й советской армии, вышли на линию Минск-Мазовецкий-Седльце-Бя-

ла. К 6/19 авг. польские войска вышли в тыл советских войск. К 13/26 авг. советские армии остановились на линии Гродно — Волковыск — Кобрин — Владимир-Волынский.

Сражение на Висле окончилось. Успех Польской армии под Варшавой в один голос был назван польскими политическими и военными деятелями «чудом на Висле». В сентябре началось наступление польских войск и на Украине. В результате были захвачены западные территории Белоруссии и Украины.

Между тем, еще с 4/17 авг. в Минске происходили польско-советские мирные переговоры. 10/23 авг. глава польской делегации доказывал советам, чтобы они изменили свою точку зрения по отношению к Польше. Советские условия были «похожи на капитуляцию Польской армии», в то время как эта армия гнала советские армии на восток.

Крылатая фраза «чудо на Висле» 1920 года, как и чудо на Марне в августе 1914 г. и чудо под Верденом в 1916 г., имеют и реальные обстоятельства.

В августе 1914 г., по настойчивой просьбе французов, преждевременное наступление в Восточной Пруссии стоило России гибели почти всей 2-й армии. Немцами было взято в плен 90.000 человек. Командующий армией ген. Самсонов пропал без вести (?). Своими боями две русские армии оттянули наступающих на Париж немцев, которые сняли с французского фронта два корпуса и одну кавалерийскую дивизию.

События у крепости Верден вынудили Россию, с целью помочь французам, несмотря на неблагоприятные атмосферные условия 9-го марта 1916 года начать наступление. Немцам пришлось снять с французского фронта несколько дивизий. Русские войска имели большой успех, но понесли большие потери.

О «чуде на Висле»!? Мы уже отмечали, что Кубанская десантная операция в августе 1920 года совпала со временем победоносной для Польши войны с большевиками. Но, кроме этого, резервы в глубоком тылу красных, предназначенные к пополнению армий Западного фронта против Польши, оставались на месте и постепенно вводились на Крымский и Кубанский фронты.

9/22 сент. 1920 г. о Польско-советской войне Ленин и Троцкий говорили: «Если нам суждена зимняя кампания, мы победим, в этом нет сомнения,несмотря на истощение и усталось...» Но к концу сентября — началу октября обстановка на Польском фронте еще продолжала быть чрезвычайно тяжелой для советов. Одновременно перед советами встала первоочередная задача — разгром Русской армии ген. Врангеля. Для облегчения ее выполнения необходимо было как можно скорее заключить мир с Польшей.

«Польша, — по мнению большевиков, — уже перешла ту грань, за которой обеспечена была ей максимальная победа». Советы после предполагаемого разгрома армии ген. Врангеля предсказывали Польше «максимальное поражение». Это предсказание большевиков сбылось только в 1939 году, а потом в 1945-ом.

С 4/17 августа 1920 г., т. е. в разгар успешных действий Кубанской операции, в Минске уже шли Польско-советские мирные переговоры. Советы вынуждены были в случае заключения перемирия пойти на большие уступки. 12/25 сент. они снимают некоторые пункты из прежних условий, в частности пункты о сокращении численности Польской армии и демобилизации ее военной промышленности. Советы даже соглашаются на установление границы значительно восточнее «линии Керзона».

Мы вынуждены остановиться на некоторых фактах Польско-советской войны 1920 г., ибо она не только отразилась на боевых действиях Кубанского десанта и на фронте в Северной Таврии, но и явилась заключительным актом борьбы Русской армии ген. Врангеля, т. е. эвакуации почти всей армии за границу — Галлиполи, Лемнос, Бизерта, Чаталджа.

Приведем только несколько исторических данных, предшествовавших внезапному перемирию Польши с советами 7/20 октября 1920 года. Нами использованы исследования этого периода польским эмигрантом историком Влад. Побуг-Малиновским («NAJNOWSZA HISTORIA POLITYCZNA POLSKI», Londyn 1967, tom II), статьи и повести Иосифа Мацкевича, опубликованные в польском эмигрантском журнале «Kultura» (Париж), переводы С. Войцеховского из того же журнала в периодическом издании «Голос Зарубежья» (Мюнхен — Сан Франциско), цитаты из книги Т. Махальского «Последняя эпопея. Действие конницы в 1920 году» (Лондон, 1969) и воспоминания Ежи Гробицкого (Канада). Только некоторые календарные даты и цифры численности Польской армии мы заимствовали из 3-го тома «История Польши», изд. Ак. Наук СССР 1958.

Известно, что Польская армия, будучи вооружена старым и разнообразным оборудованием, оставшимся на ее территории еще от первой мировой и русской гражданской войны и отобранным у австрийцев и немцев после ухода последних из Польши в ноябре 1918 г., во время Варшавского и Неманского сражений 1920 г. «была естественно далека от превосходства», особенно во время июльского поражения конным корпусом Гая, наступавшего от берегов Двины. Но после подлинной метаморфозы на Мокотовском Поле Варшавы — получения «по горло» новых седел, американских лошадей, английских карабинов, амуниции и т. д., Польша не только снабжением, но и числом вооруженных солдат, в большинстве добровольцев, уже доходила до 900 тысяч человек.

Сражение на Висле окончилось. Успех Польской армии был одержан не только благодаря получению от наших бывших союзников всего, в чём нуждались польские войска, но и высокой морали бойцов, подкрепленных всеобщим националистическим настроением как фронта, так и тыла.

К концу сентября — началу октября 1920 г. огневая преграда в треугольнике Варшава — Модлин — Загрже, организованная польским ген. Сосновским, явилась решающей битвой, в которой «под Варшавой большевики были разбиты вдребезги».

И. Мацкевич приводит несколько примеров военных действий того времени, взятых им из обильной польской литературы. После Варшавской битвы и сражения над Неманом материальные запасы Польской армии не сокращались, а увеличивались за счет массы брошенного большевиками снаряжения, оружия и амуниции.

М. Махлевский пишет: «Уланам после переправы через Неман вблизи Друскиник достались два советских железнодорожных состава со значительным количеством амуниции и т. д. ... Одно появление нашей кавалерии к северу от Лиды вызвало такое впечатление, что привело к нарушению всей советской обороны вдоль Немана ... Линия Немана пала внезапно...» «К северу от Полесья 16-ый уланский полк, захватив под Околовичами неприятельские батареи ... и изменив направление орудий, покрыл огнем отетупавших большевиков, обстреливая их собственной амуницией». Противник был отброшен по всей линии — Вонжик — Чехи — Студенец, оставив огромные обозы и около 1.600 пленных. (Есть указания, что общее число пленных красноармейцев доходило в Польше до 100 тысяч, и такое же количество бойцов было интернировано к тому времени Германией. Ред.).

Продвижение 2-й польской кавалерийской дивизии было скорее конвоирование пленных, чем наступление боевой части, а 9-я кавалерийская бригада захватила в районе Билки — Шушки такое количество пленных, которое превышало численность ее собственного состава.

2/15 сентября конная армия Буденного, беспорядочно отступая, уходила за Стырь. Целые ее эскадроны переходили на сторону поляков. 4/17-го сент. 14-я советская кавалерийская дивизия перестала существовать. Случались бунты и покушения на комиссаров. На шоссе из Луцка в Ровно, собственно говоря, не было больше ничего. Пленные красноармейцы единодушно сообщали на допросах, что дивизии Буденного насчитывают не более несколько сот коней. 24-я и 44-я советские дивизии состояли из одиноких групп, скрывавшихся в лесах. Прямо говоря польским войскам не е кем было больше воевать. Если бы польские 3-я и 6-я армии двинулись вперед за конницей Буденного «для овладения всей правобережной Украины ... никто не мог остаться на месте, каждый стремился вторично воткнуть в берег Днепра свои пики с их флажками...»

Но переговоры о перемирии уже велись. 29 сент./12 окт. 1920 г. стало известно, что будет заключено перемирие и все польские части должны безусловно отойти на Случ. Т. Махальский считает, «что не будь приказа, остановившего наступление, польская кавалерия вторично бы достигла Двины и Днепра».

И. Мацкевич пишет: только перемирие на польском фронте позволило большевикам собрать остатки их разбитых войск, сконцентрировать остатки материальных сил, чтобы бросить против ген. Врангеля всё, что у них еще осталось. Еще 19 сент./2 окт. 1920 г. Ленин в своем воззвании писал: «...Все как один станьте на защиту против Врангеля! Все на помощь красной армии для победы над Врангелем! Опасность велика».

Причина заключения Польшей внезапного перемирия с большевиками в общем известна. Как и годом раньше, в 1919 году, вследствие тайного соглашения с Лениным в Беловежи и заключенного затем представителем Пилсудского капитаном Бернером, соглашения с Мархлевским в Микашевичах о временном прекращении военных действий, дабы не допустить победы войск ген. Деникина, так и в сентябре-октябре 1920 года причиной было желание не допустить окончательного разгрома большевиков Русской армией ген. Врангеля.

«Прекращение наступления польских войск было, следовательно, решением, вызванным политическими соображениями... Пилсудский считал «революционную Россию» более слабой, чем Россию контрреволюционную и, следовательно, «меньшим злом» и боялся восстановления России с правительством ген. Врангеля — А. В. Кривошеина.

В Польше и в польской эмиграции до сих пор идет полемика о двух перемириях с советами в 1919 и 1920 годах. Одни утверждают, что решение польского правительства и быв. социалиста, а потом польского патриота-националиста Пилсудского «соответствовало интересам польского народа и потому правильным». Другие, вероятно меньшинство, к которому принадлежит и И. Мацкевич, «что это было решением неправильным».

Прав был ген. Деникин в своей брошюре — «Кто спас советскую власть от гибели (Париж 1937), говоря, что «Польша, волею судеб и следствием своей политики, поставлена между молотом и наковальней. И не раз еще, быть может, неповинному польскому народу придется горько пожалеть, что в 1919 году вожди его предали Россию». В 1920 году они же не допустили совместными усилиями антибольшевистских армий — Польши, Украины и ген. Врангеля победить коммунистов-большевиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Неудачу на Кубани А. Валентинов резюмирует так: «Трагический исход Кубанской операции глубоко взволновал всех, для кого этот исход не был секретом». Действительно, Русская армия ген. Врангеля опять вернулась к голодной и почти безлюдной, для стратегического нарастания своих сил, территории Крыма и истекающей кровью Северной Таврии, что, конечно, заставило ген. Врангеля усиленно продолжать готовиться к эвакуации всей армии.

Невозможность захватить Кубань, Дон и Терек лишало армию не только продовольствия, но и притока наиболее стойких и верных ей антибольшевистски настроенных сил — казачества, а также престижа у бывших наших союзников.

Многие участники Кубанской операции ее поражение приписывают ошибкам Ставки Главкома и неправильным действиям командующего десантом и его начальника штаба. По нашему мнению, разведка штаба Главкома, тесная и постоянная связь этого штаба со всеми повстанческими отрядами и с оперативными действиями десанта оставляла желать лучшего. Штаб Главкома недостаточно точно и подробно указал ген. Улагаю и ген. Драценко их задачи. Уже после неудачи это объясняли тем, что мол ген. Улагай, усердно относясь к разработке им и Драценко деталей плана операции, ревниво не допускал вмешательства в это ответственное дело сотрудников штаба Главкома. Во время операции командующий десантом и его начальник штаба, не говоря уже о трех отдельных группах десанта, действовали несогласованно, несовместно и не одновременно, теряя иногда общую связь. Отстранение начальника штаба десанта и замена его генерал-квартирмейстером штаба Главкома ген. Коноваловым были произведены с опозданием на несколько дней. Ген. Коновалову пришлось лишь лично руководить уже отступающей группой ген. Улагая, посадкой ее на суда и организовывать арьергардные бои. Ни штаб Главкома, ни штаб десанта не сумели связаться ни с повстанческими группами, ни с большим отрядом ген. Фостикова для действия в одном направлении и единым кулаком.

Ген. Улагаем и ген. Драценко в первую победную неделю десантных частей не был исполнен устный приказ ген. Врангеля и настойчивые пожелания Наштабглавка сразу перенести тыловую базу на Таманский полуостров из Приморско-Ахтарской. Штаб Главкома 6/19-го, 7/20-го и 8/21 авг. не вмешался в эти дни сразу в оперативные действия группы ген. Улагая. Во время пребывания Главкома на Северном фронте его штаб на несколько дней потерял связь с десантом, а штаб десанта связь со своими частями и базой. А. Валентинов в своем дневнике отмечает, что «всякая нормальная связь была потеряна еще раньше, да вопрос еще, впрочем, существовала ли она вообще в этой операции с самого начала» (там же, стр. 43). В общем разведка и связь были плохо налажены как перед началом высадки, так и во время первых ответственных дней операции.

А. Валентинов в дневнике от 17/30 авг. записал: «Черепов (высадившийся в районе Анапы) вовсе не выполнил задачи». Слишком долго «болтался» в море. Харламов на Тамани тоже «действовал не так, как этого требовали из Ставки». Тот же автор (там же, стр. 47) 19 авг./1 сент. сообщает: «Накануне отъезда в Мелитополь главком бурей ворвался в оперативное отделение (Коновалов был уже на Кубани) и разнес всех, не исключая подвернувшегося тут же Масловского* вдребезги. Разносил на весь поезд: — «Не хотите работать, как следует — на фронт пожалуйте!.. Я оттуда возьму людей! Найду!» Словом, влетело всему генштабу... По-видимому, за Кубань. Когда действительность не сходится с оперативными директивами, Главком выходит из себя. Иногда влетает всем, и часто поделом».

Кубанская операция в августе 1920 года совпала по времени с Польско-советской войной. «Чудо на Висле» еще не произошло, а поэтому приближался конец войны и победа красной армии на польском фронте. Наступательные действия большевиков на Варшаву можно было рассматривать как начало проигрывания войны русской армии ген. Врангеля с Красной армией. Армия ген. Врангеля должна была встретиться с большими резервными силами противника. На успешный исход этого столкновения можно было рассчитывать только при условии значительного прироста бойцов и существенной поддержки со стороны бывших союзников. Ни первого, ни второго, после неудачи на Кубани, Русская армия не получила.

Могла ли армия ген. Врангеля продержаться только на территории Крыма без Северной Таврии до весны 1921 года? Все говорит за то, что это было возможно только в том случае, если в руках этой армии были Кубань, Дон и Терек, была бы действительная помощь бывших союзников, а Польша, затягивая мирные переговоры в Минске, продолжала бы уничтожать красную армию, отбрасывая ее на северо-восток. К сожалению, и эти возможности не осуществились. А ведь если верить словам Маршала Пилсудского, сказанным им в Вильне 11/24 апреля 1923 года: «Большевистская армия была тогда (после «Чуда на Висле» 13/26 авг. и до прекращения военных действий 5/18 окт. 1920 г. Ред.) так вдребезги разбита по всей линии фронта, что ничто не мешало мне продвинуться так далеко, как я бы захотел...» (И. Мацкевич, там же стр. 17). Но этой помощи Русская армия не получила, как и не получила нашего вооружения из Румынии и Франции, а

---

* Ген. Масловский занимал в Ставке Главкома пост генерала для поручений при Наштаглава, а во время отсутствия ген. Шатилова временно оставался Наштаглава.

из Польши и Германии хотя часть пленных и интернированных красноармейцев, которых там оказалось около 200 тысяч человек.

В русской эмиграции, среди офицеров Генерального Штаба, существует мнение, что еще во время Кубанского десанта советское командование уже умело управлять значительными воинскими соединениями и было вполне на высоте, по сравнению с первыми периодами Гражданской войны. Те же эмигранты солидаризируются с мнением ген. Улагая, что возьми он Екатеринодар, в конце концов он должен был бы столицу Кубани оставить большевикам.

Отступление группы ген. Улагая под руководством ген. Коновалова, успешная эвакуация всего отряда через Ачуев и правильные арьергардные бои десанта, не говоря уже о больших успехах Польши на Висле, доказывают обратное.

Отступление красной армии из-под Варшавы не могли остановить ни герой Восточного фронта Тухачевский, ни Гай, ни член Реввоенсовета Западного фронта Сталин, ни Буденный, ни Ленин с Троцким своими кровожадными, безжалостными и истребительными приказами войскам красной армии и даже Брусилов, который польскую войну против большевиков считал войной как бы с «чужеземцами» против России и предложил свое сотрудничество советам, утверждая, что он солдат, а не политик.

Здесь мы опять вынуждены вернуться к Польско-советской войне 1920 г., сыгравшей роковую роль для Русской армии ген. Врангеля.

28 июля/10 августа 1920 г. советские армии Западного фронта (Варшавского направления), преследуя польские войска, оказались на линии Млава — Пултуск — Седльце — Любартов. Красное командование отдало приказ, чтобы армии Западного фронта форсировали Вислу севернее Варшавы и глубоко зашли в Польский коридор. Это вело к оголению левого фланга фронта. План польского командования, утвержденный 24 июля/6 авг., предусматривал создание прочной обороны Варшавы с фронта и нанесение одновременно удара в тыл и фланг советским войскам Запфронта, которые продвигались в обход Варшавы с северо-востока. Львовский участок фронта рассматривался как второстепенный, предназначенный главным образом для прикрытия Львова и нефтеносных районов Западной Украины. Осуществление плана польского командования было связанно с большими трудностями и риском. Успех его реализации зависел прежде всего от того, удастся ли польским войскам оторваться от наступающих на них большевиков и занять намеченные районы. Особые трудности для польского командования представляло сосредоточение на реке Вепш. Польские дивизии, находившиеся еще 24 июля/6 авг. и 25 июля/7 авг. в горячих боях на Буге, должны были не только оторваться от противника, но проделать еще рискованный, почти фланговый марш для достижения района за Вепшем. Какой-нибудь случай, более сильный натиск со стороны красной армии в том или ином месте ставил весь маневр под знак вопроса, не давая никакой уверенности, что ударная группа маршала Пилсудского соберется своевременно и в назначенном им составе.

В результате уклонения основных сил Юго-Западного фронта красной армии с Брестско — Люблинского направления на Львовское, это было сделано Буденным по настоянию Сталина, несвоевременной передачи Западному фронту трех армий, особенно 1-ой конной, и движения главных сил Западного фронта к северу от Варшавы создались благоприятные условия для выполнения польского плана, значительно увеличились его шансы на успех подготовлявшейся польским командованием операции.

25 июля/7 авг., когда Тухачевский приближался уже к Варшаве, венгры предложили помощь полякам в силе 30 тысяч кавалерии. Чехи же закрыли свои границы и отказали пропустить эту конницу через свою территорию — как ее снаряжение и снаряды. Данциг также задержал всё, направлявшееся в Польшу.

31 июля/13 авг. началось сражение на Висле (группа ген. Улагая Кубанского десанта в этот день находилась в Азовском море). Части красной армии штурмом овладели Радзимином, создав непосредственную угрозу Варшаве. 1/14 авг. (высадка Кубанского десанта в Приморско-Ахтарской) утром части советских армий должны были начать атаку Варшавы. 1/14-2/15 авг. под Варшавой развернулись кровопролитные бои.

К 2/15 авг. 4-я советская армия, действовавшая с тыла и фланга, и 15-я советская армия, действовавшая с фронта, могли бы разгромить 5-ю польскую армию. Но 4-я советская армия, с которой командование фронта потеряло связь, начала отступление. Этим воспользовалось командование 5-й польской армии, для нанесения удара по стыку 15-й и 3-й советских армий, вынудив и их начать отступление.

Действия 5-й польской армии поддержала 1-я польская армия. Одновременно начала наступление ударная группа Пилсудского на север и северо-восток. Группа Пилсудского, прорвав фронт советской Мозырской группы и отбросив правый фланг 12-й советской армии, вышла на линию Минск — Мазовецкий — Седльце — Бяла. К 6/19 авг. польские войска вышли в тыл советских войск.

К 13/26 авг. советские армии остановились на линии Гродно — Волковыск — Кобрин — Владимир-Волынский. Сражение на Висле окончилось.

В сентябре началось наступление польских войск и на Украине.

Но еще с 4/17 авг. в Минске начались переговоры о перемирии; 5/18 окт. было подписано со-

глашение о предварительном мире. 12/25 окт. условия о предварительном мире. Военные действия прекратились 5/18 окт. 1920 годы.

Тухачевский (Побуг Малиновский, там же, т. II, стр. 324), ища оправдания своего поражения писал: «Расчет времени и пространства доказывают, что указание главного командования могло быть безусловно исполнено до перехода польской южной группировки в наступление; если бы даже это исполнение немного опоздало, ибо польские отряды (видимо три дивизии снятые поляками с Львовского направления. Ред.), которые перешли в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного поражения, так как тылы их получили бы удар нашей конной армии». Но главное советское командование еще 29 июля/11 авг. приказало Буденному «без малейшей отсрочки» двигаться в направлении на Замостье — Грубешов. Сталин будучи членом Реввоенсоветов трех фронтов — Западного (Варшавского), Юго-Западного (Львовского) и Южного (Врангелевского) принимал непосредственное руководство в продвижении красных частей к подступам к Львову. Впоследствии Сталин обвинил Тухачевского виновником поражения под Варшавой, а Тухачевский считал виновником Сталина. За это (? Ред.) Тухачевский поплатился жизнью. Так говорили в Москве высшие военные специалисты после расстрела Тухачевского.

О польском перемирии с советами и прекращения военных действий против отступающей красной армии ген. Врангель (Там же ч. II, стр. 206-207) писал: «26-го сент./9 окт. были получены сведения о заключении поляками перемирия. Военные действия на польском фронте приостановились. Красное командование получило возможность все свои силы бросить на нас... Как ни мало доверял я нашим «иностранным друзьям, однако всё же не оставлял надежды, что польское правительство, под давлением Франции, будет возможно долее оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование (3-ьей) армии на польской территории или по крайней мере перебросить русские войска в Крым... (стр. 208).

30 сент./12 окт. ген. Шатилов телеграфировал советнику нашего посольства в Париже г. Базили, что «Ввиду возможности прекращения военных действий на польском фронте вопрос о скорейшем сформировании 3-ьей Русской армии в Польше приобретает исключительное значение... Это единственный выход из того тяжелого положения, в которое поставлена Русская армия... Немедленное формирование казачьих дивизий из сдавшихся казаков приобретает при этом первостепенное значение...»

Несмотря на то, что во время пятидневной Заднепровской операции (25 сент. — 2 окт. 1920 г.) Русской армией было захвачено 13.500 пленных красноармейцев, 27 орудий, 6 бронеавтомобилей и 1 бронепоезд, общий неуспех операции неминуемо отразился на духе войск, у которого пропала вера в собственные силы, а с гибелью ген. Бабиева (30 сент.) «умерла душа и у конницы».

Нельзя согласиться и с мнением В. фон Дрейера, что Кубанская операция была преждевременно начата. Десантная операция была начата в середине августа н. ст., то есть во время еще победного подхода красной армии к Варшаве. Даже Масарик еще в июле 1920 г. считал, что ничто уже не может помочь полякам в их безнадёжном положении (Побуг-Малиновский, там же, с. II стр. 479). Ведь подход красной армии к Варшаве связывался с концом Польско-советской войны и этот вопрос в то время, казалось, был вопросом нескольких дней. Армия ген. Врангеля ожидала нападения на Северную Таврию и Крым всех главных сил красной армии. Русская армия могла рассчитывать на успех только при условии значительного прироста численности своих сил и помощи со стороны бывших союзников, которые требовали от Правительства ген. Врангеля не только крупных побед или длительной борьбы, но и кубанского хлеба. Затягивание занятия Кубани, Дона и Терека поэтому исключалось, ибо не будь «чудо над Вислой» Русская армия могла быть раздавленной до Кубанского десанта и никакой эвакуации армии не было бы.

Некоторые авторы причин неуспеха десанта видят в выделении для него недостаточных сил. Мы уже отмечали, что ген. Врангель выделил всё, что было возможно. Также отметили, что в десант были назначены из стратегического резерва лучшие части. На Крымском фронте оставили 22.300 штыков и сабель, то есть 66 процентов состава армии, а в десант было отправлено 11.500 штыков и шашек, при очень небольшом количестве артиллерии. Ген. Врангель и военные специалисты правильно считают, что сил для десанта было достаточно, ведь **весь расчет был поднять «сполох» среди Кубанских, Донских и Терских казаков** и влить в себя всех повстанцев с группой ген. Фостикова.

Советский исследователь действий Кубанского десанта А. Голубев пишет: «Словом в боевых действиях группы ген. Улагая на Кубани имелось налицо все данные к тому, чтобы она могла развить свои успехи, если бы оправдалась основная предпосылка операции — активная поддержка населения».

Расчет Ставки Главкома был на освобождение Кубани и Дона местными восставшими силами, а не завоевание этой территории путем уничтожения 9-й армии красных с ее колоссальными резервами. Для разгрома же передовых частей 9-й армии показала первая неделя Кубанской опе-

рации, когда дивизии ген. Бабиева и ген. Казановича открыли своими действиями генералам Улагаю и Драценко путь на Екатеринодар. Таким образом первые действия Кубанского десанта были очень удачны. Десант овладел большим плацдармом и внес растерянность в работу большевистского командования. Но после 8/21 авг. красное командование срочно подтягивает силы с Польского фронта, из армейского резерва 9-й армии, фронта главного командования и берет из Москвы 2-ю бригаду курсантов ВЦИКа. После этого красные имели превосходство более чем в три с половиной раза. Силы десанта с отрядом ген. Фостикова в это время имели 16.995 штыков и сабель, а красные собрали против десанта и ген. Фостикова около 52.000 штыков и шашек.

Если неуспех Кубанской операции рассматривать как начало поражения Русской армии, то тут надо отметить и полный проигрыш сражения на Кубани большевиками.

Во время десанта большевики не получили в лице Кубанского казачества союзников в борьбе с Русской армией. Колебания же казачества в отношении советской власти оставались неизбежными, и особенно, в 1921 году. В августе же 1920 г. видя слабость десанта, ошибки его командования, стать организованным массовым союзником десанта они боялись. Вот почему А. Валентинов и пишет, что после Кубанской неудачи — «престиж наш надолго сведен почти к нулю». Это «долго» продолжалось до 1941 года, то есть когда миллионы российского народа, голосуя оружием и ногами, говорили: — «к чёрту, дьяволу, только не с большевиками».

Во время действий противодесантных частей ни один приказ ни начдива — Мейера, ни предревсовета республики Бронштейна-Троцкого, ни предревсовета IX-й армии Розенгольца не был выполнен бойцами IX-й армии и различными резервами из глубины страны, даже из самой Москвы. По этим приказам IX-я армия не должна была выпустить десант обратно в Крым. Мы точно не знаем, был ли это умышленный проигрыш командующего фронтом Гиттиса или результат массового упадочного настроения красноармейцев, для которых политические лозунги русской армии ген. Врангеля были ближе коммунистической действительности. Можно считать, что только устрашение особоуполномоченного ВЧК по Сев. Кавказу «товарища» Ландера задержало на несколько месяцев открытое и массовое недовольство казачества большевистской политикой. А. Голубев (там же, стр. 145) по этому поводу пишет: «основную причину поражения отрядов десанта мы видим не в отдельных субъективных ошибках тех или иных белых начальников, а в социально-политическом положении на Кубани и Северном Кавказе. Крестьянство еще не было активным врагом соввласти, это произошло в 1921 году».

Красное командование знало, что наше казачество и пленные красноармейцы были единственным массовым союзником и резервом Русской армии. Победить их можно было только силой. Кубанский противодесантный фронт вместе с фронтом против «Армии Возрождения России» ген. Фостикова по количеству сосредоточенных на нем красных сил превосходил все остальные фронты и, в частности, важнейший в то время польский фронт. Не надо забывать, что на исход Варшавской операции не малую положительную роль сыграли Кубанские десанты, совпавшие с ней по времени.

Как известно, Русская армия 19 авг./1 сент. атаковала Каховскую группу красных, а к 23 авг./5 сент. оттеснила ее в исходное положение. Развивая успех, армия ген. Врангеля перешла в общее наступление на всем Крымском фронте, использовав для этого в качестве резервов возвратившиеся с Кубани десантные части. Советский исследователь Кубанской операции А. Голубев считает, что эта операция, сильно сказавшись на борьбе с Польшей, не отразилась непосредственно на Крымском участке. Отмечая исключительно напряженный характер боев в течение всей операции, тот же автор приводит в своей книге цифры потерь. По советским источникам красные части, принимавшие участие в противодесантной операции, имели: убитых, раненых и пропавших без вести (советские авторы не указывают отдельно количество сдавшихся в плен красноармейцев) — 6.569 бойцов и командного состава (А. Голубев, там же, стр. 149); у десанта выбыло из строя тех же категорий около 6.000 человек.

Советские военные литераторы конца 20-х годов справедливо считали, что действия десантных частей ген. Улагая не заслуживают никакого упрека. Все три группы десанта имели все данные к тому, чтобы осуществить основные цели операции, если бы они встретили активную массовую поддержку казачества и Черноморского крестьянства, в расчете на которую и посылался десант. В борьбе же с превосходящими силами противника, включая бригаду московских курсантов-коммунистов, группа ген. Улагая показала отличное руководство начальников дивизий.

После отступления по приказу ген. Улагая из Тимошевской, прилетевший из ставки Главкома ген. Коновалов сумел вывести всю группу ген. Улагая к пунктам посадки, не только без серьезных поражений и больших потерь, но и в составе увеличенном за счет пленных красноармейцев, бело-зеленых, мобилизованных и добровольцев-кубанцев.

Советские авторы видят в неудаче Кубанской операции социально-политическое положение на Кубани и на Северном Кавказе. Указывается в советской литературе и о ссорах кубанского казачества с Добровольческой армией ген. Деникина.

Вряд ли с этими доводами можно согласиться. И старое и молодое казачество, а так же и иногородные при первоначальных успехах десанта его поддерживали не из социально-политических соображений. Они боролись против большевизма

еще с 1917 года, они знали гражданскую войну и продразверстку. Видя, что десант остановился на три дня в Тимошевской и начал отступать, казаки отчасти из-за страха за свои семьи не шли ни добровольно, ни по мобилизации.

Социально-политических ошибок Кубанский десант не делал, хотя Г. Раковский в своих очень односторонних работах: — «В стане белых» и «Конец белых» и упрекает командование десанта, что оно в захваченных станицах вместо гражданского управления устанавливало военные комендатуры. По нашему мнению, последнее было делать необходимо, чтобы в случае неудачи десанта, не подвергать казаков мести от победивших большевиков.

Здесь уместно остановиться на разведывательных ошибках с обеих сторон. Ставка ген. Врангеля была уверена в активной поддержке со стороны населения и прежде всего всего казачества Кубани. Большевики строили свои первоначальные действия в полном убеждении, учитывая повстанческое движение и восстания в некоторых станицах, что население сочувственно настросно к Русской армии ген. Врангеля. Штаб Главкома кроме содействия населения рассчитывал и на совместные действия с повстанческой «Армией Возрождения России» ген. Фостикова. Между тем, этот расчет не был технически подготовлен. Ген. Фостиков не получил указаний о необходимости совместных действий с десантом и даже не был информирован о дне высадки и его задачах, несмотря на то, что он еще перед операцией признал над собой командование ген. Врангеля. Хотя население и было подготовлено агитацией о десанте и его задачах, **но был совершенно игнорирован вопрос о технической подготовке восстания,** хотя и были заготовлены эшелоны с обмундированием, оружием, огнеприпасами.

Крупной ошибкой плана десантной операции считается система отдельных самостоятельно действующих отрядов, которые при этом действовали не одновременно с главными силами десанта. Если бы десанты ген. Черепова, а потом ген. Зибеля и ген. Харламова действовали совместно с успехами группы ген. Улагая, успели бы объединить, по идее ген. Врангеля, местные антисоветские силы,отвлечь красные части от группы ген. Улагая, а при успехе двинуться на соединение с ней, тогда можно было бы рассчитывать на поднятие всеобщего восстания, **ибо моральная сторона восстания является важнейшим моральным фактором в первом его успешном периоде малейшей активной группы.** Из-за каких-то задержек действий десанта Черепова, Зигера и Харламова их деятельность оказалась бесцельной растратой сил и личных больших потерь. Любые поражения мелких отрядов могут только деморализовать и удерживать широкие слои населения от активного его совместного выступления.

Если отлично была проработана техническая сторона начала боевых операций штабом ген. Врангеля, то во всем ходе боевых действий ген. Улагая не наблюдалось действий «крупным кулаком». После разгрома 1-й кавдивизии красных вся группа ген. Улагая оперирует в расходящихся направлениях. Конечно, здесь сказывается ошибка начальника штаба группы. Более компактно действует ген. Бабиев и ген. Казанович, разъединенные, однако, между собой широким пространством и даже на некоторое время потерявшие связь со штабом Улагая.

Некоторые советские авторы, разбирая операции группы ген. Улагая, склонны считать слабое обеспечение участка ген. Бабиева и приписывают себе на нем правому флангу красных какие-то «решительные успехи». Как раз, наоборот, в этом районе действия дивизии ген. Бабиева были наиболее успешными, несмотря на численное превосходство противодесантных сил. Советские же источники указывают, что бои на этом участке вынудили группу Улагая бросить Приморско-Ахтарскую. На самом же деле оставление Ахтарской было следствием действий Мариупольской флотилии красных с десантом на Камышеватский мыс и небрежности конвойных судов десанта ген. Улагая, допустивших два раза обстрел противником базы десанта. В действительности же части ген. Бабиева удерживали район Брыньковская — Ольгинская еще три дня после эвакуации базы из Ахтарской. Это было и 11/24 авг., когда группа ген. Бабиева прикрывала огромные обозы, отходящие из поселка Ахтарского.

В советской военной литературе двадцатых годов существовало мнение, что при отступлении группы ген. Улагая она была «разгромлена» красными. В те же годы А. Голубев (там же, стр. 151) указывал, что в интересах истории и правильного учета опыта гражданской войны десант мог бы действительно быть уничтожен и отмечал, почему это не произошло. Благодаря умелому управлению ген. Коновалова, группа ген. Улагая сохранила боеспособность частей, планомерно произвела обратную эвакуацию в Крым, забрав с собой не только все свои части, больных и раненых, но и мобилизованных, участников бело-зеленых отрядов, присоединившихся к ней в первый период набранных в станицах подводчиков, пленных красноармейцев в том числе и раненых. Эвакуация из Ачуева была проведена фактически без помех со стороны красных, за исключением авиационных налетов большевиков на импровизированный из телег мол.

Здесь мы вынуждены опять возразить некоторым эмигрантам, что в 1920 году красное командование уже научилось управлять значительными силами и это руководство было вполне на вы-

соте. Не будем касаться бегства красной армии из под Варшавы, совпавшее по времени с Кубанским десантом. Прежде всего, у красного командования отсутствовал общий план действий как в период подготовительный, так и в процессе боевых действий. Исключительную роль в действиях красных сыграла неверная оценка им операционных направлений, вследствие чего появление крупных сил Кубанского десанта в Ахтарско-Тимошевском направлении для него оказалось неожиданностью. Растерянность красных после первых успехов десанта и эвакуация Екатеринодара, вытекавшая в значительной степени из неправильной оценки политического состояния Кубани, только в дальнейшем сказались в равномерном обкладывании группы ген. Улагая подтягивающими резервами. В оперативных документах нигде рельефно не выступает стремление красных действовать на фланги и тылы десанта крупными силами, хотя очертание фронта представляло к этому самые широкие возможности. Большие группировки красных всегда направлялись для фронтальных ударов или фронтального преследования.

В одном из документов (при передаче 1-й бригады 2-й Донской дивизии на усиление группы начдива 9) есть указание фронтового командования (быв. полк. Гиттиса. Ред.) на необходимость наиболее решительных действий правого фланга. Вряд ли этот вариант мог бы дать удачные результаты. Сильная группировка на правом фланге отбрасывала бы десантные части к району плавней, где он мог образовать или затяжной фронт, или, пользуясь немногочисленными дорогами, исключавшими возможность широкого маневра, отойти к приморским пунктам, откуда организовать спокойную эвакуацию, как и сделал впоследствии. При более глубоком отходе десанта этот удар мог вывести десант на тылы частей, прикрывающих побережья Темрюк — Новороссийск, а следовательно, вел к сближению действий всех трех десантных отрядов, или же к соединению с повстанческой армией ген. Фостикова через Екатеринодар — Майкоп, то есть в районы, наиболее благожелательно к десанту настроенные. Эти варианты действий десантных групп под нажимом массивной группировки правого фланга и вынужденном оставлении ими сообщений с морем через Приморско-Ахтарскую можно было считать весьма вероятным, тем более, что большая подвижность десанта, по сравнению с красными, позволяла белым быстро оторваться от преследования. В качестве недостатков этого варианта можно также отметить, что нажим в этом направлении отбрасывал десант в районы, наименее удаленные от Крыма.

К иным результатам приводило массирование сил на левом фланге с последующим ударом в северном направлении. Этот удар прежде всего отдалял десант от Крыма, оттесняя его в районы ему наиболее враждебные. Отходя к северу, десант до самого Ейска не имел пунктов, удобных для обратной эвакуации и оборудования под базы. Энергичные действия красных при этом варианте могли бы иметь самые решительные последствия.

Возможность сосредоточения сил на том или ином фланге была примерно одинакова. Если группировка правого фланга красных могла опираться на Старо-Минский железнодорожный узел, то группировка на левом фланге имела бы у себя более мощный Екатеринодарский узел, а впоследствии могла иметь и станцию Тимошевскую.

А. Голубев считает, что группировака на левом фланге могла бы быть более легко выполнимой, поскольку большинство полученных красных резервов прошло именно через Екатеринодар (Таманская, 14-я, 33-я кавбригады, 7-я кавдивизия, 26-я стрелковая бригада, 2-я московская курсантская бригада ВЦИКа, 1-я бригада 1-й Донской дивизии).

Характерным обстоятельством, затруднявшим деятельность красных, была его постоянная неосведомленность о положении на фронте и вытекающая отсюда невозможность правильно оценивать обстановку. Первой причиной этого надо считать слабую работоспособность штаба IX-й армии, имевшего к тому времени большой комплект работников, а затем чрезмерную осторожность и «недальнобойность» задач, даваемых дивизиям и группам, что не раз приводило к тому что части, заняв указанные в директивах пункты, теряли соприкосновение с десантом. Важную роль в этом деле играла также слабая инициатива начдивов и отдельно действующих комбригов и их неумение правильно использовать конницу (например, 2-я Донская дивизия после боя 9/22 авг.), а также слабость связи армейского командования с частями, что в значительной мере зависело от методов управления армией. Как правило, командарм с членами реввоенсовета армии в течение всей операции меньше находились при тыловом штабе армии, располагавшемся в Екатеринодаре, чем непосредственно при действующих частях. Местопребывания командарма IX не всегда было известно большинству действующих частей, так как он, выезжая с небольшим количеством сотрудников, не располагался полевым штабом, а находился непосредственно при командовании одной из частей. Иногда он лично принимал на себя руководство действиями той или иной части. Это вело к тому, что донесения начальников дивизий и командиров бригад шли в Екатеринодар, а командующий армией, зная положение на участке одной части, не знал своевременно положения на всем фронте, а поэтому не мог координировать действия подчиненных частей.

А. Голубев приводит следующие примеры, которые наблюдались в противодесантных частях: вечером 4/17 авг., давая задачу 1-й кавдивизии, командарм IX не знал рубежей, достигнутых Приуральской бригадой; 9/22 авг. он не имел сведений о действиях красной флотилии и панике, происшедшей в базе десанта; 12/25 авг. не имел

представления о боях и положении на фронте кроме района Ольгинской (момент прорыва ген. Бабиева); 13/26 авг. оказался неосведомленным об экспедиции из Екатеринодара Ковтюха. Так что говорить о том, что красное командование было вполне на высоте для руковокства значительными силами мы считаем ошибочным. Это показали: польско-советская война 1920 года, провокационное бездарное нападение на Финляндию в ноябре 1939 г. и Вторая мировая война первых двух лет.

К сожалению, как мы уже отмечали, плановое руководство у Штаба десанта тоже отсутствовало. Ген. Улагай лично руководил штабом при своей группе, которая быстро дошла до Тимошевской, база находилась в Приморско-Ахтарской, а начальник штаба ген. Драценко часто отлучался на фронт к дивизиям, поэтому ген. Улагай находил его неподходящим начальником штаба. После возвращения ген. Драценко в Ставку выяснилось, что он настаивал на быстром наступлении вперед, отчего ген. Улагай в начале операции отказывался. Эти разногласия между начальниками начались с самого начала операции. Отряды ген. Черепова и ген. Харалмова действовали без тесной связи со штабом десанта.

Десантная операция Русской армии отвлекла весьма значительные силы красной армии как с Западного, Юго-Западного и Восточного фронтов, так и вынудила большевиков израсходовать не только армейские и фронтовые резервы, но и часть резервов главного командования. А. Голубев считает, что сосредоточение такой массы войск сейчас (1920 г. Ред.) нельзя считать правильным со стороны командования красной армии, тем более, что часть из них не принимала участия в боевых действиях: одни — вследствие позднего прибытия, другие — из-за неправильного оперативного использования (морская экспедиционная дивизия).

Сосредоточение излишних войск говорит за переоценку красными значения и возможностей десантного фронта и боязни враждебности Кубанского и Донского казачества. Бои красной армии с главной десантной группой ген. Улагая продолжались более чем три недели. Такое затягивание было результатом активного сопротивления десантных частей, хорошей разведки у десанта и умение маневрировать. Боевой успех IX-й армии А. Голубев относит не к оперативному искусству красного командования, а к численному у него превосходству. А. Голубев в своем капитальном труде о Кубанском десанте Русской армии ген. Врангеля вынужден признать, что частям IX-й армии большевиков пришлось «выдерживать упорнейшие бои с превосходным и тактически искусно руководимым белым командованием противником (бои 2-й Донской дивизии у Тимошевской и Степной, 26-й бригады у Ново-Николаевской и Ново-Ниже-Стеблиевской, 22-й кавбригады у Ново-Николаевской, Старо-Джерелиевской, Полтавской, 22-й дивизии у Новороссийска и на Таманском полуострове)».

Но эта похвала не столько похвала «черного войска», сколько стойкости рядовых-строевых бойцов и юношей юнкеров, которая дорого обошлась последним.

Горсточка Кубанского десанта в количестве около 12.000 штыков и сабель почти без артиллерии, броневых частей и авиации с 1/14 авг. по 2/25 сент. 1920 г. геройски боролась против 35.895 штыков, 6.046 шашек, 819 пулеметов, 153 легких орудий, 27 тяжелых орудий, 5 бронепоездов, одного броневотряда, 19 самолетов, 5 аэростатов и сильной Мариупольской флотилии большевиков. Кроме этого, скована борьбой против «Армии Возрождения России» красными было сосредоточено 9.683 штыка, 1.901 сабля, 385 пулеметов и 76 легких орудий.

Без действительной помощи бывших союзников и Польши, которая военные действия приостановила против отступающих большевиков почти сразу после «чуда на Висле» и не согласилась, своевременно, на организацию на своей территории 3-й армии ген. Врангеля, Кубанский десант, истекая кровью и неся большие потери, все же, благодаря ген. Коновалову, благополучно эвакуировался в Крым, а не был раздавлен красными по кровожадным приказам Бронштейна-Троцкого, Мейера и Розенгольца. Здесь можно привести русскую пословицу — «сила солому ломит».

В начале нашей статьи мы привели две Пушкинские строки, которые тогда относились к Западной Европе. Теперь эти же строки, в качестве эпилога, можно отнести ко всей Восточной Европе, когда Россия для нее своей кровью в 1914-1920 гг. дала ей независимость, «вольность, честь и мир», но после 1939-1945 гг. эта Европа ни независимости, ни свободы не получила.

Из прошлого

ПОСЕЩЕНИЕ 22 ПЕХ. НИЖЕГОРОДСКОГО ПОЛКА ЕГО АВГУСТЕЙШИМ ШЕФОМ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ВЕРОЙ КОНСТАНТИНОВНОЙ

Сообщила Её Выс. Княжна Вера Константиновна (Нью Йорк, 1979)

«Варшавский Вестник» 25.9 (8.10) 1903 г.
Корректировано редактором «В.-И.В.» 1979

17 августа 1903 года совершенно неожиданно командиром Нижегородского полка было получено письмо от церемониймейстера Высочайшего Двора В. В. Вестмана, который по приказанию Августейшего Шефа полка сообщал, что 18 сентября, около 9 1/2 час. вечера, Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Вера Константиновна изволит прибыть на станцию «Остроленка», где примет от полка почетный караул, а затем, проведя ночь в вагоне, изволит пожаловать в полк, в Нижегородский штаб, примет церковный парад, осмотрит некоторые помещения, после чего изволит предложить от Себя завтрак всем г.г. офицерам полка в офицерском собрании.

Не поддается описанию то впечатление, которое произвело на полк столь радостное сообщение, сулившее полку высокую, небывалую честь. Начались предложения, как получше встретить дорогого Гостя, но, к сожалению, к таким приготовлениям немедленно приступить было нельзя, так как сообщение застало полк в лагерях в период самой горячей лагерной работы, а потому волей неволей пришлось всё отложить до возвращения на зимние квартиры, т. е. до 2-3 сентября. В это же время командир полка полковник Маврин был вызван в Петербург для представления Августейшему Шефу. Тут Ее Императорское Высочество изволила лично указать командиру полка подробную программу всего своего пребывания в полку и, узнав, что все офицеры полка сочтут за особое счастье встретить Ее Императорское Высочество на станции, приказала устроить на станции холодный ужин для всех офицеров полка.

Тем временем в Нижегородском штабе закипела работа; все лето в полку строились новые здания и вследствие этого дворы имели далеко не блестящий вид. Начались и украшения. У самого въезда в район казарм, на шоссе, воздвигнута триумфальная арка — из четырех ажурных колонн, расположенных по углам квадрата, соединенных между собой сводом из зелени, увенчанным огромной золоченой королевской (виртембергской) короной, находящейся на малиновой бархатной подушке, обшитой золотыми шнурами с огромными кистями по углам. На сторонах, обращенных к въезду и выезду, на красиво драпированных горностаевых мантиях, на особом щите, огромная буква В под короной. Вокруг всей арки драпировка из красной и синей материи. Между колоннами вдоль по шоссе огромные жардиньерки с живыми цветами. От арки, вдоль по шоссе, по фронту казарм шла целая аллея флагов, укрепленных на обвитых зеленью столбах. Такие же флаги расставлены по обе стороны всего пути, который приходилось делать Великой Княгине, переезжая от одного казарменного здания к другому. Эти последние украшены флагами и гирляндами из зелени. Плац, на котором Ее Высочество изволила принимать парад, тоже весь окружен флагами, к каждому из которых был прикреплен щит с гербом полка и названием одного из многих славных боевых его дел. Посредине плаца для Ее Высочества была устроена изящная палатка-павильон, которая по своей легкости и изяществу напоминала скорее бонбоньерку; рядом с ней полуоткрытый большой шатер для полковых дам. Одновременно шла работа и на станции «Остроленка», где устраивался шатер для ужина на 80 персон. Благодаря любезному содействию начальника дороги г. Иванова и полной готовности придти на помощь, где нужно, начальника службы движения г. Терентьева и начальника дистанции г. Соколова, дело и здесь увенчалось полным успехом, и к приезду Ее Высочества была готова огромная зала, ярко освещенная, украшенная зеленью и флагами, с уголком для гостиной.

Но вот с нетерпением ожидаемый день, — день приезда Ее Императорского Высочества, наступил. С утренним поездом из Остроленки командир полка командировал на станцию Малкин старшего штаб-офицера, подполковника Роснянского, который должен был встретить Ее Высочество, приветствовать Ее от имени полка и поднести букеты Ее Высочеству и фрейлине баронессе Геминген и затем сопровождать до г. Остроленки. На встречу Ее Высочества, как Августейшего Шефа полка, был с нарочным отправлен изданный в этот день приказ по полку.

Уже в 8 часов вечера начали прибывать на станцию офицеры Нижегородского полка, начальники отдельных частей Остроленского гарнизона и депутация от 16 драг. Глуховского полка, — последняя для приветствия Ее Императорского Высочества, как дочери Августейшего Шефа полка, Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны. Ровно в 9 ч. 15 м. вечера подошел экстренный поезд Ее Императорского Высочества, и Великая Княгиня в мундире Своего полка и серой накидке с генеральскими пуговицами и погонами, сопровождаемая состоящими при Ее Высочестве церемониймейстером Высочайшего Двора В. В. Вестманом, камерге-

ром Двора короля Виртембергского бароном де Валуа и баронессой фон-Геминген — вышла из вагона. Приняв почетные рапорты от начальника Остроленского гарнизона генерал-лейтенанта фон Лизах-Кенигк и командира Нижегородского полка полковника Маврина, Ее Высочество проследовала вдоль фронта почетного караула и, поздоровавшись с ним, приняла ординарцев и посыльного, представлявшихся начальников отдельных частей и депутацию от Глуховского драгунского полка. Затем Ее Высочество снова вернулась к правому флангу караула и, пропустив его церемониальным маршем, поблагодарила людей. После этого командир полка имел честь представить Августейшему Шефу всех офицеров полка. По окончании представления все перешли в павильон и тут Ее Императорское Высочество от имени короля Виртембергского изволила раздать ордена: Командиру полка, старшему штаб-офицеру, командиру роты Ее Высочества, полковому адъютанту и ординарцу при почетном карауле и золотые медали — фельдфебелю Своей роты, знаменщику и унтер-офицеру ординарцу, а рядовому для посылок изволила пожаловать серебряные часы.

После ужина, сервированного «à la fourchette», и чая, во время которых Ее Императорское Высочество милостиво беседовала с командиром и офицерами, сидевшими против своего Августейшего Шефа, и с начальствующими лицами, Великая Княгиня, поблагодарив бывшего тут же г. Терентьева за оказанное полку содействие в деле устройства павильона и высказав командиру полка свое удовольствие за всё виденное, проследовала в поданный к павильону свой вагон, который сейчас же был отведен к месту, назначенному для ночлега.

Так, около 11 часов вечера, закончился первый день прибытия Ее Высочества к полку и счастливые Нижегородцы возвратились в полк для новой еще более торжественной встречи своего Августейшего Шефа.

Ровно в 10 ч. 15 м. утра 19 сентября Ее Императорское Высочество изволила выйти из вагона и, заняв место вместе с баронессой Геминген в ландо, запряженном четверкой белых лошадей в наборной русской упряжи и имея унтер-офицера своего полка на козлах, проследовала в Нижегородский штаб. Впереди Ее Высочества вместе с начальником уезда ехал ломжинский губернатор барон Корф, а позади г.г. Вестман и барон Валуа. У въезда в г. Остроленку, украшенного флагами и гирляндами из зелени, выстроилась пожарная команда с обозом и хором музыки и тут же стали городские училища. Когда экипаж Ее Высочества остановился, бургомистр имел счастье поднести хлеб-соль от горожан на деревянном резном блюде. При дальнейшем следовании между шпалерами из нижних чинов 21 пехотного Муромского полка, а затем, к Нижегородскому штабу, из нижних чинов 10 саперного батальона, Ее Императорское Высочество посетила бывшую церковь 16 др. Глуховского полка, построенную на средства чинов полка в память избавления Царской Семьи от грозившей Ей опасности 17 октября (1888 г. Ред.).

В Нижегородском штабе, на месте парада, в это время уже все было готово: полк был выстроен в линии взводных колонн; начальство — на правом фланге; полковые дамы в светлых костюмах с букетами в руках в своем шатре; рядом — приглашенные лица. Весь плац окружен цепью нижних чинов в парадной форме, для наблюдения за порядком. Но вот вдали показалась белая четверка, и на плацу все замерло в ожидании встречной команды полкового командира. Экипаж Ее Высочества проехал под арку и, свернув с шоссе на плац, остановился против правого фланга полка. Великая Княгиня в белом атласном платье и мундире Своего полка и той же серой накидке, как и накануне, вышла из экипажа и, приняв от полкового командира рапорт, прошла к начальствующим лицам, с которыми поздоровалась, а затем направилась вдоль фронта полка, здороваясь с каждым батальоном отдельно. Дружное: «здравия желаем Ваше Императорское Высочество», а затем громовое «ура» понеслось по рядам и продолжалось, пока Ее Высочество не вошла в Свой шатер. Здесь командир полка имел счастье поднести Ее Высочеству роскошный букет с лентами цвета полка, на которых золотом была вышита буква В под королевской короной, а на другом конце начальные буквы названия полка и дата. Несколько проще букет с лентами, вышитыми шелком, был поднесен баронессе Геминген. Началось молебствие, по окончании которого Ее Высочество вновь прошла по всему фронту полка, следуя за священником, окроплявшим войска св. водой, а затем, возвратясь в свой шатер, Великая Княгиня пропустила полк церемониальным маршем два раза — поротно развернутым строем и во взводных колоннах, удостоивая каждый раз каждую роту Своей похвалой, причем Ее Высочество изволила обратить внимание, что второй раз полк проходил под звуки марша Виртембергского Уланского Ее Высочества полка, и выразила по этому поводу свое удовольствие командиру полка.

Когда церемониальный марш был окончен и полк вновь занял свое первоначальное место, Ее Высочество изволила принять полкового адъютанта с дневной запиской, фельдфебеля Своей роты с рапортом и ординарцев и посыльного, после чего был подан столик с чаркой.

Выйдя из шатра, Ее Императорское Высочество подняла чарку за здравие Государя Императора: в ответ новое могучее «ура» понеслось по рядам, заглушая звуки народного гимна, исполняемого оркестром. Затем Ее Высочество провозгласила здравницу Государыням Императрицам Александре Феодоровне и Марии Феодоровне и Государю Наследнику Михаилу Александровичу, покрытую таким же «ура». Когда вновь все стихло, Августейший Шеф изволил пить за Свой Нижегородский полк, в ответ на что командир полка поднял чарку за драгоценное здравие своего

Шефа, Ее Императорского Высочества; эта здравница была встречена дружным и громким «ура». Но вот чарка убрана, раздались последовательно команды «под знамя» и потом «побатальонно по казармам», и плац опустел. Тогда Ее Императорское Высочество вышла из шатра, к которому подошли уже полковые дамы. Полковой командир представил старшую из дам — супругу подполковника Роснянского, — и эта последняя представляла уже всех остальных дам, из которых каждую Ее Императорское Высочество удостоила милостивыми расспросами о жизни в полку. Последней представлялась крестница Ее Высочества девица Станкевич, которая из рук своей крестной матери удостоилась получить ценный подарок.

По окончании представления были поданы экипажи, и Ее Высочество проследовала в полковую церковь, у входа в которую собрались все офицеры полка и полковой священник в облачении и с крестом, приветствовавший Великую Княгиню краткой речью. Приложившись к кресту, Ее Высочество, сопровождаемая всеми офицерами полка, вошла в церковь, где после краткого молебствия с провозглашением многолетия, священник от имени всех чинов полка благословил Ее Высочество образом Владимирской Божией Матери, полковой святыни, прося принять таковой в память посещения полка, на что Ее Императорское Высочество милостиво соизволила и благодарила г.г. офицеров. На обратной стороне образа прикреплена вызолоченная доска с надписью: «Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Вере Константиновне, Августейшему Шефу 22 пех. Нижегородского полка, благословение Божие от верноподанных Нижегородцев в день посещения Ее Высочеством Своего полка. Нижегородский штаб, 19 сентября 1903 года». Из церкви Ее Высочество пешком проследовала в Свою роту, где были собраны нижние чины и приготовлены столы для праздничного обеда, а также отдельный столик с пробной порцией. Приняв рапорт от дежурного по роте, Ее Высочество прошла к столику, где командир роты поднял чарку за здоровье своего Августейшего Шефа. После этого Ее Высочество изволила лично раздать всем чинам своей роты по портрету Государя Императора, удостоив при этом каждого разрешением поцеловать Ее руку. Попробовав пищу и найдя таковую хорошей, Ее Высочество милостиво говорила с некоторыми нижними чинами, которые уже сели обедать, а потом обошла помещение всей роты, причем поинтересовалась устройством солдатской кровати. Вызвав затем унтер-офицеров, произведенных в день Ее приезда, и выразив удовольствие видеть их в новом звании, Ее Высочество прошла из Своей роты в полковой лазарет. Предполагавшееся по пути посещение школы офицерских детей не состоялось вследствие появления у одной из девочек горловой жабы заразительного характера, почему по распоряжению командира полка школа за два дня до приезда Великой Княгини была закрыта и дети были распущены.

В лазарете Ее Императорское Высочество, приняв представлявшийся медицинский персонал, обошла все палаты, не оставив ни одного больного Своим милостивым вниманием и расспросами о ходе и продолжительности болезни и о настоящем состоянии здоровья больного. Обходом лазарета заканчивался намеченный осмотр помещений, и в половине второго часа дня Ее Высочество покинула лазарет для следования в офицерское собрание. Перед входом в последнее собрались все офицеры полка с командиром во главе и, когда Великая Княгиня вышла из экипажа, полковник Маврин имел честь приветствовать Ее Высочество и от имени полка поднес хлеб-соль на простом резном деревянном блюде. Ее Высочество видимо была тронута этим простым, но и в высшей степени сердечным проявлением гостеприимства полка. Затем Ее Высочество удостоила всех офицеров разрешением снять Ее в одной общей группе со всем Своим полком, что и было немедленно исполнено прибывшим из Варшавы фотографом Рембрантом, причем были сняты две группы: одна — Ее Высочество и все офицеры Ее полка, другая — те же лица и все присутствующие начальники и приглашенные.

После снимания Великая Княгиня по сплошь установленной цветами лестнице изволила пройти в гостиную офицерского собрания, куда сейчас же был приглашен командир полка, и здесь Ее Высочество, выразив полковнику Маврину еще раз Свое полное удовольствие по поводу всего виденного и Свою благодарность за парад и прием, изволила пожаловать ему Свой фотографический портрет в раме и с Собственноручной подписью.

Тем временем в бальной зале собрания, заново отделанной, за столами убранными цветами, собрались все офицеры и чиновники полка и все приглашенные Ее Высочеством к столу гости. Когда закуска была обнесена, Ее Императорское Высочество, сопровождаемая командиром полка и начальствующими лицами, изволила выйти к столу и занять место по середине стола, составлявшего перекладину огромного покоя, занимавшего почти всю залу, имея по левую руку начальника 6 пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Лизарх-Кенигка, а по правую ломжинского губернатора камергера барона Корфа. По той же стороне стола сели все приглашенные, а на противоположной старшие офицеры полка, имея полкового командира посредине.

Во время завтрака Ее Императорское Высочество милостиво беседовала со всеми окружающими, а когда подано было шампанское, Великая Княгиня провозгласила тост за здравие Государя Императора, встреченный долго несмолкавшим громовым «ура» и звуками народного гимна. Второй тост Ее Высочество провозгласила за здравие Государынь Императриц Александры Феодоровны и Марии Феодоровны и Государя Наслед-

ника Великого Князя Михаила Александровича; этот тост был встречен таким же восторженным «ура» и звуками маршей Уланского, Кавалергардского и Преображенского полков. Когда всё успокоилось, Великая Княгиня сказала:

«Господа, Приветствую вас и выражаю вам Мое удовольствие находиться в вашем обществе. Благодарю вас сердечно за ваш радушный прием и за превосходный образ, которым вы Меня чрезвычайно обрадовали и глубоко тронули.Я несказанно счастлива, что Мне, наконец, удалось посетить Мой чудный полк, познакомиться с ним лично, после того что заочно уже долго гордилась им. Зная его храброе прошлое, Я и не удивилась, что его сегодня нашла в столь блестящем виде и уверена, что Мои доблестные Нижегородцы, потомки бородинских героев, им всегда будут делать честь, служа Царю верно и Отечеству на славу. Мои товарищи Нижегородцы — ура!»

В ответ на этот тост, покрытый дружным «ура», командир полка ответил речью, в которой указав на небывалое, выпавшее на долю полка счастье принимать у себя своего Августейшего Шефа и в кратких словах обрисовав неприглядную обстановку жизни полка, — сказал, что горячая любовь Нижегородцев к Государю Императору, беспредельная Ему преданность заставляют забыть все неудобства жизни и посвятить себя исключительно служению своему Державному Вождю и совершенствованию родного полка, что приезд Ее Императорского Высочества свидетельствует, что они не забыты Царской милостью, не забыты и своим Августейшим Шефом, и это даст им новые и новые силы и энергию для дальнейшего совершенствования и верной службы Государю и Отечеству. Поблагодарив за честь и внимание, полковник Маврин провозгласил тост за здравие Августейшего Шефа полка, тост, встреченный долгим и могучим «ура».

Когда все стихло, полковник Маврин вновь поднял бокал за скорейшее восстановление полного здравия Матушки Августейшего Шефа, Великой Княгини Александры Иосифовны; раздалось дружное «ура» и звуки марша 16 драгунского Глуховского Имени Ее Высочества полка.

Вслед засим полковник Маврин провозгласил тост за процветание Виртембергского Уланского полка, с которым Нижегородцы соединены общим Шефом, причем оркестр исполнил марш Виртембергских улан.

Около 4 часов дня завтрак окончился, и Великая Княгиня перешла в гостиную, куда собрались все офицеры полка. Здесь командир полка представил каждого из офицеров, и Ее Высочество с каждым изволила сказать несколько слов, пока не наступил час отъезда на железную дорогу. Тогда, расписавшись в книге почетных посетителей собрания и простившись со всеми, Ее Высочество покинула офицерское собрание и, сопровождаемая всеми офицерами полка и полковыми дамами, между шпалер из всех нижних чинов Нижегородского полка, вошла в свой вагон, после чего поезд при громких кликах «ура» всех присутствовавших отошел от станции.

Ее Императорское Высочество при посещении Своем полка изволила пожаловать каждому нижнему чину по портрету Государя Императора и наградные деньги в размерс: имеющим шевроны по 1 рублю, унтер-офицерам — по 50 коп. и всем остальным по 25 коп. Независимо сего Ее Высочество пожаловала наградные деньги музыкантам, певчим и всем тем нижним чинам, которые служили при Ее Высочестве. Почетному караулу в день приезда Великой Княгини был приготовлен от Ее Высочества особый ужин.

После ухода поезда в высокой степени счастливые Нижегродцы, счастливые как тем, что только что принимали у себя своего Августейшего Шефа, так и тем, что Ее Высочество всем осталась в полной мере довольной, решили отпраздновать этот день общим ужином; во время ужина командир полка удостоился получить из Варшавы следующую безгранично милостивую телеграмму:

«Не нахожу слов, чтобы выразить вам еще и ещс Мою глубочайшую благодарность за все то, чем вы порадовали Меня сегодня, пока Я была в кругу дорогих Моих Нижегородцев. Шлю всем товарищам Мой сердечный привет.

ВЕРА»

На другой день в ответ на посланную телеграмму была получена телеграмма от Великой Княгини Александры Иосифовны:

«Мысленно была со всеми вами и Моей дорогой Дочерью, утешалась сердечным приемом, который оказал славный полк своему Шефу. Душевно благодарю за память и добрые пожелания и кланяюсь доблестному полку.

АЛЕКСАНДРА I.»

В тот же день была получена телеграмма от командира Виртембергского уланского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Веры Константиновны полка:

«В ответ на вашу любезную депешу я горячо благодарю вас за ваш сердечный привет. Офицеры Уланского Ее Императорского Высочества полка пьют за здоровье своих товарищей 22 пехотного Нижегородского полка.

Подполковник фон Швейнихен.»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 1907 ГОДА

К. В. Буря

Вспоминаю свое производство в первый Офицерский чин подпоручика в Петергофе, когда я впервые вблизи увидел нашего Государя Императора Николая Второго.

Нас 60 выпускников-юнкеров Михайловского Артиллерийского училища подняли со сна ранним утром 27-го июня 1907 г. в лагере Красного Села и нам курсовой офицер капитан Коновалов сообщил, что к 10 часам должны будем прибыть в Петергоф вместе с юнкерами Константиновского Артиллерийского Училища и Николаевского Инженерного Училища и там Государь лично произведет нас в офицеры.

Быстро одевались последний раз в наше юнкерское обмундирование (офицерское было уже заранее сшито и лежало в наших личных сундуках в ожидании этого радостного дня). Мы вкусно позавтракали ежедневной нашей кулебякой со свежей капустой и строем в сопровождении нашего начальства отправились на вокзал, где для нас был подан специальный дворцовый поезд.

По прибытии во дворец, дали нам полчаса на прогулку и осмотр дворцового парка. Полчаса было слишком мало, чтобы многое увидать и полюбоваться красотой, но, все-таки, в памяти моей запечатлелись знаменитые фонтаны, статуи и всё великолепие дворца и парка, а позади синяя гладь Финского залива...

Нужно уже было собираться в строй, когда я заметил, что мои шагреневые сапоги слишком запылены и подумал, как бы почистить их. Тут я увидел стоявшего на веранде дворцового камердинера пожилого, выбритого, напудренного в роскошном камзоле и обратился к нему с просьбой, где можно достать щетку и очистить мои сапоги от пыли?

Не отвечая мне, этот блистательный по своей одежде и важный по умению держаться, совсем неожиданно для меня, достает из-за фалды своего камзола обыкновенную сапожную щетку, нагибается и счищает пыль с моих сапог. Смущенный, я не мог сказать ни слова, даже благодарности... Старик, видно, понял меня и молча протянул руку, указывая мне на выходные двери.

Юнкера были построены перед фасадом Дворца. Я стою на правом фланге, третьим в шеренге. Прибыл Военный Министр генерал Редигер. Вышли и стали у боковых дверей дворца два чернокожих, не то арабы, не то абиссинцы в своих плащах. Вышел из помещения караул гвардейцев, забила дробь барабана, раздалась команда: «Слушай, на кра-ул!» И быстро въехала коляска, запряженная парой вороных с бородатым кучером на козлах, а в коляске — Государь Император Николай Второй в накинутой Николаевской шинели... Сбросив свою шинель и оставив ее в коляске, Царь вышел как скромно одетый офицер в защитного цвета кителе без орденов, в сапогах со складками, подошел к выстроенному караулу Гвардейцев, принял рапорт Начальника Караула, громко поздоровался. «Здравия желаем Ваше Императорское Величество!», как один, четко ответили Гвардейцы Караула. Затем, в сопровождении Военного Министра, Государь приблизился к нашему строю и также громко с нами поздоровался. Обходя наш строй, остановился перед юнкером Селезневым, на груди которого красовался Георгиевский Крест (солдатский) и спросил его фамилию. Юнкер Селезнев, Ваше Императорское Величество! А, помню, помню, Великий Князь Константин Константинович мне рассказывал.

Селезнев еще кадетом сбежал из Корпуса в 1905 гдоу, присоединился к эшелону проходящего пехотного полка на Маньчжурский фронт и там отличился как разведчик в тылу японцев.

Затем Государь, обойдя фронт юнкеров, остановился в середине карре и обратился к нам со словами: «Несколько дней тому назад на этом месте я произвел в офицеры юнкеров Павловского Военного училища и вы, наверное, уже прочли в газетах мое напутствие им, которое одинаково относится и к вам, поэтому не буду повторять и скажу вам только несколько слов к предстоящей вам славной и вместе с тем тяжелой и ответственной службе офицера. Будьте всегда внимательны и справедливы к солдатам, старайтесь своим личным примером воспитывать их и не прибегайте напрасно к взысканиям. Желаю вам полного успеха и поздравляю вас с офицерским чином — Подпоручика, Ура!»

Громкое «Ура» огласило вокруг все окрестности. Государь протянул руку к подбежавшему штаскому с портфелем, в котором лежала кипа Высочайших Приказов о нашем производстве. Чиновник старался открыть свой портфель, но, увы, портфель никак не открывался, заела застежка замка...

Рука Государя продолжала висеть в воздухе, а мы продолжали кричать ура-урр...а, в душе проклиная этого чиновника, поставившего всех, а главное, самого Государя почти в комическое положение с протянутой к нему рукой...

Наконец, портфель как-то открылся и весьма смущенный чинуша достал кипу праказов. Государь взял один лист и лично вручил Селезневу, а остальные листы были нам поделены этим несчастным чинушей. Каждый из нас клал лист Высочайшего Приказа под свой погон, и все уже знали: городовые, жандармы, извозчики, носильщики, кондуктора в поезде и при случае обращались к нам со словами «Ваше Благородие».

Государь прошел в боковой флигель Дворца, а Начальник нашего Училища обратился к нам со словами: Господа офицеры, Его Императорское Величество, Государь, приглашает вас во Дворец на завтрак.

Мы уже не строем, а отдельными группами поднялись во Дворец по широкой мраморной лестнице, нас поразили своей красотой и роскошной отделкой стены. Наверху в залах стояли длинные столы, без стульев, с белоснежными скатертями и салфетками, на столах серебряные приборы и разные блюда с кушаньем и красиво сервированные вина.

Каждый становился у приготовленного прибора и сам себе накладывал на тарелку еду. Лакеи услужливо разливали по бокалам вино, а желающим и водку. Я положил себе на тарелку салат с рыбой и хотел посолить, ищу глазами солонку, наконец, спрашиваю своего соседа, не видит ли он, где соль? Но тот мне вполне серьезно отвечает: Разве вы не знаете, что Государь не любит соленого и поэтому соль к Царскому столу не подается!

Думаю, что это была шутка, впрочем, не знаю... Неожиданно вошел Государь, все, конечно, прекратили еду и выпивку, лакей на подносе подал Государю бокал мадеры и Государь улыбаясь поднял бокал со словами: Еще раз желаю вам полного успеха на службе и пью за ваше здоровье! Затем пошел вниз к выходу...

Энтузиазм овладел всеми, и мы бросились вниз по лестнице за Государем, крича в исступлении «ура», «ура»!

Коляска быстро удалялась, Государь еще раз обернулся к нам и помахал прощально нам правой рукой...

Так прошел в нашей юношеской жизни самый счастливый наш день, который теперь кажется каким-то сном, ушедшим от нас невозвратно...

Библиография

В. А. ДОБРЫНИН. **«Оборона Мугани — 1918-1919. Записки кавказского пограничника»**

Сан Франциско — Париж 1978.

Книга, хотя и носит красочный и живой мемуарный стиль, но фактически является ценным историческим трудом в 240 страниц большого формата, с приложением редких фотографий и документальных данных. Описанные события ярко освещают двухлетнюю эпопею трагичной судьбы и геройской защиты далекого Муганского края, на диких границах древнего Ирана, среди бушевавшей тогда кровавой анархии и жестокой борьбы русских патриотов с враждебными племенами персидских кочевников и дикими шайками местных разбойников.

Кроме того, описывается и общее положение в то время в Закавказье и Каспии; наступление турецких войск и захват ими наших Прикаспийских городов — Баку, Дербента, Петровска, Темир-Хан-Шуры и других мест богатейшего Кавказа. Наглядно разоблачается предательская роль англичан и их преступное хозяйничанье на наших Кавказских окраинах в трагические годы крушения Великой Империи. Очень ярко описан захват Муганского края большевиками в апреле 1919 г. и наконец свержение их тиранической власти, вставшим там во главе Муганских войск и поднявшим восстание против красной нечести двадцатилетним поручиком Хошевым.

Хотя, капитан Добрынин по скромности и называет свои записки просто личным воспоминанием о пережитых им в то время бурных событий, но, однако, важность этих событий и правильность их описания, через полвека официально подтвердил сам же комиссар Микоян в советском журнале «Юность», фотографические выдержки из статей которого приложены к данной книге. Эти статьи Микояна особенно ценны, как редкое признание врага, да еще одного из высших советских вождей, открыто подтвердившим полную победу «Белогвардейцев» на Мугани; паническое бегство и гибель почти всех главных политруков и поголовный переход красных частей на сторону белых победителей.

В истории нашей Белой борьбы, свержение советской власти на Мугани, имеет особое значение, т. к. там боролись с предателями Родины, не седые генералы-академики с отборными офицерами и лихими юнкерами, а безусый юноша поднял русского человека на борьбу с его же «народной» властью и разбив врага, избавил край от тирании и рабства. Быть может когда-нибудь прилежный историк, прочтя «Оборону Мугани». поймет и раскроет причины успеха борьбы и победы юного поручика над красным врагом и трагедию поражения белых генералов-академиков.

Не мало книг и разных воспоминаний было посвящено описаниям нашей Гражданской войны на всех ее необъятных фронтах, но об оторванном в то время от России Муганском крае, до сих пор еще никем и нигде ничего не упоминалось. Поэтому изданием записок капитана Добрынина союз Георгиевских Кавалеров сохранил для истории нашей Белой борьбы редкий документальный вклад, вписав яркую страницу в трагическую повесть великой Российской смуты. Описанные события представляют исключительный интерес не только для военных историков и бывших участников нашей Великой и Гражданской войн, но и для любящих свою Родину грядущих поколений, как достойный пример геройского патриотизма, защиты Отечества и верности данной Родине воинской присяги.

Гв. Есаул Н. М. Данилов.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО И ЭВОЛЮЦИЯ ЕГО ЗНАКА

Так наименована статья молодого сотрудника Эрмитажа Г. В. Вилинбахова, напечатанная в изданной в 1977 году издательством «АВРОРА» книге «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ». Привожу для начала несколько строк из его ко мне письма: «С этим письмом посылаю Вам экземпляр моей статьи об Андреевском ордене, в работе над которой я использовал Вашу работу о Русских орденах 18-го века, а также сведения сообщенные Вами в письмах ко мне, за что прошу принять мою искреннюю благодарность, в дополнение к той, что выражена в самой статье. Мне очень интересно будет узнать Ваше о ней мнение». Статья Вилинбахова действительно основана на моей монографии «РУССКИЕ ОРДЕНСКИЕ ЗНАКИ 18-го ВЕКА», напечатанной в № 91 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», а затем вышедшей отдельным изданием под № 12 «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОЕННОЙ БЫЛИ». В этой монографии мною был впервые возбужден и рассмотрен вопрос о первоначальных знаках Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, и постепенного образования позднейшего их образца. В дореволюционной России этому вопросу было уделено столь мало внимания, что в 1909 году командир лейб-гвардии Преображенского полка генерал-майор Гулевич счел извлеченный им из архива собственноручный рисунок Петра Великого одного из первоначальных образцов орденского Андреевского креста за «неосуществленный образец знака отличия за Полтаву», и представил его Императору Николаю II с просьбой утвердить его как полковой знак, что и было Высочайше утверждено. В своей статье Вилинбахов приводит изображения одного из первоначальных образцов орденского Андреевского креста на «пробной полтине 1699 года» и на знаменном навершии. Он также уточняет появление позднейшего образца орденского Андреевского креста наложенного на двуглавого орла. Но одновременно с этими пополнениями моего труда, Вилинбахов отвергает некоторые мои документально обоснованные положения, и заменяет их своими совершенно голословными домыслами. Посему я почитаю своим долгом подвергнуть эти его домыслы критическому разбору, ибо напечатанное и не опровергнутое в печати же, становится документом. Ныне же подобный разбор проникших в печать документально необоснованных домыслов особенно важен, ибо интерес к родной старине у нас растет не по дням, а по часам, доказательством чего являются и непрестанно, и роскошно издаваемые, посвященные родной старине книги.

Начнем с затронутого в статье Вилинбахова вопроса о дате учреждения Ордена. Справедливость требует отметить, что в дореволюционной России этот вопрос не получил должного уточнения. Сие тем более странно, что дата эта совершенно точно указана и в «ЖУРНАЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» и в собственноручно составленном им же в 1720 году «УСТАВЕ ОРДЕНА СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО», заканчивавшегося сладующими словами: «ВО СВИДЕТЕЛЬСТВО ВСЕГО ТОГО МЫ СИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА СОБСТВЕННОРУЧНЫМ НАШИМ ПОДПИСАНИЕМ И ПРИЛОЖЕНИЕМ ПЕЧАТИ СЕГО ВЕЛИКОГО ОРДЕНА УТВЕРДИЛИ. УЧИНЕНО В НАШЕМ СТОЛИЧНОМ ГОРОДЕ САНКТПЕТЕРБУРГЕ, ПО РОЖДЕСТВЕ СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА В 1720, А УЧРЕЖДЕНИЯ СЕГО ОРДЕНА В 21 ГОДУ» (т. е. 21 год тому назад. Ред.). Итак, сам Великий Учредитель Ордена точно указал дату его учреждения — 1699 год. Но в дореволюционной России, в силу неведомых мне причин, Устав этот считался «не получившим Высочайшего утверждения проектом». Также и первое, документально установленное награждение новоучрежденным Орденом было 10 марта 1699 года. По стчастию, первый кавалер Ордена, боярин Федор Головин, тотчас же показал свой орден секретарю Цесарского посольства Корбу, подробно описавшему виденный им знак в своем дневнике как: «Крест такой на котором обыкновенно изображают святого Андрея, называемый иначе Бургундским». Не будем посему разбирать различные домыслы Вилинбахова о дате учреждения Ордена, ибо все они научно не обоснованы.

Обратимся теперь к эволюции орденского Андреевского креста. В моей монографии я впервые обращаю внимание на то, что орденские кресты первоначальных образцов изображены на знаменах лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков 1700-х годов. Знаки эти изображены или в виде висящего на простой цепи, увенчанного царскою короною Андреевского креста с распятым на нем апостолом, или в виде подобного же креста, но с тремя по углам двуглавыми орлами, причем нижний орел изображался главами и вниз, и вверх. Что на знаменах изображены орденские знаки подтверждается выпиской из дел «О ПОСТРОЕНИИ ЗНАМЕН» Оружейной Палаты, например: «У знамен ветви и облака и кресты кавалерские Апостола Андрея Первозванного» или «В обдержании чепь а у чепи крест подобен кавалерскому». Вилинбахов, однако, решает, что «Первоначальный знак Андреевского ордена существовал лишь в виде Андреевского креста с тремя орлами. Что же касается мнения Молло будто первые знаки могли быть в виде одного Андреевского креста без орлов, как на знаменах гвардейских полков то, как нам кажется, оно не подтверждается». А ведь так, именно, описал виденный им орденский знак секретарь Цесарского посольства. Будь на нем двуглавые орлы, он несомненно указал бы и на них. В моей монографии, кроме знамен, я указываю и на офицерские знаки первоначального образца, украшенные орденскими Андреевскими крестами также без орлов. Вилинбахов же

считает, что «На них, скорее всего, помещался не знак ордена Андрея Первозванного, а просто каноническое, принятое в иконографии изображение этого распятого на косом кресте святого». Очевидно ему неизвестно, что в православной иконографии распятым на кресте изображался лишь Иисус Христос и никто более. Апостол же Андрей на иконах изображался совершенно подобно прочим апостолам, что можно видеть на так называемом «Апостольском Чине» каждого иконостаса. Лучше было бы ему познакомиться с трудом величайшего нашего «мундироведа» Висковатова, следующим образом описавшего офицерские знаки первоначального образца: «В начале лейб-гвардии Преображенский полк имел знаки с изображением орденского Андреевского креста из голубой эмали под разноцветною короною».

На этом я заканчиваю мой критический разбор статьи Вилинбахова. Да воздержит он юных ревнителей родной старины от голословных домыслов, и да обратит их внимание на важность изучения архивных материалов, столь им доступных (Ведь Центральный Архив в двух шагах от Эрмитажа).

Евгений Молло

Пересматривая старые номера советского журнала «Огонек», я набрел на статью искусствоведа, И. С. Зильберштейна, «Лермонтов и Кавалергарды», в которой он описывает открытый им в Париже портрет Н. С. Мартынова, убившего на дуэли Лермонтова. «К тем материалам — пишет Зильберштейн — которыми мы до сих пор располагали, теперь прибавился великолепный портрет Мартынова, оказавшийся немаловажным свидетельством для суждения о его характере, а также и о том, были ли обоснованы шутки в адрес Мартынова, послужившие ближайшим и, скажем, формальным поводом для дуэли с Лермонтовым. В бытность свою на Кавказе в 1841 году Мартынов щеголял в черкеске с кинжалом небывалых размеров, послужившим мишенью для острот поэта. Но известно это было только из мемуарных источников. Найти же изображение Мартынова в этом несуразном одеянии, несмотря на самые упорные поиски, никак не удавалось. И вот выяснилось, наконец, что существует портрет, запечатлевший Мартынова таким, каким видел его в Пятигорске Лермонтов, и что находится он в Париже». Время написания портрета Зильберштейн относит «к месяцам последовавшим за отставкой Мартынова и предшествовавшим поединку».

Нам, ревнителям русской военной старины, портрет этот давно уже известен по статье покойного Юрия Александровича Топоркова: «К ИКОНОГРАФИИ СОВРЕМЕННИКОВ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА», напечатанной в № 23 «Военно-Исторического Вестника». Это акварельный набросок, размером в 16 на 23 сантиметра, на котором изображен офицер Терского Казачьего Войска в форменной коричневой черкеске, обложенной серебряной тесьмой, при шашке и кинжале форменных образцов, и при пистолете, который хотя и не виден, но наличие которого обнаруживается пистолетным шнуром. Эполеты отсутствуют, что на Кавказе допускалось, но присутствуют контр-эполеты, именуемые также погончиками, которые отставным офицерам не полагались. Вспомним гоголевского Ивана Федоровича Шпоньку: там подпоручик Шпонька, по выходе в отставку с чином поручика «снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без погончиков». Вид у офицера бравый, подтянутый, выявляющий военную выправку. На левом нагрудном патроннике орден св. Анны 3-й степени с бантом.

В мае 1964 года, когда появилась статья Топоркова, набросок этот находился в собрании А. П. Тучкова, прямого потомка Мартынова, считающего, что изображен на нем Н. С. Мартынов, и что автором наброска был Лермонтов.

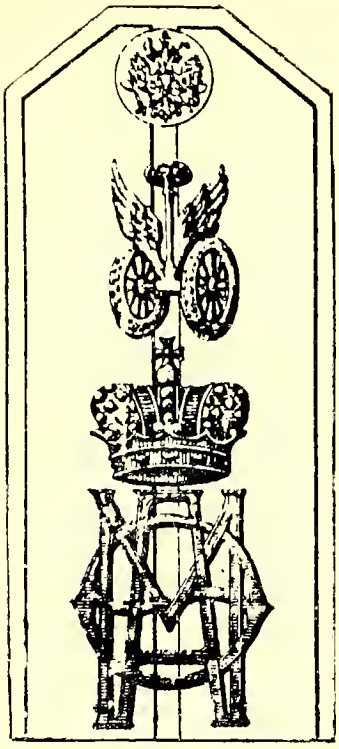
Николай Соломонович Мартынов родился в 1815 году. В 1835 году он поступил корнетом в Кавалергардский полк. В 1837 году в чине поручика он был командирован на Кавказ, участвовал в экспедиции генерала Вельяминова и был награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом. В 1838 году он вернулся в Кавалергардский полк, а в 1839 году был зачислен по кавалерии ротмистром, с прикомандированием к Гребенскому казачьему полку. 23 февраля 1841 года Мартынов по домашним обстоятельствам вышел в отставку майором.

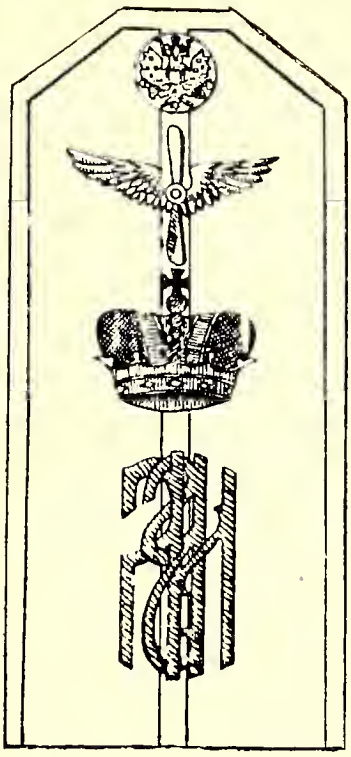
Если на вышеуказанном акварельном наброске действительно изображен Мартынов, то написание его следует отнести к периоду между 1 ноября 1840 года, когда Черноморским казакам впервые были даны черкески, и отставкой Мартынова, ибо, как уже было указано выше, на наброске изображен служащий, а не отставной офицер. Автором наброска вернее всего был князь Гагарин, так как выполнен он мастерски и совершенно в манере последнего. Лермонтов же подобным мастерством не обладал. К тому же некогда дружеские отношения между Лермонтовым и Мартыновым к этому времени уже несколько охладели.

По выходе в отставку Мартынов «из веселого светского изящного молодого человека сделался каким-то дикарем: отрастил огромные бакенбарды, в простом черкесском костюме, с огромным кинжалом, нахлобученной белой папахой, вечно мрачный и молчаливый». Описанный тут в «Воспоминаниях Я. И. Костенецкого» образ Мартынова, конечно, не имеет ничего общего с виденным Зильберштейном наброском бравого казачьего офицера. Портрет же отставного майора Мартынова, «несмотря на самые упорные поиски», так и не найден.

Спрашивается, причем тут кавалергарды. Так вот, Зильберштейн считает, что кавалергардам, помимо всего прочего, вменялось истребление впавших в немилость поэтов. Дантес ведь тоже был кавалергардом.

Е. Молло





В дополнение к моей статье о вензелевых изображениях («В.-И. Вестник» № 45/46 и 47/48) прилагаю: 1) Соединенное вензелевое изображение имен Императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны, присвоенные 24-го августа 1916 года 16-му Лондонскому Войсковому Санитарно-автомобильному отряду. 2) Вензелевое изображение имени Великого Князя Александра Михайловича, присвоенное 6-го мая 1916 года, Офицерской Авиационной школе, сведениями о которых я обязан тому же Владимиру Владимировичу Звегинцову, не указавшему, однако, Гатчинской ли или Севастопольской.

Е. С. Молло